XVIIe CONGRÈS INTERNATIONAL
(EXTRAORDINAIRE) DES SLAVISTES

Livre des résumés

III

BLOCS THÉMATIQUES
TABLES RONDES
POSTERS
INTERVENTIONS EN COMMISSIONS

Paris 2025

© Institut d’études slaves, 2025
ISBN 978-2-7204-0689-8

BLOC 1.1.
LES FAISCEAUX DERIVATIONNELS DANS LES LANGUES SLAVES : SYSTEMATISATION DES PROCEDES PRODUCTIFS / СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: СИСТЕМНОСТЬ ПРОИЗВОДНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ

Organisatrice : RAJNA DRAGIĆEVIĆ

Rajna Dragićević Творбено уланчавања деривата у српском језику (на материјалу Семантичко-деривационог речника српског језика) 1

Magdalena Pastuch Word-Formation Nests of Old Latin Loanwords in the Polish Language 6

Nicol Janočková (De)numerálne slovotvorné hniezda v slovenčine 10

Irena Stramljič Breznik Ustreznost strojno izluščenih štiripriponskih izpridevniških besedotvornih nizov iz učne množice BSSJ 14

Цветанка Аврамова За някои спорни въпроси при позиционирането на думите в словообразувателното гнездо 18

ТВОРБЕНО УЛАНЧАВАЊА ДЕРИВАТА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ (НА МАТЕРИЈАЛУ *СЕМАНТИЧКО-ДЕРИВАЦИОНОГ РЕЧНИКА СРПСКОГ ЈЕЗИКА*)

Рајна Драгићевић (Србија)
Филолошки факултет
Универзитет у Београду

У раду се анализирају деривациона гнезда соматизама који су обрађени у *Семантичко-деривационом речнику српског језика* (СДР1). Творбено уланчавање соматизама представљено је тако што су изложени подаци о броју деривата добијених суфиксацијом сваког соматизма, а затим су сви деривати разврстани у тематске групе. Утврђено је да међу дериватима соматизама има убедљиво највише именица субјективне оцене (деминутива и аугментатива). У раду се анализирају значења ових именица с циљем да се закључи због чега деминутиви и аугментативи сачињавају највећи део деривата у семантичко-деривационим гнездима соматизама у српском језику.

Као један од закључака анализе деривационих гнезда из СДР1, а то су дерувациона гнезда 24 просте, неизведене мотивне речи у свом истраживању из 2008. године изнели смо изненађење и извесно разочарање чињеницом да међу дериватима соматизама има највише именица субјективне оцене (деминутива и аугментатива). Писали смо тада о корисности деривата у лексичком систему и истакли да је много већа корист од деривата *зубац* (*изрезак или зарезак на предметима*) него *леђашца* (*мала леђа*), јер *зубац* настаје као резултат модификационог типа творбе, а *леђашца* су производ мутационог типа. *Зубац* је двореферентни дериват, а *леђашца* су једнореферентни дериват. Именицом *зубац* лексички систем добија могућност да искористи потенцијал асоцијативног повезивања и да лексемом која припада једном изворном домену сачини лексему која именује појаве из другог домена, а то као производ има везе између делова људског тела са предметима, биљкама, животињама, апстракцијама итд. Именицом *леђашца* крећемо из изворног домена *соматизми* и завршавамо у њему.

Изнели смо и уверење да је „беспотребно и нерентабилно гомилање аугментативно-пејоративних образовања *главетина*, *главурина*, *главурда*, *главусина*, *главуча*, *главуџа* итд.” Ово истраживање спровели смо због тога да бисмо установили да ли су многобројне именице субјективне оцене у деривационом систему соматизама заиста беспотребне.

Испоставило се, међутим, да су именице субјективне оцене (нарочито деминутиви) неочекивано семантички богати. На наше изненађење, када се узму у обзир сви именички деривати настали од соматизама, са широким спектром суфикса, закључиће се (као што је показано у раду) да они могу означавати субјективну оцену, особе, предмете, појаве, фитониме, зооними, имена места, збирне појаве, партикуларизаторе, а да све то могу и њихови деминутиви. Разлика је само у томе што мотивни соматизми у томе успевају захваљујући суфиксацији (и другим творбеним начинима), а деминутиви полисемијом остварују сличан опсег семантичких резултата. Из тога следи да су именице субјективне оцене веома корисне у лексичком систему српског језика и да наш ранији поглед на њихову улогу није био исправан.

Деминутивни и аугментативни соматизми остварују секундарна значења платисемијом, метафором, метонимијом, метафтонимијом, синегдохом, што значи свим уобичајеним механизмима полисемије. Они успевају да направе дистинкцију међу својим значењима користећи дублете без морфонолошких алтернација и са њима (*рукица* и *ручица*, *ногица* и *ножица*), везујући при томе одређена значења за једну варијанту дублета, а друга значења за другу варијанту. У том смислу семантички се разједначавају и некадашњи истокоренски синоними и прерастају у парониме (нпр. *језичић* и *језичак*, *обрашчић* и *образац*, *зубић* и *зубац*).[1] Закључујемо да именице субјективне оцене у потпуности користе своје морфофонолошке, творбене и семантичке могућности да би што богатије развиле своје полисемантичке структуре.

Богат семантички потенцијал именица субјективне оцене, нарочито деминутива, објашњавамо значајем дистинкције *мало – велико* у ванјезичкој стварности, а затим и у језику. Оно што у својој класи одступа по величини од очекиваног прво буде перципирано, а затим и именовано, управо према величини.

Велик број именица субјективне оцене у деривационим гнездима соматизама објашњавамо значајем експресивне творбе речи, која је важна баш колико и номинациона, а можда је и важнија од ње.

Иако језик тежи симетричности, примећујемо несиметрију у семантичком потенцијалу деминутива и аугментатива, који није очекиван. Све што може бити мање од очекиваног, може бити и веће. Све што као мање од очекиваног инспирише пажњу говорника и потребу

[1] О десинонимизацији која као резултат има настајање паронима исп. Николић (2022).

за семантичко-деривационим маркирањем има и свој други пол, а то је веће од очекиваног и теоријски има исти потенцијал као оно што је мање од очекиваног. Ипак, није тако, јер деминутиви имају значајно већи семантички потенцијал од аугментатива. Изгледа да решење треба тражити у већој експресивности аугментатива него деминутива. Чини се да је код њих изразитије пејоративно значење од аугментативног, а да је код деминутива деминутивно значење изразитије од хипокористичког. Ако је твореница изразито експресивна, она је блокирана за даљи семантички развој.

Све што је речено може се сажети у неколико најважнијих закључака.

1) У групу најбогатијих деривационих гнезда у српском језику спадају деривациона гнезда именица које означавају делове тела.

2) У деривационим гнездима соматизама највећи број деривата представљају именице субјективне оцене (деминутиви и аугментативи).

3) Именице субјективне оцене имају бројне морфофонолшке дублете, као и истокоренске синониме. Лако и брзо настају и нестају. Велик број тих именица које су обрађене у СДР1 (и пре тога у РМС) нису потврђене у електронским корпусима српског језика, што значи да је ова група деривата у деривационим гнездима соматизама најбогатија, али и најнестабилнија.

4) Најфреквентнији деминутивни соматизам у електронским корпусима је *ручица* (2584), а међу најфреквентнијим је и његов дублет *рукица* (109). Најучесталији аугментатив је *ручерда* (81). Руку, главу и ногу српски језик региструје као најважније делове тела.

5) Деминутиви су у српском језику доминантнији од аугментатива – фреквентнији су од њих, имају већи семантички распон (тј. њихова секундарна значења могу припадатаи већем броју домена) и више значења. Ову семантичку несиметрију објашњавамо великим значајем које има категорија малог у ванјезичкој стварности и у језику и нашом хипотезом (коју ћемо истражити) да код примарних значења деминутива преовлађује значење малог (а не хипокористичко значење), а код аугментатива у првом плану је пејоративно, а у другом аугментативно значење).

6) Деминутиви соматизама могу имати следећа значења: 1) деминутивно; 2) хипокористичко; 3) пејоративно; 4) значење предмета; 5) значење делова биљака и фитонима; 5) значење делова тела животиња; 6) делови тела човека; 7) особа, човек; 8)

партикуларизаторско значење; 9) значење разнородних појава добијених метафором, метонимијом, синегдохом, метафтонимијом.

7) Аугментативи соматизама могу развити следеће значења: 1) аугментативно; 2) пејоративно; 3) хипокористично; 4) метафоричко (углавном на основу функције делова тела); 5) метонимијско (углавном према функцији делова тела), 6) синегдохско (од наглашеног дела тела ка особи као целини).

8) Истраживање је показало да именице субјективне оцене настале од соматизама механизмима полисемије (платисемијом, метафором, метонимијом, метафтонимијом, синегдохом) успевају да развију скоро сва значења која соматизми развијају суфиксацијом. То значи да ове лексеме, иако су настале мутационим типом творбе, имају огроман семантички потенцијал који у потпуности користе, па су веоме значајне у тематској групи соматизама, али и у лексичком систему српског језика уопште.

Кључне речи: деривационо гнездо, дериват, деривација, творба речи, именице субјективне оцене, деминутив, аугментатив, српски језик.

ЛИТЕРАТУРА

Белич А. „Природа и происхождение существительных субьективнои оценки”. *Јужнословенски филолог* XXII, 1957–1958, 131–139.

Вељковић Станковић Д. *Речи субјективне оцене у настави српског језика и књижевности*. Београд: Филолошки факултет универзитета у Београду, 2011.

Гортан Премк Д. „Семантичко-деривациони речник српскога језика”. *Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе*. Нови Сад – Београд: САНУ, МС, Институт за српски језик САНУ, 2002, 103–111.

Гортан Премк Д. *Полисемија и организација лексичког система*. Друго издање. Београд: Завод за уџбенике, 2004.

Драгићевић Р. „Деривациона гнезда именица које означавају делове тела из угла лексичког богаћења”. *Научни састанак слависта у Вукове дане* 37/1, 2008, 371–389.

Драгичевич Р. „Недеминутивные значения деминутивов”. *Menjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga*. Uredila Irena Stramljič Breznik. Zora 113, Maribor: Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2015, 88–102.

Драгићевић Р. „Лексикализација (на примеру именичких деминутива)”. *Зборник у част проф. Љ. Суботић. Теме језикословне у србистици кроз дијахронију и синхронију*. Уредници: Јасмина Дражић, Исидора Бјелаковић, Дејан Средојевић, Нови Сад: Филозофски факултет, 2016, 452–463.

Драгићевић Р. *Српска лексика у прошлости и данас*, Нови Сад: Матица српска, 2018.

Драгићевић Р. „Допринос глобализације банализацији лексичког фонда српског језика”. *Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне*: XVI Міжнародны з’езд славістаў (Бялград, 19–27. 08. 2018) : Тэматычны блок / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа. Беларускі камітэт славістаў. Камісія па славянскім

словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў. – Мінск: Права і эканоміка, 2019, 74–84.

Јаниħ А. „Критеријуми за идентификацију лексикализованих деминутива”. *Годишњак за српски језик*, XXV/12, 2012, 79–88.

Јаниħ А. „Лексикализација именичких деминутива у српскоме језику”. *Philologia mediana*, 2013, 367–380.

Янко-Триницкая Н. А. „Членимость слов типа *ножка*, *ручка*”. *Развитие современного русского языка*, *словообразование: членимость слова*. Москва: Академия наук СССР, Институт русского языка, 1972, 175–186.

Јованови Ћ В. *Деминутивне и аугментативне именице у српском језику*. Београд: Институт за српски језик, 2010.

Кубрякова Е. С. „О новых задачах в изучении функций словообразования”, *Функцыянальныя аспекты словаўтварэння*, Мінск: ВТАА „Права і эканоміка“, 2006, 141–148.

Николиħ В. „Улога и значај електронског корпуса у истраживању паронима”. *Актуелна питања лексикологије и лексикографије српскога језика*. Уредник М. Ковачевиħ, Андриħград: Андриħев Институт, 2022, 251–279.

Радиħ П. „О деривационом аспекту речничког богаħења”. *Језик данас*, 1, 1997, 22–24.

Ћориħ Б. „О даљој деминуцији у српском језику”. *Manjšalnice v slovanskih jezikih : oblika i n vloga* = Deminutivy v slavjanskih jazykah : forma i rol’ = Diminutives in Slavic Languages : Form and Role / uredila, editor Irena Stramljič Breznik. – V Mariboru : Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, 2015. – (Knjižna zbirka Zora ; 113), str. 74–88.

Stramljič Breznik I. (ur.). *Manjšalnice v slovanskih jezikih : oblika i n vloga* = Deminutivy v slavjanskih jazykah : forma i rol’ = Diminutives in Slavic Languages : Form and Role. Maribor : Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, 2015.

Uluchanow, I. S. „Мотивированное слово о синонимическом ряду”. *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000, 9–17.

ИЗВОРИ

СДР: *Семантичко-деривациони речник*, свеска 1: Човек – делови тела, ред. Д. Гортан Премк, В. Васиħ, Љ. Недељков, Нови Сад, 2003: Филозофски факултет.

РМС: *Речник српскохрватскога књижевног језика* I–VI, Нови Сад, 1967–1976: Матица српска.

РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* 1–21, Београд: 1959– : Српска академија наука и уметности.

РСЈ: *Речник српскога језика*, друго издање, Нови Сад, 2018: Матица српска.

Српко: *Корпус српског језика Матице српске*: korpus.rsj.rs, приступљено 30. јануара 2025.

ПДРС: *Корпус српског језика*: https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=pdrs10, приступљено 30. јануара 2025.

WORD-FORMATION NESTS OF OLD LATIN LOANWORDS IN THE POLISH LANGUAGE

MAGDALENA PASTUCH (POLAND)
Uniwersytet Śląski w Katowicach
Wydział Humanistyczny
Instytut Językoznawstwa

The article is dedicated to the analysis of three Latin borrowings into the Polish language: *natura* (nature) *pasja* (passion), and *afekt* (affect). The earliest attestations of these units date back to the second half of the 15th century (*natura*) and the 16th century (*afekt* and *pasja*). The study's primary aim is to present the semantic relationships between the Latin etymon and its Polish equivalent, as well as the relationship between the derivational activity of the borrowing and its stability in the language.

The rich linguistic literature on Latin borrowings usually focuses on two main issues: morphological adaptation or semantic characterization. In the presented text, both perspectives are combined, allowing for the observation of connections between derivational analysis and semantic analysis. Based on this methodological approach, the following research questions are posed:

1. What was the correspondence between the meaning of the root in the donor language and its meaning in the recipient language at the time of borrowing?
2. Which semantic values have persisted, and which have weakened over the course of the borrowing's history in Polish?
3. How has the activity of the centre of the word-formation nest influenced semantic changes?

A diachronic review of dictionary and corpus material led to the formulation of preliminary conclusions as follows:

- The Latin borrowing did not enter Polish with its full range of meanings. The dominant meaning in the recipient language initially was the most general one, present in all the specific meanings in the donor language: *natura* ('something innate, the essence of a thing'); *pasja* ('the Passion of Christ'); *afekt* ('feeling, passion, emotions').
- In the borrowed word, the most stable semantic values are those constituting the core meaning in the donor language. The basic meaning persists regardless of what new meanings emerge or how the hierarchy of meanings within the root's nest is structured. Meanings that were

secondary in the donor language sometimes appear in the recipient language but are unstable and may be ephemeral (e.g., *natura* meaning 'male semen').

- The larger/wider the word-formation nest is (i.e., the greater the activity of the "top of the nest"), the more diverse the semantic changes, and the more semantic elements attach themselves to the root morpheme.

A preliminary review of the relationship between meanings in the donor and recipient languages revealed that examining the word-formation nest in both languages is essential. It may turn out that semantic values, which seem new in the recipient language, have already existed within the nest in the donor language. Therefore, an examination of Latin cognates is necessary—could some meanings have been adopted from them? (for example, compare Latin *naturalia* meaning 'sexual organs, genitalia' vs. 16th-century *natura* meaning 'male semen').

The theoretical value of such studies would significantly increase if they also included other languages for which Latin served as an important lexical reservoir. The study of the dynamics of Polish word formation nests centred around lexemes of Latin origin is also crucial for comparative studies within Slavic linguistics. Furthermore, such research should also encompass native units (and their nests) that form relationships of broad semantic similarity with the borrowings; for example, for *natura*, units based on the root *rod-*; for *afekt*, those based on the root *czu-*, for *pasja* on the root *mil-*(*zamiłowanie*) and *zł-*.

Keywords: history of the Polish language, Latin loan words, word-formation nests, historical semantics

BIBLIOGRAPHY

КАРПІЛОВСЬКА Є. *Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами омографічними коренями*, Київ: Видавництво“Українська енциклопедія” ім. М.П. Бажана, 2002.

КОВАЛИК І. *Семантична функція кореня в словотвірному гнізді*, [w:] І. Ковалик, *Вчення про словотвір: Вибрані праці*, oprac. В. Ґрещук. Івано-Франківськ – Львів, Ч. 1, s. 326–346.

ЧЕРНИШ Т. *Слов'янська лексика в історико-етимологічному висвітленні*. Київ: Київський національний університет ім. Тараса Шевченка, 2003.

AXER J. (red.). *Łacina jako język elit*. Warszawa: OBTA: Wydawn. DiG, 2004.

AXEROWA A. „Próba klasyfikacji wtrętów łacińskojęzycznych w staropolskich tekstach dwujęzycznych”. *Łacina jako język elit*, red. J. Axer, 2004, s. 157–61. Warszawa: OBTA: Wydawn. DiG, 2004.

BATKO-TOKARZ B. „Klasyfikacja tematyczna w WSJP PAN”. *Wielki słownik języka polskiego PAN. Geneza, koncepcja, zasady opracowania*, red. P. Żmigrodzki i in., Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2018, s. 79–93.

BILIŃSKA J., DERWOJEDOWA M., KWIECIEŃ M., KIERAŚ W. „Mikrokorpus polszczyzny 1830–1918". *Komunikacja Specjalistyczna*, 11, 2016: s.149–161.
BUTTLER D. *Rozwoj semantyczny wyrazów polskich*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1978.
DANIELEWICZOWA M. *W głąb specjalizacji znaczeń: przysłówkowe metapredykaty atestacyjne*. Warszawa: Bel Studio, 2012.
GERMAN J. „Czy (i jak) warto jeszcze badać staropolskie latynizmy i grecyzmy?" *LingVaria*, t. 17, nr 1(33), maj 2022, s. 307–17.
GRUSZCZYŃSKI W., ADAMIEC D., BRONIKOWSKA R., KIERAŚ W., MODRZEJEWSKI E., WIECZOREK A., WOLIŃSKI, M. "The Electronic Corpus of 17th- and 18th-century Polish Texts". *Language Resources and Evaluation*, 56, 2022: s. 309–332.
JAKUBOWICZ M. *Drogi słów na przestrzeni wieków: zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2010.
KARPIŁOWSKA E. „Gniazda słów jako językowy obraz świata. perspektywy badań porównawczych". *LingVaria*, nr 2, 2007, s. 27–42.
KLESZCZOWA K. *Staropolskie derywaty przymiotnikowe i ich perspektywiczna ewolucja*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2003.
KLESZCZOWA K. „Strukturalizm i poststrukturalizm w badaniach historycznojęzykowych". *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, t. LXVII, 2012, s. 97–115.
KWAŚNICKA-JANOWICZ A. „Słowotwórstwo gniazdowe na usługach diachronii – w poszukiwaniu efektywnej metody badań zapożyczeń leksykalnych". *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, t. LXXVIII, nr 78, grudzień 2022, s. 183–198.
LENARTOWICZ-ZAGRODNA A. „Czy warto jeszcze badać polsko-łacińskie kontakty językowe? Historyczny przegląd i ocena badań polsko-łacińskich kontaktów językowych". *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica*, t. 48, styczeń 2014, s. 103–116.
MARCINIAK M., Kieraś W., Bojałkowska K., Borkowski P., Borys M., Eźlakowski W., Guz W., Kobyliński Ł., Komosińska D., Krasnowska-Kieraś K., Łaziński M., Miernecka M., Nitoń B., Ogrodniczuk M., Rudolf M., Tomaszewska A., Woliński M., Wołoszyn J., Wójtowicz B., Wróblewska A., Zawadzka-Paluektau N. (2023). *Korpus Współczesnego Języka Polskiego, 2011–2020*. Instytut Podstaw Informatyki PAN. < https://kwjp.pl >
MASŁEJ D. „Średniowieczne zabytki polsko-łacińskie jako przedmiot badań historycznojęzykowych. Perspektywy badawcze". *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, t. LXXIX, nr 79, grudzień 2023, s. 355–369.
MOSZYŃSKA D. *Morfologia zapożyczeń greckich i łacińskich w polszczyźnie*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975.
MOSZYŃSKA D. „O dostosowywaniu łacińskich zapożyczeń do wymogów fleksji polskiej w XVI wieku". *Studia Polonistyczne*, nr 3, 1976, s. 127–131.
PASTUCH M. *Polskie wyrażenia o funkcji dopowiedzeniowej - historia i współczesność*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020.
PAWELEC R. „Myślą rzeczy rozbieranie". *Poradnik Językowy*, nr 10, 2006, s. 95–102.
PĘZIK P. *Wyszukiwarka PELCRA dla danych NKJP.* Narodowy Korpus Języka Polskiego. Przepiórkowski A., Bańko M., Górski R., Lewandowska-Tomaszczyk B. (red.). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012.
SIATKOWSKA E. „Historia wpływów łacińskich w językach zachodniosłowiańskich". *Poradnik Językowy*, nr 4, 1989, s. 229–239.
SKARŻYŃSKI M. (red.). *Słowotwórstwo gniazdowe. Historia, metoda, zastosowania*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2003.
TIMOFEEVA O. „Lexical Loans and Their Diffusion in Old English: Of 'Gospels', 'Martyrs', and 'Teachers'". *Studia Neophilologica*, t. 89, nr 2, lipiec 2017, s. 215–37. dostęp: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/136401/1/ZORA136401.pdf> 2.01.2025.

WALCZAK B. „Staropolszczyzna - zakres pojęcia na płaszczyźnie historycznojęzykowej”. *Staropolszczyzna piękna i interesująca*, t. 1, red. E. Koniusz, S. Cygan. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2006, s. 11–19.
VOGELGESANG T. (red.). *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*. Kraków: Universitas, 2001.
ŻMIGRODZKI P. „Słownik jako korpus tekstów - korpus tekstów jako słownik: perspektywy polskiej leksykografii”. *Poradnik Językowy*, nr 6, 2005, s. 3–14.

SOURCES

ESJP XVII/XVIII – Elektroniczny Słownik Języka Polskiego XVII i XVIII wieku. <https://sxvii.pl/> 15.11.2024.
F19 – Korpus Tekstów Polskich z lat 1839-1918.
<https://korpus19.nlp.ipipan.waw.pl/query_corpus/> 5.11.2024.
KorBa – Elektroniczny Korpus Tekstów z XVII i XVIII wieku <https://korba.edu.pl/> 6.12.2024.
KWJP – Korpus Współczesnego Języka Polskiego. <https://kwjp.ipipan.waw.pl/overview> 13.12.2024.
L – Słownik języka polskiego S.B. Lindego. <https://szukajwslownikach.uw.edu.pl/slownik-lindego/> 22.11.2024.
NKJP – Narodowy Korpus Języka Polskiego. <https://pelcra-nkjp.clarin-pl.eu/> 22.11.2024.
SDor – Doroszewski S. (red.). Słownik języka polskiego <https://doroszewski.pwn.pl/> 28.11.2024
SGSWJP – Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka polskiego. Jadacka H., Bondkowska M., Burkacka I., Grabska-Moyle E., Karpowicz T. (red.). Kraków: Universitas, 2001.
Słownik pojęciowy języka staropolskiego <https://spjs.ijp.pan.pl/szukaj/index> 13.12.2024.
Słp – Plezia M. (red.). Słownik łacińsko-polski. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
Sstp – Słownik staropolski. <https://pjs.ijp.pan.pl/sstp.html> 8.11.2024.
SXVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. <https://spxvi.edu.pl/> 8.11.2024.
USJP – Dubisz S. (red.). Uniwersalny słownik języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 20023.
WSJP PAN – Wielki Słownik Języka Polskiego PAN

(DE)NUMERÁLNE SLOVOTVORNÉ HNIEZDA V SLOVENČINE

NICOL JANOCKOVA (SLOVENSKA REPUBLIKA)
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied, Bratislava

Pri analýze (**de)numerálnych slovotvorných hniezd** (DSH), v rámci ktorej sme pracovali s termínmi **slovotvorné hniezdo, slovotvorná paradigma, slovotvorný rad** a **stupne motivácie**, sme vychádzali z teórie lexikálnej a slovotvornej motivácie podľa J. Furdíka (2004), M. Ološtiaka (2015) a z prác K. Vužňákovej (2015) a M. Ološtiaka – J. Genčiho (2020). Výskumnú vzorku tvorili jednoslovné (sporadicky aj analytické) jednotky motivované od východiskových základných určitých čísloviek: *nula, jeden/prvý, dva/druhý, tri, štyri, päť, šesť, sedem, osem, deväť, desať, sto, tisíc, milión, miliarda, bilión*. Materiál – 3 724 jednotiek, resp. 4 599 vrátane polymotivovaných jednotiek, usporiadaných do slovotvorných hniezd (v tabuľkovom procesore Microsoft Excel) – sme čerpali z výkladových slovníkov slovenčiny: Slovník slovenského jazyka (Peciar 1959 – 1968), Krátky slovník slovenského jazyka (Kačala a kol. 2003) a Slovník súčasného slovenského jazyka (Buzássyová, Jarošová 2006; Jarošová, Buzássyová 2011; Jarošová 2015; Jarošová 2021) – pomocou lexikografického korpusu LexiCorp (Benko 2019). Motivačné vzťahy sme overovali v Slovníku koreňových morfém slovenčiny (Sokolová a kol. 2012).

Pri numeráliách rozlišujeme slovotvorbu numerálií – tvorenie čísloviek od čísloviek (**intranumerálna slovotvorba**) a slovotvorbu iných slovnodruhových derivátov, kvázikompozít, kompozít, kompozično-derivačných jednotiek a analytických lexém od numerálií (**denumerálna slovotvorba v užšom zmysle**). (**De)numerálna slovotvorba v širšom zmysle** zahŕňa tvorenie akýchkoľvek (číslovkových aj nečíslovkových) derivátov, kvázikompozít, kompozít, kompozično-derivačných jednotiek a analytických lexém z čísloviek.

Z hľadiska veľkosti DSH je poradie nasledujúce (číslo v zátvorke uvádza počet členov hniezda bez polymotivačných vzťahov): *dva* (749), *jeden* (449), *desať* (426), *päť* (376), *tri* (371), *osem* (253), *sto* (250), *štyri* (237), *šesť* (112), *sedem* (106), *tisíc* (96), *prvý* (73), *deväť* (66), *milión* (61), *druhý* (52), *miliarda* (22), *nula* (22), *bilión* (3).

V DSH sú denumerálne motiváty výsledkom 1. – 7. motivačného stupňa (vrátane polymotivácie), pričom priemerný počet motivačných stupňov je 4,3. Maximálny počet motivačných stupňov, ktorými sa vyznačovali DSH: 2 (*bilión*), 3 (*prvý, druhý, tisíc*), 4 (*nula, päť, šesť, sedem, deväť, sto, milión, miliarda*), 5 (*tri, štyri, osem*), 6 (*dva, desať*), 7 stupňov (*jeden*).

V rámci analýzy DSH sme sa pristavili pri vybraných slovotvorných javoch (pri polymotivácii) a druhoch denumerálnych motivátov (pri morfologických motivátoch, číselných substantívach a deminutívach).

Polymotivácia sa vyskytuje pri intranumerálnej (*sedem* → ***sedm-ina*** „časť celku vzniknutá jeho rozdelením na sedem rovnakých častí“; *sedem* → *siedm-y* → ***sedm-ina*** „siedma časť celku“) aj denumerálnej slovotvorbe (*päť* + **na desať* → *pät-násť* → ***pätnást-ka*** 1. „vek pätnásť rokov“, 2. „kto má pätnásť rokov“; *pät* + **na desať* → *pät-násť* → *pätnást-y* → ***pätnást-ka*** 1. „pätnáste narodeniny“, 2. „kto oslavuje pätnáste narodeniny“; *dva* + *liter* → ***dv-oj-litr-ovka*** „fľaša s objemom dva litre“ – kompozično-derivačná jednotka; *dva* → *dv-oj-litr-ový* → ***dvojlitrov-ka*** „dvojlitrová fľaša“ – derivát – univerbát).

Z **morfologickej motivácie** sa vyskytuje **substantivizácia** základných, skupinových, radových a zlomkových čísloviek (*stretnutie o jednej, investičné desatoro, chodiť do ôsmej, mestská štvrť*), **pronominalizácia** základných a radových čísloviek (*jeden nikdy nevie, starať sa o druhých*), **adverbializácia** základných čísloviek (*je mi to jedno*). Prípad typu *mať tisíc možností* hodnotíme ako morfologickú motiváciu (ale v rámci totožného slovného druhu) – prechod určitej číslovky na neurčitú, aj ako sémantickú motiváciu – rozšírenie významovej štruktúry lexémy o jednu lexiu.

Z denumerálnych slovotvorných typov bohatú polysémiu majú **číselné substantíva**, pri ktorých sú zaujímavé prípady formálne motivované základnou číslovkou, ale sémanticky základnou aj radovou číslovkou (*sledovať jednotku* = „prvý televízny okruh, kanál“ alebo „televízny okruh, kanál číslo jeden“).

Deminutíva sa tvoria od číselných substantív (*dv-oj-ka* → *dvojoč-ka*) a čísloviek so substantívnou formou (základné a zlomkové: *milión* → *milión-ik, tretina* → *tretin-ka*) a vyjadrujú kvalitatívnu (nie kvantitatívnu deminutívnosť), spojenú s príznakom expresívnosti.

Numerále vystupuje v slovotvorných vzťahoch ako plnohodnotný motivant i motivát, až na prípady so zastretou motiváciou pri tvorení jednotiek a desiatok typu *dva-násť, dva-dsať, šesť-desiat*, kde sa pôvodné tvary číslovky *desať* vývinom prehodnotili na afixoidy (*-násť, -dsať, -desiat*). Pri intranumerálnej slovotvorbe, konkrétne pri tvorení vyšších základných a radových čísloviek je motivačný potenciál teoreticky neobmedzený. Tvorenie napr. skupinových čísloviek je síce tiež systémové, ale prakticky sa z nich využívajú predovšetkým skupinové číslovky s nižšou numerickou hodnotou (napr. *dvoje, desatoro*, ale zriedkavé *osemnástoro, dvestoro*). So stúpajúcou numerickou hodnotou sa znižuje počet členov hniezda (porov. *dva* – 749 členov, ale *tisíc* 96 členov, nerátajúc polymotiváciu). Výrazný podiel na

rozvetvených motivačných vzťahoch v DSH patrí polymotivácii a dôležitým javom je aj analytickosť (*päť miliónov, päť a polkrát / päť a pol ráz, sedemstodvadsiaty štvrtý / sedemsto dvadsiaty štvrtý*).

LITERATÚRA

BENKO V. „LexiCorp: Corpus Approach to Presentation of Lexicographic Data.“ Kosem I., Zingano Kuhn T., Correia M. (eds.). *Electronic lexicography in the 21st century: Smart lexicography. Proceedings of the eLex 2019 conference. 1–3 October 2019, Sintra, Portugal*. Brno: Lexical Computing CZ, s.r.o., 2019: p. 957–969.

BOZDĚCHOVÁ I. *Tvoření slov skládáním*. Praha: ISV Nakladatelství, 1994.

FURDÍK J. *Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia)*. Ed. M. Ološtiak. Prešov: Vydavateľstvo Náuka, 2004.

FURDÍK J. *Teória motivácie v lexikálnej zásobe*. Ed. M. Ološtiak. Košice: Vydavateľstvo LG, 2008.

JACKO J. *Slovenská morfológia v škole*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.

JANOČKOVÁ N., ŠRÁMEKOVÁ I. „Desaťročný jednorožec je prvotriedny sedmospáč. O (de)numerálnej kompozícii v slovenčine.“ *Stopenjsko besedotvorje*. *23. mednarodna znanstvena konferenca Komisije za besedotvorje pri Mednarodnem slavističnem komiteju* (Ljubljana 17. – 20. 9. 2024) (v tlači).

KAJANOVÁ O. „Využitie čísloviek v terminológii.“ *Slovenské odborné názvoslovie*, roč. 8, č. 10 (1960): s. 257–263.

KRAJČOVIČ R. *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988.

MARSINOVÁ M. „Slovesá motivované číslovkami.“ *Slovenská reč*, roč. 44, č. 6 (1979): s. 328–334.

OLOŠTIAK M. (ed.). *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015.

OLOŠTIAK M., GENČI J. „Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine. Motivačný rad (k 85. výročiu narodenia Juraja Furdíka).“ *Slovenská reč*, roč. 85, č. 3 (2020): s. 282–306.

OLOŠTIAK M., IVANOVÁ M. *Kapitoly z lexikológie (Lexikálna syntagmatika a viacslovné pomenovania)*. Prešov. Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013.

ONDRUS P. *Číslovky v súčasnej spisovnej slovenčine*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1969.

ONDRUS P. *Kapitoly zo slovenskej morfológie*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1978.

ONDRUS P., HORECKÝ J., FURDÍK J. *Súčasný slovenský spisovný jazyk. Lexikológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1980.

PETR J. (ved. red.). *Mluvnice češtiny 1*. Praha: Academia, 1986.

RUŽIČKA J. (red.). *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1966.

ŠIMANDL J. „Číslovky: obecný rámec, číslovky základní a řadové.“ Štícha F. (ed.). *Kapitoly z české gramatiky*. Praha: Academia, 2011: s. 691–727.

ŠIMANDL J. „Slovotvorný přehled slov s číselným významem I: číslovky určité.“ *Korpus – Gramatika – Axiologie*, č. 12 (2015): s. 54–74.

ŠIMANDL J. „Slovotvorný přehled slov s číselným významem II: číslovky neurčité.“ *Korpus – Gramatika – Axiologie*, č. 13 (2016): s. 48–60.

ŠLOSAR D. *Česká kompozitá diachronně*. Brno: Masarykova univerzita, 1999.

ŠRÁMEKOVÁ I. „K potenciálnej variantnosti číslovkových tvarov *dvojstý, dvestý*.“ *Kultúra slova*, roč. 57, č. 5 (2023): s. 268–284.

ŠTÍCHA F. a kol. *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013.

VUŽŇÁKOVÁ K. *Problémy lexikografického zachytenia slovotvorného systému slovenčiny*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2006.

VUŽŇÁKOVÁ K. *Kompozitá v slovenčine*. Prešov: Pedagogická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2012.
VUŽŇÁKOVÁ K. „Numeráliá a pronominá.“ Ološtiak M. (ed.). *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015: s. 684–695.

ZDROJE

BUZÁSSYOVÁ K., JAROŠOVÁ A. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G*. Bratislava: Veda, 2006. <https://slovnik3.juls.savba.sk/> 27.10.2023.
JAROŠOVÁ A., BUZÁSSYOVÁ K. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L*. Bratislava: Veda, 2011. <https://slovnik3.juls.savba.sk/> 27.10.2023.
JAROŠOVÁ A. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N.* Bratislava: Veda, 2015. <https://slovnik3.juls.savba.sk/> 27.10.2023.
JAROŠOVÁ A. (ed.). *Slovník súčasného slovenského jazyka. O – Pn.* Bratislava: Veda, 2021. <https://slovnik3.juls.savba.sk/> 27.10.2023.
KAČALA J., PISÁRČIKOVÁ M. (red.). *Krátky slovník slovenského jazyka*. 3. dopl. a preprac. vyd. Bratislava: Veda, 1997.
KAČALA J., PISÁRČIKOVÁ M., POVAŽAJ M. (red.). *Krátky slovník slovenského jazyka*. 4. dopl. a upr. vyd. Bratislava: Veda, 2003. <https://slovnik3.juls. savba.sk/> 27.10.2023.
KRÁLIK Ľ. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda, 2015.
PECIAR Š. (red.). *Slovník slovenského jazyka*. 6 zv. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1959–1968. <https://slovnik3.juls.savba.sk/> 27.10.2023.
POVAŽAJ M. (red.). *Pravidlá slovenského pravopisu*. 2. dopln. a preprac. vyd. Bratislava: Veda, 1998.
Slovenský národný korpus. Korpusová verzia prim-5.0-public.all. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 2011. <http://korpus.juls. savba.sk> 27.10.2023.
SOKOLOVÁ M., OLOŠTIAK M., IVANOVÁ M. (red.). *Slovník koreňových morfém slovenčiny*. 3., upravené a doplnené vyd. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2012.

USTREZNOST STROJNO IZLUŠČENIH ŠTIRIPRIPONSKIH IZPRIDEVNIŠKIH BESEDOTVORNIH NIZOV IZ UČNE MNOŽICE BSSJ

IRENA STRAMLJIC BREZNIK (SLOVENIJA)
Univerza v Mariboru
Filozofska fakulteta
Oddelek za slovanske jezike in književnosti
irena.stramljic@um.si

V sodobnem slovenskem jezikoslovju se do preloma stoletja besedotvorne raziskave niso načrtno ukvarjale s sinhrono večmorfemsko obrazilno kombinatoriko, ampak je le-ta bila omenjana obrobno (Vidovič Muha 1988, Toporišič 2000). V zadnjih dveh desetletjih se je tej problematiki namenila konkretnejša pozornost z besednodružinskim oz. stopenjskim pristopom, ki je bil preizkušen na gradivu besednih družin (BSSJ, Stramljič Breznik 2004) in na primerih glagolov čutnega zaznavanja (Kern 2017).

Povod za sistematične morfotaktične raziskave slovenskega jezika je interdisciplinarni projekt *Kombinatorika besedotvornih obrazil v slovenščini* (2021–2025), ki združuje jezikoslovni in jezikovnotehnološki pristop. Raziskave se osredinjajo na analizo in opis družljivosti besedotvornih priponskih obrazil v okviru večstopenjske tvorbe, pri tem se upoštevajo tovrstna novejša spoznanja poljskega besedotvorja (Burkacka 2012).

Izhodiščno bazo besedotvornih podatkov predstavlja BSSJ (*Besednodružinski slovar slovenskaga jezika na b*), ki ob nemotivirani iztočnici po stopnjah tvorbe prikazuje vse istokorenske tvorjenke, členjene na podstavni in obrazilni del. Izdelan je bil s posebnim računalniškim programom za slovarje in izdan v knjižni obliki. Obsega 666 iztočnic na b in njihovih besednih družin, v katerih je razvrščenih 11 136 enot. Slovar je bil ob nastanku pri vključevanju gradiva zavestno in hote izčrpen z namenom, da bi bilo zajetih čim več tvorbenih podatkov. Temeljni gradivni viri so bili: *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (SSKJ), *Besedišče slovenskega jezika* (BSJ), *Slovenski pravopis 2001* (SP) ter takrat edino razpoložljivi korpusu *Fida*, po katerem so bile dodatno paberkovalno zbrane nekatere besede črke b (Stramljič Breznik 2004: 9).

Raziskovalci jezikovnotehnološkega dela so na podlagi izvoženih podatkov iz BSSJ oblikovali obsežno bazo realiziranih besedotvornih nizov, primernih za nadaljnjo strojno analizo (Erjavec, Pranjić idr. 2023: 449–465). Vsebovani so podatki o stopnji tvorbe, besednovrstnostnem izhodišču tvorjenk, zaporedju obrazil v nizu in dodan konkretni primer tako uresničene tvorjenke ali več njih iz BSSJ. Na podlagi avtomatskega luščenja podatkov so bile iz SSKJ in baze Sloleks dodane še druge tvorjenke, ki so bile prepoznane kot ustrezne tvorbenemu nizu iz BSSJ.

Določen delež strojno najdenih primerov iz obeh dodatnih virov je bil popolnoma pravilen. Npr. izluščena tvorbena shema četrtostopenjskih tvorjenk s pridevniškim izhodiščem: ADJ:X → NOUN:X-ec → ADJ:X-ev → ADJ:X-ski → ADV:X-o, izdelana na podlagi tvorbenega vzorca pridevnika *bel* iz BSSJ (*bel → bel-ec → belč-ev → belčev-ski → belčevsk-o*), je bila ustrezno potrjena z dodatnima nizoma tvorjenk s pridevniškima izhodiščema *nor* in *star*, ki sta bila najdena v SSKJ in Sloleks.

Precejšen delež tako avtomatsko izluščenih primerov pa je bilo treba izločiti. Naj konkretiziramo. Po tvorbeni shemi iz BSSJ s samostalniškim izhodiščem NOUN:X → ADJ:X-en → NOUN:X-ik → NOUN:X-ica → ADJ:X-in je bil iz SSKJ in baze Sloleks avtomatsko izluščen tudi neustrezen niz: **pesa → *pes-en → pesn-ik → pesn-ica → pesnič-in*, v katerem se mešajo tvorjenke izhodiščnega samostalnika *pesa* 'kulturna rastlina' in glagola *pesniti* 'pisati pesmi'.

V nadaljevanju smo predstavili pet iz BSSJ izluščenih štiripriponskih nizov s pridevniškim izhodiščem in zanje preverili uspešnost avtomatsko prepoznanih primerov iz širše leksikalne baze, ki jo predstavljata SSKJ in Sloleks, da bi lahko na konkretnih primerih ovrednotili, v kolikšni meri sta pri novih avtomatsko najdenih kanditatkah skladni zunanja formalno (morfemsko) izražena struktura in notranja (besedotvornopomenska) logična tvorbena pot. Na podlagi predstavljenih primerov lahko izpostavimo tako prednosti kot slabosti avtomatskega luščenja štiripriponskih izpridevniških nizov.

Med prednostmi lahko izpostavimo naslednje: (1) Za strojno učenje so uporabni na vseh tvorbenih stopnjah zastopani morfemski nizi, ki se pojavljajo znotraj besednih družin posameznih slovarskih iztočnic na b. (2) Izluščen morfemski niz iz učne množice je lahko v celoti uspešno apliciran na prepoznavo še drugih tvorjenk s pridevniškim izhodiščem v večji leksikalni bazi, kot sta SSKJ in Sloleks (prim. niza *nor* in *star* po izhodiščnem vzorcu *bel*). (3) Na določenih mestih so ti nizi lahko celo morfemsko in pomensko prekrivni, čeprav je njihovo besednovrstno izhodišče različno (prim. niz *norec* s pridevniškim in niz *borec* z glagolskim izhodiščem: svojilni pridevnik iz obeh na 2. stopnji (*borčev – norčev*), vrstni pridevnik na 3. stopnji (*borčevski – norčevski*) in prislov na 4. stopnji tvorbe (*borčevsko – norčevsko*). (4) Z dodatnim pregledom in ročno narejenimi korekcijami v izluščenih nizih lahko odstotek ustreznih še povečamo (prim. niz *drevesen → ~~drevesnik~~ → drevesnica → drevesničar → drevesničarski*).

Na slabostmi, ker gre le za delno ustreznost dodatno najdenih primerov tvorjenk, avtomatsko izluščenih po naučenih vzorcih, pa lahko vpliva več dejavnikov, med katerimi so: (1) Morfemsko zaporedje v nekem delu niza ne podpira logičnega besedotvornopomenskega

vzorca (*žičen → ~~žičnik~~ → žičnica → žičničar → žičničarski*), ker je bilo napačno posplošeno, da vsakemu samostalniku na *-ik* sledi samostalnik na *-ica*, kar velja le s pogojem, da je samostalnik na *-ik* živo, človeško in da se obrazilo moškega spola krni in zamenja z ženskospolskim (zamenjevalni tip feminativne tvorbe). (2) Strojno neprepoznana enakopisnost, a ne tudi enakozvočnost vpliva na napačno posplošitev vzorca (prim. *bólnica* proti *bolníca*). (3) Sinhrono predpostavljeno besedotvorno razmerje med motivirajočo in motivirano besedo (*bolan → bolník → bólnica*), ki etimološko ni podprto, ker naj bi šlo za diahrono gledano istostopenjski tvorjenki (*bolan → bolník* in *bolan → bólnica*), lahko vodi do napačnega avtomatsko posplošenega vzorca. (4) Strojno napačno prepoznano tvorbeno razmerje med deležnikom in glagolom tako na ravni motivacijske smeri, v kateri je deležnik izhodišče ter glagol njegova tvojenka (**ojačan → *ojačati*) in ne obratno, kot je ustrezno (*ojačati → ojačan*), in še dodatne obrazilne neustreznosti pri izpeljavi deležnikov iz glagolov z različnima glagolskima priponama (ne *ojačati → *ojačen*, ampak *ojačati → ojačan* in *ojačiti → ojačen*) zahtevajo korekcijo. Dodatna rekonstrukcija celotnega tvorbenega niza pa pokaže, da je le-ta mnogo daljši (petostopenjski), saj ima v izhodišču korenski pridevnik *jak → jačati → ojačati → ojačevati → ojačevalen → ojačevalnica*.

Iz predstavljenih primerov izhaja, da bo za izboljšanje strojne prepoznave tvorjenk po naučenih modelih vsaj v tej fazi potrebnega še veliko dodatnega ročnega pregleda in odstranjevanja napačno posplošenih vmesnih faz tvorbe in s tem obrazilnega zaporedja v priponskih nizih, s čimer se navadno ne samo skrajša dolžina priponskega niza, ampak tudi stopnja tvorbe.

Ključne besede: slovenščina, besedotvorje, izpridevniška tvorba, štiripriponski nizi, avtomatsko prepoznavanje tvorjenk

LITERATURA

Burkacka I. *Kombinatoryka sufiksalna w polskiej derywacji odrzeczownikowej*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2012.

Erjavec T., Pranjić M., Pelicon A., Kern B., Stramljič Breznik I., Pollak S. «Automating derivational morphology for Slovenian » *eLex 2023: electronic lexicography in the 21st century: proceedings of the eLex 2023 conference. Lexical Computing CZ*. Ur. M. Medveď, M. Měchura, C. Tiberius, I. Kosem, J. Kallas, M. Jakubíček, S. Krek. 449–465. https://elex.link/elex2023/wp-content/uploads/92.pdf 15. 11. 2024.

Kern B. *Stopenjsko besedotvorje (Na primeru glagolov čutnega zaznavanja)*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, ZRC SAZU, 2017.

Kern, B. «Potencjał słowotwórczy wybranych polskich i słoweńskich czasowników ruchu. V: Gawlak, M. (ur.). *Polsko-słoweński dialog międzykulturowy = Slovensko-poljski medkulturni dialog*. 1. mednarodna znanstvena slovenistična konferenca Slovensko-poljski medkulturni dialog, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2023. Str. 185–201. https://monograph.us.edu.pl/index.php/wydawnictwo/catalog/view/PN.4188/115/85 11. 12. 2024.

Владимир. В. Лопатин, Игорь С. Улуханов *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва, 2016.
[Vladimir. V. Lopatin, Igor' S. Uluhanov *Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremennogo russkogo jazyka*. Moskva, 2016]
Markežič T., Stramljič Breznik I. *Feminativi v slovenskem jeziku*. Maribor: Univerzitetna založba = University Press, 2021.
Ološtiak M., Ivanová M. (ur.) *Slovník slovotvorných prostredkov v slovenčine.* Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, 2021.
Sokolová M., Moško G., Šimon F., Benko V. *Morfematický slovník slovenčiny*. Prešov: Náuka, 1999.
Skarżyński M. (ur.) *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, Knj. 3–4. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Iagellonica", 2004.
Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: JAZU, 1971.
https://archive.org/details/EtimologijskiRjecnikHrvatskogaIliSrpskogaJezika 10. 12. 2024.
Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*[3](*SES*), 2016.
https://fran.si/ 10. 12. 2024.
Stramljič Breznik I. *Besednodružinski slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek za iztočnice na b* (*BSSJ*). Maribor: Slavistično društvo, 2004.
Stramljič Breznik I. «Značilnosti izmedmetih priponskih nizov v Besednodružinskem slovarju slovenskega jezika za iztočnice na b.» *Slavia Centralis*. 17/1 (2024a) : str. 1–17.
Stramljič Breznik I., Ledinek N. «Kvantitativni podatki o besedotvornih modelih in priponskih nizih izmedmetnih tvorjenk v Besednodružinskem slovarju slovenskega jezika za iztočnice na b.» *Slovenski jezik – Slovene linguistic studies*. 16 (2024b): str. 59–85.
Šiška Z. *Bázový morfematický slovník češtiny*. Univerzita Palackého v Olomouci, Pedagogická fakulta, 2005.
Toporišič J. [4]2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.
Vidovič Muha A. *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženk.* Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1988.
Vidovič Muha A. *Slovensko skladenjsko besedotvorje.* Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, [2]2011.

VIRI

Besedišče slovenskega jezika
http://bos.zrc-sazu.si/besedisc.html 10. 11. 2024.
Fran. Slovarji inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU.
https://fran.si/ 10. 12. 2024.
Gigafida 2.0, referenčni korpus pisne standardne slovenščine.
https://viri.cjvt.si/gigafida/ 10. 12. 2024.
Sloleks 2.0. Slovenski oblikoslovni leksikon.
https://viri.cjvt.si/sloleks/slv/ 10. 12. 2024.
Slovenski pravopis 2001
https://fran.si/ 10. 12. 2024.
SSKJ1: Slovar slovenskega knjižnega jezika. [1]1970–1991.
https://fran.si/ 10. 12. 2024.
SSKJ2: Slovar slovenskega knjižnega jezika. [2]2014.
https://fran.si/ 10. 12. 2024.

ЗА НЯКОИ СПОРНИ ВЪПРОСИ ПРИ ПОЗИЦИОНИРАНЕТО НА ДУМИТЕ В СЛОВООБРАЗУВАТЕЛНОТО ГНЕЗДО

Цветанка Аврамова (България)
Софийски университет „Св. Климент Охридски“
Факултет по славянски филологии
Катедра по славянско езикознание
avramova.cv@slav.uni-sofia.bg

Настоящото изследване се фокусира върху няколко проблема, отнасящи се до правилното определяне на посоката на производност и мотивация между членовете на словообразувателното гнездо. Тези проблеми са обсъждани многократно в научната литература, но липсва единство в мненията на изследователите. Самите понятия *производност* и *мотивация* се разбират от отделните автори неоднозначно (вж. напр. Dokulil 1962: 11, 124; Petr, red. 1986: 206–209; Horecký, Buzássyová, Bosák a kol. 1989: 28; Dokulil 1996: 79–80; Ološtiak, ed. 2015: 91; Лопатин, Улуханов 2016: 22). Но независимо от нюансите в техните дефиниции, във всички тях присъства аксиоматичното изискване мотивираната / производната дума да е формално и семантично съотносима с друга еднокоренна лексема, т.е. *съотносима както по форма, така и по значение с една и съща еднокоренна лексема*. В словообразувателния анализ на конкретни типове думи в славянските езици обаче това изискване не винаги се спазва.

Отклонение от него се наблюдава например при интерпретацията на някои абстрактни съществителни имена, съдържащи суфикс **-ств(о)//-ství/-(с)тví//-stv(o)/-(c)tv(o)**, които по форма се съотнасят както със съществителни имена за лица, така и с относителните прилагателни, производни от тези съществителни за лица, напр.: бълг. *градинарство*, *епикурейство*, *лихварство*, *майчинство*; рус. *директорство*, *ницшеанство*, *отцовство*; чеш. *holičství*, *mateřství, vdovství*; слш. *bačovstvo*, *dobráctvo*, *rodičovstvo* и др. под.

В много изследвания (напр. Шведова, ред. 1970: 93–94; Шведова, ред. 1980: 177; Petr, red. 1986: 297; Karlík, Nekula, Rusínová, ed. 1995: 138; Лопатин, Улуханов 2016) такива съществителни се разглеждат като деривати на относителните прилагателни – от една страна, по аналогия на съществителните, мотивирани / производни от качествени прилагателни, и от друга, поради по-голямата им формална близост с относителните прилагателни, напр.: рус. *мать – мат**ер**инский – ма**тер**инство*; чеш. *předseda – předsed**ni**cký – předsed**ni**ctví*; слш. *otec – otc**ov**ský – otc**ov**stvo*.

В други славистични трудове обаче абстрактните съществителни се приемат за десубстантивни (Grzegorczykowa, Laskowski, Wróbl, red. 1998: 449–450; Štícha, ed. 2013: 140–141; Štícha, ed. 2018: 418–420); често се допуска също така двойна или тройна мотивация на някои имена (напр. Dokulil 1996: 93; Štícha, ed. 2013: 148; Šimandl, ed. 2016: 557–558; Štícha, ed. 2018; Ološtiak, Ivanová, ed. 2021: 546–549 и др.; преглед на становищата вж. в Bosák, Buzássyová 1985: 85–117) или се говори за паралелна мотивация на абстрактните съществителни и относителните прилагателни от съществителните за лица (Pert, ed. 1986: 297).

Значението на деадективните деривати обикновено се извежда от значението на съществителните имена за лица, т.е. от опосредствано мотивиращите ги думи, а не от непосредствено мотивиращите ги относителни прилагателни. Невъзможността да се формулира значението на абстрактните съществителни чрез значението на относителните прилагателни е породено от характера на самите прилагателни - за разлика от качествените прилагателни, относителните не назовават статичен признак, а отношение към субстанция.

Допускането на възможността думите да се образуват по форма от едни произвеждащи думи, а значението им да се обяснява с помощта на други еднокоренни думи (т. нар. „разщепление формальной и семантической мотивации“ – вж. Ермакова 1972а,б; Buzássyová 2018) представлява отклонение от изискването производната / мотивираната дума да се извежда както по форма, така и по семантика от *една и съща дума* – изискване, залегнало във всички дефиниции на производността и мотивацията. За да се избегне подобно разминаване между формалната и семантичната мотивация, предлегаме при анализа на производните думи да се изхожда не от формалната, а от семантичната страна. Преферирането на семантичния подход показва, че изследваните *абстрактни съществителни се мотивират както по значение, така и по форма от едни и същи лексеми – съществителните имена*.

ЛИТЕРАТУРА

Ермакова О.П. „О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова“. В: *Актуальные проблемы русского словообразования*. Тихонов, А. Н., ред. Самарканд: Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1972а: 68–72.

Ермакова О. П. „Выступление О. П. Ермаковой“. В: *Актуальные проблемы русского словообразования*. Тихонов А. Н., ред. Самарканд: Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1972б: 102–106.
Лопатин В. В., Улуханов И. С. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Азбуковник, 2016.
Шведова Н. Ю., ред. *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва: Наука, 1970.
Шведова Н. Ю., ред. *Русская грамматика*. Т. I. Москва: Наука, 1980.

Bosák J., Buzássyová K. *Východiská morfémovej analýzy*. Bratislava: Veda, 1985.
Buzássyová K. „O rozštiepení štruktúrnej a sémantickej motivácie slov s formantom -*stvo*“. In: *Ako sa rodia a žijú slová.* II. *Výber z diela Kláry Buzássyovej*. B. Chocholová, N. Janočková (ed.) Bratislava: Veda, 2018: 33–36.
Dokulil M. *Tvoření slov v češtině.* 1. *Teorie odvozování slov*. Praha: Academia, 1962.
Dokulil M. „Tvoření slov“. In: *Čeština – řeč a jazyk*. M. Čechová a kol. Praha: ISV nakladtatelství, 1996: 76–132.
Grzegorczykowa R., Laskowski R., Wróbl H., red. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia.* Wydanie drugie, zmienione. Warszawa, 1998.
Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava, 1989.
Karlík P., Nekula M., Rusínová Z., ed. *Příruční mluvnice češtiny*. Brno: NLN, 1995.
Ološtiak M., ed. *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine*. Prešov, Filozofická Fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015.
Ološtiak M., Ivanová M, ed. *Slovník slovotvorných prostriedkov v slovenčine*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2021.
Petr J., red. *Mluvnice češtiny*. 1. *Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov*. Praha: Academia, 1986.
Šimandl J., ed. *Slovník afixů užívaných v češtině.* Praha: Karolinum, 2016.
Štícha F., *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia, 2013.
Štícha F., ed. *Velká akademická gramatika spisovné češtiny* 1. *Morfologie: Druhy slov / Tvoření slov.* Část 1, 2. Praha: Academia, 2018.

BLOC 1.2.
LA POLITESSE LINGUISTIQUE / ЯЗЫКОВАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

Organisatrice : IMKE MENDOZA

Imke Mendoza Скрытая (не)вежливость 1

Bernhard Brehmer Эксплицитные перформативы и вежливость в славянских языках 6

Ewa Białek«Общее – своё – чужое» в речевом этикете польского и русского языков: сопоставительный аспект 11

Paola Cotta Ramusino Фразеологические конструкции сквозь призму категории вежливости 14

Renate Rathmayr Вежливость в разных дискурсах 18

СКРЫТАЯ (НЕ)ВЕЖЛИВОСТЬ

IMKE MENDOZA (ÖSTERREICH)
Universität Salzburg

Категории вежливости и невежливости реализуются на всех уровнях языковой системы. Наиболее эксплицитными средствами их выражения выступают лексические и словообразовательные ресурсы языка, а также дискурсивные стратегии, такие как использование косвенных речевых актов, соблюдение норм речевого этикета и следование принципу вежливости (ср. Leech 2014). Вместе с тем на степень вежливости высказывания могут оказывать влияние также грамматические стратегии, хотя и менее очевидным образом. В определенных контекстах они способны модифицировать уровень вежливости, выходя за пределы своих прямых синтаксических или морфологических функций. Подобные воздействия мы обозначаем как *эффекты вежливости*. Практически любая грамматическая категория или стратегия может быть использована для достижения эффекта вежливости, а конкретные способы реализации таких эффектов зависят от структурных особенностей конкретного языка и дискурсивных практик его носителей.

Подходящей моделью для определения или измерения степени вежливости языковых единиц является система двух шкал вежливости, предложенная Leech (2014, с. 88). Так называемая прагмалингвистическая, или абсолютная, шкала отражает количество и силу потенциальных эффектов вежливости, связанных с теми или иными языковыми средствами. Однако данная шкала не предоставляет информации о степени вежливости конкретного высказывания в конкретной коммуникативной ситуации. Она является однонаправленной: начинается с нулевого уровня и указывает на потенциальный вежливостный эффект языкового средства, тем самым позволяя сравнивать степень вежливости различных средств при прочих равных условиях коммуникации. Вторая шкала — социопрагматическая, или релятивная (относительная) — соотносит высказывание с контекстом, учитывая специфику конкретной коммуникативной ситуации. Благодаря этому она позволяет оценить степень вежливости конкретного высказывания с учетом таких факторов, как социальная дистанция между участниками общения, распределение выгод и утрат при исполнении обсуждаемого действия между собеседниками и др. В отличие от абсолютной, эта шкала является двунаправленной: высказывание может быть воспринято как чрезмерно вежливое или, напротив, как недостаточно вежливое в конкретном контексте. В

дальнейшем изложении социопрагматическая шкала не рассматривается, поскольку анализ коммуникативного потенциала языковых средств возможен только на основе прагмалингвистической шкалы.

При анализе роли грамматических приемов в повышении или снижении степени вежливости необходимо определить, на какое "лицо" направлен данный прием, а следовательно, к какому типу вежливости он относится (о понятии лица в теории вежливости см.: Brown, Levinson 1987). Под *негативным лицом* понимается стремление участников коммуникации к сохранению личных границ и свободы действий — как собственной, так и собеседника. Напротив, *позитивное лицо* связано с потребностью индивида принадлежать к определенной социальной группе, быть принятым, понятым и одобренным ее членами. Этому противопоставлению соответствует различие между негативной и позитивной вежливостью. Негативная вежливость направлена на защиту негативного лица адресата или адресанта, тогда как позитивная вежливость служит сохранению позитивного лица собеседников.

В дальнейшем будут рассмотрены наиболее важные грамматические стратегии русского языка, обладающие эффектом вежливости.

1. Употреблений дискурсивных частиц: Дискурсивные частицы сами по себе не являются ни вежливыми, ни невежливыми. Однако, они могут эффективно использоваться для осуществления так называемой "реляционная работа" (relational work; см. Locher, Watts 2005), поскольку они функционируют на уровне коммуникативной установки говорящего. Тем самым частицы могут способствовать повышению или снижению степени вежливости высказывания. Их влияние зависит от конкретной частицы и контекста ее употребления. В связи с этим невозможно сделать обобщенные выводы о вежливостных эффектах частиц и их воздействии на негативное или позитивное лицо собеседника. Более того, использование частиц не всегда однозначно повышает или снижает степень вежливости высказывания (Berger 1998).

2. **Вариативность лично-притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений в первом и втором лице**: Выбор между лично-притяжательными и возвратно-притяжательными местоимениями, отсылающими к поссессору в первом и втором лице, обусловлен множеством факторов (см. Pekelis, 2021; Perevozchikova 2024). Одним из этих факторов является степень вежливости, особенно во втором лице. В некоторых случаях использование лично-притяжательного местоимения может

восприниматься как более вежливое по сравнению с возвратно-притяжательной формой. Это связано с тем, что лично-притяжательные местоимения, как правило, выражают большую эмпатию и сочувствие, тем самым способствуя установлению позитивной вежливости[1].

3. Конкуренция видов в императиве. Одно из основных правил употребления видов в русском языке гласит, что императив совершенного вида выражает более вежливое побуждение к действию, тогда как императив несовершеного вида может восприниматься как менее вежливый и даже грубый. Однако, в определенных условиях, несовершенный вид может не только соответствовать нормам вежливости, но и, снижая категоричность высказывания, превосходить совершенный вид по степени выражения вежливости. Вежливый потенциал использования несовершенного вида в императиве связан с такими факторами как социальная дистанция между собеседниками и предполагаемая выгода от требуемого действия для участников коммуникации. Императив совершенного вида устанавливает дистанционное отношение между участниками коммуникации, тогда как несовершенный вид ассоциируется с менее формальным, фамильярным общением. Эта связь с неформальной речью предоставляет говорящему возможность использовать несовершенный вид как для выражания особенно вежливых, так и для крайне грубых побуждений к действию. Решающим фактором здесь является направление выгоды, то есть соответствует ли требуемое действие желаниям адресата или адресанта. Когда требуемое действие приносит выгоду адресату (например, в речевых актах разрешения или совета), побуждение в форме несовершенного вида, как правило, воспринимается как вежливое. Напротив, если действие выгодно адресанту, побуждение может интерпретироваться как невежливое.[2] Использование несовершенного вида в императиве направлено на позитивное лицо и выражает позитивную вежливость, поскольку несовершенный вид в данном контексте связан с фамильярностью и отсутствием социальной дистанции.

4. Несобственное использование сослагательного наклонения. Для выражения вежливого побуждения изъяснительное или повелительное наклонение может заменяться сослагательным (Berger 1997). Такой прием делает высказывание более

[1] Perevozchikova (2024) интерпретирует данную стратегию как проявление негативной вежливости.
[2] Подробнее об употреблении видов в русском императиве см.: Benacchio (2002) и Dickey (2020).

косвенным, поскольку предоставляет адресату больше интерпретационной свободы и вариантов реагирования. Таким образом, эта стратегия направлена на выражение негативной вежливости.

5. Использование формы множественного числа вместо единственного: Эта стратегия наблюдается прежде всего при вежливом обращении к одному лицу. Она представляет собой конвенциональное средство выражения уважения и поддержания социальной дистанции, что соотносится с негативной вежливостью. Помимо обращения во втором лице, принцип замены формы числа может применяться и по отношению к третьему лицу, не участвующему в коммуникации. В таком случае использование множественного числа служит выражением почтения к упоминаемому лицу. Следует отметить, однако, что в современном литературном русском языке данное явление не является продуктивным и ограничивается просторечными или диалектными разновидностями языка. (Berger 1996, 30–31; Houtzagers 2002, 18–21).

Подводя итоги, можно утверждать, что скрытая вежливость может проявляться в различных грамматических стратегиях — как на уровне синтаксических конструкций, так и в рамках отдельных грамматических категорий. При этом эффект вежливости выступает вторичной функцией таких стратегий и может производиться от их основного значения, пусть даже в достаточно опосредованной форме. Так, например, это наблюдается при использовании лично-притяжательных местоимений или императива в несовершенном виде. Анализ грамматических стратегий скрытой вежливости в русском языке показал, что они могут быть в равной мере ориентированы как на позитивное, так и на негативное лицо адресата, выражая, соответственно, как позитивную, так и негативную вежливость.

ЛИТЕРАТУРА

Benacchio, Rosanna. 2002. *Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве.* Russian Linguistics 26/2: 149–178.

Benacchio, R. 2002. Konkurencija vidov, vežlivost' i ėtiket v russkom imperative. *Russian Linguistics* 26/2: 149–178.

Berger, T. 1996. Spuren älterer pronominaler Anredesysteme in west- und ostslavischen Dialekten und substandardsprachlichen Varietäten. In W. Girke (ed.), *Slavistische Linguistik 1995*, 7‑36. München.

Berger, T. 1997. Alte und neue Formen der Höflichkeit im Russischen - eine korpusbasierte Untersuchung höflicher Direktiva und Kommissiva. In P. Kosta, E. Mann (eds.), *Slavistische Linguistik 1996*, 9–29. München.

Berger, T. 1998. Partikeln und Höflichkeit im Russischen. In T. Berger, J. Raecke (eds.): *Slavistische Linguistik 1997*, 29– 53. München.
Brown, P; Levinson, S. C. 1987. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge.
Dickey, S. M. 2020. Time out of tense: Russian aspect in the imperative. *Journal of Linguistics* 56/3: 541– 576.
Houtzagers, P. 2018. The honorific third person plural in Slavic. *Russian Linguistics* 42/1: 1–26.
Leech, G. N. 2014. *The pragmatics of politeness*. Oxford.
Locher, M. A., Watts, R. J. 2005. Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research* 1: 9–33.
Pekelis, O. 2021. Moj ili svoj? Ob ėvoljucii pritjažatel'nyx mestoimenij v russkom jazyke posle XVIII veka. *Russian Linguistics* 45/1: 75–91.
Perevozchikova, T. 2024. Reflexives and politeness: possessive pronouns in Russian imperative sentences. *Russian Linguistics* 48, https://doi.org/10.1007/s11185-024-09297-0.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ПЕРФОРМАТИВЫ И ВЕЖЛИВОСТЬ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

BERNHARD BREHMER (DEUTSCHLAND)
Констанцский университет

Говорящие пользуются разными языковыми средствами для реализации таких основных речевых действий, как благодарность, извинение, просьба или приглашение. Среди широкого диапазона конструкций для выражения этих речевых актов глаголы речевого действия занимают особую позицию. Их употребление в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения однозначно и эксплицитно реализует речевой акт данного типа (см. (1) для русского, (2) для украинского, (3) для польского и (4) для чешского языков):

(1) Благодарю вас за прекрасный вечер. [благодарность]
(2) Я вибачаюсь, що перебиваю. [извинение]
(3) Proszę mi odpisać, bo jestem bardzo niespokojny. [просьба]
(4) *Zvu vás na večeři.* [приглашение]

Поскольку говорящий, выбирая такие формы, не только совершает иллокутивный акт, но и прямо обозначает его, конструкции типа (1)-(4) обычно называют эксплицитными или каноническими перформативами (см., например, Austin 1962; Searle & Vanderveken 1985; Апресян 1986; Wierzbicka 1987; Recanati 1987; Hirschová 1988; Brandt et al. 1989 или Greń 1994).

Неоднократно утверждалось, что в некоторых языках перформативные глаголы используются для выражения определённых речевых актов более частотно, чем в других (Verschueren 1980: 23ff.). Настоящее исследование предлагает систематический анализ использования и распределения эксплицитных перформативов при выражении речевых актов благодарности, извинения, просьбы и приглашения в четырёх славянских языках: чешском, польском, русском и украинском. Данные речевые акты занимают видное место в исследованиях вежливости, что объясняется их важностью для поддержания гармоничных отношений между собеседниками. В докладе мы рассматриваем следующие вопросы: (i) насколько часто эксплицитные перформативы используются для передачи выбранных речевых актов в четырёх языках и (ii) какая степень вежливости реализуется при их использовании, что влияет на выбор или избегание этих конструкций в межличностных контактах.

Для исследования частотности употребления эксплицитных перформативов мы использовали данные из крупных лингвистических корпусов, доступных онлайн

(национальные корпусы чешского, русского и польского, корпус GRAC для украинского языка).

Помимо определения частотности употребления эксплицитных перформативов, в настоящем исследовании также рассматривается корреляция между эксплицитными перформативами и степенью воспринимаемой вежливости высказываний. Решение в пользу или против использования той или иной лексико-синтаксической формы для достижения перлокутивной цели мотивируется соображениями о степени вежливости, считающейся уместной в данной ситуации и культуре. Если исходить из представления, что говорящие естественным образом стремятся соблюдать правила вежливости и избегать их нарушения, то частотность в корпусах определённой конструкции, которая считается социально приемлемой (и в этом смысле вежливой) в широком диапазоне контекстов должна быть выше чем частотность конкурирующих сверхвежливых либо невежливых конструкций. Следовательно, вежливость эксплицитных перформативов для целей настоящего исследования определяется на макроуровне, т. е. мы не рассматриваем отдельные случаи их употребления в корпусах. Эту общую оценку степени вежливости в исследуемых языках не следует путать с их реальной степенью вежливости в индивидуальных контекстах, которая определяется типом отношений между собеседниками и обстановкой разговора. Таким образом, на микроуровне отдельных контекстов возможны отклонения воспринимаемой вежливости эксплицитных перформативов от их общего статуса как преимущественно (не)вежливых средств выражения соответствующих речевых актов.

Различия в употреблении эксплицитных перформативов могут быть связаны с культурно обусловленным пониманием вежливости, если степень вежливости, связанная с использованием эксплицитных перформативов, различается в исследуемых языках. По отношению к некоторым славянским культурам неоднократно подчёркивалось, что использование прямых выражений коммуникативной интенции говорящего в них ограничено меньше, чем в других, из-за особого значения таких ценностей, как открытость и проявление солидарности с адресатом (для польского языка см. Wierzbicka 1985 и Jakubowska 1999, для русского — Rathmayr 1996a, 1996б и Земская 1997). Вопрос, однако, в том, насколько эти выводы справедливы и для других славянских культур.

Поскольку целью данной работы является исслдование вопроса, следует ли считать эксплицитные перформативы ценральными способами выражения выбранных речевых актов в исследуемых языках, необходимо выбрать «эталонную конструкцию», на фоне которой можно оценивать частотность и вежливость эксплицитных перформативов. Эти

конкурирующие конструкции были отобраны в соответствии со следующими критериями: (а) они относятся к прямым и высоко конвенционализированным способам реализации исследуемых речевых актов в соответствующих языках; (б) они представлены одной и той же (или по крайней мере сходной) лексико-синтаксической формой в каждом из исследуемых языков, что позволяет проводить межъязыковое сравнение; (в) они выражают другую перспективу по сравнению с эксплицитными перформативами (см. Lubecka 2000: 83f.; Sifianou 2000: 102ff.). Эксплицитные перформативы ориентированы на говорящего, поскольку, как правило, являются конструкциями первого лица и, следовательно, всегда ссылаются на говорящего. Таким образом, эксплицитные перформативы подчёркивают роль говорящего как агенс языковой деятельности. Это может быть ещё одним фактором, способствующим их воспринимаемой невежливости, поскольку высказывания, использующие перспективу, ориентированную на говорящего, во многих речевых культурах звучат более принудительно, чем конструкции, ориентированные на слушателя, хотя это зависит и от характера речевого акта. По этой причине мы выбрали конкурирующие формы, представляющие перспективу, ориентированную на слушателя, или, по крайней мере, безличную перспективу, когда действие заявлено, но ни говорящий, ни слушатель не упоминаются в качестве его исполнителей. В нижеприведённой таблице перечислены эксплицитные перформативы и конкурирующие с ними конструкции, включённые в корпусное исследование:

речевой акт	эксплицитный перформатив	конкурирующие конструкции
благодарность	благодарю / дякую / dziękuję / děkuji/u	спасибо / спасибі / dzięki / dík(y)
извинение	извиняюсь / вибачаюсь / przepraszam / omlouvám se	извини/те / вибач/те / wybacz/cie / omluv/te
просьба	прошу / прошу / proszę / prosím + инфинитив	императив второго лица единственного/ множественного числа + ‘пожалуйста’
приглашение	приглашаю / запрошую / zapraszam / zvu	императив второго лица единственного/ множественного числа от глагола ‘приходить‘

Хотя выбранные конкурирующие конструкции иногда отличаются от эксплицитных перформативов по спектру иллокутивных функций (особенно в случае с приглашениями, где выбранные императивные формы глагола «приходить/прийти» не всегда выражают приглашение), сравнение частотности их употребления всё же

показало довольно однозначную картину относительно наших исследовательских вопросов.

Сопоставительный анализ статуса и распределения эксплицитных перформативов для выражения четырёх выбранных речевых актов выявил несколько основных различий между русским, украинским, польским и чешским языками. Полученные результаты указывают на наличие континуума в отношении социальной приемлемости и частотности использования эксплицитных перформативов: в то время как в русском языке в значительной степени избегается использование эксплицитных перформативов при выражении всех четырёх речевых актов, польский язык отличается сильным предпочтением эксплицитных перформативов как нейтрального и вежливого способа выражения иллокутивных интенций говорящего. Украинский и чешский языки занимают промежуточное положение на этой шкале: в украинском при передаче трёх из четырёх выбранных речевых актов преобладают конкурирующие стратегии, ориентированные на слушателя, тогда как чешский оказывается ближе к польскому, хотя эксплицитные перформативы как средства выражения таких речевых актов, как благодарность, извинение и просьба доминируют в нём не так сильно, как в польском. Создаётся впечатление, что для приглашений чехи даже предпочитают императивные стратегии, ориентированные на слушателя. В целом тенденция к использованию эксплицитных перформативов в украинском и чешском языках сильнее зависит от характера речевого акта, чем в русском и польском.

Выявленную тенденцию избегания использования эксплицитных перформативов в русском и (в меньшей степени) украинском языках можно объяснить большей потребностью в удалении упоминания роли говорящего как агенса языковой деятельности с поверхностного уровня высказывания. То, что носители русского и украинского языков придают большее значение ориентированным на слушателя стратегиям и стараются избегать открытого указания на себя при передаче собственных иллокутивных потребностей объясняется культурно-специфическими ограничениями социальной приемлемости доминирования говорящего. Подтверждает такую интерпретацию то, что тенденция лишения говорящего синтаксически значимой позиции подлежащего имеет параллели в других областях грамматики, особенно в сфере выражения деонтической модальности, где безличные конструкции изобилуют в русском языке. Однако западнославянские языки, в данном случае польский и чешский, по-видимому, предпочитают использовать стратегии, ориентированные на говорящего, такие как эксплицитные перформативы. Это также может отражать набор ценностей и

представлений о вежливости: эксплицитное выражение собственных иллокутивных намерений может рассматриваться в польской и чешской системе вербальной вежливости как менее принудительное, чем прямой призыв к действию с помощью императивных фраз. Иными словами, можно сделать вывод, что носители русского языка (и в меньшей степени украинского), хотя и стараются риторически скрывать ответственность за совершение речевого акта, избегая стратегий, ориентированных на говорящего, с другой стороны, выражают большую готовность «вторгаться на личную территорию» адресата. Говорящие на польском и чешском языках предпочитают ограничиваться простым изложением своих потребностей и тем самым сигнализируют собеседнику намерение сохранить его индивидуальную свободу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Austin, John L. 1962. *How to do things with words*. Cambridge/M.: Clarendon Press.

Brandt, Margareta; Falkenberg, Gabriel; Fries, Norbert; Liedtke, Frank; Meibauer, Jörg; Öhlschläger, Günther; Rehbock, Helmut & Rosengren, Inger. 1989. Die performativen Äußerungen – eine empirische Studie. *Sprache und Pragmatik* 12: 1-21.

Greń, Zbigniew. 1994. Semantyka i składnia czasowników oznaczających akty mowy w języku polskim i czeskim. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawnictwo.

Hirschová, Milada. 1988. Česká verba dicendi v performativním užití. Příspěvek ke zkoumání komunikativních funkcí výpovědi. Olomouc: Univerzita Palackého.

Jakubowska, Ewa. 1999. Cross-cultural dimensions of politeness in the case of Polish and English. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Lubecka, Anna. 2000. Requests, invitations, apologies and compliments in American English and Polish. A cross-cultural communication perspective. Kraków: Księgarnia Akademicka.

Rathmayr, Renate. 1996a. Sprachliche Höflichkeit: Am Beispiel expliziter und impliziter Höflich-keit im Russischen. In W. Girke (ed.), *Slavistische Linguistik 1995*. München: Otto Sagner. 362-391.

Rathmayr, Renate. 1996б. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. In I. Ohnheiser (ed.), *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft. 174-185.

Recanati, François. 1987. Meaning and force: The pragmatics of performative utterances. Cambridge: University Press.

Searle, John R. & Vanderveken, Daniel. 1985. *Foundations of illocutionary logic*. Cambrige: University Press.

Sifianou, Maria. 2000. Politeness phenomena in England and Greece: A cross-cultural perspective. Oxford: University Press.

Wierzbicka, Anna. 1985. Different cultures, different languages, different speech acts. *Journal of Pragmatics* 14: 145-178.

Wierzbicka, Anna. 1987. *English speech act verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press.

Апресян, Юрий D. 1986. Перформативы в грамматике и в словаре. *Известия Академии Наук, Серия литературы и языка* 45(3): 208-223.

Земская, Елена А. 1997. Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка. *Zeitschrift für slavische Philologie* 56: 271-301.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОРПУСЫ

Český národní korpus – https://korpus.cz

General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian (GRAC) – uacorpus.org

Narodowy Korpus Języka Polskiego NKJP – https://nkjp.pl

Национальный корпус русского языка – https://ruscorpora.ru

«ОБЩЕЕ – СВОЁ – ЧУЖОЕ» В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

EWA BIAŁEK (POLSKA)
dr hab., prof. Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3868-5001
ewa.bialek@mail.umcs.pl

При сопоставлении славянских языков выявляются как общие черты, так и различия: не только на грамматическом, лексико-семантическом или словообразовательном уровнях, но также и в сфере речевого этикета. Внимательное рассмотрение этикетных особенностей позволяет не только осмыслить векторы развития сравниваемых языков, но также раскрыть их взаимодействие с западноевропейскими языками, например, с французским языком, который в минувших столетиях оказывал значительное влияние на официальный речевой этикет других лингвокультур, а также с английским языком, накладывающим свой отпечаток на словарный состав многих языков и речевое поведение в настоящее время.

В докладе проводится анализ избранных формул речевого этикета на материале польского и русского языков. Акцент делается на выявлении тонкостей в их употреблении, что представляет интерес и с точки зрения контрастивной лингвистики, переводоведения, и обучения иностранным языкам. Внимание будет также уделено пересечению категорий этикета и вежливости в отдельных речевых ситуациях, в основном официальных (академических и дипломатических кругах), а также этикетным лакунам, обнаруживаемым в повседневном общении.

Формулы речевого этикета претерпевают изменения. Одни из них уходят в пассивный фонд языка, другие подвергаются актуализации. В связи с языковой глобализацией и распространением интернет-общения славянские языки обогащаются новыми формулами. Как в польском, так и в русском распространение получили, например, кальки выражения, заимствованного из английского языка: *Have a nice day*. Кроме того, в коммуникативном пространстве Интернета формируются новые жанры общения, за которыми закрепляются определённые этикетные формулы, в том числе формулы приветствия и прощания с подписчиками. Популяризация дистанционного обучения также в некоторой степени повлияла на расширение сферы употребления отдельных этикетных слов.

По мнению Н.И. Формановской, вежливость представляет собой нравственно-коммуникативную категорию, а также национально-специфический концепт, составляющий языковую картину мира (Формановская 2007: 125). Вежливость

пересекается с речевым этикетом, данные категории, однако, не являются тождественными. Это обусловлено тем, что составная часть вежливости – уважительное вербальное и невербальное отношение к другим (Там же, с. 126, 127). Речевой этикет, как известно, охватывает слова и формулы, проявляющие как любезность, так и невежливость говорящего.

Составной частью речевого этикета являются обращения (вокативы). Формулы обращения тесно связаны с определённой культурой, укладом жизни её носителей, а также сложившимися на протяжении столетий социальной иерархией и сферой ценностей. Именно поэтому проблематика обращений вызывает интерес не только с точки зрения их применения в одной лингвокультуре. Своеобразие и национально-специфические черты вокативной системы обнаруживаются при сопоставлении родственных языков, а также при попытке перевода определённых официальных и разговорных вокативов.

Основная функция обращения – называние того, к кому направлена речь. Именно с названиями адресата речи порою возникают проблемы при попытке передать их средствами языка перевода. Передача обращений осложняется двумя факторами – с одной стороны, обращение идентифицирует адресата речи, со второй, оно, кроме семантики, может обладать и прагматическим потенциалом. Обращение, по сути, характеризует обоих участников речевого акта – отправителя и получателя, раскрывает их отношения, эмоции, социальный статус и др. Некоторые обращения строго закреплены за определённой ситуацией, а неуместное изменение других может быть воспринято как знак неуважения (см. Супрун 2010).

Польские и русские формулы обращения, используемые в официальной обстановке, дифференцированы. К показательным примерам этикетных особенностей польского языка можно отнести слово *magnificencja*, употребляемое в университетской среде, – ‘osoba nosząca tytuł honorowy rektora uczelni, oznaczający jej wyjątkową godność’ (WSJP PAN). Различия можно обнаружить и при сравнении весьма похожих формул, которые, по сути, представляют собой мнимые соответствия, ср. вокативы: русск. *молодой человек* – pol. *młody człowieku*. Обе формулы объединяет внешнее сходство, однако другими являются сфера общения, употребимость, адресант. Различия наблюдаются как на уровне прецедентных антропонимических единиц, так и на уровне ласковых слов (афектонимов, польск. *afektonim*), обилие которых отмечается в обоих сопоставляемых системах (см. Bańko, Zygmunt 2011). При переводе ласковых слов

необходимо учитывать их вокативную функцию и национально-культурную специфику.

Источники исследовательского материала: официальные тексты, произведения художественной литературы (в том числе параллельные тексты, а также тексты оригинала и перевода), словари польского и русского языков, лингвистические корпусы.

ЛИТЕРАТУРА

Супрун В.И., 2010, *Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке*, Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания», No 5 (10), Декабрь, http://grani.vspu.ru/files/publics/240_st.pdf .

Формановская Н.И., 2007, Речевое взаимодействие: коммуникация и практика, Москва.

Bańko M., Zygmunt A., 2011, *Czułe słówka. Słownik afektonimów*, Warszawa.

Sketch Engine, https://www.sketchengine.eu/.

WSJP PAN – *Wielki słownik języka polskiego PAN*, red. nauk. P. Żmigrodzki, https://www.wsjp.pl/.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ

ПАОЛА КОТТА РАМУЗИНО (ИТАЛИЯ)
Государственный Университет, Милан

Фразеологические единицы играют очень важную роль в языковой вежливости. Речевые формулы, например, прямо связаны с межличностными отношениями и составляют основу этикета в большинстве западных культур [Ferguson 1981]. Кроме того, как отмечается в литературе, многие фразеологические конструкции играют значительную роль в стратегиях, направленных на реализацию позитивной или негативной вежливости, как это было предложено в рамках теории Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1987]. Языковая вежливость, согласно авторам, основывается на главном постулате, заимствованном у Гофмана [Goffman 1967], согласно которому индивиды являются социальными “актёрами”, которые “разыгрывают” согласованное поведение (представляя публичное «я» или «лицо») на сцене повседневной жизни. Каждый человек использует языковые, поведенческие средства и жесты для представления положительного образа, “лица”, самого себя. Исходя из этой центральной идеи, Браун и Левинсон разработали теорию языковой вежливости: каждый человек обладает “лицом” и осознаёт, что собеседник тоже его имеет, а стратегии вежливости поддерживают межличностное общение. Итак, под «лицом» понимается “the public self-image that every member wants to claim for himself” (общественный образ, который каждый человек хочет предъявить другим) [Brown, Levinson 1987, 61]. Каждый индивид стремится защищать свою территорию и своё «лицо». Лицо может быть позитивным или негативным. Позитивное лицо — это стремление быть признанным и одобренным другим, тогда как негативное — это стремление человека сохранять свободу действий и независимость от других. В процессе общения некоторые речевые акты могут угрожать лицу другого человека, его потребностям и желаниям — так называемые акты, угрожающие лицу (Face Threatening Acts, FTA), такие, например, как критика, просьбы, перебивания, приказы. Поэтому язык выработал ряд стратегий для смягчения таких угроз — стратегии вежливости. Эта теоретическая рамка и её последующие разработки [Leech 2014] предоставили очень прочную основу для изучения языковых конструкций, поддерживающих стратегии межличностной коммуникации, а именно языковую вежливость.

В классической работе Браун и Левинсона [1987] перечислены многочисленные языковые стратегии, направленные на реализацию вежливости, среди которых —

тавтологические конструкции и риторические вопросы. В их работе, данные высказывания можно интерпретировать как стратегии негативной вежливости, так как, на основе максим Грайса [1975] говорящий побуждает собеседника к инференциальному усилию, чтобы тот понял его подлинное коммуникативное намерение [Brown and Levinson 1987]. В частности, в случае тавтологий, высказывая очевидную истину, говорящий нарушает максиму Количества, а в случае риторического вопроса, наоборот, говорящий нарушает максиму Качества. Таким образом, использование данных конструкций может скрывать или смягчать критику, жалобу, просьбу.

В то же время в ряде работ [Булыгина, Шмелёв 1997; Miki 1996; Вилинбахова 2016; Котта Рамузино 2019], на примере тавтологических конструкций в разных языках, отмечается, что тавтологии могут также представлять собой примеры «позитивной вежливости» [Brown, Levinson 1987], поскольку предполагается, что собеседник — единомышленник, разделяющий с говорящим общий фон знаний и эмоций, которые не могут быть выражены напрямую.

В данной статье, однако, исследуются языковые механизмы, с помощью которых говорящий проявляет именно негативную вежливость в названных конструкциях. В этих случаях говорящий действует *off record*, то есть косвенно, создавая импликатуры и побуждая к инференциальным процессам, в результате чего возможны различные интерпретации речевого акта. В негативной вежливости преобладает косвенный акт, однако многие из этих актов уже получили широкое распространение и стали условными, и поэтому их можно считать уже не *off record*, а *on record*, так как они легко узнаются носителями данной культуры. В данном исследовании общая теоретическая рамка Браун и Левинсона интегрируется другими подходами, особенно в прагматическом плане, такими, например, как теория релевантности [Sperber, Wilson 1986, 1995, Carston, Uchida 1998], а также учитываются современные исследования в области тавтологических конструкций и риторических вопросов [Miki 1996, Meibauer 2008, Добровольский, Зализняк 2025].

В примере (1) мы наблюдаем употребление (псевдо-)тавтологической конструкции, которую Н. Ю. Шведова определила как «повтор с удвоением» [Шведова 1960 (2003): 352–362]. В частности, согласно Шведовой, «конструкции с безударной союзной частицей образуют законченную реплику, выражающую согласие, принятие сказанного или предложенного, примирительное нежелание спорить; в таких повторах обычно присутствует оттенок некоторого безразличия, равнодушия» [там же: 358].

Конструкция проанализирована на основе корпусных данных в работе Копотева и Стексовой [2016: 90-94], где подробно описаны различные филлеры, входящие в её состав и различные значения конструкции.

(1) — Алматы!
— Не Алматы, а Алма-ата!
— Алматы! — упрямо повторил он. — У меня там двоюродный брат, мы каждый день переписываемся.
Я не стал спорить. *Алматы так Алматы*.
— Хорошо. Значит, мне на «Ы»…

Аналогичным образом, в (2) наблюдается использование риторического вопроса, нарушающего максиму Качества, то есть императив «будь искренним». Это такие вопросы, на которые ответ как бы «витает в воздухе», и которые, таким образом, подразумевают, что истинное речевое действие говорящего — иное (например, критика, предложение и т. д.).

(2) Женя (Ирина Купченко)**:** Так я понимаю.
Володя (Валерий Тодоровский)*:* Ну а как же быть? Кстати / папа велел те передать / что пожалуйста / он согласен на размен квартиры.
Мать Жени (Антонина Богданова)*:* А *почему бы* тебе / тебе *не переехать* сюда и не пожить здесь?
Володя (Валерий Тодоровский)**:** Где это / здесь?
Мать Жени (Антонина Богданова)**:** Здесь / в нашем городе**.**
Володя (Валерий Тодоровский)**:** Да вы что?
[Юлий Райзман, Евгений Габрилович. Странная женщина, к/ф (1977)]

Рассматриваемые и проанализированные здесь конструкции интерпретируются как языковые стратегии негативной вежливости — именно так они описываются в научной и также в учебно-методической литературе [см., например, Величко 2016: 27–31].

Анализируемый материал взят как из Национального корпуса русского языка, так и из корпуса Rutenten 17, доступного в поисковой системе Sketch Engine. Цель настоящего исследования — проанализировать обе конструкции в контексте их употребления, выявить их дискурсивные функции, а также уточнить условия реализации соответствующих речевых актов и степень соответствия их употребления описаниям, представленным в научной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Булыгина, Шмелёв 1997 – Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. *Языковая концептуализация мира* (*на материале русской грамматике*). Москва: Языки русской культуры.
Величко 2016 – Величко, А. Когда есть о чём поговорить, или предложения фразеологизированной структуры в русской речи. Санкт Петербург: Златоуст.

Вилинбахова 2016 – Вилинбахова Е.Л. Статья значит статья: об одном типе тавтологических конструкций в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Т. 1. Вып. 14 (21): 638–649.

Добровольский, Зализняк 2025 – Добровольский Д.О., Зализняк А.А. Риторический вопрос как коммуникативный акт // *Вопросы языкознания*, 1: 7-35.

Копотев, Стексова 2016, Копотев, М., Стексова Т. *Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре*. Москва: Языки славянской культуры.

Котта Рамузино 2019 – Котта Рамузино П. *Мужик как мужик*: Об одной

сравнительно-тавтологической конструкции в русском языке // *Scando-Slavica*, 65(1): 42-61, DOI: 10.1080/00806765.2019.1586579

Шведова 1960 (2003) – Шведова, Н. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва: Азбуковник.

Brown, Levinson 1987 – Brown, P., Levinson S. *Politeness*: *Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

Carston, Uchida (eds.)1998 – Carston R, Uchida S., *Relevance theory. Applications and implications*. Amsterdan/Philadelphia: John Benjamins PC.

Ferguson 1981 – Ferguson C. The structure and use of politeness formulas // Coulmas F. (ed.), *Conversational routine*, The Hague, pp. 21-37.

Goffman 1967 – Goffman, E. *Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior*. Garden City, NY: Anchor Books.

Grice 1975 – Grice P. Logic and Conversation // Cole P., Morgan L., *Syntax and Semantics* (vol. 3), Cambridge. 41-58.

Leech 2014 – Leech, G. *The Pragmatics of Politeness*, Oxford.

Meibauer 2008 – Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning // *Pragmatics and Cognition*, 16: 439-470.

Miki 1996 – Miki, E. Evocation and tautologies // *Journal of Pragmatics*, 25: 635-648.

Sperber, Wilson 1995 – Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Cambridge: Blackwell.

ВЕЖЛИВОСТЬ В РАЗНЫХ ДИСКУРСАХ

RENATE RATHMAYR (ÖSTERREICH)
Wien/Innsbruck

1. Введение

Тема вежливости находится в центре внимания прагматических исследований уже несколько десятилетий (обзоры см., напр.:; Locher, Watts 2005; Leont'ev 2016; Culpeper, Haugh, Kádár 2017), но о ней сказано еще далеко не все, о чем, например, свидетельствует выходящий с 2005 г. дважды в год Journal of Politeness Research, в котором освещаются самые разные аспекты вежливости в разных культурах и языках. Мне особенно близко определение Лича (2014), который рассматривает вежливость как центральный фактор менеджмента отношений и признак стиля речи. Важность вежливости для достижения профессиональных целей общения учитывают и лингвистика (например, Harrington 2018), и теория менеджмента (например, Ebert, 2002).

Говоря о вежливости, необходимо учитывать не только ситуации и участников, но и временной контекст. В качестве исследуемого временного отрезка была выбрана эпоха, охватывающая период от начала перестройки СССР при М.С. Горбачеве, падения Берлинской стены в 1989 году и мирного, в значительной степени, распада огромного Советского Союза и бывшего «Восточного блока» в 1991г. до начала 2020-х годов 21-го века. Эти годы были «золотыми» для отношений западноевропейских и славянских стран и, конечно же, для развития славистики. Соседние славянские страны, включая Россию. стали восприниматься как перспективные экономические партнеры, интересные направления для путешествий, а также как важные участники научного обмена и международного сотрудничества. Происходил активный обмен делегациями, приглашенные профессора и студенты работали и учились в новых странах-партнерах, наблюдался значительный рост числа студентов из славянских стран в университетах Западной Европы. С конца 1990-х годов «открытие на Восток» стало частью широкого процесса глобализации.

В дальнейшем вежливость будет показана на примере некоторых дискурсов в России. Дискурс понимается как социальная практика в определенных социокультурных условиях, а коммуникативные жанры как предоставляемое дискурсом знание о принятых в определенных социокультурных условиях языковых практиках (Клингсайс 2017: 18). Мы рассмотрим вежливость в повседневном общении в сфере обслуживания (ситуации магазин, ресторан), в общественном пространстве (публичные

надписи), в корпоративном общении (в собеседованиях при приеме на работу) и в институциональном дискурсе в микрокосмосе ситуации в санатории.

Материал для анализа корпоративной коммуникации был собран в 2006–2012 гг. в Москве и Волгограде. В рамках исследования проводились интервью, а также велись записи переговоров и собеседований. Краткое описание корпуса, собранного до 2010 г. см. в работе Ратмайр (2013: 449–455). Полученные записи были транскрибированы и затем проанализированы с использованием совокупности методов, в основном функционально-прагматического лингвистического дискурс-анализа (Brünner 2009: 153 и сл.) с элементами контент-анализа. Анализ также включал сопоставление с нормами жанра, зафиксированными в законодательстве, справочниках, руководствах и учебной литературе. При этом особо пристальное внимание в собранных текстах уделялось необычным или «странным» речевым ситуациям, повторяющимся языковым особенностям отдельных этапов коммуникации, соблюдению или нарушению коммуникативных постулатов (Grice 1980), а также использованию разных стратегий вежливости (ср. Ратмайр 2017: 260).

2. Вежливость в русской культуре

Гости России в советское время помнят как дружелюбных, приятных и отзывчивых русских знакомых и друзей, так и недружелюбных, грубых и невоспитанных людей, особенно в сфере обслуживания в магазинах и ресторанах. Клиент был не «королем», а вежливым просителем, которому только изредка удавалось получить товар. Товары были дефицитом, и продавец или официант имел право передать дефицитный товар тому, кому он хотел. В мировом рейтинге вежливости, проведенном журналом «Ридерс Дайджест» в июне 2006 г. в 35 мегаполисах, Москва заняла лишь 30-е место (Rathmayr 2008: 377). Если бы тест проводился в советское время, результат наверняка был бы еще хуже. Невежливостью отличались и публичные надписи и предупреждения: однозначно эксплицитная надпись на опорах высоковольтных линий: «Не влезай, убьёт!» или содержащая угрозу штрафа «По газонам не ходить, штраф 5 рублей» (Rathmayr 1990; Ратмайр 2013: 361–385).

2.1. Повседневный дискурс в сфере обслуживания и в общественном пространстве: возникновение «новой вежливости»

Социальные и экономические перемены, вызванные перестройкой Горбачева, коснулись всех областей жизни людей в русской культуре. Наблюдалось, например, сильное изменение традиций приветствия и обращения, уходило обращение «товарищ», меньше

стало употребляться отчество и др. (Кронгауз 2004), а после 2020г. нормы приветствия были снова отменены или «перевернуты» пандемией коронавируса (Кронгауз 2020: 738). Многие публичные объявления с начала 1990-х гг. тоже стали более вежливыми, превратились в адресованные просьбы и предупреждения и, при необходимости, дополнялись извинениями: на закрытом магазине уже не писали «Закрыт» или «Закрыт на учет», а «Извините, у нас учет», а к стенам домов прикрепили предупреждающие таблички о лавинах с крыш, вызванных уборкой снега: «Пожалуйста, отойдите в сторону, падает снег».

В сфере обслуживания приветливость, улыбка, вежливые формы общения стали обязательным требованием при найме торгового персонала. С покупателями здоровались, спрашивали, чего они хотят, прощались на кассе и просили прийти снова в ближайшее время. Эта новая русская вежливость была не только требованием «сверху», но и следствием ставших возможными туристических контактов между западными странами и РФ.

2.2. Корпоративная коммуникация: Собеседования при приеме на работу

В совместном австрийско-российском проекте «Корпоративная коммуникация в России. Дискурсивный анализ», финансировавшемся австрийским фондом науки FWF и РФФИ, мы исследовали российскую корпоративную коммуникацию, которая развивалась в период перехода к рыночным структурам экономики. Коллективная монография вышла под редакцией Т. А. Милехиной и Р. Ратмайр в 2017 г. в Москве. В дальнейшем я опираюсь на раздел «Собеседования» в этой монографии (Ратмайр 2017: 257–276), а также на соответствующий раздел моей книги «Русская речь и рынок» (Ратмайр 2013: 254–304).

Собеседование при приеме на работу – один из новых жанров корпоративного общения, оно считается одной из самых затратных по времени процедур в работе с персоналом. Существует обширная литература с рекомендациями как для работодателей, так и для соискателей (Зарецкая 2002, 2: 261 и сл.; Ходгсон 2006; Анисимова, Гимпельсон 2007и др.). Вежливость характеризует речь обоих партнеров как на начальном этапе, направленном на создание приятной атмосферы и снятие возможного волнения соискателя, так и на финальном, на котором, как правило, менеджер по персоналу скрывает результат, но обязательно вежливо формулирует перспективу скорого ответа фирмы и благодарность за интервью.

Анализ 18 собеседований 2006–10 гг. выявил несколько дилемм, вызванных расхождениями между русским стилем общения и рекомендуемым для таких ситуаций

менеджерским стилем на основе западных рыночных норм (Ратмайр 2013: 321-333). Среди них – противопоставление профессионализма искренности, «приличной» скромности – требованию демонстрировать свое «лучшее я», а также рекомендуемых – успешным стратегиям». Успешному соискателю удается решать эти дилеммы в зависимости от установки ведущего интервьюера: является ли он или она сторонником традиционной скромности или предпочитает новый менеджерский стиль. Именно такая тактичность и чувствительность, другими словами - высокая степень коммуникативной компетентности воспринимается как подходящая, вежливая и способствующая успеху коммуникативная стратегия соискателей. Высокая степень общительности часто сочетается с недостатком конкретности и поэтому оценивается интервьюерами не положительно. Сдержанность в самопрезентации и демонстрации собственных достижений наблюдается у русских соискателей в гораздо меньшей мере, чем можно было бы ожидать на основе литературы о русском стиле общения (Прохоров, Стернин 2006; Куликова 2009). В то время как типичная откровенность и искренность, а также смешивание личного и официального, по-видимому, повышали шансы соискателей у русских менеджеров по персоналу и рекрутеров, многословность, т. е. нарушение постулата количества, и недостаток точности, т.е. нарушение постулатов релевантности и способа речи, требующего ясности, понятности, краткости и организованности, их уменьшали. Откровенность воспринималась более положительно, чем требуемое нормами жанра собеседования риторическое совершенство.

Поскольку нет времени вдаваться в детали других жанров корпоративной коммуникации, укажу только два признака вежливости в жанре межкультурных деловых переговоров. Во-первых, вежливость со стороны западных участников в первые годы перестройки была заметна в выражении достаточной степени уважения к российским партнерам, в стремлении избежать демонстрации превосходства в области практик рыночной экономики. Некоторые австрийские бизнесмены в интервью отмечали, что они создали отдельный филиал для того, чтобы бизнес с Россией мог вести генеральный директор. Деловые контакты с представителем более низкого ранга воспринимались российскими партнерами как унижение. Во-вторых, для достижения целей переговоров – компромисса, обеспечивающего максимальную выгоду для каждого партнера – наряду с нивелирующими применялись и пробивные стратегии (Ратмайр 2013: 254 и сл.). При этом надо было учитывать статус компромисса в советское время как признака слабости (Холопова, Лебедева 1995), поэтому успешные

западные бизнесмены строили аргументацию таким образом, чтобы для российского партнера результат выглядел как победа.

2.3. Институциональное общение в микрокосмосе санатория

В теоретических рамках контрастивной прагматики (Kecskes 2014), которая исследует вопросы «Какие коммуникативные задачи возникают перед кем, когда, как часто, в каких условия и какие конвенциональные средства для решения этих задач предоставляет общество?» (Adamcik 2000: 103; Ратмайр 2006;Ратмайр 2013: 398-417) проводились наблюдения за проявлениями вежливости в санатории (в Австрии это соответствует оздоровительному курорту) на Северном Кавказе. Результаты сравнивались с наблюдениями, проведенными в аналогичных учреждениях в Австрии (Rathmayr 2022). Во время десятидневного пребывания в санатории летом 2018 г. я, с двумя российскими коллегами, пила целебную воду, принимала массажи и другие процедуры, постоянно внимательно наблюдая и отмечая в «дневнике вежливости», как люди общаются и относятся друг к другу. Большинство гостей курорта были местными жителями, персонал санатория был очень вежлив, гости или пациенты также проявляли взаимоуважение. Люди здоровались друг с другом в коридоре и в столовой, не толкались, а терпеливо ждали своей очереди. Вопреки часто описываемому в литературе стремлению к спонтанному общению, большинство людей в зонах ожидания были сосредоточены на своих мобильных телефонах или других материалах для чтения. Меня и моих коллег-женщин озадачила только одна деталь: если не хватало мест, женщины вставали и уступали свои места мужчинам. Моя коллега спросила, почему мужчины не уступают место женщинам: «Мужчины защищают дом и семью», - был поразительный для нас ответ. В целом, сравнение проявлений вежливости в микрокосме санатория на Северном Кавказе и аналогичных учреждений в Австрии не подтвердило распространенное предубеждение о низком уровне вежливости в России.

3. Перспективы

Конечно, очень хочется посмотреть, как в настоящее время развивается «новая русская вежливость», однако в условиях военных действий такая тема кажется не вполне уместной. Кроме того, с начала 2020г. практически отсутствует возможность проведения включенного наблюдения. Тем не менее, благодаря коллегам, особенно Наталье Н. Трошиной, я могу привести некоторые наблюдения. Так, надписи «Не прикасаться!», «Вход запрещён!», «Не прислоняться!» до сих пор сохранились. В то же время появились и более дружелюбные вывески и объявления, с пиктограммами и

переводом на английский язык. Например, в «Аптекарском огороде» МГУ в фиктивном диалоге с посетителем даже приводятся аргументы, почему нельзя ходить по газону, несмотря на то, что в Англии это возможно. В учреждениях и компаниях особенно мужчины употребляют ненормативную лексику чаще, чем раньше, что объясняется, вероятно, высоким уровнем стресса. Моя коллега Татьяна Штадлер в ходе поездок в РФ обратила внимание на широкое употребление ненормативной лексики, особенно в молодежной среде. Молодые мужчины, как и женщины, вероятно, хотят этим выразить свою внутреннюю свободу и превосходство. Тем не менее, в целом в современной России сохраняется более вежливый, чем в советское время, тон общения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анисимова, Т.В., Гимпельсон, Е.Г. 2007. *Речевая компетенция менеджера*. М.

Зарецкая, Е.Н. 2002: *Деловое общение. Учебник,* часть 2. М.: Дело.

Клингсайс, Катарина 2017. Методология // *Милехина, Ратмайр* 2017, 15–21.

Krongauz Maksim A. 2004. Русский речевой етикет на рубеже веков. //*Russian Linguistics* 28, 163–178.

Krongauz Maksim A. 2020. Screenlife в эпоху карантина. *Коммуникативные исследования.*7. 4. С. N4, 735–744.

Куликова Л. В. 2009 – Коммуникативный стиль в межкультурном общении. М., 2009.

Милехина,Татьяна. М, Ратмайр, Ренате (Отв. Ред.) 2017. *Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ*. Коллективная монография. М.: Языки славянской культуры.

Прохоров, Юрий Е.; Стернин, Йосиф А. 2006. *Русское коммуникативное поведение*. 2 изд. М.: Флинта Наука.

Ратмайр, Ренате 2006. Новая русская вежливость – маркетизация, вестернизация или индивидуализация дискурса. // *Мова*, 11, 5–42.

Ратмайр Ренате 2013. *Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры.*

Ратмайр Ренате 2017*:* Собеседования при приеме на работу. В: *Милехина, Ратмайр* 2017, 257–.276.

Ратмайр Ренате 2018. Вежливость в русской и австрийской культурах: мифы и реальность. // Шаронов, Игорь А. (отв. ред.) *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации.* М.: Политическая энциклопедия, 234–245.

Ходгсон С. 2006 – Блестящие ответы на трудные вопросы при приеме на работу. М.

Холопова Т. И., Лебедева М. М. 1995 – *Протокол и этикет для деловых людей.* М.

Adamzik K. 2000. Was ist pragmatisch orientierte Textsortenforschung? // Adamzik K. (ed.) *Textsorten. Reflexionen und Analysen.* Tübingen, 2000, 91–112.

Brünner Gisela 2009. Linguistische Diskursanalyse und ihre Anwendung auf die Wirtschaftskommunikation // *Diskurs und Ökonomie: Diskursanalytische Perspektiven auf Märkte und Organisationen* / Eds. R. Diaz-Bone, G. Krell. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 153—176.

Culpeper, Jonathan, Haugh, Michael, Kádár Dániel Z. (eds.) 2017. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London: Palgrave Macmillan.

Grice H. P. 1980 – Logik und Gesprächsanalyse // Kußmaul P. (ed.), *Sprechakttheorie.* Wiesbaden, 1980, 109-126

Harrington Leigh. 2018. “Helping to pay us”: Rapport management in dept collection call centre encounters. // *Journal of Politeness Research* 2018; 14(2), 201-231.
Ebert, Helmut 2002. *Höflichkeit als Strategie der Unternehmenskultur und -kommunikation.* PR-Guide Februar 2002. (http://www.pr-guide.de/onlineb/p020201.htm; 3.7.02)
Kecskes, Istvan 2014. *Intercultural Pragmatics*. New York: Oxford University Press.
Leech, G. 2014. *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press.
Locher, Miriam A., Watts, Richard J. 2005. Politeness Theory and Relational Work. *Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture* 1(1), 9–33.
Rathmayr, Renate 2008. Neue russische Höflichkeit: Einschätzungen, Bewertungen und Interpretation in Interviews. //Kosta, P., Weiss, D. *Slavistische Linguistik 2006/07*, München, 377–396.
Rathmayr, Renate 1990. *Ne vlezaj ub“et*: Sprachliche und pragmatische Strukturen öffentlicher Aufschriften. // W. Breu (Hg.) *Slavistische Linguistik 1989.*München, 237–257.
Rathmayr, Renate 2012. Betriebswirtschaftlicher Diskurs (managerialist discourse) in der russischen Wirtschaftskommunikation? // T. Anstatt (Hrsg.) *Slavistische Linguistik 2011*, *Wiener slawistischer Almanach*. 70, 295–323.
Rathmayr, Renate 2022. Höflichkeit im Mikrokosmos eines Sanatoriums. Vergleich Russland-Österreich. // *Zeitschrift für Slawistik.* 67, 3, 389–404.

BLOC 1.3.
PHRASÉOLOGIE DES LANGUES SLAVES : TRAITS COMMUNS ET PARTICULARITÉS / СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Organisateur : ALEXANDER BIERICH

Saša Babič, Nataša Jakop The Economic Images of Everyday Life in Light of Folkloric Forms 1

Alexander Bierich Русская фразеология XVIII века: на пути к европеизации 4

Mariia Dobrova Новые дискурсы как источник русской неологической фразеологии 9

Maciej Rak Polska frazeologia gwarowa na tle słowiańskim 14

THE ECONOMIC IMAGES OF EVERYDAY LIFE IN LIGHT OF FOLKLORIC FORMS

NATAŠA JAKOP (SLOVENIA)
ZRC SAZU,
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
natasa.jakop@zrc-sazu.si

SAŠA BABIČ (SLOVENIA)
ZRC SAZU
Inštitut za slovensko narodopisje
sasa.babic@zrc-sazu.si

The correlation between language and culture is representatively expressed in folkloric forms, which represent an arsenal of preserved past images of everyday human life, including economic life (both in a narrower and broader sense). Proverbs, as the central genre of folkloric forms, contain many economic themes related to productivity, prosperity, and relationships within economic contexts. In 90% of proverbs with the component *gospodar* 'master', the reflection of economic aspects can be identified. These can be referred to as economic proverbs—e.g., *Kakršni gospodarji, takšni posli* (Like masters, like servants). Their metaphorical images are based on representations of past agricultural practices or tools typical of the Slovene cultural environment. Their messages are preserved or modified in contemporary discourse, but with the nonusage of the proverb, they eventually disappear from the language. Economic images are also preserved in other types of folkloric forms. The plow, for example, is a tool that, due to its visual appearance or function, has been productively used in the creation of several riddles—e.g., *Kdo orje brez pluga? – Krt* (Who plows without a plow? – A mole). Proverbs can motivate the emergence of phrasemes—e.g., *biti dober*/*slab gospodar* (being a good/bad master); and secondary, terms can also emerge from phrasemes—e.g., *dober gospodar* (good master). The use of folkloric forms, particularly proverbs and phrasemes, in contemporary discourse reflects the preservation of stereotypical views from the past (e.g., attitudes towards women) and the transformation of socio-cultural phenomena (e.g., the valuation of material and immaterial goods).

REFERENCES

Robert C. ALLEN, 2011: *Global economic history: a very short introduction*. Oxford University Press (Vol. 282).

Saša BABIČ, 2011: Lingvistična antropologija in etnolingvistika. *Studia Mythologica slavica* 14. 169–80. Tudi na spletu.

Saša BABIČ, 2015: *Beseda ni konj: Estetska struktura slovenskih folklornih obrazcev*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Saša BABIČ, 2021a: *Uganke na Slovenskem.* Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. Tudi na spletu.

Saša BABIČ, 2021b: Stereotipna podoba ženske v slovenskih folklornih obrazcih. *Ustvarjalke v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*. Ur. Alenka Žbogar. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 80–8.

Saša BABIČ, 2024: What is proverbial dog like?. *Standing on the shoulders of giants: a Festschrift in honour of Wolfgang Mieder on the occasion of his 80th birthday. Proverbium*. Ur. Saša Babič idr.: Osijek: Filozofski fakultet u Osijeku (Online supplement series 3.) 561–576. Na spletu.

Saša BABIČ, 2025: Time spirals in Slovenian short folklore forms. *Festschrift* ... V tisku.
Jerzy BARTMIŃSKI, 2005: *Jazykovoj obraz mira: očerki po etnolingvistike.* Moskva: Založba Indrik.
Ingrid CELESTINA, Suzana TODOROVIĆ (ur.), 2017: *Šavrinka.* Koper: Libris.
Dmitrij Dobrovolskij, Elisabeth Piirainen, 1997: *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie und Parömiologie aus kultursemiotischer Perspektive*. Bochum: Brockmeyer.
Metka FURLAN, 2013: *Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek.* Ljubljana: Založba ZRC.
Maja GODINA - GOLIJA, 2006: *Prehranski pojmovnik za mlade*. Maribor: Založba Aristej.
Nataša JAKOP, 2022: Vpliv družbenih omrežij na rabo paremioloških enot: na primeru enot s sestavino kruh. *Slavistična revija* 70/3. 349–60. https://doi.org/10.57589/srl.v70i3.4042.
Vida JESENŠEK, Dmitrij DOBROVOLSKIJ (ur.), 2014: *Phraseologie und Kultur* Maribor: Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru (Zora 96).
Svetlana KMECOVÁ, 2016: Podpira žena tri vogale hiše. *Jihoslovanská frazeologie kontrastivně*. Ur. Pavel Krejčí, Elena Krejčová:. Brno: MUNIpress. 45–58.
Bożena KOCHMAN-HAŁADYJ, 2021: *Anglo-American and Polish Proverbs: Linguo-Cultural Perspective on Traditional Values*. Frankfurt: Peter Lang.
Erika KRŽIŠNIK, 2005: Frazeologija v luči kulture. *Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi: zbornik predavanj*. Ur. Marko Stabej. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik (SSJLK 41). 67–81.
Erika KRŽIŠNIK, 2022: Paremiološke enote – variante, variacije in novi frazemi. *Slavistična revija* 70/3. 301–14. https://doi.org/10.57589/srl.v70i3.4038.
Špela LEDINEK, Nataša ROGELJA, 2000: *Potepanja po poteh šavrinke Marije.* Ljubljana: Slovensko etnološko društvo.
Špela LEDINEK LOZEJ, 2017: Preprodajalke med osrednjo Istro in obalnimi mesti. Ur. Ingrid Celestina, Suzana Todorović: *Šavrinka.* Koper: Libris. 67–78.
Marija Makarovič, 1987: *Kmečko gospodarstvo na Slovenskem. Načini orodja in naprave.* Ljubljana: Mladinska knjiga.
Gary B. PALMER, 1996: *Toward a theory of cultural linguistics*. Austin: University of Texas Press.
Bert PEETERS, 2019: On linguoculturology and cultural linguistics. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация* 17/4. 6–11.
Katarina RIGLER ŠILC, 2024: Frazeologija na letnem koncertu otroških pevskih zborov. *Izzivi in priložnosti frazeologije, tudi v novem, digitalnem svetu: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 20. in 21. 9. 2024*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta.
Farzad SHARIFIAN, 2017: Cultural linguistics. *Ethnolinguistic* 28. 33–61.
Inja SMERDEL, 1980–1982: Ljudsko gospodarstvo. *Slovenski etnograf* 32. 1–26.
Andrej STUDEN, 1989: Fernand Braudel, Strukture vsakdanjega življenja: mogoče in nemogoče (Materialna civilizacija, ekonomija in kapitalizem, XV. - XVIII. stoletje). I. in II. del. Ljubljana: ŠKUC, FF, 1988. 358+414 strani. (Studia Humanitatis). *Zgodovinski časopis* 43/3. 459–60.
Marjan TOMŠIČ, 1986: *Šavrinke*. Ljubljana: Kmečki glas.
Marjan TOMŠIČ, 2021: *Zrno od frmntona*. Ljubljana: Beletrina.
Mladen UHLIK, 2008: Analiza pojma jezikovna slika sveta v zgodovini jezikoslovnih idej – primer determinizma v jezikoslovju. *Jezikoslovni zapiski* 14. 75–84. https://doi.org/10.3986/jz.v14i1.2458.

Maria WACŁAWEK, Maria WTORKOWSKA, 2023. Denar je/ni vse – iz raziskav jezikovno-kulturne podobe Slovencev. *Jezikoslovni zapiski* 29/2. 205–23. https://doi.org/10.3986/JZ.29.2.08.

Irina V. ZYKOVA, 2016: Linguo-cultural studies of phraseologisms in Russia: past and present. *Yearbook of phraseology* 7/1. 127–48.

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ XVIII ВЕКА: НА ПУТИ К ЕВРОПЕИЗАЦИИ

ALEXANDER BIERICH (ГЕРМАНИЯ)

1. Предварительные замечания

В историю русского языка XVIII век вошел прежде всего как период интенсивных языковых контактов. Глубокие изменения во всех сферах экономики и общества, связанные с реформами Петра Великого, нашли своё отражение и в языке. Для обозначения многочисленных новых явлений, появившихся в это время, активно использовались заимствования из западноевропейских языков, прежде всего из латинского, немецкого, голландского, французского, английского. Важную роль в обогащении словарного состава русского языка XVIII века сыграли переводы. Тесные контакты с Западной Европой привели к тому, что всё больше и больше дворян овладевало иностранными языками. Уже в конце XVIII века большая часть дворянского общества была дву- и даже треязычной. Кроме французского языка, владение которым для дворян было практически обязательным, в обществе того времени отмечаются знания немецкого и английского языков. Изучение иностранных языков было также необходимо для обучения в Петербургской Академии наук и Московском университете, так как занятия в этих научно-учебных заведениях проводились на латинском и немецком языках. С 40-х годов во время публичных мероприятий всё чаще используется французский язык. Не удивительно поэтому, что число заимствований в русском языке XVIII века было очень велико. Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова и Л.Л. Кутина, изучавшие влияние западноевропейских языков на словарный состав русского языка, отмечают, что число заимствований в произведениях XVIII века составляет более 8500 единиц (Биржакова/Войнова/Кутина 1972: 83).

В многочисленных работах, посвящённых лексическим заимствованиям в русском языке XVIII века (ср.: Hüttl-Worth 1963; Kiparsky 1975; Биржакова/Войнова/Кутина 1972; Otten 1985 и др.), фразеологические обороты практически не привлекались в качестве материала исследования. Лишь в 90-е годы XX века появилось несколько исследований, рассматривающих заимствования в сфере фразеологии (Mokienko 1993; Otten 2001a; 2001b; 2002). Причиной этого является, по-видимому, тот факт, что фразеологические заимствования, в отличие от лексических, в языке-реципиенте, как правило, переводятся, калькируются и в связи с этим как заимствованные не воспринимаются. К тому же при

совпадении фразеологизмов в различных языках нельзя всегда говорить о заимствовании; в отдельных языках возникновение идентичных идиоматических выражений может быть объяснено одинаковыми логическими и образно-ассоциативными процессами, совместным опытом, общественным и культурным окружением и т.п.

2. Фразеологические заимствования из немецкого языка

Немецкий язык наряду с французским служил в XVIII веке одним из главных источников обогащения словарного состава русского языка. Особенно сильным является влияние немецкого языка в первой четверти этого века, так как большая часть немецких заимствований проникла в русский язык в Петровскую эпоху. Французский язык в это время играл ещё незначительную роль (сам Пётр не говорил по-французски). Необходимо, однако, иметь в виду, что в письмах и бумагах Петра немецкое влияние конкурирует с голландским (голландский язык был любимым языком Петра I.). Кроме того, немецкий язык был обиходным языком в кругу соратников Петра, среди которых было много иностранцев. Неудивительно поэтому, что в письмах и бумагах самого Петра и его круга отмечается значительное число фразеологических оборотов, имеющих немецкие прототипы. Типичным примером подобного рода выражений является фразеологизм *подъ рукою* ‘тайно, незаметно для других, сокровенно’: *подъ рукою объявить* (ПиБ XIII, 1, 272)*, подъ рукою дать знать* и т.п. Оборот отмечен также в Словаре Академии Российской (*Под рукой*. В обр. нар. Тайно, сокровенно. Сказать, услышать что под рукою. – САР[2], 5: 1094) и представлен многими примерами в литературе XVIII и XIX вв., ср.: [Палемон:] Так *сказано* мне было *под рукою*, что ежели я хотя намекну о том когда, то места я себе и в Камчатке не сыщу. Сумароков. Опекун. В современном русском языке это выражение является устаревшим.

В письме Петра I к царевичу Алексею впервые фиксируется фразеологизм *ни рыба ни мясо* ‘о ком-л., не имеющем характерных, отличительных индивидуальных свойств’: «... такъ остаться, как желаешь быть, *ни рыбою, ни мясомъ,* невозможно...». ОЭСРФ (1987: 94) связывает это выражение с англ. *neither flesh nor fish nor good red herring* или с франц. *ni chair ni poisson*. Влияние английского или французского у Петра I можно с уверенностью исключить, представляется поэтому, что оборот *ни рыба ни мясо* является калькой с нем. *weder Fisch noch Fleisch (nicht Fisch nicht Fleisch)* или голланд. *vis nog vlees zijn.* L. Röhrich (1991, 1: 451) указывает на первую фиксацию этого фразеологизма в „Adagia“ (1534) Эразма Роттердамского на латинском языке: *neque caro neque piscis*. В немецком языке он отмечается с 16 в.: „Sonder ist *weder fisch noch fleisch*“ (Fischart, „Bienenkorb“, 1586).

Для изучения немецких фразеологических заимствований в русском языке помимо писем и бумаг Петра I большое значение имеет «Лексикон» Э. Вейсманна („Teutsch=Lateinisch= und Rußische Lexicon“) 1731 г. Здесь мы находим большое число фразеологизмов, которые объясняли французским влиянием. Так, оборот *подливать масло в огонь* считается калькой франц. *jeter de l'huile sur le feu* (ОЭСРФ 1987: 109). Фиксация в Вейсманновом Лексиконе («Öl ins Feuer schütten, ignem igni addere, ignem gladio fodere, *масло на огонь возливати*, вражду разжигати, ссору, несогласіе умножати, огнь к огню прибавляти» – WL 1731: 458) доказывает, однако, что это старое выражение проникло в русский язык через посредничество немецкого языка. Во второй половине XVIII в., а также в XIX в. и современном русском языке этот оборот в форме *подливать масло в огонь* отмечается неоднократно, ср.: [Пантелей:] Потап с Маврою были заводчики распрь, Баланцов *подливал масло в огонь*, а Пантелей препятствия преодолел. Дом. несогл. 370 (СлРЯ XVIII, 12: 80).

На основании словарных статей в Вейсманновом лексиконе можно выявить немецкие прототипы или немецкое посредничество для следующих фразеологических оборотов: а) *высосать из пальца что* ‘выдумать, сказать что-л. без всяких оснований’ (*Aus den Fingern saugen*, comminisci ex suo ingenio, собою изобрести, от себе вымыслити, выдумати, *из палца высосати.* – WL 1731: 197); б) *пятое колесо в телеге* ‘о ком- или о чём-л. лишнем, ненужном, бесполезном’ (*Das fünffte Rad am Wagen*, opera supervacanea, излишний труд, *пятое колесо у телеги*, другая ступица в колесе. – WL 1731: 481); в) *под гребень стричь* ‘подгонять всех под один уровень’ (*Über den Kamm scheren*, per pectinem attondere, *под гребень стричь.* – WL 1731: 325) и т.д.

3. Фразеологические заимствования из французского языка

С середины XVIII века влияние немецкого языка сменяется французским, которое во второй половине и к концу XVIII века всё более усиливается. Своего апогея оно достигает в начале XIX века, когда светская жизнь полностью перешла на французский лад и русское дворянство было практически французскоязычным. Поскольку воспитатели дворянских детей были французами, и русский язык дети слышали только от своих мамок, то большая часть русского дворянства с трудом могла объясняться на родном языке. С. Порошин, воспитатель будущего императора Павла I, сообщает в своих мемуарах (1764-1766) о беседе со своим воспитанником, в которой разговорная речь русских дворян характеризуется следующим образом:

> „Иные русские в разговорах своих мешают столько слов французских, что кажется будто говорят французы и между французских слов употребляют русские. Также говорили, что

> иные столь малосильны в своём языке, что всё с чужестранного от слова до слова переводят и в речах и в письме“ (Порошин, Записки).

Такая распространённость французского языка привела к тому, что русские писатели второй половины XVIII века употребляли в своих произведениях значительное число калек французских фразеологизмов, многие из которых до сегодняшнего дня сохранились в русском языке. «Галломания» русского дворянства доходила до того, что даже ошибочные переводы французских фразеологических оборотов закреплялись в русском языке. В качестве примера можно привести выражение *быть (сидеть) не в своей тарелке* ‘быть не в обычном состоянии; чувствовать себя неловко, стеснённо’, основой которого послужило франц. *n’être pas dans son assiette*. Во французском фразеологизме компонент *assiette* означает, однако, не ‘тарелка’, а ‘седло’. Прямое значение этого выражения можно, таким образом, интерпретировать как ‘сидеть не крепко, неуверенно в седле’. Несмотря на эту ошибку, оборот *быть (сидеть) не в своей тарелке* часто употреблялся в произведениях XVIII века, причём эта частотность сохранилась и современном русском языке.

Ошибочные переводы фразеологических единиц были в то время нередкостью. В словаре русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII, 8: 246) приводится, например, выражение *игра не стоит мерзляка (сосульки)* ‘затрачиваемые на что-л. усилия, средства не оправдываются, не окупаются’, восходящее к франц. *la jeu n’en vaut pas la chandelle*. Французская лексема *chandelle* действительно имеет значение ‘сосулька’, но не в фразеологизме *la jeu n’en vaut pas la chandelle*, в котором речь идёт о карточной игре, выигрыш в которой меньше затрат на свечи. В корректной форме *игра не стоит свеч* это выражение употребляется и сегодня.

4. Заключение

Рассмотренный материал показывает, что русская фразеология XVIII века испытала сильное влияние немецкого и французского языка. В отличие от церковнославянских заимствований, которые перенимались в русский язык в своём оригинальном материальном составе, немецкие и французские фразеологизмы, как правило, переводились, калькировались и потому часто даже не осознавались как заимствования. В связи с этим их чрезвычайно трудно отграничить от параллельных образований, возникших непосредственно в русском языке. Выявлению заимствований способствуют прежде всего формальные элементы языка-источника, сохранившиеся во фразеологизме (чужеродные компоненты, необычная со-

четаемость и т.п.). Помимо чужеродных элементов о заимствованном характере фразеологизма свидетельствует ареал его распространения: чем чаще фразеологизм встречается в славянских и западноевропейских языках, тем вероятнее его заимствованный характер. Для XVIII века при этом чрезвычайно важна дата его фиксации: если в первой половине XVIII века преобладало немецкое влияние, то для второй половины характерно влияние французского языка. Для фразеологизмов, употребляющихся как в немецком, так и во французском языках, не всегда возможно поэтому установить, какой из этих языков сыграл роль посредника, так как в XVII-XVIII веках немецкий язык также находился под сильным французским влиянием. Нельзя исключить поэтому, что значительная часть французских фразеологизмов проникла в русский язык и через посредство немецкого языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина: *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования.* Ленинград 1972.

ОЭСРФ = Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов: *Опыт этимологического слова- ря русской фразеологии.* Москва 1987.

СлРЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века.* Вып. 1-22. Санкт-Петербург (Ленин- град) 1984-2019.

G. Hüttl-Worth: *Foreign Words in Russian. A historical sketch*. 1550-XVIII00. Berkeley and Los Angeles 1963.

V. Kiparsky: *Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes.* Heidelberg 1975.

V.M. Mokienko: Phraseologische Germanismen im Russischen. W: *Zeitschrift für Slawistik,* 38 (3). Berlin 1993, 346-360.

F. Otten: *Untersuchungen zu den Fremd- und Lehnwörtern bei Peter dem Großen.* Köln-Wien 1985.

F. Otten: Zu einigen russischen Phraseologismen des 17./XVIII. Jahrhunderts (I). W: *Zeitschrift für Slawistik*, 46 (3). Berlin, 2001a, 281-307.

F. Otten: Zu einigen russischen Phraseologismen des 17./XVIII. Jahrhunderts (II). W: *Zeitschrift für Slawistik*, 46 (4). Berlin 2001b, 418-442.

F. Otten: Russische Phraseologie im europäischen Kontext. W: *Zeitschrift für Slawistik*, 47 (3). Berlin, 2002, 344-362.

L. Röhrich: *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten.* Bd. 1-3. Freiburg/Basel/ Wien 1991-1992.

WL 1731 = *Teutsch=Lateinisch= und Rußisches Lexicon.* Sankt Petersburg 1731 (= Specimi- na Philologiae Slavicae, 46-47).

НОВЫЕ ДИСКУРСЫ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ НЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

MARIIA DOBROVA (ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

Русский язык и русская речевая ситуация рубежа XX-XXI вв. пережили ряд активных трансформационных процессов, к которым традиционно относят следующие явления: демократизацию и изменение нормативной основы литературного языка, интенсификацию процесса иноязычных заимствований, интернационализацию, жаргонизацию, коллоквиализацию и мн. др. (Гловинская и др. 2008), (Доброва 2019), (Скляревская 2001), (Стернин 2004). Можно утверждать и то, что русский язык и речь первой трети XXI в. все еще продолжают находиться под влиянием данных динамических тенденций. Одной из них является и масштабная неологизация, отмечаемая в большинстве посвященных изучению современных языковых процессов исследований, напр., (Stěpanova 2011), (Валгина 2003), (Кронгауз 2008), (Скляревская 1998) и мн. др.

При этом стоит отметить, что наиболее заметно неологические языковые процессы протекают в лексике и фразеологии, поскольку именно они, будучи непосредственно обращенными к реалиям области языка, быстрее всего отражают любые изменения, происходящие в жизни общества. Интенсивная неологизация русского языка последних трех десятилетий обусловлена множеством экстралингвистических факторов, среди которых как экономические изменения и социальные инновации перестройки и постперестройки, так и появление новых технических средств, массовая компьютеризация и «интернетизация».

К данным факторам можно отнести и появление новых дискурсивных пространств (как институционального, так и субкультурного характера), активно влияющих на облик современного языка и речи, вербализующихся в первую очередь в средствах массовой информации и интернете и приносящих в язык свои «периферийные» единицы. Интерес к «новым» дискурсам и их отдельным вариантам отражен и в современной научной литературе (Доброва 2019, 2020), (Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент 2023), (Лингвокреативность в дискурсах разных типов 2021), (Новоженова 2011), (Рекламный дискурс и рекламный текст 2013), (Тарнаева, Дацюк 2013) и мн.др.

В докладе будет рассмотрено влияние «новых» дискурсов на возникновение, закрепление и функционирование современной русской неологической фразеологии на материале текстов массмедиа, поскольку значительную роль в распространении неофразем из часто изначально узких субкультурных сфер в массовую речь и в росте их популярности играют именно средства массовой коммуникации и интернет, способствующие как поддержке самого общения в рамках конкретных дискурсивных пространств и субкультур, так и мгновенному распространению любых речевых явлений. По точному замечанию Е.В. Генераловой, «сложно переоценить значимость медиатекста в отношении фиксации употребления новых слов и выражений, и именно контексты из СМИ зачастую определяют функционирование этих единиц в языке. Многие новые устойчивые выражения рождаются и фиксируются в языке СМИ…» (Генералова 2021, с. 189).

Так, анализ современных фразеологических и неологических словарей, напр., (Доброва 2020, 2022), (Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века 2009-2014), (Мокиенко, Никитина 2013), (Скляревская 1998), (Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021), (Stěpanova, Dobrova 2018) и мн.др. и исследование текстов массовой коммуникации позволяет говорить о значительном влиянии на фразеологию следующих дискурсов: компьютерного, сетевого, эзотерического, рекламного, экономического, психологического и др.

При этом важно отметить, что новые дискурсивные пространства становятся источником самых разнообразных устойчивых оборотов, включающих в себя как «классические» фразеологизмы (*выйти (уйти, вылететь) в астрал, включать / включить читера*), так и перифразы, коллокации и устойчивые обороты неэкспрессивного характера, в том числе терминологические и квазитерминологические (*нефтяные быки; партизанский маркетинг; голубой налог*), а также эррративные устойчивые выражения (*кто жжот напалмом, ф топку (фтопку) кого, что*) и фразеологические варваризмы (*софт скиллз (скиллс); эпик фейл; френдз онли*).

В докладе будет продемонстрировано появление целых групп неофразеологизмов из конкретных дискурсивных пространств. Так, из сетевого и компьютерного дискурсов в русский язык приходят обороты *делать / сделать апгрейд, вычислять / вычислить кого по айпи, танцы (танец) с бубном, прошито в биосе что у кого, фиксить / пофиксить баги, отправлять / отправить (посылать / послать) кого в бан;* из экономического и рекламного

– *целевая аудитория*, *бегство капитала (капиталов)*, *боль клиента, азиатские драконы, дробильщик вкладов;* из дискурса популярной психологии – *психологический (эмоциональный) абьюз, энергетический (эмоциональный) вампир, выученная беспомощность, быть в ресурсе, быть в потоке* и т.д. (Доброва 2020, 2022), (Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века 2009-2014), (Мокиенко, Никитина 2013), (Stěpanova, Dobrova 2018). В последние годы возрастает и роль так называемых иррациональных дискурсов, прежде всего, религиозного и эзотерического (а также более частных случаев его проявления: профетического, астрологического, магического, мантического и др) (Доброва 2021), (Новоженова 2018), становящихся источником целых групп «кармических», «дзенских» и др. фразеологизмов (*отращивать / отрастить дзен, постигать / постичь (познавать / познать) дзен, получать / получить в карму плюсы, портить / испортить карму, чесать / почесать карму, чистить / очистить (почистить) карму* и т.д.), также активно циркулирующих в СМИ. Популярность подобных неологических фразеологических единиц в пространстве массмедиа связана с тем, что они не только отсылают к «модным» реалиям, обладают повышенной экспрессивностью за счет новизны, но и становятся своеобразными фразеологическими «символами» эпохи.

При этом внимание к данной проблематике в очередной раз доказывает важность неологических исследований во фразеологии, демонстрируя тот факт, что «неологизация фразеологического корпуса любого современного языка – это не только деривационные процессы в его системе, это лингвокреативная деятельность перестраивающегося языкового сознания, его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» (Алефиренко 2008, с. 210).

БИБЛИОГРАФИЯ

Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: Элпис, 2008.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос, 2003.

Генералова Е. В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии. In: Медиалингвистика, 8 (2), 2021, с. 180-192.

Гловинская М. Я. и др. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX— XXI веков. Институт рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва: Языки славянских культур, 2008.

Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей. Отв. ред. И.В. Зыкова. Москва: Р.Валент, 2023.

Доброва М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект. Оломоуц: Издательство Оломоуцкого университета, 2019.

Доброва М. С. О новой русской фразеологии «эзотерического» происхождения. In: Walter, Harry, Mokienko, Valerij. (eds.): Die slawische Phraseologie und Phraseographie: phraseologische Neologismen in slawischen Sprachen. Kollektivmonografie. Greifswald: Universität Greifswald, 2021, с. 130-135.

Доброва М.С. Словарь новых фразем и коллокаций русского языка. Оломоуц: Издательство Оломоуцкого универститета, 2022.

Доброва М. Так говорят в русском Интернете. Словарь. Оломоуц: Издательство Университета им. Ф. Палацкого, 2020.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Языки славянских культур, 2008.

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Отв. ред. И.В. Зыкова. Москва: Р.Валент, 2021.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

Новоженова З. Л. Новая русская фразеология: эзотерический вектор. In Аврамова, Валентина, Пенчева, Антония, Гочев Гоча и др. (ред.): Русистика: вчера, сегодня, завтра. София: Общество русистов Болгарии, 2018, с. 183-193.

Новоженова З. Л. Эзотерический дискурс в современной России: жанры и языковые особенности. In: ROSSICA OLOMUCENSIA L. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXI. OLOMOUCKÉ DNY RUSISTŮ 07.09.–09.09. 2011. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. С. 231-234.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева. Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. — Т. 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009.

Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. Сост. Т. Н. Буцева, Е. Н. Геккина, Ю. Ф. Денисенко, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, Н. Г. Стулова, Е. Н. Шагалова; под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Т. 2. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014.

Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. Сост.Т. Н. Буцева, Е. Н. Геккина, Ю. Ф. Денисенко, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, Н. Г. Стулова, Е. Н. Шагалова; под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Т. 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014.

Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы. In: Исследования по славянским языкам, № 6, 2001, с. 177-202.

Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998.

Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. Науч. ред. Т. Н. Колокольцева. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2013.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая. Ред. коллегия Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.

Степанова Л., Доброва М. Словарь русских неологизмов. Оломоуц: Издательство Университета им. Ф. Палацкого, 2018.

Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2004.
Тарнаева Л. П, Дацюк В. В. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики. In: Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, N3, 2013, с. 229-235.
Stěpanova L., Dobrova M. Slovník ruských neologismů. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 2018.
Stěpanova L. Současný ruský jazyk: triumf verbální svobody. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 2011.

POLSKA FRAZEOLOGIA GWAROWA NA TLE SŁOWIAŃSKIM

MACIEJ RAK (POLSKA)

1. Uwagi wstępne

Dorobek polskiej frazeologii gwarowej obejmuje około 170 publikacji (szczegółowy ich przegląd znajdziemy w pracach Anny Krawczyk-Tyrpy (Krawczyk 1985; Tyrpa 2016), Lidii Przymuszały (2011) i Macieja Raka (2022)). W zdecydowanej większości są to artykuły nastawione na pokazanie podobieństw i różnic między frazeologią gwarową i ogólnopolską. Innym tematem realizowanym zwłaszcza w ostatnich trzech dekadach jest opis utrwalonego we frazematyce gwarowej językowego (czy też dokładniej: frazeologicznego – więcej o tym patrz: Bartmiński 2020) obrazu świata społeczności wiejskiej. Osobno (w postaci monografii) omówiono dialektalną frazeologię somatyczną (Krawczyk-Tyrpa 1987), animalistyczną (Rak 2007) i dotyczącą świętych Kościoła (Popławski 2014), a także opracowano słowniki frazeologii gwarowej Dębna w Górach Świętokrzyskich (Rak 2005), Śląska (Przymuszała 2013) i Wielkopolski północno-wschodniej (Chojnacki 2018). Zdecydowanie mniej miejsca poświęcono motywacji dialektalnych związków frazeologicznych (np. Rak 2008) oraz zmianom w zasobie frazeologicznym, które zostały wywołane postępem cywilizacyjnym.

Polska frazeologia gwarowa wpisuje się w trzy modele świata, które współtworzą ludowy obraz świata, są to: 1) model mitologiczny (odziedziczony z okresu prasłowiańskiego albo nawet z indoeuropejskiego), 2) biblijny (judeochrześcijański) i 3) potoczny (skupiony na świecie widzialnym) (Bartmiński 2013). Na te trzy modele warto też spojrzeć z perspektywy ogólnosłowiańskiej. Tego właśnie aspektu dotyczy niniejszy artykuł.

2. Analiza materiału

2.1. Frazeologia prasłowiańska współtworząca mitologiczny model świata

Na temat tego zasobu frazeologii powstało już kilka prac (np. Tolstoj 1973; Bierich 2014; Birih 2020; Val'ter, Mokienko 2019). Wspólną cechą frazeologii o pochodzeniu prasłowiańskim jest szerokie rozpowszechnienie w wielu bądź wszystkich językach słowiańskich, por. np.: *{ktoś} trzymo jynzyk za zymbami* (wspólnogwarowe i wspólnoodmianowe); por.: *держать язык за зубами* (ros.); *трымаць* (*дзяржаць*) *язык за зубамі* (białrus.); *тримати* (*держати*) *язик за зубами* (ukr.); *držet jazyk za zuby* (cz.); *držať jazyk za zubami* (słow.); *държа си езика <зад зъбите>* (bułg.); *metnuti jezik za zube* (serb-chorw.); *držati jezik za zobmi* (słoweń.). Tę jednostkę można intepretować także jako przykład frazeologii naturalnej.

Czasem zasięg geograficzny frazeologizmu ogranicza się do pewnej części Słowiańszczyzny, tej, gdzie znane było któreś z prasłowiańskich wierzeń. Dyferencyjny frazeologizm *gwiozda sie cyści* ‘o spadającej gwieździe’ jest powiązany z wierzeniem, według którego każdy człowiek ma swoją gwiazdę. Gdy człowiek umiera, gwiazda spada i czyści się, podobnie jak czyści się dusza ludzka (por. Moszyński 1967: 464; SD II: 291–292). Choć wskazane wierzenie jest wspólnosłowiańskie, to jednak tylko Słowianie zachodni wprost mówią o *czyszczeniu się gwiazd*. Z tego też powodu gwarowa jednostka *gwiozda sie cyści* ma odpowiedniki jedynie w zachodniosłowiańskiej frazeologii, por.: *hviezdy sa čistia* (słow. gw.); *hvězdy se čistí* (czes. gw.); *cysćenje gwězdy*, *gwězda se cysći* (dłuż.); *hwězdy so čisća* (głuż.) (Kupiszewski 1974: 61).

2.2. Frazeologia biblijna i motywowana chrześcijańskim widzeniem świata i kodeksem zachowań

Na temat zasobu frazeologicznego motywowanego szeroko pojętym chrześcijaństwem powstały w odniesieniu do polskiego materiału językowego dwie książki (Koziara 2001; Popławski 2014) i dwa słowniki (Komornicka 1994; Godyń 1995). Cechą znamienną tego działu frazeologii jest wspólnoodmianowość, gdyż Biblia i kultura chrześcijańska oddziaływały na gwary polskie i polską kulturę ludową przez medium polszczyzny ogólnej i kultury ogólnopolskiej (jeśli można mówić o tego typu konstrukcie, który z definicji nosi znamiona heterogeniczności).

Z Ewangelii według św. Mateusza pochodzi przysłowie: *lupi in vestimentum ovium* (łac.), które jest znane w gwarach polskich (*wilk w owcy skórze*), polszczyźnie ogólnej i prawdopodobnie we wszystkich językach europejskich, por.: *wolf in sheep's clothing* (ang.), *Wolf im Schafspelz* (niem.), *ulv i fåreklær* (norw.), *ulv i fårakläder* (szw.), *loup déguisé en agneau* (franc.), *lobo con piel de oveja* (hiszp.), *lupo con la pelle dell'agnello* (wł.), *lobo em pele de cordeiro* (port.), *wilk w owczej skórze* (ogpol), *vlk v ovčom rúchu* (słowac.), *vlk v beránčím rouše* (czes.), *вук у јагњећој кожи* (serb.), *volk v ovčji koži* (słoweń.), *волк в овечьей шкуре* (ros.), *вовк в овечій шкурі* (ukr.), *A farkas gyakorta juhbőrbe öltözik* (węg.). Tego typu internacjonalizmów jest oczywiście znacznie więcej.

2.3. Frazeologia odwołującej się do obserwacji widzialnego świata

W tym punkcie wyjdźmy od perspektywy onomazjologicznej. Znaczenie ‘czerwony’ lub ‘bardzo intensywnie czerwony’ jest oddawane w gwarach polskich na kilka sposobów, np.: *czyrwióny jak gwoździk*; *czyrwióny jak miech od mąki*; *czyrwióny jak putnia od wopna*,

czyrwiony jak starczyna spódnica (Śląsk Cieszyński); *cyrwony jak indór // krew* (oggw.). Z tego zasobu porównań jednostka *czerwony jak krew* ma charakter internacjonalny (por. np. *красный как кровь* (ros.), *red as blood* (ang.), *rosso come il sangue* (wł.)), przez wzgląd na to, że należy do frazeologii naturalnej. Podobnie można wnioskować na temat jednostki *czerwony jak rak*. Tu się jednak okazuje, że w innych językach jako comparans pojawia się np. homar (ang. *red as a lobster*), papryka (słowac. *červený ako paprika*) bądź ugotowany rak (czes. *červeni ako vyvareni rak*). Wynika z tego, że frazeologia odwołującej się do obserwacji widzialnego świata w perspektywie ogólnosłowiańskiej jest bardziej zróżnicowana niż dwa wcześniejsze działy frazeologii.

3. Uwagi końcowe

Umieszczenie polskiej frazeologii gwarowej na tle ogólnosłowiańskim komplikuje się zwłaszcza wtedy, gdy uwzględnimy potencjał frazeologii naturalnej, której klasycznym przykładem jest porównanie *wolny jak ptak* (oggw. i ogpol.); *frei wie ein Vogel* (niem.); *free as a bird* (ang.); *свободный как птица* (ros.); *вільний як птах* (ukr.) itd.

Także średniowieczne łacińskie przysłowia stanowią źródło internacjonalizmów, które mogą zagmatwać analizę nakierowaną na badanie motywacji frazeologicznej, por. np. *Quod non potest diabolus, mulier evincit* (łac.) – *Gdzie diabeł nie może, tam babę pośle* (ogpol.); *Wohin der Teufel nicht selbst kommt, da schickt er ein altes Weib* (niem.); *Ciò che non può il diavolo, l'ottiene la donna* (wł.); *Kde čert nič nemôže vykonať, to pošle (postrčí) starú babu* (słow.); *Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет* (ros.).

Wykaz skrótów: ang. – angielskie; białrus. – białoruskie; bułg. – bułgarskie; czes. – czeskie; dłuż. – dolnołużyckie; głuż. – górnołużyckie; hiszp. – hiszpańskie; łac. – łacińskie; norw. – norweskie; oggw. – ogólnogwarowe; ogpol. – ogólnopolskie; port. – portugalskie; ros. – rosyjskie; serb. – serbskie; serb-chorw. – serbsko-chorwackie; słowac. – słowackie; słoweń. – słoweńskie; ukr. – ukraińskie; węg. – węgierskie.

BIBLIOGRAFIA

Bartmiński J., 2013, *Obraz mira v pol'skoj narodnoj tradicii*, [w:] S. M. Tolstaâ (red.), *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiû akademika Nikity Il'iča Tolstogo*, Moskva, s. 26–41.

Bartmiński J., 2020, *Frazeologia a językowy obraz świata*, [w:] M. Rak, V.M. Mokienko (red.), *Słowiańska frazeologia gwarowa II*, „Biblioteka LingVariów", t. 28, Kraków, s. 53–62; https://doi.org/10.12797/9788381382458.04.

Bierich A., 2014, *Phänomene der historischen Phraseologie der slavischen Sprachen*, [w:] S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (red.), *Die slavischen sprachen*. Band 2: *Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*, Berlin, s. 1766–1792.

Birih A., 2020, *Dialekty kak istočnik russkoj istoričeskoj frazeologii*, [w:] M. Rak, V.M. Mokienko (red.), *Słowiańska frazeologia gwarowa II*, „Biblioteka LingVariów", t. 28, Kraków, s. 101–108; https://doi.org/10.12797/9788381382458.09.

Chojnacki J., 2018, *Frazeologia gwarowa Wielkopolski północno-wschodniej*, Łódź.
Godyń J., 1995, *Od Adama i Ewy zaczynać. Mały słownik biblizmów języka polskiego*, Warszawa – Kraków.
Komornicka A.M, 1994, *Słownik zwrotów i aluzji biblijnych*, Łódź.
Koziara S., 2001, *Frazeologia biblijna w języku polskim*, Kraków.
Krawczyk A., 1985, *Co wiemy o frazeologii gwarowej?*, „Z Problemów Frazeologii Polskiej i Słowiańskiej" III, s. 129–137.
Krawczyk-Tyrpa A., 1987, *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
Kupiszewski W., 1974, *Polskie słownictwo z zakresu astronomii i miar czasu. Stan obecny, historia i związki słowiańskie*, Warszawa.
Moszyński K., 1967, *Kultura ludowa Słowian*, t. II: *Kultura duchowa*, cz. 1, Warszawa.
Popławski E., 2014, *Frazemy z biblijnymi nazwami osobowymi w gwarach polskich*, Kraków.
Przymuszała L., 2011, *Stan badań nad polską frazeologią gwarową*, „Studia Slavica" XV, s. 219–226.
Przymuszała L., 2013, *Słownik frazeologizmów i typowych połączeń wyrazowych w gwarach śląskich*, Opole.
Rak M., 2005, *Słownik frazeologiczny gwary Dębna w Górach Świętokrzyskich*, Kraków.
Rak M., 2007, *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza (na tle porównawczym)*, Kraków.
Rak M., 2008, *O motywacji frazeologizmów gwarowych (na materiale z gwar podhlańskiej i świętokrzyskiej)*, [w:] Z. Cygal-Krupa (red.), *Współczesna polszczyzna. Stan, perspektywy, zagrożenia*, Kraków–Tarnów, s. 257–264.
Rak M., 2022, *Polska frazeologia gwarowa – próba bilansu*, „Gwary Dziś" 15, s. 13–23; DOI 10.14746/gd.2022.15.3.
SD II: N.I. Tolstoj (red.), *Slavânskie drevnosti. Ètnolingvističeskij slovar'*, t. 2: *D* (*Davat'*) – *K* (*Kroški*), Moskva.
Tolstoj N.I., 1973, *O rekonstrukcii praslavânskoj frazeologii*, [w:] *Slavjanskoe jazykoznanie. VII Mętdunarodnyj sjezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii*, Moskva, s. 272–293.
Tyrpa A., 2016, *Co wiemy o frazeologii gwarowej w 2015 r.?*, [w:] *Słowiańska frazeologia gwarowa*, red. M. Rak, K. Sikora, „Biblioteka LingVariów", t. 23, Kraków, s. 13–30.
Val'ter H., Mokienko V.M., 2019, *Praslavânskaâ frazeologiâ: mif ili real'nost'?*, „Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)" 70, nr 1, s. 5–32.

АНАЛИЗ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПУТЕМ СРАВНЕНИЯ ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

MARC RUIZ-ZORRILLA CRUZATE (ESPAGNE)

Опыт работы над испанским и каталонским материалом *Лепты библейской мудрости* (русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с эквивалентами в германских, романских и кавказских языках, проектом, возглавляемым проф. В.М. Мокиенко и проф. Х. Вальтером) подтверждает, что в ряде случаев устойчивые словосочетания библейского происхождения являются не результатом переосмысления того или иного эпизода из Библии в данном языке, а скорее фразеологическим заимствованием из другого языка. К таким относится, например, выражение *vall de llàgrimes* (кат., букв. долина слез), которое существует как фразеологическая единица библейского происхождения, однако в переводах Библии псалма 84:6 на каталонский, откуда оно призошло, выражение עֵמֶק הַבָּכָא (букв. долина слез) передается как *vall Eixuta* (букв. Сухая долина, или *vall de Bacà* (букв. долина Бака, ср. англ. *Ba'ca Valley*). С другой стороны, уже в Вульгате (IV век) появляется выражение *valle lacrimum* (букв. долина слез), и в связи с этим представляется целесообразным считать каталонское выражение *vall de llàgrimes* фразеологическим заимствованием. Таким образом, целью настоящего доклада является попытка анализа данных библейских выражений в славянских языках с использованием этого же метода для определения их происхождения.

BLOC 1.4

LES LANGUES SLAVES À L'ÉPREUVE DES RÉSEAUX SOCIAUX: TRADITIONS LINGUISTIQUES ET INNOVATIONS / СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ДИАЛОГЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Organisatrice : LILIJA DUSKAEVA

Rajna Dragićević Творбено уланчавања деривата у српском језику (на материјалу Семантичко-деривационог речника српског језика) 1

Magdalena Pastuch Word-Formation Nests of Old Latin Loanwords in the Polish Language 6

Nicol Janočková (De)numerálne slovotvorné hniezda v slovenčine 10

Irena Stramljič Breznik Ustreznost strojno izluščenih štiripriponskih izpridevniških besedotvornih nizov iz učne množice BSSJ 14

Цветанка Аврамова За някои спорни въпроси при позиционирането на думите в словообразувателното гнездо 18

RECONSTRUCTION OF LANGUAGE TRADITIONS AND GENERATION OF INNOVATIVE MODELS IN CHINESE AND RUSSIAN SOCIAL NETWORKS

WANG XU (CHINA)
Institute for Foreign Language Studies
National University of Defense Technology
wangxu2008@mail.ru

1. Introduction

In the contemporary digital era, social media has become an influential environment for public discourse and linguistic innovation. Platforms such as Weibo and Zhihu in China, or VKontakte (VK) and Telegram in Russia, actively shape communication practices by enabling users to experiment with language in creative ways. This study explores how users in Chinese and Russian social media settings adapt traditional linguistic patterns and generate new models of digital communication. Linguistic creativity is considered here as a cultural phenomenon that plays a role in identity construction and cross-cultural communication. While the Internet was once seen as a force for linguistic homogenization, recent studies indicate a revival of locally rooted, culturally specific language practices in online settings (Blommaert, 2010)[2]. In this context, Chinese and Russian users employ various strategies to both reinforce community identity and explore innovative forms of expression.

2. Literature Review

The field of Internet linguistics has developed significantly over the past two decades. David Crystal's foundational work (2006)[3] described how digital technologies influence language norms, including the rise of concise, informal, and multimodal communication. Subsequent research has expanded on this foundation, examining diverse linguistic practices across digital cultures, including how creativity in digital discourse can be pragmatically and metapragmatically interpreted (Haugh, 2016)[5]. In China, Zhou (2024)[4] examined how the term "Emo" has undergone semantic and metonymic shifts in online Chinese usage, reflecting broader patterns in emotional expression and linguistic innovation. These expressions often use wordplay, character substitutions, and visual symbols to convey layered meanings.

In the Russian context, linguistic innovation has been observed in the combination of colloquial speech with expressions from popular and internet culture, including borrowings from English and playful neologisms (Malyuga & Tomalin, 2017)[6]. Pavlenko and Blackledge (2004)[7] provide a framework for analyzing how multilingual discourse in digital media can reflect identity dynamics and flexible language ideologies.

Despite growing interest, few comparative studies have addressed the specific characteristics of Chinese and Russian digital language practices in parallel. Much of the current research focuses on individual national contexts. Furthermore, there is room for more integrative methodologies that combine qualitative discourse analysis with computational tools to identify broader linguistic trends. Additionally, multimodal discourse perspectives (Kress & van Leeuwen, 2001) [8] emphasize that digital meaning-making often relies on a mix of text, imagery, and layout—an approach that holds potential for comparative studies.

3. Methodology

This study adopts a mixed-methods approach that includes both qualitative and quantitative components. The dataset comprises posts from Chinese platforms (Weibo and Zhihu) and Russian platforms (VK and Telegram), collected from January 2022 to March 2024. Posts with high engagement (likes, shares, comments) were selected to reflect widespread language use. The data was categorized thematically (e.g., humor, popular culture, informal commentary). Key linguistic features—such as neologisms, spelling variations, emoji use, and integrated visuals—were analyzed using ELAN software. Quantitative frequency and collocation analysis was conducted with AntConc, and semantic annotation was performed with UAM CorpusTool to assess narrative stance. The theoretical framework combines cross-cultural pragmatics (Thomas, 1983)[9] and socio-semiotic analysis (Kress & van Leeuwen, 2001)[8]. These approaches help to contextualize digital linguistic practices within broader cultural and communicative environments.

4. Results

Four principal categories of linguistic innovation were identified in both Chinese and Russian digital spaces:

Resemanticization of idioms: Traditional expressions are adapted to new contexts. For example, Chinese idioms such as "纸上谈兵" (planning without action) are used in memes to humorously describe impractical decisions. Russian proverbs are similarly used in recontextualized ways to reflect contemporary themes. These adaptations serve both humorous and reflective purposes, signaling a reengagement with familiar cultural material in a new digital context.

Phonetic and graphic wordplay: Chinese users frequently employ homophones and character substitutions, while Russian users engage in spelling distortions, neologisms, and

code-switching between Cyrillic and Latin characters. In both cases, this kind of linguistic manipulation supports a playful mode of interaction, often used to generate humor or emphasize group identity. Notably, the use of non-standard spellings and hybrid scripts also serves as a marker of digital literacy and in-group familiarity.

Emoji and visual semiotics: Both groups utilize emoji and symbols not only for emotion but to enhance rhetorical and stylistic nuance. Visual elements help convey sarcasm, exaggeration, or collective sentiments. The semantic richness of emojis is frequently context-dependent, with meanings shaped by platform conventions and cultural associations. Their integration into language practices signifies an evolution toward more multimodal forms of digital expression (Wu & Liu, 2023)[10].

Memetic intertextuality: Memes are a key mode of communication that remix cultural references and shared media. In both contexts, meme culture serves to connect digital users through recognizable motifs and humorous adaptations of familiar figures or expressions (Zeng & Ahrens, 2023)[11]. These memes often function as indirect commentary, enabling users to communicate shared values, jokes, and subtle critique through layered forms of representation (Shifman, 2014)[12].

Overall, Chinese digital language use shows a higher degree of ideographic and homophonic play, leveraging the structural features of written Chinese to encode puns and culturally loaded allusions. Russian discourse is more marked by syntactic innovation and integration of English terms, reflecting a linguistic environment shaped by contact and hybridization. Despite their stylistic differences, both illustrate the dynamic interplay between inherited linguistic forms and emergent digital practices. This alignment with traditional language resources, while enabling novel expression, suggests that innovation online is as much about continuity and adaptation as it is about rupture or departure from established norms.

5. Discussion

Findings suggest that digital linguistic innovation in Chinese and Russian contexts reflects both cultural continuity and creativity. Users incorporate familiar language forms into dynamic, evolving practices that foster group identity and engagement. The emergence of short-lived, community-specific digital registers—sometimes termed "microlanguages" (Androutsopoulos, 2014)[1]—demonstrates the flexibility of online communication. Platform design also influences how language evolves. In environments where moderation prioritizes safe content, indirect expression may flourish. In more open digital ecosystems, humor and intertextuality may play greater roles in shaping discourse. These structural conditions guide linguistic

innovation by encouraging specific styles of expression and shaping what is perceived as acceptable or compelling within particular online communities.

Moreover, platform-specific tools such as auto-suggestions, filters, and trending algorithms help standardize or diffuse linguistic practices by promoting particular formats of visibility. For instance, character limits encourage brevity and lexical economy, while GIF support and emoji menus enable multimodal expression that augments or substitutes textual content. As such, technological infrastructure becomes co-constitutive of new forms of language use.

An additional dimension of relevance is the temporal and situational nature of linguistic novelty. Many popular online terms or stylistic conventions are ephemeral, linked to specific events, media trends, or platform-specific subcultures. The high turnover of terms and tropes demonstrates that digital linguistic innovation often relies on a shared interpretive framework that must be updated continuously. In this respect, online linguistic creativity parallels oral tradition in its dependence on real-time contextualization and communal memory.

Another important dimension is digital multilingualism. In Chinese platforms, the integration of English terms, emoji, and technical vocabulary often signals cosmopolitan identity or expertise. In Russian platforms, the coexistence of international borrowings and traditional expressions contributes to a layered communicative style. Code-switching is used not only for functionality but for stylistic effect. In both contexts, language alternation indexes social positioning, signaling group affiliation or ironic distancing depending on the communicative goal.

Digital multilingualism also raises questions about inclusivity and access. Certain expressions or hybrid forms may only be fully interpretable by specific user groups, particularly those with exposure to multiple linguistic systems or digital literacies. This phenomenon suggests that linguistic innovation online is not merely a product of creativity but also of socio-educational capital and access to diverse communicative environments.

Finally, it is important to consider how these forms of digital expression mediate affective experience. Linguistic innovation is not purely functional or ornamental—it often carries emotional and relational weight. The choice of wordplay, emoji, or visual framing can foster intimacy, humor, solidarity, or differentiation within a digital exchange. Thus, innovation in online language is embedded in a broader ecology of affective communication that bridges interpersonal and cultural dynamics.

6. Conclusion and Future Research

This study contributes to the understanding of how linguistic patterns are adapted and transformed in Chinese and Russian digital environments. By examining language use on social media, it highlights the ways in which users creatively draw from traditional forms while participating in new communicative practices. Digital linguistic innovation fulfills multiple functions: it supports identity formation, enables community-building, and reflects evolving cultural values. These processes are shaped by both cultural background and platform affordances.

Future research could explore how specific expressions or forms evolve over time, or how different user groups interpret and respond to novel language. A combination of computational and discourse-analytic techniques may be valuable in identifying trends and mapping their sociocultural significance. The implications of this work extend to fields such as communication studies, sociolinguistics, and digital media research. As online spaces continue to influence language use, further interdisciplinary inquiry will be essential for understanding the relationship between tradition, innovation, and digital expression.

BIBLIOGRAPHY

1. Androutsopoulos, J. (2014). Moments of sharing: Entextualization and linguistic repertoires in social networking. *Journal of Pragmatics, 73*, 4-18.
2. Blommaert, J. (2010). The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press.
3. Crystal, D. (2006). Language and the Internet (2nd ed.). Cambridge University Press.
4. Zhou, W. (2024). Semantics Extension of Emo and Its Metonymic Use in Chinese Internet Language. Preprints. https://doi.org/10.20944/preprints202410.2012.v1
5. Haugh, M. (2016). "Just kidding": Teasing and Claims to Non-Serious Intent. Journal of Pragmatics, 95, 120–136.
6. Malyuga, E., & Tomalin, B. (2017). Linguistic Identity and Intercultural Communication Competence: A Study of Russian Social Media Discourse. Training, Language and Culture, 1(1), 8–21.
7. Pavlenko, A., & Blackledge, A. (Eds.). (2004). Negotiation of Identities in Multilingual Contexts. Multilingual Matters.
8. Kress, G., & van Leeuwen, T. (2001). Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. Arnold.
9. Thomas, J. (1983). Cross-Cultural Pragmatic Failure, *Applied Linguistics*, Volume 4, Issue 2, Summer 1983, Pages 91–112, https://doi.org/10.1093/applin/4.2.91
10. Wu S, Liu D. Exploring metaphorical conceptualizations of ENVY in English and Chinese: A multifactorial corpus analysis. *Language and Cognition*. 2025;17:e1. doi:10.1017/langcog.2023.56
11. Zeng, W. H., & Ahrens, K. (2023). Corpus-Based Metaphorical Framing Analysis: WAR Metaphors in Hong Kong Public Discourse. Metaphor and Symbol, 38(3), 254–274.
12. Shifman, L. (2014). Memes in Digital Culture. MIT Press.

ТИПОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕАКЦИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ СООБЩЕНИЯ В ОНЛАЙН МЕДИА

ИРИНА ИВАНОВА (БОЛГАРИЯ)

Настоящее исследование ставит своей целью определить типологию читательских комментариев в связи с их направленностью и генерирующим потенциалом на материале болгарских онлайн медиа. Его необходимость мотивирована тем, что хотя комментарии читателей являются наиболее популярными и широко используемыми формами пользовательского контента в рамках партиципаторной журналистики, им до сих пор уделялось мало внимания со стороны исследователей [Reich 2011], особенно по отношению возникновения новых смыслов и интерпретаций, создаваемых читателями. Существующие исследования в основном концентрируются на комментарии в англо-американской онлайн прессе, игнорируя СМИ из других частей мира. Исследуется чаще всего разжигание ненависти, общая невежливость и мнения пользователей по конкретным вопросам, в то время как комментарии в социальных сетях, пропаганда и конструктивные комментарии остаются вне фокуса их внимания.

В отличие от традиционных однонаправленных (от автора к читателю) информационных текстов, онлайн новости создают предпосылки для вознокновения нового типа журналистики - т.н. participatory journalism [Chung 2008] и нового типа газетной статьи – participatory news article [Bruce 2011], предполагающей активное общение авторов текстов и их реципиентов. В добавок к этому типу общения, возникает и параллельная коммуникация между читателями, чьи реакции на изначальный текст, приобретая смысл самостоятельных сообщений, в свою очередь провоцируют ответы других читателей. В своих комментариях они могут корректировать или дополнять информацию, представленную в оригинальной статье, выражать согласие или несогласие с написанным, выступать в поддержку автора, делиться наблюдениями и даже анекдотами, или давать ссылки к другим источникам информации [Schuth et al. 2007].

Гипертекстуальность онлайн комментариев рассматривалась рядом ученых, выделивших такие особенности этого типа текста как фрагментарность, нелинейность, бесконечность, разнородность и интерактивность [Дускаева 2014; Имбер 2019]. Подчеркивается также поливекторность (разнонаправленность) гипертекста новостей, которая проявляется в выборе вариантов прочтения и логики освещения событий.

Согласно общепринятым правилам в журналистике, хорошие или правильные комментарии не отклоняются от заданной журналистами темы и не претендуют на смену повестки дня. Контент анализ комментариев, однако, показывает, что выдвижение новых тем или проблем является результатом неудовлетворенности или несогласия читателей с предлагаемыми для обсуждения тем, что в конечном итоге, ведет к возникновению новых тем на их месте. Так читатели заявляют свои претензии на право на собственный взгляд и на определение повестки дня.

По отношению к другому типу общения – между читателями, наиболее доступная и простая форма реакции, не предполагающая дополнительной аргументации, это возможность оценить комментарий при помощи плюсов или минусов и остаться анонимным. Однако, несмотря на то, что рейтинг данной статьи определяется количеством реакций на ее содержание, часто комментарии к ней оказывают большее влияние на читателей, чем само содержание статьи. Осознание этого факта читателями имеет потенциал смещать их коммуникацию в сторону тем и проблем, важных для них самих.

В исследовательской литературе анализ типологии реакций в комментариях к новостным сообщениям занимает особое место, так как они выявляют не только интерес аудитории, но и раскрывают возможности влияния читателей друг на друга. Комментарии являются аналитическими, критическими, основанными на фактах и рациональными по отношению к социальному порядку сообщениями, которые подталкивают к обсуждению и размышлению [Manosevitch and Walker 2009]. Читатели отвечают друг другу, делятся дополнительными ссылками на информацию и провоцируют обсуждение. По ходу этого процесса возникает особая форма коммуникации, так называемый полилог – способ обсуждения проблем с участием трех и более сторон, имеющих разные точки зрения на нее, обычно представленные разными дискуссионными тредами (threads), которые могут пересекаться или частично совпадать.

Специальное внимание при анализе онлайн коммуникации уделяется нарастанию агрессии и причинам ее возникновения. В ряде статей рассматривается явление сознательного разгорания страстей, т. н. “flaming” представляющий чрезмерное выражение негативных эмоций. Как правило, флейминг появляется в комментариях к сообщениям, противоречащим первоначальной установке читателя и идущим вразрез с его взглядами по

конкретной теме. Негативные комментарии других читателей также способствуют к усилению флейминга[Petit et al. 2020].

Исследователи выделяют несколько типов комментариев читателей: такие которые вводят в обсуждение новые, побочные темы, тем самым расширяя или смещая повестку дня, предложенную журналистом, и такие, которые исследователи назвали неприложимым, так как комментирующий отклоняется существенно от темы обсуждения, и комментарий лишен смысла или непонятен. Комментирующие обращаются друг к другу,обсуждая личные проблемы, или приводят ссылки разного характера из других сайтов, такие как стихи, песни, музыкальные клипы и т.д.,или просто занимаются болтовней с целью поддержания коммуникации. Комментарии могут поддерживать позицию журналистов, или отрицать ее. Richardson and Stanyer [2011], которые сравнивают интерактивные возможности британской качественной прессы и таблоидов, выделяют четыре типа комментариев: направленные на предмет конкретной статьи, на более общую тему, реакция на комментарии других читателей и представляющие комбинацию черт трех предыдущих типов. По наблюдениям Пановой и Федорова [2015] преобладающей тенденцией является индифферентность массовой аудитории по отношению к какой-либо идеологии, и диалог с властью строится не в поле политики, а по линии быта и решения повседневных проблем. Выражение отношения к определенным социокультурным нормам и правилам, группам и индивидам осуществляется через определенные коммуникативные стратегии, такие как агрессивно-иррациональное восприятие власти, не зависящее от политических и идейных ориентаций, или ирония-провокация по отношению ко всему, что связано с деятельностью власти, часто проявляющаяся под формой т.наз. троллинга, через создание условно-абсурдных квази событий, параллельных настоящим событиям, или через языковую игру.

Сбор данных для настоящего исследования основан на целенаправленном извлечении комментариев читателей из форумов общественного обсуждения, представленных в четырех болгарских новостных онлайн-изданиях: *dnes.bg., dir.bg., vesti.bg., novini.bg,* которые выбраны на основе их популярности среди интернет-пользователей в Болгарии и того, что они предоставляют читателям возможность комментировать их публикации. Проанализировано 10 онлайн статей на политические темы, связанные с деятельностью правительства Болгарии в период с 2021 по 2022 год. Статьи подобраны как на основании близости тематики – реакции на решения и действия правительства и политиков, так и на

основании количества комментариев, которые являются предпосылкой к возникновению дискуссии между комментирующими. К каждой из статей имеется не менее 15 комментариев, а максимальное зарегистрированное количество откликов достигает 38. При помощи контент-анализа иследовано 217 комментариев с учетом их типологии и генерирующего потенциала. В результате проведенного анализа материала выявлено 17 типов комментариев (Таблица 1), представляющие сравнительно равномерное распределение разных типов реакций.

Таблица 1. Типы комментариев, их количество и генерирующий потенциал

Направленность комментария	Количество %	Генерирующий потенциал(да/ нет)
1. На тему и ее интерпретацию в статье	24 (11.05%)	да
2. На тему в принципе, независимо от интерпретации в статье	17 (7.83%)	да
3. На избражения к тексту статьи	15 (6.91%)	нет
4. На конкретных политиков, упомянутых в статье	13 (5.99%)	да
5. На действия этих политиков,обсуждаемые в статье	14 (6.45%)	да
6. На внешность политиков	10 (4.60%)	да
7. На предыдущие действия этих политиков – дополнительные сведения	11 (5.06%)	нет
8. На политику в принципе – негативная оценка	11 (5.06%)	нет
9. На конкретный предыдущий комментарий	19 (8.75%)	да
10. На конкретного комментирующего – оценочность: одобрение, солидаризация, насмешка, унижение, сарказм, угроза	15 (6.91%)	да
11. На уровень знаний и менталитет комментирующих статью в целом – упрек, унижение, насмешка	9 (4.14%)	да
12. На журналиста - автора статьи и на его взгляды, позицию, образованность	12 (5.52%)	нет
13. На качество статьи – языковые и стилистические ошибки	7 (3.22%)	нет
14. На модераторов сайта – за удаление их комментариев	10 (4.60%)	нет
15. На другие актуальные темы, не имеющие ничего общего с содержанием статьи	11 (5.06%)	нет
16. На продвижение собственных идей, взглядов и мнений, не связанных со статьей	8 (3.68%)	да
17. На сознательное пропагандирование определенных идей и искривление правды, троллинг	11 (5.06%)	да

Данные подтверждают, что значительное количество (11.05%) читательских комментариев относятся непосредственно к информации представленной в статье. Это означает, что читатели, как правило, следуют повестке дня и акцентам, поставленным журналистами, что можно интерпретировать как добросовестное желание идти по направлению, заданному исходным текстом. Такое поведение предполагает продолжение дискуссии через ответные комментарии. При этом, если положительная реакция не нуждается в объяснении, то отрицательная требует такого, что и побуждает к написанию комментария. Однако, в исследованных статьях, в силу опции анонимности, дискуссия снижает свое качество, как по отношению к содержанию, так и по отношению языка, что ведет к нарастанию агрессии, нетолерантности, к прекращению нити коммуникации или к ее профанизации.

Комментарии на тему публикации в принципе (7.83%), независимо от ее интерпретации в статье, чаще всего создаются людьми, которые или не читают статью вообще, реагируя только на заголовок, или не вникают в ее смысл. Такие комментарии в своем большинстве пристрастны и придеживаются радикальных мнений по теме, и не нуждаются в обосновании или в доказательствах. В них часто используются призывы, радикальные мнения или цитаты. Невнимательное прочтение текста статьи или его сознательное игнорирование может объяснить смещение фокуса направленности комментария на сопутствующие статью изображения – фотографии группы лиц или событий. В исследуемом корпусе такие типы комментариев не вызывают последующих реакций, воспринимаясь, вероятно, как нерелевантные и как несознательное нарушение норм кооперативного общения. Однако, если статьи сопровождаются изображением конретного политического деятеля, то эти изображения активно комментируются, при чем комментарии направлены как на деятельность данного лица, так и на его внешность, часто высмеивая ее, и преувеличивая ее недостатки. Если же комментирущий предоставляет дополнительную информацию о данном политике, она просто принимается к вниманию, не обсуждаясь и не провоцируя продолжение дискуссии. Не вызывают дополнительную дискуссию и часто негативные комментарии о политике вообще, которые обычно непривязаны к конкретному событию. Они тоже считаются читателями нерелевантными по отношению к теме дискуссии.

Высокой частотностью отличаются комментарии, реагирующие не на статью, а на непосредственно предшествующий или близко расположенный комментарий. Такие реакции чаще всего возникают у читателей, которые внимательно просматривают все комментарии к данной статье и вступают в полемику с другими участниками дискуссии. При этом они могут фокусироваться или на конкретного комментирующего, обвиняя его в глупости, невежестве, непониманию, или на комментирующих статью в целом, на их интеллектуальный уровень и менталитет. Агрессия проявлятся в обзывании, в унижении достоинства комментирующих, вплоть до употребления цинизмов и вульгаризмов. Сарказм и угрозы присутствуют по отношению к конкретным адресатам и встречаются реже в комментариях, направленных на всех комментирующих.

Унижающие и агрессивные комментарии, в свою очередь, вызывают ответную реакцию, ведущую к возникновению цепочек взаимных перепалок между комментирующими. Удаление модераторами комментариев, нарушающих правила сайта, служит поводом реакций возмущенных читателей, чьи посты были удалены.

Отдельная группа комментаторов занимается качеством журналистских публикаций, обвиняя авторов статей в некомпетентности, пристрастии или неграмотности, при чем эти комментарии, как правило, не способствуют к продолжению дискуссии.

Почти под каждой статьей присутствуют комментарии, чья тематика имеет мало или ничего общего с содержанием статьи. Они могут быть связаны с другими актуальными или широко обсуждаемыми темами, указывая на желание комментирующего привлечь внимание комментирующих к другим, более актуальным проблемам. Часто такие комментарии используются для продвижения собственных идей, взглядов и мнений или сознательно пропагандируют определенные идеи, искривляют правду или осуществляют троллинг читателей.

В заключении, анализ материала показывает сложную картину направленности комментариев, отсутствие единой классификации реакций читателей, и зависимость направленности комментариев от ряда факторов, таких как тематика сообщений, ее актуальность, отношение комментирующего к этой тематике, количество, качество и направленность предыдущих комментариев, а также от степени проявления эмоций при выражении мнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bruce, I. (2011). Evolving Genres in Online Domains: the Hybrid genre of the participatory news article.Mehler, A., Sharoff, S., Santini, M. (Eds.).Genres on the Web.Computational Models and Empirical Studies. (pp. 323-348). Dordrecht: Springer.

Chung, D. (2008). Interactive features of online newspapers: Identifying patterns and predicting use of engaged readers. Journal of Computer Mediated Communication (13), pp. 658-679.

Duskaeva, L. R. (2014). Speech structure of news texts of online publications. Bulletin of the Perm University, 1 (25), 179-183.(In Russian)

Imber, S. Y. (2019). Social Network Comments as Hypertext: Case Study of the Spiegel Online Facebook Newsgroup. Vestnik MSLU. Humanities, vol. 13 (829), 21-34.(In Russian)

Manosevitch, E., Walker, D. (2009). Readers comments to online opinion journalism: A space of public deliberation. 10th International Symposium on On-line Journalism. Austin, Texas.

Panova, E. Yu., Fedorov, V. V. (2015). Voice of the people: comments on the news of the city portal as monitoring of social tension. Sign.Problematic field of media education, 2(16), 46-51.(In Russian)

Petit, J., Li, C., Ali K. (2020). Fewer people, more flames: How pre-existing beliefs and volume of negative comments impact online news readers' verbal aggression. Telematics and Informatics (56), https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101471

Richardson, J., Stanyer, J. (2011). Reader opinion in the digital age: Tabloid and broadsheet newspaper websites and the exercise of political voice. Journalism, 12 (8).

Reich, Z. (2011). User Comments: The Transformation of Participatory Space. In J.B. Singer, A. Hermida, D. Domingo, A. Heinonen, S. Paulussen, T. Quandt, Z. Reich, Z., Vujnonic, M. (eds), Participatory Journalism: Guarding Open Gates at Online Newspapers (pp. 96–117). Malden MA: Wiley-Blackwell.

Schuth,.A, Marx, M., de Rijke, M. (2007).Extracting the discussion structure in comments on news-articles.9th ACM International Workshop on Web Information and Data Management. pp. 97-104. https://doi.org/10.1145/1316902.1316919

MULTIMODALNOŚĆ POLSKICH MEDIÓW SPOŁECZNOŚCIOWYCH

KĘPA-FIGURA DANUTA (POLSKA)

W swoim opracowaniu zajmę się problemem multimodalności zachowań komunikacyjnych, których nośnikiem i katalizatorem są media społecznościowe (dalej: MS). Badania oprę na analizie kont polskich użytkowników mediów społecznościowych. Interesować mnie będzie relacja między wykorzystywanymi w nich zasobami znakowymi oraz zasady regulujące przebieg komunikacji opartej na złożonych semiotycznie kompleksach komunikacyjnych. Realizację tych celów wpisuję w nurt badań mediolingwistycznych, w których kwestia heterogeniczności różnego typu przekazów medialnych to jedno z podstawowych wyzwań teoretycznych i analitycznych (por. np.: Dobroskłonskaja 2006; Skowronek 2013, 95; Stöckl 2015, 38; Jewitt 2017; Wasiliewa 2018 : 89; Duskajewa 2020; Skowronek 2020, 89; Kępa-Figura 2021; Kępa-Figura 2022).

O istotności przedmiotu zainteresowań decydują trzy przesłanki. (1) MS zajmują ważne miejsce we współczesnej polskiej komunikacji społecznej. (2) Semiotyka MS, w tym polskich MS, ma wyraziście heterogeniczny charakter. (3) Problem heterogeniczności znakowej MS nie został wystarczająco opracowany.

Konstatując, że kodowanie sensów w polskich MS jest konsekwencją biologicznego, kulturowego i technologicznego wyposażenia człowieka jako podmiotu poznającego, za terminologicznie uzasadnione uznaję stwierdzenie, że w MS wykorzystywane są słowo, obraz i dźwięk na prawach reguł technologii praktykowanych w MS. Wykorzystanie do mówienia o tej heterogeniczności terminu *multimodalność*, zamiast bliskoznacznych (ale nietożsamych znaczeniowo) *polisemiotyczność* czy *polikodowość* pozwala na znalezienie wspólnego mianownika terminologicznego mediolingwistycznych badań publikowanych w językach słowiańskich (m.in. języku polskim i rosyjskim) z intensywnie rozwijającymi się badaniami publikowanymi w językach angielskim i niemieckim. Jest też uzasadnione poznawczo. Wyrasta ze spostrzeżenia, że całości komunikacyjne, stopy, kompleksy, klastry znakowe powstają na bazie znaków mających różnorodny status, z których niektóre nie współtworzą spójnych, uporządkowanych systemów znakowych.

Projektując analizę polskich MS tekstów medialnych, przyjmuję pięć założeń. (1) Znaki werbalne (mowa i pismo) nie są jedynymi narzędziami komunikacji (por. np. Kress 2011, 36), a słowo mówione i słowo pisane nie muszą być głównymi modusami w danej realizacji tekstowej. (2) Różnego rodzaju znaki współtworzą całości komunikacyjne, które mogą być nazywane tekstami (Bucher 2011; Kępa-Figura 2021). (3) Sens każdego tekstu powstaje jako

wynik integracji wykorzystywanych w nim znaków różnego typu. Powstaje w sposób multiplikatywny, a nie sumaryczny. (Bucher 2011, 124). (4) Tak rozumiane teksty są nośnikami dyskursów multimodalnych. (5) Multimodalność ściśle wiąże się z nielinearnością i hipermodalnością, a także interakcyjnością komunikacji (por. Bucher 2011, m.in. 125). Fenomen nielinearności dotyczy oczywiście nie tylko komunikacji medialnej, ale każdej komunikacji, jednak w przypadku komunikacji medialnej, a zwłaszcza technologicznie specyficznej, obciążonej hiepertekstualnością komunikacji w MS, nielinearność ta jest wyrazistsza. Spostrzeżenie nielinearności tekstu wiąże się z koniecznością przyjęcia perspektywy hipermodalnej. Pytanie o koherencję i możliwość zrozumienia całego przekazu komunikacyjnego (por. Bucher 2011, 124) jest najistotniejsze w przypadku przekazu internetowego (a zwłaszcza komunikacj w MS), którego częścią są różnego rodzaju odsyłacze. Z kolei z nielinearnością oraz hipermodalnością ściśle wiąże się interakcyjność komunikacji. Mówiąc o interakcyjności, mam na myśli nie tylko rzeczywistą wymianę ról komunikacyjnych, lecz także inne sposoby intensyfikowania procesów poznawczych odbiorcy (por. Kępa-Figura 2015, 111-121; Stockl 2015, 32).

Projektując model analizy tekstu w MS, uwzględniam potencjalną odrębność tego, co nadane i tego, co odebrane. Nie ograniczam się do analizy interakcji zachodzącej między typowymi relacjami intermodalnymi, które wytworzyły się w określonych rodzajach tekstów (por. Stockl 2015, 36], lecz uwzględniam interakcję zachodzącą między danym kompleksem znaków a uczestnikami komunikacji. Przekonanie to buduję – po pierwsze - na interakcyjnej teorii rozumienia multimodalnego (por. Bucher 2011, 146). Odwołuję się także do wcześniejszych teorii komunikologicznych, w których komunikowanie, rozumiane jako generowanie znaczeń, jest traktowane jako wynik interakcji między nadawcą a tekstem i tekstem a odbiorcą (por. Fiske 1998), oraz do niezależnych od nich ujęć filologicznych (do rozumieniu tekstu jako procesu będącego wynikiem dialogicznej praktyki społecznej, interakcji zanurzonej w szeroko rozumianym kontekście (por. Bachtin 1979) oraz do pragmatycznych ujęć tekstologicznych (por. Dobrzyńska 2009, 37).

Kompasem wskazującym kierunek analizy jest dla mnie metoda introspekcji wsparta poszukiwaniami „śladów" potwierdzających intuicję badacza. Przekonanie to wyprowadzam z praktyki analitycznej przedstawicieli różnych nurtów lingwistycznych – strukturalistów, twórców semantyki generatywnej, dystrybucjonistów, przedstawicieli językoznawstwa korpusowego (por. Dorota Szumska 2009), a zwłaszcza przedstawicieli językoznawstwa kulturowego (por. np. Tokarski 2001).

W efekcie proponuję przeprowadzenie trzyetapowego postępowania analitycznego. (1) Wyróżnienie wykorzystywanych w analizowanych tekstach MS modusów (uwarunkowanych substancjalnie lub kulturowo, lub technologicznie), których zespolenie prowadzi do multiplikacji sensów, i charakterystyka interakcji, w jakie wchodzą te modusy. Wyjaśniając współistnienie modusów (co jest przejawem świadomej introspekcji), wykorzystuję podejście kognitywne w którym funkcję semantyczną i tekstotwórczą pełnią trzy relacje: metaforyczności, metonimiczności lub tautologiczności (za: Warchala 2020). Uwzględniam przy tym, że relacje te realizują się nie tylko w układach obraz-słowo (por. Warchala 2020), lecz także w układach słowo-dźwięk i obraz-dźwięk.

(2) Odtworzenie interakcji zachodzącej między nadawcą a kompleksem modusów (a przynajmniej niektórymi z modusów, stanowiących czynniki multiplikacji) przez ukierunkowane intuicją badacza odtworzenie wewnętrznego i zewnętrznego kontekstu (Stőckl 2015, 24), w którym zanurzony jest nadawca (dalej: kontekstu nadawcy).

(3) Odtworzenie interakcji zachodzącej między odbiorcą a kompleksem modusów (a przynajmniej niektórymi z modusów, stanowiących czynniki multiplikacji) przez ukierunkowane intuicją badacza odtworzenie wewnętrznego i zewnętrznego kontekstu, w którym zanurzony jest odbiorca (dalej: kontekstu odbiorcy). Przy czym, mówiąc o kontekście zewnętrznym mam na myśli otoczenie znakowe, które jest w jakiś sposób (bardziej lub mniej świadomie) uwzględniane podczas generowania tekstu przez nadawcę i przez odbiorcę; natomiast przez kontekst wewnętrzny - właściwości nadawcy i odbiorcy warunkujące dostęp do poznania kontekstu zewnętrznego, ich uwewnętrznienie, w tym subiektywne „nastawienie".

Zarysowana trzyetapowa analiza pozwoliła na odtworzenie zasad regulujących przebieg komunikacji w polskich MS, komunikacji opartej na złożonych semiotycznie kompleksach komunikacyjnych.

BIBLIOGRAFIA:

Bachtin M. (1979). *Эстетика словесного творчества*, Moskwa.

Bucher H.-J. (2011), *Multimodales Verstehen oder Rezeption als Interaktion Theoretische und empirische Grundlagen einer systematischen Analyse der Multimodalität*, [w:] H. Diekmannshenke, M. Klemm, H. Stőckl (red.), *Bildlingustik. Theorie – Methoden – Fallbeispiele.* Berlin, 123-156 [dostęp: 27.11.2020].
https://www.researchgate.net/publication/281124785_Multimodales_Verstehen_oder_Rezeption_als_Interaktion_Theoretische_und_empirische_Grundlagen_einer_systematischen_Analyse_der_Multimodalitat

Dobroskłonskaja T. (2006); *Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации*, «Вестник Московского университета», 10. Журналистика, 2, s. 20-33.

Dobrzyńska T. (2009), *Pojęcie tekstu. Tekst – całościowy komunikat*, [w:] Z. Bilut-Homplewicz, W. Czachur, M. Smykała (red.), *Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy*. Wrocław, 35-44.

Duskajewa Lilia (2020): *Грамматика речевых действий в медиалингвистике.* Moskwa.
Fiske J. (1998), *Wprowadzenie do badań nad komunikowaniem*, Wrocław.
Jewitt C. 2017 (red.), *The Routledge handbook of multimodal analysis*, London: Routledge.
Kępa-Figura D. (2015), *Gry językowe w przekazie medialnym – interakcja dla mas*, [w:] Karwatowska M., *Człowiek i kultura w komunikacji medialnej*, Robert Litwiński, Adam Siwiec, Wydawnictwo UMCS, Chełm, s. 111-121.
Kępa-Figura D. (2021), *(Multimodaler) Text als Gegenstand linguistischer Forschung*, „tekst i dyskurs – text und dyskurs" 15, 2021, s. 137-155.
Kępa-Figura D. (2022), *Multimodality of internet-mediated communication behaviour*, [w:] L. Duskaeva (red.), *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication* (1st Ed.), Abingdon–New York: Routledge, s. 15-24.
Kress G. (2011), *Multimodal discourse analysis*, [w:] J.P. Gee, M. Handford (red.), *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*, London: Routledge, s. 33-50.
Skowronek B. (2013), *Mediolingwistyka. Wprowadzenie*, Kraków.
Skowronek B. (2020), *Język w filmie. Ujęcie mediolingwistyczne*. Kraków.
Stőckl H. (2015), *Lingwistyka mediów. O statusie i metodach (wciąż) konstytuującej się dyscypliny badawczej*, [w :] J. Jarosz, R. Opiłowski, P. Staniewski (red.), *Lingwistka mediów. Antologia tłumaczeń*, Wrocław-Dresden, 23-44.
Szumska D. (2009), *Inspekcja introspekcji. Obiektywnie (?) o subiektywizmie w badaniach lingwistycznych*, [w:] Baranivska O., Fałowski A., *Мово рідна, слово рідне = Movo rìdna, slovo rìdne: prace naukowe ofiarowane Doktor Bożenie Zinkiewicz-Tomanek*, Kraków, s. 47-52.
Tokarski R. (2001), *Introspekcja w semantycznym opisie języka*, [w:] Michalewski K. (red.), *Współczesna leksyka*, cz. II, Łódź.
Wasiliewa W. (2018), *Поликодовость медиатекста*, [w:] L. Duskajewa (red.) *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник*, Moskwa, 88–91.
Warchala J. (2020), *Text in the world of synergized codes*, „Prace Językoznawcze" XXII/4, 219-236.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ПРИ "ТРАНСПОНИРОВКЕ" ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФОРУМНЫХ КОММЕНТАРИЯХ К МЕДИАТЕКСТАМ

Елена Стоянова (Болгария)

В статье рассматриваются возможности создания комического эффекта на базе лингвокультурных знаков и концептов в форумных комментариях к болгарским медиатекстам.

Проблема комического изучается с периода античности и занимает умы ученых разных научных направлений. С течением временени меняются акценты исследования комического и расширяется материал анализа. Существующее многообразие подходов к исследованию комического свидетельствует о сложности и многогранности данного феномена. На современном этапе комическое все чаще становится объектом междисциплинарных сфер, переносится в ценностный контекст и исследуется с точки зрения ценностных сущностей и культурно обусловленных смыслов, составляющих основу мировоззрения национально-культурной общности.

Исследователями учитывается зависимость восприятия комического от принадлежности воспринимающей его личности к той или иной лингвокультуре, поскольку смысл принадлежит ей, а не уровню текста [Новиков 2007: 143]. Учитывая обусловленность комического культурой, исследователи квалифицируют комическое в качестве социокультурной реальности [Борев 1970: 93], называют смех культурно отшлифованной эмоцией [Рюмина 2010: 129], относят смешное к социально и эстетически значимым понятиям [Сычев 2003] или выделяют культурно значимую комическую ситуацию [Корюкина 2008]. Отсюда зависимость функционирования комического от лингвокультурной ситуации и обусловленность его создания и восприятия лингвокультурной спецификой той или иной национально-культурной общности. Культурный компонент когнитивной базы (система ценностей, социокультурная норма поведения, знаково-символическая система, в том числе национально-детерминированные инварианты восприятия представлений) определяет языковое сознание и регламентирует поведение индивидов и социальных групп в современном обществе.

Особую значимость изучение комического приобретает в дискурсологии, в частности в медиалингвистике (см., например: [Дускаева 2019, 2021, 2022; Ермакова 1997, 2017; Петкова-Калева 2013, 2017аб; Стоянова 2020; Фефелова 2016]). В качестве материала данного исследования используются форумные комментарии к болгарским

онлайн-медиаизданиям или к репостам медиастатей в социальных сетях. Специфику современной онлайн-коммуникации составляет относительность диспозиции «автор – адресат», что означает вовлечение адресата, читающего медиатексты и комментарии к ним, в обсуждение темы. Форумные комментарии как посты, написанные адресатом под медиатекстами, в этой связи представляются разновидностью сетевой коммуникации, позволяющей ее участникам давать оценку новостям или высказывать мнение по поводу содержания медиатекста, а в ряде случаев и просто «поспорить» по поводу и/или без повода. Формирование комического эффекта на базе лингвокультурных феноменов в форумном общении – важная характеристика восприятия мира национально-культурной общностью, а также инструмент оценки сохранения и трансляции культурных традиций.

Актуальность исследования комического обусловлена тем фактом, что комическое выступает своеобразным мерилом системы ценностей, позволяет прецизировать и регламентировать ее составляющие. Базируясь на антиномии, комическое коррелирует с антиценностными параметрами, унижая и разоблачая, а тем самым отрицая и переоценивая определенные социально ранжированные ценности. Онлайн-коммуникация позволяет сдвинуть дистанцию между ее участниками, вовлекая их в «игру», что создает более широкие возможности рождения разного рода комического – карнавального смеха, иронии, сарказма, стеба, насмешки. Комические ситуации у различных народов похожи, а национально-культурная специфика комического проявляется в лингвокогнитивных средствах и приемах его представления, становление которых регламентируется культурными факторами существования народа, особенностями его видения и понимания мира. Иными словами, создание и восприятие комического определяются языковым сознанием человека в условиях той или иной лингвокультурной ситуации. Языковые средства представления комического в медиатекстах отличаются большим разнообразием и принадлежат различным уровням языка.

Анализ лингвокультурного материала, участвующего в создании комического эффекта в комментариях к медиатекстам, демонстрирует наличие нескольких видов прецедента, устойчивых единиц (фразеологизмы, паремии, цитации, афоризмы), метафор и концептов. При этом культурно обусловленные единицы выступают иронической характеристикой коммуникативных ситуаций, а также являются инструментами для создания комического эффекта в комментариях.

Комизм в текстах комментаторов достигается трансформацией фразеологических единиц, усиливающей субъективизацию и предсказуемость коммуникативной ситуации.

Обновление устойчивой метафоры, актуализация синтагматических отношений и фреймо-слотовых связей метафорической модели обусловливают впечатление неожиданности в восприятии ее образной составляющей и создают комический эффект. Несовместимость и алогичность соотносительной связи метафорических сферы-источника и сферы-мишени, амбивалентность смысловой реализации способствуют ироничности ситуации и контекста. Данные средства приводят к увеличению эмотивности (при реализации эмоциональной оценки) и индивидуализации речи, актуализация эмоционально-оценочного и субъективно-модального значений языковой единицы ведет к усилению ее воздействующего эффекта. Анализ комментирующих текстов указывает на ослабление лингвокультурной составляющей в коммуникации, снижение уровня лингвокультурной компетенции участников общения и сужение пресуппозиции как области совмещения когнитивных пространств коммуникантов.

Формирование комического эффекта на базе лингвокультурных феноменов представляется важной лингвоментальной характеристикой мировосприятия болгар. Как показывает проанализированный материал, лингвокультурно обусловленные единицы, участвующие в создании комического эффекта, относятся к лексико-фразеологическому уровню, а также к уровню текста. В качестве лингвокогнитивного механизма формирования комического часто используется метафора. Транспонировка лингвокультурных феноменов базируется на несоответствии между внутренним и внешним образами, на нарушении привычных синтагматических отношений языковых единиц, актуализации фреймо-слотовых связей понятийных сфер, окказионализации устойчивых сочетаний и метафоры, а также на ситуативной амбивалентности в реализации смысла в сознании представителей болгарского народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Борев, Ю. Б. (1970). Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. Москва: Искусство.

Дускаева, Л. Р. (2019). Стилистический анализ в медиалингвистике. Москва: Флинта.

Ермакова, О. П. (1997). Об иронии и метафоре. В Облик слова (с. 48–57). Москва: Наука.

Ермакова, О. П. (2017). Ирония и ее роль в жизни языка. Москва: Флинта.

Какорина, Е. В. (2012). Портрет «простого» интернет-пользователя в лингвопрагматическом, языковом и стилистическом аспекте (на материале жанра комментария). В Г. Я. Солганник (Ред.), Стилистика завтрашнего дня (с. 64–87). Москва: МедиаМир.

Корюкина, Н. В. (2008). Комическое в художественном тексте и его межкультурная транслируемость (на материале произведений М. Зощенко и С. Довлатова и их англоязычных переводов). Дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург.

Кулинич, М. А. (1999). Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та.

Новиков, А. И. (2007). Текст и его смысловые доминанты. Москва: Институт языкознания РАН.

Петкова-Калева, С. (2013). Прецедентните феномени във виртуалния политически дискурс. Епископ-Константинови четения. Памет и спомен, 19, 38–51.
Петкова-Калева, С. (2017а). Языковая агрессия в интернет-форумах онлайн-изданий. Проблемы когнитивного и функционально-семантического описания языков, 11, 133–165.
Петкова-Калева, С. (2017б). Грамматические маркеры политической оценки в наивном политическом дискурсе форумных комментариев. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica, 13, 205–213.
Рюмина, М. Т. (2010). Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. Москва: Либроком.
Стоянова, Е. (2020). Метафора в контексте комического в медиатексте. Медиалингвистика, 2 (7), 225–237.
Сычев, А. (2003). Природа смеха, или Философия комического. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та.
Фефелова, Г. Г. (2016). Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе. Филологические науки, 9 (63), 170–173.
Duskaeva, L. R. (2021). Humour as an information-influencing resource in mass media. Humour in the Media. European Journal of Humour Research, 1 (9), 29–43.
Duskaeva, L. R. (Ed.). (2022). The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication. New York: Routledge.

KOLOR JAKO PRZEDMIOT BADAŃ W MEDIOLINGWISTYCE

IWONA LOEWE (POLSKA)

Od dawna wiadomo, że istnieje różnica w fizykalnym i kulturowym postrzeganiu barw. Fizykalne ich doświadczanie jest uniwersalne, a percepcja jest taka sama we wszystkich społecznościach ludzkich (Wierzbicka 1990; 2008). Jednak kulturowa recepcja barw już nie jest uniwersalna. To, co pojawia się w siatkówce, jest rejestrowane przez mózg. Tymczasem barwa użyta jako element systemu znakowego jest przetwarzana w umyśle (który jest czymś innym niż biologiczny mózg), podobnie jak język. Te ustalenia dają argument do podjęcia badań humanistycznych nad kolorami, kiedy polem obserwacji jest sfera symboliczna. Wiadomo ponadto, że barwa kształtuje zarówno tożsamość osobistą, jak i tożsamość zbiorową, ściśle jest związana z językiem i kulturą, a także objęta jest stereotypizacją

Warto podać kilka ustaleń jako ważnych ze względu na pojawiającą się technologię koloru w telewizji czy też kolorowej telewizji. Zanim pojawiła się technologia cyfrowa, to właśnie wprowadzenie emisji w kolorze było najważniejszym osiągnięciem technologicznym telewizji. Pierwszy publiczny pokaz telewizji w kolorze odbył się w Nowym Jorku 27 czerwca 1929. Dopiero jednak w latach 60. nadawanie programów w kolorze stało się powszechne. Kolor miał niebywały wkład w rozwój pasma komercyjnego, czyli telewizyjnego przemysłu reklamowego. Kolor pomógł także z powodzeniem kształtować tożsamość wizualną stacji i stał się kluczowym elementem w procesie aranżowania informacji w telewizji.

Od samego początku projektowanie kolorów w nowej technologii opierało się na założeniach marketingu, brandingu i reklamy. Takie sieci jak NBC i CBS zatrudniały ekspertów – kolorystów, którzy kształtowali świadomość dyrektorów i pracowników produkcji w zakresie relacji zachodzących pomiędzy kolorem a gatunkiem, projektowaniem informacji a narracją o niej (por. Murray 2018). Jednym ze znaczących konsultantów dla NBC i RCA był Faber Birren jeden z czołowych kolorystów tamtych lat. Swoje założenia opierał na psychologii koloru oraz teoriach marketingu masowego. Twierdził on, że istnieją dwie wyraźne i odmienne kategorie nastrojów wywoływanych przez kolor – aktywny i pasywny. Birren zalecał, by producenci byli świadomi tych efektów, aby projektować pożądany efekt odbiorczy u widza/konsumenta (por. Murray 2018:106).

Do ustaleń teoretycznych zaliczam wiedzę o kodach w telewizji, wiedzę o dyskursie telewizyjnym oraz typologię dyskursu telewizyjnego. W odniesieniu do takiej teoretycznej

bazy nasze badanie i dobrany materiał znajdą swoje umocowanie. Przyjmujemy za niemieckimi badaczami (Kress 2010; Schneider, Stöckl (red.) 2011; Klug, Stöckl (red.) 2016; Schmitz 2018**;** Wildfeuer, Bateman, Hiippala 2020), że w analizie tekstu telewizyjnego we współczesnej lingwistyce mediów koniecznością jest refleksja o wszystkich kodach, z których skomponowany jest przekaz. Pisze się nawet, że „swego rodzaju specjalnością badań z zakresu mediolingwistyki są analizy odnoszące się do multimodalności komunikatów medialnych" (Hanus, Mac 2023: 374). Zgadzamy się z poglądem, że „[w] telewizji widzenie ma przewagę nad mówieniem, w takim rozumieniu, że głos osoby mówiącej lub odgłosy z planu są podporządkowane obrazowi, mają ten obraz komentować" (Sartori 2007: 17).

Nadawca instytucjonalny wykorzystuje nie tylko kod werbalny z konotacjami i asocjacjami słów oraz kolokacji, których używa w przekazie, ale także w kodzie obrazowym, którego częścią jest kolor, czyni to podobnie. Zgadzam się z Guntherem Kressem, że "[i]mage shows what takes too long to read, and writing names what would be difficult to show. Colour is used to highlight specific aspects of the overall message" (Kress, 2010: 1). Stoję na stanowisku, że kolor może mieć także swój udział w pożądanym przez nadawcę kierunku interpretacji treści. Serwisy informacyjne są interesującym przedmiotem w obranej przez nas perspektywie badawczej, ponieważ są „najbardziej naturalnym i historycznie najstarszym gatunkiem dla medium, jakim jest telewizja" (Godzic 2002: 109).

Kolorystyka elementów pasma autopromocyjnego nie jest przedmiotem obserwacji. Należą do tych elementów autoprezentacyjne kolory programu/stacji/materiału filmowego w programie, barwne logotypy programów i stacji, kolory wyposażenia studia we flagowych programach stacji. Zostały one opisane w literaturze przedmiotu w odniesieniu do polskiej telewizji i wiadomo, że mają za zadanie identyfikować program, stację, nadawcę, więc pełnią funkcję komunikatywną (informacyjną) oraz autopromocyjną (perswazyjną, impresywną, rekomendującą) (Tyc 2018; Loewe 2018).

W tekstach własnych stacji nadawca telewizyjny coraz częściej multiplikuje treść mówioną na ekranie i stosuje do tego wyróżnienia kolorystyczne. Pozwala to na podwojenie wartości perswazyjnej treści, ponieważ na jej efekt perlokucyjny wpływają a) dwa kody, b) akcent i c) modulacja głosu prezentera/reportera d) wzmocnione streszczonym przekazem na ekranie z użyciem koloru (np. tła, czcionki). Chcę zweryfikować trzy hipotezy: kolor w telewizyjnych serwisach informacyjnych ma funkcję (1.) estetyczną, (2.) komunikatywną i (3.) perswazyjną.

W efekcie obserwacji zgromadzonych danych można stwierdzić, że kolor w serwisach informacyjnych ma funkcje kolejno i hierarchicznie: perswazyjną, komunikatywną i

estetyczną. Modulowanie kolorem ma większą moc sterującą uwagą niż modulacja głosem prezentera z uwagi na dominujący u człowieka zmysł wzroku. Kolor ponadto pozwala na wykorzystanie symboliki barw do osiągnięcia celu komunikacyjnego. Te uogólnienia wynikające z obserwacji materiału pozwalają określić funkcję użytych barw jako perswazyjną w pierwszej kolejności. Ujęcie syntetyczne pozwala też powiedzieć, że kolor pozostaje w synergii z tekstem wypowiadanym przez prezentera i może go uszczegóławiać albo uogólniać. Tym samym treść newsa staje się redundantna, bo dostarczona dwoma kodami: mówionym i obrazowym. To daje przesłanki, by uznać kolor także w funkcji komunikatywnej. Kolor najprawdopodobniej zwraca ponadto uwagę widza przez urozmaicenie i dynamikę wyglądu ekranu w myśl zasady o estetyzacji treści prezentowanej w mediach. Obserwacja ta wraz z wynikami innych badań nad estetyzacją mediosfery prowadzi nas do potwierdzenia także hipotezy, że kolor w serwisach informacyjnych ma funkcje estetyczną (podnosi estetykę przekazu).

Kolory sprzyjają także podtrzymaniu diagnozy serwisów jako gatunku. Na cechy gatunkowe serwisu składają się bowiem następujące czynniki: wybiórczość i selekcja danych; jednostronna interpretacja faktów; subiektywizm nadawcy; opiniotwórczość; sterowanie społeczną uwagą. Badanie wykazuje, że decyzja o zastosowaniu koloru w celu wspierania treści mówionej przez prezentera pociąga za sobą zwykle kombinację kolorów, których wartość komunikatywną i perswazyjną tym łatwiej można rozpoznać i osądzić.

WNIOSKI

Komunikowanie kolorem jest stałą praktyką kulturową, która w dobie mediów audiowizualnych zyskała jeszcze większe umocowanie, stanowiąc niezbywalny składnik wielokodowego mediotekstu. Obserwacje telewizyjnego pasma właściwego oraz pasma autopromocyjnego głównych polskich stacji telewizyjnych pozwoliły dostrzec w barwie nie tylko funkcję estetyczną, ale przede wszystkim funkcję perswazyjną, dzięki której barwa zarządza informacją i rozrywką. Steruje także uwagą odbiorcy. Symboliczne oraz afektywne cechy koloru jako znaku umożliwiają wykorzystanie go jako narzędzia do manipulacji w telewizyjnym przekazie. Można uznać zgodzić się z tezami Stuarta Halla sprzed 50 lat, że

„Fakty należy przede wszystkim przełożyć na czytelne znaki audiowizualne, uporządkowane w formie dyskursu. Telewizja nie może pokazywać surowych wydarzeń: może przekazywać związane z nimi obrazy, omówienia lub dyskusje" (Hall i in. 1976: 65). Co Stewart Allan komentuje: „W rezultacie skodyfikowane definicje rzeczywistości, które postrzega się jako najbardziej naturalne i oczywiste, tak naprawdę są najbardziej

ideologiczne" (Allan 2006: 95). To, co jest zaś ideologiczne, jest elementem medialnego obrazu świata, którego cechą zawsze jest manifestacja preferencji aksjologicznych, punktu widzenia, perspektywy i preferowanie afektywnego oglądu rzeczywistości, który przeważa nad poznawczym (por. Godzic 2002; Mittel 2011: 21; Skowronek 2020: 46-47).

Interesujące się wydaje na przyszłość zaprojektowanie badania:

1. ukierunkowanego na odbiór w celu potwierdzenia zarysowanego tutaj modelu – *audience study,*
2. porównującego w pewnym cyklu intensywność oraz zmienność wykorzystywanych kolorów – *chronicle study,*
3. porównującego serwisy z różnych europejskich krajów w zakresie użycia w nich koloru do sterowania uwagą publiczności – *international study.*

Pomimo założeń dotyczących standardów dziennikarskich, mówiących o obiektywnym i bezstronnym przekazie informacji, zestawienie serwisów informacyjnych uwypukla subiektywny i kierunkujący odbiór informacji. Widać to przede wszystkim w dokonywanej selekcji treści oraz sposobie prezentacji. Ujawnia się tu wybiórczy charakter mediów, w których to nadawca decyduje, co jest ważne do zakomunikowania. Można także dostrzec różne podejście w budowaniu narracji i sposobie prezentacji.

BIBLIOGRAFIA

Allan, S. (2006). *Kultura newsów* (A. Sokołowska-Ostapko, tłum.). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Godzic, W. (2002). *Telewizja jako kultura*. Rabid.

Hall, S., Connell, I., & Curti, L. (1976). *The „Unity" of Current Affairs Television*, in Working Papers in Cultural Studies, University of Birmingham, Centre for Contemporary Cultural Studies.

Hanus, A., Mac, A. (2023). Mediolingwistyka zakotwiczona w niemieckiej tradycji badawczej. W: I. Loewe (red.), *Encyklopedia mediolingwistyki* (s. 373-391). Universitas.

Kress, G. (2010). *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. Routledge.

Loewe, I. (2018). *Dyskurs telewizyjny w świetle lingwistyki mediów* (wyd. 1). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Mittel, J. (2011 [2010]). Oglądanie telewizji. W: Bielak, T., Filiciak, M., & Ptaszek, G. (red.), *Zmierzch telewizji?* (s. 19-49). Wydawnictwo Naukowe Scholar.

Murray, S. (2018). *Bright Signals. A history of Color Television*. Duke University Press.

Pastoureau, M. (2008). *Black – the history of colour*. Princeton University Press.

Rynek telewizyjny w 2023 roku KRRiT. Gov.pl. URL: https://www.gov.pl/web/krrit/raporty-kwartalne4 (data dostępu: 18.12.2023).

Sartori, G. (2007). *Homo videns. Telewizja i postmyślenie* (J. Uszyński, tłum.). Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

Schmitz, U. (2018). Media Linguistic Landscapes. Alle Linguistik sollte Medienlinguistik sein. *Journal für Medienlinguistik*, *1*, 1-34.

Schneider, J.G., Stöckl, H. (red.). (2011). *Medientheorien und Multimodalität. Ein TV-Werbespot – Sieben methodische Beschreibungsansätze*. Herbert von Halem Verlag.

Skowronek, B. (2020). *Język w filmie*. *Ujęcie mediolingwistyczne*. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego.
Szkudlarek-Śmiechowicz, E. (2022). *Telewizja: polityka i rozrywka. O współczesnych dyskursach telewizyjnych*. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
Tyc, E. (2018). *Kawa czy herbata?* (wyd. 1). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
Wierzbicka, A. (1990). The meaning of color terms: semantics, culture and cognition. *Cognitive Linguistics*, *1*(1), 99-150.
Wierzbicka, A. (2008). Why there are no 'color universals' in language and thought. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, *14*(02), 407-425.
Wildfeuer J., Bateman, J., & Hiippala, T. (2020). *Multimodalität: Grundlagen, Forschung und Analyse – Eine problemorientierte Einführung*. De Gruyter.

BLOC 1.5
LES ÉTUDES PALÉOSLAVES À L'ÈRE DIGITALE ET LEUR AVENIR / PALEOSLAVISTICS, THE DIGITAL AGE, AND THE FUTURE

Organisateur : ACHIM RABUS

Achim Rabus, Anna Jouravel Handwritten Text Recognition and the Future of Paleoslavic Studies 1

Виктор Баранов, Роман Гнутиков Статистический анализ средневековых славянских текстов 4

Roland Meyer, Aleksej Tikhonov Computationally Assisted Author and Scribe Attribution in Historical Manuscripts 9

Olga Lyashevskaya, Hanne M. Eckhoff, Nilo Pedrazzini Open Paleoslavic Data Sets and Corpora as a Catalyst for Reproducible and Extensible Research 12

Per Ambrosiani, Antoaneta Granberg Slavonic Literacy as Part of a Wider European Cultural Heritage: Integrating Metadata on Slavonic Manuscripts and Early Printed Books in Swedish Repositories in Alvin 14

HANDWRITTEN TEXT RECOGNITION AND THE FUTURE OF PALEOSLAVIC STUDIES

ACHIM RABUS, ANNA JOURAVEL (GERMANY)
achim.rabus@slavistik.uni-freiburg.de
anna.jouravel@slavistik.uni-freiburg.de

The paper is devoted to exploring possibilities and limits of AI-based Handwritten Text Recognition (HTR) technologies and related tools. HTR is a line-based technology that allows for training and applying transcription models for specific languages, scripts, and handwriting styles, e.g., for Cyrillic poluustav (Rabus 2019) or Glagolitic handwriting and early printings (Rabus 2022) as well as cursive (skoropis'). A special focus of the contribution lies on the discussion of 'smart' transcription models (i.e., models capable of resolving ligatures or abbreviations, or transcribe into other scripts), the trade-off between small specific and large generic models, and the integration of HTR transcriptions into a workflow for quantitative historical corpus analysis.

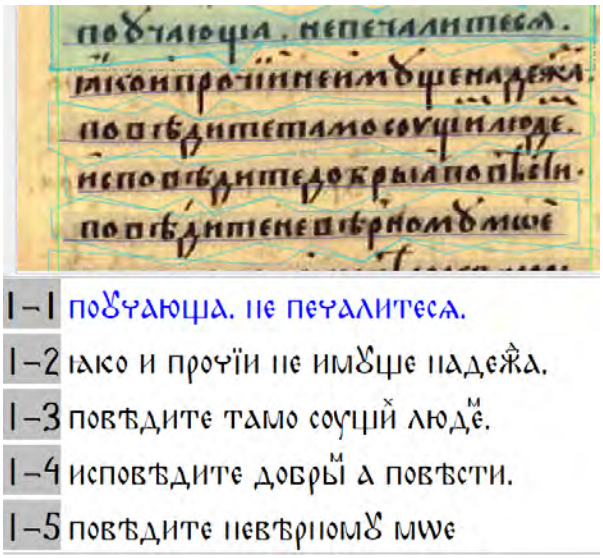


Figure 1: Example of the transcription performance of the HTR model VMC_Test-4+ (173,287 tokens, 3.83% CER)

In a first step, we evaluate the performance of available public and non-public models for pre-modern Slavic with special focus on typical errors. State-of-the-art HTR models for Slavic have a character error rate (CER) of well below 5%, meaning that less than five out of 100 characters are recognized incorrectly (see Figure 1).

However, with respect to superscripts, word separation, hypercorrect forms, and 'smart' features such as the resolution of abbreviations, the error rates may be considerably higher. We then discuss ways to correct these errors in post-processing steps using specialized tools such as the Church Slavonic Word Separator or Large Language Models (LLMs). While LLMs may exhibit decent results for specific tasks, their performance may vary and is highly dependent upon the prompting strategies applied. The Church Slavonic Word Separator, on the other hand, is capable of reducing the overall CER by around 10%.

Another task we tackle is sentence segmentation, which remains one of the most pressing challenges in the digital processing pipeline for historical Slavic language texts

(Jouravel et al. 2024, 2025). While character and word recognition systems function adequately—though not yet perfectly—allowing researchers to primarily focus on post-correction, the identification of sentence boundaries has not been satisfactorily addressed by any language model thus far. This problem results from the absence of reliable patterns that could be extracted from available diplomatic text editions, as they traditionally don't mark sentence boundaries (while still implementing word separations). We present several approaches to this issue using tools like *Stanza* (version 1.6.1; Qi et al., 2020) and *UDPipe* (version 2.12; Straka, 2018) as they both offer models for both Old Church Slavonic and Old East Slavic, and offer potential solutions for an automated sentence boundary detection within the post-processing of (uncorrected) HTR output.

Finally, we demonstrate that certain types of quantitative analysis are feasible even with uncorrected HTR transcriptions. This holds especially for cases where one of the main errors, the confusion of Slavic prepositions and prefixes such as въ- (Rabus 2024) is eliminated. Given low enough error rates of below 2%, e.g., when dealing with early printings, analysis at the character level is possible (Polomac & Rabus 2025), demonstrating that the analysis of uncorrected HTR transcriptions can mark a paradigm shift in Paleoslavistics: n the Digital Age, quantitative analysis of large numbers of manuscripts has become feasible, as the labor-intensive steps required for manually creating transcriptions and editions of textual sources are no longer necessary.

REFERENCES

Jouravel, A., Achim Rabus, Yves Scherrer, Elena Renje, Martin Meindl, Stefan Müller, Piroska Lendvai. 2025. Ansätze zur Wort- und Satzsegmentierung in kirchenslavischen HTR-Transkriptionen. To appear at: DHd (Digital Humanities in Germany) Conference, March 2025, Bielefeld, Germany

Jouravel, Anna, Elena Renje, Piroska Lendvai, Achim Rabus. 2024. Assessing Automatic Sentence Segmentation in Medieval Slavic Texts. In: Proceedings of Digital Humanities Conference (DH-2024), August 2024, Washington, D.C., USA

Polomac, Vladimir; Achim Rabus. 2025. "Serbian Early Printed Books from Venice: A Quantitative Approach to Orthographic Variations." *Studi Slavistici* 21 (2): 37–60. https://doi.org/10.36253/Studi_Slavis-16301

Qi, Peng, Yuhao Zhang, Yuhui Zhang, Jason Bolton, Christopher D. Manning. 2020. "Stanza: A Python Natural Language Processing Toolkit for Many Human Languages." In Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations, edited by Asli Celikyilmaz and Tsung-Hsien Wen, 101–8. Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics.

Rabus, Achim. 2019. Recognizing Handwritten Text in Slavic Manuscripts: a Neural-Network Approach Using Transkribus. *Scripta & e-Scripta* 19, 9–32.

Rabus, Achim. 2022. Handwritten Text Recognition for Croatian Glagolitic. *Slovo* 72, 181–192.

Rabus, Achim. 2024. Tolerating Imperfection: Uncorrected *Transkribus* Transcriptions in Church Slavonic Studies. In: Taseva, Lora; Rabus, Achim; Petrov, Ivan P. 2024. *Učitelnoto evangelie na Konstantin Preslavski i južnoslavjanskite prevodi na homiletični tekstove (IX-XIII v.). Filologičeski i interdisciplinarni rakursi*. Sofija. (Studia Balcanica 37), 453–467.

Straka, Milan. 2018. "UDPipe 2.0 Prototype at CoNLL 2018 UD Shared Task." In Proceedings of the, edited by Daniel Zeman and Jan Hajič, 197–207. Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ

Виктор Баранов, Роман Гнутиков

Имеющиеся машиночитаемые размеченные корпуса славянских средневековых рукописей и текстов позволяют выполнять собственно статистические исследования в области палеославистики. Корпус «Манускрипт» (manuscripts.ru), содержащий транскрипции глаголических и кириллических рукописей X–XV вв. разных типов и жанров, снабженный мета-, аналитической и лингвистической разметкой и обеспеченный корпусным менеджером, сегодня используется не только для получения справочных материалов о графике, орфографии, фонетике, грамматике и лексике текстов, но и для решения с помощью квантитативных методов историко-лингвистических задач.

Дистрибутивный анализ. Коллокаты слов брань и рать в рукописях XI–XV вв.

Известное положение о соответствии значения слова его лексическому окружению является теоретической базой для исследований семантики средневековой славянской лексики. Для анализа семантики лексем *брань* и *рать* в текстах XI–XV вв. с помощью а) модуля n-грамм корпуса «Манускрипт» из шестнадцати подкорпусов разных жанров, времени и извода были извлечены все их слова-соседи, б) статистической меры T-score вычислены значения тесноты компонентов биграмм, в) пакета Statistica (TIBCO Software Inc.) установлена корреляция r-Спирмена между коллокатами одного слова в разных подкорпусах и коллокатами разных слов в одном подкорпусе. Анализ показал, что а) в рукописях, продолжающих Кирилло-Мефодиевскую и Преславскую традиции, в Евангелиях различного структурного типа и в некоторых других случаях ряды слов-соседей при *брань* и *рать* противопоставлены друг другу; б) если же списки принадлежат одной редакции, одному структурному типу или жанру, ряды коллокатов аналогичны; в) наибольшие различия между коллокатами слов *брань* и *рать* обнаружены в летописях. Сделан вывод об усилении различий в семантике лексем в оригинальных русских текстах по сравнению со староболгарскими и русскими церковнославянскими [Баранов 2022].

Корреляционный анализ. Охридско-моравская vs преславская книжные традиции сквозь призму лингвистической статистики

Одним из традиционных вопросов палеославистики является вопрос о реальности маркирования синонимичными лексемами западно-болгарских и восточно-болгарских рукописей (перечни таких рядов см. в [Славова 1989, с. 25–117; Voss 1996, с. 100–103]): 1) существует ли и какова степень противопоставленности компонентов синонимических рядов друг другу, 2) какова статистическая значимость принадлежности каждого из компонентов ряда той или иной книжной школе?

Были рассмотрены количественные и статистические характеристики компонентов нескольких рядов ((*архи)иерѣи – жьрьць – свлщеньникъ*, *колѣно – племѧ*, *коньчина – коньць*, *кънигы – писаниѥ*, *льстити – прѣльстити*, *любодѣица – блѫдьница*) как во всем корпусе «Манускрипт», так и в нескольких текстовых подкорпусах, противопоставленных друг другу характеристиками: глаголическое – кириллическое письмо рукописи, служебный/неслужебный тип кириллического текста, охридское или преславское происхождение списка (или редакции текста).

Количественный анализ всех употреблений каждого из компонентов синонимических рядов дает право говорить о двух противоположных тенденциях: 1) противопоставлении синонимов в одном подкорпусе (например, в служебных рукописях относительная частота *коньчина* 0,008 – *коньць* 0,002) и различной частотности одного слова в противопоставленных друг другу подкорпусах (например, *любодѣица* с относительной частотой 0,013 в текстах зап.-болг. и 0,005 в вост.-болг.); 2) отсутствии различий в количестве синонимов в одном подкорпусе и одного компонента в противопоставленных подкорпусах.

Для установления степени контрастности относительных величин использован метод оценки числовых рядов с точки зрения наличия/отсутствия выбросов. Результаты, полученные с помощью трех разных метрик (межквартильного диапазона, Median Absolute Deviation, отклонения от среднего во всем корпусе), позволили сделать выводы о том, что не всякое количественное преобладание одного компонента ряда над другим свидетельствует о значимости этого различия.

Для установления степени значимости лексем вычислено их среднее логарифмированное значение на основе трех мер (LogLikelihood, TF*ICTF, Weirdness), использующихся для извлечения ключевых слов (терминов) с помощью сопоставления с контрастным подкорпусом. Полученные сопоставимые числовые результаты позволили определить границы статистически значимых и статистически незначимых величин.

Анализ показал, что 1) статистическая значимость или незначимость компонентов в соответствии с текстами охридско-моравской или преславской традиции отмечается только у некоторых слов (значимость вост.-болг. *жьрьць* в преславских по происхождению текстах и незначимость зап.-болг. *иерѣи* в кириллических списках, значимость зап.-болг. *коньчина* в западно-болгарских текстах и др.), 2) противоположное ожидаемому соотношение обнаружено между рядами *льсть – прѣльсть* и *любодѣица – блѫдьница* в кириллических служебных и неслужебных рукописях; 3) достаточно часто статистические величины компонентов различаются минимально или находятся в пределах статистически незначимых величин (*колѣно – племѧ* в служебных списках, *льсть – прѣльсть* в неслужебных, *любодѣица – блѫдьница* в восточно-болгарских Псалтыри и Апостоле и др.); 4) статистическая активность одного компонента в противопоставленных подкорпусах также может быть минимальной (*колѣно* в служебных и неслужебных рукописях, *кънигы* в глаголических и кириллических списках и др.).

Сделан вывод о том, что между рукописями/текстами, различающимися текстологическими и/или кодикологическими характеристиками и компонентами синонимического ряда существует взаимозависимость. В то же время а) не все слова демонстрируют статистически значимую частотность в «соответствующем» им подкорпусе, б) не во всех случаях компоненты ряда противопоставлены друг другу, в) статистическая значимость частоты компонентов в одном подкорпусе и одного компонента в разных для каждой пары различна – от существенной до минимальной, от маркирующей до статистически незначимой, случайной.

Стилометрический анализ. Атрибуция трех проблемных текстов Толстовского сборника втор. пол. XIII в. (РНБ, F.п.I. 39)

Произведения, включенные в Толстовский сборник, содержащий оригинальные и переводные Слова, Поучения и апокрифические сказания, были созданы Кириллом, епископом Туровским (XII в.), Кириллом, епископом Иерусалимским (IV в.), Иоанном Златоустым, архиепископом Константинопольским (347–407 гг.), и несколькими неизвестными авторами. Из 29 текстов сборника шесть бесспорно принадлежат Кириллу Туровскому. Одновременно для еще трех текстов – «Поучения в неделю 5-ю по Пасхе», «Поучения на Пятикостии», «Слова о премудрости», – несмотря на указание в начале каждого имени Кирилла Туровского, авторство подвергается сомнению [Жолобов 2018].

Наличие в корпусе «Манускрипт» размеченной транскрипции списка, инструментов для формирования подкорпусов на основе текстов рукописи, для получения количественных сведений о лингвистических единицах, нормализации их графической формы и др. позволили провести два эксперимента, целью которых было установление степени близости проблемных текстов подкорпусам произведений Кирилла Туровского (далее – КТ) и Кирилла Иерусалимского (далее – КИ).

Материалом для первого эксперимента стали перечни текстовых форм знаменательных и служебных слов, извлеченные с помощью модуля статистики из соотносимых по объему шести текстов КТ, семи – КИ, трех анонимных текстов, текста Иоанна Златоуста и трех проблемных текстов. Для первых ста наиболее частотных слов каждой пары перечней с помощью пакета Statistica была установлена величина ранговой корреляции Спирмена. Значения были сведены в матрицу корреляционных значений, которая стала материалом для кластерного анализа текстов. На основе матрицы с помощью программы Statistica были построены дендрограммы, визуализирующие близость или контрастность числовых рядов перечней. Статистические меры при построении дендрограмм подбирались таким образом, чтобы в первую очередь отчетливо формировались два кластера экспертных текстов. В зависимости от включения или невключения в дендрограмму трех анонимных текстов и текста Иоанна Златоуста три проблемных текста располагались или в ветке произведений КИ, или в ветках обоих авторов.

Более показательным явился результат нахождения корреляции и кластеризации перечней из наиболее частотных служебных слов, который при применении разных статистических мер близости (Евклидова расстояния, Манхэттенского расстояния, расстояния Чебышева, 1-r Пирсона) и правил объединения числовых рядов в группы (метода одиночной связи, метода полной связи, метода Варда) продемонстрировал идентичные результаты – два устойчивых кластера текстов КТ и КИ. При этом проблемный текст «Слово о премудрости» был равно удален от двух основных веток дерева, а «Поучение на Пятикостии» и «Поучение в неделю 5-ю по Пасхе» в зависимости от статистических параметров или тоже удалены от основных кластеров, или сближены с произведениями КИ [Zholobov, Baranov, Novak 2020].

Второй эксперимент был осуществлен с помощью метода Дельта Бёрроуза [Burrows 2002], который позволяет установить степень близости текстов на основании оценки многомерных расстояний между ними. Инструментом послужил программный пакет Stylo, реализованный в среде R [Eder, Rybicki, Kestemont 2016] и позволяющий, в

частности, визуализировать результат в виде дендрограммы. Материалом стали все тексты Толстовского сборника, транслитерированные буквами современного кириллического алфавита (удалены диакритика, титла и пунктуационные знаки, выносные буквы внесены в строку). Использование перечней с разным количеством наиболее частотных слов и различных, предусмотренных пакетом способов вычисления расстояния дает идентичные или близкие результаты: а) разделение текстов КТ и КИ на два кластера, б) близость анонимных текстов и текста Иоанна Богослова текстам КТ, в) при выборках 50, 100, 150 слов три проблемных текста близки текстам КИ, г) при выборках 200 и 250 слов проблемные тексты вместе с текстами КТ и анонимными текстами образуют подкластер, противопоставленный текстам КИ, при этом не сближаясь с текстами КТ. Обнаружены тенденции зависимости конфигурации дендрограмм от объема анализируемых текстов и от применяемого метода вычисления расстояния (классической Дельты или косинус-Дельты) [Баранов, Жолобов 2021].

ЛИТЕРАТУРА

Баранов, Жолобов 2021 – Баранов В. А., Жолобов О. Ф. Лингвостатистический анализ древнерусской антологии (РНБ, F.п.I. 39) // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2021. № 2 (45). С. 50–60. DOI: 10.22213/2618-9763- 2021-2-50-60.

Баранов 2022 – Баранов В. А. Количественные и статистические характеристики лексического окружения существительных брань и рать в старославянских и восточнославянских источниках XI–XV вв.: опыт извлечения и анализа малых корпусных данных // Palaeobulgarica. 2022. 4. С. 101–141.

Баранов 2024 – Баранов В. А. Статистическая значимость компонентов лексических синонимических рядов в древнеболгарских письменных памятниках: поиск метода // Scripta & eScripta. Vol. 24. 2024. Pp. 27–61.

Жолобов 2008 – Жолобов О. Ф. Слово-притча о премудрости в списках XII–XVI вв. // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казан. федер. ун-т, 14–17 окт. 2018 г.): в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. Т. 1. С. 85–90.

Славова 1989 – Славова Т. Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиеви студии. 1989. 6. С. 15–129.

Burrows 2002 – Burrows J. ‘Delta’: A Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship // Literary and Linguistic Computing. 2002. Vol. 17. No. 3. Pp. 267–287.

Eder, Rybicki, Kestemont 2016 – Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: A package for computational text analysis // The R Journal. 2016, Vol. 8, No. 1. Pp. 107–121.

Zholobov, Baranov, Novak 2020 – Zholobov, O.F., Baranov, V.A., Novak, M.O. Anonymous vs. attributed: cluster analysis of Tolstovskiĭ sbornik texts and its interpretation in terms of cultural heritage // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. 13(12), 2056–2081. DOI: 10.17516/1997-1370-0704.

Voss 1996 – Voss Ch. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Preslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränesis Ephreaims des Syrers. Ein Beitragzur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung // Anzeiger für slavischen Philologie. XXIV. 1996. С. 95–127.

COMPUTATIONALLY ASSISTED AUTHOR AND SCRIBE ATTRIBUTION IN HISTORICAL MANUSCRIPTS

ROLAND MEYER, ALEKSEJ TIKHONOV (GERMANY)
roland.meyer@hu-berlin.de, aleksej.tikhonov@uzh.ch

The detection of authors and scribes of manuscripts, based on philological and palaeographic criteria, has a strong research tradition in (Slavic) historical linguistics. Traditional philology relies on time-intensive methods like contextual research, close reading, transcription, and critical editing to study old manuscripts. In contrast, modern image and pattern recognition can automatically identify handwriting styles and graphic patterns. This project compares both approaches, exploring their strengths and how they can be combined. Manuscripts by unknown scribes offer an ideal testing ground for integrating computational and linguistic methods. It's crucial to distinguish between the *scribe* (the manuscript's physical writer) and the *author* (the original source of the text). Handwriting features belong to the scribe; linguistic features reflect the author. We present the assistance tool LiViTo and our case study to discuss the application of the tool and potential for author/scribe detection in a "mixed methods" approach. New methods in computational stylometry and machine-learning approaches for handwriting detection can effectively guide the philologist in finding the most plausible groupings of scribes and/or authors of a set of manuscripts.

LiViTo (Tikhonov & Müller 2020) is an open-source tool developed by linguists and engineers to support the analysis of historical manuscripts. It includes modules for detecting scribes, keywords, revisions, and linguistic features. Language-independent and adaptable, it was designed for broader use beyond the initial project. A key breakthrough was improving OCR for historical handwriting using neural networks, enabling keyword searches in digitized texts. LiViTo also detects corrections and handwriting layers through image processing.

The case study involves 18th-century Czech Protestant manuscripts from Prussia, including Moravian Church (*Herrnhuter Brüdergemein(d)e*) autobiographies and Choir speeches, written in Czech using the Kurrent script. Our project focused on the autobiographies of Rixdorf parishioners as these documents were of special historical and linguistic interest. Up to the present day, writing an autobiography is part of the religious duties of every member of the Moravian Church. Given the various participants involved in the completion of an autobiography, a major goal of the project was to determine the number of different authors and scribes engaged in it, and thus to reconstruct the history of the manuscript. Crucial clues to the reconstruction are provided by linguistic features of the

autobiographies, on the one hand, and by visual features (see Figure 2) of the handwritings on the other.

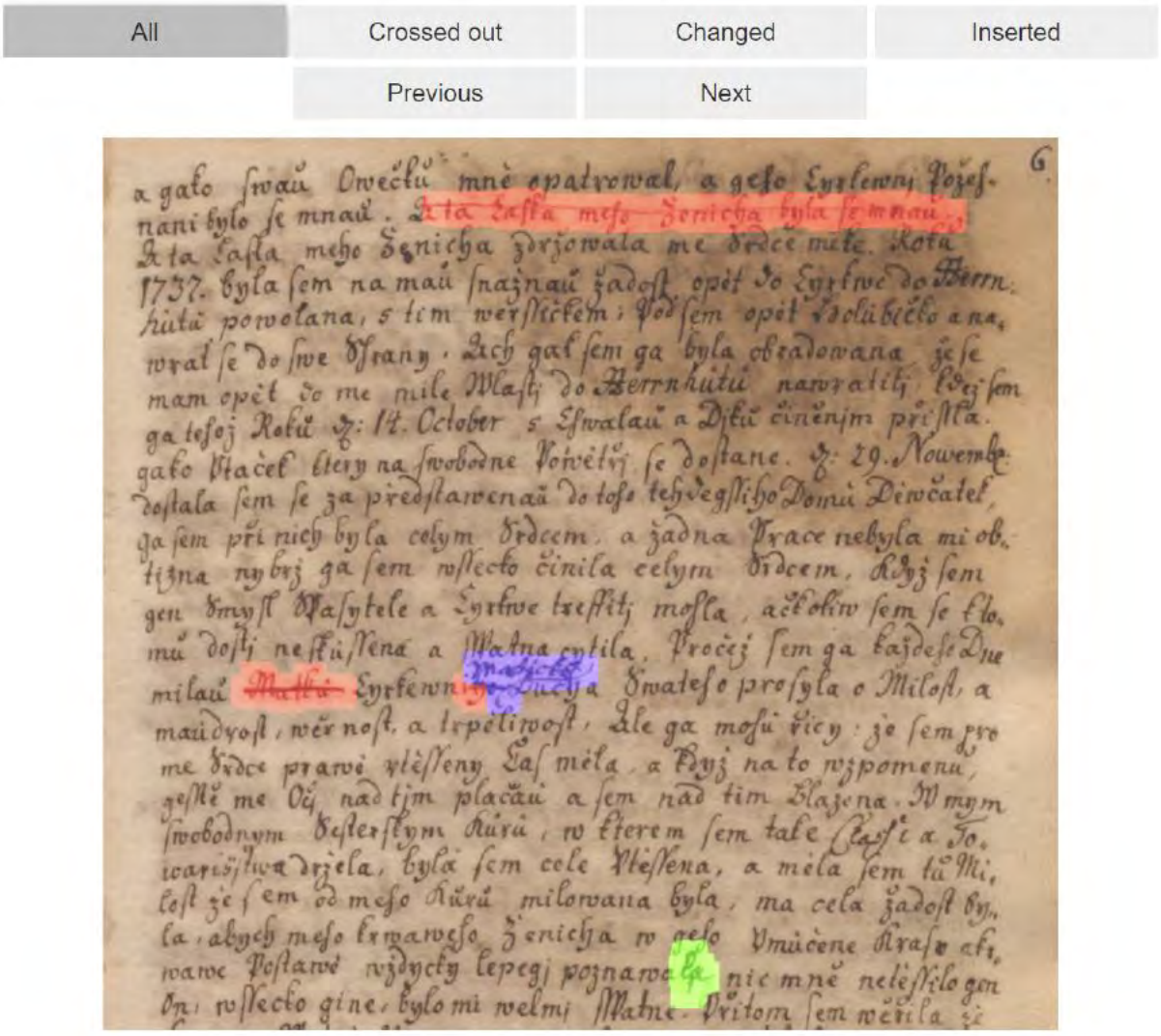


Figure 1: Visual features of the handwritings

The principal outcomes of the project include an enhanced understanding of the respective contributions of machine-learning and linguistic or stylometric approaches to the identification of scribes and authors in historical manuscripts. A key result was the development of an open-source software tool intended to assist researchers in attributing authorship and scribal activity across larger corpora of previously unidentified documents. Furthermore, the project yielded a detailed analysis of the provenance and transmission of 18th-century Czech autobiographical manuscripts from the *Archiv im Böhmischen Dorf* in Berlin. This analysis also offered broader insights into the history of Czech-German linguistic and cultural contact in Berlin, as well as into the history of the Moravian Church in Germany.

Already, within the small field of Slavic philology, many instances of unclear or disputed document origins come to mind, for example the older Church Slavonic witnesses

that exist only in numerous partially overlapping later versions (Ziffer 2013). Since the LiViTo tool is basically language-independent and requires only a very limited amount of training data, these possibilities certainly deserve to be explored.

REFERENCES

Tikhonov, Aleksej, and Klaus Müller, „LiViTo: A software tool to assess linguistic and visual features of handwritten texts“, in Adrian Paschke, Clemens Neudecker, Georg Rehm, Jamal Al Qundus, Lydia Pintscher (Ed.): *Qurator* – Conference on Digital Curation Technologies *2020* (Berlin: Online-Open-Access-Publication, 2020), https://ceur-ws.org/Vol-2535/paper_8.pdf.

Ziffer, Giorgio. “Jazyk i stil’ slova ‘O zakone i blagodati’”, in: *Učënye zapiski Kazanskogo universiteta* 155 (5) (Kazan’: Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2013), 7–16.

OPEN PALEOSLAVIC DATA SETS AND CORPORA AS A CATALYST FOR REPRODUCIBLE AND EXTENSIBLE RESEARCH

OLGA LYASHEVSKAYA, HANNE M. ECKHOFF, NILO PEDRAZZINI (UNITED KINGDOM)
olesar@yandex.ru, hanne.eckhoff@mod-langs.ox.ac.uk, npedrazzini@turing.ac.uk

The paper addresses the impact of open resources on the research activity in the field of Paleoslavic quantitative data analysis and natural language processing (NLP). After a brief overview of existing resources, we discuss challenges for designing, developing, mapping, and publishing data and supplementary materials.

After several decades of development, a diverse range of digital Paleoslavic text resources is now available, ranging from unannotated text collections (such as the Old and Middle Bulgarian Cyrillomethodiana corpus[1] or The online Library of Literature of Ancient Rus'[2]) to fully-fledged annotated linguistic corpora (such as the Universal Dependencies (UD) treebanks for Old Church Slavonic and Old East Slavonic). In this talk we will focus on open data sets, by which we mean a sample of (annotated) language data with an open license that is suitable for exploration and analysis (and can be downloaded or used via an API). There are fewer resources that meet this stricter definition, but some examples are:

– Resources for handwritten text recognition (HTR), including training data sets and models (such as those developed for Church Slavonic manuscripts[3])

– The collection of Paleoslavic treebanks in PROIEL/TOROT, later converted to UD Old Church Slavonic[4]

– UD Old East Slavic treebanks based on RNC's and TOROT's Old East Slavonic and Middle Russian data

– PROIEL's treebanks converted to theCorefUD dataset with coreference relations annotation for Old Church Slavonic[5]

We will present examples of past and ongoing work on using such open data sources to develop (both generic and variety-specific) NLP tools for the linguistic annotation of Paleoslavic texts (including morphological tagging, lemmatization, dependency parsing and coreference resolution). Finally, we discuss implications for how data and models can best be

[1] https://histdict.uni-sofia.bg
[2] http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4863
[3] https://zenodo.org/records/7755483
[4] https://universaldependencies.org
[5] https://ufal.mff.cuni.cz/corefud

designed, developed, mapped, and published, particularly in light of emerging technologies and architectures (such as large language models) increasingly adopted in historical and low-resource linguistic contexts.

SLAVONIC LITERACY AS PART OF A WIDER EUROPEAN CULTURAL HERITAGE: INTEGRATING METADATA ON SLAVONIC MANUSCRIPTS AND EARLY PRINTED BOOKS IN SWEDISH REPOSITORIES IN ALVIN

PER AMBROSIANI, ANTOANETA GRANBERG (SWEDEN)
per.ambrosiani@umu.se, antoaneta.granberg@sprak.gu.se

Alvin is a Swedish national digital platform for the long-term preservation and accessibility of digitized cultural heritage materials at Swedish cultural heritage institutions (see http://www.alvin-portal.org/). The integrated metadata on Slavonic manuscripts and early prints in Alvin includes c. 700 records with detailed descriptions and c. 200 images of Cyrillic and Glagolitic materials preserved in approximately twenty-five Swedish repositories.

The records are organised in five main collections (for additional details see http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:alvin:portal:record-523769):

a. Cyrillic parchment fragments in Sweden – c. 100 records, describing fragments in repositories in Stockholm, Uppsala, Jönköping, Västerås, Lund, including a few 13th-century fragments of an East Slavic *Prolog*.

b. Cyrillic manuscripts in Sweden – c. 100 records, describing manuscript books (and a few paper fragments) in repositories in Uppsala, Västerås, Stockholm, Lund, Göteborg, Umeå. Notable items include, for example, the original manuscript of Grigorij Kotošichin's *O Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča* (c. 1667), one of the manuscripts of Feodosij Sofonovyč's 17th-century Ukrainian *Chronika litopysciv starodavnich*, and the four codices of the Swedish slavist Johan Gabriel Sparwenfeld's Church Slavonic–Latin *Lexicon Slavonicum* manuscript from the 1690's.

c. Cyrillic early printed books in Sweden – c. 90 records, describing books in repositories in Lund, Västerås, Göteborg, Linköping, Stockholm, Strängnäs, Skara, Östersund, Umeå, Karlskrona, Växjö. Notable items include four copies of the 1580/81 Ostroh bible, four copies of *Alfabetum rutenorum* (c. 1640), and two copies of the 1648 edition of Meletij Smotryckyj's Slavonic grammar.

d. Glagolitic early printed books in Sweden – c. 35 records, describing books in repositories in Uppsala, Lund, Stockholm, Göteborg, Linköping, Skara, Norrköping, Östersund, Umeå, Torup. The relatively few Glagolitic books include, for example, Mikula Brozić's 1561 breviary printed in Venice, several seventeenth-century publications of the Propaganda Fide in Rome including Rafael Levaković's

1629 *Azbukividnêk slovinskiĵ*, and the 1562/63 Croatian Glagolitic New Testament, printed in Tübingen.

e. Church Slavonic printed books at Uppsala University Library (mainly in Cyrillic script) – c. 280 records. The Uppsala collection is the most important collection of early printed Cyrillic books in Sweden and includes many Orthodox liturgical books as well as a unique copy of Filip Stanislavov's 1651 *Abagar* (one of only two known copies preserved as scrolls), as well as the only known copy of the 1609 Vilna edition of Daily prayers.

In addition, there is a separate collection of descriptions of miscellaneous items that do not readily fit into any of the other collections. This collection includes c. 25 records, describing items in repositories in Uppsala, Stockholm, Lund, Västerås, Linköping, Norrköping, Torup. One of the perhaps most interesting titles is a 1784 book celebrating king Gustavus III of Sweden with a congratulatory poem translated into forty-six languages, including six Slavic languages.

Separate entries for watermarks enable direct access to the document where the watermarks are attested and offer structured information about the respective watermarks. When necessary, the watermark entries link together groups of two or three manuscripts with identical paper. Scanned images of watermarks are available in each entry, among them twenty-four previously unknown watermarks. The classification system of the International Association of Paper Historians (IPH) is used for identifying and describing the watermarks. This system is now supplemented with types and subtypes in two more languages: Russian and Swedish.

The paper discusses how data should be structured and presented in order to be used for research within various scholarly fields, and also how links to other projects that describe relevant aspects of similar data could be established.

BLOC 1.6
LANGUES DES DIASPORAS SLAVES DES XIXE-XXIE SIÈCLES: PROBLÈMES ET PERSPECTIVES D'ÉTUDE / ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ ДИАСПОР XIX-XXI ВВ.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Organisatrice: VLADISLAVA WARDITZ

Vladislava Warditz The Czech Language in the Usa after 1918: Father John B. Dudek's 'Migrant Studies' 1

Kai Witzlack-Makarevich Boris Unbegaun's *Les Argots Slaves des Camps de Concentration*: An Early Contribution to the Study of *Lagerszpracha* 3

Natalia Meir Examining Grammatical Gender Acquisition Patterns in Child and Adult Heritage Language Speakers : the Case of Russian 5

Monica Perotto Создание параллельных корпусов на материале конкурса « Культурный мост » для анализа языковой переводчесой компетенции детей-билингвов 8

Veronika Makarova, Alla Nedashkivska Home Language Shift among Immigrants from Ukraine in Canada during the Russo-Ukrainian War 16

THE CZECH LANGUAGE IN THE USA AFTER 1918: FATHER JOHN B. DUDEK'S 'MIGRANT STUDIES'

VLADISLAVA WARDITZ (GERMANY)

Slavic languages in the diaspora have been intensively studied since the geopolitical changes in Eastern Europe after 1989. The main focus of this research has been on the migrant communities that emerged since that time. The older religious and political diaspora, often with a centuries-old history, have received far less linguistic attention, if at all (for an overview, see Warditz 2020). Interestingly enough, these older migrant communities were first described by their members themselves, at least since the 19th century. This self-observation peaked during the interwar period (1918-1939), and especially in the 1920s. This was particularly the case with the Czech community in the USA whose multifaceted life has been documented in several studies (Habenicht 1904; Čapek 1911; 1920; Rosická 1928). However, they hardly addressed language issues as such. An exception to this rule were Father John B. Dudek's 'migrant studies'. In the 1920s, this American-Bohemian authored pioneering works on the Czech language in the USA, but they seem to have escaped the attention of both linguists and historians (Eckertová 2017; Rechcigl 2011; 2017).

Moreover, studies of Czech as a migrant language occupy a rather unique position in the research of the languages of the Slavic diaspora. Whether in the 1970s, when the general focus was on labour migration, or in the 1990s – 2000s when linguists were tackling the effects of mass migration from Slavic-speaking countries (for an overview, see Warditz 2020), research on the Czech language abroad continued to centre around the old diaspora in the USA (Kučera 1990; Eckertová 1998; Eckert 2001; Eckert & Hannan 2009). This can be explained, on the one hand, by the size of these Czech American communities, which in the 1920s and 1930s counted nearly half a million people (Eckertová 2017). On the other hand, Americans of Czech origin distinguished themselves by their religious and cultural homogeneity and compact living conditions, whether in rural or urban settings (Čapek 1935: 67). The major centres of the Czech diaspora at the end of the 19th century were Chicago (Illinois), New York City, Cleveland (Ohio), St. Louis (Missouri), Cedar Rapids (Iowa), Omaha (Nebraska), Philadelphia (Pennsylvania), Baltimore (Maryland), Milwaukee (Wisconsin) and Detroit (Michigan) (Herites 1913: 101-102). With the waning of religion as a binding factor, Czech as a heritage language became the main marker of identity in the community.

Within this broader context, Father Dudek's work on the Czech language in the USA is remarkable. He was the first to address language use in the Czech diaspora, focusing on language maintenance, and his work found an immediate resonance in Czechoslovak linguistics.

As such, Father Dudek was a typical actor within the circulation of knowledge among and through migrants as explored in the paradigm of 'migrant knowledge' (Westermann & Erdur 2020).

The present paper discusses Father Dudek's 'migrant studies' in the context of the post-imperial emancipation of the Czech language in Czechoslovakia after 1918 and wants to contribute to the history of Slavic Studies in non-Slavic countries.

REFERENCES

Čapek, T. (1911). *The Slovaks of Hungary, Slavs and Panslavism*. New York: The Knickerbocker Press.

Čapek, T. (1920). *The Čechs (Bohemians) in America: A Study of Their National, Cultural, Political, Social, Economic and Religious Life*. Boston: Houghton Mifflin Company.

Čapek, T. (1935). *The Čechs (Bohemians) in America* (2nd ed.). Boston: Houghton Mifflin Company.

Eckert, E. (2001). *Language Use in the Czech-American Community*. Munich: Lincom Europa.

Eckertová, L. (1998). *Čeština v Americe: Příspěvek k výzkumu nářečí v diaspoře*. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR.

Eckertová, L. (2017). "Language and Identity in Czech American Communities." In: *Journal of Czech Linguistics*, 68(2), 145–162.

Eckert, E., & Hannan, K. (2009). *Czech Language in America: Studies in Language Contact and Maintenance*. New York: Palgrave Macmillan.

Habenicht, J. (1904). *Dějiny Čechův amerických*. St. Louis, MO: Hlas.

Herites, J. (1913). *Naši v Americe*. Chicago: August Geringer.

Kučera, H. (1990). *Czech Language in the United States: A Sociolinguistic Perspective*. In: *International Journal of the Sociology of Language*, 86, 73–86.

Rechcigl, M. (2011). *Czech American Biography: Notable Americans of Czech and Slovak Ancestry in Arts and Letters and in Education*. Bloomington, IN: AuthorHouse.

Rechcigl, M. (2017). *Czech American Timeline: Chronology of Milestones in the History of Czechs in America*. Bloomington, IN: AuthorHouse.

Rosická, A. (1928). *Život českých osadníků v Americe*. Omaha: Pokrok Publishing.

Warditz, V. (2020). Diaspora, Slavic Languages in. In: Greenberg, Marc L., Grenoble, Lenore A. (eds.): *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics (ESLL) Online*, Leiden: Brill [online], https://referenceworks.brill.com/display/entries/ESLO/COM-036122.xml, [15.04.2025]

Westermann, M., & Erdur, L. (2020). *Migrant Knowledge: Concepts, Cases, and Conjunctures*. Berlin: De Gruyter.

BORIS UNBEGAUN'S *LES ARGOTS SLAVES DES CAMPS DE CONCENTRATION*: AN EARLY CONTRIBUTION TO THE STUDY OF *LAGERSZPRACHA*

KAI WITZLACK-MAKAREVICH (POLAND)
University of Silesia in Katowice
kai.witzlack-makarevich@us.edu.pl

After the Bolshevik takeover in 1917 Boris Unbegaun (1898–1973) decided to leave Russia. As a result, he spent his whole life, which he devoted to researching Slavic languages, in the diaspora. In 191943/44 he was deported from France to Nazi Germany, where he was detained in the Buchenwald concentration camp. But even in that difficult time he did not forget his profession and passion. He used his confinement to research the argot of the Slavic-speaking detainees, which came into being in the isolated diaspora situation of Buchenwald, combining features of different Slavic languages and the German command language. Unbegaun's paper *Les argots slaves des camps de concentration* – written in 1947 in Paris and first published in the same year in *Publications de la faculté des lettres de l'université de Strasbourg* – describes a unique situation of contact between the members of a multilingual Slavic diaspora community, which, hopefully, will never be repeated under similar conditions. Unbegaun focusses on Polish, Czech and Russian, as there were many speakers of these languages imprisoned in Buchenwald, while other Slavic languages were not sufficiently represented.

Nowadays linguists often refer to the language spoken in the Nazi concentration camps as the German-Slavic hybrid *lagerszpracha* (camp language). This language emerged as a result of the living conditions in the camps, where prisoners from many different nations were crammed into a very small space. Even the SS guards used certain elements of this *lagerszpracha*. In the mid-1980s, the German Slavicist Wolf Oschlies pointed out that, although much had been written about the former concentration camps, there was no comprehensive, systematic presentation and analysis of the language used there. This is surprising, not least because the need to communicate in the camps, with their multinational and multilingual communities, including not only the prisoners themselves but also the camp personnel, many of whom were not German speakers, inevitably created contact between speakers of different languages, which can lead to pidginisation or language mixtures and thus be an interesting field of investigation for contact linguistics.

Unbegaun's paper *Les argots slaves des camps de concentration* is a major contribution to research on this *lagerszpracha.* Nevertheless, it has so far gone largely unnoticed and is

rarely mentioned in the literature. This gap will be filled with the presentation of a paper at the 17th International Slavic Congress 2025 in Paris paying tribute to Boris Unbegaun, who was called a *universitaire globe-trotter* (globe-trotting academic) by his student José Johannet and whose life and work in the diaspora was closely linked to France and Paris, the location of our congress. The paper examines the circumstances of his deportation to the Buchenwald concentration camp in January 1944 and his release from the camp in November 1944 in more detail.

EXAMINING GRAMMATICAL GENDER ACQUISITION PATTERNS IN CHILD AND ADULT HERITAGE LANGUAGE SPEAKERS: THE CASE OF RUSSIAN

NATALIA MEIR (ISRAEL)
Department of English Literature and Linguistics &
The Gonda Multidisciplinary Brain Research Center
Bar-Ilan University

The term Heritage Language (HL) refers to a minority language spoken at home that differs from the dominant Societal Language (SL) of the broader community. HL speakers, often second- or third-generation immigrants, acquire their HL through naturalistic exposure from birth until school age (approximately 4–5 years), but tend to become dominant in the SL as they grow older. Research suggests that deviations in HL grammar are systematic and shaped by a variety of factors (Montrul, 2016; Polinsky, 2018; Rothman, 2009), yet the mechanisms and developmental trajectory of HL acquisition remain under active investigation across formal linguistics, psycholinguistics, and neurolinguistics (Polinsky & Scontras, 2020).

The current talk will focus on HL-Russian in the context of Israel, a setting that provides a compelling backdrop for exploring the dynamics of HL development under conditions of sustained contact with Hebrew. Grammatical gender often requires early and consistent exposure for robust acquisition, making it especially fragile in heritage contexts where such exposure may be limited or inconsistent. In the current talk, I will present a series of studies examining the learnability of grammatical gender in Russian—a language that encodes three gender values (masculine, feminine, and neuter)—in contact with Hebrew, which marks two gender values (masculine and feminine). This bilingual context offers a valuable comparative lens through which to investigate how structural overlap or divergence between the HL and the SL shapes morphosyntactic development. Previous research on HL-Russian in contact with English has documented systematic restructuring of the gender system, most notably characterized by the loss or substantial reduction of the neuter category, reflecting the influence of English's non-gendered nominal system and a broader trend toward simplification in HL grammar (Polinsky, 2008). The three studies presented in this talk aim to provide novel empirical evidence on the mechanisms underlying the development and maintenance of morphosyntactic features in HL speakers, with particular attention to the roles of cross-linguistic influence, input conditions, and structural complexity.

In Study 1, Fridman, Polinsky, and Meir (2023) investigated the effects of cross-linguistic influence and input reduction in adult heritage speakers of Russian, comparing two subgroups: those dominant in Hebrew and those dominant in English. Forty-nine participants

completed an adjective–noun agreement task targeting gender production accuracy. The results revealed that Hebrew-dominant speakers significantly outperformed their English-dominant counterparts, an outcome attributed to the structural reinforcement of grammatical gender in Hebrew, which, unlike English, systematically marks gender on adjectives and nouns. Notably, the analysis showed that internal linguistic properties such as gender type (masculine, feminine, neuter) and morphological transparency, alongside noun-naming proficiency, were strong predictors of performance, whereas external factors like overall input quantity did not significantly contribute. In Study 2 (Meir, 2025), 100 participants were grouped into monolingual adults and children and HL-Russian adults and children dominant in Hebrew. All participants completed a gender agreement task involving 30 nouns across six gender-structure conditions. The findings indicated that HL adults reached accuracy levels comparable to monolingual peers, suggesting that early exposure and continued use can preserve complex morphosyntactic features. However, HL children, particularly those exposed to Hebrew from an early age, demonstrated significantly lower accuracy, especially with opaque masculine and feminine forms—mirroring acquisition patterns seen in monolingual Russian children but exacerbated by limited HL input. A subset of HL children also exhibited restructured systems, displaying reduced or binary gender distinctions or defaulting to masculine forms. Study 3 (Meir & Verkhovceva, in preparation) further assessed 80 participants through narrative production using the RUEG protocol. Both monolingual and early bilingual Russian-Hebrew speakers (children and adults) were examined for morphosyntactic errors, particularly in gender, case, and aspect marking. Although HL speakers produced more errors overall, gender errors were less frequent than case and aspect errors. This suggests a protective effect from Hebrew, which also marks gender but not case or verbal aspect, highlighting how overlap between HL and SL morphosyntactic systems can influence HL development and retention.

Collectively, these studies underscore the pivotal role of cross-linguistic influence from the dominant SL and input quantity and quality in shaping both the synchronic grammar and the diachronic developmental trajectory of HL systems. When the HL and SL share morphosyntactic categories—such as grammatical gender—these shared domains can become sites of both facilitation and restructuring. In synchrony, HL speakers may exhibit hybridized grammatical representations that reflect selective reinforcement or suppression of certain features, depending on their presence and salience in the SL. Diachronically, such cross-linguistic influences can instigate gradual but systematic shifts in the HL grammar across generations, often manifesting as the reduction, reorganization, or simplification of complex

paradigms—such as grammatical gender—ultimately leading to structural innovations that may culminate in the emergence of a distinct language variety within the bilingual speech community.

SELECTED REFERENCES

Fridman, C., Polinsky, M., & Meir, N. (2023). Cross-Linguistic Influence Meets Diminished Input: A Comparative Study of Heritage Russian in Contact with Hebrew and English. *Second Language Research*. https://doi.org/10.1177/0267658323117637

Ivanova-Sullivan, T. Laleko, O., Mitrofanova, N., Meir, N., & Rodina, Y. (in press) Gender Acquisiton in Slavic Languages. In Schiller, N. $ Kupisch, T. (Eds.) *The Oxford Handbook of Gender and Classifiers*.

Laleko, O. (2018). What is difficult about grammatical gender? Evidence from heritage Russian. *Journal of Language Contact, 11*(2), 233-267.

Meir, N. & Verkhovceva, T. (in prep). Exploring morpho-syntactic domain in Child and Adult Russian Heritage Speakers dominant in Hebrew: Insights from narratives

Meir. N. (2024). Grammatical gender in child and adult Heritage Russian in contact with Hebrew: What do we learn about the trajectories of Heritage Language development. In N. Pavlou, C. Fotiou and K. Grohmann (Eds.) *Heritage Languages and Variation*. Edizioni Ca' Foscari - Venice University Press. Doi: 10.30687/978-88-6969-800-2/001

Mitrofanova, N, Urek, O., Rodina, U., and Westergaard, M. (2021). Sensitivity to Microvariation in Bilingual Acquisition: Morphophonological Gendder Cues in Russian Heritage Language, *Applied Psycholinguistics* 43 (1), 41-79

Mitrofanova, N., Rodina, Y., Urek, O., & Westergaard, M. (2018). Bilinguals' sensitivity to grammatical gender cues in Russian: The role of cumulative input, proficiency, and dominance. Frontiers in Psychology, 9, 1894. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01894

Montrul, S. (2016). The acquisition of heritage languages. Cambridge University Press.

Polinsky, M. (2008). Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization. *Heritage language journal, 6*(1), 40-71.

Polinsky, M. (2018). *Heritage languages and their speakers* (Vol. 159). Cambridge University Press.

Polinsky, M., & Scontras, G. (2020). Understanding heritage languages. *Bilingualism: Language and cognition, 23*(1), 4-20.

Rodina, Y., Kupisch, T., Meir, N., Mitrofanova, N., Urek, O., & Westergaard, M (2020). Internal and External Factors in Heritage Language Acquisition: Evidence from Heritage Russian in Israel, Germany, Norway, Latvia and the United Kingdom', Frontiers in Education 5.

СОЗДАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНИХ КОРПУСОВ НА МАТЕРИАЛЕ КОНКУРСА«КУЛЬТУРНЫЙ МОСТ» ДЛЯ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

MONICA PEROTTO (ITALIE)
Department of Modern Languages, Literatures and Cultures, University of Bologna
monica.perotto@unibo.it

Из первого определения языка наследия (*Heritage Language*, HL) Г. Вальдеса[1] исследования русского языка как унаследованного и литература по данной теме значительно расширились в последние двадцать лет, особенно благодаря работам М. Полинской (Polinsky 2000, Polinsky & Kagan 2007, Polinsky 2018), которая стала пионером в этой области лингвистики и дала начало ряду исследований, остающихся актуальными до сих пор. Во всем мире русский как HL является языком наследия мигрантской группы и используется в основном устно в семейной сфере. В странах, где не гарантируется формальное обучение русскому как родному, у двуязычных эритажников могут наблюдаться языковые пробелы как в лингвистической, так и в переводческой компетенции.

Цель данной статьи – рассмотреть, при помощи параллельных корпусов, трудности перевода, характерные для русскоязычных эритажников, проживающих в странах, где доминируют романские языки, т.е. Италия, Франция и Испания. Данная работа призвана дополнить наши предыдущие исследования, посвященные анализу подобного материала в русско-итальянских и русско-английских параллельных корпусах.

Перевод и двуязычие

Переводческим навыкам русскоязычных детей, живущих в условиях эмиграции, в работах по русскому языку как HL всегда отводилась второстепенная роль, хотя в последние годы все чаще уделяется внимание и этой важной компетенции (Perotto 2021 a). В нашем исследовании мы отметили, что перевод является для этих двуязычных детей спонтанной, естественной деятельностью в бытовой и семейной сфере жизни и что данная компетенция в определенном смысле либо переоценивается мифом о врожденной способности детей-билингвов к переводу, либо недооценивается на уровне научного исследования. Как учебная дисциплина, перевод, как правило, не входит в программы русских школ дополнительного образования, и переводческие способности у этих детей остаются естественными.

Именно в силу их языковых посреднических навыков в семье и иногда в компании родных людей Harris (1977) и Harris и Sherwood (1978) предполагают, что все билингвы

[1] "In recent years, the term heritage language has been broadly used to refer to nonsocietal and nonmajority languages spoken by groups often known as linguistic minorities", Valdes 2005:411.

являются естественными переводчиками (*natural translators*) и имеют врожденные способности к переводу, проходя этапы *pretranslation, intrapersonal autotranslation, transduction, intrafamily translation и extrafamily translation* для достижения хорошей степени переводческой компетенции.[2]

Несомненно, перевод создает важную связь между первым и вторым языком с ранних этапов овладения билингвизма. Согласно модели, предложенной Кроллом и Стюартом (Kroll & Stewart 1994), на начальном этапе изучения второго языка для усвоения новых слов билингвы широко используют перевод на первый язык. По мере того, как носитель языка становится более компетентным во втором языке, зависимость от родного языка уменьшается, и новые слова имеют более прямую концептуальную связь с их концептуальным представлением.

Для определения элементарных навыков перевода, понятию *natural translator* Toury (1986) предпочитает определение *native translator* (родной переводчик), т.е. билингв, которому не нужно специальное формальное обучение, чтобы уметь переводить элементарно. Знаменитые специалисты билингвизма М. Паради (Paradis 2004: 175) и Ф. Грожан (Grosjean 2010: 37) развенчивают миф о врожденной способности билингва в переводе и подтверждают, что даже свободно владеющий двумя языками человек может испытывать трудности с установлением переводческих эквивалентов, если он/она не является профессиональным переводчиком.

В наших (Perotto 2021 a и b, Перотто 2022) и других исследованиях (Warditz & Kreß 2015) было также показано, что эритажники сталкиваются со множеством трудностей при переводе, особенно когда речь идёт о письменной форме речи. Далее описываются основные трудности и ошибки, совершаемые русскоязычными эритажниками при переводе художественных текстов.

Материал и методы исследования

Наши информанты участвовали в международном конкурсе «Культурный мост» (КМ), который первый раз открылся в 2017 в Израиле. В нем участвовали двуязычные дети от 6/7 до 15/16 лет, переводящие на платформе Папмамбук[3] детские художественные тексты с русского на язык страны, в которой они живут. Каждый участник мог свободно выбрать один или более текстов объемом не менее 1000 знаков, разделенных на четыре уровня

[2] Подробнее о стадиях развития естественного перевода см. работы Harris (1977) и Harris и Sherwood (1978), а о связи билингвизма с обучением переводу см. Perotto (2023).

[3] Все материалы доступны на платформе журнала Папмамбук: https://www.papmambook.ru/contests/ (дата просмотра 9.04.2025)

трудности (*Мостик, Мосток, Мост, Супермост*). Если ребенок уже участвовал в предыдущих сезонах, он мог просто выбрать новый текст. Переводы выполнялись дистанционно с возможностью использования любых переводческих средств. Все материалы — как исходные тексты, так и их переводы — находятся в открытом доступе на указанном выше сайте. В первые годы число участников постепенно увеличивалось: от небольшого количества переводчиков и переводов в первом сезоне (22 участника) число значительно выросло в следующих сезонах, особенно в Италии и США (см. Перотто 2022: 153).

Благодаря участию в качестве жюри в сезонах конкурса, проведенных в Италии в 2018-2021 гг., мы собрали обширный и разнообразный переводческий материал из которого создали параллельные корпуса на разных языках: сначала русско-итальянский, а затем русско-английский, русско-испанский и русско-французский[4]. При анализе на платформе SE (*Sketch Engine*) были выявлены грамматические, синтаксические и стилистические трудности, возникающие при сопоставлении текстов функцией *parallel concordance*, в частности, на уровне морфосинтаксиса, лексики и порядка слов, а также примеры дословного перевода, типичные для непрофессиональных переводчиков.

В предыдущих работах (Perotto 2021 a и b, Перотто 2022) в первую очередь анализировались русско-итальянский (Ru-It) и русско-английский (Ru-En) корпуса. Их размер, как указывается в таб.1, не позволял провести количественный анализ, а скорее выделить типы переводческих трудностей, характерных для различных языковых пар.

Таблица 1. Размер параллельных русско–итальянского и русско–английского корпусов

Corpus Type	*Ru-It Corpus (2018–2019–2020–2021)*	*Ru-En Corpus (2018–2020–2021)*
Words	Ru 70.434 It 88.434	Ru 58.899 En 77.821
Sentences	Ru 10.683 It 10.326	Ru 8.739 En 8.988

В продолжении проекта мы выявили общие трудности при переводе с русского на генетически родственные языки, такие как французский, итальянский и испанский. В следующей таблице (таб.2) предлагается размер корпусов на русско-французском (Ru-F) и русско-испанском языках (Ru-Es). Опять же, размер корпусов невелик, поскольку Испания не участвовала во всех сезонах конкурса, в которых участвовали, например, Италия и США.

[4] Параллельные корпуса были созданы в 2020-2024 гг. группой студентов Болонского университета в рамках проекта внутренней стажировки «Культурный Мост» учебной магистерской программы Language, Society and Communication.

Объем материала разных языковых пар не одинаков, в том числе и потому, что количество переведенных текстов было разное.

Таблица 2. Размер параллельных русско-французского и русско- испанского корпусов

Corpus Type	*Ru-F Corpus (2018–2019–2020)*	*Ru-Es Corpus (2018)*
Words	Ru 28.512 F. 41.890	Ru 12.427 Es 15.157
Sentences	Ru 5.316 F. 5.271	Ru 2.529 Es. 2514

Таблица 3. Количество переводов на F, Es, It по уровню сложности

Уровень	*Кол.во переводов на F*	*Кол.во переводов на Es*	*Кол.во переводов на It*
Мостик	93	22	141
Мосток	80	24	106
Мост	29	16	107
Супермост	2	1	12

В таблице 3 мы видим сколько текстов и какого уровня сложности (от самого простого *Мостик*, до самого сложного *Супермост*) чаще всего выбираются для перевода. Хотя корпуса отличаются по размеру (русско-итальянский корпус несколько больше других), очевидно, что более трудные тексты переводятся реже, а более легкие предпочитают переводить почти все группы переводчиков. Эта тенденция, вероятно, связана с возрастом переводчиков, но еще с их осознанием недостаточности специфических навыков в переводе. Не следует забывать, что данные переводчики не проходили формального обучения переводу.

Результаты анализа

Анализ материала показывает, что при переводе с русского на романские языки – т.е. F, Es, It – эритажники сталкиваются с рядом трудностей, в том числе употребление артиклей, согласование рода, числа и падежа, выбор местоимений и глагольных форм. Также распространены ошибки в выборе и использовании предлогов, и очень частотны семантические кальки или примеры дословного перевода. Влияние русского языка заметно и на уровне порядка слов. В связи с ограниченным пространством мы рассмотрим лишь несколько примеров из выявленной типологии ошибок:

а) *Лексические кальки и неточности*[5]

Исходный текст	Перевод на F	Перевод на Es	Перевод на It
1. Дима, Лёня и тренер по прыжкам в высоту сидели на скамеечке	**l'entraîneur de saut en hauteur** (4)/ L'entraineur *de sauts en hauteur (2) / *un entraîneur en saut en	El entrenador *de saltos de altitud (2) / el entrenador *de saltar para altura (2)	**L'allenatore di salto in alto** (5) / *il maestro *di salti in alto (2)/ l'allenatore di salto *in altezza/ l'allenatore del

[5] Жирным шрифтом указывается на правильный перевод, знаком * – на ошибочный.

	hauteur (2) / *le maître *de sauts en hauteur (2)		salto *in altezza/ **l'insegnante di salto in alto*
2. Заниматься прыжками в высоту	**S'entraîner/pratiquer le saut en hauteur** / **faire du saut en hauteur** (4)/ faire *des cours de sauts en hauteur (2) / faire *des sauts en hauteur /	Dedicar te (dedicarse) a *los saltos de altitud (2) / *saltar al altura/ *saltar para altura	**praticare salto in alto**/ **fare salto in alto** (2)/ **frequentare il corso di salto in alto** (2)/ fare *i salti in alto / *imparare a saltare in alto / *studiare in un gruppo nel salto in alto / praticare *i salti in alto / *praticò salto in altezza /

В первом случае заметно, что при переводе на F, Es, It часто дается дословная форма, в которой соблюдается множественное число русского «прыжкам», хотя во всех этих языках требуется единственное число. В переводах на французский и итальянский отмечаются правильные варианты (в скобках дается их количество), в испанский только ошибочные (правильно было бы *Entrenador de salto de altura*). Также выявляется лексическая неточность перевода слова «тренер» на F, It [*le maître, il maestro, l'insegnante*], который переводится как «учитель».

Вследствие дословного перевода, дети-билингвы также допустили ошибки языкового трансфера, выбирая во французском или испанском языке некорректные термины, поскольку приписывали им то же значение русских слов, в контекстах, где нет прямого соответствия. Например, слово «вкус» в испанском может переводиться как *gusto* в значении «чувство изящного» и как *sabor*, когда речь идёт о «вкусовом ощущении в еде», но дети перепутали эти два варианта в переводе («четыре вкуса» – **cuatro gustos* вместо правильного *cuatro sabores*). Кроме того, наблюдаются и чисто лексические ошибки, такие как: **sucre* (сахар) вместо *sucré* (сладкое), **fatigue* (усталость) вместо *fatiguées* (усталые), **impressionné* (потрясённый, взволнованный) вместо *surpris* (удивлённый).

б) *Использование артикля.*

В переводах артикль используется с трудом и во многих случаях опускается, когда он нужен. Часто встречается путаница между определённым и неопределённым артиклями, как в примере 1а), где употребляется неопределенный артикль **un entraîneur en saut en hauteur*, вместо определенного (*l'entraîneur*). И еще: *je suis *l'oiseau* вместо *je suis *un oiseau* (я — птица). В таких устойчивых выражениях, как например «по вкусу», отмечается вставление определённого артикля, куда не нужно. На итальянский словосочетание переводится **per i tuoi gusti*, вместо *a piacere*, или,

когда пропускается артикль, не передается правильная лексема и повторяется калька из русского: **a gusto*. Пропуск артикля встречается и в позиции прямого дополнения, как в примере: **gusto "humamy" tiene el carne, setas y los nueces* вместо *el gusto "humamy" lo tienen la carne, las setas y las nueces* (вкус «умами» есть у мяса, грибов и грецких орехов), или в нижеуказанном на всех языках примере:

Исходный текст	Перевод на французский	Перевод на испанский	Перевод на итальянский
3. Смотри, сказал Лёня и зевнул. – Марсианин, кивнул головой Дима и зевнул.	*Marsien / **Ce doit être un *marcien*** / **Un marcien** (4)	*Marciano (2)	**Un marziano** (4)/ *Marziano (2)

Некоторые переводчики правильно употребляют неопределенный артикль, а другие его опускают, как в русском языке.

в) *Трудности в переводе глагольных форм*

Как уже было представлено в другой нашей работе (Perotto 2021 a), касающейся только корпуса русско-итальянских переводов, трудности встречаются не только в спряжении глаголов, но и в выборе правильных времени и вида. В настоящем анализе мы будем рассматривать особый аспект перевода глаголов движения с приставкой.

Исходный текст	Перевод на F	Перевод на Es	Перевод на It
4. Муся приехала с мамой и папой на море (учить своих божьих коровок плавать)	Moucia **est allée** à la mer avec sa mère et son père / Moucia et ses parents **sont parties** à la mer/ Moucia *est venue à la mer avec sa maman et son papa (2) / elle *est venue avec sa mère et son père au bord de la mère	Musia *estaba en la playa con su madre y su padre / Musia *vino al mar con sus padres/ Musya *vino con su madre y su padre a la playa (2)	La bambina **era andata** in vacanza al mare con sua mamma e suo papà / Musia **andò** al mare con la mamma e il papà / Musia *è arrivata al mare con la mamma e il papà (5)/ La ragazzina *era venuta al mare con la sua famiglia

В переводе 4-ого примера отмечается, что в большинстве случаев (3 из 5 во F, 3 из 4 в Es, 6 из 8 в It) для перевода глагола «приехать» был выбран глагол *venir, venire*. Однако этот глагол в данных романских языках, как подчеркивает Нистратова (Nistratova 2019) обозначает не просто достижение какого-либо места, а также обладает дейктическим значением: он требует, чтобы рассказчик или субъект речи находился на месте прибытия в момент рассказа, хотя бы на уровне воображения. В этом случае, героиня (Муся) уже дома в момент рассказа, а не на море, поэтому более целесообразно

выбрать глаголы *andare* в It, *aller* во F и *ir* в Es, которые, как русский глагол «приехать», не обладают деиктическим значением.

В заключение можно сказать, что эритажники, даже если они двуязычны от рождения, не всегда являются хорошими переводчиками, и, без должной подготовки, остаются естественными переводчиками. Можно также отметить необходимость углубления проблем, с которыми сталкиваются HS при переводе, с выявлением их причин, то есть связаны ли эти трудности с конкретным переводчиком, с особенностями конкретного языка или языковой группы (в данном случае романских языков), или общие ли они для всех детей-билингвов.

ЛИТЕРАТУРА

Grosjean F. (2010) *Bilingual: Life and Reality*, Cambridge, London: Harvard University Press.

Harris B. (1977) The importance of natural translation. *Working papers in Bilingualism*, 12, 96-114.

Harris B., Sherwood B. (1978) Translating as an innate skill. In D. Gerver, H.W. Sinaiko (eds) *Language interpretation and communication*. New York: Plenum Press, 155-170.

Kroll J., E. Stewart (1994) Category Interference in Translation and Picture Naming: Evidence for Asymmetric Connections between Bilingual Memory Representations. In: *Journal of Memory and Language*, 33, 149-174.

Malakoff M., Hakuta K. (1991) Translation skill and metalinguistic awareness in bilinguals. In E. Bialystok (ed.) *Language processing in bilingual children*, York, Toronto: Cambridge University Press, 141-166.

Nistratova, S. (2019) Особенности функционирования глаголов движения в русском и итальянских языках в аспекте дейксиса, In: *Studi di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricerca,* Venezia, Edizioni Ca' Foscari - Digital Publishing, 20, 341-356.

Paradis M. (2004) *A Neurolinguistic theory of Bilingualism*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Perotto M. (2021a) Grammatical difficulties in literary translations by Russian-speaking contestants in the *Kul'turnyj most* competition. In V. Warditz (ed.) *Russian Grammar: System-Usus-Variation*, Berlin: Peter Lang, 421-432.

Perotto M. (2021b) Problemi di traduzione negli heritage speakers russofoni e negli studenti di lingua russa. In E. Gherbezza, V. Laskova, A.M. Perissutti (eds) *Le lingue slave: Sviluppi teorici e prospettive applicative. Atti dell'VIII incontro di linguistica slava* (Udine,10-12 settembre 2020) Roma: Aracne, 383-399.

Perotto M. (2023) Traduzione e bilinguismo. Una proposta didattica. In: *Studi Slavistici,* xx, 2: 141-157.

Polinsky M. (2000) The composite linguistic profile of speakers of Russian in the US. In Kagan, O. (ed.). *The learning and teaching of Slavic languages and cultures*. Bloomington: Slavica, 437–465.

Polinsky M. (2006) Incomplete acquisition: American Russian, *Journal of Slavic Linguistics*, 14, 191-262.

Polinsky M. (2018) *Heritage languages and their speakers*. Cambridge: Cambridge University Press.

Polinsky M., Kagan O. (2007) Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*. 1 (5), 368–395.

Toury G. (1986) Natural translation and the making of a native translator, in: *TEXTconTEXT*, 1,11-29.

Valdés G. (2005) Bilingualism, heritage language learners, and SLA research: Opportunities lost or seized? *The Modern Language Journal*. 89 (3), 410–426.

Warditz V., Kreß B. (eds.) (2015) *Multilingualism and Translation*, Lausanne (Potsdam Linguistic Investigation, 17).

Перотто М. (2022) Корпусный подход к анализу переводов участников конкурса *Культурный мост*: продолжение исследования. В сборнике М.А. Еливанова, И.А. Крылова, С. В. Краснощекова (под ред.) *Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка. Универсальные механизмы и индивидуальные процессы. Санкт-Петербург*, 151-159.

HOME LANGUAGE SHIFT AMONG IMMIGRANTS FROM UKRAINE IN CANADA DURING THE RUSSO-UKRAINIAN WAR

VERONIKA MAKAROVA (Canada)
University of Saskatchewan

ALLA NEDASHKIVSKA (Canada)
University of Alberta

This presentation describes language attitudes and language maintenance among Ukrainian immigrants in Canada from the onset of the Russo-Ukrainian War in 2022 through 2024 (the period covered in the study). Alongside other natural and social cataclysms, wars are known to drive language change and shifts (e.g., Galandarova, 2025). The beginning of the language shift in Ukraine can be traced to the declaration of Ukrainian as the sole state language in 1989 and Ukraine's independence in 1991, when attitudes to the Ukrainian language started to change towards the elevation of its status, and its use began to spread (Kiss, 2020; Nedashkivska, 2021). However, the Russo-Ukrainian diglossia or the predominant use of Russian remained common, particularly in parts of Eastern, Southern, and Central Ukraine, where Russian-language education remained an option due to the Kolesnichenko-Kivalov Law of 2012. This law allowed for the official use of Russian and other regional languages in areas where they were spoken by significant portions of the population. After Euromaidan, on February 23, 2014, the new government of Ukraine repealed the Kolesnichenko-Kivalov Law, establishing Ukrainian as the country's only official language. Following this, on March 18, 2014, Russia took over Crimea after a disputed referendum, and the conflict in Donbass unraveled, with both regions populated predominantly by Russian speakers. In turn, these events prompted the Ukrainian government to impose more restrictions on the use of the Russian language. Notably, the 2017 language law mandated that Ukrainian be the primary language of instruction in all educational institutions and public spheres. By 2020, all educational institutions were required to switch to Ukrainian. This legislation marked another step in the language shift toward the predominant use of Ukrainian, which acquired the symbolic status of the national language, closely linked with Ukrainian nationhood and identity (Kulyk, 2023). The language shift process reached its new peak after the full-scale war began in 2022, when Ukrainian became dominant across all linguistic domains in the country, and Russian became perceived as the language of the enemy, as described in multiple studies conducted within Ukraine (e.g., Abramenko et al., 2024; Nedashkivska, 2024, Pidkuimukha, 2024).

In the context of Ukrainian immigrant diasporas, this shift in language attitudes, use, and family language policy is just beginning to be explored in European research (e.g., Protassova & Yelenevskaya, 2024 on family language policy and Warditz & Meir, 2024 on language attitudes). These studies demonstrate that the linguistic shift in Ukraine has been carried overseas to Ukrainian diasporas, affecting not only recent refugees (Orobchuk & Skintey, 2024) but also settled immigrants (Warditz & Meir, 2024). As on the mainland, this shift indicates a strengthening of Ukrainian identity among immigrants (Chachashvili-Bolotin, 2024). However, the language dynamics within the Ukrainian immigrant community in Canada remain underexplored, despite the fact that the Ukrainian émigré community has been well established over the past century. Currently, Canada is home to approximately 1.6 million people of Ukrainian descent (four percent of the country's total population of 40.3 million), including both permanent and temporary residents from Ukraine (excluding second, third, and subsequent generations). This makes the Ukrainian community the largest Slavic diaspora and one of the largest immigrant diasporas in Canada (Statistics Canada, 2025). In response to the Russian invasion of Ukraine in 2022, the government of Canada established the Canada-Ukraine Authorization for Emergency Travel (CUAET) program for Ukrainian refugees. It facilitated the arrival of approximately 300,000 Ukrainian nationals in Canada between 2022-2024 (Government of Canada, 2024).

Bilingual immigrants from Ukraine face not only the typical challenge of acquiring or enhancing their proficiency in the official languages of Canada (English and French), but some may also tackle the additional obstacle of reconciling the use of their home country's languages, due to the aforementioned shift away from Russian in Ukraine. Some earlier studies demonstrate that even before the 2014 conflict, knowledge of Ukrainian in the Canadian diaspora was connected with a sense of ethnicity (Makarova & Hudyma, 2015). Studies conducted after the 2014 conflict closely linked the use of Ukrainian by immigrants from Ukraine to their sense of 'Ukrainianess' (Nedashkivska, 2018, p. 139). However, there has been little research on post-war attitudes and language use among Ukrainian immigrants in Canada, a gap that the present study aims to address.

This study seeks to document language attitudes and language shift among Ukrainian immigrants in Canada who arrived in the country before the war onset. We report the results of a mixed-methods (quantitative-qualitative) study that aims to identify the changes in home

language practices and attitudes among immigrants from Ukraine in Canada since the start of the war. Research Questions are as follows:

1. What changes have occurred in the language use of the immigrant group since the onset of the war? (RQ1)

2. What changes have occurred in the group's language attitudes and the willingness to pass on their home languages to children? (RQ2)

The study draws the data collected through surveys with 92 participants and 26 interviews with Ukrainian immigrants who arrived in Canada prior to the war onset in 2022. Both the survey and the interview were constructed by the authors based on earlier research (e.g., Makarova & Morozovskaia, 2023; Svensson, 2024). The research tools and procedures were approved by the Behavioral Ethics Boards of the authors' universities. The survey was distributed online via SurveyMonkey, transferred into Excel, and analyzed in SPSS 28. The analysis involved descriptive statistics, chi-square tests (to establish the significance of differences between data subsets), and Spearman's rank correlation (Spearman's rho) to explore potential covariance between research parameters and demographic variables (Agresti, 2013). The interviews were conducted online via Zoom. Audio recordings of the online interviews were transcribed using Trint software and manually corrected by researchers. After transcription, the interviews were manually coded and analyzed in NVivo-14 to identify themes, subthemes, and thematic clusters (Croker, 2009; Huberman & Miles, 1994).

Most participants were from the prairie provinces of Saskatchewan (42) and Alberta (33), the traditional regions for Ukrainian settlers, with 16 additional participants from other provinces in Canada. The majority of participants identified Ukrainian as their L1(71%), Russian was the L1 of 21%, and 8% were bilingual in both languages from early childhood. Most participants (82.4%) self-identified as Ukrainian, while 16.5% chose other identities (e.g., Slavic, Caucasian). Only 56% of the participants were fully employed, and 19% were employed part-time. The participants were mostly well-educated, with over 65% holding Bachelor's, Master's, or PhD degrees from their home country.

Both the quantitative and qualitative results demonstrate an increased determination to maintain Ukrainian and to teach it to children among both monolingual Ukrainian and bilingual (in Ukrainian and Russian) participants. Among Russian-Ukrainian bilingual participants, the use of Russian has significantly diminished, especially in public domains and in family policy.

However, a few participants who speak Russian as their first language and have no functional proficiency in Ukrainian did not alter their use of the home language, and commented on the difficulties this posed for integration into the Ukrainian community.

In response to RQ1, our study found that the will to maintain Ukrainian increased or strongly increased for all participants, irrespective of their L1, whereas the determination to maintain Russian decreased. This difference in attitudes toward maintaining Ukrainian and Russian is statistically significant. Regarding RQ2, participants' desire to pass on their home language to their children increased for Ukrainian, regardless of L1. In contrast, the determination to pass on Russian generally decreased, although about half of L1 Russian speakers and bilinguals reported no change in their attitude toward teaching Russian to their children. The difference in participants' determination to pass on Ukrainian versus Russian is also significant. These results suggest that while there is a general trend toward the discontinuation of Russian, some participants do not follow this trend. In addition, we found that gender correlated with the war's impact on maintaining Russian, with men showing less determination to maintain Russian than women. L1 also correlated with the war's impact on maintaining Russian, with those who spoke Russian as an L1 or one of their L1s demonstrating less determination to cease using it.

The interview analysis confirms the results of the survey, providing specific insights into the participants' personal feelings and experiences. Some bilingual participants, for example, expressed the feeling of guilt for not switching to Ukrainian sooner. One participant shared that he had given up listening to Russian music and songs he used to enjoy.

In summary, our results confirm the shift towards a stronger positioning of the Ukrainian language within the émigré diaspora in Canada. For recent immigrants and refugees, communication in Ukrainian is essential to belonging to the diaspora and serves as a distinctive marker of Ukrainian identity. This state of language attitudes and language use highlights the interdependence between language, ethnicity, and identity that the war has brought to the social forefront.

Compared to European contexts, where Russian still maintains some 'pragmatic' function in the Ukrainian community despite its diminished social status (Warditz & Meir, 2024), we found very limited use of Russian only among very few Canadian Ukrainian participants. Participants in our study exhibited a more unified identity (82.4% identifying as 'Ukrainian'),

compared to pre-war studies in the Canadian prairies' context, where declared identities were much more divergent (Makarova & Hudyma, 2015).

Our study contextualizes the linguistic changes within the Canadian Ukrainian community, drawing on broad theories of language shift that explain the economic, political, and social reasons for the transition from one language to another (Kartika-Ningsih & Rose, 2018; Tsitsipis, 2004). The transitory nature of diglossia also sheds light on changes in the social status of languages even in relatively peaceful times (e.g., Chukueggu, 2010; Kaske, 2014). Finally, the study employs Linguistic Equilibrium theory (Makarova & Morozovskaia, 2023) to examine external and internal motivators for balancing language use at critical turning points in immigrants' lives.

The results of the study are therefore of significance not only to the Ukrainian communities and Slavic linguists around the world, but also to heritage language teaching programs at schools and universities. The theoretical implications of the study inform immigrant language studies, applied linguistics, sociolinguistics, and heritage language studies.

Key-words: Ukrainian, Canada, immigrants, language shift, language attitudes, home language maintenance

REFERENCES

Abramenko, S., Korovkin, V., & Makarin, A. (2024). Social media as an identity barometer: Evidence from the Russia-Ukraine war. AEA Papers and Proceedings, 114, 70-74, https://doi.org/10.1257/pandp.20241056

Agresti, A. (2013). *Categorical data analysis* (3rd ed.). John Wiley & Sons.

Chachashvili-Bolotin, S. (2024) The Russian invasion of Ukraine and the strengthening of Ukrainian identity among former Soviet immigrants from Ukraine: Israel as a case study, *Post-Soviet Affairs, 40*(1), 56-70, DOI: 10.1080/1060586X.2023.2277620 " : n. pag.

Chukueggu, C. C. (2010). Diglossia and code switching in Nigeria: Implications for English language teaching and learning. *African Research Review, 4*(3). https://doi.org/10.4314/afrrev.v4i3.60234

Croker, R. A. (2009). An introduction to qualitative research. In J. Heigham & R. A. Croker (Eds.), *Qualitative Research in Applied Linguistics* (pp. 3–24). Palgrave Macmillan.

Galandarova, A. (2025). War, colonization, and language evolution: Tracing linguistic shifts in Global history. *Acta Globalis Humanitatis et Linguarum, 2*(1), 199-206.

Government of Canada (2024). Canada-Ukraine authorization for emergency travel: Key figures. https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/news/2022/03/canada-ukraine-authorization-for-emergency-travel.html n.pag.

Huberman, A. M., & Miles, M. B. (1994). Data management and analysis methods. In N. Denzin & Y. Lincoln (Eds.), *Handbook of Qualitative Research* (pp. 428–444). Sage Publications.

Kartika-Ningsih, H., & Rose, D. (2018). Language shift: Analysing language use in multilingual classroom interactions. *Functional Linguistics, 5*(9). https://doi.org/10.1186/s40554-018-0061-0

Kaske, E. (2014). Diglossia and its discontent: The linguistics of national crisis in early twentieth-century China. In J. Árokay, J. Gvozdanović, & D. Miyajima (Eds.), *Divided languages?* (pp. 47–63). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-03521-5_3

Kiss, N. (2020). Language matters: Language activism in contemporary Ukraine. In A. Jašina-Schäfer & M. Wingender (Eds.), *Kulturelle kontakt- und konfliktzonen im östlichen Europa: Abschlusskonferenz des gleichnamigen thematischen Netzwerks in Gießen (1. und 2. Dezember 2016)* (pp. 105–124). Harrassowitz Verlag. http://www.jstor.org/stable/jj.2225681

Kiss, N. (2021). Bloggers as social actors in language policy debate in Ukraine. *Journal of Belonging, Identity, Language, and Diversity, 5*(1), 161–186.

Kulyk, V. (2018). Shedding Russianness, recasting Ukrainianness: The post-Euromaidan dynamics of ethnonational identifications in Ukraine. *Post-Soviet Affairs, 34*(2), 119–138.

Kulyk, V. (2023). Ukrainians now (say that they) speak predominantly Ukrainian. Ukrainian Analytical Digest, 1, 6–11. https://doi.org/10.3929/ethz-b-000623475

Makarova, V., & Hudyma, K. (2015). Ukrainian ethnicity and language interactions in Saskatchewan. *Canadian Ethnic Studies, 47*(4–5), 85–109. https://doi.org/10.1353/ces.2015.0054

Makarova, V., & Morozovskaia, U. (2023). The linguistic Odyssey of Russian-speaking immigrants in Canada. *International Journal of Bilingualism, 27*(6), 885-907. https://doi.org/10.1177/13670069221129537

Nedashkivska, A. (2018). Identity in Interaction: language practices and attitudes of the newest Ukrainian diaspora in Canada. *East/West Journal of Ukrainian Studies, 5*(2), 111–147. https://doi.org/10.21226/ewjus421

Nedashkivska, A. (2020). Language ideologies in Ukraine following the Maidan revolution. In N. Knoblock (Ed.), *Language of Conflict: Discourses of the Ukrainian Crisis* (pp. 157–176). Bloomsbury Academic Press. https://doi.org/10.1080/17405904.2021.2022504

Nedashkivska, A. (2021). Native language activism: Exploring language ideologies in Ukraine. *Journal of Belonging, Identity, Language, and Diversity, 5*(1), 107–139.

Nedashkivska, A. (2024). Language activism and the power of language in Ukraine during the war (2022–23). *Canadian Slavonic Papers, 66*(3–4), 411–430. https://doi.org/10.1080/00085006.2024.2413757

Orobchuk, D., & Skintey, L. (2024). Lifeworld dimensions in language education and the integration of refugee students in Germany: Results from a study with Ukrainian refugees. *Glottodidactica, 51*(1), 45–66. https://doi.org/10.14746/gl.2024.51.1.3

Pidkuimukha, L. (2024). Ukrainian language in the business environment after Russia's full-scale invasion of Ukraine. *Ukrains'ka Mova, 1,* 60–76. https://doi.org/10.15407/ukrmova2024.01.060

Protassova, E., & Yelenevskaya, M. (2024). Changes in the immigrant Russian-speaking family language policy during the war in Ukraine. *Frontiers in Psychology*, *15*, 1385420–1385420. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1385420

Statistics Canada (2025). Population projections for Canada, provinces and territories, 2024 to 2074. https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/catalogue/91-520-X, n. pag.

Svensson, M. (2024). Language dynamics and agency in multilingual research interviews. *International Journal of Applied Linguistics, 34*(3), 345–365. https://doi.org/10.1111/ijal.12555

Tsitsipis LD. (2004) A phenomenological view of language shift. Coll Antropol.,28(55-62). https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15156728/

Warditz, V., & Meir, N. (2024). Ukrainian-Russian bilingualism in the war-affected migrant and refugee communities in Austria and Germany: a survey-based study on language attitudes. Frontiers in Psychology, 15, https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1364112

BLOC 1.7

MINORITÉ ET MAJORITÉ DANS LE CONTEXTE DES LANGUES SLAVES / MENŠINA A VĚTŠINA V KONTEXTU SLOVANSKÝCH JAZYKŮ

Organisateur : MARKUS GIGER

Markus Giger Ситуация языка меньшинства в типологии языковых ситуаций 1

Jana Schulz / Šołćina Верхнелужицкий язык как миноритарный язык – актуальное развитие и тенденции 7

Лидија Тантуровска О языках и языковой идентичности 11

СИТУАЦИЯ ЯЗЫКА МЕНЬШИНСТВА В ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ

MARKUS GIGER (ČESKÁ REPUBLIKA)

1. Понятие языковой ситуации

Понятие «языковая ситуация» – один из центральных концептов социолингвистики, прежде всего, такого направления, которое стремится определять, описывать и классифицировать целые языковые сообщества.[1] Различные определения этого термина можно найти, например, у следующих авторов: Jedlička (1978), Scharnhorst (1995), Daneš (1997), Gladkova/Likomanova (2002), причём более поздние дефиниции обычно становятся более сложными. Обратим внимание на аспекты, являющиеся ключевыми для данной работы. Едличка различает языковую ситуацию в узком смысле как «ситуацию определённого языка»[2] и языковую ситуацию в широком смысле как ситуацию всех языков и языковых разновидностей на определенной территории,[3] но и в определённом этническом сообществе.[4] Неквапил, однако, обращает внимание на то, что описание языков на определенной территории фактически уже содержит описание ситуаций отдельных языков (Nekvapil 2017б). Шарнхорст, наоборот, исходит от языка, но связывает его с территорией.[5] Иногда понятие языковой ситуации применяется по отношению к учреждениям или компаниям (ср., например, Nekvapil/Nekula 2006).

---

[1] Неквапил это течение называет социологией языка, связывает его с работами Дж. Фишмана и характеризует его словами „sociologové jazyka fishmanovského ražení nepracují příliš s jednotlivými prvky struktury jazyka, ale spíš s komplexními útvary a procesy jako varieta a standardizace (kodifikace) jaz[yka]. Pokud jde o struktury společenské, v popředí jsou pojmy jazykové společenství a komunikační doména (rodina, škola, úřad apod.). Úkolem je […] zjistit, jaký jaz[yk] se používá v určitých komunikačních doménách multilingvního společenství, jaké jsou postoje k tomuto jazyku (varietě), jakou má symbolickou hodnotu, […]“ (Nekvapil 2017a).

[2] „[…] situace jednoho jazyka (jazykového celku) ve vztahu k faktorům sociálním a k podmínkám komunikativním, které určují fungování daného jazyka“ (Jedlička 1978: 301).

[3] „Vedle připomenuté interpretace vyjádřené variantním opisem situace jazyka je třeba ve shodě s potřebou charakterizovat i reálně existující situace jiného charakteru chápat pojem jazyková situace i v širším smyslu, tj. jako situaci jazyků fungujících v státním útvaru, v němž žijí různé národy a národnosti, nebo v určitém areálu obsazeném rovněž nositeli několika jazyků, spjatými určitými společenskými vztahy.“ (Jedlička 1978: 301).

[4] „Jazykovou situací nazýváme souhrn jazyků, podjazyků a funkčních stylů, které jsou prostředkem komunikace v administrativně teritoriálním celku a v etnickém společenství“ (Jedlička 1978: 301).

[5] «Unter dem Begriff *Sprachsituation* verstehen wir die allgemeine gesellschaftliche Lage, in der sich die Sprache in einem bestimmten Land oder Territorium während eines bestimmten Zeitabschnitts unter gegebenen politischen, sozialen, ökonomischen und insbesondere kulturellen Verhältnissen befindet.» (Scharnhorst 1995: 21). К этому относятся, согласно Шарнхорсту: 1. функциональные различия отдельных языков: родной язык, иностранный язык; язык большинства, язык меньшинства; местный язык, региональный язык, государственный язык; язык национальности, межэтнический язык, международный язык, мировой язык, 2. разновидности (литературный язык, разговорный язык, диалект и т.д.), 3. стили (научный, административный, публицистический и т. д.), 4. способы реализации (устный, письменный, язык печати и т. д.), 5. нормы (эксплицитно кодифицированные, некодифицированные), 6. сферы общения (экономика, спорт, культура и т. д.), 7. социолекты (сленг, жаргон и т. д.), 8. оценка отдельных языков и разновидностей, перечисленных в пунктах 2-7. Ср. похожее понимание у Данеша (Daneš 1997: 12).

В контексте настоящей работы понятие языковой ситуации используется в смысле ситуации конкретного языка с учётом того, что на этом языке говорят на определенной территории или территориях – чем больше языковое сообщество, тем больше вероятность того, что в разных местах существуют разные языковые ситуации (ср. чешский язык с немецким, русским или английским языками). Это также связано с вопросом, в какой мере язык играет роль как иностранный („L2“ или („L2“). Таким образом, ситуация языка может включать в себя различные ситуации – немецкий в Германии, в Швейцарии, в Люксембурге, в Южном Тироле или (в качестве иностранного языка) в различных других странах Европы и мира. И наоборот, носители языка могут участвовать в одно же время в разных языковых ситуациях в смысле ситуаций разных языков (см. ниже).

2. Языковые ситуации и их типология

Ч. Фергусон называет в своей эпохальной статьи „Diglossia“, кроме диглоссии, которой статья посвящена, ещё две языковые ситуации:

> “(...) no attempt is made in this paper to examine the analogous situation where two distinct (related or unrelated) languages are used side by side throughout a speech community, each with a clearly defined role“ (Ferguson 1959: 325) – „(...) diglossia differs from the more widespread standard-with-dialects in that no segment of the speech community in diglossia regularly uses H as a medium of ordinary conversation” (Ferguson 1959: 336-337) (подчёркивание – MG)

В то время как первая ситуация, по-видимому, соответствует форме стабильного общественного билингвизма (и, следовательно, по определению, форме языковой ситуации с двумя языками), вторая – это ситуация «стандарт с диалектами», которая обычно обсуждается в противоположность диглоссии.[6]

Фергусон считал коды «H[igh]» и «L[ow]» разновидностями одного языка. Дж. Фишман, однако, расширил концепцию диглоссии таким образом, чтобы она могла охватить самые разные формы социально мотивированного языкового неравенства, включая положение языковых меньшинств (Hudson 2002a: 13). Дориан, однако, отмечает, что такое языковое меньшинство, как носители гэльского в Шотландии, имеет свою собственную систему престижных и менее престижных разновидностей, и что нет смысла функционально относить гэльский в Шотландии к одной из нелитературных

[6] Основополагающей характеристикой диглоссии является тот факт, что литературный язык (по Фергусону: «H») не употребляется в неформальной коммуникации (Ferguson 1959: 336). Из этого следует, что он не может быть родным языком в прямом смысле этого слова для любого члена языкового сообщества (Hudson 2002a: 4).

разновидностей английского языка (Dorian 2002: 64-65, Hudson 2002б: 162).[7] С этим можно согласиться и добавить, что, как уже говорилось, носители гэльского языка в Шотландии также являются носителями языковой ситуации английского языка в Шотландии в силу своего полного двуязычия. Один из возможных выводов – рассматривать положение языковых меньшинств как отдельный тип языковой ситуации, связанный с билингвизмом, а также с языковой ситуацией большинства через участие в языке большинства.

Но зачем определять языковые ситуации типологически? В литературе, посвящённой языковым ситуациям, особенно диглоссии, уже давно звучат призывы использовать соответствующие термины не строго демаркационным способом, а скорее в смысле семантики прототипов, то есть описывать, например, типичные черты диглоссии или ситуации стандартного языка с диалектами. Прототипом может быть одна языковая ситуация ("with, for instance, German-speaking Switzerland as prototype", Hudson 2002b, 152) или несколько таких ситуаций («Se pose alors la question de la place de la diglossie de Ferguson (...) par rapport a cet espace variationnel. (...) Les quelques cas qu'il a analysés représentent une espèce de «prototype» (...)», Lüdi 1990, 320-321). Однако, в семантике прототипов «прототип» не отвечает всегда реальному представителю. Прототипическими являются отдельные характеристики, а их максимальное сочетание в одном представителе не обязательно должно существовать во внеязыковой действительности.[8] Иными словами – прототип, это потенциальный конструкт. В связи с языковыми ситуациями можно сказать: прототипом языковой ситуации не должна быть конкретная языковая ситуация, например, немецкоговорящая часть Швейцарии или определённая арабская страна для языковой ситуации диглоссии, а скорее сумма всех прототипических черт, полное сочетание которых не обязательно существует в реальной языковой ситуации.[9]

---

[7] См. также Люди, который упоминает, что расширением предложенным Фишманом понятие «диглоссия» теряет немалую часть своей экспликативной силы: «une hiérarchie *linguistique* (avec, il est vrai, des connotations sociales) est de plus en plus explicitement remplacée par une hiérarchie *sociale*. (…) La notion est ainsi devenue applicable à de très nombreuses situations de variétés en contact. Mais elle a évidemment perdu, dans cette opération, une grande partie de sa force explicative ainsi que de sa capacité de distinguer entre différents types de situation» (Lüdi 1990: 310-311).

[8] «Das Element einer Kategorie muss demnach möglichst viele für diese zentrale Merkmale besitzen, um für die Kategorie als prototypisch angesehen werden zu können» (Bärenfänger 2013). «Demnach muss damit gerechnet werden, dass es Begriffe gibt, die mehr Merkmale verzeichnen, als je ein einzelner Vertreter aufweisen kann» (Linke/Nussbaumer/Portmann 1994: 351).

[9] Такой подход можно сравнить с подходом В. Скалички к языковой типологии. Скаличка обращает внимание на то, что типология должна работать не только с реально существующими языками, но и с потенциальными сочетаниями характеристик, которых, может быть, ни в одном реально существующем

Таким образом, мы можем исходить из следующих пунктов 1. Языковая ситуация «языковое меньшинство» – это особый тип языковой ситуации. 2. Языковые ситуации следует определять не с помощью примера или примеров, а с помощью прототипических черт. 3. Исходя из этого, следует определить типологию языковых ситуаций, в которой индивидуальный тип является конструктом (образцом может служить пражская типология, которая поступила аналогичным способом в области типологии языковых систем).

3. Языковая ситуация «языковое меньшинство» – прототипические характеристики

Далее термин «языковое меньшинство» будет относиться к ситуации «автохтонного» языкового меньшинства, т.е. такого, которое длительное время проживает в данном месте и воспринимается как «коренное» в контексте данной страны.[10]

Языковая ситуация «язык меньшинства» имеет следующие прототипические черты:

1. Количество носителей на данной территории значительно меньше, чем количество носителей другого языка («язык большинства», обычно также «официальный язык», «государственный язык») на соответствующей территории.[11]

2. Большинство и меньшинство воспринимают язык меньшинства как отличный от языка большинства и не считают его разновидностью языка большинства.[12]

языке нет: «Eine solche Typologie arbeitet nicht nur mit wirklichen Sprachen, sondern auch mit nicht realisierten, mit wahrscheinlichen, unwahrscheinlichen und unmöglichen Sprachen. (…) Ein weiterer Stützpunkt unserer Theorie ist die Existenz eines Typus als eines Bündels von aufeinander abgestimmten Erscheinungen» (Skalička 1966: 157). Такой подход, кстати, отвечает и жанру описания языковой ситуации как таковому, см. замечание Неквапила, что решающее значение в нём приобретает конструктивная деятельность аналитика (Nekvapil 2003: 123).

[10] Группы относительно недавних иммигрантов («гастарбайтеров», Šatava 1994: 12) по-разному воспринимают себя и своё положение, по-разному воспринимаются местным населением и, как правило, имеют совершенно иной правовой статус в соответствующем государстве. Их языковая ситуация рассматривается как отдельная в настоящем контексте.

[11] Различный взгляд на «территорию» может привести к различным классификациям, например, каталонский язык в Испании и каталонский язык в Каталонии. См. также Nekvapil (2003: 117, 123).

[12] Прототипу отвечают серболужицкий язык в Германии или гэльский язык в Шотландии, а не «швабский» в Германии или «ганацкий» в Чехии. Это не исключает, конечно, многочисленные спорные случаи в ситуациях более или менее узкого родства между разновидностями, ср. кашубский язык в Польше или западнополесский язык в Украине или Беларуси. Спорным является здесь вопрос о том, относится ли данная разновидность к типу «языковое меньшинство» или «диалект» в языковой ситуации «стандарт с диалектами». С этим могут быть связаны политические напряжения. Важно добавить, что, в общем, этническая самоидентификация и использование языка не обязательно совпадают – ср. ситуацию в Ирландии, где этническая самоидентификация не ограничена на пользователей ирландского, или между ретороманцами в Швейцарии, которые образуют явное языковое меньшинство, но не выявляют специальную этническую самоидентификацию.

3. Носители языка меньшинства обычно билингвальны и нередко находятся в ситуации «тотального языкового контакта».[13] Тем самым они являются носителями не только специфической языковой ситуации языка меньшинства, но и языка большинства, например, его стандарта с диалектами (серболужичане[14] или молизские славяне[15]) или его диглоссии (ретороманцы в Швейцарии).

4. Язык меньшинства имеет одну или несколько кодифицированных форм, которые используется, например, в художественной литературе, а его носители, как правило, стремятся к некоторой форме институционального признания, например, в качестве языка школьного обучения или официального (регионального) языка.[16]

5. Использование языка меньшинства прототипически не связано с определенными социальными слоями общества. В некоторых случаях социальные черты носителей скорее связаны с пространством, например тем, что язык меньшинства используется скорее в сельской местности, чем в городах.

6. В этом типе имеются два основных подтипа: с одной стороны, «автохтонные маленькие этнические группы» как серболужичане, аромуны или фризы, а с другой – группы, которые исполняют условие 1, но в тоже время считаются частью народа, который представляет большинство в соседнем государстве и их язык считается разновидностью языка этого государства (поляки в Чехии, немцы в Дании и датчане в Германии, венгры в Словакии и словаки в Венгрии и тп.).[17]

4. Заключение

Языковая ситуация языка меньшинства является самостоятельной языковой ситуацией в рамках типологии языковых ситуаций. Она отличается от стандарта с диалектами и от диглоссии тем, что язык меньшинства прототипически не считается разновидностью доминирующего языка большинства/государства. Наоборот, он имеет свою собственную

[13] «Der Terminus „totaler (oder absoluter) Sprachkontakt“ bezieht sich auf das Faktum, daß die Sprecher […] in aller Regel (zumindest) zweisprachig sind, also auch die betreffende Dominanzsprache zumindest in ihrer lokalen Form vollständig beherrschen» (Breu/Berghaus/Scholze 2016: 55).

[14] Упоминаются саксонско-слиезский диалект, регионально «восточный» немецкий разговорный и немецкий литературный язык (Breu/Berghaus/Scholze 2016: 61).

[15] «(…) ist ein verschieden stark ausgeprägter Trilingualismus (Italienisch – Moliseslawisch – Molisanisch [местный романский диалект, считающийся диалектом итальянского, MG] anzutreffen)» (Breu 2002: 315).

[16] Даже в языке, который исторически сыграл практически исключительно роль средства устного общения в семьях и между соседями, можно наблюдать такие явления, как описывает Брой, упоминающий для молизанско-славянского языка «Gelegenheitsdichtungen oder vereinzelte Schreibversuche in kurzlebigen Zeitschriften» (Breu 2002: 316).

[17] И здесь существуют, конечно, спорные случаи, ср. русинский язык в Словакии, помакский язык в Греции или эльзасский язык во Франции. Нередко, с такими спорами связаны политические напряжения между государствами.

внутреннюю стратификацию. Носители языка меньшинства часто стремятся к некоторой форме институционального признания. Этим такая ситуация отличается от ситуации относительно недавних иммигрантов, которые, проживая более рассредоточенно и не став ещё гражданами страны, где они живут, не могут иметь подобные требования к данному государству. И принимающие государства гораздо менее склонны предоставлять этим «новым меньшинствам» соответствующие права.

ЛИТЕРАТУРА

Гладкова, Г., Ликоманова, И. 2002. *Языковая ситуация. Истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели)*. Praha. (Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Monographia 138)

Bärenfänger, O. 2013. Merkmals- und Prototypensemantik: Eine Einführung. *Linguistik Online*, 12(3).

Breu, W. 2002. Moliseslawisch. In: Okuka M. (Hg.): *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*. Klagenfurt, 315-317. (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens 10)

Breu, W., Berghaus, J., Scholze, L. 2016. Der Verbalaspekt im totalen Sprachkontakt. Moliseslavisch, Obersorbisch und Burgenlandkroatisch im Vergleich. *Wiener Slawistischer Almanach* 77, 55-116.

Daneš, F. 1997. Situace a celkový stav dnešní češtiny. In: Daneš, F. et al.: *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha, 12-24.

Dorian, N. C. 2002. Diglossia and the simplification of linguistic space. *International journal for the sociology of language* 157, 63-69.

Ferguson, Ch. 1959. Diglossia. *Word* 15, 325-340.

Hudson, A. 2002a. Outline of a theory of diglossia. *International journal for the sociology of language* 157, 1-48.

Hudson, A. 2002б. Rebuttal essay. Diglossia, bilingualism, and history: postscript to a theoretical discussion. *International journal for the sociology of language* 157, 151-165.

Jedlička, A. 1978. K problematice jazykové situace. *Slovo a slovesnost* 39, 300-303.

Linke, A., Nussbaumer, M., Portmann, P. R. 1994. *Studienbuch Linguistik*. Tübingen. (Reihe Germanistische Linguistik 121)

Lüdi, G. 1990. Diglossie et polyglossie. In: Holtus, G., Metzeltin, M., Schmitt, Chr.: *Lexikon der Romanistischen Linguistik V/1*. Tübingen, 307-334.

Nekvapil, J. 2003. O vztahu malých a velkých slovanských jazyků. *Lětopis* 50, 1, 113-127.

Nekvapil, J. 2017a. Sociolingvistika. In: Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. (eds.): *CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. (https://www.czechency.org/slovnik/SOCIOLINGVISTIKA) (29. 4. 2025)

Nekvapil, J. 2017б. Jazyková situace. In: Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. (eds.): *CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. (https://www.czechency.org/slovnik/JAZYKOVÁ_SITUACE) (29. 4. 2025)

Nekvapil, J., Nekula, M. 2006. K jazykové situaci v nadnárodních podnicích působících v České republice. *Slovo a slovesnost* 67, 2006, 83-95.

Scharnhorst, J. 1995. Sprachsituation und Sprachkultur als Forschungsgegenstand. In: Scharnhorst, J. (Hrsg.): *Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich*. Frankfurt a. M. etc., 13-33. (Sprache. System und Tätigkeit 18)

Skalička, V. 1966. Ein „typologisches Konstrukt“. *Travaux linguistiques de Prague* 2, 157-163.

Šatava, L. 1994. *Národnostní menšiny v Evropě*. Praha.

HORNJOSERBŠĆINA JAKO MJEŃŠINOWA RĚČ – AKTUALNE WUWIĆA A TENDENCY / ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ ЯЗЫК КАК МИНОРИТАРНЫЙ ЯЗЫК – АКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

JANA SCHULZ / JANA ŠOŁĆINA (NĚMSKA)

Łužiscy Serbja su jedna z cyłkownje štyrjoch w Němskej připóznatych narodnych mjeńšinow. Hornjo- kaž tež delnjoserbšćina matej status mjeńšinoweju rěčow, štož je mjez druhim w mnohich zakonjach a zakonskich postajenjach zapisane. Eksistuje mnoho rěčnopolitiskich postajenjow a zakonjow na europskej, zwjazkowej a předewšěm w krajomaj Sakska a Braniborska. Předleži šěroka paleta teoretiskich konceptow k zachowanju, zesylnjenju a wožiwjenju prezency hornjo- a delnjoserbskeje rěče, ale jich implementacija wopokazuje so w realiće hustodosć jako problematiska (přir. Šołćina 2018). Tuž je prašenje efektiwity rěčnych resp. rěčnopolitiskich konceptow a naprawow dźeń a aktualniše. Wuchadźejo z aktualneje rěčneje situacije stej zachowanje a dalewuwiwanje hornjo- kaž tež delnjoserbskeje rěče tučasnje najwažnišej strategiskej zaměraj rěčnopolitiskich prócowanjow, kotrejž matej so pod wuměnjenjemi serbsko-němskeje dwurěčnosće realizować. Tuž dyrbjeli so tež rěčnopolitiske koncepcije a konkretne naprawy stajnje złožować na sociolinguistiske położenje rěče. Z tuteje přičiny twori wopisowanje aktualneje rěčneje situacije hornjo- a delnjoserbskeje rěče prěnje z cyłkownje tšoch tematiskich ćežišćo swojeho přinoška:

1. Serbšćina jako mjeńšinowa rěč a ličby rěčnikow

W aktualnych diskusijach tematizuje so prašenje, hač měli so Serbja sami jako „rěčna mjeńšina“ pomjenować, abo hač su Łužiscy Serbja „(indigeny) lud“. Tute předewšěm wot historikarjow a etnologow resp. kulturnych wědomostnikow nastorčene prašenje měri so tohorunja přećiwo pomjenowanju hornjo- a delnjoserbšćiny jako „mjeńšinowej rěči“ w zjawnym diskursu. „Eksemplarisce jewi so tole w argumentaciji Wědomostneje służby Němskeho zwjazkoweho sejma, hdyž so Serbja jeničce a lapidarnje jako ´narodna mjeńšina´ postuluja. Nažel so njepraji, kak su so z namocu z mjeńšinu stali“ (Wałda 2025, 12). Tak je Měrćin Wałda měnjenja, zo: „[...] ma zapřijeće ´lud´ historisce wyšu wahu a skića wěstu předstawu suwerenity, kulturneje samostatnosće a historiskich prawow“ (tež tam).

Dalše aktualne a kontrowersnje diskutowane prašenje je ličba „serbskich rěčnikow“. W přinošku z lěta 2013 konstatowach, zo je so wot spočatka 20. lětstotka sem „[...] mjez Serbami nimale dospołnje přesadźiła němsko-serbska resp. serbsko-němska dwurěčnosć“ a podach w zwisku z wopisowanjom tehdyšeje rěčneje situacije ličbu Serbow z cyłkownje 60.000 (přir. Šołćina 2013, 100). Franc Šěn a Dietrich Šołta podawataj w němskorěčnym kulturnym

leksikonje z titulom „Sorbisches Kulturlexikon“ ličbu Serbow cyłkownje z 50.000–60.000 a ličbu rěčnikow hornjo- a delnjoserbšćiny z někak połojcu, t.r. z 25.000–30.000 (Schön / Scholze 2014, 370). Nišu prognozu předstaji Leoš Šatava, přir.: „Počet příslušníků etnika: 30.000–40.000; Počet uživatelů: hornolužická srbština 15.000–20.0000, dolnolužická srbština 2.000–3.000“ (Šatava 2015, 52). Wšě ličby bazuja na trochowanjach abo powobličenjach. Dotal pak tež kriterije njeeksistuja, što so jako „rěčnik“ pomjenuje a kotry kompetenčny niwow so za to definuje, wšako njenastupa rozdźěl mjez Hornjej a Delnjej Łužicu jenož ličbu Serbow a jeje wužiwarjow, ale tohorunja jeje status (přir. Šołćina 2013, 100). Hornjoserbšćina so wot t.mj. „maćeršćinarjow“ jako prěnja rěč a wot serbšćinu wuknjacych jako druha rěč (na př. we wobłuku Witaj-projekta) přiswoji abo wot šulerkow a šulerjow jako cuza rěč wuknje (na př. na dwurěčnych šulach). Porno tomu je status delnjoserbšćiny jako druha resp. cuza rěč na t.mj. „noworěčnikow“ a „wuknjacych“ wobmjezowany.

Rozdźělny status hornjo- a delnjoserbšćiny a regionalnje diferencowane wužiwanje hornjoserbskeje rěče zwisuje mj.dr. ze sociolinguistiskej situaciju. Hornjoserbšćina je w t.mj. „jadrowych kónčinach“ zapadneho regiona Sakskeje w zjawnym žiwjenju prezentna a wužiwa so jako swójbna a wobchadna rěč w awtentiskich komunikaciskich situacijach wšědneho dnja. Tu je přirodna reprodukcija hornjoserbšćiny zaručene, dokelž so mjezygeneraciske daledawanje rěče stawa. Hinaša je situacija hornjoserbšćiny zwonka „jadrowych kónčinow“ kaž tež situacija delnjoserbšćiny w Braniborskej. Tu je so hižo před lětdźesatkami stała rěčna změna k němčinje, kotraž je nětko pola dźěći nimale bjezwuwzaćnje maćerna rěč. Jednotliwi aktiwni rěčnicy hornjo- a delnjoserbšćiny su w tutych regionach zwjetša 75 lět a starši. We wjetšinje padow pak njejstej hornjo- a delnjoserbšćina hižo swójbnej rěči a z tym awtentiski komunikaciski srědk, ale jeju přiswojenje resp. nawuknjenje realizuje so nimale bjezwuwzaćnje institucionelnje. Logiska konsekwenca wopisowaneje sociolinguistiskeje situacije je, zo je komunikatiwna kompetenca t.mj. noworěčnikow a wuknjacych wobmjezowana, tohorunja jich słowoskład a rěčna fleksibelnosć. Z toho sćěhuje, zo su nowše rěčnopolitiske koncepcije předewšěm na zaručenje kwality přiswojenja a wuknjenja hornjo- a delnjoserbskeje rěče wusměrjene kaž tež na wutworjenje rěčnych rumow za nałožowanje wobeju (přir. Šołćina 2018).

2.) Efektiwita šulskeje wučby a aktualna ewaluacija wuwučowanskich koncepcijow

Po aktualnej statistice wuknje tuchwilu 4.851 šulerjow w Sakskej a w Braniborskej serbsce. Tuta ličba je relatiwnje konstantna, ale wona ničo wo kwaliće přiswojenja resp. nawuknjenja serbskeju rěčow njewupraji. W Sakskej wuwučuje so hornjoserbšćina jako maćerna resp. Prěnja

abo druha rěč na cyłkownje 16 šulach po „šulske družiny přesahowacym koncepće 2plus". Tu so hornjoserbšćina tohorunja jako wuwučowanska rěč w bilingualnej wěcnofachowej wučbje nałožuje. W přednošku so koncepcija w nazymje 2022 zahajeneje ewaluacije koncepta "2plus" předstaji. Z njej ma so mj.dr. na slědźerske prašenje wotmołwić, kak efektiwna je šulska wučba serbšćiny a kak daloko zamóže wona k wuwiću serbskorěčnych kompetencow we wobłukach receptiwnych a produktiwnych zamóžnosćow kaž tež reflektowanju wo serbšcinje přinošować. Zaměry přepytowanjow projektoweje skupiny Serbskeho instituta wobsteja: 1.) w zwěsćenju a měrjenju komunikatiwnych kompetencow šulerjow w zrozumjacym słuchanju a čitanju, w rěčenju kaž tež w pisanju. Wuslědki maja na wšěch tŕoch šulach docpěty kompetencny niwow w serbšćinje wopisować, ale tohorunja za jednotliwe šule, rjadownje a rěčne skupiny diferencowane analyzy wobsahować; 2.) w nazběranju a w analyzy kompleksneho materialoweho korpusa, zo bychu so wučerjam impulsy za wuhotowanje a zaměrne wusměrjenje wučby kaž tež za indiwidualnu spěchowansku potrjebu šulerjow w předmjeće serbšćina dać móhli a 3.) w móžnosći, wobdźělenym šulerjam móžnosć poskićeć, sej rěčny certifikat B1 a B2 po ZER nadźěłać a jich na tute wašnje k nawuknjenju a wužiwanju serbskeje rěče motiwować.

Přidatnje k nadawkam rěčnych testow koncipowaše projektna skupina naprašnik k rěčnej biografiji šulerjow, dokelž njeje móžno, docpěty rěčny staw bjez znajomosćow jich rěčneho pozadka interpretować. Z tuteje přičiny zapřijachu so do analyzy tež rěčnobiografiske daty probandow, informacije k nałožowanju serbšćiny w najwšelakorišich kontekstach, informacije k rěčnej socializaciji a k emocionalnemu poměrej k serbšćinje. W přidatnym, tak mjenowanym „swobodnym polu" naprašnika móžachu swoje přeća w zwisku ze serbskej rěču formulować. Na zakładźe podatych informacijow so probandźa jednej z tŕoch rěčnych skupinow přirjadowachu, kotrež so w korelaciji z wuslědkami rěčnych testow analyzowachu.

W přednošku so wubrane wuslědki ewaluacije z doby wot 2022 hač do lěta 2025 předstaja.

3.) Projekty ZARI, Zorja a Domoj k docpěću 100.000 rěčnikow w lěće 2100

Třeći kompleks přednoška twori předstajenje nowšich imersiwnych projektow rěčneje iniciatiwy, z pomocu kotrejež ma so ličba serbskich rěčnikow hač do lěta 2050 zwyšić. Jedna so wo ambicioněrowany projekt rěčneho rewitalizowanja, kiž so na dalšich europskich mjeńšinowych rěčach orientuje a za kotryž so přidatne financy k dispoziciji stajeja. Hinak hač šulske koncepcije měrja so mjenowane tři projekty tež na dorosćenych, zo bychu so z t.mj. noworěčnikami stali a sej solidne rěčne kompetency přiswojili. Na internetowej stronje steji:

“Projekt ZARI – syć za serbsku rěč a regionalnu identitu chce serbsku rěč rewitalizować a syč rěčacych wožiwić a wutwarić. Po cyłej Łužicy budźe serbska rěč zaso widźomniša a słyšomna. 100.00 aktwinje serbsce rěčacych w lěće 2100, to je naš hłowny zaměr.” (https://zari-domowina.de/#nadawki-cile_Aufgaben-Ziele).

LITERATURA

Bogusz, J. / Schmole, M. / Scholze, L. / Schulz, J. (2023): *Evaluation von 2plus. Gesamtbericht zur den in der Pilotphase 2022/23 durchgeführten Sprachstandserhebungen.* Sorbisches Institut, Bautzen.

Bogusz, J. / Peršín, K. / Schmole, M. / Scholze, L. / Schulz, J. (2024): *Evaluation von 2plus. Gesamtbericht zu den im Schuljahr 2023/24 durchgeführten Sprachstandserhebungen.* Sorbisches Institut, *Bautzen.*

Brehmer, B. / Mehlhorn, G. (2018): *Herkunftssprachen. Linguistik und Schule – Von der Sprachtheorie zur Unterrichtspraxis.* LinguS 4, Narr Francke Attempto Verlag.

Gantefort, Ch. / Roth, H.-J. (2009): Historische und aktuelle Perspektiven für Zwei- und Mehrsprachigkeit in Europa. Zum Beitrag sorbisch-deutscher Schulen mit bilingualem Unterricht. In: *Witaj und 2plus – eine Herausforderung für die Zukunft/Witaj a 2plus – wužadanje za přichod.* Sorbischer Schulverein Bautzen, hrsg. von Ludmila Budar, Domowina-Verlag, 94-105.

Elle, L. (1992): *Sorbische Kultur und ihre Rezipienten. Ergebnisse einer ethnosoziologischen Befragung*. Schriften des Sorbischen Instituts, Band 58. Domowina-Verlag.

Landesamt für Schule und Bildung (LaSuB) (2018): *2plus – Unterricht nach dem schulartenübergreifenden Konzept zweisprachige sorbisch-deutsche Schule im sorbischen Siedlungsgebiet des Freistaates Sachsen*. Landesamt für Schule und Bildung, Standort Radebeul (Hrsg.).

Menzel, T. / Pohontsch, A. (2020): Sorbisch. In: *Handbuch der Sprachminderheiten in Deutschland*. Hrsg. Von Rahel Beyer & Albrecht Plewnia. Narr Francke Attemto Verlag, 227–269.

Ministerium für Wissenschaft, Forschung und Kultur (MWFK) (2018): *Landesplan zur Stärkung der niedersorbischen Sprache.* Potsdam. Abrufbar unter: https://mwfk.brandenburg.de/sixcms/media.php/9/Landesplan_Niedersorbisch_2020-07-29.pdf (přistup: 13.3.2025).

Scholze, D. / Schön, F. (2014) (Hrsg.): *Sorbisches Kulturlexikon*. Domowina-Verlag.

Schulz, J. (2015): *Bilingualer Spracherwerb im Witaj-Projekt*. Schriftenreihe des Sorbischen Instituts Bautzen, Band 60, Domowina-Verlag.

Schulz, J. (2023): Sorbischunterricht und die Evaluierung von Differenzierungsstrategien in aktuellen Schulkonzepten. In: *DiSlav – Didaktik slawischer Sprachen*, Heft 1, Innsbruck, 22–31.

Šatava, L. / Hozyna, S. (2000): *Zdźerženje, rewitalizacija a wu- wiće mjeńšinowych rěčow / Maintenance, Revitalization and Development of Minority Languages / Erhaltung, Revitalisierung und Entwicklung von Minderheitensprachen*. Budyšin. (Mały rjad spisow Serbskeho instituta 1)

Šatava, L. (2025): *Evropská etnika bez státu. Rozměry asimilace a revitalizace – 23 případů.* Trnava 2015.

Šołćina, J. (2013): Wosebitosće serbskeje rěčneje politiki pod wuměnjenjemi němsko-serbskeje dwurěčnosće, w: Gladkova, H. / Vačkova, K. [eds.]: *Jazykové právo a slovanské jazyky*. Praha 2013, 99–107.

Šołćina, J. (2018): Hornjoserbska rěčna politika a problemy implementacije rěčnych konceptow, w: Dladkova, H. / Giger, M. / Bláha, O. (eds.): *Slovanské jazyky od teorie k praxi.* Praha.

Sächsisches Staatsministerium für Wissenschaft, Kultur und Tourismus (SMWK) (2019) (Sächsisches Staatsministerium für Wissenschaft und Kunst): *Staatsregierung beschließt Zweiten Maßnahmenplan für sorbische Sprache.* (Pressemitteilung). Abrufbar unter: www.medienservice.sachsen.de/medien/news/226225?page=2. (přistup: 27.02.2025).

Wałda, M. (2025): Serb – skućićel abo wopor?, w: *Rozhlad, serbski kulturny časopis*, lětnik 74, Budyšin, LND, str. 6-13.

ЗА ЈАЗИЦИТЕ И ЗА ЈАЗИЧНИОТ ИДЕНТИТЕТ
(О ЯЗЫКАХ И ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Лидија Тантуровска (Македонија)

Идентичность, по нашему мнению, является главным концептом гуманитарных наук (Тар 1980, Chauvier 2016). Однако, когда речь идет о языковой идентичности в целом, прежде всего мы имеем дело с научными работами в лингвистическом, социолингвистическом или психолингвистическом аспекте.
В данной работе мы рассмотрим три основных компонента (в разных языках), на основании которых можно проанализировать языковую идентичность в трех аспектах (двух лингвистических: 1) генетическом и 2) типологическом или структурном; и 3) социолингвистическом или социопсихологическом), при этом мы полагаем, что на глобальном уровне нельзя говорить о количестве языков, учитывая только один компонент, а необходимо сравнивать количество языков по всем трем компонентам (ср. Тантуровска 2014).

Треба да се истакне дека прашањето за идентитетот никогаш не било толку важно како што е денес (на почетокот од 21 век) кога се вкрстуваат глобализациските текови, со распаѓањето на системот од вредности.

Се напишани голем број трудови со различни оригинални пристапи за да се објасни феноменот „идентитет“ од сите негови аспекти. И колку повеќе се објаснува и се анализира овој феномен, се добива чувство дека станува проблем неговото дефинирање, без разлика за каков идентитет станува збор (личен, етнички, верски, национален, професионален или некој друг идентитет). Тоа е можеби условено од честото појавување нови видови и подвидови (односно „надвидови“) идентитети[1], односно од аспектот од кој се разгледува.

Како јазичари, не можеме да не почнеме од дефинирањето на поимот „идентитет“. Низ литературата се среќава честоцитираната филосовска дефиниција, според која идентитетот претставува состојба кога свеста за себе останува иста како единствена целина во различни психички услови или ситуации (Filozofski rečnik, 1965: 166–167). Ако пак се отвори кој и да било речник на странски зборови, се наоѓа дефиниција заснована врз латинскиот назив, како на пример: 1. целосна еднаквост, соодветност, изедначување, идентичност; 2. збир на особини што карактеризираат една личност или еден предмет итн. (Мићуновиќ 1990: 232), односно: 1. идентичност, совпаѓање, изедначување, признавање дека нешто или некој е навистина она за што се прикажува; 2. особини што карактеризираат некоја личност или некој предмет (Ширилова 2001: 362). Во толковните речници на македонскиот јазик ги најдовме следниве дефиниции: особини или својства по кои едно лице или предмет се изделува и се разликува од другите; еднаквост, истост (ТРМЈ 2005: 246), односно: својства или карактеристики што некого (или нешто) го

[1] На пр., се појави „евроидентитет“, кој претставува нова конструкција на современоста, во чија анализа е вклучен визулен и јазичен материјал, што овозможува ново толкување на релевантите поими: жолти ѕвезди, сино небо ... како наднационален идентитет, т.е. Европа.

прават да се разликува од другите; оној што некој или нешто е; индивидуалност, својственост (Мургоски З. 2011: 245) итн.

Аналогно на овие дефиниции може да се бара дефиницијата за идентитетот на јазикот воопшто, односно за идентитетот на македонскиот јазик одделно.

Конкретно, кога се поставува односот меѓу јазикот и идентитетот, најчесто се разгледува како социолингвистички феномен, односно како културолошки феномен. При проучувањата на идентитетот на самиот јазик особено се разгледуваат и различните јазични средства, кои помагаат во дефинирањето како на човековата индивидуалност, така и на општествениот идентитет (национален, наднационален, генерациски, професионален итн.).

Меѓутоа, јазичниот идентитет има повеќезначни и општоважечки образложенија. Општогледано, можат да се издвојат три аспекти на идентитетот на еден јазик, а тоа се: генеалошки, типолошки и социолингвистички[2]. Како што е познато, првите два аспекти се строголингвистички, а за третиот аспект игра улога општеството, културната традиција, како и конфесионалноста или пак некој друг идентитет (колективен или политички). Мал е бројот на јазиците, каде што трите аспекти се изедначуваат (како на пример кај: јапонскиот, корејскиот, унгарскиот). За разлика од овие, на пр. кинескиот јазик се смета за единствен јазик, според генеалошкиот и социолингвистичкиот критериум бидејќи станува збор за заедничка историја и култура (и особено со заедничко писмо), а според типолошкиот критериум станува збор за осум јазици, односно големи дијалектни групации што се сосема различни и меѓу нив не постои разбирливост. За пример можат да се земат и јазиците хинду и урду, кои се настанати од заедничка основа на хиндустанските говори, кои, според генеалогијата и според типологијата, се еден јазик, а во социолингвистички рамки се два јазици[3]. Ако го земеме предвид англискиот јазик, според социолингвистичкиот критериум, може да се констатира дека има голема географска распространетост и голема употреба во повеќе држави. Со мал број исклучоци се вреднува како еден јазик (во суштината), што се гледа од неговото именување иако, кога е потребно дефинирање по националните варијанти, се додаваат адекватни придавки (на пр.: британски, американски, австралиски, канадски и сл.). До неодамна, показателен пример беше српскохрватскиот јазик, кој генеалошки и

[2] Генеалошкиот аспект е познат и како родословен, па и генетски, типолошкиот – како структурален и социолингвистичкиот односно социопсихолошкиот – како вредносен итн.

[3] Според конфесионалната припадност, според различните писма, делумно и според државните рамки: хинду, како јазик на хиндусите во Индија, се пишува со индиското писмо деванагари, а урду, како јазик на муслиманите во Пакистан, се пишува со домашната варијанта на арапското писмо.

типолошки (и социолингвистички – според дел од неговите припадници) беше сметан како еден јазик. Денес, најпрвин според социолингвистичкиот критериум, станува збор за два јазици: српски и хрватски. Постојат одделни примери јазици за кои не може да се определи дали станува збор за еден, односно за два јазици, како што се на пример: холандскиот, фламанскиот или романскиот и молдавскиот, а кога станува збор за креолските јазици[4], според генеалогијата се еднакви како и нивните основи, но типолошки и социолингвистички се разликуваат од нив и претставуваат посебни јазици (на пр., креолскиот француски во споредба со францускиот, односно креолскиот англиски во споредба со англискиот, африканс во споредба со холандскиот итн.). Ова што го претставивме е само дел од многубројното идентификување на јазиците, со што се занимавале многу истражувачи (лингвисти, социолози, антрополози итн.).

Јазичниот идентитет на еден јазик најмногу се гледа кога станува збор за големи повеќејазични земји или пак континенти (како што се: Индија, Африка ...). Анализите покажуваат дека со генеалошкот критериум се покажува најмал број, т.е. збир јазици, структурниот – поголем збир јазици, а вредносниот критериум – најголем збир јазици. Илустративен пример е случајот со Индија, чија јазична политика изборила официјално точно 1652 јазици, повикувајќи се на пописот на населението од 1961 година. Ќе наведеме еден пример од пописот, каде што имало и жители, кои при попишувањето во графата за свој мајчин јазик, навеле околу 200 имиња на јазици.

Веднаш треба да се истакне дека при именувањето на јазиците не се прави разграничување меѓу јазик, дијалект и сл. Повеќето лингвисти сметаат дека во Индија има само околу 170 јазици, што е поврзано со генеалошкиот идентитет, според типолошкиот се изброени околу 200, односно 400 (во кои се вклучени и дијалекти, регистри и сл.), а според социолингвистичкиот аспект станува збор токму за најголемиот број што го споменавме, односно за 1652 јазици.

Според нашите согледувања, ова нè наведува на размислата дека сиот комплекс прашања за јазичниот идентитет, воопшто, е сврзан со отсуството на прецизната лингвистичка и универзалната разлика меѓу јазикот и дијалектот. Јасно е дека литературните/стандардните јазици се разликуваат од дијалектите поради фактот што во

[4] Име добиено според аналогија со мешањето на расните типови, односно според Р. Симеон (Енцикопедиски речник) не станува збор за мешани јазици (т.е. од европски и африкански род, кои имаат многу едноставен морфолоши систем), туку претставува посебен развој на некој европски јазик. На пр., хаитскиот креолски јазик претставува роден и единствен јазик, чиј број говорители достигнува до 4 милиони луѓе.

својот багаж ја имаат писмената традиција и повеќефункционалноста, со што тие уживаат „престиж“ во споредба со дијалектите.

Наспрема горенаведеното синхрониско гледање за идентитетот на јазиците, треба да се постави релацијата на јазикот и идентитетот и на дијахрониски план, каде што особено вимание треба да му се посвети на факторот континуитет. Кога зборуваме за јазикот низ времето, можеме да се согласиме дека тој е подложен на внатрешни и на надворешни промени, со што се поставува прашањето дали можеме да зборуваме за промени во идентитетот на јазикот. Иако постојат различни мислења, според нашето истражување, поголеми придвижувања при развојот на јазикот може да има кога зборуваме за нестандардизирани јазици. Меѓутоа и тогаш промените не се толку големи за да се смени идентитетот на еден јазик. Штом ќе се смени идентитетот, станува збор за друг јазик[5] (на пр., од говорениот латински настанале романските јазици: романски, француски, италијански, шпански и други романски јазици, па и дијалекти). Од аспект на традицијата ќе зависи до каде ќе одиме наназад во историјата на развојот на еден современ стандарден јазик[6].

Од сето кажано досега, сме слободни да го кажеме примерот со македонскиот јазик, кој, како стандарден, официјален јазик на Македонија, има свој идентитет и на синхрониски и на дијахрониски план. Денешните карактеристики на македонскиот јазик се резултат од неговите генеалошки и типолошки карактеристики, како член на фамилијата на словенските јазици и на флективните јазици. Овде ќе ја додадеме и неговата ареална припадност, со што македонскиот јазик се вбројува во балканскиот јазичен сојуз. Препознатлив е идентитетот и според социолингвистичкиот критериум (погледнато низ историјата, низ културата итн.), само што, за разлика од другите, на пример, соседни словенски јазици, македонскиот јазик својата официјалност ја доби најнакрај[7].

Својот писмен континуитет македонскиот јазик го има повеќе од десетина векови (како што впрочем го имаат и другите словенски јазици), наоѓајќи ги своите потврди во писмените ракописи преку македонската рецензија (редакција), како континуитет од старословенски јазик. Во следењето на развојот на даден јазик во писменоста може да постои и дисконтинуитет во определен период, меѓутоа, тоа се однесува на одделни

[5] Тука мислиме и на оние што веќе се изумрени, на пример, на латинскиот.
[6] Можеме да зборуваме и за традицијата на современи нестандрадни јазици, поточно говори.
[7] Како што е познато, во XVIII и во XIX век со изразените социолошки процеси се официјализираа голем број јазици низ цела Европа.

јазични или на група јазични појави (како што е на пример, за македонскиот јазик, преминувањето од синтетички во аналитички тип на јазик). Таков период за македонскиот јазик што е подложен на постојана анализа е деветнаесеттиот век, кога постепено се напушти писмената црковнословенска традиција и кога народниот јазик, односно кога народните говори го презедоа приоритетното место како во писмената употреба, така и во основата на македонскиот јазик.

БИБЛИОГРАФИЈА

Лидија Тантуровска. 2014. *За идентитетот на македонскиот јазик.* Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ – Скопје.

Љуба Мићуновиќ. 1990. *Современ лексикон на странски зборови и изрази.*

Велика Ширилова. 2001. *Голем лексикон на стански зборови и изрази*.

Зозе Мургоски. 2011. *Толковен речник на современиот македонски јазик*. Второ проширено и преработено издание. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“.

ТРМЈ – *Толковен речник на македонскиот јазик*. Ред. Кирил Конески. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ – Скопје. https://makedonski.gov.mk/

Filozofski rečnik, red. Vladimir Filipović. 1965: 166–167. https://www.ivantic.info/jezik/filozofskirecnik.pdf

Rikard Simeon. *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva* Matica hrvatska, Zagreb. 1970.

Stéphane Chauvier. 2016. La question philosophique de l’identité personnelle. In: Halpern, C. (éd.): *Identité(s). L'individu, le groupe, la société.* Auxerre, 19-27.

Pierre Tap. 1980. *Identité individuelle et personnalisation*. Toulouse.

BLOC 1.8

ÉCRITURE ET ALPHABÉTISATION CHEZ LES SLAVES / SCRIPT AND LITERACY BY SLAVS

Organisateur : ANDRIY DANYLENKO

ШРИФТ И ОРФОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ И ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ ДИСКУССИИ (ЕЩЕ РАЗ ОБ УКРАИНСКОЙ ЛАТИНИЦЕ)

ОКСАНА ОСТАПЧУК

Основным объектом анализа в выступлении являются этапы формальной и семиотической эволюции, которую прошли системы записи украинской речи на базе латиницы, а также приписываемые им культурно-идеологические функции и символические смыслы в ходе дискуссий XIX – начала XX в. Такой подход к проблеме алфавита предполагает учет как собственно лингвистических, так и внеязыковых и метаязыковых явлений.

В истории славянских языков отмечается несколько периодов, когда на первый план выдвигалась символическая функция языка, способствующая национально-культурной интеграции вокруг идеи самобытности, в том числе в языковой сфере. Такой эпохой для большинства славян является Национальное возрождение, связанное с процессом становления самосознания и развитием культур, литератур, а также кодификацией народных языков. Традиционно его временные рамки ограничиваются рамками XIX в., однако в целом ряде “молодых” литературных языков [Besters-Dilger, 2012], включая украинский, процессы национализации культурного и языкового пространства продолжаются также в XX в.

Проблема письменной фиксации звучащей речи в регионах с активным культурно-языковым взаимодействием, к которым относятся украинские земли, далеко не всегда воспринимается в технических категориях удобства и адекватности. Так, в памятниках украинской письменности XVII–XVIII в. конкуренция и/или возможность взаимозамены кириллицы и латиницы была не просто возможна, но и довольно широко распространена [Danylenko 2012], что, в частности, позволяло в «низких» жанрах передавать фонетические особенности народной речи (которые не всегда фиксировала традиционная кириллическая запись). Однако в национальную эпоху в сознании и кодификаторов, и пользователей языка вопросы его внешнего графико-орфографического оформления нередко приобретают самодовлеющее символическое значение. Положение украинских земель на пограничье мира Slavia Orthodoxa и Slavia Latina и специфика формирования украинского литературного языка являются яркой иллюстрацией того, что отношение к проблеме алфавита (а нередко даже более

специфически – шрифта) может служить маркером разграничения «своего» и «чужого» культурного пространства.

Активизация процессов освоения культурного пространства в национальных категориях в начале XIX в. приводит к активной семиотизации проблемы алфавита и шрифта. Начиная с 1830-х гг. на украинских землях, входивших в состав различных государств, использование и латиницы, и различных вариантов кириллицы (в том числе приспособленных для передачи украинских фонетических особенностей или подчеркивающих связь с культурной религиозной традицией) приобретает отчетливое идеологическое звучание, будучи связанным с выбором национальной и/или культурной идентичности. Так, в Галиции дискуссии сторонников различных форм записи украинской речи приобрели настолько острую форму, что весь этот период в истории украинского литературного языка в данном регионе известен как «азбучная война» [Німчук 2004: 12-13]. Именно в ходе упомянутой полемики известные галицкие культурные деятели Иосиф Левицкий и Маркиян Шашкевич формулируют тезис о кириллице как национальной святыне и религиозном символе. В этом контексте особое значение приобретают также проекты этимологического правописания, в частности, разработанный М. Максимовичем на основе кириллицы с использованием диакритики для обозначения специфических украинских звуков (так, украинский і обозначался в различных типах корней как ê или ô); данная система орфографии использовалась в Галиции в течение всего XIX в. [Даниленко 2012: 38–39].

Конкуренция алфавитов обостряется в ходе политической борьбы за присвоение культурно-идеологического пространства, развернувшейся в Галиции в 1848 г., когда противопоставление латиницы и кириллицы в культурном дискурсе приобретает форму сознательной конфронтации национальных атрибутов – соответственно польского и украинского. Компромиссный по своему замыслу проект украинской латиницы австрийского чиновника Й. Иречека (1859), предложившего использовать чешский (а не польский, как заведомо неприемлемый) вариант алфавита и сочетать принципы этимологического и фонетического письма (что также было предметом ожесточенных дискуссий), не был оценен, несмотря на некоторые практические достоинства предложенной системы орфографии. Критики, рассуждавшие в национальных категориях, сочли, что в результате его внедрения «пропадет и дух украинского народа, и вера». Логика развития украинской кодификации в XIX в. (главным образом в Галиции, но не только), может служить частным примером модели стандартного языка, которую А. Стемплевский описывает как характерную для целого ряда литературных

славянских языков, указывая на предшествование в ней символических шагов по закреплению графического кода в качестве базы литературно-культурного выражения стандартизации всех других уровней языковой системы [Stęplewski 2018].

Конфликт алфавитов как различных форм этнокультурного выражения в другой части украинского этнокультурного пространства, на Правобережье (вошедшем в состав Российской Империи в результате разделов Польши) намечается в рамках пропагандистской кампании накануне и в ходе польского восстания 1830 г., однако принимает несколько иные формы. К середине XIX в. употребление латиницы в кругу польских украинофилов становится специфической формой культурно-идеологического противостояния официальной политике Российской империи, будучи одновременно маркером особого варианта культурной и политической идентичности, совмещающей представления о большой польской нации и украинском народе (и языке) как его неотъемлемой части [Остапчук 2010]. Разгром польских восстаний (особенно 1863 г.) не только сделал невозможной реализацию такого политического проекта, но и исключил любые формы коммуникативной и культурной эмансипации не только польского, но и украинского (и белорусского) языков. Одним из последствий этого стал официальный запрет на использование латиницы для украинского (а также белорусского и литовского) языка и принятие Валуевского циркуляра (1863), серьезно ограничившего возможности публикаций украинских книг, а затем и Эмский указ (1876), полностью исключивший украинский язык из сферы публичной коммуникации и дополнительно запретивший фонетическое украинское правописания [Миллер, Остапчук 2006]. Эти репрессивные шаги имперских властей следует рассматривать в общем контексте культурно-идеологических практик, направленных на регулирование языковой сферы в рамках «планирования статуса»: в этом же ряду, безусловно, находятся попытки внедрения кириллицы в польское культурное пространство в середине – второй половине XIX в., связанные с усилиями по разрушению традиционных оснований национальной культуры [Успенский 2004].

В условиях незавершенной кодификации и фактической невозможности полноценного развития украинского литературного языка попытку вернуть проблему латиницы в публичный украинский дискурс, переведя ее в практическую плоскость, предпринял М. Драгоманов. В 1881–1882 г. он предложил теоретическое обоснование использования латиницы для украиноязычных изданий, на практике примененное им для публикации в Женеве поэмы Т. Шевченко «Мария». Наряду с традиционным для галицких «латинизаторов» аргументом (широкая распространенность латиницы,

установление контакта с европейской культурой), Драгоманов ссылается на то, что просвещать население Галиции можно только издавая украинские книги на латинице (учитывая распространенность в регионе польского языка). Считая, что для украинского письма должна использоваться азбука «общеевропейская, но реформированная», Драгоманов попытался в своем проекте объединить польскую и чешскую графические системы, предложив также ввести в латиницу кириллические буквы для шипящих звуков.

Идеи М. Драгоманова нашли свое продолжение в совершенно иную историческую эпоху, которая стала своеобразным завершением процесса украинского национального и языкового строительства. Работа по кодификации украинского литературного языка в 1920-е гг., включавшая, среди прочего, реформирование и унификацию орфографии, наглядно продемонстрировала характерную особенность советской языковой политики эпохи, известной как коренизация: стремление активно влиять не только на статусные параметры функционирования языка, но и контролировать его внутреннюю структуру, в том числе формальные графико-орфографические принципы записи речи. Украинская орфографическая дискуссия середины 1920-х гг. создала почву также для возвращения в публичное поле вопроса о латинице применительно к украинскому языку, который, казалось, был уже решен окончательно в пользу кириллицы. На этот раз проект латинизации украинского письма был связан с глобальным советским экспериментом по переустройству социальной и культурной жизни, предполагавшим масштабный пересмотр культурных основ (включая проекты реформы русской орфографии и графики, а также предложения по переводу на латиницу более 100 языков различных народов). В этом контексте латинизация рассматривалась как этап на пути к унификации языков и систем письма на основе единого (всемирного) латинского алфавита как наиболее распространенного, становясь актуальным заданием языкового «коммунистического» строительства.

Среди доводов в пользу использования латиницы для записи украинской речи вновь звучали как сугубо практические (латиница позволила бы избежать ряда орфографических дискуссий), так и идеологические (интернациональный характер, способный приблизить идею грядущей мировой революции). Радикальный проект реформированной латинской в своей основе украинской орфографии был на практике использован, в частности, группой футуристов в издании «Семафор в майбутнє». Теоретически идею синтеза алфавитов применительно к украинскому языку сформулировал в 1923 г. писатель и журналист Сергей Пилипенко. В своем

опубликованном латиницей письме «Odvertyj lyst do vsix, xto cikavyt'sja cijeju spravoju», отбрасывая возможные обвинения со стороны «москвофилов» («u odhorožuvanni od rosijs'koji kul'tury, toji kulltury, ščo najperša maje kopuljuvaty z ukrajins'koju»), так и «украинофилов» («pro odhoružuvannia vod Halyčyny i do pevnoji miry «polonizaciji»), он в практической сфере предлагает постепенный перевод на латиницу школьного обучения и переход на печатание газет параллельно двумя алфавитами (эта идея была реализована ранее в Беларуси при издании газеты «Наша нива»). Предложение С. Пилипенко поддержал Михаил (Майк) Йогансен, подхвативший идею «латинского, а теперь интернационального алфавита». Однако в ходе обсуждения на Орфографической конференции 1927 г. предложение о переводе украинского письма на латиницу было отвергнуто, гораздо более актуальным заданием оказалась унификация западно- и восточноукраинской орфографических (кириллических) традиций [Німчук 2004: 15–17]. Тем не менее сам факт их появления хорошо демонстрирует новый этап идеологической эволюции идеи совмещения графических традиций в украинском культурном пространстве. В довольно реформаторском ключе формулирует свои идеи по переустройству орфографии также известный украинский диалектолог и лексикограф Е. Тимченко, предложивший использовать отдельные буквы латинского алфавита для передачи специфических украинских звуков. Заметим, что часть предложений по трансформации графического кода Орфографическая (правописная) конференция первоначально утвердила, и только вмешательство республиканских партийных властей не позволило им появиться в окончательной версии «Українського правописа» (1928).

Попытки синтеза орфографии и графики применительно к украинскому языку следует рассматривать в более широком контексте идей по переустройству языковых систем, разрабатываемых в Советском Союзе 1920-х гг. применительно к различным национальным сообществам (ср. аналогичные дискуссии о белорусской латинице), в том числе тем, которые были представлены лишь национальными меньшинствами (показателен в этом отношении мало известный проект реформы польской орфографии с введением знаков, не характерных для традиционной польской латиницы, в том числе кириллических).

Как показывает анализ (мета)лингвистических дискуссий XIX-XX вв., идеи совмещения кириллической и латинской письменных традиций и/или применения латиницы к записи украинской речи, несмотря на свой маргинальный характер, оказываются довольно широко представленными в культурном пространстве как на

теоретическом, так и практическом уровне в течение длительного времени. Это делает метаязыковые дискуссии о письменной форме выражения важным и устойчивым элементом украинского культурно-языкового пространства, маркирующим переходные, ключевые для кодификации, периоды в истории литературного языка.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Besters-Dilger J. Конвергенция и дивергенция славянских языков. Влияние социолингвистических факторов в прошлом и современности // Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym. Prace przygotowane na XV Kongres Slawistów Mińsk 2013 / pod red. H. Kurek. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 9–22.

Danylenko A. ... [I]s farsijskoho i s tureckoho jazika na rusk'ij jezik perelpozil" Script and Language Choice in Medieval Ruthenia // Translation and tradition in "Slavia Orthodoxa" / Izmirlieva, Valentina [Hrsg.]. Wien [u.a.], (2012). Pp. 86–106.

Stęplewski A. Semioza pisma: Cyrylica i łacinka w serbskim i chorwackim dyskursie narodowym na tle słowiańskim. Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2018. 280 s.

Даниленко А. «Пиши, як мовиш», або чому Пантелеймон Куліш не став творцем сучасного українського правопису // Мовознавство. 2012. № 4 (266): липень-серпень. С. 37–54.

Миллер А.И., Остапчук О.А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // Славяноведение, № 5, 2006. С. 25-48 | Alexei Miller, Oxana Ostapchuk. The Latin and Cyrillic Alphabets in Ukrainian National Discourse and in the Language Policy of Empires // A Laboratory of Transnational History. Ukraine and Recent Ukrainian Historiography / ed. By G. Kasianov and Ph. Ther. CU Press, Budapest-New York, 2008. Pp. 167-211.

Німчук В.В. Переднє слово // Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія. Київ: Наукова думка, 2004. С. 5–26.

Остапчук О. Мовні шати пропаганди: відозви польських повстанців до мешканців України під час повстань 1830-31, 1848 рр. (тексти та лінгвістичний коментар) // Slavia Orientalis. 2010. T. LIX. Nr 4. S. 511–546.

Успенский Б.А. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // Его же. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 123–156.

BLOC 1.9

PAYSAGES ONOMASTIQUES SLAVES / SLAVIC ONYMIC LANDSCAPES

Organisatrice : MAŁGORZATA RUTKIEWICZ-HANCZEWSKA

Małgorzata Rutkiewicz-Hanczewska Nazwy polskich aptek od godeł aptecznych: geograficzne, historyczne oraz kulturowe uwarunkowania procesu ich kreacji 1

Мери Јосифовска Онимиските пејзажи изразени преку женската именска формула во македонскиот антропонимиски систем 5

Pavol Odaloš Onymická krajina stredoslovenských banských miest (Banská Bystrica, Banská Štiavnica, Kremnica) 10

Žaneta Dvořáková Paměť 2. světové války v současné urbanonymii České Republiky 15

Artur Gałkowski Charakterystyka terminologiczno-koncepcyjna «krajobrazu onimicznego » jako budulca « krajobrazu językowego » 19

Зоряна Купчинська Фрагмент ойконімного ландшафту правобережного Полісся і суміжнихтериторій у XIV ст**.:** ареал і семантика твірних основ архаїчних типів географічних назв 23

NAZWY POLSKICH APTEK OD GODEŁ APTECZNYCH: GEOGRAFICZNE, HISTORYCZNE ORAZ KULTUROWE UWARUNKOWANIA PROCESU ICH KREACJI

MALGORZATA RUTKIEWICZ-HANCZEWSKA (POLSKA)

Wstęp

Przedmiotem referatu jest charakterystyka jednego z najstarszych typów nazw polskich aptek od tzw. godeł, emblematów. Ten model nie należy do najpopularniejszych. Nazwy współczesnych polskich aptek są bowiem zdominowane przez struktury o charakterze topograficznym i dzierżawczym (Rutkiewicz-Hanczewska, 2000), w mniejszym stopniu pamiątkowym (Rutkiewicz-Hanczewska, 2020). To rodzaje propriów, jakie zaczęły pojawiać się na przełomie XIX i XX wieku (wraz z nazwami patronalnymi), a spopularyzowały się w XX stuleciu.

Przedstawione w referacie analizy dotyczą synchronicznej charakterystyki nazw aptek motywowanych godłami aptecznymi. Wynotowano je z portalu o nazwie ZIP (Zintegrowany Informator Pacjenta), w którym znajdują się dane gromadzone przez Narodowy Fundusz Zdrowia (https://zip.nfz.gov.pl). Stanowią one niewielki ich odsetek (3,6%), co daje 422 określenia.

Nazwy od godeł aptecznych pierwotnie były motywowane godłem budynku, w którym pracował dawniejszy aptekarz. Inne pochodziły bezpośrednio od godeł, które z początku umieszczano w witrynie apteki. Następnie instalowano je nad wejściem do obiektu. Pełniły one wówczas rolę szyldu reklamowego (Roeske, 1973; 1991). Tradycja przyjmowania godeł aptecznych nie była obowiązkowa, wynikała z potrzeby szybkiego lokalizowania różnych obiektów, w tym aptek. Tego rodzaju określenia w Polsce tworzono od początku XVI wieku (Roeske, 1973), a według Stanisława Pronia mogły się one pojawiać już w XV wieku (por. Seiffert, 2005), ale spopularyzowane zostały w XVII stuleciu (Roeske, 1991).

Model nazw od godeł aptecznych – jak pokazuje zebrany materiał – podlega kontynuacji, dlatego w charakteryzowanym zbiorze nazw znajdują się onimy, które stanowią dziedzictwo przeszłości (mają historyczne poświadczenia i szyld lub emblemat w witrynie), drugie jedynie nazwą wskazują na godło (nie ma go w otoczeniu apteki), a jeszcze inne – mniej liczne – mają charakter imitacyjny, nawiązują do najstarszej tradycji nazewniczej. W ostatnim wypadku mowa o modelu strukturalnym kontynuowanym przez twórców współczesnych nazw, którzy zasilają go nowymi godłami (bezpośrednio lub pośrednio związanymi z daną apteką) i wtłaczają do schematu onimicznego w postaci wyrażenia

przyimkowego. Te nazwy stanowią próbę wpisania się w dawny ich rodowód. Rzeczownik własny imitujący średniowieczne określenia od godeł aptecznych stanowi znak przynależności do przeszłości. Nazwa tradycyjna lub ją tylko imitująca staje się obietnicą doświadczenia, znakiem umocowania na rynku aptekarskim, najwyższej jakości produktów leczniczych i wiedzy farmaceutycznej. Nowo tworzone określenia są podwójnie motywowane: wewnętrznie (w związku z farmacją, alchemią, astrologią) i zewnętrznie (geograficznie, posesywnie lub kulturowo).

Stratygrafia nazw aptek od godeł jako znak dawnej polityki nazewniczej

Nazwy od godeł aptecznych występują na ściśle określonych obszarach kraju. Są to tereny, które w przeszłości znajdowały się w granicach byłego zaboru pruskiego oraz austriackiego. W zasadzie brak ich na obszarze dawnych ziem polskich, na których obowiązywały rosyjskie prawo i administracja, gdzie do dzisiaj istnieje najwięcej nazw w postaci określenia *Apteka* (w województwach łódzkim, świętokrzyskim, warmińsko-mazurskim, podlaskim, lubelskim). Podobna sytuacja ma miejsce w Lubuskiem, gdzie po II wojnie światowej przesiedlono głównie mieszkańców ziem wschodnich. Jak trafnie zaznacza Roeske (1991) wszystkie godła stanowią wyraz ściśle określonych historycznych uwarunkowań powiązanych z czasem i miejscem ich powstania. Na obszarach pod dawnym panowaniem pruskim mamy znacznie mniej określeń motywowanych godłami sakralnymi, jest ich więcej na południu Polski.

Modele nazw aptek od godeł aptecznych

W podstawie charakteryzowanych nazw najliczniej pojawiają się godła od nazw zwierząt, głównie *orła* i *lwa*. Orzeł jest symbolem srebra, dążenia alchemików do przekształcania metali nieszlachetnych w srebro i cynę, z kolei lew reprezentuje złoto (Proń, 1967). Sztuka przemiany metali nieszlachetnych w szlachetne stanowiła w średniowieczu podstawę wszelkich działań ówczesnych alchemików, których szczególnie zajmowało szukanie mikstury przezwyciężającej śmierć, tzw. kamienia filozoficznego.

Poza orłem i lwem na szyldach aptecznych występują się także: łabędź i jeleń – symbole pramaterii, rtęci filozoficznej; wąż – pierwotnych sił kosmicznych i zdrowia; sokół – nadziei, słowik – ozdrowienia i nieśmiertelności; sowa – nauki i proroctwa; jaskółka – nadziei i zmartwychwstania; słoń (i słonik) – długowieczności, a także baran i sarna (Kopaliński, 2019). Pojedyncze poświadczenia w nazwach aptek mają określenia nawiązujące do następujących przedstawicieli świata fauny: byk, niedźwiedź, owieczka, pelikan, skorpion, tur oraz żółw. Oznaczają one siłę i płodność, sekrety pramaterii, kamień filozoficzny, który

podczas rozpuszczania się dokonuje przeobrażenia ołowiu w złoto, lek, w tym odtrutkę (Kopaliński, 2019).

Z uwagi na to, że w najnowszym polskim materiale, jak i przykładowo w wiedeńskim z początku XXI wieku (Rutkiewicz-Hanczewska 2003), zdecydowanie dominują określenia, którym patronują zwierzęta, można wysnuć tezę, że tradycyjne godła apteczne w wymiarze uniwersalnym reprezentują przedstawiciele świata fauny, symbolizujący nieśmiertelność, zmartwychwstanie, długowieczność, energię, siłę początku, pramaterii oraz istotne w alchemii metale (złoto, srebro, cynę).

Tę alchemiczną semantykę dopełniają motywacje florystyczne. Wnoszą do procesu kreacji nazw placówek farmaceutycznych elementy magii, sytuują nazywany w ten specyficzny sposób obiekt w przestrzeni rytualno-religijnej. Na ich popularność wpływa niewątpliwie znaczenie, jakie przypisywano roślinom w dawnej kulturze ludowej. I chodzi tu nie tylko o ich walory smakowe, lecz przede wszystkim o właściwości lecznicze, uzdrawiające, z powodu których wykorzystywano je w funkcji rytualno-religijnej. Na terenie współczesnej Polski najliczniejsze są nazwy motywowane rzeczownikami *lipa*, *dąb*. Lipa wiąże się z kultem Matki Boskiej. Dębowi przypisuje się własności lecznicze, a jego listowiu własności apotropeiczne. Do nierzadkich należą również *róża*, *modrzew*, *jemioła*. Sporadycznie pojawiają się: *akacja*, *jesion*, *jawor*, *klon*, *miłorząb*, *świerk*, *agawa*, *arnika*, *magnolia*, *mandragora*, *paproć*, *platan*, *rumianek*, *sosna*, *wierzba*. Jednorazowo występują: *aloes*, *bławatek*, *brzoza*, *cis*, *chabry*, *chojnik*, *jarzębina*, *jodła*, *kalina*, *konwalia*, *kwiaty*, *las*, *limba*, *mięta*, *modrak*, *orzech*, *rokitnik*, *sasanka*, *topola*, *wawrzyn*, *widłak*. Wymienione drzewa, kwiaty i zioła mają właściwości lecznicze, a także służą do produkcji kosmetyków.

Zdecydowanie rzadsze są odwołania do farmacji, alchemii, astrologii. Sporadycznie w podstawie onimów od godeł znajdują się elementy sakralne (najrzadziej mitologiczne). Jeśli już gdzieś je widzimy, to z pewnością na południu kraju, głównie na Śląsku i w Małopolsce, na obszarach dawnego zaboru austriackiego, gdzie po dzień dzisiejszy dominują na szyldach aptek. Nie ma ich w Wielkopolsce i rejonach sąsiednich, chociaż w przeszłości okresowo pojedyncze funkcjonowały, np. apteka *Pod Aniołem w* Bydgoszczy (Kostrzeński, 1936 [1996]). Taki stan rzeczy to niewątpliwie dziedzictwo przeszłości, kultury i polityki dawnych zaborców. Chociaż nazwy od godeł stanowią tradycję znaną i w Prusach, i w Austrii, to elementy sakralne w funkcji godeł aptecznych zostały spopularyzowane przez modele austriackie.

Zakończenie

Dawne nazwy od godeł aptecznych dopełnia grupa nowszych jednostek, imitujących utrwalony schemat ich tworzenia, łącząca symbolikę farmaceutyczną, astrologiczną i alchemiczną ze specyfiką przestrzeni (np. *Pod Rodłem*), w jakiej powstają, i oznaczającymi ją nazwami (np. *Pod Kłobukiem*). To dowodzi zarazem jego siły oddziaływania i podkreśla potrzebę tak wyrażanej przynależności do dawnego świata farmaceutów. W ten sposób oznaczona apteka symbolizuje doświadczenie, kompetencję, profesjonalizm. Uwiarygadnia swoją markę.

LITERATURA

Kopaliński, W. (2019). Słownik symboli. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM.

Kostrzeński, L. (1996). Materiały do historii aptek wielkopolskich, t. 1, Warszawa 1929, t. 2: Warszawa 1936, reprint Poznań: Wydawnictwo KONTEKST.

Proń, S. (1967). Musaeum Poloniae Pharmaceuticum. Warszawa.

Roeske, W. (1991). Polskie apteki. Wrocław: Ossolineum.

Roeske, W. (1973). Dawne godła polskich aptek i problem ich ochrony. Ochrona Zabytków, 1, s. 47–56.

Rutkiewicz-Hanczewska, M. (2020). Patronalne i pamiątkowe nazwy polskich aptek. W: M. Rutkiewicz-Hanczewska, J.B. Walkowiak (red.), Wielkopolska nazwami opisana. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie Studia Polonistyczne, s. 69–95.

Rutkiewicz, M. (2000). Semantyka nazw poznańskich aptek. Język Polski, LXXX, nr 3-4, s. 185-196.

Rutkiewicz-Hanczewska, M. (2003). Nazwy wiedeńskich aptek - schemat nazewniczy czy specyfika miejsca? Onomastica Slavogermanica, XXIV, s. 173-181.

Seiffert, I. (2005). Nazwy wrocławskich aptek – przyszłość i współczesność. W: R. Łobodzińska (red.), Z najnowszych tendencji w polskim nazewnictwie. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, s. 83–98.

ОНИМИСКИТЕ ПЕЈЗАЖИ ИЗРАЗЕНИ ПРЕКУ ЖЕНСКАТА ИМЕНСКА ФОРМУЛА ВО МАКЕДОНСКИОТ АНТРОПОНИМИСКИ СИСТЕМ

МЕРИ ЈОСИФОВСКА (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)
Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ – Скопје
merijosifovska@yahoo.com

Македонскиот антропонимиски систем и во минатото, а и денес претставува отворен систем кој трпи влијанија од други туѓи јазици. Оваа појава, меѓу другото, е потпомогната од демократичноста и од слободата во изборот на личното име кај Македонците, како и од непостоењето на закон за лично име во нашата држава. Отвореноста на македонскиот антропонимиски систем пројавува варијации од категорија до категорија. Некои антропонимиски категории, како на пример презимето, имаат затврден, неменлив и наследен карактер. Кај Македонците тоа се востановило кон крајот на 19 и почетокот на 20 век. Овој процес кај македонските презимиња завршил по Втората светска војна, кога со оформувањето на тогашната Социјалистичка Федеративна Република Југославија и на Социјалистичка Република Македонија во нејзин состав, бил ставен крај на туѓите административни презименски модели кај Македонците (бугарски и српаски модел). Она што треба да се истакне за македонските презимиња е тоа дека тие се типично словенски и дека нивната структура и функција во јазикот битно не се разликуваат од презимињата во другите словенски јазици. Се образуваат од лични имиња или од прекари со или без додавање на структурните суфикси: *-ски/-ска, -ов/-ова, -ев/-ева, -о(в)ски/-о(в)ска, -е(в)ски/-е(в)ска*. Централно место во нивното создавање имаат родовите номинации на *-овци/-евци*, со коишто се искажува индивидуалната припадност (пр.: *Аџиевци, Богдановци, Карапетревци, Митревци, Поповци*). Презимиња во македонскиот јазик може да бидат и етниците и ктетиците, со или без структурните форманти. Патронимиски образувања постојат, но како резултат на екстралингвистички фактори (тоа се презимињата на *–ов(а)/-ев(а)*, како што се на пр.: *Атанасов, Веселинова, Игнатов.*

За разлика од презимињата, пак, останатите антропонимиски категории се отворени за надворешните јазични влијанија, кои директно се чувствуваат кај личните имиња и прекарите, а индиректно се пренесуваат преку зборообразувачкиот процес кај андронимите, метронимите и патронимите. Тоа значи дека македонскиот јазик преку прасловенскиот ги наследил и сè уште ги употребува **словенските имиња**, коишто, пак, претставуваат

индоевропско наследство за сиот словенски свет. Овој **стар општословенски репертоар** во македонската антропонимија е претставен преку:

1. Сложените или композитни имиња (полилексемни) составени од две или повеќе основи (пр.: *Богомир, Мирослав, Дабижив, Ненад* // *Божидара, Доброљуба, Тихомира, Радмила*);

2. Апелативните или прости имиња (монолексемни) составени од една основа, кои од мотивациски, односно од семантички аспект се делат на:

− **пожелни или мелиоративни имиња** со кои давателите на името му пожелувале на новороденото дете долг живот, добро здравје, среќа, позитивни човечки особини и убав физички изглед (пр.: *Горан, Дејан, Здраве, Зоран, Трајан* // *Бисера, Велика, Убавка, Мила, Зора, Разделина*); како посебен тип пожелни имиња се сметаат имињата давани по имињата на хидронимите и оронимите, бидејќи тие се најстара онимиска категорија, а воедно се и долговечни формации на вертикалниот релјеф (пр.: *Вардар, Дунав* // *Бистра, Радика, Струма*);

− **заштитни или профилактички односно пејоративни имиња**, кои се плод на верувањето во натприродното и демонското и кои се смета дека не се вистински имиња, туку се имиња со кои се криеле вистинските имиња на децата. Во нивните форми се наѕираат ритуалите, коишто ги изведувале родителите за да ги заштитат своите потомци од магии и од зло (пр.: *Волк, Најден, Сокол, Продан* // *Купенка, Најденка, Продана*);

3. Изведени или суфиксирани имиња кои се образуваат од сложените и од апелативните имиња со помош на скратување, со зборообразувачка деривација или и со двете заедно (пр.: *Добр/-е* < *Добромир*, *Доброслав; Тихо* < *Тихомир*; *Де/-ко* < *Дејан*, *Десислав // Мир/-а* < *Мирослава; Рад/-а*, *Рат/-ка*, *Рат/-че* < *Радмила*; *Биса* < *Бисера*; *Нена* < *Невена*).

Понатаму следи периодот на покрстување кај Словените, период кога тие го примиле христијанството за своја вероисповед, а со тоа почнале да ги попримаат и **црковните**, односно **календарските лични имиња**. Овие имиња и денес претставуваат значителен дел од македонскиот личноименски систем, особено затоа што како туѓ лексички модел добро се вклопиле во фонетскиот и во зборообразувачкиот систем на македонскиот јазик и покажале голема продуктивност во деривацијата.

На современ план, кој временски се однесува на последниве неколку децении, македонскиот јазик и неговиот личноименски систем повторно ја манифестираат својата отвореност. Во овој период од екстралингвистички причини доаѓа до силен наплив на туѓа лексика во македонскиот јазик. Истото важи и за личните имиња, кои катаден навлегуваат во македонскиот отворен личноименски систем од западноевропските јазици. Тие, бидејќи немаат значенска функција, лесно преминуваат од еден народ во друг, за нив не важат јазичните и верските граници. Може да бидат сфатени и како подновувања и проширувања на општиот национален лексикон, со помал или поголем интензитет во зависност од социјалните прилики на модерното живеење. Во тој поглед огромна е улогата на јазикот како средство со кое се креираат имињата, односно на можностите кои ги нуди еден јазичен стандард.

Специфично за македонскиот онимиски, поконкретно антропонимиски пејзаж е суперстратното влијание на дијахрониски план од страна на турскиот јазик, коешто особено оставило траги во македонската топонимија; макар што влијаело и врз креирањето на именувањето кај жените, како и врз доцното зацврстување на презимето кај Македонците. До 13 век се користи, главно, систем на голо име, кој во 14 век се проширува со додавање на некоја друга определба кон личното име: татково име или патронимиска дескрипција (на пр.: *Калина Николова, Стојан Војданчев*), професија (пр.: *Иван ковач, Петко терзија*), место на живеење (на пр.: *поп Георгија од Желино, даскал Теодор од Стамбол*), етничко име (на пр.: *Јордан новоселец, Димче чифлиганец*) или прекар (пр.*: Ѓоре Камчето, Јозо Ќутукот*). Овие аналитични конструкции, всушност, претставуваат зачетоци во процесот на образувањето на презимињата кај Македонците и со извесни варијации се практикуваат во целиот период на турското владеење кај нас, а најмногу ги среќаваме во турските документи за историјата на македонскиот народ.

Женската именска формула во турскиот период била во потчинета положба во однос на машката. Тоа значи дека и жените биле запишувани описно, но само во случаите кога кон личното име се додавало: патронимиска дескрипција (на пр.: *Јована Трајанова = Јована ќерка на Трајан, Неда Димчева = Неда ќерка на Димче*) или семејна дескрипција (пр.: *Стојна Петкова снаа, Велика Коцева ќерка*). Формулите со прекар, место на чивеење, етничко име и професија не се среќаваат кај жените во целост. За разлика од ова, во турските пописни дефтери вдовиците биле запишувани само со андроними, односно со

форми образувани од името покојниот маж (пр.: *Будимирица = жена на Будим, Марковица = жена на Марко, Бранкојца = жена на Бранко*).

На синхрониски план се случува уште едно суперстратно влијание, а тоа е влијанието на западноевропската цивилизација не само кај нас, туку и врз земјите од Југоисточна Европа. Се забележува силен наплив на женски имиња од западноевропско потекло најчесто англиски, германски, француски, италијански и шпански (пр.: *Емили, Кристи, Мари, Анелија, Ванеса, Валерија, Вилма, Глорија, Грација, Карина, Мабела, Ребека, Џина* и др.). Тие, не само што имаат туѓ акцентски модел (пр.: *M'ateja* - машко име, *Mat'eja* - женско име), туку не даваат информација за родот (пр.: *Мони < Емануел/а, Ади < Адријан/а* − машко и женско име со идентична форма, и покрај тоа што суфиксот *-и* во македонскиот јазик е пред сè множински) и немаат никаква компактност по звучност со презимето (на пр.: *Исабел Станковска*, *Ванесса Поптрајанова, Карина Прчевска)*.

Во последниве години доаѓа до уште една дестабилизација на женската именска формула, кога жената при склопување брак го презема или го додава кон своето презимето на мажот во машки род (на пр.:: *Билјана Тодоровски, Калина Ангеловска-Стојчевски, Наташа Милованчев, Мартина Христова-Поповски*). Ова е појава којашто се смета за еден вид помодарство и не е во духот на македонскиот јазик, кој е строго прецизен по однос на корелацијата машки наспроти женски род кај презимињата.

Од изнесените примери и разновидности во женската номенклатура кај Македонците, како на дијахрониски, така и на синхрониски план, може да се заклучи дека македонскиот антропонимиски систем навистина нуди интересен и богат материјал. Затоа, со право можеме да кажеме дека женската именска формула претставува посебен пејзаж во комплексната слика наречена македонска онимија.

БИБЛИОГРАФИЈА

Иванова Олга 2006: *Македонски антропономастикон (XV-XVI век),* авторот, Скопје.

Јосифовска Мери 2021: *Антропонимискиот систем во Крушевско*, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Скопје.

Коробар-Белчева Марија 2019: *Македонски ономастички истражувања*, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Скопје.

Речник на презимињата кај Македонците I и II, 1994 и 2001, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Скопје.

Стаматоски Трајко 1988: „Нови тенденции кај личните имиња на некои јужнословенски народи“, *Реферати на македонските слависти за X меѓународен славистички конгрес во Софија*, МАНУ, Скопје.
Стаматоски Трајко 1990: *Македонска ономастика*, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Скопје.
Станковска Љубица 1992: *Речник на личните имиња кај Македонците*, авторот, Скопје – Тетово.

Słowiańska onomastika, encyclopedia tom I, pod red. Ewy Rzetelskiej-Feleszko i Aleksandry Cieślikowej. Warszawa – Kraków: Towarzystwo naukowe warszawskie, 2002.

ONYMICKÁ KRAJINA STREDOSLOVENSKÝCH BANSKÝCH MIEST (BANSKÁ BYSTRICA, BANSKÁ ŠTIAVNICA, KREMNICA)

PAVOL ODALOS (SLOVENSKO)

1. Vysvetlenie zámeru

Zámerom textu je predstaviť onymickú krajinu stredoslovenských banských miest Banskej Bystrice, Banskej Štiavnice a Kremnice. Výskum sme realizovali v rokoch 2021 – 2024. Jednotlivé onymické objekty sme fotografovali, vzniklo 654 fotografií, ktoré sme následne selektovali so zámerom identifikovať onymiu, ktorá bude predmetom analýzy. Vychádzame aj z nášho textu o jazykovej krajine Banskej Bystrice, v ktorom sme analyzovali apelatívny a propriálny jazyk jazykovej krajiny uvedeného mesta (Odaloš, 2021).

2. Vymedzenie onymickej krajiny

Onymickú krajinu chápeme ako systém viditeľných vlastných mien v rámci urbánnej krajiny stredoslovenských banských miest Banskej Bystrice, Banskej Štiavnice a Kremnice (v kontexte ostatného viditeľného jazyka).

Každé vlastné meno plní v rámci onymickej krajiny základnú identifikačno-diferenciačnú funkciu, prostredníctvom ktorej sa stáva na základe identifikácie vlastným menom, získava vlastnú onymickú identitu a prostredníctvom diferenciácie si uvedomujeme jeho odlišnosť v porovnaní s iným onymami. V onymickej krajine následne v komunikácii medzi ostatnými vlastnými menami získava ďalšie komunikačné funkcie: orientačnú funkciu, ktorej podstatou je prispievať k orientácii v priestore, pamiatkovú funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré predstavujú pamiatkové informácie, cirkevnú funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré velebia Pána Boha, Pannu Máriu a iné cirkevné osoby, pietnu funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré vzdávajú úctu zosnulým osobám, reklamnú funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré predstavujú firmu a jej produkty mimo sídla firmy, komerčnú funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré predstavujú firmu a jej produkty v priestore predajne alebo vo výklade.

3. Funkcie antroponým a teoným

Antroponymum je vlastné mená jedného človeka alebo skupiny ľudí. Budeme venovať pozornosť hlavne osobným menám (Bezlaj, F. a kol. (red.), 1983, s. 82 – 83). Teonymum je vlastné mená boha alebo bohyne (Bezlaj, F. a kol. (red.), 1983, s. 121).

3.1. Orientačná funkcia

K orientačnej funkcii prispievajú aj antroponymá, ktoré sa nachádzajú na zvončekoch obyvateľov mesta v mieste ich bydliska. Ide o orientáciu v určitom urbanonymickom bode, ktorým je bydlisko občana. Občania sa rozpoznávajú prostredníctvom priezvisk, príp. rodných mien a priezvisk, napr. *Zauška*, *Soják*, *Demčák*, *Baláž*, *Ivan*, *Imriška*, *Kolačný*, *Filadelfi*.

3.2. Pamiatková funkcia

Antroponymum plní pamiatkovú funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré predstavujú pamiatkové informácie, t.j. informácie o rôznych druhoch pamiatkových objektov.

Antroponymá môžu plniť pamiatkovú funkciu, keď sú súčasťou textov pamiatkového charakteru na rôznych tabuliach a iných objektoch, pretože prispievajú k pamiatkovým informáciám o rôznych objektoch, udalostiach a osobách, napr. *v tomto dome sa narodil Viliam Figuš Bystrý 28. II. 1875, autor prvej slovenskej opery Detvan* (Banská Bystrica).

3.3. Cirkevná funkcia

Teonymum plní cirkevnú funkciu, keď je súčasťou textu, ktorý velebí Pána Boha, Pannu Máriu a iné cirkevné osoby.

Teonymum Boh sa nachádza na budovách rôznych kostolov, napr. na Evanjelickom kostole a. v. v Banskej Štiavnici v latinskom jazyku na jeho priečelí: *Caesare Francisco surexi exstructa secundo aere evangelico rite sacrata deo*. preklad: *Povstal som pre cisára Františka druhého, vybudovaný z kovu, zasvätený Bohu podľa evanjelického rítu* (Banská Štiavnica).

3.4. Pietna funkcia

Antroponymum plní pietnu funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré sa nachádzajú na náhrobných tabuliach a vzdávajú úctu zosnulým osobám.

Antroponymá plniace pietnu funkciu sú situované na Mestskom cintoríne v Kremnici. Identifikujú zosnulých a vyjadrujú im úctu v mieste ich posledného odpočinku *Jozef Ujhely. Nar. 6. Jan. 1866. Zom. 1. Jan 1936. Hermína. Jozef a manž. Magdaléna* a signalizujú vzťah zosnulého k Bohu *Tu odpočíva v Kristu Bohu. Odpočinutie večné daj im pane*. Pietny text je v slovenčine, preto aj antroponymá a teonymum majú slovenskú pravopisnú podobu. Pietny text v latinčine *HIC EEQUIESCIT. FAMILIA IMRIS*. Preklad: *Tu odpočíva rodina Imris. – Matunák Mich. Vad.-Par. Archivarius. Cremniciensis. ∗1866 † 1932. Requiem aeternam doma ei Domina!* Preklad: *Matunák Mich. Dekan. Archivár. Kremničan. ∗1866 † 1932. Odpočinutie večné, daj mu Pane.* Pietny text v latinčine obsahuje antroponymá a teonymum v latinskej pravopisnej podobe. Pietny text v nemčine: *Hier ruth Anna Atkary. Geb. Rokser.*

∗1877 † 1932. Ruhe in Frieden. Alois Atkary. ∗1872 † 1941. Preklad: *Tu odpočíva Anna Atkaryová, rodená Rokserová. ∗1877 † 1932. Odpočívaj v pokoji. Alois Atkary. ∗1872 † 1941.* Pietny text v nemčine obsahuje antroponymá v nemeckej pravopisnej podobe (Kremnica).

4. Funkcie toponým

Toponymum je vlastné meno neživého prírodného objektu na Zemi a toho človekom vytvoreného objektu na Zemi, ktorý je v krajine pevne fixovaný (Bezlaj, F. a kol. (red.), 1983, s. 100). Z toponým sa v rámci viditeľného jazyka sú to urbanonymá, ojkonymá a názvy štôlní.

4.1. Orientačná funkcia

Primárna orientácia v meste sa zabezpečuje prostredníctvom urbanoným, ktoré pomenúvajú body mestského priestoru. V skúmanom segmente sú to hlavne urbanonymá námestí, ulíc a menších častí mesta, ktoré sú súčasťou uličných a iných orientačných tabúľ, napr. *Angyalova ul., Kollárova ul., Matunákova ul., Štefánikovo nám., Ul. Júliusa Horvátha, Bočná ul., Dolná ul., Hlavná ul., Horná ul., Kamenná ul., Koncová ul.* a pod. *(Kremnica).*

Sekundárna motivácia sa dosahuje prostredníctvom ďalších oným priamo v lokalite ulice alebo námestia, napr. názvov domov, ktoré zaraďujeme medzi ojkonymá: *Benického dom* (Banská Bystrica, v roku 1656 dom kúpil podžupan Zvolenskej stolice Tomáš Benický), *Kammerhof* (Banská Štiavnica, sídlo banskej komory a hlavného komorsko-grófskeho úradu).

4.2. Pamiatková funkcia

Ojkonymum plní pamiatkovú funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré predstavujú pamiatkové informácie, hlavne pamiatkové údaje o meste. Pamiatkové informácie o udalosti (mesta) obsahuje pomenovanie mesta, v ktorom sa udalosť odohrala, charakteristiku udalosti, napr. *Banskú Bystricu, ako všetky stredoveké mestá, niekoľkokrát postihli požiare.*

Pamiatkovú funkciu plnia aj názvy štôlní, napr. v Banskej Štiavnici je *štôlňa Glanzenberg*. Pamiatkové informácie o objekte obsahuje pomenovanie objektu *Glanzenberg štôlňa* a jeho charakteristiku vrátane časového dotovania: *Prvá písomná zmienka je z roku 1560. Je však staršia. Odvodňovala najstaršie bane založené na žile Špitáler* (Banská Štiavnica).

4.3. Pietna funkcia

Ojkonymum plní pietnu funkciu, keď je súčasťou textov, ktoré sa nachádzajú na náhrobných tabuliach, vzdávajú úctu zosnulým osobám a pomáhajú zosnulú osobu identifikovať podľa miesta bydliska.

V pietnom texte *Uzoni. Kuti István. Rendörfökapitány. ∗ 1867 – † 1912. Kutijová Lucia ∗ 1875 – † 1961*. Preklad: *Štefan Kuti z Uzonu. Policajný veliteľ. 1867 – 1912. Lucia Kutijová. 1875 – 1961* ojkonymum *Uzoni* je pravdepodobne súčasťou vyjadrenie titulu zemana – *Štefan Kuti z Uzonu*. Uzon je mesto v Sedmohradsku, dnes v Rumunsku (Kremnica).

5. Funkcie chrématoným

V rámci chrématoným ako vlastných mien ľudských výtvorov sa v onymickej krajine skúmaných miest nachádzajú inštitucionymá ako vlastné mená verejnoprávnych inštitúcií a firmonymá ako vlastné mená podnikateľských subjektov.

5.1. Orientačná funkcia

Sekundárnu orientáciu v skúmaných mestách zabezpečujú aj inštitucionymá ako vlastné mená verejnoprávnych organizácií, napr. *Mestský úrad v Banskej Bystrici, Úrad banskobystrického samosprávneho kraja, Hlavný banský úrad v Banskej Štiavnici, Slovenský banský archív v Banskej Štiavnici, Základná škola Pavla Križku v Kremnici* a pod.

Sekundárnu orientáciu zabezpečujú aj firmonymá ako vlastné mená podnikateľských subjektov v oblasti gastronómie, textilu, elektroniky, napr. *Bernardov dvor, Bašta restaurant, Koliba U sv. Krištofa* (Banská Bystrica), *Textilstar, Sníček, Station, Lulu Style* (predajne textilu) (Banská Štiavnica); *ELEKTRO FRIEBERT, ZHnet* (predajne elektroniky) (Kremnica).

5.2. Reklamná funkcia

Reklamnú funkciu plnia firmonymá, keď sú súčasťou reklamných textov, ktoré predstavujú firmu a jej produkty mimo sídla firmy. Reklama pomenúva firmu, predstavuje jej ponúkané služby a zverejňuje kontakt na firmu**,** napr.*: Aston Real. Realitná kancelária. Predáme aj Vašu nehnuteľnosť. Volajte 0905 222 055* (Banská Bystrica), *Nezábudka. Dušan Reiter. Kamenosochárske a betonárske práce na cintorinoch. 0903 508 274* (Kremnica).

5.3. Komerčná funkcia

Komerčnú funkciu napĺňajú firmonymá, keď sú súčasťou textov, ktoré predstavujú firmu a jej produkty v priestore predajne (firmy) spolu s vizuálne prístupným jazykom z ulice.

Firmonymum, ktoré plní komerčnú funkciu, môže byť preložené do viacerých jazykov, aby prilákalo väčší počet návštevníkov. *Banka lásky* je názov firmy, ktorá predstavuje zážitkovú expozíciou o básni Marína, v dome Pichlovcov v Banskej Štiavnici. Na priečelí doma je pomenovanie firmy preložené do 20 jazykov sveta, napr. *사랑의 은행* (kórejsky*), Aşk*

bankasi (turecky), *Ang bangko ng pag-ibig* (filipínsky), *Rakkauden pankki* (fínsky), *בנק של אהבה* (hebrejsky), *Banco del amor* (španielsky), *Банк любви* (rusky), *Love bank* (anglicky), *Bank der Liebe* (nemecky), بنك الحب (arabsky), *愛の銀行* (japonsky), *Szerelembank* (maďarsky), *Τράπεζα της αγάπης* (grécky), *Banka ljubavi* (chorvátsky), प्यार दा बैंक (jazyk dódrí),

Záver

Onymická krajina stredoslovenských banských miest predstavuje systém viditeľných oným, ktorý je determinovaný funkciami uplatňovanými v komunikácii onymickej krajiny.

LITERATÚRA

Bezlaj, F. a kol. (red.). (1983). *Osnoven sistem i terminologija na slovenskata onomastika*. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite.

Odaloš, P. (2021). Jazyková krajina Banskej Bystrice. (Kontinuita textov a križovatka etník.) [Language landscape of Banská Bystrica. (Continuity of texts and intersection of ethnicities.)]. Slavia Meridionalis, 21, Article 2425. https://doi.org/10.11649/sm.2425.

PAMĚŤ 2. SVĚTOVÉ VÁLKY V SOUČASNÉ URBANONYMII ČESKÉ REPUBLIKY

ŽANETA DVOŘÁKOVÁ (ČESKÁ REPUBLIKA)
Oddělení onomastiky Ústav pro jazyk český AV ČR
ORCID: 0000-0002-3947-2019
z.dvorakova@ujc.cas.cz

1. Úvod

V tomto příspěvku jsme se zaměřili na urbanonyma v České republice, v nichž je připomínána 2. světová válka. Činíme tak záměrně nyní, na 80. výročí jejího konce. Materiálově jsme vyšli z oficiálního on-line číselníku ulic RÚIAN, který spravuje Český úřad zeměměřický a katastrální. Ke dni 2. 1. 2023 obsahoval celkem 85 360 názvů ulic.[1] Všechna tato urbanonyma jsme prošli a manuálně je roztřídili podle jejich motivace. Vykrystalizovalo nám přitom několik sémanticko-motivačních okruhů, které zde detailně představíme a které doložíme příklady, které tyto typy nejlépe ilustrují.

K uličním názvům jsme přitom nepřistupovali izolovaně, ale s ohledem na jejich umístění v rámci měst, neboť v mnoha případech nestojí takto motivovaná honorifikační urbanonyma samostatně, ale vytvářejí větší celky (tzv. urbanonymické systémy). Zajímal nás současný stav, který jsme však přirozeně zkoumali s vědomím vývoje a proměn, jimiž si český onymický prostor vlivem turbulentních politických změn v poválečné historii prošel.

2. Historický kontext

Krátce po osvobození v roce 1945 byla v dobové euforii z konce války pojmenována řada prostranství na paměť válečných událostí a na počest různých zahraničních politiků, vojenských velitelů atd., včetně některých dosud žijících. V únoru 1948 se pak v Československu chopili moci komunisté, kteří i v uličním názvosloví začali prosazovat svůj (respektive sovětský) narativ a svou verzi historie. Ve jménech ulic byla adorována pouze Rudá armáda, její vítězství, její vojáci a velitelé a také komunistický odboj. Jakékoli zmínky o nekomunistickém odboji a vojácích bojujících na západní frontě z urbanonymie zmizely. Po tzv. Sametové revoluci (1989) byla naopak odstraněna celá řada uličních názvů vztahujících se k bývalému komunistickému režimu. Mnoho z nich však v české urbanonymii stále přetrvává. Po pádu komunismu bylo také možné rehabilitovat příslušníky nekomunistického domácího i zahraničního odboje, vojáky, zvl. pak československé letce RAF. I oni proto v posledních letech získávají své místo v české urbanonymii.

[1] Dostupný je on-line na webu: https://www.cuzk.cz/ruian/Poskytovani-udaju-ISUI-RUIAN-VDP/Ciselniky-ISUI/Nizsi-uzemni-prvky-a-uzemne-evidencni-jednotky.aspx#UI_ULICE

3. Motivace urbanonym

Sledovaná urbanonyma můžeme rozčlenit do několika sémanticko-motivačních okruhů. Spojuje je přitom nejen motivace, ale i funkce, jedná se o urbanonyma honorifikační a komemorativní. S tím pak souvisí i jejich ideologická zatíženost, neboť sloužila a slouží jako nástroj legitimizace a prezentace té verze historie, kterou prosazuje právě panující režim (srov. např. David, 2022, s. 226; Ptáčníková, 2021, s. 91).

3.1 Abstraktní pojmy a data

V uličním názvosloví nacházíme různá abstrakta (např. ulice *Vítězná*, *Vítězství*, *Svobody*, *Míru*, *Osvobození* atd.) a klíčová historická data (např. *5. května*, což je datum vypuknutí Pražského povstání v roce 1945, *8. května*, tj. datum konce 2. světové války v Evropě, *9. května*, což je den, kdy byla osvobozena Praha).

3.2 Odboj

Proti nacistické okupaci se zformoval domácí i zahraniční odboj. Ten je obecně připomínán v honorifikačních názvech ulic *2. odboje*, *Českého odboje*, *Čs. odbojářů*, *Protifašistických bojovníků* apod. Partyzánům pak byly věnovány např. ulice *Čsl. partyzánů* a *Partyzánská*. V různých městech ČR též nacházíme jména ulic na počest Slovenského národního povstání v roce 1944 (*Slovenského národního povstání*, *SNP*). Povstání v Protektorátu připomínají urbanonyma jako *Pražského povstání*, *Květnového povstání*, *Květnových bojů*, *most Barikádníků* a také *náměstí Hrdinů*. Mnohem častěji je však možné se v uličním názvosloví setkat se jmény konkrétních odbojářů. V Praze – Vysočanech vznikl před několika lety urbanonymický systém motivovaný jmény jednotlivců i rodin, kteří svou pomoc odboji většinou zaplatili svým životem (např. *Strnadových*, *Smržových*, *Kalberové*, *Moravcových* aj.).

3.3 Nacistické válečné zločiny

Odvetou za atentát na říšského protektora Reinharda Heydricha (27. 5. 1942) bylo vyhlazení dvou českých obcí, Lidic (10. 6. 1942) a Ležáků (24. 6. 1942). Jejich jména se pak stala motivací pro vznik četných urbanonym *Lidická* či *Ležáků*. V obnovených Lidicích nacházíme celý urbanonymický systém odkazující na další podobné masakry v okupované Evropě (*Osady Ležáků*, *Oradourská*, *Distodomská*, *Tokajická*). Všem válečným obětem jsou věnovány ulice

Obětí nacismu, *Obětí okupace*, *Válečných obětí* aj. V české urbanonymii jsou připomínána i místa dvou koncentračních táborů (*Buchewaldská* a *Osvětimská*).

3.4 Významné bitvy

Na mapě ČR leží řada urbanonym motivovaných zahraničními toponymy označujícími místa, kde probíhaly během 2. světové války těžké boje. Do některých z nich se zapojili i českoslovenští vojáci. Jedná se např. o ulice *Buzulucká*, *Jaselská* a především *Dukelská*, *Dukelských hrdinů* a *Sokolovská*. V Praze – Vršovicích začal krátce po válce vznikat celý urbanonymický systém, který je dnes patrně nejrozsáhlejší v Praze a který byl věnován připomínce významných bojišť Rudé armády.

3.5 Armáda a vojáci

V uličním názvosloví měst v ČR se objevují ulice věnované armádě jako celku (např. *Československé armády*) i jejím složkám (*Československých tankistů*), popř. i jednotlivým (historickým) jednotkám (*1. československého armádního sboru*). Bezprostředně po válce se z vděčnosti za osvobození začala objevovat urbanonyma *Rudé armády*, *Krasnoarmejců*, *Sovětských tankistů* apod. Bojovníkům, kteří zahynuli, jsou věnovány ulice *Padlých hrdinů* a *Válečných hrdinů*.

Vedle sovětských a českých armádních velitelů jsou v uličním názvosloví připomínáni i někteří vojáci. Za minulého režimu zvl. Otakar Jaroš (*Kapitána Jaroše*), který byl jako první cizinec ve 2. světové válce vyznamenán titulem hrdiny Sovětského svazu, a Ján Nálepka (*Kpt. Nálepky*). Své místo v urbanonymii mají přirozeně i sovětští vojáci, kteří padli při osvobozování našeho území. V roce 1952 bylo v nové zástavbě v Ostravě – Zábřehu pojmenováno 26 ulic po padlých obráncích Stalingradu (např. *Čujkovova*, *Gerasimova*, *Rodimcevova* aj.). Tento urbanonymický systém zůstal zachován dodnes. V Praze byl po revoluci vytvořen urbanonymický systém tvořený 27 jmény československých letců RAF (např. *Ocelkova*, *Irvingova*, *náměstí Plukovníka Vlčka*).

4. Závěr

Spolu s M. Ptáčníkovou (2021, s. 91–120) můžeme říci, že tyto uliční názvy spoluvytvářejí obraz českého města jako města trpícího, bojujícího, vděčného svým osvoboditelům, loajálního, oslavujícího mír atd., a jsou nedílnou součástí naší onymické krajiny. Odráží se v nich přitom velmi výrazně dobový ideologický postoj (srov. např. systém podle padlých sovětských vojáků v 50. letech v Ostravě a podle československých pilotů v RAF v 90. letech

v Praze), jsou součástí toponymického newspeaku a vytváření tzv. státní krajiny (David, 2011, s. 42).

LITERATURA

David J. (2011). *Smrdov, Brežněves a Rychlonožkova ulice. Kapitoly z moderní české toponymie* [Smrdov, Brežněves and Rychlonožka Street. Chapters from modern Czech toponymy]. Praha: Academia.

David, J. (2022). *Stalingrad* a *Hitlerine* – vlastní jména v soukolí dějin [Stalingrad and Hitlerine – proper names in the wheel of history]. In: J. David – T. Klemensová – M. Místecký a kol. (eds.), *Od etymologie ke krajině: onomastika pro 21. století* [From etymology to landscape – Onomastics for the 21st century] (s. 219–235). Brno: Host.

Ptáčníková M. (2021). *Mezi Stalinovou třídou a Husákovým tichem. Kapitoly z pražské toponymie* [Between Stalin's Street and Husák's Silence. Chapters from Prague toponymy]. Praha: Academia.

CHARAKTERYSTYKA TERMINOLOGICZNO-KONCEPCYJNA „KRAJOBRAZU ONIMICZNEGO” JAKO BUDULCA „KRAJOBRAZU JĘZYKOWEGO”

ARTUR GALKOWSKI (POLSKA)

Cele badania

Referat przedstawia propozycję nowego podejścia terminologiczno-koncepcyjnego w badaniach onomastycznych, koncentrującego się na pojęciu „krajobrazu onimicznego” (KO), rozumianego jako konstytutywny komponent krajobrazu językowego (KJ), w literaturze międzynarodowej określanego również jako Linguistic Landscape (LL). KO, ujmowany jako graficzna, przestrzenna i społecznie czytelna ekspozycja nazw własnych, pełni nie tylko funkcję identyfikacyjną, lecz także symboliczną, estetyczną i narracyjną. Artykuł ukazuje KO jako kategorię interdyscyplinarną, której znaczenie wykracza poza granice klasycznej onomastyki, sięgając m.in. refleksji lingwistycznej, kulturoznawczej, urbanistycznej oraz medioznawczej. Celem opracowania jest także wykazanie, że KO może być nie tylko elementem, ale i budulcem KJ, co implikuje konieczność jego wyróżnienia, opisania i systematyzacji.

Metodologia

Autor wykorzystuje autorską metodologię badań terminologiczno-onomastycznych, opartą na analizie materiału empirycznego pozyskiwanego za pomocą tzw. ekscerpcji ikonicznej – systematycznego dokumentowania wizualnych wystąpień nazw własnych w przestrzeni publicznej. Narzędziem wspierającym to podejście są techniki eksploracyjne właściwe dla praktycznych badań LL (*Practical Linguistic Landscaping*), które łączą obserwację terenową z dokumentacją fotograficzną. Badanie odwołuje się również do założeń geosemiotyki i semiotyki krajobrazu (*Semiotic Landscape*), akcentujących relację pomiędzy znakiem językowym a jego przestrzennym i społecznym osadzeniem. W artykule KO analizowany jest nie tylko jako zjawisko onomastyczne, lecz także jako dynamiczny komunikat intersemiotyczny – obecny zarówno w przestrzeni fizycznej, jak i cyfrowej.

Pojęcia i relacje: KO a KJ

KO rozumiany jest jako pojęcie podrzędne wobec KJ, lecz w wielu ujęciach staje się jego głównym komponentem. W odróżnieniu od ogólnego krajobrazu językowego, który obejmuje różne formy

publicznej obecności języka, KO koncentruje się na nazwach własnych (propriach) jako elementach mających szczególne znaczenie kulturowe, symboliczne i tożsamościowe. Nazwy te są nie tylko nośnikami informacji, lecz również aktywnie uczestniczą w budowaniu przestrzeni mentalnej i fizycznej. Relacja KO–KJ ma więc charakter hierarchiczny i funkcjonalny, a nie wyłącznie współistniejący. KO bywa często „językiem" KJ, jego najbardziej czytelnym i znaczącym elementem. Pojęcia te krzyżują się również na gruncie badań semiotycznych i socjolingwistycznych.

Typologia i klasyfikacja KO

Jednym z kluczowych elementów opracowania jest szczegółowa klasyfikacja obiektów nazewniczych w ramach KO, w oparciu o ilustracje zebrane w polskiej przestrzeni językowej. Autor wyróżnia szereg kategorii KO, obejmujących m.in. wizualną (graficzną) i kontekstową ekspozycję nazw, takich jak: choronimy (nazwy państw), toponimy (np. nazwy miejscowości, rzek, gór), urbanonimy (np. nazwy ulic, dzielnic), chrematonimy (np. nazwy instytucji, budynków, lokali), a także ideonimy (np. nazwy wydarzeń, inicjatyw, kampanii) i zoonimy (nazwy zwierząt). Klasyfikacja ta ma charakter intersemiotyczny – uwzględnia nie tylko tekst, ale także jego nośnik, formę wizualną, funkcję pragmatyczną oraz umiejscowienie w przestrzeni. Uwagę zwraca także wyróżnienie KO nieoficjalnego (np. graffiti, napisy muralowe, neologizmy i kontaminacje nazw), które pełnią funkcję alternatywnego dyskursu przestrzeni.

Onimia jako system kulturowy

W ujęciu autora KO wpisuje się w szeroko rozumianą grafosferę – przestrzeń, w której przenikają się komunikaty językowe, wizualne, symboliczne i funkcjonalne. Nazwy własne stają się w niej narzędziami nie tylko porządkowania przestrzeni, ale także konstruowania tożsamości, reprezentowania pamięci zbiorowej, manifestowania przynależności społecznej czy realizowania strategii marketingowych. KO umożliwia uchwycenie relacji między przestrzenią fizyczną a mentalną, między językiem codzienności a językiem uzualno-społecznym. Onimia w kontekście KO staje się nośnikiem zróżnicowanych rejestrów i kodów społecznych – od oficjalnych nazw miejscowości, ulic, instytucji, przez nazwy handlowe, po slogany, kontaminacje i okazjonalizmy obecne na ulicznych murach, tablicach, przedmiotach. Jest to jednocześnie przestrzeń inkluzywna i ekskluzywna, reprodukująca i podważająca istniejące porządki symboliczne.

Wnioski

Zaproponowane przez autora ujęcie KO jako odrębnego, systematyzowanego komponentu krajobrazu językowego otwiera nowe perspektywy dla badań onomastycznych i interdyscyplinarnych w polskiej oraz szerzej – słowiańskiej refleksji nad przestrzenią językową. Studia z zakresu urbanonimii, chrematonimii czy toponimii, prowadzone w Polsce (np. Bieńkowska, Umińska-Tytoń 2019; Myszka 2016) i w innych krajach Europy Środkowej (np. Bauko 2019, Jesenská, Krško 2023), dowodzą, że KO może być użytecznym narzędziem systematyzacji faktów nazewniczych w badaniach nad przestrzenią symboliczną, wielojęzycznością i lokalną tożsamością. KO, rozumiany zarówno jako element fizyczny, jak i koncept mentalny, pozwala uchwycić złożoność zjawisk językowych i kulturowych w przestrzeni. Jego obecność w środowiskach fizycznych i wirtualnych (VLL) czyni go użytecznym narzędziem analizy nie tylko dla językoznawstwa, ale także dla socjologii, antropologii kultury, studiów miejskich, semiotyki czy marketingu. Zróżnicowanie typów KO i ich dynamiczne przemieszczanie się pomiędzy sferą oficjalną i nieoficjalną ukazuje potrzebę dalszej eksploracji i refleksji nad językowym wymiarem przestrzeni we współczesnym świecie.

WYBRANA BIBLIOGRAFIA

Barni, M., Bagna, C. (2010). Linguistic Landscape and Language Vitality. Clevedon: Multilingual Matters.

Bauko, J. (2019). Propriálno-semiotický obraz bilingválnych obcí Slovenska. W: A. Chomová i in. (red.), Konvergencie a divergencie v propriálnej sfére. Bratislava: Veda.

Bieńkowska, D., Umińska-Tytoń, E. (2019). Miasto w polskich badaniach lingwistycznych. Łódź: Wydawnictwo UŁ.

Gorter, D., Cenoz, J. (2024). A panorama of linguistic landscape studies. Bristol: Multilingual Matters.

Gałkowski, A. (2022). Markonimy jako operatory taksonomiczne w terminologii (chremat)onomastycznej, Onomastica, LXVI.

Ivković, D., Lotherington, H. (2009). Multilingualism in cyberspace. IJM, 6(1), 17–36.

Groblińska, J. (2020). Nieoficjalne nazewnictwo miejskie Łodzi. Słownik. Łódź: Wydawnictwo UŁ.

Jesenská, P., Krško, J. (2023). Reflection of Social and Political Changes in the Linguistic Landscape. W: U. Bijak i in., Onomastics in Interaction With Other Branches of Science, Vol. I. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.

Landry, R., Bourhis, R.Y. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality. Journal of Language and Social Psychology, 16(1).

Myszka, A. (2016). Urbanonimia Rzeszowa: językowo-kulturowy obraz miasta. Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski.

Sandst, L., Syrjälä, V. (2020). Proper names in the Linguistic Landscape. W: Löfdahl, M. i in. (red.), Namn i skrift.

Zarębski, R. (2022). Pejzaż onimiczny a kontakty językowe polsko-francuskie. Prace Językoznawcze, XXIV(2).

ФРАГМЕНТ ОЙКОНІМНОГО ЛАНДШАФТУ ПРАВОБЕРЕЖНОГО ПОЛІССЯ І СУМІЖНИХТЕРИТОРІЙ У XIV СТ.: АРЕАЛ І СЕМАНТИКА ТВІРНИХ ОСНОВ АРХАЇЧНИХ ТИПІВ ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ

Зоряна Купчинська (Україна)
Львівський національний університет імені Івана Франка
kupchynska@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0000-0345

Для цієї розвідки обрано лише фрагмент ойконімного ландшафту Правобережне Полісся і суміжних територій у XIV ст. Чому саме ця територія?

Полісся – це особлива історико-етнографічна територія, яку вперше згадано в Іпатіївському літописі (Полѣсє, 1274 р. Мьстиславъ «жебѧшеть не притѧглъ. но шелъ ѠѠ Копылѧ воюѧ по Полѣсью» (ЕСЛГНПР, 107)). Це регіон, який привертає увагуі своєю матеріальною, і духовною культурою, і мовою та етнокультурним наповненням. Чимало істориків трактують Полісся якпрабатьківщину слов'ян. Тому в його матеріальній і духовній культурі сфокусовано те, що було і є спільним для загальнослов'янського ареалу.

Об'єктом дослідження є загальнослов'янські типи географічних назв на *-ьn, *-ьskъ, *-any/*-jany, *-itji, *-j(ь), *-ovъ/*-evъ,*-inъ. Предметом вивчення є лексико-семантичні та ареальні особливості досліджуваних ойконімів Правобережного Полісся. Джерельною базою цієї розвідки є пам'ятки XIV ст. та довідкова література.

Ойконіми на *-ьn, *-ьskъ, *-any/*-jany, *-itji, *-j(ь), *-ovъ/*-evъ,*-inъ є одні з найархаїчніших і найпродуктивніших на території слов'ян, вони є загально-слов'янськими типами власних назв, їх активно вивчали у слов'янській топономастиці, зокрема українській.

Ойконімний ландшафт формується під впливом природного середовища та суспільно-історичних умов, антропогенних процесів, сприяють його функціонуванню відповідні тенденції і принципи номінації локусів на досліджуваному хронологічному зрізі, важливим аспектом у цьому процесі є апелятивний та антропонімний фактаж, засвідчений в ойконімії тощо.

Архаїчна ойконімія Правобережного Полісся в XIV ст. представлена сімома типами назв: *-ьskъ, *-ьn, *-any/*-jany, *-itji, *-j(ь),*-ovъ/*-evъ,*-inъ, які сформували умовні три групи: 1) оніми, що співвідносяться з відносними прикметниками; 2) географічні назви-плюративи, що утворилися від назв груп людей за якоюсь ознакою; 3) ойконіми, що генетично пов'язані з присвійними прикметниками. Ці ойконіми є архаїчними типами, що представлені на всій загальнослов'янській території.

Зв’язок прикметника з географічною назвою дуже тісний і давній, має генетичні корені, які сягають періоду, коли всі іменні частини мови були об’єднані в одну граматичну групу імен. Номінація географічного об’єкта переважно відбувалася за атрибутом, це було основою назвотворення. Ознака предмета виражалася прикметниками, які давали додаткову характеристику об’єктові, що зумовлювало його ідентифікацію. Цьому сприяли різні критерії-ознаки: якісні, відносні, присвійні. Відносніприкметники з архаїчними суфіксами *-ьn-, *-ьsk- були продуктивні в далекому минулому. На обширі Правобережного Полісся і суміжних територій у XIV ст. зафіксовано 17 назв на *-ьskъ і 12 – на *-ьn. Це ті назви, які належать до найдавніше засвідчених ойконімів. Велика частина з них утворилася від топонімів (переважно гідронімів): ***Дорогъвьск(ый)***, ***Корьчьскъ***, ***Мическъ***, ***Турійськ***, ***Ушьскъ***, ***Чорторийськ Старий***, ***Шумське***, ***Орєльськъ***.

Серед відапелятивних особливо виокремлюємо ті, твірні основи яких пов’язані з природним середовищем: ***Гульськ***, ***Дубно***, ***Жадьнъ***, ***Зарицьк*** (Зарѣчьскъ), ***Коростень***, ***Красне***, ***Курне***, ***Луцьк***, ***Мильськ*** (Мыльскъ), ***Облазьна***, ,***Полонне***, ***Рівне***,***Теремне***, ***Топільне***, ***Чемерне***, ***Городско***, ***Колодяжне***, ***Търчьскыи***.

Серед онімів pluralia tantum України найяскравіше представлені географічні назви на *-any/*-jany, *-itji, що утворювалися семантичним способом від аналогічних апелятивів, які вказували на групу людей за різними ознаками. Поява цих назв припадає на ранній період розвитку суспільства.

Традиційно первинне значення ойконімії на *-any/*-jany визначаємо як таке, що вказує на ознаку території за різними параметрами: ***Житани,Озеряни.***

Назви на *-itji зазвичай в наукові літературі кваліфікують як патронімний тип географічних назв. Серед назв, засвідчених на території Правобережного Полісся у XIV ст. переважають саме такі: ***Будятичі***, ***Сердятичи***, ***Сокиричі***, ***Тишковичі***, ***Фалемичі***, ***Chrestovicz(e)***, ***Яловичі***, ***Jarowicze***, ***Ярославичі***.

Серед твірних основ були давні слов’янські відкомпозити (Будята, Ярослав), відапелятиви (Сердята, Сокира), християнські канонічні імена (Тишко, Яла). Засвідчено один ойконім, в основі якого – апелятив: ***Березовичі*** < ап. березовичі –група людей, ознакою яких є березовий гай, ліс тощо < береза.

На Правобережному Поліссі і суміжних територіях у XIV ст. представлені посесивні ойконіми (назви на *-j(ь), *-inъ, *-ovъ/*-evъ), які тісно пов’язані з присвійними прикметниками, історія яких сягає індоєвропейської доби.

Найбільше репрезентовані ойконіми на *-j(ь). Суфікс *-j(ь) присвійного прикметника походить від індоєвропейського *-jo-//*-ĭjo-, який означував прикметники, що вказували на належність не колективу, а окремій особі.На Правобережному Поліссі у XIV ст. ми виявили значний масив географічних назв на *-j(ь) (37 одиниць): ***Баремель***, ***Біловіж***, ***Будераж***, ***Буща***, ***Володимир***,***Вьсеволожъ***, ***Гоща***, ***Дорогобуж***, ***Житомир***, ***Ізяславль***, ***Любомль***, ***Перемиль***, ***Радогощ***, ***Степань***, ***Стрибіж***, ***Стрільче***, ***Судомиръ***, ***Судче***, ***Сураж***, ***Ярополчь*** та ін.

Присвійні прикметники із суфіксами -inъ, -ovъ виникли дещо пізніше, і це явище також відобразилося на посесивній ойконімії всіх слов'янських земель. Географічні назви на *-inъ, *-ovъ/-evъ масово появилися уже після часткового занепаду посесивів на *-jь. Ареал посесивної ойконімії на *-inъ, *-ovъ/-evъ Правобережного Полісся засвідчує кількісне переважання географічних назв на *-jь, а на інших хронологічних зрізахнасиченння арелу ойконімами на *-inъ, *-ovъ/-evъ.

У XIVст. назв на *-ovъ/-evъ засвідчено 13 одиниць, а назв на *-inъ – 12: ***Вакѣєвъ***, ***Выгошевъ***, ***Гошів***, ***Дяків***, ***Єоуфимково***,***Жолобів***,***Луків***,***Стрижовъ***, ***Цуцнів***, ***Жидичин***, ***Кобылинъ***, ***Микулин***, ***Торчин***,***Хлопотин***,***Ягнятин*** та ін.

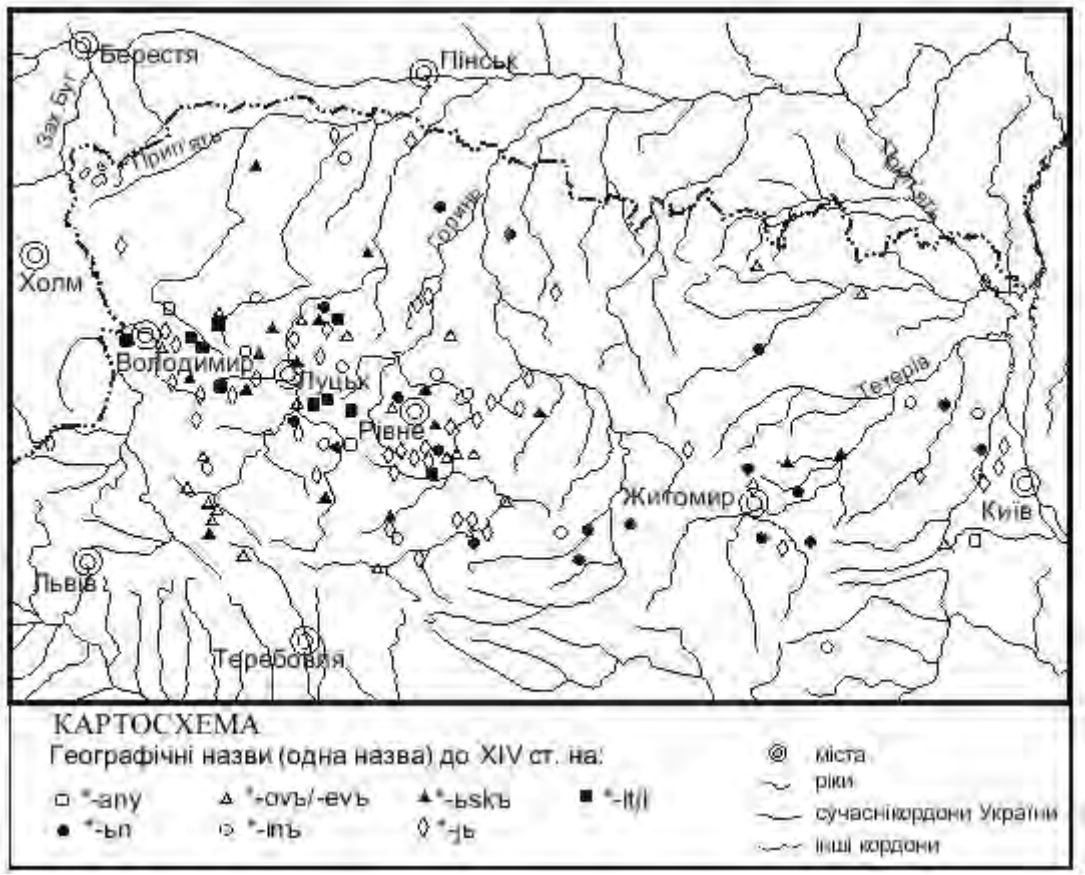
Твірними основами ойконімів на *-j(ь), *-inъ, *-ovъ/-evъ є особові назви різного походження: композити (Володимир, Житомир), відкомпозитні утворення (Любче, Хотин), від канонічних імен (Єоуфимково, Степань), відапелятивні (Дяків, Кобилин).

Візуалізацію ареалу архаїчної ойконімії Правобережного Полісся і суміжних територій представлено на Картосхемі. Примітно, що переважна більшість найдавніших географічних назв XIV ст. оформилася в ареал, ключовими центрами яких були: Київ – Житомир – Острог – Луцьк – Володимир. Координати поширення для кожного ztипів архаїчних ойконімів у період XIV ст. є своєрідними, однак ця частина ландшафту Правобережного Полісся, яка витягнулася в межах зазначених центрів, загально сприймається якнайбільш архаїчна щодо репрезентації давніх географічних назв.

Отже, опис фрагмента ландшафту Правобережного Полісся і суміжних територій засвідчив, що архаїчні ойконіми цієї території представлені трьома групами назв: 1) оніми, що співвідносяться з відносними прикметниками; 2) географічні назви-плюративи, що утворилися від назв груп людей за якоюсь ознакою; 3) ойконіми, що генетично пов'язані з присвійними прикметниками. Аналіз твірних основ ойконімів, типи географічних назв (*-ьn, *-ьskъ, *-any/*-jany, *-itji, *-j(ь), *-ovъ/*-evъ,*-inъ) засвідчуютьте, що Правобережне Полісся є територією, яка заселена слов'янами від найдавніших часів. Антропонімікон, виокремлений з посесивних географічних назв *-j(ь),*-ovъ/*-evъ, *-inъ, підтверджує, що

ця історична територія етнічно слов'янська, зокрема українська, бо репертуар власних назв людей відповідає загалом антропонімікону України, у них представлено давньослов'янські композитні та відкомпозитні антропоніми, власні назви людей відапелятивного походження, засвідчено християнські імена, які за допомогою суфіксації адаптувалися до слов'янського іменника́.

Обшир архаїчної ойконімії Правобережного Полісся є частиною загальнослов'янського ареалу. Кожен із архаїчних типів ойконімів на території Правобережного Полісся у XIV ст. мав свою конфігурацію (див. Картосхема), але візуалізація ареалу вказує нате, що скупчення ойконімів зосередженів основному довкола давніх слов'янських (українських) центрів: Київ, Радомишль, Житомир, Острог, Ізяслав, Кременець, Дубно, Луцьк, Володимир-Волинський, Любомль.



ЛІТЕРАТУРА

Купчинська, З.О. (2016). *Стратиграфія архаїчної ойконімії України* [Stratigraphy of archaic oikonymy of Ukraine].Львів: НТШ.

BLOC 1.10
DIALECTES FRONTALIERS DE LA «SLAVIA», PROBLÈMES CONCEPTUELS, MÉTHODOLOGIQUES ET LINGUISTIQUES / BORDER DIALECTS IN THE «SLAVIA»: CONCEPTUAL, METHODOLOGICAL AND LINGUISTIC PROBLEMS

Organisateur : SALVATORE DEL GAUDIO

VÝCHODOSLOVANSKO-ZÁPADOSLOVANSKÉ POMEZÍ V KARPATECH: VLIV JAZYKOVÝCH A POLITICKÝCH HRANIC NA NÁŘEČNÍ SYSTÉMY

MICHAL VAŠÍČEK (ČESKÁ REPUBLIKA)

Příspěvek bude věnován charakteru a výsledkům mezislovanského jazykového kontaktu v Karpatech z perspektivy jihokarpatských rusínských nebo ukrajinských nářečí.[1] Nejprve charakterizujeme horizontální kontakt mezi slovenskými a jihokarpatskými dialekty slovensko-ukrajinského pohraničí. Poté se zaměříme na stále intenzivnější kontakt nářečí se spisovnými jazyky. Zvláštní pozornost bude věnována vlivu slovensko-ukrajinské státní hranice (resp. skutečnosti, že jihokarpatská nářečí jsou zastřešena různými spisovnými jazyky) na vývoj nářečních systémů.

Východoslovanské dialekty položené na jih od hlavního hřebene Karpat budeme označovat jako jihokarpatské. Do začátku 20. století se vyvíjely v rámci uherského státu, resp. rakousko-uherské monarchie. Na jejich vývoj měly značný vliv uherské administrativní hranice, tedy hranice historických komitátů neboli stolic, žup, a hranice feudálních panství, je na nich založena i nářeční klasifikace G. Gerovského a Z. Hanudeľové. Etnická a jazyková hranice mezi Slováky a Rusíny a Ukrajinci je přesně vyznačena v Lattově atlasu (Latta 1991). V době před vznikem Československa byla jihokarpatská nářečí ve velmi intenzivním kontaktu se slovenskými dialekty, které byly vnímány jako vyšší, prestižnější jazykový kód. Po vzniku Československa byl tento typ kontaktu z větší části nahrazen vertikálním kontaktem se standardní slovenštinou. Mezinářeční slovensko-rusínský kontakt je však na území Slovenska místy pozorovatelný dodnes. Z nářečí v blízkosti dnešní slovensko-ukrajinské státní hranice byla nejintenzivnějšímu kontaktu vystavena nářečí v okolí Užhorodu, jež popsal zejména Pavlo Čučka (např. Čučka 1957, 1958a, 1958b). Výsledkem tohoto kontaktu je např. redukce vokalického systému (defonologizace *ы*), změny slovesných tvarů, zejména pak pronikání prézentní koncovky *-m* k některým slovesným třídám, podobně jako v lemkovském (západorusínském) areálu. V lexiku zemplínských a užských slovenských a jihokarpatských nářečí jsou též četné paralely, které vznikly převážně přejímáním ze slovenského zdroje (srov. Vašíček 2014). Mnohé slovakismy na Zakarpatí sahají až k hranicím maramorošské župy, jak dokládá řada map atlasu Josypa Dzendzelivského (Dzendzelivskyj 1958–1993).

Dnešní hranice mezi Slovenskem a Ukrajinou vznikla po druhé světové válce jako nová hranice mezi Československem a SSSR, poté co SSSR připojil území československé

[1] Část mluvčích těchto nářečí se hlásí k rusínské, část k ukrajinské národní identitě. Lingvistický výzkum těchto nářečí tedy vnímáme jako součást jak rusínské, tak i ukrajinské národní filologie.

Podkarpatské Rusi k Ukrajinské sovětské socialistické republice. Ve své nejsevernější části kopíruje historickou hranici zemplínské a užské župy, jižněji pak rozděluje užskou župu, jejíž větší část spolu s městem Užhorod je dnes územím Ukrajiny. Tato hranice se neshoduje ani s etnickými hranicemi[2] a neodpovídá plně ani zemské hranici mezi Slovenskem a Podkarpatskou Rusí (viz podrobněji Švorc 2023). Osmdesátiletá existence této hranice velmi silně ovlivnila vývoj jihokarpatských nářečí, která se ocitla v zemích s dosti odlišnou jazykovou situací, především byla zastřešena jinými spisovnými jazyky. Na území Slovenska to byla spisovná slovenština, která se po kratším období ruského a ukrajinského školství stala také jediným vyučovacím jazykem v oblastech s rusínským/ukrajinským obyvatelstvem (srov. Čižmárová 2014). Na území Zakarpatské oblasti USSR to byla vedle spisovné ukrajinštiny také ruština. V obou státech nebyli Rusíni uznáni jako samostatná národnost, ale byli považováni za Ukrajince. Na území Československa se v důsledku toho značná část Rusínů přihlásila ke slovenské národnosti. Po rozpadu SSSR a Československa na začátku 90. let 20. století se projevily snahy etablovat rusínštinu jako spisovný jazyk, úspěšné však byly jen na Slovensku, kde došlo ke kodifikaci rusínského jazyka a jeho uznání na celostátní úrovni. Na Ukrajině nejsou Rusíni jako národnostní menšina uznáni dodnes.

Divergentní vývoj jihokarpatských nářečí na území Slovenska a Ukrajiny byl zachycen na příkladě dvou geograficky blízkých obcí na různých stranách státní hranice, jedná se o nářečí obcí Ubľa a Malyj Bereznyj (Vašíček 2015, 2016, 2017, 2020).

Nářečí obce Ubľa bylo zevrubně popsáno v minulosti (Broch 1895; Broch 1899; Moravec 1958; Leška 1973; Sirka et al. 1999)[3], Malyj Bereznyj je nejbližší obci na území Ukrajiny, zároveň se jedná o opěrný bod významných jazykových atlasů (*AUM*; *OKDA*). Během opakovaných terénních výzkumů v letech 2011–2019 byly metodou neřízených a polořízených rozhovorů získány nahrávky nářečních projevů, které byly transkribovány a na jejich základě byly sestaveny srovnatelné textové korpusy umožňující vyhledávání a kvantitativní porovnávání některých jazykových jevů.[4] Tyto korpusy se ukázaly jako užitečný nástroj při srovnávání morfologického systému a také některých částí slovní zásoby obou nářečí.

Náš výzkum zjistil, že tradiční fonetický a morfologický systém obou nářečí je dobře zachován, ačkoli i zde došlo k několika změnám pod vlivem spisovných jazyků, částečně i v důsledku mezinářečního kontaktu. Z čistě fonetických jevů můžeme zmínit v obou nářečích

[2] V severní části rozděluje jihokarpatská nářečí, v oblasti Užhorodu na území Ukrajiny přesahují slovenská sotácká nářečí, na jihu rozděluje maďarské jazykové kontinuum.
[3] Interpretace fonetické roviny nářečí se však u různých badatelů liší, srov. Nikolajev-Tolstaja 2017.
[4] Korpus nářečí Ubľi, čítající přes 62 tis. textových slov, vznikl z materiálů od 22 informantů, korpus nářečí Malého Berezného, obsahující téměř 48 tis. textových slov, byl sestaven na základě nahrávek 28 informantů.

v mluvě mladších generací méně pravidelný výskyt předních variant vokálů (*ê, ô, ä*) před měkkými konsonanty v obou nářečích. Z fonologických změn je to pak v Malém Berezném zánik fonému /ů/, jenž splynul s /u/ zřejmě již v dřívější době v důsledku vlivu sousedních užských nářečí. V současné době jsme v obci zaznamenali také splývání /y/ s /i/ v nepřízvučné pozici. V obou obcích se také odstraňují fonologické neutralizace v některých konsonantických skupinách, např. asimilace *dn* > *nn*. K vývoji morfologického systému došlo zejména v plurálových koncovkách maskulin a neuter, v obou nářečích téměř zanikla koncovka I. pl. *-oma*, koncovky L. pl. se podřídily stavu v dominantních jazycích – původní variantnost *-ox / -ax,* byla v Malém Berezném odstraněna ve prospěch koncovky *-ax*, v Ubľe se koncovka *-ox* ustálila u maskulin a plurálií tantum, *-ax* u neuter. V Malém Berezném se opět ve shodě se situací v ukrajinštině a ruštině v D. pl. všech substantiv ustálila koncovka *-am*.

Ke změnám docházelo i v koncovkách adjektiv, v Malém Berezném proniká dosti často do L. sg. m. stř. rodu dativní koncovka *-omu*. Pronikání spisovné ukrajinské koncovky *-e* do N. sg. stř. rodu je spíše sporadické.

Slovesná flexe je také pod jistým vlivem spisovného jazyka, zejména v Malém Berezném, kde do prézentních tvarů pronikají v jisté míře spisovné tvary, v nichž je intervokalické *-v-* v koncovkách 1. os. sg. a 3. os. pl. nahrazováno intervokalickým *-j-*. Pronikání koncovky *-mo* do 1. os. pl. se vyskytlo jen sporadicky. V Ubľe zanikl v novější vrstvě nářečí paralelismus *n'us / n'îs* v participiu préterita aktiva typu /ˈnese/, a to ve prospěch tvarů s *-î-*; jedná se o vliv sousedních sninských nářečí. V Malém Berezném se naproti tomu vyskytují pouze tvary *s -u-*.

K výrazným změnám vyvolaným vlivem spisovných jazyků došlo i v lexikální rovině obou nářečí. V Ubľe se vliv spisovné slovenštiny projevil zejména po druhé světové válce, kdy dochází k rozpadu tradičního způsobu života. Ve stejném období v Malém Berezném do nářečí proniklo velké množství slov ze spisovné ukrajinštiny a ruštiny. Mezi hlavní sémantické skupiny, z nichž byla přejímána slovenská, resp. spisovná ukrajinská a ruská slova, patří názvy států, jazyků, slova spojená se sférou školství a vzdělání, výrazy ze sféry administrativy, techniky, některá abstrakta, avšak i slova zcela obecného významu, mezi nimi dokonce i některá základní slovesa. Řada původních nářečních výrazů je tak vytlačována slovakismy, resp. ukrajinismy a rusismy bez vnitřní motivace.

Zvláště byly zkoumány podsystémy synsémantických slovních druhů. Ukázalo se, že zatímco v případě předložek a spojek je z větší části zachován původní nářeční systém, částice jsou v obou nářečích ve velké míře přejaté ze sociálně dominantních jazyků. V případě předložek a spojek nenalézáme sice v nářečích mnoho přejímek, můžeme však pozorovat změny jejich valence nebo proměny jejich funkcí pod vlivem spisovných jazyků.

Obdobný divergentní vývoj byl pozorován při terénním výzkumu v dalších obcích v blízkosti slovensko-ukrajinské hranice, např. v obci Nová Sedlica, jejíž dialekt byl původně velmi blízký nářečí vsi Stužycja na území Ukrajiny a rovněž byl popsán v minulosti (Kurimský 1961).

LITERATURA

AUM: Атлас української мови: в трьох томах. Т. II. *Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі.* Київ 1988. (AUM II)

Broch 1895: Broch, O. *Zum Kleinrussischen in Ungarn.* Wien 1895.

Broch 1899: Брохъ, О. *Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата)*. Санктпетербургъ 1899.

Čižmárová 2014: Čižmárová, M. Jazyková situácia na severovýchodnom Slovensku v povojnovom období (po r. 1945). *Slavica Slovaca*. 2014, 49 (1).

Čučka 1957: Чучка, П. Фонетичні зміни в південнокарпатських говірках околиці Ужгорода. *Наукові записки Ужгородського університету: Діалектологічний збірник.* Т. 26. Ужгород 1957, 55-76.

Čučka 1958a: Чучка, П. Деякі акцентологічні особливості говірок околиці Ужгорода. *Доповіді та повідомлення Ужгородського університету: Серія філол.* 3. Ужгород 1958, 59-62.

Čučka 1958b: Чучка, П. Українські говірки околиці Ужгорода в їх відношенні до інших сусідніх говорів і мов. *Наукові записки Ужгородського університету: Мовознавство.* Т. 35, Ужгород 1958, 30-41.

Dzendzelivskyj 1958–1993: Дзендзелівський, Й. *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської УРСР. Лексика.* Ч. I – III. Ужгород 1958-1993.

Gerovskij 1934: Gerovskij, G. *Jazyk Podkarpatské Rusi. Československá vlastivěda III.* Praha 1934.

Hanudeľová 1993: Hanudeľová, Z. Územné členenie ukrajinských nárečí východného Slovenska. *Slavica Slovaca* 28, 1993, 1–2, 178–184.

Kurimský 1961: Kurimský, A. Говірка села Новоседлиця Снинського району. In: *Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury.* Praha 1961.

Latta 1991: Латта, В. *Атлас українських говорів східної Словаччини.* Пряшів 1991.

Leška 1973: Лешка, О. *Говор села Убля восточной Словакии. Этюды по украинской диалектологии 1*. Praha 1973.

Moravec 1958: Моравець, Я. Зміни в українській говірці с. Ублі на Словаччині протягом останніх 60 років. In: *Збірник славістичних праць філологичного факультету КДУ*, Київ 1958.

Nikolajev-Tolstaja 2017: Николаев, С. Л., Толстая, М. Н. Рефлексы праславянских гласных под ударением в украинском говоре с. Убля в Восточной Словакии (по записям 2014 г.). In: Гриценко, П. Ю., ред. *Діалекти в синхронії та діахронії, Трансформація діалектного континууму і проблеми лінгвоекології.* Київ 2017, 296-317.

OKDA: Общекарпатский диалектологический атлас. I – VII. I – Кишинев 1989. II – Москва 1994. III – Варшава 1993. IV – Львов 1993. V – Братислава 1997. VI – Будапешт 2001. VII – Белград 2003.

Sirka et al. 1999: Сірка, Й., Муличак, Й, Баушенко, А. *Короткий словник говірки села Ублі*. Пряшів 1999.

Švorc 2023: Švorc, P.: *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou (1919 – 1939)*. Bratislava 2023.

Vašíček 2014: Vašíček, M. Východoslovensko-rusínské lexikální paralely na materiálu Atlasu slovenského jazyka. *Slavica Slovaca*. 2014, 49 (1), 42-57.

Vašíček 2015: Vašíček, M. Jihokarpatské dialekty na území Slovenska a Ukrajiny. K divergentnímu vývoji nářečí obcí Ubľa a Malyj Bereznyj po roce 1945. In: Holub, Z., Chýlová, H., Chýla, J., edd. *Dialektologie a geolingvistika v současné střední Evropě II*. Opava 2015, 183-200.

Vašíček 2016: Vašíček, M. Částice v nářečích obcí Ubľa a Malyj Bereznyj. In: Bogoczová, I., Nedomová, Z., edd. *Area Slavica*. Ostrava 2016, 63-73.

Vašíček 2017: Vašíček, M. Dynamika vývoje rusínských nářečí na území Slovenska a Ukrajiny na příkladě předložek. In: Rembiszewska, K., ed. *Dynamika rozwoju gwar słowiańskich w XXI wieku.* Warszawa 2017, 59-80.
Vašíček 2020: Vašíček, M. *Dynamika jihokarpatských nářečí.* Praha 2020.

BLOC 1.11

LES INFINITIFS SLAVES ET LEURS ÉQUIVALENTS / SLAVIC INFINITIVES AND THEIR EQUIVALENTS

Organisateur : ANTON ZIMMERLING

Anton Zimmerling Dative-Infinitive Structures in Russian: Syntax and Semantics 1

Egbert Fortuin The Meaning and Distribution of the Russian Infinitive 6

Iliyana Krapova (Non)finiteness and Bulgarian da-constructions 8

Elena Ivanova Russian Infinitive and its Bulgarian Counterparts 13

Atle Grønn Infinitives and Relative Tense in Russian 17

Tomislav Socanac The Loss of Infinitive in Bulgarian and Serbian: Control and Raising Constructions 21

DATIVE-INFINITIVE STRUCTURES IN RUSSIAN: SYNTAX AND SEMANTICS

ANTON ZIMMERLING

Russian Dative-Infinitive-Structures (DIS) have been a matter of debate, with focus on such issues as mono vs bi-clausality, modal flavour, TAM features and case-marking. I argue that all contextual realizations of Russian DIS sentences express a single flavour in indicative clauses — alethic modality. Russian Dative-Predicative-Structures (DPS) with predicatives like *nado*, *nužno* can also express deontic or internal modality. The combination of aspect with clausal polarity encodes different modes. The four alethic modes are necessity, contingency, possibility and impossibility [Mentzel 1999]. I concur with Mitrenina [2017: 70] that the Russian DIS construction covers three basic alethic modes from four, except for alethic possibility.

Tab. 1 The meaning of Russian DIS construction in the indicative clauses

	Affirmative	Negative
Imperfective	NECESSITY *Tebe vyhodit'$_{IMPERF}$.* *Tebe exat'$_{IMPERF}$ zavtra s utra.*	CONTINGENCY *Tebe **ne** vyhodit'$_{IMPERF}$.* *Mne **ne** exat'$_{IMPERF}$ zavtra s utra.*
Perfective	!* **Mne uexat'$_{PERF}$ zavtra s utra.* **Tebe vyjti$_{PERF}$.*	IMPOSSIBILITY *Tebe **ne** uexat'$_{PERF}$ s utra.* *Tebe **ne** vyjti$_{PERF}$.*

Russian is one of the few Slavic languages that preserved two productive dative patterns — DIS, N_{DAT} —ºV$_{INF}$, where the infinitive is lexical head, and DPS, N_{DAT} — ºPRED (— V$_{INF}$), where the optional infinitive is a complement of the non-verbal predicative [Zimmerling 2024]. DIS sentences are modal, while DPS denote a variety of temporarily restricted situations. The class of DPS predicatives contains the basic modals *nado* 'must' and *nužno* 'needs'. All proposals to postulate the same piece of structure to DIS and DPS [Sigurðsson 2002; Mitrenina 2017] run into trouble. For the first, the dative subject of DPS is obligatory animate, while the subject of DIS is not, cf. *Gruzovikam$_{DAT}$ zdes' ne proexat'$_{INF}$* 'Trucks can't get through here'. For the second, the dative case is assigned structurally in Russian non-finite clauses including DIS, while in finite DPS clauses it is assigned lexically. For the third, DIS subjects are raised, while obligatory animate DPS subjects are syntactic and semantic arguments of the matrix clause

predicatives. Selectional restrictions like animacy are characteristic of syntactic control, which holds for Russian [Lyutikova 2022]. Standard DIS are usually analyzed as root clauses [Shvedova 1982: 376]. One can analyze them as biclausal [Fleisher 2006], but what matters is the absence of an overt external head in syntax.

Indicative DIS sentences exclude the use of the perfective aspect in non-negative clauses. In optative and counterfactual contexts, this constraint is canceled.

(1) *Vykinut'*$_{PERF}$ ***by***$_{\textbf{IRR}}$ *ej*$_{DAT}$ *staryj škaf i kupit'*$_{PERF}$ *novyj, tak net.*

The gap with perfective infinitives in indicative DIS clauses is filled by DPS clauses with *nado* and other modal predicatives. The DPS construction is not polarity-sensitive and does not discriminate aspect.

In the linguistic perspective, alethic modalities describe *logical or physical* necessity and possibility: the real world is such that it is not in the cards for John to pass the exam, etc. The 'in the cards' tag is used in some references to Russian DIS [Moore, Perlmutter 2000: 377], though Israeli [2013: 209] finds it inappropriate. The Academic Grammar tells that Russian infinitival clauses typically convey the meaning of objective predestination [Shvedova 1982: 373]. Such characteristics imply that the external situation described by the DIS sentence containing a universal modal operator is conceived as predestined irrespective of our will, deontic obligations, or internal needs.

Linguistic taxonomies of the modal meanings are controversial. Privoznov (2019) following Kratzer (1991) draws a distinction between *circumstantial* (≈ alethic) vs epistemic modal bases; the former are subdivided into *telic* vs *atelic* groups. Telic modals require perfective morphology on the overt modal verb and bring about actuality entailments: a sentence like *X smog*$_{PERF}$ *pročitat'*$_{PERF}$ *ètu knigu* '*X* was able to read this book' necessarily entails *X pročel*$_{PERF}$ *ètu knigu* '*X* read this book'. All DIS sentences are atelic modals. The class of telic modals is narrow in Russian: it only contains the verb *smoč*$_{PERF}$, which selects animate subjects, and several verbs with the meaning 'to let', 'to provide an opportunity', cf. *pozvolit'*$_{PERF}$. It is noteworthy that DIS predicatives with the existential (= weak modal) force, cf. *možno*, *vozmožno* 'possible', do not bring about actuality entailments, contrary to Privoznov's theory. The sentences *Možno*$_{PRED}$ *bylo*$_{AUX}$ *vkl'učit'*$_{PERF}$ *svet* 'It was possible to turn on the light', *Stalo*$_{AUX}$ *uže možno*$_{PRED}$ *otkryt'*$_{PERF}$ *okno* 'It was already possible to open the window' contain root modals but do not entail that any *X* turned on the light or opened the window.

Bulygina & Shmelev [1997: 218 – 231] show that the basic Russian modal verbs *dolžen* 'must' and *možet* 'can' are multifunctional and regularly express deontic, alethic and epistemic meanings. Kobozeva & Laufer consider *dolžen* along with *nado* and *sleduet* 'should'. *Sleduet* is obligatory deontic, while the uses of *dolžen* and *nado* are classified into the deontic vs non-deontic groups, the latter one labeled 'analytic' [Kobozeva & Laufer 1991: 171]. It hosts the meanings classified as alethic or epistemic by Bulygina & Shmelev. Deontic predicates are the dedicated part of the modal inventory since the deontic subject must be aware of the norm that makes him commit *p*. This point is clarified by the definition of deontic coercion: 'There are external circumstances *Q* that force *X* to commit *P*. If *X* does not commit *P*, the external force *F* that is part of *Q* will cause evil to *X*.' [Kobozeva 2000: 247]. A premise of the outlined account is that the deontic subject is animate and capable of reflection, otherwise she won't get the risks of violating the norm.

The DIS construction licenses inanimate subjects and event nouns, cf. *Byt'*$_{INF}$ ***groze***$_{DAT}$ 'There will be **a thunderstorm**'. This generalization holds for indicative and optative DIS clauses. However, imperative DIS clauses require an animate subject, which gives a ground to treat them as a different construction. This effect is absent from subjunctive DIS clauses with the particle *by*: they license inanimate dative subjects, cf, (2) and event nouns, cf. (3).

(2) Net **by**$_{IRR}$ ètoj$_{DAT}$ mašine$_{DAT}$ slomat's'a$_{PERF}$ popozže!
'Couldn't this car broke down later!'

(3) Net **by**$_{IRR}$ ètoj$_{DAT}$ groze$_{DAT}$ projti$_{PERF}$ poran'še!
'Couldn't this thunderstorm broke out earlier!'

The meanings of imperative and subjunctive DIS clauses can be modeled on the basis of indicative DIS, while the reversed is false. There is no path to the alethic meaning from any non-veridical uses of DIS. The non-veridical semantics arguably comes with the added elements — the irrealis marker *by* in (4), the silent imperative operator $\varnothing^{IMP}$ in (5) — or is associated with the combination of the negation *ne* with the emphatic particle *že* in (6ab). The latter contributes a deontic meaning 'Both *p* and ~ *p* are ontologically possible in *w*, but in view of given norms, X must prevent *p*'. Israeli [2016: 328] translates it by 'It is unthinkable to do V' or 'It is preposterous to do V'. In the following, I call it 'normative deontic DIS construction' and tell it from 'imperative deontic DIS construction' in (5).

(4) Gul'at'$_{IMPERF}$ **by$_{IRR}$** ej$_{DAT}$ s podrugami i njuxat'$_{IMPERF}$ by siren'. — [counterfactual]
'It were better if she walked with her friends and sniffed lilacs.' <but she has to be on duty>

(5) Vsem seržantam$_{DAT}$ — **∅^{IMP}** prigotovit's'a$_{IMPERF}$ k vyhodu na dežurstvo! — [deontic, imperative]
'All sergeants must get ready to go on duty!'

(6) a. **Ne$_{NEG}$** propadat'$_{IMPERF}$ **že$_{EMPH}$** dobru$_{DAT}$$^{NON-ANIM}$ — [deontic, normative]
'It would be a shame to waste a good stuff, after all.'

b. **Ne$_{NEG}$** vyhodit'$_{IMPERF}$ **že$_{EMPH}$** ej$_{DAT}$ zamuž za Petju. — [deontic, normative]
'She can marry Peter, but she should not, it is preposterous.'

The non-veridical DIS constructions do not constrain aspect, though the deontic *ne* + *že* construction favors imperfective infinitives. The animacy constraint is in-built only in the imperative (5), but not in the normative deontic constructions (6a-b). This puzzle is explained by the fact that with inanimate dative arguments as in (6a), the deontic subject remains behind the scenes — it is not *dobro* 'good stuff', but the speaker or the person responsible for using *good stuff* instead of wasting it.

Conclusions: The indicative DIS construction is polarity-and-aspect sensitive and lacks the animacy condition. The constraint on perfective infinitives in non-negative DIS clauses disappears in the imperative DIS construction, where the animacy condition arises. This proves the switch from alethic to deontic modals in a different type of clauses. The main competitor of indicative DIS sentences is the DPS construction with modal predicatives like *nado*. The non-ambiguous character of indicative DIS sentences is due to the fact that their modal force either comes from a silent predicate or is a constructional feature. The latter answer is advocated in [Fortuin 2007].

REFERENCES

Bulygina T. V., Shmelev A. D. 1997. *Jazykovaja konceptualizacija mira. Na primere russkoj grammatiki.* Moscow.

Kobozeva I. M., Laufer N. I. 1991. Semantika predikatov dolženstvovanija v russkom jazyke. *Russistik*, 1, 68 - 76.

Kobozeva I. M. 2000. *Lingvističeskaja semantika*. Moscow.

Lyutikova E. A. 2022. Est' li sintaksičeskij pod"em v russkom jazyke, 1. Infinitivnye klauzy. *Vestnik Moskovskogo Universitata. Serija 9. Filologijaя*, 5, 27–45.

Mitrenina O. V. 2017. Dativno-infinitivnaja konstrukcijax v russkom jazyke kak predložnaja gruppa. In: *Typology of Morphosyntactic Parameters.* Iss. 4. Ed. by E. A. Lyutikova and A. V. Zimmerling. Moscow, 64 – 70.

Shvedova N. Yu. (ed.). 1982. *Russkaja grammatika*. Vol. 2. Moscow.

Fleisher N. 2006. *Russian Dative Subjects, Case, and Control*. Ms., University of California.
Fortuin E. 2007. Modality and Aspect: interaction of constructional meaning and aspectual meaning in the dative-infinitive construction in Russian. *Russian Linguistics*, 31, 201–230. https://doi.org/10.1007/s11185-007-9015-y
Israeli A. 2013. Dative-infinitive constructions in Russian. Taxonomy and semantics. In: I. Kor Chahine (ed.), *Contemporary Studies in Slavic Linguistics*. John Benjamins, 199–224.
Israeli A. 2016. Dative-infinitive constructions with the particle ZHE in Russian: taxonomy and semantics . *Slavic and East European Journal*, 60 (2), 307 – 336.
Kratzer A. 1991. Modality. In: A. von Stechow & D. Wunderlich (eds.), *Handbuch Semantik*. De Gruyter, 639–50.
Mentzel C. 1999. Alethic modality. In: R. Audi (ed.), *The Cambridge Dictionary of Philosophy*. 2nd ed. Cambridge, 19.
Moore J., & Perlmutter D. M. 2000. What does it take to be a dative subject? *Natural Language and Linguistic Theory*, 18 (2), 373–416. DOI:10.1023/A:1006451714195
Privoznov D. 2019. *Telic modality in Russian and beyond*. Ms.
Sigurðsson H. Á. 2002. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic. *Natural Language & Linguistic Theory* 20 (4), 691-724. DOI: 10.1023/A:1020445016498
Zimmerling A. 2024. Microsyntax meets macrosyntax: Russian neg-words revisited. *Russian Linguistics*, № 1, 1- 35. https://doi.org//10.1007/s11185-024-09290-7

THE MEANING AND DISTRIBUTION OF THE RUSSIAN INFINITIVE

EGBERT FORTUIN (NETHERLANDS)
Leiden University

In this presentation, I will address question, which was raised by Ebeling (1984), namely whether it is possible to explain the distribution of the Russian infinitive in terms of a basic meaning (general meaning, invariant or Gesamtbedeutung).

In his 1984 article, Ebeling provides such a basic meaning, and shows how it functions in each construction in which we find an infinitive:

> "The infinitive presents a fact as a member of a pair of facts, the relation between the two being "accompanying". The associated fact is either given explicitly (…) or only hinted at (…) or comprised in the infinitive meaning and then interpreted as a "sudden change". (…) "Accompanying" takes the shape of "giving rise to" (…) or "presenting other features of" (…) (1984: 128)

For each construction in which an infinitive is used, he shows how the interaction of the infinitive meaning and the meaning of the other components of the construction leads to the meaning of the construction. His analysis includes constructions where the infinitive is the main predicate, such as the infinitive used as an imperative (*vstat!*), the dative-infinitive construction (*zdes' ne projti* or *mne zdes' ne projti*), and the construction consisting of a nominative and an infinitive predicate (*a on – bežat'!*; *ja – revnovat'*?). In the case of such constructions, it is not entirely clear whether Ebeling analysis that the construction is fully compositional can be maintained (see also Fortuin 2007, and Zimmerling 2022).

In this paper, I will also try to answer the research question from a comparative perspective. The approach by Ebeling raises the question how the distribution of the infinitive in Russian, differs or not from that of other languages with an infinitive. To give an example, if the imperative infinitive in Russian is due to its basic meaning in Russian (one fact (i.e. situation) furthers the other), how do we explain that we find similar infinitive uses in other languages? Does this imply that the infinitive has the same basic meaning as in Russian? But if so, how do we account for the differences in distribution? (see also Fortuin 2011, who shows that some restrictions on Russian infinitives can also be found in Dutch, but not in Romance languages).

REFERENCES

Ebeling, C. (1984). On the meaning of the Russian infinitive. In J.J. van Baak (ed.), *Signs of friendship. To honour A.G.F. van Holk, slavist, linguist, semiotician*. (Liber amicorum presented

to André G.F. van Holk on the occasion of his 60th birthday, and celebration of 20 years of Slavic studies under his direction at Groningen University), pp. 97-130, Amsterdam, Rodopi.
Fortuin E.L.J. (2011), Explaining the distribution of infinitives of impersonals in Russian, *Language Sciences* 33(5): 768-785.
Fortuin E. (2007). Modality and Aspect: interaction of constructional meaning and aspectual meaning in the dative-infinitive construction in Russian. *Russian Linguistics*, 31, pp. 201–230. https://doi.org/10.1007/s11185-007-9015-y
Zimmerling A. (2022). Dativno-infinitivnye struktury i sintaksicheskie idiomy v russkom yazyke [Dative-infinitive structures and syntactic idioms in Russian]. In: Svetla Koeva, Elena Ivanova, Yovka Tisheva and Anton Zimmerling (eds.), *Ontology of Stative Situations - Linguistic Modeling. A Contrastive Bulgarian-Russian Study*. Sofia: Marin Drinov, 2022, pp. 281 - 300.DOI: 10.7546/STONTBgRu2022.10

(NON)FINITENESS AND BULGARIAN *DA*-CONSTRUCTIONS

ILIYANA KRAPOVA (ITALY)

This talk explores how Bulgarian subordinate clauses introduced by the particle *ɔa* ("da") challenge traditional notions of finiteness. In the Balkan linguistic area, infinitives have largely been lost and replaced by *da*-constructions, which are all apparently finite (their verbs carry default tense and agreement morphology) yet exhibit varying degrees of syntactic dependency. These so-called "Balkan subjunctives" (Asenova 2002) blur the line between finite and nonfinite clauses, providing fertile ground to investigate the relationship between tense, mood, and clausal integration. The author situates Bulgarian *da*-clauses in broader debates on finiteness and clause structure, focusing on how morphological finiteness (the presence of tense/agreement inflection) can diverge from syntactic finiteness (the clause's independence in tense and subject). By examining a language without true infinitives, such as Bulgarian, the paper shows how infinitival or subjunctive meanings are both encoded through *da*-clauses. This has implications for universal grammar and the cartographic syntactic approach (Cinque 1999, Rizzi 1997), since it reveals a more nuanced, layered structure of the clause than a simple finite vs. nonfinite dichotomy.

Three Types of *da*-Constructions in Bulgarian

A central finding of the talk is that Bulgarian *da*-constructions are not uniform. Based on Bulgarian and cross-linguistic ~~comparison and~~ data, the talk identifies **three main types** of *da*-constructions, which exist along a cline from highly integrated (infinitive-like) to more independent (subjunctive-like):

- **Type 1: Monoclausal "hidden infinitive."** This is a **restructuring construction** (Cinque 2006, Grano 2015), in which the *da*-clause and the matrix clause function as a single unit (one clause). The embedded verb in this configuration does not introduce its own subject or tense frame. Instead, it shares the **argument structure** of the main verb. In other words, the main clause has no independent subject (its subject is inherited from the embedded clause and the embedded clause has no independent tense reference: the embedded predicate is typically in a non-past form that is obligatorily interpreted in the time frame of the matrix clause. This type yields a single complex predicate, analogous to the restructured infinitival complement in (Slavic) languages which have preserved the infinitives. Namely, it occurs with verbs that allow restructuring (e.g. **aspectual/phase verbs or modals** (like *započvam* "begin", *prodălžavam* 'continue'. *spiram* 'stop', *moga* 'can/be able to', *tryabva* 'must', etc.), resulting

in a tightly integrated clause where the entire sentence describes one event and one time frame (Krapova & Cinque 2018, Pitsch 2018).

- **Type 2: Biclausal *da*-clause with controlled subject.** This construction is non-restructuring (a full subordinate clause is present), but the embedded subject is a controlled null subject (PRO) that must refer to an argument of the matrix clause. Structurally, a separate clausal domain exists (including at least a TP, and possibly CP), but it lacks an overt subject. The embedded verb is typically understood with irrealis tense (often future or hypothetical relative to the matrix time -- Stowell 1982) and cannot have an arbitrary subject. Its null subject is obligatorily coindexed with the matrix subject (or object, in object-control verbs), much like obligatory control infinitives in English or Romance, although partial **control** and split antecedents are also possible (i.e., strict identity is not required). Semantically, the *da*-clause still describes an action or situation dependent on the matrix subject's intention or command. This type is analogous to typical control complements (e.g. *Pomolix go da dojde vednaga* "I asked him [PRO to come immediately]"), and is selected by **manipulative predicates** (verbs of command, permission, promise, etc.) where the subject of the embedded action is determined by the matrix clause's participants.
- **Type 3: Biclausal *da*-clause with independent (overt or null) subject.** This is the most independent form – a full finite subordinate clause introduced by *da*, with its own subject that can be overt or a null pronoun (a 'small pro'). There is no obligatory control: the embedded subject may refer to a different entity than the matrix subject (e.g. *Ivan iska Maria da zamine rano* – "Ivan wants Maria to leave early"). Because Bulgarian is a pro-drop language, the embedded subject might not be phonologically realized if understood from context, but crucially it is not syntactically bound to the matrix subject. This construction is therefore subjunctive-like, corresponding in use and interpretation to the subjunctive clauses of Romance languages. It is licensed by predicates that express wishes, emotions, or other intensional meanings where an independent subject is possible (for instance, *Nadyavam se (ti)* ***da*** *uspeeš* – "I hope you succeed," where the embedded subject "you" is overt or contextually implicit but not controlled by "I"). This type approaches a fully independent subordinate clause in structure, except that Bulgarian uses *da* (instead of a declarative complementizer) to mark its mood.

Table: Types of Bulgarian *da*-Constructions

Type	Structure	Embedded Subject	Temporal Dependency	Cross-Linguistic Analogues
Type 1:	Restructuring (no	Embedded	**Matrix-shared tense** –	Restructured

Type	Structure	Embedded Subject	Temporal Dependency	Cross-Linguistic Analogues
Monoclausal "hidden infinitive"	CP); embedded clause is part of a single clause with matrix.	predicate shares matrix subject.	embedded verb's tense is interpreted with matrix tense (single time frame).	infinitival complements (e.g. Romance clitic climbing contexts); single complex predicate.
Type 2: Biclausal control complement	Non-restructuring; full subordinate TP/CP present.	**Null controlled subject** (obligatorily coindexed with matrix argument). Overt subject is ungrammatical since control is required.	**Dependent irrealis tense** – embedded tense is not fully independent, often future/hypothetical relative to matrix.	Obligatory control clauses in English/Romance (e.g. *to*-infinitives like "try to X," "persuade [PRO to X]").
Type 3: Biclausal non-control subjunctive	Non-restructuring; full subordinate clause (CP) with *da* as complementizer.	**Independent subject** possible (overt DP or pro). No control requirement – subject can differ from the matrix's.	**Partial temporal independence** – often irrealis mood (subjunctive), but can have its own temporal reference constrained by matrix modality.	Subjunctive clauses in Romance (e.g. French *que*-clauses for different subjects).

Finiteness as a Continuum and Clause Structure Dependency

A key argument of the paper is that finiteness and "clausehood" are not binary categories, but a continuum of structural dependency relations (Eide 2006). Bulgarian *da*-constructions illustrate this continuum. At one extreme, a Type 1 *da*-clause is minimally clause-like: it lacks higher functional projections (no CP layer, possibly no independent TP), making it fully dependent on the matrix clause (if more restructuring predicates are present, more *da* clauses are found). At the other extreme, a Type 3 *da*-clause behaves almost like an independent finite clause, complete with a CP layer, its own subject, and the ability to express a separate (modal) situation (i.e., the embedded clause has no truth value as opposed to the indicative complement clauses introduced by the complementizer *če* 'that' and corresponding to assertions).

The paper aligns these Bulgarian-specific findings with a more general typology of clausal complementation. Wurmbrand & Lohninger (2019) argue that complement clauses universally fall into three broad categories – **Propositions, Situations,** and **Events** – which form a semantic and syntactic hierarchy, with each lower type contained within the higher (an Event complement structure is a subset of a Situation structure, which is a subset of a full Proposition). The Bulgarian data strongly support this containment model. The paper explicitly notes that the **three classes of Bulgarian *da*-subjunctives parallel these three**

universal types: Bulgarian's most independent *da*-clauses (Type 3, with free subject) pattern like Situations or even approach Propositions, the control *da*-clauses (Type 2) correspond to Situations, and the restructuring *da*-clauses (Type 1) correspond to Events.

Selectional Properties and Cross-Linguistic Comparisons

An important aspect of the study is how different matrix predicates select for different types of *da*-complements, and how this compares to other languages. The paper emphasizes the role of **the particle *da*** as a multifunctional element that contributes to this finiteness continuum. *Da* itself does not translate to a tense or modal in English, but it functions as either a kind of subjunctive complementizer or simply a mood marker. Its presence "ensures syntactic dependency" of the clause. In other words, whenever *da* is used, the clause is marked as subordinated in mood, lacking the full assertive force of a main clause. This finding echoes observations by Sims & Joseph (2018) that in Balkan languages a special particle (*da*/*na*/*să* in various languages) indicates a clause is dependent on a higher predicate, even if the verb in that clause is conjugated. The current paper's analysis shows that *da* can occupy different structural positions depending on the type: in tightly integrated structures, *da* might sit lower in the structure (near T or v, akin to an infinitival marker), whereas in less integrated ones it heads a higher head (never acting like a true complementizer in Bulgarian, unlike South Slavic (Todorović 2012, Sočanac 2017), as it necessarily follows the embedded overt subject). This flexibility underlies *da*'s multifunctionality in expressing both infinitive-like and subjunctive-like constructions.

Conclusion

The paper concludes that Bulgarian *da*-constructions illustrate a continuum of finiteness and clausal integration, challenging the binary division of "finite vs. nonfinite" subordinate clauses. All Bulgarian *da*-clauses are morphologically finite (the verb shows person/number and often present/past morphology), yet their syntactic independence varies widely. Some *da*-clauses (Type 1) lack any independent tense or subject and behave like nonfinite restructurings, while others (Type 3) function almost like fully finite subjunctive complements. The presence or absence of functional layers such as CP (especially the Finiteness projection in CP – Rizzi 1997) is the crucial factor that yields this variation. The study thus confirms that "clausehood" is gradient: subordinate clauses can be minimal (essentially forming one complex clause with the matrix) or maximal (an embedded clause with its own autonomy), with intermediate cases in between. Bulgarian's system, where infinitival and subjunctive meanings are expressed through *da*, makes this gradience explicit.

The findings align with recent theoretical proposals (Lohninger & Wurmbrand 2020; Wurmbrand & Lohninger 2019) that clausal complements come in different sizes and that languages obey an implicational hierarchy of complementation. The paper's comprehensive analysis of Bulgarian *da*-constructions provides evidence that finiteness is not an all-or-nothing property; instead, languages like Bulgarian realize finiteness as a spectrum of syntactic dependency, mediated by elements like the particle *da* which encode subordination and mood. These insights contribute to our general understanding of how languages encode embedded predications and how the loss of an infinitival form can be compensated by re-purposing finite morphology in a constrained, structured way. In sum, the paper shows that Bulgarian *da*-constructions, through their continuum of clause types, beautifully illustrate the nuanced interplay of tense, mood, and syntactic structure in the expression of complementation. This not only illuminates the syntax of Balkan languages but also supports a universal model in which finiteness is a graded property (Landau 2004) tied to the presence of specific clausal layers and syntactic dependencies.

REFERENCES

Asenova, Petya. 2002. *Balkansko ezikoznanie. Osnovni problem na balkanskiya ezikov săjuz* [Balkan linguistics, Fundamental problems of the Balkan Linguistic Union]. Veliko Tărnovo: Faber.

Cinque, Guglielmo. 2006. *Restructuring and functional heads. The cartography of syntactic structure. Vol 4. Oxford University Press.* Eide, 2006.

Grano, Thomas. 2015. *Control and Restructuring*. Cambridge University Press, 2015.

Krapova, Iliyana, Guglielmo Cinque. 2018. Universal constraints on Balkanisms. In Krapova, Iliyana, Brian Joseph (eds.) *Balkan Syntax and* (*Universal*) *Principles of Grammar*. Trends in Linguistics Studies and Monographs 315, Berlin & Boston: De Gruyter Mouton, 151–185.

Landau, Idan 2004. The scale of finiteness and the calculus of control. *Natural Language and Linguistic Theory* 22. 811–877.

Lohninger, M., & Wurmbrand, S. 2020. *Typology of Complement Clauses*. In preparation for *Handbook of Clausal Embedding* Pitsch, Hagen. 2018. Bulgarian moods. *Journal of Slavic Linguistics* 26 (1). 55–100.

Rizzi, Luigi. "The Fine Structure of the Left Periphery." *Elements of Grammar*, edited by Liliane Haegeman, Kluwer, 1997, pp. 281–337.

Sims, Andrea, Brian Joseph 2018. Morphology versus Syntax in the Balkan Verbal Complex. In Krapova, Iliyana, Brian Joseph (eds.) *Balkan Syntax and* (*Universal*) *Principles of Grammar*. Trends in Linguistics Studies and Monographs 315, Berlin & Boston: De Gruyter Mouton, 99–150.

Stowell, Tim. "The Tense of Infinitives." *Linguistic Inquiry*, vol. 13, no. 3, 1982, pp. 561–570. (Proposes that infinitival clauses lack a tense projection unless a CP is present)

Sočanac, Tomislav. 2017. *Subjunctive complements in Slavic languages: A syntax-semantics interface approach*. Geneva: University of Geneva dissertation.

Todorović, Natasha 2012. The Indicative and Subjunctive da-complements in Serbian: A syntactic-semantic approach. Chicago: University of Illinois PhD dissertation.

Wurmbrand, Susi, and Magdalena Lohninger. 2019. "An Implicational Universal in Complementation: Theoretical Insights and Empirical Progress." *Propositional Arguments in Cross-Linguistic Research: Theoretical and Empirical Issues*, edited by Jutta M. Hartmann and Angelika Wöllstein, Tübingen: Gunter Narr Verlag, 43–64.

RUSSIAN INFINITIVE AND ITS BULGARIAN COUNTERPARTS

ELENA IVANOVA

This paper examines Bulgarian parallels to the Russian infinitives in dependent and root clauses.

The field of irreality in Russian and Bulgarian is structured differently. In Bulgarian, the loss of the infinitive, the elimination or narrowing of the use of some participles and gerunds, and the expansion of the modal particle *да* into various domains of the grammatical system (including presuppositionality, apprehensivity, dubitativity, interrogativity, approximation) led to the restructuring of the irrealis meanings, which were distributed between *да* forms, Balkan and Slavic conditionals.

It seems safe to argue that Russian dependent infinitive clauses (with or without conjunctions) can almost always be rendered into Bulgarian (either as the only option or in competition with other strategies) by subordinate *да* forms, including compound connectors (such as *за да*, *преди да*, *вместо да*, *освен да*), see the details in [Ivanova 2018; 2022].

Regarding independent Russian infinitival clauses, the situation with their Bulgarian counterparts is less straightforward. It is determined by the illocutionary type of the independent infinitive, the type of the modal meaning, the semantics of the predicate, the presence of the optative component (combinations of infinitives with the particle *бы*) and some other conditions. The type of modality plays the crucial role. In Bulgarian translation, the implicit modality of Russian root infinitives in some cases must be explicated by the introducing appropriate modal elements, while in other cases it is not necessary since Bulgarian forms with the particle *да* are themselves modally colored and can express all the nuances in the optative-imperative zone as well as the semantics of assumption, apprehension, and dubitativity in interrogative clauses.

The data from the parallel Russian-Bulgarian corpus [Sitchinava 2019] shows that in Bulgarian translations of Russian infinitive clauses with the meaning of objective predestination, this flavour is regularly expressed by additional modal lexical material: *има*, *писано (ми) е*, see (1)-(2). In the following, the examples are taken from The Russian National Corpus [Savchuk et al. 2024].

(1) *Мы люди бедные,* ***нам унижаться-то всю жизнь****. —* *Ние сме бедни,* ***има цял живот да се унижаваме****.* [А. Н. Островский. Бесприданница (1878) | Александър Островски. Без зестра (Борис Мисирков, 1973)]

(2) *…видно,* ***мне жить и умереть в цыганском таборе****. —* *...изглежда,* ***ми е било писано да живея и да умра в циганski катун****.* [ibid]

As for root infinitives with the meaning of inevitability or predetermination of some external situation, the corpus does not allow us establish regular correspondences for affirmatives clause (see, however, A. Nikolova's observations on the use of future tense: *Быть завтра большому ветру! — Утре ще има силен вятър!* [Nikolova 2004]), while negative infinitival clauses are typically rendered by the negative forms of the future tense:

> (3) *Ампутация! Да нет же,* ***не быть тому****! – думал Алексей.* ***—*** *Ампутация? <….>Но не,* ***няма да го бъде****! – мислеше си Алексей.* [Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)]

> (4) *Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно: «****Не бывать этому браку****, пока я жив…»* ***—*** *Най-същественото беше решил в себе си, и го беше решил окончателно: „****Няма да го бъде този брак****, докато съм жив…“* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Фьодор Достоевски. Престъпление и наказание (Георги Константинов, 1960)]

The impossibility to perform an action is explicated in Bulgarian by the verbs *не мога* / *не може* (expressing both external and internal impossibility) along with several other ways to convey this kind of the modal meaning, e.g. the impersonal reflexive form of the verb:

> (5) *Все было бесполезно. Все было зря.* ***Не удержать, не остановить****!* ***—*** *Всичко е било безполезно. Всичко е отишло на вятъра.* ***Не може да се удържи, не може да се спре*** [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971) | Аркадий Стругацки, Борис Стругацки. Пикник край пътя (Милан Асадуров, 1982)]

> (6) *Видно, не громок плач мой,* ***не разбудить им тебя****!* ***—*** *Изглежда, не е силен моят плач,* ***не може да те събуди****.* [Н. В. Гоголь. Страшная месть (1832) | Николай Гогол. Страшно отмъщение (Константин Константинов, 1982)]

A variety of infinitive questions types finds regular correspondences in independent *да* forms since on the typical functions of Bulgarian *да* is the function of the modal interrogative particle [Tisheva 2005; Nicolova 2008: 424-425]:

> (7) ***Сжечь?*** *Да и чем сжечь?* ***— Да ги изгоря?*** *Но с какво?* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Фьодор Достоевски. Престъпление и наказание (Георги Константинов, 1960)]

> (8) ***Сопротивляться или отворить? — Да се съпротивлявам или да отворя?*** [ibid]

The Bulgarian modal particle *da* appears in a variety of types of questions: those expressing deontic necessity (9), various kinds of rhetorical and presuppositional questions (10), echo-questions constructed with the pronoun adverbs *как*, *зачем*, and others.

(9) *Он так сказал и опять спросил: «**Кому сдавать дела**?» — Така каза и пак попита: "**На кого да предам длъжността**?"* [Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)]

(10) *Что мне теперь делать? – спрашивал он самого себя. – **Известить ли Елену об его болезни? —** А сега… Какво да правя сега? – питаше се той. – **Да съобщя ли на Елена, че е болен?*** [И. С. Тургенев. Накануне (1860) | Иван Тургенев. В навечерието (Георги Константинов, 1974)]

As for imperative infinitival clauses, they are expectedly rendered by Bulgarian *да* forms and synthetic imperative forms according to the distribution patterns of these forms in Bulgarian (Nicolova 2008: 410-423), cf. (11) and (12):

(11) *Вниз! **Остановить двигатели**. — Приземяване! - **Да се спрат двигателите**.* [Евгений Замятин. Мы (1920) | Евгений Замятин. Ние (Росица Бърдарска, 1990)]

(12) ***Дать сюда! — Дай го тук!*** [Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)]

Patterns with the optative meaning are characterized by a wide semantic spectrum and have several Bulgarian equivalents. *Да* forms, being the most frequent translator's choice, include a diverse set of Bulgarian tense forms expressing the nuances of the volitional meaning, cf. the regular use of the imperfect for translating the so called infinitive of "dream" (13), and the pluperfect used in the contexts of reproach (14). Such constructions often include a modal predicate as in (15), see also the correspondences to Russian constructions with composite optative particles *вот бы*, *нет бы* as in (16).

(13) *Я смертельно устал, – тихо проговорил он, полузакрыв глаза. – **Забыться**… — Смъртно уморен – тихо проговори той, притваряйки очи. – **Да се забравя**…* [Александр Беляев. Властелин мира (1940) | Александър Беляев Владетелят на света]

(14) *Чавкая набитым ртом, баба заворчала: **— Поесть бы дал спокойно**. — Като мляскаше с пълна уста, жената замърмори: **Да ме беше оставил поне да хапна спокойно**.* [Николай Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934) | Н. Островски. Как се каляваше стоманата (Людмил Стоянов, 1944)]

(15) ***Помыться бы***… – Артур озабоченно озирался. **—** ***Да можех да се измия***… *Артър загрижено се озърташе*. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971) | Аркадий Стругацки, Борис Стругацки. Пикник край пътя (Милан Асадуров, 1982)]

(16) *Я до обожания любила этот романс, Полечка! <…> **Вот бы, вот бы нам спеть! —** Аз до обожание обичах този романс. Полечка! <…> **Да можехме, да можехме да го изпеем!*** [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Фьодор Достоевски. Престъпление и наказание (Георги Константинов, 1960)]

A special issue may concern the ways of suppressing the reference to the subject in Bulgarian counterparts of the Russian infinitive since Bulgarian patterns with да forms inevitably visualize the grammatical person of the subject, which is not always desirable. The main way of escaping this pitfall in Bulgarian is the reflexive impersonal verbal construction (3rd person reflexive impersonals), as in the example (5) above, or the use of other translation means.

REFERENCES

Ivanova E. Yu. 2018. *Da*-konstrukciya kak faktor sintaksicheskoj differenciacii slavyanskih yazykov. *Slavianskoe iazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Belgrad, 20–27.08.2018).* M. 171–205.

Ivanova, E. Yu. 2022. *Balkanoslavyanskaya irreal'nost' v zerkale russkogo yazyka (yuzhnoslavjanskie da-formy i ikh russkie paralleli).*M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Nicolova, R. 2008. Bălgarska gramatika, Morfologija. Sofija: Universitet Sv. Kliment Ohridski.

Nikolova A. 2004. O sopostavitel'nom opisanii sistem prostyh predlozhenij v russkom i bolgarskom yazykah. In: Aspekty kontrastivnogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov. Shumen: Universitetsko izd-vo "Episkop Konstantin Preslavski". 1. 35–68.

Paducheva E. V. 2017. Konstrukciya s nezavisimym infinitivom. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (rusgram.ru). Na pravah rukopisi. M. (2024-03-31).

Savchuk et al. 2024 – Savchuk S. O., Arhangel'skij T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznecova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya. *Voprosy yazykoznaniya*, 2. 7–34.

Sitchinava D. V. 2019. On parallel corpora within the Russian National Corpus: new languages and new challenges. In: *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 21. 41–60.

Tisheva J. 2005. Za sistemata na obshchite văprosi v săvremenniya bălgarski ezik. In: Argumentna struktura. Problemi na prostoto i slozhnoto izrechenie. Sofiya: Sema RSh. 160–182.

INFINITIVES AND RELATIVE TENSE IN RUSSIAN

ATLE GRØNN (NORWAY)
Department of Literature, Area Studies and European Languages
University of Oslo
atle.gronn@ilos.uio.no

Infinitives are by definition tenseless, not marked for morphological tense. I will argue that accordingly, in their interpretation, they do not directly participate in the temporal organisation of complex sentences, but this point is non-trivial and poorly understood in the literature. The goal of the paper is to shed some light on this issue.

The point of departure for the discussion is that Russian undoubtably has relative tenses in certain environments (notably in complement clauses, but also elsewhere), and the question therefore arises whether an embedded tense can be interpreted relative to a matrix infinitive. Apparently, they can, as witnessed by the following example from Brecht (1974):

> (1) Zakončite-IMP vašu rabotu do ijunja, i my smožem-PF-NON-PST khvastat'sja-INF o našem druge, kotoryj napisal-PST roman v tri mesjaca.
> 'Finish your work before June, and we will be able to brag about our friend who wrote a whole novel in three months.'

Brecht noted that the "writing is here conceived as prior to the bragging, but, most significantly, although this form is past, it is nevertheless understood to express an action which is future to the actual time of the utterance" (Brecht 1974, 503). So, the embedded relative clause contains a relative past. Pace Brecht, I will still argue that *napisal – wrote* in (1) is strictly speaking relative not to the infinitive *khvastat'sja – to brag*, but to the higher modalized future time of *smožem – can* (which takes an infinitive complement). This point has non-trivial consequences for the temporal architecture in complex sentences. If my argument is correct, it informs us about the availability of relative tenses in Russian.

For some reason, Brecht believed that the relative past in (1) was a quirk of the past and he claimed that the present tense in Russian was unable to be interpreted as a relative tense in such relative clauses (Brecht 1974, 503). But this is not correct as shown in Grønn (to appear) with a constructed example:

> (2) Postupite-IMP v aspiranturu v sentjabre, i my smožem-PF-NON-PST khvastat'sja-INF o našem druge, kotoryj pišet-PRS dissertaciju.
> 'Get started on your PhD in September, and we will be able to brag about our friend who writes a dissertation.'

In (2) it appears that *pišet – writes* is interpreted as simultaneous with the infinitive bragging, although, again, my claim is that the adjunct event is simultaneous with the time of the higher modal *smožem – can*.

In any case, since Russian provides data with a deeply embedded relative past in (1) and relative present in (2), we also expect to find a deeply embedded relative future in adjuncts (with a matrix infinitive). This is indeed the case, as was established in Grønn & von Stechow (2012):

> (3) Voenvrač Platonov obeščal-PST otpustit'-INF ee, no velel-PST nabljudat'-INF Šapošnikova do togo, kak Platonov sam osmotrit-PF-NON-PST ego. (Grossman)
> 'Dr Platonov promised to let her go, but told [commanded] her to watch over Shaposhnikov until he himself came to examine him.' (Translation from the RuN corpus).

The perfective futures *osmotrit – will examine* is shifted forward with respect to the matrix, not with respect to the utterance time. Examples (1) and (2) contain relative clauses, while (3) has a temporal adverbial clause. For both types of adjuncts, Russian (just like English) will normally have deictic tense in simpler environments without infinitives:

> (3') Ona nabljudala-PST Šapošnikova do togo, kak Platonov sam osmotrel-PST (*osmotrit-PF-NON-PST) ego. (constructed example)
> 'She observed Shaposhnikov until Platonov himself examined him.'

The deictic past in the adjunct in (3') shows that the availability of an embedded relative tense cannot be taken for granted in Russian. A relative future in the temporal adjunct makes sense semantically, but it is still blocked unless it occurs under a modalized infinitive as in the original example (3).

Here are a few more examples of the kind that interests us:

> (4) Ženja probiralas'-PST na kukhnju, kogda vse spali-PST, a utrom staralas'-PST umyvat'sja-INF do togo, kak prosnutsja-PF-NON-PST žil'cy. (Grossman)
> 'In the morning Yevgenia would steal into the kitchen when everyone was asleep and try to get washed before they woke up.' (Translation from the RuN corpus)

> (5) Mne khotelos'-PST zakončit'-INF svoju istoriju, prežde čem zloj patrul'nyj zajavitsja-PF-NON-PST v poslednij raz. (translated from English; the RuN corpus)
> 'I wanted to finish my story before the bad Patrol Boy came for the last time.' (original: King)

A similar example was also provided in the Russian Reference Grammar, which failed to address the theoretically interesting question of the non-deictic relative future interpretation of the embedded perfective non-past (*načnet – begins*):

> (6) Valja dolžna-MODAL byla-PST soprovoždat'-INF otca do togo, kak načnet-PF-NON-PST svetat'-INF. (Fadeev) (Švedova 1980, § 2972)

'Valja had to accompany her father before it dawned.'

So what stops us from saying that the embedded adjunct tense is relative to the matrix infinitive, or even licensed by the infinitive, in (1)–(6)? To answer this question, we should consider a puzzle raised by Khomitsevich in her dissertation (2007):

(7) Maša objazatel'no dolžna-MODAL Ø-PRS vyjti-INF zamuž za čeloveka, kotoryj eë ljubit-PRS.
'Masha must definitely marry a person who (now) loves her'.

Khomitsevich noted that the strongly preferred reading is the one where the person already loves Mary at the utterance time before the marriage. So why can't we have a relative present interpretation of *ljubit – loves* with respect to the future marriage, the infinitive *vyjti – marry*? "Several things might be going on here. For the moment, I leave the completion of the analysis for future research" (Khomitsevich 2007, 122).

First, there is indeed a covert future shift from the modal *dolžna – must* to the infinitive in (7). This coerced temporal shift is well-known from modal embeddings (von Stechow 2005). The question then is why the loving eventuality in the relative clause cannot be simultaneous with the future marriage in the matrix. My answer is that relative tense in Russian is only licensed by a higher modalized time (Grønn, to appear). In adjuncts, the evaluation/perspective time of the relative tense is anaphorically bound by the modalized time (here: the time of *dolžna – must*). From this generalisation it follows that the embedded present in (7) is not deictic (interpreted with respect to the utterance time). But since *dolžna – must* occurs with a present tense interpretation, the simultaneous present tense of *ljubit – loves*, which picks up anaphorically this modalized time, will automatically also be true of the utterance time.

To conclude: We may get the illusion of a temporal dependency of embedded adjuncts and matrix infinitives. Infinitives are often complements of modals, but when the temporal interpretation of the higher modal is different from the temporal interpretation of the infinitive event, as in (7), we see that the embedded adjunct is in fact dependent on the modal and the modalized time, not the infinitive.

Brecht, Richard. 1974. "Deixis in Embedded Structures." *Foundations of Language* 11, no. 4: 489–518.

Grønn, Atle. To appear. "What is "relative tense"? On shifted interpretations in Russian". In Simeon Dekker, Jaap Kamphuis, and Egbert Fortuin, editors, *The Slavic Verb: Comparative, Diachronic and Typological Perspectives*, Studies in Slavic and General Linguistics. Brill publishing house.

Grønn, Atle and Arnim von Stechow. 2012. “Adjuncts, attitudes and aspect: Some additions to a tense theory for Russian.” *Oslo Studies in Language* 4, no. 1: 263–304.
Khomitsevich, Olga. 2007. “Dependencies Across Phases. From Sequence of Tense to Restrictions on Movement.” PhD diss., University of Utrecht.

Švedova, Natalia, ed. 1980. *Russkaja grammatika*. Moscow.
von Stechow, Arnim. 2005. “Semantisches und morphologisches Tempus: Zur temporalen Orientierung von Einstellungen und Modalen”. *Neue Beiträge zur Germanistik*, 4, no. 2:9–54.

THE LOSS OF INFINITIVE IN SOUTH SLAVIC: CONTROL AND RAISING CONSTRUCTIONS

TOMISLAV SOCANAC (ITALY)

The paper studies the diachronic developments pertaining to the use of infinitives (Inf) in South Slavic languages (primarily Bulgarian and Serbian). I focus on the phenomenon of Inf loss, which has been observed (to varying degrees) across different South Slavic and Balkan languages. The paper examines the patterns of Inf loss across different types of syntactic constructions (in particular those involving control or raising) at different stages of the historical development of the languages under study. After describing the relevant historical patterns of Inf use gleaned from the study of the corpora, I develop a formal analysis that accounts for these patterns.

The descriptive part of the paper is based on the corpus analysis of the primary historical sources from the languages under study, ranging from Old Church Slavonic (OCS, i.e. the earliest attested predecessor of the present-day South Slavic languages) up to present-day Bulgarian (Bg) and Serbian (Sr). If we compare the earlier historical sources from OCS (e.g. *Vita Constantini*, 9th c., *Codex Zographensis*, 9th-10th c., *Codex Suprasliensis*, 10th c. etc.) with the later sources from Old Sr or Middle Bg (e.g. *Tale of Troy*, 14th c., *Wallachian charters*, 14th-15th c.), we observe a steady decline in the use of Inf across different types of syntactic environments. The constructions that predominantly replaced Inf across time were finite clauses headed by the mood item *da*, often referred to as subjunctives (Subj) or Balkan subjunctives (Farkas 1985, Krapova 2001, Landau 2004, Giannakidou 2009). The replacement of Inf by Subj in the languages under study can be couched within the broader grammatical phenomenon of 'subjunctive-infinitive competition' (SIC), which has been observed across a range of typologically different languages (Farkas 1992, Sočanac 2017, 2024 etc.). The paper looks at the diachronic developments pertaining to SIC in South Slavic.

In the languages under study, SIC tended towards the replacement of Inf by Subj, but this development did not proceed at an equal pace across all syntactic contexts. The main syntactic contexts where we observed SIC are embedded complement clauses (1), impersonal constructions (2), and various types of adjunct clauses (usually purposives or resultatives) (3). In the examples below, we can observe the patterns of Inf vs Subj use in the earliest historical sources from OCS:

(1) a. нача ємоу даръı многъı **даıати** (*Vita Constantini*, 11.45)
began.AOR.3SG him.DAT gifts many give.INF

b. хощѹ **да** вси **глаголєтє** (*Ibid.*16.21)
want.1SG SUBJ everyone speak.2PL

c. молѣахѫ и **да** не **повелитъ** имъ въ бездънѫ **ити**.
beg.IMPF.3PL him.ACC SUBJ NEG tell.3SG them.DAT in abyss go.INF
(*Codex Marianus*, Luke 8.31, 11th c.)

(2) a. не достоино емоу бѣ **ѣсти** (*Codex Marianus*, Matthew 12.4)
NEG worthy him.DAT was.IMPF.3SG eat.INF

b. оунѣе естъ вамъ **да** азъ **идѫ**. (*Ibid.*, John 16.7)
better is you.DAT SUBJ I.NOM go.1SG

(3) a. исплъниша оба кораблѣ Ѣко **погрѫжати** сѧ (*Ibid.*, Luke 5.7)
filled.AOR.3PL both boats so-that sink.INF REFL

b. испльниша сѧ дьнье **да** **родитъ**(*Codex Assemanius*, 11th c.)
fulfilled.AOR.3PL REFL days SUBJ give-birth.3SG

In embedded complements such as those in (1), Inf was used in OCS under subject identity (i.e. subject control or raising), as in (1a), while Subj was employed when the clauses had different subjects, as in (1b). In complements featuring object control (1c), Inf was in competition with *da*-constructions already during the OCS period. Similar SIC patterns were observed in impersonal constructions (2) and clause-final adjuncts (3). On the whole, the use of Subj was favored when the clauses had different subjects, as in (2b-3b), while Inf was preferred in cases of subject identity, as in the clauses in (2a-3a) where the embedded subject corresponds to the main dative subject.

In later historical sources, from Old Serbian (12th-15th c.) and Middle Bg (12th-16th c.), we see a steady spread of Subj at the expense of Inf across all the syntactic environments featured in (1-3). In particular, we begin to observe SIC in clauses involving subject control (or raising) as well, where earlier OCS sources only featured Inf.

(4) a. хотѣшє **погоубити** мєнєлаоусша (*Tale of Troy*, 51b-52a)
wanted.IMPF.3PL execute.INF Menelaus

b. хотѣхѫ **да** **погоубѧть** асилєєша (*Ibid.* 54a)
wanted.AOR.3PL SUBJ execute.3PL Achilles

(5) a. нє придохъ **слоужити** (Joseph 1983: 119)
NEG come.AOR.1SG serve.INF

b. нѣсмь пришєлъ **да** **слоужѫ**
NEG.be.1SG come.PST.PRT SUBJ serve.1SG

Inf continued to decline as the South-Slavic languages under study went on to develop into their modern-day variants. The main area of contrast between modern Bg and Sr in this context has to do with the SIC-related patterns in control and raising complements: Bg only allows the use of Subj in such clauses, given that Subj replaced Inf across the board in this language (6), while Sr still exhibits SIC in this context (7).

(6) a. Иван трябва **да** **дойде**. (Bg)
Ivan must.3SG SUBJ come.3SG

b. Мария може **да** **плува**.
Marija can.3SG SUBJ swim.3SG

(7) a. Иван хоће **да** **дођe**. (Sr)
Ivan want.3SG SUBJ come.3SG

b. Иван хоће **доћи**.
Ivan want.3SG come.INF

The paper presents a formal analysis aimed at explaining the diachronic developments described here.

A grammatical generalization that can be put forward based on the historical corpus analysis pertaining to South Slavic is that the use of Inf remained relatively more stable in those syntactic constructions that involved a greater degree of dependence and anaphoricity between the main and the embedded clause. Complements featuring subject control or raising are a typical representative of such dependent constructions, as their anaphoric properties have been widely noted across languages (Chomsky 1981, Kayne 1989, Abusch 2004, Ramchand and Svenonius 2014 etc.). As a result, such clauses maintained the use of Inf for longest in South Slavic (up to the present day in the case of standard Sr). The diachronic SIC patterns observed with these control/raising clauses can be related to a change in the underlying syntax of the Subj mood marker *da* in South Slavic. During the earlier historical stages (in particular the OCS period), the item *da* occupied a high structural position, corresponding to the C-head (i.e. the syntactic head reserved for complementizers). As a result, we would frequently observe clauses where fronted topicalized constituents (themselves associated with high structural positions) intervened between the item *da* and the lower verb in OCS, as shown in (8):

(8) a. **да** свою доуꙋшꙋ **положить** za дрꙋгы (*Vita Constantini*, 6.38)
SUBJ his soul lay-down for others
b. нѣсмъ достоинъ **да** въ домъ мои **вьнидеши**
NEG.be.1SG worthy SUBJ in home my enter.2SG
(*Codex Marianus*, Matthew 8.8)

Present-day Bg and Sr, on the other hand, exhibit some contrasting syntactic patterns in this context.

The syntactic configuration in (8) would be ungrammatical in modern Bg, given that the item *da* must be syntactically contiguous to the embedded verb in this language (Rudin 1985, Franks and King 2000, Krapova 2001 etc.). As we can see in (9), for instance, the embedded subject can either precede the item *da* or occur post-verbally, but it can never intervene between *da* and the verb.

(9) Искам (Иван) **да** **(*Иван)** **дойде** (Иван). (Bg)
want.1SG Ivan SUBJ Ivan come.3SG Ivan

In modern Sr, on the other hand, syntactic constituents can intervene between *da* and the embedded verb, but only in non-control environments (10a), while control/raising complements in this language exhibit the same pattern as Bg, i.e. contiguity between the item *da* and the verb (10b).

(10) a. Желим **да** **Иван** **дође**. (Sr)
want.1SG SUBJ Ivan come.3SG
b. Морам (математику) **да** **(*математику)** **учим** (математику).
must.1SG math SUBJ math study.1SG math

I argue that the grammatical contrasts observed in (8-10) are related to a change in the diachronic syntax of the mood marker *da*, which was reanalyzed and remerged from a higher C-head position to a lower head position within the verbal vP domain, as shown in the (simplified) representation below.

(11) [CP **~~да~~** [TP [vP **да**]]]

In modern Bg, the syntactic reanalysis in (11) took place across the board (i.e. in all syntactic contexts where the item *da* is used), whereas Sr still contains both the 'high' and the 'low' instance of *da* in (11), using the former in clauses with different subjects and the latter in cases of subject control or raising. As a result, the item *da* is always contiguous to the lower verb in Bg, while Sr only exhibits this contiguity in control/raising environments.

I further argue that the analysis in (11) can also explains the patterns of SIC and infinitive loss as they were observed during the diachronic development of the South Slavic languages under study, in particular the fact that Inf use remained more historically robust in control/raising complements as compared to other types of clauses. Inf loss in South Slavic occurred due to language-contact pressures from other languages situated in the Balkan region (in particular Greek), which have lost their Inf and replaced it with Subj (to greater or lesser degree) as well (Rozentsveig 1976, Joseph 1983, Friedman and Joseph 2025 etc.). Nevertheless, Inf>Subj replacement could not take place in control and raising clauses until the syntactic re-analysis of the mood marker *da* illustrated in (11) occurred. As argued by many authors, subject control/raising complements are more dependent and anaphoric on the main clause because their underlying structure is smaller than that of other complements (Watanabe 1992, Wurmbrand 2013, Sočanac 2017, Wurmbrand and Lohninger 2023 etc.). In particular, Wurmbrand et al. (2020) and Wurmbrand and Lohninger (2023) have demonstrated that control/raising complements ('event complements', according to their terminology) constitute small vP structures which do not project the higher clausal CP layer. As a result, the Subj marker *da* could not spread to such complements while it occupied the high C-head position (which was the case during the OCS period) because these complements did not project the CP layer that could host the item *da*. Nevertheless, once the reanalysis in (11) took place and the item *da* got merged lower down within the structure (i.e. inside the verbal vP domain), *da*-subjunctives could spread to control and raising environments as well, compete with Inf in these contexts and eventually replace them (completely or partially, depending on the language).

REFERENCES

Abusch, D. 2004. "On the temporal composition of infinitives", in *The Syntax of Time*, J. Gueron and J. Lecarme (eds.), Cambridge, MA: MIT Press.

Chomsky, N. (1981) *Lectures on Government and Binding*, Dordrecht: Foris.

Farkas, D. 1984. "Subjunctive complements in Romanian", in *Papers from the XIIth Linguistic Symposium on Romance Languages*, P. Baldi (ed.), Philadelphia: John Benjamins, 355-372.

Farkas, D. 1992. "On obviation", in *Lexical Matters*, I. Sag and A. Szabolcsi (eds.), Stanford, CA: CSLI, 85-109.

Franks, S. and T. King 2000. *A Handbook of Slavic Clitics*, Oxford: OUP.

Friedman, V. and B. Joseph. 2025. *The Balkan Languages*, Cambridge: CUP.

Giannakidou, A. 2009. "The dependency of the subjunctive revisited: Temporal semantics and polarity", *Lingua* 119, 1883-1908.

Joseph, B. 1983. *The Synchrony and Diachrony of the Balkan Infinitive: A Study in Areal, General and Historical Linguistics*, Cambridge: CUP.

Kayne, R. 1989. "Null subjects and clitic climbing", in *The Null Subject Parameter*, O. Jaeggli and K.J. Safir (eds.), Dordrecht: Kluwer, 239-262.

Krapova, I. 2001. "Subjunctive complements, null subjects and case checking in Bulgarian", *University of Venice Working Papers in Linguistics* 8(2), 73-93.

Landau, I. 2004. "The scale of finiteness and the calculus of control", *Natural Language and Linguistic Theory* 22, 811-877.

Ramchand, G. and P. Svenonius. 2014. "Deriving the functional hierarchy", *Language Sciences* 46, 152-174.

Rozentsveig, V.Y. 1976. "Linguistic interference and convergent change", *Janua Linguarum, Series Maior* 99.

Rudin, C. 1985. *Aspects of Bulgarian Syntax: Complementizers and Wh Constructions*, Columbus, OH: Slavica.

Sočanac, T. 2017. *Subjunctive Complements in Slavic Languages: A Syntax-Semantics Interface Approach*, PhD Dissertation, Geneva University.

Sočanac, T. 2024. "The diachrony of subjunctive-infinitive competition in Balkan Slavic: Typological vs. sprachbund phenomena", *Balkania et Slavia* 3(2), Edizioni Ca' Foscari: Venice.

Watanabe, A. 1993. *AGR-based Case Theory and its Interaction with the A-bar System*, PhD dissertation, MIT.

Wurmbrand, S. 2013. "QR and selection: Covert evidence for phasehood", *Proceedings of NELS* 42, Amherst, MA: GLSA, 619-632.

Wurmbrand, S., I. Kovač, M. Lohninger, C. Pajančič and N. Todorović. 2020. "Finiteness in South Slavic complement clauses: Evidence for an implicational finiteness universal", *Linguistica* 60 (1), 119–137.

Wurmbrand, S. and M. Lohninger. 2023. "An implicational universal in complementation: Theoretical insights and empirical progress", in *Propositional Arguments in Cross-Linguistic Research: Theoretical and Empirical Issues*, J. Hartmann and A. Wöllstein (eds.), Berlin: Mouton de Gruyter, 183–229.

BLOC 1.12

TEXTES DE CATÉCHÈSE CHEZ LES SLAVES AUX XVIE-XVIIIE SIÈCLES. LEUR RÉCEPTION, DIFFUSION, LEUR SIGNIFICATION DU POINT DE VUE CULTUREL ET PÉDAGOGIQUE / КАТЕХИЗИСНЫЕ ТЕКСТЫ У СЛАВЯН В XVI–XVIII ВЕКАХ. ИХ РЕЦЕПЦИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ, КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩЕЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Organisatrices : SWETLANA MENGEL, MARIA CRISTINA BRAGONE

Игар Клімаў Катехизис Симона Будного (Несвиж, 1562) 1

Ingrid Maier «Стокгольмский катехизис» П. фан Селова (1628 г.) 6

Swetlana Mengel Протестантские катехизисы на русском языке. Преемственность и особенности языковых концепций 12

Maria Cristina Bragone Перевод Иоганна Вернера Пауса «Малого Катехизиса» М. Лютера и бытование этого перевода в России Петра I 19

Роланд Марти Катехизисы в истории серболужицких языков 23

Драгана Грбић История издания одного катехизиса в XVIII веке 24

КАТЕХИЗИС СИМОНА БУДНОГО (НЕСВИЖ, 1562)

ІГАР ПАЎЛАВІЧ КЛІМАЎ
klimau@mail.ru

Несвижский Катехихис (далее НК) является крупным, важным и интересным памятником религиозной мысли восточных славян, их книгоиздания, а также старобелорусской письменности и языка. Как первый восточнославянский катехизис, он замышлялся издателями и автором в русле и духе традиций Франциска Скорины, что видно по типографскому оформлению (формат, шрифт) и господствующей в нём языковой стихии, выносу редких глосс на поля. Несмотря на свою протестантскую направленность и явно выраженный полемический характер НК на протяжении нескольких столетий вызывал интерес у православного и, видимо, униатского читателя не только в Великом Кнежестве Литовском и Речи Посполитой, но и в Московии. Не менее существенна роль НК и для характеристики языковой индивидуальности его автора – Симона Будного. Его происхождение точно неизвестно, но скорее всего связано с польско-белорусским языковым пограничьем и/или польско-белорусской смешанной семьёй, один из членов которой мог иметь отношение к православному духовенству и церковнославянской письменности.

Поэтому не удивительно, что ответственная работа над катехизисом была поручена молодому и прежде неизвестному автору – здесь могли оказаться востребованными как его опыт катехиста в протестантской школе, так и, главным образом, его глубокое знакомство с церковнославянской письменностью (компетенцией в этой области полонизированная протес-тантская общность Великого Княжества Литовского не обладала). Данные обстоятельства проливают вполне определённый свет на генезис НК: катехизис мыслился как средство распространения протестантских идей среди православного духовенства Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, хотя формально был адресован детям. Кто составлял круг инициаторов этого издания, пока точно установить не удалось. Как минимум, туда входил Миколай Радзивилл «Чёрный», возможно также Матвей Кавечин(ь)ский и Лаврентий Крыш-ковский. Была ли эта инициатива в середине XVI в. частью некоего генерального плана по протестантскому «внедрению» в православную среду, «наступления» на православный Восток (учитывая аналогичную деятельность издательского кружка в немецком Урахе / Аурахе), пока остаётся не выясненным.

Видимо, именно энергичный темперамент Симона Будного способствовал

появлению в печати в Несвиже и других религиозных протестантских изданий на кириллице, например, несохранившейся брошюры того же 1562 г. «Об оправдании грешного человека перед Богом». По-видимому, Будный предложил к изданию ряд небольших собственных трактатов или полемических памфлетов, критикующих те или иные положения православной доктрины и обрядности. Однако по каким-то неясным причинам, возможно, финансовым, они не были изданы отдельными оттисками, но были включены (без согласия Будного?) в состав НК в виде механических, инородных вставок, нарушающих вопросо-ответную композицию катехизиса. В этом смысле существующий текст НК может пониматься как не вполне самостоятельный труд самого Будного; возможно, именно поэтому в заглавии катехизиса нет упоминания авторства какого-либо лица, а в дедикации фигурируют три персоны.

Катехизис в виде вопросов и ответов в авторитарном и более-менее лапидарном стиле появился в западной церкви только в XVI в. в ходе движения Реформации. Именно эта форма была взята Будным за основу для НК. Однако, учитывая цели НК – протестантская полемика и пропаганда, его целевую аудиторию – православное духовенство, и особенно эмоциональность и эрудицию самого Будного, взятая за основу форма в НК превратилась в своеобразный симбиоз памфлета, катехизиса и справочника по отдельным вопросам библеистики, церковной истории и христианской доктрины.

Традиция европейских катехизисов в первой половине XVI в. ещё не совсем стабилизировалась, а конфессиональные барьеры между ними ещё окончательно не установились. Поэтому Будный мог ориентироваться и на католические, и на лютеранские, и на кальвинистские образцы, выбирая из них необходимые элементы по своему умыслу. Вряд ли можно предполагать, что Будный перевёл какой-то один иностранный образец или хотя бы ориентировался на него при создании вопросов и ответов НК. Поэтому Будного следует считать новатором не только восточнославянской катехизической традиции, но европейской.

Катехизис в версии Будного делится на четыре части, каждая из которых посвящена рассмотрению и толкованию ряда прецедентных для религиозных литературы текстов: Дека-лога, Символа веры, молитвы «Отче наш» (молитвы Господней) и двух обрядов (таинств) евангельского происхождения – крещения и причастия (евхаристии). Каждая часть катехизиса делится на (макро)темы, каждая из которых, в свою очередь, разбивается на ряд вопросов-микротем, по которым даются ответы. Под определённым углом зрения вопросы можно рас-сматривать как свое рода

заголовки к этим ответам, а сами ответы – как небольшие справочные статьи.

Состав и вопросов и ответов достаточно разнообразен, но всё же конечен и даже в каких-то случаях стереотипен. Существуют краткие, синтаксически не распространённые и не осложнённые вопросы, предполагающие столь же краткие, не распространённые в синтаксическом плане ответы – они обычно выступают в начале каждой части или каждой (макро)темы. Гораздо чаще представлены сложные, детализирующие, уточняющие вопросы, которые требуют значительных по объёму ответов. Композиция таких ответов обычно трёхчастна: дефиниция – толкование – цитата (или в ином порядке: цитата – толкование). Иногда они содержат дальнейшие уточняющие толкования или цитаты, иногда может отсутствовать дефиниция. В целом развёрнутые ответы достаточно самостоятельны и при желании могут рассматриваться как отдельные статьи. Таким образом, композиционное строение, архитектоника вопросов и ответов – не строгие и жёстко не фиксированы; это предоставляло автору значительную гибкость в выборе и изложении материала. При создании НК Будного, по всей видимости, меньше интересовали дидактические задачи; в гораздо большей степени он стремился осветить основные понятия и проблемы теологии и церковной практики, показать собственную эрудицию.

Дискурс Будного определялся также полиграфическим фактором. Конечный объём издания, выбранное типографическое оформление с явной ориентацией на пражские книги Скорины и культурные предпочтения православного духовенства – целевой аудитории НК, существенно ограничивали автора в плане рубрикации, принуждая его к использованию пара-графемных (абзацы) и дискурсивных средств для смыслового деления пространных ответов-статей. Возможно, что при этом учитывалось и устное восприятие текста, например, в среде детей и малограмотных взрослых.

В духе западной учёности Будный активно использует цитаты из Св. Писания и (очень редко) из другой церковной литературы, более-менее тщательно паспортизируя их на полях или непосредственно в тексте. Этим же целям служат и редкие глоссы на полях, а также комментарии автора – они указывают на связь издания с западной учёной практикой. По-видимому, использование цитат именно на церковнославянском языке было изначально предусмотрено инициаторами издания для того, чтобы они легко опознавались целевой аудиторией. Под влиянием церковнославянских цитат и использования религиозной терминологии, связанной с православной догматикой, в основной текст катехизиса, написанный на старобелорусском языке, широко проникали

церковнославянские элементы, что приближало его к языку изданий Скорины. Источниками цитат служили, по-видимому, церковнославянские рукописи Четвероевангелия, Апостола и Псалтыря, доступные в то время в Белоруссии, рукописи отдельных ветхозаветных книг на церковнославянском языке и некоторые пражские издания Скорины.

Из стилистических явлений в НК широко представлена синонимизация, особенно парная, и реже – парафраза, что может отражать как индивидуальные склонности автора, так и дидактические цели текста Будного. Традиционным для катехизической литературы XVI в. было использование таких выразительных средств, как риторический вопрос и риторическое обращение, перечисление и повтор, метафора, анафора и эпифора, менее традиционным – употребление оксюморона, тавтологии, неологизмов и окказионализмов; возможным было также включение диалектизмов и разговорных форм, которые можно обнаружить и в НК.

Катехизису Будного свойственно определённое тематическое и жанровое разнообразие. В тесте присутствуют следы разных (микро)жанров: бытовые зарисовки, социальные очерки, религиозные рассуждения, логические выводы, догматические тезисы, исторические экскурсы; а также жаровые черты проповеди, учебника, экзегетического анализа, религиозного трактата, полемического памфлета. В этой связи НК следует рассматривать как сложное и негомогенное в жанровом отношении произведение, которое помещено в формальную композицию катехизиса, с чередованием вопросов и ответов. Это – полифункциональное произведение, которое можно использовать в разной аудитории и с разными целями: не только для катехизации детей и взрослых, но и для религиозной полемики, для теологических штудий и справок. По праву НК может считаться «шэдэўрам сусветнай культурнай спадчыны» (Ю. Батюлёва, 2009).

Насколько Будный был самостоятелен при создании своего катехизического труда – пока не совсем ясно. Очевидно, что ему приходилось согласовывать какие-то базовые тезисы, понятия и термины с заказчиками НК и/или со своими соратниками, например, Крышковским и Кавечин(ь)ским. Это предполагало обращение и к прецедентным текстам данной конфессии – в частности, к катехизисам Кальвина. Судя по небольшому числу замеченных исследователями совпадений, такое обращение, однако, было не слишком глубоким и не слишком частым; при этом более вероятно, что Будный пользовался латинской версией катехизиса Кальвина 1541 г., а не французским оригиналом.

Сделанные выводы и обобщения являются предварительными и должны послужить в дальнейшем более глубокому и всестороннему изучению НК, который, к сожалению, долгое время оставался на периферии научного поиска. Несколько столетий в научной литературе господствовали больше «мифы» и неточные сведения об этом памятнике, чем проверенная информация. Пожалуй, исключение представляют собой лингвистические труды Е. Карского и А. Журавского, дающие довольно точное представление о языке НК, позже дополненное А. Супруном. Лишь в XXI в. благодаря работам Я. Каменецкого, М. Корзо, Ю. Батюлёвой и других исследователей стало возможным определить конфессиональную принадлежность НК, до некоторой степени выяснить набор источников, которыми пользовался Будный, комплекс его риторических и стилистических приёмов. Дальнейшие исследования должны глубже и детальнее раскрыть эти аспекты и установить новые факты и обстоятельства, важные для истории катехизической литературы и письменности у восточных славян.

«СТОКГОЛЬМСКИЙ КАТЕХИЗИС» П. ФАН СЕЛОВА (1628 Г.)

Ингрид Майер (Швеция)
Упсальский университет

После заключения Столбовского мирного договора (1617 г.) в составе Швеции впервые в истории оказались значительные территории с русскоговорящим населением православного вероисповедания. К этим территориям относилась, в частности, Шведская Ингерманландия, с крепостями Ивангород, Нотебург/Орешек и Ниеншанц (где позже был построен Санкт-Петербург); в итоге Московское государство оказалось отрезано от Балтийского моря.

Поскольку Швеция всегда была многонациональным государством, наличие русскоязычных подданных с 1617 года не представляло проблему для шведского правительства, но оно не могло смириться с тем, что вновь приобретенные подданные не придерживались «единственно верного», со шведской точки зрения, лютеранского вероучения. В этой поистине неприемлемой ситуации юный король Густав II Адольф в 1618 г. пригласил в Стокгольм словолитчика Петера фан Селова (1582–1650) «для изготовления русских шрифтов и оттисков». Фан Селов был родом из Гревесмюлена (Grevesmühlen, Мекленбург), а вовсе не из Голландии, как до недавнего времени утверждали практически все ученые, писавшие о печатнике или его изданиях. Ремесло печатника он освоил в императорской типографии в Праге, куда попал в очень юном возрасте благодаря заступничеству датского астронома Тихо Браге. Когда король Густав II Адольф пригласил фан Селова в Швецию, тот уже накопил большой опыт работы в разных городах: Легнице, Вроцлаве, Кракове, Праге и в родном городе Гревесмюлене. Вероятно, фан Селов не был в восторге от условий в Швеции, так как в январе 1624 г. он написал из Гревесмюлена герцогу мекленбургскому, попросив его о разрешении открыть мастерскую в Шверине. Получив отказ, он вернулся в Стокгольм и там прожил до своей смерти в 1650 г. В Швеции фан Селов прославился главным образом как словолитчик, в меньшей степени как печатник (Maier 2022). Первым известным нам изданием из стокгольмской мастерской фан Селова стал катехизис, опубликованный в 1628 г. под названием

Κατηχήσις [sic; =Κατήχησις], си есть грѣческое слово. А поруски именуется Кристьянское [sic; =Христьянское] учение перечнем, что человѣку подобает преже всего учитися и вѣдати о спасении души своей. А печаталъ в Стокольне мастеръ Петтеръ фан Селавъ. Лѣта от воплощения Спаса нашего Исуса Христа #АХКИ [1628].

Но нужен был не только словолитчик, который отлил бы кириллические буквы и потом напечатал книгу, а понадобились также переводчик и переписчик. Первый нашелся в стокгольмской канцелярии переводчиков русского языка: Густав Адольф выбрал для этой цели Ганса Флёриха (Hans Flörich), прекрасно знавшего как русский, так и немецкий язык (шведский, наверное, он знал плохо: не сохранилось ни одного его перевода на шведский язык, а все

его длинные письма-жалобы шведскому правительству написаны по-немецки). Флёрих до приезда в Швецию служил переводчиком трем русским царям: Федору I, Борису Годунову и Василию Шуйскому[1]. Он родился ок. 1577 г. в Московском царстве у немецких родителей и с детства владел русским и немецким языками. В период Смуты, ок. 1610 г., Флёрих покинул Московию и стал служить шведскому королю Карлу IX, а позже его сыну Густаву Адольфу. Спустя два года его жене с детьми так же удалось бежать в Швецию (Maier, Droste 2010).

В Стокгольмском государственном архиве хранится приказ Густава Адольфа от 10 июня 1625 г. Флёриху о подготовке перевода. Самая важная часть королевской инструкции Флёриху гласит:

> «[…] Мы наняли печатника, который должен печатать русские книги. Для того, чтобы этот печатник мог приступить к работе, наша милостивая воля состоит в том, чтобы ты перевел Малый катехизис *на русский язык* – так, чтобы объяснения были переведены *на правильный русский язык*, а то, что цитируется из Библии, не должно быть изменено, но *цитироваться по-славянски, как это напечатано в их Библии* […]» (Курсив: И.М.).

Представляется вероятным, что Флерих сам информировал короля о языковой ситуации в России. Впрочем, у него и без указания короля не было выбора, т.е. он мог бы перевести катехизис, не используя Библию, но не мог перевести текст Лютера, которого в Библии нет, на церковнославянский язык. При этом он находился в сложной ситуации, ведь по традиции религиозные тексты должны были писаться на церковнославянском, а не на русском. Чувство, что в религиозный текст разговорный русский язык все же не подходит, наверное, привело переводчика к тому, что он иногда вставлял в свои русскоязычные пассажи отдельные церковнославянские формы, которые случайно знал. С цитатами из Острожской библии (если он мог их найти) проблем практически не было: он их обычно списывал буквально. Ср. Таблицу № 1:

Острожская библия 1580/81	*Стокгольмский катехизис 1628*, л. [6] об. – [7]
И рече имъ: «Шедше в миръ весь, проповѣдите евангелие всеи твари. Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ. А иже не иметъ вѣр**у**, осуженъ будетъ.»	Л. [6] об. И рече имъ: «Шедше в миръ весь, проповѣдите евангелие всеи твари. Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будет. А иже не имет вѣр**ы**, осуженъ будетъ.»
Дастъ ми ся всяка власть, на небеси и на земли. Шедше убо научите вся язык**ы**, крестяще ихъ, **въ** имя отца и сына и святаго духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдах вамъ. И се азъ с вами есмь **вся дни** до скончаниа вѣка, аминь.	Л. [7] лиц. Дастъ ми ся всяка власть на небеси и на земли. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ **во** имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. И се азъ с вами есмь **во вся дни**, до скончания вѣка. Аминь.

Как показывает таблица, в данном случае цитаты различаются лишь в некоторых деталях, причем мы даже не знаем, кто «виноват»: сам Флерих или писец, подготовивший копию для наборщика. Но иногда, как кажется, Флерих не мог найти нужное место в Библии или даже не

[1] В российских архивах он фигурирует под именем 'Анц/Анца Арпов'; по-видимому, его отца звали Арп.

пытался его искать, но сам переводил с немецкого оригинала.[2] В таких случаях вместо цитат из Острожской Библии мы находим оригинальный перевод Флериха с типично русскими чертами.

Наиболее трудно было найти переписчика, который на основе скорописного текста перевода Флериха подготовил бы копию для наборщиков в стокгольмской мастерской, ведь они не смогли бы набрать книгу со скорописи Флериха.[3] В Ингерманландии наконец-то нашли подходящего человека –Ивана Торчакова, в то время одного из самых искусных писцов Ингерманландии. Поскольку ни его список, ни список Флериха не сохранились, трудно сказать, ввел ли Торчаков в текст Флериха еще и другие изменения, помимо формы букв. Скорее всего Торчаков просто переписал перевод «печатными» буквами. Правда, в его контракт входило также чтение корректуры в типографии, но похоже, что он к тому времени уже уехал из Стокгольма. Это может объяснить значительное количество опечаток в издании катехизиса, где, например, очень часто отсутствуют пробелы между словами. Так, в последней строке на титульной странице, «Лета от воплощения Спаса нашего Исуса Христа», имеется всего лишь *один* пробел, между словами *нашего* и *Исуса*, а все остальное написано слитно. Очевидно, Торчаков в своем списке для типографии использовал такие узкие пробелы, что наборщику было неясно, где кончаются и начинаются слова.

Сохранившиеся экземпляры печатного катехизиса. Мне известны 11 экземпляров (см. табл. № 2, с. 3). Неудивительно, что количество сохранившихся экземпляров в Швеции и в России больше, чем во всех остальных странах вместе взятых, ведь в Швеции катехизис увидел свет, а на территориях, находящихся ныне в России, он должен был использоваться, как предполагалось, для обращения в лютеранство православных шведских подданных. Более того, можно доказать, что оба «немецких» экземпляра попали в Германию из Москвы, откуда их увезли, по всей вероятности, основатели первого русского придворного театра – Иоганн Готтфрид Грегори и его ассистент Лаврентий Рингубер.

Таблица № 2: Распределение известных экземпляров Катехизиса по странам и хранилищам.

Количество экземпляров	*Страна*	*Город и хранилище полных экземпляров*
3 (+ 5 фрагментов)	Швеция	Уппсала, Университетская библ. Стокгольм, Королевская библ. Линчепинг, Городская библ.
3	Россия	Москва, РГБ Москва, РГАДА Ст.-Петербург, РНБ

[2] Вероятно, в его первоисточнике имелись кое-какие библиографические указания, но скорее всего не достаточно точные и иногда ошибочные – возможно, такие же ненадежные, как и в издании 1628 г.
[3] Не исключено, что русскоязычные книги набирал сам фан Селов.

2	Германия	Штуттгарт, Landesbibliothek Веймар, Herzogin Anna Amalia Bibl.
1	Дания	Копенгаген, Королевская библ.
1	Австрия	Вена, Национальная библ.
1	США	Чикаго, Newberry Library

В некоторых экземплярах имеются указания на то, что книга служила подарком, например, исследователям (экз. в Линчепинге и Веймаре), а в одном случае политическому властителю (герцогу Эберхарду III Вюртембергскому в Штуттгарте). Известный эфиопист Хиоб Лудольф свидетельствует, что он в юности использовал книжку как учебник русского языка. Относительно И. Г. Грегори и Л. Рингубера прямого свидетельства нет, но скорее всего они также учились по катехизису русскому языку на начальном уровне. В учебных же целях была создана одна из рукописных копий: она сохранилась в корреспонденции юного англичанина с учителем, с которым он совершенствовал свои знания русского языка. (Предположительно ученик был Роберт Брюс, родившийся в 1668 году в Пскове, сын Уильяма Брюса.) В итоге книга была полезна иностранцам как учебник русского языка, в то время как о пользе катехизиса в процессе обращения новых православных шведских подданных в лютеранство в сохранившихся экземплярах следов нет – возможно, что такие экземпляры просто были зачитаны до дыр и не сохранились. Что касается пяти фрагментов, то по крайней мере один из них использовался как папка для архивирования документов, а именно – очень уместно! – протоколов переговоров с русскими послами 1633 г.

Известны также три рукописные копии с катехизиса 1628 г. Одна, служившая учебным пособием для английского подростка, была уже упомянута. Она хранится в Британской библиотеке в Лондоне и была составлена, по всей видимости, в 1680-е годы. Список в Упсальской библиотеке, несомненно, был создан для шведского суперинтендента Н. Бергиуса (в Нарве), планировавшего на рубеже XVII–XVIII веков выпустить свой собственный лютеранский катехизис на русском языке (он вышел в 1701 г.)[4]. Третий список, небольшой фрагмент в 4 листа, сохранился в Галле (Mengel 2024).

О языке перевода Флериха. Обратимся в конце коротко к вопросу о языке Стокгольмского катехизиса. (Дословные цитаты из Острожской библии не будут рассматриваться.) Следовал ли Флерих указу Густава Адольфа, процитированному выше (с. 2), о том, что катехизис нужно перевести на «правильный русский язык»? Мне кажется, что заказ был выполнен достаточно точно. Ниже приводятся некоторые типично русские черты из области морфологии, синтаксиса и лексики[5]:

[4] Некоторые исследовали считали, что это не копия с печатной книги, а список Торчакова для печатника 1628 г., но тщательное сравнение обоих текстов показывает, что это исключено.

[5] Более подробное описание грамматических и лексических черт в Катехизисе 1628: см. Maier 2004: 190–224.

Глагольные формы прошедшего времени:

- Практически исключительно современные формы, как *печаталъ*, *далъ*, *ввелъ*, *осталися, дѣлали*, *жилъ, работалъ*, *привелъ*, *изубычилъ, стали*, *повиновалися*, а также *умеръ*. Очень редки формы с глаголом-связкой: *есмь служил, есмь клялся, есмь чинивал, есмь учинилъ.*

- Формы имперфекта и аориста практически не встречаются: не *умре*, а *умер*; есть форма *рече*, но скорее всего в значении настоящего времени: *И тогда исповѣдникъ рече…; И потомъ ерѣи рече* … (Нем.: Darauff sol der Beichtiger sagen… Darauff spreche er; Luther 1543)

- Формы с суффиксом -ива-/-ыва-/-ва-, характерные для разговорного языка (но не для церковнославянского): *бывалъ, живалъ, чинивалъ, крадывалъ.*

Номинальная морфология:

- Широко распространены новые формы а-флексии во множ. числе (на *-амъ, -ами, -ахъ*) у старых *о-основ, например: *сосѣдамъ, словамъ* (4), *в словах, грѣхами, животах, грѣхах* (9) ... (старые формы редки: *худыми товар**ы**, о церковных извѣщател**ѣхъ**, о люд**ех** ...*)

- Двойственное число: только *уши* и *очи.*

- Категория одушевленности: Вѣрую в *Духа Святаго* (но в цитате из Остр. Библии: Приимѣте *Духъ Святъ*); Чти *отца* и матерь твою; Про *законных мужних женъ*; Про *отцовъ*; Чада, послушайте *своихъ родителѣй* о Господѣ (и многие другие).

Синтаксис:

Конструкции, которых нет в церковнославянском, а есть только в русском языке:

- *будет* в функции союза со значеием ’если’: «и *будетъ* мы тѣмъ искушены будемъ ...»

- *что за ... :* «*Что* мы *за пол(ь)зу* имѣемъ ...?»; «*Что тѣ за слова* и обѣтование божие?»

- Повторение предлога: «И аз ему *за все за то* благодарение воздаю; *в томъ во всемъ* каюся...»

- *который* во фразах типа «А *которые* же люди тягость великую в совѣсти своеи имѣютъ...»

- Союз *да* в значении ’и’: «И потомъ пойди на дѣла свои, *да* воспой стих.»

Лексика: Встречается ряд разговорных слов, которых нет в церковнославянском: *Надармо* («Не приимеши имени Господа Бога твоего *на дармо*»; в Острожской Библии: *всуе*); *журливо; опочивъ, шкота*; с*простовати, изубы(т)чить.*

Выводы

Удалось ли Густаву Адольфу обратить в лютеранство русскоговорящих православных подданных, например, в Шведской Ингерманландии? Кое-какие попытки, несомненно, были сделаны, но многие новые православные шведские подданные предпочитали бежать в Москов-

ское царство – не только потому, что не хотели обращаться в лютеранство, а также из-за налогов, которыми облагали их шведы. Но русскоязычная книжка пользовалась популярностью как учебник русского языка, предмет коллекционирования или как подарок.

Что касается языка, то в цитатах из Острожской Библии, несомненно, представлен церковнославянский, точно так, как было сказано в инструкции короля. Эти фрагменты можно было бы окружить знаками цитаты, чтобы исследователи их не рассматривали, если они заинтересованы переводом Флериха, который отражает «настоящий» русский язык конца XVI – начала XVII в. – живой язык, со многими разговорными элементами.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Maier. 2022. Did Peter van Selow (1582–1650) have Dutch roots? New sources about a well-known type founder and printer. In: Jaarboek voor Nederlandse Boekgeschiedenis. Vol. 29, No 1: 235–264.

I. Maier. 2024. A Lutheran Catechism in Russian Translation (Stockholm, 1628). In: S. Mengel (Hg.) Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках: Их рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение. Berlin: 149–233.

I. Maier, H. Droste. 2010. Från Boris Godunov till Gustav II Adolf: översättaren Hans Flörich i tsarens och svenska kronans tjänst. *Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures*. Vol. 50: 47–66.[6]

S. Mengel. 2024. Протестантские катехизисы на русском языке. Преемственность и особенности языковых концепций. In: S. Mengel (Hg.) Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках: Их рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение. Berlin: 235–350.

[6] Статьи Maier 2022, Maier 2024, Maier/Droste 2010 свободно доступны в Интернете, например, через Worldcat, academia.edu и т.д.

ПРОТЕСТАНТСКИЕ КАТЕХИЗИСЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ

SWETLANA MENGEL (GERMANY)
Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

С тех пор как Мартин Лютер, совершая свои «проверочные» путешествия (т. наз. *Visitationsreisen*) по реформированным христианским общинам Саксонии, пришел к печальному выводу, что простые верующие всё еще весьма слабо и недостаточно осведомлены о сущности христианского вероисповедания вообще и о его видении в свете идей Реформации в частности, и решил создать «учебное пособие»: в помощь священникам – для обучения паствы элементарным осно-вам христианства, и в помощь отцам семейств – для наставления членов семьи и прислуги в исполнении этих основ, как он пишет в предисловии, которое вышло в печати в Виттенберге в 1529 году и получило впоследствии название «Малого катехизиса» Лютера, это «пособие» на века становится неотъемлемым введением в основы христианского учения и важным учебником, используемым во всех областях и странах протестантской конфессии не только в сфере церкви и религии, но и в общеобразовательных школах. Для цели нашего исследования в этой связи особенно важно отметить языковую установку переводов катехизиса Лютера на различные языки: в соответствии с идеей Реформации переводы должны были быть выполнены на простой понятный народный язык, доступный для рецепции каждому неискушенному верующему.

Сто лет спустя после выхода в свет первого издания Малого катехизиса Лютера шведский король Густав II Адольф приказывает перевести его на «настоящий» русский язык («*richtiges Russisch*»), употребляя для передачи библейских цитат церковнославянскую Библию, чтобы русские подданные Шведской короны во вновь приобретенных землях, Ливонии и Ингерманлан-дии, «могли приобщиться к истинному познанию христианской веры» (Jensen 1912: 138). Напечатанный в 1628 году в Стокгольме этот первый перевод катехизиса Лютера на русский язык стал известен как «Стокгольмский катехизис» (Maier 2024). В 1701 году в Нарве было выпущено еще одно издание Малого катехизиса Лютера с параллельными текстами на шведском и русском языках (русский текст был набран латиницей, см. Sjöberg 1975, Maier 2024). А через 100 лет после выхода первого русского перевода Малого катехизиса Лютера И.В. Паус, пиетист из Галле, создает в Петербурге его второй перевод на русский язык, оставшийся в рукописи (Bragone 2024).

В конце XVII века внутри лютеранской церкви в Германии возникает новое прогрессивное движение – пиетизм (*Pietismus*), направленное на религиозное обновление и реформу Реформации: не отрицая учения Лютера, пиетисты считали, что оно узурпировано церковью – это привело к потере его живой основы и закоснению. Апогея пиетистское движение достигает во время центральной фазы своего развития с 1690 по 1740 год под руководством Августа Германа Франке (*August Hermann Francke*, 1663–1727), визионера и креативного организатора-практика, одного из профессоров-основателей университета в Галле. Знание и понимание полного текста Священного Писания как первостепенный и непреложный долг каждого христианина определяло основную максиму пиетистского движения и являлось его отличительным признаком. Далеко идущие просветительские цели пиетистов из Галле предусматривали всеобщее просвещение народов: своей первостепенной задачей они ставили перевод Библии и пиетистской душеспасительной литературы на различные национальные языки и распространение этих переводов в форме печатных изданий.

Первым шагом к просвещению, однако, и здесь должен был служить катехизис. Не огра-ничиваясь Малым катехизисом Лютера, А.Г. Франке создает свое собственное, более краткое, «учебное пособие» для «совсем несведующих» – т. наз. «трактатик» о начальных основах христианской жизни «*Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende*», который был впервые напечатан в университетской типографии в Галле в 1696 году и получил впоследствии известность как «Малый катехизис» А.Г. Франке. «Трактатик» пользовался большой популярностью. За короткое время он претерпел не только несколько переизданий на немецком языке (1698, 1703 и др.), но в полном соответствии с просветительской идеей пиетистов из Галле был переведен на различные европейские и не европейские языки.

В рамках своей «всемирной миссии» распространения «истинного христианства» пиетисты из Галле особую роль отводили «русской миссии». В толерантной религиозной политике Петра I (упомянутый выше второй русский перевод Малого катехизиса Лютера, сделанный пиетистом И.В. Паусом, сохранился именно в личной библиотеке Петра) они усматривали реальный шанс для ее успешного осуществления.

В этой связи одним из первых переводов Малого катехизиса А.Г. Франке стал его перевод на русский язык, сделанный, очевидно, уже в 1698 году. Второй перевод на русский язык последовал в 1718 году, был напечатан в типографии Сиротского Дома – мощном просветительском комплексе, созданном А.Г. Франке в Галле – и переиздан там во второй редакции в 1729 году. К 1698 году в типографии Сиротского Дома уже имелся

кириллический шрифт, подаренный Г.В. Лудольфом (*Heinrich Wilhelm Ludolf*, 1655–1712), и печатание книг на русском языке с целью их распространения в России планировалось в широком масштабе. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма современников – единомышленников Франке (Менгел 2023). В данном контексте в Галле, очевидно, готовилось также переиздание в новой редакции первого русского перевода Малого катехизиса Лютера – Стокгольмского катехизиса 1628 года, рукописный фрагмент которого с соответствующими редакторскими пометами сохранился в архиве Фонда А.Г. Франке (*Franckesche Stiftungen zu Halle*).

Особое просветительское значение протестантских катехизисов заключалось не только в их предназначении сделать богословское содержание текста Библии доступным каждому про-стому верующему, но и, как было отмечено выше, в их *лингвистической концепции* – простом народном языке. При широком распространении небольших по объему и доступных катехизисных текстов данная лингвистическая установка могла способствовать формированию национальных литературных языков на народной основе.

Переводы на русский язык могли занять в этом контексте особое место не только потому, что православие не подверглось «реформации» подобно католичеству, но и потому, что языком русской православной церкви был (и остается) церковнославянский, соотношение которого с русским языком отличалось от соотношения латинского с европейскими вернакулярными языка-ми до Реформации в плане осознания их носителями и/или пользователями «своих» и «чужих» языковых элементов. Современный русский литературный язык, впервые кодифицированный, как принято считать, в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755/1757), являет собой, как известно, определенный синтез этих русских и церковнославянских элементов и не опирается на живой русский язык (или один из его диалектов). В этой связи анализ языковых концепций, отраженных в русских переводах протестантских катехизисов, предназначавшихся для распространения в России как основы просвещения и обучения, представляется весьма немало-важным с точки зрения их роли в процессе формирования русского литературного языка нового типа в первой половине XVIII века. Если первый перевод Малого катехизиса Лютера на русский язык – Стокгольмский катехизис 1628 года – был создан, как упоминалось выше, для русских подданных Шведской короны в Ливонии и Ингерманландии, то переводы на русский язык, изготовляемые в кругу пиетистов из Галле, предназначались непосредственно для их распростра-нения среди русских православных верующих в России. Также для распространения в России

планировалось в этой связи, очевидно, и переиздание Стокгольского катехизиса в новой редакции.

В нашем исследовании мы рассмотрели хранящиеся в Галле в архиве и Главной библио-теке Фонда А.Г. Франке, а также в университетской библиотеке документы, связанные с обоими русскими переводами Малого катехизиса А.Г. Франке – правка-корректура (или рецензия) первого перевода, рукопись и печатное переиздание второго перевода, а также рукописный фрагмент Стокгольмского катехизиса 1628 года. Результаты их подробного лингвистического и текстологического анализа, соотнесенные с историческими свидетельствами и фактами, позволили сделать следующие выводы.

Удалось убедительно подтвердить и впервые установить, что автором корректуры-правки первого перевода Малого катехизиса А.Г. Франке и редактором рукописного фрагмента Стокгольмского катехизиса 1628 года является одно и то же лицо – видный деятель религиозно-просветительского протестантского движения конца XVII – начала XVIII века Эрнст Глюк (*Ernst Glück*, 1654 –1705), автор одной из первых грамматик русского языка, друг и единомышленник А.Г. Франке, основавший в Москве по приказу Петра I первую Академическую гимназию. Наша гипотеза о планировании в Галле переиздания Стокгольмского катехизиса в редакции Глюка, опирается кроме лингвистического и текстологического анализа рукописного фрагмента на приписку библиотекаря Сиротского Дома Г. Мильде (*Heinrich Milde*, 1676–1739), сделанную в конце фрагмента, о наличии в Галле в его время полного списка этого катехизиса, а также на замечание самого Глюка в письме от 8 марта 1704 года о намерении послать в Галле «*Catechismum*», сделанное в контексте предполагаемого печатания русских книг в Галле (Mengel 2024a). Удалось также установить, что работа над обоими произведениями – корректурой-правкой и рукописным фрагментом – велась либо параллельно, либо правка первого перевода Малого катехизиса А.Г. Франке делалась сразу после окончания работы над редакцией Стокгольмского катехизиса. Это позволяет определить время написания правки в период с 1703 до весны 1705 года и идентифицировать подлежавший правке первый русский перевод Малого катехизиса А.Г. Франке, выполненный с его краткого немецкого издания 1698 года, с переводом некого Иохима, упоминаемого в письмах современников.

Лингвистическая концепция корректора первого русского перевода Малого катехизиса А.Г. Франке и редактора первого русского перевода Малого катехизиса Лютера полностью соответствует протестантской просветительской идее. В

представлении корректора Глюка перевод Малого катехизиса А.Г. Франке должен был быть сделан на русский язык, а именно, на севернорусское наречие, которым Глюк, проживая в Ливонии, овладел как народным языком с юных лет. Его Глюк кодифицирует в своей «Грамматике русского языка» ([Glück 1704] Keipert, Uspenskij, Živov 1994) и в соответствии с ним делает свои исправления в переводе. В этой связи наблюдается преемственность с языковой концепцией, представленной в Стокгольмском катехизисе 1628 года, простым (по приказанию короля «настоящим») русским языком которого также является севернорусское наречие с его специфическими морфологическими признаками: окончанием прилагательных *-ого(аго)/его*(*яго*) (vs. *-ово/ево*) в род. п. ед. числа муж. и ср. рода и инфинитивом на *-ти* (vs. *ть*) при наличии регулярных русских форм прошедшего времени на *-л* (Менгель 2021). Для лингвистической концепции Глюка характерно при этом четкое разграничение между народным русским языком и церковнославянским текстом Библии, перевод которой на русский язык им был подготовлен и прослеживается в его замечаниях в правке (Mengel 2024). Автору первого русского перевода Малого катехизиса А.Г. Франке некому Иохиму, как показал анализ исправлений Глюка, следует отказать в наличии у него сознательной языковой концепции: недостаточно хорошо усвоив русский и церковнославянский языки, он, стремясь, по всей види-мости, перевести текст на русский «разговорный» язык, использовал в своем переводе своеобраз-ную смесь русского и церковнославянского языков, вероятно не вполне им осознаемую.

В ходе исследования удалось убедительно доказать, что хранящаяся в Галле рукопись второго русского перевода Малого катехизиса А.Г. Франке, выполненного с его полного издания 1696 года, представляет собой перевод Каспара Матиаса Родде (*Caspar Mathias Rodde*, 1689–1743), обучавшегося в университете Галле с 1716 по 1719 год и сохранявшего постоянные и тесные связи с пиетистами из Галле также после отбытия на родину в Нарву, где он поддерживает дружеские отношения с Ф. Прокоповичем и становится на пике своей духовной карьеры архи-епископом Ингерманландии. Как удалось установить, эта рукопись послужила, очевидно, тем шаблоном, с которого был сделан типографский набор для первого издания перевода Родде, напечатанного в Галле в 1718 году, о чем имеются свидетельства современников и самого Родде.

Хранящийся в Галле печатный экземпляр не является однако этим первым печатным изданием, но его переизданием в минимальной редакции Симеона Тодорского, прибывшего из Киевской Духовной академии, обучавшегося в Галле с 1729 по 1735 год

и переведшего значительное количество пиетистской литературы на русский язык, предназначенной для ее распространения в России (Mengel, Nikolaeva 2024). Переиздание второго русского перевода Малого катехизиса А.Г. Франке, выполненного Родде, было осуществлено, очевидно, в 1729 году, а не в 1735 году, как до сих пор предполагалось. Экземпляры этого издания, не содержащего выходных данных, были обнаружены нами в библиотеках Киева, Москвы, Петербурга, других городов России и в библиотеках других стран.

Лингвистическую концепцию перевода Родде можно определить как стремление переводчика к «синтезу» русского и церковнославянского языков, что сближает перевод Родде с соответствующими текстами, создаваемыми в это время в России. При приемственности общей народной основы, которой в переводе Родде также является севернорусское наречие, лингвистическая концепция переводчика Родде в корне отличается от концепции Глюка. Если Глюк четко разделял русский и церковнославянский языки и подготовил русский перевод текста Библии (см. выше), то Родде, очевидно, исходил из понятности церковнославянского библей-ского текста русским православным верующим, по традиции воспринимавшим слово Божие преимущественно «изустно». Редактируя перевод Родде для его переиздания Тодорский внес лишь минимальные исправления, не отразившие черты его родного юго-западного наречия.

По свидетельству Родде в письме от 29 июня 1725 года его перевод в первом издании 1718 года имел самый реальный шанс стать по указанию Петра I первым русским катехизисом.

ЛИТЕРАТУРА

Bragone, Maria Cristina. 2024. Русский перевод И.В. Пауса Малого Катехизиса М. Лютера и бытование это-
го перевода в России Петра I. In: Swetlana Mengel. Hg. *Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их*
рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение. Berlin: 351–434.

Jensen, Alfred. 1912. Die Anfänge der schwedischen Slavistik. In: *Archiv für slavische Philologie* (33): 136–65.

Keipert, Helmut, Uspenskij, Boris und Viktor Živov. Hg. 1994. *Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Köln: Böhlau.

Maier, Ingrid. 2024. “A Lutheran Catechism in Russian translation (Stockholm, 1628).” In: Swetlana Mengel, Hg. *Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение*. Berlin: 149 –234.

Mengel, Swetlana. 2024. Протестантские катехизисы на русском языке. Преемственность и особенности языковых концепций. In: Swetlana Mengel. Hg. *Катехизисы у славян в XVI–*

XVIII веках. Их рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение. Berlin: 235–350.
Mengel, Swetlana. 2024a. Рукописный фрагмент *Стокгольмского катехизиса* (1628), хранящийся в Галле.
Атрибуция, датировка и предназначение. In*: Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*. Ed. by Swetlana Mengel, Laura Rossi. Fireze 2024: 29–32.
Mengel, Swetlana, Nikolaeva, Nataliya. Hg. 2024. *Über Gott und mit Gott sprechen – Zwischen Russisch und Kirchenslavisch*. *Zur Sprache der christlichen Mystik in Russland der Neuzeit*. Berlin.
Sjöberg, Anders. 1975. Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Alfabetum Rutenorum»). In: L'ubomír Ďurovič. Hg. *Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции*. Lund: 9–28.
Менгел, Светлана. 2023. О русских переводах из Халле и их издании. Новая интерпретация имеющихся исторических свидетельств и фактов. В: *Palaeobulgarica* XLVII (3): 181–206.
Менгель, Светлана et. al. 2021. *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII – первой трети XVIII веков. Вклад иностранных ученых и переводчиков*. Москва.

ПЕРЕВОД И.В. ПАУСА «МАЛОГО КАТЕХИЗИСА» М. ЛЮТЕРА И БЫТОВАНИЕ ЭТОГО ПЕРЕВОДА В РОССИИ ПЕТРА I

MARIA CRISTINA BRAGONE (ITALY)
Università degli Studi di Pavia
mariacristina.bragone@unipv.it

Предметом исследования является изучение рукописного перевода *Малого Катехизиса* Мартина Лютера, изготовленного педагогом, лингвистом, переводчиком, поэтом Иоганном Вернером Паусом (*Johann Werner Paus*, 1670-1735). В приложении к исследованию помещено издание перевода на основе беловой копии с параллельным немецким текстом, изданным в 1718 г. в Ревале печатником Иоганном Колером (*Johann Köhler*, 1662-1736) и использованным Паусом. В примечаниях к изданию помещены варианты из черновой копии, написанной, по всей вероятности, самим Паусом. Беловая и черновая копии хранятся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Петербурге (БАН, 34.8.10; БАН, 26.3.I.14).

Перевод Пауса представляет особое значение по разным причинам: 1) На основе настоящих сведений он является первым переводом катехизиса Лютера, появившимся в России. До него был перевод Ганса Флериха, изданный в Стокгольме в 1628 г., и перевод Николауса Бергиуса, выпущен-ный в Нарве в 1701 г. печатником Иоанном Колером; 2) Перевод Пауса является ценным свидетель-ством о распространении лютеранства и о миссии и деятельности пиетистов из Галле в России в Петровское время; 3) Перевод свидетельствует о мастерстве Пауса как переводчика и о его лингвисти-ческих взглядах. Тем не менее, несмотря на его очевидное значение перевод не был напечатан, как и вообще почти все наследие Пауса, которое осталось рукописным.

Исследование дает краткое описание биографии и деятельности Пауса, который учился в Йене, Виттенберге и Галле у известного теолога и педагога Августа Германна Франке (*August Her-mann Franke*, 1663-1727). В самом начале XVIII в. Паус был направлен в Россию в рамках миссионерских планов галльских пиетистов, которые намеревались распространить свою дейятельность в России вплоть до Дальнего Востока. Паус приехал в Москву в 1702 г. в качестве учителя языков и до 1706 г. преподавал в гимназии пастора Иоганна Эрнста Глюка (*Johann Ernst Glück*, 1652-1705). Кроме учительской работы, он сразу начал заниматься переводами и лингвистическими вопросами: к этому времени восходят его переводы основных педагогических сочинений, таких, как *De civilitate morum puerilium* Эразма Роттердамского, *Colloquia*

Latino-Germanica Иоганна Георга Сейбольда и др., и начало работы над грамматикой *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache.* После ухода из гимназии Глюка из-за распрей с коллегами и учениками Паус работал учителем и секретарем в дворянских семьях и интенсивно продолжал работать над грамматикой и разными переводами. В 1725 г. он был зачислен в переводчики Академии наук, где работал до смерти.

Перевод *Малого Катехизиса* Лютера входит в группу переводов Пауса, относящихся к люте-ранству, среди которых числятся переводы *Confessio Augustana*, молитв, гимнов, устава лютеранских церквей и др. Их надо рассматривать, по мнению В. Перетца, автора основного труда о Глюке и Паусе, в контексте миссионерской деятельности по распространению учения Лютера в России и подтверждения «родной» веры у немцев, там приживавших. Эти переводы были связаны также с религиозной политикой Петра I и его интересом к протестантским катехизисам.

Исследование останавливается на деятельности печатника Иоганна Колера, вписывающейся в этот общий контекст и игравшей важную роль в распространении пиетизма. После взятия Нарвы русскими войсками в 1705 г. Колер находился в Москве, где намеревался завести типографию. Несмотря на разрешение царя ему все-таки не удалось осуществить этот проект; он переехал в Реваль, открыл типографию там и издавал книги на немецком и шведском языках. Можно полагать, что живя в Москве, Колер имел контакты с Паусом. Его издание *Малого Катехизиса* Лютера, использованное Паусом, позволяет определить временный диапазон, внутри которого был осуществлен перевод, т.е. между 1718 и 1725 гг., когда умер Петр I, особо заинтересованный в протестантских катехизисах.

Исследование сосредотачивается на беловой копии перевода катехизиса, не принадлежащей руке Пауса. Она помещена в книге, состоящей из отдельных печатных листов из ревальского издания Колера 1718 г., на которых находится немецкий текст. В соответствии с каждой печатной страницей помещен рукописный перевод соответствующего куска текста. Вместе со страницами катехизиса в книгу включены страницы из того же издания 1718 г. вопросо-ответного изложения самого катехизиса (*Сокращение христианской веры* теолога Саломо Глассиуса) и страницы из ревальского издания Колера 1717 г. устава лютеранских церквей.

После представления историко-культурного и религиозного контекста, внутри которого был осуществлен перевод *Малого Катехизиса*, внимание сосредотачивается на характере самого перевода и переводческой стратегии Пауса.

Работая над своим переводом, Паус должен был иметь в виду необходимость, подчеркнутую Лютером и Франке, в обучении христианскому учению в понятном и доступном изложении. Ввиду этого и говоря в целом, следует отметить, что Паус использует церковнославянские или русские формы в зависимости от характера текста катехизиса. Например, он использует церковнославянские формы в передаче цитат из Библии или молитв. Русские формы встречаются в основном там, где находятся объяснения, например, в части, озаглавленной *Christliche Fragstücke*. Такое распределение церковнославянских и русских форм не строгое, но все-таки наблюдается.

В исследовании показано, что Паус использовал московское издание Библии 1663 г. Решение пользоваться православной Библией при переводе катехизиса Лютера можно объяснить стремлением Пауса – в духе миссионерских целей – сделать учение Лютера более приемлемыми и представить его в более знакомом виде людям, привыкшим к православной Библии. В исследовании приводится несколько примеров перевода библейских цитат в сопоставлении их с соответствующими местами из Острожской и Московской Библии.

Пользуясь православной Библией, Паус не оставил все-таки в стороне свое филологическое и теологическое образование и в тех местах, где ему казалось необходимым, в пользу терминологической точности он вмешивался в текст, заменяя некоторые термины. В исследовании приводится несколько случаев, среди которых можно упомянуть передачу немецкого термина *Die Ältesten* для которого Паус, ориентируясь на греческий термин *πρεσβύτερος*, использует термин *пресвѵтеры* вместо термина *попы*, употребляемого в Острожской и Московской Библии.

Исследование представляет собой попытку описать перевод *Малого Катехизиса* Лютера, сделанный Паусом, в свете его лингвистической концепции, указывая также на несколько тем для дальнейших исследований, которые должны углубить изучение этого перевода и изучение богатого наследия Пауса в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ
Архивные материалы

Мало^{и} Катехїсмъ Д.М.Л. Со изꙋ̀ложенїемъ. 2. Сокращенїе Хрїстїан^{ѣ}кия вѣры и^{з} Катехїсма Лутерова взятое во^{з}рос-лымъ и^{ѣ} в^{ѣ} школа^{х} дѣтемъ которые словеса Катехїсма и^{з} устъ знаютъ, а въ разумѣ не сове^{р}шеннѡ ѡснованны, въ созиданїе Хр^{с}тїан^{ѣ}кия вѣры съ сторонными вопросами на свѣтъ и^{з}дано. въ ревелѣ печат: Їѡаннъ Ко́леръ 1718. (БАН, 26.3.I.14)

Молитва утренная, Вечерная молитва, Молитва пре[д] кушанїемъ, Молитва после кушанїя, Домашная Таблица. <?> fragstücke <Cate?> Luts., ряд библейских цитат. (БАН, 26.3.I.18)

Revidirtes Instrumentum Pacis Ecclesiasticum, Oder Evangelisch-Lutherisches Geistliches Krieges-Recht und Friedens-Articul / Oder Kirchen- und Schulen Reglement und Ordnung / Wie es darinnen Auff Ihro Gross-Tzarischen

Majest: Allergna[e]digster Commission und Vollmacht in allen reguliret und gehalten werden soll. Eph: 6. v. 10- 17. Zuletzt / meine Bru[e]der / seyd starck in dem HERRN / und in der Macht seiner Sta[e]rcke. Ztehet an den

Harnisch Gottes / auff dass ihr bestehen ko[e]nnet gegen die listige Anla[e]uffe des Teuffels. etc. REVAL / Gedruckt bey Johann Ko[e]hler / Stadt-Buchdrucker / Ao. 1717.

Справной Уставъ церковной или Евангелическо лутерскиѧ вѣры и дх҃овно воинскаго права и҃ мирние Артїкулы сиречь Регламенть и порѧдокъ Цр҃квамъ и҃ школамъ Како в҆нихъ По его императорскагѡ величе[с]тва всемл҃[е]тивѣйшей комїсїи к҆полномощно[с]ти во всемъ у҃чредить и҆поступать къ ефес: 6.10.17. прочее҆же братїе мои возмогайте ѡ҆г[е]дѣ и в҆державѣ крѣпости е҃гѡ. Ѻ҆блецѣтесѧ во҆всѧ ѻ҆ружїе б҃жїѧ, ѓкѡ возмощи вамъ стати противо кознемъ дїаволскимъ. в҆ревелѣ Печатано У҆Їоанна Колера город: печатника. 1717. году.

Малой Катехїсмъ Д.М.Л. Со из□ложенїемъ 2 Сокращенїе хр҃їстїанъскиѧ вѣры изъ катехїсма лутерова взѧтое Возрослымъ и в҆школахъ҆дѣтѧ[м] которые Словеса катехїсма и҃зъустъ знаю[т] а в҆разумѣ несовершеннw wснованны. Въ созданїе хр҃їстїанскиѧ вѣры сторонными вопросами на свѣтъ и҃здано. Въ҆ревелѣ печаталъ Їоаннъ колеръ 1718.

Der kleine Catechismus / D.M.L. Mit der Auslegung. II. Kurtzer Begrieff der Christlichen Lehre /Aus dem Catechismo Lutheri gezogen / Fu[e]r die Erwachsenen / wie auch Kinder in Schulen / So beyderseits Die Wort des Catechsmi ko[e]nnen / im Verstande aber desselben nicht gnugsam gegru[e]ndet seynd / Zur Erbauung im Christenthum In Neben-Fragen / ans Licht gestellet. REVAL /druckts Johann Ko[e]hler / 1718. (БАН 34.8.10.)

ЛИТЕРТУРА

Боброва Е.И. Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Ленинград: БАН, 1978.

Брагоне М.К. Наблюдения о переводе «Малого катехизиса» М. Лютера Иоганном Вернером Паусом. В: С. Менгель et al. Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII-первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2021, 237-253.

Живов В.М., Кайперт Г. О месте грамматики И.В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского. В: Вопросы языкознания, 6,1996, 3-30.

Менгель С., Аршембо С., Брагоне М.К., Власов С.В., Грбич Д., Московкин Л.В., Челбаева Т. Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII – первой трети XVIII веков. Вклад иностранных ученых и переводчиков. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2021.

Перетц В.Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. С.-Петербургъ: Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершулина, 1902.

Bragone M.C. Fortuna e diffusione del Piccolo Catechismo di Lutero nella Russia di Pietro il Grande. In: Rivista storica italiana, (CXXIX) I, 2017, 227-238.

Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie-Verlag, 1953 (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, 2).

КАТЕХИЗИСЫ В ИСТОРИИ СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКОВ

РОЛАНД МАРТИ (ГЕРМАНИЯ)

Письменная традиция у серболужичан начинается во время (и главным образом благодаря) Реформации, т.е. в XVI–XVII вв. Долгое время серболужицкая письменность состоит почти исключительно из переводных религиозных текстов. Важную роль играют катехизисы (т.н. «Малый катехизис» Лютера для протестантских и «Катехизис» Канизия для католических лужицких сербов). Ситуация осложняется тем, что переводчики употребляют различные диалектные формы серболужицкого континуума и создают т.о. традицию разных письменных и позднее стандартных языков: нижнелужицкого и верхнелужицкого (последний до XIX–XX вв. существовал в двух вариантах: католическом и протестантском). В докладе сравнивается язык самых ранних катехизисов, особенно в области лексики. Важную роль играет здесь влияние языка оригинала (немецкого для «Малого катехизиса» Лютера и латинского для «Катехизиса» Канизия), а также языков соседних славян (особенно чешского в случае католических серболужичан).

Marti, Roland: Der Katechismus in der Geschichte der sorbischen Sprachen. In: Mengel, Swetlana (Hg.)/Менгель, Светлана (ред.), Катехизисы у славян в XVI–XVIII веках. Их рецепция, распространение, культурообразующее и просветительское значение. Berlin: Frank & Thimme 2024 (= Slawistik, Band 11), 435-457.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ОДНОГО КАТЕХИЗИСА В XVIII ВЕКЕ

Драгана Грбић (Сербия/Германия)
Славистический институт в Университете Кёльна
dgrbic@uni-koeln.de

В докладе будут представлены катехизисные произведения Йована Райича (*Јован Рајић* 1726–1801): «Мали катехизис» (1774/1776), «Катехизис» (1774) и автобиографический текст о создании катехизиса «Точное изображение катихизма» (1795), в контексте динамики языковой ситуации у православных славян на Балканах в XVIII в. Творчество Райича достойно исследовательского интереса не только с лингвистической и богословской точек зрения, но и как пример инструментализации богообщения в политических целях. До 1775 г. у сербов Австро-Венгерской Империи по религиозным и культурно-политическим причинам в употреблении были только «русские» (церковнославянские) печатанные катехизисы Ф. Прокоповича (1727), П. Могилы (1638), П. Левшина (1773). В этом культурно-политическом контексте анализируется языковой генезис в катехизисах Райича.

Йован Райич – историк, писатель, ведущий теолог в сербской Карловацкой митрополии и представитель религиозного просвещения (Грбић 2010: 19–43). Он считается одним из самых выдающихся ученых XVIII века не только среди сербов, но и среди православных славян вообще, а его труд «Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгаръ, Хорватовъ, и Сербовъ» (1794/5) приобрел большую известность.

Теологическое образование оказало сильное влияние на творчество Райича. Сначала он учился в схоластической начальной школе под руководством Эммануила Козачинского из Киева в Сремских Карловцах, затем четыре года посещал католическую гимназию в Комароме в Венгрии, учился в протестантском лицее в Шопронах, а после окончания учебы отправился в Россию, где изучал богословие в Киево-Могилянской Духовной академии с 1753 по 1756 г. Такое образование дало Райичу глубокие знания о католицизме, протестантизме и христианском православии, которые помогли ему при написании катехизисов. После возвращения из России Райич сначала стал профессором Духовной школы у Павла Ненадовича в Сремских Карловцах и Новом Саде, а затем – монахом и архимандритом Ковельского монастыря, где написал и перевел множество богословских и исторических трудов. Во время учебы он читал, в частности, творения М.В. Ломоносова и А. Кантемира, а также переводил труды Ф. Прокоповича, Г. Криновского и П. Левшина.

«Малый катехизис» Йована Райича по многим причинам является исключительной книгой в сербской литературе, которую характеризует несколько суперлативов. «Малый катехизис» Райича считается самой важной сербской книгой XVIII в. из-за его роли в «защите православия», в этой связи автора часто называли «православия избавитель». Это – книга с возможно с самым контроверзным генезисом, сопровождавшимся драматичной полемикой по вопросам идентитета, о чем автор автобиографически свидетельствует в «Точном изображении катехизма». Книга приобрела особый статус не только в истории сербской книги XVIII века, но и в рамках ее восприятия на Балканах благодаря как самому большому тиражу первого издания – 10000 экземпляров, так и самому большому количеству изданий, опубликованных на сербском языке – шесть изданий в XVIII веке при жизни автора, и несколько последующих переизданий в XIX веке после его смерти: всего 26 изданий, последнее – в 1866 году. Важно подчеркнуть, что кроме печатных изданий «Малый катехизис» распространялся среди православных народов также в списках, и кроме изданий на сербском языке, были его издания и на иностранных языках. Это единственная сербская книга XVIII в., вышедшая как трехъязычное издание, где кроме сербского оригинала находились немецкий и румынский переводы. Вскоре после публикации первого трехъязычного издания текст был переведен также на греческий и венгерский языки. Таким образом, включая переводы, при жизни автора «Малый катехизис» Райича претерпел 17 изданий, а с посмертными изданиями их насчитывается 80 (Војновић 2019: 160–162). Перечисленные факты в связи с историей появления и рецепцией «Малого катехизиса» свидетельствуют о его национальном и интернациональном значении, в первую очередь, для православных народов на Балканах. По культурно-исторической важности его можно поставить в один ряд с центральным произведением Райича – его четырехтомной «Историей различных славянских народов, прежде всего болгар, хорватов и сербов» (см. выше), сыгравшей значительную роль при формировании национального самосознания. Исследователи справедливо считают, что ««Малый Катехизис» Райича стал важным православным символом, сохранявшим свое влияние также в течении XIX ст. (Војновић 2019: 147)».

Ключевой метатекст, связанный с «Малым катехизисом», – «Точное изображение кате-хизма» – единственное в своем роде произведение в истории сербской литературы XVIII и даже XIX в., которое «точно повествует» о всех обстоятельствах, ставших причиной и сопровож-давших работу автора над катехизисом, а также об истории катехетической науки в Сербской Православной церкви и повлиявших на нее

религиозно-политических обстоятельствах. «Точное изображение катехизма» было опубликовано посмертно, сначала в отрывках в журналах «Голубица» в 1840 г. в переводе на сербский язык, выполненном Милошем Светичем – Йованом Хаджичем, а затем в «Бачкой виле» в 1841 г. Полностью, также в переводе на сербский, его опубликовал только Джордже Даничар.

Главной причиной появления произведений Райича было отсутствие катехизиса на сербском языке. Венский Двор направил Синоду и митрополиту Сербской Православной церкви прошение о написании катехизиса на народном языке, который бы мог использоваться в качестве учебника для преподавания богословия сербским детям в школах. Как показывают исследования (Руварац 1912б: 47–50; Вукашиновић 2009: 52), до этого в Карловацкой метрополии в употреблении были рукописные катехизисы в различных вариантах, составленные на русскославянском языке учеными-богословами Дионисием Новаковичем, Йосифом Йовановичем Шакабенте и Стояномом Шоботом. Из печатных изданий в употреблении были только катехизисы на «рус-ском» (церковнославянском) языке, в первую очередь, катехизис Петра Могилы, привезенный русскими учителями, прибывшими в Карловацкую митрополию по приглашению митрополита Викентия Йовановича и по приказу Петра I в 1726–1733 годах. Был в употреблении также печатный катехизис Захарии Орфелина «Ортодокс омология» (1758), представлявший собой переработанное издание катехизиса Могилы, созданное по приказу митрополита Павла Ненадо-вича (Вукашиновић 2010).

Требование Венского Двора создать новый катехизис на национальном языке имело под собой две основные причины. Первая была связана с рефомой школьного образования в Габс-бургской монархии, предложенной Йоханом Игнацем фон Фелбигером и проведенной именно в 1774 г. Этому, однако, уже предшествовало несколько неудачных попыток получить от Карло-вацкой метрополии катехизис на национальном языке, о чем детально пишет Райич в «Точном изображении катехизма». Вторая причина для введения учебника широкого применения – т.е. не только для преподавания богословия, но и для обучения грамоте на начальном этапе, для чего, как известно, использовались катехизисы, – преследовала цель вывести сербов и другие православные народы монархии из-под русского влияния. Официальным языком Сербской Православной церкви в Карловацкой митрополии был русскославянский (Grbić 2022: 466–471), чему способствовали сложные историко-политические и религиозные обстоятельства после Большого переселения сербов в 1690 году из Османского царства на территорию Габсбургской монархии.

«Малый катехизис» Райича появился как сокращенная версия его «Катехизиса», написанного на русскославянском языке под большим религиозно-политическим давлением всего лишь за восемь дней.

После одобрения и принятия текста «Катехизиса» на заседании Синода, прочитанного Райичем митрополиту и остальным клирикам целиком, он поспешил назад в свой монастырь, чтобы *перевести* катехизис на сербский язык. Это автобиографическое заявление свидетельствует не только о том, что в Карловацкой митрополии официальным языком был русско-славянский, но и показывает в какой мере его использование было распространено и естественно среди ученых богословов. Случай Райича иллюстрирует, что ему было легче писать на русскославянском, чем на своем родном сербском языке.

«Славянским» Райич называет язык, который современные исследователи определяют как русскославянский, что подтверждает анализ оригинальной рукописи «Большого катехизиса», хранящейся в Архиве Карловацкой митрополии. Важно также подчеркнуть, что Райич употребляет слово «сербский» для обозначения языка катехизиса, затребованного Венским двором, вместо названия «иллирийский» или «народный/мирской язык», которое использовалось в переписке императрицы и барона Матезена. В отчете о работе Синода с заседания 1774 г. Цитируется письмо, доставленное бароном Матезеном вместе с предложенным текстом катехизиса, где эксплицитно требуется перевод на «иллирийский и влашский языки»:

> «Erzbischöfliche Synodal Versammlung überreichet zwey in die vulgare Illyrische und vallachische Sprache übersetzte Exemplarien von den in Teutscher Sprache zusammengesezten Cathechismo» (Руварац 1903: 676).

Митрополит в ответе барону Матезену употребляет немного другую терминологию и вместо «иллирийский» использует название «народный/мирской язык», а термин «иллирийский» использует только тогда, когда пишет об Иллирийской дворцовой депутации при Венском Дворе, которая была уполномоченной по региону южных славян в Габсбургской монархии:

> «Euer K.K. Ap. May. Commissarius G. FML Freyherr von Mathesen hat den treudevotesten Synodo einen in teutscher Sprache zusammengetragenen Cathechismus herüber gegeben, um solchen in die in denen Graeci non uniti Ritus Diaecesen übliche vulgare Landessprache zu übersezten und sothane Überseztung durch den Weg Allerhöchst Dero K. K. Illyrische Hof-Deputation Euer K.K. Ap. May. Allerunterthänigst einzusenden (Руварац 1903: 676).»

Чрезвычайно интересен тот факт, что «народный» язык катехизиса Венский Двор и Карловацкая митрополия называют по-разному, что еще раз свидетельствует о

сложности языковой ситуации у южных славян на Балканах. Райич употребляет термин «сербский», чем подчеркивает не только этническое, но и религиозно-политическое различие относительно термина «иллирийский». Он знает, что название народа обычно происходит из названия его языка, и утверждает это в своей «Истории различных славянских народов, прежде всего болгар, хорватов и сербов»:

> «*Народъ бо по Языку именоватися обыче*, и отъ прочихъ отличествуетъ: древность же рода Славенскаго еще отъ временъ Потопа и Фамилїи Іафетовой производится, какъ уже доказанно; што убо препинаетъ рещи: и Язику Славенскому въ тѣхъ же временахъ начало свое имѣти (Рајић 1794 I: 42–43, подчеркнуто и курсив мой Д. Г.).»

Об иллирийцах, Иллирии и иллирийском языке Райич подробно пишет в своей «Исто-рии». Обратимся к его идеям из главы «О діалекте славенскомъ». 4-ю главу I-го тома «Истории» он начинает обращением к диссертации «О Іллvрическомъ Дїалекте» Себастиана Долци из Дубровника, опубликованной в 1754 году, где детально объясняется «начало славянского Языка или Дїалекта». В этом произведении термин «Славено-Іллvрическїй» употребляется как искон-ное понятие для всех славянских языков, развившихся «с начала существования мира». Долци выводит гипотезу, что славянское наречие, употребляющееся в Иллирии, «оное древнее первое же и чистое Славенское» (Рајић 1794, I: 46). У Райича частично другое мнение. Он дополняет Доци тем, что приводит объяснение об употребление термина на территории Иллирии, где это понятие обыкновенно используется для обозначения разных «славянских языков». Свою аргументацию он основывает на произведении «Королевство Далматинское», в котором объясняется, что термин «иллирийский» употребляли прежде всего латины, чтобы обозначить племя и язык славян, освоивших римские провинции Иллирии. Ключевой аргумент Райича состоит в том, что сами иллиры употребляют другие названия для своих диалектов, т.е. языков, и в качестве иллюстративного примера упоминает сложную языковую ситуацию после Большого переселения и диглоссию, обусловленную историко-политической и религиозной ситуацией:

> «Повнегда Славяни древнїи мало не весъ Іллvрикъ освоили, того для нынѣ у Латїнъ нарѣчїе Славенское по болшей части древнымъ именемъ страни тоя Іллvрїческое называется: Далматинци обаче, и порубжнїи имъ Славонци Славенскимъ языкомъ не называютъ, но Хорватскимъ и Сербс-кимъ якоже коейждо Нацїи дїалектъ естъ. Тѣмъ образомъ и Народъ Славенскїй въ Іллvрикѣ обита-ющїй вездѣ въ публичныхъ дѣлахъ и писмахъ Іллvрическимъ называется. Чего примѣръ сутъ милостиводарованыя отъ Римскихъ Имъператоровъ Славеносербскому Народу изъ подъ ига Турс-каго въ подкрилїе Римскихъ Кесарей изшедшему Привилегїи, коротыя вездѣ Сербскїй Славенскїй Народъ Іллvрикорассїанскимъ Народомъ именуетъ. Іллvрическимъ называется зато что изъ древле еще отъ временъ Іустинїановыхъ и Маврикїевыхъ въ Іллvрикѣ поселился, а Рассїанскимъ потому что изъ предѣловъ тѣхъ, которыя уже Турки завладѣли въ державу Римскихъ государей изышли, и въ подкрилїе ихъ подклонилися. Тако древный оный языкъ Славенскїй въ Славеносербскихъ во

> изышли, и въ подкрилїе ихъ подклонилися. Тако древный оный языкъ Славенскїй въ Славеносербскихъ во Іллvрикѣ церквахъ (кромѣ прочихъ народовъ славенскихъ греческаго исповѣданїя) и до нынѣ процвѣтатетъ, а Іллvрическїй, то естъ простое нарѣчїе, или дїалектъ Сербскїй въ свѣтскихъ дѣлахъ употребляется. Славяни же Іллvрическїй Римскаго Закона яко нарѣчїе древнее, тако и писмена Славенская отвергли, доволствующеся точїю дїялектомъ простимъ, которїй Іллvрическимъ нари-цаютъ, и въ мѣсто писменъ Славенскихъ Римскиїя литери употребляяти начали въ началѣ сего столѣтствїя» (Рајић 1794, I: 47–48).

Принимая во внимание эту четкую дифференциацию терминов «иллирийский», «народный» и «русскославянский» становится понятнее, почему под религиозно-политическим давлением Райич пишет свой катехизис на русскославянском, и только потом переводит его на свой родной язык. «Сербский» язык Райича современные лингвисты оценивают, однако, несколько иначе. В специальной литературе показано, что язык «Катехизиса» Райича был народным со славянизмами в области лексики и морфологии, точнее, что он написан на славяносербском языке (Младеновић 1997).

ЛИТЕРАТУРА

Војновић 2019: Жарко Војновић. Међународни хоризонт Рајићевог Малог катихисиса. В: Вукашиновић, Владимир, Перић, Порфирије (отв. ред.). Богословље и духовни живот Карловачке митрополије. Београд: Центар за литургичке студије Монс Хемус и Институт за литургику и црквену уметност Православног богословског факултета Универзитета у Београду, 146–162.

Вукашиновић 2009: Владимир Вукашиновић. Уводна студија. В: Јован Рајић. Мали катихизис Краљево-Београд: Епархијски управни одбор Епархије жичке-Српска патријаршија, 5–117.

Грбић 2010: Драгана Грбић. Алегорије ученог пустинољубитеља. Београд: Институт за књижевност и уметност.

Младеновић 1997: Александар Младеновић. Језик у текстовима Јована Рајића. В: Фрајнд, Марта (отв. ред.). Јован Рајић – живот и дело. Београд: Институт за књижевност и уметност, 127–131.

Рајић 1794–1795: Јован Рајић. Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгаръ, Хорватовъ, и Сербовъ. Том I-IV, Віеннѣ: Тvпографїя Стефанѣ Новаковичѣ.

Руварац 1903: Димитрије Руварац. Рад синодски. 1774 и 1775. В: Српски сион, XIII, 21; 22; 23; 24, 645–649; 676–678;723–727;744–748.

Руварац 1912: Димитрије Руварац. Архимандрита Јована Рајића «Историја катихизма». В: Архив за историју српске православне карловачке митрополије, II, 17–18; 19–20; 15.9. 1912, 25.10.1912; 257–272; 289–310.

Grbić 2022: Mappierung der serbisch-russischen kulturellen Verbindungen im 18. Jahrhundert. In: Tatjana Chelbaeva, Gabriela Lehmann-Carli (Hg.) Verbunden mit den Slaven. Festschrift für Frau Prof. Dr. Swetlana Mengel. Berlin: Frank&Timme, 461–486.

BLOC 1.13

PROBLÈMES DE LEXICOGRAPHIE ETHNOLINGUISTIQUE / PROBLEMS OF ETHNOLINGUISTIC LEXICOGRAPHY

Organisatrice : STANISLAWA NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA

Stanislawa Niebrzegowska-Bartmińska Specyfika słowników etnolingwistycznych (kontekst kognitywny) 1

Галина Кабакова Н.И.Толстой и московская этнолингвистическая школа 4

Галина Яворська Этнолингвистическая словари в условиях изменения когнитивных ориентаций сообществ: что необходимо фиксировать и почему? 7

Irena Vaňková, Veronika Vodrážková Tělo v mysli, jazyce a kultuře: Lexikon českých somatických pojmů in spe 12

SPECYFIKA SŁOWNIKÓW ETNOLINGWISTYCZNYCH (KONTEKST KOGNITYWNY)

STANISŁAWA NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA (POLSKA)
UMCS, Lublin, Polska
ORCID:0000-0003-0008-8690
e-mail: stanislawa.niebrzegowska-bartminska@mail.umcs.pl

Etnolingwistyka kognitywna (dalej: EK), kojarzona z Jerzym Bartmińskim i ośrodkiem lubelskim, nawiązująca do tradycji niemieckiej (J. Herdera, W. Humboldta) i amerykańskiej (F. Boasa, E. Sapira i B. Whorfa), też prac uczonych rosyjskich (S. i N. Tołstojów), jest ukierunkowana podwójnie: a) na badanie języka i kultury ludowej (stąd określenie *etnolingwistyka ludowa*); ta ma rodzime korzenie dialektologiczne, folklorystyczne i etnograficzne; czerpie obficie z myśli K. Moszyńskiego, J. Karłowicza, B. Malinowskiego, T. Lehra-Spławińskiego, B. Sychty, W. Budziszewskiej, H. Popowskiej-Taborskiej; oraz b) na badanie języka standardowego i kultury ogólnonarodowej (stąd nazwa *etnolingwistyka narodowa*); ta korzysta z ustaleń badawczych T. Milewskiego i A. Wierzbickiej. I choć początki e. lubelskiej łączone były z badaniami o charakterze ludowym, obie odmianki etnolingwistyki (*ludowa* i *narodowa*) dość wcześnie zaczęły funkcjonować równolegle.

Nazwa subdyscypliny *etnolingwistyka kognitywna* eksponuje charakter badań i specjalną w nich rolę języka. *Kognitywny* (łac. *cognosco* ‘poznaję’) to ‘mający związek z poznawaniem świata lub badaniem procesów poznawczych’. Znaczenie przymiotnika jest bardzo szerokie, odnosi się bowiem do wiedzy o pewnym obszarze rzeczywistości, do percepcji i różnych aspektów poznania, a tym towarzyszą procesy umysłowe (pamięć, rozumowanie, ocena) oraz też sfera uczuć i woli. To rozumienie wspiera sytuujące się w rodzinie wyrazów słowo *kognicja* (z łac. *cognitio* ‘poznanie’) znaczące tyle co ‘poszukiwanie, rozpoznawanie’; w językoznawstwie – przy rozszerzonym rozumieniu, *kognicja* jako ‘proces poznania i jego rezultaty’, jest synonimem terminów *myślowy*, *mentalny* (por. Kubrjakova, red. 1997: 81-84). *Kognitywizm* wedle definicji słownikowej to „1. *filoz.* ‘pogląd, zgodnie z którym etyka normatywna ma poznawczy, naukowy charakter i można o jej tezach orzekać, czy są prawdziwe, czy fałszywe’; 2. ‘kierunek we współczesnym językoznawstwie, który odwołując się do psychologii, socjologii i innych dyscyplin, zajmuje się opisem języka uwikłanego w kontekst kulturowy i badaniem, w jaki sposób w języku odzwierciedla się rzeczywistość’.

Obiektem badań etnolingwistycznych jest język osadzony w szerokich kontekstach, powiązany z wytworami materialnej i duchowej aktywności społeczeństwa, z modelami postępowania i relacji społecznych, z pamięcią określonej wspólnoty. Etnolingwiści traktują

język jako narzędzie poznania świata, jego myślowego opanowania, kumulowania doświadczeń kulturowych, ich utrwalania i archiwizowania w zbiorowej pamięci, też jako środek symbolicznej interpretacji. Język jest źródłem wiedzy o człowieku (A. Krawczyk), przewodnikiem po kulturze (E. Sapir), klasyfikatorem doświadczeń społecznych (A. Wierzbicka, R. Tokarski), magazynem doświadczenia zbiorowego, więc swego rodzaju archiwum kultury i ludzkiej pamięci (W. Chlebda). Jako „zwierciadło kultury narodu" (T. Lehr-Spławiński) język jest czułym sejsmografem zmian zachodzących w rzeczywistości (D. Buttler, J. Bartmiński), jednocześnie też kreatorem rzeczywistości (R. Grzegorczykowa, R. Tokarski, A. Pajdzińska) i przewodnikiem po wartościach (T. Krzeszowski, J. Bartmiński). Tak pojmowany język to składnik kultury „ujawniający przyjęte w tej kulturze sposoby konceptualizacji i kategoryzacji rzeczy, systemy stosowanych wartościowań, punktów widzenia, utrwalonych społecznie postaw wobec świata" (Bartmiński 1986: 16). Zasoby językowe w ramach EK są badane w kontekście ludzkich zdolności poznawczych. Zgodne jest to z przeświadczeniem, że kluczem do zgłębienia natury języka jest zrozumienie istoty procesów ludzkiego poznania (Tabakowska 1995: 5). Oznacza to, że w sferę działań EK włączane są procesy postrzegania i konceptualizacji świata, tworzenia „rzeczywistości mentalnej" i docierania do niej poprzez fakty językowe (por. Waszakowa 2017: 23-42).

Tym, co wyróżnia EK są syntezy stanowiące podsumowanie wieloletnich badań uczonych zogniskowanych wokół lidera szkoły. Waga syntez (słowników, leksykonów) jest nie do przecenienia w ogólnym bilansie dyscypliny i jej teoretycznym uformowaniu. Zespołowe opracowania świadczą o wektorach ukierunkowanych działań badawczych, o promieniowaniu ośrodka i o jego wpływie na podejmowane przez innych badania w ramach danej dyscypliny i dyscyplin ościennych. Dla EK istotne są zwłaszcza dwa opracowania odpowiadające jej odmiankom: *ludowej* i *narodowej*: *Słownik stereotypów i symboli ludowych* (SSiSL), opracowywany przez zespół lubelskich etnolingwistów oraz *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* (LASiS), realizowany przez międzynarodowy zespół uczonych skupionych w konwersatorium EUROJOS. Po wydaniu 12 części SSiSL oraz 6 tomów LASiS, dziś – z perspektywy już nie założeń teoretycznych, lecz praktycznych działań, można dokonać podsumowania kognitywnego charakteru tych publikacji.

Podstawowym celem obydwu opracowań jest rekonstrukcja obrazu świata i jego mniej lub bardziej naaksjologizowanych „wycinków" – stereotypów jako „obrazów w głowie ludzkiej" oraz wartości, tj. tego, co dla człowieka jest dobre, cenne, do czego on dąży i w imię czego działa. Kognitywny charakter SSiSL i LASiS polega na ujmowaniu języka w kontekście kultury, na wykorzystywaniu w analizach nie tylko danych stricte językowych,

lecz też „przyjęzykowych” (utrwalonych społecznie zachowań, wierzeń i praktyk, rysunków, plakatów, karykatur itp.), tworzących kontekst dla wypowiedzi słownych, wspomagający je i pozwalający pełniej interpretować. Tę specjalną rolę „kontekstu” w analizach danych językowych utrwala znaczenie słowa *kognitywny* – ‘taki, który oparty jest na przekonaniu, że o wartości wyrażeń językowych decyduje kontekst, w którym są one użyte’.

Jednostki opisu w obu opracowaniach mają charakter mentalny. Są nimi „semantyczne korelaty” stojące między wyrażeniami językowymi a ich odpowiednikami sytuowanymi po stronie świata realnego, czyli „społeczne wyobrażenia przedmiotów” uformowane w społecznej ramie doświadczeniowej i przynależne do wspólnotowej wiedzy o świecie. W przypadku LASiS mowa wręcz o *konceptach* (*konceptach kulturowych*) jako „pojęciach aksjologicznych nacechowanych i wyposażonych w swoiste kulturowo konotacje” (Bartmiński 2015: 9-10). *Koncept* (ang. *mental concept*) – tytułowa jednostka LASiS – jest jednocześnie ściśle powiązana jest z *konceptualizacją*, czyli procesem poznawczej działalności człowieka, polegającym „na uświadomieniu sobie przez niego odbieranej informacji, prowadzącej do utworzenia konceptów, konceptualnych struktur i całego systemu konceptualnego w mózgu (psychice) człowieka” (Kubrjakova 1997: 93−94). W tym samym słowniku *koncept* definiowany jest jako „operacyjna i treściowa jednostka pamięci, leksykonu mentalnego, systemu konceptualnego i języka mózgu (lingua mentalis), całego obrazu świata, odzwierciedlonego w ludzkiej psychice” (tamże: 90). W LASiS *koncept* to „kapsuła myśli”, która obejmuje nie tylko treść poznawczą, ale „także emotywną i pragmatyczną, opartą na indywidualnym i społecznym doświadczeniu ludzi” (Bartmiński, Chlebda 2013: 71).

SSiSL i LASiS mają charakter ideograficzny i onomazjologiczny, co oznacza, że obiektem opisu leksykograficznego są nie tyle środki językowe wyrażania znaczeń relewantnych dla kultury, ile same wyobrażenia. Rekonstruowana jednostka (*stereotyp/koncept*) oddawana jest za pomocą *definicji kognitywnej* (z łac. *cognoso* `poznaję’; DK), tj. takiej, której treść w definiensie ma „charakter poznawczy, a nie tylko semantyczny”. DK nawiązuje do *lingwistyki kognitywnej*, tj. nurtu, który – mając za przedmiot badanie języka w powiązaniu z umysłowymi procesami postrzegania świata – „w centrum zainteresowań stawia problemy ludzkiej („naturalnej”) kategoryzacji zjawisk świata” (Bartmiński 1988: 170). Ze względu na swą rozbudowaną postać przyjmuje formę *eksplikacji*, służy więc wyjaśnianiu znaczeń przy użyciu pojęć prostszych i bardziej zrozumiałych dla odbiorcy (z łac. *explicātiō* 'rozłożenie, rozwinięcie; wyjaśnienie').

Kognitywny charakter ma także struktura i treść stereotypów/konceptów (te odzwierciedlają świadomość reprezentanta języka i kultury; w opisie zestawiane są wszystkie

pozytywne stabilizowane w JOS charakterystyki X-a: ziemi, lipy, konia…; domu, rodziny, demokracji…). Ostatecznie chodzi o dostosowanie treści definicji do typu wiedzy (potocznej, zdroworozsądkowej), jaką dysponują użytkownicy języka.

SSiSL oraz LASiS przynoszą – po pierwsze – rekonstrukcję JOS, czyli subiektową i subiektywną interpretację rzeczywistości w jej różnych wymiarach: fizycznych, psychologicznych, społecznych i duchowych. JOS, zróżnicowany stylowo, gatunkowo, modalnościowo i ontologicznie, jest jednocześnie „rezultatem szukania przez człowieka sensu w otaczającym świecie" (Bartmiński 1986: 22). Po drugie, SSiSL i LASiS pełnią jeszcze inną (można rzec „dyscyplinową") funkcję: ujawniają szerokie konteksty EK i jej otwarcie na inne dyscypliny – na relacje z dialektologią, folklorystyką i etnografią (jak w SSiSL) oraz z antropologią kulturową i kulturoznawstwem (jak w LASiS). Ta integrująca rola dyscypliny, łączącą uczonych różnych orientacji i tradycji humanistycznych zorientowanych na poznawanie człowieka, sprawia, że EK można traktować dziś tak, jak to wyartykułował w 2018 roku W. Chlebda – jako zwornik nauk humanistycznych.

BIBLIOGRAFIA

Bartmiński J., 1986, *Czym zajmuje się etnolingwistyka*, „Akcent" nr 4, s. 16–22.

Bartmiński J., 1988, *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji słowa*, [w:] *Konotacja*, red. J. Bartmiński, Lublin, s. 169–183.

Bartmiński J., 2015, Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów – *co zawiera, na jakich zasadach się opiera, dla kogo jest przeznaczony?*, [w:] LASiS, t. 1, s. 7–13.

Bartmiński J., Chlebda W., 2013, *Problem konceptu bazowego i jego profilowania – na przykładzie stereotypu EUROPY*, „Etnolingwistyka" 25, s. 69−95.

Chlebda W., 2018, *Pytania o tożsamość etnolingwistyki*, [w:] *Polonistyka na początku XXI wieku. Diagnozy – koncepcje – p*erspektywy, t. 4. *Pogranicza – mniejszości – regiony – etnolingwistyka*, red. J. Tambor, Katowice, s. 227−239.

Kubrjakova Elena (red.), 1997, *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov*, Moskva.

LASiS – *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, red. nacz. J. Bartmiński, t. 1: *Dom*, red. J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, B. Żywicka, 2015; t. 2: *Europa*, red. W. Chlebda, 2018; t. 3: *Praca*, red. J. Bartmiński, M. Brzozowska, S. Niebrzegowska-Bartmińska, 2016; t. 4: *Wolność*, red. M. Abramowicz, J. Bartmiński, 2019; t. 5: *Honor*, red. P. Sotirov, D. Ajdačić, 2017; t. 7: *Demokracja*, red. J. Bartmiński, M. Grzeszczak, A. Rudenka, 2024.

SSiSL – *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Koncepcja całości i red. J. Bartmiński, za-ca red.: S. Niebrzegowska [od cz. 3. Niebrzegowska-Bartmińska], Lublin, t. 1: *Kosmos*, cz. 1: *Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie*, 1996; cz. 2: *Ziemia, woda, podziemie*, 1999; cz. 3: *Meteorologia*, 2012; cz. 4: *Świat, światło, metale*, 2012; t. 2: *Rośliny*, cz. 1: *Zboża*, 2017; cz. 2: *Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe*, 2018; cz. 3: *Kwiaty*, 2019; cz. 4: *Zioła*, 2019; cz. 5: *Drzewa owocowe i iglaste*, 2020; cz. 6: *Drzewa liściaste*, 2021; cz. 7: *Krzewy i krzewinki*, 2022; t. 3: *Zwierzęta*, cz. 1. *Zwierzęta domowe*. Koncepcja całości: J. Bartmiński, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, za-ca red.: K. Prorok, 2024.

Tabakowska E., 1995, *Gramatyka i obrazowanie. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego*, Kraków.

Waszakowa K., 2017, *Kognitywno-komunikacyjne aspekty słowotwórstwa. Wybrane zagadnienia opisu derywacji w języku polskim*, Warszawa.

Н.И.ТОЛСТОЙ И МОСКОВСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ГАЛИНА КАБАКОВА (ФРАНЦИЯ)
Sorbonne Université

Термин этнолингвистика вошел в научный обиход московских лингвистов только в конце 70-х годов, но использование ее концептов и подходов можно датировать началом 70-х годов.

Н.И.Толстой уже в 50-е годы занимался полевыми исследованиями славянских диалектов, начав с болгарских, а с 60-х годов стал работать в Полесье. В 1974 г.[1] от работы с чисто лингвистическим материалом он переходит к разработке тематических вопросников и сбору по ним данных о культурных реалиях, традиционных занятиях и верованиях. Для этнолингвистического метода, сформулированного Н.И. Толстым, принципиально важными были две лингвистические школы начала XX века: немецкая школа лингвистической географии «Wörter und Sachen» (Рудольф Мерингер и Хуго Шухардт), в свою очередь опиравшаяся на работы Якоба Гримма. Именно под влиянием идей о соотношении географии слов и обозначаемых ими вещей стали создаваться романские и германские лингво-этнографические атласы. Этот подход пробудил интерес Толстого к географии не только лексики, но и этнографических фактов (реалий, верований, ритуалов, фольклорных текстов).

Другим источником стала гипотеза, высказанная Эдвардом Сэпиром и, добавим, социологом Эмилем Дюркгеймом, и развитая Бенджамином Уорфом. По их мнению, мир воспринимается под влиянием языковых моделей, например, в соответствии с грамматической структурой родного языка, поэтому содержание речевого высказывания неотделимо от культурного контекста. Методологические положения Сэпира и Уорфа можно считать предпосылкой того типа этнолингвистики, которую определяют как лингвистическую этнографию: она видит свое предназначение в анализе конститутивной роли языка в народной культуре. При таком подходе главным предметом исследования становится культура, т.е. экстралингвистическая реальность, воспринимаемая через призму языка.

Такое понимание характера взаимоотношений между языком и культурой способствует использованию методов, применяемых в лингвистике: компонентного анализа, структурно-семиотического. Понятие текста, столь важное для московско-

[1] Я помню, что начав работать в семинаре Н.И. в МГУ, я прочитала все опубликованные им работы по диалектологии и более всего меня поразила его большая статья об обозначениях радуги в славянских языках и диалектах, вышедшая как раз в 1974 г.

тартусской семиотической школы, подсказало Н. И. Толстому идею описать обряд как высказывание, разворачивающееся на вербальном, предметном и акциональном уровнях. Подобно любому другому, оно подчиняется правилам грамматики, в данном случае — грамматики обряда. Такая экстраполяция лингвистического анализа дает возможность выявить повторяющиеся значимые элементы (действия, эпитеты и т.д.), их функции (символическое значение) и их системные характеристики.

Совокупность таких элементов в идеале составляет тезаурус общеславянской народной культуры. В то же время их парадигматические и синтагматические связи позволяют проследить генетическое или типологическое сходство между обрядами разных традиций, что, в свою очередь, в перспективе даст возможность составить историческую и сравнительную грамматику славянской народной культуры, наподобие сравнительной грамматики славянских языков.

Напомню, что этнолингвистика в этот момент возникает в разных странах мира, как, наример, в Польше, Франции, США. В Западной Европеэтнолингвистика 70-90-х годов представляет собой скорее этнографическую лингвистику, так как объектом изучения остается сам язык, в той мере, в какой он отражает традиционные "знания" (понятия, верования, но также и трудовые навыки и т.п.). Таким образом, язык изучается не феноменологически, но sub specie culture, а этнология оказывается — в свою очередь — вспомогательной дисциплиной для этнолингвиста. Разумеется, указанное различие подходов не носит абсолютный характер.

Главным проектом Н.И.Толстого и его единомышленников было создание Полесского этнолингвистического атласа. Атлас должен был предоставить новые аргументы в решении проблемы этногенеза славян. Систематические обследования с вопросниками по довольно плотной сетке населенных пунктов продолжались многие годы, вплоть до Чернобыльской катастрофы 1986 г.

Когда стало понятно, что их продолжение невозможно, было решено сосредоточить усилия всей группы на другом масштабном издательском проекте – энциклопедическом словарь в 5 тт. «Славянские древности» (1995-2012). Он стал результатом систематического исследования ключевых фрагментов народной культуры, таких как обряды жизненного и календарного циклов, представления о природе и животном царстве и под. Задачей энциклопедического словаря было максимально полно представить традиционную картину мира всех славянских народов. При этом словарь сочетает в себе оба типа этнолингвистики: этнографической лингвистики и лингвистической этнографии.

Тот же комбинированный подход от слова к реалии и от реалии к слову применяют участники московской этнолингвистической школы и в своих индивидуальных исследованиях. Приведу лишь несколько примеров. В монографии «Этнолингивстическая география Южной Славии» (2004) Анна Плотникова анализирует и картографирует и диалектные термины, собранные ею на Балканах, и те обряды и верования, которые они обозначают. Тот же подход мы находим и в ее недавнем исследовании, посвященном одной этнографической группе «Язык и народная культура градищанских хорватов Венгрии (XX–XXI вв.) » (вместе с Д. Ващенко, 2024).

В книге «Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст » (2007) И.Седакова также с помощью анализа лексики и фразеологии исследует один фрагмент традиционной картины мира в одной национальной традиции: рождение ребенка. В «Полесском народном календаре» (2005) С.М.Толстая публикует словарь хрононимов, собранных в ходе полевых экспедиций, который позволяет реконструировать и данную терминологическую систему, и выявить существенные моменты традиционного календаря в той мере, в какой они отражены терминологией. Сходный подход применяется и в книге М. Валенцовой «Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект » (2016).

Если календарь, обряды жизненного цикла, демонология – области народной культуры, которые более всего интересовали Н.И.Толстого вслед за К.Мошинским и Ч. Петкевичем, первыми исследователями этнографии Полесья, то с годами московские этнолингвисты открыли для себя новые предметы исследования. Ими становятся жанры фольклора: былины («Причитанья Северного края» Е. В. Барсова: Исследования и материалы к словарю » С.М.Толстой и О.Д.Суриковой), а также сказки и легенды, прежде всего этиологического характера, большинство из которых относится к Народной Библии («Народная Библия» (2002) О.Беловой; «Восточнославянские этиологические сказки и легенды. Энциклопедический словарь» (2019) под ред. Г.Кабаковой).

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СООБЩЕСТВ: ЧТО НЕОБХОДИМО ФИКСИРОВАТЬ И ПОЧЕМУ

Галина Яворська (Украина)

Война меняет существование людей и сообществ, влияя на язык как один из главных аспектов индивидуальной и социальной экзистенции. Изменяя окружающую среду, восприятие пространства и времени, модифицируя формы и способы удовлетворения базовых человеческих потребностей военные действия непосредственно сказываются на процессах познания и коммуникации. Концептуальные схемы понимания и репрезентации событий претерпевают изменения – от едва заметных до радикальных. Вместе с ними меняются и *когнитивные ориентации,* т.е. относительно стабильные совокупности смыслов, определяющих человеческие поведение, в том числе языковое.

Новые языковые факты, связанные с полномасштабной агрессией п Российской Федерации против Украины, а также способы и формы дискурсивного представления российско-украинской войны дают возможность подойти к проблеме связи языка и культуры с точки зрения динамики когнитивных ориентаций. И на этой основе исследовать потребности лексикографической фиксации культурных данных в этнолингвистических словарях.

Теория и методы. В докладе рассмотрены вопросы словарного представления этнолингвистических данных в условиях слома когнитивных ориентаций сообщества. В качестве основной лексикографической модели был выбран Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów (LASIS) как наиболее полно отражающий языковой образ мира в национальных культурах славянских и неславянских народов. Эмпирической основой послужили факты украинского языка и культуры периода полномасштабной российской агрессии против Украины: системные данные, данные регионального аннотированного корпуса (ГРАК), результаты анкетирования, примеры из социальных сетей. Эти данные были проанализированы в семантическом и прагматическом аспектах, с акцентом на механизмах когнитивно-семантических изменений под воздействием фактора контекста. В заключительной части доклада приведены результаты анализа аксиологического концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ.

Среди словарей, представляющих знания о мире, и лингвистических словарей, фиксирующих знания о языке (языках), этнолингвистическая лексикография тяготеет к первым. Проблема состоит в том, чтобы обозначить, с какими именно знаниями о мире имеют дело словари этнолингвистического типа, созданные в рамках когнитивной

парадигмы (Bartmiński 2020), а также выяснить функцию и роль собственно языковых данных.

Когнитивный подход включает энциклопедическую информацию в область семантического описания, что позволяет по-новому осмыслить практику концептуальных словарей-тезаурусов, опирающихся на экстралингвистические схемы категоризации мира для представления их когнитивных лингвистических репрезентаций. В ходе нашего исследования мы учитывали тот факт, что жесткое противопоставление семантики и прагматики оказывается нерелевантным для когнитивного подхода, ориентированного на узус, что позволяет объединять семантические и прагматические аспекты этнокультурной динамики.

В качестве базового в докладе использовано понятие «когнитивные ориентации», отсылающее к структурированному набору смыслов (мнений, убеждений, верований), лежащих в основе культурно обусловленных типов поведения конкретных сообществ и индивидов. Понятие, заимствованное из психологии (Kreitler & Kreitler, 1972, Landry &Allard, 1992), концептуализирует защитные механизмы как когнитивные стратегии разрешения внутренних конфликтов и допускает, на наш взгляд, дальнейшее расширенное понимание когнитивных ориентаций как «установок мышления», распространяемых, в частности, на область общих знаний о мире. Таким образом, мы предлагаем модифицировать термин «когнитивные ориентации» как отсылающий к общему для носителей языка и культуры фонду знаний, представленному в виде набора объединяющего сообщество культурных презумпций и носящего неявный характер.

Одной из ключевых презумпций является позитивная *vs.* негативная оценка культурных связей в терминах прошлого/будущего. Выбор между ориентацией на гармоничную традицию или на пугающее апокалиптическое будущее в контексте войны приобретает новые черты. В условиях, когда война разрушает материальное и концептуальное прошлое и резко ограничивает планируемое будущее, позитивная и негативная ориентации оказываются в равной степени значимыми. Показателен пример с подрывом 6 июня 2023 г. российскими военными дамбы Каховской ГЭС, что имело катастрофические физические и экономические последствия для людей и для экологии. Однако среди части экоактивистов на уровне дискурсивного осмысления возник, как один из нарративов, нарратив восстановления в Украине исторического Великого Луга, то есть возвращения – ныне и в будущем – к гармоничному идеалу прошлого.

Что касается позитивного идеала солидарности, то российско-украинская война породила в украинском обществе огромное волонтерское движение как воплощение

взаимопомощи и взаимной поддержки. Мы наблюдаем, как этот идеал, присущий традиционной народной культуре, в условиях войны распространился в Украине на национальный уровень (если воспользоваться предлагаемым проф. Бартминским разграничением типов культур на народную и национальную (Bartmiński 2016)). Относительными оказываются когнитивные ориентации на идеалы прошлого и будущего, которые в настоящем способны меняться местами в поле интерпретаций.

Война как особый социальный контекст ожидаемо воздействует на процессы концептуализации. Одним из нетривиальных примеров такого влияния оказываются когнитивные метафоры. В теории концептуальной метафоры принят общий тезис о конкретных значениях как источнике для формирования абстрактных, а буквальные, или прямые, значения рассматриваются как основа для фигуральных. В последнее время предприняты попытки пересмотреть в когнитивной метафоризации сферу буквального в сторону ее сужения (Kövecses 2020). Некоторые наши данные, напротив, дают основания выдвинуть другое предположение – влияние войны на "воплощенный опыт" вызывает движение в обратном направлении, в результате чего сужается сфера фигурального. Такой процесс можно обозначить как реактуализацию метафор – фигуральные *реки крови* и *горы трупов* в условиях войны превращаются в буквальные физические составляющие жизненной реальности и усиливают действенность архетипических символов. Полемика в социальных сетях об уместности/неуместности метафор войны, в частности со словом *фронт* (экономический и под.), показывает нарушение автоматизма их восприятия и употребления в дискурсе (Яворська 2024).

Для исследования этнолингвистически релевантных данных в контексте войны особого внимания требует фактор перспективы (точки зрения). С ним связана возможность разных интерпретаций увиденного и эффект поляризации (Яворська 2024а).

Процесс видения, наряду со зрительным восприятием, включает в себя идентификацию объекта, находящегося в поле зрения, распознание и категориальную оценку того, что (или кого) мы видим. Визуальное восприятие опирается на наши общие знания о мире, включая исходные предположения. Изменение последних способно влиять на изменения интерпретации объекта, при этом оптические стимулы могут оставаться такими же.

Одни и те же визуальные изображения, факты судебно-медицинских экспертиз, которые криминалисты и свидетели в Украине рассматривают как последствия *зверств российских военных в Буче*, каковыми они являются в реальности, часть

граждан в РФ и за ее пределами интерпретирует как "постановочные" видео и фото, в результате ложных исходных предположений о том, что «Россия ни на кого не нападала».

Даже пребывание в конкретном пространстве физически совершенных в Украине военных преступлений не гарантирует восприятия увиденных фактов как настоящих. Недавнее замечание высокопоставленного чиновника администрации США с отказом посетить Бучу, под предлогом того, что это, якобы, «пропагандистский тур», совмещает нежелание *увидеть реальность* с отрицанием реальности как таковой. И все это на основе исходных фальшивых допущений, неверно определяющих природу конфликта. Защита от информации, конфликтующей со знаниями о мире у данного чиновника, происходит за счет отказа от неприемлемого для него смысла. Данный случай и другие аналогичные примеры ярко демонстрируют поляризацию, несовместимость в восприятии идентичных в пространстве и времени событий.

Смена когнитивных ориентаций проявляется и на примере функционирования базовых аксиологических концептов, таких как ТОЛЕРАНТНОСТЬ. Проведенное нами исследование по модели, принятой в LASiS и разработанной в рамках проектов, связанных с EUROJOS, засвидетельствовало наличие освоенного представления о толерантности в украинском языке: употребление слова *толерантний* в значении «снисходительный, терпимый к чьим-то мыслям, взглядам, верованиям и т. д.» у класссиков укранской литературы Ивана Франко, Леси Украинки. Слово в академическом толковом словаре украинского языка (СУМ - 11) подается с пометой *книжное,* то есть как стилистически ограниченное. Однако к началу 21 в. слова *толерантність, толерантний* и соответствующий заимствованный концепт приобретают широкое хождение, в основном в публицистических текстах. Семантически *толерантність* оформилось как «терпимость относительно проявлений религиозного, гендерного, расового и других видов разнообразия». В Украине толерантность измерялась социологическими опросами, уровень толерантности у молодого поколения украинцев оценивался как достаточно высокий. Однако начиная с февраля 2022 г, с момента полномасштабного вторжения РФ, корпусные данные свидетльствуют об ощутимом повороте в восприятии толерантности. Употребления показывают, что толерантность применима не во всех ситуациях, и ее не стоит практиковать по отношению к врагам. В текстах 2022 года официальные лица еще продолжают напоминать о том, что Украина – толерантное европейское государство, однко в неформальном регистре картина другая. Например: «А бути толерантним – не

означає пустити злодія в свій дім. Підступний і жорстокий ворог прийшов в наш дім»; «Ще пару тижнів тому переважна більшість харків'ян зберігала цілком толерантне ставлення до північних сусідів <…> Але коли цей дивний сусід вривається до твоєї хати, по-дикунському безтямно руйнує надбане роками…» (ГРАК).

Толерантность подается как норма, которая не работает в ситуации столкновения с военным противником. Материалы анкетирования студентов киевских университетов, проведенного в ноябре – декабре 2024 г., в целом подтверждают, что толерантность для респондентов – это ценность, норма в отношении к другим людям.

В ответах на вопрос анкеты «Что такое настоящая толерантность?» описательные реакции, отрицающие требования толерантности к военному противнику, – единичны, что свидетельствует о ее социальной желательности (идеальная норма) При этом «типичная» (практически встречающаяся) толерантность не предполагает терпимости и уважения к врагу, который во время войны семантически и коммуникативно исключается из сферы правильного Другого.

Ключевые слова: этнолингвистика, когнитивные ориентации, поляризация, семантика, прагматика, аксиологические концепты, лексикография

БИБЛИОГРАФИЯ

Bartmiński, Jerzy (2020). W poszukiwaniu paradygmatu etnolingwistyki: glosariusz kluczowych terminów i pojęć. *Лужнословенски филолог* LXXVI, св. 2, ss. 79-103.

LASIS – Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów (2015 – 2024). Red. nacz. Jerzy Bartmiński, tt. 1 – 5, t.7. Lublin. Wyd-wo UMCS.

ГРАК – Maria Shvedova, Ruprecht von Waldenfels, Sergey Yarygin, Andriy Rysin, Vasyl Starko, Tymofij Nikolajenko et al. (2017-2025): GRAC: General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian. Electronic resource: Kyiv, Lviv, Jena. Available at uacorpus.org

Kreitler, H., & Kreitler, S. (1972). The model of cognitive orientation: Towards a theory of human behaviour. *British Journal of Psychology, 63*(1), pp. 9–30.

Landry, R. & Allard, R. (1992). Ethnolinguistic Vitality and the Bilingual Development of Minority and Majority Group Students. In book: *Maintenance and Loss of Minority Languages.* Eds: Willem Fase, Koen Jaspaert, Sjaat Kroon. Benjamins, pp.223–251

Bartmiński, Jerzy (2016) - *Bardziej nas łączy kultura ludowa niż narodowa***.** 26 września 2016 https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/ludzieistyle/1676930,1,prof-jerzy-bartminski-bardziej-nas-laczy-kultura-ludowa-niz-narodowa.read

Kövecses, Z. (2020). Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge: Cambridge University Press.

Яворська, Галина (2024). Дискурс війни (кілька методологічних питань). У кн. *Мова і війна: динаміка мовної системи і мовна політика.* Ред. Богдан Ажнюк. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, сс. 211–228

Яворська, Галина (2024а). Політичний дискурс противника (комунікативна перспектива). У кн. *Стратегічні комунікації в умовах війни: погляд від волонтера до науковця* : монографія / [за заг. ред. Л. Компанцевої]. Київ : 7БЦ, сс. 333-342.

TĚLO V MYSLI, JAZYCE A KULTUŘE: LEXIKON ČESKÝCH SOMATICKÝCH POJMŮ IN SPE

IRENA VAŇKOVÁ, VERONIKA VODRÁŽKOVÁ (ČESKÁ REPUBLIKA)
Univerzita Karlova, Praha

S inspirací v soudobé etnolingvistice, především v koncepcích dvou etnolingvistických slovníků spjatých se jmény Nikity Tolstého (*Slavjanskije drevnosti*, SD) a Jerzyho Bartmińského (*Słownik stereotypów i symboli ludowych*, SSSL), vzniká v Praze postupně projekt *Lexikonu českých somatických pojmů* (LČSP). Mělo by jít o první kognitivně- a kulturnělingvisticky, antropolingvisticky, resp. etnolingvisticky založený pojmový slovník v českém prostředí. Soustředí se na tělo jako východisko lidské zkušenosti se světem, resp. na jazykově-kulturní obrazy jeho částí. Ty už ze své podstaty poukazují k základním sémantickým strukturám jazyka a realizují se nejen v něm, zejm. v jeho slovní zásobě a frazeologii, ale analogicky i v dalších, mimoverbálních sémiotických systémech a obecně vzato v celé kultuře.

Fakt, že máme „tělo v mysli“, *Body in the mind* (Johnson, 1987), má mnoho aspektů a konsekvencí. Zásadní význam tělesnosti pro lidské ukotvení do světa potvrzuje i fenomenologická filosofie. Podle Jana Patočky (1995) je „já možné jen jako tělesné“. Tělo představuje základ lidské afektivity, senzuality a aktivity. Možnost záměrného pohybu zakládá i elementární možnost uplatňování vůle, svobody a odpovědnosti člověka. Na tělo je vázána paměť, zkušenost i schopnost řeči. Díky tělesné zjevnosti a smyslovému vnímání jsme ve vzájemných vztazích s druhými. To se specificky promítá i do jazyka (k principům lingvofenomenologie srov. Vaňková 2007, ve vazbě na tělesnost Vaňková 2012) a studium somatických pojmů jako součástí jazykového obrazu těla může vést nejen k hlubšímu porozumění jazyku, ale současně též lidskému světu – jak v obecných, snad i univerzálních konturách (nesených představovými schématy), tak v jeho kulturní rozrůzněnosti.

V referátu upozorníme na některé body vznikající koncepce lexikonu (na příkladu aktuálně zpracovávaného hesla NOHA / NOHY, resp. podhesla PATA / PATY), vzneseme však hlavně obecnější otázky spojené se slovníkovým zpracováním těchto pojmů, např. vymezení částí těla (a „částí části těla“), způsobu jejich kategorizace apod.

Základními jednotkami prezentovanými v heslech LČSP nebudou jazykové výrazy, „slova“ (jak je tomu v jazykových slovnících), ani reálné předměty, resp. věci se slovy souvztažné (jak je tomu v encyklopediích), ale pojmy, tedy jejich koreláty uložené v mysli a kultuře. Půjde tak o slovník ideografický a založený onomaziologicky, o němž se hovoří jako o lexikonu (srov. Bartmiński 2018). Jednotkami popisu budou stereotypy, tedy specifické pojmy,

které nekorelují s medicínskými termíny a nezohledňují odbornou kategorizaci, ale představují součásti jazykového obrazu světa v jeho základní poloze, dané prožitkem přirozeného světa a utvářené v procesu naivní kategorizace. Jde o obrazy daných částí těla, modifikované sociokulturně a promítající se do jazyka a textů.

Etymologové potvrzují, že názvy tělesných částí patří k nejstarší vrstvě slovní zásoby. Řadí se k vysoce frekventovaným lexémům s mnoha sekundárními významy, četnými deriváty a s širokým spektrem výskytu ve frazeologii (srov. Mrhačová 2000). Klíčové somatismy (srov. pět nejfrekventovanějších v české frazeologii – *ruka*, *hlava*, *oko*, *srdce*, *noha*) hrají v jazyce významnou roli a odpovídající pojmy se uplatňují jako stereotypy a symboly také v kultuře. Odnepaměti jsou exponovány v mýtech a rituálech, figurují ve folkloru a v různých druzích umění – v kódu slovesném, pohybovém, scénickém i výtvarném.

Jádrem hesla bude popis stereotypu jako struktury konotací, které se vážou k několika jeho pojmovým profilům (srov. Bartmiński – Niebrzegowska-Bartmińska, 2007). Naše dosavadní kognitivně-kulturní výzkumy českých somatických pojmů vedly k formulaci čtyř profilů, jež jsou v souvislosti s nimi relevantní: **manifestace** (a to **vnější a vnitřní**), **lokalizace**, **funkce** a **gesto** (podrobněji a v aplikaci na konkrétní jazykový materiál srov. Čurdová 2015; Vaňková 2012, Vaňková 2018, Vaňková 2020, Vaňková – Čurdová, 2014; Vaňková – Vitkovskaya, 2014, a několik kvalifikačních prací, např. Černá 2015, Čížková 2015, a zejména Čurdová 2011). Důležitost většiny z nich ve vztahu k somatickým pojmům potvrzuje i další lingvistická literatura věnovaná tělesnosti (např. Maćkiewicz 2006, Filar – Głaz, 1996, Wierzbicka 1985).

Způsob **manifestace** částí těla souvisí se zvláštní povahou tělesnosti, fenomenologicky vnímanou jako souvztažnost těla-objektu a těla-subjektu. Vnější manifestace je spojena s tím, jak lze danou část těla (svého těla nebo těla jiné osoby) registrovat díky smyslům, zejm. zraku, ale třeba i hmatu (*tvrdá hlava*). V případě nohou je profilován zejm. jejich tvar a velikost (*nohy jako sirky*, *nohy do O*; synonymum *fajfky)*. Vnitřní manifestací rozumíme vnímání dané části těla ze strany proživatele, jde tedy o tělo subjektivně pociťované (*zdřevěněla mu noha*). Z hlediska **lokalizace** je daná část těla profilována s ohledem na její umístění v rámci komplexu těla, zejm. na vertikální ose, ale i v souvislosti s orientací těla v prostoru. Nohy (a jejich části) jsou umístěny dole na ose těla a slouží jako ukazatel kvantity (příp. metaforicky i kvality): *nesahat někomu ani po kolena/kotníky*; *ležet někomu u nohou*. V rámci **funkce** se profiluje, k čemu daná část těla slouží. U nohou je typickou funkcí pohyb, resp. chůze (*jít co noha nohu mine*) a také udržení stability těla v prostoru (*stát na vlastních nohou*). Profil **gesto** je patrný z dokladů verbalizujících určité lidské chování se znakovou platností (např. gesto popsané

frazémem *ťukat si na čelo* „naznačit, že se někdo chová hloupě“) nebo metonymicky poukazujících k určité emoci či tělesnému stavu, jež sice vnímá jen proživatel, ale jako tělesný symptom má znakovou povahu, např. *srdce mu buší* „pociťuje strach“*, kručí mu v břiše* „má hlad“. Jde o tzv. kinegramy (více Bendíková 2017), srov. např. *nastavit někomu nohu* „záměrně způsobit něčí pád“ (ve smyslu fyzickém i přeneseném) či *roztřásla se mu kolena* „dostal strach“.

Specifičnost somatických pojmů spočívá i v tom, že jsou s nimi spojena představová schémata (s těsnou vazbou na jejich dimenzi axiologickou, srov. Krzeszowski 1994). Při studiu profilů je jejich uplatnění v obrazu tělesných částí (a těla vůbec) velmi dobře patrné, hlavně s ohledem na profil lokalizace (schémata jsou z podstaty věci vázána na lidské, tedy tělesné prožívání prostoru). Schématy výraznými ve vztahu k pojmům NOHA / NOHY jsou ČÁST – CELEK, CENTRUM – PERIFERIE, CESTA, VERTIKALITA, NÁDOBA aj.

Kromě pojednání o čtyřech základních pojmových profilech by měla příslušná část hesla zohlednit i další aspekty důležité pro popis daného somatického pojmu. V souladu s metodologií SSSL jsou to hlavně tzv. komplexy, kolekce, příp. opozice, a konečně komplexní narativní struktury s daným pojmem spojené: scénáře a scény (o tom více Vodrážková 2020). O konceptuálních metaforách a představových schématech (zejm. CESTA), v nichž se objevuje pojem NOHA / NOHY, pojednávají v širších souvislostech také už dřívější výzkumy (Čurdová, 2012, Čurdová, 2014, Vodrážková, 2016, Vodrážková 2017).

Charakteristiku hesla jako celku můžeme na této platformě pouze načrtnout, je však třeba alespoň zmínit, že v jeho úvodní části bude shrnut širší kulturní kontext spojený se stereotypem a symbolem dané části těla, zejména s ohledem na jeho souvislosti biblické, antické a slovanské (především s inspirací v SD), ale i úže ve vztahu k české kulturní tradici. V příloze přinášíme na ukázku několik částí budoucího hesla PATA / PATY, kde je patrné, že jádrem hesla bude interpretace pojmu na základě profilů.

Materiálovou bázi pro rekonstrukci somatických stereotypů budou představovat tři typy zdrojů: slovníky češtiny (výkladové, etymologické, frazeologické apod.), jazykové korpusy (zpřístupňované Českým národním korpusem) a také základní sbírky českého folkloru – tradičního (drobné folklorní žánry, písně, pohádky, pověsti) i moderního (vtipy, městské legendy, folklor dětí aj.). Jako doplňkový materiál budou využity slovníky symbolů, zejm. zdroje mapující biblickou a antickou symboliku, a také SD jako zdroj poznatků o tradiční kultuře slovanské.

Podobně jako SSSL bude i LČSP slovníkem intenzivním, nikoli extenzivním – nezahrne tedy všechna hesla z dané tematické oblasti, ale pouze hesla vybraná, ta však budou zpracována dosti podrobně (v inspiraci v metodologií SSSL a s východiskem v principech SSSL a SD).

Začneme somatickými pojmy nejfrekventovanějšími a v jazyce a kultuře nejvýraznějšími. Které to jsou, a které tedy budou tvořit makrostrukturu lexikonu, to bude jednou z otázek našeho referátu.

PŘÍLOHA:
PATA / PATY: několik poznámek k budoucímu heslu
(podřazenému pod základní heslo NOHA / NOHY)

Pata je oblá část lidské nohy umístěná dole, zcela nejníže, na hranici těla a země. Je protilehlá k hlavě. Přestože jde o periferní část těla, je s ohledem na jeho úplnost (jakožto žádoucí stav) důležitá. Paty tvoří zadní část chodidel a významně se zapojují do procesu chůze či běhu. Pojem PATA / PATY se v mnohém překrývá s pojmem NOHA / NOHY, jak je patrné i v jazyce (srov. kontextovou zaměnitelnost ve frazémech, např. *běhá div si nohy / paty neuběhá* aj.).

V rámci **širšího kulturního kontextu** lze v souvislosti s patou připomenout starozákonní příběh dvojčat Ezaua a druhorozeného Jákoba (hebr. *akev* „ten, kdo se drží za patu“, „dvojče“), a především mýtus o řeckém hrdinovi Achillovi, zranitelném jen v místě paty, za niž ho po narození držela matka při ponoru do řeky Styxu (*Achillova pata* „slabina, zranitelné místo“). Ve védském náboženství jsou paty symbolem stability, v józe představují uzemnění. V čínské medicíně odpovídají reflexní body na patách malé pánvi a reprodukčním orgánům. V kultuře starých Slovanů se akcentuje, že se paty (či nohy prostřednictvím pat, resp. celých chodidel) nacházejí na hranici těla se zemí. Jde o místo transferu, kontaktu se světem chtonických sil. Do člověka tudy může vstoupit nemoc (ale zásahem léčitele tudy může i odejít). Mnoho příkazů, zákazů a rituálů se týká chůze naboso.

Etymologické slovníky udávají dvě možné motivace českého (ale všeslovansky známému) výrazu *pata*, obě vázané už k indoevropským kořenům a obě významově související s funkcí paty při chůzi: **(s)pen-* „napínat“ – část chodidla, která se napíná (Holub – Kopečný, 1952) nebo **pent-* „jít“ (Rejzek 2001). S výrazem *pata* (a s motivací chůzí jako „předozadním“ pohybem po cestě) jsou spjaty i výrazy *zpět, opět* nebo *vzápětí*.

Co do **manifestace** je na patě profilován její oblý tvar (*patka* „skrojek chleba“ aj.). Chápe se i jako exponované, zranitelné místo, citlivé na bolest (*každý (nejlíp) ví, kde ho pata / bota tlačí* „každý zná nejlíp své slabé stránky“; *vytrhnout někomu trn z paty* „pomoci někomu z nesnází“).

Pata je **lokalizována** na těle zcela nejníže, **dole**, na hranici těla se zemí, a zároveň také **vzadu**, což je výrazné při pohybu vpřed. Co do umístění nese význam perifernosti, zejm. ve vztahu k hlavě (*ani v patě mu to neleží*, *má víc rozumu v patě než jiný v hlavě*). K perifernosti paty (jako okrajové části těla) srov. *nevytáhnout (ani) paty (z domu)* „nevyjít / nevycházet ven“ či *sotva vytáhne paty z domu, už…* „sotva se vzdálí, už…“. Pata se podílí i na obrazu úplnosti těla (postava je kompletní *od hlavy až k patě*), ale i jiných jevů. Jen jako celek je jev (např. text) smysluplný (*má hlavu a patu*). Vedle schémat ČÁST – CELEK a CENTRUM – PERIFERIE figuruje pata (opět podobně jako noha) i v rámci schématu VERTIKALITA. Jako umístěná dole může nést význam podřízenosti (o „podlézání“ vlivné osobě srov. *líbat někomu paty* či *patolízal*). Paty jsou (jako např. i kolena) výrazným bodem na vertikální stupnici těla. Figurují při udávání délky (*sukně po paty*) či výšky, a to i obrazně (*nesahat někomu ani po paty*).

Pata se přímo podílí na základních **funkcích** nohy, tedy na chůzi a běhu (signifikantní je zaměnitelnost nohy a paty: *co není v hlavě, musí být v nohách* / *v patě* „kdo si málo pamatuje, musí často chodit pro zapomenuté věci“). V souvislosti s chůzí a během se u paty profiluje

rychlost a intenzita: *běží / utíká / uhání, jako by mu paty / nohy namydlil / namazal; běží / utíká / uhání, jako když mu paty namaže; běží / utíká / uhání, jako by mu paty hořely; běží / utíká / uhání, jako by mu paty / nohy zapálil / podpálil*. K intenzitě pohybu (resp. jeho účelu – např. zařizování nějaké věci) srov. *moct si paty ušoupat / uběhat/ ubrousit* „obcházet bez úspěchu všechna možná místa“; *paty si utlouci* „naběhat se“.

Není neobvyklé, že profily somatického pojmu se určitou měrou prostupují – u pat je např. signifikantní **lokalizace** vzadu i za souběžné profilace **funkce** pohybu. Zřejmé je to např. u spojení pat s odcházením, resp. útěkem (necháním něčeho či někoho za sebou): *ukázat někomu paty / záda* „odejít od někoho pryč“; *otočit se na patě a jít pryč*, *zaplatit někomu patama* „utéct od někoho bez placení“. Paty figurují i v situacích následování někoho, chůze ve směru za ním (s nějakým záměrem): *jít někomu v patách* „jít těsně za ním, pronásledovat ho“, *šlapat někomu na paty* „důsledně někoho sledovat“; *věšet se / pověsit se / přilepit se někomu na paty* „dotěrně někoho sledovat“; *být někomu v patách* „někoho pronásledovat, už ho dohánět“. Rčení *lepit se někomu na paty* se užívá ve vztahu ke smůle, neštěstí. S významem „za, vzadu“ je v souvislosti s patami třeba zmínit jako nejexponovanější schéma CESTA, zásadní i u nadřazeného pojmu NOHA / NOHY a pro ně typické.

Paty se tak jako nohy vůbec podílejí především na chůzi a stání, ale metaforicky odkazují i k postoji či chování člověka (včetně chování „komunikačního“). K profilu, jejž označujeme jako **gesto**, srov. kinegram *sklapnout / srazit paty* „bez protestu vyplnit rozkaz“, kopírující tělesný pohyb „sražení pat“, jímž ve vojenském prostředí podřízený odpovídá na povel velitele.

LITERATURA

Bartmiński, J. (2018): Czym różni się Leksykon aksjologiczny od słownika językowego i encyklopedii? In: S. Niebrzegowska-Bartmińska – J. Szadura – B. Żywicka (eds.), *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów, 4, Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w programie badań porównawczych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, s. 9–23.

Bartmiński, J. – Niebrzegowska Bartmińska, S. (2007): Profily a subjektová interpretace světa. *Slovo a smysl*, 6, 8, s. 310–321.

Bendíková, B. (2017): Kinegramy – (ne)verbální komunikace v české somatické frazeologii. In: *Horizonty kognitivně-kulturní lingvistiky*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, s. 57–64.

Černá, E. (2015): *Nos v českém jazykovém obrazu světa.* Diplomová práce. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy.

Čížková, K. (2015): *Hlava v českém jazykovém obrazu světa*. Diplomová práce. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy.

Čurdová, V. (2011): *Jazykový obraz nohy / nohou v češtině*. Diplomová práce. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy.

Čurdová, V. (2012): Pohyb po nohou jako zdrojová oblast metafor v odborných textech (Představové schéma cesta v češtině). In: Vaňková, I. – Wiendl, J. (eds.), *Tělo, smysly a emoce v jazyce a literatuře.* Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, s. 88–96.

Čurdová, V. (2014): Pohyb po cestě prostřednictvím nohou jako zdrojová oblast metafor času v češtině, *Prace Filologiczne*, LXIV, 2, Varšava, s. 55–68.

Čurdová, V. (2015): Teorie významových profilů a výzkum somatismů v češtině. *Jazykovědné aktuality*, 52, 1–2, s. 4–13.

Filar, D. – Głaz, A, (1996): Obraz ręki w języku polskim i angielskim. In: *Językowa kategoryzacja świata*. Eds. R. Grzegorczykowa, A. Pajdzińska. Lublin, s. 199–220.

Holub, J. – Kopečný, F. (1952): Etymologický slovník jazyka českého. Praha, SNU.

Johnson, M. (1987): *Body in the Mind. Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason.* Chicago – London: University of Chicago Press.

Krzeszowski, Tomasz P. (1994): Parametr aksjologiczny w przedpojęciowych schematach wyobrażeniowych. *Etnolingwistyka*, 1994, 6, s. 29–52.

Maćkiewicz, J. (2006): *Językowy obraz ciała. Szkice do tematu.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
Mrhačová, E. (2000): *Názvy částí lidského těla v české frazeologii a idiomatice. (Tematický frazeologický slovník II).* Ostrava: FF OU.
Patočka, J. (1995): *Tělo, společenství, jazyk, svět*. Praha: Oikúmené.
Rejzek, J. (2001): *Český etymologický slovník.* Voznice, Leda.
SD: Tolstoj, N. I. (ed.) (1995–2011): *Slavjanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar v pjati tomach*. Moskva: Meždunarodnyje otnošenija. (1995, т. 1; 1999, т. 2; 2004, т. 3; 2009, т. 4, 2011).
SSSL: Bartmiński, J. – Niebrzegowska Bartmińska, S. (eds.) (1996–2024): *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Tom I. Kosmos (1. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie, 1996, 2. Ziemia, woda, podziemie,1999, 3. Meteorologia, 2012, 4. Świat, światło i metale, 2012.), tom II. Rośliny (1. Zboża, 2017, 2. Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe, 2018, 3. Kwiaty, 2019, 4. Zioła, 2019, 5. Drzewa owocowe i iglaste, 2020, 6. Drzewa liściaste, 2021, 7. Krzewy i krzewinki, 2022), Tom III. Zwierzęta (1. Zwierzęta domowe, 2024–). Lublin: Wydawnictwo UMCS.
Vaňková, I. (2007): *Nádoba plná řeči. Člověk, řeč a přirozený svět.* Praha: Karolinum.
Vaňková, I. (2012): Tělesnost a studium somatismů v perspektivě antropologické lingvistiky. In: Vaňková, I. – Wiendl, J. (eds.): *Tělo, smysly, emoce v jazyce a literatuře.* Praha: FF UK, s. 63–77.
Vaňková, I. (2018): Dyť se nosí i do kostela. Stereotyp a představová schémata spojená s jednou tabuizovanou částí těla. In: VAŇKOVÁ Irena, ŠŤASTNÁ Lucie (eds.): *Horizonty kognitivně-kulturní lingvistiky. Metafory, stereotypy a kulturní rozrůzněnost obrazů světa.* Praha: FF UK, s. 95–124.
Vaňková, I. (2020): „Na tváři lehký smích…“ Opozice zjevnost – nezjevnost, povrch – hloubka a vnitřek – vnějšek v somatických konceptualizacích člověka. In: VAŇKOVÁ, Irena (ed.): *Horizonty kognitivně-kulturní lingvistiky III. Tělo a tělesnost v jazykových a kulturních konceptualizacích.* Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, s. 31–66. (Elektronická verze.)
Vaňková, I. – Čurdová, V. (2014): Čelem k teorii pojmových profilů: nové možnosti slovníkového výkladu somatismů. *Didaktické studie*, 6, 1, s. 66–78.
Vaňková, I. – Vitkovskaya, V. (2014): Hlava: profily, subprofily, konceptuální schémata (Český somatismus v částečném porovnání s ruštinou). *Didaktické studie*, 6, 1, s. 79–88.
Vodrážková, V. (2016): Jazykové realizace konceptuální metafory ŽIVOT JE CESTA v češtině (se zaměřením na vzpomínkové texty). In: L. Saicová Římalová – I. Vaňková (eds.), *Lidský život a každodennost v jazyce*. Praha: FF UK, s. 51–60.
Vodrážková, V. (2017): Představové schéma CESTA v české somatické frazeologii. In: I. Vaňková – V. Vodrážková – R. Zbořilová (eds.), *Horizonty kognitivně-kulturní lingvistiky. Schémata a stereotypy v mluvených a znakových jazycích*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, s. 19–27.
Vodrážková, V. (2020): Kolekce a narace jako součást heslového zpracování somatického pojmu. Na příkladu pojmu NOHA/NOHY. In Vaňková I., *Horizonty kognitivně-kulturní lingvistiky III.: Tělo a tělesnost v jazykových a kulturních konceptualizacích*. Praha: FF UK, s. 189–205.
Wierzbicka, A. (1985): *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma.

BLOC 1.14

HUMOUR. PERSPECTIVES LINGUISTIQUES / HUMOR. LINGUISTIC PERSPECTIVES

Organisateur : HOLGER KUßE

Holger Kuße Humour as a Linguistic Topic. Introductory Words 1

Liana Goletiani Russian administrative culture through the prism of humor 2

Tatiana Ostakhova Online humour in the Russian protest songs of the last decade: linguistic aspects 6

Valery Efremov Humor as protest: Covid dissidents and Covid skeptics 9

Swietłana Gaś Humor between the lines. Intertextuality in Polish protest songs and their commentaries 13

Alla Nedashkivska Social Activism Through Humour: Language Branding by Youth in Ukraine 17

Olena Pchelintseva, Johannes Gutenberg Humor is serious! 24

Lyudmila Tokatova Humor And Justice In Kazakh Folklore. A Universal Phenomenon 28

HUMOR AS A LINGUISTIC TOPIC. INTRODUCTORY WORDS

HOLGER KUSSE (GERMANY)
Dresden University of Technology

Humor can be paradoxical. It can be an expression of pleasure, emotional relief. Conversely, humor often expresses disagreement and dissatisfaction. In the latter case, humor reveals the nature or the cause of the negative emotion being expressed, such as injustice, incompetence, stupidity or even aggression from those against whom the humor is directed. In addition to its negative and demarcating function, humor can act as a phenomenon that binds a group. The papers will focus on this functional diversity. Attention will be paid to historical forms of humor in Slavic and Central Asian cultures. Humor in relation to current events, such as the pandemic and language conflict discourses, will be considered. Forms of humor are diverse and range from jokes to songs, and from hidden intertextuality to open protest. These different forms of humor will be analyzed from various linguistic perspectives.

RUSSIAN ADMINISTRATIVE CULTURE THROUGH THE PRISM OF HUMOR

LIANA GOLETIANI (ITALY)
University of Bergamo

The paper is devoted to the "Letter of an experienced official of the 40s to a younger colleague entering the service" (hereinafter – Letter). The author of the text is a prominent figure of the era of the Great Reforms, Sergej Ivanovič Zarudnyj (Russian: Сергей Иванович Зарудный, Ukrainian: Сергій Іванович Зарудний). In a short text, the author ridicules the vices of Russian bureaucracy, using the epistolary form.

The publication of the Letter was initiated by Sergej Ivanovič Zarudnyj's son, the lawyer Aleksandr Sergeevič Zarudnyj, who, like his father, made a significant contribution to the modernisation of Russian law and courts. 12 years after the death of his father, Aleksandr Sergeevič Zarudnyj sent the text of the Letter to the editorial office of the magazine "Russkaja starina" (Russian Antiquity). The publication took place at the end of the year, in the 12th issue of the magazine for 1899. The text of the Letter has repeatedly become the subject of consideration by sociologists and historians, (Schattenberg 2007, Čevtaeva 2009) but has remained outside the attention of linguists and literary scholars. Our paper proposes to consider the Letter not only as an accusatory testimony from the first person, but also as a satirical text that, with the help of brilliant humor, affirms moral values and protests against established vicious social practices.

The work of this genre and form in the legacy of S. I. Zarudnyj is singular, and the length of the letter is extremely short compared to dozens of volumes of official documentation, works of comparative law and volumes of translations from Italian. Nevertheless, it seems that both the moral and ideological content and the choice of form cannot be considered accidental.

The main content, consisting of two parts, is devoted to the disclosure of this thesis.

The first part is devoted to the figure of the author, S. I. Zarudnyj, who was not a professional writer, but an official who began his career in the Ministry of Justice in the early 40s and reached the rank of Privy Counsellor in 1864.

Both G. Džanšiev (2008) and R. S. Wortman (1976) assign S. I. Zarudnyj an important place among those noble bureaucrats without whom the Great Reforms of Alexander II would not have been possible. Their contribution to the development of spiritual culture, according to Ju. Lotman (1994: 27), was incomparably smaller: "The Russian bureaucracy, being an important factor in state life, left almost no trace in the spiritual life of Russia: it did not create

its own culture, its own ethics, or even its own ideology. When, in the post-reform life, journalists, activists of the renewed court, lawyers were needed, then they, especially in the first decades after the abolition of serfdom, appeared from a completely different environment, primarily from that which was connected with the church, with the white clergy." The case of the family of S. I. Zarudnyj deviates significantly from this characterisation due to several factors: firstly, they did not come from the clergy, but from the Cossack Colonels (polkovnyk) of Slobids'ka Ukraine; secondly, the fate of many of them shows commitment to high ethical principles; finally, public service did not become an obstacle to active pursuit of art and literature. The system of ideological and ethical values and aesthetic interests of S. I. Zarudnyj himself can be judged by letters, surviving testimonies of contemporaries and, not least, by the cultural and social activities of children and nephews raised in his family. Of interest to our case are, among other things, the fates of his son Aleksandr Sergeevič Zarudnyj and his daughter Ekaterina Sergeevna Zarudnaja-Kavos. A.S. Zarudny's (1875-1933) went down in history as the Minister of Justice in the Provisional Government of Aleksandr Kerenskij and a bright representative of the young post-reform advocacy. He has brilliant defense in many famous show trials in the Russian Empire in the pre-revolutionary period. His daughter E. S. Zarudnaja-Kavos (1861-1917) was involved in artistic and educational activities and published the opposition satirical magazine "Lešyj". A comparison of various biographical facts, episodes from the family and work life of S. I. Zarudnyj allows us to conclude that the accusatory pathos of the Letter fully reflects the firm and consistent deontological code of the author.

The second part of the report is devoted to the formal and substantive analysis of the text of the Letter. First, the compositional structure of the work is briefly described. Outwardly, it corresponds to the laws of the epistolary genre - the Letter consists of an introductory greeting, the main part and final etiquette formulas of farewell. The main part of the Letter consists of 15 instructions. They are numbered microtexts, containing regulated topoi and formulas of the edifying message, participating in the construction of the text. Each of the instructions is aimed at creating a separate comic situation and meets the three conditions for the perception of humor, identified by T. Veatch (1998): the situation is presented as quite 'normal' in the conditions of service of an official of Nicholas's Russia, and the writer's instruction on how to behave in this situation is absurd from the point of view of ethics and deontology. Reading this satirical text violates the expectations of a virtuous reader, the picture evokes a range of emotions in him: amazement, laughter, indignation and disgust.

Most microtexts are constructed according to the same scheme: first, a postulate of behavior is synthetically formulated, usually in the form of imperative negative statements, then

it develops into a reasoned instruction. In the course of the development, the absurdity increases, for which various linguistic mechanisms of humor are used - word-formation, grammatical, lexical, and stylistic. The analysis is based on the concept of a script proposed within the framework of the general theory of verbal humor by S. Attardo (2001): the participants of the script (bureaucratic officials and petitioners of departments), their typical features, the relationships that develop between them and the actions they perform are identified. The main comicality lies in the ethical and professional conflict of the participants' goals: successful career advancement with absolute and consciously cultivated professional inconsistency. Further examples show the use of common clerical stamps and clichés, various rhetorical figures aimed at achieving a comic effect. Among them, the technique of comic contrast deserves special attention. It can be regularly traced both on the lexical and stylistic level: diminutive forms are followed by rude and colloquial ones. Such figures as grotesque and hyperbole are abruptly replaced by litotes.

The final part of the paper outlines questions that require further research. The first is the question of the Letter's conformity with the satirical tradition, for which it is necessary to turn to both the history of journalism and fiction. The most relevant questions seem to be the connections with the satirical magazines of the last third of the 18th century (first of all, Novikov's satirical letters), as well as with the literary works of the 19th century (first of all, the works of N. I. Gogol and M. E. Saltykov-Ščedrin). The second unanswered question concerns the dating of the writing of the Letter. After a brilliant career in the State Council and active participation in the work of various commissions for the preparation and implementation of the peasant (1861) and judicial reforms (1864), a period of forced inactivity began in Zarudnyj's career. Zarudnyj turned to scientific and translation activities, paying primary attention to the translation of first codes of the Kingdom of Italy. Having been removed from active practical work and observing the return of the pre-reform practices and the strengthening of reactionary currents, Zarudnyj decided to try a new weapon to combat the administrative methods he had encountered in the early period of his service. And he chose humor.

REFERENCES

Attardo, S. (2001). *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter.

Čevtaeva N.G. (2009). Sociologija činovničrstva v Rossii: dorevoljucionnoe nasledie i sovremennost', in: *Mir Rossii*, № 3, pp. 85–113.

Džanšiev G.A. (2008). *Epocha Velikich reform. Istoričeskija spravki v dvuch tomah, Territotija buduščego*. Moskva.

Goletiani L. (2019). O kul'turnych predposylkach 'ital'janskogo' pravovogo diskursa S.I.Zarundnogo, in: M.C. Bragone; M. Bidovec (edts), *Il mondo slavo e l'Europa: contributi presentati al VI Congresso Italiano di Slavistica, Firenze*, pp. 249-260.

Koni A.F. (1914). *Otcy i deti sudebnoj reformy*. Izd. I. D. Sytina. Moskva.

Lotman Ju.M. (1994). *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – načalo XIX veka.* Sankt-Peterburg: Iskusstvo.

Paulson, R. (1967). *The Fictions of Satire*. Baltimora: The Johns Hopkins Press.

Schattenberg, S. (2007). Korruptes Russland? Russische Verwaltungskultur im 19. Jahr-hundert. In: *Themenportal Europäische Geschichte (2007)*. URL: http://www.europa.clio-online.de/2007/Article=209. (Last access: 12.05.2025)

Veatch T. C. (1998). A Theory of Humor, in: *Humor: International Journal of Humor*. Vol. 11. № 2. New York: Mouton de Gruyter, pp. 161–215. URL: https://teaclub.e-lub.net/wp-content/uploads/2019/08/veatch.pdf (Last access: 12.05.2025)

Wortman R. S. (1976). *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago: University of Chicago Press.

ONLINE HUMOUR IN THE RUSSIAN PROTEST SONGS OF THE LAST DECADE: LINGUISTIC ASPECTS

TATIANA OSTAKHOVA (ITALY)
University of Messina

The tradition of protest song in the Russian-speaking world has deep historical roots, dating back to the bard movement of the second half of the twentieth century. Since the early twenty-first century, the internet has emerged as a key platform for the dissemination of musical satire within a political context. In the prevailing conditions of state propaganda and information warfare, music framed by humour and grotesque not only fulfills an expressive function but also serves as a powerful tool for mobilising public consciousness.

One of the most prominent contemporary figures in musical satire is the blogger known under the pseudonym "Ded Archimed" (Grandpa Archimedes). Since the launch of his YouTube channel in 2017, the author has gained considerable popularity within the Russian-speaking segment of the internet. The channel currently boasts 457,000 subscribers and contains 427 videos.

Although the author's identity remains partially anonymous, it is known that his name is Dmitry Nikolaevich, he is 51 years old, and prior to emigrating from Russia, he lived in the city of Ivanovo.

The blogger's key expressive device is the persona of a "naive old man from the provinces," through which he addresses complex socio-political topics in an accessible and ironic form.

Employing humor, folk speech stylisation, grotesque elements, and archaisms, the author engages with pressing contemporary issues such as corruption, social inequality, state propaganda, the militarisation of public consciousness, and the growing alienation of the state from the people. Since 2022, the central theme of his work has become the war in Ukraine.

His performance style may be characterised as a theatrical song monologue, rich in regional phonetic features (notably okanye), colloquialisms, and archaisms. Although the blogger emphasises that his speech is not modeled on any specific dialect, the linguistic manner is an organic element of his artistic persona.

Drawing on his prior training in acting and experience in theatre, the author constructs his performances according to the principles of tragicomedy, where humour precedes and prepares the ground for the transmission of deeper meaning.

The multifaceted nature of Ded Archimed's creative output allows for it to be interpreted simultaneously as a continuation of the bardic tradition and as an example of civic journalism. In terms of form, his songs reflect the conversational, confessional tone characteristic of the bard genre. In terms of content, they offer analytical commentary on current affairs, adapted to an artistic format. Addressing a wide audience, the author not only seeks to convey information, but also to cultivate an emotional response to events, evoke empathy, reflection, and solidarity. Within the context of propagandistic discourse dominating official media, his songs function as an alternative source of information.

A distinctive feature of the blogger's work is the extensive use of precedent texts – motifs from Soviet songs, films, fairytales, and folklore. Reinterpreted in the style of skaz, these elements generate a semantic contrast between familiar cultural codes and their new, politically and satirically charged reinterpretation. This approach enhances the poetic, philosophical, and ironic qualities of the works.

The aim of the present study is to identify the speech strategies employed in the creative output of Ded Archimed for the verbalisation of the concepts of "war," "peace," and "victory." The empirical basis of the research consists of a corpus of 427 video recordings published on the author's YouTube channel. For analytical purposes, 40 poetic works created between 24 February 2022 and April 2025 were selected. A particular feature of the material is its oral nature: the texts have not been officially published and were transcribed manually. The corpus may be viewed as a kind of musical chronicle – a narrative of the war conveyed through the lens of civic observation.

Humour emerges as the blogger's principal rhetorical and strategic instrument. However, it is not deployed as an end in itself, but as a means of artistic comprehension and critique of reality – a way of conveying truth, evoking emotional resonance, and expressing dissent. Many videos are accompanied by explanatory subtitles, indicating the nature of the satirical commentary, such as humour "about the essential," "about pain," "about war," "about Z-propaganda," and others.

The songs of Ded Archimed operate as a counter-discourse to official rhetoric. Through the deconstruction of the language of power and state propaganda, he reinterprets key concepts of contemporary Russian reality. The verbalisation of the notions of "war," "peace," and "victory" is achieved through metaphorisation, lexical-semantic transformation, and the

introduction of satirical clichés, thereby transforming artistic expression into a form of political discourse.

REFERENCES

Kabachkin V., Magnitizdat, serie di trasmissioni di Radio Liberty Russian, n. 13, 5 ottobre 1972.

Smith G.S., Songs to Seven Strings: Russian Guitar Poetry e Soviet "Mass Song", Bloomington, Indiana,1984.

Sosin G., "Magnitizdat": Canzoni non censurate del dissenso, in Tàkés, R.L. (a cura di), Dissenso in URSS: Politica, Ideologia e Popolo, Baltimora-Londra, The John Hopkins University Press, 1975.
Сальмон Л., Механизмы юмора: О творчестве Сергея Довлатова, Москва, Прогресс-Традиция, 2008.

Шакиров С.М., О музыкальных медиакоммуникациях: видеоблог Деда Архимеда как медиатекст, в «MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы»: материалы VII Международной научно-практической конференции (Челябинск, 22-24 ноября 2022 года), под ред. А. А. Морозовой; Челябинский государственный университет, Изд-во Челябинского государственного университета, Челябинск 2022, с. 183-187.

SITOGRAPHY

Дед Архимед. Канал взрослого: https://www.youtube.com/channel/UCcO762BN2bx6tyw_VlsDagw

Интервью «И Грянул Грэм». Дед Архимед: что с Гариком "Бульдогом" Харламовым, Сердючка, Слепаков, Хабенский, "глубинный народ": https://www.youtube.com/watch?v=1ndOg4tUbHU (19/01/2024)

Дед Архимед «И Грянул Грэм». Вторая беседа: https://www.youtube.com/watch?v=lWk6O9Hzwjs (18/03/2024)

Інтервью с Олексієм Гомоном для каналу Д. Гордона https://www.youtube.com/watch?v=tQqkBDg5pbk (08/07/2024)

Интервью Деда Архимеда Ксении Лариной и ютуб каналу The Insider Live: https://www.youtube.com/watch?v=SnaXSnGAHYg (30/10/2024)

HUMOR AS PROTEST: COVID DISSIDENTS AND COVID SKEPTICS

VALERY EFREMOV

In the early 2020s, the world was in the midst of the COVID-19 pandemic. Such large-scale upheavals as months-long quarantines, lockdowns, several waves of the pandemic, excess mortality, as well as the associated complex economic and political transformations inevitably led to an increase in social tensions around the world. The pandemic served as a kind of catalyst for many of the political and social crises of the modern world. On the one hand, it exacerbated long-standing problems, such as the availability and quality of medicines and medical services in the least developed and developing countries. On the other hand, COVID-19 created completely new grounds for social tension: vaccine wars, medical surveillance, "digital concentration camps", and even new forms of necropolitics.

The pandemic also led to a stratification of society, including the Russian one, in relation to the COVID-19 and the measures taken by the state to combat it. In addition to issues of biopolitics and bioethics (the degree of medical control, the justification of a strict quarantine regime, problems of vaccination, etc.), the problems of scientific and, above all, medical literacy of the population became acute.

One of the global social problems was the confrontation between supporters and opponents of vaccination. Since 2020, Russian speakers have been using the English borrowings vaxers and anti-vaxers.

The pandemic of the early 2020s provoked a new round of division of society into "us" and "them" around the world, which led to the emergence of a new version of hate speech and new grounds for various humorous practices, the basis of which are not ethnic, religious, gender or other forms of social prejudices and stereotypes, but medical knowledge, or rather, perceptions of the COVID-19 infection and ways to combat it, including vaccination. In other words, the cognitive basis for the opposition of "us – them" was not so much social views as the opposition of "medical scientific knowledge vs. medical naive knowledge and prejudices" (Efremov 2022).

It is important that the Internet has become the main space of existence and unification for anti-vaccinationists. It also becomes the most important means of broadcasting anti-scientific and socially dangerous views (Kata 2011).

As a situation of collective shock and stress, the pandemic leads to a natural human reaction – the strengthening of the humorous and carnival element in language, speech, communication, and culture as a whole. The increasing role of the comic in public life has been

recognized by the mass media as a significant, noticeable trend practically from the first days of the pandemic.

A vivid example of the realization of the carnival, humorous element of folk culture was the new objects of language play and active word creation, which led to the appearance of “coronayaz” (coronaspeak) and such linguistic phenomena that were given the names koronarech', koronaslovar', koronasleng in the mass media (Priemysheva 2021).

On the one hand, the humor of the pandemic era is associated with a protest against the collapsing usual way of life. Both the language play and various forms of comic expression in the media and the Internet, as well as diverse visual game forms (sticker packs, demotivators, Internet memes, videos) dedicated to the everyday life of people in quarantine, and the emergence of new modifications of classical folklore genres (quarantine folk tales, ditties, anti-proverbs) are fully correlated with the idea of carnival culture and the folk humorous element according to M. M. Bakhtin. Humorous culture becomes a form of resistance to the sharp transformations of the usual modus vivendi associated with the rapid medicalization of everyday life.

Thus, one of the features of the language play during the pandemic period is the determinologization of medical vocabulary (Na vakcinu ja hodila / I vakcinu poluchila. / Teper' nezachem bojat'sja / Mne bez maski celovat'sja). The use of scientific terms in Internet memes, videos, and ditties allows for an ironically-playful attitude towards the realities of pandemic society and at the same time creates new forms and genres of “familiar-vulgar speech” (M. M. Bakhtin).

On the other hand, humor during the pandemic also becomes a tool of ideological struggle between anti-vaxxers (including COVID dissidents and COVID skeptics) and vaxxers regarding vaccination and the sanitary-hygienic and political measures taken by the authorities, as well as the degree of their relevance. For the first time issues of medical knowledge and the degree of their scientific validity have become the basis for the hate speech and language play.

The purpose of the report is to analyze the humor of COVID deniers regarding the sanitary and hygienic measures taken by the authorities. The research material is heterogeneous forms and genres of humor, from language play at the level of naming opponents (kovidobesnovatyj, kovidoid, etc.) to Internet memes about vaccination.

The subject of the analysis was primarily posts and comments in the largest community of anti-vaccinators on the social network VKontakte – the “COVID Resistance Movement” (https://vk.com/antinadzor; as of 04/15/2025 – 3,808 participants). The public originally emerged as a mouthpiece for COVID resisters, but has absorbed almost all forms of rejection

or denial of both the disease itself and the ways to combat it. It was here that not only COVID resisters, but also COVID dissidents, COVID skeptics, and anti-vaxxers expressed their point of view. The group is currently inactive: the last post was published on 11/4/2024, and the penultimate one on 3/27/2024. Despite legal and reputational risks, several thousand Russian-speaking Internet users are willing to call themselves the mocking/derisive word “COVID dissident” for the rest of their fellow citizen, thereby appropriating it in relation to themselves and translating it from a negatively evaluative to a neutral vocabulary.

The language of ideological protest begins with nomination: in order to conceptualize the ideological opponent, it must be named. Humorous resistance at the level of nomination is excellently represented: (Dictionary 2021). Thus, the compilers of the dictionary specially introduced a special remark “In the speech of COVID dissidents” into the zone of interpretation of the lexical meaning. More than 40 such words have been recorded, including: baranovirusnik, virusobesnyj, kovigist, kovidast, kovidoadept, kovidoverujushhij, kovidoljub, maskofil, etc. Of course, the opposite side also creates humorous innovations to denote COVID dissidents and COVID skeptics, using several dozen nominations: antikovidnik, koronaateist, koronopofigist, etc.

It is indicative that the very first ironic nomination of a person in relation to the COVID-19 epidemic – kovidiot – almost immediately became enantiosemic. In the Russian language, this word denoted, in the speech of COVID dissidents, 'one who observes anti-epidemic measures and is uncritical of the official information about the COVID-19 infection', and in the speech of vaxxers – 'one who ignores the sanitary and epidemiological measures related to the COVID-19 infection' (Dictionary 2021, 97).

At the level of communicative behavior and broadcasting of their own ideology, both COVID skeptics and their opponents actively use various arguments. In such agonal communication, a very interesting linguopragmatic phenomenon is observed– the use of humor to strengthen aggressive argumentation (Kusse 2019), as, for example, one of the comments in the group looks like this: “Bud' putriotom?, ukolis'!!! / shmurdjak? primi smirenno!!! / Namordnik? gordo nacepi / Nazlo vragam! Zabvenno...” (https://vk.com/wall-201032857_5863).

Another example of a humorous news about the achievements of vaccination: “Scientists from the Ministry of Innovative Development of Uzbekistan were able to obtain milk with antibodies to SARS-CoV-2, having vaccinated cows and goats against the coronavirus” (https://vk.com/wall-201032857_5278).

Sometimes the arguments of COVID dissidents look like this: "If the mask protects, then why get vaccinated?)) And if it doesn't protect – then why wear it?)) If the vaccinated are afraid of getting infected by the unvaccinated – does that mean the vaccine doesn't work?)) And if the vaccine doesn't work, then why get vaccinated?"))" (https://vk.com/wall-201032857_5078).

It should be noted that even before the COVID-19 pandemic, scientists noted the well-developed nature of the arguments of anti-vaccinators: "The techniques used by the anti-vaccination movement are cunning, for not only are their protests camouflaged in unobjectionable rhetoric such as "informed consent", "health freedom", and "vaccine safety", they take advantage of the current postmodern medical paradigm" (Kata 2011, 3784).

In some (extremely radical) cases, COVID dissidents view vaccination in direct connection with power and government: "Rus' spasti ot pandemii / V Skolkovo reshili: /Virus – nam, koronu – v Kreml' / Chestno podelili!" (Author - A. Muz).

Numerous visual samples of humorous resistance of COVID skeptics and anti-vaccinators deserve special attention.

So, the case of COVID dissent is an exemplary example of how a new multi-faceted enemy (government, medicine, pharmacology, vaccinators) is formed in the minds of a certain social stratum (educated urban youth and middle-aged people), which must be ridiculed in any way: from creating an offensive nomination and Internet memes to aggressive humorous arguments.

In conclusion, we note that the coronavirus pandemic has served as a powerful catalyst for the development of language and communication, including on the Internet. At the same time, it has served as a breeding ground for the emergence of new ideological confrontations, the actualization of the language of hatred and linguistic protest, built on language play and humor.

REFERENCES

Efremov, V. A. 2022. Speech Behaviour of Anti-Vaxxers: Rhetorical and Legal Aspects. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics 21/3.* 90-100. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.8.

Kata, A. 2011. Anti-vaccine activists, Web 2.0, and the postmodern paradigm--an overview of tactics and tropes used online by the anti-vaccination movement. *Vaccine 30/25*, 3778-89. DOI: https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2011.11.112.

Kusse, H. 2019. *Aggression and argumentation. (in Russian)*. Vinnytsia.

Priemysheva, M. N. 2021. *Coronaspeak, quarantine laughter and covid folklore. Russian language of the coronavirus era*. Ed.: M. N. Priemysheva. (in Russian). Saint Petersburg.

Dictionary. 2021. *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era. (in Russian)*. Saint Petersburg.

HUMOR BETWEEN THE LINES. INTERTEXTUALITY IN POLISH PROTEST SONGS AND THEIR COMMENTARIES / HUMOR MIĘDZY WIERSZAMI - INTERTEKSTUALNOŚĆ W POLSKICH PIEŚNIACH PROTESTU I KOMENTARZACH DO NICH

SWIETŁANA GAŚ (POLSKA)

Baza materiałowa

Jako materiał badawczy wykorzystano teksty pieśni protestacyjnych (tzw. protest songs) stworzonych w czasie ogólnopolskiego strajku nauczycieli w 2019 roku i w czasie protestów przeciwko zaostrzeniu przepisów dotyczących aborcji w Polsce w 2020 roku i udostępnianych w sieciach społecznościowych.

Akcja strajkowa pracowników oświaty rozpoczęła się 8 kwietnia 2019 i została zawieszona 27 kwietnia 2019 roku. Według danych Związku Nauczycielstwa Polskiego strajkowało około 75 % placówek edukacyjnych, w tym przedszkoli, szkół podstawowych i ponadpodstawowych (ZNP 2021).

Protesty społeczne przeciwko zaostrzeniu przepisów dotyczących aborcji w Polsce w 2020 roku, inaczej nazywane Strajkiem Kobiet, były odpowiedzią na wyrok Trybunału Konstytucyjnego ws. aborcji z dnia 22 października 2020 roku. Pieśni protestu rozpowszechniane w Internecie i śpiewane podczas marszów ulicznych wyróżnia przekraczanie tabu i karnawalizacja języka.

Pojęcie intertekstualności

Stosunkowo młody termin *intertekstualność* w relatywnie krótkim czasie uzyskał mnogość definicji, zaczynając od ogólnego znaczenia w rozumieniu jego twórczyni Julii Kristevej (Kristeva 1969) i kończąc zawężonym definiowaniem jedynie określonego rodzaju relacji pomiędzy jednym tekstem a drugim. Bachtin, choć nie używał tego terminu, również pisał o intertekstualności, a jego rozsypane w różnych pracach rozważania o dialogowości tworzą szkielet teorii późniejszych intertekstualistów (Głowiński 1986, 76).

Jak zauważa Głowiński, intertekstualność zachodzi wówczas, gdy element zapożyczony z innego tekstu w sposób jawny lub jedynie w formie aluzji zostaje wyodrębniony z kontekstu, który nadawał mu znaczenie, i osadzony w nowym kontekście w procesie rekontekstualizacji zyskuje nowe znaczenia (Głowiński 1986, 86). Oznacza to, że relacje intertekstualne zachodzą wtedy, kiedy „przyswojeniu czy naśladowaniu towarzyszy element różnicujący <…> a więc zawsze występuje żywioł dialogiczności" (Głowiński 1986, 90).

Relacje intertekstualne pomiędzy tekstem-dawcą i tekstem-biorcą – z perspektywy czytelniczej - są dość nietrwałe, gdyż związek z pierwotnym tekstem-dawcą może ulegać zapomnieniu np. z upływem czasu, przy czym nierozpoznanie przez kolejne pokolenia czytelników niektórych odwołań nie czyni automatycznie tekstu mniej zrozumiałym (Głowiński 1986, 97).

O związkach intertekstualności z gatunkiem tekstowym pisze Dorota Zdunkiewicz-Jedynak (2016), która na przykładzie internetowych memów udowadnia wielopoziomowość relacji intertekstualnych pomiędzy memem, stanowiącym rodzaj tekstu przetworzonego, a tekstem pierwotnym. Gra intertekstualna, którą proponuje internautom przeważnie anonimowy autor memu, polega na możliwie wiernym odczytaniu nawiązań zarówno do ikonicznych, jak i werbalnych systemów znakowych. Nagrodą w tej grze staje się śmiech, gdyż cechą gatunkową memów jest humor (Zdunkiewicz-Jedynak 2016, 59).

Marta Śleziak, która przedmiotem swych badań czyni slogany polityczne, wyodrębnia dwa typy intertekstualności: cytat oraz aluzję. Pod cytatem badaczka rozumie wyodrębnienie z tekstu pierwotnego komunikatu werbalnego w niezmienionej formie i umiejscowienie go w nowej sytuacji komunikacyjnej, natomiast aluzja wg Śleziak zakłada dodatkowo modyfikację treści słownej (Śleziak 2020, 159).

Humor i karnawalizacja

Teksty tworzone w ramach protestów społecznych mają znamiona utworów skarnawalizowanych, przy czym karnawalizacja jest rozumiana jako „odwrócenie istniejącego i usankcjonowanego porządku” (Rumińska 2007, 182). Wg teorii Bachtina na karnawałowy sposób komunikowania się składają się cztery kategorie, a mianowicie: familiarność, mezalians, profanacje i ekscentryczność. Przekraczanie tabu, zrównanie przedstawicieli różnych warstw społecznych, zburzenie istniejących hierarchii, łączenie różnorodnych wartości i odległych pojęć tworzą bachtinowską „ludową kulturę śmiechu”, wywodzącą się ze średniowiecznych i renesansowych targów i jarmarków (Rumińska 2007, 184-186).

Intertekstualność polskich pieśni protestu

Analizowane polskie pieśni protestu wyróżniają się dialogowością i skomplikowanymi relacjami intertekstualnymi. Element, który podlega rekontekstualizacji w pieśniach protestacyjnych, może zostać zapożyczony z wypowiedzi polityków, z tekstów innych piosenek, tekstów wizualnych, sloganów itd.

Przykładem takiej gry intertekstualnej jest odwoływanie się do wypowiedzi Jarosława Kaczyńskiego dotyczącej wsparcia rolników: „Najmniej 100 złotych od jednego tucznika i 500 zł od jednej krowy, ale może być więcej” (polsatnews 2019). Odpowiedzią na wystąpienie polityczne staje się mem, w którym wyraz *tucznik* w znaczeniu ‘świnia, którą hoduje się dla mięsa, intensywnie karmiąc ją, aby zwiększyła swoją wagę’ (WSJP) zastąpiono hiperonimem *świnia,* rzeczownikiem wieloznacznym, w tym w potocznym użyciu o znaczeniu pejoratywnym ‘osoba łamiąca swoim zachowaniem zasady moralne lub społeczne’ (WSJP).

(Źródło: https://x.com/Broniarz/status/1114611303388262401/photo/1)

Aluzje do wspomnianej wypowiedzi polityka można znaleźć w licznych tekstach piosenek[1]:

> „jak przyjdzie co do czego świnia z krową znacznie więcej dziś dostanie” (Piosenka strajkowa nauczycieli SP 32 w Gliwicach), „po co nam te studia dyplomy szkolenia, świnia z krową więcej ma do powiedzenia” (Piosenka strajkowa nauczycieli ZS w Strzyżewie), „krowa, świnia liczą się dla was” (Piosenka strajkowa nauczycieli SP w Skokach), „Hał hał hał hał miaaał kwi kwi kiwi kwi muuuuu kwa kwa kwa kwa kwa gęęę, na farmie i tak spotkamy się” (Piosenka strajkowa nauczycieli SP4 w Krotoszynie), „O celibacie mówiono nam i wydano pieniądze na trzodę” (Piosenka strajkowa nauczycieli SP2 Myślibórz), „Pani minister, zostaw edukację! Wzięłaś nagrodę, dostałaś kasę, a krowy świnie są cenniejsze niż my. Zupa z idei, kanapka z misją, walczymy z hejtem oraz złą transmisją” (ZSP 8 Wrocław).

Nawiązania do wypowiedzi poprzez powtarzanie pojedynczych wyrazów (*krowa*), użycie hiperonimów (*trzoda, świnia*), wyrazów dźwiękonaśladowczych (*muu, hał-hał*). Przekaz słowny niejednokrotnie wzmacniany jest warstwą wizualną poprzez wyeksponowanie pluszowych świń, przebrań i użycia masek zwierząt.

W analizowanym korpusie odnotowano również dosłowne przytoczenia jako rodzaj intertekstualności. Hasła z protestów kobiet powtórzone w tekstach piosenek mają na celu

[1] Wszystkie przykłady pochodzą z nagrań zamieszczonych na kanale https://www.youtube.com/c/Krowai%C5%9Awinia (dostęp: 26.04.2025)

wzmocnienie poczucia przynależności do ruchu społecznego: „dziś jednak na me usta ciśnie się to jedno słowo / Wypierdalaj / grzecznie mówiąc spadaj / od kobiet wara bardzo proszę wypierdalać" (Justyna Biedrawa, „Proszę wyp*******ć")[2].

Intertekstualność polskich pieśni protestacyjnych przejawia się na wielu płaszczyznach: werbalnej, wizualnej itd. Odczytanie i prawidłowe zinterpretowanie aluzji lub zidentyfikowanie cytatów wymaga od odbiorcy znajomości wydarzeń towarzyszących protestom. Żarty słowne, leksyka potoczna, detabuizacja słownictwa świadczą o karnawalizacji języka. W referacie zostaną szczegółowo przedstawione rodzaje relacji intertekstualnych pomiędzy tekstem pierwotnym (np. sloganem politycznym, wypowiedzią przedstawiciela rządu), tekstem przetworzonym (tekstem pieśni protestu), a także komentarzami do nich.

BIBLIOGRAFIA

Głowiński, Michał. 1986. „O intertekstualności". *Pamiętnik literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej,* 77/4, 75-100.

Kristeva, Julia. 1969. *Semeiotïkè. Recherches pour une sémanalyse.* Paris: Éditions du Seuil.

Okopień-Sławińska, Aleksandra. 2020."Intertekstualność, dialogowość i przytoczeniowa budowa utworu literackiego". *Teksty drugie*, 5 (2020), 37-52. DOI: 10.18318/td.2020.5.4

Polsatnews. 2019. https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2019-04-06/j-kaczynski-naszym-dazeniem-jest-zeby-wies-i-miasto-zyly-na-tym-samym-poziomie/ Dostęp: 26.04.2025.

Rumińska, Magdalena. 2007. „Michała Bachtina teoria karnawalizacji języka". [w:] *Humor i karnawalizacja we współczesnej komunikacji językowej,* pod redakcją Jana Mazura i Magdaleny Rumińskiej, 181-202. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie -Skłodowskiej.

Śleziak, Marta. 2020. „Intertekstualność w polskich hasłach i sloganach politycznych". *Oblicza komunikacji*, 12 (2020), 153-167. DOI: 10.19195/2083-5345.12.10

WSJP. *Wielki słownik języka polskiego.* https://wsjp.pl/ Dostęp: 26.04.2025.

Zdunkiewicz-Jedynak, Dorota. 2016. „Intertekstualność współczesnej komunikacji internetowej. Intertekstualne odwołania wewnątrzgatunkowe w memach". *Poznańskie Studia Językoznawcze*, 32 (2016), 57-73. DOI: 10.14746/psj.2016.32.5

Związek Nauczycielstwa Polskiego. 2021. „Dwa lata temu rozpoczął się ogólnopolski strajk w oświacie". https://znp.edu.pl/9796-2/ Dostęp: 26.04.2025.

[2] https://www.youtube.com/watch?v=m9nBzPkis0A (dostęp: 26.04.2025).

SOCIAL ACTIVISM THROUGH HUMOUR: LANGUAGE BRANDING BY YOUTH IN UKRAINE

ALLA NEDASHKIVSKA (CANADA)
University of Alberta

Introduction

Ukraine offers a compelling case where orthographic models have long served as arenas for political contention and public debate. The 2019 Orthography reform, reflecting patterns seen in other contested reforms globally (Sebba 2009), sparked strong emotional responses and reignited long-standing discussions about what constitutes the perceived or ideal 'standard' of the Ukrainian language. This study examines discourses surrounding the 2019 Orthography, focusing particularly on how humour—especially among youth—functions as a form of social activism in navigating and contesting language ideologies.

As the literature shows, orthographic reforms, due to their inherently prescriptive nature, often provoke discomfort, resistance, and contestation (Schieffelin & Doucet 1994; Sebba 2009). Such reactions are rarely limited to language itself; rather, they reflect broader social, political, and cultural tensions (Woolard & Schieffelin 1994). Orthographies function not merely as representations of speech but as ideologically charged symbols embedded with historical and cultural meanings (Woolard & Schieffelin 1994: 65), with "all models of orthography as fundamentally ideological" (Sebba 2009: 14).

Rather than analyzing the linguistic content of the new Orthography, this study approaches it as a "complex social and cultural achievement... a set of practices—some highly conventionalized and others relatively unconstrained... [that] are microcosms of language itself, where the issues of history, identity, ethnicity, culture and politics... are also prominent" (Sebba 2009: 167). Following Sebba's (2009, 2012) sociocultural model of orthography as social practice, the study focuses on public attitudes toward the new norms, particularly as expressed through social media. These attitudes—"beliefs about what language is, should be, and should be used for" (Sebba 2009: 25)—reveal ideological positions that structure the discourse around the 2019 Orthography.

A brief historical background

Orthographic reforms in Ukraine, as in many other societies, have been anything but straightforward. Often turbulent and contested, they are deeply intertwined with the country's historical and sociopolitical contexts. Efforts to establish a unified Ukrainian Orthography date

back to the late eighteenth century, gaining particular prominence in the twentieth century and again with the introduction of the 2019 Orthography. For an overview of historical debates and conflicts over Ukrainian orthography, see Huzar (2004), Moser (n.d.), and Nedashkivska (2023).

For the purposes of this study, two key developments merit brief mention. The 1928 Orthography, the first set of rules accepted by both Western and Eastern Ukraine, was condemned by Soviet authorities in 1933 as "nationalistic" and subsequently revised to align more closely with Russian norms. In contrast, the 2019 Orthography—the focus of this paper—aims, according to its authors, to restore Ukrainian to its "true self." It reintroduces selected elements from the 1928 version, embraces both "old" and "new" variants, and seeks to reflect contemporary usage and realities (Ukrains'kyi Pravopys 2019). A detailed examination of its linguistic features, however, falls outside the scope of this study (for key changes in the 2019 Orthography, see Nedashkivska 2023).

Theoretical concepts

As noted above, this study approaches orthography as a social practice, drawing on Sebba's (2009, 2012) sociocultural model and examining societal attitudes as reflected in social media discourse. These societal attitudes, visible in debates over the new orthography, are interpreted as language ideological positions taken in these discussions. People's attitudes and beliefs about the new norms are viewed as language ideologies, understood here as "a collective order, that is, the beliefs and attitudes that shape speakers' relationships to their own and others' languages, mediating between the social practice of language and the socioeconomic and political structures within which it occurs" (Cavanaugh 2020: 52).

Humour emerges as a prominent vehicle for expressing these attitudes and beliefs, and is therefore approached as a performance "that positions and repositions dominant sociolinguistic ideologies" (Da Silva et al. 2015: 188). As noted in scholarship, such ideologies may assign greater or lesser value to particular language varieties, often privileging standard forms while devaluing vernacular or mixed varieties (Da Silva 2022: 188). Performance, understood as a form of social action (Austin 1962, cited in Da Silva 2022: 188), offers a lens through which individuals "display, frame, and evaluate discourse." It allows for an exploration of the creative and evolving ways in which individuals and communities negotiate their identities and positions within sociolinguistic hierarchies (Da Silva 2022: 188).

In this study, performance—particularly through humour—is understood as a form of social and language activism, serving as a reaction to the recent orthographic reforms. Language

activism, which can take many forms, typically engages with both top-down and bottom-up processes aimed at shaping or contesting language policies. These efforts are often tied to broader goals such as protecting language rights and promoting linguistic equality and justice. Here, language activism is approached as a bottom-up practice, encompassing advocacy for—or rejection of—specific language forms, the promotion of particular language attitudes, and the shaping of everyday language practices.

In addition, this study links discussions of language ideological positionings and language activism with the concepts of attribution, iconization, and branding developed by Sebba (2009, 2015).

Attribution refers to the perceived association of elements or practices with a particular group (Sebba 2015: 209). In this study, the concept is extended to include associations with specific languages, varieties, or standards, further reinforcing the view of orthography as a social practice. As Sebba explains, attribution occurs when one group links a linguistic feature or practice to another group believed to use it, constructing it as characteristic of that group or language (Sebba 2015: 209, 214).

Iconization, introduced by Irvine and Gal (2000), builds on attribution by transforming linguistic features into representations of a group's essence. It involves a process whereby linguistic elements not only index, but symbolically depict, the perceived nature of a group (Irvine & Gal 2000, cited in Sebba 2015: 212). Thus, features initially viewed as neutral practices come to embody social identities (Sebba 2015: 212).

Branding emphasizes the strategic promotion of a product's or concept's distinctiveness, often involving visual elements such as logos, but more broadly referring to identity creation through verbal or visual means (Sebba 2015). In this study branding includes language forms, including orthographic norms, and the ideas and values associated with them, which help shape impressions of self and others. Sebba further highlights how branding in orthographies involves selecting specific graphemes as symbols of a community's language practices. Here, this idea is expanded to suggest that not only graphemes, but any language forms and structures, can become emblematic. These emblematic features differentiate one group from another, and their identity-marking potential increases when "two alternative features, with similar functions, come to brand different groups" (Sebba 2015: 216).

All of the above concepts are relevant to the orthographic debate in Ukraine and will be incorporated into the discussion below.

Data

Social media platforms are recognized as significant spaces for public participation, serving as arenas where individuals express their views, perspectives, and attitudes, and engage in activism and civic or political involvement. Accordingly, the primary data set for this study consists of texts collected from the social media networks Facebook and TikTok, representing different generational cohorts of users. The selection is confined to texts that convey positions through humourous expressions, which can be broadly classified into two categories: (a) ridicule or mocking, and (b) humourous and playful reactions to discourses surrounding the new 2019 Ukrainian orthography.

A pilot search identified two key periods of intensified debate: (i) from May 2019 to early 2020, corresponding to the enactment of the 2019 Orthography, and (ii) from January 28, 2021—when a 12-year-old from Kherson proposed canceling the 2019 Orthography—to March 2021, when the discussions began to subside.

The corpus was initially established using a set of keywords related to orthography and was subsequently refined according to the study's selection criteria, with a focus on texts featuring humour as outlined above.

It is important to note that this study is qualitative, not quantitative. The aim is not to assess the prevalence of particular ideological positions—a task that would require a more statistical approach. Instead, the focus lies in identifying textual features that clearly reflect specific orientations toward orthography and, by extension, the language ideological positions articulated in the media examined.

The focus of the analysis

This study analyzes the discourses surrounding the 2019 Ukrainian Orthography, focusing on how humour—particularly among younger Ukrainians—functions as a tool for negotiating language ideological positions. The analysis centers on two key types of humourous engagement:

a) responses by youth to mocking or ridiculing texts produced by the older generation; and

b) creation of humourous texts that legitimize and promote the new orthographic norms.

Building on previous work (Nedashkivska 2023), the study identifies two primary ideological stances toward the Orthography:

- A pro-change position supporting language modernization, authenticity, and national identity; and

• An anti-change position characterized by resistance to reforms, often framed through accusations of foreignness, artificiality, or unnecessary archaism.

The analysis focuses on three interrelated themes:

Humourous Contestation of "**New-Old" Forms.** Opposition discourses, particularly on Facebook, often ridicule restored forms from the 1928 Orthography (e.g., индик 'turkey,' етер 'air,' авдиторія 'auditorium'), framing them as awkward, foreign, or outdated. In contrast, youth responses—especially on TikTok—reinterpret these forms as iconic of an authentic pre-Russification Ukrainian identity, using humour to reclaim and modernize them.

Feminitives and Language Modernization. Feminitives (new feminine forms for professions) emerge as another site of ideological struggle. Older generations frequently mock these forms as absurd or unnecessary. Young Ukrainians, however, engage with feminitives more positively, using humour to normalize and promote them as symbols of linguistic progress, gender equality, and Ukrainian distinctiveness. Here, processes of branding (Sebba 2015) are visible, as youth strategically link linguistic forms to contemporary social values.

Branding the New Ukrainian as "**Cool" and Progressive.** On TikTok, humour is also deployed to present "new" Ukrainian as elegant, lively, and fashionable. Slogans like "Let's make our language more elegant" exemplify a language ideology of vitality and pride. Through playful performances and dramatizations, young users position mastery of the reformed norms as a marker of sophistication and national belonging, actively countering discourses of linguistic stagnation and purity.

Overall, the humourous performances studied here illustrate how young Ukrainians use humour not only to engage with language change but also to enact social activism—challenging conservative ideologies and branding a modern, dynamic Ukrainian identity.

Discussion and conclusions

This study explores the intersection of language, social activism, and humour in the context of Ukraine's 2019 Orthography reforms. By examining both generational and digital spaces, it highlights how the Ukrainian language is evolving amidst cultural and political shifts.

The focus is on youth-led activism, particularly through platforms like TikTok, which has become a driving force behind the promotion of the 2019 Orthography. This shift has sparked debates about language uniformity and difference, resonating within the broader context of national identity during geopolitical change. Younger generations have embraced the new orthographic rules as a means of promoting the Ukrainian language, while also distinguishing it from both Surzhyk and Russian, both linguistically and symbolically.

While older generations resist the reforms, often through humour and ridicule, they attribute features like индик (yndyk ‘turkey’), етер (eter ‘air’), and авдиторія (avdytoriia ‘auditorium’) to archaic forms, associating them with older communities or the Ukrainian diaspora. In contrast, younger generations reinterpret these features as symbols of modern Ukrainian identity, employing humour to make these changes more appealing and to strategically frame the language as vibrant, progressive, and distinct.

This process of “rebranding” is a form of linguistic activism, where humour plays a central role. By using memes, parodies, and creative expressions, youth position the reformed Ukrainian language as cool, educated, and in tune with global trends. Humour thus serves to reinforce the language’s distinctiveness and push it into the cultural spotlight.

However, this branding process faces challenges. The older generation, particularly on platforms like Facebook, continues to discuss the reforms within traditional frameworks of attribution and iconization, reflecting tensions between tradition and modernity. This generational clash underscores the ongoing debate over the future of Ukrainian language norms.

Humour plays a key role in this discourse, not only challenging the status quo but also highlighting broader societal changes. Through exaggerated or hypercorrect forms, humour draws attention to linguistic shifts, while simultaneously subverting traditional norms, positioning the language as dynamic and ever-evolving.

Ultimately, this study shows how humour and social activism converge in the rebranding of Ukrainian. The 2019 Orthography reforms are more than just linguistic changes; they reflect a cultural movement where language is used to express social identity. Humour amplifies these shifts, allowing young Ukrainians to advocate for language change in ways that make it both relatable and reflective of contemporary societal transformations.

Thus, the study concludes that humour is a crucial aspect of language activism. It critiques societal processes and facilitates the creation of a new linguistic identity that responds to current societal shifts. Through humour, young Ukrainians not only support the adoption of new language norms but also shape what it means to speak Ukrainian in the 21st century.

REFERENCES

Cavanaugh, J. R. (2020). Language ideology revisited. International Journal of the Sociology of Language, 263, 51–57.

De Silva, E. (2015). Humor (re)positioning ethnolinguistic ideologies: “You think is funny?” Language in Society, 44(2), 187–212.

Huzar, Olena. (2004). Pravopysnyi standart ukrains'koi movy: istoriia ta realii [From Ukr.: Orthographic standard of the Ukrainian language: History and reality]. Visnyk l'vivs'koho universytetu (Ser. Philolohia) 34(II): 501–506.

Kiss, N. (2021). Bloggers as social actors in language policy debate in Ukraine. Journal of Belonging, Identity, Language, and Diversity, 5(1), 161–186.

Moser, M. (n.d.). Vid "Kharkivs'koho pravopysu" 1928 r. do "Ukrains'koho pravopysu" 2019 r. [From the 1928 Kharkiv orthography to the 2019 Ukrainian orthography]. Zbirnyk Movoznavchoi komisii NTSh: Zolota knyha (forthcoming).

Nedashkivska, A. (2024). Language activism and the power of language in Ukraine during the war (2022–23). Canadian Slavonic Papers, 66(3–4), 411–430.

Nedashkivska, A. (2023). Language ideological encounters over the new 2019 Ukrainian Orthography. Ideology and Politics Journal, 2(24), 106–127.

Schieffelin, B. B., & Doucet, R. C. (1994). The "real" Haitian Creole: Ideology, metalinguistics, and orthographic choice. American Ethnologist, 21(1), 176–200.

Sebba, M. (2009). Spelling and society: The culture and politics of orthography around the world. Cambridge University Press.

Sebba, M. (2012). Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power. In A. Jaffe, J. Androutsopoulos, M. Sebba, & S. Johnson (Eds.), Orthography as social action (pp. 1–21). De Gruyter Mouton.

Sebba, M. (2015). Iconisation, attribution and branding in orthography. Written Language and Literacy, 18(2), 208–227.

Ukrains'kyi Pravopys [Ukrainian Orthography]. (2019). Kyiv: Naukova dumka.

HUMOR IS SERIOUS!

OLENA PCHELINTSEVA (UKRAINE/GERMANY), JOHANNES GUTENBERG (GERMANY)
Cherkassy State Technological University/ University of Mainz

The situation of global crisis in Ukrainian society, caused by the war and pandemic, the severe aggravation of socio-economic problems significantly affected the Ukrainian information space. The focus of our analysis is explicit or implicit protest messages in social networks presented in humorous form (language play, jokes, epigrams, memes, etc.). Humor is studied as a linguistic tool of society's influence on the authorities, as a symptom of growing tension in society, and as a tool of interaction between different social groups.

The phenomenon of laughter as a survival strategy in extreme conditions in historical, aesthetic, linguistic and philosophical dimensions has been studied quite well (see, for example: Hridina, 2010). However, the modern era with the mass Internet and the absolute availability of social networks has significantly increased its importance, providing, on the one hand, the possibility of almost instant viral spread of any of its forms, and on the other hand, opening access to this creative process to virtually any author, and consequently, significantly expanding its diversity in any form. This necessitates a careful study of all its forms and peculiarities of functioning in the modern space of wartime Ukraine.

Irony, sense of humor, ability to joke about oneself and the world, carnivalization of social reality in modern Ukrainian humanitarian scientific discourse are characterized as one of the constituent features of Ukrainian national character (Stražnyj, 2017, p.186; Laščenko, 2006; Pankova, 2008; Hridina, 2010; Pečerskih, 2008 etc.). In the extreme conditions of Ukraine's war with Russia, especially after the full-scale invasion of 2022, humor became one of the most powerful tools, performing several functions at once:

- combating stress and traumatic experiences, a means of overcoming fear – “humor as medicine”;
- consolidation of society – “humor as a unifying force”,
- reducing the importance of the enemy, dehumanizing him – “humor as a weapon”.

Humor as a tool of survival, struggle and cohesion in military Ukraine is implemented on various platforms:

- in the internet sphere: storytelling in social networks, blogs, podcasts and Shorts on Youtube, short Reels on Instagram and Tiktok, in online newspapers, etc.;
- on billboards and any other official and unofficial public texts and images, in the textual and visual space of the city and village, inscriptions on roadblocks (from the most

famous: "*Пароль: Паляниця. Відповідь: Борщ! (Невловимий тест на вимову для диверсантів"* 'Pasword: Paljanycja. Answer: Boršč (an undetectable antispy pronunciation test');

- on various items of clothing and household items (T-shirts, caps, socks, bags, notebooks, etc. with images and short inscriptions), cars and other machinery;

- paper letter in live performances by stand-up comedians;

- in oral official and unofficial communication of Ukrainian residents on the front line and on the home front.

Forms of humor representation:

- visual and graphic images (memetic warfare, comics, altered images, caricatures, cartoons, etc.).

- oral and written texts (slogans, viral phrases, jokes, epigrams, humoresques),

- song and music pieces (viral "*Bajraktar*" (by T. Borovok), reprises of old ones in a new context), and even an ironic voicing of a siren by the guitar player from Lviv (see: https://youtu.be/KS9AfUkhYd8), which without words demonstrates a sad and ironic attitude to the frightening reality of constant sound of the air raid sirens;

- videos.

The most popular ways of creating a comic effect in the Ukrainian information space:

- playing with symbols of mass culture, in particular allusions to famous personalities, both with positive and negative reputation (Merlin Monroe, Hitler, Napoleon), cult movies and cartoons, paintings by famous artists. For example, allusion to Napoleon is often used in relation to the President of Ukraine (both positively and negatively);

- pun, language play (built on substitution of the meaning of words), for example, the famous meme "*bavovna*", built on reinterpretation of the word "*chlopók*" 'clap' (used in the Russian news about the explosions in Belgorod, when the Russian authorities tried to hide the fact that the "special operation" was taking place on the territory of Russia), replacement with the homograph "*chlópok*" 'cotton' and further translation into Ukrainian "bavovna" 'cotton';

- oxymoron (e.g. Ded Moroz with a rifle);

- black humor (for example, when in 2022 Russia made direct threats to use nuclear weapons, Ukrainian infospace was filled with joking "invitations" to go to "orgies" on Ščekavycja (a famous mountain in Kiev) in case of a nuclear strike.

The topics of ridicule in the information space of military Ukraine during the three years of the war did not remain unchanged, responding to the general mood and course of the war. The most mass memes of the 2022 war were mainly oriented in two directions:

- harsh debunking, ridiculing the enemy: destruction of the cruiser ""Moskva"", "*bavovna*" or "chlopok" in shelled Belgorod, Russian soldier *Čmonja*, "*Putler*", ets;

- strengthening the spirit of Ukrainians, demonstrating their resilience and bravery of Ukrainians: the phrase "*Russian warship, go f... yourself*", "*Dog Patron*", "*special operation of agropartisans*" or "*tractor troops*" (about Ukrainian farmers towing Russian military equipment), Bajraktar drones and Javelin missile systems.

In the next period (2023), the named main topics do not leave the stage, and the failures of the enemy remain in the spotlight ("*Belgorod People's Republic*", Prygožin's campaign), but the range of topics for ridicule expands and transforms. Scandals related to famous personalities ("coffee" of oligarch Igor Kolomojskyj, "fish" and 'Moskvič' of the representative of the Moscow patriarchate, Pavel Lebed, the head of the Kiev-Pečersk Lavra, etc.), as well as mocking of one's own failures ("UFO" over Kiev, hacking of the Kyivstar network), which was almost never observed in 2022, become the focus of jokes. The theme of war fatigue appears, e.g. "*černyje časy*" (play on words "black watches" & "dark times") or "*living in the moment, but this moment is terrible*".

In 2024, war fatigue intensifies the mockery of the actions of the Ukrainian authorities (deputies, representatives of ministries, the President) and the unreliability of government services (e.g., the application "Dija" or "Reserve+"), power or water outages, sometimes taking unexpected forms (e.g., the meme "*Puholovok Edik*" 'Edik the tadpole'). There are clips in which military men laugh at themselves (for example: https://www.youtube.com/watch?v=tIxDDZ89PYs), where the theme of total fatigue (memes about "*nervy, jaki vže navit' ne tremtjat"*" 'nerves that don't even tremble anymore' and "*serce, jake zvyklo do siren*" 'a heart that is used to sirens'. The theme of ridiculing the enemy does not lose its relevance (the presence of the Armed Forces of Ukraine in the Kursk region, tinfoil hats for Russian teachers, the Russian project "Oreshnik" failure, etc.). At the same time, more "peaceful" areas for ridicule are emerging, in particular, the achievements or failures of our athletes, the Eurovision Song Contest, etc.

The presentation will present the most striking examples of the use of humor in the information space of military Ukraine, as well as the results of a small sociolinguistic survey of military and civilians "What Ukrainians laugh at".

REFERENCES

Hridina, I. (2010). Duchovne žyttja naselennja Ukrainy v roky Druhoji svitovoi vijny (1939–1945 rr.): avtoref. dys. ... d-ra ist. Nauk. Doneck: Donec. nac. un-t.

Laščenko, S. (2006). Rytualnyj smich: dosvid tlumačennia smyslovych vytokiv (za materialamy ukrain'skoji tradyciji): Avtoref. dys... d-ra mystectvoznav. Kyiv: Nac. muz. akad. Ukrainy im. P.I. Čaikovskoho.

Pankova, L. (2008). Smichova kul'tura Ukrainy v konteksti sučasnych transformacijnych procesiv: avtoref. dys... kand. filosof. nauk. Charkiv: Chark. nac. un-t im. V.N.Karazina.

Pečerskych, L. (2008). Konceptual'ni dyskursy smichovoji kul'tury v ukrainskij prozi 90-ch rokiv XX stolittja (tvoričst Yurija Andruchovyča): avtoref. dys... kand. filol. nauk. Charkiv: Chark. nac. ped. un-t im. H.S. Skovorody.

Stražnyj, O. (2017). Ukrainskyj mentalitet: iljuziji – mify – real'nist'. https://emed.library.gov.ua/wp-content/uploads/tainacan-items/50160/149519/Ukrainskyy-mentalitet.-Iliuzii-Mify-Realnist.pdf

HUMOR AND JUSTICE IN KAZAKH FOLKLORE. A UNIVERSAL PHENOMENON

LYUDMILA TOKATOVA (KAZAKHSTAN)
Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan

Justice according to Abai and Aldar Kose: different approaches

In Kazakh tradition, the highly moralistic "Words of Admonition" by Abai, the founder of the Kazakh literary language, are well-known calls for just behavior. They contrast with the humorous tales of Aldar Kose, a prankster and rogue often compared to the German Till Eulenspiegel or the Turkish Hodja Nasreddin. The stories about him have a special tone, humor, and fairness—they are the full voice of real Kazakh life from the Middle Ages to the end of the 19th century.

For Abai, love and justice are on the same level, but justice is the measure of things (he has a poem called "Justice will weigh everything on the scales!"). In the "Words of Admonition", which are mostly negative in tone and sometimes invective, justice is linked to the idea of "Be human!" For example: "We strive with all our hearts for the highest justice and divine love"; "The essence of man is love, justice and sincerity"; "Only those who are capable of deep feelings and possess the highest justice become scholars and thinkers" (Абай, 2006).

The Kazakh fairy tale became the embodiment of a great ideal of justice thanks to the beloved hero of all Kazakhs, Aldar Kose, who openly mocks the "common sense" and calls himself the "Deceiver of Deceivers" (in the tale "Aldar Kose"), a mocker (in the tale "The Deceiver of Deceivers"), and a terrible villain (in the fairy tale "Chyk-Bermes Chigaybai and Aldar Kose"). As S. Kondybai argues, "Aldar Kose is a comic-demonic figure, a negative version of a cultural hero and a mythological rogue-trickster with distinct chthonic-shamanistic characteristics... The trickster is a demonic-comic counterpart to the hero, endowed with the characteristics of a rogue and a prankster" (Кондыбай, 2008: 74).

The anthroponym itself reveals a connection to the inner essence: Aldar means "deceiver". He is the "beardless deceiver". The hero gets his nickname "Kose" symbolically and through the public shame of his offenders, with the people becoming witnesses of their shame (the fairy tale "How Aldar Became Aldar Kose"). The plot of the tale "How Aldar Became Aldar Kose" is anecdotal and corresponds to the fairy tale aesthetics of the "lower" genre. We find Aldar at a respectable age, having left his homeland. He moves to another Khan's domain, where the people welcome him with honor and give him good land. However, Aldar is pursued by those he ruined. They send their most experienced and cunning villains after him. (It should be noted that the anecdotal nature of the story is evident in its opening:

villains are sent after a villain. The pot calls the kettle black, even though it is no whiter itself). Upon learning of this, Aldar arranged his own funeral: during the day he slaughtered seven sheep and asked the astonished people to help him dig a grave in the shape of a yurt, and at night he prepared food, water, fuel for ten days, a wick, flint, and a scythe. The next day he slaughtered seven more sheep, held a memorial service, put on a shroud, said goodbye to his wife and children, and entered the grave. Seven days later, a memorial service was held for him. Those who had come to punish him went to see his grave out of spite. When they saw smoke coming from the grave, they decided that Aldar was burning in hell because he had wronged many worthy people, and they wanted to take turns mocking the grave of the "wicked man". Aldar marked each one with a red-hot knife. The people of Bai and Khan could not even sit on their horses and were forced to come to the lake and live near it until their wounds healed. Then they came to complain to the Khan, on whose land Aldar lived, but at that moment an unknown Bai dressed in a silk robe entered the yurt and introduced himself as Kose. He told the story of how his wealthy father had left him six hundred slaves, sixty of whom were notorious troublemakers who had escaped and were now robbing travelers. "They all have marks on their buttocks made with a red-hot knife. If you don't believe me, undress them and check. This one I bought in the country of such-and-such a Khan, and this one from such-and-such a Khan. And here is the knife with which I made the marks," Aldar concluded (Казахские народные сказки, 1979: 380). The ending of this story, like others, is typical, as the hero has his own fairy tale "agenda": Aldar has once again demonstrated the triumph of justice, which always results in a financial reward for him (in this version of the "agenda", the Khan, on his advice, sold the Bai's and the Khan's people and gave him the money).

Having set justice as a task to be solved and confirmed, Aldar Kose either directs his humor against a handful of real "most experienced and cunning villains" and devils, or, more often, uses the tactic of personal attacks. It seems to us that his belief in the redemptive power of humor is absolute, but with one small reservation: it is sometimes combined with a certain distrust, because the hero deals harshly and mercilessly, for example, with his offenders, devils, or a friend (the tales "How Aldar Became Aldar Kose", "Aldar Kose and the Devils", "Aldar Kose and the Stingy Friend").

The tales of Aldar Kose are a world of ambivalent possibilities, in which the hero must restore his own responsibility for justice in the world, as well as that of his antagonist. Aldar must first compromise all meanings in order to establish his own-the meaning of justice. For example, in the tale "The Deceiver Told the Truth," Aldar's friend Alti asks him if he has ever told the truth. Aldar tells a story about his acquaintance, the Bai Turmagambet, who had an

Arab wolfhound that was fed only by a servant named Abil. He was responsible for the wolfhound with his life. After a feast, Abil fed the dog leftovers from the feast, and the dog immediately fell ill. Abil ran away, knowing that there were two places he could hide: to the right of the village in a ravine, and to the left in the thick reeds by the lake. Aldar sees all this. Turmagambet, realizing that his beloved dog is dying, begins to search for Abil, cursing him. He asks Aldar, complaining that he has deceived him a hundred and two times. "What shall I say? What a dilemma! If I say that Abil is in the reeds, the chief will think that I am deceiving him, as always, and he will rush into the ravine and catch the poor guy. This time I'll tell the truth, that Abil is in the ravine. Bai won't believe me and will rush into the reeds" (Алтайский, 1977: 78), – our hero thinks to himself. Bai, as we understand, is heading for the reeds. "How can I not be happy?" says Aldar. "I told the truth to the Bai once, and the truth deceived him. By the way, the dog recovered and Abil was forgiven" (Алтайский, 1977: 79).

Sometimes the humor and justice in the tales about Aldar push the boundaries of the genre without changing its fairy-tale aesthetic, and then the tale about the beardless man excludes an ending and opens the way to infinity; it becomes a legend. For example, in the tale "How Aldar Stole a Horse from a Thief", our hero sets out to steal a thoroughbred stallion from a real thief. Aldar is told: "His coat shines like gold, his tail and mane flutter in the wind, his teeth are like pearls, and his eyes burn like stars. And how fast he is! It is said that he outruns the birds. ... The thief leads him in a silk halter, under a silk veil." From the conversation, we learn that Bai Shigaybai will hide the horse and prevent it from breeding. Aldar decides to help the shepherds: he overtakes the thief, waits until he falls asleep, takes off the halter, leads the stallion into the thicket, covers it with a silk blanket, puts on the halter himself, smears mud on his face, and follows the thief. When he is far away, he pulls on the reins. The thief thought he had seen the devil, and Aldar followed him for a long time. Shigaybai punished the thief severely, and "Aldar rode into the village on a bald, gray stallion. From this beautiful horse came a breed of gray horses with bald spots – the purebred Kazakh horse" (Казахские народные сказки, 1979: 354).

On the other hand, justice, as asserted by humor, demonstrates a person's integrity, his ability to live in harmony, even if the main character deceives others in order to change his social status, sometimes deliberately transforming himself for this purpose, but more often symbolically moving from a humiliatingly submissive state to the role of master of the situation. And one gets the impression that Aldar Kose's antics in the name of justice have brought him and the common people nothing but joy and sincere laughter, for a bear knows seven songs, and all seven are about honey.

Different vectors in the assertion of universal justice have absolutely no significance for us, because they are merely different conventional poetic and naively ethical plots with salvific wisdom and gentle mockery of an imperfect world, and they are of exceptional importance because they represent the struggle for divine human rights.

Classification of fairy tales about Aldar Kose

The plots of the tales about the beardless deceiver are based on encounters with various characters, and the action often takes place and is almost always associated with the people's favorite place, the steppe. It seems that in this way Kazakh folk tales, whether intentionally or not, provided an outlet for the constraints of everyday life. There are a number of tales about Aldar: there are tales that contain information about the hero; tales in which the hero helps the poor without insulting their human dignity; tales whose plot is based on deception; tales in which deception serves as punishment or retribution. All these tales can be classified according to three ideas. The first includes stories about justice as an expression of universal moral ideas ("The Donkey's Horseshoe", "The Carp and the Pike", "How Aldar Became Aldar Kose"); the second includes tales about social injustice ("The Birth of Aldar", "The Deceiver of Deceivers"); and the last group includes texts illustrating the simple idea that "everything should have its measure, including goodness" ("Aldar Kose and His Miserly Friend", "The Ram's Horns", "The Fairy Tale", "Bay Utejan and Aldar Kose", "Aldar Kose's Joke"). If the tales of the first group expose one or another trait of our character—absurdity, unjustified claims to knowledge or experience, veiled mockery or even ridicule of human dignity, insult to moral norms, foolish rivalry, superiority, malice, and much more—and the tales of the second group focus all attention on heartlessness as a sign of social injustice, then in the few tales of the third group the hero's goodness is equally valued and devalued. This is how nature works. With the help of humor, Aldar Kose triumphs over evil and reveals the incredible power of adaptability to unjust conditions in the context of all three ideas that make up the concept of humor as the externalization of justice.

In fairy tales, the beardless deceiver's irreconcilable attitude toward repulsive human traits and unnatural social injustice creates a just world of values that regulate the foundations of life in a nomadic worldview. These values are an expression of the people's desire for universal justice, which is a struggle for divine human rights at a time when "there was no clear distinction between the divine and the earthly" (Радин, 1999: 239). Aldar's humor becomes a source of amusement for the common people, and often a means of filling their empty pockets.

In general, humor and justice appear as universal phenomena in the tales about Aldar. Their semantic space—the spiritual experience of the people and contemplation, knowledge, experience, purification, involvement, and ethnic memory—is connected with the value of justice, whose bearer was chosen by the people:

> The roads of the earth are endless, and human life is short. Don't waste time, Aldaken!
> Then he mounted the bear-horse, sang a song, and drove the herd of Bai's horses before him, not thinking about what awaited him ahead, not grieving over what he had left behind.
> Don't ask someone who has lived a long time, ask someone who has seen a lot.
> The steppe is wide, the people are strong, and Aldaken is smart. And not everyone who chases wants to catch up.

Aldar's humor is universal not only because it is natural in its development and existence among the people; not only because it is "handmade", since the people know from experience in the "hands" of the humorous effect of a wise idea or common sense; not only because every joke is part of the accumulated collective experience, Aldar's humor is universal, because it is an expression of the idea of universal justice that comes from equality, fraternity and unity; it possesses wonderful courage, because it is achieved through bold struggle, absolute irreconcilability and glorious victories; it breathes with the very energy that charges the people. It glorifies, arms, symbolizes and expresses the idea of justice for the people as if it were its own idea.

REFERENCES

Абай. Слова назидания. Алматы : Өнер, 2006. 136 с.

Алтайский К.Н. Алдар-Косе. По мотивам казахских народных сказок. Алма-Ата : Жалын, 1977. 144 с.

Казахские народные сказки / Сост. Т. Дауренбеков. Пер. с каз. Алма-Ата : Жалын, 1979. - 415 с.

Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь / В кн.: Кондыбай С. Полное собрание сочинений. 5 том. Алматы : Арыс, 2008. 472 с.

Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. Пер. с англ. Кирющенко В. В. СПб : Евразия, 1999. 288 с.

BLOC 1.15

L'ASPECT VERBAL ET SES LIENS AVEC LES CATÉGORIES LINGUISTIQUES CONTIGUËS / СООТНОШЕНИЕ ВИДА СО СМЕЖНЫМИ ЯЗЫКОВЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

Organisatrice : TATIANA MILLIARESSI

Tatiana Milliaressi Соотношение вида и времени с категориями модальности и эвиденциальности 1

Елена Горбова Вторичная имперфективация русского глагола в словаре, корпусе и Рунете 8

Олена Пчелинцева Взаимодействие вида и категориальной частеречной семантики: аспектуальные метаморфозы при номинализации (на материале украинского, болгарского и польского языков) 16

Людмила Попович Соотношение вида и таксиса при темпоральном употреблении потенциала в сербском языке (в сравнении с другими славянскими языками) 22

СООТНОШЕНИЕ ВИДА И ВРЕМЕНИ С КАТЕГОРИЯМИ МОДАЛЬНОСТИ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Татьяна Миллиареси (Франция)
CECILLE ULR 4074 & Université de Lille

1. Введение

Эвиденциальность, как известно, – это грамматическая категория, прототипически представленная в языках американских индейцев, в которых морфологически выражается источник информации: видел ли говорящий, то о чем он сообщает, слышал ли собственными ушами или кто-то сообщил ему об этом. Так, например, Палмер приводит следующий пример выражения эвиденциальности в языке туюка, на котором говорят в Колумбии и в Бразилии (Palmer 1986 : 67), ставший теперь хрестоматийным:

(1а) *díiga apé-**wi*** (« *он играл*, ***я это видел*** »)
(1б) *díiga apé-**ti*** (« *он играл*, ***я это слышал*** »)
(1в) *díiga apé-**yi*** (« *он играл*, ***я видел следы*** »)
(1г) *díiga apé-**hiyi*** (« *он играл*, ***мне об этом сказали*** »)

Однако в большинстве языков мира эвиденциальность представлена в более упрощенном виде и выражается при помощи бинарной оппозиции «прямой или непрямой доступ к информации» (*cf.* Plungian 2011). Отметим, что в языках, в которых эвиденциальность не является самостоятельной грамматической категорией, непрямой доступ к информации может выражаться при помощи видо-временных или модальных показателей. При этом когда информация получена из других рук, часто присутствует ее оценка со стороны говорящего: правда это или неправда и/или подтверждает или отказывается подтверждать достоверность сказанного говорящий.

Мне представляется интересным рассмотреть выражение эвиденциального значения в русском языке, в котором оно может передаваться при помощи видо-временных характеристик. Хочу сразу отметить, что рассматривать смежные категории вообще возможно с двух противоположных точек зрения: моносемической и поличемической, т.е. на основе жесткого разделения каждой категории или как результат перекрещивания многих факторов. В русской традиции принят второй подход, мне же представляется важным четкое отделение инвариантного значения каждой категории.

2. Постановка вопроса

Грамматическая эвиденциальность в широком смысле обычно понимается как грамматическое выражение (например, морфологическое или структурно-

синтаксическое) прямого или косвенного способа доступа к информации (Guentchéva 1994, Anscombre dir. 2014), а также как доказательство ее достоверности. Русский язык, как и французский, по общепринятому мнению, не обладают категорией эвиденциальности (см.: Козинцева 2007a, Guentchéva 2014), поскольку ее грамматическое выражение нерегулярно и не является обязательным. Однако, если во французском языке существуют работы, описывающие существующие грамматические показатели эвиденциальности (см., напр., Anscombre & *al.* dir. 2014, а также выпуски специальные выпуски журнала *Langue française* : Dendale & Tasmowski éds 1994, Barbet & Saussure éds 2012, Anscombre dir. 2014), то в русском языке исследователи единодушно считают, что эвиденциальность может выражаться только лексически (Козинцева 2007a, Храковский 2007, Шестухина 2008). Исключением является замечание Падучевой (2013), касающееся структур экзистенциальных предложений с отрицанием и с подлежащим в род. падеже, в которых ясно прослеживается визуальный доступ к информации (2а), в то время как в предложениях с подлежащим в именительном падеже, эвиденциальное значение отсутствует (2б) :

(2а) Бутылки не было в холодильнике.
(2б) Бутылка не была в холодильнике.

Я попытаюсь рассмотреть грамматические способы выражения эвиденциального значения, т.е. выражение доступа к информации в русском языке, и ответить на вопрос, является ли эвиденциальность самостоятельной грамматической категорией в русском языке.

3. Выражение доступа к информации

В отличие от европейских языков с разветвленной системой грамматических абсолютных и относительных времен, в русском языке существует всего три времени: настоящее, будущее и прошедшее. Но присутсвуют два грамматических вида, совершенный и несовершенный, отсутствующие в неславянских языках. И тем не менее морфологические средства для выражения значения эвиденциальности в русском языке крайне ограничены. Это может быть либо вид, либо время. При этом относительные и абсолютные времена различаются только семантически, но при этом совпадают по форме[1]:

[1] Многие русские лингвисты считают поэтому, что в русском языке не существует относительных времен (Падучева 1996/2020: 293, Храковский 2002: 105).

(3а) Я видел, как она *страдала* (абсолютное время).
(3б) Я видел, как она *страдает* (относительное время).

С моей точки зрения, в семантическом плане необходимо различать абсолютные времена и относительные. Абсолютные времена – динамические, в то время как относительные – статические (Миллиареси 2018). Другими словами, динамическое время воспринимается говорящем перцептивно, изнутри, антропоцентрично, по отношению к моменту говорения; они дейектичны. Абсолютное время воспринимается только эпистемически, извне, по отношению к точке отсчета. Как мы увидим далее, оппозиция динамическое/стратическое время окажется важным для понимания природы неприямого доступа к информации.

3.1. Прямой доступ к информации (перцептивный)

Русские глаголы восприятия *видеть, смотреть, слышать, слушать, чувствовать, замечать* в главной части сложного предложения лексичеки выражают прямой доступ к информации (3). Они могут допускать в придаточной части как настоящее, так и прошедшее время несов. вида. При этом несовершенный вид выражает одновременность действий главной и придаточной части. А время определяет доступ к информации: настоящее время (3б) является относительным и выражает объективное знание (эпистемический тип), а прошедшее (3а) является абсолютным и выражает субъективное восприятие (перцептивный тип). Это отличие мне представляется основополагающим при определении функции абсолютного и относительного времени: относительное время выражает объективное знание, а абсолютное – наше восприятие информации.[2]

Чтобы объяснить значение прошедшего времени, необходимо противопоставить абсолютное и относительное употребление. При относительном времени ситуация, обозначаемая придаточной частью, НЕ определяется по отношению к моменту говорения, она определяется по отношению к точке отсчета, при абсолютном ситуация определяется по отношению к моменту говорения. Таким образом, прошедшее время в

[2] Эта точка зрения отлична от двух общеприных толкований такого типа предложений. Согласно *первой* из них, не существует семантической разницы между придаточными в прош. или в наст. времени (Guiraud-Weber 2004 : 104). 2). С этой точкой трудно согласиться, т.к. полная синонимия между различными формами языка не может существать. Согласно *второму* подходу, различие связано с точкой зрения говорящего, либо автора (Barentsen 1996, Храковский 2009). Эта точка зрения тоже представляется спорной, т.к. разделение точек зрения возможно только тогда, когда говорящий и автор не совпадают (как в следующем примере В.С. Храковского: Петя видел, как Маша *переходила / переходит* улицу). В противном же случае (см. пример 3), этот подход не может быть применен. Мне представляется, что это второе объяснение не отражает истинную природу времени, а является эффектом смысла: объективное знание ассоциируется с точкой зрения автора, а субъективное – с точкой зрения говорящего.

(3а) помещает действие придаточного по отношению к точке отсчета и несет функцию относительного времени, в то время как настоящее время (3б) связано с моментом говорения, т.е. дейктично, и имеет функцию абсолютного времени. При этом одновременность диктума и модуса передается не временем, а несовершенным видом. Именно поэтому и настоящее, и прошедшее время, могут употребляться в одном и том же контексте, хотя роль каждого из них различна. Поскольку настоящее время является относительным, то прошедшее обозначает, что оно НЕ относительное, а значит, должно определяться по отношению к моменту говорения самого говорящего. Это означает, что говорящий использует свой собственный момент говорения в качестве точки отсчета и выражает свое собственное восприятие ситуации и обозначает тем самым эвиденциальный характер информации перцептивного типа. Поскольку перцептивный характер информации непосредственно связан с восприятием самого говорящего и эвиденциальность основана на одновременности действия восприятия и воспринимаемого действия, то оказывается, что настоящее время в русском языке не может выражать эвиденциальность. Например, если модус в настоящем времени, то выражение эвиденциальности невозможно в диктуме. Только прошедшее время может выражать эвиденциальное значение.

3.2. Непрямой доступ к информации (эпистемический)

Рассмотрим теперь выражение непрямого доступа к информации эпистемического типа в придаточной части сложного предложения. В этом случае в главной части употребляются глаголы пропозициональной установки, выражающие отношение между субъектом пропозиции, т.е. говорящим или повествователем, и его отношением к предмету пропозиции: *думать, считать, предполагать, знать, допускать, утверждать, признавать...* Придаточная часть после глагола пропозициональной установки дает информацию о характере эпистемического восприятия содержания. Эти глаголы пропозициональной установки являются лексическими показателями эвиденциальности или модальности, в то время как придаточная часть содержит в себе глагол, являющийся грамматическим (флективным) показателем непрямого доступа к информации.

Необходимо отличать грамматическое значение эвиденциальности от модального значения, т.к. оба эти значения часто переплетаются. Так, например, эвиденциальное значение часто включает в себя отношение говорящего к содержанию сообщения (Козинцева 2007b : 19 ; Guentchéva 1994 ; Lazard 1956, 2001 ; Plungian 2011 и др.),

поскольку информация известна говорящему опосредованно, по чьим-то словам. Он неизбежно оценивает достоверность услышанного, однако эта оценка являтся смысловым эффектом собственно эвиденциального значения. Отметим при этом, что модальное значение невсегда присутствует при эвиденциальном, хотя оно тоже связано с оценкой ситуации говорящим (Milliaressi & Vogeleer 2015).

Эвиденциальная информация может быть передана в русском языке прошедшим абсолютным временем, которое несет дейктическую функцию, но которое не является обязательным. В том же контексте может употрябляться и настоящее время, которое обозначает в этом случае отсутствие выражения эвиденциальности, а значит, и отсутствие оценки говорящим источника информации. Так, например, гномическое высказывание *Земля вращается вокруг солнца* заведомо истинно, а *Солнце вращается вокруг земли* является ложным. В примерах (4, 5) можно отметить особенности употребления настоящего (абсолютного) и прошедшего (относительного) времен. Стандартным и немаркированным в этом контексте является употребление настоящего времени, т.к. оно используется при нейтральном отношении говорящего к факту (4). Прошедшее время является маркированным и используется в случае несогласия говорящего с приведенной информацией или со способом ее подачи:

> (4) Еще древнегреческий астроном Аристарх Самосский, живший в 3 веке до н. э., пришел к выводу, что Земля *вращается* вокруг своей оси и *движется* вокруг Солнца. [*Все для детей*, 2013]
> (5) Пожалуй, проблема в том, что каждый факт, кажущийся непреложным, можно увидеть с другой стороны, и ты увидишь, что то, что мы считаем фактом, можно увидеть совершенно иначе. К примеру, в средние века люди долго и упорно считали, что Солнце *вращалось* вокруг земли. [*Livejournal*, 2014]

Основной вопрос заключается в том, чтобы понять, является ли относительное время выражением модальной оценки или выражением эвиденциальности. Ситуация не однозначна, и можно привести аргументы за и против каждой точки зрения.

Можно утверждать, что выражается модальность, поскольку, как известно, непрямой доступ к информации всегда сопровождается модальной оценкой источника информации со стороны говорящего. В пользу эвиденциальности можно выдвинуть несколько аргументов. Во-первых, значение, связанное с источником информации, пережается временным значением глагола придаточной части, а не глаголом пропозициональной установки главной части. Во-вторых, это выражение является морфологическим. И, наконец, в-третьих, прошедшее время выражает эвиденциальное значение отчуждения источника информации и при прямом, и при непрямом доступе к информации. И тем не менее, поскольку эта маркировка не является обязательной,

можно говорить только о наличии факультативного выражения эвиденциального значения в русском языке при отсутствии грамматической категории эвиденциальности.

4. Заключение

Эвиденциальность не является самостоятельной грамматической категорией в русском языке, но при этом эвиденциальное значение выражается факультативно при помощи времени и вида. Только динамическое дейктическое время может выражать в русском языке эвиденциальность. Необходимым условием реализации эвиденциального значения является выражение одновременности действий главной и придаточной части, выражаемой несовершенным видом. Это объясняется тем, что только прошедшее время позволяет провести формальное различие между моментом речи и точкой отсчета. Немаркированным выступает настоящее время, выражающее действие придаточного как нейтральный факт. Оно в этом случае выступает как время относительное и имеет таксисную природу.

ЛИТЕРАТУРА

КОЗИНЦЕВА Н.А. (2007a), «Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка)», под ред. В.С. Храковского, *Эвиденциальность в языках Европы и Азии,* Санкт-Петербург: Наука, с. 85-103.

КОЗИНЦЕВА Н.А. (2007b), « Типология категории засвидетельствованности», под ред. В.С. Храковского, *Эвиденциальность в языках Европы и Азии,* Санкт-Петербург: Наука, с. 13-36.

ПАДУЧЕВА Е.В. (1996/2010), *Семантические исследования*, Москва : Языки славянской культуры.

ПАДУЧЕВА Е.В. (2013), «Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность», *Русский язык в научном освещении*, n° 2 (26), с. 9-29.

ПЛУНГЯН В.А. (2011), «Эвиденциальность», в кн.: В.А. Плунгян, *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира,* Москва: РГПУ, с. 345-378.

ШЕСТУХИНА И.Ю. (2008), *Категория засвидетельствованности в русском нарративном тексте: коммуникативно-праграмический аспект*, дисс. канд. фил. н., Барнаул.

ХРАКОВСКИЙ В.С. (2007), «Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (а)дмиративность», под ред. В.С. Храковского, *Эвиденциальность в языках Европы и Азии,* Санкт-Петербург: Наука, с. 600-632.

ХРАКОВСКИЙ В.С. (2009), «Таксис: семантика, синтаксис, типология», под ред. В.С. Храковского, *Типология таксисных конструкций,* Москва: Знак, с. 11-113.

ANSCOMBRE Jean-Claude, OPPERMANN-MARSAUX Éveline & RODRIGUEZ SOMOLINOS Amalia (dir., 2014), *Médiativité, polyphonie et modalité en français,* Paris : Presses Sorbonne Nouvelle.

BARBET Cécile & SAUSSURE Louis DE (éds, 2012), *Langue française,* n° 173 : *Modalité et évidentialité en français.*

BARENTSEN Adriaan (1996), « Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in reported perception », Janssen Th., van der Wurff W. (eds), *Reported speech*, Amsterdam: Benjamins, p. 15-55.

GUENTCHEVA Zlatka (1994), « Manifestations de la catégorie du médiatif dans les temps du français », *Langue française*, n° 102, p. 8-23.

GUENTCHEVA Zlatka (2014), « Peut-on identifier, et comment, les marqueurs dit 'médiatifs' ? », Anscombre J.-C. & *al.* (dir.), *Médiativité, polyphonie et modalité en français,* Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, p. 35-50.

GUIRAUD-WEBER Marguerite (2004), *Le verbe russe : temps et aspect*, Marseille : Publications de l'Université de Provenve.
LAZARD Gilbert (1956), « Caractères distinctifs de la langue tadjik » *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris,* n° 52, p. 117-186.
MILLIARESSI Tatiana (2015), *Aspects et temporalité,* Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires du Septentrion.
MILLIARESSI Tatiana (2018), « Primitifs sémantiques du temps », Milliaressi T. (éd.), *La relation temps/aspect : approches typologique et contrastive*, Villeneuve d'Ascq : Éditions du Conseil scientifique de l'Université de Lille 3, p. 25-32.
MILLIARESSI Tatiana & VOGELEER Svetlana (2015), « Aspectualité et modalité : entre le lexique et la grammaire », Milliaressi T. & Vogeleer S. (éds), *Aspectualité et modalité lexicales*, *Lexique*, n° 22, p. 7-21.
PALMER Frank R. (1986), *Mood and modality*, Cambridge : University Press.

ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА В СЛОВАРЕ, КОРПУСЕ И РУНЕТЕ

ЕЛЕНА ГОРБОВА (ФИНЛЯНДИЯ)

Предваряя обсуждение, сделаем оговорку: в этой работе использован ряд публикаций автора с изложением теоретической модели вида, а также методики и результатов исследовательского проекта по изучению возможностей суффиксальной имперфективации (имперфективируемости) русских приставочных глаголов[1]: (Горбова 2019а, 2019б; Горбова и др. 2021).

Задача этой публикации — дать обзор результатов упомянутого проекта в связи с той моделью описания русского вида, которая была обозначена как двухкомпонентная в (Горбова 2019б).

Далее изложение строится следующим образом. Раздел 1 излагает результаты исследования имперфективируемости приставочных перфективов, предваряемые сведениями о материале и методике работы. Раздел 2 посвящен теоретическому осмыслению полученных результатов. В заключительном разделе 3 подводятся итоги с учетом механизма депрефиксации.

1. Имперфективируемость приставочных перфективов

Целью упомянутого проекта являлось масштабное изучение имперфективируемости (способности к суффиксальной имперфективации) префигированных глаголов СВ (перфективов), т. е. приставочных дериватов глаголов-симплексов с синхронно выделяемыми префиксами-перфективаторами (*жи-ть*^{НСВ1} → *про-жи-ть*^{СВ2} → *про-жи-вать*^{НСВ2}; *да-ть*^{СВ1} → *от-да-ть*^{СВ2} → *от-да-ва-ть*^{НСВ2})[2].

Перечень приставочных перфективов (лексем[3]) был получен методом сплошной выборки по МАС. Каждой лексеме выборки ($СВ_2$) ставился в соответствие ее суффиксальный имперфективный коррелят ($НСВ_2$) по трем источникам: МАС, НКРЯ (ruscorpora.ru) и выдачам поисковых систем Яндекс и Google (далее — Рунет). Основная задача проекта — установление уровня имперфективируемости $СВ_2$, т. е. степени регулярности образования их имперфективных коррелятов ($НСВ_2$), причем как конвенциональных, «словарных», так и неконвенциональных, образуемых при помощи

[1] Проект «Суффиксальная имперфективация приставочных перфективов в современном русском языке», финансово поддержанный РФФИ, был реализован в 2019-2021 гг.

[2] Используемые обозначения: $НСВ_2$ для вторичного имперфектива и $НСВ_1$ – для первичного введены в (Анна Зализняк, Микаэлян 2010); аналогичные индексы $СВ_1$ и $СВ_2$ применены в (Горбова 2019б).

[3] Лексема как «слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений» (Апресян 2006: 55).

суффиксов-имперфективаторов: *-(ы/и/е)в-*[4] или диахронически более старого и менее регулярного *-А-*.

Методика нашего исследования представляет собой расширенный вариант методики изучения видовой соотносительности приставочных перфективов В. С. Храковского, разработанной для *про*-глаголов в (Храковский 2018). Расширение коснулось круга источников языкового материала: кроме МАС мы использовали языковой корпус (НКРЯ) и Рунет; впервые такой вариант методики был реализован для анализа имперфективируемости *про-* и *у*-глаголов в (Горбова 2019а). В (Храковский 2018) видовая соотносительность понимается как фиксация наличия в словаре (в данном случае — МАС) $НСВ_2$ для перфективных *про*-глаголов: *прогуливать* (*уроки)* для *прогулять (уроки)*. Методом сплошной выборки извлекались *про*-глаголы $СВ_2$ и $НСВ_2$ с учетом словарного решения об их видовой соотносительности, после чего производился подсчет лексем: соотносительных по виду ($СВ_2$ –$НСВ_2$), и несоотносительных ($СВ_2$). Далее высчитывалась доля *про*-глаголов с $НСВ_2$ от их количества в МАС.

В нашем исследовании участвовали не только *про*-глаголы, но все префигированные глаголы по словнику МАС, в результате чего была получена 21 приставочная группа (ПрГ)[5]; тем самым база приставочных перфективов была максимально расширена. Кроме того, при отсутствии в МАС имперфектива для каждой «непарной» лексемы $СВ_2$ осуществлялся поиск гипотетического $НСВ_2$ (либо с *-(ы/и/е)в-*, либо с *-А-*) по НКРЯ, а в случае отсутствия в корпусе — в Рунете. То есть по сравнению с (Храковский 2018) оказался расширен и круг объектов изучения, и набор источников языкового материала. Подробнее о методике исследования и применяемых алгоритмах см. в (Горбова и др. 2021).

Для каждой ПрГ в ходе работы формировалась коллекция выборок:

1. исходная (база приставочных перфективов, составленная сплошной выборкой по МАС);

2. отыменная (вслед за решением из (Храковский 2018) об исключении отыменных дериватов);

[4] Здесь мы следуем за анализом А.В. Исаченко, рассматривавшего в качестве показателя имперфективации суффиксы *-ив-*, *-ыв-*, *-в-*, *-ев-*, «вынося классовый показатель *-а-* (*-я-*), так сказать, за скобки» (Исаченко 1960: 180).

[5] Перечень приставок (соответственно — ПрГ) содержит 21 (при объединении *о-* и *об(о)-*) единицу: *в(о)-, в(о)з(о)-/в(о)с-, вы-, до-, за-, из(о)-/ис-, на-, над(о)-, недо-, о-/об(о)-, от(о)-, пере-, по-, под(о)-, пре-, пред(о)-, при-, про-, раз(о)/с-, с(о)-, у-*. Установлен в рамках корпусного исследования суффиксальной имперфективации в (Горбова 2015); обозначен как «список Янды-Горбовой» в (Храковский 2015: 309). Подробнее см. в (Горбова и др. 2021).

3. максимальная (исходная по МАС за вычетом отыменных);

4. специализированные (отперфективные глаголы: $СВ_2 \leftarrow СВ_1$, глаголы на *–и(зи)ровать*, СД);

5. минимальная (равна максимальной за вычетом всех специализированных).

Также были сформированы выборки дериватов глаголов движения, полипрефиксальных глаголов и глаголов с семельфактивным *-ну-/-ану-*. Эти подмножества, достойные отдельного обсуждения (остаются за рамками этой работы), в минимальных выборках присутствуют.

Исходная база данных приставочных перфективов (суммарно по 21 ПрГ) включает 19950 единиц, из них: отыменных — 984 (5%); отперфективных — 2156 (10,8%); полипрефиксальных — 682 (3,4%), глаголов на *–и(зи)ровать* — 307 (1,5%); глаголов того или иного СД — 4104 (20,6%); дериватов глаголов движения — 1350 (6,8%)[6].

Основной результат исследования имперфективируемости сводится к следующему:

- по исходной выборке: доля $НСВ_2$ по МАС — 70%; доля $НСВ_2$ по МАС и НКРЯ — 77%; доля $НСВ_2$ по МАС и Рунету — 89%;
- по максимальной выборке: доля $НСВ_2$ по МАС — 69%; доля $НСВ_2$ по МАС и НКРЯ — 76%; доля $НСВ_2$ по МАС и Рунету — 88%;
- по минимальной выборке: доля $НСВ_2$ по МАС — 77%; доля $НСВ_2$ по МАС и НКРЯ — 83%; доля $НСВ_2$ по МАС и Рунету — 93%.

Если обобщить эти данные, то доля имперфективируемости $СВ_2$ в зависимости от типа выборки лежит в диапазоне от 69–77% (по МАС) до 88–93% (суммарно по МАС и Рунету); промежуточный результат — 76–83% (суммарно по МАС и НКРЯ).

2. Двухкомпонентная модель русского вида

Итак, в рамках действия морфологического механизма суффиксальной имперфективации приставочных перфективов ($СВ_2 \rightarrow НСВ_2$) мы получаем полное соответствие требованию регулярности ГК, сформулированному А. А. Зализняком: «ряд однородных номинативных компонентов значения для некоторого класса словоформ» должен охватить «все словоформы этого класса» либо «по крайней мере подавляющее их большинство» (Зализняк 2002: 25–26).

[6] Моя благодарность О. Ю. Чуйковой за сведение данных по 21 ПГр проекта в одну таблицу.

Полученные данные об уровне имперфективируемости приставочных $СВ_2$ подкрепляют положения так называемой двухкомпонентной теории, см. (Горбова 2019б); термин, но не концепция, заимствованы у К. Смит (Smith 1997, Смит 1998). Ниже приведем ее основные положения.

Но сначала напомним, что все описательные модели русского вида XX в. — несловоизменительная по (РГ-1980), словоизменительная Ю. С. Маслова и В. Б. Касевича (Маслов 2004; Касевич 2011) и «непоследовательно коррелятивная» А. В. Бондарко (Бондарко, Буланин 1967) — имеют одну общую черту: в них постулируется принадлежность каждого русского глагола к тому или иному виду в рамках бинарной оппозиции СВ ~ НСВ, ср.: «каждая глагольная словоформа русского языка должна быть охарактеризована с точки зрения категории вида, однако в значительном числе случаев целые классы глаголов представлены дефектной парадигмой вида» (Касевич 2011: 84), «<к>атегория вида охватывает все глаголы, но не все глаголы формируют видовые пары» (РГ-1980: 582). Обязательным следствием такой максимально широкой сферы действия вида, равной всей глагольной лексике языка, оказывается дефектность видовой парадигмы, известная также как непарность ряда глаголов.

Проблема дефектности видовой парадигмы[7] в рамках словоизменительной трактовки вида может быть решена за счет сужения сферы действия категории: все глаголы-симплексы вне зависимости от своего функционала[8] выводятся за пределы механизма образования имперфективов от префигированных перфективов: *рас-кры-ть*^{СВ2} → *рас-кры-ва-ть*^{НСВ2}. Тогда словоизменительный компонент видовой ГК имеет сферу действия, равную приблизительно 2/3 глагольной лексики. В оставшуюся треть входят $НСВ_1$ (типа *спать*), $СВ_1$ (типа *дать*) и биаспективы типа *женить(ся)*.

Напомним, что в соответствии с общепринятым (с начала XX в. и по сей день) представлением русской аспектологии имеется всего два типа аспектуального функционирования глаголов, обобщенных как граммемы имперфектива и перфектива. С другой стороны, наличествует пестрая картина морфологического строения глаголов, основы которых могут включать (или не включать) слово- и формообразовательные

[7] По данным из (Мучник 1971), исследованию по приблизительно 9 тыс. глаголов из словаря Д. Н. Ушакова, парные и непарные (моно- и биаспективы суммарно) русские глаголы находятся в соотношении 2 к 1 (64% против 36%). В (Перцов 2001) с выборкой почти в 28 тыс. глаголов из словаря А. А. Зализняка получен близкий результат: 61,34% на 38,66%. В обоих исследованиях парными считались только видовые пары с $НСВ_2$; префиксальные пары типа *делать – сделать* не учитывались.

[8] Он может быть имперфективным: *спать, стоять, молчать, вертеть*, перфективным: *купить, дать, пасть* (те и другие — моноаспективы), и биаспектуальным: *казнить, женить, игнорировать* (биаспективы).

аффиксы. При этом известно, что присутствие в основе глагола суффикса имперфективации гарантирует ему имперфективный функционал, присутствие назального суффикса -(*а)ну*- — перфективный, а наличие префиксов (при отсутствии суффиксов-имперфективаторов) в большинстве случаев (но не абсолютно) обеспечивает перфективность. В то же время отсутствие в основе упомянутых аффиксов (что характерно для симплексов или отыменных бесприставочных глаголов — *быть, спать, дать, купить, женить, стрелять* или *горячить*) не гарантирует ни имперфективного, ни перфективного, ни двувидового функционирования.

Зафиксировав эти наблюдения, введем второй компонент предлагаемой описательной модели, призванный объяснить аспектуальное функционирование симплексов. Это — акциональность, или лексический вид. Акциональность характеризует глаголы в терминах состояний, (не)предельных процессов, событий и т. п., обладая при этом максимально широкой сферой действия. Однако если для глаголов, обладающих специальными аффиксами и включенных в словоизменительный вид, этот семантический компонент вторичен по отношению к первому, словоизменительному, то для симплексов он первичен, поскольку единственен. Не имея показателей, акциональность относится к области грамматики скрытой, однако она значима для грамматики явной, будучи первостепенным фактором аспектуальной характеризации по (им)перфективности для глаголов-симплексов, остающихся за пределами сферы действия первого (и основного) компонента: словоизменительного.

Глагол *спать* функционирует как имперфектив потому, что стабильно, во всех контекстах, обозначает состояние, глагол *купить* является перфективом потому, что во всех контекстах обозначает событие, а *женить(ся)* — биаспектив по той причине, что в одних контекстах он передает событие (1), в других — не достигший кульминации процесс (2) или же повторяющееся событие (3), а в третьих он амбивалентен, допуская и событийное, и процессное прочтение (4).

(1) *У меня еще остались две цели в жизни — **женить** Игоря и развести Эмиля.* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]

(2) *Пожилой крестьянин справляет свадьбу. Он **женит** сына. Для полноты музыки включают радио, которое извещает о нападении Германии.* [Ф. А. Абрамов. Дневник (1944)]

(3) *В ЗАГСе очереди: одних **женят**, другим выдают справки о рождении, третьим — о смерти.* [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)]

(4) *Потом он записал, может быть, лучшую свою песню, которую сочинил для фильма Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа* ***женил****», где играл главную роль.* [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)]

Описанное положение дел с симплексами естественно как для глагольной лексики языка без ГК аспекта (вида), напр., немецкого, так и для любого языка со словоизменительной ГК вида, напр., испанского или английского. В первом случае видовое значение формируется на уровне высказывания за счет взаимодействия акциональности предиката с синтагматическим и парадигматическим контекстом (типология контекста по Горбова 2017), во втором, при наличии одной или нескольких аспектуальных ГК, подключается явная грамматика, причем, в зависимости от степени грамматикализации ГК, сфера их действия может быть шире или уже.

1. Итоговые замечания

Итак, описанная выше двухкомпонентная модель русского вида, состоящая из словоизменительного морфологического компонента имперфективирующей суффиксации и словоклассифицирующего семантического компонента акциональности, позволяет объяснить функциональное распределение всех русских глаголов по двум граммемам: перфектив и имперфектив. Сделаем, однако, еще одно замечание, касающееся феномена депрефиксации.

Депрефиксация обсуждается в аспектологической научной литературе начиная с середины прошлого века: в (Маслов 1958/2004: 461), со ссылкой на публикацию 1946 г., упомянута гипотеза происхождения мутативных глаголов типа *гаснуть, богатеть, сохнуть* в результате депрефиксации. Но это происходит в контексте разговора о формировании славянского вида, и в целом депрефиксация оценивается как инструмент достаточно поздний и вспомогательный (Там же: 474).

В последние годы депрефиксация вновь появляется у А.Д. Шмелева как механизм функциональный, параллельный суффиксальной имперфективации, ср.: «<…> другой механизм имперфективации, а именно — депрефикцация. Сущность ее состоит в том, что в качестве имперфективного коррелята приставочного глагола сов. вида используется соответствующий бесприставочный глагол (несов. вида). В результате действия механизма депрефиксации мы получаем такие видовые пары, как *сделать — делать, увидеть — видеть, испугаться — пугаться, потерять — терять* <…>» (Зализняк и др. 2015: 198). Ниже автор говорит о субъективных предпочтениях носителей русского языка относительно реализации того или иного механизма в контексте обязательной имперфективации: «Один носитель языка в качестве

имперфективного коррелята глагола *скомкать* будет использовать вторичный имперфектив (*скомкивать*), а другой сочтет этот глагол неупотребительным и предпочтет использовать в качестве имперфективного коррелята глагол *комкать*, полученный депрефиксацией» (Там же: 199).

В рамках нашего исследования задача оценить уровень так понимаемой депрификсации не ставилась, хотя отдельные наблюдения относительно ее реальности имеются: напр., глагол *секретить* как $НСВ_1$-коррелят к *засекретить* в МАС отсутствует, однако обнаруживается в НКРЯ (12 вхождений, 10 документов во временном диапазоне 1973-2009 гг., дата обращения — 18.02.2025), ср. (5).

(5) *Ситуация с информацией очень похожа:* ***секретить*** *все — неразумно*. [Дмитрий Завалишин. Третий кит свободы // «Отечественные записки», 2003]

Для оценки распространенности депрефиксации ($СВ_2 \rightarrow НСВ_1$) как механизма, конкурирующего с суффиксальной имперфективацией ($СВ_2 \rightarrow НСВ_2$), необходимо провести отдельное исследование, однако с точки зрения теоретического описания русского вида он, как представляется, всегда может быть учтен в рамках двухкомпонентной модели как некий вспомогательный инструмент.

Условные обозначения

ГК – грамматическая категория

НСВ – несовершенный вид

ПрГ – приставочная группа

СВ – совершенный вид

СД – способ действия

ЛИТЕРАТУРА

АПРЕСЯН Ю.Д. (2006), «Основания системной лексикографии», Апресян Ю.Д. (отв. ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография,* Москва: Языки славянской культуры, с. 33-162.

БОНДАРКО А.В., БУЛАНИН Л.Л. (1967), *Русский глагол*. Ленинград: Просвещение.

ГОРБОВА Е.В. (2015), «Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация?», *Вопросы языкознания*, № 1, с. 7-38.

ГОРБОВА Е.В. (2017), *Грамматическая категория аспекта и контекст*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

ГОРБОВА Е.В. (2019а), «Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у*-глаголов)», *Вопросы языкознания*, №1, с. 58–74.

ГОРБОВА Е.В. (2019б), «Двухкомпонентная модель русского вида: положения, предсказания, подтверждения», *Славистика*, №23, 1, с. 45–61.

ГОРБОВА Е.В., ЧУЙКОВА О.Ю., ШАРЫГИНА С.С. (2021), «Имперфективируемость русских приставочных перфективов: регулярность и специфика», *Вопросы языкознания*, №4, с. 91–130.

ЗАЛИЗНЯК А.А. (2002), *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
ЗАЛИЗНЯК АННА А., МИКАЭЛЯН И.Л. (2010), «О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка», Доклад на конференции «Диалог 2010». URL: https://www.academia.edu/88740977
ЗАЛИЗНЯК Анна А., МИКАЭЛЯН И.Л., ШМЕЛЕВ А.Д. (2015), *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва: Языки славянской культуры.
ИСАЧЕНКО А.В. (1960), *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология,* II, Братислава: Издательство словацкой академии наук.
КАСЕВИЧ В.Б. (2011), *Введение в языкознание*. Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ; Москва: Академия.
МАС: ЕВГЕНЬЕВА А.П. (ред., 1985–1988), *Словарь русского языка в четырех томах*. Москва: Русский язык.
МАСЛОВ Ю.С. (1958/2004), «Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида», Маслов Ю.С. *Избранные труды*, Москва: Языки славянской культуры, с. 445-476.
МУЧНИК И.П. (1971), *Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке*. Москва: Наука.
ПЕРЦОВ Н.В. (2001), *Инварианты в русском словоизменении*. Москва: Языки русской культуры.
РГ-1980: ШВЕДОВА Н.Ю. (гл. ред., 2005), *Русская грамматика*, Т. 1., Москва: РАН, Ин-т РЯ им. В.В. Виноградова.
СМИТ К.С. (1998), «Двухкомпонентная теория вида», *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Москва: Языки русской культуры, с. 404-422.
ХРАКОВСКИЙ В.С. (2015), «Категория вида в русском языке: болевые точки», Мицуси Китадзё (ред.) *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития,* Киото: Tanaka Print, с. 321-334.
ХРАКОВСКИЙ В.С. (2018), «И опять о «болевых» точках категории вида», *Вопросы языкознания*, №1, с. 105-118.
SMITH C. (1997), *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВИДА И КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ СЕМАНТИКИ: АСПЕКТУАЛЬНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПРИ НОМИНАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО, БОЛГАРСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Олена Пчелинцева (Германия/ Украина)

Университет им. Й. Гутенберга (Майнц)
Черкасский государственный технологический университет (Черкассы)

В докладе будет рассмотрен один из аспектов влияния аспектуальной семантики глагола на его продуктивность по отношению к именам существительным. Мы проанализируем особенности номинализации глаголов в украинском, польском и болгарском языках и покажем, что определенные компоненты аспектуальной семантики глагола являются нехарактерными для именной формы выражения действия и являются возможной причиной запрета на глагольную номинализацию.

Имя действия (далее – ИД) есть во всех славянских языках: укр.: *дослідження, досліджування*, рос.: *исследование*, *взлет*, бел.: *маўчанне* ‘молчание’, *жыццё* ‘жизнь’, пол.: *badanie* ‘исследование’, *zbadanie* ‘исследование’, чеш.: *zvýšenì* ‘увеличение’, *zvyšovánì* ‘увеличение’, болг.: *целувка* ‘поцелуй’, *гледане* ‘наблюдение’, мак.: *oranje* ‘вспахивание’, *izgradba* ‘строительнство’ и т.п. В процессе транспозиции глагола в существительное эта новая форма приобретает именные категории рода и падежа (кроме болгарского), категория числа присутствует в редуцированном варианте. Глагольные категории времени, наклонения и лица практически полностью утрачиваются, категория переходности / непереходности специфически модифицируется (например, украинские имена действия, образованные от переходных глаголов, управляют зависимым существительным в родительном падеже (*досліджувати мову → досліджування мови*), а образованные от непереходных глаголов сохраняют падеж зависимого существительного (*мандрувати світом → мандрування світом*)). Возвратность исчезает в украинских и болгарских ИД, однако частично сохраняется в польских ИД с возвратным постфиксом *się*. Между тем, больше всего вопросов вызывает транспозиция в имя действия категории вида (или ее компонентов), а также ее влияние на процесс номинализации.

Образование существительного со значением действия от глагола – стандартный словообразовательный процесс в исследуемых языках. Чисто морфологически отглагольное имя можно образовать от любого перфективного или имперфективного глагола с помощью стандартных суффиксов. Наиболее продуктивная модель с суффиксами укр. *-ння / -ття*, пол. *-nie / -tie*, болг. *-не / -ти* унаследована из праславянского языка и содержит индоевропейские суффиксальные элементы (*-i̯o, *-bha, *-ta) (Мельничук, 1986,

р. 57). Вместе с тем, системи украинских, польских и болгарских производных отглагольных существительных со значением действия различаются как количественно, так и качественно (Dickey, 2000; Пчелинцева, 2016). Типичная ситуация выглядит так: одному или чаще двум украинским ИД (*повторення* (от глагола совершенного вида (далее – СВ) *повторити*) / *повторювання* (от глагола несовершенного вида (далее – НСВ) *повторювати*)) может соответствовать два болгарских ИД (*повтаряне* (от глагола НСВ) / *повторение* (от глаголов НСВ+СВ)) и два, или даже четыре польских ИД (*powtarzanie* (НСВ) / *powtórzenie* (СВ) / *powtarzanie się* / *powtórzenie się*).

Украинское имя действия теряет показатель рефлексивности, в меньшей степени, чем польские ИД, сохраняет формальную видовую соотносительность (видовые пары, по нашим данным, имеют 37,5% украинских ИД) и образуется в среднем от каждого 4-го глагола (учитывая видовые и возвратные глагольные формы) (Pchelintseva, 2022). В болгарском языке имена действия регулярно образуются только от имперфективных глаголов с помощью -nje (-ne), и эту группу иногда трактуют как болгарский герундий (Šipka, 2000). Важно, что болгарские ИД на *-не* могут образовываться почти от всех имперфективных глаголов и полностью сохраняют глагольное управление при непрямом дополнении: *налитам върху неприятеля → налитане върху неприятеля* ‘нападение на врага’; *препълвам с книжа → препълване с книжа* ‘переполнение бумагами’. Мысль, что девербативы на *-не* имеют выраженную глагольность и сохраняют многие свойства производящего глагола, прослеживается в ряде исследований (Стоянов, 1964, с. 408; Андрейчин, 1978, с. 364; Първев, 1993, с. 384-385). Важно также, что болгарские ИД на *–не* и на *–ние* семантически не одинаковы. Если есть параллельные формы на *-не* и на *-ние*, то девербатив на *-не* будет иметь процессуальное значение (например, *допълване* ‘дополнение’, *обявяване* ‘объявление (в значении процесса)’, *събиране* ‘собирание’); а существительное с суффиксом *-ние* – предметное или абстрактное (но не перфективное!) значение, (например, *допълнение* ‘приложение’, *обявление* ‘объявление (как физический предмет)’, *събрание* ‘собрание’). Польские имена действия на *-nie / -tie* регулярно образуются почти от всех глаголов (Łaziński, 2020), сохраняют глагольные видовые и частично, рефлексивные постфиксы, например: *przeprowadzanie się* / *przeprowadzenie się*) (см. подробнее: Puzynina, 1969; Grzegorczykowa & Puzynina, 1979; Rozwadowska, 2000, Пчелинцева, 2016, с. 298–302). Исключениями являются около 150-ти глаголов, которые по словарным данным не имеют соотносительных ИД (Dubisz, 2004; Пчелинцева, 2016) (*wiedzieć* ‘знать’, *móc* ‘мочь’, *zahulać* ‘загулять’, *pobadać* ‘поисследовать’ и т.п.). Причины такого различного положения дел в исследуемых языках можно обнаружить на уровне прагматики (например, в украинском языке больше распространены инфинитивные

конструкции, чем конструкции с ИД), на уровне морфонологии (например, неблагозвучие потенциального ИД), в истории развития этих языков (внешнее языковое влияние, в частности, греческого, старославянского, турецкого, русского и пр.), в структурном типе видовой пары производящего глагола, а также в аспектуальной семантике производящего глагола. Последний фактор, по нашему мнению, является одним из важнейших и действует как на уровне словаря, так и на уровне словоупотребления.

Рассмотрим подробнее взаимосвязь вида глагола с его продуктивностью по отношению к именам действия. Анализ словарных данных исследуемых языков показывает неодинаковое соотношение ИД, образованных от перфективных и от имперфективных глаголов. В украинском языке, по данным нашего анализа 11-томного словаря (Білодід (ред.), 1970–1980), соотношение «перфективных» и «имперфективных» ИД следующее: чуть более 5200 ИД образованы от глаголов НСВ, около 2100 – от глаголов СВ, остальные соотносятся с двувидовыми глаголами (320 единиц) или имеют двойную мотивацию СВ/НСВ (140 единиц). Иными словами, ИД, образованных от имперфективных глаголов, в 2,5 раза больше, чем образованных от перфективных глаголов. Если учесть, что, по данным Н. Сухариной, в глагольной системе украинского языка преобладают, напротив, перфективные глаголы – их на 9% больше, чем имперфективных (Сухарина, 2003, с.12), то такая ситуация выглядит довольно симптоматично. Если мы обратимся к данным по продуктивности конкретных глагольных групп (способов действия), то обнаружим довольно многочисленные группы глаголов с идентичной аспектуальной семантикой, которые системно не имеют, или почти не имеют соотносительных ИД (делимитативные, пердуративные, инхоативные, чрезмерно-продолжительные и пр.). Например, от 515 словарных глаголов-делимитативов нет ни одного ИД (несколько имен типа *посиденьки* не противоречат этому утверждению, поскольку называют целые ситуации, а не указывают на небольшое количество действия, ограниченного внешними временным рамками), от 849 начинательных глаголов (типа *закипіти*) в словаре обнаружено 42 имени действия, из них только 6 встречаются в корпусе (Shvedova et al, 2017–2024) в соответствующем фазовом значении и т.п.

В отношении болгарских имен действия на сегодня мы не располагаем исчерпывающими количественными данными, однако по свидетельству (Колковска, 1995), а также грамматик болгарского языка (Андрейчин, 1978; Първев 1993; Стоянов 196), от болгарских перфективных глаголов ИД образуются нерегулярно, а грамматическая и лексическая семантика таких образований практически не предсказуема. Типичная ситуация: ИД образуется от первичного и вторичного имперфективов, но не образуется от соответствующего перфективного глагола:

копая ‘копать' (НСВ) → *копаене* ‘копание',

изкопавам ‘выкапывать‘(НСВ) → *изкопаване* ‘выкапывание‘,

изкопая ‘выкопать‘ (СВ) → Ø (Български тълковен речник)

Особенно последовательно отсутствие ИД проявляется при анализе групп глаголов с количественно-временной семантикой (делимитативных, фазовых начинательных и пр.), хотя сами такие глаголы – вполне регулярное явление для болгарского языка (Славкова, 2017, с.202). Сравните:

повоювам ˈповоевать'→ Ø (но есть ИД от имперфективного глагола – *воюване*),

потичам ˈпобегать' → Ø (только *тичане*),

з*апаля се* ˈзагореться' → Ø (только *палене*),

помърморя ˈповорчать' → Ø (только *мърморене*) и т.д.

Мы попытались сконструировать потенциальные имена действия, отсутствующие в словаре (типа «*повоюване*», «*потичане*», «*запалене*» и пр.) и проверить их на наличие в корпусе (Български национален корпус), но получили отрицательный результат.

Словарная ситуация с польскими ИД выглядит качественно иной: за исключением упомянутых выше 150 неноминализируемых глаголов, все остальные глаголы теоретически могут образовывать именную форму, а в современных словарных статьях, как правило, ИД стандартно указываются при глаголе наряду с причастиями и деепричастиями. Однако сплошной анализ данных Национального корпуса польского языка (NKJP) (запросы формулировались с учетом всех падежных форм, дата обращения 20.01.2025) обнаруживает любопытные особенности. В частности, проверка вхождений всех ИД, образованных от глаголов с ограничительно-временной семантикой: делимитативных (*pokoszenie* букв. ‘покошение’), фазовых начинательных (*zalśnienie* от *zalśnić* ‘заблестеть’), квантово-ограничительных (*zakukanie* от *zakukać* ‘закуковать’), чрезмерно-продолжительных (*zamordowanie się* букв. ‘замучивание’) – показала либо их полное отсутствие во всех доступных корпусах, либо употребления в других аспектуальных значениях (дистрибутивных, аттенуативных и пр.). В единичных случаях имеют место употребления с целью языковой игры, но они тем ярче демонстрируют «неприспособленность» именной формы для выражения такого типа перфективного глагольного значения – временной ограниченности действия:

W trakcie pikniku firma ze Śląska prezentowała bardzo atrakcyjne Eurobangy, które to urządzenie pozwala na wykonywanie skoków na znaczną wysokość. Pięć minut takiego ***"poskakania"*** *kosztowało 10 złotych* [Gazeta Krakowska, 2003-10-06] — ‘Во время пикника фирма из Силезии презентовала очень привлекательные «Евробанги», это снаряжение позволяет совершать прыжки на большую высоту. Пять минут такого «поскакания» стоило

10 злотых’.

Таким образом, несмотря на различный статус имен действия в грамматических системах исследуемых языков, между ним наблюдается сходство в диапазоне возможностей выражать аспектуальные значения: мы сможем с уверенностью утверждать, что один из вариантов значения перфективности – ограничение действия количественно-временным пределом – вступает в противоречие с категориальной семантикой имени существительного и препятствует номинализации соответствующих глаголов в украинском и болгарском языках, или не находит практической реализации в словоупотреблении, оставаясь на уровне потенциальных словарных единиц в польском языке. Как будет показано в докладе, для выражения перфективного значения ограниченности внешним пределом конкретного действия или состояния в речи используются спрягаемые глагольные формы.

ЛИТЕРАТУРА

Андрейчин, Л. (1978). *Основна българска граматика*. София: Наука и изкуство.

Колковска, С. (1995). Категориална семантика и граматични значения на имената за действие на *-не*. *Български език*, 1–2, 1-29.

Мельничук, А. (Ред.) (1986). *Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и фразеология*. Киев: Наукова думка.

Пчелинцева, Е. (2016). *От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия*. Санкт-Петербург: Наука.

Първев, Х. (1993). Нелични глаголни форми. В *Граматика на съвременния български език*. 2 (сс. 372–386). София: Издателство на Българската академия на науките.

Славкова, С. (2017). Супралексический префикс по- в русском и болгарском языках. В Rosanna Benacchio, Alessio Muro, Svetlana Slavkova. *The role of prefixes in the formation of aspectuality Issues of grammaticalization* (pp.197–218). Firenze: Firenze University Press.

Стоянов, С. (1964). *Граматика на българския книжовен език*. София: Наука и изкуство.

Сухарина, Н. М. (2003). Граматична та лексична семантика українського дієслова в лексикографічній системі: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Київ: НАН України.

Dickey, Stephen M. (2000). Parameters of Slavic Aspect. Stanford, CA.

Grzegorczykowa, R. & Puzynina, J. (1979). *Slowotwrstwo współczesnego języka polskiego: rzeczowniki sufiksalne rodzime*. Warszawa: PWN.

Łaziński, M. (2020). Wykłady o aspekcie polskiego czasownika. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.

Pchelintseva, O. (2022). Aspectual properties of Ukrainian verbal action nouns, *Russian Linguistics* 46, 167–180.

Puzynina, J. (1969). Nazwy czynności we współczesnym języku polskim (słowotwőłrstwo, semantyka, składnia). Warszawa: PWN SA.

Rozwadowska, B. (2000). Aspectual Properties of Polish Nominalizations, *Journal of Slavic Linguistics* 8, 239–261.

Šipka, D. (2000). O statusu glagolske imenice. Zbornik MC za filologiju i lingvastyku. Novi Sad, XLIII, 641–645.

ИСТОЧНИКИ

Білодід, І. (Ред.) (1970–1980). Словник української мови: В 11 т. Київ: Наукова думка.Български национален корпус: http://search.dcl.bas.bg/

Български национален корпус: https://dcl.bas.bg/bulnc/
Български тълковен речник: https://rechnik.chitanka.info/talkoven
Dubisz, S. (Ed.) (2004). *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa: PWN SA, e-version.
Narodowy Korpus Języka Polskiego (2008–2010): http://www.nkjp.uni.lodz.pl/#
Shvedova, M., von Waldenfels, R., Yarygin, S., et al. (2017-2024). GRAC: General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian. Electronic resource: Kyiv, Lviv, Jena. https://uacorpus.org/Kyiv/en

СООТНОШЕНИЕ ВИДА И ТАКСИСА ПРИ ТЕМПОРАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПОТЕНЦИАЛА В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ)

Людмила Попович (Сербия)
Белградский университет

1.0 Хабитуальный потенциал и другие специализированные средства выражения повторяемого в прошлом действия в славянских языках

Потенциал в сербском языке может иметь модальное и темпоральное употребление. В нормативной грамматике сербского языка темпоральный потенциал получил название *хабитуал*, так как данная форма указывает на повторяемое в прошлом действие [Пипер, Клајн 2013: 407]. Кроме сербского, темпоральное употребление потенциала встречается также в хорватском и верхнелужицком языках [Barić et al. 2005: 488; Šewc 1968: 179; Faßke 1981: 266]. В хорватском данная форма трактуется как сослагательное наклонение (*kondicional*), а в верхнелужицком как особая временная форма – итеративный перфект или итеративный претерит [Там же][1].

Темпоральный потенциал в сербском языке, подобно формам настоящего времени в значении *praesens historicum*, может быть как совершенного вида (СВ), так и несовершенного (НСВ)[2].

Вопрос о виде глаголов в значении *praesens historicum* в сербском языке неоднократно привлекал внимание лингвистов. При этом авторы сербских грамматик [Стевановић 1974: 583-587; Станојчић, Поповић 1996: 374-375; Пипер, Клајн 2013: 396-397] и исследователи [Бондарко 1958а; Ивић 1958; Танасић 1996; Војводић 1998] соглашаются в том, что НСВ данной формы является неотмеченным, так как указывает

[1] В остальных славянских языках для выражения повторяемости в прошлом, кроме претеритов, существуют другие специализированные средства – «глагольно-морфологические» либо «предикативно-синтаксические» [Ivić 2008: 56]. К первым относятся особые итеративные формы глаголов в западнославянских языках, изредка используемые также в русском (ср.: (чеш.) Švejk vžil se ve vzpomínky, když tu často *sedával*: PRAET.IPFV do vojny; (рус.) Швейк, — он часто *сиживал*: PRAET.IPFV тут еще до войны, — пустился в воспоминания (НКРЯ/ J. Hašek); (пол.) *Sypiałam*: PRAET.IPFV już pod gołym niebem). Возможна также специализация определенных временных форм, как в болгарском языке, где для выражения повторяемых в прошлом ситуаций чаще всего употребляется имперфект, либо в македонском, в котором с этой целью используется форма будущего в прошедшем [Храковский Барентсен 2014 II: 256; 340-342]. Ко второму, синтаксическому, типу средств можно отнести особые конструкции с частицами (рус.) БЫВАЛО, (укр.) БУВАЛО, БУЛО и формами *praesens historicum* в восточнославянских языках, либо конструкции с глаголом ЧИНИ в соответствующей форме и императивом в македонском (напр.: Тој ЧИНЕЛ: PRF.PFV: *дојди*: IMP.PFV, *наполни*: IMP.PFV ја торбата... [Ivić 2008: 65], (рус.) БЫВАЛО *придет*, *наполнит* сумку...’).

[2] Для сербского языка, так же как и для чешского, словацкого, хорватского и словенского, но в отличие от других славянских языков, характерно видовое противопоставление глаголов в значении настоящего исторического при обозначении единичных действий [Бондарко 1958].

на действия, представленные и как длящиеся ситуации, и как целостные события, в то время как глаголы СВ обозначают только ситуации, воспринимаемые как целое, в противовес развивающейся ситуации[3].

В работе, посвященной видовому противопоставлению *praesens historicum* в сербском языке, нами было указано, что в таксисных конструкциях при выборе между СВ и НСВ действует несколько другой принцип, так как в данном случае употребление того или иного вида обусловлено типом таксисной конструкции[4] [Попович 2015].

Вопрос о видовом противопоставлении глаголов в форме хабитуального потенциала не привлекал особого внимания исследователей. М. Ивич, указывая на так называемое «нереференциальное» употребление временных форм в сербском языке, приходит к выводу о том, что темпоральный потенциал отличает особая стилистическая функция «призывания воспоминаний» (*евокативна функција*), которую она противопоставляет «фактографическому» описанию повторяемых прошлых действий с помощью перфекта [Ivić 2008: 61]. Однако аспектуальная сторона вопроса в указанной работе не освещается. С. Танасич, в свою очередь, считает, что темпоральный потенциал НСВ употребляется при описании повторяемых прошлых действий реже, чем СВ, так как с указанной целью чаще используется перфект НСВ [Танасић 2005: 461-462]. Хорватские исследователи приводят примеры темпорального потенциала обоих видов, без указания на отмеченность НСВ [Barić et al. 2005: 488].

В настоящей работе будет показано, что вид темпорального потенциала может быть не только стилистически, но и грамматически обусловлен, если данная форма употребляется в таксисных конструкциях. Это правило распространяется на темпоральный потенциал, обозначающий не только повторяемые в прошлом действия, но и единичные ситуации в прошлом.

2.0 Вид хабитуального потенциала в конструкциях зависимого таксиса

В сербских конструкциях зависимого таксиса, в которых маркируется временная локализация (одновременность, предшествование, следование) одной ситуации относительно другой, чья временная локализация характеризуется относительно

[3] М. Ивич высказывает мнение, что в сербском языке глаголы СВ в значении *praesens historicum* указывают на нерегулярность повторяемых действий (ср. On nas RETKO *obiđe*: PRS.PFV и On nas REDOVNO *obilazi*: PRS.PFV) [Ivić 2008: 58].

[4] В таксисных конструкциях выбор вида подчинен выражению определенного таксисного отношения. При указании на предшествование, на пример, в зависимой части должен быть употреблен глагол СВ, в том числе в значении *praesens historicum*, независимо от регулярности выраженного им действия [Поповић 2014: 118-120].

времени речи, независимо от какой-либо еще ситуации [Храковский 2003: 37], в форме потенциала можно употребить глаголы СВ и НСВ. Глагольный вид при этом определен типом таксисной конструкции.

2.1 *Предшествование при повторяемости ситуаций в прошлом*

Формы хабитуального потенциала могут сочетаться с союзами ПОШТО, НАКОН ШТО, ЧИМ, КАКО и другими, указывающими на отношение предшествования, когда ситуация в придаточной части предшествует ситуации в главной части сложного предложения. При этом формы потенциала могут находится в обеих частях таксисной конструкции либо же только в главной или зависимой.

Форма потенциала в зависимой части такой конструкции должна быть исключительно СВ (1-2), а в главной может быть как СВ, так и НСВ (1-3), однако СВ встречается намного чаще.

> (1) O slavama i božićima ili u ramazanskim noćima, sedi, otežali i brižni domaćini *živnuli bi*: POT.PFV i *postali*: POT.PFV razgovorni ČIM *bi došao*: POT.PFV govor na najveći i najteži događaj njihovog života, na "povodanj" (НКРЯ: I. Andrić, *Na Drini ćuprija*)
> (2) ПОШТО *би припремио*: POT.PFV и *измерио*: POT.PFV бакарне плочице, Аркадије *би* их *загревао*: POT.IPFV... (М. Павић, *Шешир од рибље коже*)

Если в одной части употребляется несколько форм темпорального потенциала, образованных от глаголов разных видов, то с помощью глаголов СВ говорящий фокусирует рамочные микроситуации, более точно определяя *топикальное время* [Klein 2009: 46], т.е. период, о котором идет речь в высказывании, а с помощью НСВ − дефокусирует внутренние, включенные в топикальное время.

> (3) Од људи КАКО *би* који *дојурио*: POT.PFV с коњем, *сишао*: POT.PFV, улазио би: POT.IPFV тамо код њега у собу и ... одмах би се отуда тихо на прстима, гологлав *враћао*: POT.IPFV и *одлазио*: POT.IPFV међ остале да око куће, наслоњени уза зид, клече. (Б. Станковић, *Нечиста крв*)

В приведенном примере (3) рамочная микроситуация задана формами потенциала глагола СВ (*би дојурио, сишао*), а потенциал НСВ (*би враћао, одлазио*) указывает на ситуации регулярно заполняющие период, очерченный этой временной рамкой.

Форма перфекта в главной части таксисной конструкции предшествования при повторяемости ситуаций может быть образована только от глаголов НСВ (4), а потенциал в зависимой части, как уже указывалось, исключительно глаголом СВ.

> (4) A KAD *bi* govor nehotice opet *došao*: POT.PFV na ranije "povodnje", *pominjali su*: PRF.IPFV samo ono što je lako i šaljivo bilo... (НКРЯ: I. Andrić, *Na Drini ćuprija*)

На регулярность таксисной ситуации предшествования дополнительно может указывать комплекс, состоящий из союза КАД и частицы ГОД (5). По мнению

исследователей [Танасић 2007: 37], в данном случае имеет место указание на ограниченное повторение действий в прошлом, в отличие от других конструкций с потенциалом I:

(5) ...који *је резбарио*: PRF IPFV кундак своје пушке КАД ГОД *би убио*: POT.PFV... (*Е-новине,* 18.03.2009)

Данному употреблению сербского потенциала в других славянских языках преимущественно соответствуют претеритальные формы разного вида. Как уже было указано, в верхнелужицком также может употребляться потенциал – в обеих частях, либо только в ЗЧ. В отличие от сербского, здесь преобладает потенциал НСВ[5]. Данная форма в верхнелужицком, однако, встречается редко [Храковский, Барентсен 2024 I: 808]. Отличительной чертой языков западного типа (польского, словацкого, словенского и чешского) является использование претерита СВ в обеих частях такой конструкции, наряду с НСВ. У типичных представителей восточного типа (русский[6] и белорусский), при выражении неограниченной кратности целостных предельных действий заметно преобладает употребление НСВ[7]. В украинском языке, занимающем промежуточное положение, когда речь идет об аспектуальном распределении глаголов в таксисных конструкциях при повторяемости, в ЗЧ могут употребляться глаголы СВ (реже) и НСВ [Храковский, Барентсен 2024 I: 284]. В македонском языке для выражения данного отношения в обеих частях конструкции типично употребляется СВ будущего в прошедшем[8]. В ЗЧ данная форма обязательна, тогда как в ГЧ часто употребляется имперфект НСВ [Храковский, Барентсен 2024 II: 256]. В болгарском же языке особую роль в данном отношении играет имперфект СВ, основной функцией которого является указание на повторение в прошлом событий. Данная форма сочетается с формой имперфекта НСВ в главной части. В ЗЧ также возможно употребление презенса или плюсквамперфекта СВ, при имперфекте НСВ в ГЧ [Там же 2024 II: 340–342].

2.2 *Одновременность при повторяемости ситуаций в прошлом*

При выражении повторяемой точечной главной ситуации, происходящей на длящемся темпоральном фоне зависимой (неполная одновременность$_1$), потенциал НСВ указывает

[5] См. пример, приведенный в [Храковский, Барентсен 2024 I: 808-809].

[6] Употребление форм СВ прош. вр. в ЗЧ таких конструкций в русском языке, связано с отсутствием парного глагола НСВ или давлением синтаксического контекста [Храковский, Барентсен 2024 I: 191].

[7] Примеры использования глаголов НСВ и СВ в описаниях цепочек повторяющихся в прошлом действий в почти всех славянских языках приведены в [Барентсен 2008: 14-15].

[8] Ср.: (серб.) И КАД ГОД *би чуо*: POT.PFV писак локомотиве [...], Али-хоџа *би намрштио*: POT.PFV чело... (Андрић, На Дрини ћуприја) и (мак.) ’И СЕКОГАШ штом *ќе* го *чуеше*: FUT.PST.PFV писктот на локомотивата [...] Али-оџа *ќе* го *намуртеше*: FUT.PST.PFV челото...’

на длящуюся ситуацию и стандартно находится в ЗЧ конструкции. В главной части таких конструкций употреблятся перфект, также НСВ:

> (6) Спавао је на смотаним звонарским конопцима који су га *трзали*: PRF IPFV и *будили*: PRF IPFV КАД *би* ветрови ноћу *љуљали*: POT.IPFV звона. (М. Павић, *Унутрашња страна ветр*а)
> (7) Само КАДА *би* им *предавао*: POT.IPFV латински, странац *се ослобађао*: PRF IPFV стрепњи и *учио*: PRF IPFV их с полетом вештини доброг памћења… (М. Павић, *Унутрашња страна ветр*а)

В конструкциях неполной одновременности другого типа (неполная одновременность$_2$), точечная ситуация в ЗЧ, стандартно выражена глаголом СВ[9], подается на фоне длящейся, выраженной потенциалом НСВ.

> (8) КАДА *би* гости *отишли*: POT.PFV, ја *бих* већ увелико *спавао*: POT.IPFV. (Д. Киш, *Башта, пепео*)

2.3 *Следование при повторяемости ситуаций в прошлом*

Хабитуальный потенциал употребляется также в конструкциях прерываемого следования с союзом ДОК НЕ, когда ситуация в ЗЧ прерывает ситуацию в ГЧ. Потенциал НСВ употребляется в ГЧ таких конструкций, а зависимую ситуацию могут выразить только глаголы СВ в форме потенциала (9) либо презенса (10)[10].

> (9) Другови *би* [...] *окретали*: POT.IPFV ме уокруг све ДОК НЕ *бих* потпуно *изгубио*: POT.PFV оријентацију... (В. Десница, *Пролећа Ивана Галеба*)
> (10) Аркадије *би* их (бакарне плоче) *загревао*: POT.IPFV ДОК НЕ *постану*: PRS.PFV ковне. (М. Павић, *Шешир од рибље коже*)

3.0 Вид потенциала в таксисных секвентных конструкциях

В грамматиках сербского языка указано, что в отличии от глаголов в значении *praesens historicum*, которые могут употребляться для обозначения как повторяемых, так и единичных действий, потенциал может указывать только на повторяемые в прошлом ситуации [Стевановић 1974: 717-718; Танасић 2005: 461-462; Пипер, Клајн 2013: 407]. Однако нами установлено, что в особом типе секвентных таксисных конструкций, описывающих несовпадающие во времени ситуации в хронологических рамках одной

[9] Примечательно, что в хорватских конструкциях неполной одновременности обоих типов стандартно употребляется потенциал НСВ, причем в обеих частях, напр.: (неп. одн.$_1$) Kržljak *se žestio*: PRF.IPFV KAD *bi* netko na treningu *pokazivao*: POT.IPFV neznanje ili slabost (A. Šoljan); (неп. одн.$_2$) KAD *bih ulazio*: POT.IPFV u njegovu sobu, on *bi* već *sjedio*: POT.IPFV u starinskom fotelju i *čitao*: POT.IPFV knjigu ili novine (J.Horvat) [Brabec et al. 2005: 488].

[10] Распределение СВ и НСВ в конструкциях одновременности, а также в предложениях с аналогами сербского союза ДОК НЕ, в других славянских языках немного другое, чем при выражении предшествования в прошлом. В данном случае не только в языках западного типа, но и в восточнославянских, возможно употребление глаголов СВ в придаточной части, при НСВ в главной [Храковский, Барентсен 2024, I: 193, 444, 606].

макроситуации, потенциал может указывать на единичную ситуацию в прошлом [Поповић 2023: 219-240], напр.:

> (11) Њихова жижа једно време бива Пећ и њена патријаршија, политичко средиште српског народа, […], ДА *би се* ЗАТИМ књижевно средиште *померило*: POT.PFV далеко на север, у Сремске Карловце... (М. Павић, *Историја српске књижевности. Барок*)

В приведенном примере (11) ситуация, выраженная потенциалом, является продолжением предшествующих ситуаций. Обязательным элементом таких предложений, является союз ДА, а также обстоятельство времени (*после, затим, на крају, у финалу* и пр.), помещающее описываемую потенциалом ситуацию в конец макроситуации. Данные конструкции встречаются только в сербском и хорватском языках, в то время как во всех остальных славянских языках им соответствуют другие временные формы[11]. В конструкциях этого типа стандартно употребляется потенциал СВ.

ЛИТЕРАТУРА

Барентсен А. Выражение последовательности действий при повторяемости в прошлом в современных славянских языках. Houtzagers P., Kalsbeek J., Schaeken J. (eds.) *Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists* (=SSGL 34). Ohrid: Linguistics. Amsterdam –New Zork, 1998: 1-36.

Бондарко А. В. Настоящее историческое (*praesens historicum*) глаголов несовершенного и совершенного видов в чешском языке. *Slavia* XXVII/4 (1958): 556-584.

Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в современном сербохорватском языке. *Ученые записки ЛГУ им. А.А. Жданова* 250 (1958а): 141-157.

Бондарко А. В. *Основы функциональной грамматики*. Санкт Петербург, 1999.

Войводич Д. Русский и сербско-хорватский перфективный презенс в сопоставительном аспекте. *Зборник Матице српске за славистику* 54-55 (1998): 119-147.

Ивић М. Систем личних глаголских облика за обележавање времена у српскохрватском језику. *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду* 3 (1958): 139-152.

Пипер П, Клајн И. *Нормативна граматика српског језика*. Нови Сад: Матица српска, 2013.

Попович Л. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в таксисных конструкциях сербского языка. В: *The Aspectual Semantic Zone: Typology of Systems and Scripts of Diachronic Progresses*. Mitsushi Kitajo (ed.). Kyoto: Kyoto Sangyo University, 2015: 213-220.

Поповић Љ. *Контрастивна граматика украјинског и српског језика: таксис и евиденцијалност.* Српски језик у поређењу са другим језицима. Књига 3. Београд: САНУ, 2014.

Поповић Љ. *Граматика интеракције у савременим словенским језицима*. Београд: Славистичко друштво Србије, 2023.

Станојчић Ж., Поповић Љ. *Граматика српског језика за гимназије и средње школе*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2012.

Стевановић М. *Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма. II Синтакса*. Београд: Народна књига, 1974.

Танасић С. *Презент у савременом српском језику*. Београд: Институт за српски језик, 1996.

[11] Подробое описание разных типов данной таксисной конструкции и соответствующих им предложений во всех славянских языках поданы в: [Поповић 2023: 219-240].

Танасић С. Синтакса глагола. У: М. Ивић (ред.) *Синтакса савременога српског језика: Проста реченица.* Београд: Институт за српски језик САНУ, Матица српска, 2005: 345-469.
Танасић С. Из проблематике реченица са везницима *кад*, *док* и *чим*. *Наш језик* XXXVIII/ 1-4 (2007):15-26
Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика). *Вопросы языкознания* 2 (2003): 32-53.
Храковский В.С, Барентсен А. (ред.). *Таксис в славянских языках. Типологический анализ*. Т. I–II. Москва: ЯСК, 2024.
Barić E., Lončarić M., Malić D., Pavešić S., Peti M., Zečević V., Znika M. *Hrvatska gramatika*. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
Ivić M. *Lingvistički ogledi*. Treće, dopunjeno izdanje. Beograd: Biblioteka XX vek.
Faßke H. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*. Bautzen 1981.
Klein W. How time is encoded? In: W. Klein, Ping Li (eds.) *The expression of time*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009: 39−81.
Šewc H. *Gramatika hornjosrbskeje rěče*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1968.

BLOC 1.16
LES FORMES ANCIENNES DE CULTURE ÉCRITE SLAVE EN LANGUE VERNACULAIRE : TEXTES RÉPRÉSENTATIFS ET CONTACTS LINGUISTIQUES / EARLY FORMS OF VERNACULAR SLAVIC WRITTEN CULTURE: FOREIGN SAMPLE TEXTS AND LANGUAGE CONTACT

Organisatrice : IRINA PODTERGERA

Роман Кривко Славянский язык в (меж)славянских частных и дипломатических актах **X–**XIII вв**.** 1

Ирина Подтергера Формуляр древневосточнославянских частных и правовых актов на стыке латинской и византийской традиций 4

Элиас Монсеф Бунатиру Книжные и народные элементы в языке берестяных грамот и их функция 8

Савва Михеев Древнейшие надписи Руси. Мифы и действительность 14

Андрей Виноградов Греческая эпиграфика на руси и древнерусская эпиграфика в византийском контексте 16

Тимофей Гимон, Алексей Щавелев Древнерусские летописи в центрально-, северно- и южноевропейском контексте 17

СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В (МЕЖ)СЛАВЯНСКИХ ЧАСТНЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ АКТАХ X–XIII ВВ.

РОМАН КРИВКО (АВСТРИЯ)
Венский университет

В докладе рассматриваются функции славянских идиомов и алфавитов в деловой коммуникации, которые сопоставляется с языковой практикой романо-германской («латинской») Европы.

Первые частные письменные акты на славянском языке появились в регионах с существовавшей на момент их возникновения церковнославянской традицией: в Первом Болгарском царстве, Далмации, Киевской Руси, Сербии. Исключение составляют крайне немногочисленные боснийские кириллические ктиторские надписи времени правления бана Кулина к. XII в., которые, наряду с т. наз. «грамотой бана Кулина», представляют собой древнейшие сохранившиеся письменные памятники боснийской (западноштокавской) традиции, для которой предполагать наличие церковнославянской письменности до нач. XIII в. нет оснований. Все эти документы отражают интерференцию народноязыковых и книжных элементов, а также содержат многочисленные свидетельства языковых контактов, типичных для каждого конкретного региона.

Первым свидетельством знакомства славян с частноправовым формуляром, который, впрочем, использовался и за пределами частного акта, – Самуилова надпись 993 г., устанавливающая поминовение усопших родственников правителя. Почти одним периодом датируются два частных акта, связанных с передачей собственности церковным организациям, – древняя хорватская Башкинская надпись нач. XII в. (Kapetanović 2015) и Мстиславова грамота до 1130 г. (Гиппиус 2008): оба текста имеют параллели в формуляре, что, вероятно, объясняется их восхождением к общим образцам. Общей типологической особенностью является также сведение в одном тексте двух разных правовых актов, совершённых в разное время разными людьми, что также характеризует первый известный хорватский народноязыковой частный акт, написанный западной кириллицей на пергамене и известный как *Povaljska listina* 1250 г. (этот же документ является первым надёжным свидетельством функционального разделения кириллического и глаголического письма в хорватской традиции, оставляя за кириллицей функцию исключительно делового письма).

Башкинская надпись нач. XII в. соответствует по своей структуре германским *Translationsurkunden* (документ о передаче собственности), в которых от имени создателя

надписи пересказывается содержание актов передачи собственности другими лицами. По всей видимости, правовые акты, отражённые в Башкинской надписи, были первоначально заключены устно, их письменная фиксация совершена *post factum*. Самуилова надпись 993 и в особенности Башкинская надпись представляют собой южнославянские образцы документальных надписей, известных в немногим более поздний период в восточнославянской традиции. Принципиальное отличие славянских «документов на камне» от документальных надписей (*Urkundeninschriften*) романо-германского мира состоит в том, что последние были призваны сообщать о содержании правовых актов, хранившихся в архивах и недоступных для публики, тогда как славянские документальные надписи, сделанные на стенах храмах или, как в случае с Башкинской надписью, на алтарной преграде, были единственной формой письменной фиксации – видимо, первоначально заключавшегося устно – правового акта в период до создания архивов.

Иначе выглядело языковое употребление в (меж)славянской международной коммуникации. Автор присоединяется к той точке зрения, согласно которой славянские переводы договоров Руси с Византией к. X – нач. XI вв. не имели правового статуса, в отличие от их несохранившихся греческих оригиналов, поскольку славянские и романо-германские языковые идиомы в принципе не использовались в качестве языков международной коммуникации до начала XIII в. (см. в качестве самого раннего примера переведённые с латыни и ср.-н.-нем. редакции «Смоленской грамоты 1229 г.») (Petrukhin 2013; Подтергера 2021а; 2021б): как известно, древнейшие сохранившиеся южнославянские договоры с Дубровником к. XII в. составлены на латыни, по-славянски кириллицей оформлена только *inscriptio* (Мошин и др. 2011). Не имеет, на наш взгляд, правового статуса народноязыковой перевод договора боснийского бана Кулина с Дубровником 1189 г. («грамота бана Кулина»): как известно, договор сохранился в трёх списках, в каждом из которых славянский (древний западноштокавский) перевод находится после латинского оригинала, подпись и печать в каждом случае отсутствуют (см. Ћорић 2011). Судя по всему, сохранившиеся копии договора были призваны объяснить содержание (утраченного?) оригинального правового акта, составленного на латинском языке.

«Грамота бана Кулина» и договоры Руси с Византией представляют собой первые известные в истории письменной европейской международной коммуникации случаи перевода международных договоров на языковые идиомы, отличающиеся от греческого и латинского языков.

ЛИТЕРАТУРА

Гиппиус, Алексей А. 2008: Загадки Мстиславовой грамоты. In: Успенский, Фёдор Б. (ред.): *Miscellanea Slavica: сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского*. Москва, 109–129.

Ћорић, Божое 2011: *Повеља бана Кулина. Графемика. Фонетика. Морфемика*. Београд.

Мошин, Владимир А. и др. 2011: *Зборник средњовековних ћирилићких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника*. Београд.

Подтергера, Ирина А. 2021а: Германское, латинское и церковнославянское в языке и тексте Смоленской грамоты 1229 г. *Русский язык в научном освещении* 1/41, 226–276.

Подтергера, Ирина А. 2021б: Смоленская грамота 1229 года в научном освещении. In: Ладыженский, Игорь М.; Пузина, Мария А. (отв. ред.), *Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько.* Москва, 686–714.

Kapetanović, Amir 2015: Reflections of Church Slavonic – Croatian diglossia on the Baška tablet: a new contribution concerning its language and linguistic layers. *Zeitschrift für Slawistik* 60/3, 355–365.

Petrukhin, Pavel 2013: War der deutsch-russische Vertrag von 1229 das erste Dokument in mittelniederdeutscher Sprache? *Niederdeutsches Jahrbuch* 136, 7–19.

ФОРМУЛЯР ДРЕВНЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЧАСТНЫХ И ПРАВОВЫХ АКТОВ НА СТЫКЕ ЛАТИНСКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИЙ

Ирина Подтергера (Германия)
Гейдельбергский университет

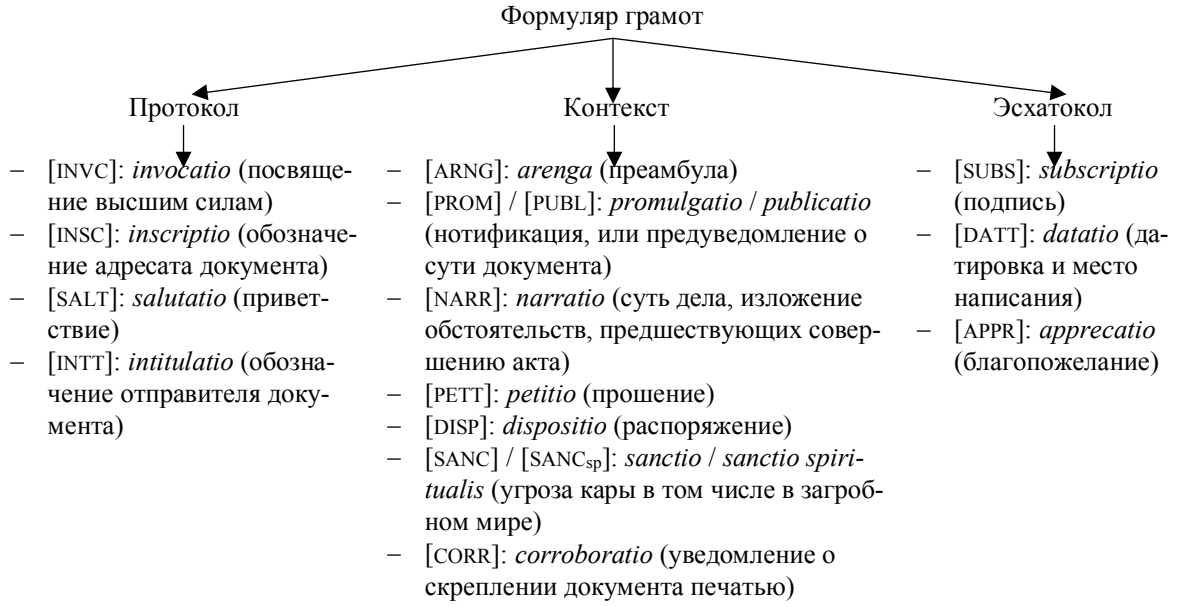
В докладе предлагается типологический анализ макро- и микроструктуры древнейших восточнославянских частных и правовых актов, оформленных как грамоты. В центре внимания находятся в первую очередь следующие тексты:

1. Договор Олега с императорами Львом VI, Александром и Константином VII (сентябрь 911 г.),
2. Договор Игоря с императорами Романом IV Лакапином, Константином VII и Стефаном (944 г.),
3. Договор Святослава с императором Иоанном I Цимисхием (971 г.),
4. Грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на рель у Волхова (1125–1137),
5. Грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи (1125–1137),
6. Мстиславова грамота (1130 г.),
7. Грамота Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю на село Витославиць и другие земли (1146–1155 г.),
8. Грамота Варлаама Хутынского (1192–1210),
9. Смоленская грамота (1229).

Грамоты 1–3 представляют собой переводы с греческого языка (Срезневский [1986]; Малингуди 1995; 1997; Максимович 2022; 2023). Грамота 9 переведена с латыни и сохранилась в нескольких вариантах (Петрухин 2012; 2013; Подтергера 2021a; 2021b). Все остальные грамоты являются оригинальными восточнославянскими текстами. Для сравнения в докладе будут, кроме того, привлекаться южнославянские грамоты: письмо болгарского купца XI в. (Gippius 2018), Башчанская плита, грамота бана Кулина и др. Это позволит установить сходства и/или различия восточно- и южнославянского формуляров.

Цель анализа – двоякая: с одной стороны, на языковом уровне выявить связь с традициями латинской и византийской дипломатики и показать влияние этих традиций на формирование формульного языка древневосточнославянской письменности; с другой стороны, объяснить в новом свете особенности использования в рамках одного текста книжных и некнижных, восходящих к вернакулярным, форм языка.

Под макроструктурой грамот мы понимаем их формуляр, т. е. их трехчастную структуру, подразделяющуюся на дальнейшие компоненты (Каштанов 2014; Чиркова 2019: 27–32; Vogtherr 2017: 77–91). Для наглядности мы представим обобщенную версию формуляра в виде схемы и присвоим всем компонентам аббревиатуры:



Мы исходим из того, что большинство из компонентов формуляра представляют собой самостоятельные *речевые акты* (например, INVC, SALT, PROM, PETT, SANC, CORR, APPR). Данный аспект до сих недооценивался в историко-языковых исследованиях. С точки зрения истории языка вызывает интерес языковое оформление этих актов и изменения в выборе языковых средств в зависимости от традиции, которой следует книжник. Речь идет о стереотипных выражениях, которые древневосточнославянские писцы переносили в свои тексты по образцам византийских и западноевропейских (латинских) документов.

Формульный характер композиции и языка грамот вслед за Н. Дурново (1969: 94–94) подчеркивал М. Мозер:

> Rechtsdokumente haben eigene sprachliche Gesetze. Sowohl die Komposition der Texte als auch die in ihnen verwendeten sprachlichen Mittel zeichnen sich hierbei durch ein hohes Maß an Konstanz aus. Die Sprache der Geschäftsdokumente von Beginn des Schrifttums bis zur Petrinischen Epoche und darüber hinaus weist v. a. dieses wesentliche Merkmal auf: Es ist die Formelhaftigkeit des Dokuments, die Etikette, die die Struktur der Geschäftstexte wesentlich kennzeichnet: Die Sprache der Urkunden, Erlässe und Verträge ist durch eine starre Etikette geprägt, die grundlegende Veränderungen in der Textstruktur nur schwer zuläßt. Dadurch wirken die Dokumente wie ausgefüllte Formulare (herv. original). Diese Formeln sind wichtig für die Verbindlichkeit und Rechtskräftigkeit des Dokuments. (Moser, 119).

> Правовые документы имеют собственные языковые законы. Как структура текстов, так и используемые в них языковые средства отличаются высокой степенью постоянства. Языку деловых документов от начала письменности до петровской эпохи и в последующее время свойственна в первую очередь одна существенная черта: именно формульный характер документа, его шаблонность, характеризует структуру деловых текстов. Язык актов, указов и договоров несет на себе печать строгого шаблона, затрудняющего внесение принципиальных изменений в структуру текста. Из-за этого документы производят впечатление заполненных формуляров. Эти формулы (языковые клише) важны для того, чтобы подчеркнуть обязующий характер и юридическую силу документа.

Шаблонность, формульность текста проявлялась как на уровне его макроструктуры, так и на уровне микроструктуры. Компоненты формуляра грамот (макроуровень) включали множество готовых устойчивых выражений (микроуровень). Например, приветствие (SALT) могло содержать отсылку к вечности (*formula perpetuitatis*) (Чиркова 2019: 29). Интитуляция (INTT) могла сопровождаться так называемой *Devotionsformel*, т. е. формулой *Gratia-Dei*, „милостию Божиею“ (Каштанов 2014: 198; Vogtherr 2017: 79), или формулами благочестия и смирения: *formulae pietatis, humilitatis* (Чиркова 2019: 28). Диспозиция в ряде случаев содержала перечисление владений, *enumeratio bonorum* (Vogtherr 2017: 80; Чиркова 2019: 54), и т. д.

Как уже отмечено выше, все эти формулы, характерные как для византийских, так и для латинских правовых актов, переносились в славянские документы. До сих пор они в первую очередь привлекали внимание историков и описывались в пособиях по вспомогательным историческим дисциплинам, например, во введениях в дипломатику (Каштанов 2014; Чиркова 2019: 27–32; Vogtherr 2017: 77–91). Комплексное лингвистическое исследование формульного языка в этих текстах все еще не было предложено. Однако именно оно позволит показать связи восточнославянской вернакулярной письменности с общеевропейскими тенденциями развития письменных языков.

Кроме того, лингвистический анализ поможет объяснить смену кода (*code switching*) в грамотах, а именно переход от книжного (церковнославянского) к некнижному, вернакулярному языку. В докладе выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой смена кода происходит при смене речевого акта, обусловленной формульной макроструктурой документа, а именно наличием компонентов с разной прагматической функцией. Каждый из этих компонентов требует или допускает набор определенных языковых средств. Так, например, INVC и SANC пишутся преимущественно по-церковнославянски, тогда как NARR, PETT или DISP включают прежде всего вернакулярные выражения.

ЛИТЕРАТУРА

Дурново, Николай Н. 1969: *Введение в историю русского языка*. Москва.

Каштанов, Сергей М. 2014: *Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси*. Москва.

Максимович, Кирилл А. 2022: Договоры Руси с Византией X в.: проблемы датировки, языка и традиции текста. In: Грацианский, Михаил В.; Карпов, Сергей П. (ред.): *Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIV Международному Конгрессу византинистов*. Санкт-Петербург, 165–201.

Максимович, Кирилл А. 2023: Договоры Руси с Византией X в. в свете данных византийского „Морского закона“. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 94/4, 7–21.

Малингуди, Янна 1995: Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики. *Византийский временник* 56, 68–91.

Малингуди, Янна 1997: Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. *Византийский временник* 57, 58–87.

Петрухин, Павел В. 2012. К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. In: Воейкова, Мария Д. (отв. ред.): *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*. Москва 477–488.

Петрухин, Павел В. 2013: О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом. *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013)*, 161–178.

Подтергера, Ирина А. 2021a: Смоленская грамота 1229 года в научном освещении. In: Ладыженский, Игорь М.; Пузина, Мария А. (отв. ред.): *Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*. Москва, 686–714.

Срезневский, Измаил И. [1986]: Договоры с греками. In: Срезневский, Измаил И. *Русское слово. Избранные труды*. Москва, 15–44 (1-е изд. 1852).

Чиркова, Александра В. 2019: *Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени*. Санкт-Петербург.

Gippius, Aleksei 2018: Brief eines bulgarischen Geschäftsmannes aus dem 11. Jahrhundert. In: Schorta, Regula; Brandt, Michael (Hrsg.): *Der Hochaltar des Hildesheimer Domes und sein Reliquienschatz*. Bd. 1: Saskia Roth. *Der Ort und seine Geschichte* (= Quellen und Studien zur Geschichte und Kunst im Bistum Hildesheim 13). Regensburg, 173–181.

Moser, Mihael 1997: Formelhaftes in der russischen Geschäftssprache bis zu Peter dem Großen (Urkunden, Briefe, Publizistik). *Österreichische Osthefte* 39/1, 119–144.

Vogtherr, Thomas 2017: *Einführung in die Urkundenlehre*. Stuttgart. 2. Aufl.

КНИЖНЫЕ И НАРОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ И ИХ ФУНКЦИЯ

ЭЛИАС МОНСЕФ БУНАТИРУ (АВСТРИЯ)
Венский университет

Цель настоящего исследования – продемонстрировать, что при анализе берестяных грамот и древних славянских текстов в целом следует принимать во внимание их языковую генетическую гетерогенность. В частности, речь идёт о варьировании южнославянских элементов, которые принято расценивать как типично книжные, и разнообразных диалектных восточнославянских компонентов текста.

Предлагаемый доклад, таким образом, направлен на то, чтобы подчеркнуть значимость данной гетерогенности как характерной черты языкового узуса пишущих. В этом контексте мы в определённой мере возвращаемся к проблематике, рассматривавшейся нами уже ранее при изучении более поздних текстов по сравнению с новгородскими берестяными грамотами, на которых преимущественно сосредоточено данное исследование (Бунатиру 2021).

Варьирование генетически разнородных элементов иллюстрирует, например, следующий текст и подчеркнутые в нем выборочные примеры (берестяная грамота процитирована полностью):

(1)покланѧние w̃ ефрѣма къ братоу моемоу исоухиѣ
не распрашавъ розгнѣваса мене игоумене не поустиле а ѧ прашалъса нъ посълалъ съ
асафъмь къ посадьникоу медоу дѣла а пришьла есвѣ оли звонили а чемоу са гнѣваеши
а ѧ вьсьгда оу тебе а соромъ ми оже лихо
мълвлѧше и покланѧю ти са братьче мои
о си хота мълви тъı еси мои а ѧ твои ДНД[2] № 605 (80-х гг. XI – 1 треть XII в.)

В цитате (1) обращает на себя внимание, в частности, варьирование словоформ с префиксальным рас- и с роз-, т. е. использование южнославянского, типично книжного, рефлекса сочетания типа **ărt* одновременно с его восточнославянским эквивалентом. Более того, далее в тексте употребляется восточнославянский рефлекс сочетания **tărt* (ср. соромъ). Чередование элементов наддиалектного восточнославянского или южнославянского происхождения, с одной стороны, и их диалектных новгородских эквивалентов, с другой, проявляется в одновременном употреблении форм на -ъ и -е в именительном падеже единственного числа мужского рода (включая формы *l*-причастия). Явно регионального, новгородского, происхождения также дательный падеж единственного числа исоухиѣ. Однозначно восточнославянского происхождения

лексема оли с типичным о- в анлауте вместо е-. Лингвистический комментарий в издании ДНД[2] (стр. 271) содержит следующее замечание относительно всех вышеупомянутых новгородизмов: «Вероятно, сам автор должен был рассматривать эти случаи как погрешности против принятого им <книжного> стиля».

Примечательная генетическая гетерогенность встречается также в тексте следующей берестяной грамоты:

(2)грамота· w̄ жирочька и w̄ тѣшька
къ в[ъ]дъвиноу· млви шильцеви· цемоу пошибаеши свиньѣ цюжѣ· а п[ъ]несла нъ[ꙁ]дрька· а еси посоромилъ коньць въхъ людинь· со оного по҃оу
грамата· про къни же та бъ҃е оже еси тако сътворилъ·НГБ XII № 954 (1 половина – 3 четверть XII в.)

Выборочно выделенные формы в цитате (2) иллюстрируют одновременное использование наддиалектных восточнославянских языковых признаков и признаков новгородского диалекта. Так, рядом с наддиалектными формами *l*-причастия на -ъ наблюдаются примеры цоканья (цемоу, цюжѣ), а также словоформа с отсутствием эффекта третьей палатализации (въхъ). Диалектные новгородские признаки в комментарии к грамоте, очевидно, расцениваются как ошибки в использовании официального языка, то есть наддиалектного восточнославянского идиома без южнославянских элементов и новгородских диалектизмов (ср. также описание языковой ситуации в Новгороде ДНД²: 5–6). Форма въхъ сопровождается следующими пояснениями: «Примечательно, что этой диалектной древненовгородской формы (как и формы *млви*) автор не сумел избежать, хотя он явно старался писать официальным языком: это видно из того, что он употребляет наддиалектное окончание -ъ, а не новгородское *-е* в *посоромилъ* и *сътворилъ*» (НГБ XII: 51).

Сходным образом В. М. Живов (2017, т. I: 309) рассматривает диалектные формы типа въдале в официальных документах и церковных книгах как «отступления от нормы».

В то же время генетическая вариативность южнославянских и восточнославянских элементов хорошо засвидетельствована в книжных текстах, то есть текстах, принадлежащих сакральной сфере (ср., например, Живов 2017, т. I: 245–246). Достаточно указать на периодически проявляющиеся формы с цоканьем в древнейших служебных минеях наряду, конечно же, с преобладающими рефлексами без цоканья (см. Крысько 1999: 231, сноска 1; Ягич 1886: XLIII). О том, что генетически восточнославянские формы достаточно широко представлены в церковной

письменности, свидетельствует, в частности, обзор А. И. Соболевского «Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ» (1907: 34–38; ср. там же о примерах цоканья в церковных текстах из Новгорода, а также Пскова).

Варьирование генетически разнородных элементов, наблюдаемое в цитате (1), не является редким исключением. На этом фоне представляется обоснованным вывод, противоположный распространённой в современных исследованиях трактовке данного феномена. Употребление генетически разнородных элементов свидетельствует о том, что рассматриваемая гетерогенность в текстах не обязательно воспринималась как ошибка. Напротив, сам узус, согласно нашему объяснению, указывает на то, что описываемое варьирование воспринималось как допустимое – как *aptum*, то есть уместное и соответствующее конкретному коммуникативному контексту.

Данная трактовка генетической разнородности текстов, подобных примеру (1), близка тому, как В. М. Живов (2017, т. I: 235–236) понимал так называемый «гибридный регистр». Текстам, написанным в этом регистре, свойственно, что отдельные формы, используемые непоследовательно, функционируют как сигналы книжного характера идиома. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в концепции В. М. Живова берестяные грамоты с книжными признаками не включаются в корпус гибридных текстов (ср. 2017, т. I: 212, 302). Напротив, они – наряду с «небольшим эпиграфическим материалом» – выделяются в особую категорию «ненормализованных» текстов, противопоставленных остальному корпусу древней восточнославянской письменности, состоящему из текстов «нормализованных».

Кроме того, гетерогенность языковых элементов в примере (2) позволяет заключить, что генетические критерии недостаточно полно объясняют выбор языковых средств, в том числе и в текстах с явными некнижными признаками. В этой связи следует отметить, что, согласно Й. Схакену (2011: 357–358), в берестяных грамотах с некнижными текстами нередко затруднительно социолингвистически объяснить одновременное употребление наддиалектных и диалектных элементов. В таком случае также можно предположить наличие узуса, который допускал употребление генетически разнородных элементов (о таких некнижных текстах см. Живов 2017, т. I: 309, 313).

На основе вышеизложенного можно сделать следующие обобщения. Во-первых, представляется обоснованным тезис о том, что использование генетически разнородных элементов является характерной чертой как книжного, так и некнижного узуса, включая тексты на бересте. Тем самым концепт гибридности, предложенный

В. М. Живовым, в определённой мере распространяется на весь корпус текстов восточнославянской исторической письменности, т. е. на письменную традицию вплоть до первых более устойчивых попыток языкового нормирования у восточных славян в XVI веке, выразившихся в создании грамматик и словарей (см. Кайперт 1984: 468).

Во-вторых, генетическую неоднородность тем самым не нужно объяснить неумением пишущего (см. выше). Сказанное соответствует аналитическому принципу, сформулированному А. А. Зализняком, что объяснять непонятный языковой феномен как ошибку является всегда самым легким, но вряд ли самым удовлетворительным решением (см. Бунатиру 2021: 42–43). В-третьих, необходимо учитывать, что языковые средства диалектного или инодиалектного происхождения – заимствованные и наиболее ожидаемые в определённом коммуникативном контексте с точки зрения современного восприятия – могли использоваться непоследовательно, а порой и окказионально, оставаясь тем не менее признаками бытового, делового, книжного и т. д. характера. Это явление иллюстрируется примером (1), а также «гибридными» книжными текстами в трактовке В. М. Живова. В пользу обоснованности данного тезиса может свидетельствовать и непоследовательное употребление наддиалектных элементов в примере (2).

Вместе с тем, способ выражения, уместный в определенном контексте, допускает также отступления от наиболее ожидаемых и подходящих для контекста языковых средств. Это, в частности, позволяет объяснить появление новгородизмов в книжных текстах, а также их использование в тех случаях, когда автор в целом стремится придерживаться «официального» языка.

Согласно предложенной концепции, язык книжных текстов, официальных некнижных документов, бытовых берестяных грамот и других письменных «жанров» не представляет собой систему чётко разграниченных языковых элементов, а, скорее, образует «скалярные противопоставления» (термин Живова). В этом контексте предлагаемая трактовка генетической гетерогенности и принципов употребления языковых средств, в отличие от концепции В. М. Живова, изначально учитывает размытость границ между упомянутыми категориями текстов – книжными, некнижными, бытовыми (берестяными) и т. п. Показательно, что сам В. М. Живов (2017, т. I: 212) впоследствии также указывает, что «мы имеем дело не с бинарными, а со скалярными противопоставлениями». Иными словами, размытость границ между разными текстовыми категориями и между сферами употребления языковых средств была повсеместным явлением и является характерной чертой всей древней

восточнославянской письменности. В связи с этим представляется маловероятным существование, например, «стандартного церковнославянского» языка, в рамках которого книжные элементы употреблялись бы строго последовательно, в противоположность «гибридному» регистру, где те же средства использовались бы непоследовательно (ср. об этих языковых разновидностях в концепции В. М. Живова 2017, т. I: 242). Как было показано выше, региональные особенности – в частности, новгородизмы – встречаются даже в богослужебных текстах. Таким образом, они появляются именно там, где, по наблюдению В. М. Живова, следовало бы ожидать последовательного употребления книжных языковых средств.

В то же время можно предположить, что у пишущих было представление о прототипических признаках языка книжных текстов, языка официальных некнижных документов, языка бытовых берестяных грамот и т. д. Так, даже не имея представлений о генетической природе языковых единиц, пишущий мог их часто «правильно» распределять в соответствии с происхождением и функцией, в частности, употреблять южнославянизмы в книжных текстах и т. д. Представление о прототипических признаках пишущие могли получить только из других текстов, или текстовых образцов (см. о текстовых образцах, в частности, Кайперт 1984: 468), поскольку, как уже было сказано, славянская грамматическая традиция и словарная традиция (в современном понимании) появляется относительно поздно.

Таким образом, применение генетических критериев для функциональной оценки языковых средств в древних славянских текстах представляется проблематичным. Генетическое варьирование в средневековых источниках следует рассматривать как характерную черту узуса как книжных, так и некнижных текстов, включая берестяные. Тем самым генетическая смешанность (или «гибридность») языковых средств, а также размытость языковых границ между типами текстов оказываются характерными для всех субкатегорий корпуса восточнославянской письменности.

Определённую параллель по отношению к языковой системе со сходной гетерогенностью языковых средств представляет, в частности, корпус средневековых текстов на еврейско-арабском языке (ср., например, Галлего Гарсиа 1999: 83–84). Высокая доля неклассических арабских форм, в том числе диалектных, воспринималась некоторыми исследователями как ошибка, то есть как результат недостаточного владения письменным стандартом – классическим арабским языком. Степень отступления от нормы могла варьироваться в зависимости от типа («жанра») текста (см. об этом феномене в произведениях Маймонида: Кан 2011). В отличие от

подобной трактовки, Галлего Гарсиа (1999: 87–88), следуя за Гари (ср. также 1997: 203–208), утверждает, что данную языковую разновидность необходимо рассматривать не как ошибочную, а скорее как самостоятельный идиом, в меньшей степени ориентированный на образец языка Корана:

> There is evidence in the characteristics discussed here of the blurred boundaries between what we in academia dub Classical, Middle or Dialectal Arabic. The most accurate explanation for this phenomenon is, in my view, the linguistic definition that B. Hary posits for Medieval or Classical JA <Judeo-Arabic> as a linguistic variety in a state of permanent multiglossia.

На основании всего сказанного можно, кроме того, заключить, что такие термины как «книжный язык» или «некнижный язык» следует еще более последовательно рассматривать как функциональные категории, как совокупность всех языковых элементов, которые уместны в тексте (сегменте текста), связанном с определенной сферой коммуникации, в частности, с сакральной или с светской.

ЛИТЕРАТУРА

Бунатиру, Элиас Монсеф 2021: Непонятный язык Курбского: новые подходы к интерпретации «аномалий» в исторических текстах. *Вестник СПбГУ. Язык и литература* 18/1, 37–55.

ДНД[2] — Зализняк, Андрей А.: *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. Москва.

Живов, Виктор М. 2017: *История языка русской письменности*. Т. I–II. Москва.

Крысько, Вадим Б. 1999: ‘Путятина Минея на май / Подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова; ред., предисловие и комм. А. Б. Страхова’. *Palaeoslavica* **6** (1998), 114–208, *Russian Linguistics* 23/2, 223–232.

НГБ XII — Янин, Валентин Л.; Зализняк, Анатолий А.; Гиппиус, Алексей А.: *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. Т. XII. Москва.

Соболевский, Алексей И. 1907: *Лекции по истории русского языка*, 4-е изд. Москва.

Gallego García, María Ángeles 1999: Multiglossia and phonetics in a mediaval Judeo-Arabic work. *Estudios de dialectología norteafricana y andalusí* 4, 83–88.

Hary, Benjamin H. 1997: On Later and Modern Egyptian Judeo-Arabic. In: Afsaruddin, Asma; Zahniser, A. H. Mathias (eds.), *Humanism, culture, and language in the Near East: Studies in honor of Georg Krotkoff*. Winona Lake, Indiana, 199–224.

Keipert, Helmut 1984: Geschichte der russischen Literatursprache. In: Jachnow, Helmut (Hrsg.) u. a.: *Handbuch des Russisten. Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen* (= Slavistische Studienbücher, Neue Folge 2). Wiesbaden, 444–481.

Khan, Geoffrey 2011, Judaeo-Arabic, Lutz Edzard; Rudolf Erik de Jong: *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics Online*, <https://referenceworks-brill-com.uaccess.univie.ac.at/display/entries/EALO/EALL-COM-vol2-0067.xml> (дата обращения: 18.04.2025).

Schaeken, Jos 2011: Sociolinguistic variation in Novgorod birchbark documents: the case of no. 907 and other letters. *Russian linguistics* 35, 351–359.

ДРЕВНЕЙШИЕ НАДПИСИ РУСИ. МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

САВВА МИХЕЕВ (ГЕРМАНИЯ)
Гейдельбергский университет

Доклад будет посвящен надписям и псевдонадписям, которые разные исследователи относили к разряду свидетельств о существовании восточнославянских письменных практик в X – середине XI в. Это и такие надписи, которые недостаточно доказательно назывались восточнославянскими, и надписи, для которых в литературе даются неверные, слишком ранние, датировки, и мнимые памятники эпиграфики, которые на поверку не содержат никаких букв.

Критическое отношение к некоторым интересующим меня памятникам уже высказывалось в науке. Так, кириллический характер и восточнославянское происхождение Гнездовской надписи на амфоре X в. уже не раз подвергались сомнению (см. Медынцева 2000: 21–31; Нефедов 2001; Гиппиус 2004: 185). Ф. Андрощук показал, что надписи, прочитанные А. Н. Кирпичниковым на клинках двух мечей X – нач. XI в. («Людота коваль» и «слав»), в реальности отсутствуют (Androshchuk 2003: 24–25). Сомневались исследователи и в неожиданно ранних датировках новгородских деревянных замков-цилиндров, часть из которых несут на себе надписи (см. Гиппиус 2004: 186–187), разбирались и надписи-граффити Софии Киевской, фантастически датированные их издателями временем до ее постройки (см. Виноградов, Михеев 2012).

Кроме обзора вышеперечисленных памятников в докладе будут разобраны утверждения о наличии восточнославянских языковых особенностей в тексте свинцового амулета X в. из села Одырцы в Добричской области Болгарии (Соболев 2003: 138), будут рассмотрены знаки на пряслице X в. из раскопок Рюрикова Городища под Новгородом (Носов, Рождественская 1987), а также будет дан критический разбор традиционно датировавшейся 1040-ми гг. надписи на Преградненском кресте из Ставропольского края (Кузнецов, Медынцева 1975).

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов, Андрей Ю.; Михеев, Савва М. 2012: Еще раз о нескольких надписях-граффити Софии Киевской: Разбор чтений В. В. Корниенко и Н. Н. Никитенко. In: *Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 года* (= Труды Государственного Эрмитажа LXV). Санкт-Петербург, 326–329.

Гиппиус, Алексей А. 2004: Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: S. Franklin. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002). *Русский язык в научном освещении* 1 (7), 171–194.

Кузнецов, Владимир А.; Медынцева, Альбина А. 1975: Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе, *Краткие сообщения [Института археологии]*, 144, 11–17.
Медынцева, Альбина А. 2000: *Грамотность в Древней Руси: По материалам эпиграфики X – первой половины XIII века*. Москва.
Нефёдов, Василий С. 2001: Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнёздова. *Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника* (= Труды Государственного Исторического музея 124). Москва, 64–67.
Носов, Евгений Н.; Рождественская, Татьяна В. 1987: Буквенные знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» Городища (Вопросы интерпретации). *Вспомогательные исторические дисциплины* XVIII, 45–55.
Соболев, Андрей Н. 2003: Новгородская псалтырь XI века и ее антиграф. *Вопросы языкознания* 3, 113–142.

Androshchuk, Fedir 2003: The Ljudota Sword? (An Episode of Contacts Between Britain and Scandinavia in the Late Viking Age). *Ruthenica* II, 15–25.

Доклад подготовлен в рамках проекта Фонда Фритца Тюссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) *Glagolitic in Rus': An Interdisciplinary Study of East Slavic Biscriptality*.

ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА НА РУСИ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЭПИГРАФИКА В ВИЗАНТИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Андрей Виноградов

В докладе представлен критический обзор языковых и культурных контактов в древнерусской эпиграфике. На Руси, несмотря на большое количество печатей на греческом языке, практически нет греческих лапидарных надписей, что, впрочем, отчасти объясняется скудостью лапидарной эпиграфики на Руси вообще. Греческие граффити в домонгольской Руси за пределами Святой Софии Киевской мало изучены. Особенно интересны среди них те, которые отличаются от стандартных формул библейскими цитатами и даже новыми молитвами.

Очень важная тема — это способы взаимодействия между греческой и кириллической эпиграфической традициями, которые можно свести к 4 основным: транскрипция, дублирование, дополнение и подражание. В этом отношении интересны граффити, где греческий текст написан восточным славянином, причем иногда даже кириллицей (подобные явления известны и в Болгарии).

Важный аспект сравнительного изучения восточнославянской и греческой эпиграфики на Руси — византийское происхождение наиболее часто встречающихся кириллических формул, вероятно, частично заимствованных через южных славян, причём особенно интересны случаи заимствования редких формул. Так, киевское граффити из храма Святой Софии воспроизводит формулу из византийских надписей об освящении церквей. Другим примером может служить надпись на плинфе XII века из Гродно, которая восходит к греческой традиции, отразившейся как в эпиграфике, так и в «Сказании о Великой церкви», и которая была также воспроизведена по-гречески над апсидой Святой Софии Киевской.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ В ЦЕНТРАЛЬНО-, СЕВЕРНО- И ЮЖНОЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Тимофей В. Гимон, Алексей С. Щавелев

Появление и этапы становления древнерусской летописной традиции (летописи как устойчивого жанра с определенными структурно-содержательными признаками) в сравнении с другими памятниками историописания и историко-ориентированной литературы (например, агиографии как истории деяний святых) рассматривались чаще всего в трех аспектах. Во-первых, в аспекте поиска источников отдельных фрагментов летописного нарратива, включая отражения в летописях «бродячих сюжетов» и устойчивых мотивов. Во-вторых, для поиска возможного внешнего историографического образца, по которому могли быть созданы первые летописные памятники Руси. И, в-третьих, для идентификации типологически близких форм организации текста и принципов описания истории в других средневековых постантичных христианских историографиях.

Первое направление – отдельная обширная и продуктивная тема исследований. Здесь были достигнуты наиболее убедительные результаты, показывающие широкие литературные связи первых летописцев. Раннее древнерусское летописание, прежде всего «Повесть временных лет» (ПВЛ), включает в себя фрагменты, которые находят аналогии разной степени близости в византийской, армянской, скандинавской, англо-саксонской, польской, мораво-чешской, мадьярской литературных традициях (Н. К. Никольский, Е. А. Рыдзевская, А. Стендер-Петерсен, В. А. Арутюнова-Фиданян, Е. А. Мельникова, Ф. Б. Успенский и А. С. Щавелев и др.). Здесь нужно разделить случаи прямого заимствования переведенных на церковнославянский фрагментов, прежде всего из византийской и болгарской литературы; случаи переработки иноязычных заимствованных сюжетов и мотивов (прежде всего из византийской и скандинавской литературы) и случаи нахождения параллельных текстов, восходящие к общему источнику (наиболее убедительные примеры найдены в англо-саксонском, континентальном саксонском, скандинавских и армянском текстах).

Второе направление – наиболее спорное и, кажется, не давшее пока убедительных результатов. В качестве формативного структурно-содержательного образца древнерусского раннего летописания предлагались византийская историография (П. М. Строев, Н. А. Добролюбов, Ф. А. Терновский, отчасти В. С. Ключевский, В. М. Истрин, А. П. Толочко), гипотетическое «западнославянское» или «мораво-чешское»

историографическое сочинение (Н. К. Никольский), грузинская хроника (Г. И. Садзаглишвили), гипотетическая болгарская летопись или хронограф (А. А. Шахматов, Э. Г. Зыков), древнееврейская литература (Г. М. Барац), скандинавские саги (О. И. Сенковский, А. И. Лященко, А. Стендер-Петерсен, Д. М. Володихин). Также предполагалось влияние центральноевропейской анналистики (А. А. Гиппиус, хотя о возможности такового исследователи чаще отзываются скептически – А. В. Назаренко и А. П. Толочко). Однако во всех перечисленных случаях, наряду с вполне убедительными частными параллелями и сопоставлениями с летописными известиями отдельных действительно структурно-содержательно похожих фрагментов, полностью принять ни одну из этих концепций о решающей роли той или иной из этих исторических литератур в генезисе древнерусского летописания нельзя. Напрашивается вывод, что, несмотря на несомненные внешние влияния, летописание (по крайней мере, в его сложившейся, зрелой форме, каковая отразилась в реально дошедших до нас рукописях) является эндогенным феноменом древнерусской культуры (М. И. Сухомлинов).

Третье направление представляется нам наиболее методологически-корректным и перспективным. Поэтому особое внимание мы уделим рассмотрению раннего древнерусского летописания с точки зрения выявления его ключевых структурных особенностей и поиска памятников историографии пост-античных христианских традиций, которые бы имели аналогичные признаки (см. уже предпринимавшиеся опыты такого сравнения в работах М. И. Сухомлинова, А. И. Маркевича, М. А. Алпатова, В. Н. Топорова, Е. А. Мельниковой, С. С. Аверинцева, А. А. Гиппиуса, Т. В. Гимона, А. С. Щавелева и др.).

Наверное, главная особенность древнерусского летописания – жесткая направляющая хронологическая сетка в сочетании с обширными детализированными повествованиями. В целом, в византийском, армяно-грузинском, «франкском» (каролингском и пост-каролингском), польском, мадьярском и древнескандинавском средневековом историописании преобладают тексты, в которых изложение ведется в рамках развития отдельных рассказов о деяниях (сюжетная хронология) или по относительной хронологии (событийной, генеалогической, регулярной смены правителей и др.). В древнерусской традиции этот формат историописания, напротив, является исключением: из крупных памятников старше XVI в. это только гипотетически восстанавливаемое Древнейшее сказание середины XI в. и Галицко-волынская летопись XIII в. Классическая же древнерусская летопись (ПВЛ со всеми ее

продолжениями) сочетает жесткую погодную сетку (как в анналах) с развернутыми сюжетными рассказами о деяниях сменяющихся поколений правителей и аристократов.

Зададимся вопросом: какие еще тексты в средневековом христианском историописании построены по такому же принципу: погодная сетка в сочетании с цельностью и нарративностью? В византийской литературе близкую, хотя и не полную, структурную аналогию представляют «Хронографии» Георгия Синкелла и Феофана (Исака) Исповедника начала IX века. «Хронография» Феофана стала знаковой точкой отсчета в традиции византийской историографии (У. Тредгольд), однако этот опыт строго погодного изложения истории практически не имел прямого продолжения. «Хроника» Георгия Синкелла была переведена на славянский язык, и именно она могла стать образцом, в плане формы, для древнерусских летописцев (кратко такую мысль высказывал В. М. Истрин). Впрочем, нельзя исключать некоторого синтеза западных (погодная структура) и византийских (развернутые повествования с отдельными вкраплениями годовых и точных датировок) влияний, а кроме того – погодная форма изложения в принципе является достаточно универсальной моделью, независимо зарождавшейся в самых разных архаических культурах.

Указанная гибридная форма изложения (жесткая погодная структура в сочетании с цельностью и пространностью нарратива) не является полностью уникальной и для молодых славянских государств. Самой близкой аналогией ПВЛ является чешская Хроника Козьмы Пражского (ок. 1119–1125 гг.), которая, как и ПВЛ, имела анналистические продолжения. Вопрос о прямом взаимовлиянии древнерусской и чешской историописных традиций вряд ли может быть разрешен (учитывая хронологию, скорее следовало бы предполагать древнерусское влияние на чешское историописание, а не наоборот), но типологическое сопоставление здесь, несомненно, уместно (А. С. Щавелев, Й. Комендова).

Не была подобная форма историописания полностью чужда и Западной Европе. Развитая традиция развернутого, но при этом анналистического историописания сложилась в VIII–IX вв. в государстве франков («Анналы королевства франков», Западно-франкское продолжение франкских королевских анналов и др.). В оттоновской историографии такого рода образец дает Хроника Региона Прюмского и его продолжателя Адальберта из Магдебурга (закончена после 973 г.). Типологически весьма близка древнерусским летописям Англо-Саксонская хроника (группа взаимосвязанных летописных памятников конца IX – начала XII в.), а также связанная с ней Хроника Иоанна Вустерского начала XII в. Английское историописание дает

интересные примеры перетекания (в обе стороны и неоднократно) текстов между памятниками с погодной структурой и без таковой (труды Беды Достопочтенного, Этельвеарда, Эадмера и др. vs. Англо-Саксонская хроника и Хроника Иоанна Вустерского).

Список памятников исторической мысли такого формата можно, конечно, продолжить, однако, наверное, пока сложно выявить какие-то общие закономерности в причинах и обстоятельствах их появления. Все они, так или иначе, являются попыткой вписать «национальную историю» «нового христианского народа» (ромеев, франков, англов, руси, чехов и др.) в хронотоп глобальной христианской мировой истории. Краткие погодные анналы не могли отразить сущностно-идеологические аспекты, историософию и политическую теологию новых христианских государств и населявших их народов (Х. Вольфрам), а сугубо сюжетно-ориентированные хроники не давали возможности следить за течением времени провиденциальной христианской истории «большой длительности». Поэтому, видимо, и происходил синтез двух наиболее распространенных форм фиксации исторических событий. Кроме того, не исключено, что в ряде случаев такая форма возникала из необходимости «вписать» устную мифоэпическую традицию элиты христианского раннего государства, которая состояла из развернутых рассказов о деяниях «славных предков», в христианскую погодную хронологию.

BLOC 1.17

LEXICOGRAPHIE ÉTYMOLOGIQUE DES LANGUES SLAVES AU XXIE SIECLE : TRADITIONS ET INNOVATIONS / СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ 21 ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Organisateur : NIKOLAÏ ANTROPOV

Николай Антропов Славянская этимологическая лексикография в свете новых идей и методологических подходов 1

Piotr Sobotka "Słownik prasłowiański" przejście od wersji drukowanej do wersji cyfrowej 8

Христина Дейкова «Български етимологичен речник» – специфика, проблеми, перспективи 13

Ľubor Králik Some considerations on the relationship between etymology and lexicography: Etymology and the «Dictionary of slovak dialects» 18

Снежана Петровић, Марија Вучковић Лексикографска обрада калкова у "Приручном етимолошком речнику српског језика" 21

Jadwiga Waniakowa O związkach etymologii z etnolingwistyką na przykładzie gwarowych nazw roślin 28

СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ИДЕЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Николай Антропов

1. Совершенно естественной представляется необходимость обсуждения проблем славянской этимологии за определённый (но достаточно существенный) период времени, и обсуждение такого рода особенно актуализируется как раз на съездах славистов в рамках тематического блока Этимологической комиссии.

1.1. Последнее по времени подобное заседание с темой «Аспекты этимологических исследований» под председательством А. Ломы, на котором с докладами выступили Т. Тодоров (Болгария), А. Шивиц-Дулар (Словения), М. Белетич и Я. Влаич-Попович (Сербия), Л. Кралик (Словакия), состоялось в сентябре 2008 года во время проведения XIV (Охридского) съезда славистов[1].

2. За прошедшие 17 лет после этого памятного его участникам научного форума славянская этимология успешно развивалась: публиковались монографии и статьи, защищались квалификационные работы, проводились специализированные конференции, но главное – продолжалась заложенная основателями научной этимологии, начиная с Ф. Миклошича, словарная интерпретация лексики славянских языков.

Современная славянская этимологическая лексикография органично впитала в себя исключительные по общеславистической значимости достижения предыдущих периодов развития этимологии. Именно следование традициям и методологическим принципам исследования происхождения славянской лексики обусловили поступательное движение словарной этимологии от простого определения родства слов на корневом уровне до установления точных лексико-словообразовательных и лексико-семантических соответствий в славянских языках с необходимыми экскурсами в индоевропейское прошлое. Вместе с тем более глубокое пониманием системы праславянского языка и стадиальных состояний отдельных славянских языков, существенное расширение материальной базы исследований, совершенствование методики этимологического анализа на основе достижений в области исторической грамматики, словообразования, семантики, лингвистической географии, ларингальной

[1] В дискуссии приняли участие Э. Гавлова (Чехия), Ж. Варбот, Л. Куркина (Россия), Г. Цыхун (Беларусь), В. Борысь, В. Смочиньски (Польша).

теории и т. д. естественно проявились за прошедшие почти двадцать лет как в завершенных, выходящих обновленными изданиями, продолжающихся этимологических словарях (далее ЭС), так и в создающихся новых.

3. В 2008–2025 гг. значительное количество словарей было завершено (некоторые из них целиком подготовлены и опубликованы в этот период), работа над рядом словарей продолжалась, ещё некоторые лексикографические проекты начаты.

В нижеследующем кратком перечислении[2] не могли быть учтены этимологические словарные подборки в монографиях и статьях, учебные и научно-популярные ЭС, а также ряд историко-этимологических словарей (далее ИЭС), в которых этимологическая часть представлена по преимуществу (или даже исключительно) словообразовательными апелляциями, отсылками (часто без каких-либо комментариев) к лексическим единицам, языкам и/или словарям[3].

3.1. *Законченные* издания в более чем двух томах/выпусках (7 словарей): 1) украинский язык (ЕСУМ[4]: 1-6[5], 1982–2012); 2) старославянский (ESJSt: 1-21, 1989–2021); 3) кашубский (SEK: I-VI, 1994–2010; W. Boryś, H. Popowska-Taborska); 4) русский (a. МЭССРГ: [1-5], 1995–2009; А. С. Герд; b. RED: 1-4, 2007–2011; V. Orel); 5) польский (ESJP: I-II, ESMP: III.1 (R)[6], 2000–2014; A. Bańkowski); 6) праславянский (НПА: I-VII, 2008–2022; В. П. Шульгач[7]).

3.2. *Законченные* издания (также значительно расширенные и переработанные переиздания, помеченные надстрочной цифрой) в одном или двух томах (15 словарей): 1) праславянский (EDSIL, 2008; R. Derksen); 2) польский (a. WSEHJP, 2008; K. Długosz-Kurczabowa; b. PSE, 2017; W. Mańczak); 3) украинский (a-b. ГБСД, 2009; ГБНД, 2013; С. О. Вербич; c. ЕСТУ, 2014; В. В. Лучик); 4) русский (a. ЭССРЯ: 1-2; 2010; А. К. Шапошников; b. РДЭС, 2019; С. А. Мызников); 5) словенский (a-b. ESSZI, 2009; SES[3], 2016; M. Snoj; c. NESSJ (Poskusni zvezek), 2013; M. Furlan); 6) сербский (ТБХ[8],

2 Автор вполне отдаёт себе отчёт в возможной (или даже очевидной) неполноте этого обзора.

[3] См., в частности, новейший: Гісторыка-этымалагічны слоўнік іншамоўнай лексікі ў старабеларускай мове. Мінск, 2025.

[4] Авторы и редакторы коллективных словарей не приводятся.

[5] Продолжается работа над томом указателей: словарь заявлен «у семи томах».

[6] Вполне вероятно, что этот первый выпуск третьего тома окажется и последним.

[7] Авторские «Нариси з праслов'янської антропонімії» хотя и не являются ЭС в традиционном смысле, всё-таки могут быть осмыслены в основных частях выпусков как словарь гнездового характера.

[8] Основная часть монографии А. Ломы «Топонимија Бањске хрисовуље» (Београд, 2013) является фактически этимологическим словарём старосербской топонимии.

2013; A. Лома); 7) словацкий (SESS, 2015; Ľ. Králik); 8) чешский (ČES^2, 2015; J. Rejzek); 9) хорватский (ERHJ: 1-2, 2016–2021).

3.3. *Продолжающиеся* издания (8 словарей): 1) праславянский язык (a. ЭССЯ: 34-42; 2008–2021); b. SP: X-XI[9]; 2023–2024); 2) белорусский (ЭСБМ: 12-14; 2008–2017); 3) сербский (EPCJ: 3-4; 2008–2023); 4) болгарский (БЕР: 7-8; 2010–2017); 5) русский (a. ЭСРЯ: 11; 2014; b. РЭС: 2-18; 2008–2024; А. Е. Аникин; c. ИЭСРГА: 2-7; 2008–2013).

3.4. *Начатые* издания (3 словаря): 1) сербский (ПЕРСJ: 1-; 2023); 2) старочешский (ESJSČ: [1-:] C, Č, 2024); 3) македонский (МЕР: А-Б, 2023–2024; Г. Цветановски)[10].

Таким образом, в указанный период славянские этимологи работали над 33 словарями разного формата всех славянских языков, кроме верхне- и нижнелужицкого [11] . Из них праславянского и старославянского языков – 5; южнославянских – 9; западнославянских – 7; восточнославянских – 12.

4. Сравнительный анализ всех перечисленных словарей позволяет сделать некоторые выводы методологического характера.

4.1. Тенденции общего характера.

4.1.1. Совершенно очевидной стала тенденция *перехода* от словарей в нескольких (более чем в двух) томах/выпусках к одно- или двухтомным, что, кроме хорошо известной трудоёмкости исследовательского процесса этимологизации, связано также с сокращением (иногда очень существенным или даже резким) научных коллективов, объединённых как общим этимологическим проектом, так и его лидером. Создание этимологического словаря становится, таким образом, индивидуальной научной работой.

Фактически из «больших» академических пока не законченных словарей остаются оба праславянских (завершение которых, отметивших в прошлом году полувековые юбилеи с начала публикации, в классическом виде вряд ли возможно), болгарский (БЕР),

---

[9] Кроме этих томов опубликован сводный индекс источников и литературы словаря: Zintegrowany wykaz skrótów do tomów I–VIII, X, XI. Warszawa, 2023.

[10] Необходимо также упомянуть подготовленную в Любляне магистерскую диссертацию (текст на словенском языке), посвящённую этимологии македонского языка с некоторым (впрочем, очень небольшим) количеством пробных статей (они приводятся на македонском языке) в качестве примеров в отдельных параграфах работы, см.: Neškoska, E. Koncept Makedonskega etimološkega slovarja / Magistrsko delo. Ljubljana 2021.

[11] Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bd. 1-5 (Bautzen, 1989–1996) окончен автором Х. Шустер-Шевцем публикацией индексов (Registerband) славянских и балтийских лексем в качестве последнего тома.

сербский (ЕРСЈ), белорусский (ЭСБМ – с неясными перспективами окончания), русские (ЭСРЯ, завершение сомнительно; РЭС А. Е. Аникина[12]). То есть на сегодняшний день реально и близко по времени окончание только БЕР.

При этом, однако, планировавшийся ранее как однотомный новый сербский (ПЕРСЈ) научно-популярного характера, разрастается до 4 полноценных томов, о чём читатель информируется уже в начале предисловия, совершенно научной этимологии (1-й том – около 500 с.; ср. близкие по объёму, но справедливо считающиеся «полными» словари М. Фасмера, П. Скока и Ф. Безлая).

4.1.2. Столь же явственно в славянской этимологии нынешнего столетия проявилась тенденция к *специализации* исследований отдельных лексических сфер – прежде всего ономастики. Наиболее существенны здесь достижения южнославянских (два крупных словаря М. Сноя и А. Ломы) и украинских этимологов (кроме упомянутых выше словарей С. А. Вербича, В. В. Лучика и В. П. Шульгача, следует также иметь в виду целый комплект словарей историко-этимологического направления, в основном региональных, авторства А. В. Иваненко, П. П. Чучки, В. А. Яция и нек. др.).

Особый интерес этимологов к диалектной лексике, достаточно ярко проявлявшийся и ранее, но в пределах отдельных словарных статей едва ли не всех «больших» словарей (совершенно особое место она занимает в РЭС А. Е. Аникина) экстраполируется в специализированные диалектные этимологические словари; см. упомянутые выше украинские, а также русские: А. С. Герда (достаточно скромный по объёму), огромный однотомник С. А. Мызникова с подзаголовком «Лексика контактных регионов» (133 п.л., 1062 с.) и продолжающийся ИЭС русских говоров Алтая под ред. Л. И. Шелеповой.

4.1.3. Естественным ответом на требования наступившего времени глобальной компьютеризации стали *цифровизация и дигитализация* славянской этимологии. Практически все этимологические словари славянских языков за некоторыми единичными исключениями уже оцифрованы и выложены на различных платформах интернета. Более того, почти все они проведены через поисковые программы и, таким образом, могут использоваться для поиска как по отдельным томам, так и по всему пространству словаря[13].

---

[12] Возможно ли завершение этого грандиозного проекта, в котором в 18 выпусках этимологизирована русская лексика от А до З, – вопрос открытый.

[13] В последние два десятилетия эту исключительную по трудоёмкости и важности для славистических исследований работу осуществляет член ЭК проф. Е. Л. Березович (Екатеринбург).

Дигитализация продвигается менее быстро и пока реализована и доступна в двух сетевых локациях: 1) в отношении словенских SES[3] М. Сноя и NESSJ М. Фурлан – на платформе fran.si (Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU); 2) праславянского SP (X и XI тома) – на платформе ispan.waw.pl (Instytut Slawistyki PAN). В обеих локациях возможно осуществление многообразных поисковых и справочных запросов по словарям.

В Отделе ономастики и этимологии Института хорватского языка ХАНИ с начала 2024 г. началась заявленная до конца 2027 г. работа над проектом *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika – 3. faza* (руководитель – dr. sc. Dubravka Ivšić Majić), результатом которой должна стать не только дигитализация обоих томов ERHJ, но и дальнейшая работа над этимологизацией лексики хорватского языка.

4.2. Внутрисловарные традиции и новации.

4.2.1. Структура словарной статьи всех славянских ЭС достаточно консервативна, так как восходит к самым первым классическим образцам и включает в качестве обязательных элементов (однако при этом некоторые или даже большая часть могут присутствовать факультативно) следующие: 1) заголовочное слово – 2) его дериваты (как правило, правописные, исторические, диалектные) в языке словаря – 3) параллельные образования в родственных славянских языках – 4) собственно этимологию (или предположения о ней при неясности и/или вариативности объяснения; «темноте» слова) – 5) обзор и оценку ранее высказанных мнений – 6) праязыковую реконструкцию формы или гипотетический реконструируемый этимон праславянского уровня – 7) реконструкцию семантики и её дальнейшее развитие – 8) реконструкцию (формальную и семантическую) индоевропейского уровня – 9) лексический материал из индоевропейских и/или отдалённо родственных/неродственных неславянских языков – 10) ссылки на словари/литературу. Разумеется, эта общая схема может реализовываться в разного рода вариантах – полных и кратких, в зависимости от типа словаря.

4.2.2. Наиболее вариабельны позиции, связанные с охватом и представлением материала, то есть 2), 3) и 9). В п. 2) правописные варианты и исторические данные ограничены, естественно, соответствующими словарями (в основном уже опубликованными), зато лексика диалектов с существенным ростом публикаций постоянно увеличивается в объёме и, конечно, далеко не всегда может быть полноценно учтена, несмотря на столь же постоянную оцифровку источников.

Введение в словарные статьи ЭС лексических материалов родственных славянских языков, т. е. реализация п. 3), обусловлено типом словаря: в многотомных, естественно,

с максимально возможной полнотой, в том числе и диалектной лексики (хотя часто довольно скупо – в зависимости от референции источников), в одно-, двухтомных ограничивается, как правило, только лексикой общеупотребительной и/или литературной.

Лексический (индоевропейский и – значительно реже – неиндоевропейский) материал по п. 9), как правило, сводится к иллюстративной фактографии, обычно выборочной, поддерживающей и.-е. реконструкции и не является систематическим (для ЭСБМ, например, это даже принципиальное исключение).

4.2.3. Отдельного внимания заслуживает п. 8), т. е. как раз реконструктивные апелляции индоевропейского уровня. Едва ли не во всех современных ЕС они заимствуются из словаря Ю. Покорного, хотя, разумеется, не только оттуда. Пожалуй, только в хорватском ERHJ обычной практикой являются собственные реконструкции, но это, безусловно, связано с индоевропейскими интересами авторов словаря, прежде всего Р. Матасовича и Т. Пронка.

И.-е. реконструкции с опорой на ларингальную теорию в современных ЕС пока единичны, в отличие от публикаций в периодике (особенно южнославянских этимологов), и также отражают авторское видение исторического развития фонетической системы индоевропейского языка (в самом широком представлении) на разных этапах его исторического развития.

4.2.4. Наконец, ещё одна тенденция выявляется в *структурировании* словарной статьи ЭС. Обычной практикой является введение абзацев для выделения частей статьи, что почти обязательно для собственно этимологического комментария, если только он не отделяется слэшами. В старославянском ESJSt уже с первого выпуска приняты обозначения отдельных абзацев: *Der.*[ivát], *Var.*[ianta], *Komp.*[ozitum], *Exp.*[anze] и *Et.*[ymologie].

Особо стали востребованы разного рода значки – как традиционно используемые в лексикографической практике, так и оригинальные, т. е. вводимые авторами именно этого словаря для экономии при комментировании, см., например: словенский NESSJ М. Фурлан с разветвлённой и семантически нагруженной системой знаков, словацкий SESS Л. Кралика, чешский ČES^2 И. Рейзека, хорватский ERHJ или македонский МЕР Г. Цветановского. Собственно, все одно-, двухтомные словари, а также новый сербский ПЕРСЈ в той или иной мере используют системы знаков.

5. Понятно, что в рамках одного доклада невозможно подробно остановиться на каждой из кратко представленных выше позиций, которые только очертили, но,

разумеется, отнюдь не исчерпали проблематику современной славянской этимологической лексикографии, научная рефлексия которой заслуживает, безусловно, отдельного монографического исследования.

SŁOWNIK PRASŁOWIAŃSKI PRZEJŚCIE OD WERSJI DRUKOWANEJ DO WERSJI CYFROWEJ

PIOTR SOBOTKA (POLSKA)
Institut Slawistyki PAN

Słownik prasłowiański jest istotnym narzędziem w diachronicznych badaniach językoznawczych, łącząc w sobie cechy słownika etymologicznego oraz porównawczego języków słowiańskich. Jego zasadniczym celem jest odtworzenie słownictwa, którym posługiwali się przodkowie dzisiejszych Słowian, zanim ich język zaczął ewoluować w kierunku odrębnych systemów narodowych. W odróżnieniu od słowników poszczególnych języków, nie koncentruje się na żadnym z nich, lecz uwzględnia dane pochodzące ze wszystkich dialektów całej rodziny języków słowiańskich, aby na ich podstawie odtworzyć hipotetyczny stan prasłowiański.

Proces rekonstrukcji języka nie jest jednak pozbawiony trudności. Każda propozycja rekonstrukcyjna obarczona jest pewnym stopniem niepewności, wynikającym z ograniczonej liczby źródeł i konieczności posługiwania się metodami porównawczymi z uwzględnieniem podejścia opartego na danych uzyskiwanych dzięki geografii lingwistycznej, zwłaszcza dialektologii historycznej, a w niektórych wypadkach także metodami rekonstrukcji wewnętrznej. Niemniej jednak główną wartością takiego słownika nie jest tylko samo odtworzenie poszczególnych wyrazów, lecz przede wszystkim ukazanie mechanizmów językowych działających w danej epoce, tak w aspekcie formalnym, jak i semantycznym oraz funkcjonalnym. Odtwarzając dawną leksykę, językoznawcy badają, jakie procesy fonetyczne, morfonologiczne, słowotwórcze, a w pewnych wypadkach składniowe i semantyczne kształtowały prasłowiańskie słownictwo oraz w jaki sposób struktury te przetrwały lub zmieniły się w językach późniejszych.

Na poziomie fonetycznym szczególnie istotne jest ustalenie struktury segmentalnej i częściowo suprasegmentalnej prasłowiańskich wyrazów, ponieważ fonetyka często podlega regularnym i przewidywalnym zmianom w długiej perspektywie historycznej. Wiele współczesnych języków słowiańskich zachowało określone wzorce fonetyczne, które można powiązać z ich prasłowiańskim źródłem. Niemniej ważnym jednak czynnikiem w rekonstrukcji składu formalnego jednostki etymograficznej jest uwzględnienie nieregularnych zmian spowodowanych frekwencją, różnego rodzaju adideacji i procesów analogicznych. W odniesieniu do słowotwórstwa można zauważyć, że wiele modeli derywacyjnych wywodzi się bezpośrednio z czasów prasłowiańskich, a niektóre z nich zachowały swoją produktywność aż po czasy współczesne. Są to na przykład określone sufiksy i prefiksy, które do dziś pozostają

aktywne w formowaniu nowych wyrazów. Składnia ogrywa przede wszystkim pewną rolę w procesach gramatykalizacji dawnych jednostek, zwłaszcza o charakterze funkcyjnym (służebnym). Niektóre z dawnych procesów składniowych możemy odtworzyć na podstawie podobnych zmian zachodzących na gruncie poszczególnych języków słowiańskich w ich okresie piśmiennym.

Pierwszy tom *Słownika prasłowiańskiego* ukazał się w 1974 roku, a ostatnie dwa, dziesiąty i jedenasty zostały opublikowane odpowiednio w 2024 i 2023 r. Tomy od drugiego do ósmego wychodziły w latach: 1976 (tom 2), 1979 (tom 3), 1981 (tom 4), 1984 (tom 5), 1991 (tom 6), 1995 (tom 7) i 2001 (tom 8). Tom 9 wciąż czeka na publikację. Choć pierwszy tom *Słownika* został opublikowany w 1974 roku, to historia tego przedsięwzięcia sięga znacznie głębiej. Jego dzieje liczą już nie pięćdziesiąt, lecz ponad siedemdziesiąt lat. W rzeczywistości jego korzenie tkwią w inicjatywie profesora Tadeusza Lehra-Spławińskiego, który w 1954 roku, w ramach Katedry Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego, powołał do życia Pracownię Słownika Prasłowiańskiego. To wydarzenie na trwałe związało historię słownika ze środowiskiem naukowym Krakowa. Wielu krakowskich lingwistów miało istotny wkład w rozwój słownika, a jego kolejne tomy stanowiły rezultat współpracy badaczy z różnych ośrodków naukowych.

Słownik prasłowiański to dzieło zespołu wybitnych slawistów, znanych i cenionych w międzynarodowej lingwistyce. Już na wczesnym etapie prac nad nim, obok profesora Lehra-Spławińskiego, kluczową rolę odgrywał Franciszek Sławski, który później przez wiele lat, do tomu ósmego, pełnił funkcję redaktora naukowego słownika; redaktorem dwóch ostatnich tomów jest Mariola Jakubowicz. W przygotowanie tego przedsięwzięcia zaangażowani byli również językoznawcy, którzy dopiero rozpoczynali wówczas swoją karierę naukową, a dziś ich nazwiska są dobrze znane każdemu badaczowi języków słowiańskich. Do grona tych uczonych należeli między innymi Tadeusz Szymański, Kazimierz Polański, Stanisław Stachowski, Roman Laskowski oraz Wiesław Boryś.

Początkowa faza prac nad *Słownikiem prasłowiańskim* koncentrowała się na tworzeniu kartoteki haseł, w której sporządzano wstępne redakcje wpisów na podstawie dostępnych wówczas źródeł leksykalnych. Były to jednak czasy, gdy baza materiałowa była jeszcze mocno ograniczona – brakowało wielu istotnych słowników, zwłaszcza dialektalnych. Z biegiem lat, wraz z rozwojem refleksji teoretycznej w ramach etymologii, badań nad językami słowiańskimi oraz publikacją nowych słowników i korpusów językowych, pojawiła się konieczność weryfikacji wcześniej opracowanych haseł. Szczególną uwagę poświęcono analizie

terytorialnego zasięgu poszczególnych wyrazów, co wymagało uwzględnienia znacznie bogatszego materiału źródłowego.

Mimo tych trudności *Słownik prasłowiański* pozostaje jednym z najważniejszych projektów badawczych w zakresie językoznawstwa historycznego. Jego kolejne tomy stanowią nieocenione źródło wiedzy o leksyce dawnego języka Słowian i o mechanizmach ewolucji języków słowiańskich. Dzieło to nie tylko dokumentuje przeszłość, ale także inspiruje nowe pokolenia badaczy do dalszego zgłębiania tajników języka prasłowiańskiego i jego dziedzictwa we współczesnych językach słowiańskich.

Tomy od pierwszego do ósmego ukazały się wyłącznie w wersji drukowanej, natomiast tomy dziesiąty i jedenasty – w wersji drukowanej i cyfrowej (por. https://hdl.handle.net/20.500.12528/1996 i https://hdl.handle.net/20.500.12528/1975), a dodatkowo tom jedenasty w postaci elektronicznej bazy danych z możliwością jej przeszukiwania według poszczególnych haseł (por. https://praslow.ispan.edu.pl). Wersja internetowa *Słownika* ma ułatwić czytelnikom wyszukiwanie literatury, na której oparte są objaśnienia etymologiczne, przez wprowadzenie systemu odesłań od skrótów bibliograficznych do pełnej bibliografii. Umożliwia ona wyszukiwanie potrzebnych kategorii gramatycznych wyrazów przez opatrzenie poszczególnych haseł odpowiednimi kwalifikatorami. Ułatwia wyszukiwanie wyrazów przynależnych do poszczególnych modeli słowotwórczych przez umieszczenie informacji o sufiksach. Wspomaga wyszukiwanie wyrazów o danym znaczeniu prasłowiańskim przez stworzenie systemu, w którym poszczególne rekonstruowane hasła są przydzielone do ustrukturyzowanej siatki semantycznej. Umożliwia również weryfikację znaczeń poszczególnych poświadczeń przez podawanie oprócz znaczeń przetłumaczonych na język polski znaczeń w języku źródłowym. Baza słownikowa została przygotowana w wersji polskiej i angielskiej. Jego umiędzynarodowienie polega na tłumaczeniu na język angielski najważniejszych fragmentów, w tym rekonstrukcji znaczenia oraz objaśnienia etymologii.

Tom dziewiąty *Słownika prasłowiańskiego* jest na etapie przygotowywania do druku. Ukaże się on wyłącznie w wersji drukowanej. Natomiast planowane kolejne tomy, od dwunastego włącznie będą ukazywać się zarówno drukiem, jak i część słownika internetowego, do którego sukcesywnie będą włączane tomy od pierwszego do jedenastego.

Zadaniem *Elektronicznego słownika prasłowiańskiego* (eSP) będzie jak w wypadku tomów publikowanych tradycyjnymi metodami odtworzenie słownictwa prasłowiańskiego. Planowany leksykon będzie m.in. rejestrował związki formalne i treściowe łączące słownictwo słowiańskie, zwłaszcza historyczne i gwarowe, z jednostkami, które historycznie je

poprzedzają i od których to słownictwo się wywodzi. Rekonstruowana leksyka stanowi ślad dawnych procesów konceptualizacyjnych i nominacyjnych, będących nieodłącznym zjawiskiem przejawów kulturowego dziedzictwa Słowian. Badanie zatem początków języka w eSP będzie także zmierzać do odkrycia źródeł kultury związanej z tym językiem i na tym języku wyrosłej.

Głównym efektem projektu będzie elektroniczny słownik etymologiczny leksyki prasłowiańskiej w dwóch wersjach językowych – polskiej i angielskiej, na który będą się dodatkowo składały indeksy rdzeni prasłowiańskich i indoeuropejskich, indeks leksykalny, indeks afiksów prasłowiańskich z informacją o ich funkcjach, indeks w układzie a tergo oraz indeks pojęciowy opracowany na podstawie charakterystyki semantycznej lub funkcjonalnej haseł. Słownik będzie miał charakter rosnący, tzn. będą do niego włączane kolejne hasła w miarę ich opracowywania. eSP – ze względu na zastosowanie najnowszych praw i tendencji rozwojowych leksyki indoeuropejskiej – będzie zintegrowany ze słownikami etymologicznymi języków indoeuropejskich opartymi m.in. na teorii laryngalnej, co różnić go będzie od ÈSSJa (Trubačev et al. 1974–) i drukowanej wersji SP, będzie też obszerniejszy pod względem liczby haseł i materiału dokumentacyjnego niż EDSIL (Derksen 2008). eSP stanie się nowoczesnym narzędziem do przeszukiwania słów, kategorii gramatycznych, rdzeni, afiksów, pól leksykalnych, rejestrującym zmiany znaczeniowe.

Mikrostruktura haseł będzie zawierać: zrekonstruowany wyraz prasłowiański w formie podstawowej i zależnej z informacją gramatyczną, informację o zasięgu geograficznym hasła, jego warianty fonetyczne, rekonstrukcję znaczenia, część dokumentacyjną z materiałem słowiańskim i porównawczym, część opisową złożoną z objaśnienia etymologicznego wyrazu z rekonstrukcją jego etymonu, opis budowy słowotwórczej hasła, jego rodziny słowotwórczej, opis ewolucji semantycznej. Na końcu zostanie podana bibliografia w postaci skrótów zintegrowanych z wykazem literatury przedmiotu. Elektroniczna postać eSP umożliwi, czego wersja drukowana była pozbawiona, przeszukiwanie pól semantycznych, kategorii gramatycznych, rdzeni prasłowiańskich i indoeuropejskich, etymonów badanych jednostek i słowiańskiego materiału leksykalnego, haseł słownika w porządku odwróconym, bibliografii w układzie rozumowanym, jak również afiksów prasłowiańskich wraz z informacją o ich funkcji. Będzie to pod wieloma względami słownik semazjologiczno-onomazjologiczny.

Słownik prasłowiański pozostaje kluczowym narzędziem dla badań nad historią i porównawczą leksyką języków słowiańskich. Jego dalszy rozwój, przede wszystkim w postaci elektronicznej, jest niezbędny, aby uzupełnić luki w analizach etymologicznych, uwzględnić najnowsze osiągnięcia naukowe oraz dopracować rekonstrukcje językowe zgodnie z

nowoczesnymi metodologiami. Współczesna lingwistyka historyczna korzysta z coraz bardziej zaawansowanych narzędzi cyfrowych oraz interdyscyplinarnych podejść, które mogą znacząco podnieść precyzję i dostępność słownika. Ponadto, pełniejsze opracowanie *Słownika prasłowiańskiego* ma kluczowe znaczenie nie tylko dla badań nad prasłowiańszczyzną, ale także dla lepszego zrozumienia jej powiązań z językami indoeuropejskimi, co przyczynia się do rozwoju zarówno teorii lingwistycznych, jak i praktycznych zastosowań w filologii słowiańskiej. Z tych powodów kontynuacja prac nad tym dziełem jest w pełni uzasadniona i konieczna dla dalszego postępu nauki.

BIBLIOGRAPHY

Derksen, Rick. 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon* (*Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series*, t. 4). Leiden/Boston: Brill.

Jakubowicz, Mariola (red.). 2023. *Słownik prasłowiański*, t. 11. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk.

Jakubowicz, Mariola (red.). 2024. *Słownik prasłowiański*, t. 10. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 1974. *Słownik prasłowiański*, t. 1. Wrocław/Warszawa/Kraków/ Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 1976. *Słownik prasłowiański*, t. 2. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 1979. *Słownik prasłowiański*, t. 3. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 1981. *Słownik prasłowiański*, t. 4. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk/Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 1984. *Słownik prasłowiański*, t. 5. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk/Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 1991. *Słownik prasłowiański*, t. 6. Wrocław/Warszawa/Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 1995. *Słownik prasłowiański*, t. 7. Wrocław/Warszawa/Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Sławski, Franciszek (red.). 2001. *Słownik prasłowiański*, t. 8. Wrocław/Warszawa/Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Трубачев, Олег Н., Анатолий Ф. Журавлев, Жанна Ж. Варбот і Любовь В. Куркина (red.). 1974–. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*, t. 1–. Москва: Издательство „Наука”.

„БЪЛГАРСКИЯТ ЕТИМОЛОГИЧЕН РЕЧНИК“ – СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМИ, ПЕРСПЕКТИВИ

ХРИСТИНА ДЕЙКОВА (БЪЛГАРИЯ)
Българска академия на науките

Етимологичните изследвания в България от втората половина на XX век до днес са свързани основно с изработването на многотомния „Български етимологичен речник“ (по-нататък БЕР), който е единственият по рода си в България фундаментален научен проект, в рамките на който се изяснява произходът на българския речников състав от всички краища на българското езиково землище. Началото на БЕР е поставено през 50-те години на XX в., когато по инициативата и под ръководството на изтъкнатия български езиковед индоевропеист акад. Владимир Георгиев през 1952 г. е създадено специално научно звено в Института за български език при БАН, чиято основна задача е изработването на многотомен етимологичен речник на българския език. С това се слага началото на нов етап в развитието на българската етимология.[1] Вл. Георгиев обвързва бъдещите етимологични изследвания на българския език със започналото в Института за български език интензивно, подробно и задълбочено проучване на българските диалекти. Направената до онзи момент равносметка и поставените цели и задачи в областта на българската етимология предопределят характера и същността на новия етимологичен речник. „Българският етимологичен речник“ е замислен като многотомен етимологичен речник от научен, а не от популяризаторски тип, който трябва да „обясни произхода на словесното богатство на българския език“, като обхване „всички думи на нашия език, които са събрани до днес“ (БЕР 1: III).

Това начинание е амбициозно и необичайно трудно за изпълнение, защото замисленият речник би трябвало да се доближава в максимална степен до „идеала“ за етимологичен речник, определен от Кипарски през 1959 г.[2] Поставената цел предопределя и широкия обхват на речника. Според петте критерия на Кипарски в него (А) се включва книжовна и диалектна лексика от цялото българско езиково землище, коренни и производни думи, лексика от различни исторически периоди, жаргонна лексика, неологизми и т.н. (изключват се само твърде специални научни термини,

[1] Първият научен етап от развитието на българската етимология (от началото на XX век) се свързва предимно с етимологичните приноси на Димитър Матов и Стефан Младенов. Към края на този първи етап, през 1941 г., излиза първият етимологичен речник на българския език на Ст. Младенов („Етимологически и правописен речник на българския книжовен език“), който е еднотомен и включва общоупотребимата българска лексика, а предвид предназначението си има и нормативен характер (вж. Младенов 1941).
[2] Вж. по-подробно Boček 2016: 24–26).

предназначени за специални терминологични речници и за речника на чуждите думи); (Б) включва се проприална лексика с особен акцент върху интересни от езиково, културно или етногенетично гледище собствени имена; (В) проследява се историята на думите, като се привеждат засвидетелствани през различните исторически периоди лексикални единици, с особен акцент върху старобългарския период, а по отношение на заемките се сочи по възможност първата регистрация; (Г) привеждат се сродни думи както от близкородствените славянски езици с възстановяване на изходната праславянска форма, така и от останалите езикови групи от индоевропейското езиково семейство (по степен на родство) с възстановяване на общия индоевропейски корен; (Д) привеждат се всички достъпни предишни опити за етимологизуване със съответните библиографски препратки. В допълнение е включен и раздел „експанзия на думата“. С оглед на балканската езикова ситуация в края на всяка речникова статия се посочват лексикалните балканизми в другите балкански езици, а също и заемките от български в тях.

Този амбициозен замисъл предполага както събирането и подготвянето на голям изследователски колектив, така и конкретна лексикографска концепция, позволяваща единното организиране на материала и неговото разработване. Акад. Вл. Георгиев успява да събере и подготви екип от изследователи, станали известни в чужбина като учените от *Георгиевската етимологична школа*.

Характерът на БЕР и целите, които авторският колектив си поставя, предопределят и основните лексикографски параметри на труда и най-вече това, което Малкиел нарича lexicographer’s grand strategy, т.е. основната лексикографска стратегия, свързана с цялостната организация на корпуса (Malkiel 1976: 2–8). Предвид замисъла за максимален обхват на българската лексика (книжовна и диалектна) *гнездовият принцип за организиране на материала* и разполагането му в азбучен ред в БЕР е избран като най-целесъобразен. Конкретните научни цели и по-широката читателска рецепция на речника предопределят обаче и по-специфичния подход, свързан с отстъпление от стриктното спазване на гнездовия принцип (срв. отбелязаното у Малкиел the degree of nesting в рамките на четвъртия от основните параметри). Може да се каже, че с напредването на работата върху БЕР и с натрупването на все повече диалектен материал гнездовият принцип в него се съчетава с *лексемния принцип*.

До момента са издадени осем тома (до края на буквата *ф*-) в обем от общо 6620 страници.[3] Продължава работата над деветия том, като се работи върху думи с начална буква *х*- и *ц*-. Като цяло в подготвените томове на речника е застъпена в максимална степен общонародната българска лексика, както и богата диалектна лексика от цялата българска езикова територия. Хиляди диалектни думи получават за пръв път етимологично обяснение в БЕР, а тълкуването на редица други общоупотребими и диалектни думи търпи съществена ревизия, опираща се на най-новите достижения в областта на славянската, балканската и индоевропейската етимология от съответните етапи на работа върху поредните томове, както и на нови трудове в областта на историческата лексикография, диалектологията и мн. др. Един от основните резултати е *разграничаване и обособяване на славянския и балканския слой лексика в българския език като една от основните задачи на българската етимология на съвременния етап*.

Разграничаването на славянския и балканския слой лексика е свързано с решаване на различни изследователски проблеми, по-специфични от които са свързани, например, с *идентифицирането на една дума като славянска или балканска* в случаите, когато съществува възможност за етимологизуване на думата и в славянски, и в балкански контекст (вж. Дейкова 2018), със *славяно-балканската езикова интерференция,* проявяваща се на различни езикови равнища – фонетично, морфологично, словообразувателно, лексикално (вж. Deykova 2016), с *диалектната етимология*[4] и по-специално с етимологизуването на собствено диалектна лексика от славянски и балкански произход, като в случаите на балканска лексика се налага да се етимологизуват заемки, проникнали при непосредствен езиков контакт на диалектно равнище. Трудностите при етимологизуването на диалектна балканска лексика произтичат и от *множествените езикови контакти на Балканите* в резултат от многоезично взаимодействие.

---

[3] Т. I (*А–З*), С., 1971, 2007 (фототипно издание), 2012 (трето издание), т. II (*И–крепъ*), С., 1979, 2012 (второ издание), т. III (*крес^{1}–мѝнго^{1}*), С., 1986, 2012 (второ издание), т. IV (*мѝнго^{2}–пàдам*), С., 1995, 2012 (второ издание), т. V (*падѐж–пъ̀ска*), С., 1996, 1999 (допечатка), 2012 (трето издание), т. VI (*пъ̀скам–словѐр^{2}*), С., 2002, 2012 (второ издание), т. VII (*слѐво–терсѐвам*), С., 2010, 2013 (допечатка), т. VIII (*тѐсам–фѝкалка*), С., 2017. От 2017 г. електронните версии на седемте по-рано излезли тома са достъпни на интернет страницата на Института за български език в рубриката „Електронна библиотека“ – https://ibl.bas.bg/ber/ .

[4] Дефинирането на понятието *диалектна етимология* е свързано с принципната роля на диалектната лексика в съвременната славянска етимология. Терминът се прилага обикновено към два типа етимологични изследвания – при етимологизуване на собствено диалектна лексика и при привличане на диалектна лексика в рамките на етимологичния анализ на книжовни думи, на праезикови форми или на думи от родствени езици (вж. Вербот 2012а: 196). В БЕР се прилагат и двата типа диалектна етимология.

Пътищата за решаване на тези проблеми в методологичен аспект са задължителният *комплексен етимологичен анализ* – във фонетичен, словообразувателен и семантичен аспект, отчитане спецификите на диалектната етимология, свързани с особеностите на конкретните диалекти в лингвистичен и екстралингвистичен план, в т.ч. прилагане на ареалния принцип на изследване. Надеждни резултати в етимологичното проучване се постигат и чрез прилагане на *системен подход при етимологизуване на диалектни думи*[5], което обаче е приложимо най-вече в индивидуални етимологични изследвания върху материал от и за БЕР (вж. Дейкова 2016, Дейкова 2023 и др.). Като нов методологичен подход на анализ може да бъде определено и прилагането на принципите на т.нар. *контактна етимология*, дефинирана неотдавна като етимологична субдисциплина със свои методологични процедури на анализ, насочени към изясняване на произхода на лексикални единици и езикови структури, пренесени от един език в друг (или в други) в езикови контактни ситуации.[6] Речниковият състав на българския език представя различни случаи на заета в условия на непосредствен езиков контакт лексика, предполагащи и различни случаи на контактна етимология (вж. отново Дейкова 2016, Дейкова 2022). В доклада ще бъдат приведени конкретни примери, илюстриращи прилагането на всички тези конкретни изследователски подходи при етимологизуването на думите в БЕР.

Принципното положение за максимална пълнота на включения в БЕР езиков материал предполага комплексно етимологично проучване на българската лексика в славянски, балкански и индоевропейски контекст. Прилагането на различни изследователски подходи и методологични процедури при етимологизуването на българския речников състав, с особено внимание върху диалектната лексика, е принос към етимологичната практика при изясняване на произхода на домашна и заета в условия

[5] „Вскрытие же в слове действия определенных закономерностей осуществляется путем рассмотрения его на фоне различных систем, в которые это слово входит соответственно своим характеристикам – семантических, фонетическим, структурным, лингвогеографическим, хронологическим, и т.п.: это система слов одного семантического поля, слова с одним и тем же сочетанием звуков, слова с потенциально тождественным корнем и слова с потенциально тождественной словообразовательной структурой, лексика одного диалекта, одного языка и т. д.“ (Варбот 2012б: 208).

[6] Основните методологични параметри на контактната етимология според Мейлхамър са *контактен сценарий*, *контактен език* и *контактна структура.* С *контактния сценарий* е свързан и т.нар. *хелиографски принцип* – Blueprint Principl, целящ възстановяване на конкретна контактна ситуация. Това е изследователска процедура, насочена към интерпретиране на даден езиков факт (за който се предполага, че е резултат от външно влияние) като действителна следа от конкретна езикова ситуация: „If it is assumed or known that an item X (lexical or structural) either in its systemic status or in its usage is due to language contact, then a hypothetical scenario is reconstructed that explains the occurrence of X by interpreting X as traces of this scenario“ (Mailhammer 2013: 15). При прилагането на тази процедура може да се отговори на въпроса *как* е станало това, *как* се е стигнало до повявата на този елемент в езика, което е от съществено значение за самото етимологично обяснение – то да бъде потвърдено или отхвърлено.

на езиков контакт лексика. В перспектива цялостното проучване на произхода на българския речник чрез довършването на БЕР би било плодотворно поле за следващи фундаментални и научно-приложни изследователски проекти. Огромният емпиричен материал, разработен в речника, би могъл да бъде основа за научни проекти с обобщаващ характер както в областта на българската лексикология, с оглед на различните хронологични и генетични пластове лексика в езика (субстратна, славянска, прабългарска, гръцка, турска, румънска, албанска, западноевропейска и др.), така в областта на българската и славянската фонетика, словообразуване и диалектология, на семантичната типология, а също и в областта на балканските езикови контакти и в по-общ план на езиковата контактология.

ЛИТЕРАТУРА

БЕР: *Български етимологичен речник*. Ред. Вл. Георгиев и др. Т. 1–. София: Издателство на БАН „Проф. “Марин Дринов, 1971–.

Варбот 2012а: Варбот, Ж. Ж. О специфике диалектной этимологии. – В: *Исследования по русской и славянской этимологии*. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 195–201.

Варбот 2012б: Варбот, Ж. Ж. Индивидуальность заимствованного слова и системность этимологического изучения заимствований. – В: *Исследования по русской и славянской этимологии*. Москва – Санктпетербург: Нестор-История, с. 207–213.

Дейкова 2016: Дейкова, Хр. *Этимология и лингвистическая контактология (Румынские глагольные заимствования в одном болгарском говоре)*. LAP LAMBERT Academic Publishing.

Дейкова 2018: Дейкова, Хр. Из практиката в „Българския етимологичен речник“ – славянски или балкански произход на две диалектни български думи? – In: *Slovanská lexikografie počátkem 21. století. Sborník z konference 20.–22.04. 2016*. Praha: Slovanský ústav AV ČR v.v.i., s. 421–427.

Дейкова 2022: Дейкова, Хр. Към етимологизуването на балкански заемки в българските говори. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София, 2022)*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин “Дринов, с. 395–399.

Дейкова 2023: Дейкова, Хр. Произход на български диалектни думи (принос към българската диалектна етимология и „Българския етимологичен речник“). – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин (София, 2023 година)*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин “Дринов, с. 194–199.

Младенов 1941: Младенов, Ст. *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София: Книгоиздателство Христо Г. Данов.

Boček 2016: Boček, V. On tools for the classification and evaluation of (Slavonic) etymological dictionaries. – In: *Perspectives of Slavonic Etymology [Studia Etymologica Brunensia 19]*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, s. 19–31.

Deykova 2016: Deykova, H. Probleme der bulgarischen Etymologie. Slawisch-balkanische Sprachinterferenz (Aus der Praxis des „Bulgarischen etymologischen Wörterbuchs“). – In: *Perspectives of Slavonic Etymology [Studia etymologica Brunensia 19]*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, p. 65–74.

Mailhammer 2013: Mailhammer, R. Towards a framework of contact etymology. – In: *Lexical and Structural Etymology: Beyond Word Histories*. Berlin–New York, p. 9–31.

Malkiel 1976: Malkiel, Y. *Etymological Dictionaries: A Tentative Typology*. Chicago: Chicago University Press.

SOME CONSIDERATIONS ON THE RELATIONSHIP BETWEEN ETYMOLOGY AND LEXICOGRAPHY: ETYMOLOGY AND THE DICTIONARY OF SLOVAK DIALECTS[1]

ĽUBOR KRÁLIK (SLOVAKIA)
Ľudovít Štúr Institute of Linguistics, Slovak Academy of Sciences

The paper builds upon our long-time research into the Slovak dialectal lexis, for whose investigation the nationwide *Slovník slovenských nárečí* (Dictionary of Slovak Dialects; further referred to as "SSN") represents an invaluable source of information. The etymological interpretation of some dialectisms included in SSN also allows for offering alternative lexicographical solutions that differ from the way of their presentation in the above-mentioned fundamental work of Slovak dialectology; at the same time, such cases inevitably give rise to reflections on some more general questions of the relationship between etymology and dialectal lexicography.

Dialectal lexicography provides to etymology the material that is often important for the etymological interpretation of the lexis of the standard language (variants of the form or meanings preserved in dialects, but unknown in the standard language). In addition to this, etymological research pays attention also to dialectal lexemes that have not become part of the lexis of the standard language, although they often present considerable interest from the etymological point of view (relicts from various time periods, archaisms, words that have undergone specific semantic development, borrowings, etc.).

The interest of researchers in dialectal lexis has led to constituting dialectal etymology as an autonomous area of etymological science, the methodology of which takes into consideration the specific features of dialectal lexis (the spoken form of its existence leading to various irregular modifications of the phonetic structure of words, connectedness with the traditional folk culture, varying degrees of completeness or reliability of its philological documentation, etc.); cf. Varbot 1996, Varbot 2009, Dejkova 2016. In addition to numerous partial studies, the results of research in the sphere of dialectal etymology are also published in synthetizing dialectal etymological dictionaries representing a specific genre of etymological lexicography.

At the same time, dialectal lexicography makes use of the results of etymological research, although it encounters numerous problems (the need to process the lexical material that so far has not been etymologically interpreted, whose formal variation and/or semantic richness do not allow for arriving at unequivocal solutions either from the etymological or from

[1] Written with the kind support of the Scientific Grant Agency, Bratislava (VEGA; project No. 2/0126/24).

the lexicographical points of view, etc.); cf., e.g., Sorokoletov – Kuznecova 1987: 186–188, Stellmacher 2017. In dialectal dictionaries the existing etymological findings can be present (1) in the form of explicit information (etymological characteristics of the word; cf., e.g., Karaś 2011: 247–249), but also (2) on the implicit level (respecting the facts of etymology within the lexicographical presentation of the dialectal lexical material; cf. Bauer 1996: 222, Kurkina 2018: 146).

SSN does not state with the headwords their explicit etymological characteristics, although – in accordance with its lexicographical principles (cf. SSN 1: 22–23, 29) – etymological findings are taken into consideration within the selection of their form (the so-called formal standardization, i.e. reconstruction of the form of the headwords that corresponds to the phonetic rules of contemporary Standard Slovak), as well as within dealing with the questions connected with polysemy and homonymy.

Via the etymological perspective, we find it possible to refine this (preliminary) typology of the relevant phenomena occurring at the intersection of dialectal lexicography and etymology. With regard to SSN, we identify several problematic areas:

(1) Formal standardization of the headwords. – Etymological analysis leads to the conclusion that in some cases such standardization: (a) has not been carried out (i.e. the etymological characteristics of the expression was not taken into consideration); (b) was carried out in duplicate (the same dialectal lexeme was standardized in two ways, i.e. it is listed within two differing entries); (c) evokes objections of etymological character.

(2) Formal variantness of dialectal lexemes. – Some forms are listed in SSN as being irregular and to differing degrees lexicalized formal variants of the headwords; however, they can be interpreted etymologically as phonetically regular reflexes of different etyma that, with regard to their etymological autonomousness, would necessitate in being processed within separate entries.

(3) Polysemy and homonymy. – Some entries processed in SSN as polysemous contain genetically non-homogeneous material that with regard to its character (etymological homonymy) demands lexicographical solution in the form of separate entries.

(4) Explanation of the meaning of dialectal lexemes. – In some cases etymological analysis enables the correction of the semantic characteristics of headwords given in SSN.

The hitherto etymological analysis also allows for providing some general methodological recommendations formulated for the needs of practical lexicography (preparation of the following volumes of SSN as well as of the prospective new works of Slovak and Slavic dialectal lexicography); cf. Králik 2020: 133–135.

REFERENCES

BAUER, Werner: Die Etymologie in der deutschen Dialektlexikographie. In: Stand und Aufgaben der deutschen Dialektlexikographie. II. Brüder-Grimm-Symposion zur Historischen Wortforschung. Beiträge der Marburger Tagung vom Oktober 1992. Eds. E. Bremer, R. Hildebrandt. Berlin – New York: De Gruyter, 1996, 219–229.

DEJKOVA, Xristina: Kăm bălgarskata dialektna etimologija (Iz praktikata v "Bălgarskija etimologičen rečnik"). In: Leksikografijata v načaloto na XXI v. Dokladi ot Sedmata meždunarodna konferencija po leksikografija i leksikologija (Sofija, 15–16 oktomvri 2015 g.). Eds. D. Blagoeva, S. Kolkovska. Sofija: Izdatelstvo na BAN "Prof. Marin Drinov", 2016, 654–659.

KARAŚ, Halina: Polska leksykografia gwarowa. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2011. 432 p.

KRÁLIK, Ľubor: Etymológia a nárečová lexikografia (na materiáli Slovníka slovenských nárečí). Bratislava: Veda, 2020. 176 p.

KURKINA, Ljubov' Viktorovna: Ètimologija v praktike sostavlenija dialektnyx slovarej. In: Aktual'nye problemy russkoj dialektologii. Materialy meždunarodnoj konferencii 26–28 oktjabrja 2018 g. Ed. O. E. Karmakova. Moskva: Institut russkogo jazyka RAN, 2018, 144–146.

Slovník slovenských nárečí. Eds. I. Ripka, A. Ferenčíková. Bratislava: Veda, 1994–.

SOROKOLETOV, Fëdor Pavlovič – KUZNECOVA, Ol'ga Danilovna: Očerki po russkoj dialektnoj leksikografii. Leningrad: Nauka 1987. 232 p.

STELLMACHER, Dieter: Dialektlexikographie und Etymologie – eine "schwierige Partnerschaft". Jahrbuch für Germanistische Sprachgeschichte 8, 2017, 242–252.

VARBOT, Žanna Žanovna: O specifike dialektnoj ètimologii. In: Ètimologičeskie issledovanija. Vypusk 6: Materialy I–II naučnyx soveščanij po russkoj dialektnoj ètimologii. Ekaterinburg, 10–12 oktjabrja 1991 g., 17–19 aprelja 1996 g. Ed. A. K. Matveev. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj universitet, 1996, 7–17. [Reprinted in: Varbot 2011, 195–201.]

VARBOT, Žanna Žanovna: Iz opyta dialektnoj ètimologii. In: Ètnolingvistika. Onomastika. Ètimologija. Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii. Ekaterinburg, 8–12 sentjabrja 2009 g. Eds. E. L. Berezovič et al. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2009, 41–42. [Expanded version: Varbot 2011, 202–207.]

VARBOT, Žanna Žanovna: Issledovanija po russkoj i slavjanskoj ètimologii. Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2011. 646 p.

ЛЕКСИКОГРАФСКА ОБРАДА КАЛКОВА У «ПРИРУЧНОМ ЕТИМОЛОШКОМ РЕЧНИКУ СРПСКОГ ЈЕЗИКА» (у поређењу са словеначким и бугарским етимолошким речницима)*

СНЕЖАНА ПЕТРОВИЋ, МАРИЈА ВУЧКОВИЋ (СРБИЈА)
Institute for the Serbian language of SASA

Увод. Циљ рада је да се на основу компаративне анализе обраде калкова у етимолошким речницима српског, словеначког и бугарског језика установи колика је пажња посвећена процесу калкирања у етимолошким речницима јужнословенских језика.[1]

Изучавање дела лексичког фонда неког језика који је резултат позајмљивања често је ограничено на позајмљенице у ужем смислу речи, а такав однос утицао је и на праксу етимолошке лексикографије. Разлога за маргинализовање калкова има више. Један од њих је свакако хибридна природа калкова која обједињује домаћу форму и страни предложак (уп. ВУЧКОВИЋ 2024: 26; ПЕТРОВИЋ 2025). Други разлог јесте тај што је, када су калкови у питању, тешко бити сасвим сигуран да се позајмљивање заиста догодило (DURKIN 2014: 9, 101), што даље доводи у питање поузданост квантитативних истраживања и захтева укључивање ванлингвистичких критеријума (id. 162).

О важној улози калкирања у формирању лексичког (па и граматичког) система једног језика, те и потреби да се овом механизму поклони већа пажња сведоче познати случајеви језика којима су током целог њиховог развоја или у некој његовој фази били својствени калкови као резултат контакта са појединим језицима, попут старословенског у контакту са грчким (KARLÍKOVÁ 2017) или староенглеског у контакту са латинским , затим савременог немачког из разлога језичког пуризма (DURKIN 2014: 63, 161–162) и сл.

ФОРМИРАЊЕ ГРАЂЕ. Примарни корпус чине језичке јединице које су у првом тому ПЕРСЈ протумачена као калкови или семантичке преведенице. По типу, то су најчешће лексеме, нпр. *ва̏тромēт*, *зàгрлити*, *пòвршан*. Поред лексема, има и синтагми, нпр. *база података*, *бувља пијаца*, синтаксичких конструкција, нпр. *без да*, и фразеологизама, нпр. *избити себи нешто из главе*, *скидати некоме звезде с неба*. За сваки калк наведен је страни предложак и податак где је у ПЕРСЈ обрађен.

* Драгана Овај рад је финансирало Министарство науке, технолошког развоја и иновација Републике Србије према Уговору број 451-03-136/2025-03/200174, који је склопљен са Институтом за српски језик САНУ.

[1] У раду излаже се део резултата ширег истраживања третмана калкова у етимолошким речницима словенских језика, в. ВУЧКОВИЋ 2024 и ПЕТРОВИЋ 2025.

Паралелни корпуси настали су екцерпцијом одговарајуће грађе из словеначког и бугарског језика. Како корпус ПЕРСЈ обухвата првенствено основни лексички фонд стандардног српског језика (ПЕРСЈ 1: V), као примарни извори послужили су речници савременог књижевног језика, SSKJ за словеначки језик и РБЕ за бугарски језик, као и етимолошки речници поменутих језика (BEZLAJ; SNOJ; БЕР).

Паралелни корпус обухвата словеначки и бугарски језички материјал који је на различите начине упоредив са примарним српским корпусом.

Посреди могу бити потпуне, и творбене и семантичке, паралеле, нпр. срп. *духòвит*, слн. *duhovît*, буг. *духовѝт*, срп. *двоj̑нӣк*, слн. *dvǫ̑jnik*, буг. *двòйник*.

У неким случајевима, творбени паралелизам није потпун, зато што се у словеначком или бугарском језику користи друга, синонимна основа, нпр. срп. *ва̏тромēт*, слн. *ognjemèt*; срп. *изàзвати*, буг. *извѝк(в)ам*; други афикси, нпр. срп. *гостољȕбив*, слн. *gostoljúben*, буг. *гостолюбѝв*, *гостолю̀бен*, или и друга основа и други афикси, нпр. срп. *жи̏жа*, слн. *žaríšče*.

Када су у питању семантичке преведенице, ексцерпирана је одговарајућа словеначка и бугарска грађа која реализује иста или слична значења која се у српском корпусу сматрају резултатом калкирања, нпр. срп. *глàвнӣ* ‘најважнији, кључни, основни, истакнути, најбољи и сл.’, слн. *glâven*, *glâvni*, буг. *глàвен*.

У разматрање је узет и случај када су различита значења поређених језичких јединица у различитим језицима протумачена као резултат семантичког превођења, нпр. срп. *дȕша* – под утицајем хришћанске употребе речи у којој је она превод за гр. ψυχή, лат. *anima*, према слн. *dúša* у значењу ‘становник’ што је вероватно калк из немачког језика.

Да бисмо испитале како је грађа из паралелних корпуса обрађена у одговарајућим етимолошким речницима, користиле смо за словеначке језичке податке два завршена етимолошка речника овог језика: BEZLAJ и SNOJ,[2] а за бугарску грађу БЕР, који је у обради стигао до речи *фя̀калка*, што значи да је већина ове грађе обухваћена досад објављеним томовима. За грађу из паралелних корпуса наведени су подаци о томе да ли су одређена реч или израз посведочени у неком од три упоређена речника.

ЗАКЉУЧНА РАЗМАТРАЊА. У овом су одељку сумирани и интерпретирани резултати анализе презентоване грађе.

[2] У изради је и трећи етимолошки речник словеначког језика, NESSJ, на који упућујемо у напоменама.

У првом тому ПЕРСЈ сто тридесет четири (134) језичке јединице протумачене су као калкови. Детаљно о методологији њихове обраде у овом речнику в. Петровић 2025.

У петотомном етимолошком речнику словеначког језика (BEZLAJ) од анализираног компаративног материјала:

– једанаест (11) речи је објашњено као калкови (*vodovȍd*, *žaríšče*, *sklépati* (*sklȅp*), *dúša* ‘становник’, *verodostǫ́jen*, *verolǫ́men*, *dvanajstérnik (dvanájstnik)*, *zimzelȅn*, *kozike*, *soglâsnik*, *tájnik*);

– деведесет шест (96) паралела речима из основног корпуса није посведочено у речнику;

– три (3) се тумаче као позајмљенице, из других словенских или српско-хрватског језика (*držâva*, *bîstvo*, *tǫ̑čka*), а једна (1) као домаћа творба, с тим што се немачка реч наводи као семантичка паралела (*povr̂šen*);

– двадесет две (22) речи се тумаче као домаћа творба, без коментара о страном утицају на њихову форму или значење.

У једнотомном етимолошком речнику словеначког језика (SNOJ**)** од анализираног компаративног материјала:

– петнаест (15) речи је објашњено као калкови (*dopásti*, *zaîmek*, *izlȅt*, *izključíti* (*izključeváti*), *ladjelȍm*, *glâvnica*, *dvanâjstnik*, *mâvrica*, *žívo srebrǫ̑*, *zimzelȅn*, *kozice*, *malomeščân*, *poglâvje*, *poklîc*, *soglâsnik*) од којих се само четири (4) поклапају са онима протумаченим у BEZLAJ (*dvanâjstnik*, *zimzelȅn*, *kozice*, *soglâsnik*);

– осамдесет (80) паралела речима из основног корпуса није посведочено у речнику;

– пет (5) се тумаче као позајмљенице из црквенословенског или српско-хрватског језика (*dę̑jstvo*, *bîstvo*, *tǫ̑čka*, *brodolȍm*, *tájnik*), а две (2) као домаћа творба, уз навођење немачке речи, односно латинске синтагме као паралеле за исти семантички развој (*povr̂šen*, *izrę́den*);

– тридесет три (33) речи се тумаче као домаћа творба, без коментара о страном утицају на њихову форму или значење.

У етимолошком речнику бугарског језика (БЕР) од анализираног компаративног материјала:

– две (2) лексичке јединице су протумачене као калкови (*жȕво срѐбро*, *съглàсна*);

– седамдесет четири (74) паралела речима из основног корпуса није посведочено у речнику;

– шеснаест (16) речи тумачи се као позајмљенице из руског, старословенског или српско-хрватског језика (*водопровòд*, *местоимѐние*, *ìзлет*, *водопàд*, *дèйствие*, *тòчка*, *угризѐние*, *далновѝден*, *двубòй*, *двуезѝчен*, *двусмѝслен*, *добровòлец*, *езикознàние*, *пòвест, съзвѐздие*, *съдèйствие*).

– четрдесет четири (44) речи се тумаче као домаћа творба, без коментара о страном утицају на њихову форму или значење.

Само је једна (1) реч у свим разматраним етимолошким речницима јужнословенских језика протумачена као калк – срп. *сугласник* (ПЕРСЈ), слн. *soglâsnik* (BEZLAJ, SNOJ), буг. *съглàсна* (БЕР).[3]

Етимолошка структура калкова у првом тому ПЕРСЈ (Слика 1): осамдесет пет (85) су преведенице с немачког (55%), двадесет седам (27) с латинског(18%), двадесет (20) са грчког (13%), седам (7) са француског (5%), по пет (5) са италијанског и енглеског (по 3%) три (3) с турског (2%) и један (1) с руског (1%).

Етимолошка структура калкова у анализираном сегменту словеначког лексикона (Слика 2): петнаест (15) речи преведенице су с немачког (55%), девет (9) лексема с латинског (33%) и по једна (1) са грчког, француског и руског (по 4%).

Поређење анализираног словеначког и српског материјала указује на сличност етимолошке структуре калкова у овим језицима. Проценат калкова с немачког језика је исти (словеначки 55%, српски 55%), а латински и грчки имају веома приближну вредност (словеначки 37%, српски 31%), иако се њихов међусобни однос у овим језицима разликује – у српском је више речи протумачено као калкови с грчког него у словеначком (словеначки: латински 33%, грчки 4%; српски: латински 18%, грчки 13%).

Бугарски материјал не пружа могућност за адекватну анализу, пошто су у њемупотврђене само две (2) лексичке јединице, једна протумачена као калк са латинског или грчког, а друга без јасне назнаке изворног језика.

С друге стране, БЕР шеснаест (16) речи објашњава као позајмљенице, док у словеначким речницима то тумачење има само шест (6) лексема – BEZLAJ три (3) и SNOJ пет

[3] Ова реч је на исти начин протумачена и код Скока (SKOK), док се у ERHJ она пореди са другим језицима, али се не наводи експлицитe да је у питању калк.

(5). Највећи број позајмљеница у бугарском чине русизми: петнаест (15), две (2) су старословенизми, а само је једна (1) реч преузета из српског.

Примарни корпус из првог тома ПЕРСЈ садржи сто тридесет четири (134) калка. Број речи протумачених као преведенице у поређеним етимолошким речницима словеначког и бугарског језика значајно је мањи – петнаест (15) (SNOJ), једанаест (11) (BEZLAJ) и две (2) (БЕР).

У разматраним етимолошким речницима словеначког и бугарског језика речи и израза који нису протумачени као калкови у словеначком има двадесет шест (26) (BEZLAJ), односно четрдесет (40) (SNOJ), а у бугарском шездесет (60) (БЕР). То значи да више од половине словеначких и бугарских паралела српским речима и изразима нису објашњене као преведенице, већ као домаћа творба или позајмљенице.

Презентовани материјал показује да је највећа пажња идентификовању механизма калкирања посвећена у ПЕРСЈ, док словеначки речници у том аспекту заостају, а бугарски овај процес преузимања бележи само код минималног броја лексичких јединица. Добијени резултати могу се, с једне стране, тумачити као одраз различитих културноисторијских утицаја на развој (савременог) лексичког фонда разматраних језика, а са друге као последица другачијег методолошког приступа обради калкова у анализираним етимолошким речницима. Однос калкова и позајмљеница у словеначком и бугарском језику у анализираном материјалу иде у прилог тези о словеначком као словенском језику склонијем калкирању и бугарском као словенском језику склонијем позајмљивању (Unbegaun 1932: 46–47).[4] Такође је примећено да од свих словенских језика калкирање има најмању улогу у бугарском, као и то да су међу позајмљеницама у овом језику најзаступљенији русизми (id. 42), што потврђује и наше истраживање.

[4] О калковима у најновијем лексичком слоју у бугарском в. MLADENOVA 2018, а о калковима у словеначком с нормативног аспекта в. STABEJ 2018.

Слика 1

Слика 2

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

АНИКИН, А. Е. *Русский этимологический словарь*, 1–. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–.

АРАПОВА, Н. С. *Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря*. Москва: Издательство Московского университета, 2000.

БЕР: *Български етимологичен речник*, 1–. София: Българската академия на науките, 1971–.

ВУЧКОВИЋ, Марија. Етимографска обрада калкова у етимолошком речнику Петра Скока. *Јужнословенски филолог* LXXX/1 (2024): 25–54.

ЕРСЈ: *Етимолошки речник српског језика*, 1–. Београд: САНУ, Институт за српски језик САНУ, 2003–.
ПЕРСЈ: *Приручни етимолошки речник српског језика*, 1–. Београд: Институт за српски језик САНУ, Етимолошки одсек, 2023–.
ПЕТРОВИЋ, Снежана. Калкови у првом тому *Приручног етимолошког речника српског језика*. Софија Милорадовић, Јасмина Грковић-Мејџор, Исидора Бјелаковић (ур.). *Зборник у част академика Милке и Павла Ивића*. Београд: Институт за српски језик САНУ – Нови Сад: Филозофски факултет Универзитета у Новом Саду, Матица српска, 2025 [у штампи].
РБЕ: *Речник на българския език (онлайн). А – системност*. <https://ibl.bas.bg/rbe/> 30.03.2025.
ФАСМЕР, Макс. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс, 1986–1987.
ЦЫГАНЕНКО, Г. П. *Этимологический словарь русского языка : более 5000 слов*. Киев: Радянська школа, 1989.

BEZLAJ, France. *Etimološki slovar slovenskega jezika*, 1–5. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977–2007.
DURKIN, Philip. *The Oxford Guide to Etymology*. Oxford etc.: Oxford University Press, 2009.
DURKIN, Philip. *Borrowed Words. A History of Loanwords in English*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
ERHJ: Matasović Ranko et. al. *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1–2. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016–2021.
ESSKJ: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Rastoči slovar 2016–. <https://fran.si/> 30.03.2025.
KARLIKOVA, Helena. Kalk. Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (ur.). *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny* 2017. <https://www.czechency.org/slovnik/KALK> 30.03.2025.
MLADENOVA, Marinela Paraskova. Заимствания в лексиката на българския език в началото на 21 век: Някои наблюдения с оглед статията на Борис Унбегаун „Калките в славянските литературни езици“. Kai Witzlack-Makarevich (ur.). *Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag*. Berlin: Frank & Timme, 2018, 165–180.
NESSJ: Furlan, Metka. *Novi etimološki slovar slovenskega jezika.* Rastoči slovar 2017–. <https://fran.si/> 30.03.2025.
PLETERŠNIK, Maks. *Slovensko-nemški slovar* (tiskana izdaja 1894–1895, 2006, elektronska izdaja 2006, spletni izdaji 2010, 2014). <https://fran.si/> 30.03.2025.
SKOK, Petar. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
SNOJ, Marko. *Slovenski etimološki slovar* (tiskane izdaje 1997, 2003, 2009, spletna izdaja 2015). <https://fran.si/> 30.03.2025.
SSKJ: *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja: tiskana izdaja 2014, spletna izdaja 2014). <https://fran.si/> 30.03.2025.
SSSJ: *Sinonimni slovar slovenskega jezika* (tiskana izdaja 2016, spletna izdaja 2018). <https://fran.si/> 30.03.2025.
STABEJ, Marko. „Dokler se ne najde slovenska, v vsem prilična beseda …“. Kai Witzlack-Makarevich (ur.). *Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag*. Berlin: Frank & Timme, 2018, 43–58.
UNBEGAUN, Boris. Le calque dans les langues slaves littéraires. *Revue des études slaves* 12/1–2 (1932): 19–48.

O ZWIAZKACH ETYMOLOGII Z ETNOLINGWISTYKA NA PRZYKLADZIE GWAROWYCH NAZW ROSLIN

JADWIGA WANIAKOWA (POLSKA)
Jagiellonian University

Autorka tekstu skupia się na relacjach między etymologią a etnolingwistyką, które uwidoczniają się przy analizie gwarowych nazw roślin, a zwłaszcza przy ustalaniu ich pochodzenia.

Literatura na temat wzajemnych relacji etnolingwistyki i etymologii jest spora i stale się powiększa. Można stwierdzić, że zagadnienie to jest obecne od początku badań etnolingwistycznych, por. np. Grzegorczykowa (1996: 217-226), Jakubowicz (1999: 117-128), Jakubowicz (2012: 173-181), Niewiara (2001: 97-105) i Popowska-Taborska (2012: 155-171). Badacze rozpatrują je z różnych punktów widzenia i dyskutują o szczegółowych problemach w tym zakresie, podając konkretne przykłady.

Gdy rozpatrujemy cele i zadania każdej z omawianych dyscyplin, możemy stwierdzić za Wiesławem Borysiem, że: „Zadaniem badań etymologicznych jest odtworzenie pierwotnej motywacji wyrazu (wskazanie jego bezpośredniej podstawy derywacyjnej), wykrycie i objaśnienie jego struktury, wskazanie morfemów słowotwórczych oraz odtworzenie jego przypuszczalnego pierwotnego znaczenia i wyjaśnienie dalszego rozwoju semantycznego" (Boryś SEJP: 5). Dodajmy jeszcze zdanie Franciszka Sławskiego, że: „za podstawowy cel etymologii należy […] uważać rekonstrukcję motywacji" (Sławski 1998: 4).

A oto jak się definiuje ostatnio podstawowe zadanie etnolingwistyki: zadaniem etnolingwistyki, wychodzącej od wzajemnych związków języka i kultury, jest odkrywanie, jak użytkownicy języka „subiektywnie rozumieją znaczenia słów, jaką mają wiedzę o świecie, jak kategoryzują, charakteryzują i wartościują zjawiska rzeczywistości" (por. Bartmiński 2018: 21).

Można postawić pytanie, czy możliwy jest cel wspólny obu dyscyplin? Na pytanie to możemy odpowiedzieć twierdząco. Ich domeną wspólną jest semantyka, z tą różnicą, że etymologia zajmuje się semantyką z historycznego punktu widzenia, semantyką historyczną i dawną, historyczną (pierwotną) motywacją wyrazów, zaś etnolingwistyka ustala subiektywne rozumienie słów synchronicznie. Pośrednio na ten aspekt w relacjach między etnolingwistyką a etymologią zwróciły już uwagę Hanna Popowska-Taborska i Renata Grzegorczykowa, zaznaczając, że „etymologia jest nauką ściśle diachroniczną" (Popowska-Taborska 2012: 169), podczas gdy odtwarzanie językowego obrazu świata w etnolingwistyce najpełniej dokonuje się w płaszczyźnie synchronicznej (por. Grzegorczykowa 1999: 39-46).

Poniższa tabela przedstawia ogólne zestawienie podobieństw i różnic metodologicznych między etymologią a etnolingwistyką.

	ETYMOLOGIA	**ETNOLINGWISTYKA**
źródła	słowniki historyczne, dawne teksty, teksty gwarowe, atlasy językowe, słowniki gwarowe itp.	teksty gwarowe, atlasy językowe, słowniki gwarowe itp.
materiał	materiał historyczny i współczesny z wielu języków i dialektów	zwykle materiał współczesny z jednego języka i jego dialektów
metody w zakresie formy	wnioskowanie o historycznych zmianach formy (według praw językowych)	synchroniczne (achroniczne, panchroniczne) rozważania na temat formy
metody w zakresie treści	często niejednoznaczna rekonstrukcja zmian semantycznych w czasie (głównie obiektywność semantyczna, profilowanie)	rozpatrywanie subiektywnego rozumienia znaczenia (głównie subiektywność semantyczna, profilowanie)
cel	ustalenie pierwotnej formy i znaczenia	rekonstrukcja językowego obrazu świata
przykładowe pojęcia	pierwotne znaczenie, motywacja semantyczna, etymon, rdzeń	stereotyp, wyobrażenie bazowe, definicja kognitywna, punkt widzenia

Ponieważ domeną wspólną etnoligwistyki i etymologii jest semantyka, kluczowym pojęciem w zakresie badań nad nazwami roślin, zarówno w aspekcie etnolingwistycznym, jak i etymologicznym, będzie motywacja semantyczna gwarowych nazw roślin. Nie wdając się w szczegółowe rozważania na ten temat (o tym np. Waniakowa 2012: 63-66, tam też obszerna literatura), przyjmuję, że motywacja semantyczna to mechanizm nominacyjny powodujący powstanie nowego znaczenia. W przypadku roślin oparte jest ono bardzo często na cechach konotacyjnych, kojarzonych z określonymi gatunkami roślin. W odniesieniu do gwarowych nazw roślin należałoby motywację jeszcze rozszerzyć o czynniki afektywne i ewaluatywne.

Metodę semantycznej klasyfikacji nazw roślin, opartą na cechach typowych dla danego rodzaju lub gatunku, na gruncie polskim zastosował Eugeniusz Pawłowski (1974: 163-169), a inni ją przejęli i rozbudowali na swój sposób, jak np. Ryszard Tokarski (1993: 340-341). Według tego ostatniego, cechy roślin, najistotniejsze dla człowieka, można ująć w trzy ogólne

grupy: charakterystyka środowiskowa (w tym również czas kwitnienia jako najbardziej znaczący dla rozwoju rośliny oraz pora zbioru), cechy fizyczne oraz właściwości użytkowe. Badacze gwarowych nazw roślin, jak np. Halina Pelcowa (2001: 100), zaznaczają, że ważną rolę w nazywaniu roślin odgrywa także wiara w nadzwyczajną (złą lub dobrą) moc niektórych roślin oraz legendy związane z pewnymi roślinami. Wchodzą tu w grę odniesienia religijne i przesądy, są także ważne różne konotacje symboliczne. W związku z tym schemat motywacji nazw roślin staje się dosyć rozbudowany i skomplikowany (por. Dębowiak, Waniakowa 2019: 175-177).

Autorka podaje przykłady polskich gwarowych nazw roślin i na ich podstawie wskazuje, kiedy etnolingwista może bez problemu ustalić ich motywację semantyczną, kiedy zaś musi odwołać się do badań etymologicznych. Oto wybrane przykłady wraz ze skrótowym opisem:

fartuszek (często w pl.) ‘przywrotnik pasterski, Alchemilla pastoralis Bus.’; motywacją semantyczną nazwy jest kształt liści przypominających kobiecy fartuch – zapaskę; nazwa autentycznie gwarowa; konsultacja etymologiczna nie jest potrzebna;

brzuszkworc, *brzuszkocz*, *brzuszkowiec*‘ tatarak zwyczajny, Acorus calamus L.’; stczes. *prustvorc*, *prustvorec*, czes. gw. *brustvorec*, *bruškvorec*, *pruškvorec*, *proškvorec*, *bruškvorec*; łuż. *bróstwonc*, *bróstwon*; w gwarach polskich zapożyczenie z czeskiego; w czeskim pożyczka z niemieckiego, por. niem. gw. *Brustwurz* (pośw. 1574); źródła gwarowe: roślina służyła jako lek w dolegliwościach układu pokarmowego; źródła zielarskie: stosowana w chorobach z występującą gorączką, jak grypa i zapalenie oskrzeli, a także przeciw kaszlowi, skąd wywodzi się nazwa niemiecka; nazwy adideowane – trudno ustalić pierwotną (właściwą) motywację nazwy i jej pochodzenie bez konsultacji etymologicznej;

kasz. gw. *majowe dzwonki*‘ konwalia majowa, Convallaria maialis L.’; czes. *májové zvonečky*, głuż. *mejske zwóńčki*, niem. *Maiglöckchen* (pośw. od 1477); nazwy słowiańskie są nowymi kalkami nazwy niemieckiej; podwójna motywacja: kształt kwiatów i pora kwitnienia; motywacja nazwy nie jest wytworem kaszubskich użytkowników gwary; potrzebna konsultacja etymologiczna, żeby stwierdzić, że nazwa jest kalką;

łopuch (*łapuch*) ‘łopian większy, Arctium lappa L., syn.: Lappa maior Gaertn., Lappa officinalis All. ’lub ‘łopian mniejszy, Arctium minus Bernh. ’lub ‘łopian pajęczynowaty, Arctium tomentosum Mill.’; czes. *lopuch*, *opuch*, *lopouch*, słow. *lopúch*, *lopauch*, *laupuch*, ros. *лопух*, ros. gw. *лопухъ*, *лыпухъ* i inne, ukr. gw. *łopuχ*, *łepuχ*, *łapuχ*, *łupuχ*, *łypuχ*, *łepuch*, *лопух*, *lopux*, *lypux*, brus. *łapùch*, *łopùch*, *лопух*, *лапух*, chorw. gw., serb. gw. *lapuh*, *lepuh*, *lopuh*, *лопух* i inne, bułg. gw. *лопуй*, *лопошъ*, *лопушъ*; psł. **lopuχъ*‘ roślina z wielkimi liśćmi’,

derywat z sufiksem *-*uχ*-*ъ* od szczątkowo zachowanego psł. **lopъ*‘ coś płaskiego, (duży) liść’ (Boryś SEJP s. v. *łopuch*); motywacja – od rozmiaru liści; nazwa rodzima; konsultacja etymologiczna jest niezbędna ze względu na nieprzejrzystość semantyczną nazwy z synchronicznego punktu widzenia;

czekanka‘ cykoria podróżnik, Cichorium intybus L.’; stczes., czes. gw. *čakanka*, *čekanka*, czes. gw. (morawskie) *čaganka*, słow. *čakanka*, *čákanka*, *čekanka*, por. głuż. gw. *čakata njewjesta*; stare zapożyczenie z czeskiego; w niemieckiej i czeskiej tradycji (Śląsk, Sudety) roślina jest uważana za zaklętą dziewczynę, która czeka na ukochanego przy drodze, por. niem. *Wegwart*, *Verfluchte Jungfrau* (*Jungfer*); w gwarach polskich nazwa zachowała się pod wpływem oparcia w gwarach czeskich i słowackich (na to wskazuje zasięg geograficzny nazw) bądź doszło do (powtórnego) zapożyczenia z gwar czeskich; motywacja - od miejsca występowania rośliny, jednak nie jest to motywacja wytworzona przez użytkowników gwar polskich; konsultacja etymologiczna jest konieczna, aby ustalić genezę nazwy.

Gdy zatem porównamy efektywność metod oraz wzajemne powiązania etnolingwistyki i etymologii na przykładzie gwarowych nazw roślin, zarysowuje się następująca sytuacja: etnolingwistyka, jako synchroniczny dział językoznawstwa, dobrze radzi sobie z gwarowymi nazwami roślin tylko wtedy, gdy powstały one na rodzimym gruncie gwarowym. Decyduje tu przejrzystość motywacji nazwy. W pozostałych przypadkach etnolingwista jest zmuszony korzystać z wyników badań etymologicznych. Z drugiej strony należy podkreślić, że etymolog przy rekonstrukcji motywacji semantycznej w wielu przypadkach musi się odnosić do wyników badań etnolingwistycznych, aby następnie właściwie odtworzyć historyczny rozwój znaczeniowy rozpatrywanych form. W konkluzji można stwierdzić, że obie dyscypliny powinny żyć w symbiozie i korzystać wzajemnie ze swoich osiągnięć. Tylko wówczas badania nad leksyką mogą objąć pełnię zagadnień.

BIBLIOGRAPHY

Bartmiński Jerzy, 2018, *Język w kontekście kultury*, *czyli co dziś znaczy metafora „europejski dom*”? Z prac na XVI Kongres Slawistów Belgrad, sierpień 2018, Katowice.

Boryś SEJP – Wiesław Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005.

Dębowiak Przemysław, Waniakowa Jadwiga, 2019, *Semantic motivation of plant names as part of their etymology*, [w:] Alina Villalva, Geoffrey Williams (eds.), The Landscape of Lexicography, Lisboa - Aveiro, s. 173-200.

Grzegorczykowa Renata, 1996, *Badania semantyczno-porównawcze w aspekcie diachronicznym*, [w:] *Semantyka a konfrontacja językowa*, red. Violetta Koseska-Toszewa, Danuta Rytel-Kuc, Warszawa, s. 217-226.

Grzegorczykowa Renata, 1999, *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. Jerzy Bartmiński, Lublin, s. 39-46.

Jakubowicz Mariola, 1999, *Badania etymologiczne w rekonstrukcji językowego obrazu świata*, [w:] *Przeszłość w językowym obrazie świata*, red. Anna Pajdzińska, Piotr Krzyżanowski, Lublin, s. 117-128.
Jakubowicz Mariola, 2012, *Badania etnolingwistyczne a etymologia*, „Etnolingwistyka", t. 24, s. 173-181.
Niewiara Aleksandra, 2001, *Badania etymologii a odtwarzanie językowego obrazu świata*, [w:] Język a kultura, t. 13, *Językowy obraz świata i kultura*, red. Anna Dąbrowska, Janusz Anusiewicz, Wrocław, s. 97-105.
Pawłowski Eugeniusz, 1974, „Polskie nazwy roślin (Próba klasyfikacji semantycznej)", [w:] *Studia indoeuropejskie*, red. Jerzy Kuryłowicz, *Prace Komisji Językoznawstwa*, t. 37, Wrocław etc., s. 163-169.
Pelcowa Halina, 2001, *Interferencje leksykalne w gwarach Lubelszczyzny*, Lublin.
Popowska-Taborska Hanna, 2012, *Rola etymologii w kształtowaniu językowego obrazu świata*, „Etnolingwistyka", 24, s. 155-171.
Sławski Franciszek, 1998, *Pięćdziesiąt lat nad etymologią*, „Rocznik Slawistyczny", t. LI, s. 3-5.
Tokarski Ryszard, 1993, *Słownictwo jako interpretacja świata*, [w:] *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*, t. II: *Współczesny język polski*, red. Jerzy Bartmiński, Wrocław, s. 335-362.
Waniakowa Jadwiga, 2012, *Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim*. *Zagadnienia ogólne*, Kraków.

BLOC 2.1

AVANT-GARDE ET NOUVELLE AVANT-GARDE / AVANT-GARDE AND NEW-AVANT-GARDE

Organisatrice : KORNELIJA IĆIN

Корнелия Ичин Беспредметное слово Г. Айги: диалог с К. Малевичем 1

Sabine Hänsgen, Tomáš Glanc Поэзия & перформанс. Восточноевропейская перспектива 6

Валерий Гречко Илья Зданевич и эволюция принципа серийности в русском авангарде 7

Илья Кукуй Наследие поэтов группы «обэриу» в ленинградской неофициальной культуре 1960-х годов: Николай Заболоцкий 11

Massimo Maurizio Переосмысление авангардности в неофициальной советской поэзии, о Глазкове и около него 15

Ольга Соколова Русская авангардная и итальянская неоавангардная поэзия: эксперимент с синтактикой и прагматикой 20

Елена Кусовац Страсти по Фанайловой 25

БЕСПРЕДМЕТНОЕ СЛОВО Г. АЙГИ: ДИАЛОГ С К. МАЛЕВИЧЕМ

КОРНЕЛИЯ ИЧИН (СЕРБИЯ)

Исследователи творчества Геннадия Айги неоднократно указывали на связь поэта с Казимиром Малевичем, «отцом супрематизма». Среди первых, кто это сделал, был Карл Дедециус, позже на эту тему писали Джеральд Янечек и Ильма Ракуза.

Об этой «школе» охотно говорил и сам поэт. В разговоре со Збигневом Подгужецем в 1974 году Айги подчеркивал, что особенно многим обязан Хлебникову и Малевичу, и что он убежден, что сегодня нельзя заниматься словесным и изобразительным искусством без учета наследия Хлебникова и Малевича. Особым достоинством Малевича Айги считал его видение будущего искусства как статичного: «Очень хочется верить в это… Что-то утешительное есть для меня в этих словах». Именно статичность как отсутствие движения, течения времени, деятельного принципа, отсутствие возможности нарушить, испортить, уничтожить, отсутствие прогресса, потребительского, предметного стала основной чертой поэтики Айги.

Не так ли надо понимать и его слова: «Я не веду “разговора” с моим “объектом”, я вспоминаю его, я хочу сделать о нем “заключение”». Его поэтический объект вечно статичен, он пребывает в неподвижно застывших пространствах воспоминаний. Эти пространства Айги называет местами («места в лесу, места-поля, даже – места-люди, место – я сам»). Так он пытается передать самое существенное в вещах, что связано с пространством памяти и с сакральным пространством.

Айги посвятил Малевичу стихотворения: «Сад ноябрьский – Малевичу» (1961), «Казимир Малевич» (1962), «Образ – в праздник» (1978), написанный по случаю 100-летия со дня рождения супрематиста, позже он написал предисловие «В честь Мастера – несколько абзацев» к книге стихов художника (1991).

То, что у Айги совершенно уникальный способ организации языкового пространства, заметно, пожалуй, с его первых поэтических опытов, но в указанных стихотворениях это особенно бросается в глаза. Слова в них связаны лишь одним принципом – свободной плоскостью листа (пробелы между строками не менее значимы, чем сам текст). Пустое место дает возможность сделать слово и глаголом, и существительным, и междометием, и местоимением. Каждое слово вызывается из небытия, занимает место в белом, пустом пространстве, иными словами, язык возвращается в свое первобытное, первоначальное состояние. Слово Айги равно первозданному слову, отсюда его монолитность. В его стихотворениях, как правило,

отсутствуют глаголы как динамическое начало, как логико-синтаксическое связующее, как принцип прогрессивной организации текста. Геннадий Айги нашел такой стих и такие свободные от предметной тяжести слова, которые оказались равнозначными тишине. На вопрос о поэзии и тишине, который задали ему, Айги ответил, что в поэзии «необходимо уже уметь творить *тишину*», потому что в поэзии, «наряду с *говорением*, существует и *молчание*», и что «даже оно создается только Словом: молчащая Поэзия – *говорящая* некоторым *иным способом*». Поэт подчеркивал, что тишина – «не *даоистское ничто*», так как сотворенная и сотворяемая тишина «уже как некое Слово, введенное в мир», и это Слово «может войти и в поэзию»; поэтому главной задачей становится то, чтобы одно цельное стихотворение «представляло собой – "саму" тишину».

Этому он, бесспорно, научился у Малевича. В тексте «Поэт – это несостоявшийся святой» Айги вспоминает, что весь 1961 год он провел «с книгами "великого супрематиста"», и что брошюра «Бог не скинут» произвела «переворот» в его представлениях: «дело не в «передаче чувств» и «отображении мира», а в абстрагированной «абсолютизации» явлений мира через «человека-поэта», - абсолютизации их в виде движущихся «масс» энергии: слова призваны создавать эти незримо-чувствующиеся заряды по законам, так сказать «вселенским» (имея в виду их «неземную крупность», «не по-человечески» организующиеся масштабы, - имея в виду это, а не эталонные «меры-строфы» старой поэзии). К этому Айги добавил, что для него «единицы измерения поэтического материала – не строки и строфы, а отдельные равномерные "монолиты" того или иного количества слов, "разнокалиберные блоки" ритмических "конструкций"».

Стихотворение «Образ – в праздник» написано по принципам супрематистской поэтики белого на белом. Это торжество супрематизма в поэзии – безглагольное, парящее белое слово в белом пространстве. Это чистая форма и чистое слово, которые аналогичны чистой форме и чистому цвету у Малевича. У Айги знание белого стало знаменем 100-летия Малевича, тождественного веку супрематизма. Невидимое знамя равняется знанию белого (что подчеркнуто парономазией), белое равняется невидимому. Белое – это снег, белое – это (на первый взгляд плеонастический) белый снег. Белое – это невидимое знамя. Белое – это очертание необъятного пространства. И в этом необъятном белом – человек вдали.

Для Малевича белое связано с отменой предметного мира, с победой над голубым небом, с проникновением в бездну вне земного светового спектра, в бесконечное, это

состояние чистого сознания и чистого возбуждения (об этом он пишет в тексте «Супрематизм» для каталога выставки «Беспредметное творчество и супрематизм», 1919). Белый супрематизм – это торжество «освобожденного Ничто», вечный покой, экономический принцип творчества.

В данное стихотворение Айги вводит мотив восстания из гроба (выдергивание из досок гвоздей), и одновременно мотив преображения доски в икону, то есть в живого Спаса Ярого Ока, вступающего в сад и разделяющего его на двое – до и после Его вступления. Слово-понятие «сад» - это сгусток ритмических метаморфоз: живое дерево – гробовая доска – икона – образ живого Христа – (Гефсиманский?) сад. В нем преображение осуществляется от живого к мертвому и, далее, к вечно живому. «Сад ноябрьский – Малевичу» - это послание *сад*а (сада-квадрата, пока еще не чистого поля), заанаграммированного в слове *дос*ка, Малевичу, творцу иконы своего времени, Черного квадрата.

Напомним, что отнюдь не случайно в интервью Сергею Бирюкову Айги и самого Малевича называет иконописцем: «Малевич -- пройдут времена -- не так будет отличаться от наших иконописцев <…> Конечно, к иконописи он гораздо ближе, чем кто-либо».

Стихотворение «Сад ноябрьский – Малевичу» как будто предвосхищает появление стихотворения «Казимир Малевич» 1962 года и составляет с ним одно целое. В качестве эпиграфа к «Казимиру Малевичу» Айги выбирает строку: «…и восходят поля в небо (Из песнопения)», в которой заключено основополагающее слово его поэтики – поля. Для Айги поле – это в первую очередь «чистое поле» и поле «белого квадрата», связанное со священным пространством, которому молятся в своих языческих молитвах чуваши. Вернее, это вырубленные священные рощи и распаханные священные поляны, бывшие местом пребывания богов и духов предков, которым чуваши поклонялись и молились. Насильственная христианизация уводит поля в небо. Для Айги пустое, «чистое поле» - это освобожденное от всего земного пространство, которое уплывает в небо, это языковое выявление существенного, это дорога, приводящая к метафизическим просторам, в которых, по определению Малевича, пребывает «чистое возбуждение», или «освобожденное Ничто».

Стихотворение «Казимир Малевич» продолжает тему образа Отца и досок, не требующих лика, которые своей квадратностью противопоставляются кругу. Это, по сути, был вопрос, который, по собственному признанию, Айги пытался разрешить: что такое «Черный квадрат» и почему Малевич «не с круга начал»? Доски – это новые,

безликие иконы (квадраты, прямоугольники, плоскости, планиты), которые отказываются от изображения, ибо Лик должен быть живым, он только у Отца – сторожа труда. Почему сторожа труда? Потому что человек после грехопадения должен влачить свое существование на Земле и трудиться в поте лица своего. То, что речь о здешнем, земном пространстве, показывает и местоимение «где», которым начинается стихотворение, и которое раскрывается в расстановке пунктов жизненного пути Малевича «город – страница – железо – поляна – квадрат» с расшифровкой: Витебск – Хлебников – Эль Лисицкий – Хармс – доски гроба. После строк «в досках другими исполнен / белого гроба эскиз», напоминающих о том, что перед смертью Малевичем был создан эскиз супрематического гроба, который впоследствии выполнили его ученики Николай Суетин и Константин Рождественский, Айги снова обращается к полю, месту захоронения праха Малевича, недалеко от деревни Немчиновка: он связывает квадратное поле, – усиленное кубом на могиле, как символом вечности («склеп как куб, как символ вечности»), – с круглой звездой.

Как и следовало ожидать, предисловие к книге стихов Малевича «В честь Мастера – несколько абзацев» Айги написал в супрематистском, беспредметном ключе. Все четыре абзаца, в которых заключена суть отношения Айги к Малевичу начинаются словом «здесь», но это разные «здесь»: в первых двух – это земное «здесь», в последующих двух абзацах – это «здесь» супрематических стихов Малевича. Первые два «здесь» уведомляют в духе Екклесиаста («Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем») о вечно бессменном одном и том же – о дескриптивно-изобразительном, которое царит в поэзии, об утверждающем себя глагольном действии, которое оборачивается бессловесностью:

> Здесь,
> когда современная поэтическая словесность, бессознательно сохраняя давнюю страсть к *описательности*, занята бесконечной инвентаризацией «нового», «технически-сделанного» мира, –
>
> здесь,
> где мелкость глаголов кажется единственно-сущей под небом пустым – Бессловесием, –

Этому бессознательно-динамическому поэтическому языку противопоставляется супрематическое Слово Малевича, вырывающееся из-под власти мира вещей, мира видимостей, в открытое пространство Вселенной, в беспредметность, в пустоту, в которой творческий процесс исходит из «чистого сознания» и «чистого возбуждения»,

т.е. он не бывает миметическим, а наоборот, является «чистым действием», в котором сосредоточено всеобщее возбуждение мира. Там звуковые массы в свободном парении ждут форму, которая засвидетельствовала бы их присутствие:

> здесь,
> движется *творящее* Слово Поэта-Малевича («распределение масс звуковых»), -- «неуклюже» вырывающееся -- «в мировое пространство» («чтобы форма давала воображению присутствие» этого), намекая на свою совершенную -- в будущем -- пластику («мучительное» здесь -- «переходное» Его состояние), –
>
> здесь,
> среди веющих судорог того, что не сказано, держатся в движении сплавы-и-глыбы -- Слов, а верней – Словосмыслов – «творческие пункты Вселенной» вокруг Созидающего.

В процессе создания собственной поэтики Айги двигался по пути, намеченному Малевичем. Когда Айги говорит о поэзии как «мышлении ритмом, ритмическом мышлении» и о поэте, который «обладает лишь “оголенным” внутренним ритмом», он опирается, с одной стороны, на данное Малевичем определение беспредметности как ритмически свободного, чистого возбуждения, с другой стороны, на его мысль, что новым поэтам «нужно определенно стать на сторону звука (не музыки)», ибо звук и есть «элемент поэзии». Другими словами, поэт должен высказаться в пользу не метра, а ритма, причем единого ритма.

Этот единый ритм Малевич положил в основу работы «Супрематизм как чистое познание», который для него тождествен молчанию: «Человек сам стремится к достижению молчания и молчание это назвал ритмом, т. е. <это> такой момент, где нет разлада различий, все ритмично согласно и связно, как единозвук в множестве». Этот единый ритм проявится в последней его поэтической сентенции: «Цель музыки / Молчание».

К аналогичному тезису приходит и Айги: его поэтика молчания и тишины соответствует супрематической пустоте и чистоте. Молчание для Айги это освобожденное, беспредметное, чистое слово, и, как таковое, восходящее к Богу: «Молчание – как “Место Бога” (место наивысшей творческой Силы)».

ПОЭЗИЯ & ПЕРФОРМАНС.
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

TOMAS GLANC (SWITZERLAND), SABINE HÄNSGEN (DEUTSCHLAND)

В отличие от конкретной или визуальной поэзии, поэтические перформансы раскрывают не только материальную или медиальную сторону языка, но и его ситуативный аспект. Они дают возможность творчески реализовать целый ряд различных способов языкового выражения.

Когда общественная и политическая речь выхолащивается, когда власть с цинизмом начинает использовать слова, поэзия, этот «язык, обращенный к самому себе, — высказывание с установкой на выражение», становится орудием рефлексии и критики.

Три слова — поэзия, перформанс и перспектива — связаны с одним из тезисов нашей исследовательской работы, который вкратце звучит так: если искусство перформанса в Западной Европе и Америке можно считать реакцией на культуру потребления позднего капитализма с ее переизбытком материальных вещей, то перформанс в восточноевропейских культурах был, в первую очередь, полемикой и борьбой с политико-идеологической составляющей официальной культуры — культуры текстов, манифестов, инструкций и лозунгов.

ЛИТЕРАТУРА

Glanc, Tomáš, Hänsgen, Sabine (eds.). 2019. *Poetry & Performance. Die osteuropäische Perspektive*. Dresden: Motorenhalle.

Glanc, Tomáš, Hänsgen, Sabine (eds.). 2024. *Poezie & performance. Východoevropská perspektiva*. Praha: Památník národního písemnictví.

Glanc, Tomáš, Hänsgen, Sabine (eds.). forthcoming 2025. *Poetry & Performance. The Eastern European Perspective*. Leipzig: Spector Books.

ИЛЬЯ ЗДАНЕВИЧ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА СЕРИЙНОСТИ В РУССКОМ АВАНГАРДЕ

Валерий Гречко (Япония)

При исследовании творчества футуриста Ильи Зданевича со всей остротой встает вопрос о механизмах генерирования заумных слов. Заумный корпус его «дра» можно оценить приблизительно в 6 – 7 тысяч слов – это сопоставимо со всем объемом творчества Хлебникова и на порядок больше, чем неологизмы, представленные у Крученых или Терентьева. По какому принципу возникли все эти сотни страниц текста, плотно исписанных несуществующими словами? Каждый, кто попробует выдумать хотя бы пару десятков заумных слов, сможет неожиданно для себя убедиться, что это не такая простая задача. Когда счет идет на сотни, очень трудно избежать однообразия и повторений. Однако в произведениях Зданевича мы встречаем тысячи заумных новообразований, бесконечно разнообразных по звуковому составу, ритму и графическому оформлению. В отличие от Хлебникова, Крученых и Терентьева, Зданевич не оставил нам практически никаких «технических указаний», касающихся производства заумных слов. Однако это не означает, что у него не было своих излюбленных «приемов» и «орудий».

Во многих работах, касающихся классификации зауми, в качестве приемов образования заумных слов рассматриваются типы деформаций и отклонений, соотносимые с различными уровнями языковой структуры естественного языка: фонетическим, морфологическим, синтаксическим и т. д. Вероятно, для анализа зауми Хлебникова такой подход является вполне продуктивным. Однако когда мы переходим к творчеству Зданевича, то быстро выясняется, что чисто лингвистические критерии, опирающиеся на языковую норму и ведущие от нее свой отсчет, оказываются недостаточными. Значительная часть зауми Зданевича просто индифферентна к естественному языку и никак с ним не соотносится. Особенностью этой зауми является то, что значительная ее часть состоит из новообразований, не сводимых к какому-либо образцу и не поддающихся интерпретации. Эти элементы заумного языка не имеют семантического плана и автономны в том смысле, что они не реферируют к внешним по отношению к зауми сущностям (например, словам естественного языка или языковой норме), а соотносятся только с другими такими же заумными элементами внутри текста. Эту особенность заумного языка Зданевича необходимо учитывать и при его исследовании. Описание «автономной» зауми должно заключаться не в попытках соотнести ее с какими-либо внеположенными смыслами, а в выяснении способов связи

элементов между собой, то есть в исследовании алгоритмов порождения текста.

Как известно, в естественных языках порождение высказываний и текстов задается правилами синтаксиса. В основе синтаксиса лежит разделение слов на классы с различными семантико-грамматическими характеристиками («части речи»), различной валентностью и способностью сочетаться друг с другом. В известном смысле это похоже на правила классической музыкальной гармонии, в которой ступени звукоряда находятся в различных функциональных взаимоотношениях (тоника, доминанта и т. д.), определяющих их сочетаемость и возможность развертывания в музыкальные фразы. В случае заумного языка синтаксические правила остаются в силе лишь в тех случаях, когда заумные новообразования еще сохраняют какое-либо лексическое и грамматическое значение и могут быть соотнесены с определенными частями речи. Однако для большого массива «автономной» зауми Зданевича синтаксические правила организации текста становятся неприменимы: так как подобные заумные слова полностью утрачивают признаки соотнесенности с грамматическими классами, все правила сочетаемости утрачивают силу.

Место синтаксических правил естественного языка занимает принцип серийности, который становится у Зданевича одной из ведущих стратегий организации текста. Главное отличие обычного языкового синтаксиса от серийного можно сформулировать следующим образом. Элементы естественного языка находятся в иерархических отношениях друг к другу, поэтому их последовательность ограничена определенными, заранее заданными правилами, опирающимися на эту иерархию. В противоположность этому, элементы серии равны между собой и принципиально могут комбинироваться в любом порядке. Их последовательность задается алгоритмом, который автор текста каждый раз определяет ad hoc в зависимости от своего конкретного замысла, а затем многократно повторяет.

В качестве примера серий, наиболее характерных для произведений Зданевича, можно привести следующие.

Простейший вид серийной организации представляет собой алфавит. Его последовательность задана заранее, поэтому автору остается лишь пользоваться готовым порядком букв. У Зданевича алфавитная серия открывает начальный заумный эпизод его первой драмы «Янко крУль албАнскай». Алфавитные серии становятся устойчивой речевой характеристикой разбойников на протяжении всей этой драмы, однако в дальнейших драмах цикла Зданевич к ним больше не обращается – вероятно, слишком конвенциональный и узнаваемый порядок алфавита не вполне соответствовал

«автономности» зауми, к которой он стремился.

Значительное количество серий в драмах Зданевича организовано в соответствии с определенным звуковым и/или ритмическим рисунком. Наиболее простым случаем здесь является редупликация – повторение (точное или вариативное) частей заумного слова или высказывания. Особенно широко пользуется Зданевич редупликацией слогов открытого типа со структурой согласный – гласный (цецеце, зузузу*ра*). Преобладание открытых слогов в сочетании с явно выраженным хорейным метром и обилием звуковых повторений сближает данный звукоритмический рисунок с детскими считалками, заумными заклинаниями и глоссолалией.

Очень продуктивным приемом оказываются у Зданевича серии, построенные на основе принципа звуковых повторений. Наряду с обычными аллитерациями, то есть случаями повышенной частотности каких-либо согласных в определенных фрагментах текста (которые также имеют место), для организации текста его драм характерны развернутые серии заумных последовательностей, в которых одна часть слова буквально повторяется, а другая варьируется. Обычно такие серии построены по эпифорическому типу, при котором неизменным остается окончание (*ли*вот *ду*вот *ра*вот / *ко*вот *зы*вот *хю*вот). Встречаются у Зданевича и анафорические повторы, в которых неизменным остается начало фразы (*ба*ч шы*ре*т р/ б*ач* шы*ре*т м).

Наконец, можно отметить и серии, в основе которых лежит только определенный ритмический рисунок, безотносительно к звуковому составу. Конкретные формы такого рисунка могут быть весьма разнообразны, от односложных «рубленых» последовательностей (*до*нт к*ро*фк *ло*хт *ма*км эльг) до сложных в метрическом отношении фрагментов с «закольцованной» серединой (ф*ра*м *го*м хыхыды*ро*т *ро*в *ге*з/ *хо*р б*ре*м воро*ле*ст *и*р *и*н г*ре*й).

Таким образом, анализ наиболее распространенных типов заумных новообразований, с которыми мы встречаемся в драмах Зданевича, показывает, что они находятся на противоположном полюсе по отношению, например, к неологизмам Хлебникова, за которыми почти всегда более или менее явно «просвечивает» семантика русских (или – шире – славянских) слов. Заумь Зданевича отличается и от языковых экспериментов его товарищей по группе «41°» – Крученых и Терентьева. Несмотря на то, что обоим этим поэтам чужды семантические устремления Хлебникова, в образовании большинства своих неологизмов они также отталкиваются от русской языковой основы. Глагол «отталкиваться» здесь как нельзя более уместен, поскольку у этих поэтов-футуристов явственно преобладает деструктивный вектор: сдвиги, фрагментирование,

перестановка элементов и т. д. О зауми Зданевича подобного утверждения сделать нельзя. В значительной своей части его заумные слова не являются попыткой обогатить язык какими-то новыми, доселе неизвестными смыслами, как у Хлебникова; в то же время не являются они и осколками или деформированными элементами, образованными в результате атаки на существующий язык, как у Крученых. В этом отношении обширный массив зауми Зданевича находится как бы в другом измерении – она безразлична к «нормальному» языку, не стремится его ни усовершенствовать, ни разрушить.

Что же касается принципов текстопорождения, то к зауми Зданевича применимы понятия, ведущее свое происхождение из музыки. Серийная техника, над которой работали композиторы Новой венской школы в то же самое время, на которое приходится заумное творчество Зданевича, явилась решительным шагом в освобождении музыки от тональной и ладовой основы и тем самым ее окончательной десемантизации. Ее синтаксис стал определяться не иерархизированными правилами гармонии, а линеарным алгоритмом серии. Аналогично этому, стремление уйти от семантически нагруженных элементов естественного языка с его грамматической структурированностью привело Зданевича к новому, оказавшемуся для него чрезвычайно продуктивным принципу серийного построения текста.

НАСЛЕДИЕ ПОЭТОВ ГРУППЫ «ОБЭРИУ» В ЛЕНИНГРАДСКОЙ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ 1960-Х ГОДОВ: НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Илья Кукуй (Германия)

Изучение роли наследия ОБЭРИУ в советской неофициальной культуре является актуальной исследовательской задачей: преемственность абсурдистских экспериментов Даниила Хармса, Александра Введенского и других членов Объединения реального искусства и поэтов их круга для целого ряда авторов позднего советского времени сегодня кажется очевидным фактом. Возможность таких интертекстуальных параллелей, однако, оказывается проблематичной для раннего этапа неофициальной культуры — а именно 1960-х годов, когда творчество обэриутов было известно лишь крайне фрагментарно. Так, при жизни Хармса, Введенского и Николая Олейникова публиковались фактически лишь их детские произведения. Творчество Константина Вагинова — и стихотворения, и проза — издавалось в 1920-е – начале 1930-х годов, однако к ОБЭРИУ, как и ко многим другим литературным объединениям того времени, он примыкал лишь внешне, и его поэтика не может считаться в полной мере «обэриутской» (вне зависимости от трактовки этого понятия). Личный архив Якова Друскина, спасшего в блокаду наследие Хармса и Введенского, был, за считанными исключениями, закрыт для исследователей до второй половины 1960-х годов (см. Мейлах 606, 621–623; Эрль 2011: 215), и количество произведений, имевших хождение в самиздате, было достаточно ограниченным. (Установление списка этих произведений также представляется важной и еще не достигнутой целью). Издания Хармса и Введенского в тамиздате начали появляться в переводах с конца 1960-х годов (см. Попова 2018), по-русски в 1970-е годы (первые отдельные издания — Гибиан 1974, Казак 1974). Собрание стихотворений Николай Олейникова вышло в Бремене в 1975 году, а раннее и позднее экспериментальное творчество Игоря Бахтерева стало литературным фактом неофициальной культуры лишь после начала его сотрудничества с Анной Таршис и Сергеем Сигеем в издаваемом ими самиздатском журнале «Транспонанс» в 1980 году.

Исключением является творчество Николая Заболоцкого. Его первая поэтическая книга «Столбцы» была издана в 1929 году, а осенью 1965 года после долгих цензурных перипетий выходит представительный том его стихотворений (включая «Столбцы»), поэм и переводов в серии «Библиотека поэта». Автор вступительной статьи А. Турков, несмотря на неизбежное для той эпохи идеологизирование, подробно останавливается на

поэтах ОБЭРИУ и даже приводит отрывок из «Начала поэмы» А. Введенского. Через год книга Туркова «Николай Заболоцкий» выходит в издательстве «Художественная литература» небольшим по советским меркам тиражом 10 000 экз.

Ввод творчества Заболоцкого в официальный оборот — в первую очередь как представителя последней группы предвоенного авангарда, обладавшей в Ленинграде легендарным статусом, — оказал большое влияние на становление поэтики молодых поэтов неофициальной сцены Ленинграда. Однако еще до выхода книги можно отметить растущий интерес к раннему творчеству Заболоцкого.

В 1963 году в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена поэт Леонид Аронзон (1939–1970) пишет дипломную работу на тему «Человек и природа в творчестве Н. Заболоцкого». Текст работы до нас не дошел, и мы можем только гадать о ее содержании по тем следам, которые творчество Заболоцкого и, в частности, центральная для него натурфилософская тема оставила в поэтике Аронзона, однако факт существования диплома примечателен не только для изучения творчества Аронзона, но и для понимания истории рецепции Заболоцкого: по справедливому замечанию И. Лощилова, «если в последующие годы постановка проблемы и выбор героя дипломной работы [...] могли бы выглядеть банальными, то в 1963 году, всего через пять лет после смерти Заболоцкого, это было не так» (Лощилов 2008: 195). Спустя три года после защиты диплома Аронзоном выходит книга его научного руководителя В. Н. Альфонсова «Слова и краски» (1966) с главой «Заболоцкий и живопись», в которой можно найти вероятные отголоски бесед учителя с учеником. Кроме отмечавшихся многочисленных интертекстуальных параллелей с творчеством Заболоцкого в стихотворениях Аронзона (Хаба 2021) и посвященного Заболоцкому сонета (Лощилов 2008), отметим центральную для нарративной и пространственной конфигурации художественного мира Аронзона роль поэта-созерцателя, отраженную в опубликованной посмертно ранней статье Заболоцкого «О сущности символизма» (1922?)[1]: «Поэт, прежде всего, — созерцатель»[2] (Заболоцкий 2014: 511).

С начала 1960-х годов Аронзон поддерживал дружеские и творческие отношения с поэтами Алексеем Хвостенко (1940–2004) и Анри Волохонским (1936–2017). Начало их общения совпало с отходом Аронзона от круга Иосифа Бродского и может считаться

[1] Статья сохранилась в составе рукописного журнала «Мысль», хранившегося в рукописном фонде Музея Педагогического института им. Герцена, выпускником которого, как и Аронзон, был Заболоцкий. Возможность знакомства Аронзона с этой статьей, обнаруженной впервые в 1978 году, ничтожно мала.
[2] О роли созерцания в поэтике Аронзона см. Казарновский 2025.

показательной сменой поэтических парадигм. Характерно высказывание Хвостенко в одном из позднейших интервью: «Хотя я очень дружил с Бродским, когда мы были молодые люди еще совсем и жили рядом, но постепенно разошлись, и, несмотря на все мое уважение к его труду, вся его школа мне стала довольно далека. Гораздо ближе мне стал Заболоцкий, обэриуты, московская школа — Холин, Сапгир» (Кукуй 2024: 27). Заслуживает внимания интерес Анри Волохонского к поэме Заболоцкого «Рубрук в Монголии», опубликованной впервые в сборнике Заболоцкого «Избранное» в 1960 году. Волохонский познакомился с поэмой годом раньше по ходившим по рукам спискам (Волохонский 2014: 336) и гораздо позднее, в начале 2000-х годов, написал к ней комментарий. Его интерес вызвали как предполагаемые политические подтексты поэмы, так и тот факт, что «его <*Заболоцкого — И. К.*> стихи потому ускользают от уразумения, что в них нет привычного для нашего интеллигента образа стиха» (там же: 336). Показательно, что носителем иного «образа стиха», выходящего за рамки традиционного интеллигентского канона, выступает здесь произведение позднего, а не раннего Заболоцкого.

Если в случае Аронзона, Хвостенко и Волохонского интерес к Заболоцкому сформировался уже в конце 1950-х – начале 1960-х годов, то для поэтов более младшего поколения решающую роль сыграл именно выход тома в «Библиотеке поэта» в 1965 году. Прежде всего следует отметить здесь Владимира Эрля (псевдоним В. И. Горбунова, 1947–2020) и Александра Миронова (1948–2010), видных членов неофициального содружества поэтов Малой Садовой. Эрль неоднократно говорил и писал о важности выхода этой книги для своего становления (см., в частности, Эрль 2011: 87), то же отмечалось в отношении Миронова (Николаев 2010: 378). В 1966 году Миронов и Эрль организуют литературную группу Хеленукты, наследующую поэтической традиции ОБЭРИУ в первую очередь через поэзию Заболоцкого, поскольку именно она по сравнению с творчеством других обэриутов оказалась к тому времени представлена наиболее полно и в достаточной степени отражала близкий Хеленуктам дух литературного абсурдизма, «где все возвышенное снижено, а “низкое” возвышено до внеразумных пределов и превращений» (Николаев 2010: 379). Несколько позднее Эрль вместе с М. Мейлахом начнет работу над рукописями Хармса и Введенского из архива Друскина и других источников, результатом чего станут первые собрания сочинений Хармса в бременском издательстве «K-Presse» (1978–1988) и Введенского в издательстве «Ардис» (1980–1984).

Настоящие заметки освещают лишь внешние рамки, позволяющие судить о роли освоения поэзии Н. Заболоцкого в неофициальной ленинградской культуре 1960-х годов, в результате чего поиски поэтов ОБЭРИУ стали важной составляющей языка экспериментальной поэзии позднесоветского периода. Дальнейшее исследование ставит своей задачей подробный анализ поэтики Л. Аронзона, А. Волохонского, А. Хвостенко, А. Миронова и В. Эрля с целью установить, какие именно черты художественного мира Заболоцкого, характерные для поэтики ОБЭРИУ как целого (о чем можно говорить лишь с определенной долей условности), стали особенно привлекательны для упомянутых поэтов и нашли отражение в их творчестве.

БИБЛИОГРАФИЯ

Волохонский А. (2014): Собрание произведений в 3-х томах. Т. 2: Проза. Москва: Новое литературное обозрение.

Гибиан Д. (1974): Хармс Д. Избранное. Редакция и вступительная статья Джорджа Гибиана. Вюрцбург: Jal-verlag, 1974.

Заболоцкий Н. (2014): Метаморфозы. Составление, подг. текста и коммент. И. Лощилова. Москва: ОГИ

Казак В. (1974): Aleksandr Vvedenskij. Izbrannoe. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack. München: Verlag Otto Sagner. — Arbeiten und Texte zur Slawistik, 5.

Казарновский П. (2025): «Изображение рая»: поэтика созерцания Леонида Аронщона. Москва: Новое литературное обозрение.

Кукуй И. (сост.) (2024): Алексей Хвостенко и Анри Волохонский: тексты и контексты. Москва: Новое литературное обозрение.

Лощилов И. (2008). О стихотворении Леонилда Аронзона «Сонет душе и трупу Н. Заболоцкого» // Wiener Slawistischer Almanach. Band 62. S. 195–225.

Николаев Н. (2010): Воспоминания о поэзии Александра Миронова // Петербургская поэзия в лицах. Очерки / Сост. Б. Иванов. Москва: Новое литературное обозрение. С. 371–391.

Попова А. (2018): Ранняя рецепция Даниила Хармса в Германии в 1960–1980-х годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 6. С. 63–68.

Хаба А. (2021): Л. Аронзон в заболоцкой среде обитания // Лестница — научно-образовательный проект студентов и преподавателей ОП «Филология» НИУ ВШЭ — Нижний Новгород. № 4. https://lestnica.space/aronzon/ (29.05.2025)

Эрль В. (2011): С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов. Санкт-Петербург: Юолукка.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «АВАНГАРДНОСТИ» В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ, О ГЛАЗКОВЕ И ОКОЛО НЕГО

МАССИМО МАУРИЦИО (ИТАЛИЯ)

Поэзия Николая Глазкова и некоторых других линтинституских поэтов конца 1930-х гг. неоднократно оценивалась как неофутуристическая, или постфутурисическая, в частности благодаря тому, что молодые ребята попадали под влияние тогдашних преподавателей, например И. Сельвинского, С. Кирсанова или Н. Асеева, ведших поэтические семинары в ВУЗе.

Если в случае Глазкова, линия преемственности с футуризмом (прежде всего с менее радикальным витком в лице Маяковского), очевидна, в случае других поэтов его круга, она не так явна. В данном сообщении я буду обращаться внимание прежде всего на поэзию М. Кульчицкого, “одного их наиболее талантливых молодых поэтов»[1] того времени, в сопоставлении с творчеством самого Глазкова.

Поэты сильно отличаются, как биографией, так и интенцией стихописания. Кульчицкий погиб на войне в начале 1943 года, в возрасте 23 лет. Таким образом, судить о его поэтическом пути трудно, поскольку его наследие крайне скупо и сам поэт не смог полностью сформироваться.

В начале 1940-х гг. Н. Коржавин еще не учился в Литинституте, но уже тесно общался с будущими коллегами. В своих мемуарах он вспоминает, что «у них принято любить Пастернака и Сельвинского, а презирать Твардовского и Симонова».[2] Названные имена, мне кажется, бросают свет на особое отношение к поэзии, и к авангарду в частности. Во-первых, наверно, здесь названы поэты не только живые, но и действующие, что исключило, например, Крученых. Во-вторых, в конце 1930-х-начале 1940-х гг. вслух и публично упоминались только тех авторов, которые так или иначе принимались властью. А в-третьих, выбор именно Сельвинского и Пастернака, особенно в сравнении с более традиционными Твардовским и Симоновым, говорит о широком понимании авангарда (если иметь в виду пастернаковское вхождение в Центрифугу, особенно умеренный виток авангардных течений), скорее как о последней фазе модернистской эстетики. Более того, официальный дебют Сельвинского относится к 1923 году, когда говорить об авангарде в строгом (каноническом) смысле уже не приходится.

[1] *Вспоминания о Николай Глазкове*. М. Советский писатель. 1989. С 71.
[2] Н. Коржавин. *В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в двух книгах*. Кн. I. М. Захаров. 2007. С. 487.

И действительно связь молодых поэтов с авангардной традицией часто носит поверхностный характер, прежде всего – если говорить о довоенном периоде – это скорее касается того, как поэт себя позиционирует в социуме. Н. Глазков в 1939 году создает группу Небывалистов, вдохновляющуюся – хотя бы на уровне программы – футуристическими манифестами и декларациями. Тем не менее в творчестве того времени не так уж много следов футуристической эстетики.

Для Кульчицкого, неоднократно написавшего о Хлебникове и Маяковском (эти имена – самые частотные и в творчестве Глазкова) идея футуризма, бунта, свойственного будетлянам, тесно связана с собственным романтическим восприятием времени, явно окрашенным идеологическими мотивами. Этот же романтизм свойственен множеству других молодых поэтов его же круга, и именно романтика сыграла ключевую роль в решении многих и них записаться добровольцами на фронт, как только появилась возможность.

У Кульчицкого это чувство всплывает часто и о нем говорится прямым, открытым текстом:

> А я романтик.
> Мой стих не зеркало —
> но телескоп.
> К кругосветному небу
> нас мучит любовь:
> боев
> за коммуну
> мы смолоду ищем.
> За границей
> в каждой нише
> по нищему;
> там небо в крестах самолетов —
> кладбищем,
> и земля вся в крестах
> пограничных столбов.
> Я романтик —
> не рома,
> не мантий
> не так.
> Я романтик разнаиспоследних атак![3]

Кульчицкий, как и Глазков, указывает на свою приверженность футуристической эстетике с помощью формальных элементов, в данном случае – рифм и ассонансов в конце процитированного фоагмета («ищем / нише / нищему»), но и демонтажа

[3] *Советские поэты павшие на Великой Отечественной войне.* Серия: библиотека поэта. М.-Л. 1965. С. 366.

центрального слова стихотворения, «романтик», на «составляющие», согласно поэтическому видению автора. В этом можно усмотреть параллель с принципом сдвигологии, хотя здесь с явно другой коммуникативной интенцией, нежели у Крученых.

Такой же прием манифестируется в одном из самых известных стихотворений того же Кульчицкого, «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!..», последнем стихотворении, написанном перед смертью. Интересно, что именно «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!..» можно рассмотреть, как образец поэтики Кульчицкого в целом: неслучайно, выступающий в политехническом институте Слуцкий в фильме «Мне двадцать лет» именно эти стихи и читает, вспоминая товарища и других, погибших на войне.

Я раньше думал: «лейтенант»
звучит «налейте нам».
И, зная топографию,
он топает по гравию.

Война ж совсем не фейерверк,
а просто трудная работа,
когда,
        черна от пота,
                вверх
скользит по пахоте пехота.[4]

Слово Лейтенант, по-крученых демонтированное, передает то же ощущение бурной молодости и куража, свойственных романтическому поколению «фронтовиков», особенно перед тем, как начать воевать. Следующие стихи как бы умеряют этот романтический порыв, в них поэт констатирует сущность войны как обычного дела, но квази-тождество слов в последнем процитированном стихе опять же отсылает к поэтике Маяковского, который так или иначе постоянно мелькает в стихах молодого поэта.

Одно из самых интересных текстов открывается эпиграфом из Хлебникова и носит название «Самое такое». Оно и повторяется в искаженном виде в последнем стихе стихотворения.

Приведу начало и конец:

Но если бы
кто-нибудь мне сказал:
сожги стихи —
коммунизм начнется, —
я только б терцию

[4] Там же. С. 377-78

промолчал,
я только б сердце свое
слыхал,
я только б не вытер
сухие глаза,
[…] А потом взял бы
и написал
тако-о-ое…[5]

Название «самое такое» структурно отсылает к «Про это», сохраняя ту же неясность темы, хотя у Маяковского по ходу поэмы все же выясняется что имеется в виду под «этим», в то время, как у Кульчицкого «Такое» остается не до конца разрешенным, фигурируя всего лишь в качестве намека на грандиозность будущего сочинения. Как мне представляется, здесь кроется еще один пласт, указывающий на авангардность. Если вспомнить «Лазоревый логарифм» И. Игнатьева, стоящем особняком в традиции пустотного текста не только эго-футуризма, то устанавливается связь с такого рода текстами. Здесь читателю стоит только представить себе что будет «тако-о-ое». Кроме того, у Игнатьева читатель как бы сочиняет (досочиняет) свое произведение, что и делает его, произведение, более реальным для самого читателя. Так же и оперирует Кульчицкий.

Такая же неопределенность и характеризует другое его стихотворение, «Хлебников в 1921 году», которое завершается такими словами:

Бездомная,
бесхлебная,
бесплодная
Судьба
(Поскольку рецензентам верить) –
Вот
Эти строчки,
Что обменяны на голод,
Бессонницу рассветов – и
На смерть:
(Следует любое стихотворение Хлебникова)[6]

Текст остается открытым, поскольку здесь подходит *любое* стихотворение поэта-будетлянина, безотносительно к сожержанию, форме и т.д., способно вернуть к жизни уже умирающее, о чем говорится в предыдущих, здесь не процитированных, стихах. Максимальная открытость текста схожа с идеей незавершенности, которая как раз

[5] М. Кульчицкий. *Рубеж. Стихи.* Эл. Ресурс: Электронная библиотека RoyalLib.comю https://royallib.com/read/kulchitskiy_mihail/rubeg_stihi.html#20480 (Обращение 24.04.2025).
[6] *Советские поэты павшие на Великой Отечественной войне.* Указ. соч. С. 359.

активно разрабатывалась в русском футуризме: поэма Гнедова «Смерть искусству», например, не просто визуализирует отсутствие, но в ней вербальная составляющая постепенно сужается за счет того неопределенного, но ощутимого, что проявляется через пробелы, заменяющие слова. Эти слова как бы наличествуют (15 поэм Гнедова объявлены именно «поэмами»), но их просто не видно потому, что они не выразительны, они – семантические нули. Здесь тоже роль читателя первична он должен «дополнить» произведение собственными мыслями-словами, которые, конечно могут быть любыми, в зависимости от читающего и его сугубо личного восприятия. Так же примерно и функционирует стихотворение Кульчицкого, которому подходит *любое* стихотворение Хлебникова.

РУССКАЯ АВАНГАРДНАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ НЕОАВАНГАРДНАЯ ПОЭЗИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТ С СИНТАКТИКОЙ И ПРАГМАТИКОЙ

Ольга Соколова

Если сложные отношения итальянских и русских футуристов начала XX в. проанализированы довольно тщательно, те связи, которые протягиваются между началом и второй половиной XX в. в рамках экспериментальной традиции до сих пор не становились объектом специального исследования.

Неоавангард как: 1) теоретико-эстетическая тенденция, характерная для послевоенной культуры и «направленная на возрождение и развитие традиций исторического авангардизма первой трети XX в.»; «служит общим понятием для обозначения ряда новых явлений в искусстве: поп-арт, неодадаизм, флуксус, акционизм, гиперреализм, концептуализм, постконцептуальное искусство, ситуационизм и т.д.» [Елисеева А. Неоавангардизм // Словарь течений лит-ры XX в. Т.1, 2023: 697]

2) Впервые термин «неоавангард» (*neo-avant-garde*) возникает в конце 1950-х гг. в дискуссиях итальянских поэтов, которые позже образуют одноименное направление, в частности, его употребляет Э. Сангвинети.

самоопределение художественных направлений (прежде всего, итальянской неоавангардной «Группы 63»: (Л. Анчески, Э. Сангвинети, У. Эко и др.; в Австрии, Германии и Швейцарии: конкретная поэзия, Штутгартская группа, Венская группа, Грацкая группа; французский «новый роман» и группа «Тель Кель» (Ф. Соллерс, Р. Барт, Ж. Батай, М. Бланшо и др.); в России: Трансфуризм).

3) объединение под знаком «неоавангарда» различных авторов, не всегда составляющих общие школы, которое основано на осмыслении ими своей преемственности к авангардной традиции и развития установок на языковой эксперимент (в разных странах Европы и в США: неодадаизм, минимализм; в России: неоавангард, неофутуризм, неомодернизм).

Итальянский неоавангард: принципы «оппозиционной поэтики»

Итальянский неоавангард (или неоавангардизм, neoavanguardia) – это «художественное течение в Италии 1960–1970-х, ориентирование на радикальное обновление итальянской культуры через возрождение опыта исторического *авангардизма* (первая треть XX в.) и *модернизма* и освоение актуальных тенденций

европейской мысли (структурализма и постструктурализма, семиотики, феноменологии, психоанализа)» [Голубцова 2023: 699-700].

Для итальянского неоавангарда было характерно развитие и переосмысление ключевых поэтических и эстетических установок авангарда начала XX века.

Факторами, повлиявшими на переосмысление достижений раннего авангарда и трансфер ключевых положений авангардной эстетики в Европе 1950–60-х гг. – и прежде всего в Италии - стали:

1) Стремление восстановить связи с историческим авангардом и осуществить трансфер эстетических идей раннего авангарда в искусство XX в.,

2) идеи франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, В. Беньямин), связанные с выявлением закономерностей взаимодействия авангардного искусства и политики;

3) а также распространение концепций структурализма и постструктурализма.

И наконец, 4) противостояние господству неореализма (журнал Officina, П.П. Пазолини и др.) в послевоенном европейском искусстве.

Кратко описывая истоки итальянского неоавангарда, отметим, что в 1961 году поэт и литературный критик Альфредо Джулиани опубликовал значимый для современной итальянской поэзии сборник “I Novissimi. Poesie per gli anni ‘60” («Новейшие поэты: стихи 60-х годов»), включающий тексты самого Джулиани, а также Эдоардо Сангвинети, Антонио Порта, Нанни Балестрини и Элио Пальярани. В 1963 г. тридцать четыре итальянских деятеля искусства создали литературно-художественное объединение “Gruppo 63” («Группа 63»), куда вошли также Умберто Эко, Джулия Никколаи и многие другие.

Развивая протестную повестку раннего футуризма, итальянский неоавангард формирует более сложную стратегию протеста, или оппозиции. Можно провести параллели между эстетической базой неоавангарда и критическим дискурс-анализом (А. Грамши, Л. Альтюссер, Ю. Хабермас, М. Фуко и др.): оба направления ведут свое происхождение от марксизма; они направлены на выделение дискурса как одного из аспектов социальной практики, раскрытие механизмов влияния и формирования общества.

Марксистская концепция неоавангарда строится на интеграции поэтической трансформации языка и политической трансформации общества. В связи с этим можно вспомнить классическое высказывание К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе» (1845 г.): «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Однако, в отличие от критического дискурс-анализа, целью неоавангарда было не только выявление аналитических механизмов воздействия на адресата, но и экспериментальное обновление языка, разложение его на компоненты с использованием структурной фрагментации, смысловой деавтоматизации и повышения роди прагматики в поэтическом языке. Они стремились революционизировать язык и повысить его действенность, что должно было привести к трансформации общественно-политической системы.

В отличие от раннего авангарда, требование обновления языка в итальянском неоавангарде было основано не на прямом протесте против существующих языковых, политических и социальных норм, а на критическом отношении к ним. Критика эта охватывала классическое и буржуазное искусство, наследие итальянского футуризма, а также существующие социально-политические и языковые нормы.

Названия манифестов: Nanni Balestrini “Linguaggio e opposizione” (1961); Edoardo Sanguineti “Ideologia e linguaggio” (1965), Renato Barilli «Какое обязательство» “Quale impegno?” (1963); «Над авангардом» “Sopra l’avanguardia” (1963), Giorgio Manganelli «Литература как ложь» “La letteratura come menzogna” (1967), Angelo Guglielmi «Писатели консерваторы, писатели революционеры»“Scrittori conservatori, scrittori rivoluzionari” (1976) и др.

Выдвинутая в фокус идея революционизации поэтического языка происходила не столько через работу со словом, сколько через сближение художественной речи с разговорной, преодоление синтаксических норм и классических ритмических канонов. Обыденный язык понимался и как орудие трансформации поэзии, и как источник поэтической инспирации, меняющий не только синтактику (разговорный синтаксис) и семантику (расширение значений через вовлечение бытовой лексики), но подрывающий саму основу жесткого разграничения на «поэтическое» и «не-поэтическое» через изменение прагматики.

Далее мы рассмотрим подробнее векторы влияния Маяковского на итальянскую поэзию второй половины XX века, ориентированную на языковой эксперимент, которые прослеживаются в творчестве самых разных деятелей искусства: и представителей неоавангардной «Группы 63», и более широкого круга поэтов, критиков, философов, режиссеров и музыкантов, посвящавших поэтические оммажи, эссе и фильмы ВМ.

Преемственность протестной повестки неоавангарда по отношению к раннему авангарду, и в особенности, к творчеству Маяковского, подчеркивал У. Эко: «Язык

перестает быть нейтральным средством коммуникации, становясь практикой перманентной подрывной деятельности; взрыв диктатуры смысла – это единственный способ взорвать политическую диктатуру. Создавая коллективные тексты и распространяя новые тексты, “передаваемые по кругу”, мы окрашиваем форму жизни в красный цвет, как того хотел Маяковский: это письмо, называемое “мао-дадаистским”, переворачивает связи между искусством и жизнью» [Eco 1983: 61].

Журнал “il verri” (с 1956), который стал площадкой для выражения идей неоавангарда, неоднократно публиковал тексты русских футуристов и даже посвящал им целые выпуски. Например, на обложке первого номера 1958 г. размещена фотография Маяковского с подписью «Футурист Маяковский (1913)». В “il verri” были опубликованы рецензия А. Джулиани на статью «Как делать стихи» В. Маяковского (№ 1, 1962) и «рецепт» Э. Сангвинетти с названием «Как делать стихи». Кроме того, «заумному языку» были посвящены № 29–30 (1983).

Первым выдвигает Маяковского в ряд ключевых для неоавангарда поэтов Э. Пальярани, отмечая, что из двух основных направлений в современной поэзии, «лирического», восходящего к древнеримской поэзии, и «эпико-драматического», относящегося к англосаксонской линии, представленной в творчестве Элиота, Паунда, Одена, особый интерес представляет второе, с которым также сближается творчество Брехта и Маяковского.

Для неоавангардистов одним их ключевых теоретических положений становится концепция действенности поэтического слова Маяковского, лежащая в основе нового понимания прагматики в авангарде.

Наряду с теоретическим осмыслением идей Маяковского, его творчество вдохновляло неоавангардистов и на создание поэтических посвящений. Адриано Спатола, поэт, близкий к «Группе 63», дает своей поэтической книге говорящее (даже кричащее) название «Маяковскиииииииий» (1971).

Помимо «Группы 63» и близкого к ним круга поэтов, влияние эстетической революции, сделанной Маяковским как в области поэзии, так и в других видах искусства, выразилось в поэтических книгах и видео-посвящениях итальянского экспериментального поэта Джанни Тоти. Поддерживая связи с историческим авангардом, Тоти обращается к русскому футуризму, открывшему «созвучие между политической и языковой утопией» (Muzzioli F.).

Многообразие референций к русской футуризму в итальянской поэзии второй половины XX века — часть русско-итальянского литературного общения, начавшегося

в начале XX века и продолжающегося на протяжении XX–XXI веков. Этот межкультурный диалог позволяет высветить те поэтические инновации и языковые эксперименты, которые были значимы не только в границах отдельной культуры, но и имели более широкий резонанс.

СТРАСТИ ПО ФАНАЙЛОВОЙ

Елена Кусовац (Сербия)
Филологический факультет Белградского университета

В русской поэзии в период с 1990-х по нулевые происходят большие перемены, вызванные историческими и политическими потрясениями. Падение Берлинской стены, переворот в Советском Союзе, чеченские войны, балканская война — лишь некоторые из тех важных событий, которые привели к нарративизации поэзии. В некотором смысле поэзия берет на себя роль прозы и анализирует многие исторические события, травмы и последствия, одновременно пытаясь найти ответы и решения. Кроме того, в то время концептуальная поэзия исчезает. Интеллектуальные поэтические игры, иронизирование постсоветского общества, перформативность, навязанные дистанции к объективной реальности, развитые концепции обезличенности уступают место оригинальному и аутентичному лирическому выражению, в котором поэт уже не является сторонним наблюдателем, созданным героем альтернативных историй, говорящим от имени чужих языков. Формируется новое течение в поэзии, далекое от концептуальной поэтики, но близкое постмодернистской, которое американский славист Марк Липовецкий называет «необарокко», относя к нему Полину Барскову, Андрея Сен-Сенькова, Дениса Осокина, Веру Павлову и поэзию Елены Фанайловой.

На нарративизацию поэзии обращает внимание и Фёдор Сваровский, украинский поэт и журналист. В частности, в журнале РЕЦ 2007 года он анализирует поэтические течения конца XX века и, выделяя «нарративность», необычно острые темы и сюжеты, а также концентрацию смысла не только на реальной личности автора и его лирическом выражении, но и на «каком-то метафизическом и часто скрытом смысле, который всегда находится за пределами текста», вводит термин «новый эпос». Хотя Фанайлову он не приводит в качестве примера, стоит отметить, что многие элементы, озвученные в этом литературном манифесте, характерны и для её поэзии.

«Я пишу за нацию документы / Строчу донесения»

Поэзия Елены Фанайловой — документальная и нарративная. Надежность описанных событий напоминает репортаж, часто путевые заметки, что в основном связано с её журналистской профессией. Жанрово разнородная, ее поэзия включает дневники, письма, жития, некрологи-посвящения, беседы. Это видно уже из названий стихов и циклов: «Жития святых в пересказах родных и товарищей»: «Рассказ брата», «Разговор

с Аркадием Ипполитовым», «Стихи для Лены Долгих», «Стихи для Любы Аркус», «Стихи для Григория Дашевского». В своей поэзии Фанайлова фиксирует жизнь людей и передает нам историко-политический и социальный контекст, в котором они пребывают, пропуская их через собственное размышление. Таким образом, лирический субъект находится в непрерывном диалоге с культурами, что делает её поэзию универсальной. Она отвергает существование симулякров — у неё всё «живо, сплетено, реально, но и разрушено, превращено в пыль». Нет места для интеллектуальных игр, чтобы смысл выражения стал «глубже» и «элитарнее». Её поэзия – сильна, реактивная, это поэзия борьбы. Пересматривая настоящее и прошлое, лирический субъект движется по точкам истории, напоминая нам о важных событиях, обстоятельствах, о контекстах цивилизаций, народов, наций — от Гранады до Варшавы, от Афганистана до Беслана, от Ирака до Балкан. Её поэзия содержательна, фактографичная, наполнена конкретной информацией, о которой поэтесса размышляет и «адаптирует» ее для русского читателя. В этом и заключается её роль как поэта — вестника, переводчика и проводника. Один из её сборников называется *Русская версия*. В интервью Борису Бергеру Фанайлова говорит: «У меня все время такое чувство, что адаптирую для русского читателя какую-то информацию, которая у меня в голове сконструирована по совершенно нездешнему образцу. Вроде бы я пишу очень русскую историю, то есть историю человека, который живет на этой земле, в этой стране, он сложен всей русской культурой, ее достоинствами и недостатками. Но он себя все время чувствует, как переводчик. Вышел на экраны родины американский блокбастер, и нужно сделать русскую версию этого фильма»[1].

Фанайлова находится в непрерывном диалоге с миром, собой, Богом и поэзией. Центральные темы — любовь, смерть, свобода, личность, война, страдания, коллективное сознание, ответственность и вина. В своих стихах Фанайлова описывает адскую жизнь, демоническую, нечеловеческую и дикую, где люди — звери со «звездами и тоской». Граница между жизнью и смертью эластична и непостоянна: «Не главное для мертвых нас»[2]. Можно согласиться с утверждением Марка Липовецкого, который считает, что «Стирание границы между жизнью и смертью выступает у Фанайловой как важнейший атрибут *пространства исторической травмы*, ставшего

[1] Е. Фанайлова //Русская версия, М. 2005, С. 120.
[2] Е. Фанайлова / (intro к циклу Троя vs Лисистрата). // День независимости (Троя vs Лисистрата) // Сноб. 2017. https://snob.ru/selected/entry/125462 (30.04.2025)

вместе с тем *неосязаемой нормой существования»*[3]. Её поэзия выразительна, реалистична, динамична и лишена абстракции.

В своем диалоге с Борисом Бергером Фанайлова подчеркивает: «Мне интереснее писать про людей, какими они являются втайне для себя. Это такой правильный хороший вопрос, потому что у меня почти нет абстрактных стихов. Все они связаны с реальными людьми, но это их какая-то другая оболочка. Практически за каждым стишком существует конкретный персонаж. Даже не один, их много. У меня-таки мании, это не вполне шизофреническое пространство. Если бы я не писала, я бы, наверное, сошла с ума»[4]. Отсюда — диалог с миром и с собственной проекцией. Фанайлова мапирует точки в пространстве и свидетельствует их социальную и культурную идентичность. Она — genius loci всех боевых мест современности. В этой полифонии нет ясных границ между нарративом и мифом, пространством и временем, жизнью и смертью — «Всё помнится и все помнятся». Верная хроникёрша указывает на актуальную общественную симптоматику и протестует против социально-политического устройства, в котором индивидуум является манипулируемой объектом каждой системы, сопутствующим ущербу для всего мира: «И еще невероятный эгоцентризм нашего рода / Убивающие за имперские интересы»[5].

Ее поэзия динамична, напряжена, непредсказуема из-за частой смены нарративов, дигрессий и комментариев, что можно увидеть, например, в стихотворении *Испанская баллада*. Когда героиня, будучи туристкой, бродит по испанским церквам и кладбищам, чувствуя, что уже была в этих местах в прошлой жизни (но как монах, служащий инквизиции), её размышления прерывает звонок подруги, чтобы сообщить, что их общую подругу убил молодой человек, с которым она жила, воткнув ей нож в тело 30 раз. Другие отступления, которые на первый взгляд «мешают» основной истории, — арест Политковской и смерть журналиста Шведова. Цепочка смертей, окружавших героиню, политическое и семейное насилие, реальные страдания приводят к ощущению несоответствия и непонимания своей страны: «Когда я бываю в других странах, / Я понимаю, зачем / люди там живут и даже / Зачем они там умирают». / Только про свою родину / Не могу ничего понять». Последний стих отсылает к строкам Тютчева «Умом Россию не понять».

[3] М. Липовецкий // Негатив негативной идентичности // Воздух, №2, М. 2010.
[4] Е. Фанайлова // Русская версия, М. 2005, С. 126.
[5] Е. Фанайлова, #Зимнядорога #Дьяволреалити.

Диалогическая структура её текстов и склонность к нарративу раскрывают нам Фанайлову — журналистку и Фанайлову — психоаналитика, — поэтессу, в центре творчества которой человеческое существо, независимо от того, о ком идет речь: о Фриде Кало, Эржебет Батори, Ларсе фон Триере или же о её близких, продавщице в магазине, бомже на улице, проститутке, или обо всех тех, кто стал сопутствующим расходным материалом тоталитарных режимов и закрытых обществ. Она говорит о них. Она говорит о нас. Её поэзия — это и факт, и свидетельство, и боевой клич, и реквием для живых. Неудивительно, что С. Львовский назвал её «поэтессой войны».

«Мир, знаете ли, раскололся, и трещина прошла через сердце поэта»

Фанайлова документирует цивилизацию, в которой люди «обречены на жизнь», и чье слово должно быть услышано, сохранено и навсегда остаться в памяти: «У мертвых речи нет. О мертвых речи нет. / Есть у последнего бомжа, / У осужденного на жизнь»[6]. Пропасть между «демоном империи» и гражданином, поэтом (отсылка к украинскому поэту Сергею Жадану), Фанайлова переносит на коммуникацию, на типы языков, которыми говорят «мы» и «они», и завершает стихотворение *Стихи Жадану* советом: «Эти твари, эти демоны империй / Им нужно вырвать язык / Тебе и мне нужно вырвать / Из общего разума / Нашу уверенность в том, что они говорят нашим языком / Нашу уверенность в речи / Не нужно делать своё тело / Их прямым заложником»[7].

Поэзия Фанайловой — исключительно субъективная, глубоко эмоциональная, интимная, ироничная, а иногда и жестокая. Её герои, как и сам автор, часто оказываются в пограничной зоне между любовью и смертью, пленом и свободой, между настоящей, реальной войной и медиа-войной, между коллективными и личными страданиями. Фанайлова рисует социальную гетеротопию, наполненную хаосом, дисбалансом и ужасами, вызванными войной, страданиями, преследованиями. Она отражает «менталитет нации», ведя нас по булыжникам Балкан: «Сараево поражает в самое сердце: / Восемь мечей, семь мечей/[8]», «Сараево как вороново крыло / Покорное артобстрелу/[9]; по улицам Гранады: «Через белые улицы / Ходят мертвые люди / Среди них Гарсиа Лорка / Который любил этот город / Который его убил /»[10]; через Украину: «На месте городов стоят руины. / Что ты сделала с телом Украины, / соперница моя,

[6] Е. Фанайлова // Русская версия, М. 2005, С. 16.
[7] Е. Фанайлова, Стихи Жадану // Єлєна Фанайлова: Тут якась страшенна спека… Майдан // http://maydan.drohobych.net/?p=47296. (30.04.2025)
[8] Е. Фанайлова // Лена и люди, М. 2011. С. 117.
[9] Там же. С. 118.
[10] Там же. С. 25.

красавица? / Её поля, просторы, долины / не могут быть мёртвыми/»[11]; через Афганистан: «Я получаю письма из Афганистана: / Носишь ли ты паранджу? / помнишь ли бой / в нашей деревне? /твои телеграммы / Изольды к Тристану / девочки, мертвой царевны?/ Ты служила тогда / в нашем взводе самоубийц»[12]; и Россию: «Тебя погубит эта (моя) страна / Её военная математика / Её спецслужбы / Её иллюзии и конструкты / Её беспринципность / Её лживое гадство. /»[13].

Поэтесса призывает к бдительности против «ложных истин», различных «гибридных» истин, которые она не отвергает, но считает несуществующими, потому что истина может быть только одна: «Двух мнений быть не может. / Не существует истины гибридной. / Мы часть больших идей / мы человек протестных площадей / мы пепел и алмаз / Варшава и Кузбасс/[14]». В цикле *Троя Лисистрата* её бунт достигает апогея. Хотя одна из главных тем — античная, Фанайлова переносит античный код в современность, сама берёт на себя роль Лисистраты и строит аллегорию героической античной цивилизации, помещая её в современный исторический контекст, подчеркивая, что сегодня героизм и страдания заменены лицемерием и любительской клоунадой. Так, лирический герой в монологе Ахилла заявляет: «Читайте Гомера. / Изучайте первоисточник. /Я был автором и героем эпического кошмара, /Манипулятором высшей пробы»[15].

Фанайлова говорит о мире, в котором обесценивается не только жизнь, но и смерть, фальшивая, негероическая, подражательная смерть: «Как хорошо быть среди старых героев или злодеев / Трудно всерьез принимать подражателей, / см-ти не любящих лицедеев/»[16]. Во многих стихах она критикует гипертрофированный культ государства, которое в своих имперско-военных тенденциях использует насилие над личностью. Она разрушает миф об империи, основанный на ностальгии, что видно во многих произведениях современной русской литературы. Имперские амбиции связаны с войной, завоеваниями, страданиями и массовой мобилизацией людей, готовых отречься от коллективной идентичности ради личной выгоды. Говоря о «вкусе

[11] Е. Фанайлова // Из цикла *Троя vs Лисистрата*. Одинокий голос человека. http://maydan.drohobych.net/?p=47296. (30.04.2025)
[12] Е. Фанайлова // Неожиданный постскриптум к циклу Троя-Лисистрата http://maydan.drohobych.net/?p=47296 (30.04.2025)
[13] Е. Фанайлова, Стихи Жадану // http://maydan.drohobych.net/?p=47296. (30.04.2025)
[14] Е. Фанайлова // https://discours.io/articles/culture/10-sovershenno-raznyh-stihotvoreniy-iz-antologii-zhivye-poety-ot-polozkovoy-i-mileshkina-do-vasyakinoy-i-mujuice (30.04.2025)
[15] Е. Фанайлова // Из цикла *Троя vs Лисистрата* // #Троя монолог Ахилла, https://www.kultinfo.com/novosti/2654/ (30.04.2025)
[16] Там же.

насилия»[17] у Фанайловой, Липовецкий подчёркивает, что это состояние исторической катастрофы, которая стирает связь между жизнью и смертью, Эросом и Танатосом, насильником и жертвой, — и что в некотором смысле его можно представить как жёлтый Unheimlich двойник постмодерна, который, в отличие от постмодернистского, «продлевает» историческую катастрофу, растягивает её и основывает в оксиморонической катастрофической повседневности.

Лирический субъект принимает чужие идентичности, отождествляя себя с жертвами (Фрида Кало, Жанна д'Арк, Марина Абрамович) или даже берёт на себя личную и коллективную вину (письмо Сергею Жадану): «Я спрашивал тебя о нём, поскольку я отчасти он / Нет, не спасти во мне ума. Что мне сгоревший батальон. / Какая есть во мне вина и правота, и страшный яд / Империя ли я или её распад / И сердцеед я, и убийца, и победитель, и покойный/»[18]. Фанайлова может взять на себя роль и палача, и жертвы, но не может отождествиться со своей нацией, где царит апатия, пассивность, недоразвитое гражданское общество, провинциализм, ксенофобия, антисемитизм.

В *Испанской балладе* героиня видит себя мужчиной и монахом при инквизиции: «/Видели здание инквизиций, / где я работала в одной из прошлых жизней, / когда была мужчиной и монахом /»[19]. Нестабильность её идентичности лучше всего показана в стихотворении *Я — райская птица*: «Я райская птица / Я старая птица / Я старая райская птица / Я красная девица / Я актриса / Я маленькая жирная крыса / Пораженная кариесом / Под столом, / Где см-ть сидит с набитым тьмой / И пищеводом и животом / И завтракает, завтракает / И подведенные сурьмой / Глаза и брови у нее / И я сейчас вопьюсь ей в пах / От ненависти / От ярости в ляжку /»[20].

Лексический план поэзии Елены Фанайловой сложен и разнороден. Помимо языковых игр, которыми поэтесса щедро пользуется, важным конструктивным элементом её текстов является ирония и автоирония, что сближает её поэзию с постмодернизмом: «За окном улица, которой нет. / У смерти уже такой легкий вкус, / Гигиенический лаконизм / и бедная лексика наизусть. / У смерти уже такой легкий слог. / Ее улыбка модели „Вог“»[21]. Поэтические реминисценции из литературы, кино, музыки и искусства, частые дигрессии, архаизмы и разговорный язык, возвышенный и низкий

[17] М. Липовецкий // Негатив негативной идентичности // Воздух, №2, М. 2010.
[18] Е. Фанайлова // Из цикла *Троя vs Лисистрата* // #Троя монолог Ахилла, https://www.kultinfo.com/novosti/2654/ (30.04.2025)
[19] Е. Фанайлова // Испанская баллада // Лена и люди // М. 2011. С. 29.
[20] Е. Фанайлова // Лена и люди // М. 2011. С. 55.
[21] Е. Фанайлова // С особым цинизмом // https://vavilon.ru/texts/fanailova6-1.html. (30.04.2025)

стиль, сленг, бюрократический и тюремный жаргон, ругательства, а также сложные стихотворные формы — от традиционной до верлибра — делают её поэзию эклектичной и непредсказуемой: «Уберите камни с моей могилы / заберите руки с моей груди / Позабудьте, как меня рвали / Назгулы, демоны Поднебесной. Не ходите кругами. Эта битва мне никогда не казалась честной / Как бокс ногами, секс и оригами. Эта длинная тяжба живых с Хозяйкой/ этот слишком конкретный договорняк / С лизоблюдами, с недоумков стайкой. / Пуля в голове, в животе коньяк, / и со взяткой и с лестью ее кунак»[22].

[22] Е. Фанайлова // Из цикла *Троя vs Лисистрата* // #Троя монолог Ахилла, https://www.kultinfo.com/novosti/2654/ (30.04.2025)

BLOC 2.2

L'ÉCRITURE SAINTE DANS LES CULTURES SLAVES : FONCTION SACREE DE LA COULEUR, DE L'ODEUR ET DU SON / СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ В СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ: САКРАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЦВЕТА-ЗАПАХА-ЗВУКА

Organisateur : MARCELLO GARZANITI

Наталья Запольская Коды сакральности в славянской книжности: цвет-запах-звук 1

Marcello Garzaniti От чувственного восприятия до духовных чувств в церковнославянской книжности 2

Ольга Рудакова, Наталья Мосягина Ольфакторный код в гимнографии: Восток и Запад 3

Ирена Шпадиер Адские муки и земной рай: звуковые эффекты в средневековой литературе 4

Pierre Gonneau На пороге, или Текстуальный мотив призвания святого 5

КОДЫ САКРАЛЬНОСТИ В СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ: ЦВЕТ-ЗАПАХ-ЗВУК

НАТАЛЬЯ ЗАПОЛЬСКАЯ

Доклад посвящен *цвету-запаху-звуку* как кодам сакральности, показывающим восприятие человеком христианской культуры соотнесенности тварного и духовного мира. В фокусе исследования агиографические тексты, структура которых включает находящиеся в отношении синсемии буквальный и духовный смыслы; при этом духовный смысл выражен в цитатном пространстве текстов, сформированном библейскими цитатами, реминисценциями и аллюзиями. В свою очередь, агиографические тексты, т. е. книжные тексты конфессиональной культуры, могут влиять на цитатное пространство литературных текстов, т.е. текстов секулярной культуры, что позволяет рассматривать восприятие *цвета-запаха-звука* во времени культуры.

На материале книжных и литературных текстов исследуются базовые функции *цвета-запаха-звука* как кодов сакральности: сигнальная функция («обнаружение» сакрального), дифференцирующая функция (выявление оппозиции сакральное//тварное), идентифицирующая функция (идентификация элементов сакрального). Особое внимание уделяется языковым параметрам: соотношению семантики и идеосемантики слов, а также соотношению грамматических форм церковнославянского языка и русского литературного языка.

ОТ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ДО ДУХОВНЫХ ЧУВСТВ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ

GARZANITI MARCELLO (ITALIE)

В докладе рассматривается переход от описания чувственного восприятия к его интерпретации в духовном ключе - тема, которая имеет глубокие последствия на литературном и филологическом уровне в церковнославянской книжности. Целью является не изучение взаимосвязи между чувственным опытом литургического действия и литургическими текстами, а рассмотрение его теоретического осмысления в паралитургических и дидактических текстах. Анализируя, в частности, принятые формы и текстуальные стратегии, доклад стремится подчеркнуть педагогику перехода от чувственного опыта к духовным чувствам. В первом очереди упоминаются формы притчи, метафоры и уподобления, встречающиеся в *Прогласе*, как свидетельство кирилло-мефодиевского происхождения размышлений о духовных чувствах.

ОЛЬФАКТОРНЫЙ КОД В ГИМНОГРАФИИ: ВОСТОК И ЗАПАД

Ольга Рудакова (France), Наталья Мосягина

Роль запахов в современной жизни, как правило, недооценивают, однако с древнейших времен во всех культурах ароматы занимали важное место наряду с водой и пищей. Упоминание благовоний, а также описание их употребления встречается во многих письменных памятниках различных эпох. Библейские авторы упоминают ароматные вещества не только в историческом контексте, как продукты из повседневной жизни, но также используют их и как поэтические образы.

Изучение темы ароматов в богослужебных текстах восточной и западной христианских традиций позволило обнаружить скрытые смыслы, открываемые через «ароматные» языковые единицы. Множество топосов, выражающих концепт «благоухание», удалось объединить в три лексико-семантические группы: первая группа *Сад* связана с семантическим полем вечной жизни, райским садом; вторая *Миро*/*Елей* связана с семантикой благодати; третья группа *Фимиам* проявляет семантику жертвоприношения.

Благодаря «ароматным» вербальным формулам и мотивам, актуализирующим одоральную память, гимнограф направлял ход мыслей молящихся, вызывая те или иные ощущения, а распевщик с помощью интонационного языка усиливал это воздействие.

АДСКИЕ МУКИ И ЗЕМНОЙ РАЙ: ЗВУКОВЫЕ ЭФФЕКТЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ИРЕНА ШПАДИЕР (СЕРБИЯ)

Звук в средневековой литературе может играть значительную роль. Наряду с непосредственно музыкальной формой выражения, каковой является церковное песнопение, в самом литературном тексте мы находим звуки, опосредованные языковыми средствами. Эти звуковые эффекты своей *неприятностью* или *приятностью* рисуют окружающую ситуацию, в которой оказался герой, или его состояние духа. В первом случае (шум, рев животного, шипение змеи) путем различной интенсивности звука, который по сути является шумом, иллюстрируются подвижнические искушения и терзания демонов, представленные обычно в градационном ряду. Во втором – приятными тонами (милое щебетание птиц, песни ангелов) изображается внутренний мир и достигнутый покой литературного героя.

НА ПОРОГЕ, ИЛИ ТЕКСТУАЛЬНЫЙ МОТИВ ПРИЗВАНИЯ СВЯТОГО

Пьер Гонно (Франция)

Среди известных житийных мотивов фигурирует первоначальный отказ игумена в постриге пришедшему к нему юноше как форму искушения будущего ученика. В древнерусской агиографической традиции XI–XVII вв. подобные мотивы и цитаты такого типа составляют своего рода цепь. Например, между постригом Феодосия Печерского в Киево-Печерском Патерике и борьбой Сергия Радонежского против бесов прослеживаются общие черты. Таким образом, автор Житии Сергия, Епифаний Премудрый показывает, что Сергий вполне продолжает традицию печерских подвижников «в земли нашей Русстѣй, и въ странѣ нашей полунощнѣй». Однако златая цепь цитат и намеков находит продолжение и далеко за пределами самого агиографического жанра, в художественной литературе XIX века (в стихотворении «Порог» И. С. Тургенева), и даже в известной антиутопии Джорджа Оруэлла, «1984». Герои Оруэлла, Уинстон Смит и Юлия, готовы отречься от всего, но пытаются сохранить себе частное, неприкосновенное место; тем самым они оказываются более уязвимыми, чем святой отшельник прежних веков, который с уверенностью твердил старцу «елико ми велиши творити, сътворю».

BLOC 2.3.
NOUVEAUX DÉFIS DE LA PALÉOGRAPHIE SLAVE / НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СЛАВЯНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

Organisateur : MARCO SCARPA

Марко Скарпа Новые вызовы славянской палеографии 1

Вася Велинова Ранната българска кирилска графика в контекста на взаимоотношенията модел-реципиент (върху материал от X-XII в.) 2

Милена Давидовић Српски скрипторијуми 14. столећа и дигитална палеографија: могућности приступа и истраживања 3

Елисавета Мусакова Писмо и стил 4

Constanța Burlacu From Data to Discovery: Insights from The Kopisti XIV Database 5

Marta Riparante Digital Methods in South Slavic Palaeography: Bulgarian Scribal Practices in the 14th Century 6

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СЛАВЯНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

МАРКО СКАРПА (ИТАЛИЯ)

Первые палеографические исследования славянских рукописей появились еще в XVIII веке, но научное развитие славянской палеографии началось со второй половины XIX века, когда стали появляться капитальные работы, важные и до сегодняшнего дня. В последнее время перед славянской палеографией стали новые вопросы и новые вызовы, которые будут в центре внимания предлагаемого тематического блока.

Можно ли все еще говорить о палеографии только как о вспомогательной дисциплине? Не следует ли признать, что было бы правильнее рассматривать "южнославянскую палеографию" и “русскую палеографию” отдельно? Каким может быть вклад новых технологий, в частности дигитальных, для развития дисциплины? Нужен ли новый подход к почерку, чтобы предложить методику идентификации почерков отдельных копиистов? Как определить роль скрипториев и школ в истории письменности? Такие и подобные вопросы мы хотим поставить и попробовать найти их ответ.

РАННАТА БЪЛГАРСКА КИРИЛСКА ГРАФИКА В КОНТЕКСТА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯТА МОДЕЛ-РЕЦИПИЕНТ (ВЪРХУ МАТЕРИАЛ ОТ X-XII В.)

ВАСЯ ВЕЛИНОВА (БЪЛГАРИЯ)

Целта на доклада е да представи графичния облик на най-ранните, достиинали до нас кирилски книжовни паметници, в ролята им на модел за останалите славянски народи, приели християнството – руси и сърби. На базата на ранните ръкописи от трите езикови редакции (X–XII в.) да изтъкне общото и специфичното, породено от конкретните условия на контекста, в който се развиват отделните книжовни практики. Целта на подобни наблюдения е да се постави още веднъж въпросът за палеографското осмисляне на различията и оттам да се дискутира ефективността на опитите за нови палеографски пособия и категоризации на типовете писмо.

СРПСКИ ПИСАРИ И СКРИПТОРИЈУМИ НА СВЕТОЈ ГОРИ У 14. ВЕКУ: МОГУЋНОСТИ ДИГИТАЛНОГ ПРИСТУПА И ИСТРАЖИВАЊА

Милена Давидовић (Србија)

Окосница рада јесте палеографско истраживање српских светогорских рукописа 14. века, с циљем да се представе и истовремено размотре предности и ограничења дигиталног палеографског метода који је изнедрен као један од главних резултата међународног пројекта Fourteenth Century South Slavic Scribes and Scriptoria. Утврђени, традиционални и нашироко примењивани приступи у новије време се све чешће преиспитују и истовремено постављају пред изазове дигиталне палеографије. Применом дигиталног палеографског метода у истраживању појединачних српских рукописа светогорске провенијенције настојаће се да се утврде палеографске особине појединачних писара, да би се на основу добијених резултата могли разумети модели обликовања мреже писарске сарадње. На основу добијених резултата биће напослетку могуће ближе и поузданије разумевање карактеристика појединачних светогорских центара писмености - скрипторијума, током једног столећа. Уважавајући културну, друштвену и духовну динамику Свете Горе у 14. веку, и ослањајући се на палеографску анализу рукописних књига светогорске провенијенције, биће најзад представљена и линија развоја српске писмености на Перивоју пресвете Богородице засебно, а онда и унтар шире, јужнословенске рукописне продукције.

ПИСМО И СТИЛ

Елисавета Мусакова (България)

Проектът „Южнославянски кописти и скриптории от XIV век (палеографска атрибуция и онлайн репертoриум)“, който изследва книжовниците и книжовните средища на южните славяни през XIV в., даде за първи път възможност да бъдат събрани в дигитални копия масиви от ръкописи. Подразбиращото се предимство на новите технологии е във възможността всеки почерк да бъде разгледан в детайли и да бъде едновременно съпоставян с множество други, каквато нито проучването *de visu*, нито класическата фотография могат да осигурят. Чрез дигиталните изображения анализът на писмото навлиза в тънкостите на дуктуса, маркирайки и нови насоки в досегашните палеографски подходи. В тях рядко се обръща внимание на стиловите особености на писмото и в палеографските изследвания са излагани аргументи против използването на такъв критерий. Въпреки това стилът, който зависи от редица фактори, има отношение както към историческото развитие на кирилицата, така и към индивидуалните почерци – и даже именно по отношение на тяхното различаване.

В южнославянската кирилска палеография от десетилетия се коментира неудовлетворението от обичайното деление на писмото в двете основни категории устав и полуустав. За дефинирането на техните разновидности специално в българските ръкописи голяма пречка се оказва изключително малкият брой подписани или поне достоверно локализирани паметници от конкретно средище. По тези причини докладът представя първоначален опит върху ефективността от прилагането на стилови критерии при първично обособяване на писачи или ръкописи в обща група. Основният проблем, който трябва да бъде разрешен, е разграничаването на стил от тип и вид писмо. Резултатите от определянето на стилови тенденции в кирилското писмо през XIV век са извлечени от ръкописи с български произход, предимно от сбирките на Националната библиотека и Зографската света обител.

FROM DATA TO DISCOVERY: INSIGHTS FROM THE KOPISTI XIV DATABASE

CONSTANȚA BURLACU (ITALY)

This paper presents the results of the database developed as part of the *Fourteenth Century South Slavonic Scribes and Scriptoria* project, now nearing completion for the 14th century corpus. The project's initial goal was to collect palaeographic data from medieval South Slavic manuscripts and to lay the groundwork for an instrument capable of automatic provenance recognition. Along the way, it became essential to define the palaeographic criteria by which different handwritings could be compared and classified, in dialogue with methodologies from Greek and Latin palaeography.

Now that the database is largely complete, this presentation offers a synthetic overview of the data collected, not limited only to quantitative results, but emphasising their interpretive and cultural significance. Particular attention will be given to the number and nature of scriptoria mentioned in colophons, the balance between known and anonymous scribes, and the various linguistic redactions identified in the manuscripts. These data serve not only as a statistical snapshot of 14th-century Slavonic literary activity but also as a critical resource for understanding manuscript typologies and the broader dynamics of medieval textual production.

Rather than proposing a definitive taxonomy (e.g., reducing all variation to *ustav* and *poluustav*), this paper underscores both the potential and the limitations of the database. It aims to show how such structured data can support new palaeographic inquiries and deepen our understanding of the South Slavic manuscript heritage.

DIGITAL METHODS IN SOUTH SLAVIC PALAEOGRAPHY: BULGARIAN SCRIBAL PRACTICES IN THE 14TH CENTURY

MARTA RIPARANTE (BULGARIA)

In recent decades, one of the principal challenges in the field of Slavic Palaeography has been the integration of information technologies capable of collecting, storing, and managing the expanding volume of data, while enabling sustained analytical interconnectivity. The discipline increasingly requires digital tools that facilitate large-scale, comparative investigations across geographic regions and historical periods, while remaining attentive to the distinctive graphic and material features of individual manuscript traditions. A humanistic-informatics approach to the study of medieval manuscripts demonstrates how digital representation can enhance traditional scholarly analysis – enabling the systematic description of graphic styles, the comparison of script types across time, and also the identification of individual scribes or coherent scribal groups.

The research project *Fourteenth Century South Slavonic Scribes and* Scriptoria *(Palaeographical Attribution and Online Repertorium)* (№ КР-06-N50/4, 2020-2024) was conceived in response to these methodological demands. A central objective of the project was the development of a web-based repertorium that would serve not only as an organised online repository of data on South Slavonic manuscripts of the fourteenth century, but also as a comprehensive digital environment for the structured storage, extraction, and intelligent curation of their metadata. To ensure consistency and scalability in paleographic analysis, the project also developed a descriptive model tailored to the internal and external features of the South Slavonic manuscript tradition.

The present paper outlines the methodological framework and digital infrastructure developed by the project, with particular emphasis on a case study concerning fourteenth-century Bulgarian manuscript production. It focuses on a selected corpus of manuscripts copied by identified scribes – i.e., individuals who explicitly wrote their name in the colophon – thus permitting a more precise reconstruction of individual scribal practices, graphic variation, and scriptorial organisation.

BLOC 2.4

LE PRINCIPE LYRIQUE DANS LA PROSE ET LE THÉÂTRE DU XXE SIECLE : LE CAS DES LITTÉRATURES SLAVES / LYRICAL PRINCIPLE IN THE 20TH CENTURY PROSE AND DRAMA IN SLAVIC LITERATURES

Organisatrice : DANA HUČKOVÀ

Irena Bilińska Absence must have its fForm. On the Poetic Aspect of the Prose of *Po trochu* by Weronika Gogola 1

Iva Málková Constant Elements and Changes of Lyrical Principles in Poetry, Prose and Drama in the 20th Century Czech Literature (a Case Study of František Hrubín) 6

Ani Burova The Birth of the Novel out the Spirit of the Lyric: The Bulgarian Novel from the 1990s 11

Karpinchuk Halyna Lyrical dramas of Lesya Ukrainka 15

Dagmar Garay Kročanová Lyrical Tendencies in Slovak Drama of the 1940s (in relation to the Slovak Version of the Surrealist Movement) 19

ABSENCE MUST HAVE ITS FORM. ON THE POETIC ASPECT OF THE PROSE OF *PO TROCHU* BY WERONIKA GOGOLA

IRENA BILIŃSKA (POLAND)

Using speech act theory, the author analyses the role played in Weronika Gogola's work *Po trochu* by the poetic understood as "a type of meaning different from the others" (A. Okopień-Stawińska) and the extent to which it is important for creating the "surplus of meaning" of the text (P. Ricoeur). Weronika Gogola is a Polish author who lives in Slovakia and actively participates in the literary and cultural life of both countries. The subject of this interpretation is her debut prose work *Po trochu* (2017), which was also published in a translation into Slovak under the title *Po troškách* (2021). With this book, the author follows the convention of regional geography in literary culture that is not only popular in Poland but throughout Central Europe, in which autobiography plays an important role. According to Olga Tokarczuk, "narratives such as: 'Let me tell you my story', 'Let me tell you my family's story', or 'Let me tell you where I've been' are the most popular literary genres today (...) yet surprisingly often, the reading experience is incomplete and disappointing, because it turns out that the expression of the author's 'self' does not guarantee universality" (Tokarczuk 2018). However, Weronika Gogola' s work was a great success on the Polish publishing market and among readers: it won the Conrad Award and the Art Rage Literary Award, and was nominated for the Nike Literary Award, the Angelus Central European Literary Award and the Gryfia Award. It has been translated into several languages.

In my interpretation, I draw attention to the type of message conveyed by the book *Po trochu*, and the extent that it fits into the trends of contemporary literature, which is characterized by blurring the boundaries between genres and literary types (Nasiłowska 2011). My intention is to examine the role played in the prose by poeticism understood as "a type of meaning that is different from the others" (Okopień-Stawińska 1985) and the extent that it is important for the creation of the "surplus of meaning" in the text (Ricoeur 1989). What strategies does the author use to bring prose and poetry closer together (Mukařovský 1941)? At what levels of the text do the textual "I" and the author's "I", understood as the "I" of utterance and the "I" of making utterances, converge? Does this make it possible to read the book from two perspectives – autobiographical and universal?

In terms of theme and genre, Weronika Gogola's book fits into the regionalism that is deeply rooted in contemporary Polish literature. Since the 1990s, interest in the periphery, the borderlands, the countryside, "rurality" and a return to locality and memory has been seen as a response to the crises of modernity (including the crisis of the nation state (Rybicka 2012).

Andrzej Stasiuk and his prose from the 1990s, including *Opowieści galicyjskie* (Stasiuk 1995, English translation: *Tales of Galicia*), are considered precursors of peripheral literature not only in Poland but also in Central Europe. Today, this well-established trend is characterized by a wide variety of themes, subjectivity, poetics and the crossing of genre boundaries. In the last two decades, this trend has been represented by, among others, *Małe liski* (*Little Foxes*) and *Obsoletki* (*Stillbirthlets*) by Justyna Bargielska, *Guguły* (*Swallowing Mercury*) by Wioletta Grzegorzewska, *Podkrzywdzie* (*Harm's Den*) by Andrzej Muszyński, *Skoruń* (*Scallywag*) and *Robinson w Bolechowie* (*Robinson in Bolechowo*) by Maciej Płaza, and many others.

W. Gogola divided her prose into twelve chapters, named after the hours. This organization of the text is an allusion to a twelve-verse Baroque funeral song, which she included in the introduction to the book. The publication is a first-person narrative and the narrator's experiences and emotions are the main measure of the reality described. The time frame of the prose is her childhood and adolescence, presented as a closed, complete experience. The spatial framework is the microcosm of her family home and the village of Olszyny, a village in the Podkarpacie region where the writer comes from.

W. Gogola weaves her own literary pattern by intertwining detailed descriptions of household items, people, places and events with the *telling* of stories passed down in the oral tradition of his family. Gogola's writing strategy is to open up the text to the style of spoken language, to words that go beyond the Polish language system, to invented word combinations. Humour, and sometimes sarcasm, play an important role in protecting the narrative from nostalgia. Individual chapters describe the narrator's subjective relationships with her loved ones. The world presented is the orderly, girlish microcosm of Olszyn, a *locus amoenus* where each character has their specific place and everyone is part of one big, supportive family. The mimetic nature of the description triggers a sense of unity and harmony in dealing with the surrounding reality. It is a story about living life to the fullest, as well as about the accompanying farewells and partings. An important determinant of the stories is therefore the narrative itself, which has the character of a tale, a kind of confession, where "the speaker seizes the world with his speech, his emotionality" (Nabokov 2015).

The descriptive and narrative style of storytelling is a form of representation of community, closeness and rootedness. Therefore, on a narrative level, the book can also be treated as a kind of chronicle, a family book, because the author's prose is also an expression of the pluralization of regional narratives and the polyphony of memory present in Polish culture. Gogola's tools and medium of commemoration are family stories that have been "told", remembered and literarily transformed. The descriptive, storytelling style determines the

portraits created by the author of her family in the broadest sense: grandmothers, grandfathers, aunts, uncles, neighbours, parents, friends, etc. from fragments of their specific character traits, descriptions of their appearance, mannerisms, work, life experiences, children born and buried, unusual habits, quirks, random events and unconventional ways of dealing with them, all the way through to their deaths. However, these departures take place as though off-stage and do not evoke emotions; they are part of the carousel of life and death because, painful memories, nostalgia and initiatory experiences are mixed in optimal proportions. Behind the banality of everyday life lies a secret. The realistically depicted rural reality is inextricably linked to a magical layer, the products of children's imagination and folk beliefs (spells, ghosts, werewolves, Beboki, etc.). Thanks to this, the land of shadows is as present as everyday life. The touch of the Other opens up new perspectives on perceiving, understanding and feeling the world. On the narrative level, contact with the Other takes place through situational descriptions, spells and understatements, opening the text to emotions and fears.

According to Nabokov, "We turn to the storyteller to entertain us, to stimulate in us the simplest kind of mental excitement, to give us a sense of emotional participation, the pleasure of travelling to distant regions of time and space" (Nabokov 2015). Thanks to Gogola's storytelling style, the storyteller undoubtedly entertains and creates a sense of participation and pleasure in learning. However, the question has to be asked: is this the main purpose of the prose in *Po trochu*?

The composition of the book is dictated by the emotional states of the author, which become the main organizing factor of the text. The personal bond between the text and its creator is particularly strong in the poetic passages, where intimacy and the truth of revealed experiences, authentic confessions, and verbal expressions are most vividly manifested. These elements contribute to the authentication of the communicated content, strengthening its motivational power and enhancing its capacity to evoke empathy and emotional engagement from the reader.

The poetic layer expresses the author's feelings and experiences following the death of her father, marking a symbolic alienation from the joyful world of childhood. She finds herself cast into a realm of uncertainty, subjectivity, and the tumultuous depths of her own inner world. In this state of emotional reserve, she leaves behind the enigmatic *Twelfth Hour*—a symbolic marker of transition. Her father's death signifies the definitive end of her childhood and the familiar communal world she once knew. This marks the beginning of an irreversible sense of alienation and helplessness in her relationship with the world.

What had previously appeared as mysterious and threatening in the earlier "hours"—as part of a girl's superstitious imagination—becomes, in the penultimate chapter, integrated into the dynamic between the world and the anti-world within herself. The emotional states expressed in the poetic layer transcend the individual experience of the author and acquire a universal quality, reflecting emotions common to extreme human experiences.

The *clockwork song* form provides a safe framework for confronting these despairing aspects of the self. It can be seen as an attempt to overcome feelings of loneliness and alienation. This is especially poignant given that the author is someone for whom the fusion of both writing and singing is natural. As a performer of Polish, Ruthenian, and Ukrainian folk songs, the author sings a farewell to those fragments of herself that were shaped by and shared with her late father.

What initially seemed to be merely an inspiration—the song—gains deeper meaning when viewed through the lens of the prose's structure and poetic essence. It situates the text within the context of ritual traditions, where rhyme reinforced the solemnity of speech directed to deities. In this light, the chapters of the prose can be seen as extended stanzas of a lament, through which the daughter grieves the passing of her father and her childhood. The chapters, named after specific hours, also serve to rhythmize the text. Through her narration, the author metaphorically sets the clock in motion, describing moment by moment, hour by hour, life by life, and death after death – where the stream of life becomes inextricably intertwined with the stream of death.

The coexistence of epic and poetic layers in the prose of *Po trochu* is a factor of tension, or even competition, at the level of meaning and communication. The epic layer is a representation of the chronicle form, a record of growing up. The lyrical layer is an attempt to express subjective, unique and non-communicable content. Through the syncretism of epic and lyrical poetry, where the biographical and prosaic trajectory intersects with the poetic layer, W. Gogola manages to achieve a parabolic dimension in the story, which makes its narrative universal. The poetic syntax, as well as the convention of presentism in the narrative, emotionally charged descriptions and lyrical digressions, form the main tools used by Gogola to bring the lyric and epic closer together in her text. The organizing factor within the text and the compositional layer of the work is the structure and semantics of the so-called baroque clock song (funeral song), popular in south-eastern Poland, and the emotional states of the author's "I". The receptiveness of the prose to the spoken style, especially to the melody and semantics of lament songs and poetic utterances, shows that Gogola's prose is part of the contemporary phenomenon of blurring the boundaries between poetry and prose.

BIBLIOGRAPHY

DŁUSKA, Maria, 1963. Między prozą a wierszem. *Pamiętnik literacki*, 54 nr 2, s. 457 – 468, ISSN 0031-0514.

GAŁĄZKA, Bartosz, 2017. *Śpiewy żałobne Podkarpacia*. Etnocentrum Ziemi Krośnieńskiej. Opis do pieśni z instalacji wystawy https://www.etnocentrum.pl/pl [online].

GAŁĄZKA, Bartosz, 2017. *Śpiewy żałobne z Podkarpacia.(Z badań własnych)*. Krosno : MKiDzN.

GOGOLA, Weronika, 2017. *Po trochu*. Wrocław : Książkowe Klimaty. ISBN 9788365595515. GOGOLA, Weronika, 2021. *Po troškách*. Bratislava : Slovart. ISBN 9788055644998.

MARCZYŃSKA, Julia, 2021. *Epistula privata. Przyczynek do niewysławialnego w mowie pisanej*. Kraków : Universitas. ISBN 9788324237487.

MROCZKOWSKA-BRAND, Katarzyna, 2009. *Przeczucia innego porządku. Mapa realizmu magicznego w literaturze światowej XX i XXI wieku*. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. ISBN 9788323328117.

MUKAŘOVSKÝ, Jan, 1941. Mezi poesií a výtvarnictvím. *Slovo a slovesnosť*, 17, s. 2. ISSN 0037-7031.

MAYENOWA, Maria, Renata, 1979. *Poetyka teoretyczna. Zagadnienia języka*. Wrocław Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław.

NABOKOV, Vladimir, 2015. *Wykłady o literaturze.* przekł. Zbigniew Batko, Warszawa : Aletheia. ISBN 8373196315.

NASIŁOWSKA, Anna, 1929 – 2011. Proza poetycka, In *Słownik literatury polskiej XX wieku*, red. BRODZKA Alina, Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, s.

NYCZ, Ryszard, 1983. Semantyka "ja" literackiego ("ja" tekstowe wobec "ja" twórcy), Aleksandra Okopień-Sławińska, Teksty nr 6 (1981). *Biuletyn Polonistyczny* 26/3 (89), s. 178, *ISSN 0067-902X.* [recenzja]https://bazhum.muzhp.pl/media/texts/biuletyn-polonistyczny/1983-tom-26-numer-3-89/biuletyn_polonistyczny-r1983-t26-n3_89-s178a.pdf

NYCZ, Ryszard, 1996. *Sylwy współczesne.* Kraków : UNIVERSITAS. ISBN 8370523358.

OKOPIEŃ-SŁAWIŃSKA, Aleksandra, 1985. *Semantyka wypowiedzi literackiej. Preliminaria.* Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich. ISSN 83-04-02055-6

ORSKA, Joanna, Proza poetów. In *Polska poezja współczesna. Przewodnik encyklopedyczny* [online] https://przewodnikpoetycki.amu.edu.pl/encyklopedia/proza-poetow/

PSZCZOŁOWSKA, Lucylla, 2006. Báseň a próza — způsoby a problémy koexistence. *Česká literatúra* 2006, rocz. 54, nr 2-3, s. 10 - 16. ISSN 0009-0468.

RICOEUR, Paul, 1989. *Język, tekst, interpretacja*. Warszawa : PIW. ISBN 83-06-01702-1.

RYBICKA, Elżbieta, 2012. *Nowy regionalizm w badaniach literackich. Badawczy rekonesans i zarys perspektyw*. Kraków : UNIVERSITAS. ISBN 9788324222186

RYBICKA, Elżbieta, 2016. Geopoetyka: konstelacja i światowanie. In *Przestrzeń – literatura – doświadczenie. Z inspiracji geopoetyki*, red. T. Gęsina i Z. Kadłubek, Katowice : WUŚ 2016. ISBN 9788380128460.

SOWIŃSKI, Michał, 2018. Nagroda Conrada 2018 dla Weroniki Gogoli. *Culture.pl* [online] https://culture.pl/pl/artykul/nagroda-conrada-2018-dla-weroniki-gogoli

STASIUK, Andrzej, 1995. *Opowieści galicyjskie*. Kraków : Znak.

ISBN 8370065546.

SZCZYGIEŁ, Mariusz, 2018. *Nie ma*. Warszawa : Dowody na istnienie. ISBN 9788365970312

TOKARCZUK, OLGA, 2018. *Czuły narrator*. Kraków : Wydawnictwo literackie. ISBN 9788308073056.

ZABAWA, Krystyna, 1999. *„Kalejdoskop myśli, wrażeń i obrazów" – młodopolskie odmiany krótkiego poematu prozą*. Kraków : Universitas. ISBN 8370528236.

CONSTANT ELEMENTS AND CHANGES OF LYRICAL PRINCIPLES IN POETRY, PROSE AND DRAMA IN 20TH CENTURY CZECH LITERATURE (A CASE STUDY OF FRANTIŠEK HRUBÍN)

IVA MÁLKOVÁ (CZECH REPUBLIC)

The study presents the nature and transformation of lyrical principles in the poetic, prose and, above all, dramatic works of František Hrubín (1910-1971), one of the key creative figures in the history of Czech literature in the 20th century. The study refers to the basic definition of lyrical principles in the present. It then shows how historical and literary circumstances led this important poet to translate plays and poems, write children's poetry, create dramas and prose stories, and study film. This interpretation traces the return of Hrubín's lyrical principles not only to the roots of the Czech poetic tradition, but also to an exploration of the nature of the human race. It offers a contemporary reception of Hrubín's lyricism and helps to define the nature of his lyric principles. F. X. Šalda, F. Halas, E. Frynta, B. Fučík point out how Hrubín's lyrical principles provide "insights into the meaning and marrow of things" (Halas) and bring "metaphysical anxiety, not impassive static" (Frynta) to the poems, how "the melancholy song of his blood is broken by the longing of spirituality and the regret of unredeemedness" (Šalda).

The study then traces selected lyrical principles in František Hrubín's poetics and their permeation and gradual transformation into genre (from expressive metaphor to parable in drama), so that his works become "a find, a witness system of imprints of the great universe" (Halas). The text focuses on the dramas Srpnová neděle (1958), Oldřich and Božena (produced in 1968, published in 1969) and Kráska a zvíře (1970). In order to understand the characteristics of the lyrical principles in these works, he makes a stop at the simultaneous works for poetry and prose editions and films from the last third of the 1950s to the beginning of the 1970s. In the poetry collections and compositions Proměna (1957), Romance pro křídlovku (1962), Černá denice (1968), Lešanské jesličky (1970), and in the prose works Doušek života (1949) and Zlatá reneta (1964), the individual stops represent the development of meaning through lyrical principles.

In Hrubín's work, the principles of contrast, parallelism, blending, return and choice of naming become decisive. They are often based on juxtaposition. The restlessness and agitation of the senses that form the basis of the author's poetics are based on fundamental, traditional principles. At the same time, their (often repeated) juxtaposition (words, images, timelines) reveals not only the tension of their contradictions, but also their proximity and subsequent interpenetration. In this way their unambiguity is disrupted and their transposition (variation) and transformation of meaning takes place.

The lyrical principle of contrast and parallelism is ever-present in Hrubin's poetic, prose and dramatic work. It gradually transforms. The thematic extremes (evil - good, life - death, youth - old age, love - aridity, naivety - maturity, expectation - dullness, energy - fatigue, etc.) in Hrubin's poetry do not acquire additional characteristics over time, but the controversy is (paradoxically?) shaped and intensified by their proximity. These phenomena are placed side by side (even in a number of variants), which creates uncertainty in their delineation. Doubts return: what is the true nature of what is represented, what is expressed? What is the value of the events depicted in terms of human life? What interpretation of the historical context accompanies or haunts them?

In his plays Hrubín works with the principles of contrast and parallelism, for example in the staging of the speech(s) of individual characters on stage. Key dialogue scenes remain suggestive theatrical dialogues, but simultaneously take on the character of stage monologues. In such a situation, each character delivers a self-identifying speech, which is in fact addressed to him/herself or to the audience and not primarily to his/her partner in the scene. The character asks the audience issues which go beyond the piece.

The lyrical principle of the poetic figure thus contributes to the transformation of metaphor (from a means of determining the character of an image in one lyrical poem, in one theatrical scene, in a drama) into a parabola (metaphor is transformed into the framework of a genre mode). The play Oldřich and Božena is thus not just another romantic play about mythical national history. The subtitle chosen by Hrubin (again, one of the variants of contrasting) or The Bloody Plot in Bohemia suggests this. The play is a parable about sensuality, about love relationships blessed by a child, and at the same time an allegory about the order of world power that suppresses nature and selfhood.

It is the lyrical principle of interpenetration that has the most profound effect on the ambiguous nature of time in Hrubín's work. Hrubín's chronology is broken by the interpenetration of timelines. Past and present are of equal emotional and central value to the identity of the lyrical subject in Romance pro křídlovku, where the inserted dates show the permeation and interconnectedness of the moments 1934, 1933, 1930, 1962. The protagonist of the novel, Zlatá reneta, then returns decades later to the site of her moral failure, convinced that she is returning to the moments of her error and to a solution that will give deep meaning to her life. She moves in the real time of returning, but reflects and speaks to situations long gone.

Hrubín's poetry combines real and mythical time, as in the moments of a summer afternoon in the city and Icarus' rising and falling in Proměna. The principle of temporal

stratification reflects Hrubin's conscious work in choosing poetic names. The epithet 'old' is naturally associated with the adverb 'forever' in verse, creating the contrast of 'forever ancient'.¨

The interpenetrated times of a poem, story or play create a unique space. Hrubin's work is characterised by the coexistence of past, future and present. The lived moment bears traces of the past and shapes the future. A further level of permeation of the above elements and phenomena occurs in Lešanské jesličky – vánoční balada 1970). The biblical Herod pursues Maria and Josef Padevet´s and their child after the Christmas baptism. This intricately composed piece features fragments of Advent songs and Bible verses.

The study also looks at payback and transposition. In Hrubin's work, they concern the naming and transformation of a character. Recurring motifs appear throughout Hrubin's work. They are present in the verses, speeches and dialogues of the characters. In his peak period, these motifs serve to remind the reader or viewer of previous events. The motif acquires a new position of meaning and appears in different compositional roles. Other allusions to classical literary works also appear.

Hrubín's return to Ovid's The Metamorphosis and its representation in 20th century Czech poetry can be read from references to ancient stories in his poetry collections. The circumstances of Ovid's life may also have led to expressions, images, narratives and parables. His fascinating images of transformations grew out of his knowledge of everyday life and depicted scenes of love, eroticism, jealousy or fidelity. They were also created at a time of historical change, when there were changes of leaders, power struggles, wars, moral decay and loss of values; when the poet experienced abandonment.

Hrubín's biography reveals that he had to cope with these conditions and positions as an individual and creator. He could then initiate the depth and message of the metaphors and convey them implicitly. Proměna (1957) features Ovidian transformation for the first time. A grandfather and his grandson play in the water on a peaceful summer day. Concurrently, Hrubín depicts the tragic Ovidian story of father and son, Daedalus and Icarus, using this image and their conversation as well as the father's words to convey the metaphor. Hrubín thus evidently subverts the fundamental nature of metaphorical expression. The relationship between metaphor and metonymy, the poetic trope and the poetic figure is, at best, equivocal.

Hrubin's retelling of Perrault's fairy tale Beauty and the Beast exemplifies the unique nature of the transformation motif. The text under scrutiny here is one that fulfils the nature of Ovid's The Metamorphosis and the nature of the fairy tale (without sentimentality, with an almost ironic reference to many phenomena of human reality). As demonstrated by the images and speeches associated with the transforming effect of fidelity and love, especially in Beauty

and the Beast, there is also evidence of the presence of another element in the individual speakers and characters. This element has not yet been mentioned in Hrubín's lyrical principle of alternative spirituality, "spiritual intimacy and consciousness of the sacred" (Galmiche). In Hrubín's oeuvre, elements of folk piety or traces of Christian religiosity manifest predominantly in the context of motifs or the theme of death. The following examples illustrate the covert experience of the phenomenon under discussion: the words and gestures in Romance pro křídlovku; the ceremonial washing and dressing of the grandfather after his death in Romance pro křídlovku; the search for the child under the snow and the flight from Herod in Lešanské jesličky; and the defence of the unborn child amidst betrayals, murders and disrespect in Oldřich a Božena.

It is evident that Hrubín's authorial expression is permanently determined by traditional lyrical principles (melody, rhythm, metaphor). The knowledge of the principles of filmmaking (the relationship between image and speech, image and narrative, image and time; understanding the possibilities of the return of image and sound motifs in capturing moods, in connecting different places, different time periods) stimulates the transformation of his lyrical profile that has already begun (prosaicisation, speech as the expression of the lyrical speaker, return to tradition and its variation). The rhythmic patterns of verse and the melodic elements of poetic compositions become secondary to the tempo of the discourse of lyrical speakers in poetic compositions, drama and prose. The importance of the rhythmic quality of individual verses and poems is superseded by that of the tempo of the lyrical speaker's discourse. Metaphors add layers of meaning. Their repetition in Hrubín's work is not imitation, but inspiration. They offer surprising echoes and variations on great literary themes.

The image of a particular experience and repetition (e.g. questions in prose, refrains in poetry, echoes in drama) allows viewers and readers to experience a particular emotional or sensory state. The apparent simplicity is Hrubin's cipher. We can return to his work from the late 1950s to the early 1970s as a lyrical document. In the speeches of the lyrical speakers in the poems and characters in the plays, in the reflections of the heroes of the novels, and in the boyhood reminiscences, the personal and the mythical (in the images of everyday moments), the authentic and the figurative are intertwined. In the final phase of Hrubin's work, intimate lyricism turns into a myth-making ritual of performative language.

BIBLIOGRAPHY

BÍLEK, Petr A. 1987. Mácha a Hrubín, skutečnost a výraz: k pojetí skutečnosti ve vztahu k tvaru díla. In *Česká literatura*. roč. 35, č. 2, s. 115–118. ISBN 80-7294-170-4.

BRABEC, Jiří. 1969. Jen v liduprázdnu neznít! In Hrubín, František, *Můj zpěv*. Praha: Československý spisovatel, s. 195-200.
BUREŠ, Ivan. 1946. *Ovidiovy Proměny*. Praha: J. R. Vilímek.
CULLER, Jonathan. 2020. *Teorie lyriky*. Překlad Martin Pokorný. Praha: Karolinum. ISBN 978-80-246-4456-1.
FRYNTA, Emanuel. 2013. *Eseje*. Praha: Torst. ISBN 978-80-7215-462-3.
GALMICHE, Xavier. 2023. *Znaky a přízraky. Výbor ze statí o české a středoevropské literatuře.* Praha: Karolinum.
HALAS, František. 1958. O poesii. In *Magická moc poesie*. Praha: Československý spisovatel, s. 7–26.
KARFÍKOVÁ, Věra. 1969. Hrubín. In *Jak číst poezii*. Praha: Československý spisovatel, s. 194–207.
KROUTVOR, Josef. 2021. Lyrika a dokument. In *Notes (literární eseje a glosy)*. Praha: Torst, s. 227–237. ISBN 978-80-7215-679-5.
MRAVCOVÁ, Marie. 1988. František Hrubín: Romance pro křídlovku. In *Česká literatura*, roč. 36, č. 3, s. 203-224. ISBN 80-7294-170-4.
OPELÍK, JIŘÍ. 1969. Umění chodit po rukou. In *Nenáviděné řemeslo. Výbor z kritik 1957–1968.* Praha: Československý spisovatel, s. 127–130.
TICHÝ, Ladislav. 2004. Co je to podobenství? *STUDIA THEOLOGICA*, roč. 6, č. 1, jaro, s. 1–9. *ISSN* 1212-8570

THE BIRTH OF THE NOVEL OUT OF THE LYRIC: THE BULGARIAN NOVEL OF THE 1990s

ANI BUROVA (BULGARIA)

As with most post-socialist literatures during the 1990s, Bulgarian literature went through a period of exceptional dynamism. Its processes were primarily marked by experiments of all kinds – thematic, genre, stylistic, among others. As a natural reaction and in defiance of the norms and restrictions imposed on creativity in the previous decades, immediately after 1989 literature focused primarily on exploring its own limits and trying out all kinds of poetics.

In this context of innovation and experiment, the parameters of the novel changed as well. The developments within it were related to a characteristic feature of the whole genre system of Bulgarian literature at that time. There is a consensus among literary historians that in the 1990s, its central place was occupied by poetry, that the lyric played a dominant role in the processes of the decade. This is a conclusion based primarily on the fact that it was in poetry that the majority of the seminal phenomena of the period were most visibly and consistently realized. Indeed, many of the books of lyric poetry published at the time were conceptual, even programmatic, and in this sense, poetry did indeed articulate the literary trends current throughout the decade. An important typological specificity of Bulgarian literature in the 1990s is the fact that at the end of the last century even postmodernism, which is traditionally most closely associated with the novel and whose characteristics are most intensively expressed in this genre, found representation primarily in poetry. This does not of course mean that prose was absent from the literary developments of the time or that its manifestations were insignificant. In the context of the 1990s, however, the conceptual nature of poetry made it a more conspicuous hub of the period's characteristic phenomena. Its status also gave it the capacity to act as a source of influences that spread to other genres, including the novel.

The fact is that in the 1990s the novel developed features that can be seen as intrinsic to the lyric – for example, the self's distinctly subjective view of existence, or the fragmentary form of expression. At the same time, their emergence in the genre of the novel is the result not so much of poetry's direct influence on prose as of the much more encompassing impact of factors that defined the artistic phenomena of the period. Chief among these is postmodernism with its inherent generic hybridity.

At the end of the last century, postmodernism established itself as perhaps the most distinct trend both in Bulgarian and in Eastern European literatures as a whole. Its strong influence is mainly due to the fact that its inherent features corresponded to a very high degree with the readiness of post-totalitarian literatures for a large-scale overturning of the literary status quo. Seen in the context of postmodernism, the aspects that emerged in the Bulgarian novel during the 1990s are hardly surprising. One of the most pronounced among them is the metaliterary: most of the works that appeared during the period thematize in one way or another writing, authorship, and language. Another typical trend is the contamination of genres of mass literature (crime novel, thriller, etc.) with problematics typical of "highbrow" fiction (existential or identity themes).

But the contamination is not limited to the novelists' reaching for the resources of popular or genre fiction. It also follows paths that lead more directly to the topic of this article, such as the interweaving of narrative and essayistic writing, of fiction and humanitarian knowledge. A common result of such coexistence is a mixture of styles, the emergence of a heterogeneous language in which the language of fiction co-occurs with that of poetry and with a specialized humanities vocabulary. It is an amalgam characterizing some of the landmark novels of the 1990s. Thus, a novel by Zlatomir Zlatanov, *The Japanese Man and the Stream*, published in 1993, has a non-linear, highly fragmented narrative that includes a criminal thread, but at the same time employs a multi-layered style that comingles artistic language and theoretical and conceptual discourse. Emilia Dvoryanova's *Passion, or the Death of Alice* (1995) also has a sketched-out criminal intrigue, but the novel's actual theme derives from the transformation of humanitarian erudition into a literary plot, while at the same time the language is highly stylized, ornamental, even mannered, and seeks affinity with the structure of the polyphonic musical form. Such examples allow us to speak of generic hybridity and fluidity in the novel in the 1990s, of the emergence in it of artistic elements and techniques that prose borrowed from poetry.

Probably the best resource for exploring the convergence of the novel and the lyric in Bulgarian literature is to be found in the most widely discussed novelistic work of the period – *Natural Novel* by Georgi Gospodinov. Appearing in 1999 – that is, at the very end of the 1990s, it practically encapsulates the pursuits and the experiences of the outgoing decade – existential, social, or literary. At its core is one of the literary themes characteristic of the late twentieth century – the problematic identity of modern man – as well as one of the most representative literary postulates of the 1990s and of postmodernism – the decline and impossibility of "grand narratives."

These allow Gospodinov's work to transform fragmentation into its own highly conceptualized feature, so that here it is adopted both as a narrative principle and as an emblem of being.

The work stands as far as possible from the classic novel narrative and composition. It is composed as a mosaic of (mostly short) fragments in which various themes and plots interweave. Maximizing narrative subjectivity, the book introduces the stories of two characters who bear the same name as the author – Georgi Gospodinov. In addition, the novel's narrative also includes a condensed history of life between the 1960s and 1990s, a natural history of insects and plants, childhood memories, stories accidentally overheard by the narrator... The thematic and generic heterogeneity of the text is complemented by random lists, diary-like notes, scraps of biographies, quotations and pseudo-quotations placed as epigraphs to individual chapters.

But perhaps the real subject of the novel is itself, its own creation. The work literally emerges in response to the question posed in the work itself, about how the novel is possible today. The book describes and tests, in the course of its own creation, a series of alternatives to the genre – a novel of beginnings only, a novel of verbs only, a novel that resembles the faceted vision of a fly or perhaps the pattern of its flight. The demonstratively meta-literary nature of *Natural Novel* is amplified by its reference to a number of tenets of contemporary humanities, most notably those that had a strong influence on the Bulgarian intellectual climate at the turn of the last century.

The bewildering abundance of themes in *Natural Novel* is, moreover, packed into about 150 pages. This is only possible thanks to the chosen principle of fragmentation, which lends the otherwise short novel both conceptual integrity and a broad scope of its meanings. Such brevity and compactness inevitably evoke parallels with poetry and the ability of lyric expression to compress a wide range of meanings and at the same time to arrange them into layers.

But apart from the principle of fragmentation and the hyper-subjective character of the narrative, in *Natural Novel* the lyrical origin makes its presence also in a much more direct way – as epigraphs to some of the chapters Gospodinov has placed short poems written by himself. Like the other parts of the novel, they are varied in terms of their genre – some are short poems, some are haiku, and others consist of a single striking poetic phrase. Their importance in the book is substantial. On the one hand, relative to the chapters to which they belong, they emphasize certain of their meanings and amplify the impact of particular images. If the verses were removed from the text, it would not probably lose its main meanings, but it would certainly be deprived of important nuances, of subtle emphases with which the work directs the reader's attention and

reinforces sense. At the same time, the short poems also form their own lyrical plot – it is no coincidence that years after the appearance of *Natural Novel* the author published an anthology of poems entitled *Ballads and Break-ups* (2007), where he included some of them arranged in a poetic cycle or a short poem under the title "A Natural Novel in 8 Chapters." Separated from the novel, they now form an autonomous whole. This new work is a highly laconic version of the novel, a much more abstract and metaphorical synthesis of its meanings.

The presence of the poems in the book underscores its generic hybridity and its importance to the work's overall world of meaning. It is as if it lays bare the novel's lyrical genesis, its realization as a novel not so much, or at least not only, through the principles of prose but through those of the lyric. Add to this the fact that until the writing of *Natural Novel*, which was his debut in prose fiction, Georgi Gospodinov was known as one of the landmark poets of the 1990s, and the appearance of this book seems to prove a possible contention – that the novel of that decade was born out of the lyric. To add further evidence, the end of the 1990s marked the end of the dominance of poetry in Bulgarian literature and at the beginning of the new century, it was the novel that took centre stage, as is generally the case in most contemporary literatures.

Of course, to claim that the novel of the 1990s emerged straight from the lyric would be an exaggeration, but it is a fact that the experience with the lyric mode of this heavily poetry-marked literary decade spilled over into prose and gave rise to a trend in which the compositional, narrative, and thematic features of the novel were based on lyric principles. A tendency that has proved to be quite resilient in contemporary Bulgarian literature, though most prominent at the turn of the last century, it has left a legacy whose manifestations we can trace to this day.

BIBLIOGRAPHY

Antov 2010: Антов, Пламен. *Поезията на 1990-те: Българско и постмодерно*. Пловдив: Жанет 45.

Dojnov 2007: Дойнов, Пламен. Българската поезия в края на XX век. Част 1 и 2. София: Просвета.

Kirova 2002: Кирова, Милена. Критика на прелома. София, Велико Търново: УИ „Св. Климент Охридски", ПАН-ВТ.

Stefanov, Burova 2022: Стефанов, Валери, Бурова, Ани. *Книжовност и литература в България IX – XXI век. Том 5. Съвременност*. София: УИ „Св. Климент Охридски".

THE LYRICAL DRAMAS OF LESIA UKRAINKA
(to the peculiarities of author's style)

HALYNA KARPINCHUK (UKRAINE)

The Lesia Ukrainka literary legacy, including more than 270 poems, 22 dramas, more than a dozen short stories, many articles, and numerous translations, established her place among such Ukrainian artists as Taras Shevchenko and Ivan Franko. At the same time, the writer's drama links her to the heritage of Western European literature produced by B. Bjørnstjerne, G. Hauptmann, H. Sudermann, H. Ibsen, M. Maeterlinck, J.-A. Strindberg and others.

By the end of the 1890s, the so-called fin de siècle [the end of the century], the writer had focused her attention on and dedicated an increasing amount of energy to the dramatic genre. Like many writers of the modernism, she was attracted to drama by her artistic syncretism, openness to experiments and creative solutions. Her extensive creative efforts produced a string of dramas, in which the author explored issues surrounding the establishment of Christianity *The Possessed (Одержима), On the Ruins* (*На руїнах*); antique mythology *Cassandra* (*Кассандра*), *Iphigenia in Tauris* (*Іфігенія в Тавриді*); basic plots *The Stone Host* (*Камінний господар*), *Three Minutes* (*Три хвилини*); national history *The Boyar Woman* (*Бояриня*). Her féerie drama *The Forest Song* (*Лісова пісня*) is based on folklore.

A recognizable feature of the dramatic texts of the writer, as well as all her work in general, was *lyricism.* Under this concept understood as an self-expression of the artist, his emotionality. The purpose of this abstracts is an attempt to consider the lyrical nature of Lesya Ukrainka's artistic thinking in drama that due on the one side to the peculiarities of the author's style, and on the other side to the influence on the writer's works of Western European literature; outline the lyrical means of self-expression of the writer, such as a monologue, meditative digressions, hints, sketchiness, dotted or telegraph syntax; to recognize the genre richness of Lesya Ukrainka's dramas; to mention the contribution of the writer to the development of genres already known in Ukrainian literature (such as poetic drama) and pay attention to the appearance from under her pen of new lyricized dramatic works (including drama-feyeria, drama-etude, drama-fairy tale); also outline the role of lyricism in the development of the plot, composition, structure of the narrative and chronotope of dramas; to highlight the influence of the modernism on the peculiarities of autor's writing.

As lyric the writer immortalised the imagery and emotional style in dramas. Lesya Ukrainka identify her own creative attempts in the subheadings "dramatic poems".

Researchers believe that the death of her friend Serhiy Merzhynskyi was the impetus that brought this genre into the author's repertoire. Back then, the writer penned *The*

Possessed (1901) overnight. The lyricism of this drama, like most dramas by Lesya Ukrainka, is depicted in the method of conflict-building employed in these works. While classical drama has its conflict unfold through actions, in Lesia Ukrainka's works, it takes place in the consciousness, experiences of the characters, their discussions with each other, or thoughts and reflections that resonate with the writer's worldview. According to the modernism Lesya Ukrainka focuses on the drama of images, the psychology of heroes, tense polemics, the aphorism of expression, and not on theatrical drama.

One of the many examples of lyrical permeation of text through a character's thoughts and feelings is the drama *Iphigenia in Tauris* (1898), which is dedicated to antique Greek culture, its aristocratic and vital spirit. Iphigenia's monologue, depicting her spiritual struggle caused by longing for her homeland, Greece, is perceived as *"'a plot poem written from the character's perspective' <...> The lyrical stream is so powerful that it literally floods the drama"* (Аврахов 1964: 162). The author's presence and her convictions are felt in each phrase uttered by Iphigenia.

> *А в серці тільки ти, / Єдиний мій, коханий рідний краю! / Все, все, чим красен людський вік короткий, / Лишила я в тобі, моя Елладо…* (*Yet my heart holds nothing but you, / My beloved, only homeland! / All, all that beautifies one's short life, / I have left in you, my Hellas...)* (Українка 2021, 5: 193).

As T. Hundorova notes, the author's focus on the temperaments and feelings of characters was prompted by her interest in psychology and psychiatry, which were actively advancing at the time (Гундорова 2023: 10–11). The fin de siècle epoch solidified the image of a decadent artist characterised by sickliness, sensuality, and intuitiveness (WEBER 1986: 9, 24). To various extents, all these qualities manifested in Lesia Ukrainka's characters and her own creative nature.

Meditative digressions enhance the lyricism of Lesya Ukrainka's works. For example, in the lyrical drama *In the Pushcha (У пущі)* the main character, sculptor Richard Iron reflects on the eternal question of art as a dream and reality:

> *Життя і мрія в згоді не бувають / і вічно борються, хоч миру прагнуть. / А в скутку боротьби — життя минає, / а мрія зостається* (*Life and dream in harmony do not happen / and they always fight, although they strive for peace. /And in the struggle life passes, / but the dream remains)* (Українка 2021, 3: 119).

One of the techniques that Lesya Ukrainka uses in her dramas and which increases the lyricism of the works is sketchiness. The writer turns to this creative tool when describe the characters of the heroes or at the level of plots. Obviously, one of the most eloquent examples of the use of the principle of sketchiness is the fantastic drama *Autumn Tale (Осіння казка)*. The plot of the transformed chivalric novel with various semantic lacunaes develops dotted,

the time and space in the work are uncertain, the scenes are disproportionate, the fourth part of drama is larger than the first three, the characters are described fragmentary.

In our opinion, lyricism in Lesya Ukrainka's works cannot be considered outside the folklore component. On folklore canvas is written her most famous work *The Forest Song* (1911). The genre of this work is lyrical – a féerie drama, which is based on fabulousness, a romantic plot, and a poetic narrative. The writer pondered the concept of this genre in her letters, in particular, from August 11, 1911, when she wrote to orientalist and Slavicist A. Krymskyi: *"This is characteristic of ein Märchendrama [fairytale drama] under Hauptmann's terminology (this is what he calls "The Sunken Bell" he wrote), but I know not how we would call it!"* (Українка 2021, 14: 275).

The main problem of Hauptmann's *The Sunken Bell* also passed to the *The Forest Song* the tragedy of a person who is eager for beauty, but cannot overcome life circumstances. However, in *The Forest Song* Lesya Ukrainka focuses on the immortality of the human soul, inner freedom, harmonious personality.

Enhances the content of both works folk beliefs. The world of fantastic creatures in these two writers is very contrasting with each other. Hauptmann's writing is unaesthetic and cruel, while Lesya Ukrainka's forest world with its inhabitants is extremely sensual. The fantastical creatures – Mavka, Will-o'-the-Wisp, He Who Rends the Dikes, He Who Dwells in Rock, Lost Babes, Forest Elf, Water Goblin, Kutz, Starvelings – all symbolise various manifestations of nature, its good, gentle or dark power. The writer was inspired by these characters in the Volyn area, which was where she spent her childhood. The mythical plot about Mavka's superhuman nature is consonant with the neo-romantic writing style that nourished the world literature of that time.

The lyricism of the work is further enhanced by music and songs introduced in the text. Lukash playing the flute awakens Mavka's soul, and their attractions develop into love. As the feelings of characters change, so do their language, rhythm, tone, and tempo of speech. By the way, among European authors, the unity of music with elements of drama and poetry was practiced by Richard Wagner (*The Artwork of the Future*, 1849), whose work resonated with the writer.

In our view, the increased emotional coloring of Lesya Ukrainka's dramas comes from the peculiarities of her worldview, from the deep properties of the Ukrainian mentality, to which cordiality, gullibility, frankness, emotionality, cordocentrism are asked. It is interesting that Lesya Ukrainka's dramas are written in iamba, the most lyrical meter, adapted for suggestive (spontaneous) self-expression of the artist. As in the lyrics, Lesya Ukrainka's

dramas preserve the “confessionality” of the hero, his lyrical reflections on the action prevail, in a number of works the plot is dotted, the characters are depicted fragmentary (Blashkiv 2008, 5:193). Combining the generic beginnings of drama, lyrics and epic, Lesya Ukrainka’s dramatic poem withstands the demands of the dramatic genre due to the dynamic plot, which is based on a sharp conflict of worldview and moral principles.

At the same time, Lesya Ukrainka’s lyrical dramas are inseparable from national issues – in the absence of a sovereign state, in non-state nations, writers become the mouthpiece of the national vector of development, the conscience of the nation. Her works have become a powerful force of awakening of national consciousness, resistance, revival in the spiritual dimension (Ageyeva 2021, 169–182).

In our opinion, Lesia Ukrainka’s work organically combines with European and Slavic literature from the end of the XIX – start of the XX centuries. The writer, while being open to other languages and cultures, established a new genre of Ukrainian literature – lyrical drama (dramatic poem). Gradually, lyricism developed in the works of other Ukrainian artists (Павличко 1999: 117–118), in particular, in Mykhailo Kotsyubynskyi’s novels and stories, in short stories and in the genre of the so-called “poetry in prose” by Vasyl Stefanyk, Marko Cheremchyna or lyrical dramas by Oleksandr Oles.

SOURCES

АВРАХОВ, Григорій, 1964. *Художня майстерність Лесі Українки. Лірика.* Київ: «Радянська школа».

БЛАШКІВ, Ольга, 2008. Ліризм як визначальна ознака авторського світобачення (на матеріалі драм Олександра Олеся та В. Б. Єйтса). *Волинь філологічна (текст і контекст),* том 6, № 2, ч. 2, с. 23–33.

ГУНДОРОВА, Тамара, 1999. *Леся Українка. Книги Сивілли.* Харків: «Віват».

ПАВЛИЧКО, Соломія, 2021. *Дискурс українського модернізму*, 2-ге перероб. вид. Київ: Либідь.

УКРАЇНКА, Леся, 2021. *Повне академічне зібрання творів.* Луцьк: Волинський національний університет імені Лесі Українки.

AGEYEVA, Vira, 2021. Anti-Colonial Discourse in Lesia Ukrainka’s Dramas. *Kyiv-Mohyla Humanites journal* issue 8, p. 117–118.

WEBER, Eugen, 1986. *France, Fin de Siècle.* Camridge–London: Belknap press of Harvard University Press.

LYRICAL TENDENCIES IN SLOVAK DRAMA OF THE 1940s (IN RELATION TO THE SLOVAK VERSION OF THE SURREALIST MOVEMENT)

DAGMAR GARAY KROČANOVÁ (SLOVAKIA)

The paper focuses on the clarification of the notions lyric and poetic drama, as well as on the definition of lyric and poetic drama in the avant-garde era. It briefly introduces "nadrealizmus" as a Slovak variant of the surrealist movement. On the basis of structural and semiotic criteria, it situates in the context of Slovak surrealist drama and theatre six plays from the first half of the 1940s, written by Rudolf Dilong (1905-1986), Štefan Žáry (1918- 2007), Ján Poničan (1902-1978), Peter Zvon (1913-1942) and Leopold Lahola (1918-1968).

The surrealist group in Czechoslovakia was founded in 1934. In Slovak literature, the first manifestations of surrealism are considered to be the poetry collections of Rudolf Fabry (1915-1982) *Uťaté ruky* (Cut-Off Hands, 1935) and Móric Mittelmann Dedinský (1914-1989) *Krivky* (Curves, 1936). As a specific "national" variant of surrealism[1], Slovak "nadrealizmus" is considered to be the first and only avant-garde movement in Slovak literature that meets the traditional definitions of avant-gardes, i.e. it has a group character, a theoretical and critical background, a common publishing platform in the form of several anthologies, it manifests itself in several types of art and connects to the international context.

Slovak surrealism is an example of avant-garde on the periphery: also due to the foreign political and cultural ties between France and Czechoslovakia before 1939, it was formed on the basis of knowledge of French and Czech surrealism[2]. One of the pioneers of surrealism in Slovakia, Móric Mittelmann Dedinský, states that Slovak surrealist poets relied more heavily than Czech ones on the French prefigure, which they knew from Czech translations (Dedinský 1963: 36). However, another actor of the surrealist movement, Štefan Žáry (1918-2007), emphasises in his memoirs the unique character of the movement and its independence from foreign models (Žáry 2004: 130).

Slovak surrealism is also an avant-garde in a "post-avant-garde time" (Hamada 2006: 596), as its peak phase coincides with the years of the Second World War, which is also the period of the first independent Slovak Republic as a German satellite. The functioning of the surrealists under the conditions of the totalitarian regime, given the attitudes of its key actors,

[1] The renaming to "nadrealizmus" (the Slovak prefix nad- corresponds to French sur-) occurred shortly before the dissolution of Czechoslovakia in February 1939.

[2] In contrast to the situation in Slovakia, Czech surrealism integrated the impulses of poetism, whose peak phase falls between 1924 and 1929. On the relationship between poetism and surrealism in poetry, see, for example, Čolakova 1999: 61-94.

was seen as an affirmation of the potential of art in the search for freedom, rather than as a manifestation of collaboration or evasion.

Literary surrealism manifested itself primarily in poetry, where it was represented not only by "the seven" (seven poets who played the central role in the movement), but also by other poets situated on the periphery of the movement, who did not necessarily subscribe to the ideological foundations of surrealism, but at a certain stage of their work used its poetic techniques[3]. Surrealism was considerably less represented in other literary genres, despite its initial ambition. In the field of drama, avant-garde movements (poetism and surrealism) were mentioned in connection with the line of so-called poetic drama that developed from the mid-1930s to the late 1940s. Approximately two dozen theatrical as well as radio plays of various genres are included in this line, with an equally heterogeneous range of authors (Rampák 1976; Kusý 1984; Garay Kročanová 2024).

The research of "nadrealizmus" in Slovak literary history and art history included two basic approaches. Critics who were part of the movement approached its research analytically and focused on the aesthetics of embellishment, and on the aesthetic autonomy of the artifact (Hamada 2006: 596). This approach was followed by the followers of the structuralist method in the following decades. Alongside this line of research, the philosophical-anthropological dimension of surrealism, its ability to express existential upheavals, feelings about the disrupted world and the devaluation of man, was also emphasized through torsion and fragmentation (Hamada 2006: 596-598).

Lyric drama in the age of the avant-gardes, a concept hierarchically superior to surrealist drama, is characterized by a fundamental change in dramatic form, while at the same time the innovation disrupts the specificity of drama as a literary mode. The changes concern all the basic categories of drama. The social seriousness of the theme is reduced – the subject of plays is often problems of feelings and relationships, which are manifested through external as well as internal conflict. Dramatic text becomes "verbalized", speech dominates over or is unrelated to action, and thus does not stimulate the progress of the action. A poem can also become a replica, bringing the moment of recitation into the staging. The speech is not primarily intended to interfere with the characters, but to affect the audience (the reader). The characters lose their

[3] The basic circle of authors were the poets Rudolf Fabry (1915-1982), Vladimír Reisel (1919-2007), Ján Brezina (1917-1997), Pavel Bunčák (1915-2000), Július Lenko (1914-2000), Ján Rak (1915-1969) and Štefan Žáry. The theoretical and critical reflection on surrealism was carried out by Mikuláš Bakoš (1914 - 1972), Klement Šimončič (1912 - 2010) and Michal Považan (1913 - 1952). Surrealist poetry in the 1940s was also written by authors of the Catholic circle, such as Valentín Beniak (1894-1973), Rudolf Dilong (1905-1986) and others, also authors of the younger generation of poets, such as Pavol Horov (1914-1975).

uniqueness and inner dimension (Janoušek 1989: 137). They become generic characters, they are flat, empty, they are guided by the will of the author (Janoušek 1992: 32). The plot based on action, causal connection and continuity of its parts is also lost. Space and time change from the everyday and familiar to the character-based (Janoušek 1992: 32-33). Although the 'objective' fictional world of drama is seemingly preserved, the author's way of shaping it (subjectivity) dominates. The individual components of the dramatic structure become significantly isolated (Janoušek 1989: 136). The strengthening of the position of the theatre is also confirmed by the fact that drama in the form of a script, a libretto, which can also be created on the basis of a subject belonging to another literary type (staging of poetic and prose works), is sufficient for the staging intentions.

Surrealism in drama presupposes extreme positions of lyrical drama with the effect of loosening all the components of the dramatic form. The main dramatic text should rest on automatism, associativity, randomness, illogicality, even nonsense, thus producing a dream-hallucinatory, deep-psychological, surprising, "surreal" fictional world that affects the reader's (spectator's) perception. The replica and dialogue, through which the context of the individual characters and the plot are shaped, should produce surreal imagery ("convulsive beauty"). A suitable device might be verse, which produces the sound-intonation of surrealist poetry, or associative, illogical, "poetic" repartee in prose. In accordance with the poetics of surrealism, the characters become a dissociated projection of the author's subject, resigned to the logic and clarity of the plot. Surprising, bizarre combinations at different levels of the dramatic structure create the chance for a new, surprising shape beyond ordinary perception. All these elements make the use of traditional genre labels impossible (Vangeli 2001, 81-82).

Rudolf Dilong in plays *Valin* (Valin, published in 1940) and Padajúce svetlo (*Falling Light*, published in 1941) creates a sequence of images only loosely related to the main storyline, close to a revue, a genre developed in Czech avant-garde theatre. At the same time, he inserts striking images with strong emotional pathos and symbolic meaning (e.g. the burial of protagonist's female partner, the unrecognized poet smashing his monument and kneeling by the cross, and others). Leopold Lahola in his play *Bezvetrie v Zuele* (Stillness in Zuela, staged in 1947) alternates real scenes with memory, dream-hallucinatory ones, thus disturbing the natural sequence of events and allowing the scenes to be freely arranged on the basis of the flow of associations. Štefan Žáry in his play *Slnovraty* (Solstices, published in 1946) suggests a different scene in each act, which is created by a rotational movement similar to the change of seasons or daily cycles. Ján Poničan in the play *Štyria* (The Four, staged in 1942) mirrors reality and poetry, shifting attention from the material and concrete plane to its reflection in

abstraction. Peter Zvon in the play *Tanec nad plačom* (Dance Over Tears, published and staged in 1943) shows the imprint ("reincarnation", materialization) of the past in the present.

Both Dilong's plays and Lahola's play focus on the subject and try to bring out the unconscious component (creativity, libido) in the drama that produces the poetic vision. This dimension of their plays is complemented by an external conflict (more pronounced in Dilong's, whereas in Lahola's the whole action can also be understood as a representation of the subject). Both Poničan's and Zvon's plays oscillate between the fictional and the poetic planes. While Poničan's play emphasizes the poetic aspect of reality, Zvon's play creates a peculiar space in magical time in which the distinction between contrasting poles is lost, i.e. duality is abolished. Žáry's play shows different levels of mechanics – the idea of the solstice creates a parallel between the characters and the planets, and draws attention to certain moments in time when the poles are rearranged (the alternation of long and short days, love and death). These processes are superior to the elements that participate in them, fostering the impression of impersonality (the characters do not act, but the processes happen). In all the plays – except Dilong's, which are more likely to include an epic dimension – the perception of time is diverted away from the ordinary passage of time towards timelessness, towards the subjective, dreamlike time of ideas and memories, towards condensed, magical or mechanical, cyclical time.

The plays from the first half of the 1940s are hybrid formations, in the construction of which compositional loosening (associativity and montage), but also unification through the musical principle (rhythm, variation, repetition) was applied. They correspond with surrealism and "nadrealizmus" not only structurally, but also in terms of meanings focused on transcending reality, on the problems of the subject and freedom.

BIBLIOGRAPHY

BAKOŠ, Mikuláš, 1969. *Avantgarda 38*. Štúdie, články, dokumenty. Bratislava: Slovenský spisovateľ.

ČOLAKOVA, Žoržeta, 1999. *Český surrealizmus 30. let. Struktura básnického obrazu*. Praha: Karolinum. ISBN 8071846295.

DEDINSKÝ, Móric Mittelmann, 1963. Poznámky k histórii, vzniku a vývinu slovenskej literárnej avantgardy. *Slovenské pohľady*, roč. 79, č. 3, s. 26-40.

GARAY KROČANOVÁ, Dagmar, 2024. K poetike básnických hier. In HABAJ, Michal – HUČKOVÁ, Dana (Eds.). *Medzipriestory modernizmu*. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo SAV, s. 208-229. ISBN 978-80-224-2083-9

HAMADA, Milan, 2006. Nadrealizmus – Avantgarda 38 (doslov). In *Nadrealizmus – Avantgarda 38*. Bratislava: Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, s. 593 - 608. ISBN 80-7149-917-X.

JANOUŠEK, Pavel, 1987. Groteska a revue. In kol. *Poetika české meziváleční literatury (Proměny žánrů)*. Praha: Československý spisovatel, s. 105-136.

JANOUŠEK, Pavel, 1989. Lyrické a básnické drama. In *Rozměry dramatu*. Praha: Panorama, s. 107-153. ISBN 80-7038-091-8.

JANOUŠEK, Pavel, 1992. Interní subjekt autora v dramatu. In *Studie o dramatu*. Praha: Ústav pro českou a světovou literaturu, s. 26-38. ISBN 80-85778-04-1.
KUSÝ, Ivan, 1984. Básnické hry. In ROSENBAUM, Karol. *Dejiny slovenskej literatúry V. Literatúra v rokoch 1918 – 1945.* Bratislava: VEDA, Vydavateľstvo SAV, s. 770-779.
MOJŽIŠOVÁ, Iva, 2006. Výtvarníci nadrealistických zborníkov. In HAMADA, Milan (Ed.). *Nadrealizmus – Avantgarda 38.* Bratislava: Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, s. 609 - 621. ISBN 80-7149-917-X.
PAŠTEKA, Július, 1998. Rudolf Dilong a surrealistická dramatika (Predstavitelia avantgardnej línie). In *Pohľady na slovenskú dramatiku, divadlo a kritiku I*. Bratislava: Národné divadelné centrum, s. 461-495. ISBN 80-85455-62-5.
RAMPÁK, Zoltán, 1976. Medzi básnickou drámou a básnickým divadlom. In *Dráma, divadlo, spoločnosť*. Bratislava: Tatran, s. 303-317.
ŠAKOVÁ, Jaroslava, 2019. Situovanie inovácií nadrealizmu v literatúre a výtvarnom umení modernizmu. In HABAJ, Michal – HUČKOVÁ, Dana (Eds.). *Modernizmus v pohybe*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, s. 137-182. ISBN 978-80-224-1797-6.
ŠMATLÁK, Stanislav, 1971. Od surrealizmu k nadrealizmu. In *150 rokov slovenskej lyriky*. Bratislava: Tatran, s. 229-255.
ŠTEFKO, Vladimír (Ed.), 2011. *Dejiny slovenskej drámy 20. storočia*. Bratislava: Divadelný ústav. ISBN 978-80-89369-36-7.
ŠTEFKO, Vladimír, 1993. *Slovenské činoherné divadlo 1938 – 1945*. Bratislava: Tália-press. ISBN 80-85455-08-0.
TEPLAN, Dušan – KAMENČÍK, Marián (Eds.), 2022. *Slovenský nadrealizmus v korešpondencii (1935 – 1948)*. FACE, Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania. ISBN 9788089763870.
VANGELI, Nina, 2001. Rám dramatického textu. Titul v dramatu jako projekce hrdiny. Scénická poznámka. Od repliky k situaci – od otázky ke konfliktu. In HODROVÁ, Daniela (Ed.). *... na okraji chaosu...* (Poetika literárního díla 20. století). Praha: Torst, s. 216-239 , 258-267, 306-316, 356-378. ISBN 80-7215-140-1.
VAŠŠ, Martin, 2018. *Medzi snom a skutočnosťou. Umelecká bohéma v Bratislave 1938 – 1945*. Bratislava: Marenčin PT. ISBN 978-80-8114-943-6.
ŽÁRY, Štefan, 2004. *Bratislavský chodec*. Bratislava: Albert Marenčin Vydavateľstvo PT. ISBN 80-88912-70-9.

BLOC 2.5

COMMENT DEVENIR UNE FEMME DE LETTRES FRANÇAISE / КАК СТАТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ

Organisateur : ALEXANDRE STROEV

Polina De Mauny Французские рукописи Марко Вовчка 1

Dzianis Kandakou Графиня София де Шуазель-Гуфье: «польская» история для французской публики 5

Кирилл Чекалов «Баба с пьесами» из рода Ростопчиных 9

Maria Rubins Ирен Немировски: стратегии интеграции 14

Alexandre Stroev Эльза Триоле и Исаак Бабель 20

Leticia Mei Статьи Эльзы Триоле во французской прессе 1930-х годов 23

ФРАНЦУЗСКИЕ РУКОПИСИ МАРКО ВОВЧКА

POLINA DE MAUNY (FRANCE)
Université Paris Nanterre (EA 4418 CRPM)
polina.demauny@gmail.com

Доклад посвящён рукописному архиву Марии Вилинской-Маркович, известной под псевдонимом Марко Вовчок. Эти материалы свидетельствуют об важном аспекте ее авторской стратегии — стремлении реализоваться как франкоязычный автор. Марко Вовчок — первая писательница, выступившая против крепостного права. Своим литературным дебютом в 1858 году она одновременно вошла в украинскую и русскую литературу. Благодаря первым успехам и при поддержке Ивана Тургенева она уезжает сначала в Гейдельберг для продолжения образования, а затем — в Париж. Во Франции Марко Вовчок сотрудничает с издателем Тургенева, Пьером-Жюлем Этцелем: отходя от тем крепостного насилия и роковой любви, она пишет на французском языке рассказы для детского журнала «Magasin d'éducation et de récréation», а затем становится переводчицей подростковой литературы на русский язык. В XX веке она получает признание как классик украинской литературы, тогда как в России она известна главным образом как переводчица Жюля Верна. Обширный корпус её произведений, а также издательская и переводческая деятельность остаются по сей день малоизученными.

Архив французских рукописей, рассматриваемый в докладе, относится ко второму петербургскому периоду жизни писательницы (1867–1878), когда, вернувшись в Российскую империю, она успешно развивает партнёрство с Этцелем, сотрудничает с «Отечественными записками» Некрасова и создаёт собственный журнал переводных сочинений, в котором публикует произведения европейских и американских авторов. И — как показывает ее рукописный архив — продолжает писать на французском языке.

Архив состоит из 37 недатированных листов[1]. Записи чернилами и карандашом на бумаге разного качества и степени сохранности. Читаемость текста варьируется от многократно перечёркнутых черновиков до чистовых рукописей. Почерк на всех листах довольно однороден. Расшифровка показала, что архив представляет собой фрагменты литературных замыслов и переводы собственных произведений.

[1] Институт русской литературы (Пушкинский дом), Марко Вовчок, ф.174, № 21, л.1-37.

Содержание архива

Первый фрагмент (L01–02) — это начало текста без названия, помеченное римской цифрой I. Речь идёт о немолодой кошке, рассказывающей свою собственную историю — очевидное продолжение сюжета «Peines de cœur d'une chatte anglaise», новеллы Оноре де Бальзака, вошедшей в сборник «Scènes de la vie privée et publique des animaux», публиковавшийся Этцелем в 1840-1842 гг. Сам издатель, выступив под псевдонимом П. Ж. Сталь, написал ответную историю «Les Peines de cœur d'une chatte française». Уместно также вспомнить *Житейские воззрения кота Мурра* Э. Т. А. Гофмана (1818–1821).

Фрагмент на двух листах был написан вероятнее всего в период с 1869 по 1872 год, когда Марко Вовчок переводила рассказы из этого раннего сборника для своего журнала[2]. Сохранилось начало новеллы, которую условно можно назвать *«Кошка-философ»*. Кошка упоминает Кота в сапогах из сказок Шарля Перро, детскую адаптацию которых тоже публикует Этцель, а на русском она выходит под редакцией Тургенева.

Третий лист архива (L03) — ветхий с повреждениями; вверху стоит номер 1. Начало текста написано пером начисто, вторая половина — карандашом. Сюжет посвящён характеру и играм маленького мальчика по имени Борис:

> Monsieur Boris est plus changeant qu'un jour d'avril. Tantôt il est très sage, tantôt il va à l'excès dans ses espièglerie. Notez encore qu'il prétend avoir toujours raison et persiste à prouver que les autres n'en ont jamais.

Речь, вероятно, идёт о внуке и приёмном сыне Марии Маркович, Борисе Лобач-Жученко. Текст был написан после 1875 года, когда Борис появился на свет, но не позднее 1878-го, когда Маркович прекратила переписку с Этцелем.

Следующие пять листов (L04, 07, 08, 09, 10) содержат фрагменты рассказа о подростковой любви девочки Марии к её кузену Жаку. Среди них (L05–06), имеются фрагменты драматического диалога между персонажами по имени Софи и Жан. На L11–13 — фрагмент фольклорно-исторического повествования от лица мужчины Оставшаяся часть архива (L14–37) представляет из себя перевод романа «В глуши», опубликованного в «Отечественных записках» в 1875 году[3].

Единственный текст в архиве, имеющий название, — это рассказ о Жаке и Марии «L'Idôle Jacques» и это единственный фрагмент, который можно точно датировать — он был написан во второй половине августа 1869 г. в Баден-Бадене. Мишель Кадо ссылается

[2] Мюссе, Альфред де. История белого дрозда / перевод Марко Вовчка // Переводы лучших иностранных писателей. Ноябрь. №11, 1871, с. 1-44.
[3] Марко Вовчок, «В глуши», *Отечественные записки*, т. CCXXI, №7, 8, т. CCXXII, №9, 10, т. CCXXIII, №12, 1875.

на письмо Этцеля от 29 сентября 1869 г., в котором упоминается рассказ, начатый Вовчок во время их встречи: «Je voudrais que quelque chose de doux me vint de votre côté. L'histoire du petit Jacques et de la petite Marie, avec son nouveau chapitre — la fin de la petite histoire commencée à Baden — me dirent bien des choses si vous voulez les achever»[4].

Текст рассказа сохранился фрагментарно. Есть начало (L04):

> Il y avait un jour une petite fille qui ne remplissait point le second commandement du bon Dieu. Bien au contraire, elle avait une idole qu'elle adorait. Elle était donc idolâtre. Cette idole répondait au nom de Jacques et était son cousin. L'idole de Marie — c'est ainsi que s'appelait la petite fille — ne ressemblait en rien à ces hideuses machines chinoises qu'on voit dans les musées et dans les gravures — pas du tout : il était d'une beauté distinguée et sévère. Sa démarche était ferme et gracieuse, son regard bleu était profond, sa voix harmonieuse, son rire sonore et frais — bref, il était ravissant. Les qualités extérieures ne dépassaient pas trop ses vertus morales. L'idole était bon, généreux, juste, autant qu'il n'est permis d'être juste à un mortel, compatissant et on ne peut plus charitable. Ah, s'il eût été en bois ou en pierre, bien dur ! — la pauvre Marie ne l'aurait pas mis si facilement sur son autel et ne lui aurait pas rendu ce culte !

Далее следует утраченный эпизод с объяснением между Жаком и Марией. Затем фокус рассказчика смещается на молодого человека, который страдает и боится, что мама обо всем догадается: «Les yeux de sa mère, qui se fixaient constamment sur lui avec tant d'affection, étaient parfois pleins d'inquiétude. Alors il craignait qu'elle ne devinât quelque chose et cherchait à se donner un air content et loyal, tandis que mille angoisses se partageaient et déchiraient son cœur ».

Жак думает, что его присутствие становится болезненным для Марии и принимает решение уехать: «Jacques partit, et alors ce fut un effroi indicible, et avec quel serrement de cœur, Dieu le sait! Sa présence devenait fatale et nuisible pour la petite cousine ! Oui, rien que sa présence ! Rien que de se trouver là, dans la même chambre et respirer le même air !» Мария в тексте называется «маленькая кузина», что отсылает к образу героини автобиографического произведения Александра Герцена «Былое и думы»— Натальи Захарьиной, на которой Герцен впоследствии женился. После отъезда Жака Мария становится неуправляемой, вспышки злости сменяются отчаянием и его имя — единственное, что способно её успокоить. Она утрачивает свою детскую лёгкость и беззаботность. Тем временем Жак, измученный переживаниями, встречает день отъезда с облегчением, надеясь обрести покой.

Мишель Кадо задаётся вопросом о дальнейшей судьбе этого текста, однако обращается к истории создания *Марусси* и видит в ней реализацию начатого в Бадене.

[4] Cadot, Michel. Encore Maroussia. Les lettres de Hetzel à Marko Vovchok conservées à la Maison Puchkine de Saint-Pétersbourg // Les cosaques de l'Ukraine. Paris, Presse de la Sorbonne Nouvelle, 1995, p. 225.

Однако у истории Марии и Жака, похоже, было иное продолжение. В том же длинном письме Этцель обещает Марии написать собственный рассказ:

> Vous en feriez vos énigmes dans de petites (rayé) histoires enfantines — c'est bien. J'écrirai à quelques jours une histoire à l'usage des vieilles gens qui tirera peut-être quelques larmes de vos beaux yeux — et vous apprendra tout ce que vous n'avez peut-être pas deviné encore. [Дописано под углом 90°] Le plus malheureux n'est pas toujours celui qu'on pense. Il y a mille manières d'être malheureux — la souffrance a des formes inépuisables — elle se cache sous des aspects bien divers. L'homme qui rit, couvre l'homme qui pleure.

За два года до смерти Этцель действительно публикует собственную историю о детской, а затем страстной подростковой любви: главного героя в ней зовут Жак, а девочку — Элен. Этот рассказ об эльзасских Ромео и Джульетте вошёл в его автобиографический сборник «Les Quatre Peurs de notre général: souvenirs d'enfance et de jeunesse» (1884).

ГРАФИНЯ СОФИЯ ДЕ ШУАЗЕЛЬ-ГУФЬЕ: «ПОЛЬСКАЯ» ИСТОРИЯ ДЛЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ПУБЛИКИ

DZIANIS KANDAKOU (FRANCE)
Université Sorbonne Nouvelle

Национальный колорит творчества графини Софии де Шуазель-Гуфье (1790-1878) столь же прихотлив, сколь сложна ее национальная идентичность. Наследница польско-литовского рода Тизенгаузов, подданная Российской империи и супруга французского аристократа публикует на французском языке романы об истории Речи Посполитой в Париже в 1820-1830-е гг. и получает широкую прижизненную известность в Европе благодаря публикации воспоминаний об Александре I и Наполеоне. Сегодня ее былая литературная слава отзывается лишь в Литве, где под именем Sofija Tyzenhauzaitė публикуются переводы отдельных книг [Tyzenhauzaitė 2004; Tyzenhauzaitė 2006]. В Польше и Франции имя графини упоминают лишь в связи с некрополем в Монморанси, где ее прах покоится рядом с усыпальницами Адама Мицкевича и Юлиана Немцевича [Zaworonko-Olejniczak et al. 2011]. Ни слависты, ни компаративисты до сих пор не посвятили ей специальных работ. Лишь французские историки, пишущие об александровской эпохе, обильно цитируют мемуары графини де Шуазель-Гуфье [Lemasson 2016; Rey 2009], не сопровождая их, однако, критическими комментариями.

Не претендуя на полный охват творчества писательницы, мы хотели бы найти ответы на несколько вопросов: сумела ли София де Шуазель-Гуфье получить литературное признание во Франции? К какой публике обращалась графиня в своих произведениях? Стремилась ли она стать французской писательницей и разрабатывала ли для этого продуманную тактику? В поисках ответов мы сосредоточимся не столько на художественном содержании романов и мемуаров Софии де Шуазель-Гуфье, сколько на паратекстах (предисловиях и примечаниях), а также на отзывах французской прессы и издателей.

Романы Софии де Шуазель-Гуфье преследуют ту же цель, что и книги многих ее предшественниц и современниц из России (княгинь Зинаиды Волконской и Прасковьи Голицыной, графини Натальи Головкиной и баронессы Варвары-Юлии Крюденер), – рассказать о себе и своей культуре французской публике, установить с ней культурный диалог [Гречаная 2010]. Уже в предисловии к дебютному роману «Поляк на Сан-Доминго, или Юная Креолка», изданному анонимно в Варшаве [Choiseul-Gouffier 1818], писательница заявляет об особых чертах польского характера, который ярко проявляет себя во франкоязычном пространстве – на острове Гаити и в Париже, в боях

под флагом Французской республики и наполеоновской империи. Книга (вполне вероятно благодаря связям мужа) попадает в поле зрения роялистской парижской критики и получает вполне хвалебный отзыв [Revue encyclopédique 1820, p. 31-32], но многочисленный типографские и издательские изъяны вполне очевидны читателям. Чтобы завоевать их внимание требуется качественная печать и редактура на французском языке. Начиная с 1820 г. все книги графини выходят во Франции.

Сочинения Софии де Шуазель-Гуфье, опубликованные в 1820-1830-х гг. Шарлем Госленом, выигрывают в материальном и медийном плане. Исторические романы «Владислав Ягеллон и Ядвига» [Choiseul-Gouffier 1824], «Карлик-политик» [Choiseul-Gouffier 1826], «Галина Огинская, или Шведы в Польше» [Choiseul-Gouffier 1839] издаются с указанием имени автора, на хорошей бумаге, в удобном формате и без досадных опечаток. Рекламные анонсы и критические отзывы оперативно появляются в парижской периодике: *Le Courrier français*, *Le Figaro*, *Gazette de France*, *Journal des débats*, *La Pandore*. Рецензенты в целом лестно отзываются о романах графини де Шуазель-Гуфье и, вслед за ней, постоянно подчеркивают многовековые контакты Речи Посполитой и Франции и связь личной жизни автора с обеими странами.

Парижский издатель «Исторических мемуаров об императоре Александре и российском дворе» хотя и не забывает упрекнуть автора за ее критику французских нравов и политики, также тонко улавливает двойственную позицию писательницы. Речь не только о смешанной национальной идентичности, но и о разнородных эстетических предпочтениях. По его мнению, эта двойственность оказывается в итоге выигрышной, поскольку мемуары одновременно удовлетворяют вкусы аристократической публики и запросы молодого поколения романтиков (*la jeune France*) [Choiseul-Gouffier 1829, p. IX]. Неизвестно, действительно ли «Исторические мемуары об императоре Александре и российском дворе» охватили столь широкий круг французских читателей. Если же верить самой графине, то ее первые романы читали, давали им высокую оценку и хранили в своих библиотеках императрица Елизавета Алексеевна и вдовствующая императрица Мария Федоровна [Choiseul-Gouffier 1829, p. 340-341, 367].

Смешанная идентичность графини де Шуазель-Гуфье является не только козырем в борьбе за читателя, но и отягчающим обстоятельством в конфликтных ситуациях. В конце 1850-х гг. писательница оказывается вовлеченной в судебную тяжбу с парижским типографом Дюверже. Судя по его заявлению, издание романа «Карлик-политик» принесло убытки в размере 2132 франков, которые графиня не

хотела оплачивать из своего кармана. Он долгое время не мог их взыскать и воспользовался ее приездом в Париж в 1859 г., чтобы обратиться в суд и добиться ареста на ее движимое имущество, как на имущество иностранки. Графиня защищалась, заявляя, что смерть мужа (1840) и долгое отсутствие во Франции не лишили ее французского подданства [Le Droit 1859, p. 509].

Судебное решение, сделанное в пользу Софии де Шуазель-Гуфье, вынесло за скобки вопрос о ее гражданстве. Однако огласка дела в прессе заставила графиню временно изменить стратегию на литературном рынке. В 1862 г. она издает второй вариант мемуаров, существенно изменяя первую версию 1829 г. В заглавии рядом с именем российского императора появляется имя Наполеона. Замечания нравственного и политического характера в адрес французов изъяты, зато в предисловие добавлены намеки на читательский успех в Париже. Более того, София де Шуазель-Гуфье открыто заявляет, что из «Исторических мемуаров об императоре Александре и российском дворе» свободно заимствовали общие сведения и даже отдельные фрагменты выдающиеся французские писатели – Александр Дюма-отец и Шатобриан [Choiseul-Gouffier 1862, p. III-V].

Сравнение мемуаров графини 1829 г., романа «Учитель фехтования» Дюма и записок Шатобриана о Веронском конгрессе показывает, что обвинения в плагиате не имеют под собой солидного основания и имеют несколько иную, чем обвинение в воровстве, цель. За ними стоит более сложное отношение к литературному миру Франции и всей Европы. Графиня активно нападает на тех писателей, кто близок ей по духу, кто, как и она, защищает христианскую веру и самодержавие от современных нападок. В эту группу попадают баронесса Крюденер, Ламартин и Шатобриан. В круг кумиров и образцов для графини попадают авторы исторических романов, пользующихся широкой популярностью, к которой она сама стремилась, – Вальтер Скотт и Александр Дюма.

Несмотря на настойчивые попытки занять место на французском литературном рынке, романы Софии де Шуазель-Гуфье в целом остались незамеченными широкой публикой. Причиной тому стал своеобразный культурный код ее текстов, соединяющий элементы польской, литовской и российской идентичностей, которые не всегда были понятны или близки французскому читателю. Тем не менее, благодаря актуальности поднимаемых в ее мемуарах тем, писательнице удалось донести до парижской публики «польскую» и «российскую» версию истории, тесно переплетённую с историей Франции. Таким образом, её творчество, находясь на пересечении культур и

политических лояльностей, становится примером сложного культурного посредничества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Choiseul-Gouffier 1818 – [Sophie de Choiseul-Gouffier], *Le Polonais à Saint-Domingue, ou La jeune Créole,* Varsovie, Zawadzki et Węcki, 1818.

Choiseul-Gouffier 1824 – Sophie de Choiseul-Gouffier, *Vladislas Jagellon et Hedwige, ou la Réunion de la Lithuanie à la Pologne, nouvelle historique (1382),* Paris, Charles Gosselin, 1824.

Choiseul-Gouffier 1826 – Sophie de Choiseul-Gouffier, *Le Nain politique,* Paris, Charles Gosselin, 1826.

Choiseul-Gouffier 1829 – Sophie de Choiseul-Gouffier, *Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre et la cour de Russie,* Paris, R. Leroux, 1829.

Choiseul-Gouffier 1839 – Sophie de Choiseul-Gouffier, *Halina Oginska, ou les Suédois en Pologne,* Paris, Charles Gosselin, 1839.

Choiseul-Gouffier 1862 – Sophie de Choiseul-Gouffier, *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier*, Besançon, Imprimerie de J. Bonvalot [Paris, E. Dentu], 1862.

Le Droit 1859 – Le Droit : journal des tribunaux. 25 Mai 1859.

Lemasson 2016 – Sylvie Lemasson, *Vilnius l'Impériale. Le destin croisé d'Alexandre Ier et de Napoléon*, Paris, SPM, 2016.

Revue encyclopédique 1820 – *Revue encyclopédique, ou analyse raisonnée des productions les plus remarquables dans la littérature, les sciences et les arts*. Année 1820. T. VII.

Rey 2009 – Marie-Pierre Rey, *Alexandre Ier*, Paris, Flammarion, 2009.

Tyzenhauzaitė 2004 – Sofija Tyzenhauzaitė, *Reminiscencijos apie imperatorių Aleksandrą I ir apie imperatorių Napoleoną I*, iš į prancūzų į lietuvių kalbą vertė Liucija Baranauskaitė ir Virginijus Baranauskas, Vilnius, Žemaičių kultūros draugijos informacinis kultūros centras, 2004.

Tyzenhauzaitė 2006 – Sofija Tyzenhauzaitė, *Halina Oginskytė arba Švedai Lenkijoje*, iš į prancūzų į lietuvių kalbą vertė Virginijus Baranauskas, Vilnius, Regionų kultūrinių iniciatyvų centras, 2006.

Zaworonko-Olejniczak et al. 2011 – Hanna Zaworonko-Olejniczak, Barbara Kłosowicz-Krzywicka, Andrzej Biernat, *En terre d'exil : tombeaux polonais dans les cimetières de Paris et de Montmorency*, Paris, Regards multiples, 2011.

Гречаная 2010 – *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке: XVIII-первая половина XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

«БАБА С ПЬЕСАМИ» ИЗ РОДА РОСТОПЧИНЫХ

Кирилл Чекалов

Внучка знаменитого московского градоначальника Федора Васильевича Ростопчина, племянница не менее известной детской писательницы Софи де Сегюр, Лидия Андреевна Ростопчина (1838-1915) поставила себе целью обретение успеха у отечественной и французской публики в качестве литератора. «Графиня Лидия», как её нередко именовали, является автором ряда повестей, романов и театральных пьес, а также нескольких переводов с русского языка на французский (включая очень популярную в конце XIX века у отечественной публики мелодраму И.В. Шпажинского «Майорша» и роман Вс. Крестовского «Тьма Египетская»). Ее иногда путали с ее матерью, Е.П. Ростопчиной; так, в не раз переизданном указателе аббата Бетлеема «Romans à lire et romans à proscrire» Лидия Андреевна аттестована как «femme de lettres russe, célèbre par sa beauté, ses poésies et ses romans». Вне всякого сомнения, эта характеристика должна относиться именно к Евдокии Петровне. Лидия Андреевна не унаследовала от матери ни ее экзотическую внешность, ни склонность к поэтическому творчеству; её литературной стихией стала проза и драматургия.

При рассмотрении вопроса о поиске Ростопчиной своего места в литературе следует учитывать особенности её биографии и личности. Она была младшей дочерью А.Ф. Ростопчина, полностью промотавшего огромное состояние отца и не сумевшего обеспечить свою дочь средствами к существованию. Оказавшись за границей еще в детские годы, она затем выказала ярко выраженную склонность к кочевому образу жизни, крайне редко вспоминая о вороновском имении Ростопчиных, где она жила в детстве. В отличие от своей тётки, которая с 1817 года почти безвылазно находилась во Франции, Лидия Андреевна в 1860-х – 1870-х годах интенсивно циркулирует между Россией и Европой (заграничные перемещения во многом были связаны с жизненными обстоятельствами ее старшей сестры Ольги, в 1864 г. вышедшей замуж за видного итальянского дипломата Дж. Торньелли Брузати ди Вергано и обеспечивавшей «графиню Лидию» материально; в 1893 г. Л.А. Ростопчина сообщает, что обосновалась в Париже «pour tout à fait»). «Охота к перемене мест» в иных случаях приходила в противоречие с потребностями практического свойства, связанными с продвижением и публикацией произведений «графини Лидии».

Наряду с существенной поддержкой со стороны сестры, источником существования «графини Лидии» стала государственная пенсия, «дарованная ей

милостью государя, по ходатайству великой княгини Елены Павловны, прибавлявшей к ней известную сумму из своих средств» (свидетельство О.А. Нарышкиной).

Общая установка Л.А. Ростопчиной-писательницы следующим образом выражена в одном из ее писем: «Pour moi personnellement je trouve que l'obscurité et le silence conviennent à la femme mais celle qui est obligée de gagner son pain doit faire parler d'elle à tout prix» (письмо к О.А. Новиковой, русской писательнице славянофильского толка, от 4 февраля 1893 г.). В том же письме содержится и информация, способная пролить свет на ее челночный образ жизни: «le climat natal a été fatal pour mes bronches». Действительно, многие зарубежные адреса Л.А. Ростопчиной совпадают с бальнеологическими центрами той поры. Возможно, неважным состоянием здоровья отчасти обусловлен ее интерес к брошюре А.А. Любимова «Профессор Шарко» (1894), которую она перевела на французский язык. Букет болезней «графини Лидии» – одна из неизменных тем её эпистолярия (серьезные проблемы с глазами, донимавшие ее с детских лет; подагра; последствия падения с лестницы).

Личная жизнь Лидии Андреевны не сложилась (как и предсказывала в свое время Софи де Сегюр, хорошо знавшая упрямый характер племянницы); она так и не вышла замуж, хотя предложения ей делались неоднократно. Резкость и прямолинейность суждений (подчас не вполне оправданная) запечатлена в ее эпистолярии; так, она крайне неодобрительно отзывается о семье де Маларе (барон де Маларе являлся мужем Натали де Сегюр, старшей дочери Софи де Сегюр); особое раздражение у Лидии Андреевны вызывала Мадлен де Маларе (запечатленная бабушкой в повести «Примерные девочки», 1858). В конце 1890-х годов Л.А. Ростопчина не менее радикально отзывалась об отвергнувшем ее произведения А.С. Суворине («безграмотный человек»), хотя прежде ею был осуществлен перевод на французский язык его самой известной пьесы «Татьяна Репина» (1888). С точки зрения писательских стратегий такого рода резкость носила контрпродуктивный характер; неудивительно поэтому, что в своем дневнике 1898 г. служивший с графом Торньелли Р. Паулуччи ди Кальболи отмечает: «бедная графиня Лидия в долгах, как в шелках», но при этом страдает «манией сочинительства».

Ее прозаическое творчество демонстрирует достаточно широкий диапазон жанровых модальностей. В частной коллекции в Нью-Йорке хранится чрезвычайно масштабный читательский дневник «графини Лидии» 1867-1872 годов; автор дневника предстает как истинный библиофил, в равной степени интересующийся как русской и зарубежной классикой (от Данте до Золя, от Жуковского до Достоевского), так и

французскими писателями «второго ряда» (А. Карр, Э. Абу, Л. Доде…). Знала она и прозу Эжена Сю, включая второстепенное его сочинение «Мисс Мэри» (1851). Дневник позволяет лучше понять литературные ориентиры Л.А. Ростопчиной, хотя и не документирует того явного пристрастия «графини Лидии» к нарративным особенностям массовой литературы, которое оказалось запечатлено как в ее в прозе, так и в драматических сочинениях.

Если в написанном по-русски романе «Падучая звезда» (журнал «Русский вестник», 1886; отдельным изданием не выходил) Л.А. Ростопчина во многом следует традициям русской реалистической прозы, то в романе «Красотка, Умная и Добрая» («Belle, Sage et Bonne», 1880, рус. пер. 1888, 1993) совершенно очевидно влияние писательских стратегий С. де Сегюр. В романе «Ивонна Три Звезды» («Yvonne Trois-Étoiles», 1885) и в повести «Ирина» (журнал «Nouvelle Revue», 1894–1896; отдельным изданием не публиковалась) просматривается синтез французской романтической прозы со сказочными и «фельетонными» структурами. Последние доминируют в незавершенном романе из русской великосветской жизни «Сезам, откройся!» («Sésame, ouvre-toi!», газета «La Vie militaire», 8 августа – 7 октября 1905). Из всех прозаических сочинений «графини Лидии» наибольший успех имела сатирическая сага «из жизни отдыхающих» в Ницце аристократов «Rastaquouéropolis» (1897; англ. пер. под названием «The Real Monte Carlo» – 1912); впрочем, удостоивший её пространной рецензии А.Бриссон упрекал автора за использование всё тех же «фельетонных» стратегий.

Обращение Л.А.Ростопчиной к драматургии было, несомненно, обусловлено не слишком успешной издательской судьбой ее прозы. Драматургия эта тяготеет к той самой эфемерной и вторичной дамской продукции Серебряного века, которую А.П. Чехов заклеймил в письме к Т.Л. Щепкиной-Куперник («бабы с пьесами») и в большинстве случаев отвечает канонам французского жанра «saynète» (непритязательная комическая пьеска, как правило, одноактная и рассчитанная прежде всего на домашнее исполнение). Таковы её комедии «Le Trait du Parthe» и «Le Dévouement de Gontran» (обе – 1898), «Ingénue fin de siècle» (1899); отдельного рассмотрения заслуживает громоздкая сценическая версия упомянутого романа «Падучая звезда» («Maroussia», 1904); в пьесе «Les deux statues» (1908) автор без особого успеха эксплуатирует сюжет о «Каменном госте».

Ни литературная всеядность писательницы, ни ее настойчивые усилия по формированию собственной репутации не принесли желаемого результата; став

героиней парижской светской хроники, добившись ордена Академических Пальм (1907), Л.А. Ростопчина так и не вошла в историю французской литературы. Однако ее роль как хранителя семейной памяти, усердного пропагандиста русской словесности во Франции и популяризатора событий Отечественной войны 1812 года несомненна. В настоящее время как французские, так и русские читатели знают «графиню Лидию» почти исключительно благодаря многократно переиздававшейся книге воспоминаний «Семейная хроника» (1904-1909).

БИБЛИОГРАФИЯ

Чехов А.П. Письмо Т.Л. Щепкиной-Куперник Т. Л., 1 октября 1898 г. Ялта // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983. Т. 7. Письма, июнь 1897 – декабрь 1898. – М.: Наука, 1979. – С. 283–284.

Бородинская Т.Г. Графиня Лидия Ростопчина и ее несвятое семейство // Ростопчина Л.А. Семейная хроника. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2024. С. 3.

Модзалевский Б.Л. Ростопчин, граф Андрей Фёдорович // Русский биографический словарь. Пг.: тип. Акц. об-ва «Кадима», 1918. Т. 17. С. 231–237.

Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 190.

Bethléem L. Romans à lire et romans à proscrire. Essai de classification au point de vue moral des principaux romans et romanciers. – P., Masson, 1911. – P. 352.

Brisson A. Revue des livres // «Les Annales politiques et littéraires», 09-09-1900. P. 172-173.

Journée mondaine // «Le Matin», 02-05-1899. P. 2.

Le Festival Pouchkine // «Gil Blas», 28-06-1910. P. 3.

Paulucci di Calboli R. Parigi 1898. Con Zola per Dreyfus. Diario di un diplomatico. A cura di G. Tassani. – Bologna, CLUEB, 1998. – P. 45.

Rostopchina L. A. Livres lus par la Comtesse Lydie Rostopchine. Catalogue commencé en 1867. https://musinskyrarebooks.cdn.bibliopolis.com/images/upload/2877-rostopchine.pdf

Rzewuski S. Les Théâtres de Pétersbourg // «Comoedia», 13-12-1908, p. 2.

Ростопчина Л.А. Письма к Е.А. Нарышкиной. 26.11.1862 – 24.05.1882. РГАДА, ф. 1272, ед. хр. 343, оп. 1.

Ростопчина Л.А. Письма к В.П. Буренину. РГАЛИ, ф. 1024, ед. хр. 23, оп. 1.

Ростопчина Л.А. Письма к О.А. Новиковой. РГАЛИ, ф. 345, ед. хр. 637, оп.1.

ОТ АНТИСЕМИТИЗМА К ЖЕНОНЕНАВИСТНИЧЕСТВУ: ИРЕН НЕМИРОВСКИ И ЕЕ ПУТЬ ВО ФРАНЦУЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

МАРИЯ РУБИНС (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)
Лондонский университет

Перед писателями русской диаспоры во Франции с самого начала остро стояла проблема читателя. Книги выходили маленькими тиражами и едва окупали затраты на публикацию. В этом контексте естественными кажутся попытки ряда эмигрантских писателей выйти на западноевропейский книжный рынок. Целый ряд авторов полностью или частично переходили на французский язык (Э. Триоле, З. Шаховская, А. Даманская, И. Зданевич, В. Познер, М. Алданов, Н. Берберова, Н. Городецкая, Е. Извольская, В. Шарнасс, Д. Эргаз и др.). Трудно не заметить, что среди тех, кто пытался пересоздать себя на французском языке, преобладают писательницы: в сложных условиях изгнания женщины, видимо, проявляли бóльшую способность к адаптации. Наибольшего успеха добилась на этом пути Ирэн Немировски (1903-1942), которую по праву можно назвать одним из самых талантливых европейских прозаиков межвоенного периода.

Для этого у Немировски были все предпосылки: французским она владела безупречно с самого детства; избежав, благодаря состоянию своего отца, горькой участи изгнанников, она изучала литературу в Сорбонне, вошла в круг парижской «золотой молодежи» и со временем стала своим человеком среди интеллектуальной и бизнес-элиты. И главное – она обладала уникальным талантом, наблюдательностью, умела совмещать гоголевский гротеск со сжатой, динамичной манерой письма и иронией, искусно переплетала французскую и русскую литературную традицию. Преуменьшая свое превосходное знание русского языка, Ирен с самого начала позиционировала себя как французская писательница. Для достижения этой цели на протяжении около двух десятилетий она внимательно следила за модными литературными веяниями, экспериментировала с различным жанрами, сюжетами и типами дискурса, прислушивалась к настроениям французского общества.

Вначале она пыталась использовать модную русскую тему. Ее ранняя повесть *Няня/Осенние мухи* (Les Mouches d’automne) представляет собой пастиш из легко узнаваемых мотивов русской классики и эмигрантской литературы. Фактически Немировски создает вариант русской ностальгической повести на французском языке, живописуя бедствия обнищавших русских аристократов, поглощенных воспоминаниями о своих разоренных усадьбах.

Впоследствии тема революции и изгнания становится фоном многих ее произведений. В начале тридцатых годов она публикует роман *Дело Курилова* (L'Affaire Courilof), написанный в форме мемуаров революционера-террориста, окончившего свои дни в эмиграции в Ницце. Немировски использует жанр исповеди, столь популярный в 1920-30-е гг., когда традиционный роман переживал кризис, уступив место разнообразным формам человеческого документа. Позднее она напишет книгу о Чехове в популярном жанре романизированной литературной биографии.

Но гораздо более важной стратегией интеграции стала для нее стилизация некоторых распространенных во французской беллетристике тех лет сюжетов, топосов и языка. Начиная с первого романа *Давид Гольдер*, она беззастенчиво пользуется антисемитскими клише и иными расовыми стереотипами, которыми пестрят книги многих популярных писателей, включая П. Морана или братьев Таро (которых Немировски относила к своим любимым авторам). По мнению ее биографов, она сознательно активизирует антисемитскую риторику, воспринимая ее как «ингредиент французского духа, полноправной носительницей которого ей так хотелось стать».[1]

В конечном итоге, почти все, написанное Немировски о евреях, скорее всего, — попытка разрешить сугубо личный, внутренний конфликт. Невозможность полной ассимиляции, существование между разными культурами без полной самоидентификации с какой-либо из них – трагедия, общая для многих эмигрантов ее поколения, – была дополнительно осложнена еврейским происхождением и семейной драмой. Однако существует и более имманентная причина для кажущейся антисемитской окраски некоторых ее текстов и заключается она в специфике ее литературного дарования. Немировски неоднократно утверждала, что просто описывает ту среду, которая ей наиболее известна. Но у нее был талант обличителя. В то же время ее авторская позиция не позволяла ей давать какие-либо эксплицитные моральные оценки, недвусмысленно выражать свое отношение к изображаемому. Поэтому современники интерпретировали ее романы, опираясь на знакомые стереотипы вместо того, чтобы внимательнее вчитываться в текст. От них порой ускользала амбивалентность, которую отмечают практически все пишущие о Немировски сегодня, они не улавливали сложную диалектику ее подхода к еврейской тематике, игнорировали ее знание еврейских традиций и жизни гетто, ее попыток через некоторых персонажей передать специфически еврейский взгляд на мир.

[1] Philipponnat et Lienhardt, p. 153.

Книги Немировски дают едва ли не больший повод для обвинений автора в женоненавистничестве. От жены Давида Гольдера Глории и Розины Кампф из новеллы *Бал* до Гладис из романа *Иезавель* она создает варианты древнего архетипа матери-чудовища, пожирающей своих отпрысков, Медеи, приносящий в жертву детей в знак любовной мести. Практически все эти персонажи – слепок с матери Ирэн, с которой у нее с детства были конфликтные отношения. Многие из ее женских образов являются воплощением исконного зла, часто их алчность оказывается основной причиной моральной деградации мужчин (*Ида*).

Именно женщина – кокетливая, андрогинная и аморальная *гарсонн* – стала символом Века Джаза и литературы двадцатых годов. От *Garçonne* В. Маргеритта до *Madonne des sleepings* М. Декобра и *Louis et Irène* П. Морана французские писатели создают образы «новой», эмансипированной и соблазнительной «фамм фаталь», которая не только не нуждается более в мужском покровительстве, но и составляет конкуренцию мужчине в традиционно неженских сферах бизнеса и политики. В ряде случаев в образе *гарсонн* воплотились ранние представления о феминизме, а Маргеритт и вообще открыто заявлял о своей феминисткой повестке и во многих романах продвигал идеи женского равноправия. Находясь в диалоге со своими современниками, Немировски полемически заостряет этот литературный топос, предлагая иную вариацию властной «новой» женщины. Ее доминантные героини наделены разрушительным потенциалом, и в конечном итоге терпят жестокое поражение. Почти все они – еврейки, вышедшие из местечек Восточной Европы и оказавшиеся в среде нуворишей.

Однако по мере роста во Франции ксенофобии и антисемитизма Ирен чувствует себя все более неуютно как в стране, так и в литературе. Ни принятие ею христианства, ни протекция на высоком уровне не помогли ей получить французское гражданство; после оккупации Франции она стала жертвой расовых законов, не могла печататься под своим именем и получать гонорары, а в 1942 году была депортирована в Аушвиц. Предчувствие приближающейся катастрофы заставило ее несколько изменить ее тематику: к концу тридцатых еврейские персонажи практически исчезают со страниц ее произведений, уступая место целой галерее проходимцев-«космополитов» смутного происхождения («левантийцам», «грекам» и т.п., что служит в большинстве случаев лишь эвфемизмом для евреев). В одном интервью Ирен признается, что если бы писала свой роман *Давид Гольдер* уже при Гитлере, то ее персонаж выглядел бы по-другому.

Сохраняя свою гротескно-карикатурную манеру, Немировски начинает все чаще изображать быт и нравы французских обывателей, подчеркивая их ханжество,

ограниченность, бездуховность. В ряде произведений она развивает жанр французского реалистического «буржуазного романа». Для ее подхода характерен социальный детерменизм и наложение двух противоположных точек зрения – инсайдера и аутсайдера. Как иностранка (о чем теперь ей все чаще напоминают) она воспринимает французское общество остраненно, подмечая детали, которые, возможно, ускользнули бы от внимания французов, и подает их в утрированном виде. Но с другой стороны, она маскирует свой «иностранный взгляд» за повествованием, демонстрирующим не только безупречное соблюдение законов стиля и языка, но и свободное владение моделями и приемами, почерпнутыми из французской классики.

К чему же привели писательницу эти неоднозначные способы интеграции во французскую литературу? Ее последний, незаконченный роман *Французская сюита* парадоксальным образом оказался, по меткому замечанию критиков, «шедевром без отечества»[2] – уникальным произведением, не сопоставимым ни с какими литературными канонами и национальными культурными кодами.

Феноменальность *Французской сюиты* состоит, прежде всего, в том, что, создавая свой текст по живому материалу, автор (который был не просто наблюдателем, но и жертвой происходящих вокруг трагических событий), написал не свидетельство, не человеческий документ, а высокохудожественное произведение эпического масштаба – такой характер придает ему максимальный охват разных психотипов и социальных слоев, эмоциональная сдержанность повествователя и совсем уже необъяснимая иллюзия некой отдаленной временнóй дистанции. В описании военных действий и поведения людей слышатся отголоски Толстого: снятие ложного пафоса, разоблачение официальной риторики, пропагандистской лжи, мифотворчества. Все это было результатом продуманной стратегии и самоконтроля. 2 июня 1942 года Немировски записывает в дневнике: «ни на минуту не забывать, что война пройдет, и вся историческая часть потускнеет. Стараться сделать максимально возможное из событий, дебатов [...], которые смогут заинтересовать людей в 1952 или 2052 году».[3]

В своей рецензии на выставку в нью-йоркском Музее еврейского наследия, посвященную Ирэн Немировски, Э. Ротштейн недоумевает, почему во *Французской сюите* отсутствует какое-либо упоминание о нацистких антиеврейских законах и преследованиях, и утверждает, что в этом якобы «историческом романе» начисто

[2] Olivier Philipponnat et Patrick Lienhardt. *La vie d'Irène Némirovsky*. Paris : Grasset-Denoël, 2007, p. 407.
[3] « Notes manuscrites d'Irène Némirovsky sur l'état de la France et son projet Suite française, relevées dans son cahier » // *Suite française* op. cit., p. 531.

отсутствует «дух истории». В этом, по мнению критика, проявилась «слепота романа».[4] Действительно, этот очевидный пробел в столь многогранном полотне о Франции периода оккупации остается еще одним парадоксом романа. Не только ни слова о Холокосте, но даже бытовой антисемитизм упоминается вскользь как свойственный одному из персонажей, но отнюдь не немецким солдатам и офицерам или французскому обществу в целом. Остается только гадать об истинных причинах такого умолчания. Казалась ли эта тема слишком опасной? Стремилась ли Немировски во имя сохранения идеально нейтральной позиции художника удалить из текста все личное, чтобы не поддаться эмоциям, сохранить ироничный тон, не допустить в текст собственный страх? Было ли это формой эскапизма? Думается, что судить о *Французской сюите* как об историческом романе в любом случае не совсем правомерно. Для Немировски главным здесь является не история или политика, а человек. Роман, прежде всего, – медитация о человеческой сущности, а исторически конкретная ситуация – лишь фон. Как бы там ни было, в ее дневнике сохранилась запись, сделанная в ноябре 1940 года: «Роман для иного времени... под псевдонимом. Еврей. Разгром».[5] Однако этот роман о Шоа так и остался ненаписанным.

Одним из основных лейтмотивов *Французской сюиты* является конфликт между обществом и личностью. Главную дилемму, которая подспудно возникает почти во всех описанных ситуациях, можно сформулировать так: должны ли личная позиция и индивидуальное счастье быть подчинены интересам какой-либо сообщности, будь то страна, нация или семья? Проблема не нова, но всегда актуальна, особенно во время мировых катастроф. В каждой конкретной ситуации Немировски строит отношения между героями по индивидуальному принципу, не опираясь на ранее приобретенный опыт или соображения абстрактного «долга». Она пытается поставить своих героев «над схваткой», и даже в образах немцев представляет не оккупантов, а в первую очередь людей. В целом, во *Французской сюите* немцы оказываются ничуть не хуже, а во многом даже человечнее и порядочнее, чем французские обыватели. Конечно, в наши дни появляются книги, представляющие Холокост с точки зрения врага. В нашумевшем романе Д. Литтела *Les bienveillantes* война показана через мемуары бывшего офицера СС. Но трудно представить себе, что нечто подобное могло быть возможным в то время, когда события непосредственно происходили, особенно если мысли и чувства врага-оккупанта пытается передать жертва.

[4] Edward Rothstein. « Ambivalence as part of author's legacy »//*The New York Times*. October 21, 2008, p. C1.
[5] Jonathan Weiss. *Irène Némirovsky. Biographie*. Paris: le félin, 2005, p. 132.

Определенные темы, слова, отношения в нашем обществе остаются табуированными. Отсутствие четких идеологических и моральных принципов осуждается, особенно, когда речь идет о таких трагедиях, как война, геноцид, фашизм. От художников ожидают подчинения требованиям политкорректности и самоцензуры. Попытки иного видения драматических страниц истории, особенно недавней, все еще живой в памяти, воспринимается как предательство или моральный релятивизм. Амбивалентность, то есть попытки взглянуть на ситуацию с двух противоположных сторон, в том числе и глазами врага, в преступлении которого нет никаких сомнений, вызывают по меньшей мере недоумение. Этим объясняются несмолкающие дебаты вокруг последнего романа Немировски. Однако это недописанное произведение лишь подтверждает, что она осталась верной себе и своей свободе художника. Если определенные евреи казались ей монстрами и пародиями на человека, такими они и появлялись на страницах ее романов. А некоторые немецкие солдаты вызывали у нее жалость и симпатию, и она не считала нужным это скрывать. С идеологической точки зрения, Немировски вплоть до своего трагического конца отрицала любую групповую солидарность. В этом ее особенность, оригинальность и непостижимость. Ее *Французская сюита*, где низость, подлость, эгоизм и жестокость в равной степени свойственны интеллигентам, буржуа и крестьянам, победителям и побежденным, детям и взрослым, а порядочность и человечность можно, хоть и редко, встретить как в душе офицера Вермахта, так и солдата французской армии или провинциальной барышни, остается удивительным памятником иллюзорной интеграции автора-космополита.

ЭЛЬЗА ТРИОЛЕ И ИСААК БАБЕЛЬ

Александр Строев (Франция)
Sorbonne Nouvelle

Осенью 1923 г. Бабель пришел в гости к Маяковскому и Брикам и принял их предложение о сотрудничестве. Публикации его рассказов в журнале «Леф» принесли успех, Маяковский восторгался ими, читал на литературных вечерах[1].

Эльза Триоле, младшая сестра Лили Брик, в 1919 г. вышла замуж в Париже за Андре Триоле. После поездки на Таити она рассталась с ним, но не развелась. В 1923-1924 гг. жила в Берлине, потом вернулась в Париж. Муж исправно помогал деньгами, выручил, когда в октябре 1924 г. ее вызвали в полицию из-за доноса, что она якобы занимается проституцией[2]. Жила Эльза в отеле «Истрия», описанном в автобиографическом романе «Земляничка» (1926). В конце книги она рассказывает о приезде в Москву в 1925 г. и роняет фразу: «Может, надо зайти в эту лавчонку купить тетрадь в клетку для арифметики[3], или же надо итти в Госиздат покупать Бабеля[4]?»[5]. В 1926 г. Эльза вернулась в Париж. Французская полиция считала ее агентом Москвы и пристально следила за ней[6].

Исаак Бабель приехал во Францию 20 июля 1927 г., сопровождая овдовевшую тещу. В Москве остался маленький сын от актрисы Тамары Кашириной (его позднее усыновит Всеволод Иванов). В Бельгии живут его мать и сестра. По дороге в Берлине у него случился быстротечный роман с Евгенией Гладун, будущей женой Ежова.

С супругой Евгенией Бабель, художницей, переехавшей во Францию в конце 1925 г., отношения поначалу довольно напряженные. Бабель уезжает в октябре 1927 г. на месяц в Марсель, затем некоторое время живет в Нейи, пригороде Париже. Однако, отношения восстанавливаются. Через девять месяцев после отъезда писателя из Парижа 3 октября 1928 г. родилась дочка Наташа. Жена сопровождала его в Берлин.

---

[1] *Погорельская Е.И.* И. Бабель в журнале В. Маяковского «Леф»: биографический и текстологический аспекты // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 5. Междисциплинарные подходы и мировая рецепция / *В.Н. Терехина, А.А. Россомахин*. М., ИМЛИ РАН, 2024. С. 181–194.

[2] Э. Триоле рассказывает об этом в дневнике и в автобиографическом произведении «Заграничная жизнь (Главы из романа)» (1936), оставшимся неопубликованном.

[3] Видимо, для написания этого романа.

[4] *Бабель И.* Рассказы. М.-Л., Государственное Издательство, 1925 («Король», «Как это делалось в Одессе», «Отец», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Сашка Христос», «Соль», «Замостье», «Исусов грех», «Линия и цвет»).

[5] *Триоле Э*. Земляничка. [М.], Артель писателей «Круг», 1926. С. 165.

[6] *Строев А.Ф.* Эльза Триоле — персонаж романа Жоржа Сименона? // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 5. С. 475-490.

О встречах Бабеля и Эльзы Триоле в Париже известно из ее дневника[7]. Ей 32 года. Ей нужен постоянный спутник для интеллектуального общения, который словами и делами может помочь ей в литературной карьере. Милейший Андре Триоле на эту роль не годился. Такими были Маяковский, с которым она продолжала встречаться в Париже и селила в том же отеле «Истрия», Виктор Шкловский, Роман Якобсон, Борис Кушнер[8], а затем французские писатели Марк Шадурн, Роже Витрак, художник Марсель Дюшан (тоже жил в «Истрии»).

Восторги Маяковского и Шкловского возвысили Бабеля в глазах Эльзы, а чтение рассказов и личное общение подтвердили репутацию писателя.

В дневнике от 21 сентября 1928 г., незадолго до отъезда Бабеля в СССР, она пишет:

> Ну а что касается Бабеля — это мудрейшая, тончайшая бестия. <…> . Но обошел он меня за те два раза, что мы читали корректуру[9], блестяще. <…> А читал внимательно, говорил сердито, значит искренне. В сущности, сказал, что затронула большой сюжет (о смерти, или вернее о небытие, о жизни трупа) — да не вышло!..

В 1927–1928 гг. ситуации Бабеля и Триоле похожи. Оба печатаются в СССР, а Бабеля активно переводят во Франции. У обоих супруг(а) в Париже, оба запутались в любовных историях. Оба могут жить во Франции, но при этом исправно посещают советское посольство, рвутся обратно на родину. Из-за этой раздвоенности у них усиливается неврастения. И упоминает в дневнике Эльза об Исааке в минуты колебаний, раздражения, почти истерики.

> Идиот Бабель, что не хотел со мной водиться. Не для романа <…>, а для цинизма в жизни вообще, чтоб говорить и слушать с повышенным интересом, то что обычно не говорят. Пойти выпить, пошататься по разным местам — было бы весело[10]. А потом, если б он расстроился, я б его до девочек проводила![11]

В октябре 1928 г. Эльза переживает окончательный разрыв с Марселем Дюшаном, размышляет о возвращении в Москву с Маяковским, приехавшим снова в Париж, или об отъезде в Америку с кем-нибудь, или даже о самоубийстве. 18 октября она сетует в дневнике на одиночество, на то, что нет «никакого запасного мальчика», что книжка не

---

[7] Опубликован в переводе на французский: *Triolet E*. Écrits intimes / éd. *M.-Th. Eychart*, trad. L. *Denis*. P., Stock, 1998. Оригинал хранится в Национальной Библиотеке Франции. Фотографии нескольких страниц любезно предоставила аспирантка Екатерина Морозова, которую я искренне благодарю.

[8] Поэт, член ЛЕФа (1888-1937) См. его письмо к Эльзе из 1923 г. из Берлина: Диалог писателей / *Т.В. Балашова*. М., ИМЛИ РАН, 2002. С. 743–747. Когда позднее он приехал с женой в Париж, тоже снял номер в «Истрии».

[9] *Триоле Э.* Защитный цвет. Роман. Москва, «Федерация». Артель писателей «Круг», 1928.

[10] В «Земляничке» героиня посещает с любовником-французом «веселые места»: кабаре на площади Пигаль, где играют джаз, а дамы ищут мужчин, затем негритянский джаз в кафе, русский ресторан, публичный дом.

[11] В Париже Эльза знакомила Маяковского с русскими проститутками.

пишется, и вновь вспоминает о Бабеле: «…вышло все по другому. Плохо? Обошел верно и во второй раз». В начале ноября она пишет в дневнике о молодом сюрреалисте Ролане Тюале. Но 6 ноября 1928 г. она знакомится в баре кафе Куполь с Арагоном, которого бросила поэтесса Нэнси Кунард, и уже не отпускает его.

Однако отношения с Арагоном складываются непросто. 30 мая 1929 г. Эльза перечисляет в дневнике мужчин, чей интерес к ней подогревал ее чувства: Бабель, Дюшан, Шкловский и Грановский. Режиссер Алексей Грановский эмигрировал в 1928 г. У Лили в юности был роман с ним[12]. Его жена, актриса Александра Грановская рассказывает в воспоминаниях об общении с Бабелем в Париже[13]. В 1933 г. Грановский хотел поставить во Франции фильм по «Конармии», Бабель написал сценарий[14], но дальше дело не пошло.

Второй раз Бабель был в Европе с сентября 1932 г. по август 1933 г. Неизвестно, встречался ли он в Париже с Эльзой и Арагоном. По возвращении, он отчитался о поездке во Францию и Италию перед московскими писателями и расхвалил роман Селина «Путешествие на край ночи» (общими фразами, перепутав заглавие), упомянув, что Триоле переводит его. Однако журнал «Интернациональная литература» уже начал печатать роман, а «Литературная газета» откликнулась статьей в августе 1933 г.[15]

Возможно, что в рассказе «Гюи де Мопассан» (1932) можно увидеть отдаленный отклик на общение с Эльзой в отеле «Истрия» в 1928 г.

Далее Бабель и Триоле, часто приезжавшая с Арагоном в СССР, встречались в рамках официальных мероприятий: Первый съезд советских писателей (1934), парижский Конгресс в защиту культуры (1935; в кулуарах Бабель с удовольствием беседовал с Андре Триоле о своем главном увлечении: лошадях), прием Андре Жида в Москве и похороны Горького (1936)[16].

Если в 1920-е годы Эльза Триоле хотела быть русской писательницей и добивалась этого с помощью очень близких друзей, то благодаря Арагону она сделалась французской писательницей, стала первой женщиной, получившей Гонкуровскую премию (под мужским псевдонимом).

---

[12] *Брик Л.* Пристрастные рассказы / *Я.И. Гройсман, И.Ю. Генс*. Нижний Новгород, Деком, 2011.
[13] *Азарх-Грановская А.В.* Воспоминания: Беседы с В.Д. Дувакиным. Иерусалим; Москва, 2001.
[14] Ранее Бабель сделал титры к немому фильму Грановского «Еврейское счастье» (1925).
[15] *Фрейдин Г.* Вопрос возвращения II // Literature, Culture, and Society in the Modern Age: In Honor of Joseph Frank. Stanford Slavic Studies 4.2 (1992). P. 200-222.
[16] *Погорельская Е.И., Левин С.Х.* Исаак Бабель: жизнеописание. СПб., Вита Нова, 2020.

СТАТЬИ ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ 1930-Х ГОДОВ

Летисия Мей (Бразилия)

Цель доклада — представить статьи Эльзы Триоле, опубликованные в французской прессе 1930-х годов, проанализировать их в культурном контексте того времени и их значение для формирования той писательницы на французском языке, которой она станет к концу этого десятилетия. Это часть более широкого исследования, цель которого — восстановить биографический и литературный путь русской писательницы, переводчицы и журналистки Эльзы Триоле во Франции. Она была свидетелем, а порой и участницей самых драматичных исторических и культурных событий XX века — Первой и Второй мировых войн, Русской революции, расцвет русского и европейского авангарда и других. Она рассказала в мемуарах и письмах о тесном общении с писателями, учеными, художниками своего времени, такими как Виктор Шкловский, Роман Якобсон, Владимир Маяковский, Фернан Леже и Луи Арагон. Последний был ее спутником на протяжении более четырех десятилетий как в жизни, так и в литературе. Она писала романы, в стиле реализма XX в., с нотками Чехова, как говорят некоторые, эссе и много переводила (с французского на русский и с русского на французский). Ее роль в распространении русской литературы во Франции, ее деятельность как писательницы и переводчицы уже хорошо изучена в франкоязычных исследованиях, но её статьи в прессе исследуются впервые.

Эльза Триоле, псевдоним Эллы Юрьевны Каган, родилась в 1896 году в Москве, а умерла в 1970 году в Сен-Арну-а-Ивлин. Воспитанная в зажиточной еврейской интеллигентной семье, она выросла в привилегированном районе города. Погружённая в космополитическую среду, семья часто путешествовала за границу — в Германию, Польшу, Италию, Францию и Финляндию (которая тогда была частью Российской империи). Эльза получила хорошее образование: с ранних лет занималась музыкой, с детства владела русским, немецким и французским языками, училась в институте и получила диплом архитектора.

Эльза выросла во времена правления Николая II — эпохи жёстких репрессий и распространённого мнения о том, что евреи якобы несут ответственность за нарастающие революционные волнения. Можно сказать, что в её жизни установилось некое изначальное изгнание — ощущение, которое позже проявится в её романах. Предрассудки, страх и ощущение инаковости — детские впечатления, оставившие глубокий след в её сознании, личных записях и художественных произведениях. К

этому добавляется вечное чувство того, что её недостаточно любили — мотив, многократно встречающийся в её рукописях и литературном творчестве.

Фамилию Триоле Эльза получила от своего первого мужа — французского офицера Андре Триоле, служившего в Москве. Они познакомились в 1917 году и поженились в Париже в 1919-м. После свадьбы супруги год прожили на Таити. В 1921 году Эльза рассталась с мужем, но сохранила с ним дружбу — и его фамилию — на всю жизнь. После развода она провела некоторое время в Лондоне и Берлине в 1923 году. Именно в Берлине, по настоянию Виктора Шкловского, она начала писать. Их переписка легла в основу эпистолярного романа Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923). Прочитав письма Эльзы, Максим Горький сразу же распознал её литературный талант и также призвал её посвятить себя литературе.

Вернувшись в Париж в 1924 году, она поселилась в районе Монпарнас — эпицентре художественных авангардов. Её первая книга «На Таити» была написана по-русски и опубликована в 1924 году. Автобиографический текст размышляет о писательстве, ностальгии по родине и представляет собой рассказ о культурных столкновениях, пережитых на острове. В следующем году она пишет ещё по-русски «Земляничка», вдохновлённую дневниками детства и изданную в Москве в 1926 году. Последнее произведение, написанное по-русски, «Защитный цвет», выходит в Москве в 1928 году. На протяжении следующих десяти лет Эльза почти не пишет художественную прозу — вплоть до возвращения к литературе, но уже на французском языке.

В 1928 году Эльза знакомится с поэтом Луи Арагоном в легендарном кафе «La Coupole». В течение двух следующих лет пара испытывала серьёзные финансовые трудности, и Эльза начала изготавливать бусы, которые Арагон перепродавал домам высокой моды. Кроме того, она стала сотрудничать с русскоязычными газетами как журналистка и работать переводчицей письменной и и устной. В 1930-х годах она начала карьеру литературного переводчика с русского на французский язык, переводя стихи Н. Асеева, прозу М. Ильина и других авторов — иногда в соавторстве с Владимиром Познером или Арагоном, иногда самостоятельно. Это было время путешествий, конгрессов и интенсивного культурного обмена между советскими и французскими писателями.

Как журналист, Эльза публиковалась как в советской прессе («Тридцать дней», «Знамя»), так и во французской. В 1934 году она начинает сотрудничать с журналом Regards – основан в 1932 году Леоном Муссинаком. Издание имело коммунистическую

направленность и делало упор на фотожурналистику. Начиная с 1937 года, она пишет свои «petits papiers» — короткие статьи, которые иногда можно найти в её рукописных тетрадях – для газеты Ce soir, основанной Коммунистической партией в 1937 году. Газета была запрещена — как, впрочем, вся коммунистическая пресса — в 1939 году. Эти тексты — от хроник и рецензий, посвящённых моде, литературе, защите испанцев — жертв гражданской войны, до философских размышлений о страхе смерти, о стремлении к славе, раздумьях о повседневных событиях — подтверждают литературный талант писательницы и отражают её внимательный взгляд на главные события того времени. М. Дельран[1] подчёркивает формирующую роль журналистики как своеобразной лаборатории для её первого романа на французском языке —«Bonsoir, Thérèse» (1938).

Следует отметить активное взаимодействие литературы и периодики в эти годы. По словам Ю. Анжоса,[2]

> Littérature et presse participent d'un long et durable « processus d'échanges et d'interactions »[3] non seulement en raison de la longue relation professionnelle entre journalistes et hommes de lettres – surtout jusqu'aux premières décennies du XXe siècle – mais aussi grâce à la forte présence du journal dans le système de circulation textuelle.

В рамках исследования будут проанализированы все статьи, опубликованные Эльзой во французской прессе в 1930-е годы, а именно: 4 статьи в журнале «Regards» (три на темы моды, опубликованные в 1934 году, и одна — в 1939 году, посвящённая поддержке гражданского населения во время войны в Испании); 45 статей в газете *Ce soir* в 1938-1939 годах на самые разные темы. Этот материал доступен на сайте *Gallica* Французской национальной библиотеки (BnF). По возможности, согласно подходу генетической критики, я намереваюсь обратиться к рукописям и машинописным текстам опубликованных статей принадлежащие Фонду Триоле-Арагон (CNRS) в BnF Richelieu, чтобы лучше понять её литературный стиль и политическую позицию.

Эльза Триоле перенесла сердечный приступ 16 июня 1970 года. В рукописях «Ecoutez-voir» упоминается, что её творчество было неотделимо от жизни, и одна из её записей гласила: «Жить — творить — это одно и то же. Мы творим в соответствии с тем, как живём». Её необыкновенный жизненный путь оставил нам значительное

[1] GAUDRIC-DELRANC, Marianne. *Elsa Triolet, naissance d'une écrivaine*. Paris : L'Harmattan, 2020.
[2] ANJOS, Yuri Cerqueira dos. *Marcel Proust et la presse de la Belle Époque : ethos, poétique et imaginaire médiatiques*. Докторская диссертация - Факультет философии, филологии и гуманитарных наук, Университет Сан-Паулу, Сан-Паулу, 2015, с. 21. https://teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8146/tde-09032016-154455/pt-br.php
[3] THÉRENTY, M.-E. *La Littérature au quotidien*. Paris: Seuil, 2007, с. 19 *apud* Anjos, op. cit.,с. 19.

творческое наследие, которое отражает как историю её собственной жизни, так и эпохи, в которой она жила и творила. Важно отметить, что её журналистская деятельность оказала значительное влияние на её литературное творчество. Статьи помогли ей выработать её стиль и найти свой литературный язык, в котором жизнь и история пересекаются.

BLOC 2.6

L'HYMNOGRAPHIE COMME GENRE PARTICULIER DE LA LITTÉRATURE EN SLAVON, AU PRISME DES RECHERCHES INTERDISCIPLINAIRES / HYMNOGRAPHY AS A SPECIAL GENRE OF THE SLAVONIC LITERATURE IN INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Organisatrices : VICTORIA LEGKIKH, IRINA GERASIMOVA

Victoria Legkikh Contemporary hymnography. Tradition and innovation. The Case of some services of ROCOR 1

Irina Gerasimova Unknown Russian stichera to Klement the Pope 4

Nina Zakharina Old Russian Hymnography and Old Russian singing art masters 7

Olga Grinchenko Rebels or followers: some Early Slavonic hymns and their Byzantine counterparts 10

Maria Takala-Roszczenko Polarization in Hymnography: Metropolitan Mohyla's Prayer service for the Pacification and Unification of the Orthodox Faith in Early Modern Ruthenian Context 11

CONTEMPORARY HYMNOGRAPHY: TRADITION AND INNOVATION. THE CASE OF SOME SERVICES OF ROCOR

VICTORIA LEGKIKH (GERMANY)

The revolution of 1917 divided the Russian Church, resulting in the formation of the Russian Orthodox Church Outside of Russia (ROCOR) as an independent organization, which regarded itself as the "true and faithful" continuation of Russian Orthodoxy. The religious activity of the first wave of emigration had a significant impact on the spiritual and literary life of the Russian diaspora. Among the most notable examples are the establishment of the St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris, St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary in Crestwood, the Holy Trinity Orthodox Theological Seminary in Jordanville, and the N. P. Kondakov Institute in Prague, among others.

The desire of Russian émigrés to preserve their "true Church" and "true spirituality" led to a rift between the churches that persisted until 2007, when canonical communion was finally restored. During this period, ROCOR considered itself the sole guardian of the Holy Spirit and the legacy of "Holy Rus," which it believed had been lost in Soviet Russia.

Since its inception, the community of the Russian Church abroad functioned as an "island of Russia" outside its homeland. However, it eventually evolved into more of an "island of Russian Orthodoxy" rather than a broader cultural or national island. It is important to note that the Orthodox Church, in general, is deeply conservative, with "tradition" being its central value. Historically, there has also been a strong belief in the unique spirituality of Russia and its divine mission to save the world.

ROCOR's hymnography includes a wide variety of liturgical services. These honor sainted clergy who preached outside Russia, such as St. John of Shanghai, pre-schism Western saints (e.g., by 2022, there were 95 services to saints of Great Britain), post-revolutionary saints, and other figures of special importance to ROCOR. In this paper, I focus on four services connected to the Revolution or ROCOR's identity:

1. The service to the New Martyrs
2. The service to the last Emperor, Nicholas II
3. The service to the Kursk Root Icon
4. The service to Alexander Schmorell

Each of these services reflects ROCOR's theological and ideological position, especially the central theme of preserving the spirituality of "Holy Rus."

ROCOR glorified the New Martyrs and Confessors of Russia in 1981. An early step toward their canonization was the publication of a brochure by a local council in Moscow on April 5 (18), 1918, titled *"On the Events Provoked by the Persecution of the Orthodox Church"* («О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь»). Boris Turaev and Afanasiy Saharov, who worked on the service to all Russian saints, included hymns devoted to new confessors and martyrs. However, after World War II, this commemoration was temporarily halted.

In 1949, ROCOR published the first volume of *New Russian Martyrs* by Michael Poskryobyshev. The second volume followed in 1957. Canonization was formally proposed in 1971, and in 1981, it was officially enacted. A new service was composed for the commemoration.

The hymns of this service are structurally similar to those in the service to All Russian Saints, creating parallels with early Russian saints to emphasize a continuity of holiness that was interrupted by the Revolution. Despite clearly reflecting 20th-century realities, the service often draws comparisons with early Christian martyrs, in line with earlier liturgical traditions.

In 1981, Tsar Nicholas II and his family were canonized by ROCOR as martyrs. Around the same time, Princess Elisabeth was also canonized. Nicholas II, as the last sainted Russian prince, was portrayed with the most notable characteristics of saintly rulers. His and his family's canonization as martyrs reinforced parallels with the earliest Russian saints.

This service contains even more biographical detail than previous ones, blending hagiographic tradition with 20th-century historical context. Although he is canonized as a martyr, Nicholas II is sometimes referred to as a "passion-bearer," which draws a direct parallel with Saints Boris and Gleb—early Russian saints who were also killed for political reasons and did not resist their killers.

ROCOR presents the Revolution as the end of Christian Russia. The comparison to Boris and Gleb thus serves a second, vital function: to show a continuity of holy rulers from the beginning of Russian history to its tragic end. This echoes similar sentiments found in a 17th-century service devoted to Prince Dimitry, the last of the Rurik dynasty.

The Kursk Root Icon of the Sign, also known as the Theotokos of the Sign, is an 'Oranta'-type icon depicting the Virgin Mary with raised hands in prayer. It was discovered near Kursk around 1295, and its miraculous appearance was marked by the emergence of a spring of pure water. This icon later became one of the most venerated in Russia, particularly after healing St. Seraphim of Sarov. It survived the destruction of its monastery and was

smuggled out of Russia in 1920, eventually becoming a central object of veneration in ROCOR.

The structure of this service resembles that of the feast of the Novgorod icon, sharing the same *troparion* and *paroemiae*, as well as similar *stichera*. Written by Valeria Hoeke about six years after World War II, the service's central theme is the salvation of Russia from its enemies. While it borrows liturgical elements from 15th- and 16th-century princely services, these are repurposed to ask for deliverance from godless authority. The icon, traditionally celebrated for protecting the land from calamity, is now invoked for protection against impious rule. New motifs, such as references to the Last Judgment, are also introduced.

The Service to Alexander Schmorell

Alexander Schmorell was a medical student and a member of the anti-Nazi resistance group "The White Rose" (*Die Weiße Rose*). On February 5, 2012, he was canonized as a locally-venerated saint of the Diocese of Berlin and Germany by ROCOR. He was the first New Martyr canonized following the restoration of communion with the Moscow Patriarchate.

This service differs significantly from earlier ROCOR services, as it was written after the reunification with Moscow. Consequently, Russia is no longer depicted as a godless land. However, since Schmorell was executed for resisting Nazism, similar rhetoric persists, now portraying the entire world of that era as godless. The structure closely follows traditional martyr services—more so than earlier ROCOR creations—yet includes extensive biographical detail. It is arguably the most biographical service not only within ROCOR but also in the broader tradition of the Russian Orthodox Church.

While ROCOR's services generally follow traditional liturgical models, they exhibit unique features. Unlike the 16th- and 17th-century services, which frequently involved direct textual borrowing, ROCOR's compositions are more original in structure and content. Viewing themselves as the guardians of "Holy Rus," ROCOR rejected Soviet Russia as a godless state, seeing their Church as the sole preserver of Orthodox tradition.

The canonization of the last Tsar symbolized both the end of the line of holy rulers and the end of a Christian Russia. The service to Alexander Schmorell, composed after the reunification with the Moscow Patriarchate, shifts the narrative from a godless Russia to a godless world—one that can only be redeemed by the witness of the last remaining holy individuals.

UNKNOWN RUSSIAN STICHERA TO KLEMENT THE POPE

IRINA GERASIMOVA

The focus of the report is the stichera "Today is the Grace of the Holy Spirit" of the 6th voice of the znamenny chant, created in Kievan Rus to venerate the relics of Clement the Pope. The saint was an apostle of the seventy, a disciple of the Apostle Peter. At the end of his life, Clement, by order of Emperor Troyan, was exiled to the quarries in Tauric Chersonesos and then put to death: he was tied to an anchor and drowned in the sea in 101. Subsequently, his relics were found, some of which were taken to Rome, but his honest head and most of his body were kept in Chersonesos. When Prince Vladimir was baptized there, he took the relics of the Holy Martyr Clement to Kiev. Further, the relics of the saint were placed in the Tithe (Desyatinnaya) Church, built in 991, and kept there in a sarcophagus. Thus Clement the Pope became the first intercessor of the Russian land and the Tithe Church itself in the Saxon chronicle of 1015–1018. Titmar of Mersenburg was named the Church of Clement Pope. Then the Dormition Tithe Church became the tomb of the Kiev princes. Later, the sarcophagi of Prince Vladimir and his wife, the Greek Princess Anna, stood in the middle of the church, and the remains of Princess Olga and other princes were reburied here. Yaroslav the Wise transferred the relics of St. Clement to St. Sophia in Kiev, made them a new silver shrine, and bequeathed them to bury themselves in the old one.

Clement's relics played a major role in the political life of Kievan Rus: they consecrated the princely power in Kiev, gave spiritual authority to this power, thus blessed by God, and legitimized the entry of Prince Vladimir and his descendants into the Christian family of European rulers. According to Yuri Boyko, a researcher of the cult of Clement the Pope in Russia, “the presence of relics in the capital of Russia has become one of the main elements in shaping the identity of the Kievan Church and state”[1].

The analized stichera to St. Clement was revealed only in one annotated manuscript of the 12th century. This text has not yet been found in unnoted sources, that is, without notation, in the services of Clement the Pope[2]. The historical context suggests that this stichera, which is not included in the chants of the service, could have been created on

[1] Бойко Ю., студит. *Святий Климент Римський в агіографічних та літургійних церковнослов’яньских рукописах*. Львів: УКУ, 2020. С. 424.

[2] Плякин М., священник. Опыт компиляции праздничного богослужебного последования: служба бденная святому священномученику Клименту I, папе Римскому in: *Православная культура: история и современность*. Edited by Е. Потехина и А. Кравецкий. Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, 2016. S. 93–136; Бойко Ю., студит. *Святий Климент Римський в агіографічних та літургійних церковнослов’яньских рукописах*. Львів: УКУ, 2020.

occasion and was performed by Kievan singers in the 11th century (State Historical Museum. Sin. 589. Sticherarion. XII c.)

Today, / the grace of the Holy Spirit has gathered us / in your honest church, / and in it you honorably / magnify the Holy Martyr Clement. / As a gift of miracles, / blessed one were received from God, / and give abundantly. / Thus, / we weave your praises / with a pure heart, / constantly pleasing you.

An example of this text was the well-known Christian stichera on the Entry of the Lord into Jerusalem "Today the grace of the Holy Spirit has gathered us together". The original text is notable for the fact that it was sung several times at Vespers, opening it, according to the Alexian-Studian statute of 1034. In the Jerusalem church of the X–XI centuries, this stichera was followed by a festive procession to Jerusalem, then they went to Golgotha with palm branches, like Jewish youths who greeted Christ according to the Gospel and those who shouted, "Blessed is he who comes in the name of the Lord, Hosanna in the highest". It was this text that was reinterpreted in relation to the St. Climent. Thus, in Kievan Rus, in the context of this stichera, the entry of his relics into Kiev was perceived as the solemn entry of Jesus Christ into Jerusalem. Such a situation could have happened to the relics of St. Clement only in Kiev. As the relics were found in Chersonesos, they did not enter the city.

The stichera speaks of the worship of the relics in an "honest church", meaning a certain state ritual, probably annual on the saint's memorial day, and perhaps on other days, solemn worship and kissing of the relics were performed in the Tithe Church with the participation of Kievan princes and other nobility. The fact that this special text was sung during the kissing of the relics may be evidenced by the proper words of magnification: "we magnify", "we constantly please you". Pay attention to the phites, in the manuscript, the Greek letter "Θ" stands above the word (pheta or phita is the first letter of the word Θeos – God). This letter in the Old Russian znamenny notation denoted long chants that were placed on the most important, key words of the form, this custom came from Byzantine chants. The words "honorably" (to honor, honor honest memory, honest relics, the expression "honest church" is used) and "thus" (a word summarizing all of the above before the conclusion) were highlighted in the foreground. One musical motif, set twice, rhymes the lines "the grace of the Holy Spirit gathers us" and "blessed one were received from God", emphasizing the theme of Divine providence and providence in the ongoing action.

Later, the stichera is found in manuscripts of the XV – XVII centuries. She does not have a strictly fixed place in the service and is fixed on "Glory" on "Lord's Prayer", at Matins on "Stichovna" and on "Khvalitekh". In addition, the manuscripts show various znamenny

versions of the stichera: each time it was re-sung anew. In the XVIIth century, a *put'* version of the stichera appeared, including a two-voice redaction.

OLD RUSSIAN HYMNOGRAPHY AND OLD RUSSIAN SINGING ART MASTERS

NINA BORISOVNA ZAKHARINA

Russian chants are mostly anonymous, both melodies of hymns translated from Greek and those created in Old Russia. We know just a few names of chant makers (*rospevshchiks*).

The most famous and at the same time the most discussible name is Ivan IV the Terrible. The discussion was opened by archim. Leonid (Kavelin) who had published a set of stichera from the manuscript written by the hand of Loguin Shishelov (the Cow), marked with the note "tsar's creation" (*tvorenie tsarevo*). During the late 19th–XX c. some new names (about 15) were discovered and several questions were risen: what do words "*tvorenie*" and "*rospev*" mean? Das *rospevshchik* mean a composer? What was a composer's techtique in the Middle Ages?

Most remarkable work belongs to Maxim Brazhnikov who discovered and published a mid 17th c. copy of Gospel stichera with remark "creation of tsar Leon the Wise rospev (melody) of Krestianin" that attributes these stichera to moscow priest Feodor the Christian (Krestianin). Contemporary researches to be marked are Nikolai and Natalia Parfentievs. A historian N.Parfentiev found in Archive of Ancient acts a lot of documents concerning everyday life of Feodor Krestianin and other composers, singers and music theorists of the late 16th–17th centuries. A musicologist N.Parfentieva in her works tstudiesthe composer' activities in the Middle Ages. She discovered that some settings were created much earlier than composers whom that settings are attributed to lived and concluded that the *rospevshchik* did not create new setting but was using his own musical vocabulary (specific variants of common intonational formulas). Besides there are many articles devoted to individual chants and chant cycles; Florentina Panchenko summariezed them in her article. Later the monograph of Natalia Ramazanova and some Parfentievs' works went out.

Now the questions mentioned above are still of current interest. I think the core of the problem is that researchers consider that only one reason for Old Russian scribers to write a person's name near hymn is that this person was a composer. It is high time to review discovered sources and maybe find new solutions.

Two types of sources are known where names of chant makers are mentioned: narrative texts, and remarks in chant manuscripts. I propose to compare two narratives taking into account how their data reflect in chant manuscripts. First of them is the famous "*Predislovie, otkudu*…" known in 9 copies of various fullness of the 2nd part of the 17th c. *Predislovie*

narrates about history of music in Midlle Ages format. Some part of text deals with Old Russian chant makers. The next text, "*Skazanie o zarembakh*", is preserved in one copy of the late 17th c. It is a work in the field of musical theory where so called cinnabar marks (indicators of sound pitch, *kinovarnye pomety*) are explaned. The treatise includes a historical part with the list of masters who took part in cinnabar marks invention.

This text is comparable with the corresponding part of *Predislovie*. In the latter chant makers are listed, in the former the theorists. Let us look what names are mentioned in attributive remarks of musical manuscripts.

That is Feodor Krestianin who is mentioned more often. Both narrative texts characterize him as a great master of previous generation: "Feodor, the Pope, named Christian, who was famous here in the town of Moscow, the residence of the Czar, and greatly skilled in the chanting of the znamenny chant; and many were his pupils, and his chants are famous to this day" (*Predislovie* in Alfred Swan's translation). Remarks in musical sources attribute to him cycles of hymns, individual hymns and musical formulas. It is impossible to conclude with certainty whether Feodor Krestyanin was a composer or not. O.Tiurina shows that the setting of Gospel stichera known as Krestianin's work was created in the 12th or 13th c. Maybe Old Russian scribers put remarks with Krestianin's name because of his highest authority, to underline the value of church melody.

The same situation arose with the name of Loguin the Cow. He is mentioned in one text (*Skazanie*) as the chant maker of Krestianin's generation, while in the list of *rospevshchik*s' names in Predislovie Loguin's name is absent. Attributive remarks with his name ("*log*") accompany some hymns in mid 17th c. manuscripts. This author assumed that Loguin kept in his repertoire the ancient version of the sticheron "When the Translation" ("Egda prestavlenie) and that is why it was connected with his name.

In the case of Ivan the Nose (*Noss*) *Predislovie* contains a list of hymns he created: "And the triodia were chanted and explained by Ivan Noss who likewise had chanted the Staurotheotokia [Stabat Mater] and the Theotokia that are in the Menaia". But we don't know any chant manuscript with his name in remarks despite the fact that the manuscripts must contain his melodies.

Markell the Beardless (Bezborody), according to *Predislovie*, was a church poet and at the same time he created a melody for the Psalter: "and the Psalter was chanted in Novgorod the Great by a monk named Markél, called the Beardless, who also composed a kanon of rare beauty for Nikita, the archbishop of Novgorod". In notated copies of psalms there is no name of Markell.

On the other hand names of cinnabar marks inventors are mensioned with remarks in the same circumstances as rospevshchik's names. For example we know the paraliturgical "Adam's crying about pardise" with note "*rospev Kirilla Gomoulina*". The copy of the sticheron "Come, let us bless Joseph" (*Priidite ublazhim Iosifa*) with mark "Other baskakov's version" (*In perevod baskakov*) in the notated manuscript corresponds with the name of Semen Baskakov. Some notes concerning individual lines (*stroki*) and melismatic formulas (*fity*) contain names from both narrative texts: Feodor Krestianin, Luca.

To make a conclusion, comparison of different types of sources shows that there were various reasons to mention this or that name in 17th c. manuscripts: a great authority, a real authorship or brilliant knowledge of music of previous generations. The latter was especially of great importance in the Middle Ages. Contemporary musicologist seing the note in a manuscript must not conclude immediately the mentioned person to be a composer. We have to find another reason for that when analyzing Old Russian hymns.

LIST OF LITERATURE

Leonid, arkhimandrit (Kavelin, Lev A.) Stichera set to neumes. Creation of Tsar John Despot of Russia. St. Petersburg: OLDP, 1886. (Monuments of ancient writing and art. Vol. 63) (In Russian).

Panchenko F.V. "The medieval author's chants in the manuscripts from the seacoast region of the XVIIIth and the 1st half of XIXth centuries", In Saint-Petersburg music archives. Vol. 3. St.Petersburg, 1999, pp. 126–140. (In Russian).

Parfent'eva, Natalya V. & Parfent'ev, Nikolay P. "Tsar Ivan the Terrible Stichera 'on the model' in honor of the Vladimir Icon of the Blessed Virgin Mary", In Bulletin of the South Ural State University. Series "Social and Humanitarian Sciences". Vol. 15, no. 4 (2015), pp. 83–99 (in Russian).

Parfent'eva, Natalya V. & Parfent'ev, Nikolay P. Moscow school in the Old Russian church-singing Art. Vol. 1-3. Chelyabinsk: SUSU, 2023. (In Russian).

Ramazanova, Natal'ia. Muscovite Tsardom in the church singing art of the XVIth–XVIIth centuries. Saint-Petersburg: DB (GUP Tip. Nauka) Publ., 2004 (In Russian).

Swan A.J. The Znamenny Chant of the Russian Church // Musical Quaterly. New-York, 1940. Vol. 26. № 2. P. 232−243; № 3. P. 364−380; № 4. P. 529−545.

Tiurina, Ol'ga. "The cycle of Gospel stichera", In Idu v nevedomyi mne put. In memory of Elena Filippova. Moscow: MGK, 2006, pp. 53–61.

Zakharina N. A Sticheron for the Feast of the Dormition of the Mother of God // Unity and Variety in Orthodox Music: Proceedings of the Fourth International Conference on Orthodox Church Music. University of Eastern Finlanda. Joensuu, Finland. 6–12 June 2011. [Joensuu], 2013. P. 212–229.

REBELS OR FOLLOWERS: SOME EARLY SLAVONIC HYMNS AND THEIR BYZANTINE COUNTERPARTS.

OLGA GRINCHENKO (UNITED KINGDOM)
Oxford University

Liturgical books have always been a very important source not merely for examining the history of the church services and linguistic features of a particular period, but also for investigating the links between different Christian countries and their cultures. In my presentation, I will look at a liturgical book called Kontakarion which contains a compendium of kontakia, one of the earliest genres of Byzantine hymnography. Kontakarion survived in two liturgical traditions – the Byzantine and the Slavonic, specifically the East-Slavonic tradition. All six extant Slavonic manuscripts are similar in their content. Each manuscript contains 3 sections: the first section provides kontakia for the fixed part of the liturgical year, from September to August, then (the second section) for the movable part of the calendar, in accordance with the Easter cycle; and the third section contains an assortment of hymns of other genres for various occasions, for example, Sunday kontakia, kontakia for the consecration of the church or the beginning of a new year. The collections of hymns as well as their number vary from manuscript to manuscript, but the kontakia in these manuscripts cover all periods of the liturgical year and the extra hymns allow to perform a service with little help of the other liturgical books. Five out of six manuscripts are also musically notated.

If we look at the Byzantine tradition, there are twelve Byzantine Kontakaria from the 10th-11th centuries, including the oldest extant copy – Sinait.gr. 925. These manuscripts contain the so-called long kontakia in their original form before they got shortened to the first two strophes. The structure of these manuscripts is rather straightforward: they provide hymns from the Menaioin and the Triodion cycles and very few or no hymns of other, non-kontakion genres. These Kontakaria have a very strong connection to the grand services of the Great church in Constantinople.

Perhaps surprisingly, none of the extant Slavonic manuscripts fully conforms to the surviving Byzantine Kontakaria. The Slavonic Kontakaria are not a translation of the Byzantine Kontakaria. Even though they preserved some traces of the Byzantine Cathedral rite, they reflect a different liturgical tradition. In today's paper I am going to look at how the Slavonic Kontakatia mix the Cathedral rite with the monastic – Stoudite - version of the Byzantine Office, and the way both of those rites were adopted and adapted to suit the local liturgical needs of the Slavs. This will contribute to our knowledge about the transfer of liturgical practices from Byzantium to the Slavonic land.

POLARIZATION IN HYMNOGRAPHY: METROPOLITAN MOHYLA'S PRAYER SERVICE FOR THE PACIFICATION AND UNIFICATION OF THE ORTHODOX FAITH IN EARLY MODERN RUTHENIAN CONTEXT

MARIA TAKALA-ROSZCZENKO (FINLAND)
University of Eastern Finland

In times of social and political turbulence, new hymnography may reflect, to varying degrees, the atmosphere and context in which the compositional process takes place. Polemical hymns are not unknown in the tradition of the Orthodox Church, and like polemics in general, these hymns use various rhetorical techniques to persuade the audience.

The church union sealed in Brest (present-day Belarus) in 1596 served as a major catalyst for polemics. This union effected the division of the Eastern Rite Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth into two parts: the pro-union, i.e. Uniate (Greek Catholic) Church, subordinate to the Pope, and the anti-union Orthodox Church, subordinate to the Ecumenical Patriarchate and outlawed in the Commonwealth until its restoration by the Polish king Władysław IV in 1633. Immediately after the Union was proclaimed, both parties began to publish letters, treatises, and apologies of varying length, arguing for or against each other. The demarcation of the two Eastern Rite Churches, and in effect their polarization, was constructed through the written word, next to real-live actions. This dialogue, in which not only the Uniates and the Orthodox participated, but also the Roman Catholics, continued until the end of the seventeenth century.[1]

Several of the hymnographical works produced during the seventeenth century in different Eastern Rite centres in the Polish-Lithuanian Commonwealth can be seen as contributors to the general polemics of the day, although composed for liturgical and thus spiritual purposes. From the Uniate side, the earliest indigenous hymnographical processes focused on the cult of Josaphat, Archbishop of Polotsk (1580–1623), murdered by the Orthodox in 1623. The developing Office (служба) built, for example, on juxtaposing the two Eastern Rite communities.[2] From the Orthodox side, the most substantial hymnographical repertory was produced in the circles of Petro Mohyla (1596–1647, Metropolitan of Kyiv between 1633–1646), possibly by Mohyla himself, in the 1620s–30s. This repertory contains, for example, the Canon for clergy preparing for the Divine Liturgy, hymns for the Cheesefare Sunday, a Prayer service at the moment of death, a Thanksgiving service to the Mother of God for protecting the Kyivan Caves Monastery from a military attack, and another

[1] Stradomski 2003, 30–62.
[2] Naumow 1991, 98; Takala-Roszczenko (forthcoming).

Thanksgiving service on the coronation of king Władysław IV.[3] Some of these survived in manuscript form and were published only in the late nineteenth century,[4] while others were included in the monumental Euchologion (Требник) of Metropolitan Mohyla in 1646.

My paper focuses on one of the hymnographical texts composed by Mohyla or his circle with the aim of examining its polemical nature. The source is called the *Prayer service to Jesus Christ our Lord, sung in the need of the Church, for the Pacification and Unification of the Orthodox Faith* (Молебное пѣнїе къ Господу нашему Іисусу Христу пѣваемое в нуждѣ церковной, о оумиренїи и соединенїи Православныя Вѣры), and it was composed in the Mohylan circles between 1627–1633.[5] It was eventually printed in Mohyla's Euhologion, in its third part, which mainly contains lesser rites such as prayer services on different occasions.[6]

My analysis employs a rhetorical analysis method to explore this service as an act of persuasion. I approach it as a text composed not only for a spiritual function, but notably for constructing images and interpretations of the contemporary situation and for persuading the audience to embrace them. To gain a fuller picture of the source, different elements of the rhetorical situation will be addressed: the medium, audience, context, and purpose as embedded in the modes of persuasion.

The medium, i.e. the Prayer service as a textual object, consists of a litany of peace, three troparia, canon with heirmoi for odes 1–9, with four troparia each (with *slava* and *nynĕ* inserted), a kathisma troparion, kontakion, and oikos, a prokeimenon, Gospel reading from Matthew 7:7–11, and a long closing prayer read with knees bent. Its structure is consistent with Eastern Rite prayer services, and it is written consistently using conventional language and tropes of the Byzantine-Slavonic liturgical expression. In certain places the author employs existing hymnographical models as basis for new hymns (for example, the troparion in mode 4 follows the structure of the troparion in the traditional Prayer service for the Mother of God: "Къ Христу Богу, нынѣ прилежно притецѣмъ грѣшнїи, и смиренно припадѣмъ, покаянїемъ вопїюще изъ глубины душевныя…").

The full compliance of the Pacification service with the existing Eastern Rite liturgical-hymnographical tradition is an important factor in the rhetorical act. It is likely that the author may expect the audience – the celebrants performing and the faithful attending the service, the copyists reproducing the text in manuscripts – to be familiar with the conventions of Eastern

[3] Naumow 1991, 154–9.
[4] Архивъ Юго-Западной России, т. VII, ч. 1(1887), 133–170.
[5] Naumow 1991, 159.
[6] Требник Митрополита Петра Могили 1996, 93–116.

Rite hymnography. The reception of the prayer service is thus supported by its appeal to the recipient as something that agrees with their previous experience of liturgy, as part of their own tradition, which gears their emotions positively towards receiving the content.

While we know little of the original audience for which Mohyla(‘s team) composed the service, and whether it was performed and on which occasions before its publication in 1646, its composition as well as its original reception were likely influenced by the general context of the 1620s-30s. This was a period during which the Uniate and the Orthodox Churches coexisted in parallel, competing hierarchies. If the composition of the service predated the official restoration of the Orthodox hierarchy by the Polish King, the content was likely to reflect the precarious position of the Orthodox Church. The pre-restoration tensions thus created the *kairos*, the right moment to address the challenging situation by means of a specific prayer service, asking God to remedy the lack of peace and unity within the Eastern Rite. The juxtaposing of the suffering Orthodox and their adversaries is first articulated in the subtitle of the service: *...and for relieving the Orthodox who are in troubles, [caused] by the opposing Apostates* (и освобожденїи от бѣдъ належащихъ Православнымъ, отъ сопротивныхъ Апостатовъ). It is the term “apostate” (отступникъ) that sets the polemic tone of the Prayer service from the very beginning.

The author divides the adversary images into three types: the heretics, the schismatics, and the apostates. Comparing the text of the Prayer service with other content in Mohyla’s Euchologion, Aleksander Naumow has suggested that by “heretics”, Mohyla predominantly referred to the Reformed Protestants, among which the Anabaptists and Arians were the most deplorable, and the Lutherans and Calvinists a little more acceptable. Yet “heresy” could also refer to the Latin Church, as well as to the Jews.[7] In hymnographical content, “heresy” was coupled by the hymnographer with “misfortune” (отъ еретическихъ бѣдъ избави) and “cruel deception” (лесть жестокую всѣхъ ересей), it was “godless” and, in contrast with the ancient Orthodox tradition, it was “new(ly plaited)” (отъ ересей безбожныхъ, отъ всѣхъ новоплетенныхъ ересей).

The use of the term “schismatic”, which was commonly employed by the Catholic polemicists in reference to the Orthodox, was somewhat vague, as it could be seen as a synonym for “heretic”, yet also in pair with “apostate”, which was the name used for the Uniates – as those who had abandoned the “true faith”, Orthodoxy.[8] The vices of the apostates were in a prominent role in the hymnographical text. Apostasy was invariably associated with

[7] Naumow 1991, 163–4.
[8] Naumow 1991, 164.

deception and delusion (отъ прелестий отступства скоро избави, избави отъ всѣхъ лукавыхъ, на насъ отступническихъ лестей нападающихъ). The "godless apostates" were unanimous in their attempts to ravage the Church of Christ with the "deception of their vain wisdom" (Единодушно съгласишась на разорение твоея церкве, Христе, безбожныи отступници прелестми своего суемудрия).

The author creates strong antitheses between the Orthodox and the others by using imagery of physical violence, on one hand (the apostates straining their bows, лукъ свой напрягоша отступници, sharpening their teeth and opening their mouths in a beast-like manner to tear apart and devour the Church, Изостриша зубы немилостивно, разшириша уста звѣроподобнѣ отступници, расторгнути и поглъти(ти) Церковъ твою), and on the other hand, by warning against spiritual dangers, against the "delusion that is harmful for the soul" (отъ душевреднаго ихъ наваждениа избави). The author depicts frightening scenarios of falling prey for merciless beasts, skilfully using the rhetorical *pathos* to appeal to the audience's emotions.

The use of animal imagery is particularly interesting. Imitating the psalms, the author describes the adversaries as dogs, wolves, snakes, lions, even bulls. Almost in straight paraphrase of the Psalm 21/22, the hymnographer complains, "Many bulls have compassed the Church of your Son, o Mother of God, and like roaring lions, blasphemous, have opened their mouths to devour It" (Юнци тучныи обыйдоша церковь сына твоего, Богородице, и якъ лви рыкающе, хулная своя, на поглошение ея, развергоша уста).[9] Images of being constantly surrounded and attacked by predators is used to create contrast between the Orthodox community and the rest. The Orthodox Church is described a flock of "verbal sheep" of Christ that is threatened by ferocious wolves (Въсташа влъци тяжци, нещаднѣ расхишающе и распужающе словесныхъ ти овецъ церковное стадо; стадо Сына твоего, отъ влъкъ хищныхъ възмущенное, покрый; Дряхлое и отъ влъкъ хищныхъ возмущенное словесное ти, Христе, стадо). Drawing from the parable of the Good Shepherd, Christ is called upon to disperse the enemies, as dogs, with the staff of the Cross (псовъ жезломъ креста твоего разждени).

Interestingly, although the prayer service bears the title "for the pacification and the unification" of the Orthodox faith, the main emphasis in its content falls on depicting the conflict. The author calls for Christ to strengthen His earthly hierarchy in Orthodoxy (Христе,

[9] Naumow 1991, 166.

Иерархию свою, на земли сущую, Православиемъ утверди) and to gather the scattered and to unite them with His holy flock (растаченная же събери и святому ти стаду съвъкупи).

As a text written between the 1620s-30s, the Prayer service for the Pacification and Unification of the Orthodox Faith can be seen as a reflection of the tensions of its time, yet also as an active contributor to the polarization within the Eastern Rite Church. It must be remembered that the confessional identities of the Orthodox as well as the Uniates were still remarkably fluid: for example, individuals might cross the border from Orthodoxy to Uniatism and back more than once. It is possible that by highlighting the Orthodox Church as Christ's own flock, threatened by vicious enemies, the author sought to demarcate it in order to create cohesion within his own community. On the other hand, by demarcating the apostates from the "Church of Christ", the author sent a warning to those contemplating the abandoning of the Orthodox league. The Pacification service is a powerful polemical, polarizing work, the persuasive effect of which is not diminished by the fact that in the very years of its composition, Petro Mohyla was active in negotiating the reunion of the two Eastern Rite Churches.[10] These plans eventually came to nothing, but the Pacification service continued to feature in Ruthenian liturgical practice for at least one more century.[11]

SOURCES

Требник Митрополита Петра Могили. Київ 1646. Київ: Інформаційно-видавничий центр Української Православної Церкви, 1996.

Архивъ Юго-Западной России, издаваемый Коммиссиею для разбора древнихъ актовъ, т. VII, ч. 1, Киевъ 1887.

LITERATURE

Naumow, Aleksander. *Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich.* Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1991.

Stradomski, Jan. *Spory o „wiarę grecką" w dawnej Rzeczypospolitej*. Kraków: Scriptum, 2003.

Takala-Roszczenko, Maria. Creating Josaphat: The Making of a Saint in the Office for Josaphat Kuntsevych. *Lietuvos istorijos studijos*, forthcoming.

Флоря, Б.Н. Вопрос о «новой унии» в украинско-белорусском обществе 20-х–40-х гг. XVII в. *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Часть II.* Москва: Индрик, 1996. 122–150.

Ясиновський, Юрій. *Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої 16-18 століть.* Львів: Місіонер, 1996.

[10] Флоря 1996.

[11] Ясиновський 1996, 396.

BLOC 2.7

EXÉGÈSE ET TRANSFERT CULTUREL CHEZ LES SLAVES : CONNAISSANCE DE LA NATURE DANS LES TEXTES MÉDIÉVAUX TRADUITS / EXEGESIS AND CULTURAL TRANSFER AMONG THE SLAVS: KNOWLEDGE ABOUT NATURE IN MEDIEVAL SLAVONIC TRANSLATED TEXTS

Organisatrices : MARGARET DIMITROVA, ADELINA ANGUSHEVA-TIHANOV

Margaret Dimitrova, Aneta Dimitrova Plants in Exegesis: Difficulties in medieval Slavonic Translations of John Chrysostom and Theodoret of Cyrrhus 1

Susana Torres Prieto Close Encounters of the Third Kind: Alexander and the Fantastic Creatures of the East 5

Adelina Angusheva-Tihanov Interpreting Living World in Late Medieval Apologetic Texts: Nature and Body in the SlavonicTranslation of John VI Kantakouzenos's Works against Islam 6

Andrea Radošević «Book of nature» in Croatian Glagolitic Sermones de Sanctis 9

PLANTS IN EXEGESIS: DIFFICULTIES IN MEDIEVAL SLAVONIC TRANSLATIONS OF JOHN CHRYSOSTOM AND THEODORET OF CYRRHUS

MARGARET DIMITROVA AND ANETA DIMITROVA (BULGARIA)

The translators of Greek Christian texts into Old Bulgarian literary language (Old Church Slavonic) needed to render both Christian terms and ancient Mediterranean cultural lexis, including designations of plants. There was not one single way of coping with this task. Different authors and translators had different approaches.[1] Generally speaking, the translations from the earlier period (9th-11th century) were more contextual, they preferred using synonyms, which could better reflect the nuances of the Greek terms. The translations in the 14th – early 15th centuries aimed at greater precision and often mirrored the Greek grammatical and lexical structure.

The goal of this paper is to discuss botanical designations in medieval South Slavonic translations dating from different periods.

Biblical plants in John Chrysostom's homilies *De statuis* – two examples

John Chrysostom's homilies "On the Statues" were first translated in full in the 10th century in Preslav (**P**), and again in the 14th century on Mount Athos (**A**).[2] They are not specifically exegetical, unlike many of his other works, but they provide interesting imagery from the natural world in metaphors and biblical quotations. The Slavonic translations represent the two main

[1] On techniques of medieval Slavonic translators, see, among others, F. Thomson, "*Sensus* or *Proprietas Verborum*. Medieval Theories of Translation as Exemplified by Translations from Greek into Latin and Slavonic," in *Symposium Methodianum. Beiträge der Internaionalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method*, hrsg. K. Trost, E. Völkl, E. Wedel (Neuried, 1988), 675–691; M. MacRobert, "Translation is interpretation: Lexical variation in the translation of the Psalter from Greek into Church Slavonic up to the 15th century," *Zeitschrift für slavische Philologie* 53, 1993, 254–289; А. Минчева, "За преводаческите принципи на Константин-Кирил," в: *Изследвания по кирилометодиевистика*. Съст. А. Игнатова, Кр. Станчев (София, 1985), 116–128; Л. Тасева, М. Йовчева, "Езиковите образци на атонските редактори," в: *Българска филологическа медиевистика. Сборник научни изследвания в чест на проф. дфн Иван Харалампиев по случай 60-годишния му юбилей*. Отг. ред. А. Давидов (Велико Търново), 221–240; И. Христова-Шомова, *Бог бе слово: етюди върху християнството, видяно през призмата на езика* (София, 2016); Т. Илиева, *Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на "De fide orthodoxa"* (София, 2013).

[2] See А. Димитрова, "Два цялостни южнославянски превода на Златоустовия сборник Андрианти," в: Л. Тасева, А. Рабус, И. П. Петров (ред.), *Учителното евангелие на Константин Преславски и южнославянските преводи на хомилетични текстове (IX-XIII в.). Филологически и интердисциплинарни ракурси* (София, 2024), 365–386.

periods and styles of translation, with archaic and flexible language in **P**, and a more literal approach in **A**.

Some of the words denoting plants in the text are ῥόδον 'rose' – **P** шипъкъ / **A** роужа; ἴον 'violet' – **P** ионъ / **A** любичица; κρίνον 'lily' – **P** / **A** кринъ; ἐλαία 'olive' – **P** / **A** маслина (ἔλαιον 'olive-oil' – **P** масло древѣно, древѣномаслие / **A** масло); σταφύλη 'grapes' – **P** грознъ / **A** гроздъ; συκή 'fig tree' – **P** смокъва / **A** смоковьница; δρυμός 'thicket' – **P** дрѧзга / **A** дѫбрава, лѫгъ; νάπη 'grove, glen' – **P** дѫбрава / **A** ѫдоль; λειμών 'meadow' – **P** цвѣтильникъ, зима (*χειμών), пристанище (*λιμήν) / **A** садъ, раи; παράδεισος 'garden' – **P** овощьныи оградъ / **A** раи, and others. In some cases, loanwords are preferred, but both translations attest to a large array of botanical terms and synonyms.

Two biblical quotations give the opportunity for a deeper look into the translations and their understanding of less familiar notions.[3]

The first one is from Isaiah 1:30: ἔσονται γὰρ ὡς τερέβινθος ἀποβεβληκυῖα τὰ φύλλα καὶ ὡς παράδεισος ὕδωρ μὴ ἔχων "they will be like an oak with fading leaves, like a garden without water". Both translations **P** and **A** render the name of the tree (terebinth, *pistacia terebinthus*) as теревинѳъ. It is mentioned several times in different books of the Old Testament and is understood as a large deciduous tree, sometimes translated as 'oak'. In some of the earliest translations of this verse, the word is rendered as церъ (*quercus cerris*, a type species of oak), which is also the corresponding term in the Preslav translation of the commentary. The word теревинѳъ, however, is the preferred word in the prophetologion.

The second quotation is from Hosea 9:10: ὡς σκοπὸν ἐν τῇ συκῇ πρώϊμον εἶδον πατέρας αὐτῶν "(I saw their fathers) like the early fruit on the fig tree" (cf. also Nahum 3:12) – **P** стражецъ на смокви, **A** смоквоу на смоковници. Here, the word σκοπός 'guardian' means 'the first fruit on the fig tree' and has posed some problems to the understanding of the passage. It was sometimes replaced with καρπός 'fruit', and the 14th-century translator of **A** was apparently familiar with this meaning.

[3] On the distribution of the terms and their meanings, see, e.g., T. Muraoka, *A Greek-English Lexicon of the Septuagint* (Louvain, Paris, Walpole, 2009) H. Moldenke, A. Moldenke, *Plants of the Bible* (London, New York, Bahrain, 2002).

Plants in three translations of the Song of Songs and in commentaries

At the end of the 14th century or at the beginning of the 15th century Konstantin Kostenechki or a monk (Gavriil?) on Mount Athos translated a catena containing commentaries by Theodoret of Cyrrhus, Three Fathers (Gregory of Nyssa, Nilos of Ancyra, and Maxim the Confessor), and Michael Psellus (catena B2). Solomon's Song abound in lexemes denoting plants and Theodoret of Cyrrhus used his botanical knowledge in his exegesis. In contrast to the two earlier translations of the Song of Songs (the earliest translation without commentaries from the late 9th century and a translation of a catena from the 10th century),[4] the late translator of the catena exploited more Greek loanwords to denote plants. In this manner he satisfied the different theological interpretations included in the catena, especially in cases of polysemic botanical lexis. For instance, in the earliest translation of the Song, елие corresponds to ἐλάται (Ct 5:11), rendering its meaning 'silver fir, *abies cephalonica*', as it was understood by Gregory of Nyssa. In contrast, Theodoret of Cyrrhus, following Origen, concentrated his interpretation on the meaning 'the spathe of the date inflorescence*',* '*involucrum* of a phoenician palm', 'palm fronds', 'spores of a palm'. Therefore, the late translator chose a loanword (елата) to satisfy both commentaries in the catena (by Theodoret and by the Three Fathers). In the same manner he used a loanword for another polysemic botanical term ὄλυνθος. In Ct 2:13 it means the first green, small, young, unripe fig fruit. The earliest translator of the Song rendered it with пѫпъкы 'buds' and the translator of the earlier catena chose цвѣтъ 'blossom'. Theodoret compared people who had not been baptized with ὄλυνθοι that often fall from the tree and do not develop into ripe fruit. The late translator preferred the loanword олинѳы to render this specific orchardists' term, but he, in order to make the interpretation clear for those who did not know Greek, explained it with прѣдъплодїа, прѣдъплодьные смоквице, прѣжде плодъ смоковнице. Also, in the translation of the commentary of Ct 1:7[6], he used дилитирїа from δηλητήρια as a word with specific medical connotations (τὸ φάρμακον ἐπὶ ζωῆς is opposed to τὸ δηλητήριον ἐπὶ θανασίμου by the grammarian Ptolemaeus), but he explained дилитирїа with пажити раждающи метилъ [pasture that produces fluke parasite]. Similarly, he translated ἤνθησεν ὁ κυπρισμὸς (Ct 7:13[12]) with a beautiful figura etymologica процьвте цвѣтникь but in the commentary he used the loanword

[4] The examples in this paper from these two early translations are taken from the editions of А. А. Алексеев, А.А. *Песнь песней в древней славяно-русской письменности* (Санкт-Петербург, 2002) and from the late catena from М. Димитрова, *Тълкувания на Песен на Песните в ръкопис 2/24 от Рилската света обител* (София, 2012).

кνπρϊсмосъ because Theodoret explained this rare lexeme and emphasized ὅπερ ἐνταῦθα κυπρισμὸν προσηγόρευσεν. Again, the translator added a synonym: кύπрϊсмὸс ре́кше цвѣ́тникь. Further, he used another rare loanword, кύпри (κύπρος, ἡ) in Ct 4:12 because it is also polysemic: henna (*Lawsonia inermis*) or camphor (*Cinnamomum camphora*), while the earliest translator of the Song rendered it with цвѣтъ ‘bloom, blossom’. Similar difference appears in Ct 1:14, to βότρυς τῆς κύπρου corresponds винꙗга кνπрьскаа/ кνπра in the late translation versus цвѣтъ in the earliest translation of the Songs and зрѣлъ in the earlier catena translation. When the late translator had to render Theodoret’s etymological explanation of this plant’s name with the rare verb κυπρίζω, he made a contextual translation with оупьщрꙗти ‘to turn color’, because Theodoret compared the vineyards, flowering and developing fruit, with spiritual statures: τοῖς μὲν ἀνθεῖν > ѡвѣх оубо цьвти, τοῖς δὲ ὀμφακίζειν > ѡвѣх же въ оскоминныих, τοῖς δὲ ὑποπερκάζειν > ѡвѣх же оупь́щравати, τοῖς δὲ πέπειρον εἶναι > ѡвѣх же чрь́вленѣх бы́ти.

In conclusion, the late translator of the Song of Songs used more loanwords than the earlier ones because he was confronted with different theological interpretations in the catena and because he aspired to render correctly the Greek botanical terminology making the style higher. Still, in order to make the exegesis understandable, he explained the loanwords with synonyms.

The examples demonstrate not only the difficulties faced by the medieval Slavonic translators in rendering botanical terminology, but also their skill and varied approaches toward preserving the initial meaning and bringing it closer to their audience.

CLOSE ENCOUNTERS OF THE THIRD KIND: ALEXANDER AND THE FANTASTIC CREATURES OF THE EAST

SUSANA TORRES PRIETO (SPAIN)

Book III of the *Alexander Romance,* a work widely translated into Slavonic at least from the 14th century onwards in various regions of *Slavia Orthodoxa* and from at least three different Greek versions, is the one devoted to the adventures of Alexander of Macedon during his expedition to India and beyond. In this Book, less focused on historical events, is when Alexander meets all forms of fantastic creatures: dog-headed people, apple-eaters, griffons and headless men. The effort made by the translators and the illuminators of the Slavonic versions of the *Alexander Romance* in order to render both the terminology and how they imagined these creatures to be are the focus of the present paper.

The *Alexander Romance* was translated in Slavonic from at least three different Greek versions (β, γ and ε). From all the Slavonic versions made in *Slavia Orthodoxa* up to the 17th century, the most profusely illustrated is undoubtedly the version included in the *Litsevoi Letopisnii Svod* (Illuminated Chronicle of Ivan the Terrible), itself a highly interpolated version descending from at least two Greek originals of the *Alexander Romance,* versions β and γ. From all the South Slavic versions made from the 15th century onwards, all descending from a Greek ε version, some are partially illuminated, others not at all. My paper explores both the translations made from each Greek version into each Slavonic version, as well as some of the visual depictions of the extraordinary and fantastic beings that were described. It also looks for possible parallels with the only other widely known work that was devoted to animals and exotic creatures, the *Physiologus*, where the translators and the illuminators could find some inspiration.

BIBLIOGRAPHY

Susana Torres Prieto *The Alexander Romance in the Orthodox Slavic World: A New Approach to Textual Transmissions,* Cambridge: Cambridge University Press, 2025.

Caroline Macé and Jost Gippert (eds.) *The Multilingual Physiologus. Studies in the Oldest Greek Recension and its Translations,* Turnhout: Brepols, 2021.

INTERPRETING LIVING WORLD IN LATE MEDIEVAL APOLOGETIC TEXTS: NATURE AND BODY IN THE SLAVONIC TRANSLATION OF JOHN VI KANTAKOUZENOS' POLEMIC TEXTS AGAINST ISLAM

ADELINA ANGUSHEVA-TIHANOV (UNITED KINGDOM)

Christian writers often used the representation of the living world as a part of their interpretative *instrumentarium.* References to nature, animals and human body became mandatory elements of theological discourses, apologetic, homiletic and encomiastic literature. Patristic authors produced a large pool of exegetic samples, which obtained almost canonical status and were used and reused throughout the Middle Ages.

The polemical works of John VI Kantakouzenos (d.1383) present a typical case in this respect. As an emperor he sailed through troublesome times of Byzantium, but in 1354 he abdicated from the throne, took a monastic vow, and produced historical and polemic books, among which four treatises debating the Islam in defence of Christianity (*Apologiae*) and four discourses on the Prophet Muhammad.[1] Written in the conventions of the apologetic genre, they present a compendium of Byzantine theological and dogmatic views, in which exegesis plays an essential role as a technique of persuasion and refutation, while at the same communicates Christian understanding of nature and body (be it human or animal). The author uses the entire range of exegetic techniques from an explanation and symbolic interpretation to glossing and expansion of the biblical narrative. In *Apologiae* Kantakouzenos paints a picture of God's created world in which all the elements are linked together as "a string of pearls." For him, the reproduction in nature ("the fig tree produces figs, the olive - olives") provides a proof for the unitary essence (sameness) of God the Father and Christ. Further, the paradoxical presentations of the animals as the bearers of the truth and wisdom in contrast to the humans is didactically employed by Kantakouzenos in his deliberations on ethics and knowledge. Plethora of symbolic and allegorical characterisations of animals are applied in the discourses, including legends on the creation of boar, mouse, fox. Kantakouzenos comments on the "spiritual circumcision" practiced by Christians *vs* the bodily one, and claims that only the woman in Old Testament times was impure, as the baptism obliterates the original sin. The interpretations Kantakouzenos offers, are not original, yet he often expands them or creates exegetic chains (For instance, he repeated the traditional understanding of the Burning bush from Exodus 3:2-5, adding that Moses was commanded to put off his shoes, because they were made of dead

[1] Greek text had been published and commented on many times since the 16th century (cf. the short bibliography). K.-P. Todt (1991) list ca 50 Greek copies of the texts.

animal skin and had no place in the presence of living God). Kantakouzenos drew on the established set of questions used by earlier Byzantine polemists debating the Islam, but while still an emperor he also commissioned to Demetrios Kydones (d.1398) a translation from Latin into Greek of Refutation of the Koran (*Confutatio alcorani*) written about 1300 by the Dominican monk Riccoldo da Monte di Croce (d.1320). Kantakuzenos owes many of the discussions on the Koran, the history of the Islam and the life of Muhammad to Riccoldo's work.

By the end of fourteenth-century Kantakouzenos' polemics have already been translated in the Balkan Slavic milieu. The translation was probably produced in one of the monasteries of Mount Athos (Prokhorov 1997:39). The genre of theological disputation has not been particularly popular among the Orthodox Slavs, and thus the choice to translate these texts already signals a shift in the taste and the cultural competence of the audience. The fact that Kantakouzenos' texts were translated relatively soon after they have been written also points at changes in the reception practices, as in the previous centuries the Slavonic translators privileged Byzantine texts written some centuries earlier over the works of their contemporaries.

C. J. G. Turner remarked that "the translation is so literal that it becomes virtually incomprehensible" (Turner 1973). It fact, it follows so called new Athonite-Turnovo principles of a word for a word rendition of the Greek text, but the texts are not obsolete – there are at least four copies containing all the eight works (Cod.Slav34 ONB, Vienna the 14/15C; MS 25 Museum Şchei, Braşov, mid 15C; MS I/152, Synodal Lib. Bucharest, the 16C; MS Gaster 2082, 1591, John Rylands Lib. Manchester). In the late fourteenth and the fifteenth centuries in the Balkans these translations were undoubtedly used and appreciated as the educated religious elites were aware of the principle on which the translation was based and were expecting nothing less. These texts continued to be in use in the Balkans after 1500, and even if the bookmen did not entirely comprehend them, they did not find them indecipherable either. Moreover, in the Ottoman dominated Balkans the texts equipped the Christian reader with a critical perspective to the Islam, and were one of the first instances to offer him an insight into the narratives on the life of the Prophet Muhammad. Further, they undoubtedly were the first and the only place in which the name of Riccoldo appeared in Slavonic in the late medieval period.

The Slavonic translator and the later copyists rarely omit passages or phrases of the original with three exceptions: (a) the number of synonyms used for rhetorical purposes in the Greek version are reduced in the translation to just one word, even when the Slavonic linguistic

resources allow the rendition of more or all of them; (b) shortening of the long biblical quotations; (c) omission of some of the complex theological exegeses. The latter is particularly interesting and discloses the preferences and the level of theological knowledge of the translator and the audience. However, almost all the references to and interpretations of nature, animals, of human body, behaviour and emotions are preserved in the Slavonic version. The marginal glosses in some of the manuscripts suggest that these passages were employed in one form or another (in preaching, as a knowledge acquisition or in deliberations). In most of the cases the exegetic components in the original text were correctly rendered by the Slavic translator. Some of the exegeses of the biblical texts employed by Kantakouzenos were not unknown to the Slavic bookmen, as they were attested in other works in Slavonic, both translated and original (e.g. the prefigurations of the Virgin Mary). In some of these cases the lexical rendition betrays the knowledge of the earlier instances, especially with the view of the biblical quotes explained in the passage. My paper explores number of such examples by comparing the Slavonic renditions of particular phrases, suggesting also the possible implications for their meaning and interpretation.

The comparison shows, that in the Balkan Slavic context, the picture of the living world painted by Kantakouzenos' texts, though traditional and unoriginal, offers hitherto unknown narratives about the animals in Slavonic, as well as a richer selection of exegeses on the Holy Scripture, and adds to the Christian imagining of the human world. The Slavonic translation of these works is a unique document of complex cross-cultural exchanges, combining Christian exegesis, Byzantine polemic discourse, Western Catholic account of the Koran (no matter how partial) shaped through Slavonic linguistic resources.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Förstel, K. (ed.et transl.) Johannes Kantakuzenos, *Christentum und Islam. Apologetische und polemische Schriften*. (Corpus Islamo-Christianum, Series Graeca, 6), Altenberge Oros Verlag: 2005.

Maksimović, Lj. 'Politička uloga Jovana Kantakuzina posle abdikacije (1354-1383)' *Zbornik Radova Vizantološkog Instituta,* IX (1966) 119-93.

Migne, J. P. *Patrologiae cursus completus. Series graeco-latina.* 154, Paris 1886, 372-692.

Nicol, D. M. *The Reluctant Emperor: John Cantacuzene, Emperor and Monk, c. 1295-1383.* Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Oporinus, J. (ed.) *Joannis Cantacuzeni contra Saracenorum haeresim pro Christiana religione apologiae IV: contra Mahometem orationes IV,* 1543.

Prokhorov = Прохоров, Г. Предисловие переводчика. In: *Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, диалог с иудеем и другие сочинения.*

Todt, K-P. *Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos und der Islam: politische Realität und theologische Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz*. Würzburg: Echter; Altenberge, Oros Verlag:1991.

Turner, C.J.G. 'A Slavonic Version of John Cantacuzenus's *Against Islam,*' *Slavonic and East European Review*, 51 (1973), 113-117.

«BOOK OF NATURE» IN CROATIAN GLAGOLITIC SERMONES DE SANCTIS

ANDREA RADOSEVIC (CROATIA)

Sermons represent a valuable source for understanding the transmission of natural knowledge in Glagolitic environment. Except for the translation of *Lucidarius*, passages from collections containing knowledge about nature are mainly found in treatises and sermon collections. Even the passages from the *Physiologus* and bestiaries are in Croatian Glagolitic literature preserved in a very fragmentary form.[1] Medieval sermons are one of the genres in which we find the multiplication of natural symbols for the purpose of shaping hagiographic passages, moral interpretation or simply an extended argument for a particular doctrine. In manuals on the art of preaching (*artes praedicandi*) turning to the Book of Nature was stated as one of the principle for teaching moral lessons.[2] The world of the kingdom of God, into which the saints entered precisely thanks to their exemplary lives, virtues and miracles, was not spared comparison with the natural world, which served as the starting point for moral and allegorical exegesis.

In the Glagolitic *sermones de sanctis* there are passages written with a peculiar combination of Christian symbolism, (pseudo-)etymological interpretations and unexpected analogies between the natural and sacred. They were translated from the medieval collection *Sermones de tempore et de Sanctis, sive Hortulus reginae* compiled by the German author Magister Petrus Meffordis (Meffrethe) from Leipzig in the 15th century.[3] Despite the popularity of his sermons collection in Switzerland and southern Germany, very little is known about the author today. The translation is kept in the four Glagolitic mansucripts from the 16th century (*Disipul A*, 16th century; *Disipul B*, 1558; *Disipul C* 1541; *Disipul D* 1600) which mostly contain a Croatian selected translation of the Latin sermon collection *Sermones Discipuli* written by German Dominican Johannes Herolt.[4] References about the Book of Nature were borrowed from various sources, sometimes even outside the common corpus of knowledge (Aristotle's *Historia Animalium*, Pliny the Elder's *Naturalis Historia*, *Physiologus*, Ambrose's *Hexameron*, Isidore's of Seville *Etymologiae*, Bartholomew's of England *De proprietatibus rerum*, Vincent's of Beauvais *Speculum naturale*, Thomas of Cantimpré *Liber de natura rerum*, Albert the Great *De animalibus*), but not all of them are always explicitely mentioned.

[1] Zaradija Kiš 2008; Kapetanović 2004.
[2] Wenzel 2013.
[3] Cruel 1966.
[4] Radošević 2022.

Passages from the Book of Nature, appear most frequently in the introductions, but we also find them in other parts of the sermons. In Meffreth's sermons, the Book of Nature is not just mere medieval *sensus* moralis,[5] but also a mirror, an incentive to find role models in so-called lower nature. The animal world is interpreted as a symbol of morality and metaphysical truths, in such a way that their physical characteristics, behaviors and the role they play in everyday human life are regularly moralized. Here the natural world appears in a threefold role: as *memorandi*, *imitandi* and *admirandi*. Episodes from the lives of the saints and their virtues are interpreted using examples of selected characteristics of a chosen animal species. In the nature, analogies were sought to recognizable character traits of saints, not necessarily and always to their virtues, but also to striking details from their hagiography.

These sermons represent a combination of the two most common ways of composing a hagiographical text: one in which the focus is on the narration of events from the lives of the saints, and the other in which their virtues are interpreted. According to the complexity of symbolic relationship, one animal symbolizes very different meanings, but several animal species also appear as symbols for individual Christian virtues.

Although this sermones mainly follow the principle of *imitatio Christi* by presenting the virtues of the saints, the emphasis in Meffreth's passages is on the recognizability of the saints in the sense of highlighting their characteristic qualities. The connection between the Book of the Nature and the Book of the Saints, is often found in the interpretative etymology of the saint names or the meaning of a particular nature phenomena, sometimes according to Jacobus de Voragine's *Legenda aure*.[6] These (pseudo-)etymologies in particular had a mnemonic function, associating saints with certain qualities and virtues that we also find in certain animal species: courage and boldness are common traits of the lion and St. Stephen, and vigilance and fidelity are virtues that adorn St Gregory the Great and the dog and the crane: *Zato prilikue se b(la)ž(e)ni Grg(u)r k' čuvaru od' žerêvi. Ar(i)š(totil) v' kn(i)g(a)h ·dz̃·* (= 8) *Animalum' gov(o)ri od životinih' da kada bdi na straži stoi na ednoi nogi a v drugoi drži kamičac' ako zaspe tako mu spade kamičac na nogu i zbudi se i kriči i ostali se probude i od pogibeli se očuvaû· T(a)ko b(la)ž(e)ni Grg(u)r pomnivoe o č'redi g(ospo)dni bdel ere e stal samo na ednoi nogi kada e za s(ve)tu crikav skrbno providil, a drugu e gori držal kada ni maril za slavu sega s(ve)ta ere niedno želenie ni imel za imeti hv(a)lu od č(lovê)k* (*Disipul C*, 25r). In the vigilance of the crane, Ambrose recognized the qualities of a calm and modest leader as well as certain virtues such as a talent for natural and military organization. With the passage about the crane, he opened the

[5] Weisl 2018.
[6] Rydel 2016; Baarda 1992.

chapter in the *Hexameron* devoted to birds. According to Rydel, the etymologies is one of the feature that contributed to the understanding the saints lives, and finally to the popularity of *Legenda aurea*.[7]

Although the etymological interpretations of the names are usually not given in Glagolitic sermons, they sometimes represented a bridge leading to certain animal. St Stephen, whose name, according to Jacobus de Voragine, refers to one who speaks courageously is compared to a lion who, standing in the open field, skillfully resists the enemy's attacks.

Even in very short passages Meffreth relied on several different interpretations and descriptions of phenomena of the natural world. Although he refers to at least one source, he often omits the name of the reference on which most of the descriptions are based. These sources often refer to Bartholomew of England and Vincent of Beauvais. The Voragine's etymological interpretations served Meffreth only as a starting point for the compilation of the descriptions. Sometimes it is precisely those details about individual animals that come to the fore that were not previously associated with the Church's teachings. Due to some omissions of the etymological interpretation in the Croatian translation, the entry of a particular interpretation is sometimes unclear, such as the analogy to the singularity between St. Thomas and the phoenix.

In addition to etymological and pseudoetymological interpretations of the names of saints and animals, there are also attempts to find a species in the natural world whose characteristics reflect several details from the lives of saints. Of course, the primary aim of such analogies, as the example of the comparison of the St James holy apostle with a swallow, was to contribute to a more complete recollection of important events from his life. The connection between the hagiographical and the natural is not limited to identifying similar characteristics, but goes further to establish the existence of parallel struggles with the same enemy. Although the legend of St George himself describes the fight against the dragon, Meffreth attempts here to find a similar fight in the animal world, the one between the basilisk and weasel.

The analogy between the profane and the sacred is not based on just one or two isolated characteristics of animals, but on the comparison of many characteristics that come from different sources, from their basic properties to their use in daily life. This is the hagiography of St Peter, which is compared with many details about the dove, a bird that received numerous allegorical interpretations in religious works. In addition to ornithological data, moral or allegorical interpretations, the passage about the dove also contains details about its medical

[7] Rydel 2016.

and social uses from the agronomic work *Liber Ruralium Commodorum* by Pietro de' Crescenzi and Constantine the African medical text *Viaticum*.

In these *sermons de sanctis* the animals, as the most numerous examples from the Book of Nature, not appear as an integral part of hagiographic passages or as protagonists of stories from the lives of saints. It is neither the theocentric nor the anthropocentric attitude towards animals that characterized the lives of the saints in early Christianity. Meffreth's main principle was to surprise the recipient with this atypical associative approach to the different sources of knowledge about nature. Therefore, the translation of the passages of his sermons for the recipients of the Glagolitic manuscripts (*Disipul*) also served as a source for various details from the natural world.

BIBLIOGRAPHY

T. Baarda, The Etymology of the name of the Evangelist Mark in the Legenda Aurea of Jacobus a Voragine, *Nederlands archief voor kerkgeschiedenis*, 1992, 72/1, 1–12.

Rudolf Cruel, *Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter*, Hildesheim, Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1966.

Amir Kapetanović, Tragovima srednjovjekovnoga bestijarija u Hrvata, *Filologija* 42, 2004, 47–63.

Jacques Le Goff, *A la recherche du temps sacré. Jacques de Voragine et la Légende dorée*, Perrin, 2011.

Andrea Radošević, Animalno i sveto: knjiga o životinjama u glagoljskim sermones de sanctis, in: Animal. Knjga o ljudima i ne-ljudima. Kulturni bestijarij III, Antonija Zaradija Kiš, Maja Pasarić, Suzana Marjanić (ed.), Zagreb, Institut za etnologiju i folkloristiku – Hrvatska sveučilišna naklada, 2022, 109–133.

Courtney Rydel, Interpretive Etymologies in Translations of the *Golden Legend,* in *Translation and Authority – Authorities in Translation. The Medieval Translator / Traduire au Moyen Age*. Vol. 16. Pieter De Leemans, Michèle Goyens (ed.), Turnhout, Brepols, 2016, 289–302.

Antonija Zaradija Kiš, Egzempli kao srednjovjekovni bestijarij: animalistički egzempl u hrvatskoglagoljskom književnom korpusu, in: *Vidjeti Ohrid*, Marko Samardžija (ed.), Zagreb, Hrvatsko filološko društvo – Hrvatska sveučilišna naklada, 2008, 117–140.

Angela Jane Weisl, In Briddes Wise: Chaucer's Avian Poetics, in: *Animal Languages in the Middle Ages. Animal Languages in the Middle Ages Representations of Interspecies Communication*, Alison Langdon (ed.), Palgrave Macmillan, 2018, 113–132.

Siegfried Wenzel, *The Art of Preaching: Five Medieval Texts and Translations*, Washnigton, D. C., The Catholic University of America Press, 2013.

BLOC 2.8

DIALOGUE DES PARADIGMES SCIENTIFIQUES DANS LES ÉTUDES FOLKLORIQUES SLAVES ET NON-SLAVES DU XXE SIÈCLE / ДИАЛОГ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В СЛАВЯНСКОЙ И НЕСЛАВЯНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ XX ВЕКА

Organisateur : ДЕЈАН АЈДАЧИЋ

Дејан Ајдачић Словенски фолклор и теорија формула у дијалогу словенских и несловенских фолклориста 1

Екатерина Анастасова Устната история –паметта за Св. Климент Римски в Херсонес 4

Галина Кабакова Исследования этиологических сказок в Западной и Восточной Европе 10

СЛОВЕНСКИ ФОЛКЛОР И ТЕОРИЈА ФОРМУЛА У ДИЈАЛОГУ СЛОВЕНСКИХ И НЕСЛОВЕНСКИХ ФОЛКЛОРИСТА

ДЕЈАН АЈДАЧИЋ (СРБИЈА/ПОЉСКА)
Wydział Filologiczny
Uniwersytet Gdański
dejan.ajdacic@ug.edu.pl

Идеје о устаљеним формама словенског фолклора су се појављивале у студијама 19 века у оквирима митолошке школе, али и појмовног апарата класичне реторике тропа или анализе метрике стихова. Књижевнотеоријски усмерени проучаваоци писали су о loci comunes. Како су усмени облици вишеструко клишетизирани на разним плановима, говорило се о клишеима, схемама, а крајем века и о формулама (поводом басми), па је долазило до неспоразума због вишезначности коришћених појмова. Са жељом да се избегну забуне због вишезначности појављују се и нови појмови, попут „композиционе схеме“ коју је предложио немачки слависта Герхард Геземан у раду „Kompositionsschema und heroisch-epische Stilisierung“ (1926) за преузимање тематских образаца из других песама.

Формуле су од давнина представљале симболички исказане законитости у математици, природним и техничким дисциплинама. Жеља да се и проучавањима културе достигне прецизност природних наука, водила је ка лаганом уласку појма формула у лингвистику и фолклористику. Немац Јоханес Болте и Чех Јиржи Поливка су у опису варијаната приповедака из збирке прича браће Грим (1913) користили После словно-нумеричке скраћенице, а Владимир Проп је предложио чувене формуле бајки у књизи *Морфология сказки* (1928). Идеје финског проучаваоца В. Мансике о формулама бајања *quomodonon* и *quomodo* ушле су у студије о словенским бајањима, а Рус Познански је своју књигу назвао *Заговоры. Опыт исследования просихождения и развития заговорных формул* (1917).

У обликовању разумевања формула у фолклористици био је веома плодотворан дијалог словенских и несловенских фолклориста поводом епске поезије. Још у класично доба постављено је питање да ли је Хомер као певач усмене културе могао да буде творац *Илијаде*, па је у историји тај проблем назван „хомерско питање“. Њим су се бавили претежно класични филолози, али стицајем околности, јужнословенска епика је у три наврата коришћена у потрази на одговор о могућности стварања дугих епских форми. У 18. веку мали прилог решавању овог питања дао је Сплићанин Јулијо Бајамонти текстом „Морлакизам Хомера“ (Bajamonti 1797). После објављивања збирки

Вука Караџића у средиште пажње најпре немачких, а потом и других проучаваоца фолклора 19 века биле су најдуже песме из друге књиге *Српских народних пјесама* – „Женидба Максима Црнојевића“ и „Бановић Страхиња“. А у 20. веку су двојица америчких слависта Милман Пери и Алберт Лорд су на основу записа песама муслиманских певача из Херцеговине створили теорију епске формуле. Класичан филолог и фолклориста, Пери је предложио дефиницију епске формуле као „скупине речи која се редовно користи под истим метричким условима да изрази дату основу идеју“. Дефиницију је доградио његов ученик А. Лорд у својој књизи *The Singer of Tales* (1960) увођењем тема. Лордова књига је изазвала је бројне радове о усменој епици у Америци - Д. Бајнама, Џ.М. Фолија, Џ. Хејнсворта, В. Харкинса, који је на конгресу слависта у Софији представио реферат „О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе“ (1963), али је изазвао пажњу и у словенском свету. На Балкану су писали о епским формулама Мирослав Кравар (1978), Ненад Љубинковић (1991), Мирјана Детелић (1996), Немања Радуловић (2015), Марија Клеут (2016). Пољски фолклориста Чеслав Хернас је свеску часописа „Literatura ludowa“ (1975) посветио проблемима формуле у усменом стваралаштву. О епским формулама се писано је и у ауторским монографијама Бориса Путилова (1971, 1976), Виктора Гацака (1989), Алојза Шмауса и др. Прихваћене су идеје Перија и Лорда које објашњавају технику епског певања и памћења, али су овој теорији замерено да није употребљива у разматрањима поетике фолклора и у разумевању естетских вредности. Неке критичке допуне су сугерисале типологију формула, нпр. – формуле са отвореним и затвореним крајевима, уводне и завршне формуле (Детелић).

Проучавалац руске народне лирике Хроленко је писао о поетској фразеологији, устаљени усменим комплексима народне лирике, а идеју о формулама у лирској поезији, образложио је Георги Маљцев у књизи *Традиционалньие формулы русской народной необрядовой лирики* (1989). О формулама у српској усменој лирици значајне прилоге су дале Зоја Карановић, Лидија Делић, Љиљана Пешикан Љуштановић. У студијама о басмама и магијским жанровима појам формула се често користи (Т. Агапкина, А. Топорков, А. Јудин). Истраживања формула навела су и истраживаче словенских старина да предложе своје реконструкције формула индоевропске старине – Владимир Топоров, Никита Толстој, Светлана Толстој, Јасмина Грковић Мејџор, Александар Лома, Радослав Катичић и др. У истраживањима усменог приповедног фолклора Словена, формуле су анализирали Јоланта Луговска, Сергеј Некљудов, Маја Бошковић-Стули, Снежана Самарџија и др.).

Највећи број радова о формулама објављен је по појави књиге Алберта Лорда. Идеја је свестрано разматрана у словенским и несловенским академским круговима и утицала је на фолклористичка и на етнолингвистичка истраживања московске и лублинске школе Никите Толстоја и Јежија Бартмињског. Чини ми се да идеја о настанку теорије о клишеима и формулама заслужује поновна промишљања, као и систематизовање доприноса ове теорије савременој фолклористици. Размена ставова о теорија формула у усменом стварању још није затворена, а представља један од примера плодне размене знања словенских и несловенских фолклориста.

ЛИТЕРАТУРА

Bajamonti, Giulio. Il morlacchismo d'Omero, *Nuovo Giornale Enciclopedico d'Italia*, X, marzo 1797, 77–98.

Detelić Mirjana, Delić Lidija (red). *Epic formula: a Balkan perspective*, Belgrade: SANU, 2015.

Folley, John Miles. *The Theory of Oral Composition: History and Methodology,* Indiana University Press, 1988.

Gesemann, Gerhard. Kompositionsschema und heroisch-epische Stilisierung. Ein Beitrag zur improvisatorischen Technik des epischen Sängers, in: *Studien zur südslavische Volksepik,* Reichenberg, 1926, 65–96.

Hainsworth, John Bryan. *The Flexibility of the Homeric Formula*, Oxford: Clarendon Press, 1968.

Lord, Albert. *The Singer of Tales,* Cambridge: Harvard University Press, 1960.

Parry, Milman. *The Making of Homeric Verse*, Oxford: Clarendon Press, 1971.

*

Агапкина, Татьяна. Топорков, Андрей. *Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография*, Москва: Индрик, 2014.

Гацак, Виктор. *Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики*, Москва: Наука, 1989.

Детелић, Мирјана. *Урок и невеста. Поетика епске формуле*, Београд: Балканолошки институт, 1996.

Клеут, Марија. Усменокњижевна традиција из перспективе епске формуле, *Зборник Матице српске за књижевност и језик,* 2016, 64, св. 3, 907–918.

Маљцев, Георгий. *Традиционалньие формулы русской народной необрядовой лирики*. Ленинград: Академия наук СССР, 1989.

Љубинковић, Ненад. Теорија формула А.Б. Лорда у светлу рурално-урбаних односа, *Македонски фолклор,* 1991, 47, 115–122.

Познанский, Н. *Заговоры. Опыт исследования просихождения и развития заговорных формул*, Петроград, 1917.

Путилов, Борис. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование, Москва, 1971.

Путилов, Борис. *Методология сравнительно-исторического изучения фольклора*, Ленинград, 1976.

Радуловић, Немања. *Слике, формуле, једноставни облици*, Београд: Чигоја, 2015.

Харкинс, Вилиям. О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе, *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists Sofia,* 1963, 147–165.

УСТНАТА ИСТОРИЯ -
ПАМЕТТА ЗА СВ. КЛИМЕНТ РИМСКИ В ХЕРСОНЕС

Екатерина Анастасова (България)
Институт за етнология и фолклористика с Етнографски музей,
Българска академия на науките, София

Устната история/Oral History, Oral Tradition като метод за изследване на миналото с помощта на лични и „исторически“ спомени, легенди, разкази и пр. има дълга история. От една страна, той е тясно свързан с изследването на паметта, придобеващ особено значение в контекста на националното изграждане и „историческата памет“ (Школата „Анали”, М. Халбвакс, П. Нора, А. Асман), тясно свързан с историческите изследвания (документи) и фолклора - устните истории, запазени/конструирани в националната памет.

Устната история като правило е свързана със знакови исторически събития. Тези „спомени“ често са свързани със събития, случили се (или „случили се“) преди векове, но създаващи актуални представи, които влияят върху идентичността на носителите на културата, които се „овеществяват“, пораждайки нови „места на паметта“ (Nora 1994), отразяващи важни моменти от националното минало. Ресурсите на устната история, опирайки се на многообразни исторически източници (писмени, устни, архивни и Интернет източници, музейни експозиции, филми и пр.), конструират настоящето и формират съвременната ценностна система.

Тук ще представим влиянието на устната история, свързана със средновековната легенда за св. Климент Римски в Херсонес върху съвременните жители на древния град (днес Севастопол и околностите му).

Без съмнение, най-популярна и пораждаща дискусии в епохи на глобални социо-икономически и културни промени е историята – появяват се нови интерпретации и валоризации на известни събития. Въпреки известното „историята е най-големият мит“ и обявяването на „края на историята“ (Fukuyama 1992), “обсесията от паметта“ придобива особена актуалност и заема значително обществено пространство в края на XX и началото на XXI в. Особено интересни са „спомените“ за дълбоката древност, свързани със знакови исторически събития във формирането на националната култура и националното самосъзнание – т.е. „националния разказ“, които изграждат съвременните национални топоси („места на паметта“ по П. Нора - Nora1984).

Тук ще разгледаме средновековната история на папа/епископ Климент Римски, т.нар. Италианска легенда и съвременното й битуване сред днешните наследници на древното

минало на Херсонес/Корсунь.

Историята на св. Климент папа Римски (Clemens Romanus I, ок. 30 г. - 99 – 101 г.*)* е тясно свързана с живота на светите братя Кирил и Методий. Транснационалният им култ е разпространен не само в славянския свят (православен и католически - Pax Slavia Orthodoxa и Pax Slavia Latina), но и сред неславянските/нехристиянските народи. Светците имат различни образи – в Гърция са почитани като дипломати, просветители и светци; сред славянските народи ги почитат като създатели на славянската писменост и покръстители; знанието за тях е свързано и със значително постсоциалистическо пространство, сред народите, чийто неславянски език е кирилизиран.

Делото на Кирил и Методий и техните ученици, създаването на славянската писменост и на славянския литературен език, преводът на свещените християнски книги, разпространението на християнството и въвеждането на богослужението на славянски литературен език, оказват огромно влияние върху етническото самосъзнание на славяните в ранния период от историята им. Както пише Никита Илич Толстой „... създаването на славянската писменост и славянския литературен език е нов тласък за усилването на общославянското самосъзнание, към осмислянето на представата за мястото на славяните сред другите народи“ (Толстой 1988а: 136). Култът към двамата братя се актуализира през Възраждането, в процеса на създаване на модерните славянски нации, заемайки централно място в редица славянски национални парадигми. Той е свързан с фундаменталния характер на писмеността и книжната култура във формирането на славянската, а по-късно – националната идентичност, от една страна, а от друга – с ареала, в който двамата братя осъществяват своята просветителска дейност. Пространството на Кирило-Методиевската идея е огромно – от Солун, където двамата братя са се родили, през Херсонес, Хазария и Алания, Рим, Моравия, Панония и Бавария, до създването на книжовни школи от учениците им на територията на съвременните България и Македония.

Съчетанието от тези фактори, канонизацията на двамата братя от православната (Руската православна църква през 1863 г.) и католическата църква (1880 г.), както и провъзгласяването им за съ-покровители на Обединена Европа през 1980 г. от „славянския папа“ Йоан-Павел Втори, отразяват дълбоката актуалност на култа към двамата братя. Почитането им е свързано не само с историята на Средновековието и традиционните инструментални контексти на Възраждането, но и с по-широка, цивилизационна перспектива.

Във всяка страна, където почитат Кирил и Методий, съществуват различни форми на

честването им – религиозни служби, държавни светски празници, училищни традиции.

Историята на светите братя е тясно свързана с фигурата на Климент Римски, която заема фундаментално място в съвременната идентичност на кримското население. В доклада са използвани материали от теренни проучвания в Инкерман и Севастопол (2009), документални свидетелства, както и медийни и Интернет източници (2010 – 2025).

Както в повечето места, свързани с кирило-методиевото наследство, в днешния Херсонес (Севастопол и околностите му) делото на двамата братя има своята история и география. Те са свързани с житието на св. Климент Римски, както е представено в т.нар. „Италианска легенда“ (Legenda Italica), която е известна в няколко варианта (от IX и XII в.) Легендата разказва за Кирил и Методий и пренасянето на мощите на св. Климент от Херсонес в Рим. Тя е създадена на базата на пространното „Житие на Константин Философ“, което Методий превежда за Гуадерик през 880 г., по време на престоя му в Рим.

Според Житието на папа/епископ Климент Римски, той е християнски мъченик, проповедник и писател, ръкоположен за епископ от самия Апостол Петър, а около 91 г. оглавява Римската църква, починал около 99 - 101 г. Животът и почитането му са свързани с Римската църква, Крим и Киевска Рус. Светецът се смята за един от първите проповедници по тези земи.

Легендата разказва, че св. Климент извършва редица благочестиви дела и чудеса, но при поредното гонение на християните той отказва да принесе жертва на езическите богове и затова е изпратен в заточение в Инкерманските каменоломни около Херсонес Таврически. Там той, с помощта на Божията сила създава чудодеен водоизточник, с който напоява измъчваните от жажда каторжници. Благодарение на това чудо, местното население започва да се покръства. Той покръства по 500 човека на ден и построява 75 църкви.

Тази дейност не се харесва на император Траян, който нарежда светецът да бъде завързан за котва и хвърлен в морето, за да не може никой да открие тялото му. Но молитвите на миряните извършили чудо – година след смъртта на светеца морето отстъпило, разкривайки мощите на светеца, на които те можели да се поклонят. И така в продължение на седем века морето отстъпвало за няколко дни и вярващите се покланяли на светеца. През тези дни се случвали много чудеса – най-вече изцеления. През 800-те години морето престанало да отстъпва, но около 861 г. мощите на св. Климент били открити от св. Кирил и пренесени в Херсонеския храм. Част от мощите на светеца двамата братя отнасят в Рим.

Тази история е не само известна на местните жители, но и почти дословно се разказва от хората в Инкерман и Севастопол. Интересно е, че те не само я споделят, но и я разполагат в конкретни места – манастира „Св. Климент“ в Инкерман, Казачията бухта (Казачья бухта) около Севастопол и Свято-Владимирския храм в Държавния историко-археологически музей заповедник Херсонес Таврически в покрайнините на граза.

В Инкерманския скален манастир всички разказват историята на св. Климент Римски, заточението му и показват пресъхналия през 1970-те години извор, някога бликнал след молитвите на светеца. Инкерманският манастир е много популярно място, посещавано он множество поклонници.

Историята на мъченическата смърт и разкриващата се пред вярващите неръкотворна мраморна грабница и нетленните мощи на светеца е много популярна и подробно разказвана от жителите на Севастопол. Чудото с отстъпващото в продължение на седем века за седмица море се свързва с марък остров св. Климент и местността Казачия бухта. През 2009 г. там все още няма нищо, освен разказите на местните жители, бележещо мястото на чудото. Разказва се и историята за намирането на мощите от Константин Философ (по-късно св. Кирил), престоя му в Херсонес (Корсунь) и диспута му с хазарските мъдреци за предимството на християнството пред юдаизма и исляма. Знае се и се чества датата на откриването на нетленните мощи на св. Климент от Константин Философ, съпроводен от местния клир и византийски архиепископ на 30 януари 861 г. Известно е, че след Моравската мисия братята отнасят мощите на светеца в Рим (868 г.). Главата му остава в Херсонес. По-късно, приелият християнство в Херсонес велик киевски княз Владимир (ок. 96 – 1015 г.), покръстител на Руската държава, пренася главата на Климент в Киев, която се смята за първата апостолска светина на Киевската Рус..

Възпоменаването на това събитие играе основна роля за почитането на Св. Климент и Св. Кирил и Методий в градовете Севастополи Инкерман. Популярността на Кирил и Методий отстъпва пред тази на св. Климент, който в последните години придобива все повече характеристики (молят му се за здраве, събиране на семейството, покровител на военните монаси). Днес главата му се пази в пещерите на Свято-Троицката Лавра в Киев.

Според специалистите, реалната историята на св. Климент е доста по-различна. Очевидно, култът към Климент Римски, възроден от Константин Философ, се наслагва върху вече съществуващи локални култове. Вероятно почитането на местния Климент (Херсонески) се преплита с култа на Климент Анкирски (от Анкара), погребан в Анкира Галатейска, където, според византийската традиция, умира и Климент Римски. Мощите на

Климент Анкирски са пренесени в Херсонес. Езичниците ги хвърлят в морето, а те продължават да творят чудеса. Така или иначе, изглежда, няма убедителни исторически данни, че св. Климент Римски е бил мъченик (а не е починал в леглото си, както сочат по-ранни източници), както и че някога е бил в Крим (вж. например историята на формирането на житието на св. Климент Римски при Спиридонов 1909: 115 – 124).

В контекста на изследването е по-интересно, че трите знакови места, свързани със св. Климент постепенно се развиват като типични „места на паметта“ - мъжкият манастир „Св. Климент“ е постоянно посещаван и подкрепян с дарения; Музеят-заповедник Херсонес Таврически - от 2024 г. Музейно-храмов комплекс „Новый Херсонес“, се възприема и почита като люлка на славянската духовност. Най-интересна е историята с Казачията бухта – през 2009 г., все още няма „официални знаци“, свързани със светеца. Първите „места на паметта“ са създадени през 22 август 2011 г. в двора на Храма на свещеномъченик Климент Римски в Замоскворечие (Русия), където се освещава паметен кръст в чест на св. Климент, сиздигнат със средства от Фонда на преподобния Андрей Рубльов, с благословията на Кримския и Симферополски митрополит Лазар (Украинска православна църква)..

Но на 12 януари 2020 г. се освещава паметник на свещеномъченик Климент в Казачията бухта (отново от Кримския и Симферополски митрополит Лазар), изобразен в цял ръст с високо вдигнат кръст и с котва. Паметникът е изграден по инициатива на обществената организация „Международен съюз на славянския туризъм „Исторически градове“.

Житието на Климент Римски преплита историята на Източната и Западната християнска църква със съвременните Крим, Украйна и Русия по интересен начин, очертавайки по-късните геополитически „разломни” (по терминологията на Хънтингтън 1999), особености на региона. Както следва да се очаква, националното изграждане обхваща и сакралното, създавайки класически места на паметта, опори за националното самосъзнание. Тези процеси се опират повече на „устната“ и легендарната християнска история, отколкото на „научната“, създавайки „духовна акция, изразена в тържеството на историческата справедливост и напомняне за общия славянски дух на Украйна и Русия“, както отбелязва отец Леонид (Калинин) през 2011 г.

ЛИТЕРАТУРА

Спиридоновъ 1909: Д. Спиридонов (Дмитрий Спиридонович). К вопросу о мучении Климента, папы Римского, в Крыму. – Известия Таврической ученой архивной комиссии, 43, 115 – 124.

Толстой 1988: Никита Ильич Толстой. История и структура славянских литературных языков. Москва: Наука.

Толстой 1988 а: Никита Ильич Толстой. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян. – В: **Толстой, Н. И**. История и структура славянских литературных языков. Москва: Наука, 129 – 140.

Хънтингтън 1999: Самюъл Хънтингтън. Сблъсъкът на цивилизациите и преобразуването на световния ред. София: Обсидиан.

Fukuyma 1992: Francis Fukuyma. The End of History and the Last Man. Free Press.

Nora 1984: Pierre Nora. Les Lieux de mémoire. Paris: Gallimard.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТИОЛОГИЧЕСКИХ СКАЗОК В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

ГАЛИНА КАБАКОВА (ФРАНЦИЯ)
Университет Сорбонна

Интерес к этиологиям пробуждается в Европе прежде всего в связи с изучением мифологических текстов. Одним из первых термин «этиологическая легенда» („ätiologische Sage") использовал Херманн Гункель при анализе Книги Бытия[1]. Он предложил свою классификацию этих текстов: этнологические (объясняющие положение людей), этимологические (происхождение имен), геологические (топонимия) и «культовые» (организация религиозной службы). Огромным открытием стала публикация Оскаром Денхардтом 4-томного издания «Сказаний о природе» (1907-1912), систематизирующего колоссальный материал по всем мифологиям мира. Немецкий ученый предложил различать тексты, основная функция которых экспликативная (он их назвал собственно толкующими природу (этиологическими) легендами (rein naturdeutenden (ätiologischen) Sagen), и те, что изначально имели иную функцию и дали поэтическое объяснение природным явлениям в процессе эволюции. Он их определил как произвольно трактующие природу или произвольно этиологические легенды (willkürlich naturdeutenden (willkürlich ätiologischen) Sagen)[2].

В течение многих десятилетий к этиологиям обращались лишь спорадически и под углом соотношения этиологии и мифа. В этом же ключе Лутц Рёрих в книге «Сказки и реальность» (1956) предложил свою функциональную классификацию, в которой главным критерием выступает отношение слушателя и рассказчика к содержанию предания. Его классификация включает в себя «Легенды о происхождении, в которые верят» (geglaubte Ursprungssage), «развлекательные этиологии» (nur unterhaltender Ätiologie) и «этиологии как простая игровая форма» (Ätiologie als bloßer Spielform), т.е. там где объяснение предстает как чисто декоративный элемент, не вытекающий из повествования[3]. Связь первых с мифом достаточно прозрачна, однако миф не нуждается в заключительной этиологической формуле «и вот с тех пор». Как представляется Рёриху, она появляется в этиологиях в тот период, когда миф подвергается «рациональному» осмыслению. С рациональным отношением к повествованию связан и второй тип этиологий, которые нередко носят

[1] Genesis / übersetzt und erklärt von Hermann Gunkel. Göttingen, Vandenhoeck, 1902.
[2] *Dähnhardt O.* Natursagen: eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legender. Bd. 1. Leipzig, Berlin, 1907. S. X.
[3] *Röhrich L.* Märchen und Wirklichkeit. Wiesbaden, 1956. S. 33-36.

юмористический характер.

Безусловно, при разграничении этих двух категорий возникает ряд методологических проблем. Что придает этиологии статус верования? Как представляется, одним из признаков принадлежности к текстам первой категории служит нравоучение, содержащееся в сказке или легенде. Именно мораль, имеющая общечеловеческое значение, обеспечивает успех таких сюжетов, как «Почему человек не знает часа своей смерти», «Почему стариков перестали убивать» или «Преступление против хлеба». Впрочем, и этот показатель может эволюционировать, и те тексты, что изначально воспринимались как предмет веры, впоследствии могут перейти в категорию развлекательных.

Хорошим примером третьего типа историй могут служить волшебные сказки, которые, за редким исключением (ATU 425 M « Змея-жених», ATU 565 «Чудесная мельница», отчасти ATU 555 « Рыбак и его жена»), не располагают к этиологическому концу, то есть к нерасторжимой связи между фикцией содержания и реальностью времени рассказа. В этом отношении показательны сказки, где этиологическая концовка фигурирует в одних вариантах и отсутствует в других.

Под руководством Л.Рёриха написал диссертацию Ханьёст Ликсфельд, вскоре после защиты опубликованная под названием «Бог и дьявол как творцы мироздания: исследование дуалистического сотворения животных в европейских и неевропейских народных рассказах»[4]. Основная часть работы, выполненная в традициях финской историко-географической школы, посвящена типологии этиологических сказаний о животных. Весьма обширный корпус, в основном европейских текстов, в том числе и архивных, исследуется по сюжетам (автор выделяет двенадцать таких сюжетов), причем особое внимание уделяется географии их распространения. Видимо, под влиянием своего научного руководителя Ликсфельд настаивает на правдоподобном и одновременно комическом характере их рассказов. Однако имея дело с письменным текстом невозможно реконструировать, как именно воспринимала их аудитория и сами исполнители до тех пор, пока эти тексты функционировали в устной форме, как справедливо отметила в своей очень детальной и в целом доброжелательной рецензии Майя Бошкович-Стулли[5].

[4] *Lixfeld H.* Gott und Teufel als Weltschöpfer : eine Untersuchung über die dualistische Tiererschaffung in der europäischen und aussereuropäischen Volksüberlieferung. München, 1971

[5] *Bošković-Stulli M.* Narodna umjetnost : hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku. Vol. 10 No. 1, 1974. S.439-444.

Ликсфельд, подчеркивая их разножанровую природу, поставил вопрос о происхождении этих рассказов. По его мнению, они унаследовали дуалистическую структуру богомильских дуалистических верований, но в европейский фольклор нового времени пришли через посредство средневековой словесности. Вопрос же о том, была ли этим посредником письменная традиция, «проросшая» в устную культуру, или, наоборот, устная, проникшая в письменную, остается открытым.

В отличие от Ликсфельда, систематизировавшего дюжину этиологических сюжетов, Вирджиния Геддс по совету Бенгта аф Клинтберга сосредоточилась на одном популярном этиологическом сюжете, учтенном в каталоге ATU под номером 758 «Разные дети Евы»[6]. Она также в духе финской школы установила типологию сюжета в его двух основных версиях: социальной (дети Евы дают начало всем существующим классам и профессиональным сообществам) и демонологической (от спрятанных детей происходят разные локальные духи), уточнила географию сюжета, который спорадически записывался и вне Европы. При этом конечной целью исследовательницы оказывается выяснение антифеминистсткого пафоса сказки. В качестве комментария к этому последнему пункту можно только заметить, что весь фольклор, и в целом весь этиологический корпус отличается женоненавистническим дискурсом, о чем нам не раз приходилось писать.

Выбор Ликсфельда для исследования сказок о происхождении животных вполне обоснован. К этому же корпусу обратилась Марлен Альбер-Ллорка, расширив его за счет сказок о растениях, в своей диссертации, напечатанной в 1991 г. под заголовком «Порядок вещей**:** Европейские рассказы о происхождении животных и растений»[7]. По ее наблюдениям, эти рассказы составляют львиную долю этиологических текстов в Европе. Можно, правда, отметить, что существует и характерное исключение из этого правила: цыганская традиция, где о природе рассказывают значительно меньше, чем об особенностях культуры, быта цыганского народа и о возникновении разных племен.

Как и ее предшественники, Альбер-Ллорка опирается на антологию Денхардта, дополняя ее обширным собранием каталонских этиологий Жоана Амадеса, которое она вскоре опубликует по-французски, сопроводив его обширным научным аппаратом[8].

---

[6] *Geddes V.G.* «Various children of Eve» (AT 758): cultural variants and antifeminine images. Stockholm, 1986.
[7] *Albert-Llorca M.* L'ordre des choses : Les récits d'origine des animaux et des plantes en Europe. Paris, 1991.
[8] Amades J., *Petite cosmogonie catalane*, vol. I : *L'origine des bêtes*, traduction et présentation de M. Albert-Llorca, Carcassonne, GARAE/ Hésiode, 1988 ; Amades J., *Petite cosmogonie catalane*, vol. II : *Des étoiles aux plantes*, traduction et présentation de M. Albert-Llorca, Carcassonne, GARAE/Hésiode/PUM, 1994, coll. Classiques de la littérature orale.

Французская исследовательница выбрала иной подход, чем ее предшественники, сторонники историко-географического метода. Для нее этиологические тексты – это прежде всего форма передачи традиционных знаний о природе, которые в 1980-е годы стали для этнологов популярным предметом изучения. Под влиянием Клода Леви-Стросса, анализировавшего этиологические мифы различных кланов в Австралии («La pensée sauvage» («Неприрученная мысль»), 1962), Альберт-Ллорка стала изучать, как «работает» эта «неприрученная мысль» или, лучше сказать, мифологическое сознание, и почему оно выделяет для этиологического комментария ту или иную породу.

Наибольшим вниманием этиологий пользуются звери и птицы с высоким символическим статусом и не всегда те, которые в реальности широко представлены в данной культуре. По подсчетам исследовательницы, в среднем в каждой национальной традиции упоминается около тридцати видов, причем две трети из них птицы. Среди животных преобладают домашние, как если бы этиологические рассказы преследовали исключительно практическую цель: аргументировать с помощью ссылок на Священную историю отношение человека к окружающим его животным. Некоторые категории живой природы полностью отсутствуют, другие же представлены неравномерно. Так, рыбы и другие морские обитатели часто встречаются в каталонском репертуаре, и редко в других. Впрочем состав этиологического корпуса зависит и от субъективных факторов, например, пристрастия сказочника к этиологическим концовкам или интереса собирателя к текстам подобного типа, и отсутствие их в публикациях не означает их реальное отсутствие в фольклоре. Как считает Альбер-Ллорка, важен сам факт упоминания происхождения, который выделяет животное, растение, явления из ряда тех, что лишены «генеалогии».

Некоторые этиологические сюжеты оказываются чрезвычайно важными в идеологическом дискурсе. Так, Клодин Фабр-Васса в своем исследовании, переведенном на многие языки, «Особое животное: евреи, христиане и свиньи» (1994)[9], показывает, как сюжеты, связанные со свиньей, использовались на протяжении столетий для аргументации антисемитизма.

В славянских странах интерес к этиологическим текстам возникает несколько позже. Они могут рассматриваться как один из видов легенд (например, в книге Василя Сокіла «Народні легенди та перекази українців Карпат», 1995). Но в целом этот

[9] *Fabre-Vassas* C. La Bête singulière : les juifs, les chrétiens et le cochon. Paris, 1994.

разножанровый корпус текстов исследуется в рамках изучения «народной Библии»[10]. Открытие нового пласта фольклора сопровождалось публикацией текстов, многие из которых были записаны самими публикаторами или извлечены из архивов.

Важным этапом в осознании специфики этиологического корпуса стала монография Веры Кузнецовой «Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции» (1998), в которой сопоставляются фольклорная традиция нового времени и книжные южно- и восточнославянские средневековые источники. Анализ мотивов и их географии позволяет высказать гипотезу о влиянии финно-угорской мифологии на самый древний пласт этиологии – рассказы о сотворении мира птицей-демиургом. Гипотеза это поддержана и другими учеными, например, Владимиром Напольским.

В работах славянских ученых в целом преобладает интерес к мотивному и сюжетному анализу этиологического корпуса, например, мотиву дуалистического творения (О.Белова), сюжетам об утраченном знании срока смерти (С.Толстая), перераспределении срока жизни между человеком и животными, распределении благ (Г.Кабакова) и т.д.

В свое время, работая над составлением энциклопедического словаря[11], мы предложили морфологический анализ этиологического текста, опираясь на «морфологию сказки» В.Я.Проппа и «грамматику обряда» Н.И.Толстого. Элементарные структуры этиологического текста могут быть представлены следующим образом:

Субъект (демиург) творит объект 1.

Субъект превращает объект 1 (исходный) в объект 2 (конечный), причем эта структура может быть представлена вариантами :

субъект совершает некоторое действие, в результате чего объект 1 превращается в объект 2,

субъект (демиург, не демиург) = объект 1 превращается в/ дает начало объекту 2.

Мы выявили парадигмы субъектов, объектов и их характеристик и действий, а также хронотопы, заимствованные из «народной Библии».

Состояние фольклорной традиции в Восточной Европе дает возможность

[10] *Георгиева А.* Етиологичните легенди в българския фолклор. Етнология и етнография. София, 1990 ; *Качмар М.* Українська етіологічна легенда: структурно-семантичний аспект: Автореф. дис ... канд. філол. наук. Львів, 2010

[11] Восточнославянские этиологические сказки и легенды / Сост. О.В.Белова, А.В.Гура, Г.И.Кабакова, С.М.Толстая, под ред. Г.И.Кабаковой. М., 2019

наблюдать живое бытование этиологического корпуса, что позволяет судить о статусе разных сюжетов в отдельных традициях.

Мы с Ольгой Беловой, а также и белорусские коллеги Татьяна Володина и Елена Боганева показали, с одной стороны, насколько этиологические мотивы и сюжеты «проросли» в другие жанры, например, заговоры, и во фразеологию русского языка (выражения «кот наплакал», «собачий век»). А с дугой стороны, насколько активно продолжают порождаться этиологии, например, чтобы мотивировать бытовое и праздничное поведение. Столь же востребованным оказывается этиологических нарратив в прославлении отдельных стран и регионов в туристической сфере.

BLOC 2.9
LA CONTROVERSE SUR LA VÉRITÉ DANS LA LITTÉRATURE DE JEUNESSE RUSSE EN RUSSIE ET EN EUROPE DE L'EST.
PANEL 1: LITTÉRATURE ET CRITIQUE / LITERATURE AND LITERARY CRITICISM;
PANEL 2: LES STRATÉGIES NARRATIVES DE L'ENFANCE / NARRATIVE STRATEGIES OF CHILDHOOD

Organisatrices : SVETLANA MASLINSKAIA, MARINA BALINA

Panel 1: Littérature et critique / Literature and Literary Criticism

Svetlana Maslinskaya Critical discussions on children's literature of the 19th and 20th centuries 1

Inna Sergienko Children's Book Reader and the «Truth of Life»: based on Materials from a Discussion in Russian Literary Criticism in the 1900s–1917 5

Giulia De Florio Alexandra Kalmykova and Olga Kapitsa: Theorizing and Developing Russian and Soviet Children's Literature (1900-1930s) 8

Dorena Caroli Contes d'animaux réels et merveilleux 12

Marina Balina Children's literature of the «Thaw»: The Debate on Sincerity 18

Laure Thibonnier War, Realism and the Magic 21

Panel 2: Les stratégies narratives de l'enfance / Narrative Strategies of Childhood Beck

Birgitte Beck Pristed Writing War Childhood: The wall newspaper of a school for evacuees 1942-1943 27

Maria Mayofis Narrating Childhood in a Single Parent Household: Soviet Literature and Film of the 1960s in Search of New Social Order 28

Dorota Michułka Mythologizing Childhood in Transnational Space: Contemporary Polish Prose by Paulina Struzik 29

Mateusz Świetlicki Childhood in Contemporary Ukrainian Picturebooks: Telling Stories through Text and Image 30

IN THE STRUGGLE FOR REALISM: CRITICAL DISCUSSIONS ON CHILDREN'S LITERATURE OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

SVETLANA MASLINSKAIA (FRANCE)

A typical methodological approach to researching the content of Russian children's literature has been to examine it from the perspective of pedagogical censorship: what can and cannot be written about in children's literature, what topics are taboo and what are not. In this case, children's literature is seen as an object of normalising pedagogical efforts, its aesthetic properties appear irrelevant in this approach. However, like any work of art, a work for children needs to be considered on the basis of its aesthetic categories. One of such categories is the reflection of mimesis.

The categories of the real/plausible/truthful/ and, in general, the social imaginary in children's literature were the objects of close attention of pedagogical and literary criticism during the XIX-XX centuries. In disputes about ‘truth’, experts formulated their ideas about the normative poetics and style dominance of children's literature. This dominant style was realism understood as mimetic writing. The narrative specificity of this type of writing in the experts' reasoning was connected, first of all, with the discussion of the boundaries of ‘real’ and, respectively, ‘false / fairytale / fictional’.

The category of truthfulness was one of the key categories in characterising children's literature already in the middle of the 19th century. And later, following Nikolai Dobrolyubov and his follower Nikolai Chernyshevsky, educators believed that ‘if a work is truthful, it is also artistic’. In the 1870s, the appeal to ‘strict psychological truth’ was determined by the desire to eliminate from children's literature the moralistic schematism in depicting the surrounding life. By the 1890s the emphasis shifted somewhat - the Narodniks in children's literature (Gleb Uspensky, Pavel Zasodimsky, Nikolai Zlatovratsky, Dmitry Mamin-Sibiryak and others) was declared untruthful. Educators were reticent about the writing concept by Narodnik, believing that the plagues of Russian social life depicted in literature could unnecessarily traumatise the child.

Believing that the child was under the direct and decisive influence of the literature he read, educators suggested two approaches to depicting reality: 1) ‘to put forward the ideal’ and 2) ‘to emphasise the worst in life’. The correlation between idealism and realism in children's literature is the cornerstone correlation discussed on pedagogical periodicals. In favour of the former were the supporters of the protective paradigm, in favour of the latter

were the critics of the democratic (and Marxist) persuasion. Both agreed on one thing: children's literature educates a morally sensitive person, so the depiction of evil must contain a clear author's ethical assessment. Because of this attitude, modernist artistic endeavours in the field of depicting the moral categories of good and evil (primarily their blurring in the aesthetics of decadence) received low marks from teachers. The portrayal of weak and weak-willed people, which was interpreted as an influence of decadence aesthetics, was also criticised.

The change of regime in October 1917 did not lead to a change in the pedagogical aesthetic concept. The new officials responsible for children's literature continued the course of their pre-revolutionary predecessors. At the head of the critics of children's literature stood Nadezhda Krupskaya, who recognised only realism; she understood it, following the democratic critics of the nineteenth century, as a method devoid of fictionality, as a 'reflection of reality'. This artistic method seemed to her the most responsive to both aesthetic and educational tasks of children's literature. Only a realistic portrayal of social reality, from her point of view, could meet the needs of young readers regardless of age: preschoolers and teenagers. Nikolai Chekhov in 1915 criticised the dominance of realism in children's literature: 'The idea of imparting real knowledge to children in the form of an entertaining story proved to be very tenacious and created a number of children's writers who possessed very modest literary talent, but who believed that the most important thing in a children's book is not the artistic form, but the real content' (Chekhov 1915). But ten years later, his opponent Nikolai Savvin advocated with conviction 'artistic realism in children's books, organically merged with didacticism as a result of the influence of the artistic image' (Savvin 1923).

However, unlike pre-revolutionary educators, Soviet educators were much more intolerant of all other modes of writing: adventure literature, detectives, fantasy and fairy tales were sharply criticised. Educators refused to allow fiction into children's literature, believing that it took children away from reality. The discussion about the admissibility of fiction and/or fairy tales in children's literature began as early as the 1860s (Belousov 2017), flared up again and again in the 1870s-1910s about individual authors (Sergienko 2015), and finally reached another climax in 1928 on the pages of the journal 'Book for Children' - the problem, finally formulated in the title of one of the articles, was purposefully discussed: 'The Limits of Anthropomorphism in Children's Books'. The content of the discussion boiled down to the following: whether a doll (more broadly: an inanimate object, such as a steam engine, valenki,

car) can show the properties of a living being in a children's book. Thus, the struggle for realism as a reflection of reality (steam locomotives do not feel, valenki do not hear, etc.) was waged. The ideological engagement of many fairy tales and adventure prose did not give indulgence. The culmination of the unfolding campaign of the "fight for the fairy tale" was the publication on February 1, 1928, in the central party newspaper *Pravda* of Nadezhda Krupskaya's article "On K. Chukovsky's 'Crocodile'," in which Chukovsky's work was subjected to harsh criticism. On the pages of the 'Literary Newspaper' unfolded a discussion, renewed for two years, but gradually the critical campaign increasingly acquired the features of outright persecution of the writer. At the same time, the pedagogues also attacked other writers and poets who wrote fairy tales or fantasy novels, as well as absurdist poetry. The pedagogical attacks on the fairy tale were finally bought to a halt during the preparations for the First Congress of Soviet Writers in 1934.

In the early 1930s, the theoretical directives of Nadezhda Krupskaya and her colleagues were shamed by Anatoly Lunacharsky and Maxim Gorky, who proclaimed a course towards the fusion of romantic and realistic principles in Soviet literature. The new course gave rise to a new critical discourse on the relationship between romanticism and realism in children's literature. Thus, Antonina Babushkina, editor-in-chief of the main critical journal 'Children's Literature' in her article 'Realistic Fairy Tales (Dmitriy Mamin-Sibiryak 'Alyonushkin's Fairy Tales')' will declare the existence of a special type of fairy tale, which was invented by Mamin-Sibiryak (Babushkina 1933). This oxymoron in 1933 could no longer surprise anyone; the public formulation of the basic postulates of socialist realism was proceeding apace, and 'realistic fairy tales' fit quite well into this new paradigm. The main feature of a realist fairy tale is its depiction of social problems from the point of view of Bolshevik morality. The need to give realism to another type of Mamin-Sibiryak's tales (tales about animals) also required applying to them similar methods of reading in social issues: animals were attributed social relations based on Darwin's law of struggle for existence. Thus, the pedagogical concept of the evolution of the literary fairy tale allowed educators to reconcile anthropomorphism with the objectives of socialist realism.

REFERENCES

Babushkina A. Realisticheskie skazki (Mamin-Sibirjak D. «Alenushkiny skazki»). *Detskaja i junosheskaja literatura*. 1933. № 12. S. 19-20.

Belousov A. Vragi skazok. *Vostok — Zapad: Prostranstvo russkoj literatury i fol'klora*. Volgograd, 2017. S. 293—299.

Chehov N. *Vvedenie v izuchenie detskoj literatury: izlozhenie lekcij narodnym uchiteljam na letnih kursah po voprosam detskoj literatury i detskogo chtenija*. Moscow. Izdatelstvo Sytina. 1915. S. 39-40.

Savvin N. *Principy kritiki detskoj literatury*. Moscow. 1923. S. 30.

Sergienko I. Koncepcii pedagogicheskoj kritiki XIX veka v istorii izuchenija detskoj literatury. *Detskie chtenija*, 2015, № 8(2), S. 76–94.

THE CHILDREN'S BOOK READER AND THE "TRUTH OF LIFE": BASED ON MATERIALS FROM A DISCUSSION IN RUSSIAN LITERARY CRITICISM IN THE 1900S–1917

INNA SERGIENKO

The category of the child reader is decisive for the specificity and pragmatics of children's literature. Ideas about what this child is like and what he or she should be like in accordance with the prevailing social norm form the institutional and structural features of the existence of children's literature, its poetics, problems, boundaries and frameworks. These ideas change from era to era, being conditioned by the main trends in the development of society and are of significant interest to researchers. In the history of Russia, one of the turning points, rich in political, social and cultural terms, was the period of the early 20th century, which ended with the revolutionary turn of 1917 and the establishment of the dictatorship of the Bolsheviks. From that moment on, most of the theoretical and practical heritage of pre-revolutionary teachers, literary critics, children's writers and researchers of children's literature was pushed into the background, and even considered harmful and hostile to the new system. However, much of this heritage continues to be used by the Soviet government to build a new culture of childhood and a new children's literature. To consider the pedagogical and literary-critical thought about children's literature and the child reader as it was in the years preceding the Soviet period means to follow the life of ideas in historical retrospect.

In the intense period of 1900-1917, the view of the child reader in Russian literary and pedagogical criticism changed noticeably. At that time, discussions about the subject and boundaries of children's literature became more active, and one of the main issues became the debate about the "truth of life" in children's books. Critics discussed what exactly, from their point of view, is meant by "truthfulness" and "truth", to what extent a children's book can be "true", and which writers managed to embody this in their works. The discussions focused on such categories depicted in children's literature as social and political problems, historical and biographical facts, criticism of authorities, eroticism, physiology, violence, nihilism, family problems, death, and individual genres of children's literature (fairy tales, adventures). The following magazines became the venue for the debates: pedagogical (Vestnik vospitaniia, Vospushchenie i obuchenie, Narodny uchitelei, Narodnoe obrazovanie, Novosti detschestva, Pedagogical leaflet, Pedagogical collection, Russkaya shkola, etc.) and literary (Niva, Mir, Philological notes, etc.). The discussions were attended by teachers, children's writers, literary critics and public figures – Korney Chukovsky, Yevgeny Jelacic, Nikolay Abramovich,

Alexandra Kalmykova, Elizaveta Tikheeva, Nikolay Bakhtin, Maria Tsebrikova, Nikolay Savvin, Viktor Soroka and many others. One of the first figures to directly raise the question of the boundaries of what is acceptable and necessary in children's literature was Nikolay Abramovich (1881-1922), a literary critic, writer and publicist. In his articles on children's literature, he advocated for the problematization of the subject matter of children's books, for a closer connection between children's literature and real life, for saturating children's books with "social" and even political ideas. In the article "The Children's World and Public Issues" (1907), Abramovich raised the question of the specificity of the subject matter of depiction in children's literature and the censorship of the subject matter of children's books. "Is it possible to depict facts and events that are striking in their brutality and cruelty?" the critic writes, and gives an affirmative answer, noting that with the appropriate method of depiction, the theme of a children's book can be anything, and that children's books that touch on painful social and existential themes are necessary, because "children cannot be left alone with this burden," which unites Abramovich's position with the position of modern criticism of children's literature. Similar views were held by Viktor Soroka, Viktor Rodnikov, Maria Tsebrikova and others, and they were opposed by Mikhail Sobolev, Elizaveta Tikheeva, Nikolai Poznyakov, Elizaveta Sveshnikova, Evgeny Elachich and others. They believed that children's reading required strict control, that certain themes (scenes of violence, cruelty, eroticism, and the exacerbation of social issues) were unacceptable in children's books, and that they proposed introducing works of adult literature (e.g., the prose of Leo Tolstoy and the poetry of Alexander Pushkin) into children's reading, strictly censoring them and cutting out all inappropriate fragments from the text.

The materials of the discussion show that the ideas about subjectivity, personality, and psychology of the child among opponents from the conservative and (relatively speaking) progressive camps were similar, but led them to different conclusions regarding the admissibility and necessity of the "truth of life" in children's books. Both equally criticize contemporary children's literature for its emptiness, falsehood, and emptiness, and note that, from their point of view, not enough children's books were being written during this period that met their requirements for a "good children's book."

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Abramovich N. Detskiy mir i voprosy obshchestvennosti. *Vospitanie i obuchenie*. 1907. № 11. S. 337–349.

Golovin V. V. «Golubi» S. Yushkevicha 1914 g.: sluchay zapreta pornografii v detskoy knige. *Detskie chtenija*. 2015. № 2 (008). S. 52–54.

Gorenfel'd A. *O khudozhestvennoy chestnosti*. *Kritika nachala XX veka*. M., 2002,

Elachich E. A. *Sbornik statey po voprosam detskogo chteniya*. SPb., 1914.

Rodnikov V. P. *Detskaya literatura. S ukazaniem vazhneyshikh knig dlya detskogo chteniya*. Kiev. 1915.

Soroka V. Nat Pinkerton i detskaya literatura. *Russkaya shkola*. 1910. № 1. S. 60-78; № 2. S. 38-63.

Sergienko I. A. Mariya Konstantinovna Tsebrikova: strogiy kritik. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 2017. № 1. S. 151–159.

Tikheeva E. Kak chitayut deti i kakoy ot etogo proiskhodit vred. *Vospitanie i obuchenie*. 1897. № 10. S. 383-409.

Chukovskiy K.I. Lidiya Charskaya. In: Chukovskiy K.I. *Sobranie sochineniy*. Vol. 6. M., 1969. S. 150–162.

A.M. KALMYKOVA AND O.I. KAPITSA: THEORIZING AND DEVELOPING RUSSIAN AND SOVIET CHILDREN'S LITERATURE (1900-1930)

GIULIA DE FLORIO (ITALY)

In the Russian Empire, the canon of children's reading, which consisted of nationally accepted texts, began to take shape in the 60s of the 19th century: different State institutions took on the task of regulating criticism and compiled lists of recommended literature. Many factors contribute to the development of children's literature criticism, such as the socio-economic reforms of the 1860s, the growth of public opinion, the expansion of the children's book market, the formation of institutions engaged in the organization and control of children's reading, and educators' awareness of their mission as leaders of children's reading (Sergienko 2015).

Following the works of Vissarion Belinsky, one of the founding theorists of children's reading, critics of the 1880-1890s expressed the first reflections on the history of children's literature, which are further developed in the works of the leading researchers – sociologists, historians, bibliographers – of the next generation: N.V. Chekhov, A.K. Pokrovskaya, I.I. Startsev, A.P. Babushkina, E.P. Privalova among others.

The first aim of this paper is to interpret the discourse on the 'children's canon' in the period spanning the first thirty years of the 20th century in the broader context of social and political reforms. Despite the sharp caesura of the revolutionary year 1917, I argue that it is more productive to discern the turbulent post-revolutionary activity in the formation of the concept of children's discourse in the perspective of continuity and gradual adaptation to the new ideology, rather than as a complete rejection and erasure of the discourse that took place at the turn of the 19th-20th centuries.

Such dynamics are considered both in the development of a new method for raising and educating a child and in the debates surrounding children's reading and children's literature. An illustrative example of the first category is the Pedagogical Institute of Preschool Education (PIDO), which was created in Petrograd in 1918 and became the country's first higher education institution of this profile (Savinova, 1992; Loginova, 1992). Despite the innovative nature of such a project, the establishment of a scientific school and the practice of training preschool teachers was influenced by the work of various societies (*obshchestvo*) formed at the beginning of the 20th century, which discussed the problems of education and upbringing, and proposed ideas for the reorganization of school affairs. In particular, the

Society for the Promotion of Primary Education or Froebel Society, the Society for the Promotion of Preschool Education of Children, the Society for Free Education (Montessori Method) played an important role in the development of new practices in preschool and school education, demonstrating the unification of pre-revolutionary methods and proposals of the newly established Bolshevik ideology: «Progressive activities of educational societies provided a scientific and practical basis for the research and educational activities of the Pedagogical Institute of Preschool Education (PIDO), combined the best teaching talents of St. Petersburg-Petrograd in one institution» (Akulova, Ivchenko, Konokhova 2018: 48).

In the same way, in the field of criticism of children's literature and children's reading of the first two decades of the 20th century, a continuation of the rapid theoretical activity that began at the end of the previous century can be observed: «At the center is not so much the book in general, but rather the child's attitude (active) to the book, his perception, processing, "feeling"» (Maslinskaya 2017: 418). The child is recognized as an autonomous subject of reading, the development on the methodology of work with the child is carried out simultaneously on different platforms: at congresses, in journals, in institutes and other public educational spaces. Bibliographic indexes and reference catalogues are published by the dozens, but are often sharply criticized: in the Index of Systematic Home Reading for Students (Issue II) for 1911 it is stated that «one cannot but notice the following features of the great majority of them: 1) the most depressing shabbiness not only of the plans according to which they are compiled, but even of the content included in them. 2) Very little acquaintance of the catalogue compilers with the reading psychology of childhood, understanding it according to the template developed by the template pedagogical practice. 3) Lack of pedagogical sense and in general mental development and education of the compilers who are not able to evaluate books from the point of view of the general worldview» (Vladislavlev 1911).

In Moscow and St. Petersburg, the organization of mass children's reading begins by opening children's departments at city free libraries. Based on the theories and works of the second half of the 19th century, teachers believe that it is necessary to cultivate an aesthetic sense in students, develop imagination, artistic thinking, and awaken in them an emotional attitude to what they read. Aesthetic values prevail in the discussion about 'what to read to children'.

Work in the field of children's literature and children's books almost completely occupied Aleksandra Mykhaylovna Kalmykova (1949-1926) and Olga Hieronymovna

Kapitsa (1866-1937), who for many years collaborated in various types of theoretical and applied activities concerning the formation of the concept of children's literature and children's reading.

Kalmykova and Kapitsa are active participants in many educational projects on the formation and development of Russian education system over many decades. Both believed that the child's play is a combination of the real and the imaginary and recognized the equal importance in the child's life of both the real world and the fairy-tale, ideal world. In addition, according to the two progressive teachers, the fairy tale was «the only conductor of higher feelings and understanding, to which the soul of every healthy child unconsciously but strongly strives» (Kalmykova, Kapitsa 1918: V).

In this paper, the development of the concept of children's literature of Kalmykova and Kapitsa and their interpretation of such binary oppositions as "imaginary/realistic", "true/fantastic" against the background of historical and sociocultural upheavals of the first thirty years of the 20th century is analyzed on the basis of unpublished archival material,

Of particular interest is the creation of an library (*pokazatel'naya biblioteka*), which took place at the initiative of Kapitsa from the funds of three different collections.

As E.O. Putilova (2017: 34) notes «the library set itself a much broader task – the scientific study of children's literature. By putting forward this position, Kapitsa provides a theoretical justification of the need for a scientifically organised children's library». In their multifaceted activities, Kapitsa and Kalmykova attempt to put forward, in the new Soviet context, a progressive concept of children's literature that should distance itself from both the formulaic and fake literature of the past and from the ideologized production subordinated to the demands of the present.

REFERENCES

Akulova, Ivchenko, Konokhova 2018. Akulova O.V., Ivchenko T.A., Konohova E.S. Znachenie obshhestvennogo dvizheniya podderzhki pervonachalnogo vospitaniya na rubezhe XIX–XX vekov v stanovlenii teorii i praktiki doshkolnogo obrazovanija. *Sovremennoe doshkolnoe obrazovanie*, № 8 (90), 38–53.

Kalmykova, Kapitsa 1918. Kalmykova A.M., Kapitsa O.I. (sost.), *Chto rasskazyvat detyam?* Sb. Skazok, legend, skazanii i rasskazov dlya chasov rasskazyvaniya v shkolakh, detskikh klubakh i chitalnyah dlya detei goroda i derevni, Pietrograd.Loginova 1992. Loginova V.I., Stanovlenie teorii doshkolnogo vospitaniya na kafedre doshkolnoi pedagokiki RPGU im. A.I. Gerzen. *Stanovlenie teorii i praktiki doshkolnogo vospitaniya*. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov, Obrazovanie, Sankt-Peterburg, 10–23.

Maslinskaya 2017. Maslinskaya S., Volgast i razvitie otechestvennoj teorii detskoi literatury v 1910-1930 gg. *Detskie chtenija*, 12 (2), 412–420.

Putilova 2007. Putilova E.O, Pokazatelnaya biblioteka kak tsentr knizhnoi kultury. *Vestnik Gercenovskogo universitet*a, № 5 (43), 34–37.
Savinova 1992. Savinova L.K., 70 let fakultetu doshkolnogo vospitanija RGPU im. A.I. Gercena. *Stanovlenie teorii i praktiki doshkolnogo vospitaniya*. Mezhvuzovskii sbornik nauchnyh trudov, Obrazovanie, Saint Petersburg, 3–10.
Sergienko 2015. Sergienko I., Konceptsii pedagogicheskoj kritiki XIX v. v istorii izucheniya detskoi literatury. *Detskie chtenija*, № 8, 76–94.
Vladimslavlev 1911. Vladislavlev I.V., *Chto chitat*? Ukazatel sistematicheskogo domashnego chteniya dlya uchashchihsya. Vypusk II. Moskva, Nauka.

CONTES D'ANIMAUX REELS ET MERVEILLEUX

DORENA CAROLI (ITALY)

The theme of animals is perhaps one of the most complex to describe the prism of fiction and reality in Russian children's literature of the 1920s and 1930s for two main reasons. The first is undoubtedly the rich Russian tradition of fairy tales featuring animals. Nineteenth-century Russia was the land of fairy tales, as stated by Megan Swift[1]. The second concerns the evolution of the ideological dimension that characterizes both literary texts and illustrations from 1917 to the second half of the 1930s.

The starting point of this panel, presented in the collective description, is to investigate "the categories of "real", "plausible" and 'truthful' in children's literature in the late 19th and early 20th centuries, before and after 1917, during Stalinism and the Thaw, and in the Soviet and post-Soviet periods". An analysis of children's literature and its criticism enables us to understand the evolution of representations of "truth" and "fiction".

The problem of truth has been recently studied internationally, and not being a specialist on the issue, I have tried to figure out how to answer this question concerning a historical period of literature that has been enriched by an unprecedented flowering and a very original visual culture. My paper will analyze children's books of various genres, literary and nonfiction from the 1920s. Today we also speak of non-fiction books to refer to those having an informational content. However, in order to study the categories of truth and fiction, it is necessary to precise also methodological reflections concerning these categories, literary and artistic trends of the 1920s.

As an Italian scholar, a recent visit to the frescoes of the painter Veronese, who in the sixteenth century believed to represent the reality of the Veneto, was very useful to me. The very real landscape he represented was both reality but also fiction, an invented region like grand part of sixteenth-century landscapes (Images). The real landscape becomes part of Renaissance painting, behind the characters depicted in the foreground, to open up an open space as if it were an objective mimesis of reality.

While returning to the classical models, an attempt is made to offer a more rational representation through the perspective of landscapes that seem as real as they are invented. It

1 M. Swift, *Picturing the page. Illustrated Children's Literature and reading under Lenin und Stalin.* Toronto Buffalo London, University of Toronto Press, 2020.

does not mean that they are realistic but they become a way of looking at reality through observation, even before experience entered the scientific culture of the time.

Therefore, I have tried to better realize that truth and fiction are not only complex categories of literary criticism but also that their relationship evolves in literary and visual cultures. Realism in both literature and art is an artistic construct that has functions to be investigated as those of truth/reality and fiction are very complex concepts.

The representation of truth and fiction is a hotly debated issue, internationally and as Federico Corradi et Valeria Sperti state in a recent article, « Qu'est-ce que la vérité d'un texte littéraire ? Où faut-il la chercher ? Et par quels moyens la sonder ? La réponse plonge ses racines dans l'Antiquité: Platon et Aristote, on le sait bien, ont sur la question deux perspectives divergentes, le premier affirme que toute littérature est au fond mensongère, alors qu'Aristote, son disciple, voit dans la poésie la recherche d'une vérité, une modélisation de la réalité, censée provoquer une *catharsis* purificatrice. Le conflit entre ces deux visions domine l'histoire de la culture occidentale. Il en résulte une coprésence paradoxale d'imaginaire et de promesse de vérité dans les textes littéraires qui semble s'accentuer, comme en témoignent les articles qui suivent, à des époques charnières, à la Renaissance, autour de la Révolution, à l'âge romantique jusqu'à l'extrême contemporain, sous l'influence des récits de témoignage à la suite de la Seconde guerre mondiale"[2].

Regarding the history of literature in the 1920s and 1930s, several currents and trends should be distinguished. There is a continuity of trends and renewal from both literary and artistic perspectives leading to a representation of animals that is worth returning to in light of recent findings. The selected books concerning fables of real or fairy animals, aim to explore the changing role of animals in children's books of the 1920s and the way in which they gradually lose their role as educational mediators typical of fairy tales to become real and symbolic of nature to be known and discovered.

Indeed, from fairy-tale animals they become real animals illustrated in increasingly realistic ways, the protagonists of stories and poems. They were, however, the subject of a major literary metamorphosis. Consideration will be given to the development of a current of realism in children's books, from the late 1920s, which spread thanks mainly to animal

2 F. Corradi et V.Sperti, « La vérité littéraire dans tous ses états », Revue italienne d'études françaises [En ligne], 10 | 2020, mis en ligne le 10 novembre 2020, consulté le 17 mai 2025. URL : http:// journals.openedition.org/rief/6653 ; DOI : https://doi.org/10.4000/rief.6653

illustrators, to the way the text was presented in relation to the depiction of the animal and its habitat.

It should be premised that from a methodological point of view these are concepts that scholars have been focusing on in recent times, both in terms of the trend of socialist realism in the case of the history of Soviet children's literature. The emergence of the realist style was evident long before 'socialist realism' became the main trend in the 1930s. Comme Cécile Pichon-Bonin l'affirme, « le terme de réalisme recouvre dans les faits un ensemble de pratiques figuratives extrêmement diverses, dans la continuité des Ambulants ou inspiré par l'expressionnisme allemand, l'impressionnisme ou le post-impressionnisme. On débat donc ardemment de la forme que doit prendre le réalisme»[3]. Le débat concernant le schématisme de la forme, which probably refers to the attempt to form a Marxist way of learning about reality and not the rationalism of constructivism. In Russian literature of the 1920s, the prism is far more multifaceted because the representation of animals is multiplied by the visions of avant-garde artists. From both literary and artistic perspectives, it is possible to observe trends that reveal a continuity with the fairy-tale heritage of the past than the metamorphosis of fairy-tale animals in a more realistic or imaginary sense. In the case of both realism and fiction, it is necessary to ask what the educational purpose is because the pedagogical dimension is inscribed in an approach that makes the function comprehensible. It is therefore necessary to consider both literary texts and picture books, with or without captions to account for these representations that often emerge from the particular message of the icon-text in the case of picture books.

The first realistic description of animals, which is in the Tolstoyan tradition of the publisher Posrednik, founded by Tolstoy in 1884, had a purpose to teach respect for nature, the world of living beings with the aim of universal peace. This publishing house aimed to publish textbooks and magazines to spread the principles of Tolstoy philosophy between different grups of readers (Images).

However with respect to Tolstoy, it can also be seen that there was an interest in the natural sciences and the species of animals of the earth, as biology was a discipline that had not deepened much before the October Revolution, and even after that, it has taken some years before textbooks and teaching aids were published. This look at the history of school

3 C. Pichon-Bonin et M. Manson, *Théories et pratiques du jouet dans la première moitié du XXe siècle*, « Strenæ » [Online], 17 | 2021, online le 22 mars 2021, consulté le 19 janvier 2023. URL: http://journals.openedition.org/strenae/6326; DOI: https://doi.org/10.4000/strenae.6326

disciplines can offer an innovative perspective to understand the function of this particular genre of children's books. Before and after the Revolution, animal painters such as F. Turkin, V. Bianchi, E. Charuskin depicted animals with a purpose of scientific knowledge, although art helped to represent them in a more or less tame way for children's gaze depending on the age to which the children were addressed. In same way, their purpose was similar as Comenius had done with his *Orbis Sensualium Pictus*, who had used pictures to acquaint pupils with objects associated with the letters of the alphabet (Images).

The publication of Tolstoyan textbooks continued after the October Revolution. In fact, before the October Revolution and after it, there was also a strand of works defined as Russian zoobelletristics such as the writer Alexandra Leontievna Bostrom, 1854-1906), for exemple in the book *How Yura gets acquainted with the life of animals: Stories about animals and their life*: *For small children* (5th edition, Moscow, I.D. Sytin, 1916), in which animals were described in a realistic way in tolstoyan perspectiv of the universal knowledge. In addition, there was an extensive natural-scientific literature for children (encyclopedias, etc.), which showed animals from the point of view of scientific accuracy (Images)[4].

In parallel, after the Bolshevik Revolution of 1917 there is a very interesting renewal of the animals representation, and thanks to the illustrations of avant-garde artists on can observe a great choice of examples of reality and fiction that have a aesthetic purpose with different educational function, keeping in mind that children's books after 1917 are not immediately characterized by marked ideological elements.

During the presentation that will be read at the Conference, examples of animals described or illustrated in children's books from the period 1917-1938, will be presented so in order to illustrate trends thruth/realism and fiction/imagination/utopia that characterizes these very complex literary universe, as mirror of messages having aesthetic and educational purposes.

The first part will deal with Tolstoy-like descriptions taken from school anthologies to illustrate a selection of literary texts and the style of illustrations. Furthermore, also the classical *Crocodile* K. I. Chukovsky, illustrated by one of the most important painter of the "Mir Isskustva", Re-Mi (Nikolai Remizov) and then banned after 1926, will be described in order to reflect on animal and city relations (Images).

4 I am grateful to Svetlana Maslinskaya for her suggestions regarding this genre.

The second part of the paper will dealt with revisitations of traditional animals also in the style of avant-garde writers such as OBERJU group (*Ob''edinenie edinsvtennogo real'nogo iskusstva*, *Gathering for the One Real Art*), which included the poets Aleksandr I. Vvedensky (1904-1941), Daniil I. Kharms (1905-1942) and Nikolai A. Zabolotski (1903-1958), - who were hit by the Stalinist purges. Founded in 1927 with the aim of revising the aesthetic concepts of the early avant-garde, this group was made up of poets who stripped reality of its consistency and were interested in the absurd. The design of avant-garde artists took on very original traits in both form and behavior of animals, which were not always metaphors for human vices but were positive models (Images). They became symbols of the pedagogical trends of new school movement that were spreading in those years stimulating active participation, spontaneity and autonomy of the children[5].

The last part will concern the issue of real animals depicted by socialist realism, wich dealt with a reality which was artfully constructed through artifice in order to teach how to observe the chance occurring the the soviet society in a certain way, i.e., to form an imagery of codes for the young readers, usually the children. The return of socialist reality/realism in the Soviet Union of the 1920s can also be explained by the affirmation of dialectical materialism that had been making its way since the 1920s, namely, a way of looking at reality dialectically, through the code of the class struggle that moved historical reality (Images). There was thus a need to illustrate an ongoing process of real history, a connection to tradition and motherland. This way of depicting the reality aimed also at educating the new child to observe the dialectical relationship between nature and nurture that was a feature of soviet culture of the Thirties.

REFERENCES

Caroli D., *The Posrednik publishing house and the publication of new children's books and textbooks to educate children in Tolstoian cultural values (1884–1907) / Izdatel'stvo "Posrednik" i izdanie novych detskich knig u uchebnikov dlja oznakomlenija detej s totstovskimi kul'turnymi cennostjami (1884–1907)*, in: Deti i detstvo i istorii kul'tury: sovremennye mezhdisciplinarnye isslesovanija. Materialy vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamjati Vitalija Bezrogova (g. Moskva, 3-4 dekabrja 2021g.), Moscow, Rossijskij gos. Gumanitarnyj Universitet, 2022, pp. 59-77.

Corradi F. et Sperti V., « La vérité littéraire dans tous ses états », Revue italienne d'études françaises [En ligne], 10 | 2020, mis en ligne le 10 novembre 2020, consulté le 17 mai 2025. URL: http://journals.openedition.org/rief/6653 ; DOI : https://doi.org/10.4000/rief.6653

5 See the third chapter of animals described by D. Caroli, *L'Illustration jeunesse russe. Une histoire graphique (1917-1934). Préf. d'Olivier Deloignon*, Arles, Imprimerie Nationale- Actes Sud, 2023.

Gus'kov N., *Topos "Zveri v gorode": k probleme kommentironanii skazki K. I. Chukovskogo "Krokodil"*, "Detskie Chtenija", 14(2), 2018, pp. 23-43.
Maroshin V., *Slon i rebenokk v russkoj literature pervoj treti XX veka*, "Detskie Chtenija", 7(1), 2015, pp. 128-144.
Morse A., *Word Play. Experimental Poetry and Soviet Children's Literature*, Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2021.
Pichon-Bonin C. et Manson M., *Théories et pratiques du jouet dans la première moitié du XXe siècle*, «Strenæ » [Online], 17 | 2021, online le 22 mars 2021, consulté le 19 janvier 2023. URL: http://journals.openedition.org/strenae/6326; DOI: https://doi.org/10.4000/strenae.6326
Swift M., *Picturing the page. Illustrated Children's Literature and reading under Lenin und Stalin*, Toronto Buffalo London, University of Toronto Press, 2020.

CHILDREN'S LITERATURE OF THE "THAW": THE DEBATE ON SINCERITY

MARINA BALINA (USA)

This paper will examine discussions and critical articles appearing in the run-up to and during the Second Congress of Soviet Writers (1954) that first articulated the ideas that would underlie children's literature during the "Thaw." Lydia Chukovskaya's articles on sincerity and truthfulness in children's literature, published in *Literaturnaia gazeta* ahead of the congress, L. Panteleev's article on the role of the children's writer, and the discussions "Truth and Lies in Children's Literature," held in April 1954 at the Moscow branch of the Writers' Union, contributed to the formation of a new view on the role and tasks of children's literature in the post-Stalin period.

In 1954, Soviet children's literature was celebrating its twentieth anniversary (having been officially inaugurated at the First Congress of Soviet Writers in 1934), and, as was customary, stock was being taken. On the eve of the Second Congress, *Literaturnaia gazeta* ran a front-page feature on the successes of Soviet children's literature in creating a "new type of book for children." These were "companion books" (or "comrade books," книги-товарищи) that opened up the "real world" for young readers. Among the authors credited with creating this new type of book were Arkady Gaidar, who was killed in action during the Soviet-German War in 1941, and Boris Zhitkov, who died in 1938. Continuing their tradition, according to *Literaturnaia gazeta*, were such authors as Samuel Marshak, Kornei Chukovsky, Sergei Mikhalkov, Agniya Barto, Vitalii Bianki, M. Ilyin, and Lev Kassil. The list itself was noteworthy, as some of these authors had by this point either completely left—or, like Chukovsky, been removed from—children's literature, or had at least noticeably stepped back from it. Thus, after the destruction of the Leningrad Detgiz during Stalin's purges of 1937, Marshak had substantially reduced his involvement in the field of children's literature. A few years before the Second Congress, in 1950, at the XIII plenum of the Board of the Union of Soviet Writers, Konstantin Simonov delivered sharp criticism of Marshak, Barto, and Mikhalkov, accusing them of monopolizing children's literature and keeping younger colleagues from thematizing industrial and agricultural labor in their works. The inclusion of these previously disgraced writers in the list of "exemplary" children's authors on the eve of the congress, then, could only attest to the restoration of their status by this time. Nevertheless, the figure chosen for the role of "chief"

children's writer at the Second Congress of Soviet Writers, and its presenter on this topic, was an author who was, in fact, marginal to children's literature: Boris Polevoi, author of "The Story of a Real Man" (1946).

Emphasizing the Second Congress's clear continuity and connection with the First in 1934, children's and youth literature was discussed, just as twenty years prior, on the second day of the meeting. However, the tone of discussion had been set well before the congress began, in particular by Lydia Chukovskaya, who on December 24, 1953, touched off debate on current issues in children's literature with her article "On the Sense of Life's Truth" in *Literaturnaia gazeta*. The title itself took the conversation about children's literature beyond the interests of only children's writers, as it coincided with, and thematically echoed, Vladimir Pomerantsev's article "On Sincerity in Literature," published in the December issue of *Novyi mir*. Thus, the "Thaw" in children's literature began simultaneously with the adult "Thaw," but it had its own leaders. Like Pomerantsev, Chukovskaya protested the violation of life's truth in children's literature, insofar as children's books are "addressed to the sort of reader whom lies can corrupt more than any other," and called for children to be spoken to "courageously, directly, and simply about the most complex, and sometimes tragic phenomena of life."

None of the questions raised by Chukovskaya were taken up in Polevoi's report (the congress's second keynote, after the first-day salutations), which, moreover, revealed serious gaps in his knowledge of the material he was presenting. A complex, often contradictory dynamic emerged, with the keynoter and children's writers not only speaking about different tasks of literature, but the latter often directly disagreeing with the former's statements. Thus, it was precisely in the debates on Polevoi's presentation that important points were formulated, attesting to a change in general literary policy, beyond the bounds of children's literature as typically outlined.

This turning point in the development of children's literature was consolidated in discussions on Polevoi's report by such Second Congress participants as Lev Kassil, Samuel Marshak, and Agniya Barto—children's writers in open disagreement with the keynote. This polemic, which preceded the congress and continued during it, led to a serious reconsideration of the point of children's literature and the role of the children's writer in society, and contributed to the emergence of new themes in the work of writers writing for children. Polevoi's report sounded distinctly dissonant from the spirit of the moment; his call for the creation of a new

literature through which young citizens would learn to "subordinate their individualistic aspirations to the aspirations of society" scarcely matched the concept of "sincerity" that children's writers set for themselves during the 1954 discussions. Availing themselves of the congress podium, children's writers managed to return to discussions of their field that had been artificially—politically—interrupted. Sensing major changes in the country's political life after Stalin's death, they seized the opportunity to try to win back the lost freedom from pedagogical bureaucrats and party functionaries. This urge united writers of different generations and aesthetic platforms. Putting aside their differences, the children's writers present at the congress acted as a united front in defense of their common territory—of the newly won critical viewpoint on the world of childhood, and on children's literature and its tasks in a new turn of history.

The polemic that arose spontaneously as a result of disagreement with Polevoi's presentation led to these literary tasks being formulated anew in the speeches of children's writers. The attempt to renew children's literature extended to the subsequent meeting of the children's literature section of the Union of Soviet Writers on January 3, 1955, where the discussion centered on books on education. The brave renaissance did not last long, and ended with pro-government figures' denunciations of M. Bremener's story "Even If the Answer Doesn't Add Up" ("Pust' ne soshlos' s otvetom," 1956), which foregrounded the sort of questions children's writers were keen to raise ahead of, during, and immediately after the congress.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Chukovskaja, Lidija (1953). «O chuvstve zhiznennoj pravdy». Literaturnaja gazeta, 24 dekabrja.

Vtoroj vsesojuznyj s'ezd sovetskih pisatelej: ideologija istoricheskogo perehoda i transformacija sovetskoj literatury. 1954 god. Sost. K. A. Bogdanov, V. Ju. V'jugin. Sankt-Peterburg: Aletejja, 2018.

Majofis, Marija (2017). «Obshhestvo po bor'be s hanzhestvom: ob odnoj nezamechennoj tendencii v literature 1950-h godov». Moscow: NLO, 1 (143). 91–109.

Majofis, Marija., & Kukulin, Il'ja. (2016). «Detskaja literatura «ottepeli»: publikacionnye istorii, recepcija, reputacii». *Detskie chtenija*, 10 (2), 7–11.

Fateev, Andrej. (2007) Stalinizm i detskaja literatura v politike nomenklatury SSSR (1930-e — 1950-e gg.). Moscow: Maks-Press. 195–212.

WAR, REALISM AND THE MAGIC

LAURE THIBONNIER (FRANCE)

Our paper examines the acceptability of the magic (both fantastic and marvellous) in prose literary texts on the siege of Leningrad. As Polina Barskova and Tatiana Voronina have shown[1], this episode occupies a singular place in Soviet literature's treatment of the Second World War. The subhuman conditions of the siege were hardly conducive to the heroic narrative typical of socialist realism. However, this is exactly what happened in the texts about the siege written during the war: without totally concealing the hardships endured by the inhabitants of Leningrad, they presented them as obstacles erected by the enemy on the road to victory, and heroically overcome by the civilian population. In this way, the literary representation of the siege meets the standard of socialist realism described by Katerina Clark[2]. The didactic function conferred on children's literature reinforces this narrative convention.

We will therefore examine the place of the marvellous in the construction of socialist realism, before briefly describing the exclusively realist literary production for young people devoted to the siege from the war until the 1980s, and then focusing on two texts that use the marvellous and the fantastic to deal with this historical episode: "Then the War Began" by Aleksandr Krestinskij (1983) and *The Stolen City* by Ûliâ Âkovleva (2015). Our objective will be to identify the intra- and extra-textual causes that allow this irruption of the marvellous in the literary treatment of the siege of Leningrad.

1. Socialist realism and the marvellous

In 1934, the founding congress of the Union of Soviet Writers promulgated socialist realism as the "principal method of Soviet fictional literature and literary criticism". In a famous speech, Ždanov, who was responsible for ideology within the Central Committee of the Bolshevik Party, declared that literature must give priority to the reality represented "in its revolutionary development". Literature had to represent both objective reality and the ideal, future reality to which the establishment of socialism would lead. While socialist realism was not confined to tangible, material reality, it forced writers to respect the realist genre inherited

1 P. Barskova, T. Voronina, "Unspeakable Truths: Children of the Siege in Soviet Literature", in *A Companion to Soviet Children's Literature and Film*, ed. Olga Voronina (Leiden, Boston: Brill, 2020), 307-344.
2 K. Clark, *The Soviet Novel : History as Ritual* (Bloomington and Indianapolis : Indiana Press University, 2000).

from the 19th century. More intimate, lyrical forms, or art for art's sake, were excluded from official literature.

As for the marvellous, it was the subject of fierce criticism from the early years of the Soviet Union[3]. In 1919, in his book *New Tales for New Children. A Study for Parents and Educators*, Semën Poltavskij denied that folk tales had any educational value, as they were said to distract children from Soviet reality. Fairy and folk tales and, more broadly, the marvellous, particularly through 'anthropomorphism' (the personification of animals and objects), were suspected of hindering the development of rational thought and propagating a bourgeois view of the world, blind to class conflicts. By the end of 1928, the controversy was raging. Maršak and Čukovskij were strongly criticised by Nadežda Krupskaâ and the RAPP, and their position within the field of children's literature was weakened.

Only Gor´kij's intervention in this polemic keeps the threat of these future classics at bay. In his articles "On fairy tales" (1929), "He whose ears are full of cotton" (1930) and "On the irresponsibility of some and children's books today" (1930), Gor´kij partially rehabilitates the folk tale, insofar as it develops the imagination that is indispensable for thinking about reality "in its revolutionary development", because it provides writers with a language, time-tested aesthetic devices and, above all, heroes who can serve as models. Finally, according to Katerina Clark, the Socialist Realist novel adopted the structure of the folk tale.

The Soviet literature of the 1920s includes works that make use of the marvellous or the fantastic, such as Platonov's *Chevengur*, Bulgakov's *Heart of a Dog* and *The Fatal Eggs*, and even his later novel *The Master and Margarita*. Nevertheless, the publication history of these texts, which were belatedly returned to their readers, clearly shows that the fantastic and the marvellous were not destined to become part of the canon of socialist realism. On the contrary, the works proposed as models to follow respect the codes of realism, in the sense that they do not contain any fantastic elements that do not comply with the laws of physics: this is the case in Furmanov's *Chapayev*, Ostrovskij's *How the Steel Was Tempered*, Šolohov's *Virgin Soil Upturned* and Gladkov's *Cement*, among others. Logically, books about the 2nd World War leave no room for the marvellous, as shown by the realism of Kataev's *Son of the Regiment* or Fadeev's *The Young Guard*.

3 B. Hellman, *Fairy Tales and True Stories* (Leiden, Boston : Brill, 2013).

2. Prose on the siege of Leningrad

The first prose texts on the siege of Leningrad are basically no exception to this rule. Admittedly, the very situation of the encircled and starving inhabitants made it impossible to describe battle scenes and acts of bravery in combat. But the simple fact of surviving soon becomes a heroic act in itself. Nikolaj Tihonov wrote the first landmark collection for adults in 1942[4]. In the story "The Old Military Man", the eponymous protagonist, almost blind, too old to fight, too weak to feed himself, astonishes his neighbours, who expected his imminent death. One fine morning, they find him tinkering and singing in his room: the news of the Soviet victory over the enemy near Moscow had given him renewed strength.

As for children's literature, to quote Polina Barskova and Tatiana Voronina, it also offers "images of courageous young boys and girls who, like other heroes of pre-war and wartime children's literature, including the works of Gajdar, Panteleev, Voskresenskaja, Kataev and Kassil´, were not only able to overcome 'circumstances', but also acted heroically[5]". Thus Miša Alekseev, the protagonist of German Matveev's *Green Chains*[6] (1945), helps the police uncover a pro-Nazi plot. But, again according to Barskova and Voronina, child characters, with lower agency and political awareness, also play the role of innocent victims, justifying and underlining the heroism of the adult protagonists. In *Three Little Girls*[7] (1948), by Elena Verejskaâ, little Nataša writes a letter to her father at the front. After describing the harshness of everyday life, she ends her letter on an optimistic note:

> Yes, Daddy, the situation is very hard for us. But please do not think that we are giving in to despair. Absolutely not! I want you to know that we will put up with everything. We will put up with everything, because we know that you will not hand us over to those bloody Nazis. [...] Goodbye, Dad! See you after victory! I know my dad will come back a hero.

After the 'Leningrad Affair', the siege of Leningrad disappeared from Soviet literary production, only to return in the 1960s. On the one hand, with the Thaw, writers were able to paint a more nuanced psychological portrait of their characters, which had already been foreshadowed by the first texts of the 'lieutenants' prose'. Secondly, according to Tatiana Voronina, the memorialisation of the war now focuses on the figure of the victims, and the besieged city is seen as the sacrificial victim accepted by the Soviet population in order to

4 N. Tihonov, *Leningradskie rasskazy i stihi* (Taškent: Sovetskij pisatel´, 1942).
5 P. Barskova, T. Voronina, *op. cit.*, p. 311-312.
6 G. Matveev, *Zelënye cepočki* (Moskva: Detgiz, 1945).
7 E. Verejskaâ, *Tri devočki* (L.: Lenizdat, 1948).

achieve victory[8]. The figure of the child victim became more frequent, making it possible to tackle themes, such as hunger, that had hitherto been difficult to tackle in literature for adults, where the heroic canon of socialist realism had less ground to make up. Nevertheless, according to Barskova and Voronina, the older the child protagonist, the greater his or her degree of political awareness and heroism. Thus, in Tat´âna Cinberg's *The Seventh Symphony*[9] (1964), crude physical descriptions, bordering on the pathological, stand side by side with Katâ's heroic act. This 14-year-old girl takes in Mitâ, a little boy just under 3, abandoned by his mother fleeing the besieged city. Katâ rescues the child, takes care of him, finds work to feed herself and the child, takes charge of their home and his education, and finally finds love in the person of a soldier, who only the reader knows is Mitâ's father.

3. Aleksandr Krestinskij, "Then the war began..." (1983)

Krestinskij's short novel "Then the war began..." breaks with this realist tradition of representing the siege. Whereas in Verejskaâ and Cinberg's novels the moment of narration is simultaneous, with the extradigetic and heterodiegetic narrator recounting the events as they happen, here it is later. The autodiegetic narrator, an adult, recalls his childhood. The pronoun 'I' splits into two: the child the narrator once was speaks through him, and the adult he has become. This doubling of the pronoun 'I' is matched by a doubling of the plot. Describing his daily life during the siege, the narrator describes the cardboard miniature theatre that he and his friends put on. The reader follows the adventures of the Sailor, the Knight and the Little Girl in an imaginary world, as well as those of the narrator in the real world.

Krestinskij's metaphorical writing regularly shifts the narrative from the real to the imaginary:

> War was just around the corner. It had surrounded the city.
> A long, dry wind blew, hot as if it had escaped from a huge, roaring boiler. From time to time, it burned a substance that was both toxic and sweet, stinging the eyes. Sugar, bread and meat were being burnt, ignited by enemy bombs. [...]
> Endless detachments of infantrymen crossed the town. People could tell even before they saw them by the muffled pounding of their boots in the sand. They would emerge from their carriage entrance and, without a word, follow the soldiers with their gaze, their colour blending with that of the wind. Even the soldiers' eyes, when you could see them, were the colour of the sand.
> The soldiers marched in silence, and the inhabitants stood there in silence.
> The enemy was close.
> The wind was blowing.

8 T. Voronina, "Golod v sovetskoj kul´ture: smysl i značenie leningradskoj katastrofy v literature socrealizma", *Neprikosnovennyj zapas*, 127/5, 2019, p. 92-110.
9 T. Cinberg, *Sed´maâ simfoniâ* (L.: Detskaâ literatura, 1964).

> On the pavement, among the locals, were the Little Girl and the Knight. The Knight was gripping the hilt of his long sword tightly. The little girl said:
> – Are you going to war too? [...]
> The next day, the Chevalier left to join the militia.

The passage begins with a scene rooted in historical reality (the burning of the Badayev warehouses), where subjectivity is introduced from the outset by the abundance of physical sensations and allows the appearance of the metaphor spun around the wind. The latter paves the way for the sudden shift into the marvellous, with the personified cardboard figurines appearing in the midst of the inhabitants of Leningrad.

The fact that the narrative is told from a child's point of view allows for this intrusion of the marvellous, calling into question the heroic narrative and its referential and realistic framework to make way for a more lyrical narrative. It is no doubt not insignificant that the author himself experienced the siege as an adolescent (he was born in 1928 and was 13 at the start of the siege). Psychological research has shown that imagination, creativity and play help children to defend themselves against trauma (Winnicott, *Playing and Reality*), give them the courage to transform reality and make sense of what surrounds them, and help them to better understand the actions and feelings of others, with a view to integrating the trauma[10]. The child's view of the text makes it possible to express the anguish and horror, while respecting the individual psychic truth, as far as we can assume, and sparing the childish reader for whom the text is intended. The relaxation of the socialist realist canon on the eve of perestroika certainly also explains the publication of this text, which nevertheless ends with an indirect reference to victory.

4. Âkovleva, *The stolen city* (2015)

After perestroika, readers began to have access to texts written with no hope of publication, such as those by Lidiâ Ginzburg. However, children's literature remained more restrained in its treatment of the siege, no doubt to avoid offending readers. From the 2000s onwards, with a few rare exceptions (Nikol´skaâ, *Stay alive*[11]), it was the 'next generation', those who had not experienced the siege but had inherited the family memory, who took up the subject: the siege entered the era of postmemory (M. Hirsch). With her *Leningrad Tales*, Ûliâ Âkovleva intends to do "essential ethical work" consisting of "learning to talk about what happened in the Soviet Union in the 1930s, 40s and 50s". The *Tales* tell the story of a sibling separated

10 A. Henni-Juillard, A.-V. Mazoyer, « Expression de la mentalisation et de l'imaginaire chez l'enfant victime d'un trauma », *Enfances et psy*, 2014/2, p. 145-155.
11 L. Nikol´skaâ, *Dolžna ostat´sâ živoj* (L.: Duma, 2003).

when the parents were arrested during the Stalinist purges. The action of the second volume, *The Stolen City*, takes place in the besieged city. Buildings and objects come to life to punish the inhabitants, who are guilty of abusing them during the revolution and in the years that follow:

> The green building was watching. It was sniggering from all its balconies.
> – It looks like he's enjoying it, Tanâ mumbled in astonishment.
> Under their feet, the pavement wrinkled like a tablecloth under a cup, and Šurka disappeared. [...]
> – It's it, Tanâ murmured, her lips turning blue. It's the one who's doing something to us. [...] The city. It's wiping us out like cockroaches. On purpose. It wants us dead.

In this text also, the child's viewpoint allows the transition from reality to fantasy:

> From then on, everyone said: "It's the siege". This meant that the Germans had surrounded the town: you couldn't get in or out. Šurka imagined the siege sometimes as a cap that was too tight, squeaking on the ears and scratching the forehead, and sometimes as an infinite amount of snow covering the city and falling incessantly.

At the same time, Âkovleva borrows marvellous motifs from Karelian mythology (the children find themselves in the land of the dead, Tuonela, a metaphor for the city under siege) and from Hoffman (among the toys that suddenly come to life, the reader finds the toy soldiers and dolls from *The Nutcracker and the Mouse King*, one of whom is even called Clara, a nod to the doll of Marie, Hoffman's heroine). In this way, the siege moves away from testimony and personal experience and into cultural memory, borrowing new elements from it. Anyway, this fantastic and marvellous depiction of the Siege has been criticised[12], and the recent calls to create a patriotic children's literature based on the Soviet model suggest that the marvellous genre will remain marginal in the literary memory of the siege of Leningrad.

12 E. Lenkovskaâ, "Detskaâ knižnaâ polka", *Ural*, n°4, 2017, http://uraljournal.ru/work-2017-4-1759.

WRITING WAR CHILDHOOD: THE WALL NEWSPAPER OF A SCHOOL FOR EVACUEES 1942-1943

BIRGITTE BECK PRISTED (DENMARK)
Aarhus University

This paper examines a Soviet wartime child-made medium, the wall newspaper daily, *Vpered*, written by evacuee children at their boarding school in Kurtamysh, Southwest Siberia. I approach the children's wall newspaper as a form of spatial and social organization that shaped and regulated daily life but also enabled the evacuees to register the tensions of their uprooted upbringing and partly restore their childhood within the institutional frame of the school. The paper discusses the construction of the evacuee as child correspondent vis-à-vis the stylized image of the heroic war child. It argues that the children's repetitive entries did not simply serve as an inferior imitation of the adult press but had other communicative functions that partly compensated for the failing connection to the outside, disordered world of war and their absent parents.

BIBLIOGRAPHY (SELECTED)

Baron, Nick. *Displaced Children in Russia and Eastern Europe, 1915-1953: Ideologies, Identities, Experiences*. Leiden: Brill, 2017.

Bonwetsch, Bernd, Kuhr-Korolev, Corinna and Doronin, Andrei (eds.). *Kinder des Krieges / Deti voiny: Materialien zum Workshop in Voronezh 11.-13. März 2008*, Bulletin No. 3, Deutsches Historisches Institut Moskau, 2009.

deGraffenried, Julie K. *Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War.* Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2014.

NARRATING CHILDHOOD IN A SINGLE PARENT HOUSEHOLD: SOVIET LITERATURE AND FILM OF THE 1960S IN SEARCH OF NEW SOCIAL ORDER

MARIA MAYOFIS (USA)
Amherst College

My presentation will focus on how Soviet literature and cinema of the early 1960s mastered the theme of a child's life in a "broken home." In the prehistory of such a family, there could be a divorce of the parents or a complicated and conflicting relationship. Although the 1960s filmography was based mainly on literary works that dealt with "war childhood" (fathers killed in WWII), the screen versions took place many years after the war, thus "fatherlessness" could in no way be attributed to the destructive power of the war.

I intend to identify the artistic means by which this new world of "fatherless childhood" is created when wartime circumstances could no longer disguise the absence of the father figure. Films such as "Seryozha" (1960), "Home" (1960) by Alexander Abramov, and "Airplane Leaves at Nine" by Yuri Lysenko (1960) became artistic models through which Soviet children from incomplete families endowed their lives with social and ethical meaning.

BIBLIOGRAPHY

Nakachi, Mie. *Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union.* Oxford: Oxford University Press, 2021.

Women in the Khrushchev Era. Melanie Ilic, Susan E. Reid, and Lynne Attwood, eds. Springer, Palgrave Macmillan, 2004.

Kolchevska, Natasha. "Angels in the Home and at Work: Russian Women in the Khrushchev Years." Women's Studies Quarterly, vol.33, No. 3-4. *Gender and Culture in the 1950s* (Fall–Winter, 2005. 114-137.

Oukaderova, Lida. *The Cinema of the Soviet Thaw: Space, Materiality, Movement*. Bloomington: Indiana University Press, 2017,

Wall, Josephine. *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw*. London: I.B. Tauris, 2000.

Прохоров, Александр. *Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «Оттепели».* Санкт-Петербург: Академический проект; ДНК, 2007.

MYTHOLOGIZING CHILDHOOD IN TRANSNATIONAL SPACE: CONTEMPORARY POLISH PROSE BY PAULINA STRUZIK

DOROTA MICHUŁKA (POLAND)
University of Wrocław

Social and political change in Poland after 1989 (first and foremost, the liberation from censorship) has greatly influenced the culture of remembrance, allowing authors to address the themes previously considered as unacceptable. With this newly acquired freedom, Polish literature saw the return of the myth as a literary device applied mainly to the narratives of childhood as the "image of human fate." Narrating childhood started to be looked at as an attempt to settle accounts with the past (consider e.g. political transformation in Poland in 90. XX century, movement of migration) and to rebuild one's own identity. All these controversies are reflected in the work of Paulina Struzik *Strupki* (Kraków 2019), story, which is rooted in the countryside. The narrative of the novel referring to socio-cultural contexts, family studies, is retrospective, presents dialog of three generations (use convention of *micro stories*), notions of migration, displacement and transnationality (transnational space). In my presentation, I intend to investigate how the childhood recollection of life in a province assisted Struzik in creating image of personal identity of characters and how author of the book presents her own mythology of the Polish past.

BIBLIOGRAPHY

Czapliński, Przemysław, Makarska, Renata & Tomczok, Marta (eds.). *Poetyka migracji. Doświadczanie granic w literaturze polskiej przełomu XX i XXI wieku*. Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2013.

Danilewicz, Wioletta. *Rodzina ponad granicami. Transnarodowe doświadczenia wspólnoty rodzinnej*. Białystok: Trans Humana, 2010.

Domańska, Ewa, *Mikrohistorie: spotkania w międzyświatach.* Poznań: UAM, 2005.

Erll, Astrid, „Travelling memory". *Parallax (Transcultural Memory).* 17 (4) (2011), 4-18.

Szóstak, Anna, *Między mitem a rzeczywistością. Topos dzieciństwa w prozie polskiej po 1989 roku*, Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski , 2012.

CHILDHOOD IN CONTEMPORARY UKRAINIAN PICTUREBOOKS: TELLING STORIES THROUGH TEXT AND IMAGE

MATEUSZ ŚWIETLICKI (POLAND)
University of Wrocław

Children's literature has become one of Ukraine's most outstanding cultural export products. For example, works by Art Studio Agrafka, consisting of Romana Romanyshyn and Andrij Lesiv, have received numerous awards, including the 2014 Opera Prima Award Mention for *Stars and Poppy Seeds*, the 2015 New Horizons Mention for *How War Changed Rondo*, and the 2018 Bologna Ragazzi Award for *Loudly, Softly, in a Whisper* and *I See That*. Due to their visual and textual complexity combined with universal appeal, Agrafka's picturebooks have been translated into several languages, including English, German, Spanish, Chinese, Korean, Portuguese, and Polish, and published even in places where Ukrainian literature is rarely distributed. Thus, considering the critical acclaim Ukrainian children's books receive, it is not surprising that more and more mainstream authors want to crossover by writing for younger readers. Two years after the successful novel *Felix Austria* (2014), Sofiia Andrukhovych collaborated with illustrator Mariana Prokhasko on her first book for children, *Constellation Hen* (*Сузір'я курки*), a picturebook marketed for children age 6+. In this presentation, I argue that *Constellation Hen* is a noteworthy example of a picturebook that challenges the stereotypical depictions of childhood and old age (Joosen, 2018). Moreover, by portraying intergenerational solidarity it can lead to beyond-textual understanding between various generations of readers. Because in picturebooks "both the visual and the verbal aspects are both essential for full communication" (Nikolajeva and Scott, 2001: 226), in my examination of the interactions between the depictions of adulthood, childhood, and intergenerational solidarity in *Constellation Hen*, I focus on the interplay of the textual and visual components of the book.

BIBLIOGRAPHY (SELECTED)

Andruchovych, Sofija, Mariana Prokhasko. 2016. *Suzir'ja Kurky*. Lviv: Vydavnytstvo Staroho Leva.

Arizpe, Evelyn, and Morag Styles. 2003. *Children Reading Pictures: Interpreting Visual Texts*. New York-London: Routledge.

Beauvais, Clémentine. 2015. *The Mighty Child: Time and Power in Children's Literature*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Beckett, Sandra L. 2014. *Revisioning Red Riding Hood around the World: An Anthology of International Retellings*. Detroit: Wayne State University Press.

Deszcz-Tryhubczak, Justyna, Irena Barbara Kalla. 2021. „Play, Children's Literature, and Intergenerational Connectivity" U: *Children's Literature and Intergenerational Relationships Encounters of the Playful Kind*. ed. by Justyna Deszcz-Tryhubczak, Irena Barbara Kalla. London: Palgrave Macmillan, pp. 1-15.

Deszcz-Tryhubczak, Justyna, Zoe Jaques. 2021. “Introduction”. In: *Intergenerational Solidarity in Children’s Literature and Film*. ed. by Justyna Deszcz-Tryhubczak and Zoe Jaques. Jackson: University Press of Mississippi, pp. xi-xxviii.
Joosen, Vanessa. 2018. *Adulthood in Children’s Literature*. London: Bloomsbury.

Kachak, Tetiana. 2018. *Тенденції розвитку української прози для дітей та юнацтва початку XXI ст*. Akademvydav: Kyiv.
Narančić Kovač, Smiljana. 2021. “Intergenerational Encounters in Contemporary Picturebooks” In: *Children’s Literature and Intergenerational Relationships Encounters of the Playful Kind*. ed. by Justyna Deszcz-Tryhubczak, Irena Barbara Kalla. London: Palgrave Macmillan, pp. 63-92.
Nikolajeva, Maria and Carole Scott. 2001. *How Picture Books Work*. New York: Routledge.

BLOC 2.10.
MODALITÉS DE L'ÉCHANGE COSMOPOLITE : TRADUCTION ET LITTÉRATURE MONDIALE DANS LES MONDES SLAVES ET ÉMIGRÉS AU COURS DU LONG XXE SIECLE / MODALITIES OF COSMOPOLITAN EXCHANGE: TRANSLATION AND WORLD LITERATURE IN THE SLAVIC AND EMIGRE WORLDS DURING THE LONG 20TH CENTURY

Organisateur : CASSIO DE OLIVEIRA

Cassio de Oliveira Mark Twain and His Writings in the Soviet Interwar Imagination 1

Susanna Witt At the Intersection of World and Soviet Literature: The Case of Aleksandr Deich 4

Julie Hansen Translingual Writing as Cosmopolitan Practice 6

Bruno Gomide A Translator's Kaleidoscope: Boris Schnaiderman in A World Perspective 9

Zakhar Ishov Joseph Brodsky, Zbigniew Herbert, and Constantine Cavafy: The Contagion of Classicism 12

MARK TWAIN AND HIS WRITINGS IN THE SOVIET INTERWAR IMAGINATION

CASSIO DE OLIVEIRA (USA)
Portland State University

This paper investigates the Soviet interwar canonization of Mark Twain (1835–1910) as a progressive anti-imperialist author. Although Twain was critical of certain aspects of American life such as US imperialism, he was far from a socialist sympathizer. Yet the novels *Tom Sawyer* and *Huckleberry Finn* cemented his canonical status as a critical realist alongside such writers as Dickens and Balzac. Among American authors, Twain was second only to Jack London in total print runs from the Revolution through Stalin's death in 1953. Even as other American writers such as Ernest Hemingway and J. D. Salinger acquired widespread renown during the Thaw, Twain continued to be reissued, including in two sets of his collected works; no fewer than three films about Twain's life and his novels were released in the 1970s and 1980s. In Soviet periodicals, the long dead Twain became a spokesperson against American-style racism and imperialism. Soviet journalists reciprocated by meeting everyday Americans protesting the Vietnam War in Twain's hometown of Hannibal, Missouri, and, in the 1980s, by condemning the renewed attacks on *The Adventures of Huckleberry Finn* (1884) due to its racist lexicon.

While the *fact* of Twain's popularity is well known, the *means* through which it was achieved are less so. Given that Twain was already a household figure in the prerevolutionary period, his Soviet reputation is often taken for granted. As I will demonstrate, however, Twain's Soviet canonization is essentially the product of the interwar period, when the two major Soviet world literature projects of those years—the Vsemirnaia literatura publishing house and the journal *Internatsional'naia literatura*—burnished his credentials as a critical realist author, a keen observer of American-style capitalism and imperialism, but also a foremost representative of American literature and the American spirit. The Soviet appropriation of Twain should thus be interpreted as one of the crowning achievements of the Soviet Union's progressive world literature project in the interwar period.

The pre-history of Twain's Soviet reception begins with Maxim Gorky's disastrous visit to New York with his common-law wife in 1906: this was a fundraising trip organized with the help of a committee that boasted Twain as a ceremonial figurehead, but Twain soon distanced himself from it as news broke of the nature of Gorky's relationship with his traveling companion. Given Gorky's stature in the Russian and later Soviet literary establishment, one would expect that this episode would have spoiled the Soviet evaluation of

Twain. Yet these events instead informed the dominant reading of Twain in the Soviet era as a tragic figure tormented by his mounting debt as a result of failed investments and enterprises, and oppressed by the prevailing social mores. Twain, in other words, was a victim of American society twice over: he was victimized by its ruthless capitalism, and by its puritanism and hypocrisy. The fact that this unfortunate episode was connected with the doyen of Soviet literature further legitimized Twain's bona fide status as a friend of the Soviets.

As early as 1919, amidst a widespread paper shortage and with the war-torn Soviet publishing industry a shambles, *The Adventures of Tom Sawyer* (1876) was reissued with a landmark preface by Kornei Chukovsky. In the 1920s, Twain's novels were published by Gorky's Vsemirnaia literatura (World Literature Publishing House). Not just a humanistic project, Vsemirnaia literatura—and the very notion of world literature articulated in the Soviet Union—was imbricated in the Soviet self-conception as the vanguard of communism and, by extension, of all humankind. It thus set the stage for Moscow's effort to establish itself as a leftist, and specifically non-Western, counterweight to cultural centers such as Paris and New York. Soviet articulations of world literature may seem far removed from Twain, who was neither openly leftist nor belonged to an oppressed minority, but they help to understand how Twain came to play such a prominent role in *Internatsional'naia literatura*, the Soviet Union's premier world literature journal of the interwar period and Vsemirnaia literatura's intellectual heir.

In late 1941, already in the atmosphere of Soviet-American antifascist cooperation, *Internatsional'naia literatura* published a set of writings by Twain from Bernard DeVoto's *Mark Twain in Eruption*. The excerpts paint a comprehensive picture of his life, including childhood reminiscences, publishing enterprises, writing methods, relationships with other writers, and public lectures. Aleksandr Abramov's introduction presents a Twain who lost out his battle against bourgeois society, never becoming a "radical," in part because of the notorious influence of his wife and his industrialist in-laws. Abramov repeats the by then well-known truisms about the tragic Twain, quoting from Upton Sinclair that Twain, as time went by, "felt himself ever more dispirited." Abramov blends the two extremes of Twain-the-humorist and Twain-the-social-critic that had come to characterize the Soviet interpretation of that author: to Abramov, the humor of *Mark Twain in Eruption* shows "notes of disdain and hatred towards the milieu that had swallowed him up, a denunciatory sarcasm, bitter irreverence towards himself and the surrounding world." Here, finally, the Soviets arrived at a formulation that allowed them to bridge the yawning gap between Twain as (frustrated) social

critic and his reputation as humorist and children's writer. Not just a world literature author, Twain became a critical realist.

Twain's appropriation in the Soviet Union was not a deal foretold; rather, it relied on the legitimation of his life and works from within the Soviet world literature framework, starting with Chukovsky's and Gorky's interventions and leading to the articles on and publications by Twain in *Internatsional'naia literatura*. The culmination of this process was the application of the label of critical realist to Twain's oeuvre. This all served a specific purpose: it allowed the Soviets to claim Twain, a foundational American writer, as one of their own, endowed with the requisite mindset to see through the sham of American democracy, society, and economic system, although, unfortunately, devoid of the wherewithal to carry out any change. In their canonization of Twain, interwar Soviet *Kulturträger* set the stage for his transformation, in postwar writings, into the first of a long lineage of self-critical Americans and friends of the USSR.

BIBLIOGRAPHY

Brown, Deming. *Soviet Attitudes Toward American Writing*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962.

Bruks, Van Uik. "Iumor Marka Tvena." *Internatsional'naia literatura*, no. 6 (1936): 143–52.

Chukovskii, Kornei. "Mark Tven. Prikliuchenie Toma." In *Sobranie sochinenii v piatnadtsati tomakh*, 3:516–8. Moscow: TERRA--Knizhnyi klub, 2001.

"Godovshchina rozhdeniia Marka Tvena." *Internatsional'naia literatura*, no. 12 (1935): 140.

Khotimsky, Maria. "World Literature, Soviet Style: A Forgotten Episode in the History of the Idea." *Ab Imperio*, 2013, no. 3, pp. 119–54.

Landor, M. B. "Tven (Twain), Mark." In *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia*, 7:423–9. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1972.

Nemerovskaia, E. "Tven Mark." In *Literaturnaia entsiklopediia*, 11:209–13. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1939.

Startsev, A. "Amerika i Staryi svet. O sotsial'nom kharaktere amerikanskoi literatury XIX veka." *Internatsional'naia literatura*, no. 8 (1938): 180–202.

Tihanov, Galin, Anne Lounsbery, and Rossen Djagalov, editors. *World Literature in the Soviet Union.* Boston: Academic Studies Press, 2023.

Tven, Mark. "Iz 'Zapisnykh knizhek.'" Translated by A. Startsev. *Internatsional'naia literatura*, no. 7–8 (1939): 205–16.

———. "Mark Tven govorit." Translated by N. Daruzes. *Internatsional'naia literatura*, no. 11–12 (1941): 239–79.

"Tven (Twain), Mark." In *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia*, 53:701–2. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1946.

Witt, Susanna. "Socialist Realism in Translation: The Theory of a Practice." *Baltic Worlds*, vol. IX, no. 4, 2016, pp. 52–8.

AT THE INTERSECTION OF WORLD AND SOVIET LITERATURE: THE CASE OF ALEKSANDR DEICH

SUSANNA WITT (SWEDEN)
Stockholms universitet

Following Anthony Pym's call for a "humanizing of translation history" (Pym 2009), there has been a steadily growing interest in "the translatorial subject." A solid manifestation of such an interest, drawing on Andrew Chesterman's (2009) charting what that would imply, the volume *Literary Translator Studies,* edited by Vienna scholars Klaus Kaindl, Waltraud Kolb and Daniela Schlager (2021), "sets out to firmly position the literary translator as a subject of research in the theoretical and conceptual landscape of Translator Studies" (23). In the same vein, an international series of projects devoted to the creation of web-based Translators' Dictionaries have seen the light of day over the last decades, building a material basis for such research, starting with the Swedish Translators' Dictionary in 2009 (https://litteraturbanken.se/%C3%B6vers%C3%A4ttarlexikon/) and followed by Danish (http://danskoversaetterleksikon.dk), German (http://www.uelex.de), Norwegian (https://www.oversetterleksikon.no/), and Dutch (https://www.vertalerslexicon.nl/) on-line dictionaries with a Polish one on its way.

Although a scholarly interest in translators as cultural agents has been manifest for a long time in Russia as well, there is, to my knowledge, as yet no Russian such lexicon. The internet project *Vek perevoda* http://www.vekperevoda.com/1887/deitch.htm, run by Evgenii Vitkovskii from 2003 to his death in 2020 and featuring a large amount of Russian poetry translations as well as information on authors and translators may be regarded an equivalent of sorts to such a lexicon, but its biographical material is sparse and its purpose different.

What can biographical optics contribute to our understanding of literary translation in the Russian context? This paper explores the topic with a focus on the Soviet period and the case of Aleksandr Iosifovich Deich/Oleksandr Iosypovych Deich (1893–1972) – a translator, writer, scholar, editor, literary critic, pedagogue and a networker *par excellence*, who managed to survive Stalinism apparently without compromising himself ("Редко кому в советские годы удавалось оставить после себя такую добрую память, как оставил о себе Дейч." [http://www.vekperevoda.com/1887/deitch.htm]). Deich to a high degree displayed the typical traits that, according to Pym (2009), distinguish translators: "multidiscursive involvement", "complex cultural allegiances" and "physical mobility." The trajectory of his career proceeded through several contexts which could be designated as "intercultures" in

Pym's sense, referring to "beliefs and practices found in intersections or overlaps of cultures, where people combine something of two or more cultures at once" (Pym 1998, 175) while they also "depend on cross-cultural transfers for some measure of their livelihood." (Pym 2002).

Born and raised in multicultural Kiev/Kyiv, Deich acquired a double Russian-Ukrainian identity and a deep affinity with Ukrainian culture before moving to Moscow in the mid-1920s and making himself a name as a journalist (Berlin correspondent for the magazines *Ogonek* and *Prozhektor*), translator, editor, literary scholar and critic. In these capacities Deich was involved in both of the grand translation projects of the time – the creation of a Soviet (Russophone) canon of "world literature" and a (Russophone) canon of literature of "the peoples of the USSR."

The "intercultures" to be examined in the paper are the following contexts in which Deich found himself during various periods in his life: 1) Departments of translated literature at publishing houses, first and foremost GIKhL; 2) The translators' section within the Union of Soviet Writers; 3) The Tashkent evacuation during WWII; 4) The UNESCO through Deich's acquaintance with French writer Roger Caillois, an important agent of world literature at the time. Focusing on the dynamics between "world" and "Soviet" literature in these "intercultures," the paper traces Deich's strategies while navigating the intersection.

BIBLIOGRAPHY

Chesterman, Andrew, 2009, "The Name and Nature of Translator Studies." *Hermes – Journal of Language and Communication Studies* no. 42, 13–22.

Clark, Katerina, 2011, *Moscow, The Forth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*, Cambridge, Mass. London, England: Harvard UP.

Deich, Aleksandr, 1969, *Den´ nyneshnii i den´ minuvshii*, Moscow: Sovetskii pisatel´.

Deich, Aleksandr, 1953, Lesia Ukraïnka: kritiko-biograficheskii ocherk, Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Deich, Evgeniia (ed.), 2009, *Mezhdu serdtsem i vremenem*, Kiev: Feniks.

Kaindl, Klaus, Waltraud Kolb and Daniela Schlager (eds.), 2021, *Literary Translator Studies* [Benjamins Translation Library 156], Amsterdam: John Benjamins.

Ozerov, Lev, 2009, "Den´ dolog, den´ kratok," in: Deich, E. (ed.), 2009, *Mezhdu serdtsem i vremenem*, Kiev: Feniks,168–175.

Pym, Anthony, 2009, "Humanizing Translation History," *Hermes – Journal of Language and Communication Studies* no. 42, 23–48.

Pym, Anthony, 2002, "Intercultures and the Interface with National Culture," https://usuaris.tinet.cat/apym/on-line/intercultures/intnation.pdf

Pym, Anthony, 1998, *Method in Translation History*, Manchester: St Jerome.

Witt, Susanna, 2019, "The Translator as Trickster: Mark Tarlovskii and Southern Subjectivity," in: *Words, Bodies, Memory. A Festschrift in honor of Irina Sandomirskaja* (Södertörn Philosophical Studies 23), Huddinge: Södertörn UP, 191–209.

Ukraïnka, Lesia, 1963, *Lirika*, perevod s ukrainskogo, sostavlenie, predislovie i primechaniia Aleksandra Deicha, Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

TRANSLINGUAL WRITING AS COSMOPOLITAN PRACTICE

JULIE HANSEN (SWEDEN)
Uppsala universitet

Literary translation is a big part of what makes books circulate in the world (Damrosch 2003). It carries words, ideas, literary forms and stories across linguistic and national borders by packaging them for new audiences in new contexts. Russian literature—which is the focus of this paper—was a relative latecomer to world literature, achieving its European breakthrough first in the 1880s, when translations of Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky and Chekhov appeared in English, French and German, soon followed by translations (some of which were indirect) into several other European languages.

Although a precondition for international circulation, translation is not the only factor that determines if and when a literary work enters other literary systems. We can note, for instance, the extent to which European literary critics paved the way for Russian literature in the West. The former French diplomat Eugène-Melchior de Vogüé introduced Pushkin, Gogol, Turgenev, Dostoevsky and Tolstoy to French readers in his collection of essays *Le roman russe* (1886). He was also pursuing his own agenda by contrasting Russian realism with French naturalism, which he felt lacked the spiritual and moral dimensions he found in the former and wished to see more of in France. His book was quickly translated into English and German and contributed to the canonization of Russian literature in the West.

In Great Britain, the popularity of these newly translated works gave rise to what has been called a "Russian craze," which lasted from approximately 1910 to 1925 (May 1994, 31). In the eyes of many Western readers, Russian literature acquired a cosmopolitan allure. This is reflected in Virginia Woolf's enthusiastic essay "The Russian Point of View," first published in 1919 in the *Times Literary Supplement* and later included in her collection *The Common Reader* (1925). Woolf praises Russian works for their depiction of human psychology, describing Dostoevsky's novels as

> seething whirlpools, gyrating sandstorms, waterspouts which hiss and boil and suck us in. They are composed purely and wholly of the stuff of the soul. Against our wills we are drawn in, whirled round, blinded, suffocated, and at the same time filled with a giddy rapture. (Woolf 1948, 226)

As the twentieth century progressed, more Russian works entered the Western canon and inspired writers, thinkers and activists around the world. Dissident writers were seen as moral voices who bravely defied authoritarian regimes. During the Cold War, translators,

such as the Russian exile Maria Olsufeva in Italy, played a pivotal role in bringing Russian works to readers on the other of the Iron Curtain.

The prestige of Russian literature in the West remained strong into the twenty-first century, as evidenced by books such as the American writer George Saunders' *A Swim in a Pond in the Rain: In Which Four Russians Give a Master Class on Writing, Reading, and Life* (2021) and Richard Cohen's *How to Write Like Tolstoy: A Journey into the Minds of Our Greatest Writers* (2016), which hold up works of Russian literature as masterpieces to be emulated.

The image of Russian literature in the West has arguably declined, however, after the Russian Federation's fullscale invasion of Ukraine in 2022. In an essay published in *Times Literary Supplement* that Spring, Oksana Zabuzhko places blame for the invasion on the very same authors Woolf had praised. "[I]t was Russian literature that wove the camouflage net for Russian tanks," writes Zabuzhko, arguing that "Russian literature managed to seduce the West" (Zabuzhko 2022). I take these contrasting views of Russian literature, expressed by Woolf and Zabuzhko nearly a century apart in the same newspaper, as a starting point for a consideration of the future of Russian literature as world literature.

Contemporary scholars of literature and translation, such as Emily Apter, Pascale Casanova, David Damrosch, Lawrence Venuti and Rebecca Walkowitz, have all conceived of translation as a cosmopolitan practice. But as translation theorist Naoki Sakai has observed, translation is also an ambivalent practice that can serve different aims, noble as well as nefarious (Sakai 2018, 61). The recently published volume *Translating Russian Literature in the Global Context*, edited by Muireann Maguire and Cathy McAteer, offers an encyclopedic array of case studies that prove this point. Sometimes works in Russian have been brought into new contexts on the initiative of individual translators, literary critics and writers, such as Olsufeva, de Vogüé, Woolf, and sometimes translation has been used as an instrument of cultural diplomacy or colonialism, organized and financed by the Russian state.

In the current situation, we should not be surprised if the number of new literary translations from Russian decreases. The cosmopolitan aura that attracted Western readers a century ago is, for the foreseeable future at least, irrecoverable in the wake of the war, and the idea of spiritual or moral depth in the light of crimes against humanity. The difficulty of promoting Russian literature today is succinctly signaled by the word "still" placed in parentheses in the title of Angela Brintlinger's insightful book *Why We (Still) Need Russian Literature: Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov and Others* (2024).

Yet there is another way for literature and the ideas it contains to travel, and this is literary translingualism, to use the term coined by Steven G. Kellman (2000) for when authors write literature in a non-native language. Literary translingualism is closely related to translation and can also obviate the need for a translator; Walkowitz coined the term 'preemptive translation' for this (2015, 11). The reasons authors give for language-switching vary, but common among them is migration. As Adrian Wanner (2011) has shown, the collapse of the Soviet Union gave rise to a new wave of Russian émigrés who left their countries of origin and debuted as writers in other languages. This trend has continued throughout the post-Soviet decades, becoming an exodus in 2022.

The final section of this paper considers literary translingualism in relation to twenty-first-century cosmopolitan ideals. I offer a brief survey of concepts of cosmopolitanism developed by scholars such as literary scholar Amanda Anderson, philosopher Kwame Anthony Appiah, sociologist Ulrich Beck and political scientist David Held. Within this theoretical framework, I discuss examples of contemporary Russian writers in exile who address non-russophone readers by writing in other languages. I argue that, through their writing they are practicing cosmopolitanism in ways that have the potential to keep Russian literature relevant to Western readers in the future.

BIBLIOGRAPHY

Anderson, Amanda. 2001. *The Powers of Distance: Cosmopolitanism and the Cultivation of Detachment*. Princeton University Press.

Appiah, Kwame Anthony. 2006. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. W. W. Norton.

Beck, Ulrich. 2006. *The Cosmopolitan Vision*. Translated by Ciaran Cronin. Polity.

Brintlinger, Angela. 2024. *Why We (Still) Need Russian Literature: Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov and Others*. Bloomsbury Academic.

Held, David. 2010. *Cosmopolitanism: Ideals and Realities*. Polity.

Damrosch, David. 2003. *What Is World Literature?* Princeton University Press.

Kellman, Steven G. 2000. *The Translingual Imagination*. University of Nebraska Press.

Maguire, Muireann, and Cathy McAteer, eds. 2024. *Translating Russian Literature in the Global Context*. Open Book Publishers.

May, Rachel. 1994. *The Translator in the Text: On Reading Russian Literature in English*. Northwestern University Press.

Sakai, Naoki. 2018. "The Modern Regime of Translation and Its Politics. In *A History of Modern Translation Knowledge: Sources, Concepts, Effects*, edited by Lieven D'hulst and Yves Gambier. John Benjamins.

Walkowitz, Rebecca L. 2015. *Born Translated: The Contemporary Novel in an Age of World Literature*. Columbia University Press.

Wanner, Adrian. 2011. *Out of Russia: Fictions of a New Translingual Diaspora*. Northwestern University Press.

Woolf, Virginia. 1948 [1925]. "The Russian Point of View." In *The Common Reader*. Hogarth Press.

Zabuzhko, Oksana. 2022. "No Guilty People in the World? Reading Russian Literature after the Bucha Massacre." Translated by Uilleam Blacker. *Times Literary Supplement*, April 22.

A TRANSLATOR'S KALEIDOSCOPE: BORIS SCHNAIDERMAN IN A WORLD PERSPECTIVE

BRUNO GOMIDE (BRAZIL)
Universidade de São Paulo

This paper will discuss the meanings and scope of Boris Schnaiderman's (1917-2016) integration in networks of criticism and translation (Robel, Ripellino, Ginzburg, Haroldo de Campos, Pereleshin, among others), with a focus on his work from the 1960s and 1970s.

Boris Schnaiderman was the founder of the Russian program at the University of São Paulo and the leading translator of Russian literature in Brazil. Schnaiderman, who died recently at the age of 99, was a celebrated intellectual in Brazil, but is still mostly unknown in the field of international Slavic studies. Born in Ukraine in May 1917, he emigrated to Brazil in 1925, served in the Brazilian Expeditionary Force in World War II, and began his literary career in the 1940s by translating under a pseudonym. At the end of the 1950s, he started writing a column ("Russian Literature") in the newspaper *O Estado de São Paulo*, which ran until 1971. It was the first and only initiative of its kind in a major Brazilian newspaper. In addition to discussing nineteenth-century Russian writers, he introduced readers to Soviet writers who were unknown in Brazil, such as Olesha, Kataev and Babel. Schnaiderman wrote hundreds of articles in the field of cultural journalism. His nearly forty translations of literary works by Russian and Soviet writers not only made him the leading Brazilian translator in this area, but also helped improve the quality of Brazilian translations. In 1960, he created and became the main professor of the Russian Literature program at the University of São Paulo. As such, he was also expansively involved in the graduate program, serving as an advisor on several dissertations and theses. He introduced, translated and commented on Leonid Grossman, Mikhail Bakhtin, Roman Jakobson, Yuri Lotman, Viktor Shklovsky and Vyacheslav Ivanov.

The aim of this paper is to comment on aspects of Boris Schnaiderman's activity as a translator, in order to understand his relationship with the history of translation in Brazil and with the international panorama of Russian studies. Schnaiderman's theoretical and practical activity will be considered in relation to other theorists and practitioners of translation in Brazil, such as Paulo Rónai and the brothers Haroldo and Augusto de Campos; it will also be articulated with classic European texts on translation theory (such as those by Walter Benjamin and Ortega y Gasset) and with the Soviet "school" of translation (Nikolai Liubimov and other authors with whom Schnaiderman was in constant dialogue). Finally, I will

comment on Schnaiderman's work as a translator in the international panorama of translation of Russian literature, with a view to possible parallels with key names in the translation of Russian texts. These include Léon Robel and Benjamin Goriély (France), Rafael Cansinos Asséns (Spain), Benjamin Abramson and Lila Guerrero (Argentina) and, above all, the pioneers of Russian literature translation in Italy, with whom Boris Schnaiderman had great affinities: Leone Ginzburg, Renato Poggioli, Angelo Maria Ripellino and Ettore Lo Gatto. Ginzburg (1909-1944; co-founder of the Einaudi publishing house, antifascist militant, father of the historian Carlo and married to the writer Natalia) will be the object of special attention, as he shared with Boris Schnaiderman his origins in Odesa.

As is well known, this urban space produced a form of cultural cosmopolitanism based on the hybridization of the multiple languages (Russian, Ukrainian, French, Italian, Polish, Greek, Yiddish and Hebrew) that made it up. The mixture of cultures in Odesa has already been described in "kaleidoscopic" terms (Richardson, *Kaleidoscopic Odessa*, 2008), or as a city "text," in the famous formulation by Lotman and Toporov, originally applied to Petersburg. Kataev, Ilf and Petrov, Bagritsky and the "primus inter pares" Isaak Babel were writers launched into Soviet culture by Odesa. Initially grouped by Shklovski under the rubric of "the south-western school," they are today studied as representatives of a special strain of Russophone modernism (Stanton, *Isaac Babel and the self-invention of Odessan modernism*, 2012). The mythology of Odesa underwent metamorphoses, both in the USSR and in emigration. Schnaiderman adapted this mythology in his unfinished autobiography, in his literary criticism, and in his translation of short stories by Babel ("Gedali" and "Guy de Maupassant") and of Olesha's *Envy*.

I will also highlight the dispute between Schnaiderman and Valery Pereleshin (1913-1992). Although Pereleshin left an opulent archive, currently divided between the Netherlands and Russia, he has been the subject of relatively little research in the main centers of Slavic studies in the Global North. In Brazil, where he lived for four decades, he is almost unknown, an (apparently) extreme case of marginalization and isolation. His poetic and translation activity encompasses four languages (Russian, Mandarin, English, and Portuguese) and a migratory transit between St. Petersburg, Kharbin and Rio de Janeiro. Pereleshin will be examined from three angles: his agonizing relationship with the Brazilian literary milieu; his attempts to join a network of translators and scholars in exile in the United States (Iuri Ivask, Gleb Struve and Victor Terras, among others); his silent but aggressive competition with other translators of Russian poetry in Brazil in the 1960s and 1970s, especially with Boris Schnaiderman. *Poesia russa moderna* (Modern Russian Poetry) (1968), written by

Schnaiderman in partnership with Haroldo and Augusto de Campos, was the bone of contention, perceived by Pereleshin as an example of "futurism" alien to the most representative strands of Russian poetry.

BIBLIOGRAPHY

BAKICH, Olga. *Valerii Pereleshin: the life of a silkworm*. Toronto, U. of Toronto Press, 2015.

BOTTMANN, Denise. "Georges Selzoff: uma crônica". *Tradução em revista*, n. 14, 2013/1.

BYTSENKO, Anastassia. *Imigração da Rússia para o Brasil no início do século XX: visões do paraíso e do inferno*. Dissertação, USP, 2006.

COSTA, Walter Carlos. "Surpreendente Tchekov (Belinky e Schnaiderman)". *Fragmentos* (UFSC), Florianópolis, n. 2, jul/dez. 1986.

FAUZETDINOVA, Adel. *Translation As Cultural Contraband: Translating and Writing Russian Literature in Argentina, or How "Bad" Translations Made "Good" Literature*. Boston University, PhD Dissertation, 2017.

GOMIDE, Bruno B. *Dostoiévski na Rua do Ouvidor: a literatura russa e o Estado Novo*. São Paulo, Edusp, 2018.

_____. "Pormenores violentos: Boris Schnaiderman crítico". *Literatura e sociedade (Homenagem a Boris Schnaiderman)*, v. 23, n. 26, 2016.

GUERINI, Andrea, COSTA, Walter Carlos e HOMEM DE MELLO, Simone (orgs). *Haroldo de Campos, tradutor e traduzido*. São Paulo, Perspectiva, 2019.

LIVAK, Leonid. *How it was done in Paris: Russian émigré literature and French modernism*. Madison, The University of Wisconsin Press, 2003.

ODNOPOZOVA, Dina. *Russian-Argentine literary exchanges*. Yale, PhD dissertation, 2012.

POPA, Ioana. *Traduire sous contraintes : littérature et communisme (1947-1989)*. Paris, CNRS, 2010.

RUBINS, Maria (ed). *Redefining Russian literary diaspora, 1920-2020*. Londres, UCL, 2021.

RUSEISHVILI, Svetlana. *Ser russo em São Paulo: os imigrantes russos e a (re)formulação de identidade após a Revolução Bolchevique de 1917*. Tese, USP, 2017.

SCHLÖGEL, Karl. *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 – 1941*. Munique, 1994.

SCHNAIDERMAN, Bóris. *A poética de Maiakóvski*. São Paulo, Perspectiva, 1970.

_____. *Projeções: Rússia/Brasil/Itália*. São Paulo, Perspectiva, 1978.

_____. *Leão Tolstói: antiarte e rebeldia*. São Paulo, Brasiliense, 1983.

_____. *Dostoiévski prosa poesia*. São Paulo, Perspectiva, 1982.

____. *Guerra em surdina*. São Paulo, Cosac&Naify, 2004 (4a ed./1a ed. 1964).

_____. *Tradução, ato desmedido*. São Paulo, Perspectiva, 2011.

_____. *Caderno italiano*. São Paulo, Perspectiva, 2015.

_____ and Jerusa Pires Ferreira. *Guennádi Aigui: silêncio e clamor*. São Paulo, Perspectiva, 2010.

SPIRY, Zsuzsanna Filomena. *Paulo Rónai: um brasileiro* made in Hungary. São Paulo, mestrado em Estudos Linguísticos e Literários em Inglês, USP, 2009.

STEMBERGER, Martina. "Voyage littéraire autour d´un 'continent imaginaire': Russie – Argentine, aller et retour". *La Revue Russe*, 46, 2016.

TIHANOV, Galin. "Why Did Modern Literary Theory Originate in Central and Eastern Europe? (And Why Is It Now Dead?)." *Common Knowledge*, Vol. 10, No. 1, 2004.

_____. *The birth and death of literary theory: regimes of relevance in Russia and beyond*. Stanford, Stanford UP, 2019.

JOSEPH BRODSKY, ZBIGNIEW HERBERT, AND CONSTANTINE CAVAFY: THE CONTAGION OF CLASSICISM

ZAKHAR ISHOV (SUÈDE)

During his labor confinement in the far North, Joseph Brodsky formulated his poetic credo as "normal classicism" (see To a Certain Poetess, 1965). This paper explores the significance of this artistic belief in the Soviet context after Stalin, where the state had an absolute and exclusive monopoly on setting norms for all manifestations of public and even private life, including art. It posits that Brodsky's interpretation of classicism was diametrically opposed to the aesthetics of Socialist Classicism.

While Stalin's socialism, as with Italian and German fascisms, had used the label to convey solidity to the monolithic stasis of its utopian political projects, Brodsky saw classicism as a common matrix of "world culture" – the concept passed on to him by his poetic predecessor and model Osip Mandelstam. For Mandelstam antiquity was a symbol of culture's universality and continuity. The paper then proceeds to show that the poets of Brodsky's generation suffered the effects of "cultural disinheritance" – a feeling of being isolated from the repositories of Western culture, a burden also shared by the artists from the Soviet Bloc. To overcome this cultural disinheritance Brodsky and his counterparts taught themselves Polish, as after 1956, censorship restrictions in Poland became significantly less rigid than in Russia.

I will conduct comparative close readings of poems by Brodsky and by the Polish poet Zbigniew Herbert (1924–1998), which use themes and tropes from classical antiquity, discovering similarities in their use of classical themes and imagery, including a shared use of Aesopian language and irony. The paper argues that Brodsky's critical notion of the Soviet Empire was the result of the Polish influence on him – i.e., that of Zbigniew Herbert, since for Poland, "empire" stands for Russia and always means oppression. Herbert on his turn had been influenced by Constantine Cavafy.

The paper then looks at the different, but overlapping ways of how Cavafy's antiquity was absorbed by two different Eastern European poets. The paper concludes that ancient mythology assisted both Herbert and Brodsky to interpret and survive the overwhelming present through more distant and universal patterns. In both cases, a classical mask allowed the poet to expose oppression, thus creating new spheres of imagination and freedom.

BIBLIOGRAPHY

Anders, Jaroslaw. 'Time Must Have a Stop', *Los Angeles Times*, 8 August, 1999, p. 8.

Applebaum, Anne. *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956*, New York: Doubleday, 2012.

Arendt, Hannah. *The Origins of Totalitarianism*, Harcourt, Brace, New York, 1951.

Billington, James H. *Russia in Search of Itself* (Washington, DC: Woodrow Wilson Center, 2004).

Bolton, Jonathan. *Worlds of dissent: Charter 77, the Plastic People of the Universe, and Czech culture under communism*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 2012.

Boobbyer, Philip. 'Vladimir Bukovskii and Soviet Communism', *The Slavonic and East European Review* 87, no. 3, July 2009, pp. 452-487.

Brodskii, Iosif. *Konets prekrasnoi epokhi*, Ann Arbor: Ardis, 1977.

Brodskii, Iosif. *Ostanovka v pustyne,* New York: Chekhov Publishing Co., Columbia University, 1970.

Brodsky, Joseph. 'The Poetry of Zbigniew Herbert', *Wilson Quarterly*, Winter 1993, pp. 112-117.

Brodsky, Joseph. "Questions and Answers after Brodsky's Reading, 21 February 1978, *The Iowa Review*, 9 (Winter 1979), pp. 4-9. Quoted from *Joseph Brodsky: Conversations*, ed. Cynthia L. Haven, Jackson: University Press of Mississippi, 2002, pp. 48-54.

Brodsky, Joseph. *Joseph Brodsky: Selected Poems*, George L. Kline, trans.; foreword by W. H. Auden, Penguin Books, London, 1973.

Brodsky, Joseph. *Less Than One*, Penguin Books, London, 1986.

Brodsky, Joseph. *Marbles: A play in three acts.* Translated by Alan Myers with the author, NewYork: The Noonday Press, 1989.

Brodsky, Joseph. *On Grief and Reason*: *Essays*, New York: Farrar, Straus and Giroux, 1996.

Efimov, Igor′. "Solzhenitsyn chitaet Brodskogo," in *Mir Iosifa Brodskogo. Putevoditel'*, Zvezda, St Petersburg, 2003, pp. 399-409.

Frankl, Viktor E. *Man's search for meaning*, New York: Washington Square Press, 1985.

Grudzinska Gross, Irena. *Czesław Miłosz and Joseph Brodsky: Fellowship of Poets*, New Haven, CT: Yale University Press, 2009.

Grudzińska-Gross, Irena. 'Kwestia smaku, kwestia imperium,' in *Honor, horror i klasycy*: eseje, Sejny: Fundacja "Pogranicze", 2012, pp. 142-160.

Grudzinska-Gross, Irena. 'Pod vlianiyem?: I. Brodsky i Pol'sha', Perevod s angl. S. Zenkevicha, *Staroe literaturnoe obozrenie*, 2 (278), 2001, pp. 1-9.

Harrington, Alexandra. '"Golden-Mouthed Anna of All the Russias": Canon, Canonisation, and Cult' in Katharine Hodgson, Joanne Shelton, and Alexandra Smith, eds, *Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon*, Open Book, Cambridge, 2017.

Havel, Václav. 'The Power of the Powerless', translated from Czech by Paul Wilson, *East European Politics and Societies and Cultures*, Volume 32, Number 2, May 2018, pp. 353–408.

Herbert, Zbigniew. *Poezje wybrane/ Selected poems*; translated by John and Bogdana Carpenter, Czesław Miłosz, Peter Dale Scott; selected by Tomasz Kunz; afterword by John and Bogdana Carpenter, Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000.

Herbert, Zbigniew. *Selected Poems*, Translated by Czesław Miłosz and Peter Dale Scott, with an Introduction by A. Alvarez, London: Penguin Books, 1968.

Herbert, Zbigniew. *Studium przedmiotu*, Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie 1997.

Hinsey, Ellen and Venclova, Tomas. *Magnetic North*: *Conversations with Tomas Venclova*, University of Rochester Press, Rochester, 2017.

Ignatieff, Michael. *Isaiah Berlin: A Life*, Metropolitan Books, New York, 1998.

Ishov, Zakhar. "Chapter One: The Leningrad Literary Scene of the 1950s and 1960s," in *Brodsky in English*, (Evanston, IL, Northwestern University Press, 2023), 17-30.

Ishov, Zakhar. *Brodsky in English*, Northwestern University Press, Evanston, Illinois, 2023.

Jankowski, Tomek. *Eastern Europe!: Everything You need to Know about the History (and More) of a Region that Shaped Our World and Still Does*, Williamstown, Massachusetts: New Europe Books, 2013.

Kapuściński, Ryszard. *Imperium*, translated from the Polish by Klara Glowczewska, London: Granta Books in association with Penguin Books, 1994.
Kizeval'ter, Georgii. *Vremia nadezhd, vremia illiuzii: Problemy istorii sovetskogo neofitsial'nogo iskusstva. 1950–1960 gody*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 2018.
Komaromi, Ann. *Uncensored*, Northwestern University Press, Evanston, Illinois, 2015.
Kovaleva, Irina. "Antichnost' v poetike Iosifa Brodskogo', in *Mir Iosifa Brodskogo. Putevoditel'*, Zvezda, St Petersburg, 2003, pp. 170-206;
Loseff, Lev. *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature*, Jane Bobko, trans., *Arbeiten und Texte zur Slavistik*, vol. 31, Wolfgang Kasack, ed., Verlag Otto Sanger, Munich, 1984.
Magyar, Bálint and Madlovics, Bálint. *The Anatomy of Post-Communist Regimes: A Conceptual Framework*, Budapest–New York: Central European University Press, 2020.
Malia, Martin. "Nazism and Communism," in *The National Interest*, No. 69 (Fall 2002), pp. 63-78.
Mandelstam, Nadezhda. *Hope Abandoned: a memoir*, Penguin, London, 1974.
Miłosz, Czesław (ed.). *Postwar Polish poetry*: An Anthology, Selected and edited by Czesław Miłosz, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, [1965] 1983.
Miłosz, Czesław and Scott, Peter Dale. 'Translators' Note," in Zbigniew Herbert, *Selected Poems*, Translated by Czesław Miłosz and Peter Dale Scott, with an Introduction by A. Alvarez, London: Penguin Books, 1968, pp. 16-18.
Miłosz, Czesław. 'A Struggle Against Suffocation', a review of *A Part of Speech*, by Joseph Brodsky, *New York Review of Books* 27, no. 13, 14 August, 1980, pp. 23-25.
Miłosz, Czeslaw. 'Foreword', in: Joseph Brodsky, *Leningrad: Fragments*, Mikhail Lemkhin, ed., Farrar, Straus & Giroux, New York, 1998, pp. 9-10.
Miłosz, Czesław. "Russia," in *Native Realm*: *A Search for Self-Definition*, Translated from the Polish by Catherine S. Leach, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1981, pp. 128-147.
Miłosz, Czesław. "World War II, First Twenty Years of People's Poland: Zbigniew Herbert (1924–)," in *The History of Polish Literature*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983, pp. 470-475.
Miłosz, Czesław. *The Captive Mind*, New York: Vintage Books, 1981.
Moranjak-Bamburac, Nirman. 'Iosif Brodskij i akmeism', *Russian Literature* 40, 1996, pp. 59-60.
Nivat, Georges. 'An Ironic Journey into Antiquity', in *Brodsky's Poetics and Aethetics*, Lev Loseff and Valentina Polukhina, eds, Macmillan, Houndmills, 1990, pp. 89-97.
Paperno, Irina. *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams*, Cornell University Press, Ithaca, New York, 2009.
Picchio, Riccardo. *Slavia Orthodoxa: literatura i iazyk*. N.N. Zapol'skaja, V.V. Kalugin, eds, Znak, Moscow, 2003.
Plokhy, Serhii. *The Gates of Europe: A History of Ukraine*, Basic Books, New York, 2015.
Schahadat, Schamma. *Iskusstvo zhizni: zhizn' kak predmet esteticheskogo otnosheniia v russkoi kul'ture XVI-XX vekov*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie 2017.
Shallcross, Bożena. *Through the Poet's Eye: The Travels of Zagajewski, Herbert, and Brodsky*, Northwestern University Press, Evanston, Illinois, 2002.
Smith, Gerald S. 'Russian poetry since 1945', in *The Routledge Companion to Russian Literature,* Neil Cornwell, ed., Routledge, London and New York, 2001, pp. 197-208.
Superfin, Gabriel. 'Podvergat' vse somneniiu', in Kizeval'ter, pp. 142-148.
Turoma, Sanna. *Brodsky Abroad: Empire, Tourism, Nostalgia*, Madison: University of Wisconsin Press, Madison, 2010.
Ventslova, Tomas. 'O poslednikh trekh mesiatsakh Brodskogo v Sovetskom Soiuze', in *Iosif Brodskii i Litva*, Ramunas Katilius, ed., Zvezda, St Petersburg, 2015, pp. 324-349.
Ventslova, Tomas. *Sobesedniki na piru. Literaturovedcheskie raboty*, Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, 2012.
Wachtel, Andrew Baruch and Vinitsky, Ilya. *Russian Literature*, Polity Press, Cambridge, 2009.
Wat, Aleksander. *My Century*, W.W. Norton & Company, New York and London, 1988.

BLOC 2.12

NOUVELLES PERSPECTIVES SUR LE SAMIZDAT/TAMIZDAT / NEW PERSPECTIVES ON SAMIZDAT/TAMIZDAT

Organisatrice : VALENTINA PARISI

Valentina Parisi A very exotic «Floua». The many anomalies of Evgenii Kharitonov 1

Susan Ikonen Vladimir Dudintsev and his second novel, within and outside the Soviet literary process 4

Yasha Klots Deterritorializing Russian Literature: Tamizdat as a Literary Practice and Political Institution 8

Ilaria Sicari The Making of a Transnational Publishing Practice: Marija Olsuf'eva and the Italian Tamizdat 12

Josephine von Zitzewitz Samizdat networks and the role of female typists 19

A VERY EXOTIC «FLOUA».
THE MANY ANOMALIES OF EVGENII KHARITONOV

VALENTINA PARISI (ITALY)
Università di Macerata

My paper will address the case of Evgenii Kharitonov as one of the most striking examples of "unpublishable" Soviet writers. It is no coincidence that Kharitonov himself (Novosibirsk 1941-Moscow 1981) reflected on this condition in an essay, *Nepechatnye pisateli*, written in 1981 and included in the miscellanea *Pod domashnim arestom*. Critics have usually interpreted the extra-Gutenberg quality of Kharitonov's textual production as the result of the anti-normative character of his literary oeuvre. As a fact, Kharitonov has never succeeded in seeing his works printed abroad. The only publication of his that can be related to *tamizdat* are two poems that appeared in late 1981 in the almanac "Neue russische Literatur" in Salzburg. Being the author of ground-breakingly explicit homoerotic texts written in the 1970s, when identified homosexuals in the Ussr risked up to a five-years term of imprisonment (according to the 121 article of Penal Law), Kharitonov could not fit in with any of the narratives which during the late Soviet era constituted themselves as an alternative to the mainstream. In other terms, he did not come along either with the dissident movement, or with the apolitical milieu of the underground (Mogutin 1993: 12), which looked at him with suspicious (Konakov 2022: 16).

In other terms, Kharitonov's radical outsiderness resulted in a "double underground" (*dnojnyj anderground*) existence, as his German translator Gabriele Leupold put in (Volchek 2011). And this is indicative of the homophobic views widespread in those years even in the underground community. Dmitrii Aleksandrovich Prigov, who was befriended with Kharitonov, wrote after his sudden death: "Somehow he was always trying to transfer his manuscripts to the West. But the thing is that at that time the main 'transmitters 'could be people […] for whom the very subject of Kharitonov's works was beyond not only literature but also morality. Literary homosexuality was nonsense to them" (Prigov 1993: 90, translation mine).

In the opinion of several creative people, who were well acquainted with Kharitonov, such as Vasilii Aksionov, Evgenii Popov and Ludmila Petrushevskaia, sexual diversity could not constitute a basis for constructing one's own identity and one's own narrative or lyrical voice. For homosexual desire still belonged to the lower sphere of *ne-literaturnost'*, that is it was relegated to those subjects which one could not write about. In other terms homosexuality was not only a taboo, but also a nonexistent literary topic.

In an article written in 1986, Dmitrii Volchek distinguished between works previously considered "unpublishable" because of their political content, or because they were

"excessively" avant-garde or experimental, and texts usually defined as "pornographic," because of their supposedly immoral content or inclination to "non-statutory lexicon". According the editor of “Mitin zhurnal”, Kharitonov’s texts belonged to the second group, along with novels and tales by Vladimir Sorokin and Viktor Erofeev. While Volchek did not exclude that the official press would release works belonging to the first group, he considered highly unlikely that texts from the second one could have soon be printed. And he predicted that despite the relaxation of censorship *samizdat* would have continued existing as a safe shelter for works labelled as "contrary to common morality” such as Kharitonov’s writings (Volchek 1986).

Consequently, we might suppose that the only option for Kharitonov to reach readers would have been *samizdat*. However, it seems that professional typists were squeamish about Kharitonov’s explicit descriptions of gay life and refused to copy his manuscripts (Moss 2020: 104) . As a consequence, as Kharitonov at the beginning of the 1980s collected his texts under the title *Pod domashnim arestom* in order to transmit them to the West, had to type himself a number of copies. On the other hand, as he was still alive, *samizdat* periodicals published just a few of his texts, namely the early tale *Dukhovka* (Chasy, № 20, 1979) and *Mechty i zvuki* (Chasy, № 29, 1981). Publications became more frequent only in the second half of the 1980s, thanks to Volchek and to his “Mitin zhurnal”.

For all these reasons, I think that we must reverse the statement from which we started: Kharitonov was not confined to *samizdat* because of his thematic; on the contrary, the construction of the homosexual subject could only take place in the framework of self-publishing, that is in the domestic context of manuscript/ typewritten literature. As a fact, typographical publication is at odds with Kharitonov’s logic. In his opinion, constructing the “deviant”, marginal homosexual hero meant breaking with a series of established “rules”, i.e. with the traditional versification technique, as well with adult speech and orthography. Consequently, even when he dreamed of having his texts published in *tamizdat*, he could conceive only a reprint of his own authorial typescript. In transmitting the typescript of *Under house arrest* to Vasilii Aksionov in the United States, he wrote in the accompanying letter: “Hello, dear Vasily Pavlovich, I have collected the book and would like to offer it to someone in this form. I can only imagine a reprint. No typesetter will reproduce exactly all the distortions, cross-outs, omissions, misprints, but will only add his own. And I am sure that handwriting, typewriting is the image of such a book and such a kind of writing. Then much is obvious (literally) in its intonation, in its content” (Kharitonov 2005: 498, translation mine).

It is noteworthy that Kharitonov had come to this conclusion much earlier: in the poem Они мне дом, они мне деньги (dated early 1970s) we find some metaliterary reflections on the same subject formulated in terms that are surprisingly similar to those used with Aksionov: "Кагда эта васпраизвидут всё патеряица почерк ни видна будит миня нада видить факсимиле" (Kharitonov 2005: 56, translation mine) .

This suspiciousness toward typography and typesetters reminds me of the concerns of another great "inmate" of Soviet Russian literature, that is Varlam Shalamov. Of course, in Kharitonov's case imprisonment was rather a metaphor ("house arrest") that a real condition; however, thanks to Leona Toker, we know that in the 1970s the author of the *Kolyma Tales* was afraid about the possibility that Western publishers could edit his texts and correct the many stylistic anomalies he intentionally included in them. Similarly to the former political prisoner Shalamov, the criminalized homosexual Kharitonov feared that his misspellings, if occurring in a correct sentence, could be perceived by editors as mere typos and normalized.

On the basis of Kharitonov's collection of texts *Under House Arrest* – which as a book came out posthumously in 1993 – I will sketch out some of the many anomalies, which made the writer a very exotic «floua» (цвэтоκ, as he defined himself, misspelling the Russian word "flower") even in the non-normative, transgressive context of Moscow underground. In particular, I will address issues related to the handwritten and typed quality of his texts by analyzing them in the conceptual framework of writings on the typescript (Martin Heidegger, Jacques Derrida) and media studies (Friedrich Kittler, Don Ihde).

Kharitonov, Evgenii. *Pod domashnim arestom.* Moskva: Glagol', 2005.

Konakov, Alexei. *Evgenii Kharitonov: Poetika podpol'ja*. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2022.

Mogutin, Yaroslav. «Katorzhnik na nive bukvy», in Kharitonov, Evgenii. *Slëzy na cvetach: Sochinenija. V 2-ch kn. Kn. 1 Teksty, Kommentarii.* Moskva: Zhurn. "Glagol", 1993, pp. 5-18.

Moss, Kevin. «Camp Kharitonov and Russian Gay Identity», in *Go East! LGBTQ+ Literature in Eastern Europe,* ed. by Andrej Zavrl, Alojzija Zupan Sosič, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani, 2020, pp. 101-111.

Prigov, Dmitrii Aleksandrovich. «Kak mne predstavljaetsja Kharitonov», in Kharitonov, Evgenii. *Slëzy na cvetach: Sochinenija. V 2-ch kn. Kn. 2 Dopolnenija I prilozhenija.* Moskva: Zhurn. "Glagol", 1993, pp. 87-92.

Volchek, Dmitrii (Lindon Dmitriev). "Skol'ko ostalos' zhit' samizdatu?", *Mitin zhurnal,* 9/10, 1986.

Volchek, Dmitrii. "V dvojnom podpol'e", *Radio Svoboda*, 8 June 2011, https://www.svoboda.org/a/24229432.html

VLADIMIR DUDINTSEV AND HIS SECOND NOVEL, WITHIN AND OUTSIDE THE SOVIET LITERARY PROCESS

SUSAN IKONEN (FINLAND)

Vladimir Dudintsev (1918-1998) published two socially influential novels, “Not by Bread Alone” in 1956 and “White Robes” in 1987. The first caused a scandal, the second received the State Prize in literature in 1988. In the strictest sense of the word, Dudintsev was a *gosizdat* author; however, his career, works and their reception almost always vacillated between *gosizdat*, *samizdat* and *tamizdat*.

In this paper I offer a reading of Dudintsev’s publications and publishing strategies that underlines the shifting boundaries between the forms of late Soviet dissemination of texts. By discussing the background of Dudintsev’s strategy when securing the publication of “White Robes”, I suggest an extension of the temporal and conceptual limits of *samizdat*/*tamizdat* back to the late 1950s and early 1960s and to the spheres of science and scholarship.

I will first discuss how Dudintsev used methods of *samizdat* to ensure the publication of his second novel in the mid-1980s. I suggest that he intentionally operated between *gosizdat* and *samizdat* practices, however, he did not always know what was at stake when it came to the workings of Glavlit. When the manuscript started circulating, and when he had both official and unofficial reviews for the text, this eventually led to finding the “right people” who would publish the novel.

I will then propose that Dudintsev got the idea of using *samizdat* methods from his good friend Zhores Medvedev, a well-known biologist and later dissident. In 1961, Medvedev started writing an article on the situation in Soviet biological science, and he used both a non-institutional peer review process, then an ordinary *gosizdat* procedure. However, the editors in journals shared the manuscript with colleagues, who copied the text with eventually thousands of copies circulating all over the USSR. According to Barbara Martin (2024), “never before had a nonliterary work circulated so broadly in *samizdat*”. The following years witnessed several attempts to publish the manuscript via *gosizdat*, during which time the manuscript had crossed the iron curtain by 1965. Medvedev had hoped to publish his book in the USSR, however, when this turned out to be impossible, he decided to publish it in English in 1969, when his brother Roy Medvedev’s book “Let History Judge” (with same kind of *samizdat* background) was likewise published in the West.

This history, I argue, is relevant for understanding Dudintsev’s actions in the early 1980s. He practically had the Zhores Medvedev case re-enacted all over again. Behind all this

was the tremendous impact the events of 1956-1957 had on Dudintsev's personal and professional development. These events surrounding the publication of his first novel also testify to the very early workings of both *samizdat* and *tamizdat*.

Dudintsev's first novel, "Not by Bread Alone" was published as a *gosizdat* product; however, it produced the first-ever *samizdat* text to circulate in the Soviet Union. In late October 1956, the Central House of Writers in Moscow was packed to the full to discuss Dudintsev's novel, and during this event senior writer Konstantin Paustovski made a remarkable speech to condemn the Soviet nomenclatura elite. Several people wrote down the speech, copied it and passed it forward; furthermore, parts of the speech were published in Moscow students' and writers' local newspapers. According to contemporaries and later scholars alike, the Paustovski speech was the first document of *samizdat*, even though, as Olga Rozenblium (2018) has aptly noted, in the autumn of 1956 *samizdat* did not call itself as such and existed more as a supplement to newspaper publications instead of an intentionally created alternative to official texts. This was an interim period when new modes and practices were being born.

The post-20th Party Congress USSR also had a new kind of problem with a *gosizdat* product turning into a major best-selling *tamizdat*. Even though the concept of *tamizdat* is rightfully reserved only for Soviet texts *not* published in the USSR (see e.g. Klots 2023), the case of Western publications of "Not by Bread Alone" includes some key attributes that were later to define *tamizdat* proper.

These three common denominators are as follows. First, the Soviet officials wouldn't have wanted a socially critical novel becoming a "weapon of the reactionary bourgeoisie" in the aftermath of the Hungarian uprising, and they tried to contain the damage the best they could (also involving the author in this process). Second, with *tamizdat* proper, the authors hardly gained any royalties for their work. This applied fully to Dudintsev, who was not aware that his book was the most famous translated Soviet literary work of the decade (Jones 2013). It was only much later that the author got to know about his international success, and it took a lot of effort for him to get even some compensation for his international best-selling novel (including Zhores Medvedev helping him out in this process). Third, even though the novel was published as *gosizdat* in the USSR, it was re-published in Russian by the Munich-based emigrant publishing house ZOPE (Tsentral'nyi Ob''edineniia Politicheskikh Emigrantov iz SSSR) and by the US emigrant newspaper *Novoe russkoe slovo*. Once again, the years 1956-57 were a period when the Soviet official cultural institutions were in search of a modus operandi and when the concept of *tamizdat* had not yet been conceived.

Even though Dudintsev's novel was not a *tamizdat* product, the elements overlapping this *gosizdat* case and later *tamizdat* ones show how the lines between official and unofficial/underground cultural products were blurred right from the beginning of the post-Stalin years.

The overall case of Dudintsev (with the extension to how his friend Zhores Medvedev operated the *gosizdat*/*samizdat*/*tamizdat* system) can, perhaps, serve as an indication of the interfaces between the official and unofficial processes of late Soviet circulation and dissemination of texts within all spheres of intellectual activity. Not only were the official/unofficial boundaries blurred but also the practices of peer review processes (be it scientific or ordinary use of *gosizdat* inner reviewer system) could turn into acts of *samizdat*.

The Dudintsev case of 1956-57 testifies how the Soviet cultural and political leadership did not know how to deal with internal dissent and external interest when they first arose; the case of Zhores Medvedev shows how the Soviet official reluctance to publish controversial material turned *gosizdat*-intended texts into *samizdat* and *tamizdat* ones; and finally, the way with which Dudintsev operated somewhere between these processes – just before the *perestroika* kicked in – affirms the lasting legacies of methods that were formed at the turn of the 1950-60s. Dudintsev used his own and his friend's experience, and he was almost fully conscious of what he could gain by letting his manuscript "flow freely".

BIBLIOGRAPHY

Afiani et al. (eds.) *Apparat TsK KPSS i kul'tura. 1953-1957. Dokumenty*. Rosspen. M., 2001.

Blium, A. V. (ed.) *Tsenzura v Sovetskom Soyuze 1917-1991. Dokumenty.* Rosspen, M. 2004.

Dudintsev, Vladimir. *Mezhdu dvumia romanami. Povest'*. "Neva". SPb, 2000.

Ikonen, Susan. "Kak literaturnoe obsuzhdenie stalo politicheskim: opyt sobytii 1956-go goda". *Istoriia stalinizma: Debaty. Kul'tura i vlast' v SSSR v 1920–1950-e gg.* Rosspen. M., 2017. 516-528.

Jones, Polly. "The Thaw Goes International: Soviet Literature in Translation and Transit in the 1960s". *The Socialist Sixties: Crossing Borders in the Second World.* Edited by Anne E. Gorsuch and Diane P. Koenker. Indiana UP. 2013. 81-97.

Klots, Yasha. *Tamizdat. Contraband Russian Literature in the Cold War Era*. Northern Illinois UP, an imprint of Cornell UP. Ithaca, New York, 2023.

Komaromi, Ann. *Soviet samizdat. Imagining a New Society*. Cornell UP. Ithaca, New York, 2022.

Martin, Barbara. *Dissident Histories in the Soviet Union. From De-Stalinization to Perestroika.* Bloomsbury Academic. London and New York, 2019.

Martin, Barbara. *Roy and Zhores Medvedev: Loyal Dissent in the Soviet Union*. Academic Studies Press. 2022.

Nathans, Benjamin. *To the Success of Our Hopeless Cause. The Many Lives of the Soviet Dissident Movement*. Princeton University Press. 2024.

Orlova, Raisa & Kopelev, Lev. *My zhili v Moskve: 1956–1980*. "Kniga". M. 1990.

Rozenblium, Ol'ga. "Sozdat' 'publitsistiku v nastoiashchem smysle slova' (1956): zapis' obsuzhdeniia romana V. Dudintseva kak gazetnyi otchet i dokument samizdata". *Acta Samizdatica/Al'manakh. Vyp. 4.* Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaia biblioteka Rossii – Mezhdunarodnyi Memorial. M., 2018. 91-139.

Smith, Kathleen E. *Moscow 1956. The Silenced Spring*. Harvard UP. Cambridge, Massachusetts, 2017.

Volodina, Elena. *Romany Vladimira Dudintseva: tipologiia i evoliutsiia zhanra*. (Uralski gosudarstvennyi pedagogicheski universitet. Ekaterinburg, 1998) // *Vestnik TOGIRRO* (Tiumenskii oblastnoi gosudarstvennoi institut razvitiia regional'nogo obrazovaniia) № 4 (22), 2012.

von Zitzewitz, Josephine. *The Culture of Samizdat. Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union*. Bloomsbury Academic, 2021.

Archives consulted: RGALI (Moscow), GARF (Moscow)

DETERRITORIALIZING RUSSIAN LITERATURE: TAMIZDAT AS A LITERARY PRACTICE AND POLITICAL INSTITUTION

YASHA KLOTS (USA)

In the early 1920s, observing the life of the Russian literary diaspora in Berlin and pondering whether he should go back or stay in exile, the renowned formalist critic Viktor Shklovsky lamented: "Poor Russian emigration! It has no heartbeat. … Our batteries were charged in Russia; here we keep going around in circles and soon we will grind to a halt. The lead battery plates will turn into nothing but sheer weight."[1] This book revisits Shklovsky's apprehension by situating it in another historical context: it explores the patterns of circulation, first publications and reception of contraband manuscripts from the Soviet Union abroad in the 1950-1980s, covering the period from Khrushchev's Thaw to the Stagnation era under Brezhnev. Since Shklovsky's sojourn in Berlin, texts produced in Russia but denied publication at home had indeed continued to modulate the "heartbeat" of the Russian literary diaspora. Yet in the post-Stalin years, they also served as a weapon on the cultural fronts of the Cold War, laying bare the geographical, stylistic and ideological rift between two seemingly disparate yet inextricably intertwined fields of Russian literature at home and abroad, a fracture that resulted from the political upheavals of the first half of the twentieth century. Tracing the outbound itineraries of individual manuscripts across Soviet state borders, as well as their "repatriation" back home in a printed form, this book is devoted to the history of literary exchanges between publishers, critics and readers in the West with writers in Russia, whose clandestine texts bring the dynamics of these intricate relationships into focus. It is a cultural history of the "irregular heartbeat" of Russian literature on opposite sides of the Iron Curtain, dissynchronized as it were for political reasons and diagnosed on the basis of aesthetic and socio-cultural symptoms caused by the dispersal of texts across different geographies and time zones.

A derivative of *samizdat* (self-publishing) and *gosizdat* (state publishing), tamizdat refers to publishing "over there," i.e., abroad. Comprising manuscripts rejected, censored or never submitted for publication at home, but smuggled through various channels out of the country and printed elsewhere with or without their authors' knowledge or consent, tamizdat contributed to the formation of the twentieth-century Russian literary canon: suffice it

[1] Viktor Shklovsky, *Zoo, or Letters Not about Love*, trans. Richard Sheldon (Champaign, IL: Dalkey Archives, 2012), 95. The original word for "plates" (*listy*) has a meaning that, in a typical Shklovsky fashion, translates the metaphor into the literary context: "pages" (e.g., of a book or a manuscript).

to say that the majority of contemporary Russian classics, with few exceptions, first appeared abroad long before they could see the light of day in Russia after perestroika. As the chapters of this book demonstrate, tamizdat mediated the relationships of authors in Russia with the local literary establishment, on the one hand, and the nonconformist underground, on the other, while the very prospect of having their works published abroad, let alone the consequences of such a transgression, affected these authors' choices and ideological positions. As a practice and institution, tamizdat was, consequently, as emblematic of Russian literature after Stalin as its more familiar and better researched domestic counterparts, samizdat and gosizdat. This study aims to revisit the traditional notion of late Soviet culture as a dichotomy between the official and underground fields by looking at it instead as a transnationally dynamic, three-dimensional model.

Tamizdat thus combined elements of both the official and unofficial fields insofar as it attached a legal status to a manuscript that had been deemed illegal or refused official circulation at home. Although the etymological meaning of tamizdat may appear quite innocent, simply referring to a place of publication that lies elsewhere in relation to where the work was created, the political function of tamizdat was fully realized only when the text reunited with its author and readers back home, thus completing the cycle. It is this dimension of tamizdat that made it a barometer of the political climate during the Cold War. Depending on the author's standing with the Soviet authorities, the ideological profile and repertoire of the publisher abroad and its sources of funding, the international atmosphere in general and the relationships between the two countries in particular, tamizdat often incriminated the author of a runaway manuscript to an even greater extent than had the same manuscript not leaked abroad and remained confined to the domestic field of samizdat. Operating from opposite sides of the state border, samizdat and tamizdat amplified one another and, at end of the day, were bound to fuse into an ever more potent alternative for nonconformist Russian literature to find its way to the reader, albeit in a roundabout way.

The distinctive feature of tamizdat, however, remains geographical rather than political, since the very climate of the Cold War blurred the line between the "political" and "artistic" almost irreparably. Likewise, drawing a line between official and underground literary fields, including sam- and tamizdat, on the basis of aesthetic merit or "quality factor" today hardly appears productive, much as it may have been tempting decades earlier, when Dimitry

Pospielovsky, the author of one of the first articles on tamizdat, claimed that "samizdat and tamizdat includes the greatest writers and poets – both living and dead – of the Soviet era, while the bulk of the contemporary gosizdat output is grey mediocrity at best."[2] Such a politically driven approach, understandable at the time, is clearly shortsighted if only because the same authors sometimes published in both gosizdat and tamizdat (the former rarely precluding the latter, but not vice versa). Moreover, tamizdat critics themselves often praised and were eager to republish a work that had passed Soviet censorship and appeared in gosizdat, as was the case with Solzhenitsyn's *Ivan Denisovich*, Vladimir Dudintsev's *Not by Bread Alone*, and Mikhail Bulgakov's *The Master and Margarita*, to name but a few.[3]

As a literary practice and political institution that relied on deterritorialization, tamizdat, according to Olga Matich, presumed that "the spatial *there* often began, so to speak, as a foreign *here*, fusing the near and far by transforming them into a peculiar Cold War side-by-side, which might be identified as another kind of in-betweenness."[4] This movement of contraband texts across state borders in both directions meant to step out, transgress, break away from the boundaries which were both geographically demarcated and historically internalized. Tamizdat may have offered nonconformist manuscripts a chance to escape the panopticon of Soviet censorship, understood in Foucauldian terms as total surveillance achieved through spatial ordering.[5] However, confined to the Soviet territory as the only geography their authors could physically afford, these texts often migrated abroad only to find themselves girdled by a new kind of horizon of expectations, to use a key term of reception theory.

A joint venture of the Russian emigration and Western institutions, tamizdat remained firmly inscribed in Soviet literary history until the Curtain was lifted. The political mission of

[2] Dimitry Pospielovsky, "From Gosizdat to Samizdat and Tamizdat," *Canadian Slavonic Papers* 20, no. 1 (March 1978): 44-45. By contrast to Pospielovsky's dated approach, see Friederike Kind-Kovács and Jessie Labov, "Samizdat and Tamizdat. Entangled Phenomena?" In *Samizdat, Tamizdat, and Beyond: Transnational Media During and After Socialism*, ed. Friederike Kind-Kovács and Jessie Labov (New York – Oxford: Berghahn, 2013), 1-23.

[3] On Solzhenitsyn and tamizdat, see Chapter 1. Dudintsev's and Bulgakov's novels also came out abroad soon after they appeared in gosizdat. *Not by Bread Alone*, first printed in *Novyi mir* in 1956 (nos. 8-10) and then as a separate book in 1957, was reprinted the same year by two émigré publishers (Munich: Tsentral'noe ob'edinenie politicheskikh emigrantov iz SSSR, 1957; New York: Novoe russkoe slovo, 1957). *The Master and Margarita*, first serialized in a censored form in the Soviet journal *Moskva* (no. 11, 1966; no. 1, 1967), appeared as a separate edition the following year (Paris: YMCA-Press, 1967).

[4] Olga Matich, "Tamizdat: The Spatial Turn, Textual Embodiment, My Personal Stories," in *Tamizdat: Publishing Russian Across Borders*, ed. Yasha Klots. Special issue of *Wiener Slawistischer Almanach* 86 (Berlin: Peter Lang, 2021), 29; emphasis in the original.

[5] Michel Foucault, *Discipline and Punish. The Birth of Prison*, trans. Alan Sheridan (New York: Vintage, 1979), 249.

tamizdat then became obsolete. Having lost much of its politically-oriented readership, tamizdat has gone into history, prompting the writer Zinovy Zinik to claim that it is only now, beyond the political context, that the genuine *literary* motifs of exile and emigration (and, by extension, of tamizdat) have started floating to the surface: "In this sense, Russian émigré literature is only starting."[6] There is, however, another reason to look back at the years when tamizdat took shape: today, thirty years after the end of the Cold War, we are witnessing a resurgence of its rhetoric and, worse, reenactments of some of its most austere policies on both the international and local scales (not only in Putin's Russia, but also across the U.S. and Europe).

Still, the post-Soviet "thaw" of the 1990s, as it may now be called, made tamizdat obsolete not only politically but also technologically. It introduced an entirely new path, or technique, for clandestine texts to "go live" bypassing not only state censorship, but also geographical borders, however open they may have become by the 1990s. From then on, geography and space itself seem to have hardly mattered as they have become virtual, while the time previously required by a typical tamizdat operation has also shrunk to just a few clicks. Yet while in the early days of the Internet "cyberspace seemed to be free and open" (the ultimate freedom of speech incarnate), today "it is being fought over, divided up, and closed off behind protective barriers,"[7] suggesting an eerie (re)turn to the geo-political realities of the Cold War, when the world was divided. In case we forgot, tamizdat serves as a reminder that "the power of print could be as threatening as cyberwarfare" (13). In fact, it was more.

[6] Zinovy Zinik, *Emigratsiia kak literaturnyi priem* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011), 256.
[7] Robert Darnton, *Censors at Work. How States Shaped Literature* (New York: Norton, 2014), 13.

TRANSNATIONAL AND TRANSGENERATIONAL NETWORKS OF *TAMIZDAT*: TOWARD A WOMEN'S INTELLECTUAL HISTORY

ILARIA SICARI (ITALY)

The concept of 'transnationalism' «refers to the increased interlinkage between people all around the world and the loosening of boundaries between countries».[1] However, «with respect to migration, transnationalism describes immigrants' engagement in economic, socio-cultural and political activities across borders».[2] A perfect example of the transnational activities of émigré communities in all these spheres is constituted by the production and circulation of *tamizdat*. Giving the nature of this specific cultural object as a social and literary practice, as well as a political institution,[3] the analysis of the «multi-dimensional entanglements and transfers across the geopolitical divide»[4] reveals the dynamics of trans-systemic interactions which created a sort of 'third space' for cultural resistance and political opposition of the Russian, Central and Eastern European diaspora in the West during the Cold War. In this perspective, *tamizdat* represent also an extraterritorial (textual) space for cultural resistance and collective memory, which «uniting individuals of a disjointed, atomized population into a conscious society».[5]

The diasporic communities played a highly relevant role in the creation and promotion of these transnational cultural entanglements, often contributing materially to the circulation of texts across and beyond the Iron Curtain.[6] In assessing their impact on the transnational socialization of *tamizdat*, it is advisable to adopt a micro-historical approach[7] by focusing on the agency of each socio-cultural actor – state and non-state individuals and institutions – participating – at different levels and with different roles and aims – to the production of culture.

---

[1] R. Schunck, "Immigrant Integration, Transnational Activities and the Life Course", in M. Wingens, M. Windzio, H. de Valk, C. M. Aybek (eds.), *A Life-Course Perspective on Migration and Integration*, Dordrecht: Springer, 2011, p. 259. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1545-5_12

[2] Ibidem.

[3] Y. Klots, "Tamizdat as a Literary Practice and Political Institution: Late Soviet Underground Abroad", in M. Lipovetsky, M. Engström, T. Glanc, I. Kukuj, K. Smola (eds.), *The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture*, Oxford Academic, 2021. DOI: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197508213.013.9. (accessed February 25, 2025)

[4] J. Niesser, Th. Skowronek, F. Kind-Kovács, U. Brunnbauer, "Cultural Opposition as Transnational Practice", in B. Apor, P. Apor and S. Horváth (eds.), *The Handbook of COURAGE: Cultural Opposition and Its Heritage in Eastern Europe,* Budapest: Hungarian Academy of Science, 2018, pp. 551-52. DOI: https://doi.org/10.24389/handbook

[5] I. Grudzinska-Gross, "Culture as Opposition in Today's Poland", *Journal of International Affairs*, 40, 2 (1987): 387.

[6] F. Kind-Kovács, *Written Here, Published There,* Budapest: CEU Press, 2014, pp. 155-62.

[7] C. Ginzburg, "Microhistory: Two or Three Things That I Know about It", «Critical Inquiry», 20, 1 (1993):10-35; C. Ginzburg, *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*, Baltimore: Johns Hopkins UP, 2013.

In the specific case of *tamizdat*, all the socio-cultural actors (dissidents, human rights activists, translators, literary agents, critics, diplomats, associations, etc.) cooperating in the cross-border migration of texts (*samizdat* and *tamizdat*) should be considered as mediators, acting as gatekeepers not only between different cultures, but also between different fields of cultural productions (official and unofficial) and circulation (underground and abroad), as well as different geopolitical and ideological areas (Eastern and Western blocs). In this transnational perspective, the material and symbolic production and circulation of *tamizdat* can be assessed only by establishing the agency of each actor (individuals and institutions) involved in either smuggling *samizdat* in the West or clandestinely distributing tamizdat in the Eastern bloc.

In examining this socio-cultural phenomenon, I propose to frame the analysis at the intersection between a transnational and transgenerational practice of political and cultural resistance, by focusing on women agency. With this purpose, the agency of three generations of women of the Chernov-Andreev family is analysed: through a close reading of archival sources, the socio-cultural agency of Olga Kolbasina-Chernova, Olga Chernova-Andreeva and Olga Andreeva-Carlisle will be illustrated, in order to demonstrate that the publication – both underground (*samizdat*) and abroad (*tamizdat*) – of texts unliked and banned by the Tsarist government and, later, by the Soviet one, was a long-lasting family tradition for these women.

The Three Olgas: Dissent as a Transgenerational Practice of (Cultural) Resistance

In 1975, the chief editor of the American publishing house Harper & Row (H&R) – Winthrop Knowlton – wrote to Olga Andreeva Carlisle (born Olga Vadimovna Andreeva) and her husband Henry Carlisle to thank them for their contribution to the publication of two of Aleksandr Solzhenitsyn's most important novels: *The First Circle* (*V kruge pervom*, 1968) and *The Gulag Archipelago* (*Arkhipelag Gulag,* 1973).[8]

Olga Andreeva Carlisle (1930-) is a French painter, journalist and translator of Russian origins, naturalized American citizen, who was the trustee of Solzhenitsyn and, as such, signed on his behalf a contract with H&R for the translation and publishing of his works. In reconstructing the micro-history of these *tamizdat*, the contribution given by Olga Andreeva Carlisle and several members of her family is revealed in all its complexity. In 1964, her father – Vadim Leonidovich Andreev (1903-1976) – smuggled out of the USSR the microfilm of *The First Circle*, while her brother – Aleksandr [Sasha] Andreev (1937-2016) – smuggled *The Gulag Archipelago* in 1968. For better understanding the role of the Chernov-Andreev family

[8] *Winthrop Knowlton to Olga and Henry Carlisle* (December 18, 1975), Olga Andreyev Carlisle papers, Hoover Institution Library & Archives, Stanford.

in the transnational socialization of these *tamizdat* – by establishing its position in the network of relations which made their production and circulation possible – it is relevant to tracing back the matrilineal lineage of Olga Andreeva Carlisle, because that is precisely where the roots of this transgenerational cultural and political resistance lie.

The Grandmother

Olga Eliseevna Kolbasina-Chernova (1886-1964) was born in Odessa in a family intellectuals with a long-lasting tradition of revolutionary activism. She was the daughter of the writer, literary critic and historian Elisei Iakovlevich Kolbasin (1831-1885) and of Maria Michailovna Savina (18[30]-[?]). Olga Kolbasina's stepbrother – Vasilii Ivanovich Sukhomlin (1860-1938) – and his wife – Anna Markovna Gal'perina (1861-1930) – were both active in the Russian populist group People's Will (*Narodnaia Volia*); while she joined the Socialist Revolutionary party (*Partiia Sotsialistov-Revoliutsionerov*, SR) as did her nephew, Vasilii Vasilevich Sukhomlin (1885-1963). Her first husband was the painter Mitrofan Semënovich Fëdorov (1870-1942), with whom she had one son – Vadim (1901-[1910]) – and two daughters, the twins Olga (1903-1979) and Natal'ia (1903-1992). In 1905 Olga Kolbasina leave her husband and with her children emigrated in Finland, where she met the leader of the SR party, Viktor Mikhailovich Chernov (1873-1952). In 1906 they married, had a daughter – Ariadna (1908-1974) – and, later, Chernov became the stepfather of her other children, giving them his surname. In 1909 the Chernovs moved in Paris and in 1911 in Italy. In those years they contributed to the transformation of the Italian Riviera in an important center of the Russian Socialist Revolutionary movement, hosting in their Ligurian homes several prominent figures of the SRs in exile, such as Ivan Stoliarov, the Sukhomlins and two women who had escaped from the Novinsky prison in 1907, Zinaida Klapina and Natal'ia Klimova. After the Bolshevik Revolution, the Chernovs came back to Russia by boat through Norway, and then settled clandestinely in Moscow. In the USSR, due to her political involvement, Olga Kolbasina was arrested two times and imprisoned with her daughters in several Soviet penitentiaries from 1917 to 1923. Thanks to her friendship with another *eserka* – Ekaterina Peshkova, the wife of Maxim Gorky – she was released and sent into forced exile, moving with all her family to Prague – where she started to collaborate with the socialist *samizdat* journal «Voliia Rossii» – and later to Paris. And it was precisely in the French capital that the long-lasting friendship of the Chernovs with the Andreevs became a family tie, when her daughter – Olga Viktorovna Chernova – married Vadim Leonidovich Andreev in 1924.

During the Parisienne years, Olga Kolbasina-Chernova continued to collaborate with the SR journal «Volia Rossii». In the years of emigration, she was very active in the production and circulation of *samizdat* and *tamizdat*, mainly of political content and/or related with the publishing activities of the SR abroad. She published also her memoirs: *Vospominaniia o sovetskikh tiur'makh* [Memoirs of Soviet Prisons][9] and *New Horizons: Reminiscences of the Russian Revolution.*[10] The anthology *Vospominaniia o Marine Tsvetaevoi* [Memoires about Marina Tsevaeva] also includes Olga Kolbasina-Chernova's memories on the long and deep friendship which tied her with the Russian poetess.[11]

After a life spent in exile, in 1964 Olga Kolbasina-Chernova went back to her homeland and settled in Moscow where she died in October, the same year.

The Mother

Olga Viktorovna [Fëdorova] Chernova-Andreeva (1903-1979) was born in Odessa. She was the daughter of the *eserka* Olga Kolbasina and the painter Mitrofan Semënovich Fëdorov (1870-1942), a student of Il'ia Repin. After the separation of her parents in 1905, Olga and her siblings – the twin sister Natalia and the brother Vadim– moved in Finland with their mother, who a year later married the leader of the SR party, Viktor Chernov. In 1907 the Chernov family settled in Vyborg «into a large apartment which became the center for the SR's party in Finland».[12] In those years, the *eserka* Vera Figner was living with them in the same apartment. Due to the political exile of their parents, Olga Chernova spent her childhood in Paris (1909) and Italy (1911). However, in the aftermath of the October Revolution, her parents decided to went back in the USSR, where the Chernovs settled in Moscow in clandestinity. Soon after their arrival her mother was arrested (1917), and even Olga and her twin sister Natalia were imprisoned: they were released in 1923 and moved to Berlin and Prague before to settle once again in Paris. Here she met Vadim Leonidovich Andreev, they married in 1925 and had two children: Olga (1930) and Aleksandr (1937-2016). During the WWII, after the nazi occupation of Paris, Olga Viktorovna Chernova and her husband took part to the French Resistance. In 1948, Vadim Andreev obtained Soviet citizenship, but decided not to return to Russia with his family. The following year he got a job as a translator in the Russian delegation of the United Nations (UN) and the Andreev family moved to New York. From 1959 to 1961, the same job

[9] O. E. Chernova-Kolbasina, *Vospominaniia o sovetskikh tiur'makh,* Parizh: Parizhskaia gruppa sodeistviia partii sotsialistov-revoliutsionerov, 1922.
[10] O. Chernova-Kolbasina, *New Horizons: Reminiscences of the Russian Revolution*, London: Hutchinson, 1936.
[11] *Vospominaniia o Marine Tsvetaevoi,* Moskva: Sovetskii pisatel', 1992, pp. 292-98.
[12] O. Chernov Andreyev, *Cold Spring in Russia*, Ann Arbor: Ardis, 1978, p. 30.

led her husband to move to Geneva, where they lived until his death in 1976. That year Olga Chernova Andreeva moved to Paris, where she spent the rest of her life with her twin sister Natalia Chernova-Reznikova.

Olga Chernova-Andreeva had a very active intellectual life: she worked as translator and interpreter, wrote several memoirs and supported significantly the clandestine literary activities of the other members of her family. She published the memoir *Cold Spring in Russia.*[13]

The (Grand)Daughter

Olga Vadimovna Andreevna-Carlisle was born in 1930 in Paris. She is a painter, a journalist and a translator from Russian to English. In 1949, when her father was hired as a translator for the United Nations, she moved to New York with her family, where she studied at Bard and Hunter College. In 1951 she married the American writer and editor Henry Carlisle and settled in the US. She lives in San Francisco to this day.

During her first visit in the USSR in 1960 – when she was sent as a correspondent by the «Paris Review» to interview Boris Pasternak in Peredel'kino – she was introduced to the literary circles of Leningrad and Moscow. Since her arrival, Olga Andreeva Carlisle was commonly recognized as "the granddaughter of Leonid Andreev", a title she was very proud and that legitimized her in the eyes of the *intelligentsiia* as worthy not only of respect, but also of the greatest trust. However, the network of relations which lead her to the Soviet writer is a long chain of contact that include many members of her own family. In 1964 her father, Vadim Andreev, met Aleksandr Solzhenitsyn, who entrusted him with microfilms of several of his manuscripts, including *The First Circle*. Therefore, the writer met Olga Andreeva Carlisle in Moscow in April 1967 and asked her to help him publish the novel, a copy of the manuscript (in microfilm) was already safe in Geneva at her parents' house. From then on Olga Andreeva Carlisle was involved, with different roles and positions, in the smuggling and publication of several *tamizdat*, such as Nadezhda Mandel'shtam's *Hope against Hope* and Varlam Shalamov's *Kolyma Tales*.

Olga Andreeva Carlisle translated and edited several works from Russian to English (*The Idiot*;[14] *Poets on Street Corners*[15]), wrote articles for many magazines and journals («Vogue», «The Paris Review», «The New York Times», «Voprosy Literatury» etc.) and also published

[13] O. Chernov Andreyev, *Cold Spring in Russia*, Ann Arbor: Ardis, 1978 [published also in Russian: O. Chernova-Andreeva, *Kholodnaia vesna*, Moskva: AST, 2022].
[14] F. Dostoyevsky, *The Idiot,* transl. by Olga and Henry Carlisle, New York: Signet classics, 1986.
[15] O. Andreyev Carlisle, *Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets,* New York: Random House, 1968.

several memoirs (*Under a New Sky*;[16] *Island in Time: A Memoir of Childhood, Daily Life During the Nazi Occupation*[17]) – some of which devoted to the editorial history of Solzhenitsyn's works (*Solzhenitsyn and the Secret Circle*;[18] *Vozvrashchenie v tainyi krug*[19]). However, her main contribution to the production and circulation of *tamizdat* was as Solzhenitsyn's trustee for the publication of *The First circle* and *The Gulag Archipelago*; as well as, her role as mediator between several other Soviet writers and dissidents and their own Western trustees and publishers, as in the already mentioned cases of the works by Nadezhda Mandel'shtam and Varlam Shalamov.

The microhistory of *tamizdat* is always entangled and, sometimes, even obscure. However, archival evidences reveal that in the editorial history of Solzhenitsyn's works a very determinant role was played by women, and, in particular, by Olga Andreeva Carlisle, her mother Olga Chernova-Andreeva, and her grandmother Olga Kolbasina-Chernova (and their own relation networks). This paper contributes to framing *tamizdat* studies into a transnational and transgenerational perspective, with the aim to shedding light to a relevant page of women's intellectual history of XIX-XX centuries.

BIBLIOGRAPHY

ANDREEVA KARLAIL, Ol'ga. *Vozvrashchenie v tainyi krug,* Moskva: Zakharov, 2004.

– *Ostrov na vsiu zhizn'*, Moskva: Izd. AST, 2021.

ANDREYEV CARLISLE, Olga. *Voices in the Snow. Encounters with Russian Writers*, New York-Toronto: Random House, 1962.

– *Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets*, New York: Random House, 1968.

– *Solzhenitsyn and the Secret Circle*, London: Routledge and Kegan Paul, 1978.

– *Island in Time: A Memoir of Childhood, Daily Life During the Nazi Occupation*, New York: Henry Holt & Co., 1980.

– *Under a New Sky: A Reunion with Russia*, New York: Ticknor & Fields, 1993.

BOURDIEU, Pierre. *The Field of Cultural Production*, New York: Columbia UP, 1993.

CHERNOV ANDREYEV, Olga. *Cold Spring in Russia*, Ann Arbor: Ardis, 1978.

CHERNOVA-ANDREEVA, Ol'ga. *Kholodnaia vesna*, Moskva: AST, 2022.

CHERNOVA-KOLBASINA, Olga E. *Vospominaniia o sovetskikh tiur'makh,* Parizh: Izdanie parizhskoi gruppy sodeistviia partii sotsialistov-revoliutsionerov, 1922.

– *New Horizons: Reminiscences of the Russian Revolution*, London: Hutchinson, 1936.

GINZBURG, Carlo. "Microhistory: Two or Three Things That I Know about It", «Critical Inquiry», 20, 1 (1993):10-35.

– *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*, Baltimore: Johns Hopkins UP, 2013.

[16] O. Andreyev Carlisle, *Under a New Sky: A Reunion with Russia*, New York: Ticknor & Fields, 1993.

[17] O. Carlisle, *Island in Time: A Memoir of Childhood, Daily Life During the Nazi Occupation*, New York: Henry Holt & Co., 1980 [also published in Russian: O. Andreeva-Karlail, *Ostrov na vsiu zhizn'*, Moskva: Izd. AST, 2021].

[18] O. Andreyev Carlisle, *Solzhenitsyn and the Secret Circle*, London: Routledge and Kegan Paul, 1978 [also published in Russian translation: O. Andreeva-Karlail, "Solzhenitsyn v kruge tainom", «Voprosy Literatury», 1 (1991): 192-225].

[19] O. Andreeva-Karlail, *Vozvrashchenie v tainyi krug*, Moskva: Zakharov, 2004.

GRUDZINSKA-GROSS, Irena. "Culture as Opposition in Today's Poland", *Journal of International Affairs*, 40, 2 (1987): 387-390.
KIND-KOVÁCS, Friederike. *Written Here, Published There,* Budapest: CEU Press, 2014.
KLOTS, Yasha. "Tamizdat as a Literary Practice and Political Institution: Late Soviet Underground Abroad", in M. Lipovetsky, M. Engström, T. Glanc, I. Kukuj, K. Smola (eds.), *The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture*, Oxford Academic, 2021. DOI: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197508213.013.9.
NIESSER, Jaqueline; SKOWRONEK, Thomas; KIND-KOVÁCS, Friederike; BRUNNBAUER, Ulf. "Cultural Opposition as Transnational Practice", in B. Apor, P. Apor and S. Horváth (eds.), *The Handbook of COURAGE: Cultural Opposition and Its Heritage in Eastern Europe,* Budapest: Hungarian Academy of Science, 2018, pp. 551-71. DOI: https://doi.org/10.24389/handbook
SCHUNK, Reinhard. "Immigrant Integration, Transnational Activities and the Life Course", in M. Wingens, M. Windzio, H. de Valk, C. M. Aybek (eds.), *A Life-Course Perspective on Migration and Integration*, Dordrecht: Springer, 2011, pp. 259-82.
VENTURI, Antonello. "Russkie emigranty-revoliutsionery v Italii (1906-1922)", in M. Talalai (ed.), *Russkie v Italii: kul'turnoe nasledie ėmigratsii,* Moskva: Russkii put', 2006, pp. 44-52.

ARCHIVAL SOURCES

Olga Andreyev Carlisle papers, Hoover Institution Library & Archives, Stanford.

SAMIZDAT NETWORKS AND THE ROLE OF FEMALE TYPISTS

JOSEPHINE VON ZITZEWITZ (UNITED KINGDOM)

Samizdat, that is, the production and circulation of texts without the involvement of the state publishing houses and the censor's office, was a mass phenomenon in the later decades of the Soviet Union. The resurgence of cultural activity after Stalin's death was one of the major phenomena of the period that became known as the Thaw (*Ottepel'*). This brief spell of relative openness unleashed forces in society that proved impossible to suppress when the regime returned to a more restrictive stance under Brezhnev. The state, however, retained its monopoly on publishing the written word.

Samizdat was based on a system of informal networks, and a typical example of how informal circles and self-organisation stepped in to make up for a deficit the official channels could not plug – a deficit in interesting reading material. These networks were heterogeneous and driven by personal acquaintance and mutual trust. In certain groups, samizdat texts were social currency. Conversely, samizdat generated new friendship networks, bringing people together on the basis of shared reading interests. In relation to official Soviet culture, samizdat networks were hybrids. They were situated outside official Soviet culture, they were nevertheless part of the cultural landscape, especially once the practice of reading samizdat became very widespread among intellectuals, from the late 1960s onwards.

As time wore on, samizdat became a veritable industry. Many people wanted it. Producing samizdat texts was an intensely physical process. Typing takes time and, without the possibility easily to correct errors, insert omitted paragraphs, etc., considerable skill; moreover, operating a mechanical typewriter requires a certain amount of strength. Moreover, a typewriter only produces a small and finite number of identical copies.

A person who wanted a physical copy of a samizdat text, either because they had written something they wanted to share or because they wanted to own and/or circulate something they had read, had the option of typing it themselves if they had access to a typewriter and the necessary skills and/or patience. The other option, which will be examined in this presentation, was to engage a trusted person who more or less habitually typed samizdat. This person would usually be a member of the informal networks in which the 'client' themselves moved. Mature samizdat, in particular any kind of periodical edition, depended heavily on those who were willing to take on this physically taxing work, meaning that typists were absolutely integral to the fabric of samizdat networks.

In the Soviet Union there was no shortage of people with typing skills and access to typewriters and consumables, not just paper, but also ribbon and carbon paper. Most firms and institutions – not to mention publishing houses, editorial offices and so on – would employ in-house typists. But the most important thing was whether that person could be trusted.

We know very little about samizdat typists; they are links in the samizdat network that have been irretrievably lost. This is certainly one of the reasons why their contribution to the phenomenon of samizdat has scarcely been researched. Just as importantly, perhaps, typists played a supporting administrative, rather than creative or executive, role; they did not compose the texts and had little or no impact on the content of collections or periodicals. Since most research into samizdat to date has focused on texts and authors, this might explain our lack of knowledge about typists.

The findings presented in this paper are based on a small (15 people) sample of interviews with samizdat typists still alive in 2015 and select textual sources. My respondents did not just occasionally type up a few texts they wished to share with friends, but produced samizdat in large quantities, on a regular basis, and usually to order. When I began taking the interviews, I was particularly interested in their motivation, alongside questions on how long they had been in contact with samizdat culture before beginning their involvement. In other words, I wanted to find out whether they were recipients (to avoid the term 'consumers') before they became manufacturers of samizdat. However, it became clear even from my small sample that typists were as heterogeneous a group as samizdat readers themselves, except that the overwhelming majority were women. The same person might have typed 'everyday samizdat', such as yoga textbooks and science fiction, for payment, political texts in conditions of strict conspiracy, and new poetry for writer friends in their spare time. The risk a typist ran when accepting a samizdat commission varied greatly. Samizdat texts existed at many different degrees of remove from the official Soviet cultural sphere. This enabled typists to work at a level at which they felt comfortable; only a minority was involved in the production of politically sensitive material. The engagement with individual typists' testimonies explores issues such as motivation, remuneration and the practical specific of the work.

The second area of the paper focuses on the implications of gender. Samizdat networks offer much opportunity for further research, including research from a feminist perspective. This kind of analysis should begin with typists as a sub-group that particularly clearly exemplifies the gender-specific issues. Investigating the role of samizdat typists from the angle of gender provides important additional insight into the social structure of samizdat networks. It should not surprise us that those who typed in bulk and to order, including for money, were

mostly women. *Mashinistka* – the Russian term for typist – was a typical ancilliary profession and therefore a female domain, in the Soviet Union as well as in the West during those years. At the same time, women were in the minority in other active roles within samizdat. It should perhaps not come as a surprise that the networks of samizdat reflected the structures of the society of which they remained part – a society that was considerably less egalitarian in practice than its progressive legislation might tempt us to think. It is a fallacy to assume that a counter-cultural movement will necessarily be liberal within its own structures. Typists, who were closely involved in the entire chain of textual production, received only a fraction, if any, of the recognition that the underground intelligentsia afforded to samizdat writers and editors while running not dissimilar risks. Typist's testimonies are rarely recorded and their achievements rarely researched, if at all. The combination of these two factors means that the contribution of women to the samizdat process remains catastrophically underappreciated.

BIBLIOGRAPHY

Ilya Kukulin, 'Prodistsiplinarnye i antidistsiplinarnye seti v pozdnesovetskom obshchestve' *Sotsiologicheskoe obozrenie* 16:3 (2017): 136-174

V. Dolinin, D. Severiukhin (eds.), *Preodolenie nemoty: Leningradskii samizdat v kontekste nezavisimogo kul'turnogo dvizheniia (1953-1991)* (SPb: Izdatel'stvo N.I. Novikova, 2003)

B. Martin, A. Sveshnikov, *Istoricheskii sbornik 'Pamiat''. Issledovaniia i materialy* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017).

Tatiana Mamonova (ed.) *Women and Russia: Feminist Writings from the Soviet Union* (Oxford: Blackwell, 1984)

Gleb Morev (ed.) *Dissidenty: Dvadtsat' razgovorov* (Moscow: Izdatel'stvo AST, 2017)

Alexei Yurchak, *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*, (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005)

D. Severiukhin, V. Dolinin, B. Ivanov and B. Ostanin (eds), *Samizdat Leningrada: 1950e—1980e gody; Literaturnaia entsiklopediia* (Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2003)

Josephine von Zitzewitz, *The Culture of Samizdat Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union* (London: Bloomsbury, 2021)

Oksana Vasiakina, Dmitrii Kozlov, Sasha Talaver (eds) *Feministskii samizdat: 40 let spustia*, (M: common place, 2020).

BLOC 2.13
MARINA TSVETAEVA DANS LES CONTEXTES RUSSE ET EUROPÉEN / MARINA TSVETAEVA IN RUSSIAN AND EUROPEAN CONTEXTS

Organisatrice : ALEXANDRA SMITH

Alexandra Smith Marina Tsvetaeva's Dialogic Imagination 1

Caroline Bérenger Marina Tsvetaeva and René Char : Ethics and Sensuality of Poem 7

Tatiana Victoroff «Весь поэт на одном тире держится…»: к истории творческих взаимоотношений М. И. Цветаевой и П. П. Сувчинского 12

Carol Ueland «The Bitterness of Parting»: Marina Tsvetaeva's and Joseph Brodsky's End of Love Poems 16

Olga Sobolev Tsvetaeva and the Anglo-Russian Cultural Circle of the 1920s 19

MARINA TSVETAEVA'S DIALOGIC IMAGINATION

ALEXANDRA SMITH (UNITED KINGDOM)
University of Edinburgh

From the very beginning of her poetic career Tsvetaeva's poetry had displayed many traits of cultural multiplicity and openness. The cultural interplay which Tsvetaeva found stimulating is related to various European sources, including Classical Greek and Roman drama, French, German and Spanish literature, as well as European music. As Michael Makin points out, "Among the source-based poetry are most of her plays, several her longest, and arguably her best *poemy*, and a substantial number of lyric poems. Her use of such sources is at its peak during the mature poet's most productive period (1917-26), confirming the significance of this advertised address to literary sources".[1] It can be argued that Tsvetaeva's interest in dialogic imagination had been shaped not only by cosmopolitan modernist culture but also by her desire to engage with the established and emerging literary canons in Europe. Her constant interaction with various like-minded authors, from whom she was separated either by spatial or temporal boundaries, exemplify her fantasy of overcoming through textual empathy the fundamental estrangement represented by borderland and conceived by her as exile. The centrifugal journey becomes a new creative home for Tsvetaeva from realisation that a return to a pre-modern unity would not be possible any longer. I would argue that Tsvetaeva's experimental mode of writing resembles the creative thinking of Virginia Woolf, Andrey Bely and other modernist authors whose experiences of cinema, and cinema-going changed their perception of how linguistic and visual abilities represent realities. Frederic Jameson writes in his book *Signatures of the Visible*: "Did human nature change on or about December 28, 1895? Or was some cinematographic dimension of human reality always there somewhere in prehistoric life, waiting to find its actualisation in a certain high-technical civilisation? (and thereby now allowing us to reread and to rewrite the past now filmically and as the philosophy of the visual)?"[2] Tsvetaeva's filmic rewriting of the past shows her awareness of the emergence of psychoanalysis and cinema at the end of the nineteenth century as the technologies of fantasy, dream, virtual reality and memory. Given that "Freud's contemporary Henri Bergson made the 'cinematograph' and the 'cinematographical' central to his theorisations of mind and memory", it is not surprising that he understood human subjectivity "as both mingled with and emerging out of a universe of images".[3]

---

[1] Michael Makin. *Marina Tsvetaeva: Poetics of Appropriation*, Oxford: Claredon Press, 1993, p.8.
[2] Frederic Jameson. *Signatures of the Visible,* London: Routledge, 1990, p.5.
[3] Laura Marcus. Dream of Modernity. Psychoanalysis, Literature, Cinema.

Tsvetaeva's association of writing and exilic condition anticipates the statement in Julia Kristeva's article "A New Type of Intellectual: The Dissident" which presupposes that the fundamental role of the intellectual is constantly to question existing structures and meanings. In Kristeva's view, the intellectual is a permanent dissident who moves away from any fixed identities that relate to authorship, gender and meaning, and who extols the assumption of the language of exile as his truest home, however evasive it might be. Kristeva writes: "How can one avoid sinking into the mire of common sense, if not by becoming a stranger to one's own country, language, sex and identity? Writing is impossible without some kind of exile".[4] Kristeva's article, Marcia Morgan suggests, "challenges closed society and its groups (the Nation, the Family, the State, the Party) and its technocratic and administrative forms of discourse".[5] Similarly, Tsvetaeva's dialogic imagination made her constantly challenge existing beliefs. This feature of Tsvetaeva's creative mindset is well captured in Olga Hasty's description of Tsvetaeva's poetics: "The dynamic systems of process and, specifically […] are powerful forces that shape her artistic speculations and practice. Compelled by a dialectic of generative contraries, Tsvetaeva attacks the phenomenal world of sense and mere appearance and yet insists that without sensuous incarnation poetry cannot exist. She sets out to subvert the conventional significance of perceived objects in order to expand the domain of sensibility. Her demand is for nothing less that the coincidence of all opposites, and it falls to the poet to enable such coincidences […]".[6]

Despite Russian roots, Tsvetaeva had a special bond with German Romanticism which she fondly discusses in her essay "Germany", a fundamentally revised and expanded version of a 1919 diary extract which she published in 1925. In this essay Tsvetaeva presents Germany as the land of music and poetry. Marina Tsvetkova explains: "For Tsvetaeva Germany is the country of freedom, where the laws of social life don't violate individuality but cherish it. She writes that when in her teens she used to wear her hair short and smoked (both meant as a slap in the face to public morality) not a single person in Germany admonished her for misbehaviour […] .Tsvetaeva praises the Germans for their ability to esteem those who are out of the common run. She calls Germany "the country where the law (of community) not just accepts an exception: it reveres it." (Цветаева 1997, 4, 131.)

[4] Julia Kristeva. "A New Type of Intellectual: The Dissident", in Toril Moi, ed. *The Kristeva Reader*, New York: Columbia University, 1986, pp.292-300, p.298.
[5] Marcia Morgan. "The Affect of Dissident Language and Aesthetic Emancipation at the Margins. A Possible Dialogue Between Theodor W. Adorno and Julia Kristeva", *Journal of French and Francophone Philosophy - Revue de la philosophie française et de langue française*, Vol XXIV, No 1 (2016), pp. 167-191, p.177.
[6] Olga Peters. Hasty. *Tsvetaeva's Orphic Journeys in the Worlds of the Word,* Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1996, p.xiii.

According to Tsvetaeva, this respect for individuality, this attitude towards the unconventional is because in Germany 'in every office clerk a poet slumbers […] in every tailor a fiddler can wake up'. (Цветаева 1997, 4, 131)".[7] In her essay "Two Forest Kings" (Dva lesnykh tsaria, 1933), Tsvetaeva discusses Vasily Zhukovsky's translation of Goethe's poem "Erlkönig", describing the death of a child caused by the supernatural person Erlking who is known to be a king of the fairies. Goethe's ballad was inspired by the traditional Danish ballad "Ellveskud". Goethe's version has been set to music by Franz Schubert: his Opus 1 (D. 328). It would have been known by Tsvetaeva who attended a musical school in Moscow and whose mother was an accomplished pianist. In Tsvetaeva's opinion Zhukovsky's version is more appropriate for Russian readers because it portrays the Forest King as a Russian-like king with a long beard who looks solemn in his crown and who radiates calmness. In contrast, she describes Goethe's Forest King as a supernatural demon-like being who terrifies and excites at the same time.

Commenting on Tsvetaeva's interest in folkloric roots of modern poetry, Tora Lane writes: "Tsvetaeva conveys poetic speech as a reciprocal process, in which the writer is both the subject of it and subjected to it. The poet brings language, or speech, from a faraway locus, and this is the incentive for the wonder of the reverse: the experience of the faraway loci that speech takes him or her to".[8] Lane links Tsvetaeva's interest in Russian and European folklore to modernist interest in primitive cultures. "Following a strain in Russian Modernism that can be traced back to Russian and even further to German Romanticism," affirms Lane, "Tsvetaeva turned to Russian folk art as an alternative creative paradigm and a mythical form of art".[9] Furthermore Lane states that, in her analysis of Tsvetaeva's long poem "Swain" ("Molodets», 1922) written in the folkloric style, "Tsvetaeva explored Russian folk poetry in *The Swain* in her quest for an experience of the magic loci of poetry".[10] Elena Korkina views Tsvetaeva's folkloric poems as an expression of Tsvetaeva's poetics shaped by Russian Symbolism's preoccupation with the otherworldly.[11]Such an approach can be easily applied to most of Tsvetaeva's poetic and autobiographical works, in which encounter with the otherworldly creates a sense of estrangement from the everyday life and enables the reader to experience a sense of novelty and renewal.

---

[7] Marina Tsvetkova. "Marina Tsvetaeva and Germany: A lifelong romance." *Under Western and Eastern Eyes. Leipzig: Leipziger Universitatsverlag*, 2012), pp.37-49, p.39.
[8] Tora Lane. *Rendering the Sublime: A reading of Marina Tsvetaeva's Fairy-Tale Poem The Swain*. Diss. Acta Universitatis Stockholmiensis, 2009, p.12.
[9] Tora Lane, p.12.
[10] Tora Lane, p.14.
[11] Elena Korkina, "Liricheskii siuzhet v fol´klornykh poemakh Mariny Tsvetaevoi", *Russkaia literatura,* no. 4, 1987, pp.161-68, p. 168

Tsvetaeva's longing for an imaginary transcendence of the everyday life through poetry can also be understood as part of Russian modernist search for an artistic autonomy. Roman Jakobson writes in his article "What is poetry?": "What we have been trying to show is that art is an integral part of the social structure, a component that interacts with all the others and is itself mutable since both the domain of art and its relationship to the other constituents of the social structure are in constant dialectical flux. What we stand for is not the separation of art but the autonomy of the aesthetic function".[12] It is also important to remember that modernism should not be interpreted as a collision between tradition and novelty but, as Michael Levenson points out, it should be seen as "a contest of novelties, a struggle to define the trajectory of the new".[13]

Another important source of inspiration for Tsvetaeva is the poetry of Charles Baudelaire, whom she mentions in her long poem "The Enchanter" (Charodei, 1914). This long poem describes Tsvetaeva and her sister Anastasia as loyal disciples of the Russian Symbolist poet Lev Kobylinsky (1879-1947) who is usually known under his pseudonym name Ellis. Together with Andrey Bely he was a founder of the publishing house Musaget. From the early 1910s he strongly advocated anthroposophy and became a close associate of Rudolf Steiner whose study *Philosophy of Freedom* promotes the concept of freedom based on inner experiences and creativity. Tsvetaeva in "The Enchanter" suggests that Kobylinsky talked extensively to her and her sister about Baudelaire. The references to Baudelaire include these statements: "We had enough listening about Baudelaire" ("Nam tak dovol'no o Bodlere"); "Dve pravdy –dva puti –dve sily –/Dve bezdny: Dante i Bodler!"; "No, milyi, Dante ty ostavish', /I s nim Bodlera, dorogoi?".[14] The concluding stanzas of the poem contain Tsvetaeva's gratitude to Ellis for enabling her and Anastasia to enter the otherworldly realms under his guidance. She writes: "You cleared the path for us into the otherworldy existence" ("S toboiu razdvigalis' steny v inuiu zhizn'").[15] In Adrian Wanner's opinion, Konylinsky was "the most fanatic Baudelarian of all time" and the most prolific translator of Baudelaire into Russian whose veneration of Baudelaire "took on the character of a rather peculiar religious worship".[16] As Wanner points out, while Anastasia Tsvetaeva described Kobylinsky as "a medieval magician", Marina Tsvetaeva saw him as "a disorganised poet, but a man of

[12] Roman Jakobson. "What is poetry?", *Selected Writings, Vol III* (the Hague: Mouton, 1981), pp. 749-50.
[13] Michael Levinson. *Modernism*, New Haven: Yale University Press, 2011, p.5.
[14] Marina Tsvetaeva. "Charodei", *Sochinenia v dvukh tomakh,* vol.1, Moscow: Khudozhestvennaia literature, 1988, pp.334-344, p.337 and p.339.
[15] Marina Tsvetaeva, p.344.
[16] Adrian Wanner. "Metamorphoses of Modernity: Russian Readings of Baudelaire", PhD thesis, Columbia University, 1992, p.143.

genius", and Andrey Bely compared him to the Grand Inquisitor from Dostoevsky's The Karamazov Brothers.[17] While having a strong interest in French Symbolist poetry, Kobylinsky promoted Dante, Baudelaire and Nietzsche as the true symbolists.[18] His own poetry, claims Wanner, praised the aristocratic creative elitarianism and expressed a strong contempt "for the *profanum vulgus*".[19]

Given that Kobylinsky developed a religious-like worship of Baudelaire and promoted an imaginary community of readers who would value spiritual aspects of modern poetry, it is unsurprising that Tsvetaeva's "The Enchanter" flawlessly imitates the rhetoric of Baudelaire found in his collection of poetry *Les Fleurs du Mal*. The book is filled with apostrophes to an imagined reader and condemns a hypocritic reader in favour of a reader with a "curious soul that suffers", who will be able to read Baudelaire's poetry and develop a true love for its author. Amy Leggette writes in her PhD thesis on the role of readers in modern French, Russian and American poetry: "Baudelaire's invocation of a *kind* of reader in 'Au lecteur'—a fraternity in fraud, so to speak—makes the presumption of address radically explicit: the shift in modes of address in the poem establishes the relationship between the speaker and the addressee as one of extreme identity, basing the construction of the reader in the text on presumed understanding. To some extent, then, the situation of the text hinges on the reader's self-recognition. In its context as the prefatory poem of *Les Fleurs du mal*, 'Au lecteur' thus serves as a performative frame of reading, foregrounding the role of the reader in the act of producing meaning".[20] Commenting on Jacques Derrida's deconstruction of speech act theory, Leggette elucidates that "to presume to address the reader in a performative role is to presume to erase *différance,* the difference between actual subjects and subject positions and the deferral of textual production from writing to printing to reading". She goes on to say that "This approach attends to how modes of address, as performative aspects of literary form, establish the situation of the text in relation to the reader".[21] We can find several examples of performative aspects of modes of address from Tsvetaeva's essay about Andrei Bely "The Captive Spirit" (Plennyi dukh, 1934). Alexandra Smith writes about this essay thus: "The use of Bely's two photographs in *Plennyi dukh* enables the narrator to talk about the power of the photographic image to create a sense of connection not only with the past but also with the imaginary, transcendental other world. By making readers participate in another person's

[17] Adrian Wanner, p.144.
[18] Adrian Wanner, p.145.
[19] Adrian Wanner, p.150.
[20] Amy E. Leggette. *Scenes, Seasons, and Spaces: Textual Modes of Adress on Modern French, Russian and American Poetry",* PhD thesis in comparative literature, University of Oregon, 2015, p.4.
[21] Amy E. Leggette, p.5.

mortality and mutability, Tsvetaeva creates a community of mourners who collectively lament the death of the poet. As an elegiac art, Susan Sontag affirms, photography actively promotes nostalgia by reminding the viewer about a person who has 'aged or decayed or no longer exists'."[22] Tsvetaeva uses Eisensteinian fourth-dimensional parallax at the end of her story when she describes one of the photographs of Bely published in an émigré newspaper as 'an astral picture' (*astral'nyi snimok*) and defines Bely's face as "the face of a spirit with eyes through which shines that otherworldly light (*tem svetom*)". She suggests that the light emanating from Bely's photograph affects the viewer: "The light shines through – on us (*na nas skvozit*)'".[23] Smith suggests: "She describes the displacement caused by the photograph in the manner of Eisenstein's four-dimensional montage, so the readers of her story could visualise it themselves and experience the binding effect of the photograph as well as feel the vibrations resembling irregular movements triggered by the breeze. The narrator of Tsvetaeva's memoir functions as an Eisenstein-like figure who uses scientific and mystical knowledge in order to control the impact of her image of Bely on the reader".[24]

In summary, I have discussed Tsvetaeva's engagement with her reader as an important act of constructing an imaginary community of people who share the same passion for spiritual aspects of poetic vision. I suggest that Tsvetaeva believes that the function of poetry is to develop a novel vision of everyday life and to broaden one's consciousness through the experience of displacement.

[22] Alexandra Smith, "Constructing the modernist vision of time: Tsvetaeva's rendering of Bely's dynamic worldview in 'A Captive Spirit'", *Australian Slavonic & East European Studies*, vol. 31, no. 1-2, 2017, pp. 7-47, p.9.
[23] Quoted in Alexandra Smith, pp.35-36.
[24] Smith, p.36.

REMANENCES POETIQUES.
RENE CHAR TRADUCTEUR DE MARINA TSVETAEVA

CAROLINE BERENGER (FRANCE)

L'anthologie de poésie étrangère *La planche de vivre*, publiée en 1981, est le fruit d'une collaboration singulière entre le poète René Char (1907-1988) et sa compagne Tina Jolas (1929-1999). Ce projet, initié en 1975, a connu plusieurs phases d'élaboration avant de trouver sa forme définitive. Abandonné en 1977, repris en 1978, évoluant dans son titre, *Poèmes pour les temps obscurs*, puis *Chemin de table*, il conduit René Char à une véritable découverte : la poésie russe du XXe siècle, et en particulier l'œuvre de Marina Tsvetaeva (1892-1941). À partir de la traduction de cinq de ses poèmes, composés entre 1918 et 1921, cette étude propose une réflexion plus vaste sur la circulation de la poésie russe en France et sur les modalités de sa réception. Elle déploie une analyse à trois niveaux : poétique, dialogique et esthétique. Il s'agit, d'une part, d'identifier les résonances entre les textes sources et leurs transpositions ; d'autre part, de mettre en lumière les affinités électives entre les poètes, à l'intérieur d'un réseau franco-russe ; enfin, de situer la réflexion au croisement des modernités poétiques européennes du XXe siècle.

Étude stylistique comparée : dynamiques de transposition

L'étude stylistique montre la manière dont René Char projette les aspects saillants de sa poétique sur les textes de Marina Tsvetaeva. Dans *Психея* (*Psyché*), la structure cyclique du poème inscrit la figure de l'hirondelle dans une syntaxe du renversement. Char traduit cette tension par une image, « la renouée du dimanche », qui enracine l'élan dans la matière végétale. Le poème *На тебе, ласковый мой, лохмотья* (*Pour toi, mon très chéri, des guenilles*) évoque la désintégration du corps en poussière, tandis que les transformations lexicales suggèrent une métempsychose de l'âme. Les ailes, reliques d'un rituel sacré, révèlent la présence de l'ange. Char célèbre la « tendre chair » dans la sensualité fétichiste du poème. L'origine marine et la nature jaillissante du poète sont célébrées dans *Кто создан из камня, кто создан из глины* (*L'un est fait de pierre, l'autre d'argile*). Le vers épouse la mimétique des vagues. La fluidité rythmique accentue le thème de la variabilité. Char souligne l'aspect tangible des éléments avec des participes substantivés et des sonorités compactes. *Умирая, не скажу : была !* (*Mourante, je ne dirai pas : j'ai été !*) synchronise trois états du vivant en une seule inspiration. Char utilise des mots gravitationnels, qui incarnent l'extase physique par leur densité sonore. Enfin, dans *Душа, не знающая меры* (*Âme, tu ignores toute mesure*), la torche enflammée est une métaphore de l'âme hérétique. La

combustion spirituelle est relayée par l'emploi de l'anaphore, qui exacerbe l'intensité du poème jusqu'à l'embrasement final.

Les objets poétiques – aile, pierre, vague, flamme – forment une constellation de symboles féminins dans la poésie de Tsvetaeva. L'instance lyrique se métamorphose au contact des forces élémentaires. Le poète français réinvestit ces motifs pour manifester la puissance de son esprit dans un rapport au réel plus empirique et terrestre.

Trois tendances apparaissent dans la transposition en français : érotisation, paganisation, matérialisation. Le glissement vers la poétique de René Char passe par l'amplification du désir, la désacralisation du divin et l'ancrage dans le concret. Tandis que Tsvetaeva impulse aux vers un rythme survolté, brisé par le tiret, Char tranche dans la matière verbale, découpe des blocs massifs, renforce la physique des mots.

Vers une poétique partagée : éthique et sensualité du poème

Cette expérience de traduction devient ici un acte de lecture créatrice qui génère une poétique commune *a posteriori*. Le recueil *Fureur et mystère* de René Char, publié en 1948, résonne avec la posture de Tsvetaeva face à la tragédie. Tous deux conçoivent la poésie comme un instrument de lutte contre le Mal et une quête d'absolu. Dans un romantisme extrême, Tsvetaeva s'immole sur le bûcher du poème : « У меня всё – пожар ! ». Char, tel Prométhée, s'empare du secret des dieux : « L'éclair me dure ». « Повторяющаяся случайность есть судьба », écrit l'une. « Le caractère de l'homme est son destin », dit l'autre. Une tonalité solennelle réunit les deux poètes, qui occupent une position de surplomb en contemplant leur propre chute et transforment la douleur en fulgurance.

La parole est météorique : qu'elle soit *Косматая звезда* (*Étoile échevelée*) ou *Tradition du météore*, elle se pulvérise à l'instant où l'objet poétique pénètre dans l'atmosphère. Elle investit des formes rythmées préconstruites, le fragment ou l'aphorisme. L'ellipse condense le discours. Les racines verbales sont des matrices néologiques.

La figure mystique et charnelle de Marie Madeleine révèle une isotopie commune. Dans le triptyque *Магдалина* (*Madeleine*), écrit en 1923, Tsvetaeva articule trois niveaux narratifs : une théogonie, un épisode évangélique et une confession lyrique. Le rite de l'onction fonde une liturgie amoureuse. Dans une inclinaison de tendresse, Madeleine recouvre de ses cheveux les pieds de Jésus. La nudité est celle du nouveau-né ou du défunt. Les fluides – sang, sueur et larmes – irriguent les corps, mêlant le pur et l'impur. Les verbes expriment l'enveloppement. Les mots racines relient les champs sémantiques et s'agrègent en paronomase : « ведь всё сбылось. Я был бос, а ты меня обула ». Cette scène inspirée du

Cantique des Cantiques, est une allégorie nuptiale, célébrant l'union mystique de l'âme avec l'époux divin, elle s'apparente aux écrits apocryphes chrétiens et à la tradition gnostique.

Madeleine à la veilleuse de René Char est un poème en prose de 1948, en forme d'ekphrasis, à Georges de La Tour. Il capture une scène de désir et de violence dans une atmosphère de clair-obscur, il fixe la tension dramatique entre Éros et Thanatos. Le Mal triomphe, mais la lumière vacillante de la veilleuse, symbole d'espérance, ne s'éteint pas, en signe de résistance spirituelle. Le poème s'achève sur une énigme. Un texte intitulé *Une communication ? Madeleine qui veillait*, écrit le même jour confirme sa nécessité et en explicite la genèse : « L'accès d'une couche profonde d'émotion et de vision est propice au surgissement du grand réel. » Marie Madeleine apparaît comme une figure centrale dans l'œuvre des deux poètes, où s'entrelacent la sensualité et la transcendance.

Trajectoires croisées et conjonctions différées

Marina Tsvetaeva et René Char ont combattu toute forme d'oppression. Elle, oppose un refus intérieur, aussi lucide que désespéré. Témoin direct de la Révolution de 1917, en exil de 1922 à 1939, elle revient en URSS et se suicide en 1941, quelques jours après l'invasion nazie, alors que sa famille a été victime de la répression stalinienne. Lui, ne se soumet pas et prend les armes. Il rejoint la Résistance dès 1941, sous le nom de Capitaine Alexandre. Fidèle à ses convictions communistes, il s'affranchira du dogmatisme idéologique de l'après-guerre.

L'un et l'autre évoluent en marge des institutions littéraires. À Paris, Tsvetaeva fréquente les cercles de l'émigration russe. Dans les années 1930, elle côtoie quelques l'écrivains français : Charles Vildrac, Jean Chuzeville, André Gide. En 1929, René Char se lie à Louis Aragon, André Breton et Paul Eluard, mais se retire bientôt à l'Isle-sur-la-Sorgue.

Les deux poètes appartiennent à des générations distinctes et à des strates différentes de la modernité. Si une continuité existe dans les avant-gardes européennes sur l'axe Paris-Berlin-Moscou, ils évoluent dans des esthétiques temporellement et esthétiquement disjointes. Tsvetaeva fait partie de l'âge d'argent qui englobe le symbolisme russe et les révolutions artistiques de 1913, de l'acméisme au futurisme. Char fait ses débuts auprès des surréalistes dont le manifeste paru en 1924 répercute le traumatisme de la Grande Guerre. Les influences littéraires de Tsvetaeva sont Pouchkine et le romantisme allemand. René Char se réfère aux Présocratiques et à Rimbaud. Ils n'adhèrent à aucune école.

Auraient-ils pu se rencontrer ? René Char l'a imaginé. Au moment du suicide de Vladimir Maïakovski le 14 avril 1930 qui les affecte profondément, ou par leur ami commun, le musicologue Piotr Souvtchinski ? L'intersection temporelle et spatiale se situe à Paris entre

1929 et 1939. Le motif de la non-rencontre, cher à Tsvetaeva, devient un événement poétique et génère un processus rétroactif. Des conjonctions différées tissent des liens inattendus. René Char découvre la poésie russe et Marina Tsvetaeva, grâce à Tina Jolas, qu'il a rencontrée en 1957 et avec laquelle il vit une passion intense, au prix de son amitié avec André du Bouchet, poète et connaisseur de la Russie, mais aussi époux de Tina. En 1958, il entre en correspondance avec Boris Pasternak. Paul Celan, qui traduit René Char en allemand en 1959, est aussi le passeur de Mandelstam et Tsvetaeva dans son recueil *La rose de personne*, composé entre 1959 et 1963. Char admire les traductions de Philippe Jaccottet qui, par le biais de Rilke, ouvre une autre porte vers la poésie russe. En 1973, il soutient le poète russe Vadim Kozovoï, prisonnier politique, qui l'a traduit en russe.

Dans ce réseau d'échos poétiques et d'affinités électives, le projet de traduction permet de convertir la symbiose amoureuse en alliance créatrice. Au cœur de ce dispositif, se trouve Marina Tsvetaeva à laquelle Tina Jolas s'identifie. Char ouvre un dialogue avec la poétesse russe en répondant au désir de son amante. Ensemble, ils configurent les poèmes en français pour sublimer leur union. *L'ardeur de l'âme*, écrit en 1978, n'a-t-il pas des accents tsvetaeviens : « Dame qui vive, c'est elle ! Cœur loué, c'est le vent qui bosse. Il l'embellira en la décrivant à ceux qui n'ont pas rencontré son ardeur. »

Cette tentative de traduction, certes marginale et peut-être manquée, d'un poète russe par un poète français, est riche d'enseignement. Elle révèle un processus d'appropriation créatrice, en activant des mécanismes de sublimation et de projection amoureuse. René Char livre une part intime de lui-même dans « une manière d'autoportrait douloureux et violent, de signature secrète ». Cette expérience crée une zone de résonnance mutuelle, où les poèmes de Char et de Tsvetaeva révèlent leurs aspects latents, et produit des interférences qui permettent de penser une œuvre commune virtuelle. Elle illustre le pouvoir heuristique de la traduction poétique. Plus qu'un pont entre les langues, elle ouvre un espace où se réfractent les voix de deux poètes qui ne se sont pas rencontrés mais dont les œuvres se reconnaissent après-coup. Marina Tsvetaeva est une révélation tardive, mais elle frappe comme la foudre, elle devient aux côtés de Rimbaud un ascendant de René Char, l'un de ses « grands astreignants ». « C'est un saut latéral que projette sur nous Marina Tsvetaeva ».

REFERENCES BIBLIOGRAPHIQUES

L'article analyse des matériaux inédits conservés dans le Fonds René Char de la Bibliothèque littéraire Jacques Doucet et issus de collections particulières (correspondance et carnets).

La planche de vivre, choix et traduction de René Char et Tina Jolas, Paris, Gallimard (Poésie), 1981.

Dictionnaire René Char, sous la direction de Danièle Leclair et Patrick Née, Paris, Classiques Garnier, 2015 : articles « La planche de vivre », « Marina Tsvetaeva », « Tina Jolas ».
Emportée, Paule du Bouchet, récit suivi d'une correspondance de Tina Jolas et Carmen Meyer, Paris, Édition des femmes-Antoinette Fouque, 2020.
« Char dans l'atelier du poète », édition de Marie-Claude Char, Paris, Quarto Gallimard, 2007.

«ВЕСЬ ПОЭТ НА ОДНОМ ТИРЕ ДЕРЖИТСЯ…» : К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ М. ЦВЕТАЕВОЙ И П. СУВЧИНСКОГО

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (ФРАНЦИЯ)

В заглавие доклада положена строка из поэмы *Попытка комнаты,* адресованной Мариной Цветаевой своему новому корреспонденту и другу, Петру Петровичу Сувчинскому – идеологу евразийского движения, известному музыковеду и философу.

В ходе сообщения изучаются их встречи и переписка, хранящаяся в парижском архиве П. П. Сувчинского в BNF, опубликованная в 1992 году в *Revue des études slaves* Ю. Клюкиным, В. Козовым и Л. Мнухиным[1]. На основе её новой расшифровки делается попытка воссоздания неизвестных граней этого диалога, которые являют себя при знакомстве с оригиналами : в пропущенном при публикации тире; в зачеркнутом слове, оставшемся без расшифровки; иначе прочтенной буквой, а с ним и словом. Наконец, сама топография цветаевских писем, трудно передаваемая в журнальной публикации, несет в себе особый смысл, отражает ритм мысли – почти биение сердца пишущей, где поэт обращается к музыканту.

Этот диалог разворачивается как серия встреч и «не-встреч» – в цветаевском, экзистенциальном смысле слова – вокруг тем евразийства, поэтического и музыкального творчества, а также глубин лирического и эмпирического «Я».

«Вот Вам Петр»

Переписка завязывается в связи с обсуждением зарождающегося журнала евразийцев «Версты», в который М. Цветаева отправляет П. Сувчинскому своё стихотворение «Пётр», написанное в Москве в 1920 г. и рецензию на книгу Мандельштама *Бег времени,* которую она называет в письме от 15 марта 1926 «книгой баснословной подлости». Ни то, ни другое не напечатано в «Верстах», под предлогом Сувчинского, что стихи Цветаевой «никак не связаны с евразийским движением»[2], в то время как сама Цветаева характеризует евразийство «лучшей из политических идеологий»[3]. Эта не-встреча идеологического характера – в результате которой Цветаева требует снять её имя с обложки *Верст* - тем не менее не мешает диалогу по существу, который продолжает разворачивается вокруг главных для обоих поэтов, Блока и Пастернака.

[1] *Revue des études slaves*, tome 64, fascicule 2, 1992, p. 183-221.
[2] Письмо П. П. Сувчинского И. Б. Комаровой (1978), https://zvezdaspb.ru/index.php?nput=1663&page=8.
[3] *Саакянц А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997. С. 490.

«Напишите о нём и обо мне от лица Музыки»

Цветаева, высоко ценившая критический талант Сувчинского, обращается к нему с неожиданной просьбой написать о Пастернаке - и о ней самой «от лица Музыки, как никто еще не писал». В качестве опорной точки она напоминает ему их общую, втроём с Пастернаком «поездку за фартуками, слоготворчество, жгут фуги, измененный угол зрения» и посылает ему свою *Поэму конца*. Этот экземпляр, сохранившийся в архиве Сувчинского показывает, что он читает *Поэму* действительно как музыкант - партитуру: «угол зрения» здесь становится «углом слуха», отмечаются смены ритма цветаевского слога, с нарастанием разнообразных знаков на полях (вертикальные линии, NB, восклицательные знаки…), которое соответствует трагическому *crescendo Поэмы* в ее движении к концу. Эти пометки Сувчинского ярко отражают его понимание того, что «весь поэт на одном тире держится».

Анализ стихотворения *Попытка комнаты,* содержащего эти строки, отправленного Сувчинскому из уединенного местечка St. Gille, показывает как комнатное, интимное пространство становится местом встречи с Сувчинским и Пастернаком, позволяет «не дать воздуху в комнате молчать».

Безмерность цветаевского «Я»

Наряду с образом сочувствующего корреспондента и понимающего друга, лейтмотивом этих писем является попытка Цветаевой понять собственную бездонность, которая познается при соотношении с миром другого. «Не выношу, когда человек наполнен мною. […] Хочу – моим, своим, а не мною». Сувчинский – а точнее, его созданный образ – позволяет ей быть собою, тогда как другие видят в ней ненавистное ей самой «Я».

Но эта безмерность поэтического «Я» Цветаевой – не только субъективный мир поэта. Она вмещает и всю Россию. «Россия во мне, не я в России», определяет Цветаева этот парадокс, комментируя название своей книги «После России». Эта книга, которой было суждено стать её последней прижизненной книгой, также подарена Сувчинскому, с надписью: «Петру Петровичу Сувчинскому – в знак будущего. 31 мая 1928 г.»

Это будущее несомненно видится им по-разному, как непохожи и их России: известны просоветские настроения Сувчинского, вплоть до ходатайства, в 1932 г., о советском паспорте и убежденности установить в СССР советско-евразийскую власть. Для Цветаевой Россия менее всего связана с идеологией: «ни к какой политической группе не принадлежала, - вспоминает Е. А. Извольская. Не любила она коммунизм; но

любила Россию»[4]. В этом будущем *за* Россией и *в* России они вполне сходятся; возможно этим объясняется энтузиазм Сувчинского в прочтении цветаевской книги «После России», где появляются уже знакомые нам пометки, по прежнему – почти нотные знаки, с нарастающим крещендо выделенных мест к концу книги, как в *Поэме конца*. Но есть и вопросы, и исправления (в частности, в строке: «Ночь – как воры / Ночь – как горы / каждая из нас Синай»). Здесь Сувчинский, поправляя «нас» на «них», явно не понял, или не захотел понять отождествления лирической героини с Синаем в поэтической вселенной, где все пропущено через себя.

Советская Россия – единственная реально существующая - едва ли не становится фатальным исходом для Сувчинского в 1937 г., когда он отказывается от сотрудничества с советскими агентами и принимает окончательное решение о невозвращении. Возвращение Цветаевой оборачивается трагедией 31 августа 1941 г. [«Вернулась […] не в Москву, не на родину, даже не к *рябиновому кусту*, а […] именно к *родному*, российскому, поджидавшему её "крюку"», выражает это состояние В. Козовой[5].

Наконец, для обоих, «после России» – не только Россия. «Не Россией одной жив человек», определяет Цветаева одну из граней замысла своей книги в 1928 году[6]. Европейский размах её мысли заставляет ее узнать себя в Пражском рыцаре, стерегущем «реку времен» на Карловом мосту; при перекраивании карты Европы - поднять голос за «Чехию в слезах», «Испанию в крови». Наконец, она переводит Пушкина и Лермонтова для французов, Бодлера и Лорку для русских как достояние общей культуры, - той, что выстоит во все времена. Со своей стороны, вовлеченность Сувчинского в интеллектуальную жизнь Франции и Европы ошеломительна : он дружит с Антуаненом Арто, Жаком Дерида, поэтами Анри Мишо, Пьером Жаном Жувом; Рене Шар посвящает ему свои стихи, Франсис Пуленк – кантату, Жерар Массон создает «Сонату Сувчинского». Поль Селан дарит ему сборник своих переводов Мандельштама, с надписью, по русски : «страшен жребий». Французские музыканты Булез, Ксенакис, Жильбер Ами, Штокхаузенг в Германии вспомнают о его обширной концертно – филармонической деятельности, позволившей творческие встречи музыкантов Европы, которые до этого не общались между собой. Наконец, Сувчинский, как и Цветаева, – проводник русской культуры, будучи переводчиком опер русских композиторов и

[4] Извольская. Е. «Тень на стенах: о Цветаевой» // *Опыты*, 1954, кн. 3, с. 157.
[5] «Марина Цветаева : две судьбы поэта», *Revue des études slaves*, tome 64, fascicule 2, 1992, с. 307-308.
[6] Марина Цветаева. *Письма к А. Тесковой*, Прага, изд. Академия наук, 1969, с. 51.

посредником творчества Цветаевой во французской исследовательской среде, в частности в рамках поэтических семинаров Н.А. Струве в университете Нантера.

Эпистолярный диалог М.И. Цветаевой и П. П. Сувчинского становится, как в случае переписки с Пастернаком и Рильке, частью цветаевского поэтического наследия, где оба жанра сближаются, рождается новое эпистолярное искусство. Письма оказываются, как и стихи, «открытой раной» поэта, «миро-слушаньем, слышаньем», попыткой понять собственное расширяющееся «Я». В итоге, Цветаева «пишет от лица Музыки» сама, однако роль адресата при этом сущностно необходима. Собеседник позволяет почувствовать «совпадение в СВОЕМ», но и вести разговор о «евразийском» пути и будущем России на прочном фундаменте европейской культуры, где поэтическое слово, малое и хрупкое, зачастую «спрятанное» за тире – оказывается шире и вместимее идеологических и географических границ.

БИБЛИОГРАФИЯ (выборочно)

«Переписка М. И. Цветаевой и П.П. Сувчинского», *Revue des études slaves*, tome 64, fascicule 2, 1992, p. 183-221. Переиздано : Марина Цветаева. *Собрание сочинений в семи томах*, Письма. т. 6, Эллис Лак, 1995, с. 314-326.

Marina Tsvetaieva et l'Europe. Actes du colloque international au Collège Doctoral Européen de Strasbourg (sous dir. de Tatiana Victoroff et Valentina Chepiga), Archives Contemporaines, collection Multilinguisme, traduction, création. 2021, 317 p.

Козовой, Вадим. Поэт в катастрофе (приложение I), Москва, Гнозис, Institut des études slaves, 1994, с. 187-285.

Козовой, Вадим. «О П. Сувчинском и его времени», *Петр Сувчинский и его время,* Москва, Композитор, 1999, с. 51-53.

Извольская. Е. «Тень на стенах: о Цветаевой», *Опыты*, 1954, кн. 3, с. 157.

Саакянц, Анна. *Марина Цветаева. Жизнь и творчество*. М., 1997.

Цветаева, Марина. *Письма к А. Тесковой*, Прага, изд. Академия наук, 1969.

THE BITTERNESS OF PARTING: MARINA TSVETAEVA'S AND JOSEPH BRODSKY'S END OF LOVE POEMS

CAROL UELAND (USA)
Professor of Russian Emerita (Drew University)

Of all the types of lyric poetry, the love lyric as an appeal to the object of the poet's affection is perhaps the most common and the subject of volumes of scholarly analyzes. But less studied is its opposite, a poem which addresses the emotional pain of the ending of a relationship, the un-love, non-love or anti-love lyric, addressed to a former lover replete with negatively charged emotions. Even though Pushkin's most famous love lyrics are often regarded as the most perfect models of the genre in the Russian poetic canon sometimes they also contain subtle hints of less gracious feelings. "Я вас люблю," often cited as the epitome of the love lyric for the implied generosity of Pushkin's line wishing his beloved to be loved as much by another, can also be read as the poet's suggestion that she will be not be able to find such a person. A slightly more forceful break with positive evocations of a past love occurs in the well-known lyric "Для берегов отчизни дальной..." dedicated to another former lover, Amalia Riznich. As she departs for her native Italy her earlier promise to the poet that they will meet again when she will bestow on him another kiss of love is followed first by the poet's realistic expression of the losses of death ("Твоя краса, твои страдания/Исчезли в урне гробовой"). Then followed a conclusion which is almost a threat—in the afterlife he will claim his kiss: "Но жду его, он за тобой... (In his musical setting for this poem Borodin highlights this change in tone by shifting the key on the word "but.") Both the biographical details about the beloved and the referencing of the physicality of the relationship are themselves perhaps already a note of revenge. The practice of the farewell lyric which expresses jealousy, anger, longings and disenchantment, and a desire for revenge, often replete with overt sexual references, fully expands in the works of the two leading practitioners of the farewell lyric in twentieth century Russian verse: Marina Tsvetaeva and Joseph Brodsky.

Often scholars try to avoid the implied negative emotions and the violation of decorum of poems of parting by linking them to older traditions, thereby justifying the practice. Some scholars trace the origin of such lyrics to Classical poetry and most often to the works of its most explicit practitioner of this type of lyric, Catullus. A recent example of such an attribution is Alexander Dolinin's article "Darling, I left the house today…" first presented at Princeton

Universlty's "Akhmatova's Orphans" conference on May 5, 2024, and shortly to be published in *Новое литературное обобзрение*), an analysis of Joseph Brodsky's " Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером," 1989 (in the authorized English translation the poem is entitled "Brise Marine.") It is the last poem Brodsky wrote to Marina Basmanova, whom he considered his common-law wife and who was the mother of his son Andrei. However, my own reaction on hearing this paper was to doubt that Marina Basmanova would feel honored to be remembered by such a linkage to Catullus' favorite prostitute. My presentation will argue that while Brodsky also frequently invoked classical antecedents, including Catullus, throughout his poetic practice, it is Marina Tsvetaeva who is the more important source for Brodsky in the expression of emotionally fraught negative lyrics to former lovers. She is also the precursor for more explicit descriptions of the sexual elements in relationships with former lovers, male and female. In Tsvetaeva's own oeuvre there are several examples of vengeful lyrics of sexually explicit emotions that do emanate from classical motifs, such as her two-part lyric on Phaedra's lust for Hippolytus. Similar volatile emotions can be seen in Tsvetaeva's poems to Sofia Parnok, emotions that apply to Tsvetaeva's female lovers as well. I have selected only a few of Tsvetaeva's short lyrics on such ruptures. Her practice in describing ruptures becomes increasingly autobiographical in the 1920's, narrating in longer forms the trajectory of passionate and ultimately impossible relationships, as the lyrical impulse takes on more narrative dimensions in the poems "Poem of the End" (*Поэма конца* and "Poem of the Mountain" (*Поэма горы*). In turning to the genre of the long poem {поэма) the pretext of the subject's anonymity is no longer possible given the precision of dates and geography. One of Tsvetaeva's most perceptive readers was Joseph Brodsky as evidences in his two essays on her poetry and whose own poetry continues her bold innovations in the genre of poems of fraught farewells. His own poems to former lovers (those who have left him) became increasingly explicit in describing emotional and sexual issues. Although they are short lyrics, as opposed to Tsvetaeva's longer poems, these works pinpoint precise times and places, leaving their subjects quite exposed to the poet's invective.

PRIMARY TEXTS

short poems of Marina Tsvetaeva:

"Мне нравится, что Вы больны с мной... "
" Попытка ревности"
"Федра 1. Жалоба 2. Послание"

Поэма Горы
Поэма Конца
Стихотворения и поэмы в пяти томах, ed. Alexander Sumerkin. New York. Russica Publishers.1983.

SECONDARY SOURCES ON TSVETAEVA'S BIOGRAPHY AND POETRY

Boym, Svetlana, "Loving in Bad Taste. Eroticism and Literary Excess in Marina Tsvetaeva's "'The Tale of Sonechka," in *Sexuality and the body in Russian Culture*, ed. Jane T. Costlow, Stephanie Sandler and Judith Voles, Stanford: Stanford University Press, 1993 pp.156-176.

Dinega,[Gillespie] Alyssa. A Russian Psyche: *The Poetic Mind of Marina Tsvetaeva*, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2001.

Dolinin, Alexander, "Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером," *Новое литературное обозрение,* forthcoming Spring 2025.

Feiler, Lily, Marina Tsvetaeva: The Double Beat of Heaven and Hell, Durham: Duke University Press. 1994.

Hasty, Olga peters, Tsvetaeva's Orphic Journeys in the Worlds of the Word, Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1996.

Karlinsky, Simon*, Marina Tsvetaeva. The Woman, her World and her Poetry*, Cambridge: Cambridge UP, 1985

Лосская, Вероника, *Марина Цветаева в Жизни*, Tenafly New Jersey: Hermitage. 1989,es[/ Chapter 6 on Поэма конца и Поэма горы..

Michael M. Naydan and Slava I. Yastremski, "Translating the Fine Excess of Spirit in marina Tsvetaeva," in *Marina Tsvetaeva, The Essential Poetry,* Glagoslav, Nederland: Glagoslav Publications, 9-15.

Joseph Brodsky "A Poet and Prose," "Footnote to a Poem," (two essays on Marina Tsvetaeva) in Joseph Brodsky, *Less than One.* New York: Farrar, Straus Giroux.1986

PRIMARY TEXTS

Poems of Joseph Brodsky from

Иосиф Бродский, Стихотворения и поэмы, Том 1-2, Санкт Петербург: Издательство Пушкинского Дома, 2012. [Новая Библиотека Поэта]

" Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером," 1989.

"Exeter Revisited" in Joseph Brodsky*, So Forth*,New York: Farrar, Straus and Giroux, c. 1996 (written in English.)

from Иосиф Бродский, Стихотворения и поэмы, Том 1-2,[Библиотека Поэта] Санкт Петербург: Издательство Пушкинского Дома, 2012.

SECONDARY SOURCES ON BRODSKY'S BIOGRAPHY AND POETRY

Lev Loseff, Joseph Brodsky. A Literary Life. Trans Jane Ann Miller.New Haven and London. Yale University Press. 2011.

Volkov, Solomon, *Conversations with Joseph Brodsky*, New York: The Free Press, 1998.

TSVETAEVA AND THE ANGLO-RUSSIAN CULTURAL CIRCLE OF THE 1920S

OLGA SOBOLEV (UNITED KINGDOM)
London School of Economics and Political Science

Over the course of her life as an émigré writer, Marina Tsvetaeva made just one visit to London - in the spring of 1926. Though brief, lasting only two weeks, the trip left an indelible impression on her. She would later recall it with warmth and affection in her correspondence with Vladislav Khodasevich, Boris Pasternak, Salomea Andronikova, Raisa Lomonosova, and Iurii Ivask. While still in London, she also shared her impressions in detailed letters to Peter Suvchinsky, her Czech benefactress Anna Teskova, and Dmitrii Shakhovskoi:

> Завтра еду обратно. Рада, но жаль. Лондон чудный. Чудная река, чудные деревья, чудные дети, чудные собаки, чудные кошки, чудные камины и чудный Британский Музей. Не чудный только холод, наносимый океаном. И ужасный переезд. (Лежала, не поднимая головы). (Tsvetaeva, 1994: 345).
> I am going back tomorrow. I am glad, but also sorry. London is wonderful. Wonderful river, wonderful trees, wonderful children, wonderful dogs, wonderful cats, wonderful fireplaces, and wonderful British Museum. Not wonderful is only the chill brought in by the ocean. And the dreadful crossing. (I just lay there without raising my head).

This paper offers a close examination of Tsvetaeva's visit, highlighting one, possibly two, poetry readings she gave for London audiences, and situating it within the wider framework of Anglo-Russian cultural relations in the mid-1920s.

Tsvetaeva's trip to London, including her poetry evenings, was organized by Prince Dmitrii Sviatopolk-Mirsky (1890–1939), a prominent literary critic of the time and a lecturer at the School of Slavonic Studies, then part of King's College, London. Mirsky first encountered Tsvetaeva's work in the early 1920s, reacting with curiosity rather than admiration. In a 1921 review published in *The London Mercury*, he dismissed her style as 'studiedly trivial' (Mirski, 1921:414). The following year, in an unpublished article on the state of contemporary Russian poetry, he offered a more nuanced, if still ambivalent, assessment. It was here that he first applied the term *frivolousness* to her verse, characterizing it as 'very free-spirited, capricious, pedestrian, and extremely vivacious.' This tone persisted in his 1924 preface to his anthology of Russian poetry, where he referred to Tsvetaeva as a gifted yet hopelessly dissolute Muscovite - a remark that lingered in the memory of her contemporaries for a long time (Sviatopolk-Mirsky, 1924: xii).

For English readers, the first substantial introduction to Tsvetaeva's poetry and prose appeared in Mirsky's *Contemporary Russian Literature*, published in 1926, which included an entire section devoted to her work. Mirsky largely maintained his earlier ambivalence. While

he dismissed her prose in characteristically sharp terms - as 'the most pretentious, unkempt, hysterical, and altogether worst prose ever written in Russian' (Mirsky, 1926: 263) - he acknowledged the power of her poetry, describing it as the work of an undeveloped yet unmistakably strong and original talent. 'On a much higher level of creative poetic achievement,' he wrote,

> is the remarkably original and fresh poetic talent of Marina Tsvetayeva. For rhythmical writing she has few equals […] Her poetry is all fire, enthusiasm, and passion; but it is not sentimental, nor even in the true sense emotional. It 'infects' not by what it expresses, but by the sheer force of its motion. This force is quite spontaneous, for she is not a great craftsman, and the level of her work varies greatly. At her worst she is painfully pretentious and obscure. But there is nothing more exhilarating than some of her short poems - simple, direct, full of breath (Mirsky, 1926: 262-3).

Mirsky and Tsvetaeva became acquainted through the Eurasian circle, with which her husband, Sergei Efron, was closely involved. They were introduced by Peter Suvchinsky, a mutual friend and prominent figure within the group. This personal connection led Mirsky to engage more deeply with Tsvetaeva's work, prompting a notable shift in his critical stance. In 1926, he published enthusiastic reviews of her poems *Молодец* (*The Brave Young Lad*) and *Крысолов* (*The Pied Piper*), interpreting the latter as a serious political and ethical satire, thus challenging the prevailing perception of Tsvetaeva as an apolitical writer. That same February, he offered a detailed and highly favourable account of her work in *The New Statesman*, one of London's leading political and cultural magazines (Mirsky, 1926a).

Mirsky's article was intended to prepare the ground for Tsvetaeva's visit to London. Considering the latter, the paper adopts a twofold line of inquiry. First, drawing on contemporary accounts, letters, and memoirs, it examines the significance of the visit for Tsvetaeva's literary trajectory and her critical reception within Russian émigré circles. While in London, Tsvetaeva used her time productively, continuing to write and reflect. Toward the end of her stay, she wrote to Anna Teskova (24 March 1926), describing the visit as 'the first two weeks of freedom in eight years.'

> Это первые мои две свободные недели за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) — упиваюсь […] Написала здесь большую статью. Писала неделю, дома бы писала 1 ½ месяца (Tsvetaeva, 1994: 345).
> This had been my first two weeks of freedom for eight years: 4 Soviet and 8 émigré ones – I am overjoyed […] I wrote a big article there. I finished it in a week; at home, it would have taken six.

The article Tsvetaeva referred to was her scathing review of Osip Mandelstam's autobiographical novella *Шум времени* (*The Noise of Time*), which she condemned as 'книга бесконечной подлости. Пишу - вот уже второй день - яростную отповедь' ('a book of

unending baseness. I've been writing - this is the second day now - a furious rebuttal') (Tsvetaeva, 1994: 316). During these same weeks in London, she was also proofreading one of her most controversial essays, *Поэт о критике* (*The Poet on Critic*). Focused on the contemporary state of Russian émigré *belles lettres*, the piece stands among her most caustic works. For years, it would contribute to her isolation from the broader émigré community of writers and critics.

Tsvetaeva's poetry readings at the London School of Slavonic Studies garnered a measure of public attention and achieved notable financial success. Alongside the initially favourable reception of her work in Paris (January–February 1926), this helped solidify Tsvetaeva's reputation as one of the leading figures among the younger generation of Russian poets. However, her rising prominence was not without controversy, particularly concerning her artistic style and political stance. Special attention is given to how this early reception influenced the broader critical discourse and ongoing debates that shaped perceptions of Tsvetaeva throughout her years in exile, especially considering her complex and often polarising literary voice.

Considering the second avenue of inquiry, the paper explores the broader impact of Tsvetaeva's visit on the reception of Russian culture within the context of the emerging Anglo-Russian relations. Special attention is given to the growing British fascination with Russian literature and art that characterised the cultural landscape of the mid-1920s. This trend involved the Anglo-Russian Literary Society, prominent figures from the Russian diaspora, such as Ariadna Tyrkova-Williams and Prince Evgenii Galitzine, alongside leading members of the British cultural elite, including Ellen Harrison, Virginia and Leonard Woolf, and John Maynard Keynes. Within this framework, Tsvetaeva's presence in London is examined as both a literary event and a cultural encounter - one that may or may not have left a lasting impression on the evolving British engagement with Russian culture.

BIBLIOGRAPHY

Mirski, Dmitrii, 'A Russian Letter: Recent Developments in Poetry: Poetry and Politics, *The London Mercury*, 1921, 4 (22), 414-18.

Mirsky, Dmitrii S., *Contemporary Russian Literature, 1881-1925*, New York, Alfred A. Knopf, 1926.

Mirsky, Dmitrii, 'Marina Tsvetaeva', *The New Statesman*, 1926a, 26 (670), 611-13.

Sviatopolk-Mirsky, D. P., Preface, *Russkaia lirika. Malen'kaia antologiia russkoi poezii ot Lomonosova do Paternaka*, Paris, 1924.

Tsvetaeva, Marina, *Letters*, in *Collected Works* (7 vols), Moscow, Ellis Lak, 1994, vol. VI.

BLOC 2.14
LES APOCRYPHES SLAVES DANS LEUR CONTEXTE : COMPARAISONS ET FILIATIONS / SLAVIC APOCRYPHAL LITERATURE IN CONTEXT: COMPARISONS AND FILIATIONS

Organisateurs : SUSANA TORRES PRIETO, ALEXANDER KULIK

Alexander Kulik Slavonic Apocrypha and Post-Biblical Jewish Traditions 1
Anissava Miltenova Apocrypha in the Slavonic Monastic Miscellanies (14th-15th Centuries) 4
Emanuela Timotin The Slavonic *Tale of the Tree of the Cross* and Its Romanian Afterlife 5
Liudmila Navtanovich 2 Enoch and its «Everlasting» Questions 6
Susana Torres Prieto Towards a Critical Edition of the Slavonic *Acta Pilati* 8

SLAVONIC APOCRYPHA AND POST-BIBLICAL JEWISH TRADITIONS

ALEXANDER KULIK (ISRAEL)
The Hebrew University of Jerusalem
kulik@mail.huji.ac.il

Abstract: Slavonic apocryphal (pseudepigraphic) corpus is usually regarded as a branch of the Greek tradition, and its tradition critical analysis focuses on Judeo-Greek and early Christian Greek and Byzantine sources. This paper discusses traditions shared by Slavonic apocrypha and rabbinic writings preserved in Hebrew or Aramaic. Since, with rare exceptions, all Slavonic apocryphal writings have been translated from Greek, these parallels may bear evidence of either to common early Jewish sources behind both Hebrew-Aramaic and East Christian traditions or to later Christian borrowings from the rabbinic tradition on Byzantine (or less probably Slavic) soil. Both options deserve further study, but at this stage, the former possibility seems more probable in most cases.

Medieval Slavonic literature has preserved a remarkable body of biblical pseudepigrapha, much of which represents translations from now-lost Greek originals—and sometimes from Hebrew or Aramaic antecedents. Traditionally, scholarship has understood the Slavonic corpus as an offshoot of the Greek Christian tradition, focusing on its relationships with Judeo-Greek, early Christian, and Byzantine sources. However, closer analysis reveals that some traditions preserved in the Slavonic pseudepigrapha align more closely with motifs found in rabbinic literature written in Hebrew and Aramaic.

This observation complicates the traditional framework. It suggests that at least certain strands of Slavonic pseudepigrapha preserve echoes of a common early Jewish heritage, preceding the clear division into rabbinic and Christian traditions. Alternatively, some of the parallels might be due to later borrowings from rabbinic Judaism into Eastern Christianity—or, less probably, specifically into Slavic Christianity. Although both scenarios require consideration, the present evidence more often favors the hypothesis of common early sources.

The methodological challenge lies in distinguishing layers of tradition and assessing whether parallels represent independent development, later Christian adaptation, or genuine relics of a shared Jewish past. It is crucial to recognize that during the early centuries of the Common Era, religious traditions had not yet crystallized into fully separate and isolated channels. Transmission across communities was fluid, and early Jewish pseudepigraphic traditions circulated widely among different groups.

Most early Slavonic pseudepigrapha were translated from Greek in South Slavia. Although some scholars once proposed direct translations from Hebrew (e.g., for *Apocalypse of Abraham* or *2 Enoch*), these claims are now largely discounted. More reliable cases of direct Hebrew-Slavonic translation concern medieval Eastern Slavic works between the

thirteenth and fifteenth centuries. These, however, are not relevant for identifying ancient traditions, since they derive from medieval midrashic and historiographical materials rather than from Second Temple or earlier sources.

The focus of the current study is narrower: the Greek-to-Slavonic pseudepigrapha, specifically those that show unlikely but telling convergences with rabbinic motifs. Within this group, a distinction must also be made between "major" apocalyptic works—such as *Apocalypse of Abraham* and *2 Enoch*—and "minor" pseudepigrapha like *Creation of Adam*, *Adam's Contract with Satan*, and others. The minor works tend to exhibit more signs of medieval reworking, but they nonetheless conserve deep strata of older traditions.

Even where minor Slavonic pseudepigrapha are clearly products of Byzantine or Slavic literary creativity, their heavy reliance on earlier material is evident. Rather than pure invention, they often represent recombinations and reinterpretations of older textual motifs. Some of these motifs, especially when paralleled exclusively in rabbinic literature, suggest direct or indirect preservation of ancient Jewish traditions.

This observation has important implications. It points toward the need to reconsider the dating of some rabbinic traditions, often ascribed to relatively late periods (third to twelfth centuries CE). If similar motifs are found in traditions that entered Eastern Christian transmission early enough, it may indicate that these rabbinic traditions—or at least their core elements—originated much earlier than previously assumed.

The broader methodological consequence is that the Slavonic corpus, when critically analyzed, can serve not merely as a witness to Byzantine Christianity's reception of ancient Jewish themes but also as an indirect but valuable testimony to the diversity and transmission of early Jewish literature. It invites a more dynamic model of literary history, in which traditions migrate, recombine, and re-emerge across linguistic, religious, and cultural boundaries.

While the possibility of later Byzantine borrowing from rabbinic Judaism must remain open, the specificity and antiquity of many of the discussed parallels strengthen the likelihood that what we are seeing are not secondary adaptations, but survivals of much earlier Jewish traditions. This hypothesis, if further confirmed, would enhance the significance of Slavonic pseudepigrapha for the study of Jewish intellectual history and early Jewish-Christian relations.

Thus, a careful comparative study of the Slavonic pseudepigraphic corpus alongside rabbinic literature can shed new light on the hidden pathways through which ancient Jewish traditions were transmitted, transformed, and preserved—often in unexpected places.

SELECTED BIBLIOGRPAHY

DiTommaso, Lorenzo, and Christfried Böttrich, eds. *The Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition: Continuity and Diversity*. Texts and Studies in Ancient Judaism 140. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011.

Kulik, Alexander. "On Traditions Shared by Rabbinic Literature and Slavonic Pseudepigrapha." *Journal for the Study of the Pseudepigrapha* 22 (2013): 99–121.

Kulik, Alexander, and Sergey Minov. *Biblical Pseudepigrapha in Slavonic Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Lieberman, Saul. “Neglected Sources.” *Tarbiz* 19 (1948): 148–166. (Hebrew)

Orlov, Andrei A. *From Apocalypticism to Merkabah Mysticism: Studies in the Slavonic Pseudepigrapha*. Supplements to the Journal for the Study of Judaism 114. Leiden: Brill, 2006.

Scholem, Gershom. *Major Trends in Jewish Mysticism*. New York: Schocken, 1946.

APOCRYPHA IN THE SLAVONIC MONASTIC MISCELLANIES (14TH–15TH C.)

ANISSAVA MILTENOVA (BULGARIA)

Monastic collections intended for individual (cellular) reading are often not associated with dates in the church calendar or the celebration of the cult of saints but are instructive reading. The Apocrypha that is included in them has a different function: (a) texts with a cognitive account of persons and events from the Old and New Testaments (re-reading the Bible); (b) works related to eschatology and apocalyptic; c) readings related to natural phenomena and applied knowledge. Topics group some of them, while others are included in cycles according to formal criteria.

Apocryphal works are completely "legalized"; they aim to enlighten readers, elevate them spiritually, and serve as reference materials. This feature is typical of manuscripts from monasteries in the Balkans in the 14th and 15th centuries. Of particular interest are manuscripts created in large monastic centres, such as the Hilandar Monastery on Mount Athos, in which rare copies of apocryphal works appear, e.g. Revelation of the Apostles. The author examines the causes of this phenomenon and its consequences.

The present paper will be soon published in Scripta & e-Scripta No. 25 (2025).

THE SLAVONIC *TALE OF THE TREE OF THE CROSS* AND ITS ROMANIAN AFTERLIFE

EMANUELA TIMOTIN (ROMANIA)
"Iorgu Iordan – Al. Rosetti" Institute of Linguistics of the Romanian Academy
etimotin@yahoo.com, emanuela.timotin@unibuc.ro

Various Romanian manuscripts comprise integral or fragmentary versions of the *Tale of the Tree of the Cross*. All the manuscripts are preserved in the Library of the Romanian Academy in Bucharest and were written between the second half of the 17th century and the first half of the 19th century. The apocryphal narrative circulated both in clerical and in lay milieux, in all the Romanian regions: first in Moldova, then in Transylvania and later in Wallachia.

I provided an inventory of the manuscripts and a description of the relations between them in as previous study (*Lemnul crucii*, edition, philologic and linguistic study by E. Timotin, in *Cele mai vechi cărţi populare în literatura română* 5, Bucharest, 2001, 107–199).

The present paper attempts to identify the Slavonic sources of the Romanian recensions, to reveal the specific features of the Romanian tradition, and to contribute to a global understanding of the history of this apocryphal text.

2 ENOCH AND ITS "EVERLASTING" QUESTIONS

LIUDMILA NAVTANOVICH (SPAIN)

2 Enoch, or "Slavonic Enoch", or *Книга о всхищении Еноховѣ Праведнаго*, is one of the Old Testament Pseudepigrapha that is known as an entire text only in Slavonic. It used to be called "Slavonic Enoch" until 2009 when Joost Hagen discovered fragments from it in Coptic manuscripts. However, as a "whole text" 2 Enoch is still known in Slavonic manuscripts.

In the Enochic literature there are two more Pseudepigrapha which are connected with patriarch's name: 1 Enoch and 3 Enoch. 1 Enoch is fully preserved in Geʿez (Classical Ethiopic), in fragments in Greek and Latin, and in various short fragments in Aramaic in Dead Sea Scrolls, 3 Enoch is a later (comparing with 1 Enoch) Hebrew Pseudepigraphon. 2 Enoch differs from the other two texts in everything: in contents, in length, in style.

The first fragments of 2 Enoch were published in the middle of the 19th century, and since then there has been a procrated debate on **all** the questions concerning the history (including textual history) of pseudepigraphon in question. Notwithstanding the fact that it has been studied by a number of exceptional experts in the Second Temple Judaism and Early Christianity and also by highly distinguished Slavists, such as A.Vaillant and N.A.Meshcherski, there is hardly any agreement among the scholars on any possible questions referring to its provenance.

One of the most remarkable tokens of continued puzzlement over this work is the failure of scholars to decide whether it came from Jewish or Christian circles. Furthermore, the scholars do not agree on the solutions to the following problems: the origin of the *"Urtext"* of the pseudepigraphon (when, where and in what language it appeared); how many recensions of 2 Enoch we have; which one of the two "main recensions" is primary; when and how the other recension appeared (whether it was a new translation from a recension that existed in Greek or whether it was created in Slavonic already); where, when and from what language the translation (translations?) into Slavonic was/were made, etc.

2 Enoch is preserved in "full" copies and fragments, the oldest "full" copy dates from the end of the 15th century (and the earliest fragments from 2 Enoch are preserved in the Scale of Justice (Мерило Праведное, the oldest copy is from the 14th century)). At the same time the pseudepigraphon has information like *solar calendar* of 364 days known from Qumran. Thus, between possible provenance of the text and its earliest "full" witness there is a 15-century gap. Certain information in the pseudepigraphon was totally unknown in Byzantine-Slavic tradition and must have become "corrupt" during a very long process of coping, translating, redacting in

different languages, while passing through cultures and times, that is why the text we have in Slavonic copies contains so many "obscure places" (*темные места*).

To sum up, 2 Enoch in many aspects remains an enigma, but it is one of the most emblematic Old Testament Pseudepigrapha, and without any doubt it is one of the most influential and fascinating Slavonic Apocrypha, for which "the state of the art" and the results of author's own research into the Slavonic text undertaken during more than two decades will be presented.

TOWARDS A CRITICAL EDITION OF THE SLAVONIC *ACTA PILATI*

SUSANA TORRES PRIETO (SPAIN)

The apocryphal text of the *Acta Pilati* (in Latin, *Evangelium Nicodemi*) was one of the most used and circulated texts in *Slavia Ortodoxa* due to its pertinence in the narration of the Passion of Christ in the liturgical readings of Holy Saturday, where it was often used alongside the relevant passages of the Gospel of John. It is also the only text that narrates the Harrowing of Hell by Christ and therefore it was fundamental in the understanding of the eschatological theology of Salvation.

The history of the text in Greek is extremely complicated and the traditional classification of all the Church Slavic witnesses (made first by A. de Santos Otero and subsequently corrected by F. Thomson), which tried to follow the faulty understanding of the text inaugurated by Tischendorf, did not contribute to clarify matters or to prepare the evidence to tackle successfully a new critical edition of the text.

After fifteen years of research in collaboration with the group responsible for the creation of the new critical edition of the text in the AELAC (Association pour l'Étude de la Littérature Apocryphe Chrétienne) I have managed to reclassify all the available Slavonic witnesses of the *Acta Pilati* into three main families and prepare the texts for the critical edition that will soon appear in *Corpus Christianorum, Series Apocryphorum.*

The present paper will introduce the differences between the three main families, their main characteristics and the manuscript tradition linked to each of them. It will also explain the principles followed in the critical edition based on a new understanding of textual innovation in *Slavia Orthodoxa*, which relied heavily in the rearranging of textual building blocks rather than the intervention at word-level, as in other Classical traditions. This principle rendered the traditional approach to ecdotics inherited from Classical philology useless and cumbersome in the case of Slavonic texts, forcing specialists to adopt one-manuscript based editions that often obscured the richness of manuscript exchange within *Slavia Orthodoxa* that was responsible for creating new, some would say hybrid, versions of previously known Greek source texts. The new understanding of textual innovation allowed me to reclassify the witnesses, create new Slavonic families (dispensing with the old classifications made upon the base of Greek evidence) and also find a way of presenting in a synoptic critical edition the richness of the Slavonic tradition.

BLOC 2.15.
L'UKRAINE : CHANCES ET ÉCUEILS DE LA DIVERSITÉ CULTURELLE / UKRAINE: CHANCES AND PITFALLS OF CULTURAL DIVERSITY

Organisateurs : MIRJA LECKE, OLEKSANDR ZABIRKO
Discutant: ULRICH SCHMID

Mirja Lecke The Russian Enlightenment Novel, a Ukrainian Invention? Vasily Narezhny read through an Imperial Critical Lense 1

Oleksandr Zabirko Constructing Donbas in Russian and Ukrainian Literature 4

Jagoda Wierzejska The Polish-Ukrainian War for Eastern Galicia in the Pacifist Perspective of Józef Wittlin – the Polish Writer of Jewish Origins 7

Yuliya Ilchuk Transgenerational and Transnational Transfer of Memory in Post-Euromaidan Ukraine 10

Amelia Glaser The New Old Country **13**

THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT NOVEL, A UKRAINIAN INVENTION? VASILY NAREZHNY READ THROUGH AN IMPERIAL CRITICAL LENSE

MIRJA LECKE (GERMANY)

The established narrative of Russian literary history typically begins with the realist prose of Turgenev, Dostoevskii, and Tolstoi from 1860 onward, filling what critics had perceived as a gap in Russian-language prose about Russian life. However, this narrative overlooks a significant body of enlightened and sentimentalist novelistic prose written by non-Russians in the Russian language, particularly by the Ukrainian Vasily Narezhny (1780-1825) and the Pole Faddei Bulgarin (1789-1859).

Narezhny, born into Ukrainian gentry and likely descended from an impoverished Polish Szlachta family in the Poltava region, left Ukraine at age twelve for education in Moscow and later service in Saint Petersburg. Despite his significant contributions to Russian literature, Narezhny remained largely invisible to his contemporaries and later critics. This invisibility can be attributed to multiple factors: his isolation from major literary networks in St. Petersburg, his narrative style that anticipated realism during the Romantic period, and his cultural alterity within Russia's literary elite.

The "Ukrainian" elements in Narezhny's work, particularly in his novel "Bursak" (1824), played a complex role in its reception and literary significance. Contemporary critics appreciated his novels for depicting a familiar world, though opinions varied on whether this familiarity was "Russian" or "Little Russian." Petr Viazemskii praised Narezhny's ability to capture the "characteristic physiognomy" of Little Russia, while Vissarion Belinskii saw the Ukrainian content as limiting the works' appeal to a broader Russian audience.

Linguistically, Narezhny wrote in a somewhat cumbrous Russian typical of his period, incorporating elements from Latin-Polish baroque rhetoric and Ukrainian linguistic features for comic effects and local color. His choice of Russian as a medium of expression aligned with the common practice of Ukrainian writers using Russian for "high" genres and "cosmopolitan" content. However, "Bursak" presents a unique case, with the novel being neither a high genre nor typically cosmopolitan in content. Instead, it portrays Hetman-Ukraine as a dignified, self-sufficient cultural universe, with Russia appearing only marginally in gestures of political submission.

The novel's genre combines historical adventure and picaro elements with sentimentalist love stories, distinguished by strong elements of satire, parody, and travesty. These stylistic features align with what George Grabowicz has termed "kotljarevshchyna," a premodern

Ukrainian literary self-positioning model that maintains distance from the imperial center while masking potential subversion. However, by expressing these elements in Russian and directing criticism primarily at the historically defeated Poles, the work's subversive potential remains limited.

In the context of genre systems, both Ukrainian and Russian literatures were emerging from a brief period of Classicism that had not accommodated the novel as established genre. Narezhny's work represents a significant development in this regard, using Ukrainian material and Russian language to help establish the novel within the imperial literary system. His approach suggests a willingness to present Ukraine as capable of representing Russia pars pro toto, while implementing distinctively Ukrainian literary strategies within the imperial context.

Comparing Narezhny with Bulgarin reveals interesting parallels. Both authors, coming from the empire's western regions, made groundbreaking contributions to Russian literature: Bulgarin by developing a market for middlebrow readers, Narezhny by establishing realist writing techniques through Ukrainian everyday life depiction. Yet both were marginalized in the developing literary canon - Bulgarin through demonization, Narezhny through neglect. Their eventual exclusion coincided with the emergence of more "properly Russian" novelists who would be credited with establishing the Russian novel.

The question of whether the Russian Enlightenment novel represents a Ukrainian invention can be answered affirmatively, but with an important qualification: such national attributions functioned differently in the early 19th century, before modern concepts of national sovereignty emerged. The categories of "Ukrainian" and "Russian" operated under different regimes of cultural visibility within the imperial context, allowing for complex interactions and influences that defy simple national categorization. This analysis suggests a need to reconsider the established narratives of Russian literary history, acknowledging the significant role played by non-Russian writers in developing the Russian-language novel. It also highlights the complex cultural dynamics within the Russian Empire, where literary innovations often emerged from the interaction between imperial center and periphery rather than from a purely "Russian" source.

SELECT BIBLIOGRAPHY

Avrekh, Mikhail. "F. V. Bulgarin v kontekste literaturnogo sentimentalizma." F. V. Bulgarin — pisatel', zhurnalist, teatral'nyi kritik, edited by Abram Reitblat, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, pp. 35-52.

Belinskii, Vissarion. Polnoe sobranie sochinenii. Vols 5, 8, 9, Moscow, 1953.

Belozerskaia, N. Vasilii Trofimovich Narezhnyj. Istoriko-literaturnyj ocherk. 2nd ed., St. Petersburg, 1896.

Bushkovitch, Paul. “The Ukraine in Russian Culture 1790-1860: The Evidence of the Journals.” Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, vol. 39, no. 3, 1991, pp. 339-363.
Grabowicz, George. “Toward a History of Ukrainian Literature.” Harvard Ukrainian Studies, vol. 1, no. 4, Dec. 1977, pp. 407-523.
Grabowicz, George. “Between Subversion and Self-Assertion: The Role of Kotliarevshchyna in Russian-Ukrainian Literary Relations.” Culture, Nation and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter, 1600-1945, edited by Andreas Kappeler et al., Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003, pp. 215-227.
Grabowicz, George. “Narezhny.” Handbook of Russian Literature, edited by Victor Terras, Yale UP, 1985, pp. 292-293.
Grabowicz, George. “The Soviet and the Postsoviet Discourses of Contemporary Ukraine: Literary Scholarship, the Humanities and the Russian-Ukrainian Interface.” From Sovietology to Postcoloniality, edited by Janusz Korek, Södertörn Academic Studies, 2007, pp. 60-81.
Lekke, Mir’ia “Puteshestvie Pana Podstoliia cherez Vil’nu v Rossiiu. Faddei Bulgarin I pol’skii bytovoi roman.” F. V. Bulgarin — pisatel’, zhurnalist, teatral’nyi kritik, edited by Abram Reitblat, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, pp. 127-145.
Lotman, Iurii. Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur. Suhrkamp, 2010.
Narezhny, Vasilij. Izbrannye sochineniia v 2-kh tomakh. Moskva, 1956.
Teml, Liane. Vasilij T. Narežnyjs satirische Romane. Ein Beitrag zur russischen Satire vor Gogol’. München, 1979.

CONSTRUCTING THE DONBAS IN RUSSIAN AND UKRAINIAN LITERATURE

OLEKSANDR ZABIRKO (GERMANY)

In today's Ukraine, the Donbas has routinely been maligned not only as the hotbed of separatism and other sinister political forces but also as a territory of barbarity and a proto-cultural wasteland. Having been established as a coal mining region, the Donbas indeed acquired an image of a typical "intentional community" designed solely for economical purposes. However, since the late 19th century this steppe region on the later Ukrainian–Russian borderland became an object of deliberate literary exploration and construction both by Russian (Kuprin, Chekhov) and Ukrainian (Sosyura) authors. This paper analyses the main discursive and narrative strategies of modelling "Donbas(s)" as a region with distinct (albeit unsettled) identity and a troubled relation to the established political power structures.

The Donets Basin (donetskii basein in Russian), or Donbas for short, was originally not a topographical, political, or cultural term, but primarily a geological one. It refers to the coal deposits in the basin of the river Siverskyi Donets, which, since the late 19th century, enabled the rapid growth of local heavy industry and attracted people from across the Russian Empire and Europe.

However, the attitude of both Russian and Ukrainian authors towards the industrialization of the former wild fields was, in most cases, skeptical, if not utterly hostile. Thus an important segment of the pre-1917 Russian literary production about the Donbas focused not only on its rapidly expanding mining and industrial enterprises but also on the region's most significant religious site – the Holy Mountains Lavra of the Holy Dormition. This Orthodox cave monastery, perched on the steep right bank of the Siverskyi Donets River, attracted large numbers of pilgrims from across the empire as early as the second half of the 19th century. Several literary texts – mostly poems and travel sketches – that recount these pilgrimages feature "holy mountains" in their titles or subtitles (i.e. the texts by Tiutchev, Karonin, Nemirovich-Danchenko, Bunin). These texts construct a semiotic juxtaposition between the high and low, i.e. the Kingdom of God represented by the monastery on the hill and the Satanic underworld of the coal mining and heavy industry. Similarly, the Ukrainian authors of the time (Hrinchenko, Cherkasenko, Cherniavs'kyi), while echoing the anti-modernist criticism towards industrialization, put the serene beauty of the steppe landscapes and the routines of rural life as counterpoint.

While the reversal of this semiotic model is usually associated with the Bolshevik revolution, already in 1913 prior to the World War I this semiotic opposition was ultimately

reversed: in the poem "New America" (1913) by Aleksandr Blok the underground world of the stone coal emerges triumphant and heralds the birth of an entirely new country.

At the heart of this aesthetic shift was the elevation of "the miner" to a central symbol of the region. Traditionally associated with grueling, physically demanding labor, miners, starting in the 1920s, were celebrated not only as the embodiment of a new aesthetic ideal but also as the rightful "owners" of the Donbas, both above and below ground (e.g. in the Ukrainian poetry and prose by Mykola Khvyliovyi and Ivan Dniprovyi).

Since the early 1920s, the Donbas was often perceived as the laboratory for the creation of the Soviet "new man" and a motor for a profound social transformation – an attitude famously captured in Dziga Vertov's avant-garde movie *Enthusiasm* (1931), in which the miners turn into "human machines" echoed in Andrei Platonov's Donbas-based novella *Immortality* (1935), where this early version of transhumanism is deliberately presented as a counterpoint to national antagonisms (above all to Anti-Semitism).

However, already in the early 1930s this transformation was firmly anchored within the totalitarian policies of Stalinism, which turned the Donbas into a testing ground for "rapid industrialization", the "collectivization of agriculture", and the "aggravation of the class struggle". While the region's rural population was decimated by the 1932–33 Holodomor (or the Great Famine), the infamous Shakhty Trial of 1928, the first show trial of the Stalin era, heralded the beginning of the "purges" in industry. The launch of the so-called Stakhanovite movement in 1935 also placed Donbas coalmining at the very center of the all-Soviet campaign intended to increase worker productivity in all segments of industry and agriculture, turning it into a trope within state ideology and the perceived epitome of Soviet identity.

Nevertheless, the Ukrainian element has always been a constitutive part of regional identity, even though its role had often been downgraded to the level of folklore. For instance, in the popular Soviet musical comedy *The Young Years* (*Gody molodye*, 1959), which takes place in the Donbas and Kyiv, all the characters speak Russian, but all the songs are performed in Ukrainian. Similarly, in one of the key texts of the socialist realism, the novel *The Young Guard* by Aleksandr Fadeev, this particular Russo–Ukrainian diglossia (with Ukrainian as a lower, "folkloristic" variety) is cemented as a distinctive feature of the region.

Indeed, while this tendency towards Russification could also be observed across wider Soviet Ukraine of the 1950–60s, intellectual resistance against this state of affairs is associated, first and foremost, with Ivan Dzyuba, a philologist from Donets'k, who in his 1965 book *Internationalism or Russification?* directly addressed and criticized the Communist Party leadership for its policy on nationalities. Although Dzyuba articulated his criticism from a Marxist

standpoint, he was still sentenced to five years in prison in 1972. Despite this, Dzyuba and other prominent dissidents from the Donbas, such as the poet Vasyl' Stus or the human-rights activist Oleksa Tykhyi, undoubtedly contributed to the image of the Donbas as a place of dissidence within Ukrainian culture, constantly challenging the official Soviet monopoly.

By the 1990s, however, the once-vital mining areas of the Donbas found themselves on the margins of the newly established Ukrainian state and were often portrayed as a sick and ugly part of the Ukrainian national body (e.g. Andrukhovych, Boichenko, Shkliar) – a status cemented by Russian military aggression and the ongoing devastation of the region since 2014.

While the musealization of the Donbas' industrial heritage never fully materialized, a significant segment of Ukrainian literature has arguably "mythologized" the region, offering a defamiliarized, estranged portrayal of the country's industrial borderland.

This paper concludes with how contemporary Ukrainian authors reimagine coal not merely as a source of energy or an industrial resource but as a metaphysically charged phenomenon that shapes cultural identity and memory. By focusing on works of Lyuba Yakimchuk, Serhii Zhadan, Oleksandr Mykhed, and other Ukrainian authors, the paper explores the re-interpretation of coal within the framework of post-extractivism, focusing on how literature transforms the coal-mining heyday into a distant, mythic past – an era ripe for interpretation and aimed at evoking affective responses rather than rational understanding.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Bladowm Kyle; Ladino, Jennifer (eds): *Affective Ecocriticism: Emotion, Embodiment, Environment.* Nebraska: University of Nebraska Press, 2019.

Clough, Patricia; Halley, Jean (2007): *The Affective Turn: Theorizing the Social*. New York: Duke University Press.

Kuromiya, Hiroaki (2003): *Freedom and Terror in the Donbass: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s-1990s* (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies, Band 104). Cambridge: CUP.

Lindner, Rainer (2006): *Unternehmer und Stadt in der Ukraine, 1860 - 1914: Industrialisierung und soziale Kommunikation im südlichen Zarenreich*. Konstanz: UVK-Verlag.

Podov, Vladimir; Kurilo, Vitalii (2001): *Istoriia Donbassa. Vek XIX.* Luhansk: Alma mater.

Zabirko, Oleksandr: The Donbas: A Region and a Myth. In: Palko, Olena; Férez Gil, Manuel (eds.): *Ukraine's Many Faces: Land, People, and Culture Revisited*. Bielefeld: transcript, 2023, pp. 331-344.

THE POLISH-UKRAINIAN WAR FOR EASTERN GALICIA IN THE PACIFIST PERSPECTIVE OF JÓZEF WITTLIN – THE POLISH WRITER OF JEWISH ORIGINS

JAGODA WIERZEJSKA (POLAND)

Józef Wittlin, a seminal figure of Polish interwar pacifism, articulated a nuanced and evolving response to modern warfare. His intellectual and literary journey between 1914 and 1939 maps a shift from idealistic hope for a reformed post-war peace to a profound sense of catastrophic disillusionment.

Rooted in the multicultural milieu of the Habsburg Empire and personally shaped by Jewish heritage and Polish cultural identity, Wittlin's pacifism emerged early, notably during his experiences in the Imperial-Royal army in World War I. Despite recognizing war as a crime imposed by political elites, he and his friend Joseph Roth joined the army, underscoring the complexity of their position. Wittlin's early writings, such as the essay "War, Peace, and a Poet's Soul," reflect his conviction that war fundamentally corrupts moral values by transforming civilians into killers and normalizing violence through the apparatus of the state. His critique condemned the complicity of religious and national institutions in this transformation. Nevertheless, in the early 1920s, Wittlin maintained a hope that peace born out of such profound trauma might give rise to a more humane world, grounded in humanistic values and collective repentance.

This optimism, however, began to wane during the Polish-Ukrainian War (1918–1919)—a conflict that dramatically put to the test Wittlin's dual identity and his pacifist convictions. Following the collapse of the Habsburg Empire, Eastern Galicia became a site of violent territorial struggle between Poles and Ukrainians, with Lviv at its epicenter. The hostilities broke out on November 1, 1918, and although the city was soon reclaimed by Polish forces, the conflict continued across the region until mid-1919. In the immediate aftermath of the Polish takeover of Lviv, a brutal three-day pogrom occurred in the Jewish quarter—an atrocity that deeply disturbed Wittlin, himself of Jewish heritage and cultural Polishness.

Caught between his national sentiments and ethical commitment to pacifism, Wittlin experienced an acute moral crisis. While he wished for a Polish victory, he could not condone the violence and fratricidal nature of the war, nor could he overlook the suffering inflicted upon civilians, especially the Jewish population. He refused to participate in the armed struggle, even as he fulfilled civilian duties such as burying the dead. This refusal was not

born of political indifference but of a profound ethical dilemma: he could not abandon either his attachment to Polish Lviv or his pacifist rejection of militarized nationalism.

This inner conflict is poetically captured in *Hymns*, a cycle of poems composed during 1918–1919 in Lviv. While formally adopting the language and imagery of pacifist literature—emphasizing the suffering of ordinary soldiers exploited by politicians and warmongers—*Hymns* is striking for its specific historical context. It is a rare example in Polish interwar literature of an anti-militarist stance on the Polish-Ukrainian War, a conflict generally mythologized in national discourse as the heroic "defense" of Lviv. Wittlin's poems are all the more courageous for rejecting this narrative, instead presenting the war through a universalist lens that transcends national enmity.

Of particular note is the figure of the "brother," a lyrical persona who symbolizes the enemy combatant—explicitly, the Ukrainian soldier. Rather than dehumanize this figure, Wittlin imbues him with dignity and suffering, positioning him as a fellow victim of historical violence and political manipulation. This humanization of the Other starkly contrasted with contemporary propaganda that depicted Ukrainians as existential threats to Polish independence. As Wittlin himself later explained, the goal of these poems was not to reflect the grim reality, but to overcome and morally annul it through the act of writing.

In this sense, *Hymns* occupies a singular place in Polish literature: a poetic attempt to reconcile patriotism with pacifism by invoking a broader humanistic ethics that values life above national allegiance. The cycle reveals Wittlin's refusal to allow national loyalty to override his moral convictions, making it one of the most daring and ideologically complex contributions to Polish anti-war writing of the interwar period.

Wittlin's pacifist worldview culminated in *The Salt of the Earth* (1936), a novel centered on the conscription of Piotr Niewiadomski, an uneducated Hutsul villager, into the Austro-Hungarian army. The war, from Piotr's bewildered perspective, appears as an irrational force, profaning human dignity while deifying the state. The novel critiques nationalism and militarism, framing war as a human-made catastrophe that corrupts both civilization and the soul. Yet, it redeems the suffering of anonymous soldiers by casting them as bearers of moral truth—"the salt of the earth."

By the late 1930s, Wittlin's pacifism gave way to a more somber catastrophic anti-militarism. Observing the rise of authoritarianism, militarization, and ethnic hatred, he renounced earlier hopes for a morally reborn Europe. Instead, he viewed the post-WWI peace as morally bankrupt and illusory. His later essays express profound anxiety about Europe's spiritual decay and predict the inevitability of another devastating conflict.

Wittlin's legacy lies not only in his literary contributions but in his moral stance: he never capitulated to the dominant militaristic zeitgeist. His pacifism evolved from idealistic humanism to tragic disillusionment, yet always remained committed to affirming human dignity. In literature, particularly poetry, he found the final sanctuary for hope and virtue. Despite losing faith in humanity's goodness, he asserted that literature must continue to proclaim it—on credit—so that people might eventually live up to that belief. Wittlin thus stands as a rare voice of ethical resistance in interwar Poland, combining deep philosophical reflection with artistic expression in confronting the enduring crisis of war.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Döblin, Alfred. "Ein polnischer Soldat Schwejk. Zu Joseph Wittlin Roman Das Salz der Erde." *Pariser Tageszeitung* 1936, no 139.

Kozłowski, Maciej. *Między Sanem a Zbruczem. Walki o Lwów i Galicję Wschodnią 1918-1919*. Kraków: Znak, 1990.

Magocsi, Paul R. "Galicia: An European Land." In *Galicia: A Multicultured Land*, edited by Paul R. Magocsi, Christopher Hann. Toronto–Buffalo–London: University of Toronto Press, 2005.

Miłosz, Czesław. *The History of Polish Literature.* London: The Macmillan Company, 1969.

Starowieyska-Morstinowa, Zofia. "Mój przyjaciel Wittlin." In Zofia Starowieyska-Morstinowa, *Ci, których spotykałam*. Kraków: Znak, 1962.

Wiegandt, Ewa. "Wstęp." In Józef Wittlin, *Sól ziemi*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991.

Wittlin, Józef, *The Salt of Earth*, translated by Pauline de Chary. London: Methuen & Co. LTD., Publishers, 1939.

Wittlin, Józef. *Hymny*. Poznań: Zdrój, 1920.

Wittlin, Józef. *Hymny*. Warszawa: F. Hoesick, 1927.

Wittlin, Józef. *Hymny*. Warszawa: Wydawnictwa J. Mortkowicza, 1929.

Wittlin, Józef. *Listy*, wstęp i oprac. Tadeusz Januszewski. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1996.

Wittlin, Józef. *Orfeusz w piekle XX wieku.* Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000.

Wittlin, Józef. *Poezje*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978.

Wnęk Konrad, Zyblikiewicz Lidia A., Callahan Ewa. *Ludność nowoczesnego Lwowa w latach 1857-1938*. Kraków: Towarzystwo Naukowe Societas Vistulana, 2006.

Wolff, Larry. *The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford: Stanford University Press, 2010.

Yurieff, Zoya. *Joseph Wittlin.* New York: Twayne Publishers, 1973.

TRANSGENERATIONAL AND TRANSNATIONAL TRANSFER OF MEMORY IN POST-EUROMAIDAN UKRAINIAN LITERATURE

YULIYA ILCHUK (USA)
Stanford University

This paper tries to reconsider the concepts of "rememory" and "postmemory" in post-Euromaidan Ukrainian literature as the response to the formation of civil identity based on shared civic values, rather than on language and identity. In the aftermath of the Revolution of Dignity (2013-2014), the competition among leading Ukrainian writers' for "great national novel" gave way to the novels featuring the communal dimensions of memory/forgetting during the most contested moment of Ukrainian history—World War Two and the tragedy of Holocaust and mass deportation of ethnic minorities. Moments of devastating mass mortality in Ukraine brought together communities who grew up with the memory of the twentieth-century catastrophes and those who have survived the loss and devastation of their homes and communities during the ongoing Russia's military aggression against Ukraine. In the paper, I will present two case studies of the ethnic Ukrainian writers who had conducted thorough archival and ethnographic research and fictionalized the tragic past of Jews and Crimean Tatars in their recent novels – Sofia Andrukhovych's *Amadoka* (2020) and Anastasiia Levkova's *There Is Land Beyond Perekop. A Crimean Novel* (2023). The growing awareness that memories are transformed in each act of recall by the present concerns and future agendas of those communities who do the remembering, even if the rememberer doesn't belong to the victimized community, has encouraged me to look for new interpretative frameworks to theorize memory in post-Euromaidan Ukraine.

Unlike the post-Perestroika generation of Ukrainian writers of non-Jewish origin – Yuri Vynnychuk, Oksana Zabuzhko, Maria Matios – who embedded Jewish characters and subplots about the Holocaust into their historical novels about colonization by the Soviet Union and the national struggle for independence during the war, the new generation of writers engage less with the idea of a homogeneous "national memory" and explore the "multidirectional" turn in collective memory of the war which had a profound traumatic impact on all actors—perpetrators, bystanders, and victims— involved in it. In her novel *Amadoka*, Sofia Andrukhovych develops a complex narrative structure that captures the traumatic memory of the war from the perspective of different actors, showing that the extermination of Jews in Buczacz was a communal tragedy that can be represented only through a polyphonic act of remembrance taking place on a shared if uneven terrain. Employing two concepts from memory studies – dismemory and postmemory – the analysis

of the narrative construction of traumatic memory in *Amadoka* aims to show how literary narrative can capture trauma, on the one hand, and how trauma can shape identity, on the other.

In Anastasia Levkova's *There Is Land Beyond Perekop*, the Ukrainian protagonist through her self-discovery of the multilayered history of the peninsula forms the deep emotional connection with the Crimean Tatar community. The novel takes place during the 1990s and 2000s, with occasional flashbacks to the tragic past of the protagonists' family history. These moments highlight the hardships and terror they endured under Soviet rule, including deportations, executions, imprisonment, and the loss of their property. For the Crimean Tatars, the era of Ukrainian independence was also challenging, as it demanded they fight for their rights. The narrative is deeply rooted in Crimea's history, drawing on oral histories and consultations with Crimean Tatars. The author conducted meticulous anthropological research for ten years to write her "ethnographic novel." My analysis will focus on the use of the first-person narrative in transgenerational transnational transfer of regional memory and its role in the development of the Crimean identity.

The theoretical contribution of my paper lies in the study of multiperspective narrative representation of the contested memory in Ukraine. In The Ukrainians' treatment of the Holocaust and Stalin-era atrocities against ethnic minorities has a distinctive anti-redemptive coloration. In my attempt to overcome binary oppositions between perpetrators and victims, I will Michael Rothberg's concept of the implicated subject as an alternative way of writing about the historical past in Ukraine. "The implicated subject serves as an umbrella term that gathers a range of subject positions that sit uncomfortably in our familiar conceptual space of victims, perpetrators, and bystanders." Implication, which derives from Latin stem *implicāre*, means "to entangle," or "connect closely;" resonates with "complicity," but unlike complicity does not have a strong sense of legal wrongdoing. Moving from a discourse of victims and perpetrators to one of implicated subjects may help scholars of the Soviet past open a broad terrain for thinking about social and political responsibility. Within that terrain one finds multiple implicated subject positions and multiple figures of implication. Only in fictional representation of memory, one can see that complicity presupposes implication, but implication does not always involve complicity.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Amar, Tarik Cyril. “A Disturbed Silence: Discourse on the Holocaust in the Soviet West as an Anti-site of Memory,” in *The Holocaust in the East: Local Perpetrators and Soviet Responses*, Michael David-Fox, Peter Holquist and Alexander M. Martin (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2014)

Andrukhovych, Sofia. *Amadoka* (Kyiv: Vydavnytstvo Staroho Leva, 2020)

Omer Bartov, *Anatomy of Genocide: The Life and Death of Town Called Buczacz* (New York: Simon and Schuster, 2018)

Caruth, Cathy and Geoffrey Hartman. “An Interview with Geoffrey Hartman,” *Studies in Romanticism* 35(4) (1996)

Chebotarova, Anna. “Collective Memory of the Holocaust in Post-Soviet Ukraine,” in *The Burden of the Past: History, Memory, and Identity in Contemporary Ukraine*, ed. Anna Wylęgala and Małgorzata Głowacka-Grajper (Bloomington: Indiana University Press, 2020)

Fainberg, Sarah. “Memory at the Margins: The Shoah in Ukraine,” in *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*, ed. Georges Mink and Laure Neumayer (Houndmills, Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2013)

Finnin, Rory. *Blood of Others: Stalin's Crimean Atrocity and the Poetics of Solidarity* (University of Toronto Press, 2022)

John-Paul Himka, “Obstacles to the Integration of the Holocaust into Post-Communist East European Historical Narratives,” *Canadian Slavonic Papers* 50 (3/4) (September-December 2008)

Jilge, Wilfried. “Competing Victimhoods – Post-Soviet Ukrainian Narratives on World War II,” in *Shared History – Divided Memory: 1939–1941*, ed. Elazar Barkan, Elizabeth A. Cole and Kai Struve (Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2008)

Levkova, Anastasia. *Za Perekopom ie zemlia* [There Is Land Beyond Perekop] (Kyiv: Vydavnytstvo Staroho Leva, 2023)

Michael Rothberg, *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization* (Stanford, C.A.: Stanford University Press, 2009)

Michael Rothberg, *The Implicated Subject: Beyond Victims and Perpetrators* (Stanford, C.A.: Stanford University Press, 2019)

THE NEW OLD COUNTRY

AMELIA GLASER (USA)
University of San Diego

Amidst the 2013-14 Euromaidan "Revolution of Dignity," Ukrainian-born citizens of countries around the world expressed solidarity with the protests against then-president Yanukovych, who had refused to sign an agreement with the European Union in favor of closer ties to Russia. Many Jews born in Ukraine, both during and after the Soviet period, began to identify with a Ukrainian homeland. This talk will explore how a protest movement in Ukraine changed conceptions about a Ukrainian homeland among many Ukrainian-born Jews living in Israel, Western Europe, and North America. For the purposes of this talk I will focus on the language used to discuss Ukraine in literary and artistic endeavors by writers and artists identifying as Ukrainian-born Jews.

BLOC 2.16

LA LITTÉRATURE DU GRAND-DUCHÉ DE LITUANIE COMME TERRAIN DE CONFRONTATIONS LINGUISTIQUES ET CONFESSIONNELLES : TEXTES ET CONTEXTES RELIGIEUX / THE LITERATURE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS A FIELD OF LINGUAL AND CONFESSIONAL CONFRONTATIONS: TEXTS AND RELIGIOUS CONTEXTS

Organisateur : JAKUB NIEDŹWIEDŹ

Jakub Niedźwiedź Translations in Vilnius in the 16th and 17th Centuries: religion, literature, transcultural exchange 1

Eleonora Terleckienė Paratextual Confrontation: Supplementary Texts as Polemical Tools in the Grand Duchy of Lithuania 5

Zhanna Nekrashevich-Karotkaja) Поэтические парафразы в песенном дискурсе культурного пространства Великого Княжества Литовского: от литургического контекста до языковой политики 9

Paweł Bukowiec *Pan Tadeusz*, or the Grand Duchy of Lithuania as a Phantasm 14

TRANSLATIONS IN VILNIUS IN THE 16TH AND 17TH CENTURIES: RELIGION, LITERATURE, TRANSCULTURAL EXCHANGE

JAKUB NIEDŹWIEDŹ (POLAND)

Introduction

The scale of translation activities in 16th- and 17th-century Vilnius is impressive. I would therefore venture to call the city a translation hub, a place where many important translations from a variety of languages were carried out. These translations had a significant cultural impact, not only in this specific region, but also in distant places. It was a borderland where people, languages and texts met, and where the need to translate arose. The translation hub created an effect of synergy. In my presentation, I will focus on this effect and its origins. However, the research questionnaire related to this topic is long. The most important questions are:

What role did urban settlements play in forming translation hubs? What role did translations play in the life of early modern Vilnius? Which texts were translated? Why were they translated? Which texts were not translated? What translation strategies did translators use? Can we consider Vilnius to have been a centre of translation activity in Central and Eastern Europe?

1. What did make Vilnius a translation hub?

Vilnius in the early modern period was a multilingual city. Its inhabitants and visitors used texts in Polish, Ruthenian, Lithuanian, Latin, Yiddish, German, Hebrew, Church Slavonic, Arabic and Greek for business purposes. This linguistic diversity meant that people had to use translations and translate the texts they needed. The situation was easier in spoken communication than in written communication. There were three main spoken languages that could serve as lingua franca: Polish, Ruthenian, and Latin. Many people could speak or at least understand one of these languages. Additionally, spoken Slavic languages merged, facilitating mutual understanding among the majority of Vilnius' inhabitants.

However, the situation was different in written communication. Texts were more formal and always belonged to specific genres. Their purpose was to fix meaning and make communication more precise. For example, when a loan agreement was drawn up, it had to be written in a language that was understandable to both parties. If this was not possible, the contract had to be written in two languages. In practice, the contract would be translated from one language to another.

In the important commercial centre of Vilnius, interpreting and translating legal contracts was a daily occurrence. This was not unusual, as it was urban settlements that stipulated the development of written communication in the early modern period (and later as well). However, Vilnius became a translation centre not only because it was a city and a place of international trade. It was also the capital of a large country where many central offices were located. Until the mid-17th century, the royal court often stayed in the city. Numerous courts were based in Vilnius. Apart from that, it was the capital of the voivodeship and of two bishoprics: one Orthodox and one Catholic. Vilnius was also one of the major centres for Lithuanian Protestants, Jews and Muslims. Consequently, schools belonging to these religious groups operated in Vilnius. One of these was the Jesuit university, the Vilnius Academy. All of these factors meant that there were hundreds or even thousands of people in the city who used texts. Due to the city's multilingual nature, these texts needed to be translated. Some of them were competent translators, but most had to rely on specialists.

2. Between interpretation and translation

In some cases, translation and interpretation were closely connected processes. The first stage of financial transactions, commerce or service exchange must have been oral, with a text usually issued in one language only later. Creating a final document, such as a house sale contract or a loan agreement, was a process that existed somewhere between oral and written communication, where interpretation and translation overlapped. A similar situation occurred when someone dictated their will, which was often written in a different language. For example, the testator might have dictated their will in Lithuanian, but the notary wrote it in Polish or Latin. Another example might be court depositions. At the Vilnius Chapter Court, for instance, witnesses usually gave their depositions in vernacular languages, but the scribe wrote them in Latin.

3. What were the Vilnian translations?

Such pragmatic translations were among the most common in the city. However, alongside them, there are numerous examples of more sophisticated texts that were also translated. I will present a short list of these to demonstrate the scope of the Vilnan Republic of Letters' translation output in 1529.

a) In 1529, King Sigismund I Jagiellon confirmed the first Statute of the Grand Duchy of Lithuania. This was a comprehensive code of law and the country's legal basis. It was written in Ruthenian. However, it was translated into Latin and Polish as early as the 1530s. Similarly,

the Second Statute of 1566, written in Polish, was soon translated into Ruthenian. The Third Statute, the final one, was printed in Vilnius in Ruthenian in 1588, but a Polish translation was published in Kraków for Polish-speaking users. All of these translations were carried out in the chancery of the Grand Duchy of Lithuania in Vilnius. These translations greatly contributed to the development of legal languages in both Ruthenian and Polish.

b) A couple of years earlier, Francysk Skaryna had printed a series of publications for the city's Orthodox inhabitants in Vilnius: the Little Travel Book and the Apostol. These books contain Slavonic translations of Orthodox akathists. Skaryna also published a Church-Slavonic translation of the Bible for the Orthodox inhabitants of Vilnius in 1517. Although the translation was not made in Vilnius, all of Skaryna's books were designed for use in the Grand Duchy of Lithuania, especially in its capital.Another example of texts translated for the wide audience were catechisms. In the 16th century in Prussia and Lithuania several catechisms of different Christian denominations were translated from Latin or German. The Protestant translators worked usually outside Vilnius, but the Catholic translations were made in the city. Their authors were the Vilnan Jesuits. Usually, they based their translations on Canisius. They translated Catechisms into Lithuanian, Ruthenian and Latvian. The Latvian one, published in Vilnius in 158?, was the earliest book in that language.

c) In the 16th century, the great Jesuit translators Piotr Skarga and Mikalojus Daukša worked in Vilnius. While in Vilnius, Skarga compiled The Lives of the Saints in Polish, largely basing it on the Latin work by Laurentius Surius. This was published in Vilnius in 1579. Two decades later, Daukša, a younger colleague of Skarga's, published his monumental Lithuanian translation of Jakub Wujek's Polish Postilla.

d) Not only Christians needed translations of religious texts. We know little about the translation activities and translated religious texts of the Vilna Jews, but we are aware of the Muslim Tatars who lived in one of the suburbs. The Tatars, who spoke Belarusian or Polish, translated their religious texts into these languages and compiled them in manuscript books called 'kitabs' and 'khamails'. These contained translations of the Quran and other religious texts. To achieve this, the Tatars used the Arabic alphabet.

e) From the 1550s onwards, humanists who had settled in the city translated many important European texts from Latin, German and Italian into Polish. Some of these humanists were closely related to King Sigismund Augustus and the royal chancery. These included Stanisław Koszutski, who translated works by Cicero and Reinchard Lorichius; Maciej Strubicz, who translated a military treatise by Prince Albert of Prussia; and Łukasz Górnicki, who translated Il libro del cortegiano by Baldassare Castiglione. Translations of poetry were as

popular as prose. Translated poets included Francesco Petrarca, Jan Kochanowski and Hermann Hugo.

4. Respublica translatorum

Investigating the relationship between the translators and the network they created is difficult today. We can be certain that such a network existed. Firstly, many of the translators worked together in the same offices or organisations. Górnicki, Koszutski and Strubicz, for example, were royal secretaries employed in the royal chancery. Some translators were officials in magistrates', land or castle offices, while others were employed by magnates. An important group of translators were the clergy of all Vilna denominations. The official ecclesiastical languages, such as Latin and Church Slavonic, required priests to have translation skills. For instance, when writing a sermon, a priest would often need to translate the Bible, or at least make use of existing translations.

Such skills were usually acquired at school. Even elementary school students were expected to know how to translate from Latin into vernacular languages. Translation was one of the major subjects in humanistic colleges. Students translated from Latin into the vernacular and vice versa. By the time they graduated, they were proficient in translating different types of texts, including prose, poetry, formal and informal writing, and belles-lettres and functional texts. It should be noted that teachers in these schools were also proficient in these activities.

Churches, offices, courts, schools and the university all provided common spaces for translators. But how did they interact with each other? How did they discuss their translations? Did they collaborate? Can we talk about a republic of translators in early modern Vilnius? For now, we do not have ready answers to these questions.

Conclusion

I am going to conclude with two questions.

Firstly, we can see that Polish was the most common language used for translations. To what extent did translations contribute to making this language the main literary language of the city?

Secondly, Vilnius was not the only city in which translations were produced. However, the scope of these translations seems huge. Can we therefore treat this city as exceptional, or are there other similar urban settlements that we can also call translation hubs?

PARATEXTUAL CONFRONTATION: SUPPLEMENTARY TEXTS AS POLEMICAL TOOLS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

ELEONORA TERLECKIENĖ (LITHUANIA)
Vilnius University

The early modern title-page, a product of the invention of printing, provides the reader with essential information about the book. At its core is the title, which states the main theme and/or motivation behind the text. However, we also expect to find a few additional components: the author – the person or institution responsible for the work – along with the date, the printer, and the city in which the printer operates. In other words – borrowing from French literary theorist Gérard Genette – we are looking for various paratexts, elements that might tell us more about the text we are about to approach (or finish). Genette described paratexts, or peritexts in this case (as we are examining elements found inside the book), as thresholds: "undefined zones" between the inside and outside of the text, "between text and off-text."[1] He argued that various peritexts throughout the book – such as a preface, dedication, illustrations, epigraphs, and the aforementioned title – provide commentary (even through their mere presence) and influence how the text may or should be received.

In early modern books, the only definite element on the title-page is the title itself, as all other peritexts are merely probable. A book could be published without a date or any information about the printer or author. On the other hand, the title-page might also include additional visual and textual elements. Among these less common textual peritexts are epigraphs, anonymous verses or inscriptions, which, for now, I would like to label as *threshold texts*. This term is far from precise, as its broad meaning fails to capture one of the most important features of these elements: their specific placement on the title page. Epigraphs and other paratexts may appear elsewhere in a book – on the verso of the title page, just before or after the letter to the reader, or even at the end of the text. However, in this paper, I am focusing specifically on *threshold texts* that are positioned on the title page, a deliberate and significant location. In this context, the term *threshold texts* does, I believe, reflect their in-between, transitional nature, a quality I would like to explore in this paper.

By examining books published in Vilnius – the capital of the Grand Duchy of Lithuania – between the late 16th and mid-17th centuries, I hope to draw your attention to what captured mine: these *threshold texts* that appear on title pages and often carry a provocative tone, frequently signifying a polemical message. In my paper I will discuss three different cases,

[1] Gérard Genette, *Paratexts. Thresholds of Interpretation*, translated by Jane E. Lewin, Cambridge 1997, 2.

demonstrating how seemingly distinct examples fulfill the same (or very similar) role as provocateurs. While the term provocateur may carry a predominantly negative connotation in contemporary usage, I intend to use it in a broader, more neutral sense. In Latin, *provoco* means *to call forth*, *to call out*, but also *to challenge* or *to invite to act*. I argue that these allusive, polemical *threshold texts* are included on the title page precisely for this purpose: to challenge the reader's perception through the interplay of title, *threshold text*, and main text.

The first example I would like to explore is a book published in Vilnius between 1593 and 1595[2]. The title page reads: "The Response by John Bobola, Student at the Vilnius Jesuit Academy, to the Speech of Andreas Volanus, in Which He Both Condemns – If the Gods Permit – the Errors of the Roman Church, and Exhorts the Pope to Abandon the Pontificate."[3] No additional information – such as the date or printer – is included, as the extended title was evidently considered comprehensive enough. However, beneath the final word *responsio*, written in capitals to emphasize its significance as a keyword, appear two additional lines: "If he continues to say what he likes, he will hear what he doesn't."[4] This quotation is taken from "Andria", a comedy adapted by the Roman playwright Terence (Publius Terentius Afer, c. 195/185 – c. 159 BC)[5].

Behind the pseudonym John Bobola stands Wojciech Rościszewski, SJ (c. 1560–1619). The speech to which the author refers in the title is most likely a pamphlet by a protestant Andrea Volanus, directed against the newly elected pope and the institution of papacy. Rościszewski's short book offers an ironic response to Volanus's claims, supplemented by a series of epigrams – composed by both the author and other students of the Jesuit Academy – targeting Protestant position. I argue that this "threat", framed as a familiar quotation from a well-known comedy, was deliberately chosen to set the tone of the work, to attract attention, and provoke a reaction. It serves as a bold yet suspenseful, and polemical *threshold text*, aligning with the book's aim: to discredit Volanus's image and ideas by public ridicule.

My second example is a book published in Vilnius in 1595. It is a Polish translation of the 15th-century Franciscan's description of the Holy Land[6]. The book was translated by the

[2] Kęstutis Daugirdas, *Andrius Volanas ir reformacija Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 237.
[3] Wojciech Rościszewski, *Ad orationem Andreae Volani, qua et errores, in Ecclesia Romana, si diis placet, repraehendit, et Pontificem ad deserendum pontificatum adhortatur, Ioannis Bobola in Academia Vilnensi Societatis Iesu studiosi, responsio*. [Vilnae, typis Academicis S.I.].
[4] „Si pergit quae vult dicere, ea quae non vult audiet. Terent. in Andr."
[5] The saying is a Greek commonplace, more about it see Terence, *Andria*. Cambridge Greek and Latin Classics, ed. by Sander M. Goldberg, 2022, p. 250.
[6] Jan ze Stobnicy, *Introductio in Ptholomei Cosmographiam cum longitudinibus et latitudinibus regionum et civitatum celebriorum*, Cracoviae: Ungler Florian, 1512.

Protestant Andrzej Rymsza (c. 1550–1599) and dedicated to the new wife of his patron, the Catholic noblewoman Elżbieta from Ostrogski family, Radziwiłłowa (1557–1599). The title indicates that it is a "Chorography, or Topography"[7]. Beneath the title lies a line in Latin: "They change their sky, not their soul, who rush across the sea"[8]. Below that, verses in Polish proclaim: "I looked at some who traveled to Italy: / What fools they left, such sillies they came back."[9] The Latin quotation is taken from Horace's letter to Bullatius and was a famous *locus communis* in early modern literature. The Polish verses are anonymous; thus, we may speculate that their author could have been the translator Andrzej Rymsza, the printer Jan Karzan, or someone from their circle.

This case is particularly peculiar because neither the main text nor any other paratexts (such as the dedication letter) engage with the theme of pilgrimage, nor do they enter into polemics about the meaning or importance of travel. The *threshold texts* that appear on the title page are the only indication that the author or publisher intended to direct the reader's attention to a theme otherwise absent from the work. This way, they add an additional, interpretative layer to the book. I argue that in this instance, the *threshold text* also acts as a provocateur, but its aim differs from that of the previous example. The *threshold text* of Rościszewski's title page reflected and closely corresponded with the main theme and tone of the book. Rymsza's case, however, is different: here, the threshold texts set a provocative, even impudent tone, suggesting a polemical message, while the style of the dedication letter and the main text remains polite and neutral. Thus, the threshold texts serve as crucial elements that shape the perception and interpretation of the book.

The final book I would like to discuss is a panegyric work dedicated to the Queen of Poland and Duchess of the Grand Duchy of Lithuania, Constance of Austria (1588–1631). The book, titled "Constantian Tapestry" was published in Vilnius in 1613 or 1614. In the title is mentioned that it was prepared by the Bavarian Hieremius Scherelle, described as a "humble servant" and "philologist of Braunsberg" (*philologum Brunoritanum*). Following theses lines, appears an inscription: "In this hall virtue and the highest power meet: what Lucan denies can be done well."[10] This likely alludes to the Roman poet Lucan's epic "The Civil War" (*Bellum*

[7] *Chorographia albo topographia, to jest osobliwe a okolne opisanie ziemie świętej z wypisania onej ludzi pewnych tam bywałych, teraz niedawno z łacińskiego na polski przetłumaczona przez Andrzeja Rymszę*, w Wilnie: w drukarni Jana Karcana, 1595.
[8] „Coelum non animum mutant, qui trans mare currunt."
[9] „Napatrzyłem się tego, gdy kto ieździł do Włoch, Jak ztąd duren wyiachał, tak się y zwroćił płoch."
[10] „Hac aula coeunt Virtus et summa Potestas: Lucanus fieri quod bene posse negat."

Civile), commonly known as "Pharsalia", which recounts the events of 48 B.C. during the civil war between the forces of Pompey and Caesar.

The work seems to be entirely panegyrical, aiming to honour the queen on her 25th birthday. The reference to Lucan reinforces the main idea that two of the ruler's greatest qualities – immense power and virtuousness – are perfectly united, offering witty and sophisticated praise of the queen. While there are other direct references to the Roman poet or his "Pharsalia", I argue that the text contains implied allusions to it, although only the threshold text explicitly refers to Lucan. Scherelle uses the framework of panegyric to subtly express his concern about religious tensions in Bohemia and to illusively warn the queen about the dangers of religious "freedom". Thus, the threshold text functions as an intellectual provocation and serves as a key to the deeper interpretation of the text.

These examples reveal the polemical character of the threshold texts. Although not every paratext intended to invite polemic, I argue that threshold texts act as provocateurs – challenging and shaping the reader's perception from the very beginning – the title page.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПАРАФРАЗЫ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ОТ ЛИТУРГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ДО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

ЖАННА НЕКРАШЕВИЧ-КОРОТКАЯ (ПОЛЬША)
Adam Mickiewcz University, Poznań
zhanek@amu.edu.pl

В культурах разных регионов Европы уже в раннем Средневековье активизировались всевозможные литературные практики в отношении текстов Священного Писания христианства. В латинской поэзии христианская парафраза затрагивала как малые, так и большие поэтические формы, что способствовало формированию традиции не только поэтических переложений важнейших молитв и символа веры, но также библейского эпоса (начиная с *De Evangelica historia* Ювенка, около 330 г.) и агиографической поэмы (начиная с *Vita S. Martini* Венанция Фортуната, около 576 г.). Поскольку Энеида Вергилия с античных времен была окружена ореолом святости, то и поэтические переложения Библии стали актуальной задачей христианского художественного дискурса, утверждая идею, что сама поэзия может быть священной [1].

Что касается вышеупомянутой традиции в православной культуре восточных славян, то она формировалась и развивалась в тесной связи с бытованием литургических и паралитургических песнопений. Ханс Роте приводит статистические данные, свидетельствующие об абсолютном преобладании таких текстов в корпусе древнейших восточнославянских рукописей. По его сведениям, с XI – XIII вв. до наших дней сохранились 83 рукописи апракосного Евангелия, 12 рукописей *Апостола*, 12 рукописей *Псалтири*, 7 рукописей отдельных книг Ветхного Завета и 117 (!) рукописей служебников со специальными литургическими песнопениями [2]. Сам за себя говорит тот факт, что количество песенных сборников для литургического использования превышало даже количество служебных (апракосных) Евангелий, обеспечивавших литургию слова. Это означает, что в христианской культуре славян слово певческое было не менее важным, нежели слово проповедническое.

Гетерогенная поэтическая культура Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) развивалась в ситуации сосуществования и (иногда) взаимодействия традиций *Slavia Catholica* и *Slavia Orthodoxa*. Результатом обоюдного влияния данных традиций стала

[1] Karla Pollmann, *Das lateinische Epos in der Spätantike*. In: Jörg Rüpke (Hrsg.), *Von Göttern und Menschen erzählen. Formkonstanzen und Funktionswandel vormoderner Epik*. Stuttgart: Steiner, 2001, 95.
[2] Hans Rothe, *Was ist altrussische Literatur?* Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000, 43.

книгоиздательская и филологическая деятельность восточнославянского первопечатника Франциска Скорины. В рамках проведенных совместно с Владимиром Коротким исследований удалось установить, что поэтические тексты, представленные в предисловиях к пражским изданиям Скорины, являются текстами литургических песнопений [3]. *Богу въ Троици единому ко чти и ко славе…* (из предисловия к книге *Иов*) - образец доксологии, одного из наиболее традиционных христианских текстов; *Веруй в Бога единаго...* из предисловия к книге *Исход* – не просто поэтическая парафраза декалога, но еще и антифон, своеобразное песнопение-диалог.

На основе практики художественной парафразы в христианской культуре ВКЛ сформировалась специфическая переводческая и одновременно вокалоцентричная эпистема, тесно связанная с образовательными задачами и используемая как инструмент культурного трансфера. Вот почему православный князь Григорий Ходкевич пригласил в качестве придворного учителя для своих сыновей немецкого гуманиста-протестанта Иоганна Мюлиуса (Johannes Mylius), воспитанника школы Михаэля Неандера (Michael Neander). В 1561 и 1562 гг. Мюлиус издал в Кракове ряд поэтических сочинений на латинском и древнегреческом языках, большинство из которых представляют собой парафразы основных христианских текстов. В различные сборники поэзии Мюлиуса включены два поэтических цикла под названием *Meletai* (Упражнения), где собраны результаты поэтических штудий его учеников – Андрея и Александра Ходкевичей. Таким образом, Мюлиус осуществлял обучение древнегреческому и латинскому языкам, кроме традиционных занятий по грамматике и риторике, в форме практики поэтических переложений.

Иоганн Мюлиус был также автором поэтических переложений псалмов на латинском языке. Такие переложения пользовались огромной популярностью. Не случайно выдающийся немецкий филолог-классик Гелий Эобан Гесс (Helius Eobanus Hessus), которого современники называли христианским Овидием, создал поэтические парафразы псалмов на латыни. В 1531 г. появилось первое издание его книги *Psalterium Davidis carmine redditum* (*Псалтирь [царя] Давида в поэтическом переложении*). Предисловия к этой книге написали патриархи немецкого реформационного движения – Мартин Лютер и Филипп Меланхтон.

[3] Уладзімір Кароткі, Жанна Некрашэвіч-Кароткая, *Прагматычнае багаслоўскае пазіцыянаванне Францыска Скарыны ў кнігавыдавецкай культуры XVI стагоддзя*. In: А. Бельскі, І. Багдановіч, В. Крычко (рэд.), *Асоба і творчая спадчына Францыска Скарыны: рэцэпцыя і інтэрпрэтацыя*. Мінск: БДУ, 2017, 19-24.

Аналогичные парафразы псалмов на польском языке создал Ян Кохановский (*Psałterz Dawidów*, 1579). Последователем дела Кохановского стал Симеон Полоцкий, наставник детей московского царя Алексея Михайловича. Его поэтический сборник *Псалтирь царя Давида* (1680) возник в непосредственной связи со сборником *Psałterz Dawidów* Кохановского. Однако это были не переводы и даже не адаптации поэтических парафраз псалмов на польском языке. Суть творческого проекта Симеона заключалась в придании главенствующей роли мелодии, а не тексту [4]. Ханс Роте обратил внимание на роль языкового фактора в издательском проекте Симеона. По мысли ученого, ученый монах из Полоцка хотел ввести в православное богослужение музыку (по примеру его современника Николая Дилецкого), и для этого ему нужен был в качестве защиты текст на церковнославнском языке [5].

Поэтические парафразы наиболее важных в культурном отношении текстов в сочетании с песенной традицией стали местом памяти на землях ВКЛ. В XIX веке эта традиция (причем уже в рамках светской культуры, независимо от литургического дискурса) была востребована на землях бывшего ВКЛ с целью очищения польского языка, его обогащения и защиты в условиях доминирования русского. В русле решения этой задачи следует рассматривать песенное собрание филомата Яна Чечета *Piosnki wieśniacze…* и *Pieśni ziemianina* (1837 – 1846). Стоит упомянуть тот факт, что Чечет, в отличие от других филоматов (в частности, Адама Мицкевича), прожил более десяти лет в глубинных губерниях Российской империи и поэтому лучше, чем кто-либо другой, понимал культурную угрозу, исходящую от русского как языка имперского центра. В предисловии к первому тому *Piosnki wieśniacze z nad Niemna (1837)* Чечет обратил внимание на специфическую черту культурного дискурса в среде крестьян, живущих в Принеманском и Придвинском, а также Приднепровском и Приднестровском крае: особенная приверженность певческим практикам в повседневной жизни человека – как частной, так и общественной. Автор подчеркнул наличие в среде белорусских крестьян и местичей весьма авторитетного амплуа непрофессионального вокалиста – певца „душой и сердцем”:

Nie sądźmy że każde tylko miasto lub prowincya ma swego uczonego śpiewaka; ujrzymy, że każda prawie wieś miała i mieć może swojego nieuczonego, ale z duszy i z serca śpiewaka.

[4] Żanna Niekraszewicz-Karotkaja, „Псалтирь царя Давида” Симеона Полоцкого в контексте паралитургической и парафрастической традиции XVI – XVII вв. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2022, XLVII (2), 20 – 21.

[5] Hans Rothe, „Paraliturgische Lieder bei den Ostslaven, besonders Ukrainern (Östliche Liturgie und westliches Kirchenlied)”. *Sprache und Literatur der Ukraine zwischen Ost und West*, Bern-Berlin etc., 2000, 27.

Uważałem, że w odległości mil kilku, pół mili nawet, już zupełnie inne piosnki śpiewają. Jaki to skarb dla umiejętnego śpiewaka i postrzegacza! Ileż tam niewymuszonej i świeżej poezyi! [6]

Издание народных песен – не просто фольклористический проект Яна Чечета. Он переводил тексты песен на польский язык, и в первых трех томах из шести издал только переводы без оригиналов. В четвертом томе Чечет поместил собственные стилизации под народные песни с переводом на польский, в виде параллельного двуязычного издания, при этом обоим текстам соответствует одна и та же метрическая схема. Фактически, это была та же стратегия, что и у Симеона Полоцкого по отношению к стихотворным псалмам Яна Кохановского. Констатируя близость между польским языком и "славяно-кривицким" диалектом, Чечет опубликовал более 500 текстов народных песен, в том числе в виде переводов или парафраз на польском. Таким образом переводчик и издатель надеялся, что белорусскоязычные крестьяне, земяне и мещане постепенно перейдут в общении на польский язык, который будет обогащен за счет белорусского и украинского, либо как минимум не перейдут на русский. Латинский шрифт изданных им текстов на "славяно-кривицком диалекте" должен был значительно поспособствовать в решении этой антиколониальной по своей сути задачи.

В качестве подобного музыкально-филологического эксперимента, скорее всего, следует рассматривать и литературную мистификацию Игнация Яцковского (Ignacy Jackowski). В своей книге *Powieść z czasu mojego czyli Przygody litewskie* (1858) он опубликовал текст стихотворения *Zahraj zahraj chłopcze mały* на белорусском языке, скорее всего, собственного сочинения, но приписанный авторству талантливого молодого поэта из народа. В книге Яцковского текст на белорусском языке опубликован параллельно с его переводом на польский, причем оба текста просодически тождественны, т. е. могут быть исполнены в виде песни с одной и той же мелодией. Именно так – с помощью знакомой мелодии – в сознании реципиента наиболее комфортно, через практику эстетического познания, оседала, во-первых, релевантная культурная информация, во-вторых, усваивался другой язык. Таким образом, если во времена Ренессанса и Барокко парафрастические песенные практики служили в первую очередь образовательным и просветительским целям (как в предисловиях *Библии русской* Франциска Скорины или в классических штудиях Иоганна Мюлиуса), то начиная с *Псалтири царя Давида* Симеона Полоцкого практика песенной парафразы

[6] [Czeczot Jan] *Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach*. Wilno: Drukiem Józefa Zawadskiego, 1837, V.

приобретает идеологическое значение. В XIX веке аналогичная практика стала незаметным и безопасным средством антиколониального противостояния.

Традиция поэтической песенной парафразы, корни которой уходят в эпохи Средневековья и Ренессанса, сохранила свою релевантность в культурном пространстве на землях бывшего ВКЛ даже в конце XX и начале XXI веков. Саймон Льюис, вспоминая революции 1980-х годов в прибалтийских странах и сравнивая их с белорусскими протестами 2020-го года, назвал все эти исторические события «певческими революциями» (*singing revolutions*), когда музыка протеста и национальные символы слились в единый могучий сплав [7]. Новаторскими и революционными по своей сути были также связанные с певческими традициями народа издательские проекты Франциска Скорины, Симеона Полоцкого, Яна Чечета и Игнация Яцковского. Последний создал, по сути, легенду о белорусском Роберте Бёрнсе. Все эти проекты были культурными маркерами актуальной языковой ситуации и одновременно задумывались как художественное средство, с помощью которого языковое развитие в условиях гетерогенной культуры могло быть направлено в новое русло.

[7] Simon Lewis, «*„Tear Down These Prison Walls!" Verses of Defiance in the Belarusian Revolution*». *Slavic Review*. Volume 80. Issue 1. Spring 2021, 15.

PAN TADEUSZ, OR THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS A PHANTASM

PAWEŁ BUKOWIEC (POLAND)
Jagiellonian University in Kraków

Pan Tadeusz by Adam Mickiewicz is the most important fiction in the history of Polish writing. However, referring to *Pan Tadeusz* merely as a masterpiece of Polish literature is an understatement, the depth of which is actually quite difficult to grasp for someone who is not immersed in Polish culture. From the middle of the 19th century until at least the end of the 20th century the poem was - and I believe that for the majority of Poles it still remains – not only a sanctity, the holiest relic of our national culture, the *pars pro toto* of our national literature, but also a true source and an affective horizon of Polishness. Seen from a certain perspective, Polish culture of the last quarter of a millennium can reasonably be described as *Pan Tadeusz*-dependent.

A common confusion of what and in what way *Pan Tadeusz* actually means is the subject of my presentation. The confusion has a radical political aspect that is difficult to overstate. It proved instrumental in the formation of this part of the Polish collective identity pattern which should be described as both inversely utopian (retro-topian) and resentful. I will try to characterise the aforementioned misunderstanding by focusing my attention on the phantasmatic image of Lithuania in Mickiewicz's poem.

One can roughly identify Mickiewicz's *Litwa* (Lithuania) with the Grand Duchy of Lithuania, whereas his *Polska* (Poland) clearly corresponds to the whole of the Polish-Lithuanian Commonwealth, not just the Crown of the Polish Kingdom (with the proviso, of course, that these names refer to a political reality that had ceased to exist with the Third Partition, few years before Adam Mickiewicz was born. The epic is set a dozen years after the fall of the state, on the eve of Napoleon's invasion of the Russian Empire. Everything's well that ends well: the love story thread ends with a happy marriage, the political one is topped off with the euphoria induced by the appearance of Napoleon's 'Polish' soldiers.

Adam Mickiewicz wrote *Pan Tadeusz* from late 1832 to early 1834. The full title of the work is *Pan Tadeusz, czyli Ostatni zajazd na Litwie. Historia szlachecka z roku 1811 i 1812 we dwunastu księgach wierszem*, or, in English, *Sir Thaddeus, or the Last Foray in Lithuania: A Nobility's Tale of the Years 1811–1812, in Twelve Books of Verse.* The poem was published by the Parisian printing house Pinard in mid-1834, with Aleksander Jełowicki's money, in two volumes of 3,000 copies (the manuscript is held in the collection of the Ossoliński National Institute [Zakład Narodowy im. Ossolińskich] in Wrocław). The private happiness of the

protagonists and the enthusiasm associated with the inevitable (allegedly!) rebirth of the state were strategically juxtaposed with the overwhelming public and private disaster suffered by Mickiewicz's readers after 1831 and the fall of the November Uprising. This head-on clash between the ecstasy of 1812 and the generational trauma of post-November emigration is the most important poetical underpinning of the epic's early reception. The point is simply that the readers of *Pan Tadeusz* knew exactly how Napoleon's expedition to Moscow ended and knew exactly the bitter taste of dashed 1812 hopes, and Mickiewicz knew exactly they knew.

Lithuania in *Pan Tadeusz* is most utterly homogeneous. Ethnically, it is (almost) purely Polish. Religiously, it is (almost) purely Catholic. In terms of class – (almost) purely noble. Politically – (almost) purely Napoleonic. The fictional plot revolving around the lives of the Soplicas and Horeszkos families, Tadeusz and Zosia, is by no means projected onto a realistic, historically appropriate background! Lithuania, the setting for the fictional events, has nothing to do with either the Grand Duchy of Lithuania, or Lithuania as understood ethnographically, or with any actual Lithuania whatsoever. Lithuania in *Pan Tadeusz* is a Polish nationalist phantasm, a noble class phantasm, a Catholic religious phantasm, an anti-Russian (pro-French) political phantasm.

Can *Pan Tadeusz* be read as a kind of alternate history? In my view, no. Nowhere does Mickiewicz utter the characteristic of the genre "Suppose it had happened the other way." On the contrary, Mickiewicz says in *Pan Tadeusz*: "Let us pretend that nothing happened at all."

This is why I want to read *Pan Tadeusz* as an anti-historical fairytale. Jacek Soplica's crime is not only the cause of the conflict between the two families, but - as an original sin, as a foundation act of disobedience – it transforms mythological timelessness into historical time and put it in motion. *Stolnik*'s (Pantler's) violent death proved to be a mortal wound on the body of a primordiality that collapsed into the historical. Consequently, the plot of the entire poem is governed by a regressive policy of recovery from Sin in order to return to a motionless state of primordial bliss. The psychological energy of the poem's protagonists is most often invested in undoing change, and therefore also in invalidating difference, overruling otherness. Change, difference, otherness turns out to be a wound that necessarily needs to be healed so that the world can return to its lost state of genuineness, identity, sameness.

So I want to consider *Pan Tadeusz* as a peculiar form of therapy and self-therapy that Mickiewicz applied on his traumatised generation. I do believe, however, that the poet was at least occasionally aware that what he was trying to cure with his epic was actually a dead body, a collective phantom of self-illusions. A trace of this consciousness is clearly visible in *Epilog* („Epilogue") to *Pan Tadeusz*, an exruciating poem full of anger and bitterness, which

Mickiewicz decided to include neither in the first nor in the second (and last during the poet's lifetime) edition of the epic.

The tragedy of Polish culture is that after the fall of the January Uprising, *Pan Tadeusz* began to be widely understood not as therapy, but as a diagnosis, a factual description of historical reality, an *eidetic* depiction of Polishness as such. The result of this misunderstanding in the Polish culture is, among other things, the common affective identification of Lithuania (but also Belarus, western Ukraine and the entire so-called *Kresy*) with Poland - in accordance with the regressive principle of invalidating differences and overruling otherness that operates in *Pan Tadeusz*.

BLOC 2.17
POÉTIQUE PARADOXALE : LE TYPIQUE ET LE TOPIQUE DANS LE RÉALISME DU XIXE SIÈCLE / PARADOXICAL POETICS: THE TYPICAL AND THE TOPICAL IN 19TH CENTURY REALISM

Organisateur : GERNOR HOWANITZ

Gernot Howanitz Jan Lam's Galician Cabinet of Curiosities, or: A (not so) Typical Take on the Periphery 1

Jens Herlth Jens «It's not Shameful to Beg»: Poverty and the Affective Economy of Early Russian Realism 6

Ulrich Schmid What are the Aesthetic, Historical, Societal and Political Conditions for the Appearance of Realism in the Slavic Literatures? 12

Andrea Lešić-Thomas Beyond the Reality Effect: Nikolai Gogol' and Stevan Sremac 20

Andrea Zink Realism and Humour 23

JAN LAM'S GALICIAN CABINET OF CURIOSITIES, OR: A (NOT SO) TYPICAL TAKE ON THE PERIPHERY

GERNOT HOWANITZ (AUSTRIA)
University of Innsbruck
gernot.howanitz@uibk.ac.at

Literary realism is engaged in a "paradoxical quest to combine the unique with the common" (Hansen-Löve 2004: 385), evoking individuality through typicality – particularly in its use of narrative motifs and character types (Hansen-Löve 2004: 386). It is via typical characters, motifs and constellations that realism brings the topical, i.e. political ideas, to the forefront, which makes it an "accomplice of ideology" (Belsey 2002: 60). But types and stereotypes also may serve as a source for humor – something not typically associated with literary realism; the compact *œuvre* of Polish writer Jan Lam offers a compelling lens through which to explore this intersection.

The novelistic output of Lam holds a marginal position in the Polish literary canon. Not only did he live in the so-called "naked and hungry" kingdom of "Golicja i Głodomeria," his ironic name for the impoverished and remote Habsburg province of Galicia (Frybes 1956: 12). What is more, his satirical *œuvre* ran counter to the core poetics of Polish Positivism. As Positivist writer Eliza Orzeszkowa remarked in an 1898 letter to Józef Kotarbiński: "Komizmu za to, tak jak i w powieściach moich, brak tu będzie prawie zupełny" (Orzeszkowa 1958: 82). Lam, by contrast, is best known for his biting satire targeting the Austro-Hungarian administration of Galicia.

While satire often relies on recognizable character types to deliver its political critique, Lam's satirical novels follow a more complex approach. Despite drawing on familiar stereotypes, his texts subvert the conventions of typicality within literary realism. In this paper I analyse typicality and topicality in Lam's novel *Wielki świat Capowic*, first published in 1869 as *Panna Emilia*. The title change underscores a narrative tension: although the original title *Panna Emilia* suggests that Emilia is the protagonist, the plot centers primarily on her father, Mr Precliczek, the "Bezirksvorsteher" of the fictional Galician town of Capowice. On the surface, Precliczek is a typical representative of the Austro-Hungarian bureaucracy – lazy, corrupt, and opportunistic. A German by self-identification, he speaks poor Polish:

> Pan Precliczek, póki używał jeszcze dawniejszej swojej pisowni jako Venzel Pretzlitscheck, twierdził o sobie, że jest *ein biederer Deutscher*. […] Kwestia, do jakiej narodowości należał pan Precliczek, była tedy zupełnie jasną, a jeżeli zostawała jeszcze jaka wątpliwość w tej mierze, usuwała ją pani forszteherowa, gdy w chwilach złego humoru apostrofowała swego małżonka: "Ty Szwabie!" (Lam 1956: 57)

This seemingly straightforward ethnic stereotype is gradually deconstructed. Initially, Precliczek presents himself as a German loyalist suppressing the remnants of the 1863 Polish uprising. But his identity quickly proves to be fluid and contradictory. His surname is Slavic, but not Polish; his mother tongue is German, but he also understands Slavic languages to some extent. This ambiguity enables him to perform multiple identities as circumstances demand. He claims to be a Rusyn – "*Den [sic] ich bin* eigentlich *ein Ruthene*" (Lam 1956: 91); a Pole – *denn ich bin eigentlich auch ein Pole, Pantoprotscheu!* (Lam 1956: 152); a Galician – *denn ich bin* eigentlich *ein Galizianer* (Lam 1956: 157); and ultimately, as the text reveals in its final pages, he is "[…] eigentlich *ein Böhme, Vaclav Precliček, aus Jung-Bunclau; zivili Slovane!*" (Lam 1956: 160). Through this shifting identity, the text not only critiques the absurdities of imperial bureaucracy but also challenges the realist convention of fixed, type-bound characters. His satire, while rooted in typicality, ultimately unsettles the very notion of the 'typical' by exposing the instability of national and individual identities in the Galician periphery. That 'Precliczek,' due to Lam's novel, entered Polish as a derogatory nickname for Czechs (Trepte 2005: 356), underscores the paradoxical force of literary typicality: in attempting to critique a stereotype, it may inadvertently reinforce or even solidify it.

Lam's text also subverts gender stereotypes – his heroine is anything but a conventional 'damsel in distress'. Both Precliczek and Sarafanowycz, Emilia's would-be husband, attempt to perform patriarchal authority, yet their efforts ring hollow and remain ultimately inconsequential. Significantly, the question of gender is deeply entwined with that of nationality. Precliczek insists that his daughter marry Sarafanowycz, a representative of the Rusyn nation, as part of a strategic alignment. However, when Emilia refuses – having fallen in love with Polish revolutionary of German descent Karol Schreyer – her rejection destabilizes both the national and patriarchal structures her father seeks to uphold:

> – Ja ojcu tego nie potrafię powiedzieć po szw... po niemiecku – powiedziała Milcia – ale powiem wyraźnie po polsku: ja nie chcę pana Sarafanowycza.
> – *Kreuzhimmeldonnerwettersakermentkrucifixnochamal!* – wrzasnął pan forszteher zrywając się od stołu. I powtórzył raz jeszcze tę formułkę, do dając znowu dla większego nacisku: – *noch a mal!* (Lam 1956: 121)

Whether Emilia truly loves the revolutionary or merely uses him as a vehicle to assert her Polish identity remains ambiguous. What is clear, however, is her act of rebellion: by defying her father's will, she exposes the performative weakness of both Precliczek and Sarafanowycz. Both men submit to (political) authority while simultaneously attempting to expand the narrow discursive space available to them. Their own authority, though asserted, is negotiable and dependent on political tides. This fragility becomes evident once the political context shifts – when Polish count Agenor Gołuchowski is appointed governor of Galicia in 1866, Precliczek

swiftly distances himself from the 'Rusyn' Sarafanowycz and thus, unwittingly also rebrands himself as a progressive father who respects his daughter's autonomy:

> – *Nun, so fragen's sie selber* – i tu pan Precliczek zwrócił się ku Milci – Milka, ti chtiela *heirathen* pane Sarafanowycz.
> – Nie, ojcze, nie chcę!
> – *Da haben sie's! Das hab' ich Ihnen im Voraus g'sagt. S' geht halt nicht!*
> (Lam 1956: 155f.)

The casual Austrian German phrase "S' geht halt nicht!" ("It just doesn't work out") encapsulates the linguistic and political slipperiness of Precliczek's persona. Cloaked in bureaucratic joviality, it masks political retreat with feigned inevitability. The impersonal construction "it doesn't work out" assigns blame to no one. In a moment echoing Herzen's famous question "Кто виноват?", the novel provides a satirical answer: no person, just 'it' – a discursive void.

Notably, in this moment of tactical retreat, Precliczek slips into his signature pseudo-Slavic-German hybrid speech. This code-switching is more than comic; it is a symptom of his fractured identity and opportunistic posturing. Lam uses this linguistic confusion to underline the performative nature of both national and gendered identities, particularly within the bureaucratic margins of the Austro-Hungarian Empire. Authority here is not simply misused; it is reduced to farce.

In this way, *Wielki świat Capowic* exemplifies how literary realism, especially in its satirical mode, can mobilize typicality not to affirm stable categories but to expose their inherent contradictions. Through characters like Precliczek and Emilia, Lam dismantles the legitimacy of patriarchal nationalism and questions the viability of imposed identities – be they gendered, political, or cultural.

Lam's satirical deployment of literary realism stands in sharp contrast to the dominant poetics of Polish realism as formulated during the Positivist era. Following the failed January Uprising of 1863, Polish literary culture turned toward a program of constructive social engagement. Positivist realism emphasized education, empirical observation, moral uplift, and national utility. In this context, the realist novel became a vehicle for rational reform, with clear ethical positions and characters serving as exemplars of social function or dysfunction. Lam's work, however, refuses the earnestness and moral clarity central to this project. Rather than providing edifying representations of national or social virtue, *Wielki świat Capowic* revels in ambivalence, contradiction, and parody. Characters like Precliczek are not morally instructive types but absurd caricatures – bureaucrats whose shifting identities and hollow rhetoric expose the incoherence of both imperial and national authority. Lam's realism is less about mimesis and more about exaggeration; his world is not one to be reformed, but ridiculed.

In this regard, Lam departs fundamentally from the Positivist belief in literature's capacity to guide national development through reason and order. He rather embraces comedy not only as a stylistic tool but as a philosophical position: satire becomes a means of exposing the performative emptiness of both political and literary authority. Crucially, Lam undermines the teleological and moral certainty of Positivist realism by portraying history and identity as unstable and frequently absurd. The figure of Precliczek – bureaucrat, chameleon, opportunist – embodies this refusal of ideological fixity. His identity shifts not only in response to political events, but also as a survival strategy in a multilingual, multiethnic province. Where Positivist realism seeks coherence – of character, nation, and narrative – Lam insists on incoherence, on the comic failure of systems that presume order.

Thus, *Wielki świat Capowic* stages a form of anti-Positivist realism, one that foregrounds ambiguity, undermines authority, and insists on the comic as a legitimate mode of critique. Rather than contributing to a project of national education or consolidation, Lam's work reveals the fragility of such projects, particularly when filtered through the bureaucratic absurdities of Austro-Hungarian Galicia. In this way, Lam not only deviates from the poetics of Polish realism – he actively satirizes their foundational assumptions:

> Uważałem, że ludzie najchętniej myślą i mówią o śmierci, gdy napotykają na przeszkody w miłości. Czasem umierają nawet naprawdę, odbierają sobie życie lub dostają melancholii – i wszystko to dzieje się w XIX stuleciu, wobec tego olbrzymiego postępu cywilizacji, który sprawia, że człowiek staje się nieczułym dla wszystkiego, co nie jest zyskiem lub stratą na dyferencji kursów anglo-austriackiego banku, lombardów lub innych papierów! (Lam 1956: 127)

Here, the text ridicules lovesick individuals and appears to criticize romanticism, but in reality it exaggerates Positivist ideals: the Positivist "praca organiczna" is portrayed as a capitalist fever dream where emotions are evoked ot by personal tragedy but by the fluctuations of the stock market.

In *Wielki świat Capowic*, Jan Lam demonstrates how the conventions of literary realism – especially the use of types and typicality – can be retooled not to reinforce ideology, but to dismantle it. By deploying gender and national stereotypes only to subvert them, Lam positions satire as a critical intervention within the realist tradition. The hollow performance of patriarchal authority, exemplified by figures like Precliczek and Sarafanowycz, exposes the fragility of bureaucratic and nationalist discourses in the margins of empire. Emilia's refusal to conform functions as a destabilizing force that reveals how realist types are never fixed but contingent, unstable, and open to reinterpretation. Through her rebellion and the absurd responses it elicits, Lam highlights the performative failure of male authority, particularly in a colonial and multilingual context like Galicia.

Language, in this novel, becomes a key site of negotiation and parody: from Precliczek's fractured German-Polish-Rusyn idiom to the strategic deployment of Austrian bureaucratic euphemisms, Lam satirizes not just what is said, but how power attempts – and fails – to speak itself into being. The novel ultimately suggests that realism, especially when filtered through the lens of satire, can lay bare the mechanics of ideological reproduction while also creating a space for resistance and reimagining. In this sense, *Wielki świat Capowic* not only contributes to our understanding of Polish realism and Galician identity politics but also exemplifies how marginal texts can unsettle dominant literary paradigms.

LITERATURE

Belsey, Catherine (2002): *Critical Practice*. vol. 2. London/New York: Routledge. Frybes, Stanisław (1956): "Wstęp." In: Lam, Jan: *Dzieła literackie*. Vol. 1: Wielki Świat Capowic; Koroniarz w Galicji. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 5–44.

Hansen-Löve, Aage A. (2004): "Der frühe russische Realismus und seine Avantgarde. Einige Thesen." In: Fleishman, Lazar/Gölz, Christine/Hansen-Löve, Aage A. (eds.): *Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60. Geburtstag* (= Media and Cultural Memory, 29). Hamburg: Hamburg University Press, 365–405.

Lam, Jan (1956): "Wielki Świat Capowic." In: idem: *Dzieła literackie*. Vol. 1: Wielki Świat Capowic; Koroniarz w Galicji. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 45–161.

Orzeszkowa, Eliza (1958): *Listy zebrane*. vol. 4: Do literatów i ludzi nauki. Wrocław: Zakład Imienia Ossolińskich.

Trepte, Hans-Christian (2005): "Sprachliche Wahrnehmung und Stereotypie. Polen, Tschechen und Slowaken im Kultur- und Lachkontakt." In: Kliems, Alfrun (ed.): *Slowakische Kultur und Literatur im Selbst- und Fremdverständnis. Ludwig Richter zum 70. Geburtstag*. Stuttgart: Steiner, 349–375.

"IT'S NOT SHAMEFUL TO BEG": POVERTY AND THE AFFECTIVE ECONOMY OF EARLY RUSSIAN REALISM

JENS HERLTH (SWITZERLAND)
Université de Fribourg
jens.herlth@unifr.ch

It is a truism to state that the prose of early Russian realism, the so-called "Natural School," was marked by a heightened attention to social problems, to urban reality, the living conditions of the lower classes, etc. However, even the most direct view of *reality* in the writings of the Natural School was mediated by aesthetic and economic strategies; it was shaped by conventions and tropes from contemporary Western fiction and non-fiction—and from earlier periods of Russian literature. The discovery of "poverty" in Russian literature of the 1830s and 1940s (Herman 2001, xiii) is highly telling in this regard. As it seems, writers were not so much concerned with poverty as a social problem as with its affective side-effects and the possibilities of its aesthetic capitalization. I hold that Dostoevsky provided a particularly insightful analysis of this situation in his 1861 novel *Humiliated and Insulted*, the first major work he published after his return to St. Petersburg in late 1859.

This novel, on which his "entire literary career depended," as Dostoevsky wrote to a friend on May 3, 1860 (Dostoevsky 1985, 9), forms a bridge between the Dostoevsky of the 1840s and the author of the early 1860s, who was now starting anew and saw it as his primary goal to restore his literary reputation in order to be able to earn a living from literary and journalistic work. The novel *Humiliated and Insulted* recreates the atmosphere of the second half of the 1840s—the time when Dostoevsky published his first works and the time when the verdict of an influential critic, referred to in the novel only as "B." (= Belinsky), was decisive for the success or failure of an aspiring writer. The debut novel of Vania, the narrator in *Humiliated and Insulted*, is about a "little, forgotten and even slightly foolish clerk whose buttons on his uniform were falling of" (Dostoevsky 1972b, 188). This is of course a reference to the character of Makar Devushkin from the epistolary novel *Poor Folk*, published in 1846, Dostoevsky's debut work. The framing of the narrative in *Humiliated and Insulted*—first as a fairy tale by E.T.A. Hoffmann, with illustrations by Gavarni that were brought to life (Dostoevsky 1972b, 171), and then, on the very last page, as a "dream"—is also reminiscent of the literature of the 1840s, when the sketch writers (*ocherkisty*) of early realism started to explore the life of the urban lower classes, but often did so in the mode of "social-sentimental" fiction (Ospovat 2020, 121). While *Poor Folk* is still a direct reflection on the exploitation of poverty as aesthetic capital, of "human misery" as "amusement" (Engels, Marx 1962, 906), and the aesthetic and psychological repercussions of this exploitation, the situation in *Humiliated*

and Insulted is different. Here, poverty is primarily a poverty of the second order, a literary quotation—referring to the writings of the "Natural School," to Charles Dickens, to *Poor Folk*, and to the emotional and imaginary-aesthetic mindset of late Romanticism. While Makar still has flashes of rebellious thoughts, characteristic of the political romanticization of poverty in the works of Victor Hugo, Georges Sand, and others (Sarrot 2006)—of course he immediately admonishes himself ("I know, this is freethinking"; Dostoevsky 1972a, 86)—, the poverty in Humiliated and Insulted is entirely literary and even embellished with religious overtones; it has no emancipatory potential. The rich aristocrats are now primarily sexual exploiters—a quality which they all too tellingly have in common with representatives of the "democratic" camp.

From a political perspective, poverty in *Humiliated and Insulted* has become harmless. For the narrator, who, as Joseph Frank had it, "represents the 'philanthropic' ideology of the 1840s" (Frank 1986, 118), writing itself serves as a sedative: "The mechanism of writing alone is already worth so much: it calms you down, cools you off" (Dostoevsky 1972b, 178).

As Adele Lindenmeyer pointed out, in nineteenth-century imperial Russia, the poor were generally seen as "victims, not threats to the social order": "Russians reject the idea of the poor as social pariahs" (1996, 10, 11). The politically and culturally sanctioned practice for dealing with poverty was "charity": "charity created a kind of social harmony that transcended, though it did not erase, social divisions erected by serfdom, wealth, and prison walls" (1996, 23). According to Lindenmeyer, charity could be seen as "an alternative to class conflict" (1996, 24). Certainly, a look at the ideology of philanthropy in late Romantic French literature, so sarcastically dissected be Engels and Marx in *The Holy Family* (publ. 1845) or at the representation of poverty in the works of Charles Dickens would have helped to see this harmonizing view as less of a Russian peculiarity. But of course, charity and philanthropy were real practices or discourse. Furthermore, it is well known that Dostoevsky, as the son of a doctor at a pauper's hospital, was confronted with poverty and the concept of charity from an early age (Savel′ev 1990, 166). However, instead of accentuating the discourse of poverty as in *Poor Folk* and then playing it down with overt irony at the decisive moment ("this is freethinking"), Dostoevsky allegorizes this discourse in *Humiliated and Insulted*, transforming it into an implicit theory about the social exchange of feelings by and through literature. As far as we know, Dostoevsky himself was indeed convinced that it was a peculiarity of "Russians" that they resolved social conflicts peacefully, unlike "Europeans" (Dostoevsky 1978, 50). For him, poverty as a social flashpoint was a European phenomenon—and probably one from a different era.

Already in *Poor Folk*, Dostoevsky raised the question of the secret analogies between poverty, typological generalization, public space and shame. Makar Devushkin had made the experience that there is a book—Pushkin's "The Stationmaster"—that contains the essence of his whole life, as he understands it: "It's a general thing, my dear, it can happen to you or to me" (Dostoevsky 1972a, 59). As he is a reader himself, he is afraid of being used by literature, of his misery being exposed (Feuer Miller 2014 153). The key-device of the literature of the "Natural school," typification (Porter 2017, 133), is a two-way road: The individual can recognize himself in the type that—so the arising suspicion—has been abstracted from himself, "and then all your public and private life is dragged into literature, all of it is printed, read, laughed and gossiped about!" (Dostoevsky 1972a, 63). At some point, Devushkin imagines what it would be like if he published his poems. Certainly, he would never dare showing up on Nevskii Prospekt again, since people would know that this is him, "the writer of literature and poet Devushkin" (Dostoevsky 1972a, 53; cf. Feuer Miller 2014, 149), who wears patched up boots. The "Natural school's" literature of typification raises the problem of shame, because its fundamental strategy is the transformation of something individual and private into something general and public. Hence the connection to the problem of poverty as the image that we think others form of us based on our appearance, just as we form an image of the protagonist in the novel based on certain elements mentioned by the narrator or the protagonist himself, as in an epistolary novel. "I will die of shame at the very thought!" Devushkin exclaims (in writing), when he thinks about the buttons falling off his uniform (Dostoevsky 1972a, 74).

In *Humiliated and Insulted*, Dostoevsky takes up this issue and transforms it in a decisive way. In one scene, the narrator reads his novel (the one that is modelled on *Poor Folk*), which just came off the press the very same day, to his acquaintances, the couple Ikhmenev and his beloved Natasha. This situation, typical of the literary life at the time, of an informal first reception of a literary text, somehow "de-literarizes" the novel to a certain extent; the presence of the author makes it less universal than it would have been if it had been read anonymously and individually. During the reading, Natasha, "listening and crying," squeezed the author's hand secretly under the table (Dostoevsky 1972b, 189). "Anna Andreevna [Ikhmeneva] wept sincerely, regretted the fate of my hero with all her heart, and, in a very naïve way, wanted to help him out of his misfortune, as I understood from her exclamations" (Dostoevsky 1972b, 188). It is of course "very naïve" to think (or rather—to *feel*) that one would like to help the hero of a work of literature, but still, this is a natural reaction, at least for females, as we learn. Anna Andreevna's husband is less empathetic and more analytic in his approach: he asks about a possible second edition that might bring more money and he mentions the case of Gogol′ who

received an annual fellowship enabling him to go abroad for some time (Dostoevsky 1972b, 189). Literature is thus presented as a peculiar medium that can generate empathy and money by involving the public. Literature is also egalitarian, as is the market—once a work of literature is published, can be read by anyone who can afford to buy the journal or the book and is able to read. However, the idea of political hierarchy and influence also resonates in the background: "Some high-ranked people will read it," Ikhmenev assumes (Dostoevsky 1972b, 189), implying that it is not only the market that determines the success of a literary work in contemporary Russia.

The by fare most influential critic of early Russian realism was Vissarion Belinsky, who died in 1848, which is also reflected in the book at a later point, alongside with the real cause of his death—consumption (Dostoevsky 1972b, 212). Ikhmenev is particularly shocked when he learns that "B." did not leave any fortune to his wife and children (Dostoevsky 1972b, 212): "Fame won't feed you." And he goes on: "You said that he was a good man, Vania, generous, sympathetic, with feeling, with a heart. Well, that's what they all are, the men with a heart, your sympathetic guys! All they know to do is to breed orphans!" (Dostoevsky 1972b, 212). In the very next moment, Ikhmenev suddenly realizes a begging girl on the pavement, as if the misery of the literary profession materialized instantly: there she is, one of Belinsky's orphans, holding out her "shivering" hand, which makes Ikhmenev "shiver" likewise (Dostoevsky 1972b, 212). Needless to say, he gives her all the money he has on him (Dostoevsky 1972b, 213).

There is still another Belinsky orphan in *Humiliated and Insulted*—Nelly, the shy but determined girl who asks the narrator, while he is working on his second novel: "What are you writing all the time?" When he replies, "Just so, Lenochka, all kinds of things, they pay me money for that," she can only assume: "Petitions?" (Dostoevsky 1972b, 296). Nelly is confused that he is not directly begging for something when he writes and gets money in return. What she does not understand is how literature works in a market economy. She does not understand that literature is not addressed to no one in particular.

Later, Nelly has read the narrator's book. She is disappointed about the course of the story and announces that she "does not want to read any longer" (Dostoevsky 1972b, 325). Vania explains: "But this is all untrue, invention," and calls her a "sentimental" girl. Some lines later, in his role as narrator, he will sum up: "Finally, this sentimental scene came to an end," using a codeword from the history of literature to disqualify Nelly's naïve approach—an approach that is identical to that of Makar Devushkin in that she takes literature personally. She does not understand why one would invent stories that are not true, and she is unhappy that the author, Vania, lets a young man die and makes the heroine marry a rich landowner and move with him

to the country—condemning her pen pal to the prospect of an unhappy and lonely old age (Dostoevsky 1972b, 325). Apparently, Nelly cannot handle the "logical status of fictional discourse" (Searle 1975). Knowing Vania in person and observing him writing, she is not able to understand that he is not engaged in a "real" act of communication.

Later in the novel, Nelly, however, has learned her lesson about symbolic communication. Rather than staying with Ikhmenev, whom she dislikes, she decides to go begging on the streets, because "there's nothing wrong about asking for charity, I do not ask one person, I ask anybody, anybody is not one person; to ask someone is shameful, to ask anybody is not; that's what one beggar woman told me […]. That's why I ask from everybody" (Dostoevsky 1872b, 384). The analogy to the logic of fictional discourse is striking here. The feeling of shame caused by begging for charity—as Nelly had understood the narrator's occupation—is suspended by the symbolic generalization of the act of begging. The shame felt by a beggar is just as unfounded as the shame Devushkin feels when he reads the works of the "Natural School" and suspects that they are about him.

In *Humiliated and Insulted*, it is the cynic landowner Prince Valkovskii who, in a conversation with the narrator, lays bare the codes of the "Natural School": "You are all about poverty, lost overcoats, government inspectors, hotheaded army officers, clerks, the old times and the lifestyle of the old believers, I know, I know" (Dostoevsky 1972b, 355). Valkovskii's "I know, I know" indicates the dead end of the "Natural School's" typifying and categorizing realism: In a similar way, the writer Penkin in the novel *Oblomov*—published in 1859—praises a new literary work for its realistic portrayal of social vices, emphasizing that "all categories of fallen women are sorted out… French women, German women, Finnish women, with astonishing, vivid fidelity" (Goncharov 1998, 27). Clearly, this kind of literature has had its day in the early 1860s, when Dostoevsky was searching for a formula that would allow for artistic freedom, avoiding the strict demands of the utilitarian critics (Dobroliubov and others), but still be of use for "humankind" (Dostoevsky 1978, 78). The analogy between begging and writing allowed him to take up the ethical mission of early realist literature in a transfigured form and to develop it further.

Dostoevsky embeds the narrative of *Humiliated and Insulted* in a dream in order to make it more indirect, paradoxically allowing the problem he addresses to appear even more direct: it is about the mission of realistic fiction, which is not expressed in a direct, "utilitarian," activist way (1978, 79). This kind of narrative is "not shameful" in the very same sense that begging from anyone is not shameful. Against this backdrop, it is revealing to read the last advice Nelly's dying mother gave her daughter as a literary program: "Be poor, be poor all your life,

don't go to them, whoever might call you, whoever might come" (Dostoevsky 1972b, 418). Symbolic generalization was the technique Dostoyevsky used in his realistic writing to avoid the trap of typification, enabling him to address—and avoid—social conflicts.

WORKS CITED

Feuer Miller, Robin. 2014. "Dostoevsky's *Poor People*: Reading as if for Life." In *Reading in Russia: Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930*. Ed. by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena, 143–164. Milano: di/segni.

Frank, Joseph. 1986. *Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865*. Princeton (NJ): Princeton University Press.

Dostoevsky, Fedor M. 1972a. *Bednye liudi*. In *Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomakh*. Vol. 1, 13–108. Leningrad: Nauka.

----- 1972b. *Unishennye i oskorblennye*. In *Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomakh*. Vol. 3, 169–442. Leningrad: Nauka.

----- 1978. "Riad statei o literature." In: *Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomakh*. Vol. 18, 41–103. Leningrad: Nauka.

-----1985. *Pis'ma 1860–1868*. In *Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomakh*. Vol. 28/2. Leningrad: Nauka.

Goncharov, Ivan A. 1998. *Oblomov. Roman v chetyrekh chastiach*. In *Polnoe sobranie sochinenii v dvadtsati tomakh*. Vol. 4. Sankt-Peterburg: Nauka.

Herman, David. 2001. *Poverty of the Imagination: Nineteenth-Century Russian Literature about the Poor*. Evanston (IL): Northwestern University Press.

Lindenmeyr, Adele. 1996. *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton (NJ): Princeton University Press.

Engels, Friedrich; Marx, Karl. 1962. *Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer & Consorten*. In Karl Marx. *Frühschriften*. Vol. 1. Ed. Hans-Joachim Lieber; Peter Furth, 667–925. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Ospovat, Kirill. 2020. "'I dlia chego zhe takoe pisat'?' 'Bednye liudi' i politicheskaia ėkonomiia realizma." In *Russkii realizm XIX veka: Obshchestvo, znanie, povestvovanie*. Ed. M. Vajsman, A. Vdovin, I. Kliger, K. Ospovat, 98–125. Moskva: NLO.

Porter, Jillian. 2017. *Economies of Feeling: Russian Literature under Nicholas I*. Evanston (IL): Northwestern University Press.

Sarrot, Jean-Christophe. 2006. "1848 : les pauvres ne sont plus romantiques." *Revue Quart Monde* 2 : *Littérature et misère : quelles rencontres ?* https://www.revue-quartmonde.org/62

Savel′ev, Aleksandr I. 1990. "Vospominaiia o F. M. Dostoevskom." In *F. M. Dostoevskii v vospominiiakh sovremennikov v dvukh tomach*. Vol. 1, 163–169. Moskva: Khudozhestvennaia literatura.

Searle, John R. 1975. The Logical Status of Fictional Discourse. *New Literary History* 6/2: 319:332.

WHAT ARE THE AESTHETIC, HISTORICAL, SOCIETAL AND POLITICAL CONDITIONS FOR THE APPEARANCE OF REALISM IN THE SLAVIC LITERATURES?

ULRICH SCHMID (SWITZERLAND)
University of St. Gallen,
ulrich.schmid@unisg.ch

It is a truth universally acknowledged that Realism is a literary phenomenon of the second half of the 19th century. However, a closer look reveals that the appearance of literary realism is the result of many factors that are only partly related to literature. The reference to a certain historical order seems to be a prerequisite of realist literature. Famously, Roland Barthes spoke about the „reality effect" in Flaubert's Madame Bovary that is recognizably set in the city of Rouen.[1] In many Slavic literatures, „realistic" texts epitomize social or political ideologies. In Russia, class issues came to the fore, in Poland, the national cause was dominant, in Ukraine, ethnography and social issues prevailed. Both „class" and „nation" are invisible notions, though. This is why realistic literature has to turn the main cultural topics into palpable individualized narratives. As a result, „realistic" plots should not only be interpreted as an ethnographic description of a given social reality, but also as a visualization of an abstract set of ideological values. The individual is not the origin of the narrative, but the product. Joseph P. Stern has talked about realism as a literary method taking a "middle distance to life".[2] The interrelation of the typical and the topical in Slavic literatures yields a number of interesting questions: Is there one realism for all Slavic literatures or has it a cultural specificity? How is realism in Slavic literatures connected to the respective national project? What is the position of "Slavic realisms" in world literature?

In literary criticism, there is no consensus about the definition of "literary realism". One of the problems is the fact that literary writers bent the notion of realism so far that even imaginary settings may be tagged as "realistic". Famously, Dostoevsky defined his own texts as emanations of a "phantastic realism" and Kafka characterized his unfinished novel *America* as a "clear imitation of Dickens". However, such claims do not rule out a generic description of the position of realism in literary history.

René Wellek pointed to the fact that Erich Auerbach follows in his famous book on *Mimesis* (1946) a contradictory notion of "realism". On the one hand, Auerbach analyses an "existentialist" realism – a realism that portrays individual behaviour in what Karl Jaspers defined as a "Grenzsituation", for instance Abraham's sacrifice of his son Isaac. On the other

[1] Roland Barthes: L'effet de réel. In: Communications 11 (1968), 84-89.
[2] Joseph P. Stern: Über literarischen Realismus. München 1983, 52.

hand, Auerbach depicts a "historical" realism. He focuses on the interpretation of the French novel of the 19th century which describes social life within the "real history" of France. Wellek correctly highlights Auerbach's idiosyncrasies against "didactic" or "idyllic" products of literary realism. Only the Bible, Dante or Stendhal, Balzac, Flaubert and Zola match Auerbach's twofold notion of "realism". He does not talk about Russian realism which in his view is "didactic", because the meticulous description of Russian reality in Goncharov, Dostoevsky, Tolstoi or Turgenev always serves a higher ideological goal.[3]

Realism as an stylistic framework in literary history originated – as already romanticism did – in England. Why was England the starting point of these cultural phenomena? A whole set of factors is important here: the philosophical invention of Liberalism had set free enormous creative energies in the individual. The rise in literary productivity is a result of this intellectual empowerment. The beginning age of industrialization demonstrated how human life is determined by the economy – after 1848, Karl Marx would describe this predicament in his theory of capitalism. The tension between the individual and the changing circumstances of life became the stuff of literature. Most notably, Charles Dickens' novels are based on such "realistic" life experiences. Finally, the British Kingdom had suffered an important defeat in the American war of independence. The most visible effect of this was an acceleration of history. The political order appeared not to have an eternal stability anymore but became malleable and subject to individual and collective action.

Realism eventually spread to the continent and then further eastwards. Honoré de Balzac conceptualized his œuvre as a "zoologie romanesque". He chose his protagonists according to classifications from the natural sciences and created a literary sociology of contemporary France.[4] Gustave Flaubert shifted his attention from the individual to the milieu which became the real hero of his novels. Both Balzac and Flaubert captured the general disillusionment in French society with the failures of the revolutions of 1830 and 1848.

Realism was not particularly productive in Germany. In contrast to England or France, there was no such thing as a German society that could be described in an epic novel. The German territories had still to be united. In the beginning of the 19th century, it was not even clear if German statehood would evolve into a Greater or Lesser Germany. August Ludwig von Rochau declared in his book *Realpolitik* from 1853 that the heterogeneity of the German states is the main problem of societal development. He claimed that every state has to create a common language which bolsters the "family consciousness of the people in each of its

[3] René Wellek: Der Realismusbegriff in der Literaturwissenschaft. In: Richard Brinkmann: Begriffsbestimmung des literarischen Realismus. Darmstadt 1987, 400-433, 414f.
[4] Andrea del Lungo, Pierre Glaudes: Balzac, l'invention de la sociologie. Paris 2019, 13.

members".[5] Von Rochau's call for political pragmatism was taken up by Bismarck who provoked three wars in order to create a unified German state which was dominated by Prussia. Realism in Germany was deeply rooted in the bourgeois culture of the Biedermeier and never really came to terms with the complicated national project that had to struggle with regional and confessional differences.

Interestingly, realism reached Russian literature well before it arrived in the Polish culture. There was a biological reason for the premature end of Romanticism and the early advent of Realism in Russia. Alexander Pushkin died in 1837, Mikhail Lermontov in 1841. Very quickly, a new literary trend emerged that emphasized the genre of the "physiological sketch." These young authors described the low life of everyday social life in detail. This new movement was denigrated by Faddei Bulgarin in 1846 as the "natural school." The leading literary critic Vissarion Belinsky adopted this term and turned it positively into a realism committed to the "imitation of reality." At the same time, Belinsky saw himself as a promoter of a "national" art. He began his lengthy "Overview of National Poetry and Its Significance" from 1841 with the programmatic sentence: "Nationality is the alpha and omega of the aesthetics of our time, just as the embellished imitation of nature was the fundamental and most important assumption of the poetic codex of the past century." Surprisingly, for the socially engaged Belinsky, Tsar Peter I, of all people, is the paradigmatic example of the artistic demiurge who subordinated himself to "eternal truth" in "divine self-renunciation." This "great self-destruction" was carried out in the name of the Russian people and the Russian fatherland. For all his sensitivity to social concerns, Belinsky remained a Russian cultural imperialist.

In Poland, the Romantic paradigm remained dominant until the 1850s. The three "seer-poets" Adam Mickiewicz, Juliusz Słowacki, and Zygmunt Krasiński died in 1855, 1849, and 1859, respectively. Even the Polish January Uprising of 1863 was based on deeply Romantic cultural models. Only the brutal suppression of this uprising paved the way for new cultural concepts such as the scientistic, utilitarian, and evolutionist ideals of positivism or the "organic work" on the Polish cultural nation without any prospect of independent statehood.

It is not by coincidence that realism is not a category in Polish literary histories. The handbooks prefer the philosophical notion of "positivism". However, the literary epoch of "positivism" in Poland did not really yield "realistic" novels. A case in point is Bolesław Prus' *The Doll*. This novel features a romantic hero whose private ambitions collide with his

[5] August Ludwig von Rochau: Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart 1853, 16.

economic and societal carreer. There is even a dictum that maintains that there is no real “novel” in Polish literary history. In a certain sense, Henryk Sienkiewicz produced surrogates for “realistic novels” with his historical epic works that were set in the glorious times of the Polish-Lithuanian commonwealth at the peak of its power.

Ukrainian realism had to face a much broader task. In his lectures on aesthetics, Hegel had identified the portrayal of the individual within the state as the most important task of the epic novel. In Eastern Europe, this definition was only partially applicable: Poland had lost its aristocratic republic, and Russia ruled an empire much larger than the Russian nation. Ukraine was divided between the Habsburg and the Tsarist Empires and could only invoke a medieval statehood through historical extrapolations. Therefore, for Ukrainian writers, Hegel’s famous definition of the novel as a conflict between the "poetry of the heart" and the opposing "prose of circumstances" must be expanded by a crucial point. The "conditions" are not, as in Hegel’s work, "family, civil society, state, laws, professional activities," but an open field of tension between imperial repression, economic inequality, and cultural diversity. Given this difficult starting point, Ukrainian authors closely observed literary developments in Western Europe, but also in partitioned Poland and Tsarist Russia. They knew that a "Ukrainian social novel" could not simply be a long novella with a detailed description of a landscape. Therefore, they supplemented Hegel’s fundamental conflict between subjective poetry and objective prose with the depiction of Ukrainian national culture. However, most realist authors ultimately failed at this task. Hardly any of them succeeded in maintaining a sustained arc of suspense. The portrayal of the protagonists slips either into hagiography or an ethnographic study. The plot is not driven by the individual characters or historical forces, but rather by the author’s worldview.

Ukrainian realism developed in the Tsarist Empire under difficult conditions. The Valuev Circular of 1863 did not prohibit the use of the Ukrainian language in literature, but it lent it a dangerous aura of disloyalty to the Tsar (lack of “blagonamerennost’”). The measures against the Ukrainian language and literature were further tightened in the Ems Ukase of 1876. As before, an official exception still existed for the possible publication of "belles lettres" in the "Little Russian dialect," but the use of a "universal Russian orthography," the so-called Yaryshka, was mandatory. As Johannes Remy has shown, the consequences of both decrees for Ukrainian book production were drastic: Before 1863, about 25 Ukrainian titles were published annually in the Tsarist Empire. This number fell to 3 in 1864 and recovered to

18 by 1875, only to fall back to 7 after 1876. It was not until 1897 that over 50 titles per year were reached.[6]

Ironically, it was the Ukrainian Russophile publicist Mikhail Yuzefovich (1802–1889) who brought about the Ems Ukase through two denunciatory letters to St. Petersburg. Later, he campaigned for the erection of a monument to Bohdan Khmelnytskyi in Kyiv's city center, which was inaugurated in 1888. Yuzefovich strictly adhered to the official historical policy, which viewed the Cossack leader as the driving force behind the "reunification" of Ukraine with Russia. The inscriptions on the pedestal read: "We want to live under the Eastern, Orthodox Tsar" and "For Bohdan Khmelnytskyi from the United and Indivisible Russia".

The creative life of Ivan Nechui-Levytskyi (1838–1918) vividly illustrates the dilemmas faced by an author of Ukrainian realism in the late Tsarist Empire. Ivan Levytskyi was born into a clerical family in central Ukraine, graduated from the Kyiv Theological Seminary, and spent most of his life teaching Russian in non-Russian provinces of the Tsarist Empire, in the Polish cities of Kalisz (1866–1867) and Siedlce (1867–1872), as well as in Chişinău in Bessarabia (1873–1885). At the age of 47, he resigned from school service and settled in a small apartment in Kyiv, where he soon became known as a solitary eccentric with a strictly regulated lifestyle. In 1904, he even left an anniversary event in his honor in the middle of a toast, arguing that it was 10 o'clock at night and he needed to go to bed. His stubbornness was perhaps most clearly expressed in his bitter and unsuccessful fight against "Galician orthography," which also erupted in fierce invectives against Mykhailo Hruševsky. In 1913, Nechui-Levytskyj even published his own grammar of the Ukrainian language, which he intended to use in future school lessons. However, the rules of etymology and syntax were primarily the product of the author's imagination and later became the subject of ridicule by Yuri Shevelov.

Nechui-Levytskyi's literary debut coincided precisely with the Valuev Circular of 1863, which, while not outright banning Ukrainian fiction, placed it in a zone of political unreliability. As a civil servant, Levytskyi acted cautiously and published his literary works under the pseudonym "Nechui." For a long time, he was able to maintain his anonymity. He claimed that not even his own unloved father knew the pseudonym. However, in 1867, Nechui-Levytskyi met Pantelejmon Kulish in Warsaw and discussed the development of Ukrainian literature with him. Significantly, even the otherwise well-informed Mykhailo Drahomanov did not know who was behind "Nechui" in 1871. As his success with readers

[6] Johannes Remy: Against All Odds: Ukrainian in the Russian Empire in the Second Half of the Nineteenth Century. In: Harvard Ukrainian Studies 35 (2017-18), 43-58.

grew, Nechui's authorship became increasingly well-known. This also made him the subject of official interest. In an 1881 police report, he was described as a "fanatical Ukrainophile" who spoke Ukrainian to his students during class. After his early retirement in 1885, he abandoned this game of hide-and-seek and signed his works with the double name Nechui-Levytskyj.

Nechui-Levytskyj formulated his literary program early in his career. The immediate trigger for this statement was the Ems Ukase of 1876. In response, he wrote a long treatise with the provocative title "On the Uselessness of Great Russian Literature for Ukraine and for Slavdom" (Pro nepotribnist' velykorus'koj literatury dlja Ukrajini ta Slovjanščyny). He insisted that Ukraine and Russia had different cultures and demanded a separate literature for Ukraine. In doing so, he not only opposed official Russian cultural policy, but also the influential Mykhailo Drahomanov, who had called on Ukrainian writers to train their writing style on Russian literature. Nechuj-Levyts'kyj identified "realism," "nationalism," and "closeness to the people" as the most important categories for artistic writing. He pursued an openly anti-Russian approach: Russian literature, he argued, could not be "close to the "people simply because of its aristocratic orientation. Furthermore, it was entirely focused on its own "nationalism" and therefore could not be considered a model in Ukraine. The long essay was published anonymously in two parts in 1878 and 1884 in Lviv, Austria.

In 1891, Nechuj-Levytskyj sharpened the tone in another long treatise with the challenging title "Ukrainianism in a Literary Duel with the Muscovites" (Ukrajinstvo na literaturnych pozvach z Moskovščynoju). This article, too, appeared in Lviv, this time under the pseudonym "Tower Watchman" (Baštovyj). Nechui denounced Russian dominance in imperial literature: "We consider the national intolerance of the Great Russians to be a very primitive racial trait, similar to the religious intolerance of ancient peoples and still alive today in the nature of Muslim peoples."

Nechuj-Levytskyj's extensive prose work must be read as practical evidence of this literary program. Although the young author had initially tried his hand at writing in Russian, he soon switched to writing Ukrainian-language works. Given the precarious situation of Ukrainian literature in the Tsarist Empire, this was a remarkable decision. However, it matched the Hegelian conception of the literary depiction of national life in all its aspects.

The dilemma between civil service and Ukrainian literature was reflected even more clearly in the biography of Panas (Russian: Afanasy) Rudchenko (1849–1920) than in Nechui-Levytskyj's. He came from a family of accountants in Myrhorod and, due to lack of money, was unable to attend either high school or university. However, Rudchenko followed

in his father's footsteps with even greater success. He worked as an accountant in Hadjach, Pryluki, and Myrhorod. In 1871, he took a position in Poltava, where he rose to fourth rank in the Russian civil service in 1914. This promotion came with an annual salary of 2,400 rubles and was equivalent to the rank of general in the military. He also received an inheritable title of nobility. He had already been personally raised to the nobility in 1901. Finally, he possessed a whole series of orders and decorations.

In sharp contrast to his public career was his work as a Ukrainian author. The novels *Wild People* (Lychi ljudi, 1877) and *Do Cattle Bellow When the Troughs Are Full?* (Chiba revut' voly, jak jasla povni, 1880) were published by Drahomanov's exile publishing house in Geneva and were banned in Russia. Through his commitment to suspect Ukrainian literature, the administrative official Rudchenko placed himself in greater danger than Nechui-Levytskyj, who was only in government service as a high school teacher. Therefore, he chose the pseudonym Panas Myrnyi for his literary activities, which he guarded carefully and only revealed twice. In 1892, at the request of the audience, he appeared on stage after a performance of one of his plays in Poltava, and in 1913 a short notice appeared in a Kyiv newspaper revealing his true identity. When Omelyan Ohonovsky asked him for a biography for his history of Ukrainian literature, he replied: "I will not give you any information about my life because I believe that the strength and importance lie not in it, but in my works that have been published so far and will be published in the future." Serhiy Yefremov even spoke of Myrnyi's "anachoretic status in literature".

Myrnyi's precarious dual existence only ended with the Tsar's abdication. After the February Revolution of 1917, he was inundated with requests for publication from Ukrainian publishers. However, he rejected the Bolshevik regime because of its nihilistic attitude toward tradition.

To sum up, the following points can be made:

1. Realism "jumped" from Western Europe (England and France) to Russia, mostly leaving out Germany, Poland and Ukraine. Poland and Ukraine are late adopters of realism. The public intellectual Mykhailo Drahomanov explicitely recommended to his fellow Ukrainian writers that they should imitate Russian realistic writing, just as the Russians had imitated Western models.

2. Russia, Poland and Ukraine struggled each in their own way with their national projects. The Russian nation never had a state of its own (the state was either to small or too big), Poland lost its empire and its statehood, Ukraine sought to establish itself as a cultural nation (possibly as a state in a Russo-Ukrainian federation). In all three cases, realistic writing

explored the possibility of an individual existence in these predicaments. Many Russian novels faded into historiosophy (Dostoevsky, Tolstoi), Polish novels replicated either romantic models (Prus) or turned to the past (Sienkiewicz), Ukrainian novels described the futility of national aspirations.

3. Only in the case of Russian literature, realism managed to contribute to World literature. The reason for this is the relative weakness of German realism and the early advent of modernism in France and England in the 20th century. The Russian realistic novel offered insights into the difficult relation between individual, society, nation and state that proved to be valid also for a Global literary audience. The literary elaborations on the precarious situation in Poland and Ukraine were not considered to be representative on a more general scale.

BIBLIOGRAPHY

Roland Barthes: L'effet de réel. In: Communications 11 (1968), 84-89.

Andrea del Lungo, Pierre Glaudes: Balzac, l'invention de la sociologie. Paris 2019.

Johannes Remy: Against All Odds: Ukrainian in the Russian Empire in the Second Half of the Nineteenth Century. In: Harvard Ukrainian Studies 35 (2017-18), 43-58.

August Ludwig von Rochau: Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart 1853

Joseph P. Stern: Über literarischen Realismus. München 1983.

René Wellek: Der Realismusbegriff in der Literaturwissenschaft. In: Richard Brinkmann: Begriffsbestimmung des literarischen Realismus. Darmstadt 1987, 400-433.

BEYOND THE REALITY EFFECT: NIKOLAI GOGOL' AND STEVAN SREMAC

ANDREA LEŠIĆ-THOMAS (BOSNIA-HERZEGOVINA)
Philosophy Faculty, University of Sarajevo
andrea.lesic-thomas@ff.unsa.ba; andrea.lesic72@gmail.com

Following on from Roland Barthes's notion of the „reality effect“ (in “L'effet de reel”, 1968) as the literary technique of referential plenitude, of accumulation of concrete descriptive details to the point of narrative superfluity, this paper will investigate the link between the comic and the realist in the works of Nikolai Gogol’ and Stevan Sremac. In my analysis of the similarities and the differences in their depiction of village life, I shall focus on their tendency to use the abundance of descriptive detail and meandering nature of narrated anecdotes for comic effect, and investigate the point at which realist referentiality turns into the comic and the absurd. I shall also attempt to discover whether the narrative pleasure of their texts can be located precisely beyond the reality effect, and try and link the joys of the absurd with the space that lies beyond the pleasure principle (following Peter Brooks’ analysis of the Freudian pleasures of stories).

In discussing the difference between mimetic and non-mimetic literary mode, it is important to draw attention to Barthes’s view that literature is universally non-mimetic. In “Introduction à l’analyse structurale des récits” (p. 95), Barthes dismissed the idea that a literary text had any referential function as essentially naïve, with the suggestion that any realist aspiration in literature is just a further compounding of a literary myth. “L’effet de reel” itself reads like an attack on Engels’s idea that “realism […] implies, besides truth of detail, the truthful reproduction of typical characters under typical circumstances”. Barthes argued that the “reality effect” of realist novels’ excessive attention to detail (which cannot be motivated as a function within the story itself) comes from the popular belief that “life” cannot be fully accounted for, that not everything in it fits together or is fully intelligible. Instead of producing meaning within the world of the text, this type of non-denotative detail connotes “reality” in all of its “messiness”. This, says Barthes, although it claims to appeal directly to our experience of reality, is just as conventional a technique and just as dependent on the public opinion of what is *vraisembable* as any literary creation which, following one of Aristotle’s suggestions, finds its justification in “reference to what is commonly said”. At the end of “Introduction” (p. 103), Barthes puts forward the following argument against mimesis: a narrative cannot represent anything, as it is fully made up of language, and language alone. Part of the argument is the point that a narrative does not create a “vision”, that it does not

make us "see" anything; instead, it produces a meaning. We believe in the "realness" of its characters' actions not because they recreate a course of real actions, but because we believe in the logic which makes them follow one another – which is largely the logic of "what is commonly thought to be so". In *Critique et vérité* (p. 22) Barthes argued that it is precisely this circular notion of the *vraisembable* which makes it impossible for some people to see that what they thought was, for example, realistic psychology of characters, is in fact just a literary convention which every pupil who studied Racine and Corneille at school will have absorbed.

When confronted with the narratives of Nikolai Gogol' and Stevan Sremac, with their frequent employment of *skaz*, vivid rendition of spoken speech and proliferation of detailed descriptions of objects, events and people (both significant and insignificant for the story), the impression is far from the calm classical sense of the depicted world being universally life-like. Instead, the links made between human bodies, food they eat, words they speak and the physical environment that surrounds them, while playing with the grotesque as defined by Bakhtin, produce imaginative vision as well as meaning, precisely because they force us to grapple with unusual, comical and grotesque comparisons and analogies. By forcing us to, for example, imagine the head of a village squire as a radish pointing upwards, Gogol' creates an image which hovers between two familiar shapes, requiring an act of visualisation to resolve the tension.

Furthermore, the comical and the grotesque unmake the fictional world at the same time as they are making it, combining humorous tensions and contradictions, leaving them open and playing with them. In Sremac as much as in Gogol', for example, social status is one of the aspects of characterisation which simply refuses to make classical sense in a way Barthes (or Racine, or even Balzac) would recognise, as the interaction between characters, their education, speech and life stories crosses several social strata, refusing to fit into a recognisable pattern of class divisions. In rural narratives this is particularly visible, as if the smaller fictional world fosters possibilities for a more integrated fictional community, allowing peasants to mingle with the (semi-)nobility in ways that a cityscape would preclude. The forced proximity of village life, its close connection to nature, to agriculture and food-production, its reliance on natural conditions for basic functions of life (take, for example, the role mud plays in the lives of the characters), and the immersion in the life of the body, as well as in its aging and death, creates a curious readerly pleasure of mimetic overload which allows both writers to create worlds which hover between the uncanny and the vividly, for lack of a better term, realist.

BIBLIOGRAPHY

Bakhtin, Mikhail, *Rabelais and His World*, trans. by Hélène Iswolsky (Bloomington: Indiana University Press, 1984)

Barthes, Roland, "Introduction à l'analyse structurale des récits", in *Oeuvres completes II*, 1966-1973 (Paris: Seuil, 1994), pp. 74-103

Barthes, Roland, "L'effet de reel", in *Oeuvres completes II*, 1966-1973 (Paris: Seuil, 1994), pp. 479-84

Barthes, Roland, *Critique et vérité*, in *Oeuvres completes II*, 1966-1973 (Paris: Seuil, 1994), pp. 17-51

Brooks, Peter, *Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative* (Cambridge: Harvard University Press, 1984)

Čović, Branimir, "O zajedničkim elementima skaza kod stevana Sremca, Stefana Mitrova Ljubiše i kod nekih ruskih pripovedača XIX veka", in *Mesto pripovetke u srpskoj književnosti: Dositej Obradović i Evropa,* vol. 2. (Belgrade: Međunarodni slavistički centar na Filoškom fakultetu, 2009), pp. 151-168.

Eikhenbaum, Boris, "Kak sdelana 'Shinel'' Gogol'a", in *O прозе* (Leningrad, 1969), pp. 306-326.

Gogol', N. V., *Sobranie sochineniy v shesti tomah* (Moskva: 1952)

Golstein, Vladimir, "Landowners in Dead Souls: Or the Tale of How Gogol Blessed What He Wanted to Curse", *The Slavic and East European Journal* 41, no. 2 (1997), pp. 243–57.

Karst, Roman, "The Reality of the Absurd and the Absurdity of the Real: Kafka and Gogol", *Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature* 9, no. 1 (1975), pp. 67–81.

Kolb-Seletski, Natalia M, "Gastronomy, Gogol, and His Fiction", *Slavic Review* 29, no. 1 (1970), pp.: 35–57.

Leblanc, Ronald D., "Satisfying Khlestakov's Appetite: The Semiotics of Eating in The Inspector General", *Slavic Review* 47, no. 3 (1988), pp. 483–98.

Lodge, Kirsten, "The Semiotics of Gogol's 'Dead Souls'", *Ulbandus Review* 6 (2002), pp. 69–84.

Lounsbery, Anne, "'Russia! What Do You Want of Me?': The Russian Reading Public in Dead Souls", *Slavic Review* 60, no. 2 (2001), pp. 367–89.

Peace, R. A, "Gogol′s 'Old World Landowners.'" *The Slavonic and East European Review* 53, no. 133 (1975), pp. 504–20.

Proffer, Carl R., "Gogol's Definition of Romanticism", *Studies in Romanticism* 6, no. 2 (1967), pp. 120–27.

Sremac, Stevan, *Pop Ćira i pop Spira* (Beograd: Učiteljski fakultet univerziteta u Beogradu, 2009)

Valentino, Russell Scott, "A Catalogue of Commercialism in Nikolai Gogol's Dead Souls", *Slavic Review* 57, no. 3 (1998), pp. 543–62.

Weathers, Winston, "Gogol's Dead Souls: The Degrees of Reality", *College English*, vol. 17, no. 3 (1955), pp. 159–64.

REALISM AND HUMOUR

ANDREA ZINK (AUSTRIA)
University of Innsbruck

Realism—particularly that of the nineteenth century—is generally not associated with cheerfulness or comic elements. This holds true, with few notable exceptions (such as in the works of Gogol or the early Dostoevsky), for Russian realism as well. The literature of this period tends to foreground deplorable social conditions, the arduous everyday life of the lower classes, the ennui of the privileged, and an array of unpleasant "facts" (such as filthy courtyards in impoverished urban districts) that appear to be subjected to critical scrutiny by the author. This manner of (re)presenting the hardships of life encourages the reader to identify with the characters—whether active or incapable of action—and typically evokes compassion. We, the readers, sympathise with the characters and share in their suffering. Their specifically realist typification is inherently bound up with their singularity (Hansen-Löve), providing us with ample cues for emotional alignment. However, once identification with these "typical individuals" has taken place, the prospects for laughter—and perhaps for social critique as well—diminish significantly. Laughter presupposes a distance from its (human) object and is thus particularly well-suited to the correction of social deficiencies. This, at least, is the claim made by Henri Bergson. According to him, laughter addresses the intellect rather than the emotions, and—both in life and in art—serves to reintegrate one-dimensional, automatism-driven characters into the social fabric.

If one accepts Bergson's thesis, it becomes clear that the comic (and comedy as a specific form) maintains a fundamentally different relation to reality than the typically realist text: the comic does not aim to generate an illusion of reality but often foregrounds its own fictionality; it avoids "reality effects" (Barthes's *effet de réel*). Readers are not drawn into the narrative nor encouraged to empathise with the characters; rather, they are prompted to observe and reflect, and can thus be reached by art in a more direct manner—in their own here and now. The distinctive realism of the comic lies, then, in its access to the reality of its audience. This is what accounts for its enduring relevance. Evidently, this mode of engaging with reality also involves a form of character typification: while it may draw upon the historical context of its time, it remains essentially independent of it. Whether we are dealing with the miser, the hypochondriac, the teacher, or the factory owner—comic characters possess a persistent relevance and effectively embody timeless stereotypes. They are typically marked by a physical or psychological defect, a one-sidedness that laughter highlights—yet

without annihilating its object. Humour is, as a rule, conciliatory rather than dogmatic. Comedy exposes stereotypes without reinforcing them.

I will substantiate these considerations through an examination of Russian realism, specifically by analysing selected works by Nikolai Leskov and Anton Chekhov. By drawing upon comic elements, both authors—albeit in different ways—disrupt the established realist canon of their time and are capable of unsettling their audiences. Leskov's most famous novella, *Lady Macbeth of the Mtsensk District*, offers a preliminary demonstration of this effect. On the one hand, the story is based on a real court case and rests on a documentary foundation. Furthermore, the author meticulously adheres to the conventions of contemporary jurisprudence: the arrest of the two protagonists, their corporal punishment, and subsequent transportation to penal labour (*katorga*) are all rendered in accordance with judicial procedure. In this sense, the narrative also depicts the reality of the Russian provinces around 1860. However, through its novella-like structure and above all through the cheerful *skaz* that shapes its opening and even accompanies the first murder, Leskov's *Lady Macbeth* clearly diverges from the realism of the 1860s. The characters are sharply delineated and recognisable as types—a despotic father-in-law, a dull husband, a sexually assertive wife, and a handsome young man—the narrative is easily grasped. Precisely these typical, even stereotypical characters reinforce the impression that Leskov, with striking precision, captures the uncanny dimensions of provincial Russian life—indeed, of human nature more broadly—while simultaneously refraining from any moral judgement of these abysses.

My paper will place particular emphasis on Leskov's humorous deconstruction of national stereotypes. This narrative strategy stands in marked contrast to the frequently proclaimed—yet seldom convincingly represented—closeness to the common people so often championed by Russian realist writers (among them Dostoevsky). Leskov's humour encompasses both the "foreigners" (e.g. Germans) and the "own people" (Russians, Jews, Ukrainians), as illustrated in stories such as *Iron Will* (*Zheleznaia volia*) and *Fishsoup without Fish* (*Ucha bez ryby*). Furthermore, Leskov's humour does not shy away from addressing large-scale, historically documented and contemporaneously experienced catastrophes such as the famine of 1840. His depiction of this famine—prompted by a second wave of famine in the 1890s—serves as an example of a comic (and therefore particularly disturbing) portrayal of human catastrophe (realised in the "rhapsody" *Judol'*). The act of narration is laid bare through numerous metapoetic passages, highlighting the instability of "facts" and their dependence on the mode of mediation (Barthes, *Discours de l'histoire*). At the same time, the

grim reality of famine—with all its consequences, including cannibalism—is made to emerge all the more starkly.

While Leskov—very much a loner in his time—draws upon various traditions (including folklore and the style of Gogol) and, through his often unconventional choice of genre (such as his preference for the legend), embodies a kind of "new-old" worldview within realism (as noted by Walter Benjamin), Anton Chekhov, particularly through his "comedies," signals the advent of modernity. Chekhov's own labelling of his plays in this manner (such as the subtitle of *The Cherry Orchard* and that of an early version of *Three Sisters*) has been widely commented on in scholarship: "What's so funny about losing one's estate?" asks Svetlana Evdokimova in her brief study on *The Cherry Orchard*. Indeed, the comic dimension of Chekhov's work is not immediately evident.

On the surface, Chekhov's stories and plays deviate only slightly from the realist mainstream of his time; everyday concerns—especially of an economic nature—predominate. Yet Chekhov uses realist detail sparingly. Instead, everyday life is elevated to an abstract level. His texts engage with questions of life, happiness, occasionally love, and—perhaps above all—labour and money. Chekhov's characters are accordingly rendered in abstract terms, stylised as types, sometimes exaggerated, and thus aligned with the comic tradition. In *Rothschild's Violin*, the gravedigger Yakov Ivanov remains frugal while building a coffin for his wife—calculating every cost and even registering his own future death as a "loss" in his ledger. Through such hyperbolic strategies, Chekhov prevents his readers from identifying with the characters, without, however, offering alternatives. He instead provokes self-reflection. This is perhaps most effectively achieved in his late plays, in which everyday life seems barely distinguishable from our own. The typification of the three sisters in *Three Sisters* is nuanced yet unmistakable: Irina, the youngest, naïve; Olga, the eldest, comparatively rational; Masha, the middle sister, still impetuous—all three unable to take charge of their lives, swept along instead by the currents of circumstance. Our sympathy is unlikely to be engaged by them, despite the comprehensibility of their paralysis; nor is it likely to be engaged by Kulygin, who represents the classic model of a narrow-minded schoolteacher, complete with potential slapstick moments. And yet Irina, Olga, and Masha continue to provoke reflection on the meaning and absurdity of working life—precisely because Chekhov offers no answers.

It is surely no coincidence that Chekhov's plays remain staples of the European stage, and that he is one of the few Russian writers who resists political appropriation. Humour, in his case, does not align with morality or ideology, it does align with our own lives.

BIBLIOGRAPHY

Barthes, Roland: L'effet de réel. In: *Le Bruissement de la langue*. Paris: Éditions du Seuil, 1984, 127–140.

Barthes, Roland: Le discours de l'histoire. In: *Le Bruissement de la langue*. Paris: Éditions du Seuil, 1984,179–184.

Benjamin, Walter: Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolai Lesskows. *Illuminationen. Ausgewählte Schriften*, hg. und ausg. v. Siegfried Unseld, Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1977, 385–410.

Evdokimova, Svetlana: What's so Funny about Losing One's Estate, or Infantilism in "The Cherry Orchard" . In: The Slavic and East European Journal, Vol. 44, No. 4 (2000), 623–648.

Hansen-Löve, Aage: Der frühe russische Realismus und seine Avantgarde. Einige Thesen. In: Fleishman, L. et al. (eds.). Analysieren als Deuten. Hamburg: Hamburg University Press, 2004, S. 365–405.

BLOC 2.19
LA SLAVISTIQUE APPLIQUÉE A LA LITTÉRATURE ET LES ÉTUDES LITTÉRAIRES COMPARÉES / ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Organisatrice : ANNA FOSCOLO

Anna Foscolo Литературоведческая славистика и сравнительное литературоведение: перекрестки взаимодействий 1

Tatiana Victoroff К вопросу о взаимодействии литератур: о включении русских авторов в программы по компаративистике во Франции 5

Елена Гальцова Мультилингвизм «Записок из подполья» в переводах на французский язык 11

Майя Кучерская Николай Лесков и Винцент Коротынский: к истории творческого диалога 16

Мария Рубинс Литература русского Израиля в культурном и геополитическом пространстве Ближнего Востока 22

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ПЕРЕКРЕСТКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Анна Фосколо (Франция)

Открывающий сессию доклад обозначит круг основных вопросов тематического блока «Литературоведческая славистика и сравнительное литературоведение: перекрестки взаимодействий», представит цели его проведения, а также ключевые темы, вокруг которых будут строиться доклады и обсуждение.

В первую очередь в рамках вводного сообщения будет представлен синтетический обзор различных форм взаимодействия указанных областей литературоведения. Ключевые этапы их развития за последние сто лет будут рассмотрены с точки зрения взаимного обогащения. Обращение к истории вопроса позволит выделить пути взаимовлияния, ведущие от частичной тождественности корпуса к общности объектов и вопросов изучения.

Является ли институциональное дисциплинарное разделение помехой для полноценного взаимодействия? Или же, напротив, способствуя четкому пониманию особенностей исследовательских сфер, систематизируя наработки каждой из них, помогает ясно обозначить точки пересечений, в которых сочетание подходов может быть наиболее продуктивно? Размышление на эти вопросы мы сопроводим гипотезой, согласно которой наблюдение за эволюцией научных парадигм свидетельствует не только о взаимовлиянии, но и о типологических совпадениях в развитии исследовательских подходов.

Славистика, как и компаративистика, представляет собой область знаний, развитие которой зиждется на многоуровневой внутренней междисциплинарности; она не только является совокупностью целого ряда научных направлений, но и включает в себя богатую группу языковых общностей во всей многомерности их культурного наследия. Цельное знание об объектах ее изучения невозможно без этапов сопоставления и поиска корреляций, и это касается каждой из составляющих ее сфер – литературоведческой славистики в первую очередь. По этой причине методы сравнительного литературоведения естественным образом находят применение в работах славистов. Методологическая база сравнительного литературоведения, в свою очередь, активно развивается. За последние десятилетия она показала свои возможности в области разработки и интегрирования новых подходов для научного осмысления текстологического наследия через его включение в новые научные парадигмы. Так

произошло смещение акцента с традиционного национального подхода к транснациональным и глобальным исследованиями. Литература рассматривается как часть культурных потоков и анализируется через оптику миграции, диаспор, многоязычия и других актуальных форм контактов.

Отметим, что взаимодействие славистов и компаратистов дает место двустороннему развитию дисциплин. Значительная часть литературоведческих подходов имеет «двойное» и даже мультивекторное происхождение. Так, современная нарратология, интертекстуальный анализ и изучение массовой культуры во многом опираются на выводы и методы чешского и французского структурализма, которые в свою очередь укоренены в формализме. Последний же многим обязан работам Александра Веселовского, основоположника компаративистики в России. Подробно реконструировать генеалогию перечисленных научных школ невозможно без научного вклада славистов[1]. Помимо этого, достижения литературоведческой славистики в области текстологии наращивают базу, необходимую для последующей междисциплинарной исследовательской деятельности.

Таким образом, подчеркнем естественную связь указанных разделов литературоведения: с одной стороны, изучение славянских литератур является сегодня одним из значимых объектов изучения литературной компаративистики. С другой стороны, сравнительное литературоведение является регулярным источником обновления подходов к изучению национальных литератур: от глобализационных исллледований и интермедиальности до экокритики, гендерных и цифровых подоходов — новые направления не только расширяют горизонты анализа, но и помогают выявить более сложные взаимосвязи между литературой и обществом в контексте социальных, исторических и технологических изменений.

Наконец, оба упомянутых раздела литературоведения питают собой общее литературоведение. В 2024 году теоретик французского компаративизма Даниэль-Анри Пажо формулирует следующую градацию разделов литературоведения: 1) отдельно взятая национальная литература, 2) сравнительное литературоведение, 3) общее литературоведение. В этой трехуровневой концепции компаративистика выступает как связующее звено между изучением любой отдельно взятой литературной традицией и

[1] См. в частности работу Катрин Депретто, *Формализм в России. Предшественники, история, контекст*, пер. с французского В. Мильчиной, Москва, НЛО, 2015. Французская монография опубликована в 2009 г. Институтом славистики : *Le formalisme en Russie*, Paris, Institut d'Etudes slaves, 2009.

общим литературоведением[2]. Сравнительно-историческое литературоведение предлагает методы анализа, которые позволяют рассматривать факты и явления отдельно взятых литературных традиций как базу для системного восприятия литературного процесса. Помимо этого, как было отмечено выше, многие теоретические принципы общего литературоведения свидетельствуют о разнонаправленных и сложных взаимодействиях указанных дисциплин.

Выделим первоочередную роль, которую играют в этих процессах факты сотрудничества научных сообществ славистов и компаратистов, прямо или косвенно способствующие как интеграции концептов и подходов, так и формированию новых исследовательских парадигм в области литературоведения. Съезды, организуемые Международным комитетом славистов с 1929 г., как и конгрессы Международной ассоциации сравнительного литературоведения (AILC), проводящиеся с 1959 г., традиционно предоставляют возможность прямого и конструктивного обмена между компаратистами и славистами из разных стран. Публикации и проекты, зарождающиеся в рамках этих мероприятий, дают плоды в долгосрочной перспективе.

Помимо научных мероприятий институционализированные взаимодействия наблюдаются на уровне академических печатных органов. В 2020 году Клод де Грев опубликовала интересное в этом отношении исследование о контактах «Журнала сравнительного литературоведения» (*Revue de littérature comparé*e) и «Журнала исследований по славистике» (*Revue des études slaves*), имеющих репутацию ключевых французских печатных органов соответствующих дисциплин. Анализ, предпринятый на примере функционирования этих изданий, показал, как именно проявлялись в них взаимодействия на историческом отрезке длиной в столетие (оба журнала были основаны в 1921 году). Клод де Грев отмечает мощный вклад славистов в развитие сравнительного литературоведения во Франции. По примерам, приведенным в статье, можно судить, что французские исследователи, начиная с создателей французской славистики, таких как Андре Мазон, сделали возможным полноценное введение русской, польской, сербской, чешской, югославской и других литератур Центральной и Восточной Европы в обиход французских компаративистких исследований. Действительно, если в середине XX века, «область славянских литератур находилась где-то на периферии компаративистких

[2] Daniel-Henri Pageaux, «Littérature française, littérature comparée, littérature générale», *Revue de littérature comparée*, N° 389 (1), 2024, pp. 69-83.

исследований[3]», то несколько десятилетий спустя ситуация стала качественно иной: во Франции появился ряд важных фигур компаративистики, специализирующихся на одной или нескольких славянских литературных традициях, в числе которых Клод де Грев выделяет, в частности, имена Жана-Луи Бакеса и Александра Строева.

Программа данного тематического блока приглашает к развитию дискуссии о возможностях междисциплинарного диалога. Одна из основополагающих задач этого тематичекого блока – создать платформу для обсуждения и расширение восприятия заявленной темы через дискуссию с исследователями, практикующими рассматриваемые дисциплины в разных странах.

Доклады тематического блока призваны проиллюстировать оба вектора: с одной стороны, анализ различных форм взаимодействия указанных дисциплин (доклад Т.В. Викторовой и наше вводное сообщение), с другой – тенденции общего и сравнительного литературоведения в выборе подходов к изучению русских, русскоязычных и польских авторов (доклады Е.Д. Гальцовой, М. А. Кучерской и М. Рубинс). Упомянутые сообщения представят пути вхождения русской литературы в корпус академической подготовки компаратистов во Франции (Т.В. Викторова), вопросы многоязычия и переводов (Е.Д. Гальцова), системное взаимодействие литератур на примере конкретных контактов (М.А. Кучерская) и, наконец, подход, в котором литература одновременно выступает как феномен конкретной цивилизации и выходит за рамки явления «национального», усложняя традиционные понятийные схемы и выявляя разрывы между классическими определениями литературного поля по его принадлежности определенному языку и/или государству.

БИБЛИОГРАФИЯ

Депретто Катрин, *Формализм в России. Предшественники, история, контекст*, пер. с французского В. Мильчиной, Москва, НЛО, 2015.

Depretto Catherine, *Le formalisme en Russie*, Paris, Institut d'Etudes slaves, 2009.

De Grève Claude , «La *Revue des Études slaves* et la *Revue de littérature comparée.* Un siècle d'entente cordiale», *Revue des Études Slaves*, vol. 91, no. 1/2, 2020, pp. 149–65.

Pageaux Daniel-Henri, «Littérature française, littérature comparée, littérature générale», *Revue de littérature comparée*, N° 389 (1), 2024, pp. 69-83.

[3] См.: Claude de Grève, «La *Revue des Études slaves* et la *Revue de littérature comparée*. Un siècle d'entente cordiale», *Revue des Études Slaves*, vol. 91, no. 1/2, 2020, p. 157.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛИТЕРАТУР: О ВКЛЮЧЕНИИ РУССКИХ АВТОРОВ В ПРОГРАММЫ ПО КОМПАРАТИВИСТИКЕ ВО ФРАНЦИИ

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (ФРАНЦИЯ)

Доклад посвящен проблеме преподавания славянских литератур в рамках программ по сравнительному изучению литератур во французских университетах. За последние десятилетия славянские и русские авторы включаются не только в общеобразовательные курсы по компаративистике, но в программы национального конкурса Agrégation, подчеркивая необходимость для преподавателя средних и высших учебных заведений стать посредником этих культур, а в геополитическом контексте двух последних лет – и уметь непредвзято представлять таких авторов как Н. В. Гоголь, запрещенного на Украине как слишком «русского», и подвергнутого в России цензурным сокращениям за его воспевание украинского быта их нравов.

Анализируются три программы конкурса Agrégation, построенные вокруг произведений русских авторов: «Romans et Crimes (Романы и преступления)», программа 1998 г., основана на анализе *Преступления и наказания* Достоевского и предлагает изучить в этой перспективе *Святилище* Фолкнера, *Постороннего* Камю и *Воздух преступления* испанского писателя Хуана Бене. «Permanence de la poésie épique (Традиции эпической поэзии в XX в.)» изучались в 2010 в творчестве Анны Ахматовой, турецкого поэта Назыма Хикмета; чилийца Пабло Неруды и мартиникского писателя Эме Сезера. Тема «Le pouvoir en scène (Власть на сцене)» анализировалась в 2019-2020 г.г. в трагедиях *Ричард III* Шекспира, *Цинна* Корнеля, *Борис Годунов* Пушкина и *Карьера Артура Уи, которой могло не быть* Брехта.

Три разные темы, в рамках трех основных жанров, представленные классиками 9 стран – плодотворная база для сравнительного анализа. Он ведется вокруг трех ключевых вопросов: что добавляет присутствие русских авторов в эти программы? Меняет ли это наше восприятие самих русских авторов? Возможна ли серьёзная аналитическая работа с переводными текстами?

«Романы и преступления»: русский роман «европейских идей»

В «Романах и преступлениях» сама форма множественного числа указывает на историческую перспективу, в которой русский романист выбран родоначальником жанра романа преступления, в той форме, в которой он будет развиться в дальнейшем: романа, *логически* обосновывающего преступление. Эта логика законности

преступления («право имею») основана на анализе Раскольниковым идей Кеплера, Ньютона и Наполеона, где «за одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения». Роман, выросший из хроники русской жизни 1865, года оказывается романом европейских идей одновременно по содержанию и по форме, с опорой на серию логически безупречных аргументов, которые ведут к преступлению[1].

Каждый из предложенных в программе авторов отсылает к автору *Преступления и наказания*: Фолкнер, часто называемый «американским Достоевским»; Камю, воплотивший идею «все позволено» в роли Ивана Карамазова, и предлагающий сыграть её собственным персонажам. Хуана Бене самим заглавием своего романа, *Воздух преступления* напоминает об одной из пружин акта Раскольникова: «Воздуху надо, воздуху!». Достоевский становится общим знаменателем программы, позволяя понять, как разные преступления могут быть связаны через соотнесенность с одной книгой, позволяющей заново ставить вопросы свободы, предназначения, вины и оправдания. Сравнение позволяет ярче выявить и главное отличие русского романа: все четыре произведения написаны в форме детектива, но только у Достоевского роман становится метафизическим; не только романом-трагедией, но и мистерией, в терминах В. Гроссмана, М. Бахтина, В. Иванова.

Этот подход может открыть *другого* Достоевского и русскому читателю, которого метафизическим прочтением не удивишь. Не только Достоевского-славянофила, знающего, что его Иван Карамазов найдет в Европе «только кресты», но и Достоевского, которому Франко Моретти отводит почетное место в своем *Атласе европейского романа*. Достоевского, прочитанного через Жида, Моравиа, Камю, где интересно именно изменение перспективы, позволяя увидеть, в частности, «метафизическое», не там, где оно обычно видится русскому читателю. Филипп Жаккоте, наш поэт-современник, который причисляет себя к поколению «антиклерикалов», пишет по поводу *Записок из Подполья*: «эта книга была нашим *De Profundis*» и цитирует в этом смысле сетования Иова. «Что сказал бы Достоевский сегодня, 200 лет спустя? – продолжает Жакоте. – Хватило ли бы у него мужества вновь поднять голос ? Писал ли бы он как Беккет?». Эти вопросы могли бы открыть цикл компаративистских курсов «Достоевский и XXI век» как для французских, так и для русских студентов.

[1] *Cf.* Jean-Louis Backès, Dostoïevski et la logique, Paris, YMCA-Press, 2021.

Эпическая вместимость голоса Анны Ахматовой

Схожие вопросы ставит программа «Традиции эпической поэзии в XX веке». Как писать о катастрофах прошлого столетия, если не на языке абсурда, осколках слов и жанровых форм? Четверо поэтов с разных уголков планеты дают противоположные ответы, обращаясь к самому стабильному жанру – эпопее – схороненному, казалось бы, в глубине веков. Изучение ахматовской поэзии в этом корпусе придаёт программе особую тональность: речь не просто о возрождении архаического жанра, с ритуальными элементами поэтики, позволяющими противостоять разрушению мира. Ахматовская эпическая поэзия – это и ее способность стать «голосом многих», которая вмещает не только скорбь русского народа. В силу причастности к Серебряному веку с его «ностальгией по мировой культуре», Ахматова становится европейским поэтом по темам и форме, что легко узнается студентами – французами, различающими терцины Данте в «ступеньках» строф в *Поэме без героя*; «Chançon de la plus haute tour» Артура Рембо в шестистишии «Из года сорокового / Как с башни на все гляжу». Тем самым, они участвуют в расшифровке ахматовских интертекстов (европейское измерение которых может ускользнуть и от опытных российских ахматоведов); в постижении эпичности ее поэзии в ее всемирном измерении, унаследованном от Пушкина.

Универсальность Пушкина

Трагедия *Бориса Годунов* в программе «Власть на сцене» обнажает механизмы политической власти с помощью театральных приемов. Широкая вовлеченность Пушкина в историю придает новую тональность по отношению к изучаемым трагедиям Шекспира и Корнеля, разыгрывающим события прошлого – и готовит появление пьесы Брехта – которая, под именем Артура Уи, показывает приход к власти Гитлера, нового Самозванца.

Программа акцентирует тревожное сходство между театральными приемами актеров и монархов: Борис Годунов, трагический актер и Гришка Отрепьев, гениальный импровизатор оказываются яркими архетипами, позволяющими выявить интертекстуальные связи между четырьмя драматургами. Пушкин, поклонник Шекспира – и насмешник над классическими единствами Корнеля, вводит обоих в свою пьесу, где «народ безмолвствует», как в знаменитой сцене «избрания» короля Ричарда, а монолог Бориса «Достиг я высшей власти» отсылает к монологу Августа перед заговорщиками в *Цинне*. Т. о., Пушкин становится смысловым стержнем программы, в пьесе которого связываются эпохи и различные театральные системы прошлого, но и содержатся

предвестия новой поэтики театра модерна. В этом окружении студенты открывают Пушкина, который участвует, «на равных» с Гете и Байроном, в европейской эстетической революции; перешучивается с Вольтером, каждый раз на языке оригинала, и даже в т.н. «русских» сказках являет поразительный потенциал западных источников от средневекового рыцарского романа до переложения сказок братьев Гримм и Шарля Пьеро.

Как и в случае Ахматовой, эти западные интертексты более ясны при переводах Пушкина на европейские языки, где переводчики, узнавшие источник, передают его на максимально близком к нему языке.

Работа с переводами: потери и обретения

Перевод неизбежно связан с потерей или искажением смысла оригинала. Однако, замечает не без иронии В. Вейдле, при переводе классиков потери минимальны : их величие таково, что останется все равно очень много. Одним из решений, для конкретной работы со студентами, м. б. знакомство с несколькими переводами, в т. ч. на другие языки: так, английские переводы Ахматовой Judith Hemschemeyer и D. M. Thomas удачно восполняют работу французских переводчиков её поэзии Жаном-Луи Бакесом и Мишелем Окутюрье. Это может объяснить почему сама А. А. Ахматова, решительно заявлявшая: «поэзия – не переводима, и моя в особенности», вместе с тем радовалась каждому новому переводу.

Наконец, только посредством перевода произведение не только начинает новую жизнь в новой культурной среде, но и может быть услышано и оказать влияние более существенное, чем на родной почве. «Без переводов – Шекспир остался бы на своем острове […], великие греческие классики не стали бы фундаментом, на котором зиждется вся мировая культура»[2]. Переводы Ахматовой Жаном-Луи Баксом для конкурса Agrégation вдохновили поэтессу Мишель Финк, профессора по компаративистике Страсбургского университета, на создание лирических сборников, за которые она награждена премией Луизы Лабэ, и которые в свою очередь переведены на итальянский и немецкий языки.

«Благодаря переводчикам, у Европы есть европейская литература» (Вейдле, «Искусство перевода»).

[2] Vladimir Weidlé. *L'art de traduire* // Les Nouvelles Littéraires, artistiques et scientifiques, 20 mai 1939, p. 6.

Заключение: на пути к рождению «новых гуманистов»

С какой стороны бы мы не смотрели на медаль – западной или русской – важно то новое, что рождается из сопоставления; то, что может ускользнуть, если мы рассматриваем феномен в рамках лишь национальной традиции. Результатом может стать новый Пушкин, Достоевский, Ахматова, каждый из которых подразумевает многогранное прочтение, и встреча с *другим* – писателем или читателем – может только способствовать его более глубокому постижению. Восприятие русской культуры нуждается в таком освещении, где выявлялись бы ее общие корни и ее глубинные связи с европейской культурой. Не только потому, что «Россия, как и Америка, духовно у себя дома только в Европе», пишет Вейдле[3] (что, возможно, не бесспорно) – но потому, что в современном мире, где образ России зачастую определяется ее действиями на политической арене и стремительно падает, необходимо увидеть её во взаимосвязях с мировыми культурными процессами, почувствовать её огромный духовный потенциал независимо от злобы дня.

Это может напомнить ситуацию 20-30-х годов, когда русские эмигранты, обеспокоенные, что статус России в глазах западной общественности будет сведен только к Советской России, ставшей её историческим местом, развивают, для передачи русской культуры, компарататившистские подходы, способствуют новым переводам, которые осуществляют совместно с французскими писателями (как, например, объединяются Борис Шлецер и Андре Жид для переводов Пушкина и Достоевского).

Ибо переводчик, компаративист, славист на Западе, по словам Г. П. Федотова, «несет ответственную миссию – он работает над воссозданием разрушаемого всечеловеческого единства, расчищая тропы к познанию чужого духовного опыта»[4].

Это целая программа, которая может показаться амбициозной или утопической. Однако она может осуществляться, шаг за шагом, малыми силами – в частности, введением общих компаративистских курсов, открытых студентам русского и славянских департаментов, как это практикуется за последние годы в Страсбургом университете. Это реально пробуждает открытость к другой культуре будущих преподавателей и ученых, в которых во Франции хотели бы видеть, по выражению Сартра, «новых гуманистов», т.е. представителей универсального, гармоничного познания, постигающего культурные феномены в их взаимосвязях.

[3] В. Вейдле, «Европейская литература», Опыты, кн. 1, Нью Йорк, 1953, с. 5.
[4] Г. П. Федотов. «Перевод как искусство» // Собрание сочинений в 12 т.т., т. 9. Статьи американского периода, М, Марстис, 2004, с. 351.

БИБЛИОГРАФИЯ (выборочно):

ИЗУЧАЕМЫЕ ПРОГРАММЫ

Romans et crimes : Dostoïevski, Faulkner, Camus, Benet (études recueillies par Jean Bessière, avec la collab. de Jean-Pierre Morel, Jacqueline Levi-Valensi, Aurélie Guillain, Claude Murcia), Paris : H. Champion, 1998

Permanence de la poésie épique au XXe siècle : Akhmatova, Hikmet, Neruda, Césaire (ouvrage coordonné par Delphine Rumeau), Paris : CNED : Presses universitaires de France, 2009

Le pouvoir en scène: Shakespeare, "Richard III", Corneille, "Cinna", Pouchkine, "Boris Godounov", Brecht, "La résistible ascension d'Arturo Ui" (Véronique Lochert, Emmanuelle Hénin, Dominique Goy-Blanquet, Tatiana Victoroff), Neuilly, Atlande, 2018

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Anna Akhmatova et la poésie européenne (dir. Tatiana Victoroff), Bruxelles, ed. Peter Lang, collection « Nouvelle Poétique Comparatiste », P.I.E., 2016, 445 p.

The Complete Poems of Anna Akhmatova (trans. Judith Hemschemeyer), ed. Roberta Reeder. Zephyr Press, 2000

Backès, Jean-Louis, *Dostoïevski et la logique*, Paris, YMCA-Press, 2021.

Backès, Jean-Louis, *La littérature européenne*, Paris : Belin, 1996

Fedotov, George, «Перевод как искусство», *Собрание сочинений в 12 т.*, т. 9. Статьи американского периода, М, Марстис, 2004.

Hackel, Sergei, “Raskolnikov through the looking-glass: Dostoevsky and Camus's *L'Etranger*", *Contemporary literature*, Vol. 9. N° 2, spring 1968

Jaccottet, Philippe, *À partir du mot Russie*, Saint-Clément-de-Rivière, Fata Morgana, 2002

Moretti, Franco, *L'Atlas du roman européen (1800-1900),* Paris, éd. du Seuil, 2000

Strada, Vittorio, *Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa*, Torino, G. Einaudi, 1980

Weidlé, Vladimir, « L’art de traduire », *Les Nouvelles Littéraires, artistiques et scientifiques*, 20 mai 1939, p. 6.

Weidlé, Vladimir, «Европейская литература», *Опыты*, кн. 1, Нью Йорк, 1953, с. 5-27

МУЛЬТИЛИНГВИЗМ "ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ" В ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Елена Гальцова

Мультилингвизм – одна из характерных черт русской классической литературы XIX в., и Ф.М. Достоевский не был исключением. Исследователи неоднократно отмечали особую роль французского языка, входившего в необходимый образовательный минимум русского дворянина, и использование французских слов в текстах писателя выглядело вполне естественным, как, впрочем, и многих других, по преимуществу европейских языков Выбор «Записок из подполья» (1864) во многом продиктован особым значением этого произведения в творчестве Ф.М. Достоевского: оно предшествует пяти его великим романам, предвещая многие «проклятые вопросы», которые будут в них поставлены, и, с другой стороны, эта повесть является специфическим центром притяжения французской культуры XX в., которая видела в нем большую ценность, чем, например, придавала этому тексту культура русская (российская, советская и т.д.). Первый французский перевод «Записок из подполья» (1886), несмотря на свою «неверность» оригиналу, оказался источником вдохновения для переводов на другие языки (нидерландский, итальянский, испанский и др.). Изучение вопросов, связанных с переводом явлений многоязычия на французский дает возможность выявить неочевидные оттенки смыслов. В докладе рассматриваются более десятка переводов повести, авторами которых были Илья Гальперин-Каминский и Шарль Морис (1886), Владимир Биншток (1909), Анри Монго и Марк Лаваль (1926), Борис де Шлёцер (1926, 1956 в издании «Плеяды»), Марк Семенофф (1948), аноним (1967), Лили Дени (1972), Андре Маркович (1992), Бернар Крёз (1993), Сильви Оулетт (2008), Анн Кольдефи-Фокар (2023).

Прежде всего, в докладе будут рассмотрены случаи использования в «Записках из подполья» французского языка, и проблемы с его переводом (точнее, тем, что в конечном счете можно было бы охарактеризовать как «непереводимость») и интерпретацией во французских переводах; а также контекстуально связанные с ними слова иностранного происхождения, обретающие в переводах новые значения. Вместе с тем, в отдельных переводах присутствует стремление к компенсации смыслов.

Методология доклада основана на двух принципах: с одной стороны, это изучение семантических сдвигов, происходящих в переводах, с другой – исследование многочисленных культурных контекстов, где доминируют те, что связаны, прежде всего, с иностранной культурой (по преимуществу европейской). Как работает подобное

сочетание лингвистики, переводоведения и компаративистики, мы демонстрируем на нижеследующем примере.

В третьей главе первой части «Подполье» персонаж Достоевского рассуждает о человеке через призму образов символических животных – «бык», «мышь», и пространств – «стена», «подполье». Причем, если человек-бык вполне определим – это «нормальный человек», вышедший «из лона природы», то человек-мышь – как бы и не человек вовсе, ибо он вышел «из реторты», и слово «мышь» может поначалу показаться оценочным, однако Достоевскому удается выстроить размышление своего персонажа так, что эта «мышь» оказывается не просто «усиленно сознающая» и сопоставляющая себя с человеком, обозначенным выражением на французском языке «l'homme de la nature et de la vérité», которое впервые появляется в творчестве Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и которое комментаторы ассоциируют с рассуждениями из *Les Confessions* Руссо[1]. Напомним этот пассаж:

> «И я тем более убежден в этом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитез нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезой, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тут человек, а следственно…, и проч. И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышь; его об этом никто не просит; а это важный пункт. Взглянем же теперь на эту мышь в действии. Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. Злости-то в ней, может, еще и больше накопится, чем в l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, низкое желаньице воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в l'homme de la nature et de la vérité, потому что l'homme de la nature et de la vérité, по своей врожденной глупости, считает свое мщенье просто-запросто справедливостью; а мышь, вследствие усиленного сознания, отрицает тут справедливость».

тсылка к Руссо была очевидна еще в выражении «из лона природы», а французское выражение лишь это подтверждает, причем в очень ироничном контексте, где с ученой цитатой соседствует ничтожная «мышь». Несмотря на некоторую самоочевидность, это выражение не является точной цитатой из самого начала *Les Confessions* Руссо, где присутствует немного другое выражение: «Je veux montrer à mes semblables un homme dans toute la vérité de sa nature». То выражение, что приводит на французском языке Достоевский, написано на гробнице Руссо в парижском Пантеоне:

[1] См. примечания к 35-томному изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 35 томах. Т. 5. СПб.: Наука. 2013-2019. Т. 5. 2016. С. 479-532. О жанровом своеобразии «Записок из подполья см. монографию *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001.

«Ici repose l'homme de la nature et de la vérité». Достоевский мог видеть эту эпитафию во время своих путешествий в Париж в 1862 или 1863 гг., как раз в то время, когда у него самого зарождался замысел большого произведения «Исповедь», которое так и не было написано, но на основании которого были созданы «Записки из подполья». Тот факт, что французское выражение ассоциируется с эпитафией, свидетельствует и о непреходящей вечности, и о бренности философии Руссо в представлении Достоевского. Вместе с тем, отметим и очевидную ассоциацию с «естественным человеком» («l'homme naturel»).

В той же главе «Записок из подполья» Достоевский намеренно смешивает «природное» и «искусственное»: «мышь» ассоциируется с «ретортным человеком», а противопоставленный ей «бык» тоже кажется далеким от «естественности», он, скорее, предстает как часть некоей аллегории (бык и стена).

Ассоциация с Руссо продолжается в рассуждениях о Гейне, которые, с одной стороны, усиливают ассоциацию с *Les Confessions*, а, с другой, опровергают слово «истинность», как применительно к его книге, так и в выражении «l'homme de la nature et de la vérité»: «Замечу кстати: Гейне утверждает, что верные автобиографии почти невозможны, и человек сам об себе наверно налжет. По его мнению, Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия».

Здесь Достоевский намеренно смешивает ассоциацию исповеди как покаянии (вопрос о лжи оказывается принципиальным) и литературным жанром, коим является *Les Confessions* Руссо (это название переводится на русский существительным в единственном числе «Исповедь», и его легко перепутать с «исповедью»). Таким образом, то, что писал Руссо – это вовсе не исповедь, и «l'homme de la nature et de la vérité» лишен истинности… Если вернуться к эпитафии – наследие Руссо оказывается не в «вечности», а оно навсегда погибло, утратило истинность.

Выражение на французском языке, связанное с Руссо, - не просто один из многочисленных элементов суровой критики идеалов Просвещения со стороны подпольного человека, но и часть рефлексии о собственном способе письма и жанре. Это выражение на французском языке дано как непереводимое, иронический эффект по контрасту с примитивными (хотя и символическими) животными, в частности, с мышью; с другой стороны, эта непереводимость, по всей вероятности, намекает на невозможность применения этого понятия в русском языке. Для переводчика на французский практически невозможно сохранить многосмысленность и ироничность этого двуязычия. Стараясь, хотя бы как-то подчеркнуть наличие странности в этой части текста, переводчики пишут эти слова курсивом (во французской традиции курсив может

служить аналогом кавычек), подчеркивая тем самым, что это цитата (чужой текст), и в некоторых случаях сопровождая сноской со словами «по-французски в тексте» : так поступали, например, Гальперин-Каминский и Морис, Дени, Маркович и Оулетт. Другим способом являются объясняющие сноски, из которых приведем наиболее адекватную, принадлежащую Дени: «по-французски в тексте, сжатая цитата из «Исповеди» Руссо» (и далее дана уже приведенная нами полная цитата). Однако более пространных комментарием эти слова во французских переводах не получают. С другой стороны, ассоциации с творчеством Руссо могут быть усилены в переводе пассажа о Гейне: не все, но некоторые переводчики переводят «исповедь» как название произведения Руссо, которое в оригинале имеет множественное число и пишется с заглавной буквы – *Les Confessions*, как, например, в переводе Шлёцера, признанном на данный момент «каноническим». Возможно, автор перевода стремился «компенсировать» невозможность передачи эффекта от цитаты, данной в русском тексте по-французски.

Будучи эпитафией, анализируемое французское выражение связано в повести с целой серией образов, связанных с темой смерти, апофеоз которой можно наблюдать в упоминании о гробе в разговоре подпольного с Лизой, если рассматривать простейший тематический уровень. Во французских переводах эта тема оказывается как раз более явно выражена, чем в оригинале, и в какой-то степени можно увидеть в этом компенсацию непереводимости с французского на французский. В этом смысле очень интересен самый первый перевод 1886 г., где «подполье» и «подпольный» (souterrain) имеет отношение к земле (букв. «подземный»), где возникает «крыса» вместо «мыши». «Подземное» присутствует в переводах названия Лаваля и Монго, Семенофф, Дени, а также неизвестного переводчика в издании 1967 г.

Иронический эффект от цитаты «l'homme de la nature et de la vérité» усиливается контекстом: ученая цитата, усиленная еще и гегелевской ассоциацией (слова «антитез», «антитеза») соседствует с пародийно аллегорическими животными – быком и мышью. Будучи частью философской традиции, ассоциированной в данном контексте с Руссо, «l'homme de la nature et de la vérité» оказывается ничем иным, как причудливым «конструктом». И в этом смысле он еще более ненадежный конструкт, чем человек «из реторты», или «ретортный человек». Некоторые переводчики подошли к переводу «ретортного человека» довольно радикально, очевидно обратив внимание на слово «мистицизм», и во многих случаях решившись ассоциировать этот образ с гомункулом из гётевского «Фауста». Так поступили Гальперин-Каминский и Морис, переведя

«ретортного человека» латинским словом «homunculus », а для «реторты» использовали нейтральное французское слово «cornue». Эта ассоциация, выраженная в переводе французским словом «l'homoncule», присутствует и в одном из последних переводов Оулетт, которая сопроводила это место примечанием по поводу «реторты» (l'alambic): «аппарат сложной формы, предназначенный для дистилляции (ср. с гомункулом, созданным Фаустом)».

В докладе также рассматриваются французские выражения « animaux domestiques », « point d'honneur », « droit de seigneur » и др. и их значение во франкоязычных переводах, а также перевод на французский различных заимствований, галлицизмов и созданных на их основе неологизмов Достоевского (« бонтоннее », « суперфлю », « мизер », « лепартамент » и др.).

BIBLIOGRAPHIE

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 томах. Т. 5. СПб.: Наука. 2013-2019. Т. 5. 2016. 632 с.

"Записки из подполья" Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америке. Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 1024 с.

Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001. 371 с.

Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. S. Howlett. Paris: Magnard, 2008.

Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. A. Coldéfy-Faucard. In : Elena Galtsova et Anne Coldefy-Faucard. La réception en France des *Carnets du sous-sol* de Fiodor Dostoïevski : un heureux malentendu. Paris : les éditions L'inventaire, 2023. 270 p.

Dostoïevski F. Dans mon souterrain. Trad. M. Semenoff. Paris : Nouvelles éditions latines, 1948. 260 p.

Dostoïevski F. Le Souterrain. Le Joueur. Les Nuits blanches. Paris : Ed. Baudelaire, 1967. 563 p

Dostoïevski F. Les Carnets du sous-sol. Trad. A. Markowicz. Arles : Actes Sud, 1992. 184 p.

Dostoïevski F. Mémoires écrits dans un souterrain. Trad. H. Mongault et M. Laval. Paris : Gallimard, 1926, 256 p.

Dostoïevski F. Notes d'un souterrain. Trad. L. Denis. Paris : Aubier, 1972. 191 p.

Dostoïevski F. Notes d'un souterrain. Trad. B. Kreise. In *Dostoïevski F.* Nouvelles et récits. Lausanne : l'Age d'Homme, 1993. P. 295-383.

Dostoïevsky F. La voix souterraine. Trad. B. de Schloezer. Paris : Stock, 1926. Rééd. : Le Sous-sol, in Dostoïevski F. L'Adolescent – Les Nuits blanches – Le Sous-sol – Le Joueur – L'Eternel mari. Paris : Gallimard, Bibl. de la Pléïade, 1956. P. 685-799 ;Rééd. : *Dostoïevski F.* Carnets du sous-sol. Trad. B. de Schlœzer. Paris : Gallimard, Folio Bilingue, 1995. 380 p.

Dostoïevsky Th. L'Esprit souterrain. Trad. E. Galpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886. 298 p.

Dostoïevski Th. Le sous-sol. Roman. Suivi de deux nouvelles inédites. Traduit du russe pas J.-W. Bienstock. Paris : Bibliothèque-Charpentier, Eugène Fasquelle, éditeur, 1909. 311 p.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ И ВИКЕНТИЙ КОРОТЫНСКИЙ: К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА

МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ (КИТАЙ)

1. Миф о Лескове «как о самом русском из русских писателей»[1] долгое время тормозил изучение его произведений в компартивистской перспективе. Между тем Лесков был внимательным читателем многих переводных произведений, публиковавшихся в литературных журналах, и испытал заметное влияние Диккенса, Гюго, По, Стерна и многих других писателей, а на раннем этапе творчества славянских авторов, в первую очередь, польских[2]. Польский язык, как и украинский Лесков выучил в Киеве, в конце 1850-х годов, там же он прочитал и первые книги на польском языке[3]. По свидетельству библиографа, литератора и мемуариста П.В.Быкова, не всегда точного в своих мемуарах, но в данном случае передающего явно достоверную реплику[4], в самом начале 1860-х Лесков был увлечен польской литературой. Вероятнее всего, осенью 1861 года он признавался Быкову:

> Сейчас я стремлюсь показать людям жизнь, какова она есть, а скоро выступлю и как «изящный словесник»… Увлекаюсь в свободные минуты польской литературой. Какие силы в ней есть! Например, Сигизмунд Качковский, Корженевский, Крашевский, про поэтов уж и не говорю… Эдакая красота![5].

В это время Лесков уже активно сотрудничал с разными изданиями как репортер и журналист, но пока не писал художественную прозу, он поделился с Быковым своими читательскими впечатлениями на пороге писательства, к которому уже готовится (выступлю и как «изящный словесник»), и польские авторы выступили для него и в роли литературных учителей. На одном из таких эпизодов лесковской «литературной учебы» и я и хочу остановиться в данном сообщении, и постараюсь проанализировать, как поэтика Коротынского (в частности, его поэма «Томило») повлияла на повесть Лескова «Житие одной бабы» (1863).

---

[1] Мирский Д. С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 502.

[2] Лавринец П. М. Польская словесность и Н. С. Лесков // Вопросы литературы и поэтики. – М., 1990. – С. 115–122; Лавринец П. М. Польская поэзия в творчестве Н. С. Лескова // Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении. – М., 1991. – С. 94–101; Тесля А.А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857; Szyszko T. Mikolaj Leskow i jego zwiazki z Polska. Warszawa, 1996. (Издана Институтом русистики Варшавского университета). – (Филология ; 9).

[3] Горелов А.А. Из дописательской биографии Н.С.Лескова// метей. Т. 13. М., 1983. С.155.

[4] См. Лавринец П.В. Н.С.Лесков и польская литература. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ, 1991. С.44-46.

[5] *Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого //Н. С. Лесков ввоспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 308.

2. Личное знакомство с польскими литераторами Лесков свел несколько позднее, во время заграничного путешествия в 1862 году в Литву и Белоруссию, куда он отправился по поручению газеты «Северная пчела» с тем, чтобы выяснить на месте, каковы преимущества строительства новой Литовской, или Белостокско-Пинской, железной дороги. Впечатления от поездки Лесков подробно излагал в путевых очерках, публиковавшихся в «Северной пчеле» под названием «Из одного дорожного дневника».

В Вильно, где и сблизился с местными литераторами из круга почившего накануне поэта Владислава Сырокомли (Людвига Кондратовича), в частности, познакомился и с учеником Сырокомли, поэтом Винцентием или Викентием Коротынским (1831-1891), сочинявшим стихи на белорусском и польском языке и работавшем в газете «Kurjer wileński» («Виленский вестник»).

Лесков и Коротынский сблизились – они были одногодками, их объединяла общность отдельных биографических обстоятельств. Часть пути они проделали вместе, проехав от Пинска до Львова[6]. Отношения их продолжались еще некоторое время и после этого[7], а спустя год, свою первую большую повесть «Житие одной бабы» («Библиотека для чтения», 1863, № 7-8), Лесков посвятил именно Викентию Коротынскому. В разгар сражений русской армии с польскими повстанцами и антипольской пропагандистской кампанией, это был фрондерский жест[8]. Возможно, в посвящении скрывается и отсылка Лескова к поэме Коротынского «Томило». Как предполагает П.М.Лавринец[9], во время встречи в Вильно Коротынский подарил Лескову издание этой поэмы[10].

3. Судя по всему, Лесков внимательно прочитал поэму Коротынского и во многом опирался на художественные решения Коротынского при работе над повестью «Житие одной бабы».

Поэма Коротынского «Томило» открывает вступление, в котором Викентий Коротынский сообщает, что следующий далее рассказ был записан его товарищем, Борживым, ныне уже почившим – чудаком, странником и правдолюбцем. В свитке, который достался Коротынскому, излагается история жизни старого крестьянина Томило. Томило

---

[6] Об отношениях Лескова и Коротынского см.: *Лавринец П.* Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы// Literatūra. 1989. № 31 (2). Literatūros ir kritikos klausimai. Vilnius, 1989. С. 44—56. Edgerton, W.B. Leskov moraliste malin *Revue des études slaves*, Vol. 58, No. 3, Nikolaj Semenovič Leskov 1831-1895 (1986). Pp. 271-280.

[7] Edgerton, W.B Там же. С. 277-278.

[8] Также, как и публикация Лесковым новеллы с польским названием *Kochanko moja! na co nam rozmowa?* в июле 1863 года. См. Эджертон, с. 276

[9] Лавринец П.М. Лесков и польская литература. С. 51-52.

[10] Tomiło. Obrazek z życia ludu, wydany przez Wincentego Korotyńskiego. Wilno 1858.

вынужден продать единственного любимого коня Пегого, чтобы заплатить подать. На ярмарке цыган и еврей крадут у него вырученные за коня деньги. От потрясения Томило практически лишается рассудка, в полубреду возвращается домой. Кульминацией трагедии становится ложное обвинение крестьянина в том, что он ограбил костел, снял с чудотворной иконы золото. Измученного и уже полубезумного старика заковывают в колодки и везут на телеге прочь из родной деревни, он обречен на скорую гибель. Однако завершается поэма обращением автора к Богу и видением: на землю спускается Новый Иерусалим.

«Житие одной бабы» Лескова также посвящена тяжелой жизни крестьян. Она повествует о трагической судьбе крепостной девушки Насти. Из расчета ее выдают замуж за гугнивого и убогого Григория Прокудина. Когда он отправляется на заработки в Киев, в Настю влюбляется женатый красавец Степан. Влюбленные счастливы, до тех пор, пока в деревню не возвращается Настин муж. Пара пытается бежать, но попадает в острог, Степан умирает от тифа, Настя, выпоротая и отпущенная, впадает в беспамятство, скитается по окрестностям, пока не замерзает в лесу. В самом конце повести родные места навещает сын здешнего пана, герой, максимально приближенный к автору.

Сопоставление «Жития одной бабы» и поэмы «Томило» обнаруживает немало общего: по замечанию П.М.Лавринца, это этнографизм, обращение обоих авторов к фольклорным текстам, а также о некоторые сюжетные пересечения: и в том и в другом сочинении присутствует мотив сумасшествия главного героя, столкновение с властью. Кроме того, Лесков заимствует у Коротынского и «рамочное» структурное решение: нарратор, излагающий историю в форме сказа, не совсем грамотно и литературно, и появившийся в самом финале герой, максимально близкий Лескову, не совпадают.

4. Все эти наблюдения, впрочем, никак не объясняют причин обращения Лескова к поэме Коротынского. На наш взгляд, ключ к ним лежит, в финале «Жития одной бабы». Как уже было сказано, в заключительной части повести внезапно появляется новый, явно автобиографический персонаж. «Я был в Гостомле прошлым летом, – сообщает он. – Лет пять я уже не видал родных мест. Перед тем я жил безвыездно в столице, начитался рассказов из народного быта, и мне начало сдаваться, что я, выросший на гостомельском выгоне между босоногими ровесниками, раззнакомился с народной жизнью. "Съезжу-ка я на Гостомлю, посмотрю, что там завяло и что на место завялого выросло"». Отсылка на рассказы из народного быта помещает «Житие одной бабы» в актуальный литературный контекст.

Незадолго до публикации «Жития одной бабы», в серии очерков «Русское общество в Париже», печатавшейся, как и повесть, в «Библиотеке для чтения» (№ 5) Лесков высказывается на ту же тему, однако с гораздо большим полемическим задором:

> Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне сказанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного,под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. (…) По-моему, пейзаны Григоровича не только гораздо поэтичнее, но и гораздо живее, чем сахарные добродетельные мужички Небольсина, или дураки Успенского, или ядовитые халдеи Левитова и многих позднейших рассказчиков. Все эти люди сочиненные, или уж не в меру опоэтизированные, или не в меру охаянные без проникновения в их Святая Святых[11].

Этот фрагмент нетрудно прочитать сообщение о том, что в отличие от современников Лесков сумеет написать повесть, в которой будут действовать не «сочиненные», а реальные крестьяне.

В 1863 году подобное сообщение выглядело крайне рискованным: начиная уже с 1840-х годов, страницы русских литературных журналов были буквально наводнены рассказами и повестями из простонародной жизни, принадлежащие перу Д.В.Григоровича, И.С.Тургенева, В. И. Даля, Марко Вовчок, А.А.Потехина, А.Ф.Писемского, П.И.Якушкина, здесь же публиковались многочисленные «крестьянские» стихотворения и поэмы Некрасова[12]. Эти публикации сопровождались спорами об изображении крестьянской жизни в литературе. В активную фазу они вступили в 1850-е годы, после выхода в свет статьи Павла Анненкова «По поводу романов и рассказовиз простонародного быта» (1854), утверждавшего, что «простонародная жизнь не может быть введена в литературу во всей своей полноте без малейшего ущерба для истины», поскольку русские писатели еще не выработали адекватных форм для этого, к тому же им не хватает глубокого знания крестьянских реалий[13].

Сделать высказывание, с одной стороны, оригинальное, с другой стороны, в адекватной простонародной жизни форме, в начале 1860-х было сложно: слишком много было уже написано о крестьянах на русском языке. В поисках нового языка описания крестьянского мира, Лесков вглядывается в иноязычную изящную словесность.

---

[11] Лесков Н.С. Русское общество в Париже// Лесков НС. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т.3. С. 206-207.

[12] Подробнее см. Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.:Новое литературное обозрение, 2024. С.125-159.

[13] *Анненков П. В.* По поводу романов и рассказов из простонародного быта // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов / Подг. А. В. Вдовина, К. Ю. Зубкова, А. С. Федотова. СПб., 2015. С. 361.

Поэму Коротынского и повесть Лескова сближает множество общих сюжетных ходов, стилизация под простонародный язык, набор похожих мотивов. И все же почти все эти элементы Лесков мог найти в русскоязычных этнографических очерках и рассказах. Основное влияние Коротынского на Лескова, сказалось, на наш взгляд, в том, что «Томило» – текст стихотворный.

В отличие от всех известных нам этнографических очерков и рассказов из простонародного быта «Житие одной бабы» Лескова буквально переполняет лирическая песенная стихия. Фрагмент из песни используется в качестве эпиграфа, в повести приводится еще одиннадцать обширных цитат из народных песен. Песня противостоит тяжести и бедности крестьянского быта и вместе с тем одухотворяет этот быт; песня создают необходимую автору эмоциональную атмосферу, и именно через песни некнижные герои Лескова выражают себя, свои чувства. Интерес Насти к Степану зарождается благодаря тому, что Настя слышит, как Степан поет ночью, а роман их начинается с того, что Настя подхватывает песню, которую начинает петь Степан. Столь обильное цитирование народной лирики в «Житии одной бабы» и есть, как нам кажется, самое явное указание на близкое знакомство Лескова с поэзией Коротынского. Подтверждает это и концовка текстов.

Поэма «Томило» завершается прямым обращением к Богу:

> Panie, o Panie! widzę Cię w Twém dziele!
> Tyš nic niestworzył bez celu, potrzeby (…)
> Czytam i wierzę — i widzę nad głową
> Idącą z niebios JERUZALEM NOWĄ!

Коротынский придает земному бытию небесное измерение, таким образом смягчая безотрадность только что рассказанной жизненной истории Томило. Отмечая, что в природе всюду царит порядок, лирический герой надеется, что придет он и в мир людей.

«Житие одной бабы» также завершается на высокой, лирической ноте. 14-летний мальчик Миша, сын местного помещика (и, похоже, брат Лескова) рассказывает, что вместе с другими мальчиками из класса учит крестьянских ребят грамоте и читает стихотворение А.Н. Майкова «Нива» (1856). Так же, как и «Томило» оно завершается молитвой лирического героя. Он просит Бога о духовном хлебе для крестьян:

> О боже! Ты даешь для родины моей
> Тепло и урожай -- дары святые неба;
> Но, хлебом золотя простор ее полей,
> Ей также, господи, духовного дай хлеба! (…)

Смысловой акцент повести смещается, в отличие от поэмы Коротынского, подчеркивающей несвободу и зависимость крестьянина, Лесков указывает, что теперь, когда крепостное право отменено, крестьянин острее всего нуждается в просвещении.

5. Судя по всему, спустя шесть лет авторитет Коротынского в глазах Лескова заметно обмелел. В сентябре 1869 г., очевидно чувствуя себя уже зрелым писателем, Лесков причислил Коротынского к заурядным литераторам[14]. «Житие одной бабы» так и не было переиздано при жизни Лескова, но можно предположить, что решись он на переиздание, повесть вышла бы уже без посвящения бывшему литературному учителю.

Рассмотренный нами частный сюжет обнаруживает, что иностранное влияние на раннего Лескова все еще недооценено, и, быть может поэтому, все еще мало изучено.

Библиография

1. Анненков П. В. По поводу романов и рассказов из простонародного быта // *«Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов* / Подг. А. В. Вдовина, К. Ю. Зубкова, А. С. Федотова. — СПб., 2015.
2. Быков П. В. Силуэты далёкого прошлого // *Н. С. Лесков в воспоминаниях современников*. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.
3. Вдовин А. В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. — М.: Новое литературное обозрение, 2024.
4. Горелов А. А. Из дописательской биографии Н. С. Лескова // *Прометей*. Т. 13. М., 1983.
5. Лавринец П. М.Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы // *Literatūra*. 1989. № 31 (2). *Literatūros ir kritikos klausimai*. Vilnius, 1989. С. 44–56.
6. Лавринец П.М. Н. С. Лесков и польская литература: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — М.: МГУ, 1991. С. 44–46.
7. Лавринец П.М. Польская поэзия в творчестве Н. С. Лескова // *Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении*. — М., 1991. С. 94–101.
8. Лавринец П.М. Польская словесность и Н. С. Лесков // *Вопросы литературы и поэтики*. М., 1990. С. 115–122.
9. Лесков Н. С. *Полное собрание сочинений в 30 томах*. М,: Терра, 1992-. Т.1-15.
10. Мирский Д. С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 490-502
11. Тесля А. А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857.
1. Edgerton, W. B. Leskov moraliste malin // *Revue des études slaves*. Vol. 58. No.3: *Nikolaj Semenovič Leskov 1831–1895*. 1986. P. 271–280.
2. Szyszko, T. *Mikołaj Leskow i jego związki z Polską*. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. (Filologia; 9).
3. Tomiło. *Obrazek z życia ludu, wydany przez Wincentego Korotyńskiego*. Wilno, 1858.

[14] Лесков Н.С. Русские общественные заметки. 1869. № 236 //ПСС, 8, 186.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ПЕРЕКРЕСТКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Анна Фосколо (Франция)

Открывающий сессию доклад обозначит круг основных вопросов тематического блока «Литературоведческая славистика и сравнительное литературоведение: перекрестки взаимодействий», представит цели его проведения, а также ключевые темы, вокруг которых будут строиться доклады и обсуждение.

В первую очередь в рамках вводного сообщения будет представлен синтетический обзор различных форм взаимодействия указанных областей литературоведения. Ключевые этапы их развития за последние сто лет будут рассмотрены с точки зрения взаимного обогащения. Обращение к истории вопроса позволит выделить пути взаимовлияния, ведущие от частичной тождественности корпуса к общности объектов и вопросов изучения.

Является ли институциональное дисциплинарное разделение помехой для полноценного взаимодействия? Или же, напротив, способствуя четкому пониманию особенностей исследовательских сфер, систематизируя наработки каждой из них, помогает ясно обозначить точки пересечений, в которых сочетание подходов может быть наиболее продуктивно? Размышление на эти вопросы мы сопроводим гипотезой, согласно которой наблюдение за эволюцией научных парадигм свидетельствует не только о взаимовлиянии, но и о типологических совпадениях в развитии исследовательских подходов.

Славистика, как и компаративистика, представляет собой область знаний, развитие которой зиждется на многоуровневой внутренней междисциплинарности; она не только является совокупностью целого ряда научных направлений, но и включает в себя богатую группу языковых общностей во всей многомерности их культурного наследия. Цельное знание об объектах ее изучения невозможно без этапов сопоставления и поиска корреляций, и это касается каждой из составляющих ее сфер – литературоведческой славистики в первую очередь. По этой причине методы сравнительного литературоведения естественным образом находят применение в работах славистов. Методологическая база сравнительного литературоведения, в свою очередь, активно развивается. За последние десятилетия она показала свои возможности в области разработки и интегрирования новых подходов для научного осмысления текстологического наследия через его включение в новые научные парадигмы. Так

произошло смещение акцента с традиционного национального подхода к транснациональным и глобальным исследованиями. Литература рассматривается как часть культурных потоков и анализируется через оптику миграции, диаспор, многоязычия и других актуальных форм контактов.

Отметим, что взаимодействие славистов и компаратистов дает место двустороннему развитию дисциплин. Значительная часть литературоведческих подходов имеет «двойное» и даже мультивекторное происхождение. Так, современная нарратология, интертекстуальный анализ и изучение массовой культуры во многом опираются на выводы и методы чешского и французского структурализма, которые в свою очередь укоренены в формализме. Последний же многим обязан работам Александра Веселовского, основоположника компаративистики в России. Подробно реконструировать генеалогию перечисленных научных школ невозможно без научного вклада славистов[1]. Помимо этого, достижения литературоведческой славистики в области текстологии наращивают базу, необходимую для последующей междисциплинарной исследовательской деятельности.

Таким образом, подчеркнем естественную связь указанных разделов литературоведения: с одной стороны, изучение славянских литератур является сегодня одним из значимых объектов изучения литературной компаративистики. С другой стороны, сравнительное литературоведение является регулярным источником обновления подходов к изучению национальных литератур: от глобализационных исллледований и интермедиальности до экокритики, гендерных и цифровых подоходов — новые направления не только расширяют горизонты анализа, но и помогают выявить более сложные взаимосвязи между литературой и обществом в контексте социальных, исторических и технологических изменений.

Наконец, оба упомянутых раздела литературоведения питают собой общее литературоведение. В 2024 году теоретик французского компаративизма Даниэль-Анри Пажо формулирует следующую градацию разделов литературоведения: 1) отдельно взятая национальная литература, 2) сравнительное литературоведение, 3) общее литературоведение. В этой трехуровневой концепции компаративистика выступает как связующее звено между изучением любой отдельно взятой литературной традицией и

[1] См. в частности работу Катрин Депретто, *Формализм в России. Предшественники, история, контекст*, пер. с французского В. Мильчиной, Москва, НЛО, 2015. Французская монография опубликована в 2009 г. Институтом славистики : *Le formalisme en Russie*, Paris, Institut d'Etudes slaves, 2009.

общим литературоведением[2]. Сравнительно-историческое литературоведение предлагает методы анализа, которые позволяют рассматривать факты и явления отдельно взятых литературных традиций как базу для системного восприятия литературного процесса. Помимо этого, как было отмечено выше, многие теоретические принципы общего литературоведения свидетельствуют о разнонаправленных и сложных взаимодействиях указанных дисциплин.

Выделим первоочередную роль, которую играют в этих процессах факты сотрудничества научных сообществ славистов и компаратистов, прямо или косвенно способствующие как интеграции концептов и подходов, так и формированию новых исследовательских парадигм в области литературоведения. Съезды, организуемые Международным комитетом славистов с 1929 г., как и конгрессы Международной ассоциации сравнительного литературоведения (AILC), проводящиеся с 1959 г., традиционно предоставляют возможность прямого и конструктивного обмена между компаратистами и славистами из разных стран. Публикации и проекты, зарождающиеся в рамках этих мероприятий, дают плоды в долгосрочной перспективе.

Помимо научных мероприятий институционализированные взаимодействия наблюдаются на уровне академических печатных органов. В 2020 году Клод де Грев опубликовала интересное в этом отношении исследование о контактах «Журнала сравнительного литературоведения» (*Revue de littérature comparé*e) и «Журнала исследований по славистике» (*Revue des études slaves*), имеющих репутацию ключевых французских печатных органов соответствующих дисциплин. Анализ, предпринятый на примере функционирования этих изданий, показал, как именно проявлялись в них взаимодействия на историческом отрезке длиной в столетие (оба журнала были основаны в 1921 году). Клод де Грев отмечает мощный вклад славистов в развитие сравнительного литературоведения во Франции. По примерам, приведенным в статье, можно судить, что французские исследователи, начиная с создателей французской славистики, таких как Андре Мазон, сделали возможным полноценное введение русской, польской, сербской, чешской, югославской и других литератур Центральной и Восточной Европы в обиход французских компаративистких исследований. Действительно, если в середине XX века, «область славянских литератур находилась где-то на периферии компаративистких

[2] Daniel-Henri Pageaux, «Littérature française, littérature comparée, littérature générale», *Revue de littérature comparée*, N° 389 (1), 2024, pp. 69-83.

исследований[3]», то несколько десятилетий спустя ситуация стала качественно иной: во Франции появился ряд важных фигур компаративистики, специализирующихся на одной или нескольких славянских литературных традициях, в числе которых Клод де Грев выделяет, в частности, имена Жана-Луи Бакеса и Александра Строева.

Программа данного тематического блока приглашает к развитию дискуссии о возможностях междисциплинарного диалога. Одна из основополагающих задач этого тематичекого блока – создать платформу для обсуждения и расширение восприятия заявленной темы через дискуссию с исследователями, практикующими рассматриваемые дисциплины в разных странах.

Доклады тематического блока призваны проиллюстировать оба вектора: с одной стороны, анализ различных форм взаимодействия указанных дисциплин (доклад Т.В. Викторовой и наше вводное сообщение), с другой – тенденции общего и сравнительного литературоведения в выборе подходов к изучению русских, русскоязычных и польских авторов (доклады Е.Д. Гальцовой, М. А. Кучерской и М. Рубинс). Упомянутые сообщения представят пути вхождения русской литературы в корпус академической подготовки компаратистов во Франции (Т.В. Викторова), вопросы многоязычия и переводов (Е.Д. Гальцова), системное взаимодействие литератур на примере конкретных контактов (М.А. Кучерская) и, наконец, подход, в котором литература одновременно выступает как феномен конкретной цивилизации и выходит за рамки явления «национального», усложняя традиционные понятийные схемы и выявляя разрывы между классическими определениями литературного поля по его принадлежности определенному языку и/или государству.

БИБЛИОГРАФИЯ

Депретто Катрин, *Формализм в России. Предшественники, история, контекст*, пер. с французского В. Мильчиной, Москва, НЛО, 2015.

Depretto Catherine, *Le formalisme en Russie*, Paris, Institut d'Etudes slaves, 2009.

De Grève Claude , «La *Revue des Études slaves* et la *Revue de littérature comparée.* Un siècle d'entente cordiale», *Revue des Études Slaves*, vol. 91, no. 1/2, 2020, pp. 149–65.

Pageaux Daniel-Henri, «Littérature française, littérature comparée, littérature générale», *Revue de littérature comparée*, N° 389 (1), 2024, pp. 69-83.

[3] См.: Claude de Grève, «La *Revue des Études slaves* et la *Revue de littérature comparée*. Un siècle d'entente cordiale», *Revue des Études Slaves*, vol. 91, no. 1/2, 2020, p. 157.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛИТЕРАТУР: О ВКЛЮЧЕНИИ РУССКИХ АВТОРОВ В ПРОГРАММЫ ПО КОМПАРАТИВИСТИКЕ ВО ФРАНЦИИ

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (ФРАНЦИЯ)

Доклад посвящен проблеме преподавания славянских литератур в рамках программ по сравнительному изучению литератур во французских университетах. За последние десятилетия славянские и русские авторы включаются не только в общеобразовательные курсы по компаративистике, но в программы национального конкурса Agrégation, подчеркивая необходимость для преподавателя средних и высших учебных заведений стать посредником этих культур, а в геополитическом контексте двух последних лет – и уметь непредвзято представлять таких авторов как Н. В. Гоголь, запрещенного на Украине как слишком «русского», и подвергнутого в России цензурным сокращениям за его воспевание украинского быта их нравов.

Анализируются три программы конкурса Agrégation, построенные вокруг произведений русских авторов: «Romans et Crimes (Романы и преступления)», программа 1998 г., основана на анализе *Преступления и наказания* Достоевского и предлагает изучить в этой перспективе *Святилище* Фолкнера, *Постороннего* Камю и *Воздух преступления* испанского писателя Хуана Бене. «Permanence de la poésie épique (Традиции эпической поэзии в XX в.)» изучались в 2010 в творчестве Анны Ахматовой, турецкого поэта Назыма Хикмета; чилийца Пабло Неруды и мартиникского писателя Эме Сезера. Тема «Le pouvoir en scène (Власть на сцене)» анализировалась в 2019-2020 г.г. в трагедиях *Ричард III* Шекспира, *Цинна* Корнеля, *Борис Годунов* Пушкина и *Карьера Артура Уи, которой могло не быть* Брехта.

Три разные темы, в рамках трех основных жанров, представленные классиками 9 стран – плодотворная база для сравнительного анализа. Он ведется вокруг трех ключевых вопросов: что добавляет присутствие русских авторов в эти программы? Меняет ли это наше восприятие самих русских авторов? Возможна ли серьёзная аналитическая работа с переводными текстами?

«Романы и преступления»: русский роман «европейских идей»

В «Романах и преступлениях» сама форма множественного числа указывает на историческую перспективу, в которой русский романист выбран родоначальником жанра романа преступления, в той форме, в которой он будет развиться в дальнейшем: романа, *логически* обосновывающего преступление. Эта логика законности

преступления («право имею») основана на анализе Раскольниковым идей Кеплера, Ньютона и Наполеона, где «за одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения». Роман, выросший из хроники русской жизни 1865, года оказывается романом европейских идей одновременно по содержанию и по форме, с опорой на серию логически безупречных аргументов, которые ведут к преступлению[1].

Каждый из предложенных в программе авторов отсылает к автору *Преступления и наказания*: Фолкнер, часто называемый «американским Достоевским»; Камю, воплотивший идею «все позволено» в роли Ивана Карамазова, и предлагающий сыграть её собственным персонажам. Хуана Бене самим заглавием своего романа, *Воздух преступления* напоминает об одной из пружин акта Раскольникова: «Воздуху надо, воздуху!». Достоевский становится общим знаменателем программы, позволяя понять, как разные преступления могут быть связаны через соотнесенность с одной книгой, позволяющей заново ставить вопросы свободы, предназначения, вины и оправдания. Сравнение позволяет ярче выявить и главное отличие русского романа: все четыре произведения написаны в форме детектива, но только у Достоевского роман становится метафизическим; не только романом-трагедией, но и мистерией, в терминах В. Гроссмана, М. Бахтина, В. Иванова.

Этот подход может открыть *другого* Достоевского и русскому читателю, которого метафизическим прочтением не удивишь. Не только Достоевского-славянофила, знающего, что его Иван Карамазов найдет в Европе «только кресты», но и Достоевского, которому Франко Моретти отводит почетное место в своем *Атласе европейского романа*. Достоевского, прочитанного через Жида, Моравиа, Камю, где интересно именно изменение перспективы, позволяя увидеть, в частности, «метафизическое», не там, где оно обычно видится русскому читателю. Филипп Жаккоте, наш поэт-современник, который причисляет себя к поколению «антиклерикалов», пишет по поводу *Записок из Подполья*: «эта книга была нашим *De Profundis*» и цитирует в этом смысле сетования Иова. «Что сказал бы Достоевский сегодня, 200 лет спустя? – продолжает Жакоте. – Хватило ли бы у него мужества вновь поднять голос ? Писал ли бы он как Беккет?». Эти вопросы могли бы открыть цикл компаративистских курсов «Достоевский и XXI век» как для французских, так и для русских студентов.

[1] *Cf.* Jean-Louis Backès, Dostoïevski et la logique, Paris, YMCA-Press, 2021.

Эпическая вместимость голоса Анны Ахматовой

Схожие вопросы ставит программа «Традиции эпической поэзии в XX веке». Как писать о катастрофах прошлого столетия, если не на языке абсурда, осколках слов и жанровых форм? Четверо поэтов с разных уголков планеты дают противоположные ответы, обращаясь к самому стабильному жанру – эпопее – схороненному, казалось бы, в глубине веков. Изучение ахматовской поэзии в этом корпусе придаёт программе особую тональность: речь не просто о возрождении архаического жанра, с ритуальными элементами поэтики, позволяющими противостоять разрушению мира. Ахматовская эпическая поэзия – это и ее способность стать «голосом многих», которая вмещает не только скорбь русского народа. В силу причастности к Серебряному веку с его «ностальгией по мировой культуре», Ахматова становится европейским поэтом по темам и форме, что легко узнается студентами – французами, различающими терцины Данте в «ступеньках» строф в *Поэме без героя*; «Chançon de la plus haute tour» Артура Рембо в шестистишии «Из года сорокового / Как с башни на все гляжу». Тем самым, они участвуют в расшифровке ахматовских интертекстов (европейское измерение которых может ускользнуть и от опытных российских ахматоведов); в постижении эпичности ее поэзии в ее всемирном измерении, унаследованном от Пушкина.

Универсальность Пушкина

Трагедия *Бориса Годунов* в программе «Власть на сцене» обнажает механизмы политической власти с помощью театральных приемов. Широкая вовлеченность Пушкина в историю придает новую тональность по отношению к изучаемым трагедиям Шекспира и Корнеля, разыгрывающим события прошлого – и готовит появление пьесы Брехта – которая, под именем Артура Уи, показывает приход к власти Гитлера, нового Самозванца.

Программа акцентирует тревожное сходство между театральными приемами актеров и монархов: Борис Годунов, трагический актер и Гришка Отрепьев, гениальный импровизатор оказываются яркими архетипами, позволяющими выявить интертекстуальные связи между четырьмя драматургами. Пушкин, поклонник Шекспира – и насмешник над классическими единствами Корнеля, вводит обоих в свою пьесу, где «народ безмолвствует», как в знаменитой сцене «избрания» короля Ричарда, а монолог Бориса «Достиг я высшей власти» отсылает к монологу Августа перед заговорщиками в *Цинне*. Т. о., Пушкин становится смысловым стержнем программы, в пьесе которого связываются эпохи и различные театральные системы прошлого, но и содержатся

предвестия новой поэтики театра модерна. В этом окружении студенты открывают Пушкина, который участвует, «на равных» с Гете и Байроном, в европейской эстетической революции; перешучивается с Вольтером, каждый раз на языке оригинала, и даже в т.н. «русских» сказках являет поразительный потенциал западных источников от средневекового рыцарского романа до переложения сказок братьев Гримм и Шарля Пьеро.

Как и в случае Ахматовой, эти западные интертексты более ясны при переводах Пушкина на европейские языки, где переводчики, узнавшие источник, передают его на максимально близком к нему языке.

Работа с переводами: потери и обретения

Перевод неизбежно связан с потерей или искажением смысла оригинала. Однако, замечает не без иронии В. Вейдле, при переводе классиков потери минимальны : их величие таково, что останется все равно очень много. Одним из решений, для конкретной работы со студентами, м. б. знакомство с несколькими переводами, в т. ч. на другие языки: так, английские переводы Ахматовой Judith Hemschemeyer и D. M. Thomas удачно восполняют работу французских переводчиков её поэзии Жаном-Луи Бакесом и Мишелем Окутюрье. Это может объяснить почему сама А. А. Ахматова, решительно заявлявшая: «поэзия – не переводима, и моя в особенности», вместе с тем радовалась каждому новому переводу.

Наконец, только посредством перевода произведение не только начинает новую жизнь в новой культурной среде, но и может быть услышано и оказать влияние более существенное, чем на родной почве. «Без переводов – Шекспир остался бы на своем острове […], великие греческие классики не стали бы фундаментом, на котором зиждется вся мировая культура»[2]. Переводы Ахматовой Жаном-Луи Баксом для конкурса Agrégation вдохновили поэтессу Мишель Финк, профессора по компаративистике Страсбургского университета, на создание лирических сборников, за которые она награждена премией Луизы Лабэ, и которые в свою очередь переведены на итальянский и немецкий языки.

«Благодаря переводчикам, у Европы есть европейская литература» (Вейдле, «Искусство перевода»).

[2] Vladimir Weidlé. *L'art de traduire* // Les Nouvelles Littéraires, artistiques et scientifiques, 20 mai 1939, p. 6.

Заключение: на пути к рождению «новых гуманистов»

С какой стороны бы мы не смотрели на медаль – западной или русской – важно то новое, что рождается из сопоставления; то, что может ускользнуть, если мы рассматриваем феномен в рамках лишь национальной традиции. Результатом может стать новый Пушкин, Достоевский, Ахматова, каждый из которых подразумевает многогранное прочтение, и встреча с *другим* – писателем или читателем – может только способствовать его более глубокому постижению. Восприятие русской культуры нуждается в таком освещении, где выявлялись бы ее общие корни и ее глубинные связи с европейской культурой. Не только потому, что «Россия, как и Америка, духовно у себя дома только в Европе», пишет Вейдле[3] (что, возможно, не бесспорно) – но потому, что в современном мире, где образ России зачастую определяется ее действиями на политической арене и стремительно падает, необходимо увидеть её во взаимосвязях с мировыми культурными процессами, почувствовать её огромный духовный потенциал независимо от злобы дня.

Это может напомнить ситуацию 20-30-х годов, когда русские эмигранты, обеспокоенные, что статус России в глазах западной общественности будет сведен только к Советской России, ставшей её историческим местом, развивают, для передачи русской культуры, компарататившистские подходы, способствуют новым переводам, которые осуществляют совместно с французскими писателями (как, например, объединяются Борис Шлецер и Андре Жид для переводов Пушкина и Достоевского).

Ибо переводчик, компаративист, славист на Западе, по словам Г. П. Федотова, «несет ответственную миссию – он работает над воссозданием разрушаемого всечеловеческого единства, расчищая тропы к познанию чужого духовного опыта»[4].

Это целая программа, которая может показаться амбициозной или утопической. Однако она может осуществляться, шаг за шагом, малыми силами – в частности, введением общих компаративистских курсов, открытых студентам русского и славянских департаментов, как это практикуется за последние годы в Страсбургом университете. Это реально пробуждает открытость к другой культуре будущих преподавателей и ученых, в которых во Франции хотели бы видеть, по выражению Сартра, «новых гуманистов», т.е. представителей универсального, гармоничного познания, постигающего культурные феномены в их взаимосвязях.

[3] В. Вейдле, «Европейская литература», Опыты, кн. 1, Нью Йорк, 1953, с. 5.
[4] Г. П. Федотов. «Перевод как искусство» // Собрание сочинений в 12 т.т., т. 9. Статьи американского периода, М, Марстис, 2004, с. 351.

БИБЛИОГРАФИЯ (выборочно):

ИЗУЧАЕМЫЕ ПРОГРАММЫ

Romans et crimes : Dostoïevski, Faulkner, Camus, Benet (études recueillies par Jean Bessière, avec la collab. de Jean-Pierre Morel, Jacqueline Levi-Valensi, Aurélie Guillain, Claude Murcia), Paris : H. Champion, 1998

Permanence de la poésie épique au XXe siècle : Akhmatova, Hikmet, Neruda, Césaire (ouvrage coordonné par Delphine Rumeau), Paris : CNED : Presses universitaires de France, 2009

Le pouvoir en scène: Shakespeare, "Richard III", Corneille, "Cinna", Pouchkine, "Boris Godounov", Brecht, "La résistible ascension d'Arturo Ui" (Véronique Lochert, Emmanuelle Hénin, Dominique Goy-Blanquet, Tatiana Victoroff), Neuilly, Atlande, 2018

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Anna Akhmatova et la poésie européenne (dir. Tatiana Victoroff), Bruxelles, ed. Peter Lang, collection « Nouvelle Poétique Comparatiste », P.I.E., 2016, 445 p.

The Complete Poems of Anna Akhmatova (trans. Judith Hemschemeyer), ed. Roberta Reeder. Zephyr Press, 2000

Backès, Jean-Louis, *Dostoïevski et la logique*, Paris, YMCA-Press, 2021.

Backès, Jean-Louis, *La littérature européenne*, Paris : Belin, 1996

Fedotov, George, «Перевод как искусство», *Собрание сочинений в 12 т.*, т. 9. Статьи американского периода, М, Марстис, 2004.

Hackel, Sergei, “Raskolnikov through the looking-glass: Dostoevsky and Camus's *L'Etranger*", *Contemporary literature*, Vol. 9. N° 2, spring 1968

Jaccottet, Philippe, *À partir du mot Russie*, Saint-Clément-de-Rivière, Fata Morgana, 2002

Moretti, Franco, *L'Atlas du roman européen (1800-1900),* Paris, éd. du Seuil, 2000

Strada, Vittorio, *Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa*, Torino, G. Einaudi, 1980

Weidlé, Vladimir, « L’art de traduire », *Les Nouvelles Littéraires, artistiques et scientifiques*, 20 mai 1939, p. 6.

Weidlé, Vladimir, «Европейская литература», *Опыты*, кн. 1, Нью Йорк, 1953, с. 5-27

МУЛЬТИЛИНГВИЗМ "ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ" В ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Елена Гальцова

Мультилингвизм – одна из характерных черт русской классической литературы XIX в., и Ф.М. Достоевский не был исключением. Исследователи неоднократно отмечали особую роль французского языка, входившего в необходимый образовательный минимум русского дворянина, и использование французских слов в текстах писателя выглядело вполне естественным, как, впрочем, и многих других, по преимуществу европейских языков Выбор «Записок из подполья» (1864) во многом продиктован особым значением этого произведения в творчестве Ф.М. Достоевского: оно предшествует пяти его великим романам, предвещая многие «проклятые вопросы», которые будут в них поставлены, и, с другой стороны, эта повесть является специфическим центром притяжения французской культуры XX в., которая видела в нем большую ценность, чем, например, придавала этому тексту культура русская (российская, советская и т.д.). Первый французский перевод «Записок из подполья» (1886), несмотря на свою «неверность» оригиналу, оказался источником вдохновения для переводов на другие языки (нидерландский, итальянский, испанский и др.). Изучение вопросов, связанных с переводом явлений многоязычия на французский дает возможность выявить неочевидные оттенки смыслов. В докладе рассматриваются более десятка переводов повести, авторами которых были Илья Гальперин-Каминский и Шарль Морис (1886), Владимир Биншток (1909), Анри Монго и Марк Лаваль (1926), Борис де Шлёцер (1926, 1956 в издании «Плеяды»), Марк Семенофф (1948), аноним (1967), Лили Дени (1972), Андре Маркович (1992), Бернар Крёз (1993), Сильви Оулетт (2008), Анн Кольдефи-Фокар (2023).

Прежде всего, в докладе будут рассмотрены случаи использования в «Записках из подполья» французского языка, и проблемы с его переводом (точнее, тем, что в конечном счете можно было бы охарактеризовать как «непереводимость») и интерпретацией во французских переводах; а также контекстуально связанные с ними слова иностранного происхождения, обретающие в переводах новые значения. Вместе с тем, в отдельных переводах присутствует стремление к компенсации смыслов.

Методология доклада основана на двух принципах: с одной стороны, это изучение семантических сдвигов, происходящих в переводах, с другой – исследование многочисленных культурных контекстов, где доминируют те, что связаны, прежде всего, с иностранной культурой (по преимуществу европейской). Как работает подобное

сочетание лингвистики, переводоведения и компаративистики, мы демонстрируем на нижеследующем примере.

В третьей главе первой части «Подполье» персонаж Достоевского рассуждает о человеке через призму образов символических животных – «бык», «мышь», и пространств – «стена», «подполье». Причем, если человек-бык вполне определим – это «нормальный человек», вышедший «из лона природы», то человек-мышь – как бы и не человек вовсе, ибо он вышел «из реторты», и слово «мышь» может поначалу показаться оценочным, однако Достоевскому удается выстроить размышление своего персонажа так, что эта «мышь» оказывается не просто «усиленно сознающая» и сопоставляющая себя с человеком, обозначенным выражением на французском языке «l'homme de la nature et de la vérité», которое впервые появляется в творчестве Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и которое комментаторы ассоциируют с рассуждениями из *Les Confessions* Руссо[1]. Напомним этот пассаж:

> «И я тем более убежден в этом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитез нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезой, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тут человек, а следственно…, и проч. И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышь; его об этом никто не просит; а это важный пункт. Взглянем же теперь на эту мышь в действии. Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. Злости-то в ней, может, еще и больше накопится, чем в l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, низкое желаньице воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в l'homme de la nature et de la vérité, потому что l'homme de la nature et de la vérité, по своей врожденной глупости, считает свое мщенье просто-запросто справедливостью; а мышь, вследствие усиленного сознания, отрицает тут справедливость».

тсылка к Руссо была очевидна еще в выражении «из лона природы», а французское выражение лишь это подтверждает, причем в очень ироничном контексте, где с ученой цитатой соседствует ничтожная «мышь». Несмотря на некоторую самоочевидность, это выражение не является точной цитатой из самого начала *Les Confessions* Руссо, где присутствует немного другое выражение: «Je veux montrer à mes semblables un homme dans toute la vérité de sa nature». То выражение, что приводит на французском языке Достоевский, написано на гробнице Руссо в парижском Пантеоне:

[1] См. примечания к 35-томному изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 35 томах. Т. 5. СПб.: Наука. 2013-2019. Т. 5. 2016. С. 479-532. О жанровом своеобразии «Записок из подполья см. монографию *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001.

«Ici repose l'homme de la nature et de la vérité». Достоевский мог видеть эту эпитафию во время своих путешествий в Париж в 1862 или 1863 гг., как раз в то время, когда у него самого зарождался замысел большого произведения «Исповедь», которое так и не было написано, но на основании которого были созданы «Записки из подполья». Тот факт, что французское выражение ассоциируется с эпитафией, свидетельствует и о непреходящей вечности, и о бренности философии Руссо в представлении Достоевского. Вместе с тем, отметим и очевидную ассоциацию с «естественным человеком» («l'homme naturel»).

В той же главе «Записок из подполья» Достоевский намеренно смешивает «природное» и «искусственное»: «мышь» ассоциируется с «ретортным человеком», а противопоставленный ей «бык» тоже кажется далеким от «естественности», он, скорее, предстает как часть некоей аллегории (бык и стена).

Ассоциация с Руссо продолжается в рассуждениях о Гейне, которые, с одной стороны, усиливают ассоциацию с *Les Confessions*, а, с другой, опровергают слово «истинность», как применительно к его книге, так и в выражении «l'homme de la nature et de la vérité»: «Замечу кстати: Гейне утверждает, что верные автобиографии почти невозможны, и человек сам об себе наверно налжет. По его мнению, Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия».

Здесь Достоевский намеренно смешивает ассоциацию исповеди как покаянии (вопрос о лжи оказывается принципиальным) и литературным жанром, коим является *Les Confessions* Руссо (это название переводится на русский существительным в единственном числе «Исповедь», и его легко перепутать с «исповедью»). Таким образом, то, что писал Руссо – это вовсе не исповедь, и «l'homme de la nature et de la vérité» лишен истинности… Если вернуться к эпитафии – наследие Руссо оказывается не в «вечности», а оно навсегда погибло, утратило истинность.

Выражение на французском языке, связанное с Руссо, - не просто один из многочисленных элементов суровой критики идеалов Просвещения со стороны подпольного человека, но и часть рефлексии о собственном способе письма и жанре. Это выражение на французском языке дано как непереводимое, иронический эффект по контрасту с примитивными (хотя и символическими) животными, в частности, с мышью; с другой стороны, эта непереводимость, по всей вероятности, намекает на невозможность применения этого понятия в русском языке. Для переводчика на французский практически невозможно сохранить многосмысленность и ироничность этого двуязычия. Стараясь, хотя бы как-то подчеркнуть наличие странности в этой части текста, переводчики пишут эти слова курсивом (во французской традиции курсив может

служить аналогом кавычек), подчеркивая тем самым, что это цитата (чужой текст), и в некоторых случаях сопровождая сноской со словами «по-французски в тексте» : так поступали, например, Гальперин-Каминский и Морис, Дени, Маркович и Оулетт. Другим способом являются объясняющие сноски, из которых приведем наиболее адекватную, принадлежащую Дени: «по-французски в тексте, сжатая цитата из «Исповеди» Руссо» (и далее дана уже приведенная нами полная цитата). Однако более пространных комментарием эти слова во французских переводах не получают. С другой стороны, ассоциации с творчеством Руссо могут быть усилены в переводе пассажа о Гейне: не все, но некоторые переводчики переводят «исповедь» как название произведения Руссо, которое в оригинале имеет множественное число и пишется с заглавной буквы – *Les Confessions*, как, например, в переводе Шлёцера, признанном на данный момент «каноническим». Возможно, автор перевода стремился «компенсировать» невозможность передачи эффекта от цитаты, данной в русском тексте по-французски.

Будучи эпитафией, анализируемое французское выражение связано в повести с целой серией образов, связанных с темой смерти, апофеоз которой можно наблюдать в упоминании о гробе в разговоре подпольного с Лизой, если рассматривать простейший тематический уровень. Во французских переводах эта тема оказывается как раз более явно выражена, чем в оригинале, и в какой-то степени можно увидеть в этом компенсацию непереводимости с французского на французский. В этом смысле очень интересен самый первый перевод 1886 г., где «подполье» и «подпольный» (souterrain) имеет отношение к земле (букв. «подземный»), где возникает «крыса» вместо «мыши». «Подземное» присутствует в переводах названия Лаваля и Монго, Семенофф, Дени, а также неизвестного переводчика в издании 1967 г.

Иронический эффект от цитаты «l'homme de la nature et de la vérité» усиливается контекстом: ученая цитата, усиленная еще и гегелевской ассоциацией (слова «антитез», «антитеза») соседствует с пародийно аллегорическими животными – быком и мышью. Будучи частью философской традиции, ассоциированной в данном контексте с Руссо, «l'homme de la nature et de la vérité» оказывается ничем иным, как причудливым «конструктом». И в этом смысле он еще более ненадежный конструкт, чем человек «из реторты», или «ретортный человек». Некоторые переводчики подошли к переводу «ретортного человека» довольно радикально, очевидно обратив внимание на слово «мистицизм», и во многих случаях решившись ассоциировать этот образ с гомункулом из гётевского «Фауста». Так поступили Гальперин-Каминский и Морис, переведя

«ретортного человека» латинским словом «homunculus », а для «реторты» использовали нейтральное французское слово «cornue». Эта ассоциация, выраженная в переводе французским словом «l'homoncule», присутствует и в одном из последних переводов Оулетт, которая сопроводила это место примечанием по поводу «реторты» (l'alambic): «аппарат сложной формы, предназначенный для дистилляции (ср. с гомункулом, созданным Фаустом)».

В докладе также рассматриваются французские выражения « animaux domestiques », « point d'honneur », « droit de seigneur » и др. и их значение во франкоязычных переводах, а также перевод на французский различных заимствований, галлицизмов и созданных на их основе неологизмов Достоевского (« бонтоннее », « суперфлю », « мизер », « лепартамент » и др.).

BIBLIOGRAPHIE

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 томах. Т. 5. СПб.: Наука. 2013-2019. Т. 5. 2016. 632 с.

"Записки из подполья" Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америке. Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 1024 с.

Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001. 371 с.

Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. S. Howlett. Paris: Magnard, 2008.

Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. A. Coldéfy-Faucard. In : Elena Galtsova et Anne Coldefy-Faucard. La réception en France des *Carnets du sous-sol* de Fiodor Dostoïevski : un heureux malentendu. Paris : les éditions L'inventaire, 2023. 270 p.

Dostoïevski F. Dans mon souterrain. Trad. M. Semenoff. Paris : Nouvelles éditions latines, 1948. 260 p.

Dostoïevski F. Le Souterrain. Le Joueur. Les Nuits blanches. Paris : Ed. Baudelaire, 1967. 563 p

Dostoïevski F. Les Carnets du sous-sol. Trad. A. Markowicz. Arles : Actes Sud, 1992. 184 p.

Dostoïevski F. Mémoires écrits dans un souterrain. Trad. H. Mongault et M. Laval. Paris : Gallimard, 1926, 256 p.

Dostoïevski F. Notes d'un souterrain. Trad. L. Denis. Paris : Aubier, 1972. 191 p.

Dostoïevski F. Notes d'un souterrain. Trad. B. Kreise. In *Dostoïevski F.* Nouvelles et récits. Lausanne : l'Age d'Homme, 1993. P. 295-383.

Dostoïevsky F. La voix souterraine. Trad. B. de Schloezer. Paris : Stock, 1926. Rééd. : Le Sous-sol, in Dostoïevski F. L'Adolescent – Les Nuits blanches – Le Sous-sol – Le Joueur – L'Eternel mari. Paris : Gallimard, Bibl. de la Pléïade, 1956. P. 685-799 ;Rééd. : *Dostoïevski F.* Carnets du sous-sol. Trad. B. de Schlœzer. Paris : Gallimard, Folio Bilingue, 1995. 380 p.

Dostoïevsky Th. L'Esprit souterrain. Trad. E. Galpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886. 298 p.

Dostoïevski Th. Le sous-sol. Roman. Suivi de deux nouvelles inédites. Traduit du russe pas J.-W. Bienstock. Paris : Bibliothèque-Charpentier, Eugène Fasquelle, éditeur, 1909. 311 p.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ И ВИКЕНТИЙ КОРОТЫНСКИЙ: К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА

МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ (КИТАЙ)

1. Миф о Лескове «как о самом русском из русских писателей»[1] долгое время тормозил изучение его произведений в компартивистской перспективе. Между тем Лесков был внимательным читателем многих переводных произведений, публиковавшихся в литературных журналах, и испытал заметное влияние Диккенса, Гюго, По, Стерна и многих других писателей, а на раннем этапе творчества славянских авторов, в первую очередь, польских[2]. Польский язык, как и украинский Лесков выучил в Киеве, в конце 1850-х годов, там же он прочитал и первые книги на польском языке[3]. По свидетельству библиографа, литератора и мемуариста П.В.Быкова, не всегда точного в своих мемуарах, но в данном случае передающего явно достоверную реплику[4], в самом начале 1860-х Лесков был увлечен польской литературой. Вероятнее всего, осенью 1861 года он признавался Быкову:

> Сейчас я стремлюсь показать людям жизнь, какова она есть, а скоро выступлю и как «изящный словесник»… Увлекаюсь в свободные минуты польской литературой. Какие силы в ней есть! Например, Сигизмунд Качковский, Корженевский, Крашевский, про поэтов уж и не говорю… Эдакая красота![5].

В это время Лесков уже активно сотрудничал с разными изданиями как репортер и журналист, но пока не писал художественную прозу, он поделился с Быковым своими читательскими впечатлениями на пороге писательства, к которому уже готовится (выступлю и как «изящный словесник»), и польские авторы выступили для него и в роли литературных учителей. На одном из таких эпизодов лесковской «литературной учебы» и я и хочу остановиться в данном сообщении, и постараюсь проанализировать, как поэтика Коротынского (в частности, его поэма «Томило») повлияла на повесть Лескова «Житие одной бабы» (1863).

---

[1] Мирский Д. С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 502.

[2] Лавринец П. М. Польская словесность и Н. С. Лесков // Вопросы литературы и поэтики. – М., 1990. – С. 115–122; Лавринец П. М. Польская поэзия в творчестве Н. С. Лескова // Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении. – М., 1991. – С. 94–101; Тесля А.А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857; Szyszko T. Mikolaj Leskow i jego zwiazki z Polska. Warszawa, 1996. (Издана Институтом русистики Варшавского университета). – (Филология ; 9).

[3] Горелов А.А. Из дописательской биографии Н.С.Лескова// метей. Т. 13. М., 1983. С.155.

[4] См. Лавринец П.В. Н.С.Лесков и польская литература. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ, 1991. С.44-46.

[5] *Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого //Н. С. Лесков ввоспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 308.

2. Личное знакомство с польскими литераторами Лесков свел несколько позднее, во время заграничного путешествия в 1862 году в Литву и Белоруссию, куда он отправился по поручению газеты «Северная пчела» с тем, чтобы выяснить на месте, каковы преимущества строительства новой Литовской, или Белостокско-Пинской, железной дороги. Впечатления от поездки Лесков подробно излагал в путевых очерках, публиковавшихся в «Северной пчеле» под названием «Из одного дорожного дневника».

В Вильно, где и сблизился с местными литераторами из круга почившего накануне поэта Владислава Сырокомли (Людвига Кондратовича), в частности, познакомился и с учеником Сырокомли, поэтом Винцентием или Викентием Коротынским (1831-1891), сочинявшим стихи на белорусском и польском языке и работавшем в газете «Kurjer wileński» («Виленский вестник»).

Лесков и Коротынский сблизились – они были одногодками, их объединяла общность отдельных биографических обстоятельств. Часть пути они проделали вместе, проехав от Пинска до Львова[6]. Отношения их продолжались еще некоторое время и после этого[7], а спустя год, свою первую большую повесть «Житие одной бабы» («Библиотека для чтения», 1863, № 7-8), Лесков посвятил именно Викентию Коротынскому. В разгар сражений русской армии с польскими повстанцами и антипольской пропагандистской кампанией, это был фрондерский жест[8]. Возможно, в посвящении скрывается и отсылка Лескова к поэме Коротынского «Томило». Как предполагает П.М.Лавринец[9], во время встречи в Вильно Коротынский подарил Лескову издание этой поэмы[10].

3. Судя по всему, Лесков внимательно прочитал поэму Коротынского и во многом опирался на художественные решения Коротынского при работе над повестью «Житие одной бабы».

Поэма Коротынского «Томило» открывает вступление, в котором Викентий Коротынский сообщает, что следующий далее рассказ был записан его товарищем, Борживым, ныне уже почившим – чудаком, странником и правдолюбцем. В свитке, который достался Коротынскому, излагается история жизни старого крестьянина Томило. Томило

---

[6] Об отношениях Лескова и Коротынского см.: *Лавринец П.* Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы// Literatūra. 1989. № 31 (2). Literatūros ir kritikos klausimai. Vilnius, 1989. С. 44—56. Edgerton, W.B. Leskov moraliste malin *Revue des études slaves*, Vol. 58, No. 3, Nikolaj Semenovič Leskov 1831-1895 (1986). Pp. 271-280.

[7] Edgerton, W.B Там же. С. 277-278.

[8] Также, как и публикация Лесковым новеллы с польским названием *Kochanko moja! na co nam rozmowa?* в июле 1863 года. См. Эджертон, с. 276

[9] Лавринец П.М. Лесков и польская литература. С. 51-52.

[10] Tomiło. Obrazek z życia ludu, wydany przez Wincentego Korotyńskiego. Wilno 1858.

вынужден продать единственного любимого коня Пегого, чтобы заплатить подать. На ярмарке цыган и еврей крадут у него вырученные за коня деньги. От потрясения Томило практически лишается рассудка, в полубреду возвращается домой. Кульминацией трагедии становится ложное обвинение крестьянина в том, что он ограбил костел, снял с чудотворной иконы золото. Измученного и уже полубезумного старика заковывают в колодки и везут на телеге прочь из родной деревни, он обречен на скорую гибель. Однако завершается поэма обращением автора к Богу и видением: на землю спускается Новый Иерусалим.

«Житие одной бабы» Лескова также посвящена тяжелой жизни крестьян. Она повествует о трагической судьбе крепостной девушки Насти. Из расчета ее выдают замуж за гугнивого и убогого Григория Прокудина. Когда он отправляется на заработки в Киев, в Настю влюбляется женатый красавец Степан. Влюбленные счастливы, до тех пор, пока в деревню не возвращается Настин муж. Пара пытается бежать, но попадает в острог, Степан умирает от тифа, Настя, выпоротая и отпущенная, впадает в беспамятство, скитается по окрестностям, пока не замерзает в лесу. В самом конце повести родные места навещает сын здешнего пана, герой, максимально приближенный к автору.

Сопоставление «Жития одной бабы» и поэмы «Томило» обнаруживает немало общего: по замечанию П.М.Лавринца, это этнографизм, обращение обоих авторов к фольклорным текстам, а также о некоторые сюжетные пересечения: и в том и в другом сочинении присутствует мотив сумасшествия главного героя, столкновение с властью. Кроме того, Лесков заимствует у Коротынского и «рамочное» структурное решение: нарратор, излагающий историю в форме сказа, не совсем грамотно и литературно, и появившийся в самом финале герой, максимально близкий Лескову, не совпадают.

4. Все эти наблюдения, впрочем, никак не объясняют причин обращения Лескова к поэме Коротынского. На наш взгляд, ключ к ним лежит, в финале «Жития одной бабы». Как уже было сказано, в заключительной части повести внезапно появляется новый, явно автобиографический персонаж. «Я был в Гостомле прошлым летом, – сообщает он. – Лет пять я уже не видал родных мест. Перед тем я жил безвыездно в столице, начитался рассказов из народного быта, и мне начало сдаваться, что я, выросший на гостомельском выгоне между босоногими ровесниками, раззнакомился с народной жизнью. "Съезжу-ка я на Гостомлю, посмотрю, что там завяло и что на место завялого выросло"». Отсылка на рассказы из народного быта помещает «Житие одной бабы» в актуальный литературный контекст.

Незадолго до публикации «Жития одной бабы», в серии очерков «Русское общество в Париже», печатавшейся, как и повесть, в «Библиотеке для чтения» (№ 5) Лесков высказывается на ту же тему, однако с гораздо большим полемическим задором:

> Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне сказанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного,под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. (…) По-моему, пейзаны Григоровича не только гораздо поэтичнее, но и гораздо живее, чем сахарные добродетельные мужички Небольсина, или дураки Успенского, или ядовитые халдеи Левитова и многих позднейших рассказчиков. Все эти люди сочиненные, или уж не в меру опоэтизированные, или не в меру охаянные без проникновения в их Святая Святых[11].

Этот фрагмент нетрудно прочитать сообщение о том, что в отличие от современников Лесков сумеет написать повесть, в которой будут действовать не «сочиненные», а реальные крестьяне.

В 1863 году подобное сообщение выглядело крайне рискованным: начиная уже с 1840-х годов, страницы русских литературных журналов были буквально наводнены рассказами и повестями из простонародной жизни, принадлежащие перу Д.В.Григоровича, И.С.Тургенева, В. И. Даля, Марко Вовчок, А.А.Потехина, А.Ф.Писемского, П.И.Якушкина, здесь же публиковались многочисленные «крестьянские» стихотворения и поэмы Некрасова[12]. Эти публикации сопровождались спорами об изображении крестьянской жизни в литературе. В активную фазу они вступили в 1850-е годы, после выхода в свет статьи Павла Анненкова «По поводу романов и рассказовиз простонародного быта» (1854), утверждавшего, что «простонародная жизнь не может быть введена в литературу во всей своей полноте без малейшего ущерба для истины», поскольку русские писатели еще не выработали адекватных форм для этого, к тому же им не хватает глубокого знания крестьянских реалий[13].

Сделать высказывание, с одной стороны, оригинальное, с другой стороны, в адекватной простонародной жизни форме, в начале 1860-х было сложно: слишком много было уже написано о крестьянах на русском языке. В поисках нового языка описания крестьянского мира, Лесков вглядывается в иноязычную изящную словесность.

---

[11] Лесков Н.С. Русское общество в Париже// Лесков НС. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т.3. С. 206-207.

[12] Подробнее см. Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.:Новое литературное обозрение, 2024. С.125-159.

[13] *Анненков П. В.* По поводу романов и рассказов из простонародного быта // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов / Подг. А. В. Вдовина, К. Ю. Зубкова, А. С. Федотова. СПб., 2015. С. 361.

Поэму Коротынского и повесть Лескова сближает множество общих сюжетных ходов, стилизация под простонародный язык, набор похожих мотивов. И все же почти все эти элементы Лесков мог найти в русскоязычных этнографических очерках и рассказах. Основное влияние Коротынского на Лескова, сказалось, на наш взгляд, в том, что «Томило» – текст стихотворный.

В отличие от всех известных нам этнографических очерков и рассказов из простонародного быта «Житие одной бабы» Лескова буквально переполняет лирическая песенная стихия. Фрагмент из песни используется в качестве эпиграфа, в повести приводится еще одиннадцать обширных цитат из народных песен. Песня противостоит тяжести и бедности крестьянского быта и вместе с тем одухотворяет этот быт; песня создают необходимую автору эмоциональную атмосферу, и именно через песни некнижные герои Лескова выражают себя, свои чувства. Интерес Насти к Степану зарождается благодаря тому, что Настя слышит, как Степан поет ночью, а роман их начинается с того, что Настя подхватывает песню, которую начинает петь Степан. Столь обильное цитирование народной лирики в «Житии одной бабы» и есть, как нам кажется, самое явное указание на близкое знакомство Лескова с поэзией Коротынского. Подтверждает это и концовка текстов.

Поэма «Томило» завершается прямым обращением к Богу:

> Panie, o Panie! widzę Cię w Twém dziele!
> Tyš nic niestworzył bez celu, potrzeby (…)
> Czytam i wierzę — i widzę nad głową
> Idącą z niebios JERUZALEM NOWĄ!

Коротынский придает земному бытию небесное измерение, таким образом смягчая безотрадность только что рассказанной жизненной истории Томило. Отмечая, что в природе всюду царит порядок, лирический герой надеется, что придет он и в мир людей.

«Житие одной бабы» также завершается на высокой, лирической ноте. 14-летний мальчик Миша, сын местного помещика (и, похоже, брат Лескова) рассказывает, что вместе с другими мальчиками из класса учит крестьянских ребят грамоте и читает стихотворение А.Н. Майкова «Нива» (1856). Так же, как и «Томило» оно завершается молитвой лирического героя. Он просит Бога о духовном хлебе для крестьян:

> О боже! Ты даешь для родины моей
> Тепло и урожай -- дары святые неба;
> Но, хлебом золотя простор ее полей,
> Ей также, господи, духовного дай хлеба! (…)

Смысловой акцент повести смещается, в отличие от поэмы Коротынского, подчеркивающей несвободу и зависимость крестьянина, Лесков указывает, что теперь, когда крепостное право отменено, крестьянин острее всего нуждается в просвещении.

5. Судя по всему, спустя шесть лет авторитет Коротынского в глазах Лескова заметно обмелел. В сентябре 1869 г., очевидно чувствуя себя уже зрелым писателем, Лесков причислил Коротынского к заурядным литераторам[14]. «Житие одной бабы» так и не было переиздано при жизни Лескова, но можно предположить, что решись он на переиздание, повесть вышла бы уже без посвящения бывшему литературному учителю.

Рассмотренный нами частный сюжет обнаруживает, что иностранное влияние на раннего Лескова все еще недооценено, и, быть может поэтому, все еще мало изучено.

Библиография

1. Анненков П. В. По поводу романов и рассказов из простонародного быта // *«Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов* / Подг. А. В. Вдовина, К. Ю. Зубкова, А. С. Федотова. — СПб., 2015.
2. Быков П. В. Силуэты далёкого прошлого // *Н. С. Лесков в воспоминаниях современников*. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.
3. Вдовин А. В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. — М.: Новое литературное обозрение, 2024.
4. Горелов А. А. Из дописательской биографии Н. С. Лескова // *Прометей*. Т. 13. М., 1983.
5. Лавринец П. М.Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы // *Literatūra*. 1989. № 31 (2). *Literatūros ir kritikos klausimai*. Vilnius, 1989. С. 44–56.
6. Лавринец П.М. Н. С. Лесков и польская литература: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — М.: МГУ, 1991. С. 44–46.
7. Лавринец П.М. Польская поэзия в творчестве Н. С. Лескова // *Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении*. — М., 1991. С. 94–101.
8. Лавринец П.М. Польская словесность и Н. С. Лесков // *Вопросы литературы и поэтики*. М., 1990. С. 115–122.
9. Лесков Н. С. *Полное собрание сочинений в 30 томах*. М,: Терра, 1992-. Т.1-15.
10. Мирский Д. С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 490-502
11. Тесля А. А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857.
1. Edgerton, W. B. Leskov moraliste malin // *Revue des études slaves*. Vol. 58. No.3: *Nikolaj Semenovič Leskov 1831–1895*. 1986. P. 271–280.
2. Szyszko, T. *Mikołaj Leskow i jego związki z Polską*. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. (Filologia; 9).
3. Tomiło. *Obrazek z życia ludu, wydany przez Wincentego Korotyńskiego*. Wilno, 1858.

[14] Лесков Н.С. Русские общественные заметки. 1869. № 236 //ПСС, 8, 186.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ПЕРЕКРЕСТКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Анна Фосколо (Франция)

Открывающий сессию доклад обозначит круг основных вопросов тематического блока «Литературоведческая славистика и сравнительное литературоведение: перекрестки взаимодействий», представит цели его проведения, а также ключевые темы, вокруг которых будут строиться доклады и обсуждение.

В первую очередь в рамках вводного сообщения будет представлен синтетический обзор различных форм взаимодействия указанных областей литературоведения. Ключевые этапы их развития за последние сто лет будут рассмотрены с точки зрения взаимного обогащения. Обращение к истории вопроса позволит выделить пути взаимовлияния, ведущие от частичной тождественности корпуса к общности объектов и вопросов изучения.

Является ли институциональное дисциплинарное разделение помехой для полноценного взаимодействия? Или же, напротив, способствуя четкому пониманию особенностей исследовательских сфер, систематизируя наработки каждой из них, помогает ясно обозначить точки пересечений, в которых сочетание подходов может быть наиболее продуктивно? Размышление на эти вопросы мы сопроводим гипотезой, согласно которой наблюдение за эволюцией научных парадигм свидетельствует не только о взаимовлиянии, но и о типологических совпадениях в развитии исследовательских подходов.

Славистика, как и компаративистика, представляет собой область знаний, развитие которой зиждется на многоуровневой внутренней междисциплинарности; она не только является совокупностью целого ряда научных направлений, но и включает в себя богатую группу языковых общностей во всей многомерности их культурного наследия. Цельное знание об объектах ее изучения невозможно без этапов сопоставления и поиска корреляций, и это касается каждой из составляющих ее сфер – литературоведческой славистики в первую очередь. По этой причине методы сравнительного литературоведения естественным образом находят применение в работах славистов. Методологическая база сравнительного литературоведения, в свою очередь, активно развивается. За последние десятилетия она показала свои возможности в области разработки и интегрирования новых подходов для научного осмысления текстологического наследия через его включение в новые научные парадигмы. Так

произошло смещение акцента с традиционного национального подхода к транснациональным и глобальным исследованиями. Литература рассматривается как часть культурных потоков и анализируется через оптику миграции, диаспор, многоязычия и других актуальных форм контактов.

Отметим, что взаимодействие славистов и компаратистов дает место двустороннему развитию дисциплин. Значительная часть литературоведческих подходов имеет «двойное» и даже мультивекторное происхождение. Так, современная нарратология, интертекстуальный анализ и изучение массовой культуры во многом опираются на выводы и методы чешского и французского структурализма, которые в свою очередь укоренены в формализме. Последний же многим обязан работам Александра Веселовского, основоположника компаративистики в России. Подробно реконструировать генеалогию перечисленных научных школ невозможно без научного вклада славистов[1]. Помимо этого, достижения литературоведческой славистики в области текстологии наращивают базу, необходимую для последующей междисциплинарной исследовательской деятельности.

Таким образом, подчеркнем естественную связь указанных разделов литературоведения: с одной стороны, изучение славянских литератур является сегодня одним из значимых объектов изучения литературной компаративистики. С другой стороны, сравнительное литературоведение является регулярным источником обновления подходов к изучению национальных литератур: от глобализационных исллледований и интермедиальности до экокритики, гендерных и цифровых подоходов — новые направления не только расширяют горизонты анализа, но и помогают выявить более сложные взаимосвязи между литературой и обществом в контексте социальных, исторических и технологических изменений.

Наконец, оба упомянутых раздела литературоведения питают собой общее литературоведение. В 2024 году теоретик французского компаративизма Даниэль-Анри Пажо формулирует следующую градацию разделов литературоведения: 1) отдельно взятая национальная литература, 2) сравнительное литературоведение, 3) общее литературоведение. В этой трехуровневой концепции компаративистика выступает как связующее звено между изучением любой отдельно взятой литературной традицией и

[1] См. в частности работу Катрин Депретто, *Формализм в России. Предшественники, история, контекст*, пер. с французского В. Мильчиной, Москва, НЛО, 2015. Французская монография опубликована в 2009 г. Институтом славистики : *Le formalisme en Russie*, Paris, Institut d'Etudes slaves, 2009.

общим литературоведением[2]. Сравнительно-историческое литературоведение предлагает методы анализа, которые позволяют рассматривать факты и явления отдельно взятых литературных традиций как базу для системного восприятия литературного процесса. Помимо этого, как было отмечено выше, многие теоретические принципы общего литературоведения свидетельствуют о разнонаправленных и сложных взаимодействиях указанных дисциплин.

Выделим первоочередную роль, которую играют в этих процессах факты сотрудничества научных сообществ славистов и компаратистов, прямо или косвенно способствующие как интеграции концептов и подходов, так и формированию новых исследовательских парадигм в области литературоведения. Съезды, организуемые Международным комитетом славистов с 1929 г., как и конгрессы Международной ассоциации сравнительного литературоведения (AILC), проводящиеся с 1959 г., традиционно предоставляют возможность прямого и конструктивного обмена между компаратистами и славистами из разных стран. Публикации и проекты, зарождающиеся в рамках этих мероприятий, дают плоды в долгосрочной перспективе.

Помимо научных мероприятий институционализированные взаимодействия наблюдаются на уровне академических печатных органов. В 2020 году Клод де Грев опубликовала интересное в этом отношении исследование о контактах «Журнала сравнительного литературоведения» (*Revue de littérature comparé*e) и «Журнала исследований по славистике» (*Revue des études slaves*), имеющих репутацию ключевых французских печатных органов соответствующих дисциплин. Анализ, предпринятый на примере функционирования этих изданий, показал, как именно проявлялись в них взаимодействия на историческом отрезке длиной в столетие (оба журнала были основаны в 1921 году). Клод де Грев отмечает мощный вклад славистов в развитие сравнительного литературоведения во Франции. По примерам, приведенным в статье, можно судить, что французские исследователи, начиная с создателей французской славистики, таких как Андре Мазон, сделали возможным полноценное введение русской, польской, сербской, чешской, югославской и других литератур Центральной и Восточной Европы в обиход французских компаративистких исследований. Действительно, если в середине XX века, «область славянских литератур находилась где-то на периферии компаративистких

[2] Daniel-Henri Pageaux, «Littérature française, littérature comparée, littérature générale», *Revue de littérature comparée*, N° 389 (1), 2024, pp. 69-83.

исследований[3]», то несколько десятилетий спустя ситуация стала качественно иной: во Франции появился ряд важных фигур компаративистики, специализирующихся на одной или нескольких славянских литературных традициях, в числе которых Клод де Грев выделяет, в частности, имена Жана-Луи Бакеса и Александра Строева.

Программа данного тематического блока приглашает к развитию дискуссии о возможностях междисциплинарного диалога. Одна из основополагающих задач этого тематичекого блока – создать платформу для обсуждения и расширение восприятия заявленной темы через дискуссию с исследователями, практикующими рассматриваемые дисциплины в разных странах.

Доклады тематического блока призваны проиллюстировать оба вектора: с одной стороны, анализ различных форм взаимодействия указанных дисциплин (доклад Т.В. Викторовой и наше вводное сообщение), с другой – тенденции общего и сравнительного литературоведения в выборе подходов к изучению русских, русскоязычных и польских авторов (доклады Е.Д. Гальцовой, М. А. Кучерской и М. Рубинс). Упомянутые сообщения представят пути вхождения русской литературы в корпус академической подготовки компаратистов во Франции (Т.В. Викторова), вопросы многоязычия и переводов (Е.Д. Гальцова), системное взаимодействие литератур на примере конкретных контактов (М.А. Кучерская) и, наконец, подход, в котором литература одновременно выступает как феномен конкретной цивилизации и выходит за рамки явления «национального», усложняя традиционные понятийные схемы и выявляя разрывы между классическими определениями литературного поля по его принадлежности определенному языку и/или государству.

БИБЛИОГРАФИЯ

Депретто Катрин, *Формализм в России. Предшественники, история, контекст*, пер. с французского В. Мильчиной, Москва, НЛО, 2015.

Depretto Catherine, *Le formalisme en Russie*, Paris, Institut d'Etudes slaves, 2009.

De Grève Claude , «La *Revue des Études slaves* et la *Revue de littérature comparée.* Un siècle d'entente cordiale», *Revue des Études Slaves*, vol. 91, no. 1/2, 2020, pp. 149–65.

Pageaux Daniel-Henri, «Littérature française, littérature comparée, littérature générale», *Revue de littérature comparée*, N° 389 (1), 2024, pp. 69-83.

[3] См.: Claude de Grève, «La *Revue des Études slaves* et la *Revue de littérature comparée*. Un siècle d'entente cordiale», *Revue des Études Slaves*, vol. 91, no. 1/2, 2020, p. 157.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛИТЕРАТУР: О ВКЛЮЧЕНИИ РУССКИХ АВТОРОВ В ПРОГРАММЫ ПО КОМПАРАТИВИСТИКЕ ВО ФРАНЦИИ

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (ФРАНЦИЯ)

Доклад посвящен проблеме преподавания славянских литератур в рамках программ по сравнительному изучению литератур во французских университетах. За последние десятилетия славянские и русские авторы включаются не только в общеобразовательные курсы по компаративистике, но в программы национального конкурса Agrégation, подчеркивая необходимость для преподавателя средних и высших учебных заведений стать посредником этих культур, а в геополитическом контексте двух последних лет – и уметь непредвзято представлять таких авторов как Н. В. Гоголь, запрещенного на Украине как слишком «русского», и подвергнутого в России цензурным сокращениям за его воспевание украинского быта их нравов.

Анализируются три программы конкурса Agrégation, построенные вокруг произведений русских авторов: «Romans et Crimes (Романы и преступления)», программа 1998 г., основана на анализе *Преступления и наказания* Достоевского и предлагает изучить в этой перспективе *Святилище* Фолкнера, *Постороннего* Камю и *Воздух преступления* испанского писателя Хуана Бене. «Permanence de la poésie épique (Традиции эпической поэзии в XX в.)» изучались в 2010 в творчестве Анны Ахматовой, турецкого поэта Назыма Хикмета; чилийца Пабло Неруды и мартиникского писателя Эме Сезера. Тема «Le pouvoir en scène (Власть на сцене)» анализировалась в 2019-2020 г.г. в трагедиях *Ричард III* Шекспира, *Цинна* Корнеля, *Борис Годунов* Пушкина и *Карьера Артура Уи, которой могло не быть* Брехта.

Три разные темы, в рамках трех основных жанров, представленные классиками 9 стран – плодотворная база для сравнительного анализа. Он ведется вокруг трех ключевых вопросов: что добавляет присутствие русских авторов в эти программы? Меняет ли это наше восприятие самих русских авторов? Возможна ли серьёзная аналитическая работа с переводными текстами?

«Романы и преступления»: русский роман «европейских идей»

В «Романах и преступлениях» сама форма множественного числа указывает на историческую перспективу, в которой русский романист выбран родоначальником жанра романа преступления, в той форме, в которой он будет развиться в дальнейшем: романа, *логически* обосновывающего преступление. Эта логика законности

преступления («право имею») основана на анализе Раскольниковым идей Кеплера, Ньютона и Наполеона, где «за одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения». Роман, выросший из хроники русской жизни 1865, года оказывается романом европейских идей одновременно по содержанию и по форме, с опорой на серию логически безупречных аргументов, которые ведут к преступлению[1].

Каждый из предложенных в программе авторов отсылает к автору *Преступления и наказания*: Фолкнер, часто называемый «американским Достоевским»; Камю, воплотивший идею «все позволено» в роли Ивана Карамазова, и предлагающий сыграть её собственным персонажам. Хуана Бене самим заглавием своего романа, *Воздух преступления* напоминает об одной из пружин акта Раскольникова: «Воздуху надо, воздуху!». Достоевский становится общим знаменателем программы, позволяя понять, как разные преступления могут быть связаны через соотнесенность с одной книгой, позволяющей заново ставить вопросы свободы, предназначения, вины и оправдания. Сравнение позволяет ярче выявить и главное отличие русского романа: все четыре произведения написаны в форме детектива, но только у Достоевского роман становится метафизическим; не только романом-трагедией, но и мистерией, в терминах В. Гроссмана, М. Бахтина, В. Иванова.

Этот подход может открыть *другого* Достоевского и русскому читателю, которого метафизическим прочтением не удивишь. Не только Достоевского-славянофила, знающего, что его Иван Карамазов найдет в Европе «только кресты», но и Достоевского, которому Франко Моретти отводит почетное место в своем *Атласе европейского романа*. Достоевского, прочитанного через Жида, Моравиа, Камю, где интересно именно изменение перспективы, позволяя увидеть, в частности, «метафизическое», не там, где оно обычно видится русскому читателю. Филипп Жаккоте, наш поэт-современник, который причисляет себя к поколению «антиклерикалов», пишет по поводу *Записок из Подполья*: «эта книга была нашим *De Profundis*» и цитирует в этом смысле сетования Иова. «Что сказал бы Достоевский сегодня, 200 лет спустя? – продолжает Жакоте. – Хватило ли бы у него мужества вновь поднять голос ? Писал ли бы он как Беккет?». Эти вопросы могли бы открыть цикл компаративистских курсов «Достоевский и XXI век» как для французских, так и для русских студентов.

[1] *Cf.* Jean-Louis Backès, Dostoïevski et la logique, Paris, YMCA-Press, 2021.

Эпическая вместимость голоса Анны Ахматовой

Схожие вопросы ставит программа «Традиции эпической поэзии в XX веке». Как писать о катастрофах прошлого столетия, если не на языке абсурда, осколках слов и жанровых форм? Четверо поэтов с разных уголков планеты дают противоположные ответы, обращаясь к самому стабильному жанру – эпопее – схороненному, казалось бы, в глубине веков. Изучение ахматовской поэзии в этом корпусе придаёт программе особую тональность: речь не просто о возрождении архаического жанра, с ритуальными элементами поэтики, позволяющими противостоять разрушению мира. Ахматовская эпическая поэзия – это и ее способность стать «голосом многих», которая вмещает не только скорбь русского народа. В силу причастности к Серебряному веку с его «ностальгией по мировой культуре», Ахматова становится европейским поэтом по темам и форме, что легко узнается студентами – французами, различающими терцины Данте в «ступеньках» строф в *Поэме без героя*; «Chançon de la plus haute tour» Артура Рембо в шестистишии «Из года сорокового / Как с башни на все гляжу». Тем самым, они участвуют в расшифровке ахматовских интертекстов (европейское измерение которых может ускользнуть и от опытных российских ахматоведов); в постижении эпичности ее поэзии в ее всемирном измерении, унаследованном от Пушкина.

Универсальность Пушкина

Трагедия *Бориса Годунов* в программе «Власть на сцене» обнажает механизмы политической власти с помощью театральных приемов. Широкая вовлеченность Пушкина в историю придает новую тональность по отношению к изучаемым трагедиям Шекспира и Корнеля, разыгрывающим события прошлого – и готовит появление пьесы Брехта – которая, под именем Артура Уи, показывает приход к власти Гитлера, нового Самозванца.

Программа акцентирует тревожное сходство между театральными приемами актеров и монархов: Борис Годунов, трагический актер и Гришка Отрепьев, гениальный импровизатор оказываются яркими архетипами, позволяющими выявить интертекстуальные связи между четырьмя драматургами. Пушкин, поклонник Шекспира – и насмешник над классическими единствами Корнеля, вводит обоих в свою пьесу, где «народ безмолвствует», как в знаменитой сцене «избрания» короля Ричарда, а монолог Бориса «Достиг я высшей власти» отсылает к монологу Августа перед заговорщиками в *Цинне*. Т. о., Пушкин становится смысловым стержнем программы, в пьесе которого связываются эпохи и различные театральные системы прошлого, но и содержатся

предвестия новой поэтики театра модерна. В этом окружении студенты открывают Пушкина, который участвует, «на равных» с Гете и Байроном, в европейской эстетической революции; перешучивается с Вольтером, каждый раз на языке оригинала, и даже в т.н. «русских» сказках являет поразительный потенциал западных источников от средневекового рыцарского романа до переложения сказок братьев Гримм и Шарля Пьеро.

Как и в случае Ахматовой, эти западные интертексты более ясны при переводах Пушкина на европейские языки, где переводчики, узнавшие источник, передают его на максимально близком к нему языке.

Работа с переводами: потери и обретения

Перевод неизбежно связан с потерей или искажением смысла оригинала. Однако, замечает не без иронии В. Вейдле, при переводе классиков потери минимальны : их величие таково, что останется все равно очень много. Одним из решений, для конкретной работы со студентами, м. б. знакомство с несколькими переводами, в т. ч. на другие языки: так, английские переводы Ахматовой Judith Hemschemeyer и D. M. Thomas удачно восполняют работу французских переводчиков её поэзии Жаном-Луи Бакесом и Мишелем Окутюрье. Это может объяснить почему сама А. А. Ахматова, решительно заявлявшая: «поэзия – не переводима, и моя в особенности», вместе с тем радовалась каждому новому переводу.

Наконец, только посредством перевода произведение не только начинает новую жизнь в новой культурной среде, но и может быть услышано и оказать влияние более существенное, чем на родной почве. «Без переводов – Шекспир остался бы на своем острове […], великие греческие классики не стали бы фундаментом, на котором зиждется вся мировая культура»[2]. Переводы Ахматовой Жаном-Луи Баксом для конкурса Agrégation вдохновили поэтессу Мишель Финк, профессора по компаративистике Страсбургского университета, на создание лирических сборников, за которые она награждена премией Луизы Лабэ, и которые в свою очередь переведены на итальянский и немецкий языки.

«Благодаря переводчикам, у Европы есть европейская литература» (Вейдле, «Искусство перевода»).

[2] Vladimir Weidlé. *L'art de traduire* // Les Nouvelles Littéraires, artistiques et scientifiques, 20 mai 1939, p. 6.

Заключение: на пути к рождению «новых гуманистов»

С какой стороны бы мы не смотрели на медаль – западной или русской – важно то новое, что рождается из сопоставления; то, что может ускользнуть, если мы рассматриваем феномен в рамках лишь национальной традиции. Результатом может стать новый Пушкин, Достоевский, Ахматова, каждый из которых подразумевает многогранное прочтение, и встреча с *другим* – писателем или читателем – может только способствовать его более глубокому постижению. Восприятие русской культуры нуждается в таком освещении, где выявлялись бы ее общие корни и ее глубинные связи с европейской культурой. Не только потому, что «Россия, как и Америка, духовно у себя дома только в Европе», пишет Вейдле[3] (что, возможно, не бесспорно) – но потому, что в современном мире, где образ России зачастую определяется ее действиями на политической арене и стремительно падает, необходимо увидеть её во взаимосвязях с мировыми культурными процессами, почувствовать её огромный духовный потенциал независимо от злобы дня.

Это может напомнить ситуацию 20-30-х годов, когда русские эмигранты, обеспокоенные, что статус России в глазах западной общественности будет сведен только к Советской России, ставшей её историческим местом, развивают, для передачи русской культуры, компарататившистские подходы, способствуют новым переводам, которые осуществляют совместно с французскими писателями (как, например, объединяются Борис Шлецер и Андре Жид для переводов Пушкина и Достоевского).

Ибо переводчик, компаративист, славист на Западе, по словам Г. П. Федотова, «несет ответственную миссию – он работает над воссозданием разрушаемого всечеловеческого единства, расчищая тропы к познанию чужого духовного опыта»[4].

Это целая программа, которая может показаться амбициозной или утопической. Однако она может осуществляться, шаг за шагом, малыми силами – в частности, введением общих компаративистских курсов, открытых студентам русского и славянских департаментов, как это практикуется за последние годы в Страсбургом университете. Это реально пробуждает открытость к другой культуре будущих преподавателей и ученых, в которых во Франции хотели бы видеть, по выражению Сартра, «новых гуманистов», т.е. представителей универсального, гармоничного познания, постигающего культурные феномены в их взаимосвязях.

[3] В. Вейдле, «Европейская литература», Опыты, кн. 1, Нью Йорк, 1953, с. 5.
[4] Г. П. Федотов. «Перевод как искусство» // Собрание сочинений в 12 т.т., т. 9. Статьи американского периода, М, Марстис, 2004, с. 351.

БИБЛИОГРАФИЯ (выборочно):

ИЗУЧАЕМЫЕ ПРОГРАММЫ

Romans et crimes : Dostoïevski, Faulkner, Camus, Benet (études recueillies par Jean Bessière, avec la collab. de Jean-Pierre Morel, Jacqueline Levi-Valensi, Aurélie Guillain, Claude Murcia), Paris : H. Champion, 1998

Permanence de la poésie épique au XXe siècle : Akhmatova, Hikmet, Neruda, Césaire (ouvrage coordonné par Delphine Rumeau), Paris : CNED : Presses universitaires de France, 2009

Le pouvoir en scène: Shakespeare, "Richard III", Corneille, "Cinna", Pouchkine, "Boris Godounov", Brecht, "La résistible ascension d'Arturo Ui" (Véronique Lochert, Emmanuelle Hénin, Dominique Goy-Blanquet, Tatiana Victoroff), Neuilly, Atlande, 2018

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Anna Akhmatova et la poésie européenne (dir. Tatiana Victoroff), Bruxelles, ed. Peter Lang, collection « Nouvelle Poétique Comparatiste », P.I.E., 2016, 445 p.

The Complete Poems of Anna Akhmatova (trans. Judith Hemschemeyer), ed. Roberta Reeder. Zephyr Press, 2000

Backès, Jean-Louis, *Dostoïevski et la logique*, Paris, YMCA-Press, 2021.

Backès, Jean-Louis, *La littérature européenne*, Paris : Belin, 1996

Fedotov, George, «Перевод как искусство», *Собрание сочинений в 12 т.*, т. 9. Статьи американского периода, М, Марстис, 2004.

Hackel, Sergei, “Raskolnikov through the looking-glass: Dostoevsky and Camus's *L'Etranger*", *Contemporary literature*, Vol. 9. N° 2, spring 1968

Jaccottet, Philippe, *À partir du mot Russie*, Saint-Clément-de-Rivière, Fata Morgana, 2002

Moretti, Franco, *L'Atlas du roman européen (1800-1900),* Paris, éd. du Seuil, 2000

Strada, Vittorio, *Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa*, Torino, G. Einaudi, 1980

Weidlé, Vladimir, « L’art de traduire », *Les Nouvelles Littéraires, artistiques et scientifiques*, 20 mai 1939, p. 6.

Weidlé, Vladimir, «Европейская литература», *Опыты*, кн. 1, Нью Йорк, 1953, с. 5-27

МУЛЬТИЛИНГВИЗМ "ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ" В ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Елена Гальцова

Мультилингвизм – одна из характерных черт русской классической литературы XIX в., и Ф.М. Достоевский не был исключением. Исследователи неоднократно отмечали особую роль французского языка, входившего в необходимый образовательный минимум русского дворянина, и использование французских слов в текстах писателя выглядело вполне естественным, как, впрочем, и многих других, по преимуществу европейских языков Выбор «Записок из подполья» (1864) во многом продиктован особым значением этого произведения в творчестве Ф.М. Достоевского: оно предшествует пяти его великим романам, предвещая многие «проклятые вопросы», которые будут в них поставлены, и, с другой стороны, эта повесть является специфическим центром притяжения французской культуры XX в., которая видела в нем большую ценность, чем, например, придавала этому тексту культура русская (российская, советская и т.д.). Первый французский перевод «Записок из подполья» (1886), несмотря на свою «неверность» оригиналу, оказался источником вдохновения для переводов на другие языки (нидерландский, итальянский, испанский и др.). Изучение вопросов, связанных с переводом явлений многоязычия на французский дает возможность выявить неочевидные оттенки смыслов. В докладе рассматриваются более десятка переводов повести, авторами которых были Илья Гальперин-Каминский и Шарль Морис (1886), Владимир Биншток (1909), Анри Монго и Марк Лаваль (1926), Борис де Шлёцер (1926, 1956 в издании «Плеяды»), Марк Семенофф (1948), аноним (1967), Лили Дени (1972), Андре Маркович (1992), Бернар Крёз (1993), Сильви Оулетт (2008), Анн Кольдефи-Фокар (2023).

Прежде всего, в докладе будут рассмотрены случаи использования в «Записках из подполья» французского языка, и проблемы с его переводом (точнее, тем, что в конечном счете можно было бы охарактеризовать как «непереводимость») и интерпретацией во французских переводах; а также контекстуально связанные с ними слова иностранного происхождения, обретающие в переводах новые значения. Вместе с тем, в отдельных переводах присутствует стремление к компенсации смыслов.

Методология доклада основана на двух принципах: с одной стороны, это изучение семантических сдвигов, происходящих в переводах, с другой – исследование многочисленных культурных контекстов, где доминируют те, что связаны, прежде всего, с иностранной культурой (по преимуществу европейской). Как работает подобное

сочетание лингвистики, переводоведения и компаративистики, мы демонстрируем на нижеследующем примере.

В третьей главе первой части «Подполье» персонаж Достоевского рассуждает о человеке через призму образов символических животных – «бык», «мышь», и пространств – «стена», «подполье». Причем, если человек-бык вполне определим – это «нормальный человек», вышедший «из лона природы», то человек-мышь – как бы и не человек вовсе, ибо он вышел «из реторты», и слово «мышь» может поначалу показаться оценочным, однако Достоевскому удается выстроить размышление своего персонажа так, что эта «мышь» оказывается не просто «усиленно сознающая» и сопоставляющая себя с человеком, обозначенным выражением на французском языке «l'homme de la nature et de la vérité», которое впервые появляется в творчестве Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и которое комментаторы ассоциируют с рассуждениями из *Les Confessions* Руссо[1]. Напомним этот пассаж:

> «И я тем более убежден в этом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитез нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезой, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тут человек, а следственно…, и проч. И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышь; его об этом никто не просит; а это важный пункт. Взглянем же теперь на эту мышь в действии. Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. Злости-то в ней, может, еще и больше накопится, чем в l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, низкое желаньице воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в l'homme de la nature et de la vérité, потому что l'homme de la nature et de la vérité, по своей врожденной глупости, считает свое мщенье просто-запросто справедливостью; а мышь, вследствие усиленного сознания, отрицает тут справедливость».

тсылка к Руссо была очевидна еще в выражении «из лона природы», а французское выражение лишь это подтверждает, причем в очень ироничном контексте, где с ученой цитатой соседствует ничтожная «мышь». Несмотря на некоторую самоочевидность, это выражение не является точной цитатой из самого начала *Les Confessions* Руссо, где присутствует немного другое выражение: «Je veux montrer à mes semblables un homme dans toute la vérité de sa nature». То выражение, что приводит на французском языке Достоевский, написано на гробнице Руссо в парижском Пантеоне:

[1] См. примечания к 35-томному изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 35 томах. Т. 5. СПб.: Наука. 2013-2019. Т. 5. 2016. С. 479-532. О жанровом своеобразии «Записок из подполья см. монографию *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001.

«Ici repose l'homme de la nature et de la vérité». Достоевский мог видеть эту эпитафию во время своих путешествий в Париж в 1862 или 1863 гг., как раз в то время, когда у него самого зарождался замысел большого произведения «Исповедь», которое так и не было написано, но на основании которого были созданы «Записки из подполья». Тот факт, что французское выражение ассоциируется с эпитафией, свидетельствует и о непреходящей вечности, и о бренности философии Руссо в представлении Достоевского. Вместе с тем, отметим и очевидную ассоциацию с «естественным человеком» («l'homme naturel»).

В той же главе «Записок из подполья» Достоевский намеренно смешивает «природное» и «искусственное»: «мышь» ассоциируется с «ретортным человеком», а противопоставленный ей «бык» тоже кажется далеким от «естественности», он, скорее, предстает как часть некоей аллегории (бык и стена).

Ассоциация с Руссо продолжается в рассуждениях о Гейне, которые, с одной стороны, усиливают ассоциацию с *Les Confessions*, а, с другой, опровергают слово «истинность», как применительно к его книге, так и в выражении «l'homme de la nature et de la vérité»: «Замечу кстати: Гейне утверждает, что верные автобиографии почти невозможны, и человек сам об себе наверно налжет. По его мнению, Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия».

Здесь Достоевский намеренно смешивает ассоциацию исповеди как покаянии (вопрос о лжи оказывается принципиальным) и литературным жанром, коим является *Les Confessions* Руссо (это название переводится на русский существительным в единственном числе «Исповедь», и его легко перепутать с «исповедью»). Таким образом, то, что писал Руссо – это вовсе не исповедь, и «l'homme de la nature et de la vérité» лишен истинности… Если вернуться к эпитафии – наследие Руссо оказывается не в «вечности», а оно навсегда погибло, утратило истинность.

Выражение на французском языке, связанное с Руссо, - не просто один из многочисленных элементов суровой критики идеалов Просвещения со стороны подпольного человека, но и часть рефлексии о собственном способе письма и жанре. Это выражение на французском языке дано как непереводимое, иронический эффект по контрасту с примитивными (хотя и символическими) животными, в частности, с мышью; с другой стороны, эта непереводимость, по всей вероятности, намекает на невозможность применения этого понятия в русском языке. Для переводчика на французский практически невозможно сохранить многосмысленность и ироничность этого двуязычия. Стараясь, хотя бы как-то подчеркнуть наличие странности в этой части текста, переводчики пишут эти слова курсивом (во французской традиции курсив может

служить аналогом кавычек), подчеркивая тем самым, что это цитата (чужой текст), и в некоторых случаях сопровождая сноской со словами «по-французски в тексте» : так поступали, например, Гальперин-Каминский и Морис, Дени, Маркович и Оулетт. Другим способом являются объясняющие сноски, из которых приведем наиболее адекватную, принадлежащую Дени: «по-французски в тексте, сжатая цитата из «Исповеди» Руссо» (и далее дана уже приведенная нами полная цитата). Однако более пространных комментарием эти слова во французских переводах не получают. С другой стороны, ассоциации с творчеством Руссо могут быть усилены в переводе пассажа о Гейне: не все, но некоторые переводчики переводят «исповедь» как название произведения Руссо, которое в оригинале имеет множественное число и пишется с заглавной буквы – *Les Confessions*, как, например, в переводе Шлёцера, признанном на данный момент «каноническим». Возможно, автор перевода стремился «компенсировать» невозможность передачи эффекта от цитаты, данной в русском тексте по-французски.

Будучи эпитафией, анализируемое французское выражение связано в повести с целой серией образов, связанных с темой смерти, апофеоз которой можно наблюдать в упоминании о гробе в разговоре подпольного с Лизой, если рассматривать простейший тематический уровень. Во французских переводах эта тема оказывается как раз более явно выражена, чем в оригинале, и в какой-то степени можно увидеть в этом компенсацию непереводимости с французского на французский. В этом смысле очень интересен самый первый перевод 1886 г., где «подполье» и «подпольный» (souterrain) имеет отношение к земле (букв. «подземный»), где возникает «крыса» вместо «мыши». «Подземное» присутствует в переводах названия Лаваля и Монго, Семенофф, Дени, а также неизвестного переводчика в издании 1967 г.

Иронический эффект от цитаты «l'homme de la nature et de la vérité» усиливается контекстом: ученая цитата, усиленная еще и гегелевской ассоциацией (слова «антитез», «антитеза») соседствует с пародийно аллегорическими животными – быком и мышью. Будучи частью философской традиции, ассоциированной в данном контексте с Руссо, «l'homme de la nature et de la vérité» оказывается ничем иным, как причудливым «конструктом». И в этом смысле он еще более ненадежный конструкт, чем человек «из реторты», или «ретортный человек». Некоторые переводчики подошли к переводу «ретортного человека» довольно радикально, очевидно обратив внимание на слово «мистицизм», и во многих случаях решившись ассоциировать этот образ с гомункулом из гётевского «Фауста». Так поступили Гальперин-Каминский и Морис, переведя

«ретортного человека» латинским словом «homunculus », а для «реторты» использовали нейтральное французское слово «cornue». Эта ассоциация, выраженная в переводе французским словом «l'homoncule», присутствует и в одном из последних переводов Оулетт, которая сопроводила это место примечанием по поводу «реторты» (l'alambic): «аппарат сложной формы, предназначенный для дистилляции (ср. с гомункулом, созданным Фаустом)».

В докладе также рассматриваются французские выражения « animaux domestiques », « point d'honneur », « droit de seigneur » и др. и их значение во франкоязычных переводах, а также перевод на французский различных заимствований, галлицизмов и созданных на их основе неологизмов Достоевского (« бонтоннее », « суперфлю », « мизер », « лепартамент » и др.).

BIBLIOGRAPHIE

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 томах. Т. 5. СПб.: Наука. 2013-2019. Т. 5. 2016. 632 с.

"Записки из подполья" Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америке. Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 1024 с.

Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001. 371 с.

Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. S. Howlett. Paris: Magnard, 2008.

Dostoïevski F. Carnets du sous-sol. Trad. A. Coldéfy-Faucard. In : Elena Galtsova et Anne Coldefy-Faucard. La réception en France des *Carnets du sous-sol* de Fiodor Dostoïevski : un heureux malentendu. Paris : les éditions L'inventaire, 2023. 270 p.

Dostoïevski F. Dans mon souterrain. Trad. M. Semenoff. Paris : Nouvelles éditions latines, 1948. 260 p.

Dostoïevski F. Le Souterrain. Le Joueur. Les Nuits blanches. Paris : Ed. Baudelaire, 1967. 563 p

Dostoïevski F. Les Carnets du sous-sol. Trad. A. Markowicz. Arles : Actes Sud, 1992. 184 p.

Dostoïevski F. Mémoires écrits dans un souterrain. Trad. H. Mongault et M. Laval. Paris : Gallimard, 1926, 256 p.

Dostoïevski F. Notes d'un souterrain. Trad. L. Denis. Paris : Aubier, 1972. 191 p.

Dostoïevski F. Notes d'un souterrain. Trad. B. Kreise. In *Dostoïevski F.* Nouvelles et récits. Lausanne : l'Age d'Homme, 1993. P. 295-383.

Dostoïevsky F. La voix souterraine. Trad. B. de Schloezer. Paris : Stock, 1926. Rééd. : Le Sous-sol, in Dostoïevski F. L'Adolescent – Les Nuits blanches – Le Sous-sol – Le Joueur – L'Eternel mari. Paris : Gallimard, Bibl. de la Pléïade, 1956. P. 685-799 ;Rééd. : *Dostoïevski F.* Carnets du sous-sol. Trad. B. de Schlœzer. Paris : Gallimard, Folio Bilingue, 1995. 380 p.

Dostoïevsky Th. L'Esprit souterrain. Trad. E. Galpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886. 298 p.

Dostoïevski Th. Le sous-sol. Roman. Suivi de deux nouvelles inédites. Traduit du russe pas J.-W. Bienstock. Paris : Bibliothèque-Charpentier, Eugène Fasquelle, éditeur, 1909. 311 p.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ И ВИКЕНТИЙ КОРОТЫНСКИЙ: К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА

МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ (КИТАЙ)

1. Миф о Лескове «как о самом русском из русских писателей»[1] долгое время тормозил изучение его произведений в компартивистской перспективе. Между тем Лесков был внимательным читателем многих переводных произведений, публиковавшихся в литературных журналах, и испытал заметное влияние Диккенса, Гюго, По, Стерна и многих других писателей, а на раннем этапе творчества славянских авторов, в первую очередь, польских[2]. Польский язык, как и украинский Лесков выучил в Киеве, в конце 1850-х годов, там же он прочитал и первые книги на польском языке[3]. По свидетельству библиографа, литератора и мемуариста П.В.Быкова, не всегда точного в своих мемуарах, но в данном случае передающего явно достоверную реплику[4], в самом начале 1860-х Лесков был увлечен польской литературой. Вероятнее всего, осенью 1861 года он признавался Быкову:

> Сейчас я стремлюсь показать людям жизнь, какова она есть, а скоро выступлю и как «изящный словесник»… Увлекаюсь в свободные минуты польской литературой. Какие силы в ней есть! Например, Сигизмунд Качковский, Корженевский, Крашевский, про поэтов уж и не говорю… Эдакая красота![5].

В это время Лесков уже активно сотрудничал с разными изданиями как репортер и журналист, но пока не писал художественную прозу, он поделился с Быковым своими читательскими впечатлениями на пороге писательства, к которому уже готовится (выступлю и как «изящный словесник»), и польские авторы выступили для него и в роли литературных учителей. На одном из таких эпизодов лесковской «литературной учебы» и я и хочу остановиться в данном сообщении, и постараюсь проанализировать, как поэтика Коротынского (в частности, его поэма «Томило») повлияла на повесть Лескова «Житие одной бабы» (1863).

---

[1] Мирский Д. С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 502.

[2] Лавринец П. М. Польская словесность и Н. С. Лесков // Вопросы литературы и поэтики. – М., 1990. – С. 115–122; Лавринец П. М. Польская поэзия в творчестве Н. С. Лескова // Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении. – М., 1991. – С. 94–101; Тесля А.А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857; Szyszko T. Mikolaj Leskow i jego zwiazki z Polska. Warszawa, 1996. (Издана Институтом русистики Варшавского университета). – (Филология ; 9).

[3] Горелов А.А. Из дописательской биографии Н.С.Лескова// метей. Т. 13. М., 1983. С.155.

[4] См. Лавринец П.В. Н.С.Лесков и польская литература. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ, 1991. С.44-46.

[5] *Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого //Н. С. Лесков ввоспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 308.

2. Личное знакомство с польскими литераторами Лесков свел несколько позднее, во время заграничного путешествия в 1862 году в Литву и Белоруссию, куда он отправился по поручению газеты «Северная пчела» с тем, чтобы выяснить на месте, каковы преимущества строительства новой Литовской, или Белостокско-Пинской, железной дороги. Впечатления от поездки Лесков подробно излагал в путевых очерках, публиковавшихся в «Северной пчеле» под названием «Из одного дорожного дневника».

В Вильно, где и сблизился с местными литераторами из круга почившего накануне поэта Владислава Сырокомли (Людвига Кондратовича), в частности, познакомился и с учеником Сырокомли, поэтом Винцентием или Викентием Коротынским (1831-1891), сочинявшим стихи на белорусском и польском языке и работавшем в газете «Kurjer wileński» («Виленский вестник»).

Лесков и Коротынский сблизились – они были одногодками, их объединяла общность отдельных биографических обстоятельств. Часть пути они проделали вместе, проехав от Пинска до Львова[6]. Отношения их продолжались еще некоторое время и после этого[7], а спустя год, свою первую большую повесть «Житие одной бабы» («Библиотека для чтения», 1863, № 7-8), Лесков посвятил именно Викентию Коротынскому. В разгар сражений русской армии с польскими повстанцами и антипольской пропагандистской кампанией, это был фрондерский жест[8]. Возможно, в посвящении скрывается и отсылка Лескова к поэме Коротынского «Томило». Как предполагает П.М.Лавринец[9], во время встречи в Вильно Коротынский подарил Лескову издание этой поэмы[10].

3. Судя по всему, Лесков внимательно прочитал поэму Коротынского и во многом опирался на художественные решения Коротынского при работе над повестью «Житие одной бабы».

Поэма Коротынского «Томило» открывает вступление, в котором Викентий Коротынский сообщает, что следующий далее рассказ был записан его товарищем, Борживым, ныне уже почившим – чудаком, странником и правдолюбцем. В свитке, который достался Коротынскому, излагается история жизни старого крестьянина Томило. Томило

---

[6] Об отношениях Лескова и Коротынского см.: *Лавринец П.* Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы// Literatūra. 1989. № 31 (2). Literatūros ir kritikos klausimai. Vilnius, 1989. С. 44—56. Edgerton, W.B. Leskov moraliste malin *Revue des études slaves*, Vol. 58, No. 3, Nikolaj Semenovič Leskov 1831-1895 (1986). Pp. 271-280.

[7] Edgerton, W.B Там же. С. 277-278.

[8] Также, как и публикация Лесковым новеллы с польским названием *Kochanko moja! na co nam rozmowa?* в июле 1863 года. См. Эджертон, с. 276

[9] Лавринец П.М. Лесков и польская литература. С. 51-52.

[10] Tomiło. Obrazek z życia ludu, wydany przez Wincentego Korotyńskiego. Wilno 1858.

вынужден продать единственного любимого коня Пегого, чтобы заплатить подать. На ярмарке цыган и еврей крадут у него вырученные за коня деньги. От потрясения Томило практически лишается рассудка, в полубреду возвращается домой. Кульминацией трагедии становится ложное обвинение крестьянина в том, что он ограбил костел, снял с чудотворной иконы золото. Измученного и уже полубезумного старика заковывают в колодки и везут на телеге прочь из родной деревни, он обречен на скорую гибель. Однако завершается поэма обращением автора к Богу и видением: на землю спускается Новый Иерусалим.

«Житие одной бабы» Лескова также посвящена тяжелой жизни крестьян. Она повествует о трагической судьбе крепостной девушки Насти. Из расчета ее выдают замуж за гугнивого и убогого Григория Прокудина. Когда он отправляется на заработки в Киев, в Настю влюбляется женатый красавец Степан. Влюбленные счастливы, до тех пор, пока в деревню не возвращается Настин муж. Пара пытается бежать, но попадает в острог, Степан умирает от тифа, Настя, выпоротая и отпущенная, впадает в беспамятство, скитается по окрестностям, пока не замерзает в лесу. В самом конце повести родные места навещает сын здешнего пана, герой, максимально приближенный к автору.

Сопоставление «Жития одной бабы» и поэмы «Томило» обнаруживает немало общего: по замечанию П.М.Лавринца, это этнографизм, обращение обоих авторов к фольклорным текстам, а также о некоторые сюжетные пересечения: и в том и в другом сочинении присутствует мотив сумасшествия главного героя, столкновение с властью. Кроме того, Лесков заимствует у Коротынского и «рамочное» структурное решение: нарратор, излагающий историю в форме сказа, не совсем грамотно и литературно, и появившийся в самом финале герой, максимально близкий Лескову, не совпадают.

4. Все эти наблюдения, впрочем, никак не объясняют причин обращения Лескова к поэме Коротынского. На наш взгляд, ключ к ним лежит, в финале «Жития одной бабы». Как уже было сказано, в заключительной части повести внезапно появляется новый, явно автобиографический персонаж. «Я был в Гостомле прошлым летом, – сообщает он. – Лет пять я уже не видал родных мест. Перед тем я жил безвыездно в столице, начитался рассказов из народного быта, и мне начало сдаваться, что я, выросший на гостомельском выгоне между босоногими ровесниками, раззнакомился с народной жизнью. "Съезжу-ка я на Гостомлю, посмотрю, что там завяло и что на место завялого выросло"». Отсылка на рассказы из народного быта помещает «Житие одной бабы» в актуальный литературный контекст.

Незадолго до публикации «Жития одной бабы», в серии очерков «Русское общество в Париже», печатавшейся, как и повесть, в «Библиотеке для чтения» (№ 5) Лесков высказывается на ту же тему, однако с гораздо большим полемическим задором:

> Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне сказанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного,под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. (…) По-моему, пейзаны Григоровича не только гораздо поэтичнее, но и гораздо живее, чем сахарные добродетельные мужички Небольсина, или дураки Успенского, или ядовитые халдеи Левитова и многих позднейших рассказчиков. Все эти люди сочиненные, или уж не в меру опоэтизированные, или не в меру охаянные без проникновения в их Святая Святых[11].

Этот фрагмент нетрудно прочитать сообщение о том, что в отличие от современников Лесков сумеет написать повесть, в которой будут действовать не «сочиненные», а реальные крестьяне.

В 1863 году подобное сообщение выглядело крайне рискованным: начиная уже с 1840-х годов, страницы русских литературных журналов были буквально наводнены рассказами и повестями из простонародной жизни, принадлежащие перу Д.В.Григоровича, И.С.Тургенева, В. И. Даля, Марко Вовчок, А.А.Потехина, А.Ф.Писемского, П.И.Якушкина, здесь же публиковались многочисленные «крестьянские» стихотворения и поэмы Некрасова[12]. Эти публикации сопровождались спорами об изображении крестьянской жизни в литературе. В активную фазу они вступили в 1850-е годы, после выхода в свет статьи Павла Анненкова «По поводу романов и рассказовиз простонародного быта» (1854), утверждавшего, что «простонародная жизнь не может быть введена в литературу во всей своей полноте без малейшего ущерба для истины», поскольку русские писатели еще не выработали адекватных форм для этого, к тому же им не хватает глубокого знания крестьянских реалий[13].

Сделать высказывание, с одной стороны, оригинальное, с другой стороны, в адекватной простонародной жизни форме, в начале 1860-х было сложно: слишком много было уже написано о крестьянах на русском языке. В поисках нового языка описания крестьянского мира, Лесков вглядывается в иноязычную изящную словесность.

---

[11] Лесков Н.С. Русское общество в Париже// Лесков НС. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т.3. С. 206-207.

[12] Подробнее см. Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.:Новое литературное обозрение, 2024. С.125-159.

[13] *Анненков П. В.* По поводу романов и рассказов из простонародного быта // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов / Подг. А. В. Вдовина, К. Ю. Зубкова, А. С. Федотова. СПб., 2015. С. 361.

Поэму Коротынского и повесть Лескова сближает множество общих сюжетных ходов, стилизация под простонародный язык, набор похожих мотивов. И все же почти все эти элементы Лесков мог найти в русскоязычных этнографических очерках и рассказах. Основное влияние Коротынского на Лескова, сказалось, на наш взгляд, в том, что «Томило» – текст стихотворный.

В отличие от всех известных нам этнографических очерков и рассказов из простонародного быта «Житие одной бабы» Лескова буквально переполняет лирическая песенная стихия. Фрагмент из песни используется в качестве эпиграфа, в повести приводится еще одиннадцать обширных цитат из народных песен. Песня противостоит тяжести и бедности крестьянского быта и вместе с тем одухотворяет этот быт; песня создают необходимую автору эмоциональную атмосферу, и именно через песни некнижные герои Лескова выражают себя, свои чувства. Интерес Насти к Степану зарождается благодаря тому, что Настя слышит, как Степан поет ночью, а роман их начинается с того, что Настя подхватывает песню, которую начинает петь Степан. Столь обильное цитирование народной лирики в «Житии одной бабы» и есть, как нам кажется, самое явное указание на близкое знакомство Лескова с поэзией Коротынского. Подтверждает это и концовка текстов.

Поэма «Томило» завершается прямым обращением к Богу:

> Panie, o Panie! widzę Cię w Twém dziele!
> Tyš nic niestworzył bez celu, potrzeby (…)
> Czytam i wierzę — i widzę nad głową
> Idącą z niebios JERUZALEM NOWĄ!

Коротынский придает земному бытию небесное измерение, таким образом смягчая безотрадность только что рассказанной жизненной истории Томило. Отмечая, что в природе всюду царит порядок, лирический герой надеется, что придет он и в мир людей.

«Житие одной бабы» также завершается на высокой, лирической ноте. 14-летний мальчик Миша, сын местного помещика (и, похоже, брат Лескова) рассказывает, что вместе с другими мальчиками из класса учит крестьянских ребят грамоте и читает стихотворение А.Н. Майкова «Нива» (1856). Так же, как и «Томило» оно завершается молитвой лирического героя. Он просит Бога о духовном хлебе для крестьян:

> О боже! Ты даешь для родины моей
> Тепло и урожай -- дары святые неба;
> Но, хлебом золотя простор ее полей,
> Ей также, господи, духовного дай хлеба! (…)

Смысловой акцент повести смещается, в отличие от поэмы Коротынского, подчеркивающей несвободу и зависимость крестьянина, Лесков указывает, что теперь, когда крепостное право отменено, крестьянин острее всего нуждается в просвещении.

5. Судя по всему, спустя шесть лет авторитет Коротынского в глазах Лескова заметно обмелел. В сентябре 1869 г., очевидно чувствуя себя уже зрелым писателем, Лесков причислил Коротынского к заурядным литераторам[14]. «Житие одной бабы» так и не было переиздано при жизни Лескова, но можно предположить, что решись он на переиздание, повесть вышла бы уже без посвящения бывшему литературному учителю.

Рассмотренный нами частный сюжет обнаруживает, что иностранное влияние на раннего Лескова все еще недооценено, и, быть может поэтому, все еще мало изучено.

Библиография

1. Анненков П. В. По поводу романов и рассказов из простонародного быта // *«Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов* / Подг. А. В. Вдовина, К. Ю. Зубкова, А. С. Федотова. — СПб., 2015.
2. Быков П. В. Силуэты далёкого прошлого // *Н. С. Лесков в воспоминаниях современников*. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.
3. Вдовин А. В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. — М.: Новое литературное обозрение, 2024.
4. Горелов А. А. Из дописательской биографии Н. С. Лескова // *Прометей*. Т. 13. М., 1983.
5. Лавринец П. М.Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы // *Literatūra*. 1989. № 31 (2). *Literatūros ir kritikos klausimai*. Vilnius, 1989. С. 44–56.
6. Лавринец П.М. Н. С. Лесков и польская литература: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — М.: МГУ, 1991. С. 44–46.
7. Лавринец П.М. Польская поэзия в творчестве Н. С. Лескова // *Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении*. — М., 1991. С. 94–101.
8. Лавринец П.М. Польская словесность и Н. С. Лесков // *Вопросы литературы и поэтики*. М., 1990. С. 115–122.
9. Лесков Н. С. *Полное собрание сочинений в 30 томах*. М,: Терра, 1992-. Т.1-15.
10. Мирский Д. С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 490-502
11. Тесля А. А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857.
1. Edgerton, W. B. Leskov moraliste malin // *Revue des études slaves*. Vol. 58. No.3: *Nikolaj Semenovič Leskov 1831–1895*. 1986. P. 271–280.
2. Szyszko, T. *Mikołaj Leskow i jego związki z Polską*. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. (Filologia; 9).
3. Tomiło. *Obrazek z życia ludu, wydany przez Wincentego Korotyńskiego*. Wilno, 1858.

[14] Лесков Н.С. Русские общественные заметки. 1869. № 236 //ПСС, 8, 186.

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ИЗРАИЛЯ В КУЛЬТУРНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

МАРИЯ РУБИНС (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)
University College London

В последние несколько десятилетий мы наблюдаем процесс интенсивной глобализации русской литературы. Некоторые исследователи даже предлагают использовать по отношению к этому многообразному корпусу аграмматический термин «русские литературы». Другие предпочитают заменять слово «русская» на «русскоязычная» литература, тем самым подчеркивая, что определяющим в ее идентификации является лингвистический критерий, а не национальный или географический. Сегодня самый крупный локус этой глобальной русскоязычной литературы расположен в Израиле. Русско-израильская литература как организованная формация со своими институциями (периодикой, издательствами, критикой и т.п.) и литературным бытом существует в Израиле с начала 1970-х, когда в страну репатриировалось, по разным подсчетам, между 170 и 250 тыс. человек из СССР. В начале 1990-х произошла еще одна волна репатриации (*алия*) из бывших советских республик, насчитывавшая около одного миллиона человек. Полвека непрерывного развития литературы на русском языке в специфических социо-культурных и геополитических условиях – это солидный срок, позволяющий говорить о существовании особого литературного процесса. Однако на русском языке на Земле Израиля писали и раньше, еще в начале 20 века (В. Жаботинский, А. Высоцкий). Поэтому отдельные исследователи предпочитают говорить о столетней истории русской литературы в Израиле.

Однако до 1970-х годов культурная ситуация была принципиально иной. Как известно, те, кто заложил основы современного государства Израиль, были выходцами главным образом из Российской империи. Как правило, помимо иврита, они владели русским, идиш, польским и другими языками. Их иврит был скорее древнееврейским – языком Танаха. Разговорный иврит они осваивали уже после переезда в Эрец-Израэль (или в Еврейский ишув, как до 1948 г. называлось еврейское поселение в Палестине). Казалось бы, Бялику, Жаботинскому, Трумпельдору, Бен-Гуриону, Клаузнеру и другим отцам-основателями и интеллектуалам российского происхождения легче было бы писать на русском или на идиш. Но в Еврейском ишуве с самого начала строго придерживались политики гебраизации. Сионистский пафос, стремление к национальному возрождению еврейского народа на исторической родине подразумевал

и воссоздание языка и традиции. Для большинства авторов 1920-1930-х годов писать на иврите было актом патриотизма.

Политика гебраизации активно продолжалась в течение десятилетий, и иврит быстро стал полноценным языком современной культуры для всех евреев Израиля.
И лишь русская алия 1970-х годов переломила этот тренд. В русскоязычной общине Израиля образовалась диглоссия, которая существует до сих пор: иврит используется как язык социального общения и в профессиональной среде, а русский – это домашний язык и язык культуры и творчества.

Такое упорство репатриантов 1970-х годов по отношению к сохранению русского языка может показаться странным, ведь большинство из них были убежденными сионистами, многие до отъезда были диссидентами, годами находились в отказе, подпольно изучали и преподавали иврит еще в СССР, а иногда и сидели в тюрьме за эту незаконную деятельность. Почему же, в отличие от переселенцев начала века интеллектуалы этого поколения в основном не перешли на иврит? Скорее всего, во многом это связано с изменившейся культурной ситуацией в самом Израиле. В начале 20 в. современной литературы на иврите практически не было, и репатрианты писали ее сами, с азартом придумывая новые слова и создавая новую ближневосточную поэтику. Даже в текстах Х. Н. Бялика, признанного «главным национальным поэтом» Израиля, встречаются порой грамматические оплошности, не говоря уже о том, что его язык основан на таких архаических образцах, что не совсем понятен современному неискушенному израильтянину. А в семидесятых в Израиле уже существовала богатая литературная традиция, канон, литературный истеблишмент и даже свой Нобелевский лауреат (Ш. Й. Агнон, 1966). Наверно, равняться на такие высокие образцы было сложно. Поэтому вместо того, чтобы писать на несовершенном иврите, писатели просто выбирали более естественный вариант. На иврит, как правило, переходили представители так называемого полуторного поколения, переехавшие в страну в детском или подростковом возрасте. Некоторые из них писали романы, тематически связанные или с советским прошлым или с жизнью русскоязычной общины в Израиле (Б. Зайдман, А. Кимхи). Есть также круг авторов, пытающихся работать одновременно на двух языках (поэт и переводчица С. Бескин). Гали-Дана и Некода Зингеры создали программный двуязычный журнал «Некудатаим/Двоеточие» и видят в двуязычии и неэквивалентности двух языков дополнительный источник творчества. Есть и редкие примеры автопереводов (С. Рон-Мория).

Столь сложной языковой картине русско-израильской литературы соответствуют не менее сложные способы идентификации. Для всех авторов, не зависимо от преобладающего языка творчества, характерна гибридная и динамичная идентичность, в которой можно выделить три главных полюса взаимодействия: страна исхода (Россия и другие страны бывшего СССР); Израиль как «историческая родина»; и мировая русская литературная диаспора. Степень большей или меньшей идентификации с каждой из трех составляющих у разных авторов разная и даже у одного автора, как правило, меняется на протяжении его творческого пути.

Таким образом, коллективная идентичность русско-израильской литературы находится в постоянной динамике и определяется прежде всего вышеуказанной триангуляцией. Не менее важно учитывать и тот факт, что особенность русско-израильской литературы состоит не только и не столько в притяжении к каждому из полюсов, сколько в преодолении этого притяжения. Эта несводимость русско-израильской литературы ни к одной из ее составляющих определяет оригинальную реинтерпретацию основных бинарных оппозиций, характерных для дискурса многих литератур, которые некогда принято было называть делезовским термином «миноритарные» (littératures mineures), но которые сегодня фактически определяют одну из основных тенденций мировой словесности – ведь письмо (э)мигрантов/релокантов уже фактически стало мейнстримом. Среди этих бинарных оппозиций: изгнание/возвращение, родина/страна проживания, свой/чужой, ассимиляция/отчуждение и даже Запад/Восток.

Если мы возьмем оппозицию родина/страна проживания, то в свете многовекового еврейского мифа о возвращении в святую землю, к Сиону, переезд в Израиль предстает как возвращение домой из изгнания. В литературе 1970-90-х бытует метафора, отождествляющая СССР с древним Египтом, а советских евреев-отказников с пленниками жестокосердного фараона. Соответственно в еврейском контексте перекодируется и объект ностальгии. На протяжении более 2500 лет евреи галута (еврейской диаспоры) обращали свои взоры на Иерусалим и молились о возвращении к Сиону: это отражено и в псалмах («Если забуду тебя, Иерусалим...»), и в средневековой поэзии Андалузии (И. Галеви), и в так называемой русской «сионской поэзии» 19 - нач. 20 вв. Но эта схема нередко проблематизируется после переезда. Как же позиционируют себя русско-израильская литература между страной исхода и Израилем? Разные авторы дают на это разные ответы, но многие фиксируют трансформацию архетипных мотивов; прибегают к символике ритуальной инициации

(смерти и воскрешения в новом качестве); иногда фиксируют разочарование и последующее отчуждение от исторической родины. Разочарование связано с неизбежным несовпадением между культурно-религиозным мифом, культивируемым на протяжении веков, и реальностью современного государства Израиль. Но и в этом случае не происходит, как правило, компенсаторной идеализации страны исхода, так как слишком сильна память о погромах и антисемитизме. Чаще всего возникает чувство двойного отчуждения, вызываемого и специфически литературной ситуацией.

Русскоязычные авторы не чувствуют себя востребованными в Израиле, их крайне редко переводят на иврит, об их творчестве почти ничего не известно нерусскоязычным израильтянам. При том, что русско-израильские авторы обращаются к той же ближневосточной реальности, используют схожую топонимику и понятийный язык, их голоса в общем израильском хоре остаются неуслышанными. Надо сказать, что многие писатели, начиная с 1990-х годов, вместо того, чтобы пытаться как-то внедриться в израильскую литературную жизнь, переориентировались на российский книжный рынок и на российского читателя. Однако многие произведения русско-израильской литературы раскрыли бы все свои смыслы именно перед читателем, знакомым с еврейской традицией, с ближневосточными геополитическими проблемами, с нюансами идеологических и культурных полемик в современном Израиле, в конце концов, с особенностями рельефа, климата, самой земли, порождающей особые тропы. То есть именно в Израиле они были бы прочитаны иначе, чем в России или в переводе на какой-либо иностранный язык. Однако пока полноценного диалога между русско- и ивритоязычной культурами, за редкими исключениями, не возникает.

Теперь посмотрим на взаимоотношения русско-израильской литературы с русской литературой. При всей культурной и лингвистической близости, этот корпус невозможно встроить в русский литературный канон. Несколько иная историческая память и культурный опыт, экс-центричная позиция по отношению к России, ближневосточная оптика, постоянное двойное экспонирование культурных, социальных и лингвистических кодов приводят к тому, что в русско-израильской литературе иначе преломляются основные культурные метанарративы метрополии. Так, в поэзии М.Генделева мем «писатель-пророк» проявляется в спорах поэта-воина и с Б-гом, бросившим свой избранный народ на произвол врагов. В Израиле по-иному раскрывается архетипный для русской классики мотив «лишнего человека»: лишними становятся те репатрианты, которые чувствуют себя в Израиле скорее эмигрантами, не

востребованными и не встроенными в социальную и культурную мозаику новой родины. Петербургский текст в русско-израильской поэзии проецируется на Тель-Авив. Хрестоматийный русский литературоцентризм интерпретируется в рамках еврейских представлений о сакральности слова, о народе боговдохновленной Книги.

Если мы возьмем другую центральную для русской и советской словесности тему – тему войны, то в геополитической ситуации Ближнего Востока она развивается как философская рефлексия о непрекращающемся арабском терроре, интифаде и войнах в контексте судьбы еврейского народа. Иногда с позиций ближневосточного военного опыта переосмысливается и русский литературный канон. Столь важная для русской культурной идентичности дихотомия, как Запад/Восток, претерпела ряд трансформаций в русско-израильской литературе, отражая постепенное дистанцирование от Европы и ее культурного наследия, которое все больше видится сквозь призму Холокоста и современного антисемитизма, антиизраильской политики европейских государств. (Г. Беззубов, А. Тарн).

Помимо того, что русско-израильская литература проблематизирует культурные тропы, она работает и с нереализованным потенциалом русской культуры, развивая темы, которые были табуированы или совершенно маргинальны в литературном мейнстриме. Например, роман о Шоа как жанр формируется только в творчестве русско-израильских авторов (Севела, Тарн, Рубина), как и тема исчезнувших еврейских местечек (Канович). Помимо новой проблематики, тем и жанров, русско-израильская литература в некоторых проявлениях демонстрирует и все больший разрыв с литературным русским языком. Некоторые авторы целенаправленно культивируют нерусскость, насыщая свои тексты ивритской лексикой или местной топонимикой, сталкивая два языка для создания комического эффекта (Д. Рубина, М.Гробман).

Посмотрим теперь на третий член триады, определяющей идентичность русско-израильской литературы – русскую литературную диаспору. Начиная с постреволюционной волны, русская диаспорическая литература была ориентирована на Россию, жила ее национальной повесткой, обсуждала ее прошлое и будущее, отражала мечту о возвращении если не физически, то книгами. В этом отношении русскоязычное израильское сообщество противоположно русской диаспоре прежде всего потому, что в Израиле оно видит родину. Соответственно, практически отсутствует ностальгическая нота, нерелевантен и посыл «мы не в изгнании, мы в послании». Но на практике отношения между Русским Израилем и русской диаспорой оказываются сложнее.

До распада СССР русско-израильское сообщество было тесно связано с эмиграцией семидесятых годов. В израильских русскоязычных журналах печатались эмигрантские авторы из других точек рассеяния. Для многих еврейских диссидентов семидясятых важной была фигура Солженицына. Они участвовали в акциях в его защиту еще в Москве и продолжали рассуждать о нем в израильской периодике.

Некоторые писатели, выехавшие в Израиль, со временем перебрались в другие страны и стали частью мировой русской диаспоры (З. Зиник, Э. Севела, А. Волохонский и др.). Израильские авторы, в свою очередь, печатаются в разных эмиграционных изданиях, в частности в «Новом журнале». Так что провести четкую грань между русско-израильской литературой и литературой русской диаспоры невозможно, да, наверно, и не нужно.

Если же подойти к диаспоре не как к сообществу, объединенному общим происхождением и рефлексией о России и ее будущем, а как к концепту, артикулированному в рамках диаспорических исследований, то можно наметить ряд очевидных параллелей. Диаспоральный опыт состоит в гибридности, транслингвизме, контрапунктном осознании двух измерений. Нахождение в срединном, транснациональном пространстве порождает особые формы антропологического опыта, предлагает иные когнитвные модели для интерпретации мира и человека, генерирует новые модальности письма и чтения. Такие процессы идут во всех локусах глобальной русской диаспоры и, конечно, в Израиле. Но русско-израильская литература регистрирует и осмысливает свой особый опыт, не характерный ни для метрополии, ни для диаспоры, да и не доступный за пределами особого ближневосточного геокультурного пространства. При этом она развивается в диалоге и часто полемике с культурными кодами как русской диаспоры, так и метрополии.

Русско-израильская литература – это оригинальная многообразная постоянно развивающаяся формация, недавно получившая новый приток творческой интеллигенции из России и Украины. Она заслуживает отдельного изучения и выработки особой исследовательской оптики и понятийного языка. Именно компаративистская перспектива позволяет выявить специфику подходов русскоязычных авторов к актуальной социальной, политической и эстетической проблематике.

BLOC 2.20
LA POÉSIE SLAVE TRANSNATIONALE / TRANSNATIONAL SLAVIC POETRY

Organisateur : DIRK UFFELMANN

Dirk Uffelmann Trans-Polish Poetry from Germany: Dariusz Muszer's «Summa Poetica» 1

Ilya Kukulin Ukrainian-Russian poetic translations and their reception after the beginning of Russia's full-scale invasion of Ukraine: political and aesthetic aspects 6

Alexandra Tretakov Between Tongues **:** Transnational Aspects of Alesha Prokop'ev's Poetry 9

Jacob Edmond The News Poem as Transnational Form in Russian-Language and US Poetry After 1989 13

Christian Zehnder Paronomasia as Document: Eugene Ostashevsky's Transnational Poetry 17

TRANS-POLISH POETRY FROM GERMANY: DARIUSZ MUSZER'S "SUMMA POETICA"

DIRK UFFELMANN (GERMANY)
JLU Giessen

In their contribution to *The Routledge Handbook of Literary Translingualism* (2022), "Translingualism in Polish Literary Context," Elwira Grossman and Aneta Stępień ignore the massive renewal of writers of Polish origin publishing in German over the last decades. By the time of Poland's accession to the European Union in May 2004, this had become a considerable niche of the book market in the German-speaking countries. Since writing in the language of a former colonizer and occupant poses a challenge, it almost inevitably leads to reckoning with German-Polish historical and entanglements.

A vast part, if not the majority of the recent German translingual production by Poles in one way or another reflects the biculturality involved. A notable collection of metareflections is Artur Becker's *Kosmopolen* [*Cosmopoles*] (2016) about the transcultural status of Polish culture abroad. This book can also serve as a poignant example of translingualism via translation: among the collection's translators was Becker's fellow migrant author and close friend Dariusz Muszer. The two form a prolific, almost symbiotic duo, engaging in mutual translations and reframings—Muszer translating Becker into Polish (*Kino Muza*, 2009), Becker introducing, reviewing, and interviewing Muszer, Muszer reviewing Becker, and finally—which will be the main focus of this contribution—Muszer translating himself from German to Polish and discussing this with Becker (Becker, Muszer 2020).

In my paper I focus on the specific case of Dariusz Muszer, who initially seemed to distribute his literary languages of Polish and German along genre lines: at first, he published his poetry in Polish, while novels such as *Die Freiheit riecht nach Vanille* [*Freedom Smells of Vanilla*] (1999), *Der Echsenmann* [*The Lizard Man*] (2001), *Gottes Homepage* [*God's Homepage*] (2007), and *Schädelfeld* [*Field of Skulls*] (2015) appeared initially only in German. However, the binary opposition has long since blurred: *Wolność pachnie wanilią* was self-translated by Muszer into Polish in 2008, *Homepage Boga* in 2013, and *Pole Czaszek* in 2017. This makes Muszer a translingual self-translating writer in the sense of Eva Gentes and Trish Van Bolderen (Gentes, Van Bolderen 2022, 369).

Dariusz Muszer was born in the village of Górzyca in Western Poland on the Eastern bank of the Oder river in 1959. He grew up in Rzepin in the Słubice district, before he moved to Hanover in 1988, in search of free publication opportunities (Muszer, in Becker, Muszer 2020).

When it comes to his poetry, Muszer published his numerous books predominantly with the marginal publisher Wydawnictwo Forma in the Bezrzecze. Forma also released the Polish-language translations of his German-language novels. Here Dariusz Muszer has acted as self-translator of his own novels and—less often—of his poetry: the collection *Wiersze poniemieckie* [*Post-German Poems*] from 2019 comprises both Polish originals that appeared earlier in the form of German self-translations in the early publication *Die Geliebten aus R. und andere Gedichte* (1990) and self-translations of German original poems into Polish.

This paper is devoted to Muszer's Polish-language poetry and the ways in which previous German translations, but also German-Polish self-translations and entangled history intersect in it. The test case will be *Wiersze poniemieckie*, Muszer's *summa poetica*, consisting of texts written from 1981 (when he still lived in Poland) to 2018. My focus will be on the "selection design": how did the poet in 2018 re-arrange his poems, which were not originally written for this joint publishing purpose? How does self-translation contribute to the emergence of new, translingual meanings? And how does it spill over into hybrid identities?

The title of this collection can be taken in different interpretive directions. First, *Post-German Poems* can be understood as a playful allusion to the translingual emergence of the Polish-language poems in this volume from Polish translations of initially German-language poems. This would be a rather ironic appropriation of a politically loaded term. In the broader historical context, *poniemieckie* ['post-German'] refers to territories in the West and North of present-day Poland that had belonged to Prussia for centuries and became part of Poland in 1945. The forced nature of the population transfer from and to these territories was hidden behind the Polish official ideological term *Ziemie odzyskane* ['recovered territories'], which had belonged to Poland until the 13th and 14th centuries. In contrast to *recovered territories*, the notion of *post-German territories* appears rather colloquial. The Lubusz Land around the border cities of Frankfurt/Oder and Słubice, where Muszer was born and raised, is one of the least known of these territories. The comment "from the author" on page 91 renders everything in Lubusz Land post-German:

> "Where does the title *Post-German Poems* come from? / I was born and raised in Lubusz Land, a historical county that the last inhabitants had to leave after the lost war in order to free space to newcomers who spoke Polish. / Thus, I lived in a post-German apartment block, strolled around in post-German streets, and watched post-German magnolias and limetrees. In my hometown of Rzepin everything was post-German. Apart from the people of course." (Muszer 2019, 91)

While this sounds in a sense convincing, the continued narration about Hanover's "post-German-ness" (why not just German-ness?) is at maximum ironic and purposefully unconvincing (Lorkowski 2020):

> "When I grew up, fate wanted it that I left forever for Germany and settled down in Hanover, the capital city of Lower Saxony. Again everything around me was in a sense post-German because it could not be different. Again I lived in a post-German apartment block, walked down post-German trails, and watched German spruces and beeches." (Muszer 2019, 91)

The table of contents separates the Lubusz part from the Lower-Saxonian part, superimposing a topological trans-border structure (cf. Lorkowski 2000) onto the more or less chronologically ordered poems. The speaker's day of emigration—"April 18, 1988"—however, does not stand at the end of part one, but as early as in the second poem (Muszer 2019, 9). The first part ends in a lyrical reflection on water that can be interpreted as an allusion to pre-Socratic (Heraclitus) philosophy and as a metaphorical hint at (belated) emigration:

> "And at dawn the river was already in another water / And never called itself in the same way // Why did she wait so long / to show up on the other shore?" (Muszer 2019, 36, cf. Łozowska-Patynowska 2019)

The heading of the second part features the German foreignism "Niedersachsen" ["Lower Saxony"] instead of the commonly used Polish equivalent "Dolna Saksonia." In the first part, however, there are very few material "post-Germanisms." The local river Ilanka is a site for different people's loneliness in nature, hardly connected with history (Muszer 2019, 35). The—doubtlessly post-German—houses that the speaker observes in "Diptych with Four Houses and One Person" (Muszer 2019, 20) are not explicitly marked as such. Thus Muszer—in his postface and his interviews given after publication—is more post-German in 2019 than his writing was during his 29 years spent in Western Poland.

As Muszer claims in his "Author's Note," personal Polish-post-German encounters could not take place in Polish territories from which the German population was expelled. When uncle Kazek praises Hitler, this is a symptom of his physical deterioration and of his watching TV as a technique of isolation (Muszer 2019, 29). It appears as if Muszer hastens to compensate for this lack of exchange in the first poem "Conversation." Set in Hanover, it stages a double throwback, both in terms of language and of historical memory. A former German prisoner of war, who spent many years at a Polish camp, seems to have recognized the speaker's accent and starts a conversation in residual Polish:

> "'Are you from Poland? / I remember I German / yes yes German I returned in 1954 / a prison on a Mazur lake / but I didn't shot'" (Muszer 2019, 38)

With the beginning of part two, the rather monolingual Polish of part one gives way to more code mixing and reflection on bi- and multilingualism. The second poem of part two at first glance jumps into German (Hanover-related) realia: "Between Pelikanstraße and Spannhagengarten" (Muszer 2019, 39), and the fifth poem formulates questions to the Gdansk- and Kashubia-related German Nobel Prize winner Günter Grass. Here, language and nationality are at the center of interest for the speaker who might be planning a shift in his literary language:

> "is writing in german as easy / […] // does a german writer / laugh to himself in the same way / as does his eternal enemy from poland" (Muszer 2019, 42)

In a recently-arrived migrant's reality, however, German is rather a means of interethnic communication with other migrants, for example with the Iraqi Abdul Jabir (Muszer 2019, 43). In a conversation with a sales agent, who rings the speaker's bell early in the morning to sell him access to a commercial TV channel, the speaker uses German direct speech to get rid of the bothersome guy—"*For God's sake! No sports!*"—and paradoxically pretends not to understand German after having already had a brief conversation in German: "*I don't understand German*, I said […]" (Muszer 2018, 61, sicWhile in all cases German is contested, the poem "Mr Pisarz" contrasts a polemical use of German by exiled Poles with his own normal hybrid identity:

> "A certain Polish writer / published an article about Poland's participation / in the war on the territory of Mesopotamia (the Iraq War of 2003–2011?) / in a German newspaper / This heavily offended the speakers of Polish / (…) // Now they call him Mr Pisarz (writer) // Here in Hanover / they have called me / Mr Muszer / for fifteen years / And I damn don't make any noise about it" (Muserz 2019, 65)

From the second, Lower Saxonian part, various vectors of commemoration sometimes lead back to the first, Lubusz part (for example to the local river Ilanka; Muszer 2019, 74). The representation of German in Muszer's *Post-German Poems* is rendered according to typographical conventions: toponyms ("Virchowweg"; Muszer 2019, 57) are integrated recte, while direct speech in German is provided in italics ("*No new messages on the server*"; Muszer 2019, 84). In "*Caretaker* Jacek" the personal narration of the eponymous Jacek includes colloquial German words with Polish inflection ("to the *Reich*"; "from the *housing agency*"), but also typos ("*Soziall*" ["*social welfare*"], Muszer 2016, 66, sic).

By reducing the Germanisms in the Polish originals or translations from German in the second part to typographically marked quotes, but leaving them without an explanation for Polish readers without a command of German, Muszer loosely ties together this section of his *Post-German Poems* with the mostly implicit historical "post-German-ness" of the first third to a smooth transnational lyrical narrative. Whether the undisputable German-ness of the Lower Saxonian half and the implicit post-German-ness of the first section really amount to a post-

German-ness of the entire volume must be doubted. Maybe we should redefine Muszer's claimed "post-German-ness" as postnationalism? In a similar vein, the volume's first reviewer, Leszek Żuliński, speaks of "Muszer's 'double statehood'" (Żuliński 2019). The blogger-cum-reviewer Anna Sikorska shares this insight:

> "In this collection post-German-ness, however, has a broader than historical and territorial meaning. It is something like a metaphor of multinationality, a plurality of experiences, a standing astride between political divisions." (Sikorska 2020)

From the assimilation and integration of the Polish emigrant in Hanover, we get a sense of Muszer's postnational double self-location, which is at the same time both "post-German" and "post-Polish."

BIBLIOGRAPHY

Becker, Artur. 2016. Kosmopolen. Auf der Suche nach einem europäischen Zuhause. Essays. Frankfurt/M.: Weissbooks.

Becker, Artur; Muszer, Dariusz. 2020. [interview] "Wywiad poniemiecki 2. Artur Becker rozmawia z Dariuszem Muszerem." http://www.wforma.eu/-wywiad-poniemiecki-2-elewator-1-2020.html, accessed January 26, 2025.

Gentes, Eva; Van Bolderen, Trish. 2022. "Self-Translation." The Routledge Handbook of Literary Translingualism. Ed. Steven G. Kellman, Natasha Lvovich. New York, London: Routledge, 369–381.

Grossman, Elwira M.; Stępień, Aneta. 2022. "Translingualism in Polish Literary Context." The Routledge Handbook of Literary Translingualism. Ed. Steven G. Kellman, Natasha Lvovich. New York, London: Routledge, 211–226.

Lorkowski, Piotr R. 2020. [book review] "Poezje transgraniczne." Topos 3, http://www.wforma.eu/-poezje-transgraniczne-topos-3-2020.html, accessed January 24, 2025.

Łozowska-Patynowska, Anna. 2019. [book review] "Wojna polska-niemiecka pod wspólną flagą." eleWator 4, http://www.wforma.eu/-wojna-polsko-niemiecka-pod-wspolna-flaga-elewator-4-2019.html, accessed January 26, 2025.

Muszer, Dariusz. 1990. Die Geliebten aus R. und andere Gedichte. Hannover: Dals Verlag.

Muszer, Dariusz. 2019. Wiersze poniemieckie. Szczecin, Bezrzecze: Forma.

Sikorska, Anna. 2020. [book review] "Wiersze poniemieckie." February 9, 2020. http://www.wforma.eu/-wiersze-poniemieckie-http-annasikorskablogspotcom-09022020.html, accessed January 26, 2025.

Żuliński, Leszek. 2020. [book review] "'Wiersze poniemieckie' Dariusza Muszera." Latarnia morska September 11, 2019. https://latarnia-morska.eu/pl/z-dnia-na-dzien/3155-, accessed January 26, 2025.

Zybura, Marek. 2020. [book review] "Troll… Dariusz Muszer: Człowiek z kowadlem, Wiersze poniemieckie, Baśnie norweskie." Odra 4. http://www.wforma.eu/-troll-odra-4-2020.html, accessed January 26, 2025.

UKRAINIAN-RUSSIAN POETIC TRANSLATIONS AND THEIR RECEPTION AFTER THE BEGINNING OF RUSSIA'S FULL-SCALE INVASION OF UKRAINE: POLITICAL AND AESTHETIC ASPECTS

ILYA KUKULIN (USA)
Stanford University

Translations of Ukrainian poetry during the Soviet era were commissioned and published not so much at the discretion of the translator or for cultural purposes, but primarily to further imperial cultural policy—or, more precisely, to represent the diversity of Soviet literature in an ideologically purified form (Kamovnikova 2017). There were very rare cases of Ukrainian dissident poetry being translated. For example, the poet Vasily Betaki (1930–2013), who emigrated in 1973, deliberately translated into Russian the poetry of nonconformists from various republics of the USSR—Jaan Kaplinski from Estonia, Vasyl Stus, and Lina Kostenko from Ukraine—in order to introduce those whom uncensored Russian poets could recognize as "comrades in misfortune" (Stus 1985; Kostenko 1988 etc.).

In the post-Soviet era, new Ukrainian poetry attracted the attention of Russian translators from the late 1990s onwards. At that time, as far as can be judged, translators and readers were most interested in the cultural similarities and differences between Russia and Ukraine as two states with similar traumatic experiences that had become involved in intensive processes of globalization. A second motive for translation was the desire of Russian writers with ties to Ukraine to make Ukrainian literature more visible to Russian-language readers. Nevertheless, neither of these motives was able to attract a wide audience, and translations of Ukrainian poetry were distributed among a narrow circle of lovers of contemporary literature, who did, however, have some institutions of their own, such as Igor Sid's Crimean Club.

The situation began to change after the Orange (*Pomarancheva*) Revolution in Ukraine in 2004–2005. At that time, Ukraine started to gradually emancipate itself from Russia politically, and an increasingly visible campaign to demonize the neighboring country began in the Russian media. After that, the number of Russians with a positive attitude toward Ukraine and Ukrainians with a positive attitude toward Russia gradually declined. Andrei Zorin commented on these processes in the Russian newspaper *Kommersant*: "In the minds of modern Russians, Ukraine is increasingly taking the place once reserved for Poland as the unfaithful brother who traded his Slavic birthright for Western scraps. The result of this model in relations between Russia and Poland is well known"

(Zorin 2006) — that is, a strengthening of Poles' desires for independence from Russia and a significant weakening of cultural ties between Russia and Poland.

In this situation, translations of contemporary Ukrainian poetry into Russian increasingly took on the significance of a political gesture. Accordingly, translators turned their attention to the work of Serhiy Zhadan, who most clearly embodied the aesthetics of Westernization and a new humanism based on sympathy for minorities and stigmatized subjects in Ukrainian poetry. Among the few cultural figures who sought to present a wide range of young Ukrainian poets in Russian magazines, Dmitry Kuzmin deserves special mention. He wrote, explaining why he felt it necessary to translate himself and publish other people's translations from Ukrainian: "Young Ukrainian poets are much more integrated into the pan-European literary and cultural process than their Russian counterparts; they feel themselves to be part of it—not because they are more often invited to Europe [...], but because they themselves strive to go there... And in the poems of young Ukrainians themselves—not all of them, of course, but many—there is much more civic concern: sometimes protest, sometimes ironic, but always unambiguous..." (Kuzmin 2007).

After the Russian invasion of Ukraine in 2014, translations of Ukrainian poetry by Russian non-conformist poets became an even more obvious political and cultural meanings: support for colleagues in the neighboring country that had been subjected to aggression, a protest against the actions of "their" state, and an attempt to overcome the isolation of Russian culture that was gradually being imposed by the ruling regime in Russia. The spread of translations was greatly aided by the growing influence of social media in both countries.

With the start of the full-scale invasion in February 2022, it seemed that all cultural ties between Ukraine and Russia had been severed. There are Ukrainian poets who refuse to allow their poems to be translated into Russian. Nevertheless, relations between the literatures of the two countries continue to be rebuilt, even in the context of the current, extremely brutal war. The translation and publishing activities of Stanislav Belsky, who lives alternately in Dnipro and Kyiv and publishes translations of Ukrainian poetry written during this period on his Telegram channel every day, including poems responding to the crimes of the Russian army, are of great importance. Belsky is making these poems part of Russian-language literature. In 2023, Russian poets began translating the works of Maxim Kryvtsov, a young Ukrainian poet who was killed on the front lines on January 7, 2024, and wrote about the daily life of Ukrainian soldiers and the deaths of Ukrainian civilians from Russian strikes. Even Olga Sedakova, one of the most significant contemporary

Russian poets, who continues to live in Moscow, translated Kryvtsov's long poem, and this translation published on her account on social media attracted considerable attention.

Of course, translations from Russian into Ukrainian also take on acute political significance in this situation. One of the most notable Ukrainian translators of Russian-language poets today is Alya Khaitylina, a poet living in Germany. She writes about Russia's aggression against Ukraine and about Russian volunteers who are helping Ukrainian refugees in Europe.

In my presentation, I hope to analyze how the publication of translations of Ukrainian poetry into Russian allows us not to "restore" communication between the two literatures (such restoration today is apparently impossible), but to reinvent it and build it on new foundations—as a manifestation of a phenomenon that could be called "mutual understanding between the shaken," in the terminology of Czech philosopher Jan Patočka (Patočka 1996).

REFERENCES

Kamovnikova, N. The Consciousness of Necessity: Translation of National Literatures in the Soviet Union. *Translation Strategies and State Control*. Acta Slavica Estonica IX: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение X. Tartu: The University of Tartu Press, 2017. P. 52-68.

Patočka, Jan. *Heretical Essays in the Philosophy of History*. Translated by E. Kohak, edited by J. Dodd. Open Court, 1996.

Зорин, А. За что мы не любим Украину. *Коммерсантъ*. 25 января, 2006 (https://www.kommersant.ru/doc/643367, accessed on May 20, 2025).

Костенко, Л. *Книга избранных стихов* [*Selected Poems*]. Пер. с укр. В. Бетаки. Paris, 1988.

Кузьмин, Д. Предисловие к подборке: Романенко, О., Богуненко, В., Коцарев, О. Первые соблазны весны (Украинская поэзия 2000-х годов). *Новое литературное обозрение* (*The New Literary Observer)*. 2007. No. 85. С. 311—312.

Стус, В. Стихи разных лет. Пер. с укр. В. Бетаки. *Континент (The Continent)* (Paris). 1985. No. 44. С. 145—149.

BETWEEN TONGUES: THE TRANSCULTURAL VERSE OF ALYOSHA PROKOPYEV

ALEXANDRA TRETAKOV (GERMANY)
Catholic University of Eichstätt-Ingolstadt

The increasing transcultural entanglement of literary life and experiential worlds has, over recent decades, led to a profound reconfiguration of literary production processes. Contemporary authors navigate a field of multiple cultural affiliations, wherein traditional concepts of nationally bound, monolingual literatures are losing their persuasive power. In an era characterized by global interconnectedness and migration-induced multilingualism, literature is gradually emancipating itself from national-cultural frameworks, developing new aesthetic and epistemological configurations. Ottmar Ette (2005) has paradigmatically described this development as "Writing-between-Worlds"—a form of writing no longer territorially or linguistically fixed, but constituted through movement, transitions, and relationality. Here, literature emerges in the interstices, in exchange, and in the friction between languages, cultures, and poetic systems. Multilingualism, as emphasized by the German-Bulgarian writer Ilya Troyanov, points to a literary cosmopolitanism that transcends the narrow horizon of national-philological orders (Hübner 2010, 18). Particularly in poetic writing beyond the 'mother tongue,' innovative expressive potentials are unlocked through the conscious departure from the norm of monolingual text production (Yildiz 2012). Reading texts as multilingual artifacts means making visible the transversal movements between linguistic spaces, opening new perspectives beyond established cultural and linguistic orders—especially those of national literatures.

Alyosha Prokopyev (*1957), a Russian-language poet and translator of Chuvash descent, epitomizes a paradigmatic figure of transnational writing, characterized by the deliberate transgression of mononational and monolingual paradigms. His literary oeuvre is fundamentally shaped by the tension between cultural hybridity and linguistic complexity, operating at the periphery of hegemonic literary discourses—precisely where new forms of aesthetic articulation and intercultural understanding emerge. Particularly noteworthy is his profound engagement with the German-language poetic tradition, especially the works of Paul Celan. This engagement opens a poetological space that not only responds to the aesthetic challenges of interlingual translation but also productively integrates them into his own poetic practice. As the first translator to render Celan's poetry collections in their entirety into Russian, Prokopyev positions himself not merely as a mediator within a literary translation tradition but as a co-author of a translingual poetics that regards translation not as a secondary act but as an

inherently creative one. In this sense, his translation practice is to be understood less as a transfer and more as a transformation—a productive reimagining of poetic structures within the tension between source and target cultures. Beyond Celan, he has also devoted himself to translating texts by Rainer Maria Rilke, Georg Trakl, Andreas Gryphius, Gottfried Benn, as well as Inger Christensen and Tomas Tranströmer into Russian.

It becomes evident that Prokopyev's literary work does not operate dualistically between original and translation, Russian and German poetry, but rather aims at a rhizomatic interweaving of cultural and poetic orders. His texts and translations create transversal connections between discursive fields, poetological traditions, and historical horizons of experience. In this complex network of poetic interferences, an aesthetics of the in-between manifests, wherein linguistic boundaries dissolve and hybrid forms of expression emerge.

Prokopyev's literary activity is by no means exhausted in his role as poet and translator but also manifests in the active co-creation of literary publics and the initiation of discursive spaces where transnational poetics become visible, tangible, and negotiable. As curator of the long-established poetry festival *GolosA*, dedicated to the work of the avant-garde Chuvash-Russian poet Gennady Aigi, as well as initiator of the literary forum *Metamorfozy* and the project *Stikhi an sich*, Prokopyev creates infrastructural conditions for a plurilingual and decentralized literary practice beyond dominant cultural institutions. Despite his extensive commitment and the aesthetically and culturally innovative contributions to contemporary Russian poetry, Prokopyev has largely been denied broader official recognition. This circumstance points, not least, to the ambivalences of a literary field that, in its institutional structure, often resorts to homogeneity, unambiguity, and national assignability—principles that Prokopyev's work consciously subverts. His self-designation as a "poet of internal emigration" is therefore not merely a biographical gesture but an expression of a fundamental aesthetic positioning: it articulates a critical distance from cultural canonization and, at the same time, a radical poetic autonomy that situates itself beyond the conventional centers of literary power. In this stance, an understanding of literature condenses that does not culminate in the affirmative reproduction of cultural affiliations but rather unfolds its aesthetic power in the productive destabilization and decentering of literary orders.

The close intertwining of translation work and original poetry is particularly evident in the semantic, sonic, and rhythmic design of Prokopyev's poetry. Beginning in the early 1980s, he started composing his own poems, influenced by poets such as Osip Mandelstam and Velimir Khlebnikov. He frequently integrates wordplay based on the interplay of German, Chuvash, and other languages, revealing a deeper intercultural dimension of his work. This linguistic

hybridity enables him to develop new poetic forms of expression and creatively transcend the boundaries between languages.

> То, что получается в переводе по-русски, меня устраивает как стихи, но я стараюсь переводить такие, которые сам бы ни за что не написал. В этом проблема. Переводное творчество нисколько не мешает писать свои тексты (и тем более – не отнимает от них время), но, совершив скачок в поэтике при помощи так называемого чужого, я уже не буду писать так, как только что смог, а чуть раньше не мог никак. Говоря проще, в „оригинальном творчестве“, чтобы расти, нужно постоянно проходить сквозь кризисы. А в „переводном“ – кризисы противопоказаны, они уже пройдены другими поэтами – теми, которых ты переводишь. […] Перевод всего лишь дисциплинирует поэта. […] (Prokopyev et al. 2011).

Prokopyev's deep engagement with the German language, which he refers to as his "third mother tongue" alongside Russian and Chuvash, reveals a profound translingual identity. This self-characterization points to a "meta-identity" where language functions not merely as a communication tool but as a constitutive element of a multifaceted cultural self-understanding. In this context, multilingualism is perceived not as an additive skill but as a dynamic process of self-location that transcends national literatures and opens new poetic spaces.

Through complex wordplay and the exploitation of phonetic similarities and graphic overlaps between languages, he creates a poetic hybridity that challenges conventional boundaries of linguistic and cultural affiliation. This technique draws attention to individual signs and harnesses the semantic and phonetic potentials of languages. Overall, Prokopyev positions himself as a transcultural poet who, by merging various linguistic and cultural perspectives, establishes an innovative form of poetic expression. These considerations are exemplified in the poem *шу* (2021).

> шу / щук щук щук говорит анатри […] / Бог / Тор / мозг с гор / мозг с катушек / хор красных / фра Fra Fra фра / волн / солн о солн / соль и ми / sole mi / саломе / Herr von Goe / резво / Ge / Org / розовым коником / с гор / транс / мо стран моск / мост ранц возг / Ort Tran стрёмный / я / трюмный / зык / кто тут слонца пролил кто сам лонцем пролит / не бери меня дай меня грит (горит-говорит) чуваш […] по небу по луночи / в Nebel как в небыль / толст эй по эт / за буквами егерь / стоит твой кабан / фазан? нет кабан / бегущей мишенью / стреляй в них в слова / и слушай тот свист (Prokopyev 2021)

This poetic text serves as a paradigmatic manifestation of translingual poetics, subversively crossing conventional linguistic and genre boundaries. By deliberately integrating and overlaying elements from Russian, Chuvash, German, English, and other idiomatic fragments, a polyphonic textual fabric emerges that reflects the instability of linguistic signs and the fluidity of cultural identities. The use of sound sequences like "ще" not only evokes phonetic density but also deconstructs semantic expectations, prompting readers to actively engage in meaning-making. The visual design of the poem, particularly the simultaneous use

of Cyrillic and Latin scripts, enhances semantic ambiguity and underscores the text's transcultural hybridity. This typographic layering acts as a metaphor for the superimposition of cultural codes and the resulting complexity of modern identity constructions. By incorporating geographical and cultural references such as "Мальмё" or "Каме," the poem addresses global interconnectedness and the ensuing cultural permeability. These place names function not only as topographical markers but also symbolize the transnational movement of people, ideas, and languages.

Ultimately, *uy* functions as a poetic laboratory in which the possibilities and limits of linguistic communication are explored. Prokopyev's text challenges readers to move beyond traditional conceptions of language, identity, and culture, and to embrace the plural reality of a globalized world.

THE NEWS POEM AS TRANSNATIONAL FORM IN RUSSIAN-LANGUAGE AND US POETRY AFTER 1989

JACOB EDMOND (New-Zeeland)

This paper explores the transnationalism of Russian-language and US poetry since 1989 through a particular transnational form: the *news work*. Such news works deploy the news's patchworked form and its rapid spatial leaps and often bizarre juxtapositions. They also often borrow wholesale from the news itself. Since 1989, writers and artists have frequently turned to the news work, giving fresh inflection to the tension between order and disorder inherent in the form of the news. As this paper shows, the juxtapositions of news form offer rich resources for grappling with a post-1989 media environment and world capable in equal measure of directing opinion and falling to pieces.

The paper begins with conceptual artist and writer Dmitri Prigov's *Performance with Newspapers*, in which he reads the Central Committee's response to the August 23, 1989, protests in the Baltic States, decrying, in an increasingly hysterical voice, the protests as "natsionalisticheskaia isteriia" (nationalist hysteria).[1] Prigov's performance presents the Central Committee statement as just another opinion piece, one more voice of "nationalist hysteria" alongside the "nationalist hysteria" that it condemns. Once the "organizer," "brain," and "axis" of Soviet space, the newspaper is now a mess of newsprint, whose disorder figures the spatial disorder of the Soviet Union and presages its disintegration.[2]

Prigov's *Video Performance with Newspapers* recalls and inverts earlier Soviet avant-garde appeals to the news, offering one early indication of how writers and artists would redeploy the spatial form of the news in the post-1989 era. In the late 1920s, Sergei Tretyakov envisaged the new scale of information embodied by the modern newspaper as leading to a compensatory spatial expansion: one that revised the Russian imperial sublime for the Soviet era. Prigov echoes this informational sublime but stresses instead its potential for disintegration. He stages the information overload of the glasnost period through a highly literal deployment of the news's spatial form: the deluge of newsprint swamping the newspaper reader and his apartment.

Kirill Medvedev engages this deluge and its disjunctive form in his "Tekst, posviashchennyi tragicheskim sobytiiam 11 sentiabria v N'iu-Iorke" ("Text Devoted to the

[1] Dmitrii Prigov, Video-Based Performance with Papers, 1989, vimeo.com/4356948; Tsentral'nyi komitet KPSS, "Zaiavlenie TsK KPSS o polozhenii v respublikakh Sovetskoi Pribaltiki," *Pravda*, August 27, 1989.
[2] V. I. Lenin, "S chego nachat'?," *Iskra* 4 (May 1901): 11; Sergei Tret'iakov, "Novyi Lev Tolstoi," *Novyi Lef* 1 (1927): 35.

Tragic Events of September 11 in New York"), whose subtext is also Vladimir Putin's recent rise to power through his emphasis on making Russian great again and his own self-proclaimed war, launched in 1999, on "international terrorism."[3] Written in the weeks after 9/11, Medvedev's text presents the Internet-age equivalent of Prigov's man drowning in a sea of newspapers. The implied writer of Medvedev's work is swamped by a confusion of text and voices, pieces of news, opinion, and online speculation. Whereas Prigov's 1989 performance staged a sense of confusion and mocked the seriousness and hysteria of official announcements, however, Medvedev's text engages in a more sincere if inconclusive search for answers, for some order beyond the chaos, some purpose or meaning, some way to understand the individual in relation to the collective, to grasp the world in toto.

Many US poets also turned to the juxtapositions of news form to negotiate the geopolitical upheaval of 9/11 and its aftermath.[4] Juliana Spahr, for instance, tunes into the news in "Poem Written from November 30, 2002 to March 27, 2003," which, as these dates suggest, addresses the impending US invasion of Iraq. Written from Hawai'i, in the middle of the Pacific Ocean, the poem presents a speaker who is drowning in a sea of news reports from around the world.[5] Like the news works of Prigov and Medvedev, Spahr's text is swamped by the language of the news. The "I" of the poem wants "to speak of loving" but ends up spouting news of "acts of war" to the point where, at the end of the poem, the lovers in their bed fuse with the weapons of war as the US launches its invasion of Iraq. Yet Spahr's anti-war position remains as clear as the US imperialist vision that she attacks. While conveying a sense of overwhelming information and confusion, Spahr's text also gives the juxtaposed

[3] Kirill Medvedev, *Vtorzhenie: Stikhi i teksty* (Moscow: Argo-Risk, 2002). Putin declared this so-called war following the September 1999 bombings of apartment buildings in Moscow, Buynaksk, and Volgodonsk, which he blamed on Chechen separatists and their international supporters. David Hoffman, "Moscow Says Bomb Caused Deadly Blast," *Washington Post*, September 10, 1999; Marcus Warren, "Police Flood Moscow in Search for Terrorists," *Daily Telegraph*, September 15, 1999; Barry Renfrew, "17 Dead, 115 Injured in Another Russian Blast," *Washington Post*, September 16, 1999. "Putin told a press conference on 27 September 1999: 'I am absolutely sure that this is not a civil war at all, but a war, which international terrorism has declared on Russia to seize from it several territories that are rich in natural resources'. And he added that the terrorists were 'trained, financed, and sent from foreign countries' (*ITAR-TASS*, 27 September 1999)." James Headley, "War on Terror or Pretext for Power?: Putin, Chechnya, and the 'Terrorist International,'" *Australasian Journal of Human Security* 1, no. 2 (2005): 17.

[4] On the renewed interest in responding to the news in early twenty-first-century US poetry, see Rachel Galvin, *News of War: Civilian Poetry, 1936–1945* (New York: Oxford University Press, 2018), 306–26. This turn to the news relates to changes in both media and geopolitics. Reflecting on the late-1990s media upheaval in the United Sates and the resulting heightened sense of informational confusion, one scholar of journalism wrote, "when older news media are threatened by newer ones, an intense debate over the nature of news ensues," and "given the historical pattern, it is no surprise that the nature of news and 'objectivity' should once again become an issue so important to the profession." David T. Z Mindich, *Just the Facts: How "Objectivity" Came to Define American Journalism* (New York: New York University Press, 1998), 2, 5.

[5] Juliana Spahr, *This Connection of Everyone with Lungs: Poems* (Berkeley: University of California Press, 2005), 11–75.

pieces of the news direction through an expression of strident opinion and protest—hinting at other possibilities for news form in the digital age.

In *Don't Let Me Be Lonely: An American Lyric* (2004), Claudia Rankine similarly seeks to offer new direction to the confusion of the news, even as she too stages the struggle with its overwhelming and interrupted form. Like the Situationists, who rejected "the society of the spectacle," Rankine refuses—in the translated words of Aimé Césaire that open her book—"the sterile attitude of the spectator."[6] Instead, Rankine writes of her life in the United States immediately before and after 9/11, documenting an individual's search for understanding within a world of proliferating information.

In 1989, Prigov's piles of newspapers offered an image of confusion and proliferating voices and opinions appropriate to a moment of momentous geopolitical flux. By 2001, Medvedev's text suggested a desire, however muted, to find a way out of the chaos: a desire for a new sense of purpose, for the dawning of "my epoch" or, more ominously perhaps, for a "national idea." Spahr's and Rankine's texts too are motivated, albeit in part negatively, by this desire for direction, by their rejection of the war on terror and their search for alternative sources of meaning. In 2004, Prigov produced another newspaper-strewn work that solidified this desire into a very different response to the deluge of the news and its seemingly chaotic mapping of the world: an attempt to bring order to the chaos by shaping and directing its flow.

At first glance, Prigov's 2004 installation *Videnie Kasparu Davidu Fridrikhu russkogo Tibeta* (*Caspar David Friedrich's Vision of Russian Tibet*) might appear to extend his earlier newspaper performance and installation by depicting the confusion and decentralizing of the press in the post-Soviet period. Yet in a twist, Prigov deploys the apparent confusion of non-hierarchically organized text to reactivate the sublime's fusion of the "poetics of space" with "allegories of national identity." The overwhelming volume of text in Prigov's earlier newspaper performances and installations now becomes the material with which Prigov sculpts a twenty-first-century version of Caspar David Friedrich's romantic vision.

Prigov invites the viewer to attend to each separate sheet of newsprint and to survey the newspapers from a distance, to see the high peaks of the imperial sublime. He describes the sheets of newsprint in the installation as a "metaphor for the person, in which among the squelchy flesh and fragile bones inexplicably hide . . . incredibly lofty ideas, deep thoughts

[6] Guy Debord, *La Société du spectacle* (Paris: Buchet/Chastel, 1967), translated as *The Society of the Spectacle* (New York: Zone Books, 1995); Claudia Rankine, *Don't Let Me Be Lonely: An American Lyric* (St Paul, MN: Graywolf, 2004), n.p.

and almost inexpressible experiences and passions."[7] Prigov appeals to a lofty imperialist vision, even as he insists on the finite fact of heaps of materials—on the newspapers as metaphorical piles of bone and flesh, and the real bodies of viewers who survey these metaphorical bodies. These viewers must confront not only the gaze of Prigov's eye leitmotif but also the real consequences of such nationalist and imperialist visions: the bodies strewn on the battlefields of Chechnya, Georgia, and now Ukraine. Through its oscillation between confused newssheets and sublime totality, between bodies blown to pieces and the imperialist fantasies that justify such atrocities—the installation signals the news's ambivalent transnational form.

[7] Dmitrii Prigov, "Iz zhizni installiatsii," *Gif*, June 18, 2004, at www.gif.ru/persona/prigov.

PARANOMASIA AS DOCUMENT: EUGENE OSTASHEVSKY'S TRANSNATIONAL POETRY

CHRISTIAN ZEHNDER (GERMANY)
University of Bamberg

Introduction: Eugene Ostashevsky's Self-Commentary

It is not easy to comment on Eugene Ostashevsky's (b. 1968) translingual writing. For he is one of those poets who, academically informed, already provide a philological and intellectual contextualization of their work, including essays with scholarly bibliographies.[1] These academic references are to some degree part of his artistic practice. To repeat them would mean, then, to stick to the object of research. What would look like an academic commentary would be a paraphrase of what has already been done by the author. In this sketch, I try to make Ostashevsky's self-analysis visible as a process with which one must engage consciously, even if one cannot avoid a hermeneutic 'double effect' entirely.

Ostashevsky obviously thinks of the audience and even apologizes for the difficulty of his writing in his last volume of poetry, *The Feeling Sonnets* (2022), and he remedies this impasse with informative notes, for example regarding a line in sonnet 7., "Time's fool, you have a красный рот." Ostashevsky explains: "Красный, kràsny, red. Рот, red, mouth (Rus.). In German, rot, red. The pun is Mandelstam's."[2] While Ostashevsky generally refrains from glossing words written in Cyrillic in his poems,[3] he readily explains these elements in notes and comments on them at length in essays and interviews.

In his more detailed 'self-objectifying' reflection, Ostashevsky refers to recent linguistic research on multilingualism,[4] but above all to the Russian formalists, especially when it comes to laying the foundations for his master device, (translingual) paronomasia. Thus, Ostashevsky quotes Roman Jakobson's thesis according to which in poetic language, i.e. in language dominated by the poetic function, "phonemic similarity is sensed as a semantic relationship," as well as Jakobson's assertion derived from this thesis that "the pun, or […] paronomasia, reigns over poetic art."[5]

---

[1] Eugene Ostashevsky, "Translingualism: A Poetics of Language Mixing and Estrangement," *boundary* 2 50:4 (2023): 171–194. See also the recent essay (not yet considered in the present sketch): Eugene Ostashevsky, "L≠A≠N≠G≠U≠A≠G≠E: Puns and Translation in Translingual Poetry," *Journal of Literary Multilingualism* 3 (2025): 160–171.
[2] Eugene Ostashevsky, *The Feeling Sonnets* (New York: New York Review Books, 2022), 15.
[3] Ostashevsky, "Translingualism," 178.
[4] Ostashevsky refers, among many resources, to *The Routledge Handbook of Literary Translingualism*, ed. by Steven G. Kellman and Natasha Lvovich (New York/London: Routledge, 2022).
[5] Ostashevsky, "Translingualism," 184. See Roman Jakobson, "On Linguistic Aspects of Translation," in *On Translation*, ed. by Achilles Fang and Reuben A. Brower (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959), 232–39, 238.

Translingual Poetry as Documentarism

I argue that in the case of Ostashevsky's writing, paronomasia fulfills an important *documentary* function: It becomes a device for documenting the global condition that constitutes the reality of his live.[6] Ostashevsky, an American poet of Leningrad origin, lives in Berlin with a German-Turkish wife and their two daughters. On this point, formalism falls short. Drawing on Jakobson, Lev Yakubinskii, and Yurii Tynjanov, Ostashevsky postulates that the paronomastic principle of poetry (which in Jakobson's broad definition encompasses meter and rhyme) is based on the fact "that words in poetry differ in their semantics from the same words in the language of communication."[7] However, one might object that in a poetry that consistently allows itself to be (mis)informed by children's mult-transilingualism, the situation is turned upside down: Paronomasia becomes the new everyday language. Poetry can no longer claim an advantage over the disdainful "practical" language of communication, the nemesis of the formalists. For "practical" and "poetic" are no longer distinguishable.[8]

Thus, the translingual paronomasia documents what happens to language and to intimate communication in a transnational situation. Since Ostashevsky's poems are often "about" his daughters, the more playful the punning, the more documentary the outcome.[9] This is a key difference to the infantilisms of the historical avant-garde. Here, children served as a utopian model for a new language yet to be invented. By contrast, the infantilist translingualism of today is emphatically pragmatic.

To be sure, a document can be fragmentary, synecdochic. And a document is itself, we must not forget, an artifact. In our case, it is an involuntary—as imposed by migration—but nevertheless artistically reinforced abandonment of the monolingual paradigm: a happy unlearning. Ostashevsky suggests: "A translingual poetics may be imagined as the poetics of linguistic estrangement, which arises when the poet does not treat the language of writing as native and instead takes up the strategies of a language learner."[10] The idea of treating poetry as a foreign language, again, stems from Russian Formalism, an aspect Ostashevsky discusses in detail. What he does not mention, however, is the fact that recontextualizing this method

[6] Here, too, Ostashevsky already provides the secondary literature, including Yasemin Yildiz's *Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition* (New York: Fordham University Press, 2012).
[7] Ostashevsky, "Translingualism," 188.
[8] Of course, the resulting art remains classically "estranging" (Shklovskii) in relation to the expectations of the market and of purist readers of poetry. – For reasons of space, a section on Lyn Hejinian and Uljana Wolf had to be omitted here.
[9] See Ostashevsky's unpublished manuscript, *The Sayings of Una and Eva Ostashevsky as Recorded by their Father*. I thank the author for giving me access to this manuscript.
[10] Ostashevsky, "Translingualism," 185.

(unlearning one's native language) as an everyday, *non-constructivist* practice implies a partial suspension of those formalist beliefs.

This discrepancy becomes more transparent if we take into account that Ostashevsky describes his English (intonation) as being imperfect: "[…] my voice in English strikes me as dislocated, strained, but also provisional, not the voice of a competent speaker but rather of somebody who does not believe what he himself says."[11] This dislocation implies that translingualism in Ostashevsky's case is a free decision, but by no means a random caprice. Rather, it is a calamity turned into a virtue. Thus, the *sdvig* ('dislocation') of the Russian avant-garde, again and again evoked by Ostashevsky, gains a highly biographical, intimate, and somewhat traumatic component.

Feelings, Language, and the Return to St. Petersburg

Emotions, broken on the surface, are highly perceptible "behind" Ostashevsky's poetry. The *Feeling Sonnets* open with the programmatic line: "It is with profound ambivalence that we inform you of our feelings."[12] The feeling subject is overwritten by a "we" precisely not for the purpose of generalization. Rather, the shift to the unpersonal happens out of a sense of shame that is closely tied to language in another poem through Russian-Turkish paronomasia: "The Russian word for language [*iazyk*] is the Turkish word for pity or shame. / If next time you exclaim 'alas', you wish to do it in Turkish, you cry 'yazık'!"[13] This tipping point between language and embarrassment is already echoed in the title of the volume: *The Feeling Sonnets* are prima facie 'poems *about* feelings'. However, "feeling" can just as easily be read as a participle: '*feeling* poems', poems that, as it were, do the emotional work for the person feeling.[14]

The feeling "I" nonetheless breaks through. In the poem "Teaching a Poem," the speaker looks at the Pont Mirabeau during a poetry seminar in Paris—Ostashevsky has long taught literature on the Paris campus of NYU—and suddenly remembers his daughters: "I think of my daughters. I am here for my daughters / My daughters are not here. Where are my daughters."[15] The ambiguity of the phrase "I'm here for my daughters" is typical of Ostashevsky's poetics. It can be read in the sense of 'I am there when they need me', but ironically, he has to leave

[11] Eugene Ostashevsky, "The Return of the Non-Native," in *Contemporary Translation in Transition*, 293–299, 296.
[12] Ostashevsky, *The Feeling Sonnets*, 9 (sonnet 1.).
[13] Ibid, 64 (sonnet 41.)
[14] Ostashevsky repeatedly refers to the Ukrainian-American linguist Aneta Pavlenko. Pavlenko is the author of the monograph *Emotions and Multilingualism* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005) and many other studies on multilingualism.
[15] Ostashevsky, *The Feeling Sonnets*, 22 (sonnet 13.).

them in order to care for them: He is in Paris to earn money for the family. Despite all the intertextual references to pop (Clara Smith) and high culture (Paul Celan, Dante Alighieri), the poem includes this remarkably direct line: "I want to hold my daughters with my arms but they are not here."[16] Then at the end, we learn that the poem we have just read really consists of the teacher's silence: "My students are waiting for me to say something."[17]

The shameful regret or painful embarrassment that renders speechless perhaps forms the inner core of the *Feeling Sonnets*. This is particularly true of the cycle "Die Schreibblockade." Ostashevsky explains: "My recent poems about the siege of Leningrad—in the *Die Schreibblockade* cycle, a part of *The Feeling Sonnets*—are doing personal historical cleanup that I guess I need to do but that also really annoys and embarrasses me, because I feel like a salesman or an imposter even talking about it."[18] Just as Russian *language* and Turkish *regret* are homonyms, so the cycle conflates the blockade of Leningrad by the Nazis from September 1941 to January 1944 with *blockade* in the sense of 'writer's block'. A feeling of shame prohibits the later-born from uttering even one pathetic word about the blockade. He mentions his childhood in the traumatic "shadow" of the blockade. His family was directly affected by the famine and, as many families, rarely discussed it openly.[19] A 'writer's block' threatens to undermine even postmemory's attempt to engage with the famine. Yet Ostashevsky refunctionalizes the German term *Schreibblockade* by separating the two words of the compositum: *schreib Blockade!* 'write [the] blockade!'[20] The aim, then, is not to 'represent' it, but to *write* it according to the principle "Actually [language] says words, not things" (sonnet 14., "Казнь = песнь"[21]). Beginning with the title, paronomasia also documents the doubts as to whether this cycle can and should be written in the first place.

The cycle opens with the line: "I have returned to the city of my dead," which is anything but free of pathetic intonation.[22] The line turns out to be a rewriting of Osip Mandel′shtam's 1930 poem "Ia vernulsia v moi gorod, znakomyi do slez…" But the pathos shifts. Instead of "my city"—which it has long ceased to be[23]—it reads "my dead." Just as it seems impossible to say "I" at the outset in relation to feelings, it now feels false to connect the possessive

[16] Ibid.
[17] Ibid, 22.
[18] "United Space: Uljana Wolf and Eugene Ostashevsky in Conversation," in *Contemporary Translation in Transition: Poems, Theories, Conversations*, ed. by Maria Khotimsky et. al. (Boston: Academic Studies Press, 2024), 78–97, 79f.
[19] Ibid., 91.
[20] Ostashevsky ("The Return of the Non-Native," 298) mentions himself this second understanding of the title.
[21] Ostashevsky, *The Feeling Sonnets*, 23.
[22] Ibid., 45 (sonnet 29.).
[23] "the city I came from that I no longer came from" (Ostashevsky, "The Return of the Non-Native," 294).

pronoun with origin. So, the pronoun moves towards the dead. Pathetic, "prophetic," but also more conventional, would have been "my *death*." "My dead," by contrast, reads like a lapse. Mandel′shtam's "znakomyi" returns in a later poem as a ghost. The sonnet 41. reiterates the line, "I have returned to the city of my dead," but it is followed by a shorter line, "It is my familiar."[24] The city is "familiar" inasmuch as it has turned into a *familiar* 'phantom'.

Example: A Sugrob Is No Drift

The practical reason for the trip to St. Petersburg in "Die Schreibblockade" is a poetry reading with the poet who has traveled from afar, followed by "many new friend requests."[25] The attempt at an anamnesis of the city—Ostashevsky left the Soviet Union with his family in 1979 at the age of eleven—bursts into what is an eruption of puns, which I would like to unravel in what follows: "In my ahistorical childhood, I translated over snowdrifts in courtyards, past frozen garbage. / Snowdrift is *sugròb*. A *sugrob* is no drift. It is an understudy for a coffin. / Courtyard is *dvor*. Courtiers are *dvoriàne*. They study fencing. / They fence in the entrance. They fence nylons. They fence rations. They are brought rations and then they fence them. It is the rational thing to do."[26] The text is based on Ostashevsky's childhood, which, from the viewpoint of the returnee, has no 'historicity' in that none of his languages correspond to it, neither Russian nor English. This absence evokes the foreign language lessons in Leningrad he attended in the 1970s. The lessons took place behind the Big House (Bol′shoi Dom), the headquarters of the secret police since 1934. As the speaker notes at the end of the poem: "My journey to second-language acquisition took place in the courtyards behind the Big House. I did not know it at the time."[27] The poem introduces the wintry view into these courtyards and the garbage dumps in them. The *past* in "past frozen garbage" can be read as an adjective to say, 'frozen garbage belonging to the past', *or* as a preposition: 'along frozen garbage'. I assume that the second version triggers an etymologization of the "drifting" in *snowdrifts*. This intermediate step is followed by a rhetorical *negatio*: "Snowdrift is *sugròb*. A *sugrob* is no drift." In other words, the retranslation into Russian removes the dynamic: By way of paronomasia, *snow drift* becomes *is no drift*. *Sugrob*, for its part, is, again, translated back into English: *su-* in *sugrob*, I assume, is taken as French *sous* 'under', *grob*, clearly, as Russian 'coffin' and possibly also German *grob* 'rude'. *Sous* and the context of language learning associate *understudy* 'proxy'. Thus, *sugrob* becomes a replica for *coffin*. By

[24] Ostashevsky, *The Feeling Sonnets*, 64.
[25] Ibid., 46.
[26] Ibid., 47 (sonnet 30.).
[27] Ibid, 48.

translating courtyard back into Russian (*dvor*), the text brings forth *dvoriane*, the St. Petersburg aristocrats who practiced fencing in pre-revolutionary Russia. However, this is less gallant fencing than fencing on the precipice of *subgrob*: *fencing* 'noble leisure' immediately becomes 'fencing in', then, via *fencing* 'resell stolen goods', finally 'bargaining for food rations'—which brings us to the Leningrad blockade, during which almost a million people died of hunger. The "fencing in" now applies to the *fencing* as desperate 'defense' of the scarce food. Moreover, this non-sharing of the ration becomes something 'rational' through poetic etymology: "It is the rational thing to do." I hold the rhetorical brevity of this conclusion to be highly relevant within Ostashevsky's poetics as an implicit antithesis to paronomastic excess.

Conclusion: Documentarism and Laconism as Counterpoints to Paronomasia

These are only a few of the myriad striking puns in *The Feeling Sonnets*. So far, I have not even touched upon questions of interpretation. What does translingualism do beyond its technically analyzable workings? What does it evoke that cannot be dealt with by way of explanation? Clearly, Ostashevsky does have an unmistakable tone of his own that is not absorbed into the fabric of translingualism, a tone that comes through regardless of his renunciation of a "native" voice. In a nutshell, I would argue that the surplus lies largely in the linkage with laconism. Laconism opens a space of the unsaid, which is broader than the visible and audible text. These sonnets are "feeling," and not lost in language, thanks to their laconic rhetoric.

If I have argued that Ostashevsky's translingualism documents the global condition, this documenting practice constitutes an evident fact insofar as it lays bare everyday linguistic confusion (in a transnational family). What is not evident, however, is what documentarism means in relation to the trauma of the blockade of Leningrad. After all, a famine cannot be shown, neither in traditional nor in experimental poetry. What Ostashevsky documents is more his perplexed and "annoyed" *approach* to the phenomenon. German plays a role in the cycle as the language of the army, which achieved alleged *Siege* (German for 'victories') on the Eastern Front, not least through its (in English) *Siege* 'blockade' of Leningrad.[28] As Ostashevsky notes, however, more crucial to the cycle was the intrusive presence of the German language in his family: "*Die Schreibblockade* is more about my immediate family and my immediate existential situation than evident at first glance. One painful problem is how do I explain anything to my daughters, who are German?"[29] The difficulty of communication

[28] See sonnet 36. (Ostashevsky, *The Feeling Sonnets*, 55) and "United Space: Uljana Wolf and Eugene Ostashevsky in Conversation," 91.
[29] Ibid, 91, 93.

becomes an irrefutable condition for the translingual dealing with the siege of Leningrad.

Thus, "Die Schreibblockade" is fundamentally metapoetry, both linguistically and epistemologically. This is almost a truism. What Ostashevsky never addresses in his self-commentaries is the question of *effect*: Is the effect of the paronomastic chains one of "unnaturalness," as Ostashevsky himself describes it?[30] And if so, what does unnatural mean? One might argue that the effect is precisely the opposite, i.e. that a sense of kinship between things apart results from the method of linguistic conflation, so that the intimate translingual 'pragmatism' would correspond to a neo-romantic search for "cosmic connections" (Charles Tayor).

This is a hypothesis. To be more 'objective', I suppose one has to ask about irony. How (un)ironic is Ostashevsky's project? How ironically broken (or not) is his programmatically inauthentic poetic speech? This is another aspect that Ostashevsky does not address in his self-commentary. Since in his work, paronomasia not only appears as a latent principle of poetics, but spreads tangibly throughout the pages virtually without leaving a gap, there is little room for what in rhetoric is called *pronuntiatio*, i.e. the preparation and signaling of irony.[31] From such a "classical" perspective, irony seems to be everywhere and nowhere in Ostashevsky's writing.

However, there are two relativizing factors, one contextual and one rhetorical: on the one hand, documentarism, on the other, laconism. As we know, brevity does not actually regulate anything. Instead, it might become an amplifier of *obscuritas*, of indeterminacy.[32] How, then, can it be a restraining factor? The intimate documentary dimension first puts the brakes on the self-centered workings of paronomasia and then draws the laconism of Ostashevsky's sober tone to its side. By virtue of this new proportion his writing creates a certain distance to universal paronomasia und hints at a fragile equilibrium of form.

This is how I would conceive, most tentatively, of the paronomastic translingualism of Eugene Ostashevsky's *The Feeling Sonnets*. In the distancing factors—documentarism and laconism—I see points of reference for such a discussion that puts facets on the critical agenda that Ostashevsky himself would not have addressed, leaving the *interpretation* of his poetic translingualism to the reader.

---

[30] "Evgenii Ostashevskii" [interview], in Iakov Klots, *Poëty v Niu-Iorke: O gorode, iazyke, diaspore* (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 498–546, 539 ("неестественность отношения между языком и реальностью").
[31] Famously, in Umberto Eco's *The Name of the Rose*, the young monk Adson of Melk complains that his master William of Baskerville does not mark irony. See Umberto Eco, *Il nome della rosa* (Milano: Bompiani, 1980), 150.
[32] See Christian Zehnder, "Das Pathos der Nüchternheit. Über die Aktualität des Lakonismus," *Poetica* 53 (2022), 125–152, 134f.

BLOC 2.21
L'IMPACT DE L'ŒUVRE D'A.F. LOSEV SUR LE DÉVELOPPEMENT DU DIALOGUE DES CULTURES ENTRE LA RUSSIE ET L'OCCIDENT / ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А. Ф. ЛОСЕВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Organisateur : VLADIMIR MARCHENKOV

Елена Тахо-Годи А. Ф. Лосев и Николай Кузанский: реконструкция диалога 1

Annett Jubara Неоплатонизм в творчестве Лосева как средство описания структуры разных картин мира: «Запад» *vs*. «Восток»? 4

Holger Kuße Учение А. Ф. Лосева о стиле и европейское языкознание его времени. 8

Lilianna Kiejzik А. Ф. Лосев в Польше 15

А.Ф.ЛОСЕВ И НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИАЛОГА

Елена Тахо-Годи

Интерес к Возрождению зародился у Лосева ещё в гимназические годы. Будучи студентом Московского университета, в ходе командировки в Германию в 1914 г. он занимался изучением средневековой схоластики. Содействовала такому интересу и сама эпоха серебряного века с её вниманием и к Возрождению, и к Средним векам, с ее дискуссиями о правомерности Нового Средневековья или Славянского Возрождения.

Исследовательский интерес к Возрождению начинается в 1920-е гг., когда Лосев читает лекции по истории эстетических учений в Московской консерватории и берется за изучение традиций неоплатонизма в европейской мысли. Это побуждает его пристально вникнуть в наследие немецкого философа-неоплатоника Николая Кузанского, чье имя впервые появляется в книге «Античный космос и современная наука» (1927) при анализе античного космоса.

На Кузанского Лосев мог обратить внимание под влиянием вышедшего в 1921 г. второго издания книги «Platos Ideenlehre» П. Наторпа, наметившего «великую всемирно-историческую линию», ведущую «от Платона через Плотина и затем Псевдо-Дионисия и Иоанна Эриугену к средневековой мистике, к Экхарду и Николаю Кузанскому» [1, с. 856]. Правда, эта «всемирно-историческая линия» была намечена и самим Кузанским в первых строках наиболее важного для Лосева тетралога «О Неином», где упомянуты и платоновский «Парменид», и комментарии к нему Прокла, и учение Аристотеля, и богословие Дионисия Ареопагита.

В 1920-е гг. Лосев пишет книгу «Николай Кузанский и средневековая диалектика», которая, вероятно, наиболее полно отражала его представления о судьбах не только западноевропейской схоластики и раннего Возрождения, но и византийской мысли. Однако, отданная в типографию в 1930 г., она бесследно исчезнет из-за ареста автора. В 1929 г. он также готовит к изданию перевод трактата Кузанского «О неином» с комментариями и приложениями из Дионисия Ареопагита, Марка Эфесского, Доменика Гундиссалина со вступительной статьей «Исторический контекст трактатов Николая Кузанского». Ныне эти работы 1920-х гг. частично реконструированы по сохранившимся в личном архиве мыслителя фрагментам [см.: 3].

В середине 1930-х гг. Лосев задумывается издание Николая Кузанского, включающего трактаты «Об уме» и «О неином». В 1937 г. выходит однотомник сочинений Кузанца, включающий три лосевских перевода трактатов — «Об уме», «О

неином», «Простец об уме», но издательство Соцэкгиз отказалось публиковать его комментарии к переводам.

Вниманию к Возрождению и к Кузанцу содействовало и исследование Лосевым споров о Фаворском Свете святого Григория Паламы и варлаамитов, о чем можно прочесть в его «Очерках античного символизма» (1930). В обнаруженном в 2024 г. фрагменте книги о Кузанце, не попавшем в двухтомник 2016 г., Лосев писал: «Диалектические споры в XIV веке в Византии, к сожалению, совсем мало изученные, имеют для нас огромный историко-философский и даже историко-культурный интерес. Дело в том, что здесь ставился великий вопрос о двух великих культурах — о средневековье и возрожденчестве. В этих зеркальных, диалектических и мистических учениях мы прозреваем борьбу двух великих мировоззрений, двух культур. <...> Победил Палама, и Византия еще раз блеснула мистической роскошью Ареопагитик, но Византия тут же и умерла <...>, а побежден был Варлаам, зато через столетие, правда, не в Византии, а там, где была для этого почва, раздался мощный возрожденческий клич и поднялось могучее — уже мировое — варлаамистов — протестантизма».

В середине 1920-х гг. Кузанский для Лосева — последняя точка синтеза византийского и западного богословия, далее которой их пути навсегда расходятся. Он полагал, что Кузанский примыкает к традиции «антично-византийского диалектического и мистико-мифологического платонизма, но отбрасывает небрежение к внешней форме этой философии» [3, т. 1, с. 105], взяв у западной схоластической традиции «чисто логическую обработку и огромную мыслительную мощь конструкции» [там же]. Вместе с тем Лосев ставил перед собой задачу положить «решительный конец» близорукости исследователей, которые, «читая византийские апофатические тексты», не могут уловить «в них разницы с неоплатоническим Единым» [3, т. 1, с. 359]. Отсюда его идея приложить к текстам Кузанского переводы из Дионисия Ареопагита – «О Божественных именах», о «Таинственном богословии» вместе с письмом Кузанца об этом трактате, а также «Силлогистические главы против ереси акиндиновцев о различении божественной сущности и энергии» Марка Эфесского. К концу 1920-х гг. Кузанский уже видится Лосеву типичным представителем латинства, которое не в состоянии понять то, что «Абсолют Сам Себя удостоверяет, Сам Себя доказует и показует, и что никакое тварное усилие не может ни доказать, ни показать Абсолюта» [3, т. 1, с. 196].

И позднее, в «Эстетике Возрождения» (1978) западное латинство с его «расцветом средневековой схоластики» в XIII в., основанном на том же неоплатонизме, «с

необходимой для христианства его ареопагитской обработкой», оказывается, по Лосеву, логичным преддверием Возрождения, открывая «дорогу к всеобщей секуляризации» [2, с. 153]. По Лосеву, аналогичное происходит и с основой неоплатонизма — с разработанной Платоном диалектикой, которая может быть «своей» и для языческого мира, и для христианского, и даже для социалистической эпохи, в зависимости от того, что в ней выдвигается на первый план и с какой целью.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий; вступ. ст. В.П. Троицкого. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2023.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / Общ. ред. и подгот. текста А. А. Тахо- Годи. 2-е изд. М.: Академический проект, 2021.

Лосев А. Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях. В 2 т. / Отв. ред., сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.

НЕОПЛАТОНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛОСЕВА КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ СТРУКТУРЫ РАЗНЫХ КАРТИН МИРА: "ЗАПАД" *VS*. "ВОСТОК"?

ANNETT JUBARA (DEUTSCHLAND)
Johannes Gutenberg-Universität Mainz
jubara@uni-mainz.de

Алексей Лосев — современный неоплатоник. Более того, неоплатонизм служил ему, как бы необычно это ни было для философа и историка философии XX века, также ключом к пониманию истории философии и, что еще более необычно, — ключом к пониманию истории культуры. Неоплатонизм дает абстрактную схему, которая описывает структуру дискурсов, определяющих картины мира различных культур, отделенных друг от друга в пространстве и времени, но вязанных общим наследием: греко-римской античностью. Эта связь через общее наследие и вытекающая из нее возможность методически единого описания этих культур составляет основу для их сопоставимости.

Поэтому подход Лосева является особенно плодотворным для понимания сходства и различия западных и восточных картин мира. При этом под «Западом» понимается западноевропейская культура, а под «Востоком» — как культурный мир, сформированный исламом, так и культура Византии и византийского культурного пространства. Этот подход позволяет осмыслить противостояние Востока и Запада не как культурно-пространственное, а как культурно-временное. Западный неоплатонизм эпохи Возрождения в определенный исторический момент отсоединился от общего средневекового западноевропейского, византийского и арабо-исламского неоплатонизма. В этой связи нужно говорить об "особом пути" западного неоплатонизма эпохи Возрождения, нежели о противостоянии Запада и Востока.

Оригинальная, сама по своему происхождению неоплатоническая концепция «картина мира»[1] не была использована самим Лосевым. Я использую ее как инструмент, чтобы сделать исследования Лосева по различным неоплатонизмам — античному, византийскому и ренессансному неоплатонизму —плодотворными в том русле, в котором работал сам Лосев; плодотворными для концептуализации самосознания античной культуры и тех культур, которые относились к античности как к своему наследию.

Почему можно применить неоплатоническую концепцию «картина мира» к культурам, которые относились к античности как к своему наследию? Связующим элементом является теология. Как отцы церкви, так и исламские богословы опирались

[1] См. Jubara 2023.

на философию неоплатонизма при разработке своих богословских систем; на философию неоплатонизма, которая, как показал Лосев в своей многотомной «Истории античной эстетики»[2], может быть понята как своего рода философская «сумма» античной культуры и истории духа. В то время как конструкции античных неоплатоников основывались на греческой мифологии как на своем «материале», который они символически интерпретировали — в этом заключалась данная философия — сами эти конструкции оказались отделимыми от своей основы и переносимыми на другую почву — на почву христианской или исламской религии откровения. Христианские и исламские богословские системы были выражением религиозной жизни, и более того: поскольку повседневная и культурная жизнь как в исламском, так и в европейском средневековье, а также в византийском мире была полностью пропитана религией, такая богословская система (которая является неоплатонической философией) одновременно описывает преобладающую в соответствующем культурном контексте картину мира. Последная является картиной мира в структурно-неоплатоническом смысле, поскольку дискурсы, которые ее определяют, являются неоплатоническими дискурсами.

Резкий разрыв представляет собой Возрождение, переход к Новому времени. Картина мира Возрождения и философия ренессансного неоплатонизма больше не основываются полностью на «материале» христианской религии откровения. Кажется, — на это указывают прежде всего произведения изобразительного искусства — что деятели Возрождения все больше обращаются к материалу античного неоплатонизма: к античной мифологии. Обращение к античности также подразумевается в термине «Ренессанс»/«Возрождение». Однако использование античной мифологии в культуре Ренессанса скорее напоминало игру с внешними формами. Как показывает Лосев в своей «Эстетике Возрождения»[3], культура Ренессанса основывалась на совершенно новом мифе; миф, который развернула ренессансная культура. Результат этого разворачивания, его структура, рассматриваемая через призму неоплатонической философии Ренессанса, может быть понята как новая, своеобразная картина мира. Основополагающий новый миф — гуманизм. Это миф о самом человеке, который наиболее ярко выражен в знаменитом изображении Леонардо «Витрувианский человек», которое также служит иллюстрацией к изданию Лосевского «Эстетики возрождения» за 1978 год.

[2] Особенно тома Лосев (1988) и Лосев (1992).
[3] Лосев (1978).

Сравнение культур на методической основе неоплатонической *картины мира* показывает, с одной стороны, близость и родство между культурно-пространственно различными картинами мира. С другой стороны, сравнение также демонстрирует резкий разрыв, который, однако, не проявляется на оси Восток-Запад. Скорее, этот резкий разрыв является не культурно-пространственным, а культурно-временным: он существует между европейской средневековой картиной мира и ренессансной картиной мира, т.е. картиной мира нового времени.

Таким образом, родственные отношения этих отдельных картин мира представляются иначе, чем обычно: европейская средневековая, византийская и арабо-исламская картины мира оказываются тесно связанными друг с другом, поскольку каждая из них является символической интерпретацией лежащего в ее основе откровения (которое заменяет античный миф), в то время как картина мира нового времени основывается на совершенно другом, исторически новом мифе — на мифе о человеке, на гуманизме. Таким образом, европейская средневековая картина мира оказывается более тесно связанной с арабо-исламскими и византийскими картинами мира, чем с европейской картиной мира нового времени. Подобным образом резкий разрыв видит и Блуменберг, который отказывается интерпретировать культуру нового времени как секуляризацию теологических основ средневековья. Например, «начала исторического сознания нельзя охватить с помощью категории секуляризации теологического понимания истории».[4] По мнению Блуменберга, эти начала основываются на собственных, самостоятельных предпосылках нового времени, например, на том, что «человек [...] считает себя тем, кто „создает историю“. Тогда он может считать возможным вывести ход истории из самосознания [...] субъекта.»[5] Таким образом Блуменберг обосновывает «легитимность нового времени» (так звучит перевод заглавия его известной книги.) Лосев также, благодаря своему подходу, резко отделяет новое время от средневековья. Исходя из этого подхода новое время не может рассматриваться как простое продолжение средневековья; новое время и средневековье не образуют единый культурный тип, как, например, у Шпенглера „das christliche Abendland“ - «христианский Запад».

В то же время „Эстетика возрождения“ Лосева не является ни гимном Ренессансу, ни даже объективным описанием различных картин мира и, следовательно, культурных типов. Ее критический, частично явно отрицательный взгляд на новое время не может

[4] Blumenberg (1996), 43. Перевод с немецкого: A.J.
[5] Там же. Перевод с немецкого: A.J.

быть не замечен. Причина этой критики Лосевым заключается в отказе нового времени от христианско-неоплатонической картины мира и выборе новой, которая с помощью аналитического инструмента „картина мира“ больше не может квалифицироваться как христианская, поскольку его основой является не откровение, а гуманизм. Таким образом, эта картина мира в глазах Лосева является отступлением от христианства. Он относится к этой новой картине мира с большой долей скептицизма, поскольку Лосев является не просто неоплатоником, а христианским неоплатоником. Здесь можно задавать критический вопрос: Действительно ли именно неоплатонические дискурсы лежат в основе мировоззрения нового времени, и можно ли его вообще анализировать с помощью неоплатонического инструмента «картина мира»?

ЛИТЕРАТУРА

Лосев, А.Ф. (1978): *Эстетика возрождения*. Москва: Мысль

Лосев, А.Ф. (1988): *История античной эстетики. Последние века*. Книга I, II. Москва: Искусство.

Лосев, А.Ф. (1992): *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*: В 2х книгах. Книга 1. Москва: Искусство.

Blumenberg, Hans (1996): *Die Legitimität der Neuzeit*. Erneuerte Ausgabe, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Jubara, Annett (2023)*:* Weltbild. Ein neuplatonisches Konzept und sein Erklärungspotential für Aleksej Losevs Geschichte der antiken Philosophie, in: Oleg Bychkov / Henrieke Stahl / Elena Takho-Godi (eds.), *Cultures, Epochs, Ideas, Styles. A Festschrift for Aza Takho-Godi's 100th Birthday*. Lausanne - Berlin - Bruxelles - Chennai - New York – Oxford: Peter Lang, 389-398.

УЧЕНИЕ А. Ф. ЛОСЕВА О СТИЛЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЕГО ВРЕМЕНИ

Хольгер Куссе (Германия)

Введение: издание лосевских работ о стиле

В 2019 году отдельным изданием вышла книга «Учение о стиле» с двумя работами А.Ф. Лосева по вопросам стилистики. В сущности она является переизданием монографии «Проблема художественного стиля» 1994 года с новыми введением, послесловием, дополнительными исследовательскими материалами и лосевскими текстами. В нее вошли две работы «Некоторые вопросы из истории учений о стиле» и «Теория художественного стиля», которые, как отмечает А.А. Тахо-Годи в своем послесловии к первому изданию, были впервые опубликованы в полном объеме в 1994 году (Лосев 1994: 275–276). Написанные в 1970-х годах, они публиковались лишь фрагментами в различных журналах. Лосев при жизни не мог найти для них издательство (там же).

Две части можно читать независимо друг от друга: первую – как небольшое учебное пособие по истории европейской теории стиля с XVIII до первой половины XX века, вторую – как систематическое исследование понятия стиля. Однако обе части внутренне взаимосвязаны между собой. С одной стороны, избранные Лосевым определения стиля и теории стиля в энциклопедическом обзорном первом разделе напрямую вытекают из его собственных поисков определений и формирования теории стиля, а с другой – первый раздел дает подходы к лингвотеоретической базе формирования этой самой теории. Как утверждает К.В. Зенкин во введении к изданию 2019 года, в первом разделе «применен метод эмпирического изучения всех возможных смысловых нюансов слова «стиль»» (Зенкин 2019: 9).

Определения отрицания

Как и в известной книге 1930 года «Диалектике мифа», поиск определения происходит в отрицаниях. Как верно замечает К.В. Зенкин, «данный метод применяется Лосевым не всегда, а лишь в связи с категориями особой смысловой наполненности и сложности (в этом отношении стиль действительно сродни мифу)» (Зенкин 2019: 10). Лосев приводит 26 определений, построенных по принципу отрицания. Некоторые из них состоят из нескольких отрицаний того, чем «стиль» *не* является, например:

> «(2) Художественный стиль не есть отвлеченная идея того или иного предмета», «(4) Художественный стиль предмета не есть его содержание».

Однако отрицания могут быть ограничительными или даже усилительными, в том числе в конструкциях с*только* и *не только – но и* (ср. Kuße 1998: 300-305):

> «(5) Художественный стиль не есть просто только его форма», «(10) Художественный стиль произведения не есть всего только его художественное содержание», «(25) Художественный стиль не есть только отражение действительности, но и обратное воздействие на действительность» и т.д.

Таким образом, речь идет не об абсолютных, а об относительно отрицательных определениях, в которых отрицается исключительность той или иной попытки определения (ср. таже Лоскутникова 2011: 132).

Определения утверждения

После негативных определений Лосев переходит в § 2 «Опыт определения понятия художественного стиля» к определениям понятия стиля в утвердительной форме и дальше развивает их в § 3 под названием «Примерная классификация первычных моделей художественного стиля» в различных классах стилей, таких как индивидуальные стили («стиль Пушкина», «стиль Гете» и др.) или атрибутивно определяемые стили («научный стиль», «эмоциональный стиль» и т.д.) (Лосев 1994: 245). Они относятся к разным моделям («Модели из неорганической природы», «Модели из мира одушевленной и разумной природы» и т. д.). Окончательное, комплексное определение понятия стиля, которое Лосев приводит в § 2, раскрывается терминологическим рядом: *конструирование*, *(первычная) модель* и *(художественная) структура*:

> «Он [стиль] есть принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе его тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его первичных моделей, ощущаемых, однако, имманентно самим художественным структурам произведения» (Лосев 1994: 226).

Стиль как *инобытие* (1927)

В «Диалектике художественной формы» 1927 года Лосев уже сформулировал позитивное определение стиля, которое он приводит в обзоре «Некоторые вопросы из истории учений стиля» как корень собственной теории стиля. Это определение стиля как *инобытия* художественного образа. Художественное произведение раскрывает себя через то, чем оно само не является:

> «Стиль есть соотнесение художественного образа с тем, что не является им самим, с тем, что является для него только инобытием. Если мы умеем в стиле данного художественного произведения определить то иное, что не есть собственно художественное произведение, это значит, по А. Ф. Лосеву, что мы вступили в область стиля» (Лосев 1994: 165).

На самом деле, существует такое употребление слова *стиль* в смысле обозначения того, чем предмет *не* является. Такие примеры, как «это – в стиле Третьей империи», «это – в стиле Людовика XIV», «это – в античном стиле» (там же), не подразумевают, что данный предмет действительно античный или относится к эпохе Людовика XIV.

Лингвистика в теориях стиля XX века

С перспективы отрицания и инобытия можно рассматривать и историю стилистики в первой части, поскольку в общей композиции «Некоторые вопросы из истории учений о стиле» и «Теория художественного стиля» отрицательные понятийные конструкции второй части отвечают ряду определений в утвердительной форме, рассмотренных в первой части.

«Некоторые лингвисты» – название любопытной главы, в которой представлены наследники Гумбольдта, в том числе К. Фосслер, и структуралисты Ш. Балли и П. Гиро. Свои наблюдения об этих ученых Лосев дополняет отдельными главами о других лингвистах и литературоведах XX века, в том числе о представителе аналитизма И. А. Ричардсе. Таким образом Лосев вписывает свой собственный подход к стилистике и вопросам понимания в современные ему мировые течения гуманитарных наук.

Первый лингвист, которого представляет Лосев, – филолог-романист Карл Фосслер (Karl Vossler, 1872–1949). В 1904 году Фосслер опубликовал работу на тему «Позитивизм и идеализм в языкознании», в которой он вслед за Гумбольдтом выступил против лингвистического позитивизма. Лосев ссылается на книгу «Дух и культура в языкознании» (1925), из которой он подробно цитирует отрывки, представляющие стиль языка как выражение национальной идентичности:

> «Гений или дух языка есть ее гениальность, следовательно, не выдумка, но определенная сила, определенная одаренность, определенный темпарамент» (Лосев 1994: 141).

Фосслер развивал разновидность гумбольдтианства, где идентичность людей в меньшей степени связана с грамматической структурой и лексикой языков, на которых они говорят, и в большей – с конкретным выражением в использовании языка.

> «Таким образом, стиль языка не есть не что иное, как *изваяние* соответствующей национальности и скульптурно выраженная национальность» (там же: 142).

Под влиянием Фосслера филолог-романист и литературовед Зигфрид Лео Шпитцер (Siegfried Leo Spitzer, 1887–1960)также косвенно ссылается на Гумбольдта, но он, вслед за Эрнстом Кассирерой (о котором Лосев отдельно говорит в «Теории

художественного стиля»), расширяет гумбольдтовскую связь между языком и мыслью, включая в нее особые формы выражения, в том числе те, которые можно обобщить как *стиль*. Лосев приводит цитату из книги «Исследования стиля» (1928) и подчеркивает здесь, что для Шпитцера индивидуальность языка, а также индивидуальность человека, использующего язык, может быть распознана в стиле:

> «Стиль и есть это живое и неповторимое, индивидуальное оформление как языка, так и той гениальности, которая является творцом языка» (Лосев 1994: 142).

В случае с Шарлем Балли (Charles Bally, 1865-1947) обзор переключается на структурализм. Лосев ссылается на книгу «Французская стилистика» (1961) и отмечает, что стилистика Балли гораздо более формальна, чем у Фосслера или Шпитцера, поскольку ему, как структуралисту, чужд тезис о лингвистическом (стилистическом) мировоззрении:

> «[Он] хочет изучить стиль не как выражение личности и мировоззрения, но как выражение формальных средств языка, которые уже затем используются писателями для своих эстетических целей» (Лосев 1994: 143).

Однако Лосев не полемизирует с «формалистом», а находит в нем содержательно насыщенный формализм:

> «Формализм всегда пуст. Но то, как Ш. Балли привлекает языковые средства для эстетического выражения, отнюд не пусто, а весьма содержательно» (там же).

Говоря о следующем лингвисте, представленном по этой линии, Пьером Гиро (Pierre Guiraud, 1912–1983), наиболее известным своими учебниками, Лосев возвращается к индивидуалистической парадигме. Лосев цитирует книгу «Стилистика» (1961) и находит в ней представление о стиле как самовыражении индивида:

Пьером Гиро (Pierre Guiraud, 1912–1983) Однако для Гиро это понятие стиля является результатом социальной валоризации личности в результате культурных и социальных событий XVIII века, которые оказали влияние на развитие риторики и стилистики:

> «Словом, считает П. Гиро, «стиль становится выражением индивидуального гения»» (Лосев 1994: 145).

Из ученых, представленных в отдельных подглавах, первый, лингвист, литературовед и семиотик Айвор Армстронг Ричардс (Ivor Armstrong Richards, 1893–1979), является представителем аналитической философии. Лосев знакомит читателей с очерком «Поэтический процесс и литературный анализ» (1960), аналитизм которого Лосев, как ни странно, оценивает весьма положительно:

> «Сейчас мы приведем рассуждения одного автора, которое нам лично представляется безукоризненным, но которое весьма многими литературоведческами критиками либо отрицается целиком, либо признается только отчасти» (Лосев 1994: 145).

Лосев не отвергает в корне чисто лингвистическую трактовку понятия стиля, а просто заявляет:

> «Та работа, которую мы сейчас изложим, как раз и ставит своей целью защитить стиль как явление чисто языковое […] Таким образом, естественным подходом к литературному анализу поэтического произведения может быть только лингвистический разбор текста» (там же: 146, 149).

В отличие от Ричардса, итальянский лингвист Джакомо Девото (Giacomo Devoto, 1897–1974) – снова мыслитель, близкий к гумбольдтианству. Лосев цитирует «Новые исследовании в стилистике» (1962) и подчеркивает здесь связь между стилем и обществом, рассматриваемую Девото как «общественно-личное начало» (Лосев 1994: 151). Этот общественный взгляд на стиль Лосев показывает в различных переведенных им отрывках:

> «Стиль есть *соотношение* между творящей личностью и обществом, в котором она трудиться» (там же), «Всякое произведение, поэтическое или любое непоэтическое, исходит из личной сферы в стилистическое пользование общества» (там же), «общественный момент [...] необходим [...] для дальнейшего исторического функционирования [стиля]» (там же: 152).

Далее следуют краткие представления польского историка литературы Генрика Маркевича (Henryk Markiewicz, 1922–2013) и британского лингвиста Роджера Фаулера (Roger Fowler, 1938–1999). Первый понимает стиль прежде всего как фигурацию языковых элементов, в то время как второй придерживается более социолингвистического подхода. С последним автором этого ряда, французским лингвистом, романистом, итальянистом и переводоведом Жоржем Муненом (Georges Mounin, 1910–1993) Лосев уже переходит к теоретической части с его негативными определениями стиля. Этот подраздел, в котором представлен «Ключ к стилистике» (1968), очень подробен, поскольку Лосев находит у Мунена обзор теорий стиля и, таким образом, посредством французского автора может представить теорию коммуникативных функций русского лингвиста-эмигранта Романа Якобсона (Roman Jakobson, 1896–1982), например, с определением поэтической функции как концентрации на форму коммуникации (Лосев 1994: 156). К тому же Лосев смог распознать близость к Мунену в его имплицитно отрицательном определении стиля как «отступление» (ecart) (Лосев 1994: 155). Тем более интересно, что позиция Лосева остается весьма критической по отношению к Мунену (Лосев 1994: 158). Однако Лосев приветствует четкое осознание Муненом

сложности понятия стиля, который не может быть сведен к отдельным элементам и характеристикам. И этим Лосев уже непосредственно подошел к процессу отрицания, который он использует в «Теории художественного стиля» .

Теории и определения стиля

Просмотр ряда авторов и произведений показывает, что стиль может быть поставлен в различные отношения: к отношениям между языком и нацией (Карл Фосслер и отчасти Джакомо Девото), к личности (прежде всего Лео Шпитцер, а также Пьер Гиро и Джакомо Девото), к обществу и его историческому развитию (Пьер Гиро, Джакомо Девото, Роджер Фаулер) и, наконец, к форме объекта (Шарль Балли, Айвор Армстронг Ричардсон, Генри Маркевич, Роман Якобсон).

В «Теории художественного стиля» Лосев устанавливает такие взаимосвязи в своих определениях отрицаниях с конструкцией *не только*, из которых складывается положительное понятие стиля с вышестоящими терминами *принцип конструирования*, *потенциал художественного произведения*, *первычная модель* и *художественная структура произведения*. Приведем несколько примеров.

Тема «язык и нация» имплицитно присутствует в концепции органицизма в 20-м отрицании, поскольку и язык, и нация могут истолковываться в таких теориях по аналогии с организмами. Односторонняя органическая трактовка понятия стиля отвергается в негативном определении:

> «(20) Художественный стиль не есть только организм, хотя он и есть нечто органическое» (Лосев 1994: 199)

Отношения между личностью и обществом затрагиваются несколько раз и описываются в процессе отрицания как сложное взаимодействие; например:

> «(22) Художественный стиль не есть и нечто личное, индивидуальное, но он в такой же мере, как индивидуально-личноее, содержит в себе и общественное» (Лосев 1994: 199); «(26) Художественный стиль не есть только природное явление, хотя и возникает в природе, не есть только явление искусства, хотя и возникает в искусстве, не есть только личное переживание или общественное событие, но создается, процветает и умирает исключительно исторически» (там же: 206–207).

Стилистика, ограничивающаяся вопросами формы, однозначно отвергается, равно как и расширение ее до отношений «форма-содержание», если понятие стиля должно ограничиваться только этим:

> «(5) Художественный стиль предмета не есть просто только его форма» (Лосев 1994: 179);«(6) Художественный стиль предмета не есть просто только слияние его содержания с его формой» (там же: 179)

Положительные дефиниции и классификации в европейской филологии

Связь с европейскими лингвистическими и литературоведческими дискуссиями в виде определений отрицаний стиля становится обрамляющим приемом в общей композиции двух частей, поскольку в «Теории художественного стиля» Лосев дополняет классификацию стилей с подходами из европейской лингвистики, литературоведения и философии. В пяти отдельных разделах, каждый из которых состоит из одной книги, Лосев представляет, между прочим, философа Эрнста Кассирера (Ernst Cassirer, 1874–1945) и филолога-романиста Анри Морье (Henri Morier, 1910–2004). Лосев ссылается на книгу *La psychologie des Styles* (1959) и характеризует теорию Морье как «безусловным достижением попытки именно *модельной* характеристики стилей». Она для Лосева была принципиально значимой: «В этом смысле работа А. Морье безусловно заслуживает самого глубокого внимания» (Лосев 1994: 274). Таким образом, Лосев заканчивает свою книгу отсылкой к другой, открывая тем самым свою стилистику для дальнейших дискуссий о стиле в европейском научном диалоге.

ЛИТЕРАТУРА

Зенкин К.В. 2019: Понятие художественного стиля в трудах А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф., Учение о стиле. А.А. Тахо-Годи / Е.А. Тахо-Годи (ред.). Москва / Санкт-Петербург: Нестор-История, С. 7–22.

Лосев А.Ф. 1994: Проблемы художественного стиля. А.А. Тахо-Годи (ред.). Киев: Киевская Академия Евробизнеса – 285 с.

Лосев А.Ф. 2019: Учение о стиле. А.А. Тахо-Годи / Е.А. Тахо-Годи (ред.). Москва / Санкт-Петербург: Нестор-История – 456 с.

Лоскутникова М.Б. 2011: Проблема художественного стиля в трудах А.Ф. Лосева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»,№ 4 (2011), С. 130–135.

Тахо-Годи А.А. 1994: Послесловие // Лосев А.Ф., Проблемы художественного стиля. А.А. Тахо-Годи (ред.). Киев: Киевская Академия Евробизнеса, С. 275–276.

Kuße H. 1998: Konjunktionale Koordination in Predigten und politischen Reden. Dargestellt an Belegen aus dem Russischen. München: Otto Sagner – 523 + XVI S.

А.Ф. ЛОСЕВ В ПОЛЬШЕ

LILIANNA KIEJZIK (POLSKA)
University of Zielona Góra
E-mail: l.kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

Творчество А.Ф. Лосева известно в Польше специалистам, которые занимаются проблематикой истории русской философии, но не до конца известно широкому кругу исследователей. Возможно потому, что его книги редко переводились на польский язык. В выступлении рассматриваю порядок восприятия творчества А.Ф. Лосева в Польше. Показываю несколько периодов рецепции его мысли: 1) время до второй мировой войны, 2) время с 50-х по 90-е годы XX века, 3) XXI век. Первые упоминания о А.Ф. Лосеве появились в Польше в 1934 году, когда в СССР он был запрещенным автором. Первый исследователь его творчества это Томаш Парчевский – ученик философа. Впоследствии его творчеством заинтересовались другие, прежде всего ученые в области античной культуры, философии (эстетики) и филологии. В XXI веке наблюдаем интенсификацию изучения его философской системы, особенно диалектического метода, проблематики символизма и философии имени. В выступлении сосредоточиваюсь на показании монографий о А.Ф. Лосеве, вышедших в Польше, и на переводах его книг.

Ключевые слова: Рецепция творчества А.Ф. Лосева, творчество А.Ф. Лосева, русская философия, эстетика, философия имени, диалектический метод, польские исследования А.Ф. Лосева

SIGNIFICATION DE L'ŒUVRE D'A.F. LOSEV POUR LE DÉVELOPPEMENT DU DIALOGUE DES CULTURES ENTRE LA RUSSIE ET L'OCCIDENT

MARYSE DENNES (FRANCE)

Dans notre intervention, nous montrerons : 1. Comment l'œuvre d'A.F. Losev s'est fait connaître en Occident (par l'intermédiaire de quels textes et de quelles traductions) et comment elle est devenue un objet d'études ; 2. Ce qui dans l'œuvre de Losev attire aujourd'hui l'attention des chercheurs occidentaux et pourquoi ; 3. Comment ce sont précisément ces éléments de l'œuvre de Losev qui permettent de fonder, d'une manière spécifiquement philosophique, le dialogue des cultures entre la Russie et l'Occident, et, par voie de conséquence, de développer ce dialogue dans le monde contemporain.
Deuxième proposition, n'ayant pas été prise en compte mais pouvant être considérée comme complémentaire de la première.
Signification de l'œuvre d'A.F. Losev dans le domaine des sciences humaines et dans le contexte du dialogue des cultures.
Dans notre intervention, nous montrerons comment la signification de l'œuvre d'A.F. Losev dans le domaine des sciences humaines dépend de deux choses : 1. premièrement, du travail de traduction et d'interprétation des textes de Losev, qui a été réalisé dans différents pays du monde, en Europe, en Amérique et en Asie (à savoir : par l'intermédiaire de quels textes et de quelles traductions l'œuvre d'Alekséï Losev s'est fait connaître en dehors de la Russie, et comment elle est devenue objet d'études et de recherches) ; et deuxièmement, de la perspective sur le dialogue des cultures que A.F. Losev a lui-même ouverte dans ses principaux textes des années vingt du XXème siècle. Troisièmement, nous verrons que c'est précisément de ces deux orientations principales dans les études de l'œuvre de Losev que découlent les éléments permettant de parler du rôle et de la signification de l'œuvre de Losev dans le développement actuel des sciences humaines (c'est-à-dire de ce qui, aujourd'hui, continue à attirer l'attention des chercheurs de différents pays pour l'étude de l'œuvre de Losev).
Nous montrerons comment cette œuvre peut être aujourd'hui d'une nouvelle actualité, alors que les anciennes interprétations du monde, y compris celle de Huntington sur le choc des civilisations, se voient rapidement débordées par les nouvelles données socio-politiques. Plus précisément nous mettrons en valeur les éléments de l'analyse de Huntington qui sont devenus caduques et nous tenterons de montrer comment l'approche losevienne révèle certains aspects de la culture européenne qui mériteraient d'être pris en compte aujourd'hui pour mieux éclairer des situations politiques nouvellement apparues.

A l'occasion de différents colloques organisés en Russie (en particulier à la Maison Losev et au MGU) ou dans d'autres pays (France, Italie, Allemagne, USA etc..) sur l'œuvre d'Alekseï Losev, insistance a toujours été faite sur l'importance des traductions, celles-ci permettant de révéler les aspects de l'œuvre qui ont retenu et retiennent encore aujourd'hui l'attention des chercheurs en sciences humaines. La question des traductions est une question à part entière, qui, compte tenu de la difficulté des textes loseviens et des problèmes posés par la traduction de certains concepts, mériterait un travail précis d'investigation. Mais dans cette présentation, nous nous attacherons de préférence aux thèmes qui ont pu être mis en valeur du fait des traductions qui ont été réalisées dans certaines langues.

Nous remarquerons tout d'abord que l'un des principaux thèmes des études loséviennes depuis une vingtaine d'années a été la prise en compte de l'œuvre de Losev dans le contexte européen. Cela correspondait à une orientation plus large de la philosophie russe dont le développement avait toujours dépendu, d'une façon ou d'une autre, de la philosophie occidentale et de ses grands courants. A ce sujet, le colloque organisé à Bordeaux en 2008 en collaboration avec la Maison Losev de Moscou a été révélateur de cette orientation. Il a donné lieu à un ouvrage, en français, intitulé « L'œuvre d'Alekseï Losev dans le contexte de la culture européenne » (Pessac, MSHA, 2010) qui, faute de traduction des œuvres de Losev en français, pouvait donner, à des chercheurs français intéressés par l'œuvre du philosophe russe, des éléments de réflexion et même des raisons d'innovations en sciences

humaines. Ce fut le cas lorsque des séminaires consacrés au dialogue franco-russe en philosophie, permirent, quelques années plus tard (2010-2012), de faire se confronter des philosophes russes et français de renom (comme S.S. Khoruzhiy et François Laruelle) autour du thème de la Glorification du Nom. Dans le cade d'autres colloques, organisés par la suite en Russie et en France (2013, 2015, 2017), ces réflexions communes ont été poursuivies, conduisant à des avancées dans certains domaines comme l'interdisciplinarité. La complémentarité des cultures au sein de l'Europe apparaissait alors comme une évidence permettant de mieux éclairer certains aspects de la culture philosophique occidentale et de son évolution. Ainsi, l'on pouvait constater que c'est en fin de son parcours que la philosophie occidentale découvrait les vertus d'une forme d'interdisciplinarité déjà largement pratiquée et mise à profit par la science et la philosophie russe, Alekseï Losev en étant l'un des meilleurs représentants. Ce qui apparaissait déjà, à son époque, comme une « interdisciplinarité spontanée » (*спонтанная междисциплинарность*) se révélait, dans le contexte le plus récent du développement de la recherche en Occident (France, Grande Bretagne, USA), comme quelque chose de nouveau appelé non plus « interdisciplinarité » mais « interdiscipline » (« internauka »).

Prenant ainsi conscience des liens qui avaient été établis, - dans le cadre d'un tel travail, à la fois collectif, coopératif et comparatif -, entre certaines tendances de la philosophie occidentale et certains aspects de la pensée losévienne, plusieurs interventions et publications ont été consacrées à l'influence que la philosophie de Losev a pu exercer, ces derniers temps, sur quelques philosophes et chercheurs occidentaux, et à la signification de cette influence.

Dans ce contexte, nous avons relevé, en particulier, l'interdépendance des textes qui existait entre, d'une part, les textes de Losev traduits (ou partiellement traduits) et les thèmes qui étaient choisis comme centraux pour la réflexion. Cela revenait à insister de nouveau sur l'importance des textes traduits. La traduction en anglais de « La Dialectique du mythe » par Vladimir Marchenkov (2003), qui faisait suite aux traductions allemande (1994) et espagnole (1998), a représenté un événement crucial permettant de faire mieux connaître parmi les chercheurs occidentaux – y compris français – les thèmes loséviens de la *Mythologie absolue* et, en lien avec elle, de la *Philosophie du Nom* (grâce, par exemple, à d'autres extraits traduits et à d'autres articles publiés en français). Simultanément, l'intérêt des chercheurs occidentaux pour l'œuvre de Losev, éveillé par certaines rencontres (colloques) ou publications (avec textes partiellement traduits) a permis de révéler aussi le manque criant de traductions – ce qui forcément limitait aussi l'impact que pouvait avoir la pensée losévienne dans le développement de la philosophie occidentale dans son ensemble.

Cependant, aujourd'hui, alors que nous sommes à un tournant non seulement de l'histoire européenne mais aussi de l'histoire mondiale, le contexte de la prise en compte de la philosophie russe a changé. Les questions qui se posent au sujet de la pensée losévienne et de son impact ont évolué. Il ne s'agit plus de se demander ce qu'elle peut apporter de positif dans les réflexions sur la

Russie et l'Europe, mais de s'interroger sur l'impact qu'elle peut avoir dans la compréhension des événements qui sont en train de se passer, des changements et des mutations dont le monde, et non plus seulement l'Europe, se trouve être l'objet.

Pour avancer sur cette voie, nous avons d'abord tenté d'utiliser certains aspects de la méthode que nous avions déjà appliquée dans nos réflexions pour comprendre la place et la signification de l'œuvre de Losev dans le contexte européen. Nous nous sommes intéressés aux traductions et nous avons cherché quels étaient les textes de Losev qui avaient été traduits et dans quelles langues, gardant à l'esprit le lien qui pouvait exister entre les textes traduits et les problématiques privilégiées pour la réflexion.

L'examen attentif des publications des grands textes loséviens traduits dans différents pays du monde, nous a conduit à mettre de nouveau en valeur la prédominance de l'intérêt pour « La dialectique du mythe » (1994 : allemand ; 1998 : espagnol ; 2003 : anglais ; 2006 : japonais, 2017 : géorgien ; 2019 : polonais ; 2000 : serbe, hongrois ; 2003 : bulgare), avec, ensuite, comme autres textes loséviens : « La philosophie du Nom » (1994 : bulgare ; 1996 : serbe) ou des textes s'y rapportant en lien avec la « Glorification du Nom » (1997 : serbe) ou « La chose et le Nom » (2010 : allemand), la « Dialectique des Formes artistiques » (1983 : allemand ; 2013 : anglais ; 2023 : géorgien) et « La Musique comme objet de la logique » (1996 : bulgare ; 2006 : tchèque) étant aussi représentées, bien qu'à un moindre degré.

En nous appuyant sur ces éléments, nous pouvons affirmer que, dans la communauté scientifique internationale, Les problématiques fondamentalement philosophiques des œuvres de Losev qui ont retenu l'intérêt des chercheurs sont pratiquement les mêmes que celles que nous avons déjà relevées pour le contexte européen. Ainsi, grâce à l'œuvre de Losev, les concepts de mythologie, de dialectique, de Nom et de chose peuvent être revisités ….et recevoir des interprétations enrichies par un contexte culturel qui jusqu'ici n'a pas été suffisamment pris en compte.

Notre intervention cherchera donc à proposer un élargissement de la perspective de recherche sur les problématiques soulevées par l'œuvre de Losev. Il s'agira de passer de la perspective de recherche Russie-Europe ou philosophie russe – philosophie occidentale à la perspective Russie-Europe-Monde. Comment les réflexions de Losev sur les différentes civilisations (en particulier dans ses «Очерки античного символизма и мифологии» sont-elles utiles non seulement pour approfondir le contexte européen mais aussi pour mieux comprendre le contexte mondial ? Comment les différences faites par Losev, au sein de la civilisation européenne, peuvent-elles garder leur efficience au niveau mondial, dans l'analyse comparative conduite avec d'autres civilisations ?

Pour avancer dans cette direction, nous pouvons recourir à plusieurs outils, comme, par exemple, la notion de « fin de l'histoire » qui, correctement comprise, a déjà permis de différencier, au sein de la culture européenne, des modes différents d'historicité (Russie et Occident), et donc, de rejoindre Losev dans la spécification qu'il fait d'une modalité d'existence byzantino-russe, fondée sur le rapport à la transcendance par l'intermédiaire de la Glorification du Nom (*Imjaslavie*).

L'autre outil est celui d'une comparaison qui peut être conduite avec la démarche de Samuel Huntington dans son ouvrage sur « Le choc des civilisations ». Il s'agira alors de montrer que la démarche de Huntington, basée sur la confrontation de blocs civilisationnels, gagne à être aujourd'hui précisée par celle de Losev, qui va plus loin dans la recherche d'un fondement philosophique et existentiel pour le bloc de l'Europe de l'Est. Comme Huntington, Losev différencie nettement, au sein de la civilisation européenne, les fondements existentiels et historiques de la Russie orthodoxe et de l'Occident catholique et protestant, mais il insiste davantage sur la spécificité philosophico-religieuse du bloc de l'Est (considérée par lui comme byzantino-russe) en tant qu'elle est le fondement d'un mode d'être spécifique dans l'histoire. La civilisation européenne apparaît ainsi, dans son ensemble, plus riche et plus complexe, apte à générer différemment la question du rapport Europe-monde, et, par là-même, à mieux faire ressortir, du sein de l'Europe dans son ensemble, un élément non pas de confrontation mais d'ouverture et de dialogue avec les autres cultures ou civilisations du monde. La différenciation faite par Losev entre « mythologies relatives » et « mythologie absolue » recevrait ici une nouvelle pertinence, la « mythologie absolue » devenant ce qui, du sein de la civilisation chrétienne et au sein de toutes les civilisations, rapprocherait tout en les subsumant les différentes « mythologies relatives ».

Ce n'est qu'une hypothèse de travail. Mais celle-ci est rendue possible par le travail déjà accompli à travers la confrontation de l'œuvre de Losev avec celle de philosophes occidentaux vs français, conscients des limites de l'historicité occidentale et donnant aussi des bases rationnelles, conceptuelles et philosophiques pour en sortir. Ce fut le cas, en particulier, pour l'œuvre de François Laruelle. Nous ne pourrons pas nous étendre sur ce travail qui a été conduit à merveille par Lioudmila Gogotishvili. Nous en rappellerons simplement les conclusions principales, qui vont dans le sens de la démarche proposée ici et des hypothèses qui viennent d'être suggérées.

BIBLIOGRAPHIE

Dennes, Maryse: *Russie-Occident, philosophie d'une différence*, Paris, éd. Mentha, 1991, 158 p.

Dennes, Maryse (éd.) : *L'œuvre d'Alekseï Losev dans le contexte de la culture européenne*, Toulouse, *Slavica Occitania,* 2010, 31, 320 p.

Dennes, Maryse : « La "Mythologie absolue" chez Alexis Losev : Recherche du mythe fondateur et justificateur de la spécificité culturelle et historique de la Russie », in *Eidôlon, Cahiers du Laboratoire Pluridisciplinaire de Recherches sur l'Imaginaire appliquées à la Littérature (L.A.P.R.I.L.)*, dir. par G. Peylet et M. Prat, Université Michel de Montaigne – Bordeaux 3, mars 2002, 61 : « Mythe des origines », p. 203-221.

Dennes, Maryse : « La "mythologie absolue" chez Alekseï Losev et son actualité dans les recherches en sciences humaines », in Sebastien Moret et Anastasia de la Fortelle (dir.) *Histoires des linguistiques, histoire des idées : Mélanges offerts à Patrick Sériot*, Lausanne- Moscou, OGI, 2019, pp. 171-199 // Денн Мариза, « Absoljutnaja mifologija A.F. Loseva i aktual'nost' ego trudov v gumanitarnyh nauk » [La mythologie absolue d'A.F. Losev et l'actualité de ses travaux dans les sciences humaines], A.A. Taho-Godi (red.), *Tvorčestvo A.F. Losev v kontekste otečestvennoj i evropejskoj kul'turnoj tradicii* [L'œuvre d'A.F. Losev dans le contexte des traditions culturelles nationale et européenne], T.I-II, Moscou, Dom A.F. Loseva, 2013, T.II, p. 237-250.

Dennes, Maryse : « La philosophie comme fondement d'historicité », in Dennes, M., Ó Aiolearca J., Schmid (A.-F.) (dir.), *La Philosophie non-standard de François Laruelle*, trad. Chtchetkina-Rocher (Nadia), Petit-Trigg (Audrey), Paris, Classiques Garnier, 2019, coll. « Colloques de Cerisy. Philosophie n°2 », p. 285-306.

Dennes Maryse et Lioudmila Gogotishvili (Dir.) : Dialogue franco-russe en philosophie. Autour de l'œuvre de François Laruelle et de sa réception en Russie, MSHA, 2018, coll. « Russie Traditions Perspectives », 211 p.

Dennes, Maryse: "Reception of A.Losev's philosophical conception in the West in the late 20th and early 21st century", in Marina Bykova (ed), *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the 20th Century: A Contemporary View*, London, BLOOMSBURY PUBLISHING PLC, 2017.

Gogotishvili, Lioudmila: Гоготишвили Людмила, «философия языка Лосева и «не-философия» языка Ларюэля», in И. Н. Фридман (сост.): Гоготишвили Л. А., *Лестница Иакова. Архитектоника лингвофилософского пространства*, изд. Дом ЯСК, Москва, 2021, с. 451-4857

Huntington, Samuel P. : *The Clash of Civilisations and the Remaking of World* Order, 1996 // Le *Choc des civilisations*, trad. J.-L. Fidel et G. Joublain, P. Jorland, J.-J. Peedussaud, Paris, éditions Odile Jacob, 1997

Khoruzhiy, Sergueï : « La non-philosophie de François Laruelle entre le Charybde de la transraison et le Scylla du scientisme », in Dennes, M., Ó Aiolearca J., Schmid (A.-F.) (dir.), *La Philosophie non-standard de François Laruelle*, trad. Chtchetkina-Rocher (Nadia) , Petit-Trigg (Audrey), Paris, Classiques Garnier, 2019, coll. « Colloques de Cerisy. Philosophie n°2 »

Losev, Alekseï F. : Лосев А. Ф., *Философия имени*, изд. Московского университета, 1990.

Losev, Alekseï F. : Лосев Алексей Федорович, *Очерки античного символизма и Мифологии* [Essais sur le symbolisme antique et la mythologie] , Мысль, Москва, 1993.

Marchenkov, Vladimir (trad. du russe) : A.F. Losev, The Dialectics of Myth, L.; N.-Y.: Routledge, 2003. – VIII, 235 p.

BLOC 3.1
LES OUTILS DE RÉFÉRENCE EN GRAMMAIRE DES LANGUES SLAVES. ÉTAT DE L'ART ET PERSPECTIVES / REFERENCE WORKS FOR SLAVIC GRAMMAR: STATE OF THE ART AND OUTLOOK

Organisateur : DANKO ŠIPKA

Danko Šipka Grammar Reference Works between Language Documentation and Ideology 1

Wayles Browne Comparing and contrasting: Contrastive-grammar and many-way comparison approaches to the grammar of Slavic languages 5

Mladen Uhlik Грамматики славянских языков для словенцев 9

Александр Летучий, Мария Холодилова Русская корпусная грамматика: о проекте и некоторых результатах 11

Motoki Nomachi Aleksander Majkowski and his unpublished *Gramatyka kaszubska* 15

GRAMMAR REFERENCE WORKS BETWEEN LANGUAGE DOCUMENTATION AND IDEOLOGY

DANKO ŠIPKA (USA)
Arizona State University, Tempe
Danko.Sipka@asu.edu

Reference works devoted to Slavic grammar take different forms and can be shaped by diverse factors. Serving as an introduction to the session, the present paper identifies various factors that shape the emergence of various reference works devoted to Slavic grammar, historically and presently. These factors are exemplified by discussing an early 19th century Serbian grammar published in the front matter of Vuk Stefanović Karadžić's Serbian Dictionary (Karadžić 1818). While this grammar made an important contribution to documenting his proposed model of the literary language form, it was also a tool in the geopolitical confrontation of the two major political powers in the region. Furthermore, this grammar was embedded in a romanticist and nationalist ideological program. The present paper points to the segments in the grammar that reflect all these formative factors.

When we talk about ethnicity here, the line of research is leading from Gellner (1983), who emphasized constructivist nature of nationalism to Brubaker (2002, 2004, 2009) who understands ethnicity not as a state but rather as a process. Karadžić's grammar, in this approach, is one of many means of ethnicization, constructing ethnic identity within Romanticist ideology that sees one's ethnic group as a point of unification across the space where its members live and across long periods of time, with the past of once's ethnic group being glorified.

I am following Hobsbawm's (1995, 1996) periodization, dividing the long 19th century (from the French Revolution, 1789, to WW I, 1914) and short 20th century (from WW I to the fall of the Communist Bloc, 1991). This situates Karadžić's grammar in the first half of the long 19th century, the time of Romanticist nation-building in Southeastern Europe.

Authority has been the focus of social sciences since the ground-breaking Weber (1992, 1919), who established its three main types: traditional, charismatic, and rational-legal. See Huemer (2013) for a more recent treatment. All three Weberian types are observable in this grammatical project.

The backdrop of this grammar was a complex linguistic landscape with various Slavic hybrid languages being used: Serbian Church Slavonic, Russian Church Slavonic, and Serbian Slavonic.

More information about this complex polyglottic situation can be found in Ivić (1998) Mladenović (1989), Subotić (2002, 2006), and Tolstoj (1978).

The contestation between Panslavism and Austroslavism played an important role in shaping the ideology of grammar writing during the long 19th century. The ideological expression of this embeddedness in Orthodox Christianity is the so-called Panslavism, the idea that Slavic peoples should unite, led by the Russian Empire (for more information, see Kohn, 1960). At the same time, the court in Vienna actively promoted the ideology of Austroslavism, the idea that Slavic peoples of the Austrian Empire should accept Austria as their homeland and unite around it (Moritsch [1996] provides an account of that ideological formation). There are numerous research papers detailing the influence of Jernej Kopitar, a clear proponent and activist of Austroslavism, on Karadžić (Butler 1969, Dobrašinović 1980, Ivić 1981, Kropej 2013, Pogačnik 1978, Popović 1964, Vodopivec 1988). Most notably, Bonazza (1988: 369) clearly states the connection of Karadžić with Austroslavism.

Karadžić's 1818 grammar competes with various other projects, most notably with Mrazovič 1794, Vidakovič 1838, which continue the existing traditions rooted in Pan-Slavism. Even Karadžić's (1814) grammar is rooted in this tradition. The new concept of grammar is clearly a winner as all subsequent grammars in the remainder of the long 19th, short 20th century and thereafter (Daničić 1850, Novaković 1894, 1902, Belić 1932, Aleksić and Stanić 1961, Stevanović 1964, 1986, 1989, Stanojčić i Popović 1992, Piper i Klajn 2013) follow Karadžić's model. The competition of Karadžić's model with previous traditions and its consequences are well documented (see Bjelaković 2016, Vojvodić i Kostić 2018, Ivić 1998, Milanović 2016, Milanović i Dragićević 2018, Nikolić 2007, Popović 1964, Okuka 1991).

Numerous concrete solutions in this grammar show the influence of Austro-Slavic and nationalist ideologies. Using the very name "Serbian" Karadžić distances himself from a broader Slavic tradition of his Slavic predecessors, which used Slavic in the name of the language. At that, he uses the traditional ethnic authority of the Serbian medieval tradition, stating: *У млогим старим књигама српским стоји написано Српски, н.п. у Душановој дипломи* [in many old Serbian books, it is written: in Serbian, e.g., in, the charter of Tsar Stefan Dušan] (Karadžić 1818: xx).

Similarly, his reform of the script uses the rational-legal type of authority of the correspondence between spoken and written language. Pursuing that goal, Karadžić (1818: XXXIII–XXXVI), he reduces 45 Slavic characters to 28 introducing the following specifically

Serbian characters: *ђ, ј, љ, њ, ћ, џ*. This makes the Serbian script conspicuously different from East Slavic and Buglarian alphabets that continue the Slavic tradition. Similar examples can be found in his grammatical solutions. For example, in the section devoted to declensions (Karadžić XXXVII-LXVI) Slavic nominal and adjectival endings are consequently replaced with those from his native dialect.

In summary, the reform conducted in this grammar, which set pace for all subsequent grammars was clearly Austro-Slavic and routed into nationalist ethnicizing tradition. With some minor exceptions, like Selimović (1967) it was praised and severing ties with the previous tradition was not seen as something negative.

REFERENCES

Bjelaković, Isidora. "Jezikoslovci i njihove pismenice (struktura gramatičkih priručnika „srpskog" jezika u XIX veku)". [U:] J. Dražić, I. Bjelaković, D. Sredojević (ur.) Zbornik u čast Ljiljani Subotić. Teme jezikoslovne u srbistici kroz dijahroniju i sinhroniju. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2016, 55–68.

Vojvodić, Mihailo, Aleksandar Kostić (ur.) Stojan Novaković: povodom sto sedamdeset pet godina od rođenja. Beograd: SANU, 2018.

Dobrašinović, Golub. Kopitar i Vuk. Tršić: Vukov sabor, 1980.

Ivić, Pavle. Pregled istorije srpskog jezika. Celokupna dela, knjiga 8, Sremski Karlovci. Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1998.

Milanović, Aleksandar. "Filološki tekstovi iz prve polovine 19. veka kao resurs za istraživanje srpskog jezika". [U:] Naučni sastanak slavista u Vukove dane, 45/3. 2016, 135-147.

Milanović, Aleksandar., Rajna Dragićević (ur.) Godina 1847: prelomna tačka srpske kulture. Beograd: Savez slavističkih društava Srbije, 2018.

Mladenovićm, Aleksandar Slavenosrpski jezik. studije i članci. Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada, 1989

Nikolić, Nenad. "Polemika Vuka i Vidakovića – rat kultura". [U:] Zbornik Matice srpske za književnost i jezik, knj. LV (2007), sv. 3. Novi Sad: Matica srpska, 2007, 477–510.

Popović, Miodrag. Vuk Stef. Karadžić. Beograd: Nolit, 1964.

Selimović, Meša. Za i protiv Vuka. Beograd: BIGZ, 1967.

Bonazza, Sergio. "Vuk Stef. Karadžić und der Austroslavismus". Europa orientalis 7, 1988: 361–371.

Brubaker, Rogers. "Ethnicity without Groups". Archives of European Sociology. XLIII, 2002: 163–189.

Butler, Thomas. "Jernej Kopitar's Role in the Serbian Language Controversy". The Slavic and East European Journal 13 (4) (Winter, 1969), 1969: 479–488.

Gellner, Ernest. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

Hobsbawm, Eric. The Age of Extremes The short twentieth century 1914–1991. London: Abacus, 1995.

Hobsbawm, Eric. The Age of Revolution 1789–1848. New York: Vintage Books, 1996.

Huemer, Michael. The Problem of Political Authority: An Examination of the Right to Coerce and the Duty to Obey. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

Ivić, Pavle. "Kopitarov uticaj na Vuka Karadžića i razvoj Vukovih stavova". Slavistična revija, 29/2, 1981: 149–157.

Jelavich, Charles, Barbara Jelavich. The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Seattle and London: Washington University Press, 1977.

Kohn, Hans. Pan-Slavism. Its History and Ideology. Second revised edition. New York: Vintage books, 1960.

Kropej, Monika. “The Cooperation of Grimm Brothers, Jernej Kopitar and Vuk Karadžić”. Studia mythologica slavistica XVI, 2013: 215–231.
Moritsch, Andreas. (Hrgs.) Der Austroslavismus. Ein verfrühtes Konzept zur politischen Neugestaltung Mitteleuropas. Wien: Böhlau, 1996.
Okuka, Miloš. “Gramatike srpskohrvatskog književnog jezika u Bosni i Hercegovini od Vuka Karadžića do kraja austrougarske uprave”. [U:] Okuka, Miloš., Ljiljana Stančić (ur.) Književni jezik u Bosni i Hercegovini od Vuka Karadžića do kraja austrougarske vladavine, München: Slavica Verlag Kovač, 1991, 140–146.
Pogačnik, Jože. Bartholomäus Kopitar. Leben und Werk. München: Rudolf Trofenik, 1978.
Selimović, Meša. Za i protiv Vuka. Beograd: BIGZ, 1967.
Subotić, Ljiljana. Književnojezičke prilike kod Srba u 18. veku, susret kultura [serbian literary langauge circumstances in the 18th century. an encounter of cultures]. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2006.
Šipka, Danko. Lexical Layers of Identity: Words, meaning, and culture in the Slavic languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
Tolstoj, N. I. Slavia orthodoxa и slavia latina -- obščee i različnoee v literaturno-jazykovoj situacii, Voprosy jazykoznanija, 2:16-23, 1997.
Vodopivec, Peter. “Jernej Kopitar entre l’Autriche, Vuk et les Slovènes Toma”. [In:] P–L. (ed.) Vuk Stef . Karadžić. Actes du Colloque international tenu à la Sorbonne les 5 et 6 octobre 1987. Paris: Université de Paris – Sorbonne, 1988, 99–104.
Weber, Max. Politik als Beruf. Ditzingen: Reclam, 1992 (1919).

SOURCES

Belić, Aleksandar. Gramatika srpskohrvatskog jezika. Beograd: Geca Kon, 1932.
Vidakovič, Milovan. Grammatika serbska. Pešta: Ios. Baŭmel, 1838.
Daničić, Đuro. Mala srpska gramatika. Beč: Jermenski manastir, 1850.
Karadžić, Vuk. Stefanović. Pismenica serbskoga iezika po govoru prostoga naroda. Vienna: U pečatnьi G. Ioanna Šiirera, 1814.
Karadžić, Vuk Stefanović. Srpski rječnik. Beč: Jermenski manastir, 1818.
Mrazovič, Avram. Rukovodstvo kъ slavenstѣй grrammaticѣ. Vïenna: Tѵpomъ T. Stefana Novakoviča, 1794.
Novaković, Stojan. Srpska gramatika. Beograd: Državna štamparija, 1894.
Novaković, Stojan. Srpska gramatika, drugo izdanje. Beograd: Državna štamparija, 1902.
Piper, Piper, Ivan Klajn. Normativna gramatika srpskog jezika. Novi Sad: Matica srpska, 2013.
Aleksić, Radomir, Milija Stanić. Gramatika srpskohrvatskog jezika za učenike gimnazije. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1961.
Stanojčić, Živojin, Ljubomir Popović. Gramatika srpskog jezika. Udžbenik za I, II, III, IV razred srednje škole, drugo prerađeno izdanje. Beograd – Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva – Zavod za izdavanje udžbenika, 1992.
Stevanović, Mihailo. Savremeni srpskohrvatski jezik. Beograd: Naučna knjiga, 1964.
Stevanović, Mihailo. Savremeni srpskohrvatski jezik. Tom I, 5th edition. Beograd: Naučna knjiga, 1986.
Stevanović, Mihailo. Savremeni srpskohrvatski jezik. Tom II, 4th edition. Beograd: Naučna knjiga, 1989.

COMPARING AND CONTRASTING: CONTRASTIVE-GRAMMAR AND MANY-WAY COMPARISON APPROACHES TO THE GRAMMAR OF SLAVIC LANGUAGES

WAYLES BROWNE (USA)
Cornell University, Ithaca, New York
ewb2@cornell.edu)

Comparing two or more languages is a powerful method for revealing traits which might be unobserved if each language were studied alone. We can contrast two (or more) Slavic languages, or a Slavic language with a non-Slavic one. Slavic/non-Slavic contrasting dates back to Črьnorizec Xrabr ca. 900 AD; he saw Slavic as better than Greek on several ways (Kuev 1967). The first Slavic/Slavic contrasting could be credited to Juraj Križanić, a Croatian in Russia in the 1600s (Križanić 1983-1984).

Some classic Slavic/Slavic contrastive works are still instructive. Baudouin de Courtenay (1912) hits main points in presenting Polish in contrast with Russian and Old Church Slavonic, and is worth reading for his highly personal style. Košutić's *Gramatika ruskog jezika* (1914, 1919 and later eds.) gives a point-by-point comparison of Russian phonetics and morphology with Serbian, used by scholars within Russia as well as South Slavic readers. Bogusławski & Karolak 1970 helps Polish-speaking students to find the way to express meanings in Russian, but a linguistically-trained reader will notice that it is based on results reached by structural approaches. Several generations of American students of Russian have profited from Isačenko's *Grammatičeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim* (1960, 1965), even if not interested in Slovak. A later work aimed at Czechs studying Russian but useful to others is Barnetová et al. (1979). A Slavic/non-Slavic contrastive work helpful to Hungarian students through comparisons with Russian, but useful for others (being written in Russian) is Bolla, Páll & Papp (1968).

A striking example of Slavic-non-Slavic contrasting is the works of Vilém Mathesius (1942 and many earlier papers). Comparing Czech and English sentence structures led him to the concept of *aktuální členění věty* 'current-relevance subdivision of the sentence', also called functional sentence perspective.

Two mid-1900s trends in contrastive research in the non-Slavic world influenced contrastive work on Slavic. One is linked to France and French Canada. Vinay & Darbelnet (1958), despite its title 'comparative stylistics', is like Bogusławski & Karolak (1970): it aids

students in expressing their meaning in a way most typical for French (or English). (A true 'comparative stylistics' might look at the styles available in French—a very broad range, as readers of Queneau (1947) realize—and compare this with the different inventory of styles that an English-speaker can choose.) This trend likely influenced contrastive grammatical studies in the USSR, because some of these (in later decades of the 20th century) are titled *sopostavitel'naja stilistika* (e.g. Ižakevič et al. 1980) and not only *sopostavitel'naja grammatika*. The adjective *sopostavitel'nyj, sopostavitel'naja* for 'contrastive' is a new vocabulary item in Russian, absent e.g. in the 4-volume Academy dictionary *Slovar' russkogo jazyka* 1957-1960. It soon spread to Bulgaria, where it was used in the title of a new journal ("Bjuletin za sъpostavitelno izsledvane na bъlgarskija ezik s drugi ezici" in 1976-1977, renamed "Sъpostavitelno ezikoznanie" in 1978).

The second trend began simultaneously; the American applied linguist—with a Spanish upbringing—Robert Lado published *Linguistics across cultures* (Lado 1957), stressing the value of point-by-point comparison of the native language of students and the language they learn. The book aroused much interest and led the Center for Applied Linguistics (Washington, D.C.) to finance a series of contrastive publications on commonly-taught languages: Moulton 1962 and Kufner 1962 for English and German, Stockwell & Bowen 1965 and Stockwell et al. 1965 for English and Spanish, and Agard & Di Pietro 1965a and 1965b for English and Italian. The Center also established binational research projects with English-teachers in several Central and Eastern European countries. Two such projects involved Slavic: the Polish-English project under Prof. Jacek Fisiak in Poznań, which had been founded with local resources in 1964, and the Yugoslav project contrasting Croatian, or Serbo-Croatian, with English under Prof. Rudolf Filipović in Zagreb beginning ca. 1967. Fisiak and Filipović had remarkable organizing skills and were able to gain local support for the projects, as I can testify, since I worked in Zagreb on the Yugoslav projects for years, and went with other members to visit the Polish project. (We also collaborated with Hungarian-English and Romanian-English contrastive grammar projects, but these of course are not Slavic languages.)

The results of the Polish project are available in the journal that it founded. At first, in 1973, the journal was co-published with the Center for Applied Linguistics, titled "Papers and Studies in Contrastive Linguistics". In 1999 it became a broader linguistics journal under the title "Poznań Studies in Contemporary Linguistics", thus keeping the same initials PCiSL.

The Zagreb projects published results in more than one series. These may be hard to find in libraries, because librarians don't know whether to catalogue them under the names of the projects, or the Institut za lingvistiku of Zagreb University, or under R. Filipović as editor. I give a list in the references below. Some of the articles were reprinted in other publications (Raabe 1974, Filipović 1985).

The Institut (=Zavod) za lingvistiku in Zagreb later compared Croatian (and Serbian) with Russian, Italian, French and other languages, under the name Petojezični kontrastivni projekt/Five-language contrastive project; I also list several of their outputs.

In another Yugoslav bi-national project, a group in Novi Sad and Budapest contrasted Serbian and Hungarian, yielding multiple small volumes of results under the title *Kontrastivna gramatika srpskohrvatskog i mađarskog jezika/Szerbhorvát-magyar kontrasztív nyelvtan* (1971-1982) under the editorship of Melanija Mikeš et al.

Finally we should mention a multi-authored volume *Contrastive Studies Hungarian-Russian* (Papp 1984), containing eight articles written in English plus a lengthy bibliography of Hungarian-Russian contrastive studies.

Another sort of reference work makes no overt comparison yet helps bring out similarities and differences. Books that use a preset scheme to treat each language enable many-way comparison, such as Comrie & Corbett (1993) and its predecessor, R. de Bray's *Guide to the Slavonic Languages* (1951); of special note is Duke University's website (c. 2005) https://slaviccenters.duke.edu/projects/grammars.

BIBLIOGRAPHY

Agard, Frederick & Robert J. Di Pietro. 1965a. *The Sounds of English and Italian.* Chicago: University of Chicago Press.

Agard, Frederick & Robert J. Di Pietro. 1965b. *The Grammatical Structures of English and Italian.* Chicago: University of Chicago Press

Baudouin de Courtenay, J. 1912. И. Бодуэн-де-Куртенэ. *Польскій язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским : пособіе для практических занятій по "сравнительной граматикѣ славянских языков" и для самообученія.* S. Peterburg.

Barnetová, Vilma et al. 1979. P*усская грамматика* 1, 2. Praha: Academia.

Bogusławski, Andrzej & Stanisław Karolak. 1970. *Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym*. Warszawa : Wiedza Powszechna.

Bolla, Kálmán, Erna Páll & Ferenc Papp. 1968. *Курс современного русского языка.* Budapest: Tankönyviadó.

Comrie, Bernard & Greville Corbett. 1993. *The Slavonic Languages*. London: Routledge.

de Bray, R. 1951. *Guide to the Slavonic Languages.* London: Dent.

Filipović, Rudolf, ed. 1985. *Chapters in Serbo-Croatian English Contrastive Grammar.* The Yugoslav Serbo-Croatian—English Contrastive Project, Institute of Linguistics, Faculty of Philosophy, University of Zagreb.

Isačenko, Aleksandr. 1960. *Grammatičeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim*. *Morfologija, 1I.* Bratislava: Slovenská akadémia vied.

Isačenko, Aleksandr. [2]1965. *Grammatičeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim*. *Morfologija, 1*. Bratislava: Slovenská akadémia vied.

Ižakevič, G. et al. 1980. *Sopostavitel'naja stilistika russkogo i ukrainskogo jazykov.* Kiev: Vyšča škola.

Jugoslavenski projekt za kontrastivnu analizu srpskohrvatskog i engleskog jezika. 1969. *Prilozi i građa*. Zagreb: Institut za lingvistiku Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.

Košutić, Radovan. 1914. *Gramatika ruskog jezika. Knjiga druga, oblici.* Beograd.

Košutić, Radovan. 1919. [2]*Gramatika ruskog jezika. Knjiga prva, glasovi.* Peterburg.

Križanić, Juraj. 1983-1984. *Sabrana djela 1, 2*. Zagreb: JAZU.

Kuev, Kujo. 1967. *Černorizec Xrabър.* Sofija: Izdatelstvo na BAN.

Kufner, Herbert. 1962. *The grammatical structures of English and German.* Chicago: University of Chicago Press.

Lado, Robert. 1957. *Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Mathesius, Vilém. 1942. Ze srovnávacich studií slovosledních. *Časopis pro moderní filologii* 28, pp. 181-190 and 302-307.

Mikeš, Melanija et al. 1971-1982. *Kontrastivna gramatika srpskohrvatskog i mađarskog jezika/Szerbhorvát-magyar kontrasztív nyelvtan*. 1-6. Novi Sad (Újvidék): Institut za hungarologiju [title varies].

Moulton, William. 1962. *The sounds of English and German*. Chicago: University of Chicago Press.

Petojezični kontrastivni projekt/Five-language contrastive project. 1976-1978. *Serbokroatisch-deutsche kontrastive Studien*. 1-2. Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta.

Petojezični kontrastivni projekt/Five-language contrastive project. 1978-1986. *Studi contrastivi serbocroato-italiani.* 1-3. Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta.

Petojezični kontrastivni projekt/Five-language contrastive project. 1978-1983. *Хорватскосербско-русские контрастивные исследования*. 1-2. Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta.

Queneau, Raymond. 1947. *Exercices de style.* Paris: Gallimard.

Raabe, Horst. 1974. *Trends in kontrastiver Linguistik I.* Institut für deutsche Sprache, Forschungsberichte, 16. Mannheim.

Slovar' russkogo jazyka 1957-1960. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarej.

Vinay, Jean-Paul & Darbelnet, John. 1958. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier.

Yugoslav Serbo-Croatian—English Contrastive Project [YSCECP] *New Studies* 1-5. 1982-1992. Institute of Linguistics, Faculty of Philosophy, University of Zagreb.

YSCECP. *Pedagogical materials* 1-2. 1971-1974. Institute of Linguistics, Faculty of Philosophy, University of Zagreb; Center for Applied Linguistics, Washington, D.C., USA.

YSCECP. *Reports* 1-10. 1969-1976. Institute of Linguistics, Faculty of Philosophy, University of Zagreb; Center for Applied Linguistics, Washington, D.C., USA.

YSCECP. *Studies* 1-6. 1969-1975. Institute of Linguistics, Faculty of Philosophy, University of Zagreb; Center for Applied Linguistics, Washington, D.C., USA.

Zagrebački kontrastivni projekt engleskog i hrvatskog ili srpskog jezika/The Zagreb English—Serbo-Croatian contrastive project. 1975-1993. *Kontrastivna analiza engleskog i hrvatskog ili srpskog jezika/Contrastive analysis of English and Serbo-Croatian* I-IV. Institute of Linguistics, Faculty of Philosophy, University of Zagreb.

SCHOLARLY AND PEDAGOGICAL MONOGRAPHS DEVOTED TO FOREIGN SLAVIC LANGUAGES IN SLOVENIA

MLADEN UHLIK (SLOVENIA)
Faculty of Arts, University of Ljubljana
ZRC SAZU, Fran Ramovš Institute of the Slovenian language

The present study examines scholarly and pedagogical monographs published in Slovenia over the past thirty years that focus on other Slavic languages. When analysing publications on Slavic languages, it is common to distinguish between research focused on research activity and works of an applied nature related to the teaching of these languages in the Slovenian context.

The study is guided by the following core questions:

Which Slavic languages have been the subject of scholarly and pedagogical publications within the field of language research and instruction in Slovenia?

What types of publications exist, and how can they be classified? The primary objective is to identify the relevant publications and evaluate the criteria used to determine their genre. Special attention will be given to academic monographs, language instruction manuals, and grammars pertaining to foreign Slavic languages.

A central issue addressed in this study is whether a clear distinction should be made between academic research and pedagogical publications, or whether these domains overlap. Furthermore, the study seeks to explore the extent to which scholarly research influences language teaching practices in the Slovenian educational landscape.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Vanda BABIČ, 2003: *Učbenik stare cerkvene slovanščine*. Ljubljana: Založba Univerze.
Aleksandra DERGANC, Jože SEVER, 2010: *Ruska slovnica po naše*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
Ljudmil DIMITROV, et al., 2010: *Slovensko-bolgarski in bolgarsko-slovenski priročnik*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Andreja KLEMENČIČ, Janja URBAS, 2024: *Ruska poslovna korespondenca / Русская коммерческая корреспонденция*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Zdeňka KOHOUTKOVÁ, 2018: *Češko glasoslovje, besedotvorje in oblikoslovje: delovni zvezek*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Tatjana KOMAROVA, 2014: *Уроки русского 1. Семья ➞ [s'imjá] = 7ʃ'a." Вводный фонетико-разговорный курс.* Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Tatjana KOMAROVA, 2020: *Уроки русского 2. Семья ➞ [s'imjá] = 7ʃ'a." Вводный фонетико-разговорный курс*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Gjoko NIKOLOVSKI, 2023: *Učno gradivo za predmet Lektorat slovanskega jezika – hrvaščina*. Maribor: Filozofska fakulteta.
Gjoko NIKOLOVSKI, 2023: *Učno gradivo za predmet Lektorat slovanskega jezika – srbščina*. Maribor: Filozofska fakulteta.
Vesna POŽGAJ-HADŽI, 1990: *Vježbe iz hrvatskog ili srpskog jezika I.* Ljubljana: samozaložba.

Vesna POŽGAJ-HADŽI, 2011: *Hrvatski jezik 1*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Marina SPANRING-POREDOŠ, 2009: *Я и ты, mi in vi: учебник для начинающих*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Petra STANKOVSKA, 2009: *Češka slovnica za bohemiste*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Petra STANKOVSKA, 2013: *Češka skladnja*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Matej ŠEKLI, 2016: *Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov*. 1. Od praindoevropščine do praslovanščine. 1. izd. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Matej ŠEKLI, 2018: *Tipologija lingvogenez slovanskih jezikov*. Ljubljana: Založba Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti.
Matej ŠEKLI (ed.), 2018: *Med Slovani. Among the Slavs*. Ljubljana: Založba Univerze v Ljubljani.
Rozka ŠTEFAN, Władysław ŁACIAK, 1969: *Učbenik poljskega jezika*. Ljubljana: Državna založba Slovenije.
Eva TIBENSKÁ, 2018: *Gramatika slovenského jazyka pre nositeĺov slovinského, chorvátskeho a srbského jazyka. Diel 1, Morfológia = Gramatika slovačkoga jezika za govornike slovenskoga, hrvatskoga i srpskoga jezika. Dio 1, Morfologija*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Eva TIBENSKÁ, 2021: *Gramatika slovenského jazyka pre nositeĺov slovinského, chorvátskeho a srbského jazyka. Diel 2, Syntax = Gramatika slovačkoga jezika za govornike slovenskoga, hrvatskoga i srpskoga jezika. Dio 2, Sintaksa*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Mladen UHLIK, Andreja ŽELE, 2022: *Rusko-slovenska skladnja: propozicijska in medpropozicijska razmerja*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete
Juraj VAŇKO, 2004: *Slovaška slovnica za Slovence*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.

РУССКАЯ КОРПУСНАЯ ГРАММАТИКА: О ПРОЕКТЕ И НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ

Александр Летучий, Мария Холодилова

Проект корпусного описания русской грамматики Русграм (rusgram.ru) представляет собой коллективную работу, призванную продолжить традицию полного академического описания русской грамматики на новом витке развития лингвистической теории и методологии. Академические грамматики [Виноградов, Истрина (ред.) 1954, 1960; Виноградов и др. (ред.) 1960; Шведова (ред.) 1980] нацелены на всестороннее описание русской грамматики, однако за время, прошедшее с публикации этих работ, многие фрагменты грамматики русского языка получили более полное описание; кроме того, стали доступны данные, позволяющие значительно расширить круг описываемых явлений. Русграм ставит перед собой цель в значительной степени сохранить полноту описания, свойственную академическим грамматикам, включив при этом в рассмотрение новые открытия и новые данные.

Принципиальное отличие Русграма от существующих грамматик русского языка заключается в последовательном обращении к количественным корпусным данным: в большинстве грамматик русского языка такие данные не используются, некоторым исключением является [Timberlake 2004], где количественные данные привлекаются, но лишь для немногих тем. Работа с корпусными данными позволяет рассмотреть те аспекты языка, для которых затруднена грамматическая оценка, прежде всего **вариативность**. Количественные исследования вариативности имеют сравнительно долгую историю в русской грамматической традиции, см., в частности, [Панов (ред.) 1968; Граудина и др. 1976; Граудина 1980], и занимают важное место в современной лингвистической теории [Gries 2006; Baayen & al. 2013; Szmrecsanyi, Engel 2022].

Еще одно новшество заключается в том, что явления русской грамматики во многом трактуются в русле современных теоретических и типологических подходов. В частности, допускается и в некоторых случаях подчеркивается градуальность стандартных грамматических понятий (подлежащего и прямого дополнения; сочинения и подчинения), причем для проверки свойств языковых единиц и конструкций используются грамматические тесты.

На **предыдущих этапах** работы над грамматикой под редактурой Н. М. Стойновой, Е. Р. Добрушиной, О. Е. Пекелис, В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной были составлены описания ряда явлений русской грамматики, представленных на сайте rusgram.ru и в

опубликованных томах [Плунгян (отв. ред.) 2016; Плунгян, Стойнова (отв. ред.) 2017, 2018].

Текущие этапы работы над проектом (с 2020 г.) связаны с рядом изменений: расширением круга рассматриваемых явлений, установкой на большую доступность данных исследования и уточнением методологии работы с корпусным материалом.

Если на ранних этапах Русграма, в фокусе внимания были прежде всего темы по грамматической семантике, в меньшей степени — синтаксис, в настоящий момент значительно расширяется синтаксическая часть грамматики (ср. разделы о таксисе в полпредикативных конструкциях [Летучий, рукопись, 2022] и временных придаточных [Пекелис, рукопись, 2022].), а также создаются некоторые фрагменты грамматики, посвященные фонологии и дискурсу. Некоторое **расширение круга рассматриваемых явлений** необходимо, во-первых, потому, что без него невозможно всестороннее описание русской грамматики, во-вторых, потому, что многие темы, находящиеся в фокусе интереса Русграма, не могут быть достаточно полно описаны без описания смежных тем, например распределение любых алломорфов, необходимое в морфологических разделов, требует некоторого единого описания сегментной фонологии, а распределение морфологической формы вокатива с необходимостью опирается на свойства русского обращения в дискурсе (см. о нем, в частности, [Колядов 2024]). В новых разделах, как и в более традиционных для Русграма морфологических и синтаксических главах, предполагается рассмотрение вариативности, например вариативности в постановке ударения [Кухто, Пиперски, рукопись] и вариативности в положении обращения в клаузе.

Доступность данных и стремление к прозрачному отражению хода исследования связаны с вопросами воспроизводимости результатов: в ходе работы с корпусом и данными исследователь, как правило, принимает ряд методологических решений, которые не могут быть с легкостью воспроизведены, если они не были задокументированы. В связи с этим в новых текстах Русграма предполагается включение в текст запросов, по которым получены количественные данные, и в некоторых случаях самих данных.

Необходимость в **уточнении методологии** Русграма связана прежде всего со значительным распространением в лингвистике различиных методов статистического анализа, ср. дискуссии о методологии корпусного исследования [Kilgarriff 2005; Baayen & al. 2013; Stefanowitsch 2020] и количественных исследованиях в лингвистике в целом [Baayen 2012; Gries 2009/2013; Levshina 2015; Winter 2020]. Увеличение объема

доступных данных для русского языка, как в составе Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), так и в интернет-корпусах, таких как Araneum Russicum и ruTenTen, а также доступность в этих корпусах различных инструментов сбора и обработки данных позволяют также использовать значительно более сложные способы составления выборок. Доступность большого количества данных, а также многочисленных корпусных и статистических инструментов позволяет для некоторых исследований ставить вопрос о менее обсуждаемых в лингвистике вопросах установления причинных отношений на описательных данных, ср. обсуждения этого вопроса в эконометрике [Angrist, Pischke 2008], психологии [Sobel 2009], социологии [Anrtonakis et al. 2010; Allison 1999/2003].

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархудров С. Г. (ред.). Грамматика русского языка. Т. 1. М.: АН СССР, 1960.

Виноградов В. В., Истрина Е. С. (ред.). Грамматика русского языка. Т. 2, Ч. 1. М.: АН СССР, 1960.

Виноградов В. В., Истрина Е. С. (ред.). Грамматика русского языка. Т. 2, Ч. 2. М.: АН СССР, 1954.

Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: грамматика и варианты. М.: Наука, 1980.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Каталинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976.

Колядов Д. М. Обращение по имени, межличностное взаимодействие и социальное лицо (на материале русского языка) // Слово.ру: балтийский акцент, 2024. С. 203–218.

Кухто А., Пиперски А. Вариативность ударения. Рукопись, 2022.

Летучий А. Б. Таксис в подчиненной предикации. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2022.

Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. М.: Наука, 1968.

Пекелис О. Е. Временные клаузы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2022.

Шведова Н.Ю. (ред.). Русская грамматика. М.: Наука. 1980.

Allison P. D. Logistic regression using the SAS system: Theory and application. Cary, NC: SAS Institute, 1999/2003.

Angrist J. D., Pischke J.-S. Mostly harmless econometrics: An empiricists's companion. Princeton: Princeton University Press, 2009.

Antonakis J., Bendahan S., Jacquart P., Lalive R. On making causal claims: A review and recommendations // The Leadership Quarterly 21, 2010. P. 1086–1120.

Baayen R. H. Analyzing linguistic data: A practical introduction to statistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Baayen R. H., Endressen A., Janda L. A., Makarova A., Nesset T. Making choices in Russian: pros and cons of statistical methods for rival forms // Russian Linguistics 37, 2013. P. 253–291.

Gries S. Th. Statistics for Linguistics with R: A practical introduction. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2019/2013.

Gries S. Th. Exploring variability within and between corpora: Some methodological considerations // Corpora 1 (2), 2006. P. 109–151.

Kilgaririff A. Language is never, ever, ever, ever random // Corpus Linguistics and Linguistics Theory 1–2, 2005. P. 263–276.

Levshina N. How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015.

Sobel M. E. Causal inference in randomized and non-rendomized studies: the definition, identification, and estimation of causal parameters // Millsap R. E., Maydeu-Olivares A. (eds.). The SAGE Handbook of Quantitative methods in psychology. Los Angeles / London / New Delhi: SAGE, 2009. P. 3–22.

Szmrecsanyi B., Engel A. A variationist perspective on the comparative complexity of four registers at the intersection of mode and formality // Corpus Linguistics and Linguistics Theory 19 (1), 2022. P. 79–113.

Stefanowitsch A. Corpus linguistics: A guide to methodology. Berlin: Language Science Press, 2020.

Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Winter B. Statistics for linguistics: An introduction using R. New York/London: Routledge, 2020.

BLOC 3.2
L'ESPACE DE COMMUNICATION ACTUEL DANS LES LANGUES SLAVES ET LA DYNAMIQUE DE SON DÉVÉLOPPEMENT / СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ И ДИНАМИКА ЕГО РАЗВИТИЯ

Organisatrice : НАТАЛЬЯ КЛУШИНА

Jana Hoffmannová Některé specifické rysy internetové komunikace v českém prostředí 1
Branko Tošović Južnoslovenski stilistički prostor na spoju XX i XXI vijeka 5

NĚKTERÉ SPECIFICKÉ RYSY INTERNETOVÉ KOMUNIKACE V ČESKÉM PROSTŘEDÍ

JANA HOFFMANNOVÁ (ČESKÁ REPUBLIKA)
Ústav pro jazyk český AV ČR, Praha

0. Pro internetovou komunikaci (srov. Tošovič, 2015, 2018) je příznačné míšení žánrů, stylů, textů a diskurzů (k tomu viz Homoláč et al., 2022). V českém prostředí se tato hybridnost projevuje mj. v pohybu internetových textů mezi psaností a mluveností (s jejich typickými znaky), ve využívání češtiny spisovné a nespisovné (obecná čeština, dialekty), v míšení jednotlivých variet. Míšení a vznikání různých hybridních útvarů lze sledovat také v prostoru vícejazyčnosti, zejména na styku angličtiny a češtiny. (Srov. Jílková, 2016.) V nedávném grantovém projektu jsme tyto a další charakteristiky internetové komunikace zkoumali prostřednictvím dat ze sociálních sítí, hlavně z Twitteru a Facebooku, u různých skupin pisatelů: u politiků, novinářů, youtuberů i běžných uživatelů. V tomto příspěvku se zaměřím na slovní zásobu a na některé výrazné způsoby výstavby textu.

1. Pokud jde o prostředky lexikální, nemůže ujít pozornosti velké (u psaných textů nezvyklé) množství **kolokvialismů**. Upozorním nejprve na skupinu drobných, nenápadných výrazů příznačných pro mluvené projevy. Výraz *fakt* mívá funkci hodnoticí nebo intenzifikační a vyskytuje se v různých pozicích:

> **Fakt** ta ekonomická diplomacie funguje! Éra Merkelové **fakt** končí… (novinář Kubal)
> Jako já jsem **fakt** pohádkoužrout, ale to co tenhle rok ČT vyplodila je **fakt** dost brutál 😂 (youtuber Kovy)

Fakt to má něco do sebe; to je **fakt** rarita, já tě uškrtim **fakt**! (běžní uživatelé)

Příznačné jsou i částicové výrazy *holt (hold, halt), kor/kór, furt, přeci, akorát* aj.:

> Je to **hold** práce jako každá jiná; tyhle východy slunce **hold** nejsou zadarmo (youtuber Kazmitch)
> Asi by mě to taky naštvalo, **kór** když doteď se o všech nákupech domlouvali (Facebook: eMimino)

Upoutá nás i sloveso *dát/dávat*, v dnešním posunutém významu „zvládnout/zvládat“; nebo sloveso *řešit*, ev. *vyřešit, pořešit*, jehož inflace nás zasáhla už před lety a stále trvá:

> **Dala** jsem texty v autoškole; jsem zas jednou vstávala jak do školy a moje tělo to těžce **nedává** (youtuberka Anna Šulcová)
> Vůbec bych to takto **neřešila**; nevím co **řešíš**; **vyřešte** to v klidu; jde mi o to **pořešit** to spolu (diskuse na Facebooku, eMimino)

O vlivu mluvených projevů nemůže být pochyb ani u výrazů *jako, jakože, jakoby*, které se v poslední době v běžné neformální komunikaci tolik rozšířily, zejména (i když ne vždy) ve funkci „vycpávek“, výplňkových slov (expletiv). (K funkcím *jako* srov. Hoffmannová –

Homoláč – Mrázková, 2019, s. 316–318; dále např. Hoffmannová, 2010, 2017; k výrazu *jakože* Hoffmannová – Jílková, v tisku.)

> Doprdele lidi, když chcete být **jakože** ty lepší…; Tyvole dopíči cože **jako**?; Uvědomuješ si to aspoň **jako**? (běžní uživatelé)

2. Účastníci internetové komunikace v oblasti lexika uplatňují **slovotvorné postupy**, jejichž výsledkem jsou převážně výrazy slangové povahy. Jsou to především různé procesy redukce, zkracování, někdy mechanické (tzv. trunkace), někdy doprovázené určitou výrazovou modifikací. Takže např. *v poho, určo, spoko* (youtuberka GabGabGabi: *já jsem děsně spoko*); *ofiko/offiko* i *neofiko/neoffiko; neva, hospa, narozky, gratulki, stavebko, kámoška, zmrzka, depka, telka, gramec, komp*… Hojné jsou výsledky univerbizace, z nichž některé už vstoupily do běžného úzu (srov. k tomu Kolářová – Štícha, 2020). Srov. např. *tiskovka, neziskovka, přijímačky, vejška, socka, cílovka, týmovka, sólovka, bytovka, bokovka, odvykačka, Karlovka; Hospodářky.* Běžní uživatelé (v tomto případě spíše uživatelky) si oblíbili výraz *nejka* (= nejlepší kamarádka). Kromě přípony -ka je u slangových výrazů častý i sufix -ák; v našich datech nejen běžný *Staromák*, ale třeba *vrchňák* (vrchní soud), *adapťák*, *bezďák*, *závislák*, *zimák, letňák* (k těmto studentským univerbátům připojme ještě *zkouškové*). Častým slangovým sufixem je také -áč (*alkáč, Mekáč, Instáč*).

3. Mimořádně bohatá je na sociálních sítích vrstva **expresivního lexika** a **vulgarismů**, zvláště prostředků umožňujících vyjadřování negativního hodnocení a emocí. Tweety běžných uživatelů jsou plné nejběžnějších vulgarismů jako *kurva, píča, mrdka, prdel, hovno, sraní* aj.; ale silná expresiva a vulgarismy nacházíme i např. u youtuberů:

> GabGabGabi:
> Hej ta láska je občas děsná **mrdka** fakt.
> Buď budu mít z **prdele** štěstí, nebo tu maturitu v pátek prostě nedam.
> Tak ty musíš mít hodně na **prd** život, když řešíš takovýhle **kraviny**. Nemluvě o tom, že je to snad úplně jedno do **hajzlu**...

K expresivnímu vyjadřování lze přiřadit také oslovení jako *kámo, ty brďo, ty kráso, ty vago*. *Ty vole* bývá nezřídka zkracováno (*tvl, tvle*), stejně tak je eufemizováno *ty píčo* (*tpč, tpccc, typicoo*). Expresivitu občas posiluje také citoslovce *wow* (*chybí ten wow pocit prvního dílu*), ev. *wau, wáááu* (*druhý díl byl u moře, což bylo wáááu, ne?*). A uplatňují se tu i intenzifikátory, tak příznačné pro spontánní mluvené projevy (*trvalo to **šíleně** dlouho; přijde mi to **strašně** stupidní*).

4. O mimořádné nasycenosti internetové komunikace a sociálních sítí nejrůznějšími **anglicismy** nemůže být pochyb. Vysokou frekvenci mají především v textech youtuberů. Intenzivně se tu „hajpuje“ a „hejtuje“: *včera jsem to trošku vyhajpoval, co?* (Cuketka); *tak jsem dal prehajpovanej Dunkerk* (DJWich). A další youtuber Kovy:

> Holky a kluci se hejtujou za selflove?! Ok, tak se pojďme milovat za #selfhate!
> Kdo si dneska na twitteru nezahejtoval, jako by nebyl.

Přímo prototypem hojného užívání anglicismů je třeba youtuberka Anna Šulcová:

> Sme oba strašně savage; všichni jsme asi tak moc zhejtili ten nový messenger; chci podzim ale nejsem ready na podzim; teď je to hrozně trendy a environment friendly😅
> Pamatujete, jak jsme kdysi všichni používali snapchat a bývaly doby, kdy jsme mohli stalkovat naše crushe s kým si nejvíc snapujou, protože tam ukazovali ty top 3 lidi?

5. K elektronické komunikaci (i k té na sociálních sítích) nedílně patří také **hra s jazykem, slovní hříčky, humor, jazyková komika**. Oblíbeným předmětem hravého obměňování jsou vlastní jména, např. jména politiků:

> ježiš Šmardá; Hatlamáček; zámek v Lejnech; Ovča; Papučová; Forejt Gump; Jindra Gump Forejt; Jan Želé Fischer; LuftJarda / luftjarda; pan Schlafenberg; pan Kradousek; Ivo bude Naštván; Bohuslav Sralbotka; Pirátor (= primátor Hřib ze strany Pirátů); to bylo od Hamoly se Zimáčkem velmi pochetilé (jména Zimola, Hamáček, Poche)

6. Hra s jazykem podává svědectví o tom, jakou pozornost věnují internetoví autoři různým jazykovým jevům. O tom svědčí i četné **metajazykové (metařečové, metatextové) výroky**.

> Ach jo, čekal bych to od mnoha lidí, ale od diplomatického poradce Knessetu fakt ne: Check Republic. (novinář M. Kubal)
> Jsem Pražák a nechápu, jak někdo může říkat “dýl” místo později. (youtuberka Anna Šulcová)
> Prosím, nemohl by @tomherlik udělat nějakou osvětu ohledně toho, že "event" se NEČTE "ÍVNT", nýbrž "ɪˈvɛnt" s přízvukem na tý druhý slabice? Já už nemůžu! (běžná uživatelka)

7. S výsledky hry s jazykem, s jazykovou komikou, humorem a s metajazykovými komentáři úzce souvisí **intertextovost** a **interdiskurzivita** – všechny tyto oddíly se navzájem prostupují. Účastníci komunikace na Twitteru (a opět politici, novináři i youtubeři) mají v oblibě především citáty a „hlášky“ z oblíbených filmů (*Marečku, podejte mi pero; Na samotě u lesa; Jáchyme, hoď ho do stroje; Vrchní prchni*; aj.):

> Na Moravě pro delegáty sjezdů byly při vstupu připraveny vždy regionální produkty, švestičky z našich zahrádek😉 co to bude dnes? (politik M. Jurečka)
> Taková krásná dovolená (…) za otevřeným oknem chčije… (novinář V. Gibiš)
> TJ Osvětimany... Asi slušnej oddíl, když mu jedna z největších neziskovek v zemi dává desetinásobky toho, co jiným v podobné třídě. (novinář M. Kubal)

Miluju, když mi sterace stiraj do rytmu. (youtuber DJWich)

8. Pisatelé tweetů (hlavně youtubeři, někdy i novináři) v nich také nezřídka **reprodukují dialogy**, které ve svém každodenním životě s někým vedli. Samozřejmě vybírají dialogy, o kterých soudí, že jsou vtipné a že stojí za to je zveřejnit; i tyto dialogy přitom mnohdy mají metajazykové nebo intertextové aspekty (ve vztahu k různým životním situacím). Atraktivní jsou dialogy s dětmi, naznačující dětské vidění světa.

Youtuber DJWich:

- Kartičku máte? - Ne. - Tašku chcete? - Ne. - Bodíky sbíráte? - Ne. - Platit budete? - Ne. - Cože? - Cože?
Youtuber a moderátor Leoš Mareš:
Můj 6letý syn v Kotvě vidí můj plakát na Blažka a zakřičí - Jéé Leoš Mareš - Matěji, já jsem přece tvůj táta - Ale Leoš Mareš jseš taky.
Novinářka Darina Vymětalíková:
Syn kouká na film pro pamětníky, pak přijde za mnou do kuchyně a říká: "Mami, byl svět v minulosti barevnej, nebo černobílej?" 😂

Bylo by možno sledovat mnoho dalších specifik internetové komunikace; některé další prostředky a postupy jsme zachytili v monografii Homoláč et al., 2022.

Klíčová slova: elektronická komunikace, sociální sítě, kolokvialismy, vulgarismy, anglicismy, hra s jazykem, metajazykové komentáře, intertextualita

LITERATURA

Hoffmannová J., Homoláč J., Mrázková, K. (eds.). Syntax mluvené češtiny. – Praha: Academia, 2019. – 394 s.

Hoffmannová J. České *jako* a slovenské *ako/akože* v mluvených projevech (malý konfrontační pokus). // Slovo – Tvorba – Dynamickosť. Na počest Kláry Buzássyovej. Bratislava: Veda, vydavatelstvo SAV – Jazykovedný ústav Ľ. Štúra, 2010. S. 359–371.

Hoffmannová J. „Malá slova“ a jejich podíl na stylu mluvených projevů. Stylistyka. – 26. – 2017. S. 173–181.

Homoláč J. et al. Míšení žánrů, stylů a diskurzů v internetové komunikaci. Praha: Academia, 2022. – 376 s.

Hoffmannová J., Jílková L. Synsémantikum *jakože* v současné komunikaci: *A pak se teda jakože vrátím k práci*. V tisku (Synsémantické slovní druhy ve slovanských jazycích. Praha: Slovanský ústav AV ČR.)

Jílková L. Elektronická komunikace. // J. Hoffmannová et al., Stylistika mluvené a psané češtiny. Praha: Academia, 2016. S. 105–143.

Kolářová I., Štícha F. Slovník univerbizátů (zjednoslovněných názvů). Praha: Academia, 2020. – 756 s.

Тошович Б. Интернет-стилистика. М.: Флинта, 2015. – 558 с.

Тошович Б. Структура интернет-стилистики. М.: Флинта, 2018. – 858 с.

JUŽNOSLOVENSKI STILISTIČKI PROSTOR NA SPOJU XX I XXI VIJEKA

BRANKO TOŠOVIĆ (AUSTRIJA)

U izlaganju se prezentiraju istraživanja na južnoslovenskom stilističkom prostoru koji nazivamo Južnoslavija i koji čine Bosna i Hercegovina, Bugarska, Crna Gora, Hrvatska, Sjeverna Makedonija, Slovenija i Srbija. Analiza se sastoji od dva dijela. U prvom se ukazuje na tri globalna procesa: intradisciplinarnu konsolidaciju, terminološku diferencijaciju i intrakategorijalnu determinaciju. U drugom se govori o društveno-političkim okolnostima u kojima se stilistika razvijala, a takođe o (meta)stilističkim pravcima koji su uticali na proučavanja južnoslovenskih stručnjaka. Posebna pažnja posvećena je novinama u kategorijalnom, pojmovnom i terminološkom aparatu.

0. Južnoslovensku nauku o stilistici (posebno neke njene oblasti, discipline i pravci) s kraja XX i početka XXI vijeka karakterišu tri procesa – intradisciplinarna konsolidacija, terminološka diferencijacija i intrakategorijalna determinacija. Konsolidacija se ispoljava u tome što su ispitivanja zasnovana tokom XX vijeka omogućila da se u vrijeme eksplozije informacije i ekspanzije naučno-tehnološke revolucije stabilizuje stilistika. Diferencijacija se očituje u terminološkom razgraničenju onoga što do tada nije razlučivano, ili nije moglo biti razdvajano, a što je savremeno stanje zahtijevalo i što je dolazilo kao neophodnost. Determinacija se manifestuje u preciziranju pojmovnog i kategorijalnog aparata. Iako je XX stoljeće bilo turbulentno, a njegova druga polovina krizovita zbog smjene istraživačkih paradigmi i pokušaja njenog potiskivanja kao naučne oblasti i ekspanzionističkih tendencija (više spontanog nego organizovanog karaktera), period na rubu dvaju stoljeća može se smatrati konsolidacijom južnoslovenske metastilistike. Kada se stilistika kao naučna disciplina učvrstila i prilagodila novoj tehnološkoj revoluciji, posebno revoluciji koju je sa sobom donio internet, sazrelo je vrijeme da se neke bitne stvari preciziraju i razgraniče.

1. U ovome periodu došlo je vrijeme za (1/3) primarnu diferencijaciju – razlikovanje predmeta istraživanja i discipline koja ga proučava, konkretno: stilistike kao objekta analize i stilistike kao naučne oblasti. Ti su termini bili dvoznačni i podrazumijevali su nepodudarne pojmove. Terminološka dvosmislenost nije u nauci poželjna pa postoji potreba da oznake, gdje je god to moguće, jednoznačno funkcionišu. Takva nominacijska dvosmislenost neutrališe se uvođenjem naziva za disciplinu *metastilistika* (nauka o stilistici) i vezivanju termina *stilistika* za predmet istraživanja kao što je stil, stilska/stilistička jedinica, stilem, stilsko/stilističko sredstvo, stilističko značenje, stilistička kategorija, stilistički/stilski postupak. Ispitivanja u ovome periodu ukazala su na to da je neophodno takođe izvršiti (2/3)

sekundarnu diferencijaciju – u okviru metastilistike razlikovati stilologiju (nauku o stilu), stilematiku (nauku o stilemama, odnosno stilističkim jedinicama), stilonimiju (nauku o nominacijskim aspektima u stilistici), lingvostilogiju (lingvističku stilologiju o stilovima najrazličitije vrste), književnu stilologiju (analizu stila literarnog teksta), stilometriju (nauku o statističkom mjerenju stilističkih jedinica) i (3/3) tercijalnu diferencijaciju u obliku književne metastilistike.

2. Na stilistiku datoga razdoblja dosta su uticali stilistički pravci, škole, metodi i tokovi iz toga razdoblja, vremena nakon Drugog svjetskog rata i prve polovine XX i kraja XIX vijeka. Odlučujući zaokret učinjen je (1) napuštanjem pozitivističkog tumačenja književnog djela (obraćanjem pažnje, prije svega, na autorovu ličnost, društvene okolnosti) i psihologizma, (2) stavljanjem u težište djelo i njegovu imanentnu strukturu, (3) razmatranjem teksta kao zatvorene strukture, prije svega, od strane ruskih formalista, pristalica Praškog lingvističkog kružoka, Moskovskog lingvističkog kruga i Tartusko-moskovske semiotičke škole. Ovo razdoblje u Južnoslaviji obilježili su tri suštine novine. Dok su početak, sredina i kraj 80-tih godina XX vijeka markirani zasnivanjem i razvojem funkcionalne stilistike, početkom, sredinom i krajem 90-tih godina komunikacija se sve više selila iz offline prostora u online prostor, što je potaklo metastilistiku da se sve više usmjeri na online stvaralaštvo pa je kao rezultat nastala internet-stilistika, koja se bavi ekspresivnim, izražajnim i funkcionalnim osobenostima pismenih i usmenih tekstova čije je funkcionisanje povezano isključivo sa internetom kao ekskluzivnom prostorom postojanja. U drugoj deceniji XXI vijeka vještačka inteligencija dostigla je takav stepen razvoja da je počela proizvoditi stilski raznovrsne smisaone tekstove (a prošlo je svega tridesetak godina od početka široke kompjuterizacije i internetizacije). To je dovelo do stvaranja stilistike virtuelnosti (istraživanja automatskog generisanje jezičkih jedinica različite složenosti).

3. Metastilistička terminologija toliko se proširila da se u okviru stilonimije (koja se bavi nominacijom stilističkih pojava i koja ima stilonim kao osnovnu jedinicu) nametnulo razlikovanje stilonema (jedinice stilistike) i stilema (jedinice stila; taj je termin koristio u ovome periodu niz stručnjaka iz Bosne i Hercegovine, Crne Gore, Hrvatske, Sjeverne Makedonije, Slovenije i Srbije za oznaku osnovne ili bilo koje jedinice u stilistici). U južnoslovenskoj stilonimiji datoga perioda nije učinjen vidljiv pomak u leksikografskoj sistematizaciji terminologije jer su izostala izdanja koja nalazimo na širem slovenskom prostoru kao što su, recimo, rječnici stilističke terminologije (postoji samo jedan takav poduhvat).

4. U odnosu na vrijeme i društveno-politička zbivanja na razmeđu dvaju stoljeća stilistika Južnoslavije razvijala se u dva toka. Prvi je imao kontinuitet na koji nisu bitno uticali događanja, turbulencije i, naročito, lomovi u društvu kao što je nestajanje blokovske podjele Evrope 90-tih godina XX vijeka (bugarska metastilistika). U drugom je došlo 1990–1995. do raspada zajedničke države (Jugoslavije) koji se nije radikalno odrazio na stilistički nivo u jednome dijelu (makedonska metastilistika), dok je stilistika na štokavskom terenu prošla kroz tri perioda: preddisolucijski (1970–1990), disolucijski (1991–1996) i postdisolucijki (1997–2020), koji predstavljaju direktan odraz (a) raspada zajedničke države, (b) rata od 1901. do 1996. u koji su uvučene Bosna i Hercegovina, Crna Gora, Hrvatska i Srbija i (c) disolucije u kojoj je srpskohrvatski jezik prestao da postoji kao jedinstveni standard, pri čemu su Hrvati i Srbi zvanično vratili nazivima hrvatski jezik i srpski jezik, Bošnjaci proglasili 1991. bosanski jezik (koji se na hrvatskoj i srpskoj strani počeo zvati i bošnjačkim), dok je 2007. ozvaničen crnogorski jezik, što je naišlo za odbojnu reakciju drugog dijela stanovništva Crne Gore koji je smatrao da u njoj postoji samo srpski jezik.

5. U ovome periodu južnoslovenska metastilistika razvijala se i u sklopu smjena stilskih formacija. Iako je strukturalizam krajem 60-tih godina gubio snagu i uticaj, on je na južnoslovenskom terenu ostao jedan od vodećih. Tome je posebno doprinijela aktivnost na prezentovanju strukturalističkih pravaca kao što je češki strukturalizam i ruski formalizam, a onda semiotička strujanja, posebno u Francuskoj, Sovjetskom Savezu i Čehoslovačkoj. Južnoslovensku metastilistiku zahvatila je (negdje više, negdje manje) interdisciplinarnost, zapljusnule su ih ideje, metodi, pojmovi i kategorije kibernetike, teorije informacije, matematike i semiotike.

6. U datome razdoblju metastilistika se našla na udaru nauke o tekstu (manje) i diskursu (više) pa je morala dokazivati opravdanost postojanja i boriti se za istraživački prostor koji još je stoljećima pripadao. Tada su se pojavile negativne tendencije koje smo okarakterisali kao (a) antistilistika (radovi i pogledi koji su za stilistiku bili kontraproduktivni i koji su joj nanosili štetu), (b) kontrastilistika, koja se ispoljava u pokušajima da se stilistici oduzme objekat istraživanja, da je manje ili više, ciljano ili spontano, potisne, čemu se dosta doprinijeli pojedini stilističari koji su mehanički, gotovo automatski, počeli da zamjenjuju stilističke pojmove (kao što je stil), nestilističkim (kao što je diskurs) pa se, ne bez osnova, govorilo o krizi stilistike i (c) pseudostilistika sa radovima koji su u naslovu imali stilistiku, stil i sl. a u suštini bili daleki od prave stilistike. Na sreću, modernizovana stilistika našla je načina da se suprotstavi antistilistici, kontrastilistici i pseudostilistici pa je sačuvala iskonski

predmet istraživanja (stil, ekspresivnost i izražajnost...) i prilagođavala se radikalnim izmjenama u komunikaciji izazvanim pojavom interneta i vještačke inteligencije.

Južnoslovenska metastilistika i metapoetika postepeno su 90-ih godina XX vijeka prelazile iz offline prostora u online prostor (jezičko-stilska produkcija sve je više izlazila iz realnog prostora i odlazila u virtualni), posebno zasnivanjem novog stilističkog pravca – internet-stilistike i prvim nagovještajima nastajanja inovativne discipline – stilistike virtuelnosti. Južnoslovenska metastilistika dobila je nove dimenzije: šire virtualne (mrežne, internetske) i uže (hipertekstualne, četovske, emajlovske...).

7. U ovome periodu razvijale su se nove vrste stilističkih istraživanja: idiostilistika (individualna, genetička stilistika), stilistika resursa (stilistika jezičkih nivoa), stilistika jezika i stilistika govora, književna stilistika itd. Tada je izrazito dominirala na južnoslovenskom terenu funkcionalna stilistika (nijedna druga vrsta metastilistika nije dobila takvu širinu i obim). Istovremeno nijedan od novih stilističkih pravaca nije pokazao snagu potrebnu da funkcionalnu stilistiku istisne sa vodeće pozicije, pogotovo iz edukativnog procesa. Jedan od razloga jeste i u tome što nijedan od njih nije bio tako sistemski čvrst (funkcionalna stilistika pokriva sve jezičke nivoe i sve stilove), nije obuhvatao sve osnovne stilističke pojave (razuđenost jezika, ekspresivnost, izbor, odstupanje i dr.), široku intralingvističku strukturu i ekstalingvistike faktore, što joj je omogućilo da se odomaći u intra- i interdisciplinarnim istraživanjima, nastavi u srednjim školama i na univerzitetima. Od tada dolazi do jačanja istraživanja u oblasti tekstualne stilistike. Od 90-tih godina teorija diskursa vrši snažnu ekspanziju i postaje jednim od dominantnijih lingvističkih pravaca sa pozitivnim i negativnim uticajem na stilistiku: (a) pozitivnim jer se pojavio novi pravac – diskursna stilistika, koja je ukazala na to da se stilistika treba temeljitije pozabaviti, prije svega, ekstralingvističkim faktorima (iako je to isticano još od osnivanja funkcionalne stilistike, posebno u permskoj stilističkoj školi), (b) negativnim jer je ne jedan stilističar (da bi bio u trendu, u duhu modnih kretanja), počeo mehanički da zamjenjuje osnovne stilističke termine, prije svega, funkcionalni stil, nestilističkim, prije svega, diskursom. Problem je još više potenciran time što je funkcionalni stil jasno definisan, dok diskurs ima više značenja. U radovima koji su pokušavali da objedine funkcionalnostilski i diskursivni pristup dolazilo je do zabune oko toga šta je funkcionalni stil, a šta diskurs. Dok su jedni stilističari insistirali na tome da diskurs i stil nisu isti pojmovi i da ih treba strogo razgraničavati, drugi su nastavili da ih mehanički koriste kao sinonime, čak u istome tekstu, izazivajući nejasnoću i nedoumicu na kategorijalnom i interdisciplinarnom planu. U prvoj deceniji XXI vijeka osnažila je

kognitivna stilistika (pod uticajem intenzivnog razvoja kognitivne lingvistike). I semiotička stilistika dobila je zamah snažnim razvojem semiotike u drugoj polovini XX vijeka. Među pravcima koji su se na južnoslovenskom terenu pojavili tada može se istaći feminostilistika (feministička stilistika), nastala pod uticajem sve češćih analiza jezika i stila žena, „ženskog“ pisma i sl. Neki pravci rađaju se u vrstama djelatnosti koje odavno postoje, ali nisu dale posebnu stilističku disciplinu (forenzička stilistika). Javili su se pokušaji neopravdanog mehaničkog odvajanja stilistike jezika od stilistike govora. Došlo je do zasnivanja medijastilistike (koja proučava stilistiku novih medija), „imanestičke“ stilistike i dr.

LITERATURA

Гайда/Тошович/Клушина 2023: Гайда, Станислав; Тошович, Бранко; Клушина, Н. И. *Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков*: Коллективная монография. Москва: Флинта. 365 с.

Tošović 2024: Tošović, Branko (u redakciji). *Savremena južnoslovenska metastilistika i metapoetika*. Kolektivna monografija. Autori: Branko Tošović, Darin Angelovski, Marina Biti, Evdokija Borisova, Aleksandra Đurkova, Radoje Femić, Marija Ilijeva, Desislava Ivanova, Nataša Jovović, Slavčo Koviloski, Nenad Krcić, Tamara Labudović, Daniela Marot Kiš, Goran Milašin, Milana Poučki, Teodora Rabovjanova, Saša Simović, Svetlana Slijepčević Bjelivuk, Saša Stanić, Strahinja Stepanov, Diana Stolac, Amela Šehović, Lidija Tanturovska, Miodarka Tepavčević, Olga Vojičić-Komatina. Beograd – Grac/Graz: Stilistička komisija Međunarodnog slavističkog komiteta – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Aletea. 580 s. [Slavic Stylistic, tom 2]

Тошовиќ/Ковилоски 2025: Тошовиќ, Бранко; Ковилоски, Славчо (во редакција). *Македонска поетика и стилистика.* Автори: Славчо Ковилоски, Весна Мојсова-Чепишевска, Трајче Стамески, Биљана Рајчинова-Николова, Славица Петровска-Ѓорѓевска, Марина Цветаноска, Ема Лакинска, Иван Антоновски, Бранко Тошовиќ. Graz: Stilistička komisija Međunarodnog slavističkog komiteta – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz. 251 c. [Slavic Stylistics, 3]

BLOC 3.3.

LA KITABISTIQUE : MÉTHODOLOGIE ET PROBLÈMES DE RECHERCHE / KITABISTYKA. METODOLOGIA I PROBLEMY BADAWCZE

Organisatrice : JOANNA KULWICKA-KAMINSKA

Joanna Kulwicka-Kamińska, Czesław Łapicz Z metodologii datowania rękopisów Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego 1

Anna Cychnerska Anna, Joanna Kulwicka-Kamińska Słowiańskie aljamiado. Manuskrypty tatarskich i bałkańskich muzułmanów – podobieństwa i różnice 6

Alla Kozhinowa Влияние церковно-славянских текстов на арабографические произведения литовских татар 10

Galina Miškinienė Содержание и языковые особенности хамаила Сафара Кабирова (сер. XIX в.) 14

Z METODOLOGII DATOWANIA RĘKOPISÓW TATARÓW WIELKIEGO KSIĘSTWA LITEWSKIEGO

JOANNA KULWICKA-KAMIŃSKA (POLSKA)
Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń
Joanna.Kulwicka-Kaminska@umk.pl
ORCID: 0000-0001-8566-9181

CZESŁAW ŁAPICZ (POLSKA)
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu
lapicz@umk.pl
ORCID: 0000-0002-8878-8087

Badacze tatarskich rękopisów napotykają liczne trudności związane z ich chronologizacją. W metodologii badań kitabistycznych konieczne jest bowiem uwzględnianie co najmniej trzech aspektów:

1. Datowania początków tatarskich manuskryptów, czyli czasu powstania protografów, co wiąże się z wyjaśnianiem genezy tego piśmiennictwa oraz poszukiwaniem odpowiedzi na pytanie o język pierwszych przekładów słowiańskich: czy był nim język polski, czy białoruski?

2. Datowania poszczególnych, zachowanych do dzisiaj, manuskryptów. Sprowadza się to głównie do ustalenia daty sporządzenia konkretnych rękopiśmiennych kopii, gdyż wszystkie znane tatarskie rękopisy są kopiami wcześniejszych podstaw źródłowych, sięgających zapewne aż do zaginionych protografów. Tworzą one swoiste łańcuchy powiązanych ze sobą genetycznie odpisów.

3. Datowania poszczególnych jednostek treściowych wchodzących w skład dostępnych dziś rękopiśmiennych zabytków. Chodzi m.in. o to, że w datowaniu konkretnego rękopisu trzeba też uwzględnić fakt, iż nierzadko w jednej księdze jest kilka introligatorskich składek tekstowych o różnych charakterach pisma, czyli pisanych przez kilku różnych kopistów; składki te mogły powstawać w różnym czasie i w różnych miejscach.

Ustalenie następstwa i zależności zachowanych rękopisów na osi czasowej: podstawa (lub podstawy) kopiowania → kopia (lub kopie) jest niezwykle trudne, niekiedy wręcz niemożliwe. Wiąże się z tym także nieostry podział na typy i rodzaje piśmiennictwa Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego (dalej: WKL), gdyż identyczne jednostki treściowe mogą być obecne zarówno np. w tefsirach, kitabach, jak i w chamaiłach[1]. Świadomość tych faktów istnieje od badań i ustaleń Antona K. Antonowicza, prekursora współczesnej kitabistyki, który wykazał, że czas utworzenia konkretnej kopii niekoniecznie jest tożsamy z czasem powstania zawartych w niej składowych jednostek treściowych (Antonowicz 1968).

[1] *Tefsiry* – rękopisy zawierające przekład Koranu na polszczyznę północnokresową z elementami komentarza, zapisany alfabetem arabskim; *kitaby* – księgi o różnej objętości i treści, zwykle o charakterze religijnym; *chamaiły* – najpopularniejszy rodzaj tatarskiego piśmiennictwa, klasyfikowany jako modlitewniki.

Niezależnie jednak od wielu trudności kitabiści dokonują bądź pewnego, bądź przynajmniej hipotetycznego lub przybliżonego datowania rękopisów, opierając swe wnioski na różnych kryteriach. Dokonamy zatem krótkiego przeglądu najważniejszych kryteriów, metod i sposobów chronologizacji tatarskich rękopisów.

1. Historia islamu w WKL a datowanie piśmiennictwa

Można przyjąć, że islam na ziemiach bałtycko-słowiańskich istnieje już od siedmiu wieków. Fakt ten trzeba uwzględnić zadając pytanie o czas i przyczyny powstania tatarskich rękopisów, których protografy wprawdzie zaginęły, ale przetrwały liczne ich kopie. Badania historyczno-filologiczne wskazują czas początków piśmiennictwa Tatarów WKL na 2. połowę XVI, lub nawet na początek XVII wieku (Łapicz 1986: 39–60).

2. Język rękopisów

Cechą charakterystyczną języka rękopisów religijnych Tatarów WKL jest jego złożoność chronologiczna. Ponieważ czas powstania zaginionych protografów nie jest tożsamy z czasem powstania ich zróżnicowanych treściowo i formalnie kopii (wieki XVII–XX), konkretne rękopisy, zależnie od czasu ich rzeczywistego zaistnienia oraz zawartości, zwykle kumulują cechy i fakty z różnych okresów historii języka polskiego i białoruskiego, tak jak z różnych okresów mogą pochodzić poszczególne skopiowane jednostki treściowe tworzące konkretny manuskrypt. Dlatego np. zabytki z XIX czy XX wieku mogą zawierać fakty językowe sięgające nawet wieku XVI, które w łańcuchu odpisów były przenoszone do kolejnych kopii. Świadomość tej właśnie specyfiki piśmiennictwa muzułmanów WKL jest szczególnie ważna, pozwala bowiem wnioskować o czasie (i miejscu) powstania nie tylko oryginałów, ale także zróżnicowanych czasowo kopii.

3. Kolofony

Kolofony w zasadzie zawierają najbardziej wiarygodny przekaz o dacie sporządzenia rękopisu, miejscu oraz o autorach i/lub kopistach. Zwykle data ta odnosi się do roku, miesiąca i dnia ukończenia kopii, choć skądinąd wiadomo, że benedyktyńska praca nad konkretnym rękopisem, zwłaszcza nad tefsirem, mogła trwać miesiące i lata. Niekiedy kopista podawał daty pracy nad konkretnym rękopisem *od*...(rozpoczęcia) – *do*.... (zakończenia). Informacja zawarta w kolofonie bywa bardzo konkretna i precyzyjna, np. w kitabie Eljasiewicza podana data powstania rękopisu 5.06.1206 h. odpowiada dacie dziennej ery ch. 29 01 1792 r. Niestety, w rękopisach muzułmanów WKL nie zawsze są kolofony. Ich brak niekiedy wynika

z faktu, iż umieszczano je zwykle na początkowych lub końcowych kartach oprawionych rękopisów; w procesie użytkowania karty te najszybciej były zaczytywane lub tracone. Tam, gdzie taka nota informacyjna została sporządzona i przetrwała, manuskrypt jest datowany precyzyjnie według używanych w WKL kalendarzy: juliańskiego, gregoriańskiego i/lub muzułmańskiego.

Kolofony zwykle odnoszą się do całego rękopisu. Najczęściej były sporządzane w języku polskim (północnokresowym), a także w białoruskim oraz – rzadko – w rosyjskim, alfabetem arabskim, łacińskim i cyrylicą. Zdarzają się jednak także kolofony arabskie, tureckie, a nawet arabsko-tureckie.

4. Glosy

Źródło bogatych informacji o autorach (kopistach) rękopisu, właścicielach, o dacie i kosztach sporządzenia lub nabycia oraz o miejscu przechowywania manuskryptu mogą stanowić pozatekstowe (zewnętrzne) zapiski (glosy) prywatne, kronikarsko-rodzinne, okazjonalne, donacyjne, właścicielskie; często zawierają one zapisy dat rodzinnych wydarzeń: narodzin, śmierci, ślubów itp. Czyniono je na wolnych stronach, także wewnętrznych okładkach ksiąg, które zapewne traktowano jako dostępny i trwały materiał kronikarski. Podane w tych zapiskach daty wydarzeń, ich miejsca i uczestnicy dokumentują zarazem istnienie rękopisu przed datą sporządzenia pozatekstowej notatki oraz wskazują ich właściciela. Nierzadko autorami glos było kilku kolejnych właścicieli rękopisów, dlatego zapiski mogły być sporządzane w różnym czasie, w różnych językach i alfabetach.

5. Znaki wodne (filigrany)

Pozwalają ustalić datę (rok) produkcji papieru, tzn. taką, **przed** którą rękopis nie mógł powstać[2]. Natomiast **po** tej dacie jako czas sporządzenia kopii może być brany pod uwagę względnie szeroki zakres czasowy. Przykładem tego jest choćby datowanie chamaiłu z Lipska. Do lat ostatnich powielane było domniemanie, iż powstał on na przełomie XVI i XVII w., jednak przeprowadzone przez Michaiła Tarełkę badania filigranów tego zabytku wykazały, że rękopis powstał nie wcześniej, niż w 2. połowie XVII w., gdyż filigrany datują papier na lata 1640–1693 (Tarełka 2016: 49–59). Chamaił ten nie należy zatem do grupy najstarszych tatarskich rękopisów.

[2] Filigrany można identyfikować na podstawie specjalistycznych katalogów (np. Laucevičius 1967; Siniarska-Czaplicka 1983).

6. Zmienność grafii i ortografii

Przy braku kolofonu współcześni badacze tych zabytków muszą posiłkować się kryteriami pomocniczymi, które pozwalają na mniej lub bardziej dokładne, względne lub bezwzględne datowanie rękopisu. Na przykład na podstawie porównania charakteru pisma (ustalenie cech grafologicznych) oraz specyfiki grafii i ortografii niektórych rękopisów możliwe jest bądź potwierdzenie, bądź wykluczenie jednego i tego samego autorstwa porównywanych rękopisów, a tym samym wnioskowanie o ich powstaniu w zbliżonym lub odległym czasie.

Teksty tłumaczone głównie z arabskiego i tureckiego na języki słowiańskie, białoruski i/lub polski, zapisywano specjalnie przystosowanym alfabetem arabskim. System graficzny temu służący ulegał ewolucji w czasie, kopiści starali się bowiem doskonalić i porządkować sposób zapisu. Wprowadzali więc w tym celu nowe znaki, lepiej przystosowane do słowiańskiej fonetyki, która także ewoluowała. Dzięki temu zmienność grafii jest jednym ze wskaźników czasu powstania rękopisu, co znaczy, że czas i rodzaj tych zmian ma znaczenie przy ich chronologizacji. Antonowicz wykazał np., że w rękopisach z XVII-XVIII w. nie odróżniano (z nielicznymi wyjątkami) graficznie fonemów [o] oraz [u], zapisując je tym samym grafemem arabskim *dammą* lub *wāwem z dammą.* W rękopisach z w. XIX-XX ich rozróżnianie było już konsekwentne, gdyż do zapisu fonemu [o] wprowadzono nowy grafem, *wāw z fathą*. Trzeba jednak zauważyć, że ta innowacja graficzna nie mogła zaistnieć w wyniku spontanicznej, doraźnej decyzji autora lub kopisty; przestawianie się na nową formę zapisu było raczej procesem rozłożonym w czasie. Nowe fakty graficzne mają związek z ewolucją języków białoruskiego i polskiego, zwłaszcza z kształtowaniem się polszczyzny północnokresowej na substracie białoruskim.

7. Inne metody datowania

Przy datowaniu rękopisów Tatarów WKL kitabiści posiłkują się także innymi metodami. Na przykład, niekiedy właściwie zinterpretowane sygnały zawarte w narracji zabytku pozwalają ustalić bądź ścisły, bądź przybliżony czas powstania konkretnej kopii. Taką precyzyjną wskazówką dotyczącą czasu powstania kitabu Milkamanowicza okazał się wpleciony w tekst narracji fragment: *teraz jest rok tysiąc sto dziewięćdziesiąty siódmy* hidżry. Przeliczenie tej daty na kalendarz europejski wykazało, że owo „teraz" jest rokiem 1781. Jednak wymieniony w tekście rok 1197 h., który dla autora był „teraz", rozpoczął się dokładnie 6 grudnia 1782 r. ch., można więc twierdzić, że rękopis powstał w latach 1782/83, co zresztą potwierdziły uwzględnione w badaniach inne kryteria (Łapicz 1986: 74–82; Jankowski, Łapicz 2000: 11–13).

Przy datowaniu rękopisu bierze się pod uwagę również cechy paleograficzne oraz kodykologiczne. Przykładem może być tzw. tefsir z Grodna, którego typ oprawy prowadzi do kolekcji rękopisów muzułmańskiej parafii w Słonimiu na Białorusi.

Przyjęte i wyszczególnione przez nas kryteria pokazują jak trudne jest datowanie tatarskich rękopisów. Przy podejmowaniu prób ich chronologizacji należy bowiem brać większość z nich, jeśli nie wszystkie.

LITERATURA

Antonowicz A. K., 1968, *Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система*, Wilno.

Jankowski H., Łapicz Cz., 2000, *Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku w przekładzie i opracowaniu Henryka Jankowskiego i Czesława Łapicza*, Warszawa.

Łapicz Cz., 1986, *Kitab Tatarów litewsko-polskich* (*Paleografia. Grafia. Język*), Toruń.

Laucevičius E., 1967, *Popierius Lietuvoje XV-XVIII* a., Vilnius.

Siniarska-Czaplicka J., 1983, *Katalog filigranów czerpalni Rzeczypospolitej zebrany z papieru druków tłoczonych w latach 1500-1800*, Łódź.

Tarełka M., 2016, *Лейпцыгскі канвалют — беларускататарскі рукапіс XVII стагоддзя (кадыкалагічнае апісанне)*, Mińsk.

SŁOWIAŃSKIE ALJAMIADO. MANUSKRYPTY TATARSKICH I BAŁKAŃSKICH MUZUŁMANÓW – PODOBIEŃSTWA I RÓŻNICE

ANNA CYCHNERSKA (POLSKA)
Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń
Anna.Cychnerska@umk.pl
ORCID: 0000-0002-5539-4401

JOANNA KULWICKA-KAMIŃSKA (POLSKA)
Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń
Joanna.Kulwicka-Kaminska@umk.pl
ORCID: 0000-0001-8566-9181

Przedmiotem naukowej refleksji w tym szkicu jest twórczość literacka mniejszości muzułmańskich, zapisana alfabetem arabskim i mająca głównie charakter religijny. Jednym z pierwszych badaczy, który starał się opisać i zdefiniować to zjawisko, był Ottmar Hegyi. Opublikował on książkę *Minority and Restricted Uses of the Arabic Alphabet: The Aljamiado Phenomen*, w której wskazał, że do muzułmańskiej literatury pisanej alfabetem arabskim odnosi się zromanizowany termin *aljamiado* (ar. *al-'ajamiyya*), zastosowany po raz pierwszy do pism Morysków z Aragonii (Hegyi 1979: 262–269). Z czasem, na zasadzie analogii, objęto nim twórczość mniejszości zamieszkujących inne obszary Europy, a także kraje pozaeuropejskie, np. zachodnią i południową Afrykę czy południową i wschodnią Azję.

W niniejszym artykule skoncentrujemy się na twórczości muzułmanów Europy środkowo-wschodniej: Tatarów byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego (dalej: WKL) i bośniackich wyznawców Allaha. Interesujące nas społeczności znajdowały się pod silnym wpływem kultury Imperium Osmańskiego, a literatura turkijska była materiałem źródłowym dla ich rękopiśmiennictwa.

Celem podjętych przez nas badań porównawczych nad literaturą aljamiado wybranych etnosów muzułmańskich jest przedstawienie jej specyfiki, a tym samym wskazanie zarówno podobieństw wynikających z więzi z islamem, jak i różnic, które wynikają z uwarunkowań historycznych i geograficznych[1]. Uwagę skupiamy na genologii i zawartości treściowej manuskryptów.

Piśmiennictwo Tatarów WKL prawdopodobnie zaczęło powstawać w 2. połowie XVI lub na początku XVII wieku. Było realizowane w językach miejscowych: polskim i/lub białoruskim, zapisanych odpowiednio przystosowanym do ich fonologii alfabetem arabskim. Rozwijało się pod silnym wpływem tradycji i kultury islamu wyznawanego przez społeczność muzułmańską WKL, dlatego w przeważającej mierze miało charakter religijny i tym samym służyło zachowaniu przez Tatarów własnej tożsamości (Łapicz 2014: 59–70). Wśród zabytków

[1] W Centrum Badań Kitabistycznych UMK realizowany jest projekt „Aljamiado Literature in Renaissance Europe. A Comparative Study". Obejmuje on badania porównawcze muzułmańskiego dziedzictwa kulturowego w byłym Wielkim Księstwie Litewskim, na Bałkanach i w Hiszpanii. Zob. de Castilla, Cychnerska, Kulwicka-Kamińska (2023: 9–24).

piśmiennictwa tatarskiego zachowanych do czasów współczesnych wyróżnia się kilka typów (zob. Drozd i in. 2000: 12–16), do których należą księgi podstawowe: 1. rękopisy Koranu – przepisany ręcznie Koran w języku arabskim, z podaniem zasad jego recytacji i towarzyszących jej modlitw; 2. tefsiry – manuskrypty, obejmujące Koran, z podwierszowym jego przekładem na polszczyznę północnokresową, uzupełnionym o warstwę egzegetyczną i o modlitwy towarzyszące recytacji tej Księgi; 3. kitaby – zabytki o bogatej i różnorodnej tematyce, np. moralizatorskiej, dewocyjnej, modlitewnej, magicznej, zarówno o proweniencji koranicznej, jak i biblijnej, a także stricte literackiej: orientalnej i okcydentalnej; 4. chamaiły – tatarskie modlitewniki, na których zawartość składają się teksty o tematyce religijnej, w tym opisy rytuałów muzułmańskich, związanych z filarami i dogmatami islamu oraz formuły magiczne; księgi pomocnicze: 1. sufry – niewielkiej objętości rękopisy o celach dydaktycznych, zawierające jedną trzydziestą część Koranu; 2. tedżwidy – podręczniki pisane w języku tureckim, służące do nauki recytacji Koranu, z objaśnieniem jego gramatyki. Ich częścią są fragmenty tefsirów; 3. wokabularze – księgi, zawierające turecką leksykę i frazeologię z tłumaczeniami na języki polski i/lub białoruski; amulety: 1. hramotki – zwoje z modlitwami noszone w celach ochronnych; 2. daławary – zwoje modlitewne składane do grobu wraz ze zmarłym oraz rękopisy tworzone i wykorzystywane przez żyjących; 3. nuski – karteczki, zawierające wypisane z chamaiłów teksty arabskich modlitw, formuł lub figur magicznych o charakterze ochronnym lub leczniczym; 4. tablice – papierowe lub kartonowe plansze[2] i 5. muhiry – ozdobne plansze lub tkaniny[3], zawieszane na ścianach domów i meczetów. Ponadto można wymienić: wyciągi z kitabów, zawierające głównie zasady praktyki religijnej oraz krótkie podręczniki i słowniki języka tureckiego.

Proponuje się też inny podział (Тарэлка 2015: 6–8), obejmujący: księgi-kodeksy, do których zalicza się rękopisy Koranu, sufry, tefsiry, kitaby, chamaiły, tzw. leczebniki, czyli księgi lecznicze; zwoje, do których należą daławary i hramotki, oraz jednoarkuszowe rękopisy, wśród których wymienia się wyciągi z tedżwidów i z chamaiłów, nuski oraz Lāhi, tj. modlitwę na zakończenie roku szkolnego. Ponadto wskazuje się tedżwidy i manuskrypty wymykające się przyjętej klasyfikacji. Włącza się też do opisu materiał epigraficzny oraz dokumenty, w tym pisma prawne i parafialne, a także korespondencję prywatną (Jankowski 2003: 114–115).

Z kolei na Bałkanach, u bośniackich muzułmanów, pierwsze arebiczne utwory literackie pojawiły się w połowie XVI w. (Nametak 1981). W twórczości rozwijającej się w zgodzie ze

[2] Podają opisy obrzędów, formuły modlitewne, wersety koraniczne itp. Pełnią funkcję informacyjną.
[3] Przedstawiają budowle i miejsca o wartości sakralnej lub magicznej. Zawierają również liczne inskrypcje koraniczne. Pełnią funkcję dekoracyjną oraz modlitewną.

światopoglądem islamsko-osmańskim zaczęto stopniowo odchodzić od nurtów europejskich[4] i zwracać się ku tradycjom wschodnim. W poezji uznawanej za formę wyższą od prozy wpływ wzorców orientalnych widoczny był w aspekcie treściowym, w stylistyce i leksyce, a także w formalnej budowie utworów.

Poezję aljamiado reprezentują głównie trzy typy zabytków. Są to: 1. ilahija – „wiersz boży", gatunek rozpowszechniony przede wszystkim wśród derwiszów, wyraźnie związany z filozofią sufizmu (Huković 1986: 229–231)[5]; 2. kasyda – „poemat celowy", pierwotnie forma wielotematyczna, jednak w literaturze bośniackiej zdominowana przez problematykę dydaktyczną; 3. poslanica – wierszowany list, dotyczący najczęściej kwestii społeczno-politycznych, stylizowany na odezwę, relację, skargę lub petycję[6]. Rzadziej powstawały utwory nawiązujące do rodzimej tradycji (Rizvić 2005: 214–232).

Prozę aljamiado, późniejszą od poezji, głównie religijną i anonimową, dzieli się na dwie grupy. Liczniejsza część dorobku poświęcona jest nauczaniu wiary[7]. Pozostałe teksty, wykazujące podobieństwo z chrześcijańską literaturą apokryficzną, miały charakter pouczający i wychowawczy. Do piśmiennictwa świeckiego zalicza się natomiast księgę leczniczą (*ljekaruša*), tekst o egzorcyzmie oraz objaśnienia przysłów ludowych (Nametak 1981: 36–40).

Inny podział rękopiśmiennych tekstów prozatorskich zaproponował Alen Kalajdžija (2019)[8]. Wyróżnił on: 1. krótkie formy – przypowieści oraz *hikaje* (opowiadania filozoficzne i pouczające); 2. teksty katechetyczne (głównie podręczniki do nauki religii islamskiej znane pod nazwą *ilmihal*); 3. przekład Koranu; 4. teksty magiczne, na które składają się wspomniane już *ljekaruša* oraz tekst o egzorcyzmie; 5. kronikę (*ljetopis*), napisaną po turecku, ale zwierającą arebiczne antroponimy[9].

Nadrzędnymi cechami słowiańskiego aljamiado, wymagającymi badań porównawczych są: adaptacja pisma arabskiego do języków i dialektów miejscowych, kodykologia rękopisów, z odniesieniem do intertekstualności oraz specyfika socjolingwistyczna języków, w których były one napisane. Jeśli chodzi z kolei o typologię zabytków, zauważamy podobieństwa i

[4] Wpływy europejskie obecne były we wczesnej twórczości aljamiado (Nametak 1981: 10).
[5] Poezja mewlewitów, najczęściej inspirowana Koranem, Sunną oraz arcydziełem *Masnawi* Dżalaloddina Rumiego, nabrała z czasem cech praktycznego przewodnika (Indžić 2019: 15–16). Treści dydaktyczne wplatano też do pokrewnego gatunku *nasihatów* (Nametak 1981: 28).
[6] Utwory często opatrywano nazwą obowiązujących w czasach osmańskich pism administracyjnych, np. *arzuhal*, *mahzar*.
[7] Badacze podkreślają, że w archiwach i bibliotekach przechowywane są teksty arebiczne, np. notatki, fragmenty Koranu, komentarze do wybranych ajatów koranicznych, por. Hukovć 1986; Bećićanin 2016.
[8] Poza dorobkiem literackim klasyfikuje się czasopisma, kalendarze, podręczniki oraz słowniki.
[9] W literaturze przedmiotu rzadko wymienia się inne typy zabytków, jak np. *levha* – oprawione w ramy cytaty z Koranu, zdobiące domy muzułmańskie (Huković 1986), oraz amulety (*hamajlija*) spisane w języku arabskim i zawierające arebiczną adnotację wyjaśniającą ich przeznaczenie (Bećićanin 2016).

różnice. Literatura tatarska ma głównie religijny charakter, natomiast bałkańska zarówno religijny, jak i świecki. Teksty stricte religijne w obu tradycjach są z reguły anonimowe, pisane prozą, służą przybliżaniu i objaśnianiu lokalnej społeczności zasad wiary i mają wymiar moralizatorski. Podobieństwa widać też w pracach leksykograficznych. Dostrzega się także różnice, wynikające z uwarunkowań historycznych oraz geograficznych. Ponadto, na Bałkanach posługiwanie się piśmiennictwem religijnym w językach orientalnych opóźniło prace nad przekładem tekstów katechetycznych i Koranu na języki narodowe, a także ograniczyło powstanie pewnych typów zabytków, znanych w tatarskim aljamiado.

LITERATURA

Bećićanin F., 2016, *Preplitanje kultura na tlu Srbije u osmansko doba – na primeru alhamijado književnosti*, https://nardus.mpn.gov.rs/handle/123456789/7857 [dostęp: 14.08.2024].

de Castilla N., Cychnerska A., Kulwicka-Kamińska J., 2023, *Aljamiado literature in Renaissance Europe. Definitions, area, language*, „Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza" 30 (1), s. 9–24.

Drozd A., Dziekan M.M., Majda T., 2000, *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich*, [w:] *Katalog zabytków tatarskich*, t. 3, Warszawa.

Huković M., 1986, *Alhamijado književnost i njeni stvaraoci*, Sarajevo.

Hegyi O., 1979, *Minority and Restricted Uses of the Arabic Alphabet. The Aljamiado Phenomenon*, „Journal of the American Oriental Society" 2, s. 262–269.

Indžić E., 2019, *Didaktička dimenzija ilahija Abdulvehaba Ilhamije Žepčaka* (praca magisterska), Sarajevo.

Jankowski H., 2003, *Polish-Lithuanian-Belarusian Tatar Documents*, „Materialia Turcica" 24, s. 113–144.

Kalajdžija A., 2019, *Predstandardni idiom bosanske alhamijado literatura*, Sarajevo.

Łapicz Cz., 2014, *Czy piśmiennictwo Tatarów – muzułmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego jest słowiańskim aljamiado?*, [w:] *W podróży za słowem: księga pamiątkowa z okazji jubileuszu 70-lecia urodzin profesora Emila Tokarza*, red. M. Warchał, Bielsko-Biała s. 59–70.

Nametak A., 1981, *Hrestomatija bosanske alhamijado književnosti*, Sarajevo.

Rizvić M., 2005, *Pojavni okviri i unutarnje osobenosti alhamijado literature*, [w:] *Mushin Rizvić. Književne studije*, red. E. Memija, Sarajevo, s. 214–232.

Тарэлка М., *Рукапісы татараў Беларусі XVIII – пачатку XXI стагоддзя з дзяржаўных і грамадскіх кнігазбораў краіны. Каталог*, Мінск 2015.

WPŁYW TEKSTÓW CERKIEWNOSŁOWIAŃSKICH NA TWÓRCZOŚĆ ARABOGRAFICZNĄ TATARÓW LITEWSKICH

ALLA KOZHINOWA (POLSKA)
Instytut Języka Polskiego PAN
alla.kozhinowa@ijp.pan.pl ORCID: 0000-0002-5498-7037

W odniesieniu do Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego wypada mówić o synkretyzmie religijnym (Mishkinene 2014, 302), co sugeruje wpływ nie tylko tekstów muzułmańskich. Oprócz wpływu doktryny protestanckiej oraz w mniejszym stopniu polskiej literatury katolickiej (Drozd. Zasób elektroniczny), w tekstach tych można odnaleźć ślady języka cerkiewnosłowiańskiego, najprawdopodobniej wywodzące się z bezpośredniej komunikacji z ludnością miejscową, której wielu przedstawicieli wyznawało prawosławie. Takie ślady znajdziemy w tekście pierwszego tłumaczenia tefsiru – tefsiru z Olity (Tefsir 2022).

Głównym kryterium kwalifikacji leksemu do języka cerkiewnosłowiańskiego są cechy fonetyczne słownictwa południowosłowiańskiego. Niepełnogłos kontynuantu psl. rdzenia **tort-* pozwala na włączenie do tej grupy leksemu *xram* (Цыхун 2016, 163). Ani w SP XIV w., ani w ESJP XVII i XVIII ww. leksem ten nie został odnotowany, natomiast jest przedstawiony w ГСБМ (36 216: 154).

Nie zawsze formy z niepełnogłosem mogą stanowić kryterium rozpoznania jednostki cerkiewnosłowiańskiej. Kontynuanty psl. **tert-* w językach południowosłowiańskich i zachodniosłowiańskich różnią się długością samogłosek. W pierwszym przypadku pojawiło się długie [ē], oznaczane literą ѣ (*jać*). Pismo tefsiru nie pozwala jednak dokładnie określić charakteru samogłoski w formie *bremennō* (‘w ciąży’); ponadto w badanym okresie różnice w długości wyrównują się.

Kolejna cecha fonetyczna – l-epenteticum w ostatniej sylabie – pozwala uznać formę *korabl* za zapożyczenie, choć w tym przypadku trudno odróżnić od cerkiewnosłowiańskiego języki wschodniosłowiańskie, wykazujące podobny proces fonetyczny (*корабль* w ГСБМ (15 1996: 304)).

Proces fonetyczny, nie właściwy dla języków zachodniosłowiańskich – **kj* > **č* – również sugeruje, że forma *čūžaźemcōw* przenika do tekstu pod wpływem cerkiewnosłowiańskim, występując w tym języku po raz pierwszy w XIII w. (Срезневский 3 1912: 1550).

Wskaźnikiem przynależności słowa do języka cerkiewnosłowiańskiego może być struktura słowotwórcza. Wiele wyrazów złożonych powstało podczas tłumaczenia Pisma Świętego w

wyniku kalkowania greckich kompozyt. Do takich słów zaliczamy słowa *złowiernyj* i *miłosierdnyj*, które odnotowane są już w zabytkach starocerkiewnosłowiańskich (Цейтлин 1986: 237, 243), jak również *czarodziejstwo* od rzeczownika starocerkiewnosłowiańskiego *чародѣи*. Do tekstu tefsiru słowo mogło trafić ze starobiałoruskiego, najprawdopodobniej z mowy ustnej, gdyż zapis (*čaroʒejstwo*) zawiera cechę fonetyczną języka białoruskiego – [ʒ] zamiast [d'], nieodzwierciedlaną w tekstach książkowych (ГСБМ 18 1999: 278).

Formant *–ot(a)*, tworzący rzeczowniki o znaczeniu abstrakcyjnego atrybutu, spotyka się już w słowach z zabytków starocerkiewnosłowiańskich (Цейтлин 1986: 175). W tekście tefsiru reprezentuje go rzeczownik *ciemnota*. СлРЯ XI-XVII podaje pierwsze użycie tego leksemu w tłumaczeniu z języka polskiego tekstu *Похождение в Святую Землю князя Радивила Сиротки* (29 2011: 209), gdzie służy on do tłumaczenia wspomnianego polskiego rzeczownika. Nie ma jednak wątpliwości co do jego cerkiewnosłowiańskiego pochodzenia, czego pośrednim potwierdzeniem jest użycie tego słowa w tekstach starobałoruskich tylko przez Franciszka Skarynę (ГСБМ 33 2013: 263), w którego twórczości, mimo silnych wpływów wschodniosłowiańskich, przeważa składnik języka cerkiewnego.

Istnieje jeszcze jeden derywat abstrakcyjny, który oprócz tekstu tefsiru ma dość ograniczone rozpowszechnienie – słowo *kajata* 'pokuta'. ГСБМ (15 1996: 12) odnotowuje go tylko w biblijnych przekładach Skaryny, mimo że czasownik motywujący *каятися* i inny jego derywat *каяние* są znacznie bardziej rozpowszechnione. Również СлРЯ XI-XVII вв. (7 1980: 101) podaje słowo *каята* tylko w jednym tekście XVII w. Inne słowniki historyczne języków wschodniosłowiańskich nie odnotowują tego słowa.

Derywacja nie zawsze jest wyraźnym wskaźnikiem przynależności słowa do określonego języka, wtedy potrzebna jest szersza weryfikacja. Na przykład, czasownik *nadzejati się* został utworzony od ogólnosłowiańskiego imienia **naděja* przy użyciu ogólnosłowiańskiego formantu **–ati*. Nie odnotowują go jednak polskie słowniki historyczne, gdyż rozpowszechnia się on w językach południowosłowiańskich i wschodniosłowiańskich, przy czym także w mowie gwarowej (ЭССЯ 21 1994: 235-236). Jest już w zabytkach starocerkiewnosłowiańskich – w tekstach ewangelicznych (CC 1994: 347). Sugeruje to możliwość jego przenikania do mowy gwarowej z tekstów książkowych we wtórnym, abstrakcyjnym znaczeniu, co wyjaśniałoby jego rozprzestrzenianie się wyłącznie na terytorium *Slavia Ortodoxa*. Na ustny charakter przeniknięcia

wskazuje też cecha fonetyczna języka białoruskiego – [ʒ] zamiast [d'] (*naʒejōŋ sè*) (ГСБМ 18 1999: 373).

Wprowadzenie elementu obcojęzycznego może nastąpić na poziomie semantycznym. I tak przymiotnik *dwulicznij* występuje w ESJP XVII i XVIII ww. (Zasób elektroniczny), ale tylko w znaczeniu ‘mający dwie twarze’. Natomiast w tekście tefsiru pojawia się on (*nedōwjerḱi dwulične menščiźni i nedōwjerḱi dwulične newjesti*, por. *w nix sercax dwuličnōśc nedōwerstwo jest; dwuličnicam i newernikōm*) w znaczeniu przenośnym ‘lżywy, obłudny’. ГСБМ (7 1986: 298) odnotowuje także jeden przykład użycia przysłówka *двулично* w znaczeniu przenośnym. W tekstach rosyjskich przymiotnik *двуличный* pojawia się w znaczeniu przenośnym w XVIII w. (СлРЯ XVIII 6 1979: 59), odnotowuje to także polski SW (1861: 118). Można przypuszczać, iż w strukturze semantycznej omawianego leksemu zaczęło już kształtować się znaczenie przenośne, lecz takie teksty nie trafiły do kartoteki słownikowej.

Zapożyczały się całe wyrazy, na przykład, *czerniec* ‘mnich’ (ГСБМ 3 1912: 1565), albo słowo *saranča* ‘szarańcza’, gdyż używa się jej w kontekście mówiącym o karach Bożych, jednocześnie wykazuje nietypową dla języka polskiego formę fonetyczną, a też występuje w tekstach białoruskich (ГСБМ 31 2011: 62-63) i rosyjskich (СлРЯ XI-XVII 23 1996: 64). Jednak kwalifikując leksykę do zasobu cerkiewnosłowiańskiego, należ wziąć pod uwagę obecność innych, niż język cerkiewnosłowiański albo wschodniosłowiańskie, źródeł wpływu. Dlatego trudno jest uwzględnić na naszej liście csł. *prorok*, ponieważ jest możliwe, że do języka polskiego trafił on z czeskiego w czasie przyjęcia chrześcijaństwa (Цыхун 2016, s. 164).

Podsumowując, można stwierdzić, że elementy cerkiewnosłowiańskie, określone na podstawie analizy ich cech fonetycznych, struktury słowotwórczej i semantyki, występują w tekście tefsiru w dość ograniczonej liczbie. Niektóre cechy fonetyczne, a także dane z odpowiednich tekstów odzwierciedlone w słownikach historycznych wskazują na dominującą pochodzenie tych elementów z języka starobiałoruskiego, zarówno z jego odmiany książkowej, jak i z mowy ustnej.

LITERATURA

Drozd A. *Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich w procesie przejmowania elementów kultury muzułmańskiej do kultury polskiej*. Zasób elektroniczny. Źródło dostępu: file:///C:/Users/AK/Downloads/andrzej_drozd_pismiennictwo_tatarow_polsko_litewskich_w_procesie_przejmowania_elementow_kultury_muzulmanskiej_do_kultury_polskiej%20(1).pdf.

Tefsir – *Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego: XVI-wieczny przekład Koranu na język polski*. Wydanie krytyczne zabytku polskiej kultury narodowej. T. 1-3, red. nauk. J. Kulwicka-Kamińska, Cz. Łapicz, Toruń 2022.

Varłyha, A., 1970, *Krajovy słoŭnik Łahojščyny*, New York.

Мишкинене, Г., 2014, *О текстологии рукописных китабов литовских татар: погребальный обряд (на материале рукописных источников)*, [в:] Славянская письменность Великого Княжества Литовского, ред. Н. Морозова, М. Чистякова, Вильнюс, с. 301-325.

Срезневский, И.И., 1912, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 3. Санкт-Петербург.

Цейтлин, Р.М., 1986, Лексика древнеболгарских рукописей X-XI вв., София.

Цыхун, Г.А., 2016, *Сляды беларускамоўнага субстрату ў тэфсірах, створаных на тэрыторыі былога ВКЛ*, [w:] Święte ksiegi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym, t. I Księgi wyznawców islamu. Kitabistyka, red. M. Krajewska, J. Kulwicka-Kamińska, A. Szulc, Toruń, s. 161-168.

WYKAZ EKSCERPOWANYCH ŹRÓDEŁ

ESJP XVII i XVIII ww. – *Elektroniczny słownik XVII i XVIII w.* Zasób elektroniczny. Źródło dostępu: ESJP XVII i XVIII wieku (sxvii.pl).

SP XIV w. – S*łownik polszczyzny XVI wieku*, red. M. R. Mayenowa, F. Pepłowski (t. 1–34), K. Mrowcewicz, P. Potoniec (t. 35–37), K. Wilczewska, L. Woronczakowa i in. (t. 27–37). Wrocław 1966–1994, Warszawa 1995–.

SW – *Słownik języka polskiego,* wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda, cz. 1–2, Wilno 1861.

ГСБМ – *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*: У 37 выпусках. Мінск, 1982–2017.

СлРЯ XI-XVII – *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Москва, 1975-.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, т. 1-39, отв. ред. О.Н. Трубачев. Москва, 1963-2018.

СОДЕРЖАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАМАИЛА САФАРА КАБИРОВА (СЕР. XIX В.)

Галина Мишкинине (Литва)
Институт литовского языка

Хамаилы (молитвенники) являются одной из жанровых разновидностей рукописного наследия литовских татар. По содержанию многие хамаилы можно подразделить на три типа: 1) моллинские, предназначенные для имамов, содержащие в себе в основном молитвы и описание обрядов, 2) фалджейские, с преобладанием магических формул и астрологических таблиц, используемых фалджеями-прорицателями, 3) смешанного типа. Согласно изданным каталогом, среди сохранившихся рукописей в основном преобладают хамаилы третьего – смешанного типа. К третьему типу относится и хамаил Сафара Кабирова, хранящийся в Отделе рукописей и редкой книги научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ КПФУ). Хамаил Сафара Кабирова (сер. XIX в.) попал в библиотеку Казанского университета в 1964 г. из Казанской мечети, о чем свидетельствует запись на обороте последнего листа внизу (195об). Полное палеографическое описание рукописи было представлено в статье Г. Мишкинене *Арабографичные рукописи литовских татар в контексте культурных взаимосвязей: коллекции Казанского (Приволжского) университета и Национальной библиотеки Республики Татарстан* (2015 г.).

Рукопись может служить уникальным материалом для сопоставительных исследований, так как содержит большое количество ритуальных молитв, переведенных с арабского/турецкого языка на польский. В данном докладе будут рассмотрены содержание и языковые особенности вышеуказанного хамаила.

Исследователи письменного наследия литовских татар нередко обращались к содержанию рукописных памятников. В начале 90-х годов Чеслав Лапич выделил четыре группы работ, посвященных описанию сюжетов в арабографичных рукописях [Łapicz, 1991, 171–172]. К 1–й группе Ч. Лапич причислил две статьи, посвященные содержанию китабов: Али Вороновича „Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość” (1935) и Якуба Шинкевича „O kitabie“ (1932). Ко 2-й группе автор статьи причислил работы, в которых о содержании рукописей можно судить только по фрагментам текста или фотокопиям отдельных страниц, используемых в качестве иллюстрируемого материала к основной теме. Безусловно к этой группе относится монография профессора Вильнюсского университета Антона К. Антоновича *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико – орфографическая система* (1968), в которой

проанализировано 24 памятника. А в статьях Г.М. Мередит-Оуэнса и Александра Надсона (1970), а также в статье Ширин Акинер (1978) неплохо представлено содержание китаба, хранящегося в Британской библиотеке (1831). К 3-й группе работ, из которых можно составить определенное мнение о содержании рукописей, Ч. Лапич предлагает отнести терминологические словарики, составленные на материале рукописей. Именно словарные статьи иллюстрировались фрагментами текстов, взятыми из рукописных памятников. Это, во-первых, статья А. Вороновича *Szczątki językowe Tatarów litewskich* (1935) и, во-вторых, статья Ш. Акинер *The Vocabulary of a Byelorussian K'it'ab in British Museum* (1973). Последнюю, 4-ю группу, составляют научно-популярные и информативные статьи в газетах и журналах, а также туристических путеводителях, в которых в качестве наглядного материала изредка появлялись фотокопии отдельных страниц рукописей, без их прочтения и транслитерации. Так, одной из наиболее ценных иллюстраций является копия одной страницы наистарейшего бесследно исчезнувшего китаба (1631) [Konopacki 1962, 225–240; см. подробнее: Kulwicka-Kamńska, Łapicz 2017, 79–95].

Далее в статье Ч. Лапич подробно расписывает содержание китаба Милькамановича (1781), ставшего объектом исследований профессора, посвятившего ему свой монографический труд *Kitab Tatarów litewsko-polskich. Paleografia, grafia, język* (1986).

Первую группу могли бы пополнить работы Али Вороновича *Opowieść o Abidzie* [1938, nr 5, s. 16–18] и *Czcijmy ojców naszych* [1938, nr 9, s. 1–2], а также ряд статей о легенде *Мирадж*, пользовавшейся особой популярностью среди литовских татар. Во многих статьях, посвященных истории и культуре литовско-польских татар, в качестве иллюстративного материала появлялись отрывки текста *Мирадж*, ставшего классическим примером для демонстрации особенностей содержания арабографичных рукописей Великого княжества Литовского [Ластоўскі 1926; Вольский 1927, 135–146; Станкевіч, Таўэрава 1923, 70–78; Станкевіч 1924, 46–52; Станкевіч, Таўэрава 1925, 69–80; Stankevič 1933–1934, 357–390]. Приводимый исследователями текст был взят из китаба И. Луцкевича [Мишкинене 2009, 479–595; Дургут, Мишкинене 2009, 357–375; Mişkiniene 2011, 229].

После выхода в свет двух монографий А.К. Антоновича (1968) и Ч. Лапича (1986) исследователи литературного наследия татар все чаще стали обращаться к содержанию рукописей. Этому способствовали вышедшие каталоги с расписанным содержанием [2005, 2011, 2015, 2020], а также некоторое количество транслитерированных текстов

китабов. Это, во-первых, *Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku w przekładzie i opracowaniu Henryka Jankowskiego i Czesława Łapicza* [Jankowski, Łapicz 2000], во-вторых, транслитерированные и переведенные на русский и литовский язык тексты из одного китаба, полу-китаба и хамаила, напечатанные в книге Г. Мишкинене *Древнейшие рукописи литовских татар. Графика. Транслитерация. Перевод. Структура и содержание текстов* (2001), в-третьих, отдельное издание, посвященное китабу И. Луцкевича *Китаб Ивана Луцкевича – памятник народной культуры литовских татар* (2009), в-четвертых, работа Ш. Акинер, посвященная китабу из Британской библиотеки (1831). Корпус текстов постоянно пополняется за счет отдельных публикаций с расписанным в них содержанием рукописей и приведенными в качестве иллюстративного материала фрагментами, типичными разно жанровой системе татарских памятников письменности.

По имени владельца рукописи названный хамаил Сафара Кабирова датируется серединой XIX в. Впервые содержание рукописи расписано в публикации 2007 г. [Мишкинене 2007, 269–272]. Здесь же в качестве небольшой иллюстрации приведен отрывок рукописи из тематического блока *проповедь перед венчанием* [там же, 272–273]. Текст *Проповеди* находится на лл. 139б–142а указанной рукописи. Далее следует нийет (араб. намерение, замысел, цель, то есть интенция совершить намаз, прочитать молитву) к бракосочетанию: „to jest do nikáxū lūb šlūbū nijjet“ (142а–146а) и ду‘а (араб. молитва) к бракосочетанию: „a potim te du‘a pej“ (146а–146б). Арабский текст нийета и ду‘а сопровождается линеарным переводом на польский язык.

Приведем транслитерированный фрагмент текста

bab // porondek pred šlūbem // jak pred šlūbem zborōnśe / to īmam te oracjo bence čital // oracja / jak stano do šlūbu // pri ẓačentej vekoistej prijaźni / najpervej potreba blogoslavenstvo božego ī roʒicōv īx mōśc panōv mlodix a prijacol prošonix v nastempnix virazax // moje velce mōśc panove mloʒi / žebiśce veʒelī co to jest stan malženśki / prose i biśce vīslūxac račīlī // to jest najperše pravo i najdavnejšī ẓakon od počōntkū švjata ōd samego boga jest vīdanī dekret / abī človek v malženśkix granicax late svoje zaxovival prebencajōc vek svōj // neťilko to ū na sale i ‘u calim švecī te pravo zaxovūjō i majōn svojo povahī // preto primūje śe nove laska i nove blogōslavenstvō od samego boga i īx mōśc panstvo rodicōw mlodix / v čistōści i v pošanovannu jedno drūgemū všelḱej skrōmnōści stanū svojego na vek svōj zaxovivac povinnī // vopovede śe primera nečiśtōści šatanovī preklentemū ōd boga / a preciv nemū / precivkō lūʒej pokūśe bōg ẓa tim človeḱem vstempūje v ẓakōn i nove granica bere prijacela v tovaristvo ōd boga naznačono / ščenśca doživōtnego

pelni śe rōz̲kaz̲anne najvišego pana boga // o čim tom všistḱim jest vjadomo i śvačemī že ta priśenga z̲vonz̲ak nerozervani v prijaźne i v milości zūpelnej na vek svoj v granica latax zamjaronix stanū malženskḱego stanū zaxōvujō prez človeka preložonego biśmem śventim / ōd boga vidanim i pravem položonim ūtverʒic na to človeka navčonego i ōprošego jako to jest napisano po arabśkū v te slovo <...> ale že nekaždī ‘a[?]jabin roz̲umec može / o to te slova jest tlūmačone / jako tež iz̲ piśma śventego ‘arabśḱego z̲ rōźʒalū peršego // to samo činī ḱedī bōg jedīnī pan nanajvisšī stvōrca neba i źemī xcōnc ôbōstva svego moco i volo ī ōz̲dobo svojōn calemū śvjatovi pokaz̲ac i ōbjavic svojōn mōc i vlaʒe i vōla jego jedinnego boga / napočōntkū śvjata ūtvoril nebosa ī źemja / ale že ne bīlō komū // dnja šūstego pōntkovego ūtvoril bōg adama peršego človeka iz̲ źemī proxū dla pōz̲nanna śebe samego / jako to mōvī po ‘arabśkū <...> i dla xvali boga stvoricela svego / i z̲a razem pokazal jemū bōg mejsco v rajū / ktori človek adam vstōnpivšī ve všelaḱix okvitnōści i rośkošī ōgrōdu śličnego ōd samego boga sporōnʒonego // v tedī mala dam na sercū svojim velka ťeśknōśc i požōndlivōśc / tilkō ī sam neveʒal / čego bī žōndac mal bi // až tim rekl pan bōg do adama / nedōbre pic adamōvi samemū jednemū ūčīne mū pomoc // i pripūścil na adama tvardī sen / i zasnōl adam / i vijōl bōg adamōvī jedno žebro s kōści i zavarl tam znovū calem i ūtvorīl s tego žbra nevjasta i nazval jō eva tovariša adamōvi // i rekl adam / o to kōści mōjix / a calo z cala mego / to nazīvajō mōnž / bo z̲ menža jest vźenta preto opūsci monž ōjca svego i matka svejōn a pripadne i prilegne do žonī svojej ū vjarī i v milōści i v pōslūšenstve zūbopolnej v malženśḱej prijaźne iž do života svego / poḱi vas pan bōg u žicū xovac benʒe račil // či šlūbūješ jego mośc pan mlodi svojo oblūbenica o verī i priśenga i v pōslūšenstve abiśce meškali // tak tež i pannō mloda či šlūbūješ i neōdstempūješ priśengī z̲vōnskū malženśḱego ve všelaḱix ťerminax / jak v dobrim raźe / tak i v z̲līm raźe / až do z̲ivota svogo / poḱi vas bōg v z̲icū xōvac benʒe račil na śvece svojim / bo priśenga gdibī vī jedno drūgegō nevustōnpovalī až poḱī bōg na śvece benʒe xoval do śmerci amīn [лл. 139b–142a].

Версия текста, приведенного выше, является одной из наиболее часто встречающихся в рукописях литовских татар. Текст *Проповеди перед венчанием* представляет собой компиляцию, состоящую из двух частей: текста, взятого из *Mowy przy oddawaniu panny w łożnicy* и адаптированного согласно мусульманскому канону, и фрагментов текста из Ветхого Завета (Быт. 1:26 и Быт. 2, 18–25) о сотворении земли и неба, первого человека – Адама и его спутницы – Евы. Исследовательница татарских рукописей Ивона Радзишевска сравнила два текста *Проповеди перед венчанием* из Гданьского хамаила (1802) и хамаила Александра Александровича (1865) с текстом

Mowy przy oddawaniu panny w łożnicy (XVII в.) [Radziszewska, 2009, 346–356]. Следует отметить, что и транслитерированный автором статьи текст *Проповеди перед венчанием* из хамаила Сафара Кабирова и хамаила (1804 г.), хранящегося в Отделе тюркологии Восточного института Варшавского университета (сигнатура Rękopisy I), а также хамаила XX в., хранящегося в Отделе арабистики и исламоведения Восточного института Варшавского университета (сигнатура: inw. 8427) [Мишкинене, 2007, 263–285], по содержанию и структуре аналогичен тексту из двух хамаилов, исследованных И. Радзишевской.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антонович А.К. *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико – орфографическая система*. Вильнюс 1968.

Мишкинене Г. Арабографичные рукописи литовских татар в контексте культурных взаимосвязей: коллекции Казанского (Приволжского) университета и Национальной библиотеки Республики Татарстан, *Kintančios Lietuvos visuomenė: struktūros, veikėjai, idėjos*. Vilnius: LII leidykla 2015, p. 42–59.

Мишкинене Г., Намавичюте С., Покровская Е. *Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар*. Вильнюс 2005.

Рукапісы татараў Беларусі канца XVII – пачатку XX ст. з дзяржаўных кнігазбораў краіны. *Каталог*. Складальнікі: М. У. Тарэлка, А. І. Цітавец, Мінск 2011.

Рукапісы татараў Беларусі XVIII – пачатку XXI стагоддзя з дзяржаўных і грамадскіх кнігазбораў краіны. *Каталог*. Складальнік: М. У. Тарэлка, Мінск 2015.

Akiner Sh., The Vocabulary of a Byelorussian Tatar Kitab in the British Museum, *The Journal of Byelorussian Studies*, vol. III, No 1 – Year IX, 1973, p. 55–84.

Konopacki M. O muzułmanach polskich, *Przegląd Orientalistyczny*, 3 (43), 1962, s. 225–240.

Kulwicka-Kamńska J., Łapicz Cz. Co wiemy o najstarszym datowanym rękopisie Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego? (Kitab z 1631 r. – transliteracja, ortografia, przekład, komentarze), Slavistica Vilnensis 62, 2017, s. 79–95.

Łapicz Cz . *Kitab Tatarów litewsko-polskich*: (paleografia, grafia, język). Toruń 1986.

Łapicz Cz. Zawartość treściowa kitabu Tatarów litewsko-polskich, *Acta Baltico-Slavica*, XX, 1991, s. 169–191.

Miškinienė G. *Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai*: grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys. Vilnius 2001.

Radziszewska I. Elementy obyczajowości Wielkiego Księstwa Litewskiego na przykładzie oracji weselnych w tatarskim rękopiśmiennictwie, *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*. „Bibliotheca Archivi Lithuanici 7”. Sud. Sergejus Temčinas, Galina Miškinienė, Marina Čistiakova, Nadieždа Morozova. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009, s. 346–356.

Szynkiewicz J. O kitabe, *Rocznik Tatarski*, T. I, 1932, s. 188–194.

Woronowicz A. Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość, *Rocznik Tatarski*, T. II, 1935, s. 376–394.

Woronowicz A. Szczątki językowe Tatarów litewskich, *Rocznik Tatarski*, T. II, 1935, s. 351–366.

TABLE RONDE 1
L'APPORT DES BYZANTINISTES A LA SLAVISTIQUE

Organisatrice : MARIE-HÉLÈNE BLANCHET

Lilyana Yordanova La culture matérielle byzantino-slave du littoral de la mer Noire 1

Olivier Delouis Greek Monastic *typika* in the Slavic World: Alexios The Stoudite, a Key Figure 2

Lidia Cotovanu, Raúl Estangüi Gómez Les documents slaves conservés au Mont Athos et la présence slave dans ces monastères 4

Dan I. Mureşan Matthiew Blastares's *Alphabetic Syntagma*: a Byzantine Legal Code Translated iInto Slavonic 7

Marie-Hélène Blanchet, Alessandra Bucossi, Marco Scarpa RAP – online repertory of religious polemical texts with the latins: a digital approach to slavic sources (https://pric.unive.it/projects/rap/home) 8

LA CULTURE MATÉRIELLE BYZANTINO-SLAVE DU LITTORAL DE LA MER NOIRE

LILYANA YORDANOVA (FRANCE)
UMR 8167 Orient et Méditerranée, équipe « Monde byzantin »

Cette communication se focalisera sur les grandes étapes de l'étude de la culture matérielle du littoral de la mer Noire, dans la tranche relevant du territoire actuel de la Bulgarie, à partir du XIXe siècle jusqu'aujourd'hui. Elle s'attachera à cerner les enjeux épistémologiques de cette zone de contact, contrôlée d'abord par Byzance et les deux empires bulgares dès le IXe siècle, avant d'être annexée par les Ottomans au milieu du XVe siècle ; une zone convoitée également par les républiques maritimes de Gênes et de Venise, et plus tard par l'empire russe en quête d'influence dans les Balkans. Quel est le regard porté sur la culture matérielle hybride de la côte, comment est-elle définit et quelle est l'apport des byzantinistes dans ce processus ?

Si la côte attire très tôt l'attention des amateurs des antiquités grecques et des épigraphistes, l'intérêt pour la période médiévale se déclare à partir du tournant du XIXe siècle grâce à l'initiative de quelques personnalités imminentes, comme Thomas Whittemore, fondateur de la Bibliothèque byzantine à Paris et de l'Institut byzantin à Boston, et qui dirige les restaurations des églises de Sainte-Sophie, de Chora et de Pammakaristos à Constantinople. Peu de temps après, l'art et la culture matérielle de l'époque médiévale se retrouvent au cœur de débats non seulement scientifiques, mais également identitaires et géopolitiques entre la Grèce et la Bulgarie. A partir de la fin des années 1970, les thématiques relevant du domaine de l'histoire et de l'histoire de l'art médiéval s'enrichissent, parallèlement à l'apparition d'un dialogue scientifique international qui reste néanmoins limité. A la fin de la communication, de nouvelles pistes de recherche seront proposées en élargissant le cadre chronologique à la période « post-byzantine » et en incluant la grande oubliée de l'historiographie consacrée à cette partie du littoral : la production artistique ottomane.

"GREEK MONASTIC *TYPIKA* IN THE SLAVIC WORLD: ALEXIOS THE STOUDITE, A KEY FIGURE"

OLIVIER DELOUIS (FRANCE)
CNRS, UMR 8167 Orient & Méditerranée

Patriarch Alexios the Stoudite, formerly the hegoumenos of the Monastery of St. John the Baptist of Stoudios, served as Patriarch of Constantinople from 1025 to 1043. During his patriarchate, he founded a monastery in the capital dedicated to the Virgin Mary, which he endowed with a liturgical and disciplinary rule (*typikon*) that reproduced or compiled practices observed at the Stoudios Monastery – some of them going back to the renowned hegoumenos Theodore the Stoudite (759-826). Although the Greek original of this text has not survived, it was translated into Old Slavonic due to the significant influence of the Stoudite monks in Rus' during the 11th century. The chronology is tight, with only about three decades separating the translation, dated to the 1060s, from the composition of the Greek original. However, the exact means by which this text was introduced into the monastic landscape of Rus', and its traditional association – according to hagiographic tradition – with the monastery of the Caves in Kiev, have been the subject of considerable scholarly debate, which we do not aim to resolve here (see bibliography, especially Poppe 2011).

Our contribution focuses on a different question: can the Slavonic *typikon* of Alexios the Stoudite be used to reconstruct the Greek Stoudite *typikon* of the 11th century? And can elements of this *typikon* subsequently be identified in the monastic rules of other communities, from southern Italy to Constantinople? Despite the excellent introduction provided by the editor of the Slavonic text (Pentkovsky, 2001), this source has not yet been systematically used in the study of the monastery of Stoudios. In this article, we propose to extend this line of research in order to better assess the importance and influence of this 11th-century *typikon* known as the Alexios (or Stoudite) *typikon* – transmitted through its Old Slavonic version – within the history of one of Byzantium's most significant monastic institutions.

SHORT BIBLIOGRAPHY:

М. И. БЪЛХОВА, О монастырском уставе в древней Руси (Середина XI – середина XIV века), *Церковь в истории России* 4, 2000, p. 47-53.

C. FARRRIMOND, Founders and refounders: the application of the Typikon of Alexios the Stoudite at the Kievan Caves Monastery, in M. MULLETT (ed.), *Founders and refounders of Byzantine monasteries* (Belfast Byzantine texts and translations 6.3), Belfast 2007, p. 273-314.

Ф. КОРОТКОВ, *Первоначальный общежительный Устав русских монастырей. Дисциплинарная часть Алексеевского Студийского Устава по рукописи Синодального собрания ГИМ, № 330/380, XII в.*, Moscow 2017.

Д. С. ИЩЕНКО, Устав Студийский по списку XII в. (фрагменты), in *Источники изучения истории русского языка*, Moscow 1976, p. 109-130.
М. М. Никитенко, Студийский устав и Пещеры Киево-Печерской лавры, in *Религии мира. История и современность*, 2004, p. 19-28
А. М. ПЕНТКОВСКИЙ, *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Moskow 2001.
D. M. PETRAS, *Typicon of Patriarch Alexis the Studite: Novgorod-St. Sophia 1136*, Cleveland 1991.
А. ПОППЭ, *Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря* (Ruthenica. Supplementum 3), Kiev 2011.

LES DOCUMENTS SLAVES CONSERVES AU MONT ATHOS ET LA PRESENCE SLAVE DANS CES MONASTERES

LIDIA COTOVANU (ROUMANIE)
Institut d'Histoire N. Iorga de l'Académie Roumaine

RAUL ESTANGÜI GOMEZ (ESPAGNE)
CCHS-CSIC

La présence des Slaves sur le Mont Athos est attestée depuis le XIe siècle, même s'il est difficile de connaître les dimensions et l'influence de cette communauté dans la Sainte Montagne à cette époque. Beaucoup des informations disponibles sur les premiers Slaves à l'Athos et sur l'origine des premières fondations par des Slaves sont contaminées par des récits légendaires et des mentions apocryphes qui appellent à la prudence. Ce n'est qu'à partir du XIIIe siècle que nous commençons à disposer de données plus fiables et que nous constatons un essor important des moines et des fondations slaves, à la faveur de la consolidation des premières monarchies slaves indépendantes dans les Balkans. Ces fondations monastiques à l'Athos ont joué un rôle fondamental pour le renforcement et la légitimité de toute une série de pouvoirs souverains slaves. Certains monastères, comme Saint-Pantéléèmôn, Chilandar, Zographou ou Saint-Paul (à la fin du XIVe siècle), étaient majoritairement habités par des moines slaves et devinrent des centres économiques et culturels très importants, ayant des liens étroits avec des États slaves des Balkans et de Russie ; d'autres grands monastères athonites, cette fois de culture majoritairement grecque, comme la Grande Lavra ou Vatopédi, ont également fait l'objet, à partir du milieu du XIVe siècle, de la bienfaisance des souverains slaves en raison de leur prestige. Le résultat de ces relations privilégiées explique non seulement le rayonnement de la culture slave au Mont Athos à la fin du Moyen Âge, mais aussi la conservation dans les archives de ces monastères d'un grand nombre de documents écrits en vieux slave, essentiels pour notre connaissance de l'histoire de ces premiers États balkaniques et russes.

L'importance de ces fonds athonites a déjà été soulignée et évaluée : ils représentent 29 % des chartes serbes et 23 % des chartes bulgares médiévales qui nous sont parvenues jusqu'à aujourd'hui. La plupart de ces documents sont écrits en slavon et quelques-uns en grec, mais aussi en moyen serbe et en moyen bulgare ; ils sont conservés aujourd'hui dans la plupart des monastères athonites. Leur plus grand nombre date du XIVe siècle.

Les débuts des relations des Principautés de Valachie et de Moldavie avec le Mont Athos sont intimement liés au tout début de l'existence des deux États et de l'insertion de leurs Églises dans la juridiction du Patriarcat de Constantinople, au cours de la seconde moitié du XIVe siècle. À l'instar des têtes couronnées sud-slaves, les souverains des Pays Roumains cherchent, dès cette époque, à faire représenter leurs Pays à l'Athos, en assurant dans le même temps leur

soutien matériel aux monastères athonites grâce à des revenus tirés de leurs propres fonds. Si le Patriarcat de Constantinople s'érige en institution chef du monde orthodoxe, le Mont Athos participe à l'intégration au sein d'un système de valeurs orthodoxes de ce monde morcelé en plusieurs États.

Les princes de Valachie se sont attachés tout particulièrement au monastère de Kutlumus ; ils en ont soutenu financièrement la réfection dans les années 1360-1370. Des moines valaques y ont été dépêchés pour s'y installer à demeure, à la seule condition de ne pas importuner les moines grecs. Un ermitage en l'honneur de saint Nicolas, situé près du grand monastère, leur fut concédé. Un enchaînement de donations princières et privées envers le monastère de Kutlumus lui-même et l'ermitage valaque Saint-Nicolas s'ensuivit et continua au cours des siècles ultérieurs. Dans la mémoire princière valaque, les débuts des contacts avec le monastère de Kutlumus font figure d'acte fondateur et ont valu au couvent athonite le statut de « laure de la Valachie ».

Les premiers contacts de la cour princière moldave avec l'Athos datent de 1416. Le prince Alexandru le Bon obtint de faire représenter son Pays au sein du monastère bulgare de Zographou, où allaient s'installer des moines venus de sa propre fondation de Moldavie, le monastère de Bistriţa. Là encore, un ermitage auprès de la tour Selina du grand monastère bulgare fut réservé aux moines moldaves. À l'instar de Kutlumus, « la laure valaque » de l'Athos, Zographou, récemment privé de ses protecteurs bulgares traditionnels, devint « la laure » de la Moldavie. Les voïévodes qui ont succédé aux premiers ktitors valaques de Kutlumus et moldaves de Zographou ont continué à honorer les deux couvents de nouvelles donations ou à reconduire les anciennes jusqu'à ce que les deux édifices aient acquis leurs premiers métoques au nord du Danube (au XVIIe siècle). Au fil des siècles, le soutien matériel princier s'étendit à l'ensemble des monastères athonites.

L'adoption du rite orthodoxe comme religion officielle dans les Pays Roumains consacra également l'usage de la langue slavonne comme langue d'État et d'Église. Par conséquent, la production documentaire officielle, y compris celle attestant des relations des deux Pays avec le Mont Athos, s'inscrit dans l'aire plus vaste du slavonisme balkanique, bien qu'il puisse comporter des nuances locales. Les documents conventionnellement appelés « slavo-roumains » conservés dans les archives athonites, partiellement publiés (*in extenso* ou en regestes), viennent compléter pour beaucoup le nombre des documents conservés dans les archives roumaines. Il s'agit d'actes princiers de donation envers les couvents athonites, qui se sont naturellement retrouvés dans les archives des monastères bénéficiaires, mais aussi de centaines de documents dits « internes » qui ont pris la voie de la Sainte Montagne à travers les

dizaines de métoques détenus par les monastères athonites dans les Pays Roumains. Il faut y ajouter tout un arsenal d'inscriptions votives et dédicatoires sur des objets de culte rédigées en slavon et conservées dans les monastères athonites. L'usage du slavon reste dominant jusqu'à la fin du XVIe siècle, lorsque le roumain écrit commence à se faire une place dans les documents officiels et davantage encore dans les échanges contractuels privés. Ce n'est qu'au début du XVIIIe siècle que le slavon céda définitivement la place au roumain transcrit en caractères cyrilliques.

SHORT BIBLIOGRAPHIE

Bojović Boško I. (en collab. avec Petre Ş. Năsturel, Tomoslav Jovanović et Radu Păun), *Chilandar et les pays roumains, XVe–XVIIe siècle : les actes des princes roumains des archives de Chilandar, Mont-Athos*, Paris 2010.

Cazacu, Matei, La Chancellerie des Principautés valaque et moldave (XIVe–XVIIIe siècles), dans Idem, *Des Balkans à la Russie médiévale et moderne: hommes, images et réalités*, éd. Emanuel Constantin Antoche, Lidia Cotovanu, Brăila 2017, p. 247-284.

Documente privind istoria Romîniei. Introducere, vol. I-II, Bucarest 1956.

Dujčev, Ivan, Le Mont Athos et les Slaves au Moyen Âge, dans *Le millénaire du Mont Athos (963-1963). Études et Mélanges*, II, *Actes du « Convegno internazionale di Studio» à la « Fondazione Giorgio Cini » (2-6 septembre 1963)*, éd. Olivier Rousseau, Chevetogne-Venise 1965, p. 121-143 (repris dans *Medioevo bizantino-slavo*, éd. Ivan Dujčev, I, Rome 1965, p. 487-510).

Gerd, Lora, Russian Research work in the Archives of Mount Athos, dans *Travaux et Mémoires* 23/2 (*Lire les Archives de l'Athos*, éd. O. Delouis et K. Smyrlis) 2019, p. 527-551.

Nastase, Dumitru, Le Mont Athos et la politique du Patriarcat de Constantinople, de 1355 à 1375, *Σύμμεικτα* 3, 1979, p. 121-77.

Năsturel, Petre Ş., *Le Mont Athos et les Roumains. Recherches sur leurs relations du milieu du XIVe* siècle à 1654 (OCA 227), Rome 1986.

Pavlikianov, Cyrille, *Medieval Slavic Acts from Mount Athos <1230-1734>. Bulgarian and Serbian Acts from the Monasteries of Karakallou, Kastamonitou, St. Paul, Vatopedi and Xenophontos. Moldavian and Wallachian Slavic Acts from the Monasteries of Docheiariou, Kastamonitou and Zographou. Critical Edition and Commentary of the Texts*, Sofia 2018.

Păun, Radu G., La Moldavie de Stefan le Grand (1457-1504) et le monastère de Hilandar au Mont Athos. Témoignages et hypothèses, *Revue des études sud-est européennes* 50, 2012, p. 167-90.

Păun, Radu G., La Moldavie de Stefan le Grand (1457-1504) et le monastère de Hilandar au Mont Athos. Une rectification nécessaire, *Revue des études sud-est européennes* 51, 2013, p. 423-26.

Pilat, Liviu, La inceputul relaţiilor moldo-athonite : solia lui Alexandru cel Bun la Zografu şi problema "lavrei moldoveneşti", *Relaţiile romanilor cu Muntele Athos şi cu alte Locuri Sfinte (sec. XIV–XX). In honorem Florin Marinescu*, éd. Petronel Zahariuc, Iaşi 2017, p. 55-64.

Soulis, Georgios, Tsar Stephen Dušan and Mount Athos, dans *The Expansion of Orthodox Europe. Byzantium, the Balkans and Russia*, éd. J. Shepard, Aldershot 2007, p. 349-364.

Stantchev, Krassimir et Naumow, Alecsander, I monasteri slavi del monte Athos. Centro d'integrazione etnoculturale ed epicentri di norme letterarie durante il medioevo, dans *Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis*, éd. Marina Ciccarini, Nicoletta Marcialis, et Giorgio Ziffer, Florence 2014, p. 399-410.

Zahariuc, Petronel, Documents roumains d'avant 1500 dans les archives des monastères du Mont Athos, dans *Travaux et Mémoires* 23/2 (*Lire les Archives de l'Athos*, éd. O. Delouis et K. Smyrlis) 2019, p. 607-639.

Živojinović, Dragić, The Medieval South Slavic Documents in the Athonite Archives, dans *Travaux et Mémoires* 23/2 (*Lire les Archives de l'Athos*, éd. O. Delouis et K. Smyrlis) 2019, p. 579-606.

MATTHIEW BLASTARES'S *ALPHABETIC SYNTAGMA*: A BYZANTINE LEGAL CODE TRANSLATED INTO SLAVONIC

DAN IOAN MURESAN (FRANCE)
Université de Rouen Normandie

This presentation tries to elucidate four principal dimensions of the transmission of Byzantine legal heritage to the Slavonic-speaking Orthodox nations, with a particular focus on the enduring influence of Matthew Blastares' *Alphabetic Syntagma* in Eastern Europe.

The inquiry starts with a general presentation of the *Syntagma*, a legal compendium crafted in 1335 by the hieromonk Matthew Blastares within the intellectual milieu of the so-called "Thessaloniki law school." His codification, composed a decade before Constantine Harmenopoulos' *Hexabiblos* (1345), reflects a remarkable juristic efflorescence in Thessaloniki during a period marked by civil strife. The presentation will briefly explore the historical and intellectual factors that catalyzed this scholarly engagement with legal codification in the Macedonian capital.

Subsequently, the dissemination of the *Syntagma*'s Slavonic translation will be examined, drawing on recent scholarship concerning its manuscript tradition across Serbia, Bulgaria, the Romanian Principalities, and Russia. This analysis will illuminate the text's circulation and adaptation within diverse Slavonic-speaking contexts.

The extraordinary reception of the *Syntagma* in both Greek- and Slavonic-speaking regions prompts a critical reassessment of its official status. This segment will focus on the *Zakonik* of Tsar Stefan Dušan (1349–1354), which incorporates approximately one-third of the Slavonic *Syntagma*. The Serbian imperial legislation not only establishes a *terminus ante quem* for the translation but also provides a lens through which to rationalize the motivations and mechanisms of the *Syntagma*'s Slavonic rendering.

Finally, the presentation will propose a hypothesis regarding the identity of the translator or patron responsible for the *Syntagma*'s translation from Greek to Slavonic, a figure who remains enigmatic until now. This conjecture seeks to advance scholarly understanding of the bilingual intellectual networks operative in the late Byzantine and Serbian realms.

By examining the *Alphabetic Syntagma* as a case study, this presentation hopes to offer valuable insights into the principles governing translation practices among bilingual scholars of the late Byzantine and Serbian periods. It further contributes to the historiography of law, religion, and intellectual currents in the waning centuries of the Balkan Middle Ages.

RAP – ONLINE REPERTORY OF RELIGIOUS POLEMICAL TEXTS WITH THE LATINS: A DIGITAL APPROACH TO SLAVIC SOURCES (HTTPS://PRIC.UNIVE.IT/PROJECTS/RAP/HOME)

MARIE-HELENE BLANCHET (FRANCE) CNRS, UMR Orient et Méditerranée

ALESSANDRA BUCOSSI (ITALY) University Ca' Foscari Venezia

MARCO SCARPA (ITALY) University of Messina

I. Overview of the RAP project (A. Bucossi)

The *Repertorium Auctorum Polemicorum* (RAP) was conceived to address a significant lacuna in medieval European studies: the absence of a critical and comprehensive history of polemical literature concerning the relations between the western and eastern branches of the Church, today recognized as the Catholic and Orthodox Churches. Traditional historiography has often marginalized these texts, dismissing them as repetitive or of limited intellectual value. At the same time, the lack of reliable attributions and precise dating—exemplified by cases such as the *Panoplia* (pseudo-Cerularius), incorrectly assigned to the 11th century—has impeded a nuanced understanding of the evolution of theological and ecclesiological discourse. Moreover, a clear disjunction persists between the narratives of political and social history and the development of polemical literature: in some cases, historical reconstructions emphasize a hardening of positions, while the texts themselves reveal a more conciliatory approach towards the Latins; in others, the opposite occurs.

In response to these challenges, the RAP project was initiated in 2016 through the collaboration of Marie-Hélène Blanchet (UMR 8167 Orient et Méditerranée, Collège de France) and Alessandra Bucossi (Università Ca' Foscari Venezia), with the support of André Binggeli and Matthieu Cassin (CNRS, IRHT). Officially launched in 2020, RAP aims to create the first open-access, multilingual digital repertory devoted to the polemical literature between the Latin and Orthodox Churches, encompassing Greek, Latin, and Slavic texts from Late Antiquity to the 16th century. Today, the RAP team includes 16 members, organized by linguistic sections, and brings together both experienced scholars and MA and PhD students.

RAP focuses on texts composed between Late Antiquity and the 16th century. Although the invention of printing in the mid-15th century profoundly transformed the circulation of texts, many polemical works continued to be transmitted primarily through the manuscript tradition well into the early modern period. RAP therefore concentrates on literature belonging to the manuscript culture, even when it chronologically overlaps with the early age of print. The decision not to include later printed polemical writings reflects a deliberate methodological choice, as studying printed material would require different expertise, particularly in the history

of early modern book production. This focus on manuscript transmission naturally aligns RAP with the Pinakes database, dedicated to cataloguing Greek works preserved in manuscript form, with which RAP collaborates closely.

Each text is meticulously catalogued: a unique RAP identifier (G for Greek, L for Latin, S for Slavic followed by a number) is assigned; multiple and often unstable titles are recorded; incipit and explicit are transcribed; manuscript traditions are surveyed; and comprehensive bibliographic references are provided. Particular attention is devoted to the precise identification of authors, addressing challenges such as homonymy and the frequent absence of stable biographical markers. Each entry is further classified using keywords describing literary form, thematic content, and original terminology, thereby enabling comparative research across traditions.

Initially restricted to Greek works ("RAP Graecum"), the project expanded in 2023 to include the Latin ("RAP Latinum") and Slavic ("RAP Slavonicum") corpora, with specialized teams dedicated to each linguistic area. RAP is now closely integrated not only with the Pinakes database of Greek manuscripts but also with two newly developed sister databases, dedicated respectively to Latin and Slavonic polemical texts.

RAP is a publicly funded initiative, supported by Italian, French, and European institutions, and is committed to maintaining open-access availability. To ensure its formal recognition as a scholarly resource, the project has been assigned an ISSN (The Repertorium Auctorum Polemicorum, ISSN 3035-2096). Conceived as a work in continuous development, RAP undergoes regular updates and expansions. Each entry is curated by a specialist, with the dates of completion and of the most recent revision explicitly indicated, in order to guarantee the transparency and reliability of the information provided.

II. The relations between polemical works: linking texts in the Greek, Latin and Slavic RAP databases (M.-H. Blanchet)

The aim of the RAP project is to build a comprehensive corpus of polemical texts in three languages. Dealing with religious polemical texts means studying writings that aim at a confrontation of ideas, i.-e. texts which are themselves productive of other texts in response to the previous ones. Thus, polemical texts are those that accuse the adversary, such as the treatises “contra Latinos” or “contra Graecos”, that is to say texts that denounce the opposing Christian faith as erroneous. However, the responses to this type of text are also part of the polemical works we are interested in, and it is therefore necessary to take into account the works written to defend a position.

One of our aims in developing the RAP project consists in describing and labelling the different types of relationships between works. Polemical texts gave rise to responses and refutations, but also to borrowings, paraphrases and, in some cases, translations into other languages. Translations, but also refutations and counter-refutations, do cross linguistic boundaries. Highlighting the transfer of texts from one language to another should enable researchers not only to develop a more exhaustive analysis of the circulation of texts, but also to study their reception in a different linguistic and cultural context. The global picture of religious polemics between the Christian East and West that we are aiming for requires a cooperation between the three RAP databases. For this part of our task, we particularly need to have the data supplied in the Latin and Slavic databases, which we have created from scratch (unlike the Greek database, which uses Pinakes data).

Many texts are therefore linked to each other in what we might call a "genealogical" way. This dimension has been practically taken into account in our databases, using two different tools:

- a hypertext link that connects one work to another if they are considered to be related with each other. It is thus possible to link the original text and the derived text in a reciprocal manner through a "parent-child" relationship (given also that a derived text can in turn become an original);

- a keyword that describes the types of relationship between texts and makes it possible to find all the works that have a particular relationship with another work. We can thus tag a work as an "Excerpt" of another work, or as an "Epitome", or as a "Re-writing", to mention only a few examples of terms used as keywords. To define these categories of relationships, we try to be very precise in the vocabulary we use, since certain notions are very close to each other and can sometimes overlap.

We will present an emblematic case study dealt with by a young member of the RAP team, Nicolò Ghigi (PhD student, University Ca' Foscari Venezia): the *Responsio ad Fratres minores a papa Gregorio missos* by Patriarch Germanos II. This work, which is essentially a florilegium, was originally written in Greek by the Patriarch of Constantinople in 1234 in the context of the discussions in Nymphaeum between a Byzantine and a Latin delegation. As obviously implied by its title, this text was composed by Patriarch Germanos II on this occasion as a response to an earlier text to which it is related: a Latin *Definitio* of the Christian faith. 8 different *recensiones* of the *Responsio* are attested in Greek. This text was immediately translated into Latin in 1234, under the supervision of the mendicant friars who took part in the discussions as envoys of Pope Gregory IX. It was subsequently brought back to Rome as an

official document, but this Latin translation does not exactly correspond to either of the Greek versions. Finally, there is also a Slavic version of Germanos II's *Responsio*, which only partially corresponds to the standard Greek *recensio*, and contains material unknown in either Greek or Latin.

This work has multiple intertextual relationships: it was conceived in response to a Latin profession of faith, and has proliferated in a large number of versions, in three languages. In RAP, the searchers will thus find:

- 3 different entries containing the description of the work with its various *recensiones* in the Greek, Latin and Slavic databases respectively
- the corresponding Greek, Latin and Slavic manuscript traditions
- the relevant links between the texts (including the *Definitio*), as well as the keywords identifying the type of relationship

RAP thus aims to be a tool that facilitates the study of these polemical texts, which are often complex, require interdisciplinary skills and involve several ancient languages, especially Greek, Latin and Old Slavonic.

III. The Slavic Database: The Often-Neglected Third Perspective (M. Scarpa)

The "borderline" between the Western churches, Latin-speaking and linked to Rome, and the Eastern churches, linked to Constantinople, passes right through the Slavic people, in an area of "competition" — religious, but also political and cultural — a strip running from North to South between the Baltic Sea and the Adriatic Sea, which can rightly be called Central Europe (cf. F. Leoncini, *L'Europa centrale. Conflittualità e progetto. Passato e presente tra Praga, Budapest e Varsavia*, Cafoscarina, Venice 2003). The same mission of Cyril and Methodius, which gave rise to the written civilization in the Slavic language at the end of the 8th century — during the time of Photius (9th century) — took place under both a Constantinopolitan and a Roman mandate, seeking to find a balance between them.

In the 9th century, Bulgaria had to choose between belonging ecclesiastically to Rome or to Byzantium (a process also documented by a letter from Pope Nicholas I, responding to confessional questions posed by the Bulgarian prince Boris).

Following Riccardo Picchio, it has become customary to observe the division of the Slavs between "Roman (or Latin) Slavia," under Roman jurisdiction with Latin as its liturgical and cultural language in the Middle Ages, and "Orthodox Slavia," within the Byzantine sphere, whose liturgical and cultural language was Old Church Slavonic, in its historical variants and developments, up to Church Slavonic.

However, there is no significant evidence of polemical works produced by Slavic authors. Within "Orthodox Slavia," what is observed instead is the translation from Greek into Old Slavonic/Church Slavonic of a corpus of polemical texts — apologetic and, starting only from the 14th century, also theological. It could be said that the Slavic world remained peripheral to the confessional disputes, at least during the medieval period, being inserted respectively into the Roman and Byzantine contexts.

In the period of the Cyrillo-Methodian and Old Bulgarian missions (9th–10th centuries), the issues revolved around the jurisdiction over the new Slavic churches and the language to be used in liturgical celebrations, whereas the theological issue of the *Filioque* (emerging at that time and to which Photius had dedicated the *Mystagogy*) remained completely outside their concerns.

Until the mid-14th century, short polemical treatises were translated (studied particularly by A. Nikolov, *Между Рим и Константинопол. Из антикатолическата литература в България и славянския православен свят (XI-XVII в.)*, Sofia 2016). In the second half of the 14th century, in a broader context of growing attention to theological texts, some works by contemporary authors on the Holy Spirit (Gregory Palamas and Nicholas Cabasilas) were translated. The environment concerned was the South Slavic world, specifically the Serbian-Athonite milieu.

In the 15th century, there is evidence of both the translation and the creation of polemical works dedicated to the Council of Ferrara-Florence. This occurred within the Eastern Slavic sphere, as the South Slavs under Byzantine influence had meanwhile been conquered by the Ottoman Empire. To date, there is no comprehensive study of this phenomenon in the Slavic area, nor even a catalog of the works dedicated to the polemic between the Churches, aside from Popov's 1875 study (Попов А.Н., *Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.*), Москва).

Therefore, the participation of the Slavic team in the RAP project is of great importance. The multilingual nature of the project also allows the Slavic texts to be placed in their correct relationship with the Greek originals. Sometimes the Slavic texts preserve compositional phases not attested in Greek, or adaptations made for the Slavic context. Above all, they bear witness to the spread and impact of these texts in the life of the Slavic-speaking communities, who represent the most numerous linguistic group within Byzantine-tradition Christianity.

The study of these controversial texts — how, to what extent, and in what context they were used — is also fundamental as a contribution to a broader understanding of the historical events that marked the life of the Slavic-speaking communities between East and West.

Our participation in the RAP project is therefore a precious opportunity for us, Slavic scholars, and opens up new perspectives for philological, historical, and theological research, grounded in the objectivity of the corpus of texts.

Conclusion: The Value of RAP for the Scholarly Community

RAP is not just a repertory of texts—it is a dynamic research tool that enables scholars to explore the intellectual exchanges and conflicts that shaped Byzantine, Latin, and Slavic Christianity. By integrating these three linguistic traditions, RAP provides a comparative perspective that highlights both continuities and divergences in the discourse about the Christian church and faith.

Through ongoing collaborations, database expansion, and scholarly contributions, RAP will continue to evolve, offering a valuable resource for researchers studying Christian polemics, manuscript transmission, and interfaith relations.

TABLE RONDE 2
CENTENAIRE DES ÉTUDES SERBES EN FRANCE / 100 GODINA SRBISTIKI U FRANCUSKOJ

Organisatrice : ДРАГАНА МРШЕВИЋ-РАДОВИЋ

Драгана Мршевић-Радовић Допринос Београдског универзитета у развоју србистике у Француској 1

Александар Д. Стефановић, Жељко С. Тешић Научни рад Мишела Обена и србистика на Сорбони 5

Катарина Беговић Француска на почетку XX века: Француске граматике српског језика и српско-француске културне везе 12

Ливија Д.Екмечић Лекторат за српски језик на Универзитету у Стразбуру од оснивања до данас 18

Јована Сувајџић Француска наратологија и српска наука о књижевности 20

ДОПРИНОС БЕОГРАДСКОГ УНИВЕРЗИТЕТА У РАЗВОЈУ СРБИСТИКЕ У ФРАНЦУСКОЈ

Мршевић-Радовић Драгана (Србија)

Група универзитетских наставника, филолога, историчара, у сарадњи с књижевницима, пубицистима, културним и друштвеним посленицима окупљеним око југословенске идеје, ангажује се за време Великог рата заједно с француским славистима у остварењу замисли да Париз у XX веку постане центар славистике у несловенском свету. По завршетку рата универзитетски професори оснивају удружење „La Ligue des universitaires Serbo-Croato-Slovène“, чији је први председник знаменити српски филолог и лингвиста Александар Белић. Свесни тога да се француски и наши народи недовољно познају и разумеју, покрећу „La Revue Yougoslave“ (1919), вођени племенитом идејом међусобног зближења и упознавања. У прогласу „Ce que nous voudrions“ изразиће сву величину својих очекивања:

„C’est pour travailler, dorénavant sans cesse, pour le rapprochement intellectual franco-yougoslave que la Ligue fonde sa Revue”. “Par les pages de La Revue Yougoslave, nous voudrions faire vivre un peu les Serbes, Croates et Slovènes en communauté avec leurs amis à l’étranger, en communauté de la Science, de la Littérature, de l’Art”.

Овај се догађај временски подударио с оснивањем Института словенских студија што ће представљати прави почетак србистике у Француској.

Александар Белић ће у говору одржаном 1921. поводом смрти Ернеста Денија рећи да је оснивању Института претходила замисао „да се у Паризу створи центар за проучавање словенства, који ће методама француске науке, духом француске нације, за свагда узети тај благородни посао из руку других иностранаца и створити у Паризу школу не само за узајамно упознавање, него и љубав и пријатељаство међу француским народом и Словенима“.

Почетком Великог рата, нашавши се у избеглиштву у Паризу, Александар Белић, по речима Мазона, активно учествујући у славистичким иницијативама, склапа пријатељаства с еминентним француским славистима, међу којима налази праве пријатеље као што су Ернест Дени и Антоан Меје. Мазон подсећа да је А. Белић делом инспирисао Е. Денија да напише књигу „La Grande Serbie“ (1915), а да је сам аутор чланка „Ami Boué et la question macédonienne“ (1918) и дела мањег обима „Macédoine“ (1919). А. Мазон истиче и

Белићев допринос у остваривању два значајна пројекта, а то су оснивање Института словенских студија (1919) и покретање часописа „Le monde Slave“.

Оснивање Института словенског студија није било ни брзо ни без тешкоћа. Забележено је да после битке код Садове (1866) неколико француских интелектуалаца, забринути због пруског милитаризма, почињу да се интересују за језичка и историјска питања у словенским земљама. Међу њима најзначајнији је будући оснивач Института Ернест Дени, добровољац у француско-немачком рату 1870–1871. Следећи своје протестантске идеје, Дени ће се занимати за хусисте и Јана Хуса у Чешкој, што ће бити и тема његове докторске дисертације.

Припреме су почеле 1915. уз велико учешће француских и српских интелектуалаца који су се нашли изван Србије, у избеглиштву. У току припрема одржавани су програмски састанци, планиран рад чија су задужења преузимали појединци. Међу српским универзитетским професорима био је и Павле Поповић, који у дневничким белешкама које је водио скоро све време свог избивања из Србије, бележи како је Ернест Дени преузео на себе да напише књигу о Србији, Емил Оман треба да припреми предавање (о Србији), Вотсон ће разматрати „југославенско питање“, а Берар „Journée serbe“ (Дан посвећен Србима). Даље се може пратити како су ови подухвати били успешни и да је планирани циклус предавања одржан у пролеће 1916. у току којег су своја излагања изнели Масарик, Меје, Боаје, Оман, Лирондел, Лабри, Бенеш, Дени, а од српских представника помиње се Јован Цвијић са темом „La Serbie“.

Значајно је учествовање Павла Поповића у развијању и утемељењу словенске идеје. Пожртвован, предан идеји која је све српске интелектуалце тада водила у борби за ослобођење и међународно признање, доприносио је њеном ширењу држећи бројна предавања. Приликом обележавања педесете годишњице научног јубилеја Луја Лежеа на Сорбони 1919. године, и о чему је известила „Revue Yougoslave“, Павле Поповић је у име Београдског универзитета одржао поздравни говор изразивши огромну захвалност великом француском слависти који се предано бавио питањима Јужних Словена, посветивши значајну пажњу српској књижевности, историји, обичајима, фолклору. На овој свечаности Лују Лежеу је у име југословенске владе додељен Орден Светог Саве.

Интересовање за словенске језике и књижевности, а међу њима и за српски језик и српску народну поезију, има своје почетке још тридесетих година XIX века, када долази до

оснивања катедара за компаративно изучавање књижевности међу којима и словенских, на престижним универзитетима Париза. Један од првих филолога који је своју изузетну ерудицију и занимање за изворну народну поезију ставио у службу изучавања превасходно провансалске а затим грчке, српске и чешке народне поезије, био је Клод Форијел, професор на Француском колежу. Професор Београдског универзитета Миодраг Ибровац, уз студију о Клоду Форијелу објављену 1966. године у Паризу, објавиће и свих једанаест Форијелових предавања о српској народној поезији која су до тада била у рукопису, док је само уводно предавање био публиковано и познато широј јавности. На Француском колежу Клода Форијела ће наследити пољски књижевник, слависта Адам Мицкјевич, чији ће курс „Les Slaves“ доживети огромну популарност. Међу онима кјои су похађали његова предавања био је и чувени француски историчар Мишле. У једном писму од 2. јануара 1848. г. упућеном управном администратору Француског колежа, које је објавио „Le National“, Мишле каже: „Mickiewicz avait allumé un flambeau sur l'Europe, fondé le marriage des peuples, celui de la France et des Slaves".

Требало је да прођу деценије да се створе услови за оснивање катедре на којој ће се изучавати српски (српскохрватски) језик (fr. serbo-croate) и када ће настава српског језика постати део регуларних студијских програма с могућношћу стицања диплома уз постизање равноправности с другим језицима који су у француском образовном систему били заступљени. Покушај од 23. марта 1916. када је на једном од састанака слависта Пол Боаје предложио да се оснује катедра за пољски, српски и бугарски језик у Школи источних језика, није имао успешан исход. Уз курсеве језика, предложено је увођење предавања којима ће се представити географија, историја, цивилизација источних европских земаља у овој школи.

Само две године откако је ова иницијатива била покренута, у Школи источних језика, у којој су се већ одвијале студије руског језика према осавремењеним методама које је увео Пол Боаје, отпочеће и настава српскохрватског језика, а на предлог Пола Боајеа предавања ће бити поверена професору Миодрагу Ибровцу, који ће овај курс држати у периоду 1918–1922. Ибровац ће курс отпочети уводним предавањем „La langue serbo-croate“, које ће исте године бити објављено у „Questions contemporaines“, (n° 4, Paris), са географском картом наше земље на насловној страни, ако и месечој ревији „La patrie serbe“ (n° 11–12, Paris). Предавања професора Ибровца заснивала су се на лингвистичким

погледима А. Белића на језик, његову структуру, дијалекте, територијалну распрострањеност и др.

Проф. Миодраг Ибровац за време избеглиштва у Паризу ради на докторској дисертацији о песнику Ж.М. Хередији коју ће одбранити на Сорбони 1923, а за све време боравка активно учествује у југословенском покрету и држи бројна предавања, посебно српским ђацима у избеглиштву. Током своје научне каријере био је гост по позиву на многим француским универзитетима, међу којима у Паризу, Греноблу, Дижону, Стразбуру, Нансију, ангажујући се у учвршћивању српско-француских пријатељских и културних веза. Његовим путем пошли су многи професори Београдског универзитета у времену које је уследило и које и данас траје.

Означивши наш пројекат као „Сто година србистике у Француској“ узели смо као међаше догађаје који су обележили развој славистике и србистике као једне њене гране у Француској, а то је оснивање Института словенских студија (1919), и појава најзначајнијег француског славистичког часописа до данас – „Revue des études slaves“, који су покренули Антоан Меје, Пол Боаје и Андре Мазон (1921); међу важне догађаје убраја се и почетак предавања у Школи источних језика, данас познате као Institut des langues et civilisations orientales, најважнијег међу центрима када је реч о заснивању србистике у Француској.

НАУЧНИ РАД МИШЕЛА ОБЕНА И СРБИСТИКА НА СОРБОНИ

Александар Д. Стефановић, Жељко С. Тешић (Француја)
Универзитет Сорбона, Париз
aleksandar.stefanovic@sorbonne-universite.fr; zeljko.tesic@sorbonne-universite.fr

Живот и рад Мишела Обена

Професор Мишел Обен рођен је 1923. године у Руану. У Тулузу је 1943. дипломирао енглески језик, а у то време, током Другог светског рата, придружио се и покрету отпора, па је био један од учесника у акцији ослобађања Париза. Радио је као професор енглеског језика у париском предграђу Нејиу, али је наставио студирање и стекао диплому Института за политичке студије у Паризу. Током одмора у лето 1956. године упознаје југословенски простор и, како у свом тексту истиче Пол Луј Тома, „заљубио се у Југославију и њену културу (или њене културе), у њене становнике и њен/е језик/е" (Тома 1996: 617).[1] Године 1958. дипломира српскохрватски језик на Иналкоу (Факултету за оријенталне језике). Тада почиње његов академски и научни рад посвећен нашем језику, књижевности, култури и историји. Тај рад данас се документује важним студијама и монографијама о српским писцима, али и постојањем Департмана[2] за српски, хрватски, босански и црногорски језик – у наставку БСХЦ (првобитно српскохрватски) на Универзитету Сорбона у Паризу, у оквиру Катедре за славистику.

Најпре у Загребу (1958–1962), а затим у Београду (1963–1972) Обан је радио као лектор за француски језик. Докторат на тему *Историјске и песничке визије у делу Петра Петровића Његоша, принца и владике Црне Горе* одбранио на Сорбони 1971. године. Већ следеће 1972. оснива се департман за српскохрватски језик на Сорбони којим Мишел Обен управља све до пензионисања 1991. године. Преминуо је пет година касније (1996) остављајући за собом утемељен рад департмана који су његови претходници започели и оснажили, а чије су колеге, сарадници и наследници даље развијали и водили путем образовања нових филолога, будућих професора, преводилаца, научника и проучавалаца нашег језика, књижевности, историје и културе. Кратак осврт на данашњи рад депатрмана за БСХЦ језик биће дат у претпоследњој целини овог текста.

[1] « Il est tombé amoureux de ce pays, de sa culture (ou plutôt de ses cultures !), de ses habitants et de leur(s) langue(s). »

[2] У овом тексту биће коришћено одређење *департман*, пошто је реч о делу Катедре за славистику на Универзитету Сорбона) иако се у неким, овде цитираним, текстовима користи реч *катедра.*

Посебно интересовање за књижевност српских писаца 19. столећа чини да се данас са сигурношћу може рећи да је Мишел Обен једна од кључних личности књижевноисторијске мисли на пољу српске (и југословенске), али и европске књижевности. Ипак, чини се да овом проучаваоцу треба посветити више пажње данас када се његово дело вредносно може може сагледати с јасне и довољне временске дистанце. На срећу, професори и проучаваоци нашег језика и књижевности у Француској и на простору бивше Југославије дали су допринос томе да име и дело М. Обена данас буду присутни у различитим студијама, да се његово залагање за наш језик и културу и промовисање тог језика и културе и у овом тренутку јасно осећају у Француској. Овде се мисли на непосредан и посредан Обенов утицај, на студије које је написао, тј. његово научно дело, али и на чињеницу о значајном броју филолога који су се на департману који је основао одшколовали.

Обен је организовао и први међународни скуп посвећен једној српској личности из области књижевности (Вуку Стефановићу Караџићу) на Универзитету Сорбона 1987. године.

Српска књижевност и језик у радовима Мишела Обена имају посебно место. „Као члан редакције *Ревије словенских студија* (*Revue des études slaves*) 1984. уређује посебан тематˊ о Југославији са прилозима водећих филолога и историчара о питањима језика, књижевности и историје" (Лазић 2018: 131). Интересовао се и за радове слависта који су у ранијем периоду проучавали наше писце (објављен чланак „*Црногорци* Сипријана Робера и *Пјеванија* Симе Милутиновића"), али и значајних европских писаца попут Волтера.

О Волтеру и Србима

Посебно интересантан јесте текст Мишела Обена „Волтерово интересовање за југословенске земље" у коме разматра начин на који је чувени филозоф, писац и историчар говорио о народима са нашег простора. Аутор текста, рекло би се, инсистира на чињеници о незнању или бар погрешним виђењима на балканске народе од стране Француске 18. века, аргументујући своја запажања примерима записа из тог периода. Па и за самог Волтера ће на почетку истаћи: „Видећемо колико је мало знао и шта је научио за време руско-турског рата" (Исто: 706). Обан проблематизује помене Срба и Хрвата у Волтеровом чувеном делу *О обичајима и духу нација*, при томе, рекло би се, уз две претензије које

искључују намеру аутора да критикује Волтеров рад, него да дочара перспективу тог дела прошлости. Најпре жели да покаже како су ови балкански народи у једном важном историјском периоду скрајнути у углове историјске позорнице јер без својих држава и без својих организација они тада постају тек успутне напомене историчара и мислилаца. Друга је намера да се нагласи како је историографија тог периода, упркос својој тежњи да се одупре религијским, хришћанским моделима историје, неретко и сама за изворе имала анегдотску грађу.

Дело Петра Петровића Његоша

Засигурно најдоминантније место у корпусу научно-истраживачког рада професора Мишела Обена заузима велика студија *Његош и историја у песниковом делу*, настала као продукт писања докторске дисертације о великом песнику 19. столећа. У њој највише долази до изражаја прегалаштво у раду на проучавању наше књижевности. Његов рад открива чврсту методолошку утемељеност.

У студији о Његошу дат је хронолошки поглед на живот и стваралаштво великог песника, подробно се разматрају периоди песниковог живота (наслови поглавља, уз „Увод" и „Закључак", јесу „Изворишта" „Младост" и „Зрелост").

Примећујући да је Обен писао и склапао студију вођен трагом француске биографске школе, В. Лазић упућује на начин на који је француски истраживач приступио згуснутом композиту Његошеве биографије износећи уверење да је основна тема, али и највећа вредност ове студије представљање Његошевих српских осећања и схватања.

Бавећи се Обеном као његошологом, критика запажа да је он указао на спергу историјских и политичких односа у Црној Гори у Његошевом књижевном опусу, те да је његов рад на поучавању историје Балкана потпомогао да се „подигне глас против произвољних напада на Његошево дјело" (Ђукић 2013: 272).

Истраживачи примећују да Обен указује на Његошево повезивање појмова нације и језика, те да раздваја припадност нацији од припадности религији, а доводи управо у везу народ и језик бивајући тако на трагу идеје о писању на народном језику чиме учвршћује темеље реформе Вука Караџића.

О Вуку Стефановићу Караџићу

Пишући о Његошу, рекло би се – неминовно, Мишел Обен пише и о Вуку Стефановићу Караџићу. Међународни научни скуп на Сорбони, који је, како је овде већ поменуто, организовао Обен, био је посвећен управо најзначајнијем реформатору српског књижевног језика. У зборнику радова излаганих на овом скупу налази се и Обенов текст „Рецепција Вука Караџића у Француској 19. века"[3]. Позивајући се на монографије Љубомира Стојановића и Миодрага Поповића, као и на нека истраживања веза између Вука и Француза, Обен најпре констатује да је простора за откривање нових чињеница мало. Његов задатак, констатује, може бити промишљање Вуковог дела у Француској, у време када је живао, односно одговор на питање да ли је Вуков рад био схваћен на прави начин.

Користећи више различитих извора из дужег временског распона, Обен је могао да увиди начин на који се рад Вука Караџића разумео још у времену када се тај рад одвијао, па све до модерног погледа на преласку у другу половину XX века. Истраживач Обен разматра књиге народних песама, као и остале сегменте Вуковог рада, али и литературу која нуди шири поглед на поднебље са кога Вук потиче и црпи грађу за свој рад. Велики значај имају и Мицкијевичева предавања која обухватају и тумачења народних песама, као и његовог наследника С. Робера.

Посредством оваквих извора и анализом онога што они пружају савременом проучаваоцу, Обен је дао значајан допринос систематизацији и уређивању података, а затим и јасној представи о рецепцији наше културе, језика и књижевности у Француској.

Обен и србистика на Сорбони

Проучавалац наше историје и књижевности, компаратиста и преводилац Обен најважнија је личност србистике на Сорбони. О овом делу његовог рада говорили су многи (П. Л. Тома, А. Стефановић, М. Павловић, Б. Лазић и др.), па ће овде бити предочено оно што представља суштину почетака србистике на Универзитету Сорбона у Паризу, као и тога што је до данас остало као наслеђе и наставак Обеновог пута.

Пошто је (према: Тома 1996: 618) 1971. године на Сорбони одбранио (поменуту) докторску дисертацију посвећену Његошу, Мишел Обен бива именован у звање maître de

[3] Текст је доступан на француском језику под насловом „La Réception de Vuk Karadžić en france au XIXe siècle".

conférences associé – ванредни професор (1972–1974), а потом постаје titulaire (1974–1978) на департману за српскохрватски језик и југословенске књижевности, отвореном 1972. године. Professeur en titre (редовни професор) постаје 1978. године.

Професор Пол Луј Тома у тексту „О изучавању српског језика у Француској" истиче: „Катедру за српскохрватски језик на Сорбони од 1972. године, када је она и основана, држао је Мишел Обен (Michel Aubin)" (Toma 1998: 99). Овај посао професор Обен обављао је до пензионисања 1991. године. У том периоду уведени су програми licence (1985) и maîtrise (1986) за српскохрватски језик, па су се извођењу наставе придружили и лектори из Србије и Хрватске.

За разумевање доприноса Мишела Обена унапређењу студија југославистике, па тиме и србистике на Сорбони, неопходно је на овом месту посветити пажњу његовом тексту „Југославистика на Француским универзитетима". Важност овог рада јесте првенствено у представљању традиције изучавања српскохрватског језика у Француској од почетака који се могу документовати, као и у наглашавању еволутивног пута усмереног ка томе да студије српскохрватског језика постану независни студијски програм по коме ће се образовати будући филолози из те области. Уз помињање важних имена захваљујући којима још у 19. веку Французи долазе у контакт са нашим језиком и књижевношћу и историјом (Фориел, Мицкијевич и Робер), Обен предаочава преглед градова и универзитетских центара у Француској у којима се с временом почео учити и студирати наш језик. Пишући о томе, он изражава снажно уверење о важности студирања и проучавања српскохрватског језика, књижевности, културе и историје. У коментарима који уоквирују изнете податке проговара, може се слободно рећи, један од најзначајнијих афирматора нашег језика, културе и уметности у Француској и Европи.

Студијска група за српскохрватски језик, примећује Обен, „одговарала је неоспорној потреби, о чему сведочи релативно велики број уписаних студената" (Исто: 158). Наводи број студената у распону од 1972 (30 студената) до 1977 (90 студената) истичући да је 95 процената тих студената „француске народности и две трећине њих су русисти". Говори да су осим програма на којима југославистика заузима „аутономни положај", формирани и „цертификати српскохрватског језика" у области техничких и економских области.

Текст се завршава јасном визијом: „Ширење српскохрватског језика и југословенске културе у Француској је дугорочан задатак". Према Обеновом мишљењу, у прошлости је

било доста погрешних представа и података о југословенским народима, али су ојачане туристичке, научне и културне везе тај проблем прилично неутралисале. Истиче да је јасна перспектива Југославије од стране „француске публике" задатак југославистике који превазилази чисто универзитетске амбиције.

Данас, скоро тридесет година након смрти професора Обена, изучавање српског језика, књижевности и културе на Сорбони, на посебном Департману за српски, хрватски, босански и црногорски језик (БСХЦ), у оквиру Катедре за славистику, траје, а дугорочни задатак о коме је говорио професор Мишел Обен бива испуњен, мада остаје као императиван и у будућности. Оно што је он започео, у највећој мери је наставио професор Пол Луј Тома проширивши наставнички тим у коме су различити стручњаци за области језика, књижевности и историје, па студенти основних, мастер и докторских студија у оквирима предавања и вежби имају могућност да се квалитетно образују и стичу различите компетенције. Студенти добијају опште образовање из наведених области током прве три године да би се на мастер студијама јасније определили за одређене смерове као што су лингвистика и превођење.

Департман на коме се на Сорбони изучавају српски језик, књижевност и цивилизација у академској 2024/2025. години броји преко 70 студената уписаних на основне, мастер и докторске студије. Ту треба додати и студенте који студирају у оквиру других студијских смерова и који уз права, економију или стране језике студирају и БСХЦ, па по завршетку студија добијају диплому која им гарантује да су стручњаци и из те области.

Уз класичан вид студија, на Сорбони је од академске 2017/2018. године БСХЦ могуће студирати (мисли се на основне студије) и „на даљину". Ове студије подразумевају рад на електронској платформи за учење где професори постављају различите материјале, а студенти уче користећи и проучавајући те садржаје, као и осталу препоручену литературу ван платформе.

Уз предавања из граматике, књижевности, језичке културе, превођења, уметности и историје, изузетно је значајно поменути наставни предмет на другој години основних студија Mise en situation orale – atelier théâtre где се језичке компетенције студената унапређују посредством припреме позоришне представе по драми неког од писаца из

Србије, Хрватске, Босне и Херцеговине или Црне Горе. Предмет је осмислио Сава Анђелковић, дугогодишњи професор наше књижевности на Сорбони.

Студенти током традиционалног вида наставе на факултету имају прилику да се усавршавају у областима које студирају и на друге начине. У првом реду овде се мисли на програме које нуде бивше југословенске републике и где наши студенти одлазе у летње школе учења језика или проводе по цео семестар на појединим универзитетима. Као један од примера добре сарадње могу се навести програми које организује Међународни славистички цетар из Београда.

Закључак

Претходно описани сегменти из богатог рада данашњег департмана на Сорбони, на коме се студира српски језик, остају у дубокој вези с делом и ставовима професора Мишела Обена. Његово прегалаштво на самим почецима, које је водило конституисању једног чврстог студијског система, очитује се и данас.

Иза професора Обена остали су значајни научни радови, вредне студије из области компаратистике, преводи и разматрања, али и дело које је данашњи студијски програм БСХЦ језика на Универзитету Сорбона. Професор је од 1985. године био дописни члан Академије наука Црне Горе. Као члан комитета Revue des études slaves, био је уредник броја посвећеног Југославији. Данас остаје дужност да се Обенов рад још шире и подробније испита како би се указало на важност његових увида, његове књижевноисторијске и теоријске мисли. То би могао бити рад вредан шире студије, будућих мастер радова или докторских дисертација.

ФРАНЦУСКА НА ПОЧЕТКУ XX ВЕКА. ФРАНЦУСКЕ ГРАМАТИКЕ СРПСКОГ ЈЕЗИКА И СРПСКО-ФРАНЦУСКЕ КУЛТУРНЕ ВЕЗЕ

КАТАРИНА БЕГОВИЋ (СРБИЈА)

1. Културни утицај Француске на Србију постоји од Француске буржоаске револуције, а друштвени, политички, научни и уметнички контакти двеју земаља ојачани су с краја 19. и у првој половини 20. века. То нарочито важи за турбулентни историјски период Првога и Другог рата, а посебно за живи контакт Француске и Краљевине СХС у међуратном периоду. Уплив француског културног модела на српско тле могао је бити посредан – француску културну идеју баштинио је нпр. Јован Стерија Поповић читајући француске ауторе; а могао је бити и непосредан – значајан број српских интелектуалаца и уметника који су се школовали у Француској доносио је грађански политички, уметнички, културни и образовни модел назад у отаџбину. Када говоримо о филолошким наукама, говори се о распону од Јована Суботића до Јована Дучића, Богдана и Павла Поповића, Јована Скерлића, па све до Иве Андрића и Милоша Црњанског, затим Душана Матића итд. Међутим, та је сарадња била двосмерна јер је, с друге стране, Србија француским интелектуалцима и уметницима пружала простор за културну размену и међусобно разумевање. У складу с општим духом времена, интересовање Француза за српске и југословенске прилике почетком 20. века расте и део француских интелектуалаца окреће се Балкану.

Таква личност био је и Пјер де Лани (Pierre de Lanux) (1887–1955) – дипломата, новинар, писац и професор. У својој богатој дипломатској каријери посебно се интересовао за српску и југословенску националну идеју. Период од 1912. до 1914. године провео је као ратни кореспондент на Балкану за разне новине, укључујући париски *Фигаро*. Учествовао је у писању брошуре *L'Unité yougoslave* (Plot, éditeur.) 1915. године, а већ 1916. штампа књигу *La Yougoslavie. La France et les Serbes. Les crises de 1908 à 1916 ; l'esprit du Serbe combattant ; la Yougoslavie et l'évolution de l'idée nationale ; l'unité sud-slave et la paix, la valeur de l'alliance serbe* (Payot, éditeur.).

Исте године (1916) објављује граматику српскога језика за Французе *Grammaire élémentaire de la langue serbe* (Librairie Delagrave, éditeur.) у коауторству с Тином

Ујевићем, у томе тренутку ватреним поборником југословенске идеје, који као емигрант стиже у Париз да живи и ствара 1913. године.

Предговор граматике – *Introduction* потписује Миленко Р. Веснић, значајан српски дипломата и политичар који је велики део своје политичке каријере преламао кроз сарадњу Србије и Француске. Говорећи о пријатељским односима двеју земаља, М. Веснић упућује на значај граматике српскога језика за Французе с обзиром на недостатак у културној размени – примећује да много Француза не зна српски језик. С тим у вези, кратак предговор (V–VI) завршава речима: „Ce livre vient combler une grande lacune; son succès est donc assuré d'avance".

2. Након кратког увода (1–2) дидактичко-методичке природе, у којем се дају савети за савладавање градива – *Conseils pratiques pour étudier seul*, приказују се графијски системи ћирилице и латинице, заједно с изговором сваке графеме. Пажњу привлачи репартиција *Alphabet serbe ou cyrillique : Alphabet croate ou Latin*, која се у раду посебно разматра с обзиром на историјски статус наведених писама у српској култури.

Основне информације о тзв. српско-хрватскоме језику (у складу с југословенском идејом) налазе се у одељку *La langue serbo-croate* (6–8), тичу се употребе писама, елементарне дијатопијске разуђености језика и врста речи. Након тога представља се морфологија српскога језика с одговарајућим вежбањима (морфо)синтаксичких модела које треба усвојити.

Именичке парадигме и вежбе у вези с усвајањем деклинационих типова у српском језику налазе се у поглављу *Le substantif (Именица)* (8–26). Дати су сви деклинациони типови, као и напомене у вези с појединачним захтевним облицима, попут вокатива једнине именица мушког и женског граматичког рода. Аутори су, као добри методичари, пажњу посветили суплетивним облицима лексемâ основнога лексичког фонда, па се тако упућује на облике попут *брат : браћа*, *дете : деца*, *човек : људи*, *господин : господа* (13). Лексеме се представљају системски, према одговарајућим творбеним моделима тамо где је то могуће – тако се у обради именица женскога рода на сугласник лексика наводи с коментаром „Tous les mots en ост, indiquant des propriétés", с примерима *благост*, *верност*, *слабост* итд. У вежбама за савлађивање именичког система дају се једноставни реченични модели попут „Дед је стар. – Отац је здрав. – Мајка је добра." (18) итд., али дају се и конструкције као што је „Наш народ је мален, али храбар" (19) или „Рат се води оружјем и

новцем“ (23), па се на тај начин почетници упознају и с основним напоредним односима у независној реченици и падежним значењима. Нарочито је значајан део *Conversation*, који прати градиво у вези са свим представљеним врстама речи и даје основне прагматске моделе у српском језику – „Здраво! Како сте? како ви? Хвала, добро, а ви? Хвала Богу.“ (25) итд.

Одељак *L'adjectif (Придев)* (26–35) обрађује придеве, њихову деклинацију и компарацију уз одговарајућа вежбања. У подели придева према значењу, под бројем (3) *possessif* (26) убрајају се форме *мој*, *твој* итд., с напоменом да се у српскоме језику сматрају заменицама, што говори о стратегији ауторâ да појаву из српског граматичког система приближе говорницима француског језика у складу с њиховим језичким осећањем. Уредно се представља одређени и неодређени вид придева у деклинацији (*Forme indéfinie* и *Forme définie*) (28–29), што се данас приликом усвајања српског језика обично не чини, с обзиром на то да именичка промена придева застарева. Компаратив се предочава системски, у вези с њим се уводи јотовање (*тврд, тврђи*; *драг, дражи*), а посебно се коментарише и творба компаратива у вези с придевима на *-ак*, *-ок*, *-ек* (*кратак*, *краћи*, *далек*, *даљи*, *дубок*, *дубљи*) и сл. (30).

Поглавље *Le pronom (Заменица)* (35–40) пружа увид у основну поделу заменица према значењу, с посебним освртом на деклинацију личних заменица. У вежбама за савлађивање заменичког система сада се користе захтевније конструкције попут „Јесте ли разговарали са својом вереницом?“, а уводе се и пословичке форме, уп. нпр. – „Колико људи, толико ћуди“ (39).

Le nombre (Број) (40–45) почетнике упознаје са системом основних и редних бројева, даје деклинацију бројева *два* и *три* (не и *четири*, што може говорити о статусу деклинације овога броја у живом језику), као и промену заменичког придева *сав* (42).

Део граматике *Le verbe (Глагол)* (45–62) обрађује конјугациони систем српскога језика. Помоћни глагол *бити* представља се посебно – *Le verbe auxiliaire* (45–52), дају се основни и енклитички облици у презенту, а глагол се наводи у свим предвиђеним облицима које треба усвојити – осим презента, то су футур, перфекат, аорист, имперфекат, кондиционал, императив и глаголски прилог прошли (*Gérondif*), с обавезним упитним и одричним формама. Правила за грађење наведених глаголских облика дају се у делу *Le verbe régulier* (52–58), где се представљају парадигме глагола на *-ти* у којима се

поклапају инфинитивна и презентска основа (што странци најлакше усвајају), укључујући и глаголски прилог садашњи, некадашњи партицип презент актива (*Participe présent*), као и глаголски придев трпни, некадашњи партиципа претерита пасива (*Participe passé pasif*) (55). Одељак *Les verbes irréguliers* (59–62) доноси глаголске врсте које се при усвајању српског језика као страног доживљавају несистемским – то су глаголи на (1) *-сти* и (2) *-ћи*, затим (3) *-нути*, (4) *-овати*, *-евати*, *-ивати*, а групу (5) прати коментар „En fin voici quelques autres formes irrégulières“, са примерима попут *лагати*, *лажем*, *чути*, *чујем*, *звати*, *зовем* итд. (60–61). Без обзира на неке мањкавости оваквог приступа, аутори на ограниченом простору кориснике граматике упознају системски с делом конјугације (што је за почетни ниво усвајања језика сасвим довољно).

Поглавље *La préposition (Предлог)* (63–66) предлоге разматра у вези с падежима уз које стоје – *Prépositions régissant le datif*, *Prépositions régissant l'accusatif* итд., без јасних стратегија за усвајање датих модела.

У одељку *L'adverbe (Прилог)* (66–67) прилози се разврставају према значењу (*Adverbes de temps*, *Adverbes de lieu*, *Adverbes de manière*), с тим да се прилози за начин постали од придева, који чине продуктивну и бројну класу, не обрађују посебно, али се јасно предочавају коментаром „Le neutre des adjectifs est employé adverbialement: добро, bon; врућe, chaud, etc.“ (67).

Специфичности тонског акцента представљене су у делу *Accent Tonique* (67–68). Аутори дају основне податке о подели акцената према квалитету и квантитету, постакценатској дужини и уводе симболе којима се акценти означавају. Наводе се основна правила акцентовања, а мора се напоменути да нека објашњења одступају од Вук–Даничићеве норме, у којој се иначе акценат сагледава – за ауторе дугоузлазни акценат има силазни тон, нпр. *на́род (le peuple)*, а дугосилазни има узлазни тон, нпр. *тѐло (le corps)* (67). Вредна је пажње чињеница да су аутори одлучили да обраде акценат, а да је у питању граматика *élémentaire*, како у наслову стоји.

Пре речника дата је епска песма *Орање Марка Краљевића* и њен превод на француски језик (69–70), као репрезентативни прецедентни текст српске културе.

Lexique (71–109) је француско-српски речник који вероватно ваља посматрати као потребу матерњег говорника француског језика да се изрази на српском. У том светлу, културне информације које речник доноси говоре више о Французима него о Србима. У

њему се осим лексема основнога фонда – *ami, пријатељ* (73), *chambre, соба* (77), *soif, жеђ, (f.)* (103), често бележи и лексика која надилази основни фонд – *auguiser, оштрити, брусити* (72), *belliqueих, ратоборан* (75), *bile, жуч* (75), *incorrigible, непоправљив* (87), *parjure, кривоклетник* (95) итд.

Речник очекивано доноси различите лексеме у вези с ратовањем – *balle, кугла, тане* (74), *bataille, битка* (75), *embûche, заседа* (82), *émeute, побуна* (82), *révolte, побуна* (101), *révolution, преврат, револуција* (101), а истовремено бележи и лексеме маркере развијене цивилизације и грађанске културе – *aquedue, водовод* (73), *architecte, неимар, архитекта* (74), *socialiste, социјалиста* (103) итд.

На крају, културна информација садржана у овој граматици не своди се на речник. Приручник се рашчитава као један од могућих начина на који се српска култура може представити странцима. Поред датог прецендентног текста (*Орање Марка Краљевића*), различитих прецедентних израза – „Младост лудост, старост слабост“ (25), „Ко те не зна, скупо би те платио“ (39, „Бејаше једном један краљ и у њега три сина“ (51), „Чини добро, добрим ће ти се вратити“ (56), ту су и искази у примерима вежбања који утичу на рецепцију српске културног наслеђа, али и југословенске идеје у француској средини – „Марко Краљевић је славан и велик“ (19), поменуто „Наш народ је мален, али храбар“ (19), „Србија је наша домовина“ (19), „Хрвати и Словенци су браћа Србима“ (22) итд.

3. Граматика *Grammaire élémentaire de la langue serbe* (Librairie Delagrave, éditeur.) својом садржином и дидактичко-методичким приступом одговара другим граматикама исте намене тога времена. Она доноси основе граматичкога система српског језика – посебна пажња посвећује се морфологији (у деловима где се представља граматички систем) и (морфо)синтакси (у вежбањима), док се фонетске појаве помињу само ако су у служби морфологије (нпр. јотовање у вези с компаративом придева). Сваку граматичку партију прате вежбања у облику одговарајућих реченица путем којих се корисници упознају с морфосинтаксичким и основним реченичним моделима у српском језику, а нарочито су значајни делови вежбања у којима се усвајају комуникативне стратегије потребне за свакодневни живот. Обухват граматичких категорија које се у граматици обрађују, текстови који их прате и, нарочито, богат речник, показују да овај приручник ипак надилази атрибут *élémentaire* у своме називу.

Културни оквир у којем се српски језик посматра одговара духу времена – у југословенској идеји језик је већ преименован у тзв. српско-хрватски. Важније, ова граматика је сведочанство живе културне сарадње Француске и Србије с почетка 20. века и реалне потребе да тај културни контакт не остане једносмеран.

Једнако значајно, ова је граматика носилац културне информације у контакту – она сведочи о српској култури, њеној рецепцији у француском културном моделу, али и артикулацији француског наслеђа кроз српски језик. Колико је културна информација садржана у граматици специфична с обзиром на реципијента показала би упоредна анализа оваквих приручника насталих у 19. и почетком 20. века намењених другим народима, али и летимичан увид у друге граматике потврђује спецификум српско-француског контакта забележен у овој. Из тих разлога је део рада и посвећен лингвокултуролошкој анализи одабраних сегмената *Grammaire élémentaire de la langue serbe.*

ЛЕКТОРАТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК НА УНИВЕРЗИТЕТУ У СТРАЗБУРУ ОД ОСНИВАЊА ДО ДАНАС

Ливија Д. Екмечић (Француска)
Универзитет у Стразбуру
Groupe d'études orientales, slaves et néo-helléniques - UR 1340 (GEO)

Овај текст је посвећен раду лектората за српски језик на Универзитету у Стразбуру са намером да се с једне стране укаже на историјат лектората, а са друге стране на саремене активности и околности у којима овај лекторат још увек постоји. Стога је у њему најпре истраживачка пажња усмерена на формирање лектората, односно институционализовање учења српског или српско-хрватског језика, књижевности и културе у оквиру стразбуршке Катедре за славистику, да би се у другом делу рада представиле наставне и ваннаставне активности овога лекторатам уз указивање на конкретне проблеме са којима се сусреће предавач.

Катедра за славистику на Универзитету у Стразбуру основана је још 1919. године и ту се могао учити свеобухватно руски језик, и књижевност и културу, али су се могли такође пратити и часови других словенских језика, односно њихових књижевности које су давали специјалисти за русистику. Развијајући студије славистике у Стразбуру 1928. године оснива се Институт за балканске студије (Institut d'études balkaniques) у оквиру Катедре за славистику, а на руководећем месту тог института кратко се нашао Андре Грабар (André Grabar), да би се затим отварили и лекторати за пољски језик 1928. и чешки 1929. године. Иако се од оснивања Институт за балканске студије у Стразбуру предавала српска, као и бугарска књижевност и култура, отварање лектората сачекаће више од две деценије. Премда иницијатива да се отвори лекторат за српско-хрватски језик стиже из Краљевине Југославије 1939. године и бива прихваћена у Стразбуру са великим ентузијазмом, лекторат ће се отворити тек школске 1954/1955. године и први лектор Драган Недељковић ког је именовала на то место влада тадашње Југославије, почиње свој рад.

Након отварања Лектората за српски, односно српско-хрватски језик на Факултету за језике Универзитета у Стразбуру, па до деведесетих година може се пратити континуирана сарадња између овога факултета и углавном универзитетских и културних институција Србије, где се посебно истиче сарадња Филолошког факултета у Београду и Универзитета у Стразбуру. Пратећи ту сарадњу, може се констатовати да је немали број стручњака из области србистике боравио управо на овом Универзитету било у својству лектора, гостујућег професора или истраживача на усавршавању. У периоду од оснивања

лектората до распада Југославије, међу именима познатих слависта и предавача српско-хрватског језика, наћи ће се име и великог српског писца Данила Киша, који је радио у на Универзитету у Стразбуру у периоду од 1962. до 1964. године.

После распада Југославије почиње један сасвим нов период у раду лектората за српски језик. У оквиру овога периода о лекторату се више не брине држава чији језик и чију културу овај лекторат представља, него о њему искључиво воде бригу француски слависти, шефови Катедре за славистику. То ће на дугорочном плану као резултат донети константну несигурност опстанка лектората који почиње да зависи од броја студената и толеранције управе Универзитета. Међутим, занимљиво је приметити да број студената, који иначе зависи од најразличитијих фактора, у Стразбуру, као и на другим француским универзитетима где се учи српски језик, био је највећи управо у време рата деведесетих и распада Југославије. Колеге које су тада радиле на Факултету за језике у Стразбуру или које су у то време били студенти Катедре за славистику сведоче о редовима студената који су стрпљиво чекали да уђу у сале у којима је била настава српског језика. Та слика се нажалост изменила, и са почетком двехиљадитих интересовање за српски језик опада, што је у једном моменту лекторат и довело у веома деликатан положај у коме је брига за његов опстанак постала више него оправдана.

У завршном делу текста настојаћемо да предложимо кораке како би се евентуално отвориле перспективе за очување лектората за српски језик на Универзитету у Стразбуру и предупредила предвидљива судбина нестајања овога алзашког центра за учење српског језика, који је до сада развијао пријатељске односе између младих француских филолога и српске културе.

ЛИТЕРАТУРА И ИЗВОРИ

Архив Универзитета у Стразбуру

Архив Института за славистику у Паризу

BAUDIN Rodolphe, « Russe et langues slaves » dans Recht, Roland et Jean-Claude Richez (dir.) *Dictionnaire culturel de Strasbourg : 1880-1930*, Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 2017.

BREUILLARD Par Jean, *Bref historique des études slaves en France*, dans la Revue du Centre Européen d'Études Slaves, « Études slaves en France et en Europe », Poitiers : publication en ligne le 05 mars 2012.

HAMM Albert, *Les langues et cultures étrangères à la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg (1838-1967) : une histoire entre conflits et diversification*, Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 2023.

ФРАНЦУСКА НАРАТОЛОГИЈА И СРПСКА НАУКА О КЊИЖЕВНОСТИ

Јована Б. Сувајџић (Србија)
Институт за српску културу Приштина – Лепосавић
jovana.suvajdzic@gmail.com

Округли сто „Сто година србистике", пројекат Међународног славистичког центра Филолошког факултета Универзитета у Београду, Међународном конгресу слависта (Париз 2025) доноси панорамски поглед на процесе успостављања, али и неговања и, упркос много чему, одржавања српско-француских културних и академских веза (представљених и сегментом који је посвећен савременом стању српских лектората у Француској). Логичан је корак од академских спона до научних интереса и научних трансфера између две земље, а један важан вид тих трансфера представиће прегледни рад „Француска наратологија и српска наука о књижевности".

Крајем XIX и почетком XX века, у време дезинтеграције реализма и доба модерне у српској књижевности, француски су историчари књижевности и књижевни критичари попут Сент-Бева и Иполита Тена остварили знатан утицај на знамените фигуре српске културе – између осталих, и на Јована Скерлића. Пола века касније, с успоном структурализма и структуралног приступа приповедној прози – наратологије, на француску се хуманистику и, уже гледано, науку о књижевности, изнова скреће поглед српских критичара и књижевних теоретичара. Продор наратолошких идеја, теорија и појмова француских структуралиста (Цветана Тодорова [Tzvetan Todorov], Клода Бремона [Claude Bremond], Алжирдаса Жилијена Гремаса [Algirdas Julien Greimas], Ролана Барта [Roland Barthes], Жерара Женета [Gérard Genette]) оставиће трајан траг у српској науци о књижевности, тако да се данас готово и не може замислити анализа приповедне прозе која се не би ослањала на многобројне критичке и интерпретативне алате наратологије.

Неопходно је најпре појаснити однос насловне фразе – „француска наратологија" и досад употребљеног појма „структурални приступ приповедној прози". Слободнија, описна ознака „француска наратологија" активирана је у наслову рада у текстуалној близини „српске науке о књижевности" како би се већ паратекстуалним деловима рада (наратолошки термин који је сковао Жерар Женет, теоретичар ком ћемо у раду посветити нарочиту истраживачку пажњу) евоцирала шира тема округлог стола: српско-француске културне везе. Свесни упозорења Монике Флудерник [Monika Fludernik] да се категорија националности тешко може сматрати фактором који би одредио постојање различитих

наратолошких школа (Fludernik 2005: 39), али и заступљености употребљене фразе у текстовима српских научника на чија се истраживања ослањамо (уп. Попов 2021: 9), доследно ћемо у наставку рада предност давати тачнијој формулацији „француска структуралистичка наратологија", као и варијацији „француска класична наратологија".

Референцирано истраживања Јована Попова, „На раскршћу утицаја: структурализми у Србији", дели циљеве нашег рада – предочавање рецепције утицајне књижевне теорије, али и теорије заступљене у другим друштвеним наукама српској научној јавности. Оно то чини с једном широм полазном основом од наше, али доноси и модел проучавања ком смо се у раду приклонили, а који се састоји из сажетог представљања главних фигура француске класичне наратологије, као и њихових најпознатијих концепата и термина, да би се потом фокус усмерио на хронолошки преглед преноса и рецепције те грађе у различитим публикацијама на српском језику (текстови у периодици, делови зборника, одељци студија, монографије итд.). Упоришну тачку нашег рада представља и „Библиографија радова из сувремене теорије приповиједања преведених на хрватски или на српски језик", коју је за потребе зборника *Сувремена теорија приповиједања* (прир. Владимир Бити, 1991) приредио Крешимир Мићановић, а чији опсег истраживања обухвата, како се може закључити из наслова, текстове преведене на хрватски и српски језик.

Предмет нашег истраживања, када се у виду има изворна грађа, јесу текстови групе француских истраживача-структуралиста окупљених почетком шездесетих година XX века око часописа „Комуникације" [« Communications »] и образовне институције EPHE [École pratique des hautes études] (уп. Марчетић 2013: 262). Уједињени испрва у намери да приповест сагледају као јединствену структуру, односно да покажу да се било ком облику приповедне прозе може приступити рачунајући на истоветну унутрашњу организацију тих књижевних облика, они ће 1966. године у наведеном часопису објавити рукописе махом манифестног карактера (нпр. Ролан Барт „Увод у структуралну анализу приповедања" [« Introduction à l'analyse structurale des récits »], Клод Бремон, „Логика наративних могућности" [« La logique des possibles narratifs »], Жерар Женет „Границе приповедања" [« Frontières du récit »]).

Набројани текстови чине корпус првих текстова чије превођење пратимо у српском издаваштву. Тако је 1971. године у најстаријем српском књижевном часопису, знаменитом

Летопису Матице српске, објављен превод Бартовог „Увода у структуралну анализу прича" (превео Петар Милосављевић), док ће превод Бремоновог текста бити део садржајног и утицајног зборника *Структурални прилаз књижевности* (1978, превео Милан Буњевац). Први нам талас рецепције наратолошких текстова сведочи о правовремености превода, што ће, како ћемо тежити да покажемо у раду, бити одлика рецепције дела припадника класичне, па и посткласичне наратологије у српској науци о књижевности уопште (овом другом скупу наратолошких усмерења, не увек верним „настављачима" класичне наратологије, из концептуалних и практичних разлога нећемо посветити исту пажњу у раду). Такође, из случаја превода Бремоновог текста, парадигматично одабраног за ову прилику, уочавамо да се наратологија у српској науци о књижевности најпре сврставала у шири теоријски оквир структурализма. Њему она свакако и припада као теорија, али занимљиво је то да ће применљивост наратолошких термина „граматици" приповедања (Тодоров 1979 [Todorov 1969]; Цветан Тодоров аутор је и кованице „наратологија", уп. Тодоров 1979 [Todorov 1969]) – или барем једној њеној, женетовској струји, о чему ће још бити речи – „прибавити" дужи век у српској науци о књижевности од других „структуралистичких активности" (алудирамо на још један од најраније преведених текстова Ролана Барта: „Структуралистичка активност", часопис *Поља*, бр. 100, 1966, превели Г. Стојковић и А. Бадњаревић).

Истовремено, на примеру наведених првих текстова сазнајемо нешто и о типовима преводних публикација које је собом доносила рецепција француске класичне наратологије. У периоду почетног, несистематског продора наратолошких идеја у српску науку о књижевности, шездесетих и седамдесетих година XX века (уп. Попов 2021. за представу о истовременом ширењу и усвајању ширих структуралистичких начела и концепата), текстове француских структуралистичких наратолога српска читалачка јавност могла је читати претежно у периодичним публикацијама (књижевним часописима) и, нешто ређе, у зборницима попут *Структуралног прилаза књижевности*. Касније, током седамдесетих и осамдесетих година XX века, поједини класични наратолози постају познатији српским читаоцима захваљујући преведеним изборима њихових текстова и целовитим студијама: Ролан Барт, *Књижевност, митологија, семиологија* 1971, приредио Милош Стамболић, превео Иван Чоловић, предговор „Ролан Барт, између егзистенцијализма и формализма" написао Никола Милошевић; Жерар Женет, *Фигуре*,

1985, приредила и превела Мирјана Миочиновић; Цветан Тодоров, *Поетика*, превели Бранко Јелић и Милош Константиновић, 1986.

Осамдесете и деведесете године двадесетог века донеле су, на светској теоријској „сцени", па и код нас у преводној литератури, усложњавања и ревидирања постулата и типологија класичне структуралистичке наратологије. Пажњу домаћих истраживача и читалаца могао је заокупити тематски часописа *Реч* посвећен „горућим" питањима фокализације, од Женетових поставки, до ревизија Мике Бал, Вилијама Едмистона и Симура Четмена – *Реч: часопис за књижевност и културу*, бр. 8, 1995. Упоредо с овим проширењима и постепеним трансформацијама класичне наратологије, у српској науци о књижевности крајем деведесетих година XX века настају и оригиналне студије посвећене примени наратолошких термина у интерпретацији књижевних дела: Милица Ковић Винавер, *Наративни поступци у Дидроовим романима*, 1997.

Говорећи досад највише о преводној књижевности, о преводу стручне литературе, морамо истаћи и знатну улогу посредника у процесу упознавања и усвајања наратолошке терминологије (уп. Eror 2002), пре свега – улогу преводиоца, приређивача, истраживача – фигура од непроцењивог значаја при приближавању једне културе другој. Неке од њих већ смо помињали уз публикације које су превели или приредили, али поновићемо њихова имена и овде и навести још нека: Мирјана Миочиновић, Иван Чоловић, Никола Милошевић, Петар Милосављевић, Јовица Аћин, Милан Буњевац, Бранко Јелић, Милош Константиновић, Адријана Марчетић, Милица Винавер Ковић, Предраг Бребановић, Сања Мацура, Корнелије Квас, Дуња Душанић итд.

Успут смо навели да се управо женетовска линија француске структуралистичке наратологије показала најдуговечнијом у погледу домаће рецепције. Разлоге за овакав ток прихватања наратолошких идеја, који ни по чему није јединствен, већ одражава рецепцијске тенденције у већини националних наука о књижевности које су прихватале и даље развијале наратолошки критички и интерпретативни апарат, може се пронаћи у већој „флексибилности" Женетове теорије приповедања. Наиме, док Бремон, Тодоров и Барт схватају наратологију као „теоријску дисциплину чији циљ није да тумачи појединачне приче и романе, већ да укаже на опште поступке у њиховом грађењу" (Марчетић 2013: 263), Женет проналази начин да помири наратолошку анализу и интерпретацију, осигуравајући тако већу применљивост и пластичност своје теорије, па следствено и њен

већи значај у историји двадесетовековне науке о књижевности. Истовремено, класична се наратологија женетовског типа („начинска" наратологија – уп. Марчетић 2013: 264), указује у једном ретроспективном погледу као „најзначајније трајно завештање француског структурализма" (Попов 2021: 25).

У српској науци о књижевности синтетичка монографија Адријане Марчетић *Фигуре приповедања*, прерађена и скраћена верзија докторске дисертације „Женетова теорија приповедања", значај је женетовске класичне наратологије, чини се, додатно учврстила, и начинила теорију приповедања Жерара Женета приступачнијом и пријемчивијом за истраживаче, па је српска наука о књижевности у новом миленијуму обогаћена обимним истраживањима конкретних наратолошких проблема (нпр. докторска дисертација Бранка Илића, одбрањена 2016. године, посвећена заступљености једног типа приповедача у српској књижевности у временском распону од два века – *Хомодијегетичко приповедање у српском роман*у).

Почетак новог миленијума тако је, у српској науци о књижевности, класична наратологија дочекала као канонски метод проучавања приповедне прозе. Ипак, истовремено ојачавају струје когнитивистичких и других, контекстуалних приступа које ће, под кишобран-појмом „постклasичне наратологије", у другој деценији XXI века, чини се, унеколико потиснути своје „класичне" претходнике.

Кључне речи: структурализам, наратологија, Жерар Женет, теорија књижевности, рецепција, наука о књижевности.

СЕЛЕКТИВНА БИБЛИОГРАФИЈА

Бал 2000: Мике Бал, *Наратологија: теорија приче и приповедања*, прев. Растислава Мирковић, Београд: Народна књига – Алфа.

Ковић Винавер 1997: Милица Ковић Винавер, *Наративни поступци у Дидроовим романима*, Нови Сад: Матица српска.

Марчетић 2013: Адријана Марчетић, „Наратолошка критика", *Књижевна историја*, год. 45, бр. 149, 261–274.

Мацура 2018: Сања Мацура, *Наративни лавиринт – улазак*, 2. издање, НУБРС.

Николић 2001: Ненад Николић, „Структуралистичка наратологија, данас", *Летопис Матице српске*, септембар 2001, 369–375.

Попов 2021: Јован Попов, „На раскршћу утицаја: структурализми у Србији", *Књижевна историја*, год. 53, бр. 175, 9–35.

Bart 1966: Rolan Bart, „Strukturalistička aktivnost", *Polja*, god. 12, br. 100, dec. 1966, prev. Gordana Stojković-Badnjarević, Aleksandar Badnjarević, 19.

Барт 1971: Ролан Барт, „Увод у структуралну анализу прича", прев. Петар Милосављевић, *Летопис Матице српске*, јануар 1971, год. 147, књ. 407, св. I, Нови Сад, 56–84.

Bal 1995: Mieke Bal, „Naracija i fokalizacija", prev. J. Novaković, *Reč*: časopis za književnost i umetnosti, god. II, br. 8, april 1995, Beograd, 71–82.
Bart 1971: Rolan Bart, *Književnost, mitologija, semiologija*, preveo Ivan Čolović, priredio Miloš Stambolić, predgovor napisao Nikola Milošević, Beograd: Nolit.
Barthes 1966: Roland Barthes, « Introduction à l'analyse structurale des récits » , *Communications 8*, 1–27.
Bremon 1978: Klod Bremon, „Logika narativnih mogućnosti", *Strukturalni prilaz književnosti*, prir. Milan Bunjevac, 73–80.
Edmiston 1995: Vilijam Edmiston, „Fokalizacija i pripovedač u prvom licu: jedna revizija teorije", preveo V. Petrović, *Reč: časopis za književnost i umetnost*, god. II, br. 8, april 1995, Beograd, 95–102.
Eror 2002: Gvozden Eror, *Genetički vidovi (inter)literarnosti: osnovni pojmovi*, Beograd: Otkrovenje – Narodna knjiga.
Fludernik 2005: Monika Fludernik, "Histories of Narrative Theory (II): From Structuralism to the Present", *A Companion to Narrative Theory*, eds J. Phelan and P.J. Rabinowitz, Blackwell Publishing, 36–59.
Genette 1972: Gérard Genette, *Figures III*, Paris: Seuil.
Genette 1983: Gérard Genette, *Nouveau discours du récit*, Paris: Seuil, 1983.
Genette 1985: Gérard, Genette, *Figure*, odabrala i prevela Mirjana Miočinović, Beograd: „Vuk Karadžić".
Gremas 1978: Alžirdas Žilijen Gremas, „Aktanti, akteri i figure", *Strukturalni prilaz književnosti*, prir. Milan Bunjevac, 98–122.
Marčetić 1996: Adrijana Marčetić, „Dve vrste naratologije", *Godišnjak za poetička i hermeneutička istraživanja*. *P/H*, br. 1, 28–43.
Marčetić 2003: Adrijana Marčetić, *Figure pripovedanja*. Beograd: Narodna knjiga – Alfa.
Todorov 1978: Cvetan Todorov, „Strukturalna poetika", *Strukturalni prilaz književnosti*, prir. Milan Bunjevac, 48–57.
Mićanović 1991: Krešimir Mićanović, „Bibliografija radova iz suvremene teorije pripovijedanja prevedenih na hrvatski ili na srpski jezik", *Suvremena teorija pripovijedanja*, prir. Vladimir Biti, Zagreb, 429–433.
Todorov 1979: Cvetan Todorov, „Gramatika književnog teksta", prev. Biljana Lukić, *Književna kritika*, god. 10, br. 3, 13–18.
Todorov 1986: Cvetan Todorov, *Poetika*, preveli Branko Jelić i Miloš Konstantinović, Beograd: Filip Višnjić.
Četmen 1995: Simur Četmen, „Likovi i pripovedači", preveo V. Petrović, *Reč: časopis za književnost i umetnost*, god. II, br. 8, april 1995, Beograd, 87–94.
Ženet 1985: Žerar Ženet, „Granice pripovedanja", *Figure,* odabrala i prevela Mirjana Miočinović, Beograd: „Vuk Karadžić".

TABLE RONDE 3
L'AGRESSION ET LA VIOLENCE DANS LA DRAMATURGIE SLAVE MODERNE / TOPICS OF AGGRESSION AND VIOLENCE IN MODERN SLAVIC DRAMATURGY

Organisateur : ANDRIEJ MOSKWIN

Andriej Moskwin Współczesny dramat białoruski o wydarzeniach 2020 roku 1

Olena Bondareva A contemporary ukrainian drama about war: Transformation of the concepts of aggressor and victim. 6

Надія Мірошниченко Український драматургічний «фронт» у протистоянні з російською військовою агресією (на основі триптиху антологій актуальної драми НЦТМ імені Леся Курбаса «Майдан. До і після», «Лабіринт із криги та вогню» і «Неназвана війна») 12

Мартина Палушова Русская и украинская антивоенная драматургия: переводы и постановки в Чехии 17

Marek Pieniążek Trauma i autoagresja w ukraińskich spektaklach ery wojny 22

WSPÓŁCZESNY DRAMAT BIAŁORUSKI O WYDARZENIACH 2020 ROKU

ANDRIEJ MOSKWIN (POLSKA)

9 sierpnia 2020 r. odbyły się wybory prezydenckie na Białorusi, które przebiegły pod pełną kontrolą administracji państwowej i resortów siłowych. Wkrótce po tym wydarzeniu zaczęła napływać informacja świadcząca o masowych fałszerstwach wyborczych, jakich dopuszczały się osoby zaangażowane w przebieg głosowania. Działania władz wywołały masowe protesty osób zbulwersowanych manipulacjami wyborczymi, brutalnie stłumione przez struktury siłowe. Milicja i służby bezpieczeństwa zaczęli stosować represje. Pewna część osób została aresztowana i sądzona, druga zaś wybrała emigrację.

Całkiem logicznie, że owo wydarzenie oraz jego konsekwencje stały się obiektem uwagi literatów, w tym dramaturgów. Pierwszą reakcją stał się dramat *Obrażeni. Białoruś* znanego białoruskiego dramaturga Andrieja Kuriejczyka.

Jest to część trylogii. Dwie poprzednie części – *Obrażeni. Rosja* i *Obrażeni. Ukraina* – były poświęcone Rosji i Ukrainie. Czytanie performatywne pierwszego miało miejsce w Mińsku na scenie Centrum Białoruskiej Dramaturgii 27.10.2017 (reż. Roman Rybak), a premiera odbyła się 29.05.2019 na deskach Narodowego Centrum Sztuki Współczesnej (reż. R. Rybak). Z kolei czytanie performatywne drugiej sztuki odbyło podczas festiwalu teatralnego „Melpomena Tawrii" w Chersoniu (24.05.2019) w Ukrainie. Podczas dyskusji w Mińsku A. Kuriejczyk powiedział:

> Dla mnie w tej chwili jest to najważniejszy tekst. Bardzo ważne jest odnotowanie zmian, jaka zachodzą w świadomości społecznej w Rosji, na Białorusi, i na Ukrainie. Znaleźć te właśnie punkty bólu, te żale, które prowadzą nas wszystkich w ciemność. Oni nas trują. Nie pozwalają nam, naszemu społeczeństwu, być lepszym, bardziej tolerancyjnym, bardziej cywilizowanym. Musimy zrozumieć istotę tych żalów, ból tych ludzi, ich sposób myślenia, ideologię, psychologię. Aby wyciągnąć wnioski na temat tego, jak przezwyciężyć te żale i zwyciężyć. [*„Обиженные. Россия"* 2017]

W sztuce *Obrażeni. Rosja* akcja toczy się na tle podpalenia kin podczas wyświetlania filmu *Matylda*, zabójstwo cywilów w Donbasie, które strona rosyjska kwalifikuje jako atak terrorystyczny, wysłanie najemników do Donbasu, nieuzasadniony areszt reżysera teatralnego Kiriłła Sieriebriennikowa. Z kolei w *Obrażeni. Ukraina* poznajemy osobiste historie bohaterów z różnych regionów kraju – kobiet z Odessy, dziewczyn z Kijowa, mężczyzn z Charkowa i Dnepru, babci z obwodu chersońskiego, ekscentryka z Zakarpacia) na tle de facto wojny domowej.

W centrum uwagi sztuki *Obrażeni. Białoruś* kryzys polityczny na Białorusi po wyborach prezydenckich w 2020 roku. Pierwowzorami niektórych postaci sztuki są m.in. Prezydent

Aleksander Łukaszenko i jego najmłodszy syn Nikołaj, Swietłana Cichanouska, Aleksander Tarajkowski, Maria Kolesnikowa. W wywiadzie dla radia twierdził:

> Wykorzystałem sporo autentycznych wypowiedzi – tak Łukaszenki i Cichanouskiej, jak i młodych osób, którzy znaleźli się w centrum najgorętszych wydarzeń. Białoruska rewolucja różni się tym, że nie jest rewolucją nienawiści, lecz rewolucją pozytywu i miłości, która spotkała się z niespotykaną dotąd przemocą. Znakiem zmian dla nas jest serce, które często pokazywała Maria Kolesnikowa. [Поляковская 2020]

Pracę nad dramatem Kuriejczyk rozpoczął wkrótce po wyborach – 20 sierpnia, a zakończył 9 września, przedstawiając w niej pierwszy miesiąc białoruskich protestów, w które zresztą sam został zaangażowany. W wywiadzie dla radia dramaturg się przyznał:

> Wydarzenia rozwijały się tak szybko i dynamicznie, że nie można było pozostać na uboczu. Jako dramatopisarz i członek Rady Koordynacyjnej Białorusi znalazłem się w samym środku wiru wydarzeń w kraju. Temu towarzyszyły gorące emocje, i trzeba było je wykorzystać. Nie wiem, jak te wydarzenia będą postrzegane w nadchodzących latach – być może zupełnie inaczej niż teraz – ale chciałem zostawić widzom te emocje, te obrazy, te uczucia, których Białorusini doświadczyli w tym pierwszym miesiącu zmagań [Поляковская 2020].

W krótkim czasie dramat Andrieja Kuriejczyka została przetłumaczony na dziewiętnaście języków, co umożliwiło czytania i wystawienia w różnych krajach świata. Był to akt wyrażenia solidarności z białoruskim społeczeństwem. Tylko w ciągu pierwszych dwóch i pół miesięcy odbyło się ponad 100 czytań performatywnych sztuki w 71 miejscach w ponad 20 krajach – na Łotwie, Litwie, w Polsce (warto wymienić Dziki Teatr w Kijowie, Mały Teatr w Wilnie, Teatr Dramatyczny w Warszawie, Królewski Teatr w Sztokholmie). Powstała strona internetowa poświęcona temu tekstowi: https://www.insultedbelarus.com/ Inicjatorem przekładu na inne języki był amerykański literaturoznawca i tłumacz John Freedman. W jednym z wywiadów powiedział:

> Kwestia istnienia reżimu autorytarnego jest bardzo bliska wielu osobom. Widzimy to przynajmniej po tym, gdy teatry w szesnastu krajach zareagowały na sztukę Andrieja Kuriejczyka. Oczywiście, może się wydawać dziwne, że dla sztuki straszna i piękna rewolucja na Białorusi stała się wspaniałym i bardzo skutecznym tematem, bo przecież chodzi w niej o ludzkie życie. Ale problem reżimu jest inną sprawą. Widzę aktorów ze łzami w oczach podczas czytań, czytam, co ludzie piszą o szoku, jakiego doznali. Siódemka postaci dramatu reprezentuje zasadniczo wszystkie grupy społeczne zaangażowane w to, co dzieje się na Białorusi [Поляковская 2020].

Jako pierwsza pojawia się w dramacie postać Starego (za nią ukrywa się Aleksander Łukaszenko), który wyznaje: „Nie kocham teatru. Nigdy mnie do niego nie ciągnęło”. Nie ukrywa, że ani teatr, ani sztuka w ogóle go nigdy nie pociągały. Kpi z osób, którzy grają w teatrze i handlują sztuką, szydzi z tych, którzy oglądają spektakle i nabywają dzieła sztuki. Za chwilę czytacz zdaje sprawę z tego, że słowa te zostały skierowane pod adresem aktorów

Białoruskiego Teatru Narodowego imienia Janki Kupały, którzy na znak fałszowania wyborów prezydenckich oraz represji w stosunku do zwykłych obywateli podjęli decyzję rezygnacji z pracy w zespole: „To są gnidy. Co tu dużo mówić – same gnidy. Całkowita zgnilizna. Zdrajcy, Gryzą rękę, która ich karmi… Przecież wykarmiłem ich lewą piersią[1], a oni… Zdrajcy". W drugiej scenie udziela wywiadu ukraińskiemu dziennikarzowi Dmitrijowi Gordonowi, w którym opowiada kilka szczegółów o swojej rodzinie oraz dzieciństwie. Nie ukrywa, że należał do bandy, która przewracała ławki, i w ten sposób trafił do rejestru milicyjnego. W miarę nasilenia się protestów Stary ujawnia swoje prawdziwe oblicze – osoby kochającej władzę, nie będącej w stanie pogodzić się z porażką. Przyjąć fakt, że jego czas się skończył, przyszedł moment aby przekazać władzę w ręce innej osobie.

Młody to najmłodszy syn Starego – szesnastoletni młodzieniec, który uwielbia grać w gry komputerowe. Jednak ojciec, Stary, nie akceptuje wyboru syna i zabronił mu korzystania z komputera. Lubi opowiadać mu o czasach Związku Radzieckiego, o komsomole i przodownikach pracy. Od rana do wieczora znajduje się pod opieką i kontrolą nie tylko ojca, lecz opiekunki, która codzienne odwozi go do szkoły i zabiera do domu, sprawdza jego komórkę i o wszystkim informuje ojca. Z jego krótkich wypowiedzi widać, że jest to osoba nieco infantylna, odizolowana od realnych problemów, słabo orientująca się w bieżącej sytuacji.

Pouczająca jest nauczycielką w gimnazjum mińskim, w którym uczy się syn prezydenta. Przez trzydzieści siedem lat pracy w zawodzie otrzymała pięć dyplomów od Ministerstwa Edukacji. Jest dumna z prezydenta, który troszczy się o kraj i każdego obywatela. Jest przekonana, że tylko wyłącznie dzięki jego pracy i trosce o naród na Białorusi żyje się dobrze. Lubi powtarzać: „Prezydent pamięta o wszystkich!"; „Ten człowiek cały czas myśli", „Dał nam podręczniki, płaci pensje, daje pracę". Nie wierzy w wybory, które zazwyczaj wygrywają niewłaściwe osoby. „Całe te wybory to głupota. […] Naród jest zawsze za jednym – za stabilnością! A stabilność – to baćka!". Wyznaje, że już pięć razy uczestniczyła w pracy komisji wyborczej i za każdym razem „wszystko było jak trzeba". Dając tym samym czytelnikom do zrozumienia, że wybory mogły zostać sfałszowane.

Pouczająca przypomina nam „czerwonego człowieka" z powieści Swietłany Aleksijewicz: wciąż wierzy w kult mocnej osoby i nie chce zauważyć zachodzących w białoruskim społeczeństwie zmian. Marzy się jej spokojna emerytura, do której pozostało tylko cztery lata. Nie ukrywa, że jest bardzo niezadowolona z młodej generacji nauczycieli, która

[1] Nawiązanie do wypowiedzi A. Łukaszenki o białoruskiej inteligencji na jednym ze spotkań: „Ja ich wszystkich wykarmiłem lewą piersią".

mocno ulega wpływom zachodniej propagandy. Tak się stało tym razem: po tym, jak przeprowadziła instruktarz, jedna z nauczycielek zamieściła fragment jej wypowiedzi na Youtubie. Był to kolejny dowód na to, że przewodniczące komisji wyborczych otrzymali odpowiednie instrukcje dotyczące fałszowania wyborów. Mimo to Pouczająca sporządziła taki protokół, jaki chciała Centralna Komisja Wyborcza.

Ptasi (właściwe imię Roman) – ukraiński wojskowy, który po przegranej Wiktora Janukowicza musiał wyjechać z kraju i przenieść się na Białoruś. Tu wstąpił do białoruskiego OMON-u, a autorytetem dla niego stał się politruk, który w dość klarowny sposób tłumaczy sytuację geopolityczną: „Polacy, Ukraińcy i Litwini – to wrogowie. Rosjanie to nie wrogowie, ale zawsze chcą coś wyskubać. Czyli też wrogowie. Ale i bracia. Ale i wrogowie. Tak bywa".

Na Białorusi poznał dziewczynę – Marię, i planował wziąć ślub, który zaplanowano akurat na okres wyborów prezydenckich. Z powodu protestów na otrzymał zgody na urlop i musiał brać udział w akcjach pacyfikacyjnych. W miarę nasilenia się protestów, rośnie w nim agresja i chęć działania. Rozkazuje swojemu przyłożonemu: „Renat, rzuć im parę granatów. I wpakuj im parę kulek w brzuchy. […] Niech te skurwiele długo się leczą…".

Nowa (za tą postacią ukrywa się Swiatłana Cichanowska) to urodzona na Polesiu młoda osoba, absolwentka filologii na Uniwersytecie Pedagogicznym w Mozyrzu, matka dwójki dzieci. Ma męża-blogera, Siergieja, który lubił jeździć po Białorusi, rozmawiać z ludźmi i zapisywać ich historie („Ludzie mówili o swoich problemach i marzyli o życiu w wolnym i bogatym kraju"). Był autorem projektu „Kraj dla życia". Po tym, jak zdobył popularność, postanowił zgłosić swoją kandydaturę na prezydenta. Gdy został aresztowany, Swiatłana podjęła decyzję zastąpienia go w walce o fotel prezydenta.

Pozytywna – młoda osoba Lena z Grodna. Chociaż wraz z siostrą Marią (w tekście – narzeczoną Ptasiego) przeprowadziła się do Mińska, ale wciąż kocha swoje rodzinne miasto i jest dumna z jego historii, z powiązań z Polską. Lubi wyjeżdżać na Ukrainę, między innymi do Lwowa, gdzie odwiedza kawiarnie. Podczas wyborów postanowiła zostać obserwatorką i liczyć osoby, które miały na ręce białe bransoletki albo wstążki. Potem dane te miały zostać skonfrontowane z oficjalnymi by obnażyć stosowane przez władzę fałszerstwa. Wierzy, że dzięki pracy obserwatorów sprawiedliwość zwycięży i Łukaszenka będzie musiał odejść. W rozmowie telefonicznej do siostry nie ukrywała swojej radości: „Ona wygrała! Po bransoletkach policzyłam!". Jednak gdy zapoznała się z protokołem komisji wyborczej, nie mogła uwierzyć: „Przecież to… oszustwo".

Martwy – ma dwadzieścia sześć lat, tyle ile na Białorusi rządzi Łukaszenko (po raz pierwszy wygrał wybory prezydenckie w 1994 roku). Jest fanem piłki nożnej i nie może sobie

wyobrazić życia bez niej. Sport fascynuje go walką i zwycięstwem mocnego. Dlatego nie może zaakceptować polityki A. Łukaszenki, która stara się utrzymać władzę za wszelką cenę. Martwy podjął decyzję wzięcia udziału w proteście, chociaż słabo wierzy w jego sukces: „On nie odda władzy dobrowolnie. […] Wgryzł się w nią i nie puszcza! Dla niego nie istnieje nic poza władzą". Bohater zastanawia się nad tym, czy forma pokojowego protestu (z jego ust pada pojęcie „rewolucja") jest stosowna w zaistniałej sytuacji: „Ludzie chodzą z kwiatkami… Przytulają tych drani. Śpiewają im piosenki. Idioci. A oni mają pałki, granaty, broń bojową, w oczach nienawiść. Bronią swojego Führera. A te wasze kwiatuszki mają w dupie!".

W swojej sztuce A. Kuriejczyk koncentruje się na pokazaniu dwóch odmiennych światów – starego, prezentowanego przez Starego, jego syna, Pouczającej oraz Ptasiego, i nowego, przedstawicielami którego są Nowa, Pozytywna i Martwy. Pierwsi za wszelką cenę chcą zachować władzę, natomiast drudzy marzą o zmianach, wierzą w sprawiedliwość i próbują wstaną w obronie swoich interesów. Pozytywna jest dumna z tego, że flagą Białorusi (chociaż przez krótki czas) był symbol Białoruskiej Republiki Ludowej: biało-czerwono-biały. Regularnie robi manicure w tych trzech kolorach. Martwy jest zmęczony z rządów Łukaszenki oraz ze stosowanej przez niego taktyki niszczenia swoich oponentów podczas wyborów. „Sam agitujesz, prawie nie wyłazisz z telewizji, zmuszasz swoich sługusów, żeby cię ciągle wychwalali", „sukinsyn znienacka zabija. Strzałem w plecy. Jak tylko ktoś wystąpi przeciwko niemu, jak tylko ktoś podniesie głowę, to od razu szykują proces", „tego drania nie-na-wi-dzę". Nowa dzieli się refleksjami o swoim mężu, który trafił do więzienia ze swojej aktywności. Zanim został aresztowany, często mówił w domu: „Jak tak można?! Ile można w tym kraju kłamać? Kłamią i kłamią! Ciągle tylko kłamią! W telewizji jedno, a w życiu coś zupełnie coś innego!". Po ogłoszeniu wyników wyborów przez obserwatorów jest przekonana, że większość zagłosowała za nią: „Sierioża, słyszysz mnie? Słyszysz mnie przez te wszystkie ściany? Zwyciężyliśmy!".

Tylko Stary nie może pogodzić się z faktem, że nie tylko przegrał wybory, lecz jest daleko w tyle za innymi kandydatami. Podejmuje decyzję użycia siły w celu rozpędzania protestów i dokonania aresztów. „Pakować wszystkich do więźniarek! A jak zabraknie miejsca, to korzystajcie z hal sportowych i stadionów! Żeby zapamiętali do końca życia". Zostają wykorzystane czołgi i transportery opancerzone, a OMON-owcy wykazują niezwykłą agresję i okrucieństwo. „Oni bili kobiety. […] Dym z tych granatów był tak gęsty, że wszystko przysłonił. Oczy pieką. Wyłapywali ludzi, zwalali na ziemie i bili…" – mówi Martwy.

Tekst Kuriejczyka jest połączeniem różnych technik – verbatima i fikcji. Taka symbioza daje możliwość zanotować i zachować w pamięci realne fakty i wydarzenia, a z drugiej zaś strony nadać temu wydarzeniu większy wymiar.

BIBLIOGRAFIA

Kuriejczyk Andriej. *Skrzywdzeni. Białoruś*. Tłumaczenie Jakub Adamowicz (Pracownia Badań nad Teatrem i Dramatem w Europie Środkowo-Wschodniej).

„Обиженные. Россия" – в Минске презентовали пьесу Курейчика [29.10.2017]. https://gazetaby.com/post/obizhennye-rossiya-v-minske-prezentovali-pesu-kurejchika/131353/

Поляковская Елена. *Революция позитива и любви. Видеоспектакль о Беларуси* [27.11.2020]. https://www.svoboda.org/a/30903219.html

A CONTEMPORARY UKRAINIAN DRAMA ABOUT WAR: TRANSFORMATION OF THE CONCEPTS OF AGGRESSOR AND VICTIM

OLENA BONDAREVA (UKRAINE)

Russian aggression against Ukraine has been reflected upon by playwrights in Ukraine since 2014. At the same time, only a few texts were devoted to the annexation of Crimea, such as Serhiy Vasyliev's satirical play "Crimea", which emphasized the phantasmagoric, unrealistic nature of what happened to the Ukrainian peninsula in late February 2014. The rest of the texts about the war were concentrated around Donbas, showing different types of author's vision of the war itself: On the one hand, we can see sympathy for the local accomplices of the Russians, presenting them, not the Ukrainians they tortured and killed, as victims of the war (as in "I bought a bike for my daughter Masha" by Dan and Yana Humennykh); we can also see an attempt to show the war not as Russian aggression, but as an internal conflict between the Ukrainian army and the residents of Donbas (as in "Bad roads" by Natalka Vorozhbyt). Such texts completely neutralized the role of Russian aggressors, and mostly suggested that pro-Russian Donbas residents, rather than pro-Ukrainian~~s~~ ones, should be seen as victims. The other ~~next~~ model is the statement that people are stuck in time and space between two warring forces, a naive belief that "It will all end, life will go on. Everyone has to live: those who ran and those who did not. Everyone has to live. We will have to come back, of course. Someday we all will be able to talk again. Someday later" (as in "Bread Truce" by Serhiy Zhadan). The third model is about the aggression as a Russian war against Ukrainians and their identity – a Ukrainian woman's willingness not to be seen as a victim in the occupation, but to leave and make her own way outside her lost home becomes a conversation about how Russians are waging war on Ukrainian lands with their own hands and the hands of their local proxies (as in "Pussycat in Memory of Darkness" by Neda Nezhdana). Finally, comprehending the stories of former prisoners of the Izolyatsia concentration camp in occupied Donetsk, where Russians tortured pro-Ukrainian people with particular cruelty, and reflecting on the question "Would I have withstood such brutal torture?" shows the true nature of the aggressors as a wild, barbaric country that is ready to destroy people simply because of their identity (as in "Special Operation" by Piotr Armianowski). The invisible internal dialog of these almost simultaneously created dramaturgical texts demonstrates that the dramaturgical perception of the war until 2022 was heterogeneous and incoherent, same as the attitude of Ukrainian society to Russian aggression and the prospect of its full-scale deployment was. Russia's attack and annexation of part of Ukraine were perceived in Ukraine's playwrighting and theater community in a light

version, mostly as a local conflict over a few territories that the neighboring country needed, and many playwrights continued to write plays in Russian after 2014, ~~to~~ promote Russian-language products on the stage, and ~~to~~ collaborate with Russian playwrighting and theater projects.

The holistic view of Russian aggression as an existential war designed to destroy Ukraine as a state and completely erase Ukrainian identity is being rapidly rethought by the playwright and theater community only after February 24, 2022, and this is radically transforming the artistic elaboration of the concepts of "aggressor" and "victim". Doubts about the global aggressive intentions of the Russians disappear, just as sympathy for them, whether alive or dead, becomes unacceptable: for example, empathy for the bodies of the murdered Russian occupiers is perceived by Ukrainians as pathology, while disdain and contempt for them is the norm. Lena Liagushonkova in her text "Topol M flies at Broshka the Cat" ~~eat~~ catches herself thinking that she used to feel very sympathetic to Russian cats who were mocked by their owners, and now, in the basement of a house that is being hit by Russian missiles, she is much more interested in the fate of the cats abandoned by Ukrainians and the shelters burned by Russians, where the animals were burning alive, and even more ~~so~~ when she sees the corpses of Russians in her Fb feed, she "calms down." In Oksana Savchenko's play "My Hell", a 15-year-old refugee from occupied Irpin in Germany blames herself for feeling sorry for a dead young man in a Russian military uniform who was lying on the roadside near a hit tank, – while her mother looked at the corpse as a piece of burnt meat ("a tobacco chicken by the tank") and realizes for the first time that she can no longer feel pity for the murderers who deprived her of her home and tortured her neighbors.

The virtual drama anthology "Without Them", which was created in 2022 after the start of full-scale Russian aggression, is indicative in this regard. To be more convincing "here and now" of their current negative attitude toward Russians, the authors of the plays in this corpus (all co-founders of the Playwrights' Theater) sometimes look back and look at the long history of Russian persecution of Ukrainians in a deep trans-generational retrospective, starting with the destruction of the Zaporizhzhia Sich, the massacres of Baturyn, Sandormokh, Solovki, the dekulakization of Ukrainian peasants, the Holodomor genocide, repressions, deportations ("Text about Russians" by Olena Hapieieva), and the crimes of this new stage of full-scale war:

– "kill lists" prepared by the Russians for the physical massacre of proactive Ukrainians ("Text about the Russians" by Olena Gapeeva);

– mass rapes of Ukrainian women by the Russian invaders ("Modus imperativus" by Olha Matsiupa);

– the bombed homes of ordinary Ukrainians (“Modus imperativus” by Olga Matsyupa, “Not About Raccoon” by Iryna Harets) or their lives taken away (“How Not to Become a Katsap” by Oksana Hrytsenko, “Methodology” by Yulia Gonchar, “Not About Raccoon” by Iryna Harets, “The Cross” by Tetyana Kitsenko);

– the occupation of Kherson (“Not About Raccoon” by Iryna Harets, “Text About Russians" by Olena Hapieieva) or Kyiv region (“The Cross” by Tetyana Kitsenko);

– Russian looting in the occupied Ukrainian territories (“Note About Raccoon” by Iryna Harets, “How not to become a Katsap” by Oksana Hrytsenko, “Text About Russians by Olena Hapieieva);

– the targeted hit of a Russian missile into a residential high-rise building (“Not About Raccoon” by Iryna Harets);

– “horrors, murders, tortures” that the Russian army always brings with it (“Text about Russians” by Olena Hapieieva);

– “missiles flying at Kyiv, people killed in Bucha, Mariupol wiped off the map, the dried-up body of a cat on a child's bed in an abandoned apartment” (“Focus-Pocus” by Lyudmyla Tymoshenko);

– all-out missile attacks on the energy structure of Ukraine for several months, which made “an electric kettle and a washing machine inaccessible benefits of civilization” (“Focus-Pocus” by Lyudmyla Tymoshenko);

– illegal incorporation of the occupied Donetsk, Luhansk, Zaporizhzhia and Kherson regions into Russia and enshrining this in the Russian Constitution (“Methodology” by Yulia Honchar).

Between these retrospective and contemporary invectives there are:

– the death of Ukrainian playwright Anna Yablonska, who collaborated with Russian “new drama,” in Domodedovo, Russia, ~~at~~ by the hands of an Ingush suicide bomber in 2012, when Putin once again became Russian president. He was taking revenge on the Russians for his family killed in the Chechen war (Olena Gapeeva's “Text about Russians”);

– the murders of peaceful Ukrainians by Russian snipers on the uprising Kyiv Maidan (“Snuff” by Andriy Bondarenko, “Focus-Pocus” by Liudmyla Tymoshenko), which includes the story of an Armenian man, Serhiy Nigoyan, whose family “once moved to Ukraine, fleeing the war in Nagorno-Karabakh” (“Focus-Pocus” by Liudmyla Tymoshenko);

– the annexation of Crimea (“How not to become a Katsap” by Oksana Hrytsenko, “Focus-Pocus” by Lyudmyla Tymoshenko);

– the pogrom of the State Administration committed by pro-Russian thugs in Kharkiv in the spring of 2014, when “the Ukrainian poet Serhiy Zhadan was led through a corridor of shame and brutally beaten in front of the building of the Regional State Administration” (“Snuff” by Andriy Bondarenko);

– the loss of parts of Donetsk and Luhansk regions, the downing of a passenger Boeing 777 by Russians near the occupied city of Torez (“Focus-Pocus” by Lyudmyla Tymoshenko);

– reprisals against people with a pro-Ukrainian position in occupied Donetsk, torture in Russian prisons (“Snuff” by Andriy Bondarenko);

– a full-scale attack on Ukraine, which by the beginning of 2022 was already fully prepared and planned (“How Not to Become a Katsap” by Oksana Hrytsenko).

In her play “Focus-Pocus”, Liudmyla Tymoshenko uses the metaphor for Russian crimes – the metaphor of a cage with a snow-white dove, which is slammed shut by a circus magician who crushes the bird with a double bottom, and then a new bird is put into the cage, which suffers the same fate. According to her, unpunished evil turns into a new, even stronger evil, and the world community should react to it. In the plays of the anthology Without Them, Russians are “dehumanized,” appearing as “orcs” (“The Cross” by Tetyana Kitsenko), “urks” (“Snuff” by Andriy Bondarenko), “rusnia” (“Not About Raccoon” by Iryna Harets), “Katsaps” (“How Not to Become a Katsap” by Oksana Hrytsenko), and in Oksana Savchenko's text “In a Big Way” they are visually depicted as ugly and dirty creatures with rotten teeth, always wearing stolen underpants and climbing with their bare hands into the liquid of an unflushed, stinking toilet stolen near Kyiv and brought to their dirty Russian home.

In some dramatic texts, the dehumanization of Russians seems to lower them to a prehuman level of corporeality or deprive them of the right to be in a human body at all. In her drama “The Carrier”, Nina Zakhozhenko models a situation where an occupier, after drinking vodka poisoned by Baba (old woman), turns into a goat, “acting strange, running around and screaming like a goat”. At this time, the old woman, who had quietly added poison to the vodka, calmly reflects out loud: “When a person turns into a goat, it's hard to do anything about it.” In Andriy Bondarenko's play “Phantom Land”, a Russian soldier in a Ukrainian house is “broken and twisted – with a characteristic crack, his body suddenly acquires some signs of a werewolf,” and then his body “turns even more into a werewolf, although a little bit of a human is still visible in it,” and then these remnants of humanity disappear, and he finally turns into a “monstrous wolf.” In another scene of the same play, the same Russian occupier “looks like a big puffy hairy frog with teeth. He swallows the last thing and suddenly catches fire and then explodes, dispersing stinking smoke.” Another occupier first turns into a ghost, whose fleshless

body “hisses and turns black” under the blows of an aspen stake, and then, with groans, “finally evaporates, dissipates into black smoke.” But for Andriy Bondarenko, even this is not enough, and in the final episode of “Phantom Land”, a psychiatrist who helps victims of Russian aggression keeps a small homunculus in a matchbox in his office, artificially grown for him by one of his biochemists: The homunculus is obviously Russian, because it squirms from the Ukrainian language, and when the doctor reads the Grammar of the Ukrainian Language for Foreign Students aloud to it, it “suddenly starts to twitch and suffer,” and for the doctor himself, who constantly hears from his patients about the inhuman cruelty of Russians against Ukrainian civilians, watching this embodiment of the Russian spirit squirm is a real therapeutic and salutary therapy that allows him not to go crazy from hearing about the crimes of Russians from his patients.

Many Ukrainian playwrights compile entire catalogs of Russian crimes against Ukrainian civilians in their plays (“Closed Sky” by Neda Nezhdana).

With all the immense amount of death, destruction, and absurdity, do Ukrainians feel like helpless victims of Russian aggression? Ukrainian drama gives different answers to this question. For example, most plays about the mass deaths of civilians in Mariupol in the spring of 2022 show the doom of the townspeople in the surrounded space, which is constantly being bombarded by Russian artillery and aviation (“Mariupol Drama” by Oleksandr Havrosh, “City of Mary: Diaries of the Siege” by Andriy Bondarenko, “Russian Roulette Marathon” by Kateryna Penkova, “Everything Remains in Mariupol” by Tetiana Kitsenko, “Dictionary of Emotions in Time of War” by Olena Astasyeva, “The Sea Will Remain” by Oleh Mykhailov, and “Trumpeter” by Inna Honcharova). On the other hand, almost all plays about sieged Mariupol provide unique examples of how citizens unite in a community, how they help those they can, how they try to leave the city or survive in it.

It is natural that Ukrainian drama after February 24, 2022, presents a large number of texts dedicated to the resistance of civilian Ukrainians to Russian aggressors. Children and teenagers take part in this resistance (“Me, the War and the Plastic Grenade” and “The Carrier” by Nina Zakhozhenko, “There is a War Between Us” by Iryna Feofanova, “Once Upon a Time There Was a Cockerel” by Anna Halas), as well as internal refugees (“Stranger” by Iryna Feofanova), women (“Milkman” by Oksana Hrytsenko, “Russian Roulette Marathon" by Kateryna Penkova, “The Prince and the Woman" by Anna Bahriana, “Beware of Mines” by Yulia Hudoshnyk), old people (“Borsch. My Great-Grandmother's Recipe for Survival” by Maryna Smilyanets, “Am I Too Old for War?” by Volodymyr Serdyuk, Baba Toma by Tetyana Kitsenko), people with disabilities (“Vertep. Chronicles of the War by Artem Lebedev, "The

Sea Will Remain by Oleg Mikhailov), people with non-binary sexual orientation (“Me, War and a Plastic Grenade” by Nina Zakhozhenko, “New York, +38” by Oleksandr Zhuhan, “Antonina” by Tetyana Kitsenko). This resistance was a factor that prevented the rapid fall of Ukraine and broke the plans of the Russian blitzkrieg. And even saving one's own life and helping someone else – such seemingly simple actions are already perceived as an act of defiance against the aggressor (“Ten Kilometers” by Iryna Feofanova”, “The Sea Will Remain” and “The Tale of the Dead Princess” by Oleh Mykhailov, “Goodbye, Henichesk!” by Lena Kudayeva, “Refugee Cats” by Lyudmyla Tymoshenko and Maryna Smilyanets, “What Rudy is Afraid” of by Kira Sytnikova).

Some authors make animals the protagonists of plays about war, its risks and threats, on the one hand, overcoming the tragic feelings of people in this way, and on the other hand, taking the conversation to another level of empathy, because animals, unlike people, are completely defenseless before war, and their suffering clearly evokes sympathy and empathy, further emphasizing the dehumanization of the aggressor as the culprit of such suffering (“The Taste of the Sun” by Oleksandr Viter, “Tails” by Yulia Kulish, “Apollo, the First and Only” by Lena Kudaieva, “Two Sketches about War” by Yulita Ran, “Giraffe Mons”, “Strange Spring”, “Who Lives in the Subway”, “The Most Important Thing” by Oleg Mikhailov, and “Gray Stone” by Natalka Blok).

Are Ukrainians victims of Russia's unjust, treacherous aggression? Yes, of course they are. Do they feel like passive victims who will not resist? Of course not. Contemporary Ukrainian drama about the war demonstrates the enormous potential of Ukrainian resistance to the aggressor. Are there any nations in twenty-first century Europe that are ready to meet an aggressor that is many times stronger and resist it as Ukrainians do? This is a very important question, given the risks that many European countries have already faced. In this sense, appealing to contemporary Ukrainian drama as a quick, emotionally charged resource that illustrates our resistance to the world through the World Readings of Ukrainian War Drama, through translations of Ukrainian plays into different languages is an effective intellectual strategy for the culture of modern Europe and the democratic world, a world where political stability, international law, and international defense alliances are disappearing, where appeasement of the aggressor and fear of it are being tolerated.

УКРАЇНСЬКИЙ ДРАМАТУРГІЧНИЙ «ФРОНТ» У ПРОТИСТОЯННІ З РОСІЙСЬКОЮ ВІЙСЬКОВОЮ АГРЕСІЄЮ

(На основі триптиху антологій актуальної драми НЦТМ імені Леся Курбаса «Майдан. До і після», «Лабіринт із криги та вогню» і «Неназвана війна»)

НАДІЯ МІРОШНИЧЕНКО (УКРАЇНА)

Дванадцятий рік Україна переживає травматичний досвід, спричинений військовою агресією РФ. Спершу російська імперія застосовувала гібридні військові методи ще у 2013-2014: терор проти народу, що спричинив Революцію Гідності, а потім окупувала Крим і частину Донбасу. А в 2022 Росія вже відкрито почала наймасштабнішу війну століття і геноцид українського народу з постійними боями і обстрілами людей по всій країні. Цей досвід трансформується у художні форми, які фіксують численні злочини і правдиві свідчення, протистоять пропаганді агресора, допомагають долати страх і переживати біль, осмислюють перетворення свідомості в умовах війни. Такі мистецькі твори і події нерідко супроводжуються дискусіями і благодійними зборами коштів на поранених, біженців, фронт, тому отримали назву «культурний фронт», а в галузі драми відповідно «драматургічний».

У даному контексті маю **на меті** розглянути сучасні українські драматичні твори, присвячені Революції Гідності та російсько-українській війні 2013-2025 років, аналізуючи їхні тематичні та стилістичні особливості, а також їхню діагностичну роль.

Методологія дослідження поєднує літературознавчий аналіз з мистецтвознавчими та культурологічними концепціями, зокрема розуміння драматургії як «діагностичної моделі», поєднання міметичних і неміметичних форм художньої реальності.

Новизна дослідження полягає в аналізі актуальної драматургії, яка осмислює досвід війни, застосуванні діагностичної моделі та введенні в науковий обіг нових текстів.

Актуальність зумовлена тим, що революції та війни кардинально змінюють суспільну свідомість і впливають на мистецькі процеси. Українська драматургія відображає ці зміни, поєднуючи актуальність і універсальність. Сучасна війна Росії проти України є однією з наймасштабніших і найжорстокіших, ризикує перерости у Світову, що зумовлює інтерес до її відображення в мистецтві.

Дослідження ґрунтується переважно на п’єсах із антологій «Майдан. До і після», «Лабіринт із криги та вогню» і «Неназвана війна», а також деяких інших текстів. Запропоновано аналіз текстів з урахуванням їхньої міметичної або неміметичної

природи, від документальних і напів-документальних до міфологічних і фантазійних творів.

Драматургія розглядається як «діагностична і прогностична модель» суспільства, згідно концепції Н.Корнієнко, що відображає різні етапи війни та зміни у суспільній свідомості. Відповідно до історичних подій виділено три етапи війни: Євромайдан або Революція Гідності (2013-14), гібридна війна на Сході України (з 2014) і повномасштабне вторгнення (з 2022). Кожному етапу відповідає поява певної кількості актуальних п'єс, що фіксують і осмислюють ці події. Драматурги використовують різні стратегії: від документалістики до міфологізації, щоб відобразити травматичний досвід війни.

Документальна драма

Радикальні повороти історії спричиняють хвилі появи документалістики, яка на деякий час випереджає інші художні форми осмислення реальності. Такі тенденції проявилися в Україні і в 2014 році, і в 2022-му. Але зазвичай за ними виникають інші, неміметичні моделі. Документальні п'єси поділяються на «монтаж свідчень» і «свідоцький» театр, де автор є учасником подій. До першого типу документальної драми на початку можемо віднести, наприклад, п'єсу-вербатім «Ми, Майдан» Надії Симчич, присвячену подіям Революції Гідності. Авторка поєднала в композиції принципи драми і музики – чотиричастинну форму симфонії – як жанру, ніби внутрішньої мелодії, яку чують герої, об'єднуючись у спільний простір спротиву. Продовженням документалістики, але вже свідоцького формату стала п'єса «Екстреміст» Andy Iva, актора, режисера і автора, який став героєм автобіографічного тексту про Євромайдан, досвід незаконного арешту та звільнення. Натомість п'єса «Боятися немає сенсу» відображає досвід участі митця у воєнних діях, подолання страху смерті.

Після повномасштабного вторгнення виникає ціла серія документальних проєктів, зокрема в театрах, що найбільше постраждали від війни, як спосіб фіксації досвіду опору та окупації. Серед таких колективна вистава *Лишатися (не) можна* Херсонського обласного театру імені М.Куліша. Текст вистави створено за спогадами самих акторів, режисерів та інших діячів цього театру. Вона показує шлях спротиву та пекло окупації, включаючи обстріли, погрози, арешти, втечі та поневіряння людей через війну. Другий приклад – вистава *Маріупольська драма* Донецького обласного театру в Маріуполі, п'єса Олександра Гавроша на основі свідчень діячів театру, який був зруйнований двома потужними російськими авіабомбами разом із сотнями людей, які ховалися в його стінах.

У ній відображено трагічні події в Маріуполі, де понад 80% міста було перетворено на руїни, і загинуло понад 100 тисяч людей. Така доля спіткала й інші міста і села на сході України – майже повне знищення всього і всіх, майже нелюдська жорстокість росіян, які вбивають і катують, проводять політику геноциду. Особливо вражає ставлення до дітей, адже атака росіян на театр виникла після напису перед театром «ДІТИ», а до цього був зруйнований пологовий будинок, бомбили вони і лікарні. Ці тексти діагностують дегуманізований соціум російської імперії, здатний на такі злочини.

Поєднання документалістики та міфології

Наступною тенденцією в актуальній драматургії періоду війни стала новітня драма, яка поєднує документальні стратегії з міфологічними мотивами (античними, біблійними, авторськими тощо) для створення універсальних образів. Так, п'єса «Майдан Інферно, або Потойбіч пекла» Неди Нежданої використовує міфологічний сюжет про Орфея та Евридіку в контексті Революції Гідності. Вона має складну композиційну структуру «вуличної містерії», модернізуючи її інтермедіями з соціальних мереж. *Лабіринт* Олександра Вітра апелює до міфу про Мінотавра і має форму ворожої пастки, яка чатує на людей у час революції. А «Деталізація» Дмитра Тернового звертається до міфу про Ікара і пропонує складну історію, де персонажами виступають не лише люди, а й предмети, як-от посуд, каміння, пістолет. Цей парадоксальний анімалістичний формат додає глибини і актуальності тексту.

Осмислення війни та нові міфологеми

Війна очевидно зумовлює потребу в осмисленні військового досвіду . Після повномасштабного вторгнення 2022 року, коли війна набуває тотального характеру, війною на знищення цілої держави і геноцид її народу, відповідно смерть стає масовою. Фіксація злочинів РФ, осмислення військового досвіду стає мистецьким «фронтом». Українські драматурги створюють власні наративи війни, фіксують російські злочини та вписують їх у контекст боротьби з колонізаторами. В українській драмі актуалізується міф про Харона – перевізника душ померлих, що відображає тему смерті та переходу. Зокрема п'єси *Переправа через річку Кальміус* Володимира Сердюка, «Перевізник» Ніни Захоженко та *Пригадати майбутнє* Олександра Вітра інтерпретують цей міф у контексті війни з антології «Неназвана війна». А образ знищеного міста (Урб) з останньої п'єси, стає уособленням трагедії геноциду.

Трансформація традиційних форУкраїнські автори експериментують з традиційними формами українського театру – такими як Вертеп, який трансформується для відображення сучасних подій. «Вертеп-2015» Надії Марчук та «Вертеп. Хроніки війни» Артема Лебедєва є прикладами такої трансформації. Вертеп стає не лише відображенням агонального конфлікту - боротьби добра і зла, але й символом порятунку та переродження.

Нові формальні стратегії

Отже, в той чи інший спосіб, українські драматурги експериментують з метамодерними прийомами, поєднуючи правдиві історії та авторську фантазію. Розмиваються межі між реальністю і віртуальністю, життям і смертю, використовуються принципи інтермедіальності. Також поєднуються театр і музика, а музикант стає одним із головних героїв у п'єсах. Наприклад, *Omtvetka@ua* Неди Нежданої, присвячена оперному співаку Василю Сліпаку, який після блискучої кар'єри в Парижі, повернувся захищати Батьківщину від ворога і загинув від кулі, а також «До-дієз шостої октави» Ігоря Юзюка, де головним героєм є музикант-воїн, який опинився в полоні і вижив завдяки грі на піаніно. На дванадцятому році війни ці тексти набули ще більшої актуальності, адже вже сотні українських митців були вбиті росіянами на лінії фронту, в окупації і обстрілами України.

Окрім діагностичної функції, притаманної багатьом актуальним текстам цього періоду, деякі виявилися прогностичними. У першій антології «Неназвана війна» цілий розділ таких творів, поєднаних назвою «Предтеча». Наприклад, згадувана п'єса «Деталізація» Д.Тернового, дія якої відбувається під час протестів на Майдані у Києві, виявляється написаною задовго до того, як Революція відбулася в реальності. Натомість у п'єсі О. Миколайчука «Це стається раптово» про протистояння на Донбасі передбачено збиття літака, яке стало образом катастрофи, що трапилася з цим регіоном. Цей феномен свідчить про розуміння драматургами законів історії і продовження багатовікового протистояння колоніальної політики російської імперії і боротьби за свободу українського народу.

Висновки

Українська драматургія активно реагує на виклики війни, стаючи важливим інструментом фіксації злочинів, осмислення та подолання травматичного досвіду.

Драматурги використовують широкий спектр художніх стратегій: від документалізму до міфологізації, від традиційних форм до новаторських експериментів.

Новітня українська драма не лише діагностує соціальні зміни, але й прогнозує майбутнє, пропонуючи глядачам нові способи осмислення реальності та надію на відродження України.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

Неназвана війна. Антологія актуальної драматургії. Київ: Світ знань, 2023.
Корнієнко Н. *Культура як суб'єкт. Вступ.* „Курбасівські читання", 2016/11.
Лабіринт із криги та вогню. Антологія актуальної драми. Київ: Смолоскип, 2019.
Майдан. До і після. Антологія актуальної драматургії (2015). Київ: Світ знань, 2015.

РУССКАЯ И УКРАИНСКАЯ АНТИВОЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ: ПЕРЕВОДЫ И ПОСТАНОВКИ В ЧЕХИИ

МАРТИНА ПАЛУШОВА (ЧЕХИЯ)

Аннотация. Цель доклада — проанализировать отражение украинской и российской антивоенной драматургии в чешском театральном пространстве после 2014 года, с особым акцентом на период после полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году. Внимание уделяется переводам, формам представления, эстетическим стратегиям и политическому резонансу. Анализ опирается на конкретные примеры постановок, чтений и инициатив, включая студенческие проекты, международные платформы и благотворительные мероприятия. Особое внимание уделяется переводу как акту солидарности и театру как пространству гражданского участия и культурной дипломатии.

Введение

С 2014 года, после аннексии Крыма и начала войны на востоке Украины, а особенно после полномасштабного вторжения России в феврале 2022 года, в чешском театральном пространстве значительно возрос интерес к украинской и российской драматургии, затрагивающей военную тематику. Театр стал не только местом художественного осмысления конфликта, но и пространством общественной рефлексии, солидарности и культурной дипломатии. Эта тенденция проявляется в быстром переводе новых текстов, разнообразных формах их представления, а также в развитии сотрудничества между украинскими и чешскими творцами.

Исторический контекст: от советского реализма к гражданскому свидетельству

До 2014 года чешский зритель знал в основном советскую драматургию с идеологически окрашенным подходом к теме войны. Ярким примером является пьеса Александра Корнейчука «Гибель эскадры» (1933), неоднократно ставившаяся в Чехословакии в 1950-е годы (Divadelní ústav 2000). В ней война интерпретируется как подвиг и героическая жертва во имя общего дела. Такие пьесы подчеркивали коллективизм, героизм, идеологическую стойкость и служили инструментом пропаганды.

В украинской дореволюционной и межвоенной драматургии (например, «Украдене щастя» / «Украденное счастье» Ивана Франко) тема войны присутствовала на более личностном уровне, как трагический разлом между личной и общественной моралью. Однако эти аспекты редко находили широкое отражение в чешской театральной практике, оставаясь в тени доминирующего советского канона.

Украинская драматургия после 2014 года: от документальности к политическому жесту

После 2014 года начинается формирование нового корпуса украинских пьес, в которых война осмысляется как личная травма, повседневность, документ. Эти пьесы отличаются присутствием гражданского и семейного взгляда (матери, беженцы, дети, медработники); полилингвизмом (украинский, русский, жаргон, военная лексика); фрагментарной структурой, формальной открытостью (монологи, дневники, сценарии); срочностью и актуальностью – тексты часто пишутся параллельно с событиями, отражая живую боль и страх.

Среди наиболее заметных текстов, представленных в Чехии после 2022 года, — пьесы Нины Захоженко, Владимира Рафеенко, Ирины Феофановой, Тимофея Бинюкова и других. Эти произведения стали основой переводческих и постановочных проектов в рамках инициатив Пражских городских театров, студенческих презентаций и благотворительных чтений. Украинская драматургия в этих контекстах раскрывает опыт войны, изгнания и сопротивления, опираясь на документальность, автобиографичность и фрагментарную структуру.

Особенно заметным стал проект «Než skončí válka» (HaDivadlo 2023), в рамках которого была представлена коллажная композиция из фрагментов украинских драм, написанных после начала войны. Проект объединил студентов, молодых актёров и режиссёров из Украины и Чехии, став своего рода лабораторией диалога и коллективного свидетельства. Эта инициатива стала примером того, как художественная практика может выполнять функцию как художественного осмысления, так и гуманитарной солидарности.

Еще одним направлением распространения украинской драматургии в Чехии стала инициатива «Worldwide Ukrainian Play Readings», запущенная театральным критиком Джоном Фридманом в 2022 году (Freedman 2025). Эта платформа собрала более 755 сценических чтений украинских пьес в десятках стран мира, включая Чехию. Одно из первых мероприятий состоялось в марте 2023 года в Оломоуце, где студенты Университета Палацкого представили переводы новейших текстов, созданных украинскими драматургами, в основном, после начала вторжения. В программе чтения прозвучали пьесы Виталия Ченского, Елены Астасьевой и других, написанные весной 2022 года. Эти чтения носили благотворительный характер, средства от мероприятий направлялись на поддержку украинских авторов и гуманитарных инициатив.

Современная российская антивоенная драматургия: молчание, аллегория, эмиграция

Хотя после 2022 года российские тексты практически исчезли с чешской сцены, ранее в чешском театре предпринимались попытки осмысления военного опыта России. Одним из примеров может служить спектакль «Putin lyžuje» театра Líšeň, основанный на тексте российской журналистки Анны Политковской. Использованные в постановке материалы – это фрагменты её репортажей о Второй чеченской войне, опубликованных в книге «Русский дневник» (2003–2005), вышедшей на чешском языке в 2007 году. Автором адаптированного сценического текста стала Павла Домбровска (Divadlo Líšeň 2010).

В отличие от украинской сцены, российская драматургия после 2014 года в основном избегает прямой рефлексии войны. Причины этого разнообразны: государственная цензура, страх преследования, эмиграция авторов, кризис идентичности, а также последствия так называемой «cancel culture», в результате которой российские тексты оказываются нежеланными на многих международных площадках. Тем не менее, появляются отдельные протестные тексты, чаще всего в форме аллегории, сатиры или анонимного высказывания. Примером может служить пьеса «Однажды немец, француз и русский... », написанная в анонимном режиме, которая была переведена на чешский язык и проанализирована в дипломной работе Вероники Смолковой (2023). Рассматриваемая пьеса была представлена в рамках антивоенной программы Любимовки „Драматургия против войны" – одной из немногих независимых платформ, продолжающих публиковать и обсуждать антивоенные тексты на русском языке после 2022 года (Любимовка 2023).

Эстетические формы и политический резонанс

Украинские и российские тексты, появившиеся после 2022 года, были представлены в Чехии в различных формах: профессиональных спектаклях (например, «Слепцы», Brno, 2024), сценических чтениях (например, «Сигналы жизни», «До конца войны»), студенческих постановках (например, DAMU [Театральный факультет академии исполнительских искусств в Праге], JAMU [Академия музыки имени Яначека], UPOL [Uniwersytet Palackiego w Ołomuńcu]) и site-specific проектах. Многие из этих представлений происходили вне рамок основного репертуара — в рамках циклов (например, *Месяц Украины*) или студенческих инициатив (например, «Worldwide Readings Project»).

Эти постановки акцентировали выразительные средства, тесно связанные с опытом войны, изгнания и коллективной травмы: документальность, автобиографичность,

фрагментарные формы. Перевод стал здесь не просто языковой операцией, но актом солидарности, медиаторства, культурного активизма (Палушова 2024). Театр в этих контекстах выполнял функцию пространства гражданского участия, эмоционального переживания и политического отклика. Реакция на российскую драматургию стала заметно сдержаннее: многие театры временно исключили её из репертуара. Осталась открытой этическая дилемма: возможен ли «голос из России» в военное время и в каком контексте? Некоторые режиссёры и критики подчеркивают необходимость различать авторов по их позициям, а не по национальности, однако эмоциональный фон в обществе затрудняет такой дифференцированный подход.

Заключение

Украинская драматургия в Чехии стала выразителем актуальной театральной и гражданской чувствительности. Её постановки объединяют документальность, эмоциональную силу и социальную ангажированность. Эти спектакли воспринимаются не только как художественные высказывания, но и как акты солидарности, свидетельства и формы коллективной памяти. На этом фоне сдержанное присутствие российской антивоенной драматургии — ограниченной аллегорическими приёмами, анонимными текстами и вынужденной эмиграцией авторов – подчёркивает масштаб репрессий внутри российской культурной сферы. Чешский театр продемонстрировал способность оперативно откликаться на вызовы времени, создавая пространство для диалога, рефлексии и международного сотрудничества. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать анализ зрительского восприятия таких проектов, а также изучение транснациональных переводческих и театральных сетей, сформировавшихся в условиях войны.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ассоциация украинистов Чехии. *Украинская литература на чешском языке после 1989 года (журнальные и книжные издания)*, https://ukrajiniste.cz/2025/03/seznam-prekladu-ukrajinske-literatury-do-cestiny-od-roku-1989-casopiseskych-i-kniznich/ (дата обращения: 11.05.2025).

Divadelní ústav. *Чешская театральная энциклопедия. Театр на Виноградах*. 2000, http://old.encyklopedie.idu.cz/index.php/Divadlo_na_Vinohradech (дата обращения: 11.05.2025).

Divadlo.cz. *Премьера спектакля „Slepci"/„Сліпці" в Брно.* https://www.divadlo.cz/?clanky=premiera-inscenace-slepci-%D1%81%D0%BB%D1%96%D0%BF%D1%86%D1%96-v-brne (дата обращения: 11.05.2025).

Divadlo Líšeň. *Putin lyžuje / hra o zrození vraha,* 2010. Дата обращения: 11 мая 2025. https://www.divadlolisen.cz/repertoar/putin-lyzuje/ (дата обращения: 11.05.2025).

Freedman, John. *„Worldwide Ukrainian Play Readings" – личная платформа проекта.* https://jfreed16.wixsite.com/johnfreedman/about-1 (дата обращения: 11.05.2025).
HaDivadlo. *Než skončí válka / До кінця війни.* https://www.hadivadlo.cz/hra/nez-skonci-valka/ (дата обращения: 11.05.2025).
Městská divadla pražská. *Владимир Рафеенко: Сигналы жизни*. https://www.mestskadivadlaprazska.cz/inscenace/1974/signaly-zivota/ (дата обращения: 11.05.2025).
Městská divadla pražská. *Městská divadla pražská pro Ukrajinu.* https://www.mestskadivadlaprazska.cz/presahy/pro-ukrajinu/ (дата обращения: 11.05.2025).

Независимый фестиваль драматургии Любимовка. *Драматургия против войны 2023*. https://lubimovka.art/news/93 (дата обращения: 11.05.2025).
Палушова, Мартина. *Переводчик как социальный активист в цифровую эпоху: автоэтнографическое исследование перевода „Insulted. Belarus" в рамках проекта „Worldwide Readings. Translation in Society,* 2024.
Смолкова, Вероника. *Комментированный перевод современных антивоенных пьес.* Дипломная работа. Оломоуц: Университет Палацкого, 2023. https://library.upol.cz/arl-upol/cs/csg/?repo=upolrepo&key=64087115365 (дата обращения: 11.05.2025).
The Center for International Theatre Development. *„Worldwide Ukrainian Play Readings"*. https://www.citd.us/worldwide-ukrainian-play-reading (дата обращения: 11.05.2025).

TRAUMA I AUTOAGRESJA W UKRAIŃSKICH SPEKTAKLACH ERY WOJNY

MAREK PIENIĄŻEK (POLSKA)

W wyniku pełnoskalowej inwazji Rosji od 2022 roku ukraińskie społeczeństwo mierzy się z powszechnym zagrożeniem życia, przemocą i przymusową migracją. Teatr ukraiński, w obliczu ciągłych bombardowań miast i wsi, nie zaprzestał działalności; stając się ważną formą oporu, rozwinął nowe formy ekspresji, które pełnią funkcję dokumentalną, terapeutyczną i polityczną. Przedstawienia powstające od 2022 r. w schronach, domach kultury, piwnicach, a także za granicą, budują międzynarodowe przestrzenie wsparcia, czynią z ciała i głosu aktorów nośniki wojennego świadectwa. Ukraińskie środowisko teatralne angażuje się w wielorakie międzynarodowe inicjatywy, takie jak Worldwide Ukrainian Play Readings, które dzięki tłumaczeniom dramatów wspierają społeczeństwo ukraińskie. Utworzono bibliotekę cyfrową Ukrainian Drama Translation, gromadzącą tłumaczenia ukraińskich dramatów w wielu językach.

Sztuka sceniczna okazała się szczególnie skuteczna w sondowaniu krańcowych emocji: strachu, gniewu, żałoby, potrzeby nadziei. W warunkach wojennych teatr stał się bowiem przestrzenią nie tylko estetycznej ekspresji, lecz także dokumentacji i przepracowywania doświadczeń skrajnych. Szczególną rolę w tej twórczości pełnią wspomnienia traumatyczne. Stawiając opór prostemu włączeniu w opowieść nie tyle budują tematykę przedstawień, co składają się na formy cielesnego i psychicznego odegrania doświadczenia wojny. Teksty dokumentalne, performance, inscenizacje klasyki chcą mówić z wnętrza bieżących wydarzeń. Sztuki nie tylko obrazują rzeczywistość konfliktu zbrojnego, ale również komentują mechanizmy przemocy, represji, wyparcia lub obojętność międzynarodowej opinii publicznej. Teatr staje się miejscem, gdzie można niezależnie od innych dyskursów postawić pytania o winę, odpowiedzialność, pamięć i post-wojenną tożsamość.

Efekty wojennych traum pojawiają się w spektaklach czasu wojny nie tylko na poziomie fabuły, są częścią dramaturgii, ekspresji aktorskiej i choreografii, wpływając na sposób zaangażowania widza. Teatr staje się wówczas narzędziem nie tyle estetycznego, ale terapeutycznego i politycznego nośnika pamięci, fundując miejsce niezgody na rzeczywistość wojny. Staje się także świadectwem urazów i powtarzania nieludzkich sytuacji. Celowe dramatyzowanie takich doświadczeń powoduje na scenie efekt nietypowych i niepokojących widza zachowań. Kontekstowe ekstremalne wydarzenia zmieniają zarazem funkcje aktora, ciało sceniczne staje się miejscem deskrypcji cierpienia przez gesty, mimikę, rytualne powtarzanie oraz autoagresywne akty. Aktorki uderzające się po twarzy, tancerze wpadający w

konwulsje – to przykładowe obrazy, zbliżające widza do psychicznego oddziaływania rzeczywistości wojny. Traumatyczne doświadczenia zakłócają podstawowe poczucie bezpieczeństwa i tożsamości jednostki. Ukraiński teatr pokazuje realny dramat zatraty człowieczeństwa w XXI wiecznej Europie, z traumatycznych doświadczeń czyni budulec realności i objawia ją w ekspresji cielesnej, głosie poranionych, w dotkliwych interakcjach z publicznością. Owo najnowsze wcielenie *teatru okrucieństwa* Antonina Artauda staje się współczesnym ontologicznym traktatem o bólu rozpisanym na setki przedstawień. Wojna w teatrze ukraińskim nie jest zatem wyłącznie tematem, przesuwa się na poziom głębokiej struktury przedstawień, staje się ich psychicznym, filozoficznym, emocjonalnym i fizycznym rdzeniem. Reżyserzy, aktorzy, tancerze eksplorują traumę nie tylko jako temat, ale jako metodę wglądu w dramat doświadczenia. W scenach takich spektakli pojawiają się obrazy psychiki i ciała zranionego: szarpane gesty, drżenie, upadki, napięcia, powtórzenia, a także autentyczna ekspozycja emocji granicznych – płacz, krzyk, jęk, nierzadko związany z realnością ekstremalnych zadań aktorskich.

Wymieniając w niniejszym bardzo skrótowym omówieniu kilka spośród wielu międzynarodowych produkcji, premier lub przeniesień spektakli z Ukrainy do Polski, warto wskazać te, w których zarysowane tendencje silnie się uwidaczniają. Matki. Pieśń na czas wojny w reżyserii Marty Górnickiej (prem. 2023, Warszawa) to spektakl chóralny z udziałem 21 kobiet z Ukrainy (uciekinierek z Mariupola, Kijowa, Charkowa), Polski i Białorusi. Daje poruszające świadectwo o doświadczeniu wojny z perspektywy matek, córek i uchodźczyń. Forma chóru, która w tradycji teatru greckiego pełniła funkcję komentującą i budującą wspólnotowy głos, zostaje tu przekształcona w narzędzie polityczne i emocjonalne. Wykonawczynie wygłaszają fragmenty dokumentalnych relacji, dekonstruują język propagandy. Rytualne uderzenie dłoni, wzmocnione ekspresyjną gestykulacją i rytmicznym śpiewem tworzą współcześnie ucieleśniony kasandryczny akt oporu i napomnienia.

W monodramie w wykonaniu Switlany Melnyk **Ona wojna** (prem. 2022, Lwów) zawarty został współczesny wielogłos złożony ze wspomnień trzydziestu Ukrainek, opowiadających o swoich traumatycznych przeżyciach[1]. W przejmujący sposób odsłaniany jest dramat społeczeństwa w kraju ogarniętym konfliktem zbrojnym. Spektakl pozwala obserwować formy spotkania z koszmarem zabijania i próby przetrwania. Pyta, czy w czasie wojny kobiety nadal

[1] Spektakl był pokazywany w wielu miastach na Ukrainie, a także w Polsce na scenie Teatru Zagłębia w 2023 r. w rocznicę rosyjskiej agresji. W listopadzie 2023 r. pokazano tam spektakl o podobnej tematyce pt. *Morze zostanie*, m.in. z tłem budowanym z fotografii gruzów Mariupola. Spektakl został wyprodukowany w ramach programu rezydencji artystycznej Instytutu Teatralnego w Warszawie.

można uważać za „słabą płeć”, czy strach, ból, nienawiść i odwaga mają cechy charakterystyczne dla danej płci. Na tle ekspresywnych oraz dokumentalnych wizualizacji aktorka wciela się w kolejne opowiadające postaci. Dokumentując osobiste doświadczenia Ukrainek artystka integruje swoich odbiorców. Ciało aktorki staje się nośnikiem całego katalogu przemocy symbolicznej i fizycznej wojny. Monodram łączy poetykę snu z realizmem dokumentalnym, a gesty aktorki tworzą obraz zmagania z własną i cudzą pamięcią. To teatralizowana próba „poradzenia sobie z wszechogarniającym kryzysem”.

W zrealizowanych w Iwano-Frankiwskim Teatrze Dramatycznym **Dziadach w reżyserii** Mai Kleczewskiej (prem. Iwano-Frankiwsk 2023) dramat Mickiewicza uzyskał współczesny, głęboko polityczny wymiar. Konrad staje się wcieleniem obrońcy z Azowstalu, więźnia rosyjskich służb, ofiary tortur. Scena egzorcyzmów, w której rosyjski pop „oczyszcza” Konrada stosując przemoc fizyczną (m.in. topienie głowy w wiadrze pełnym wody), to dobitny pokaz imperialistyczno-ideologicznego bezprawia. Publiczność, umieszczona na scenie, staje uczestnikiem opowieści. Aktorstwo przybiera tu formę ofiarowania ciała performera. Trudno widzowi zachować neutralną pozycję – współodczuwa, reaguje i fizycznie uczestniczy w przedstawieniu (udręczona postać/aktor czołga się u stóp publiczności, widzowie przemieszczają się później do foyer). Tego typu rozwiązania tworzą przestrzeń silnego rezonansu – i mogą inicjować proces empatycznego zaleczenia traumy także u widzów.

Every Minute Motherland w reżyserii Macieja Kuźmińskiego (prem. Gdańsk, 2022), choć to spektakl taneczny, został oparty na prawdziwych historiach uchodźców i żołnierzy. Konstruuje sceniczny język poprzez przeżycia wpisane w ciała tancerzy, niemożność odnalezienia formy, napięcie. Twórcy wskazywali, iż spektakl stał się „sposobem na uzewnętrznienie bólu”. Każdy ruch staje się gestem pamięci, próbą wypowiedzenia czegoś, co przekracza słowa. Kuźmiński zrezygnował z tekstu dramatycznego na rzecz choreografii, która odtwarza logikę traumy: powtarzalność, pętle, uwięzienie w ciele. Ciała tancerzy tworzą choreograficzne palimpsesty przeżyć i dramatycznych strat.

Życie na wypadek wojny w reżyserii Uli Kijak (prem. 2022, Toruń) to również spektakl oparty na realnych relacjach ukraińskich uchodźczyń, opowiada o codziennych strategiach przetrwania: jak się pakować, jak ukrywać dzieci, jak uciekać. Przeplatanie narracji instruktażowych z osobistymi historiami tworzy szczególny efekt dystansu i bliskości. Aktorki nie grają – one świadczą. Środki służące temu, jak uderzanie się w twarz, bicie w uda, ciągnięcie za włosy, konwulsyjne ruchy z afektów ciała tworzą dostępny wszystkim język. Każda z nich przynosi na scenę własne doświadczenie, co czyni spektakl przykładem teatru dokumentalnego. Ciała pozostają uwięzione w swoich funkcjach, ale głos i spojrzenie niosą w sobie napięcie i

ból. Szczególne momenty autoagresywnych zachowań postaci zamieniają spektakl we wspólnotę unaocznionego cierpienia. Wydarza się ona obok przekazu słownego, który (jako pozbawiony zdolności sensotwórczej) w recytowanych instrukcjach mija się z opisami degradowanego życia. Takie praktyki mają silne zakorzenienie w performansie postdramatycznym, mogą być odczytywane jako forma „przemocy wewnętrznej", którą człowiek stosuje wobec samego siebie, gdy nie znajduje innego wyjścia z traumy.

Obecnie ukraiński teatr to nie tylko narzędzie ekspresji, ale też protest przeciw dehumanizacji i marginalizacji wojny toczonej w granicach Europy. Skrajne emocje są twórczo kanalizowane i łączą się z potrzebą wspólnotowego przeżycia – zbudowania relacji, w której jednostkowe cierpienie nie zostaje zignorowane ani zamienione w estetyczny obrazek, ale zostaje przyjęte jako realne, cielesne świadectwo. Doświadczenie bólu nie dotyczy wyłącznie postaci scenicznych, ale również aktorów. To osoby, które doświadczyły wojny bezpośrednio – straciły domy, bliskich, brały udział w działaniach wojennych lub były zmuszone do ucieczki. Ich obecność na scenie to nie tylko efekt zawodowej aktywności, ale również akt osobisty, to publiczne ujawnienie własnych przeżyć i cielesna rekonstrukcja, pełniąca funkcję **terapeutyczną**, która pozwala współodczuwać i na nowo szukać porozumienia ze światem.

Wydaje się zatem, że teatr ery wojny przekracza granice klasycznego przedstawienia i staje się przestrzenią współ**przeżywania**, **pamięci** i **autoekspresji**. Ciało, podmiot, trauma i akt performatywny zostają splecione w jednoczesną próbę mówienia i milczenia, obecności i ucieczki od grozy realności. Autoagresja jako jedna z form odgrywania traumy – zarówno dosłowna, jak i symboliczna – staje się świadectwem stanu, w którym jednostka pozostaje zawieszona między życiem a jego reprezentacją. W tego rodzaju działaniach akt sceniczny zyskuje wymiar **rytuału przetrwania**. Uczestnicy nie tylko odgrywają role, ale przetwarzają własne doświadczenia: teatr oferuje niezbędny do tego procesu język, scenę i dostęp do relacji z drugim człowiekiem.

Funkcja **oporu** natomiast przejawia się nie tylko w treści spektakli, ale w samym fakcie ich realizacji. Reżyserka Marta Górnicka w wywiadzie podkreślała, że „gdy Ukraina krzyczy, potrzebujemy praktyk na długo sprzed narodzin teatru – potrzebujemy rytuałów, które tworzą nowy język oporu"[2]. Ukraiński teatr wojny jest zatem nie tylko formą przedstawiania dramatu cierpienia, ale **przede wszystkim sposobem przeżywania** i przekształcenia go w akt sprzeciwu. Staje się zarówno przestrzenią żywej **pamięci**, jak i **oporu** oraz **terapii zbiorowego doświadczenia granicznego.**

[2] *XXII Ogólnopolski Festiwal Sztuki Reżyserskiej INTERPRETACJE*, Katowice 2024, s. 22.

BIBLIOGRAFIA

Artaud A., *Teatr i jego sobowtór*, Warszawa 1978.

Bal E., *Słodko śpiąca Europa albo trzy spektakle o wojnie*, „Didaskalia. Gazeta Teatralna" 2023, nr 177.

Brama S., Romanowa A., Skliarowa W., Trunowa T., Żyrkow S., *Głosy z Ukrainy*, „Didaskalia. Gazeta Teatralna" 2022 nr 169-170, https://didaskalia.pl/pl/artykul/glosy-z-ukrainy

Czużynowa, I., Kacwin-Duman M., *Teatr ukraiński, albo o dekonstrukcji rosyjskiej narracji*, „Didaskalia. Gazeta Teatralna" 2022/169-170, https://didaskalia.pl/pl/artykul/teatr-ukrainski-albo-o-dekonstrukcji-rosyjskiej-narracji.

Hajszeneć A., *Teatr w czasie wojny: normalność jako bohaterstwo*, tł. A. Saweneć, Teatr w czasie wojny: normalność jako bohaterstwo | e-teatr.pl

Kisiel M., *Zagłada Różewicza* [w:] *Niepokoje. Twórczość Tadeusza Różewicza wobec Zagłady*, red. P. Krupiński, Warszawa 2014.

Ковальчук Н., *«Вона війна»: в Луцьку показали виставу про жіночий біль під час війни*, https://kultura.rayon.in.ua/news/537893-vona-viyna-v-lutsku-pokazali-vistavu-pro-zhinochiy-bil-pid-chas-viyni

Kowalik B., *Obrazy, widma i powidoki umarłych w twórczości Tadeusza Różewicza*, „Teksty Drugie" 2021/3.

Kręglewska K., *Teatr wobec wojny. O praktykowaniu wdzięczności*, „Konteksty" 2023/1–2.

Liszewska Z. "Every Minute Motherland". "Every Minute Motherland", chor. Maciej Kuźmiński | #taniec | Culture.pl

M. Orwid, *Trauma*, Kraków 2009.

Mrozek W., Jasińska M., *Nuda cudzego cierpienia*, „Didaskalia. Gazeta Teatralna" 2025, nr 185, https://didaskalia.pl/pl/artykul/nuda-cudzego-cierpienia.

Pakosz O., *„Dziady" Mickiewicza - najbardziej poruszający spektakl teatralny o agresji Rosji na Ukrainę*, https://www.sestry.eu/pl/artykuly/dziady-mickiewicza-najbardziej-poruszajacy-spektakl-teatralny-o-agresji-rosji-na-ukraine

Radziwiłłowicz W., *Autoagresja – samobójstwa i samookaleczenia*, [w:] Grzegorzewska, I., Cierpiałkowska, L., Borkowska, A. (red.). *Psychologia kliniczna dzieci i* młodzieży, Warszawa 2020.

XXII Ogólnopolski Festiwal Sztuki Reżyserskiej INTERPRETACJE. Katalog. Katowice 2024. https://festiwal-interpretacje.pl/wp-content/uploads/2024/11/INTERPRETACJE_2024_KATALOG_WERSJA_DOSTEPNA.pdf

TABLE RONDE 4

ENTRE L'UTOPIE DU SAVOIR ET L'ARCHIVE. RECHERCHES, PUBLICATIONS ET PRESENTATIONS DES MATÉRIAUX DES ARCHIVES DES PREMIERS INSTITUTS SOVIÉTIQUES EN SCIENCES HUMAINES ET ARTS / BETWEEN KNOWLEDGE UTOPIA AND ARCHIVE. RESEARCHING, PUBLISHING, AND PRESENTING ARCHIVES OF EARLY SOVIET INSTITUTES IN HUMANITIES AND ARTS

Organisateur : NIKOLAJ PLOTNIKOV

Nikolaj Plotnikov Introduction 1

Maria Silina Toward a Theory of Decorative Arts at GAKhN: Formalism and Material Context 3

Irina Sirotkina Was there an entry on dance in the Encyclopedia of Artistic Terminology? 5

Nadia Podzemskaia The Encyclopedia of Fine Arts Project and Kandinsky's Work on the Terminology of Pictorial Theory 10

Marina Akimova The War of Terms in the State Academy of Artistic Reserach: The Formation of Literary Terminology 12

Ekaterina Ivanova Nikolai Tarabukin's Contribution to the GAKhN Encyclopedia in the Context of His Theory of Art 17

Alina Svechina Development of terminology for the philosophy of art in the GAKhN Encyclopedia 20

INTRODUCTION

NIKOLAJ PLOTNIKOV (GERMANY)
Ruhr University, Bochum

The State Academy of Artistic Sciences (GAKhN, 1921-1930) in Moscow emerged as a pioneering research institution during the early Soviet era. It was established with the aim of becoming a methodological hub for advancements in philosophy, aesthetics, art studies, the visual and performative arts. The Academy focused its efforts on cultivating new research environment through the development of a complex hierarchy of diverse departments, laboratories, commissions, and cabinets. This infrastructure facilitated experimentation, systematization, and archival work among scholars engaged in interdisciplinary inquiries spanning psychophysics and performative arts, phenomenology and visual arts, poetics, as well as emerging disciplines like cinema and contemporary design.

GAKhN's multifunctional nature extended beyond research, as it actively sought to implement its findings through institutionalized forms of memory, contemporary education, and public culture. This diverse engagement included traditional dissemination methods such as publications and exhibitions, alongside innovative approaches like experimental laboratories that fostered collaboration with practitioners from various artistic domains across the USSR.

For contemporary scholarship, GAKhN gained prominence for its ambitious endeavor, the Encyclopedia of Artistic Terminology, which aimed to provide a comprehensive research environment for humanities in the USSR. The development of this encyclopedia involved a collaborative effort by a multidisciplinary body of scholars over several years (Plotnikov 2023). While the Encyclopedia has since been published in both Russian and English, all published versions should be regarded and analyzed solely as reconstructions, as the original publication envisioned by the GAKhN members was never achieved.

This round table wants to address the questions of publication and reconstruction principles of such complex multidisciplinary projects as the GAKhN Encyclopedia. For this, the round table will provide a space for experts to discuss historical research design and multidisciplinary projects in the humanities throughout the long 20th century, exploring intersections with contemporary archiving, study, publication, and other forms of public promotion of intellectual history in the USSR.

Plotnikov, Nikolaj (2023). 100 years GAKhN: Artistic Research between Art and Science. Guest editor introduction. In: Studies in East European Thought 75 (2023), 213–219, https://doi.org/10.1007/s11212-022-09523-9

TOPICS FOR DISCUSSION:

1. The Role of the Encyclopedia of Artistic Terminology Project in Shaping the Language of Art Studies
2. The problem of interdisciplinarity in the study of art and culture
3. The Encyclopedia Archive as Document and Monument. Ways of researching and re-actualizing the heritage of the GAKhN today.

TOWARD A THEORY OF DECORATIVE ARTS AT GAKHN: FORMALISM AND MATERIAL CONTEXT

MARIA SILINA (GERMANY)
Ruhr University Bochum

1. The work on terminology at GAKhN was crucial for the development of both traditional aesthetics and historical methodologies of art. It marked a turning point in the study of art in the 20th century. For me, the available texts and archives on terminology reveal a tension between two poles: on one hand, the belief in the logic of empirical sciences, where a consensus on key definitions allows for cumulative progress; and on the other, the fundamentally open and experimental institutional environment of the 1920s.

At that time, GAKhN became a hub for the development of multiple emerging approaches to the arts—such as formalism, psychophysiology, hermeneutics, phenomenology, and a range of genealogical methods. These have since been overshadowed by critical cultural and decolonial studies.

More specifically, the materials from the Dictionary offer insight into the monumental effort to construct a formalist language for the decorative arts, as exemplified by Dmitry Ivanov (1870-1930), then head of the Moscow Armory Museum, an imperial treasury. The museum's collection provided him with the material to conceptualize terms such as grandeur, solidity, cheapness, and movement—key characteristics of what was understood as "decorativeness."

Decorative objects were regarded as complete works of art, where formal qualities such as movement, rhythm, and mass were believed to reflect a purely aesthetic nature. While this understanding is now outdated and no longer in use, the attempts to develop such a framework reflect the epistemological and methodological optimism of 1920s art historians—an optimism that, by the 1940s, had faded, only to be revived later as a formal discipline with structured professional training.

2. An excellent example of interdisciplinarity at GAKhN is the Commission for the Study of Primitive Art, headed by Anatoly Bakushinsky (1883–1939). An art historian, museum curator, and educator, Bakushinsky was active in two divisions: the Section of Spatial Arts, and, from 1922 onward, the Commission (later Cabinet) for the Study of Primitive Art. In under seven years, he transformed the latter into a leading laboratory for the study of visual perception and a center for aesthetic education in Soviet Russia, where children's art education was a top priority.

GAKhN offered a variety of experimental laboratories and facilities that enabled Bakushinsky and his team—including Galina Labinskaya, Nina Flerina, and others—to gather

different types of data: children's drawings, empirical observations, and field studies from state-run schools and creative centers. This interdisciplinary and empirical approach allowed Bakushinsky to develop a theory of the evolution of human creativity, linking stages of childhood with different cognitive and artistic abilities, such as recognizing rhythmic ornamentation, illusionistic surface treatments, and three-dimensional architectural space. According to their findings, each stage of human development has its own logic of artistic expression. This framework helped educators support children in a more fluid and coherent creative process—a method that continues to influence arts education globally.

What is particularly distinctive is that Bakushinsky combined this empirical and experimental work with his contributions to the formalist analysis of Russian historical painting—works centered on narrative scenes requiring active interpretation by the viewer. In this context, he viewed subject matter as a formal challenge undertaken by the artist. For example, the theme of a procession was not merely interpreted as a historical event—such as in *Boyarynya Morozova* (1887) by Vasily Surikov (1848–1916)—but as an artistic opportunity to explore movement. These readings, though now overlooked by many scholars, were deeply influential and informed the visual strategies employed by filmmakers like Sergei Eisenstein (1898–1948), as evidenced in his notes on *Boyarynya Morozova*.

Overall, the experimental structure of GAKhN allowed it to recognize and embody both epistemological and material differences across disciplines. This approach shaped the structure of the Dictionary of Artistic Sciences as well as the function of various commissions and research units.

3. This is partly addressed in the first answer. It is important to emphasize that the production of articles for the *Dictionary of Artistic Sciences* reveals a fundamental tension. On one side is the traditional dictionary form, which implies a fixed list of definitions meant to convey the canonical or normative body of knowledge of an era. On the other side is the more dynamic, open-ended logic—one that became increasingly characteristic of the 20th century and remains relevant today—where knowledge is generated through evolving methodologies that themselves define the key terms.

The unique situation at GAKhN was the rare interplay—and indeed tension—among numerous competing methodologies. This interplay contributed to the *unfinished* nature of the Dictionary project, which appears to have resulted not simply from the institution's closure during the purges of 1929–1931, but also from the very epistemological conditions under which knowledge was being produced.

WAS THERE AN ENTRY ON DANCE IN THE ENCYCLOPEDIA OF ARTISTIC TERMINOLOGY?

IRINA SIROTKINA (UNITED KINGDOM)
University of Durham

1. The Role of the Encyclopedia of Artistic Terminology Project in Shaping the Language of Art Studies

In order to make art studies into a positive science, Vasily Kandinsky suggested examining scientifically each basic element of art including color, sound, rhythm and movement. He planned to study both the object of art, that is, the viewer's perception of an art work, and the subject of art, the creator of the work. Kandinsky mentioned the project of Prof. A.A. Sidorov's laboratory' (Kandinsky 1921), which, almost certainly, was the Choreological Laboratory (1922-1929). It became one of the most innovative projects within the Academy of Art Sciences (GAKhN). Its subject – dance and movement – was new in art studies, and the 'objective' approah, experimental method and the use of modern technology were as well innovative.

Kandinsky's supporter, Aleksei Alekseevich Sidorov (1891-1978) argued that art studies 'had been for too long hijacked by emotions not of an aesthetic character' meaning that it was a popular entertainment of erotic nature, rather than art (Sidorov 2017, 81). Both Kandinsky and Sidorov believed that the substance of dance is 'not the language of the body (*plastique*), and not the language of music (rhythm), but the movement itself', or, in the words of Russian Formalists, 'movement as such' (Sidorov 1923, 60).

The Choreological Laboratory (Choreolab) opened at GAKhN in 1922, but the experimental work started already in September 1921, while Kandinsky was still in Russia. Sidorov set up an experiment in which the audience watched several dance performances and then was invited to answer the questionnaire about the perception of dance that he devised. Sidorov conducted this survey twice: the first time, in 1921, at the Moscow Psychoneurological Institute, and, two years later, at GAKhN. Although he did not publish the results, the sketches of the dancers, their names, and the questionnaire with a few answers are preserved in the archives (The Sidorov File).

An amateur photographer, Sidorov also set up a photo studio at GAKhN where he and his colleagues took pictures of dancers individual and in groups, in different costumes as well as nude, and assuming various postures. He invited several choreographers to share the notation they used for recording dance, and he also devised his own dance notation. Finally, he and his fellow colleagues in GAKhN developed the terminology for dance studies. In the early 1920s,

Rudolf von Laban in Germany (Laban 1966) and Sidorov in Russia independently of each other coined the term, *choreology*, for the discipline of dance studies.

In the winter of 1922/23, Sidorov published a monograph, *Contemporary Dance*, the first Russian-language about the subject. The book was timely, as the beginning of 1920s saw a boom of new dance.

In the choreology project, Sidorov was assisted by the friend of their youth years, Aleksandr Illarionovich Larionov (1889-1954). An engineer by training, Larionov attended, like Sidorov, the Symbolist Circle of the sculptor, Konstantin Krakht, in Moscow (Misler 1997). The members of this circle worshiped Charles Baudelaire and studied both Helene Blavatsky's Theosophy and the Rudolf Steiner's Anthroposophy. Like Sidorov, Larionov was involved in mystical societies, including the Rosicrucian Order. They both intentionally used ancient wisdom and hermetic knowledge to shape a new area of dance studies, and of general art studies (*Allgemeine Kunstwissenschaft*). In particular, Sidorov suggested graphic schemes in the shape of a mystical rose from 'petals'. In one of his schemes, there are seven petals arranged in concentric circles. In the outermost circle are the words: prayer, ritual, icon, temple, in the next one towards the center – mystery, hieroglyph, plan, etc. Seven circles converged on the inner one containing the arts: music, painting, architecture, sculpture, facial expressions, and, finally, dance. In the center of the rose, where the mystics placed *the One*, or God, Sidorov had 'ecstasy' and 'art'. Could it be the plan for the future Academy of Artistic Sciences? In any case, dance had a definite presence there, and, in the shape of the Choreolab, it eventually assumed an important place within GAKhN.

In May 1923, Larionov became official head of the Choreological Laboratory and colleagues drew the program of research, to study the basic principles and 'artistic organization of movement' using 'precise psychophysiological experiment' (Kondratiev 1923). This signalled the Choreolab's intention to integrate with other GAKhN departments, especially those of visual arts. Yet, an article on dance is absent from the known versions of the Encyclopedia of Artistic Terminology. The dictionary contains related articles including 'Движение' (Motion), by Nikolai Tarabukin, and 'Жест' (Gesture), by Mikhail Fabrikant. The former describes the perceived motion in visual arts, rather than physical movement of the body in performance arts. The latter looks at gesture from the semiotic angle, analyzing it as a natural language. The author compares gesture with alphabet: 'In a certain sense, the graphic form of a letter should be regarded as a continuation of G[esture], through the letter sound, which, in its turn, was a continuation and indispensable accompaniment of G[esture].' (quote courtesy Nikolai Plotnikov). Like Fabrikant, Larionov drew a parallel between graphic alphabets, one

the one hand, and gestures/movements, on the other (Larionov 1997). The shared an interest in mystical alphabets and secret languages motivated Larionov and Sidorov in their research into dance notation, mentioned earlier (Sirotkina 2023).

In contrast to the Encyclopedia of Artistic Terminology, there was a plan to write entries on dance for the Philosophical Encyclopedia, including 'Танец' (Dance), 'Балет' (Ballet) and the kinaesthetic aspects of bodily movement, 'Моторные ощущения' (Muscle sensations) and 'Мускульное чувство' (Muscle sense) (I thank Nikolai Plotnikov for the information). However, none of the entries is know to be written. One of the obstacles might be a conceptual problem of integrating the outer, visual image of movement, the movement as it looks, with its experiential, kinaesthetic side, the movement as it is felt by the mover. For instance, M. N. Raikhinshtein, the author of the entry 'Тело' (The Body) in the Encyclopedia of Artistic Terminology, treated the body solely as a model for artists rather than focusing on its physical and experiential aspects. It might also be the case that GAKhN members in charge of the Philosophical Encyclopedia disagreed with the experimental approach that the Choreolab was committed to.

2. The problem of interdisciplinarity in the study of art and culture

Although, for unknown reasons, the Choreolab was either unable or not welcome to contribute into the Encyclopedia of Artistic Terminology Project, it stood firmly for interdisciplinary approach. Interested in both film and photography, Sidorov coined the term *кинемология* / *kinemology* (Sirotkina 2017), for a general science covering both physical movement and motion perceived on screen. The project was especially relevant to the Choreolab, especially because contemporary dance, also called 'modern', or 'expressive' dance (*Ausdruckstanz*), shared the art of expressive gesture and acting with silent movies.

In September 1924, Sidorov talked on 'Dance and cinema' to the Cinematography commission at GAKhN, and on 7 November 1924, he submitted a project for the *kinemology* division, with three sub-divisions, including choreology, film and rhythm and *plastique*. The first one was to study dance, gymnastic, work and other movements, the second, representations of movement in film, and the last one, rhythmic patterns. The creation of an independent scholarly division, larger than a lab, would have significantly raised the status of dance and movement studies within GAKhN. The academic council, however, rejected the proposal for a separate *kinemology* division.

Continuing its interdisciplinary project, in 1926, the Choreolab invited Ivan Bokhonov, head of the photography department of the 'Mezhrabpom-Rus' (Кинопроизводство

«Межрабпом–Русь»), to film four pieces of choreography in the professional studio. Four videos were used to make a chart of movements typical of each dance piece. Besides the lab recorded and analysed acting in silent film, with the objective to discover 'knots' (similar to Roland Bart's *punctum*), that is, movements relevant to the most dramatic moments of the movie script. The results were presented at the Choreolab during the 1927/28 academic year in a number of talks including that by Sidorov, on 'The issue of scenario in photography', by Larionov, on 'The architectonics of artistic movement', and by M. S. Gutovskaya, on 'The problem of movement in a photographic scenario'. In the same series, V. V. Nikitin-Gorsky's talk, on 'Gesture as an instrument of the actor's creation', included a demonstration by the students of the Lunacharsky Theatre College and of the Cinema Courses.

3. The Encyclopedia Archive as document and monument. Ways of researching and re-actualizing the heritage of the GAKhN today

Although the project for a synthesis of movement studies with the perception of motion on screen has never materialised, it stimulated GAKhN scholars to focus on dynamics and motion and to bring performance arts, visual arts, film and photography closer to each other. The Choreolab archive at the Bakhrushin Theatre Museum contains the *kinemology* project – a blueprint for a synthesis of three disciplines: the choreology sub-division was to study spatial forms of movement, including dance composition and spectatorship, and the analysis of its key moments, poses, order and grouping. The cinematography sub-division was to do research into cinematic motion and in the composition of movie frames (кинокадры). Finally, the Rhythm and gymnastics sub-division was to analyze the aesthetic norms of gymnastic movement, both individual and in groups. This is an example of archival materials, still unpublished, which might be of interest to contemporary scholars of dance, photography and film.

BIBLIOGRAPHY

Kandinsky, V. (1921) 'O metode rabot po sinteticheskomu iskusstvu', ms. Russian State Archive of Literature and Art, fund 2740-1-198.

Kondrat'yev, A. (1923) Khoreologicheskaia laboratoriia. *Iskusstvo: Zhurnal RAKHN* **1**, 442-3.

Larionov, A. (1997) Alphabet. *Experiment/Эксперимент: A Journal of Russian Culture* **3**, 269-70.

Laban, R. (1966) *Choreutics*, ed. Lisa Ullmann. London.

Misler, N. (1996) Choreological Laboratory. *Experiment/Эксперимент* **2**, 169-200.

Misler, N. (1997) Alexander Larionov. *Experiment/Эксперимент* **3**, 267-8.

Sidorov, A. (1923) Sovremennyi tanets. Moscow: Pervina.

Sidorov, A. (2017) Tri goda Rossiiskoi akademii khudozhestvennykh nauk, 1921-1924, in *Iskusstvo kak yazyk – yazyki iskusstva*, vol. II, ed. N. Plotnikov and N. Podzemskaia. Moscow, 18-101.

The Sidorov File, Russian State Library, Manuscript Department, fund 776-4-20.

Sirotkina, I. (2017). Кинемология: забытый проект ГАХН, in *Mise en geste. Studies of Gesture in Cinema and Art*, ed. Ana Hedberg Olenina and Irina Schulzki, special issue of *Apparatus. Film,*

Media and Digital Cultures in Central and Eastern Europe 5 (2017). Accessible online at: https://doi.org/10.17892/app.2017.0005.81
Sirotkina, I. (2023) Signs for a science: Aleksei Sidorov's Choreology. *Studies in East European Thought* 75, 283–301.

THE ENCYCLOPEDIA OF FINE ARTS PROJECT AND KANDINSKY'S WORK ON THE TERMINOLOGY OF PICTORIAL THEORY

NADIA PODZEMSKAIA (FRANCE)
ITEM, CNRS/ENS

As one of the main founders of the Russian (State) Academy of Artistic Research (RAKhN/GAKhN), Wassily Kandinsky participated in its work for only a few months before his departure for Germany at the end of December 1921. Although he kept in touch with members of the Academy over the years, it is likely that he was not aware of the specifics of the dictionaries that were developed in various departments of the Academy until its closure in the late 1920s.

Thus, even though there are no documents among the surviving materials of the encyclopedic activities of the State Academy of Artistic Studies that we can directly attribute to Kandinsky, his role is evident at the very first stage of the project's formation. Moreover, it was apparently Kandinsky who most actively promoted the idea of the need for terminological work in the field of art within the Commission of Art Science in the summer of 1921. Two years earlier, at the beginning of 1919, together with Evsei Shor, Ivan Zholtovsky, Vadim Shershenevich, and Roman Jakobson, he had joined the special commission established at the Collegium of the Department of Fine Arts to compile the Encyclopedia of Fine Arts, and in 1920 he organized terminological work in the Monumental Art Section of the Institute of Artistic Culture (INKhUK).

It is difficult to say exactly who came up with the idea of creating a commission to compile the Encyclopedia of Fine Arts: Shor or Kandinsky, but most likely it was the result of joint discussions that began in the summer of 1913. It was then that the artist met the student Yevsey Shor and his companion Grigory Angert, founders of the very young Art Publishing House in the Beethoven Studio of Yevsey's father, the pianist David Shor.

The young publishers set themselves the goal of acquainting Russian readers with the latest trends in literature, music, painting, and sculpture, for which they developed an extensive program of publishing original and translated books, including Kandinsky's treatise *On the Spiritual in Art*. This program was a deliberate response to the tumultuous artistic debates of those years, in which the arguments of the heart rather than the arguments of reason were at play. The new series was intended to help the reader to study in depth and as objectively as possible the causes of contemporary artistic phenomena, to establish their continuity with the art of the past, and to form his or her own opinion about them.

The war prevented the realization of this ambitious plan, but Shor's work at the Academy of Artistic Research and in close collaboration with the architect Ivan Zholtovsky in the first post-revolutionary years provided him with new and very broad opportunities. In 1918-1922, until his departure for Germany, Shor organized the translation and publication of classical theoretical literature on art and developed an extensive lecture program. The compilation of the Encyclopedia of Fine Arts was obviously part of this vast project, which in 1921 he transferred in its entirety to a new body, the Russian Academy of Artistic Sciences, in the creation of which he played a major role alongside Kandinsky.

Kandinsky's interest in artistic terminology is inextricably linked to his work on the creation of a theory of painting and can be found in all of his theoretical works, beginning with his earliest fragments of 1904 on drawing, form, and the language of color, written in Russian and German. Bilingualism, which forced the artist to constantly maneuver between languages, undoubtedly played no small part in heightening the artist's attention to terminological issues, but he regarded this preoccupation itself as a necessary part of the development of theory. The work on the doctrine of color, undertaken in 1904-1909, continued in the study of the theory of composition, and culminated on the eve of World War I in the drafting of a theory of graphic forms, was constantly accompanied by the refinement of relevant terminology. Among the unpublished manuscript materials, the artist's archive contains numerous lists of terminology, as well as sheets with definitions of individual terms in both languages.

The methodological model for both Kandinsky's general theoretical and terminological work was music theory, the doctrine of harmony and counterpoint. It became the matrix of his pictorial theory, and much of the pictorial terminology proposed by Kandinsky is nothing more than the result of transferring musical terms to the field of painting and drawing. Kandinsky worked on it particularly intensively in Munich between 1911 and 1914. Drawing on his extensive personal experience, he proposed a collective interdisciplinary project after the revolution, first at the INKhUK and then at the Russian Academy of Artistic Studies.

THE WAR OF TERMS IN THE STATE ACADEMY OF ARTISTIC RESERACH: THE FORMATION OF LITERARY TERMINOLOGY

MARINA AKIMOVA (FRANCE)
Institut Indépendant de Philosophie, Paris

1. Encyclopedia of artistic terms

The subject of my study is the issues of literary form in the discussions of the State Academy of Artistic Research (GAKhN), in particular, the polemics between the Academy's scholars and the representatives of the Russian Formal School (OPOJAZ). The 1920s were a period of increased interest in the problems of poetics in Russia. This was connected with the internal development of literary criticism, with a more serious methodological justification of both the science of literature and the emergence of art studies as such. This pan-European process in Russia was intensified by social upheavals and ideological pressure from the state. The GAKhN was not left out of this process, especially since it brought together representatives of different approaches to literary studies, different generations, and different social groups. Those innovative ideas in poetics, in literary theory that I am interested in: the foundations of comparative-statistical literary studies (Boris Yarkho) and hermeneutic-phenomenological direction (Gustav Speth and his group) cannot be understood outside the context of that turn in art history that began in Germany at the end of the XIX century (Wölfflin, Worringer, Riegl) and was developed within the walls of the GAKhN.

The "Encyclopedia of Artistic Terms" was a project devoted primarily to questions of art. Literature was considered to be one of the forms of art, so various theoretical, aesthetic, and philosophical aspects of art, articles on "great styles" or artistic movements, questions of artistic form - all of this also concerned literature. In this way, the dictionary reflected the historical moment of the development of the humanities and the specificity of its construction in the GAChN: it was art history that became the discipline that introduced new principles of viewing its object, constructing the history of its subject, and then became the methodological model for the science of literature.

The methodology of "precise literary studies" of Yarkho, a philologist-medievalist, poet, historian of drama, and a very active member of the GAKhN, was another revolution in literary studies. Its significance and contours become particularly clear in the context of the entire theoretical thought of the Academy, which found one of its expressions in the Dictionary of Artistic Terminology. In fact, Yarkho offered his own answers to the questions raised by German art studies and inherited by the GAKhN. Common to Yarkho, the discussions at the Institute, and the Dictionary are such issues and problems as the ways of defining the "great styles"

(Baroque, Classicism, Romanticism), artistic form, stylistics, iconology (image), the laws of art development, and the genesis of the artwork. It was not possible to create a special dictionary of literary terms in the GAKhN, but Yarkho, creating his methodology, reviewed the state of individual literary disciplines and concepts, as it was done in the dictionary. That is, it was a fundamental approach, tracing the history of the term and summarizing the range of its contemporary meanings. The full range of established understandings of terms to which Yarkho appealed can be found in the dictionary. The scholar's innovation was to offer further critiques of these concepts based on his own research. It is important to emphasize that they were always based on initial clear definitions. On the one hand, he needed this himself in order to formalize the concepts as much as possible for their further mathematization. On the other hand, this was the general style of work in the theoretical sections of the GAKhN: rarely was a seminar without disputes over terms and attempts to define them more precisely. Thus, the encyclopedia of terms seems to be a crystallization of live theorizing and oral discussions in the academy, and the methodological system constructed by Yarkho is another system of terms, a product of all this activity of continuous criticism of concepts.

At the Academy, an attempt was made to create a dictionary of exclusively literary terminology. The identification of the corpus of related texts is a major problem of source research. It is clear that the work has only just begun. This activity was led by Mikhail Petrovsky, a philologist-Germanist who was close to both Shpet and Yarkho. Apparently, the dictionary was being compiled, because Yarkho's papers contain a list of terms assigned to him. Most of them are related to poetics and stylistics. This is evidence of the scholar's competence and his ability to present material analytically and to define terms concisely and consistently. Sketches of articles by other authors and a few minutes of discussions about the literary part of the encyclopedia have been preserved. I think that the literary section could not create its part of the encyclopedia partly because of lack of time, partly because of poor organization of work, but this does not mean that the specialists were not capable of creating articles of encyclopedic type. On the contrary, this activity was characteristic of several literary historians, especially Yarkho, Petrovsky, Rosalia Shor, Pavel Sakulin, and Maxim Koenigsberg. This is evidenced by the articles printed in other dictionaries of the time: in the Literary Encyclopedia of Lvov-Rogachevsky and Lunacharsky, in the dictionary "Granat". It is difficult to imagine a unified corpus of articles on the main theoretical problems of literary science coming from the GAHN, also because all the basic concepts (form and content, idea, genre, style, direction, rubrication of poetics, competencies of literary criticism) were controversial. The St. Petersburg "formalists" had been proposing their revision since the mid-1910s; they also proposed their

own terms and created their own language for describing literature. At the same time, in Moscow, Shpet's group claimed a monopoly on the creation of consistent, purely logical definitions. Such aspirations gave rise to detailed articles such as Koenigsberg's "Experiments in the Definition of the Concept of Verse". However, such an individual and fundamental approach prevented the creation of a short encyclopedic article. Thus, the incompleteness of the literary part of the encyclopedia was also explained by the fact that the theory of literature, poetics, was at that time a bundle of very different ways of thinking about literature, a space of polemics.

2. Interdisciplinarity

The State Academy of Artistic Research was conceived by its founders as an institution in which art would be studied by scientific methods, and art would draw from the discoveries of the sciences, not only the humanities, but also the natural sciences. The closest alliance between science and art was embodied in the Psycho-physiological Department. In particular, psychologists conducted experiments on the artistic perception of pictorial elements (color, composition, line, dots, movement); almost for the first time in Russia, the creativity of the mentally ill and children, primitive art, was studied.

The Bibliological Cabinet studied not only the art of the book (itself multidimensional), but also manuscripts. The latter were transformed from a source of text or a biographical fact into another object of complex study. The problems of studying handwriting were raised, as well as the task of collecting handwriting techniques. Within the framework of this study, the greatest Pushkinist, M.A. Tsyavlovsky, gave his report when he read Pushkin's manuscripts for the first time with the help of the newest technical means (borrowed from the GPU), i.e. he applied the experiment to the humanitarian sphere. The same technical methods (numerous photographs) were used to study the art of movement and dance in the Choreographic Laboratory. This was a kind of methodological signal, especially for those who adhered to the Rikkerian division of sciences into spiritual and natural sciences. The GAKhN's scholars demonstrated that art could be studied using the typical methods of the "natural sciences". In this sense, Yarkho, in his major work Methodology of Exact Literary Studies (1935-1942), refuted Rickert's distinctions and moved toward a new system of humanistic knowledge.

In addition, the Philosophical Department of the Academy, which was called upon to substantiate the primary foundations of culture, art, and aesthetics and to define the boundaries of the subject matter and method of the various disciplines, was the center that united the various disciplines. This was Speth's vision when he founded the Academy. Subsequently, the

work programs of the various sections were to some extent determined by Speth and like-minded scholars close to him, not necessarily philosophers: Alexander Gabrichevsky, Petrovsky.

In order to maintain and spread the interdisciplinary approach, the Academy had regular plenary sessions, so-called "joint sessions" of two or three different sections (e.g., philosophical and literary), and various events that brought together all staff and guests: concerts, discussions of plays, literary evenings, and exhibitions. One of the highlights of the evening was a discussion of the play "Woe to Wit" by the Vsevolod Meyerhold Theater. Impressions from this discussion then led to various written responses from Academy members.

Papers on interdisciplinary topics were apparently encouraged by the leadership of GAKhN. For example, at the reception of Oskar Walzel within the walls of the Academy, Petrovsky read a paper on the parallels between music and literature.

After all, in the Academy worked people who were exceptional in the range of scientific and artistic interests. Among them were the vice-president Shpet, the artist and museologist Boris Shaposhnikov, the bibliophile, art historian and ballet dancer, Freemason and scientific secretary Alexei Sidorov. Many scientists simultaneously wrote poetry and prose, were artists, actors, teachers, translators, and musicians. For the narrow circle of Moscow intelligentsia of those years it was natural and was supported by social contacts outside the academy. Suffice it to mention Voloshin's house in Koktebel, which became a real colony of artists, including the staff of the Academy.

3. Archive of the State Academy of Arts

Archival materials are the main source for the historian of the GAKhN. Only a tiny part of the huge heritage has been published. However, more and more specialists are studying the GAHN papers and conducting separate studies based on them. As a philologist, I believe that before any interpretation, criticism, and construction of the history of ideas, a document - the main source of information - should be published. Such publication should at least be the result of textual criticism, at most accompanied by an explanatory commentary. As a historian of the Literary Section, I believe that the vast majority of the minutes of the discussions of the papers of this section deserve to be published. They are an invaluable source of intellectual and social history and culture. The oral discussions of the reports reflect the peculiarities of the functioning of the Academy. It is a lively exchange of opinions of outstanding scientists, unique personalities, as a result of which new knowledge emerged. The minutes are a record of scholarly conversation, the culture of which dates back to antiquity. Reading the minutes and

observing the logic of the discussion allows us to penetrate into the very idea of the Academy's creation, to reflect on its classical character.

NIKOLAI TARABUKIN'S CONTRIBUTION TO THE GAKHN ENCYCLOPEDIA IN THE CONTEXT OF HIS THEORY OF ART

EKATERINA IVANOVA (GERMANY)
Ruhr University Bochum

1. The Role of the Encyclopedia of Artistic Terminology Project in Shaping the Language of Art Studies

According to the approved plan, the *Dictionary of Artistic Terms* of GAKhN (the State Academy of Artistic Sciences) was intended to comprise a general theoretical volume, prepared by the Terminological Commission at the Philosophy Department, alongside a series of so-called technical volumes compiled by the GAKhN sections dedicated to the study of individual art forms. The dictionary prepared by the Section of Spatial Arts occupies a special place among them, not least because it is the most voluminous. Moreover, it notably transcends its nominal "technical" or "applied" function, and also aspires to broad theoretical generalizations.

Thus, a number of general terms (such as "Harmony," "Influence," and "Archaic") appear in both dictionaries. However, while the Philosophy Department—largely influenced by Gustav Shpet and his circle—tended to regard literature as the paradigmatic form of art, for the Section of Spatial Arts, painting and architecture played that role.

One third of the entries for the *Dictionary of Spatial Arts* were written by Dmitry Nedovich (over 80 articles), a representative figure of the Moscow school of academic art history, initially focused on the study of Ancient monuments. The second most prolific contributor, with 27 entries, was Nikolai Tarabukin, who is best known to the broader public as the author of the manifesto *From the Easel to the Machine* (published in 1923). Tarabukin, who had studied for only one year at the Faculty of History and Philology at Moscow State University, began his career as an art critic. However, he soon revealed a strong inclination towards theory, particularly towards comprehensive theoretical syntheses in the study of art. This interest resulted in his book *A Study in a Theory of Painting* (published in 1923), as well as his unpublished works *Theory of Art* and *Theory of Painting*, written at the very end of the 1920s—simultaneously with his work on the terminological dictionary. In a number of his dictionary entries, Tarabukin's ambition to move beyond mere technical description toward broader theoretical generalization is especially evident. For example, in the entry "Movement," he discusses "dynamic" and "static" epochs, while in the entry "Quality," he identifies four possible meanings of the concept in relation to art, ranking them according to their degree of objectivity.

One of the distinctive features of the preparation of the *Dictionary of Spatial Arts* was the initial rejection of any attempt to develop a unified terminological framework, instead allowing room for original authorial interpretations. A vivid illustration of this approach can be found in Tarabukin's articles dedicated to what we would now call genres of painting — still life, portrait, and landscape. A distinctive aspect of Tarabukin's approach is that he considers these categories not only thematically but also in terms of formal-stylistic analysis, thereby developing his own original theoretical framework, previously articulated in a series of papers and articles.

2. The problem of interdisciplinarity in the study of art and culture

If we adress the Dictionary of Artistic Terms prepared by the Section of Spatial Arts, at first glance, the Academy's professed commitment to interdisciplinarity appears rather difficult to discern. The majority of entries bear the imprint of the so-called "Moscow school of academic art historians," which, as Nedovich asserts (in his entry "Theory of Art"), "addresses theoretical problems primarily through the lenses of organicism and formalism". Although by the late 1920s most contributors acknowledged the limitations and insufficiencies of the formal method, the names of Wölfflin and Hildebrand remain the most frequently cited among theorists, while Rembrandt and Cézanne most repeatedly serve as illustrative examples.

In those cases where interdisciplinarity does emerge, it sometimes appears precisely as a problem—visible, for example, in the rather unconvincing attempts to transfer terminology from other art forms into the realm of spatial arts. A representative case, in my opinion, is Tarabukin's attempt to differentiate within a painting not only the *theme*, but also the *fabula* (the chronological sequence of events) and the *syuzhet* (the compositional arrangement of events within the work). By contrast, Nedovich tends to equate theme and plot.

Another, more successful incorporation of interdisciplinarity can be seen in attempts across several articles to interpret terms through different methods: formal, historical, or sociological. Occasionally, psychological and even psychoanalytic approaches are also invoked. An illustrative example is provided by Nedovich's entry on "Eroticism," where he proposes not only a thematic and formal interpretation of the concept but also a sociological perspective on eroticism in art, along with reflections from, how he call it, "that branch of art studies concerned with the artist's creative expression," which, among other tools employs psychoanalytic method. Nonetheless, despite their heuristic potential, such methodological integrations remain rare, with historical and formal approaches continuing to predominate.

3. The Encyclopedia Archive as Document and Monument. Ways of researching and re-actualizing the heritage of the GAKhN today

The archive of the GAKhN Dictionary is simultaneously a document (in the sense of a source of information) and a monument (a historical testimony), which leads to numerous complexities in the process of preparing it for publication. Regrettably, the work on the Dictionary was never completed, and it did not undergo an editing stage. Consequently, on the one hand, there are significant lacunae, — notably, the absence of the term "style," arguably central to the intellectual circle responsible for the Dictionary. On the other hand, the existing articles vary markedly in scope, stylistic execution, and formal presentation. Editorial work frequently involves addressing numerous typographical errors and inconsistencies in sentence structure, requiring careful, case-by-case judgments regarding the permissible extent of intervention into the authors' original formulations. The same applies to factual inaccuracies, including errors in dates and titles. In some cases, we also encounter outdated attributions, hypotheses, and data, the thorough revision of which would require many years of painstaking work by a large team of experts.

Nevertheless, in both of its capacities — as a document and as a monument — the Dictionary represents a truly unique phenomenon, comparable to an entire archaeological stratum. Whereas an individual author's contribution might be likened to an isolated artifact, the Dictionary as a whole represents an entire system of such artifacts, collectively forming a vivid and detailed representation of the state of progressive art historical scholarship as of 1929.

This allows us not only to uncover numerous forgotten names and facts, thereby giving a fuller picture of the development of art studies, but also immerses us in the current theoretical concerns of the time, highlighting those pressing issues which resolution deemed most urgent. Many examples could be given here, but I will limit myself to the issue of "folk handicraft art" (kustarnoe iskusstvo), the evaluation of which could ultimately influence the direction of state cultural policy. Justifying the idea that folk handicraft art, as a "pseudo-folk" phenomenon, could not serve as a model for emulation because it was itself imitative, became an important task for a number of theorists of the 1920s — and it also found its reflection in the Dictionary

DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY FOR THE PHILOSOPHY OF ART IN THE GAKHN ENCYCLOPEDIA

ALINA SVECHINA (GERMANY)
Ruhr University, Bochum

1. The Role of the Encyclopedia of Artistic Terminology Project in Shaping the Language of Art Studies

In my research, I focus on the materials prepared for the Philosophy Department volume of the GAKhN Encyclopedia. Although the volume remained in draft form, its conceptual orientation suggests that it was part of a broader — though ultimately unrealized — attempt to rethink the foundations of art studies. The goal appears to have been not merely to continue the traditions of philosophical aesthetics, but to move toward something closer to Allgemeine Kunstwissenschaft — a general theory of art in the sense developed by German theorists such as Utitz. This ambition is particularly evident in the desire to define key categories, clarify terminology, and establish the conceptual infrastructure for a science of art capable of responding to new artistic forms and media.

That GAKhN thinkers were engaging with this discourse directly is supported by Shpet's explicit reference to volume 19 of the *Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft* in his 1923 essay *On the Organization of Scientific Work in the Field of Art Studie*s [K voprosu o postanovke nauchnoi raboty v oblasti iskusstvovedeniia].[1] In that text, Shpet aligns himself with the view that traditional art history and psychology were insufficient for grasping the essence of artistic form, and embraces the notion of art as a "form filled with meaning". This view finds a parallel in the GAKhN conception, where art is seen as a sign to which meaning corresponds, or Shpet's own understanding of *inner form* as a structure that shapes the semantic organization of the world.[2]

In exploring the contribution of the Philosophy Department to the GAChN Encyclopedia, I have concentrated on a particular group of authors — those connected to Gustav Shpet and shaped by his intellectual orientation (the so-called formal-philosophical school). Their work represents one of the most methodologically unified segments of the Encyclopedia. What emerges from their entries is not simply a collection of definitions, but a sustained attempt to

[1] Bernadette Collenberg-Plotnikova, *Estetika i obshchee iskusstvoznanie: nemetskie teorii obshchego iskusstvoznaniia kak istochnik kontseptual'nykh novatsii GAKhN* [*Aesthetics and General Art Studies: German Theories of Kunstwissenschaft as a Source of GAChN's Conceptual Innovations*], in *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaia teoriia 1920-kh godov* [*Art as Language — Languages of Art: The State Academy of Artistic Sciences and Aesthetic Theory of the 1920s*], vol. 1, ed. N.S. Plotnikov and N.P. Podzemskaia (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 153.
[2] Ibid., 170.

construct a conceptual apparatus for thinking about art, meaning, and experience — an effort that, in many respects, reflects Shpet's ambition to ground the study of art in rigorous philosophical analysis.

Whether or not this coherence was fully intentional, the articles written by this circle collectively form a structure that organizes the philosophical volume from within. Among the central concepts are **Sign** [Znak], **Meaning** [Znachenie], **Sense** [Smysl], and **Scheme** [Skhema] — categories that point to a semiotic and epistemological foundation. These are joined by psychologically inflected notions like **Impression** [Vpechatlenie], **Empathy** [Vchuvstvovanie], **Sensualism** [Sensualizm], **Contemplation** [Sozertsanie], and **Affect** [Affekt], which foreground the role of the perceiving subject. A separate symbolic layer is represented by entries such as **Allegory** [Allegoriia], **Myth** [Mif], and **Fantasy** [Fantaziia], which address the role of imagination, narrative structure, and cultural symbolism in the production of meaning. Other entries, such as **The Beautiful** [Prekrasnoe] and **Aesthetic Categories** [Kategorii esteticheskogo] reflect attempts to articulate the foundations of aesthetic judgment and to structure the conceptual field of aesthetic experience. Finally, terms like **The Absolute** [Absoliutnoe], **Truth** [Istina], **Intention** [Intentsiia], **Idea** [Ideia] and **Individuality** [Individual'nost'] locate the discussion within a broader metaphysical and philosophical context.

Taken together, these concepts allow us to read the philosophical volume not simply as a loose compilation of entries, but as a layered and internally differentiated system of reflection on the conditions of artistic meaning.

2. The problem of interdisciplinarity in the study of art and culture

The problem of interdisciplinarity within the GAKhN project is complex and somewhat paradoxical. On the one hand, the institutional structure of GAKhN brought together scholars from a wide range of disciplines — philosophy, art history, psychology, and linguistics — creating the conditions for genuine interdisciplinary collaboration. On the other hand, in practice, philosophy remained a dominant and often directive force, shaping not only the conceptual framework but also the language and priorities of the entire project. This philosophical dominance often meant that other disciplinary perspectives were absorbed into a larger philosophical system rather than engaging in equal dialogue. As a result, the interdisciplinarity of GAKhN tends to manifest less as a horizontal exchange among fields, and more as a vertical integration of disciplines into a philosophical worldview — one that sought

to systematize knowledge about art and culture through its own conceptual and terminological apparatus.

What does this mean for the Philosophy volume, which is the focus of my work? It is no surprise that philosophy remains the dominant framework — this is, after all, the volume prepared by the Philosophy Department. However, this also suggests that, despite certain visible attempts, the transition from aesthetics and the philosophy of art toward Kunstwissenschaft remains incomplete in the project.

3. The Encyclopedia Archive as Document and Monument. Ways of researching and re-actualizing the heritage of the GAKhN today.

Approaching the GAChN Encyclopedia today inevitably involves navigating its unfinished and heterogeneous character. Rather than treating it as a polished scholarly product, it makes more sense to engage with it as a layered intellectual process, reflecting both conceptual ambitions and institutional limitations. The material we have is fragmentary, uneven, and at times contradictory — yet precisely in this state it offers unique insight into the tensions, blind spots, and priorities of Soviet art theory at a crucial moment of its formation. Its value lies not in doctrinal coherence but in the possibility of tracing how knowledge about art was being structured, challenged, and negotiated in real time.

TABLE RONDE 5
LES FEMMES DANS LES CULTURES ET LITTÉRATURES DES BALKANS : SUBVERSION ET QUESTIONS D'IDENTITÉ / WOMEN IN BALKAN LITERATURE AND CULTURE : SUBVERSIVES AND IDENTITY CHALLENGE

Organisatrice : MIGLENA DIKOVA MILANOVA

Milanova Miglena Dikova Women Narrating Women: Self-search and Self-discovery in Blaga Dimitrova's Novels 1

Adelina Angusheva-Tihanov Identity Palimpsests and Genre Transformations in the Works of South Slavic Women Writers 4

WOMEN NARRATING WOMEN: SELF-SEARCH AND SELF-DISCOVERY IN BLAGA DIMITROVA'S NOVELS

MIGLENA DIKOVA-MILANOVA (BELGIUM)
Ghent University

Blaga Dimitrova stands as a formidable figure in Bulgarian literature, both for her poetic voice and for her moral and philosophical depth. Her novels—particularly *Journey Toward Oneself* (1965), *Avalanche* (1971), and *Face* (1981)—exemplify the fusion of political dissent, feminist introspection, and existential inquiry. Julia Kristeva, in her article "1963, 2016: Two Perspectives on Blaga Dimitrova," astutely identifies the centrality of women's emancipation in Dimitrova's work, as well as her commitment to harmonizing reason and emotion, ethics and aesthetics. These themes reach their full expression in Dimitrova's prose fiction, where narrative becomes the site of personal and political transformation.

At the heart of Dimitrova's fiction lies a profound process of self-reflection. Her protagonists—Raina Stamatova, Dara, and Bora Naidenova—are women marked by psychological depth, moral complexity, and alienation. They begin their journeys withdrawn from life, disillusioned, and emotionally numb. However, through a sequence of existential challenges, they rediscover not only themselves but the world around them. This process, as seen most poignantly in *Face* (1981), is described as a second life—one that emerges only after confronting and overcoming personal fears, societal norms, and emotional trauma.

The motif of "the second circle," as described by Bora Naidenova, refers to life after an existential crisis: a state of heightened authenticity where joy is found in the simple, tangible elements of existence—water, wind, a friend's hand. Self-reflection, in Dimitrova's work, is not a passive act but a leap of faith. It is a plunge into one's inner fears and guilt, a confrontation with the shadow self, undertaken in the hope of emerging whole and strong. This inner journey is simultaneously ethical and aesthetic, political and deeply personal.

Dimitrova's protagonists are not idealized heroines; rather, they are deeply flawed, stubborn, and unwilling to conform. They resist the roles prescribed to them by a patriarchal and ideologically oppressive society. This resistance is not merely reactive but ethical—they are driven by a fierce sense of integrity and justice. Their nonconformity is exacerbated by memories of trauma or loss, making them particularly sensitive to the alienation of socialist everyday life, which Dimitrova masterfully depicts as colorless, joyless, and emotionally stifling.

Symbolism, especially of nature and seasons, plays a critical role in Dimitrova's narrative method. The psychological state of her protagonists often mirrors their environment. Winter

symbolizes stasis and despair, while the transition to spring signifies renewal and the possibility of emotional rebirth. Dimitrova often sets her stories in liminal periods—between seasons, between emotional states, between ideologies. Her use of color—predominantly greys and subdued tones—highlights her characters' emotional withdrawal, while their eventual emergence into color and light mirrors their psychological awakening.

Each protagonist embarks on a journey of physical and metaphorical elevation. Raina escapes to the Rhodope Mountains in *Journey Toward Oneself* (1965), where her daily climbs on construction scaffolding symbolize a reaching for higher moral and existential ground. Dara, in *Avalanche* (1971), seeks elevation through mountaineering, distancing herself from the city's suffocating conventions. Bora, in *Face* (1981), confronts her past head-on by unknowingly inviting into her home the very man who executed her first love. Her trajectory, while less outwardly adventurous, is no less transformative.

To understand the significance of these narratives, it is essential to contextualize Dimitrova's work within the political climate of communist Bulgaria. Her novels, much like the dissident writings of Georgi Markov, subtly but powerfully critique the oppressive mechanisms of the regime. Markov's broadcasts for Radio Free Europe in the 1970s detailed the moral decay of the Bulgarian Communist Party, which he saw as a betrayal of the ideals of those who had once fought for a just society. Dimitrova echoes this disillusionment. Her fiction denounces the ideological conformity, careerism, and moral cowardice that characterized late socialist society.

What sets Dimitrova apart, however, is the uniquely gendered lens through which she articulates this dissent. Her novels give voice to women who not only suffer under the weight of ideological repression but also grapple with internalized guilt and emotional numbness. Unlike Markov's overt political critique, Dimitrova's rebellion is often expressed through the quiet but radical act of personal emancipation. Her female characters dismantle the "greyness" of socialist realism not through direct confrontation, but by reclaiming their emotional and ethical autonomy.

Philosophically, Dimitrova's narratives resonate strongly with Immanuel Kant's ideas on self-reflection and moral autonomy, as developed in works such as *Critique of Practical Reason* (1788) and *Critique of Judgment* (1790). According to Kant, self-reflection is a fundamental tool of reason that enables individuals to transcend empirical limitations and recognize their own capacity for moral action. In his aesthetic theory, particularly in his concept of the sublime, Kant posits that by contemplating nature's grandeur, we become aware of our own freedom and moral power. Stanley Cavell, in *Cities of Words* (2004), extends this insight by arguing that

moral development and self-understanding are central to both literature and philosophy. For Cavell, this kind of philosophical reflection—rooted in personal transformation—requires freedom and a refusal to surrender to convention.

Dimitrova's characters embody this Kantian-Cavellian ideal. Their emancipation is not guided by external doctrines but by a deeply internal process of reflection and moral decision-making. Happiness, as Cavell (2004) asserts, is not an accident but the product of ethical labor and moral insight. This is precisely what makes Dimitrova's characters so compelling within a freedom-deprived context: they choose inner truth over external conformity, despite the risks. As Kristeva notes, Dimitrova believed in the possibility of a "socialism with a human face"—a vision tragically undermined by the realities of the regime.

In conclusion, Blaga Dimitrova's novels offer a profound meditation on the intertwined paths of personal and political liberation. Her protagonists demonstrate that true emancipation requires more than social change—it demands an inward journey of self-recognition and ethical courage. By portraying women who dare to face their inner voids and reclaim their agency, Dimitrova not only critiques the external structures of oppression but also affirms the enduring power of individual freedom. Her work remains a testament to the belief that even in the most repressive contexts, the journey toward oneself is still possible—and still revolutionary.

IDENTITY PALIMPSESTS AND GENRE TRANSFORMATIONS IN THE WORKS OF SOUTH SLAVIC WOMEN WRITERS

ADELINA ANGUSHEVA-TIHANOV (UNITED KINGDOM)

In the preface to her interview with Dubravka Ugrešić, Svetlana Boym recollects that they both liked Antonioni's film *The Passinger,* in which the protagonist takes on the identity of another man. She explains this with the fact that they both love "the freedom to detach oneself from one's immediate surroundings and choose one's own fate." (Boym 2002). This writing and rewriting one's identity goes deeper not just into Ugrešić's prose, but also into the works of other Balkan women writers who transform the genre conventions to articulate layers – deleted, denied, or deconstructed – of self-defining. My paper focuses on the novels of three of the most prominent South Slavic women writers from the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries, namely Vera Mutafchieva (1929-2009), Dubravka Ugrešić (b.1949-2023), Jadranka Vladova (1956-2004). To begin with, all of them were both fiction prose writers and Humanities scholars: Vera Mutafchieva was a renowned scholar of social and economic history of the Ottoman empire, whose academic works were translated into many languages.[1] Her 15 fiction novels treat different periods of Balkan past.[2] Dubravka Ugrešić, a comparatist and Slavists, penned academic works on modern Russian literature, while simultaneously established her name of an acclaimed European author of more than 8 novels and 10 essay collections.[3] Jadranka Vladova, a professor of World Literature and a critic, published successful children's books, collections of short stories and a novel before her untimely death in 2004.[4] My paper explores the ways in which this dual intellectual perspective – of a woman prose writer and a scholar is integrated in their texts.

Mutafchieva's novels often employ the character and the trope of the "witness," thus writing on the palimpsest of history. Her 1965 novel *The Case of Gem* which presents the struggle for Ottoman and the subsequent fate of the exiled Gem Sultan. The book is constructed through a polyphonic narrative, in which fifteenth-century historical figures from the Grad Vesier Mehmed to the Grand Master of the order of St John, Pierre D'Aubusson give a witness accounts about Gem. Not only the structure of the narrative presents a novelty in Bulgarian prose of the 1960s, but it is also the only work in Bulgarian literature which deals with a topic of Ottoman period, other than the Ottoman oppression and the fight against it.

[1] For instance, her 1966 monograph *Agrarian Relations in the Ottoman Empire in the 15th and 16th Centuries* was translated into English (New York, 1988) and into Greek (Athens, 1990).
[2] Cf a list of the translations of Mutafchieva's main works at Вера Мутафчиева - Официален уебсайт (veramutafchieva.net).[Accessed 29 March 2025]
[3] Cf books in croatian – Dubravka Ugresic – Website [Accessed 29 March 2025]
[4] Jadranka Vladova – Лектира

Through the multiple voices of the novel Mutafchieva destroys the all-embracing "grand narrative" of history and emphasises the internal alterity of the individual reading. Ugrešić's novels from *Štefica Cvek u raljama života* (1981) to *Baba Yaga Laid An Egg* (2008) similarly reject the conventional narrative, building on various textual and discursive formats. Likewise, J. Vladova's novel *East West* (2001) mystifies the relations between the authors and the characters. In this first North-Macedonian novel in letters (or more precisely novel in e-mails) two male characters decide to produce a novel emulating the writing of a woman, Anna, and a man with whom she is in love, while the Balkan conflicts drastically reshape this project.

The study demonstrates that the hybrid nature of the prose of the three South Slavic writers is as a deliberate strategy to challenge potentially harmful social and political conventions through the constriction of palimpsest identities.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

Aleksic, T. *Disintegrating Narratives and Nostalgia in Post-Yugoslav Postmodern Fiction*. In: Balkan Literatures in the Era of Nationalism (Eds. Murat Belge, Jale Parla). Istanbul 2008, 3-14.

Alipieva, A. *Vera Mutafchieva between Literature, History, Politics and Geopolitics* = Алипиева, А. *Вера Мутафчиева между литературата, историята, политиката и геополитиката.* София 2020.

Angusheva, A. Four Authors and a Traveller: Intercultural Narrative in Balkan Prose of the Second Half of the 20th and the beginning of the 21st Centuries, *Language and Intercultural Communication*, 2004, Vol. 4, Nos. 1&2, pp. 48-59.

Boym, Sv. "Dubravka Ugre**sic**" BOMB Magazine (Literature) 80, Summer 2002, BOMB Magazine: Dubravka Ugrešić by Svetlana Boym [Access:29 March 2025]

Khranova, A. *Historiography and Literature* = Хранова, А. *Историография и Литература.* Т.1. София 2011.

Schellenberg, R. *The Post-Yugoslav Literature of Dubravka Ugrešić*. In: The Many Voices of Europe. De Gruyter 2020.

Schmidt, H. Dubravka Ugrešić's *Baba Yaga Laid Ann Egg*, as a female critique of the pan-Slavic spa novel. "Russian Literature", Volume 116, September 2020, Pages 67-97.

Stameski, T. *'*About Several Features of the Short Stories in "Scrabo" by Jadranska Vladova.*'* PALIMPSEST/ ПАЛИМПСЕСТ 9(17):239-245

Ugrešić, D. *Alternativni modeli suvremene ruske proze.* In: Pljuska u ruci, Antologija alternativne ruske proze. Zagreb: August Cesarec l989.

Veličković, V. "Open Wounds, The Phenomenology of Exile and the Management of Pain: Dubravka Ugresic's "The Ministry of Pain" In*: Literature in Exile of East and Central Europe (ed. Agnieszka Gutthy*). New York: Peter Lang 2009.139-154

Williams, David. *Writing Post-Communism. Towards a Literature of the East European Ruins.* (London, Palgrave:2013).

POSTERS

Jelena Apostolović The Myth of Prometheus in Serbo-Croatian: its Metamorphoses until the 1930s 1

Тијана Балек Модални глаголи *мочь/мощи* и *желать/желети* у светлу видске (не)парности 4

Екатерина Дикова Асиметрични преводни корелати между гръцки и български в Учителното евангелие на Константин Преславски 10

Daria Dornicheva, Maria Sulimova AI Chatbots as Companions and More: Shaping the Writing Process in Heterogeneous Advanced Russian Learner Groups with AI 15

Michał Głuszkowski Wpływ czynników społecznych na charakter przełączania (i mieszania) kodów w kontakcie polsko-wschodniosłowiańskim. Przypadek polskiej wsi Wierszyna na Syberii 19

Валентина Илић Значај и статус хипонимије у настави словенских језика као матерњих 23

Kuznietsova Tetiana (Allemagne) Surzhyk: From «Linguistic Blend» to «Their Own Language» or The Main Trends of Changing Attitudes Towards Ukrainian-Russian Mixed Speech After 24.02.2022 27

Милорад Миљаковић Експресивност властитих именица у множини у српском, руском и другим словенским језицима 28

Весна Николић Изучавање паронимије у славистичкој лингвистици 32

Лука Спасојевић Структура и значење «Лажног цара Шћепана Малог» Петра II Петровића Његоша 37

Энчо Тилев Категориалност и некатегориалност в конституирането на езика 38

Marina Čistiakova Житие Андрея Юродивого в Прологе: новые данные 46

Јелена Шаковић Жанровски суживот – фантастични и реалистични принцип у роману «Атлас описан небом» Горана Петровића 51

THE MYTH OF PROMETHEUS IN SERBO-CROATIAN: ITS METAMORPHOSES UNTIL THE 1930S

JELENA APOSTOLOVIĆ (GERMANY)

Hardly could there be a more adequate myth that represents an epoch than Prometheus does for the Romanticism (Maertz 2021). This claim does not neglect its popularity in other periods of time (Corbeau-Parsons 2013), yet through the view of Jungian philosophy, the myth of Prometheus has been considered the archetype of the individual autonomy in conflict with the divine authority (Kerényi 1962), and the poems "Prometheus" by Goethe (1774) and Byron (1816), and Shelley's *Prometheus Unbound* (1820) are perhaps the most fitting literary representations. Since the individuality did not happen to be a universal trait of European Romanticism, there is a rather interesting twist in the interpretation and the re-writes of this ancient myth within the cultures where the community stood before the individuality. Such is the case of South Slavic cultures at the turn to 20th century. A textbook for the literary theory that is currently in use at the most of ex-Yugoslav universities, claims a general agreement on the difference between the Romanticism in Western and in (South)Slavic cultures: while throughout the former dominated the idea individualism, the letter emphasized the individuality of each nation (Solar 2001: 162), i.e. the common values of a collective. The re-writes of the myth in Serbo-Croatian Romantic poetry show the way the myth of individuality transformed into a collective one by attributing a national or local identity to Prometheus.

Lazar Kostić (1841–1910) was the first to connect the myth of Prometheus with the national identity in his second poem on Prometheus—"Jadranski Prometej" (Adriatic Prometheus) from 1870. Juno, who in Kostić's version of the myth replaces Zeus, is an explicit allegory for Austria. She sends an eagle to "Slavic Titan, a bound giant/ the embodiment of his St. Vitus-Day's sin –/ Adriatic Prometheus".[1] Similarly to the first poem "Prometej" (Prometheus) from 1863, the hero authentically rebels with his laughter—a detail that Kostić could not have found in Aeschylus' myth, to which he referred, nor in any other. A year after the start of the campaign to establish Austro-Hungarian rule in Bosnia and Herzegovina in 1978, Kostić published a comedy *Occupation* in German language. There he bonds the ties between the myth and the local collective more subtly. Although the main character Olga is not a Bosnian, her fiancé repeats a couple of times that she has been "occupied like Bosnia" (Kostić 1977: 101, 102, 133). Olga perceives herself as a female Prometheus due to her sacrifice for her brother, which brought her to the engagement (1977: 112). The comedy had no success, and

[1] "Slovenski titan, divak okovan/ Svog Vidovdana oličen grej: – Jadranski Prometej" (Kostić 1989, 288).

the poems are the best well-known re-writes of the Prometheus myth in Serbo-Croatian up to-day.

After Kostić and within the same year, Matija Ban (1818–1903) wrote an epic poem "Prometej" (Prometheus). Ban also added a note on his inspiration—tragic events during the Commune de Paris made him put all his hope in Slavdom (Ban 1892: 245). In 1874, Jovan Ilić (1824–1901), whose house in the center of Belgrade was a kind of cultural centre in which Kostić was a common guest, portraited Prometheus as a repentant sinner in his short poem "Prometej" (Prometheus) and in the longer one, "Postanje ljudi" (Genesis). He built on the Hesiod's version of the myth (*Theogony*, 510-615) and added a Christian symbolic and a praise to Zeus by "Kýrie, eléison" (Ilić n.d.: 195, 262). This route followed Rista Odavić in his lyrical poem "Prometej" (Prometheus) from 1904, in which Prometheus is neither a hero nor he carries any collective attribute. Ilić's sons, Dragutin (1858–1826) and Vojislav (1860–1894), followed Kostić (Popović 2003: 70-71). In Dragutin's "Zarobljeni Prometej" (Prometheus bound) and "Oslobođeni Prometej" (Prometheus unbound), published within in the journal *Otadžbina* (Fatherland) in 1881 and 1882, the national history is a detail that follows after the epic scene of the War of Heaven: On the graveyard of "Promethean sins" and next to the skull of Georges Danton, stands the grave of a Serbian duke—Ilija Birčanin (Ilić 1882: 55). Vojislav Ilić in 1892 publishes a short lyrical poem without a title in which "Bound Serbian Prometheus" hears *gusle*, breaks the chains to grab the moon, and give it to the bard as a reward (Ilić 1961: 608). In a form of a comparison also appears "Prometheus of the Croatian folk" within the ode "Knezu Petru Dumičiću" by Ante Tresić-Pavičić (1867–1949), dated in 1902.[2] The list is not complete yet seems enough to demonstrate the popularity of the connection between Prometheus and the collective within Serbo-Croatian poetry.

From this point, the representations of individuality associated with the myth of Prometheus appear to be an exception, which, nevertheless, exists. In 1890, Strahimir Silvije Kranjčević (1865–1908) published the poem "Na Kavkaz" (On Caucasus). Without any remarks on historical or social background, his Prometheus is both universal and individual, and the lyrical subject compares his destiny to the vocation of a poet (Kranjčević 1958: 73). The individuality is the central motif of Kranjčević's more famous poems, such as "Resurrectio", "Eli! Eli! lamâ azâvtani?!", and "Poslednji Adam" (The last Adam). He published "Na Kavkaz" within a journal and never included it to his collections, but it seems that the myth of Prometheus was his work in progress because of the two unfinished poems

[2] "Prometej […] hrvatskoga puka" (Tresić-Pavičić 1903:142).

with the title “Prometej” dated in 1889 and 1990, that have remained in his legacy. Another exception is “Prometej” by Jovan Dučič (1874–1943) from 1894, which describes Prometheus’ eternal struggles in the battle against the dark (Dučić 1894: 418). It was excluded from Dučić’s edition of his collected works, and many years later in the collection of essays *Blago cara Radovana* (Treasure of the tzar Radovan, 1932), Dučić wrote again on Prometheus within an essay “O herojima” (On heroes), calling him the greatest hero because he is neither local nor national, but universally human. This sentence, however, came in the new historical context.

PRIMARY SOURCES

Ban 1892: Matija Ban, *Različne pjesme*, vol. VIII, Državna štamparija Kraljevine Srbije, Belgrade.

Dučić 1894: Jovan Dučić, “Prometej”, in: *Stražilovo: list za zabavu, pouku i književnost*, XII.

Ilić 1882: Dragutin Ilić, ‘Oslobođeni Prometej’, *Otadžbina: književnost, nauka, društveni život*, IX, no. 33: 47–63.

Ilić 1961: Vojislav Ilić, *Sabrana dela I*, ed. Milorad Pavić, Prosveta, Belgrade. Ilić n.d.: Jovan Ilić, *Celokupna dela*, ed. Jaša Prodanović, Prosveta, Belgrade.

Kostić 1977: Laza Kostić, *Occupation: Lustspiel in vier Akten/ Okupacija: Komedija u četiri čina*, trans. Živomir Mladenović, Srpska akademija nauka i umetnosti, Belgrade.

Kostić 1989: Laza Kostić, *Pesme*, Matica srpska, Novi Sad.

Kranjčević 1958: Strahimir Silvije Kranjčević, *Sabrana djela*, ed. Dragutin Tadijanović, vol. II, Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb.

Tresić-Pavičić 1903: Ante Tresić-Pavičić, *Valovi misli i čuvstava: pjesme*, Naklada "Matice hrvatske", Zagreb.

SECONDARY LITERATURE

Corbeau-Parsons 2013: Caroline Corbeau-Parsons, *Prometheus in the Nineteenth Century: From Myth to Symbol*. Legenda: Modern Humanities Research Association and Routledge, London and New York.

Kerényi 1962: Karl Kerényi, *Prometheus: die menschliche Existenz in griechischer Deutung*. Rowohlt, Hamburg. 1959

Maertz 2021: Gregory Maertz, *Children of Prometheus: Romanticism and Its Legacy. Essays in Literature, Philosophy, and Cultural Politics*. Ibidem-Verlag, Stuttgart.

Popović 2003: Tanja Popović, ‘Ka komparativnom čitanju poezije Ilića (osnovne pretpostavke)’, in: *Porodica Jovana Ilića u srpskoj književnosti i kulturi: zbornik radova, Institut za književnost i umetnost*, Institut za književnost i umetnost, Belgrade.

Solar 2001: Milivoj Solar, *Teorija književnosti*, Školska knjiga, Zagreb.

МОДАЛНИ ГЛАГОЛИ *МОЧЬ*/*МОЋИ* И *ЖЕЛАТЬ*/*ЖЕЛЕТИ* У СВЕТЛУ ВИДСКЕ (НЕ)ПАРНОСТИ

ТИЈАНА БАЛЕК (СРБИЈА)
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет Одсек за славистику

У датом раду, посвећеном модалним глаголима *мочь* и *желать* у руском језику, односно њиховим српским еквивалентима *моћи* и *желети* – који припадају специфичној семантичко-синтаксичкој групи глагола, недовољно заступљеној у граматичкој литератури (Пипер, Клајн 2017; Пипер, Клајн, Драгићевић 2022; Станојчић, Поповић 1992; Стевановић 1970; Шведова 1980), као и у појединачним радовима – настојимо да додатно проверимо одређене наводе представљене у (Балек 2023). Акценат се ставља на деривациону способност разматраних јединица и на видску кореспонденцију мотивних непрефиксираних и префиксираних, семантички модификованих, глагола. Потреба за испитивањем датога типа огледа се у чињеници да се у *Руској граматици* (Шведова 1980: 590–594) модални глаголи сматрају једном од група глагола непарних по виду[1].

Модални глаголи поседују значења којима се представља однос између субјекта и активности изражене инфинитивом, тј. мишљење говорника о веродостојности исказа (модалност исказа) (Хубровская 2005: 35); дакле, денотирана ситуација означена пунозначним глаголом посматра се као иреална, потенцијална, она која се мора, може или хоће реализовати (Станојчић, Поповић 1992: 247). Упркос својој семантичкој несамосталности, модални глаголи синтаксички управљају пунозначним глаголима: у форми инфинитива (карактеристично и за српски језички узус, али је у руском језику облигаторно), или пак, у српском језику, захваљујући *да* + презент конструкцији, чиме се модификује значење пунозначних глагола (Mrazović, Vukadinović 2009: 177).

Русистичке студије и граматичка литература нуде врло хетерогену класификацију и различит инвентар модалних глагола. Рецимо, глагол *мочь* се не сматра модалним, док, с друге стране, постоје истраживачи који, поред несумњиве модалне природе овога глагола, испитују и његов пут граматикализације (Холодилова 2015), штавише, убрајају га у језгро непунозначности (као и *желать* који такође разматрамо) (в. Хантоош 2005: 8). Интересантно је да речници не бележе да се овај глагол може користити и за експликацију

[1] Даље користимо термин ‘моноаспективи НСВ’ за глаголе традиционално називане *imperfectiva tantum*, у које спадају и модални глаголи, односно ‘моноаспективи СВ’ за *perfectiva tantum*, како је и код (Балек 2023) по узору на (Горбова 2019).

говорног жанра молбе: *Вы не можете [не могли бы] дать мне эту книгу*?; *Вы можете [могли бы] дать мне эту книгу*? (Падучева 2016: 51–52).

Деривациони опсег модалног глагола *мочь* није узак. Ипак, упркос перфективизацији, не можемо рећи да се видска корелативност увек успоставља, као ни да је она апсолутна. Рецимо, глаголи *мочь* и *смочь* нису видски парњаци у правом смислу, будући да се уз потоњи нарушава принцип неодређене трајности (присутан у контекстима попут *Настя может готовить*), с обзиром на то да долази до каузације ситуација, када једна условљава другу, што трансформише и првобитни смисао исказа: модел (а) *ако* X, *онда* Y – *Настя сможет готовить в четверг*, *если ты купишь все продукты*; (б) *пошто* X, *онда* Y – *Настя не смогла говорить о смерти мужа*, *сильно переживает*. Видску класификацију глагола насталих од *мочь* додатно усложњавају идентификовани секундарни имперфективи. Наиме, у НКРЯ присутан је глагол НСВ *возмогать*, чије постојање сугерише корелативан видски однос међу глаголима *возмогать* и *возмочь*[2], који, узевши у обзир припадност глагола на *воз-* високом стилу и религијском дискурсу, нису претерано заступљени (поготово секундарно имперфективизовани глагол *возмогать*) (према Балек 2023). Уп.: *Вот и сбывается это слово; действительно, многие ищут войти, но не возмогают* (НКРЯ). Из контекста се примећује да се *возмогать* може заменити са другим глаголима из семантичког поља успешног извршења активности (нпр. *удасться*). Слично је и са застарелим глаголом *занемочь*, који има нерегистровани облик НСВ – *занемогать* и, као и глагол са варијантним префиксом *из-* (*изнемогать*), денотира стање болести или физичке немоћи (о градуирању стања болести или физичке слабости изражене овим глаголима в. код Балек 2023: 80). Специфичан је случај регистрованог постфиксалног глагола *домогаться*[3]: новији дескриптивни речници не бележе његов директни мотиватор супротног видског значења **домочься*, а ни варијанту без постфикса **домочь*. Семантика глагола *домогаться*, који класификујемо као моноаспектив НСВ, врло је удаљена од модалног глагола *мочь*, будући да се она остварује на плану интелектуалне активности, а, условно, може се рећи и да денотира посесиван однос (како апстрактан тако и материјалан): ‘снажно, упорно стремити постизању или остварењу нечега’ (МАС). Уп.: *Сегодня его заклинило на сказочных мотивах, на принцессе, которую домогаются*

[2] Уп.: ‘оказаться в состоянии, в силах сделать что-л.; смочь’ (МАС).

[3] У НКРЯ појављује се и нерефлексивна форма *домогать*, али се из трију забележених примера не може поуздано одредити њено значење.

женихи; *Пока я домогаюсь удачи, пока хочу ее и зову, я должен стремиться в него вписаться* (НКРЯ).

Премда глагол *моћи* поседује већи број префиксалних изведеница, 4 изведенице класификујемо као моноаспективе СВ, од којих 2 имају сложени префикс: *узнемоћи*, *занемоћи* (*занемоћати*), *снемоћи* и *узмоћи*. Наиме, *занемоћи* (уп. *занемочь* и *занемогать* у руском језику) има једно значење: 'постати немоћан, разболети се' (РМС 1967/2: 169), а примери из SRWAC показују да се оно одржало и данас, упркос ниској фреквенцији: *Откако сам здравствено занемоћала , многе ствари више не могу да радим, а волела сам и да окрећем намештај у соби*… (SRWAC). Ретки забележени примери доступни у SRWAC показују да се у активној употреби не прави семантичка диференцијација глагола *занемоћати* и *снемоћати*, уп.: *Тог пролећа, Тајо је већ толико снемоћао да није могао да дође до градилишта* (SRWAC). *Узмоћи*[4] и *узнемоћи*[5] имају супротстављена значења. *Узмоћи* је далеко присутнији у активном фонду, а, према нашем мишљењу, може да се замени глаголом *успети*: *Пророк Мојсије је услијед старости узнемогао* [није успео / није могао да... – Т. Б.] *да диже руке своје ка небу*... (SRWAC); *Најбоље је насумце живјети како тко узмогне* [успе; снађе се – Т. Б.] (SRWAC).

Формално модални глагол *желать* поседује једну изведеницу, која се и наводи као видски парњак у 2. значењу (од укупно 3) – *пожелать*. Међутим, и глагол *пожелать* у примарном значењу[6] нема парњак. Ипак, упркос таквој дефиницији, сматрамо да има простора тврдити да се између *желать* и *пожелать* не успоставља видска кореспонденција ни када је реч о честитању или изражавању жеље, иако они јесу у односу творбене мотивације и долази до промене граматичке (видске) семантике. Пре свега, разлика међу њима огледа се у типу денотиране ситуације: код *пожелать* она је везана за конкретни догађај или епизоду, искључује се извршење у дужем интервалу или понављање, што је кључна одлика модалне ситуације коју обележава *желать* – оријентисаност на ванвременско (недефинисано, непредвиђено) трајање. С друге стране, *пожелать* може да се реализује, или пак да постоји тенденција извршења, искључиво на плану будућности; модална ситуација нема универзално трајан карактер (осим ако је реч о прошлом времену, када се може јавити импликација неуспешности). То је разлог што се

[4] 'Моћи, наћи снаге' (РМС 1976/6: 464).
[5] 'Не моћи више нешто чинити' (РМС 1976/6: 465).
[6] 'Проявить желание, охоту к чему-л.; захотеть' (МАС).

пожелать користи и у условним и временским реченицама, без евентуалне замене са мотивним *желать*, а могуће је и скретање фокуса у погледу ситуативних елемената, као у следећем примеру: (а) *Если вы пожелаете ему хорошего вечера*, *он* [вечер] *не станет плохим*!; (б) *Если вы желаете ему хорошего вечера*, *он* [вечер или человек?] *не станет плохим*! (Балек 2023: 69–70). У НКРЯ запазили смо још две изведенице, које нису регистроване у МАС: *заželать* (денотира модалну ситуацију појављивања жеље усмерене на поседовање, задовољење жеље или потребе) и *наželать* (показује особине преконормативних глагола, компонента жеље је изнад просечних вредности) (према Балек 2023: 70): *Я, к примеру сказать, — прямо так и говорю — я есть рабочий, который больше работать не заželал...*; *Ира наželала ему много замечательных вещей, прибавив, что недаром он родился в день Знамения Господня* (НКРЯ).

Глагол *желети* има чак 10 префиксалних изведеница, међу којима доминирају моноаспективи СВ: *зажелети (се)*, *наželети (се)*, *оджелети*, *прижелети*, *доželети (се)*, *ужелети (се)*. Моноаспектив НСВ *прижељкивати* у примарном значењу је изузетно фреквентан, са израженим компоненама „у тајности” и „дуготрајност”, а суфиксом *-к-*, поред деминутивности, обележава се и дуго трајање жеље, па стога итеративно-деминутивни глагол *прижељкивати* и класификујемо као моноаспектив НСВ: *Она је то дуго планирала и прижељкивала и сада је срећна што ће тако битно животно питање решити*… (SRWAC). Моноаспектив СВ *наželети* поседује резултативно значење, тј. указује на остварење модалне ситуације, испуњење жеље којој је субјекат дуго тежио. Будући да је делимитатив на *по-* присутан и у српском језику, ваља нагласити да га такође не сматрамо парњаком *желети*. Изненадност и тренутност појаве жеље да се каква активност предузме утиче на то да временске реченице у којима се јавља глагол *пожелети* могу да буду, у дубинској структури, услов да би се поступало на одговарајући начин и следе пре реализације радње независне реченице: (а) *Такав сам ја: кад нешто пожелим, постајем просто неурачунљив* (КССЈ); vs. (б) *Такав сам ја: кад нешто желим, постајем просто неурачунљив* (према Балек 2023: 75). Међу моноаспективе СВ убрајамо и *ужелети* (*се*) за који бисмо, према речничким подацима, могли помислити да је могућа префиксална алтернација са дериватима на *за-* и *по-*, међутим, испитивање је показало да се дериват на *у-* не среће без морфеме *се*, што је разлог да *ужелети се* уврстимо у ред моноаспектива СВ: *Ако смо се ичега ужелели овог лета, то су кише и ниже температуре* (SRWAC).

Дакле, покушали смо да на примеру глагола *мочь*/*моћи* и *желать*/*желети* укажемо на аспектуална својства модалних глагола, односно да утврдимо постојање видске корелативности наведених непрефиксираних јединица и њихових директних изведеница. Утврђено је, наиме, да постоји основ за разграничење разматраних модалних глагола и њихових деривата, чак и уколико речници идентификују видску корелацију међу њима. Запажена је тенденција секундарне имперфективизације и код разматране скупине глаголске лексике, као и плодна префиксација анализираних модала, с обзиром на то да постоје глаголи који су део активног узуса, али их лексикографска грађа не идентификује. Присутна префиксална алтернација додатно указује на сложеност анализираног система, те се, узевши у обзир да је у неким случајевима реч о префиксима који имају врло различита лексичка значења, намеће питање њихове граматикализације, али се уједно указује и на то да је њихова семантика инкодирана у дубљој структури, па ју је некада немогуће идентификовати простим „разлагањем" морфема ван контекста.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

Балек Т. *Моноаспективи у руском и српском језику*. Нови Сад: Филозофски факултет, 2023.

Горбова Е. В. „Двухкомпонентная модель русского вида: положения, предсказания, подтверждения." *Славистика*, 23, 1 (2019): 45–61.

Mrazović P., Vukadinović, Z. *Gramatika srpskog jezika za strance*. Sremski Karlovci–Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009.

Падучева Е. В. „Модальность." В: *Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I*. В. А. Плунгян (Отв. ред.). Санкт-Петербург: Нестор-История (2016): 19–94.

Пипер П., Клајн И. *Нормативна граматика српскога језика*. Нови Сад: Матица српска, 2017.

Пипер П., Клајн И., Драгићевић Р. *Нормативна граматика српскога језика*. Нови Сад: Матица српска, 2022.

Станојчић Ж., Поповић Љ. *Граматика српскога језика*. Београд – Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства – Завод за издавање уџбеника, 1992.

Стевановић М. *Савремени српскохрватски језик I. Увод, фонетика, морфологија*. Београд: Научна књига, 1970.

Хантоош А. А.-Д. М. *Неполнозначные глаголы в современном русском языке: состав и функционирование*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Елец: Липецкий государственный педагогический университет, 2005. <https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002802512.pdf> (16. 5. 2023)

Холодилова М. А. „Грамматикализация русских модальных глаголов." *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН*, XI, 1 (2015): 369–399.

Хубровская, М. Р. „Грамматическая семантика модальных глаголов." В: *Актуальные проблемы теории языка, страноведения и методики преподавания иностранных языков*. М. Р. Хубровская (ред.). Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т. (2005): 35–37.

Шведова, Н. Ю. *Русская грамматика*, т. I. Москва: Изд-во Наука, 1980.

ИЗВОРИ

КССЈ: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus> (9. 1. 2025)
МАС: *Словарь русского языка*, т. I–IV. – 4-е изд., стер. Москва: Изд-во Русский язык. <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (9. 1. 2025)
НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отдел компьютерной лингвистики и лингвистической поэтики. <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (25. 12. 2024)
РМС: *Речник српскохрватског књижевног језика*, т. I–VI. Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967–1976.
SRWAC: <https://www.clarin.si/noske/all.cgi/wordlist_form?corpname=srwac> (10. 1. 2025)

АСИММЕТРИЧНЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ ВИЗАНТИЙСКИМ ГРЕЧЕСКИМ ОРИГИНАЛОМ И СТАРОБОЛГАРСКИМ ЦЕЛЕВЫМ ТЕКСТОМ В *УЧИТЕЛЬНОМ ЕВАНГЕЛИИ* КОНСТАНТИНА ПРЕСЛАВСКОГО

ЕКАТЕРИНА ДИКОВА (Bulgarie)

Доцент, доктор, Институт балканистики с Центром фракиологии, Болгарская академия наук / проектный сотрудник, Институт славистики, Университет Инсбрука

В постере рассматриваются два переводческих приёма, использованные Константином Преславским в *Учительном Евангелии* (далее – УЕ), самом объёмном сборнике проповедей конца IX века. Речь идёт о передаче фразы одним словом или наоборот, одного слова – фразой, а также о добавлении уточнений к оригиналу. Систематизируются случаи нарушения количественного эквивалента при небуквальной передаче семантики слов и выражений византийского оригинала в староболгарском переводе. Исследование основано на четырёх полных списках памятника: русском Синодальном XII века (S) и трёх сербских – Гильфердинговом 1286 г. (G), Хилендарском 1344 г. (H) и Венском XIV века (W). Работа является результатом проекта «Лексическое богатство *Учительного Евангелия* Константина Преславского: староболгарско-греческие и греко-староболгарские словарные указатели», финансируемого болгарским Фондом научных исследований (договор КП-06-Н50/2).

Отправной точкой анализа служит систематизация асимметричных переводческих соответствий, визуализированных в схеме. В ней отчётливо выделяются общеязыковые случаи (характерные и для других памятников данной эпохи) и частные (контекстуально и стилистически связанные с УЕ). После краткого обзора каждого типа особое внимание уделяется словосочетаниям, соответствующим сложному слову, и типу «две лексемы против одной».

Первый из этих двух типов представляет собой общеязыковое переводческое решение, при котором наблюдается конкуренция между асимметричными и симметричными параллелями. Сюда относятся многочисленные греческие предложные обороты в атрибутивной функции, переводимые на болгарский прилагательным, причастием или наречием, напр.: гладьнъ : ὁ ἀπὸ λιμοῦ (39/185a21Cs); бєѕначалънъ: ὁ ἐπέκεινα πάσης ἀρχῆς (1/7d12); вельми : ἐπὶ πλεῖον (3/11b12). Другую подгруппу составляют староболгарские словосочетания, соответствующие греческой лексеме с префиксом или без него, как например προκατέχω : дрьжати испрьва (1/6d4–5) или

εἰκότως : въ лѣпотѫ (47/212b18–19). Здесь также наблюдается конкуренция между однословными и фразеологическими эквивалентами.

Второй рассмотренный тип связан с частными переводческими решениями. Особую группу в нём составляют случаи, когда в оригинале представлены две лексемы, а в переводе – одна, или наоборот. В УЕ компоненты таких словосочетаний соединены сочинительно или подчинительно. Сочинительная связь наблюдается в следующих случаях: 1) взаимодополняющие лексемы, выражающие сложное исходное значение – истъ и приснъ : γνήσιος (1/7c2–3) » [истиньнъ и приснъ H]; 2) синонимичные лексемы, одинаково точно передающие греческий оригинал – рачица ковьчежьць : γλωττόκομος (51/233a10–11); 3) контекстуальные синонимы – прѣѣтиѥ и плѣнѥниѥ : ἅλωσις (46/209b1–2). Примеры подчинительной связи с поясняющей семантикой по отношению к оригиналу: помаꙁаниѥ красотъı : ἐπίτριμμα (48/217c2–3) или подвиꙁаниѥ брани : ἀγών (50/228c7–8).

Немало и сочинительно связанных выражений в греческом оригинале, которым в переводе соответствуют однословные эквиваленты, например: εὔνοια καὶ φιλία : любъı (50/228b7) или κοῖλος καὶ χθαμαλός : ѫдольнъ (35/162b3). Интересен и пример εὐσωματέω καί σφριγάω : съдравъ играѣ и весела сѧ (4/18a9–10), где наблюдается легкая модификация семантики исходного выражения при сохранении фигуры (или точнее – внедрение новой фигуры в качестве соответствия второму компоненту оригинала).

В целом частные переводческие решения – и не только в контексте фразовых единиц – стилистически и контекстуально мотивированы. Они отражают степень владения языком, понимания текста, а также отношение переводчика к целевой аудитории. Такие подходы относятся к фразовому переводу и делятся на структурные и семантические. В ряде случаев семантические нюансы в переводе либо смягчают, либо усиливают послание оригинала. Смягчение, например, наблюдается в контекстуальном соответствии ἀδύνατον : неоудобь бъıти (48/217d5–6), усиление – в вьселичьскъı рѫгати сѧ : κωμῳδέω (6/39b15–16), где послание целевого текста оказывается более воздействующим на аудиторию, которая могла бы не уловить иронии в речи исцелённого слепца к фарисеям.

В части переводных перифраз наблюдается как структурное упрощение, так и усложнение. При структурном упрощении часто достигается и конкретизация смысла,

опять же, обусловленная контекстом и стилем, как, например, в передаче необдуманного суждения с помощью слова «дерзость» – προπετής γνώμη : дрьꙁость (5/28d11), или передачи глагольной фразы о (душевной) борьбе глаголом «огорчаться» – εἰς ἀγωνίαν ἐμβάλλω : сътѫжити (6/37d12–13β). Такие решения также способствуют более энергичному стилю, предпочитаемому в ораторском искусстве. Они свидетельствуют о творческом подходе к оригиналу, продиктованном стремлением к более сильному воздействию на аудиторию. Плеонастические обороты, напротив, обусловлены стремлением к более изысканным выражениям, сигнализирующим высокий стиль, например: ѫже желѣзьно : ἄλυσις (48/219a12–13) (вместо просто ѫже или верига) или словосочетания, имеющие однословные синонимы в повседневной речи, как дьнь сѫботьнъ : σάββατον (37/W235b3–4WG-Nt) (вместо сѫбота).

В заключение можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, богатая синонимия, то есть несколько переводческих соответствий к одной исходной лексической единице (слову или фразеологизму) из абстрактной терминологии, указывает на стремление к поиску наилучшего соответствия на целевом языке. Во многих случаях среди вариантов возникает эквивалент, который впоследствии становится предпочтительным. Возможно, синонимия также свидетельствует о внимании к семантическим оттенкам в конкретном контексте и стремлении к вариативности высказывания в духе классической риторики. Во-вторых, группа частных (контекстуально и стилистически обусловленных) фразеологических соответствий раскрывает особенности переводческого подхода Константина Преславского: с одной стороны это стемление к упрощению сложных выражений, с другой – к пояснению не вполне ясных. Это связано с заботой переводчика о своей аудитории – недавно крещённых мирянах, пришедших на воскресную литургию. В-третьих, *Учительное Евангелие* документирует устойчивые словосочетания, ставшие неотъемлемой частью болгарского фразеологического богатства, а после адвербиализации – и лексического фонда (напр. сирѣчь и въ кратъцѣ). Некоторые из рассмотренных идиоматических употреблений (лѣть есть, кромѣ творити) ушли из живого языка, но другие (пакость (съ)творити, вѣрѫ ѩти, срв. совр. *правя пакост*, *хващам вяра*) сохраняются в болгарском языке и поныне.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архим. Антоний. 1885. *Из истории древнеболгарской церковной проповеди. Константин, епископ Болгарский и его Учительное евангелие*. Казань: Типография Императорского университета.

Блахова, Эмилия и Живка Икономова. 1993. Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха. *Palaeobulgarica / Старобългаристика* 17(3), 13–26.

Велинова, Вася. 1998. *Слово за епископ Константин Преславски*. [София:] Издателство „Време“.

Велчева, Боряна и Андрей Бояджиев. 2020. Някои особености на езика на Пространното житие на св. Методий и проблемът за авторството. *Palaeobulgarica / Старобългаристика* 44(3), 3–23.

Галлучи, Элеонора. 2001. Учительное евангелие Константина Преславского (IX–X в.) и последовательность воскресных евангельских чтений церковного года. *Palaeobulgarica / Старобългаристика* 25(1), 3–20.

Горский, Александр и Капитон Невоструев 1859. *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки*. Отдел 2. *Писания святых отцев*. 2. Писания догматическия и духовно-нравственныя. Москва: Синодальная типография, 409–464.

Койчева, Регина. 2014. Акростих. In *SCRIPTA BULGARICA: Digital Library of Medieval Bulgarian Literature* http://scripta-bulgarica.eu/en/terms/akrostih (12.12.2024)

Котова, Добриела. 2022а. Слово 19 от Учителното евангелие и неговите гръцки източници. *Palaeobulgarica / Старобългаристика* 46(1), 3–28.

Котова, Добриела. 2022б. Оригинално произведение на Константин Преславски ли е 42 слово на Учителното евангелие? *Старобългарска литература* 65-66, 99–126.

Котова, Добриела. 2024. Чии са тълкуванията в Слово 32 на Учителното евангелие? *Palaeobulgarica / Старобългаристика*, 48/4 (2024): 3–45. https://doi.org/10.59076/2603-2899.2024.4.01

Марти, Роланд. 2024. Константин Преславски и неговото творчество в контекста на старобългарската писменост: изкуството на акростиха. В: Лора Тасева, Ахим Рабус и Иван П. Петров (ред.), *Учителното евангелие на Константин Преславски и южнославянските преводи на хомилетични текстове (IX–XIII в.): филологически и интердисциплинарни ракурси* (Studia Balcanica 37), 15–34. София: Институт за балканистика с Център по тракология, БАН. DOI:doi.org/10.62761/491.SB37.01

Митов, Георги. 2022. Византийските новозаветни катени и Учителното евангелие на Константин Преславски: от катената към хомилията (Предварителни наблюдения). *Palaeobulgarica / Старобългаристика* 46(2), 29–43.

Петрински, Герасим. 2014. *Късноантична и византийска канонична реторика*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.

Петров, Иван. П. 2023. Към преводаческите съответствия на гр. Διανοια в южнославянските преводи на Житието на св. Антоний Велики и старобългарската книжнина. *Кирило-Методиевски студии* 33, 247–270.

Попов, Георги. 1985. *Триодни произведения на Константин Преславски* (Кирило-Методиевски студии 2). София: Кирило-Методиевски научен център.

Спасова, Мария. 2005. Исторически и квазиисторически подход при тълкуването на сведенията за преводаческата дейност на славянските първоучители по време на моравско-панонската им мисия. В: Анна-Мария Тотоманова и Татяна Славова (съст.), *Нѣстъ ученикъ надъ учителемь своимь. Сборник в чест на проф. дфн Иван Добрев, член-кореспондент на БАН и учител*, 106–144. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“,

Тасева, Лора. 2024. Лицата на добродетелта: преводните съответствия на гр. ἀρετή в Учителното евангелие на Константин Преславски – In: Lia Brad Chisacof, Simona Nicolae, Cătălina Vătășescu (coord.) *Zamfirei Mihail Omagiu,* 837–856. Cluj-Napoca.

Тасева, Лора, Котова, Добриела, Петров, Иван П., Дикова, Екатерина, Станковска, Петра, Митов, Георги 2024. *Учителното евангелие на Константин Преславски.* Т. 1. Старобългарско-гръцки речник Т. 2. Гръцко-старобългарски речник. София: Изд. на БАН „Проф. Марин

Дринов“ / ИБЦТ-БАН; DOI: https://doi.org/10.62761/552.UE.v1, https://doi.org/10.62761/576.UE.v2.
Тихова, Мария. 2012. *Старобългарското Учително евангелие на Константин Преславски. С детайлното описание от Елена Уханова на най-стария препис (ГИМ Син. 262)*. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris 58). Freiburg i. Br.: Weiher.
Dimitrova, Aneta. 2019. Double Translations as a Characteristic Feature of the Old Church Slavonic Translation of John Chrysostom's Commentaries on Acts. *Studia Ceranea* 9, 407–428.
e-SJS. *Elektronický slovník jazyka staroslověnského*. http://gorazd.org/gulliver/?envLang=en (16.03.2023).
Petrov, Ivan P. 2022a. The Greek Sources of Učitel'noe Evangelie Revisited: Sermon 20. *Palaeobulgarica / Старобългаристика* 46(2), 3–29.
Petrov, Ivan P. 2022b . The Greek Term Διανοια in Učitel'noe Evangelie and the Classical Old Church Slavonic Texts. *Балканско езикознание / Linguistique balkanique* 61(1), 49–67.
Reinhart, Johannes 1986. Une figure stylistique dans la traduction vieux-slave des "Homélies sur les Évangiles" de Grégoire le Grand en comparaison avec les textes scripturaires. In J. Fontaine, R. Gillet, S. Pellistrandi (éd.), *Colloques internationaux du CNRS. Grégoire le Grand. Chantilly, Centre culturel Les Fontaines, 15–19 septembre 1982*, 597–606. Paris: Éditions du CNRS.
Ruskov, Martin and Lora Taseva. 2022. Computer-Aided Modelling of the Bilingual Word Indices to the Nineth-Century Uchitel'noe evangelie. In Leonardo Candela, Gianmaria Silvello (ed.), *Proceedings of the 26th International Conference on Theory and Practice of Digital Libraries – Padua, Italy, September 20, 2022*, 19–31. https://ceur-ws.org/Vol-3246/ (30.03.2023)
Stankovska, Petra. 2016. Některé překladové a jazykové prvky nejstaršího známého opisu části modlitby sv. Řehoře v hlaholském Dimitrijově žaltáři. In: Quadrivium (In honorem 3. Юбилеен сборник в чест на 60 годишнината на проф. д-р Веселин Панайотов), 383–390. Шумен: Научен център "Преславска книжовна школа".
Thomson, Francis. 1986. Constantine of Preslav and the Old Bulgarian Translation of 'Historia ecclesiastica et mystica contemplatio' Attributed to Patriarch Germanus I of Constantinople. *Palaeobulgarica / Старобългаристика* 10(1), 41–48.

AI CHATBOTS AS COMPANIONS AND MORE: SHAPING THE WRITING PROCESS IN HETEROGENEOUS ADVANCED RUSSIAN LEARNER GROUPS WITH AI

DARIA DORNICHEVA, MARIA SULIMOVA (GERMANY)
Bamberg,[1] Berlin / Leipzig, Wuppertal

In recent years, we have witnessed the rapid development of AI. As with any new technology that holds the potential to fundamentally reshape the way we live and work, the rise of AI has been accompanied by both high hopes and considerable concerns. These concerns are especially notable in the academic context, where the use of this technology is no longer a matter of individual choice. For instance, the EU AI Act requires higher education institutions from February 2025 onward to specifically prepare students for an AI-influenced job market, thus requiring educators to possess advanced AI-related competencies that go beyond the mere use of technology (cf. Weßels 2024). In light of these developments, it is becoming increasingly important to share and discuss practical experiences and critically reflect on the didactic potential of implementation of AI across discipline-specific teaching contexts.

A growing body of recent scholarly work has documented and analyzed the integration of AI into language instruction across a range of languages (cf. Mazilli 2021; Dornicheva & Birzer 2023; Redmann 2024; Pribble 2024 among many others). Our poster paper contributes to this ongoing discourse by exploring the pedagogical implications of using generative AI chatbots to enhance the writing proficiency of advanced learners of Russian. We aim to show that these technologies can serve as valuable tools for addressing specific challenges in contemporary Russian language classrooms.

Since one of the most important aspects of integrating AI into the educational process is that its use must be goal-oriented and aligned with learning objectives, in our paper we present succinct comprehensive instructional scenarios rather than isolated chatbot-based tasks. The three scenarios we present in this paper were developed together at the universities of Bamberg and Leipzig, and tested over the course of several semesters in 2023-2024 in different heterogeneous learner groups of B2-level[2] HL and L2 learners at the University of Leipzig. For our classes we used process-oriented writing instruction (Hayes & Flower 1980) and genre-based approach (Gürsoy 2018, Troyan 2020). In all the scenarios we tested, we placed particular

[1] This paper is partly a result of the project 'DiKuLe — Digitale Kulturen der Lehre entwickeln' [Developing Digital Cultures of Teaching]. DiKuLe is based at the University of Bamberg and is funded by The Foundation for Innovation in Higher Education (Stiftung Innovation in der Hochschullehre).
[2] In this paper, we utilize CEFR —Common European Framework of Reference for Languages, Council of Europe, 2020.

emphasis on fostering awareness of AI's limitations, which is considered to be an essential component of working with AI technologies in educational settings (Yang & Li 2024).

In the first scenario, students used a generative AI chatbot as a discussion partner within a CLIL-based teaching unit on Soviet industrialization. After working with relevant texts and a video lecture, they prepared arguments for and against the topic and then composed a written argument on a historical figure of their choice, selected from the pool of characters provided by *Character AI*. The instructional focus included both content-related knowledge and linguistic skills, including passive constructions, causal and concessive clauses, and vocabulary development. Finally, the students summarized and reflected on the argument in a written report.

The second scenario employed an AI-generated text as a genre model for writing fictional biographies of literary characters. This scenario concluded a unit on Mikhail Bulgakov's novel *The Master and Margarita* in a B2.1-level group. Students were asked to compose fictional biographies of characters, using a *ChatGPT*-generated biography of the Master (in response to the prompt "Расскажи биографию Мастера") as an initial model. In small groups, learners first analyzed the text, identified and corrected factual and language inaccuracies, and discussed its structure. This peer collaboration promoted critical language awareness and a better genre understanding. Based on the revised model, students then created biographies for other characters and engaged in peer reviews. The task fostered structured writing, genre competence, and reflective engagement with AI tools (Dornicheva & Sulimova 2025).

In the third scenario, a customized AI chatbot based on *OpenAI*'s *ChatGPT* model[3] was used to support students at various stages of the writing cycle in composing travel notes. The scenario was thematically embedded in a course module on the geography of the CIS countries and followed a genre-based instructional approach. As genre models, authentic travel notes by blogger Anna Smolina (Smolina, n.d.) were used. The learner group was highly heterogeneous, comprising both L2 and heritage speakers of Russian, with proficiency levels ranging from A2 to C1. The combination of chatbot interaction, collaborative small-group work, and formative teacher feedback facilitated effective differentiation and fostered active engagement of all students in the writing process (Sulimova & Dornicheva 2024).

[3] This chatbot, titled "Помощник в написании путевых заметок", is accessible at the following link: https://chatgpt.com/g/g-OP19mBSPd-pomoshchnik-v-napisanii-putevykh-zametok. It can be integrated into various instructional scenarios. One such example is the set of teaching materials developed within the framework of the project *DiKuLe — Digitale Kulturen der Lehre entwickeln* at the University of Bamberg, where the chatbot is a part of a learning unit on contemporary Moscow "Moscow in Times of War. Photographer Alexander Gronsky", specifically as a tool for the final writing task (Dornicheva & Birzer forthcoming).

Our teaching experience has demonstrated that generative AI chatbots, when strategically integrated into language instruction, can be useful tools that may enhance the writing skills of advanced Russian L2 learners and HL learners. Class work, including the analysis of interaction with AI-chatbots and group discussions, teaches students to examine the writing process and use an analytical approach when working with texts. This work helped students to better understand the separate phases of the writing process and to heighten their awareness of language, especially with regards to text and writing (Peschel & Sulimova 2021). Moreover, the use of AI chatbots has proven to be an effective means of differentiation in heterogeneous learner groups, enabling students to work at their own pace and engage in reflection on their linguistic choices and writing strategies.

REFERENCES

Dornicheva, D., & Birzer, S. (2023). Playing at conversation: Chatbots in Russian language teaching. In: Nuss, S. V. & Kogan, V. V. (ed.). *Dynamic teaching of Russian: Games and gamification of learning*. Routledge. 189–208.

Dornicheva, D., & Birzer, S. (forthcoming). Rossija glazami rossijskich fotografov-dokumentalistov/ Russland durch die Linse der russländischen dokumentarischen Fotografie. Lernmaterialien für Russisch vom Projekt *DiKuLe — Digitale Kulturen der Lehre entwickeln*. [Russia through the Lens of Russian Documentary Photography. A Series of Teaching Materials for Russian Language Instruction developed at the University of Bamberg within the framework of the project *DiKuLe*]. OER@vhb [Open-access educational materials provided by the The Virtual University of Bavaria].

Dornicheva, D., & Sulimova, M. (2025). Chatbots Im Schreibunterricht für Fortgeschrittene Russischlernende [Chatbots in Writing Instruction for Advanced Learners of Russian]. *SlavUn - Slavische Sprachen Unterrichten. Special Issue: KI-basierte Anwendungen in der Vermittlung slavischer Sprachen* [SlavUn — Teaching Slavic Languages. Special Issue: AI-Based Applications in Slavic Language Instruction]. The University of Bamberg Press. 30–56.

Gürsoy, E. (2018). Genredidaktik. Ein Modell zum generischen Lernen in allen Fächern mit besonderem Fokus auf Unterrichtsplanung [Genre didactics: A model for generic learning across all subjects with a special focus on lesson planning]. In: *Kompetenzzentrum ProDaZ*. [Competence Center ProDaZ]. https://www.unidue.de/
imperia/md/content/prodaz/guersoy_genredidaktik.pdf

Hayes, J., & Flower, L. (1980). Identifying the organisation of writing processes. In: Gregg, L. & Steinberg, E. (ed.). *Cognitive processes in writing*. Hilsdale. 3–30.

Mazzilli, F. (2021). Chatbots for action-oriented language learning: Using Elbot to enhance conflict-solving skills in learners of German as a foreign language. *EL.LE*, 10(1), 95–116.

Peschel, C., & Sulimova, M. (2021). Schreibprozesse und Schreibstrategien mehrsprachiger Schüler*innen der Sekundarstufe I [Writing processes and writing strategies of multilingual students in secondary school I]. *Informationen Deutsch als Fremdsprache* [Information on German as a Foreign Language], 48(6), 632–647.

Pribble, K. (2024). Fostering Critical AI Literacy in the Russian Language Classroom. *Russian Language Journal*, 74(1).

Redmann, J. (2024). Genre-based writing in the German classroom in the age of generative AI. *Die Unterrichtspraxis/Teaching German*, 57(2), 263–276.

Smolina, A. [@achegodomasidet]. (n.d.). Posts [Instagram profile]. Instagram https://www.instagram.com/achegodomasidet

Sulimova, M., & Dornicheva, D. (2024). AI Chatbot as a Companion in Writing Travel Notes. *Russian Language Journal*, 74(1).

Troyan, F. (2020). Genres in contextualized world language assessment and learning. In: F. Troyan (Ed.), *Genre in world language education: Contextualized assessment and learning*. Routledge. 3–31.

Weßels, D. (2024). AI Leadership als Königsdisziplin. *Changement! Das Magazin für Veränderungsprozesse*, 10–11. (14.05.2025).

Yang, L., & Li, R. (2024). ChatGPT for L2 learning: Current status and implications. *System*, 124, Article 103351.

WPŁYW CZYNNIKÓW SPOŁECZNYCH NA CHARAKTER PRZEŁĄCZANIA (I MIESZANIA) KODÓW W KONTAKCIE POLSKO-WSCHODNIOSŁOWIAŃSKIM. PRZYPADEK POLSKIEJ WSI WIERSZYNA NA SYBERII

MICHAŁ GŁUSZKOWSKI (POLSKA)
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu
micglu@umk.pl

Przełączanie kodów od samego początku badań nad nim poddawane jest analizom w dwóch aspektach: lingwistycznym i socjologicznym. Według P. Muyskena (2000: 3–8) zmiana języka podczas wypowiedzi może mieć charakter trwały (alternacja), chwilowy (wtrącenia) lub dokonywać się naprzemiennie w ramach współdzielonych struktur gramatycznych i zasobów leksykalnych (kongruentna leksykalizacja). W jednej społeczności, a nawet w idiolektach odrębnych jednostek wspomniane typy przełączania kodów występują równolegle, a o ich proporcjach decydują czynniki społeczne i psychiczne. Na podstawie materiałów terenowych gromadzonych we wspólnocie potomków osadników z Małopolski, którzy przybyli na Syberię w 1910 r. w latach 2008–2019 w Wierszynie (obw. irkucki, Rosja) wykazana zostanie zależność poszczególnych typów przełączania i mieszania kodów od czynników pozajęzykowych. Jest to dwujęzyczna społeczność reprezentująca typ kontaktu językowego między wariantem dialektalnym języka odziedziczonego (mieszanina gwar z różnych części Małopolski) i wariantem ogólnym języka większości (rosyjski) przy współudziale literackiej polszczyzny we współczesnym okresie istnienia wspólnoty (Głuszkowski 2024: 52). Analizy jakościowe i ilościowe pozwoliły na uwzględnienie czynników indywidualnych, takich jak wiek i przynależność pokoleniowa, wykonywany zawód, struktura etniczna rodziny i poziom wykształcenia, a także grupowych, wśród których najważniejsze znaczenie ma sytuacja komunikacyjna oraz układ dyglosji, czyli utrwalonego społecznie przyporządkowania języków do określonych sfer życia (por. m.in. Ferguson 1959: 336; Fishman 1985: 39).

Bilingwizm wierszynian jest powiązany z dyglosją, której forma ewoluowała od początków istnienia wsi, ponieważ z biegiem czasu język rosyjski wypierał polszczyznę z kolejnych sfer życia. Na podstawie zmieniających się okoliczności społeczno-politycznych w historii Wierszyny można wyróżnić trzy okresy: 1) Od założenia wsi do końca okresu kolektywizacji (1910–1939) osadnicy starali się odtworzyć warunki społeczno-kulturalne ze swoich rodzinnych miejscowości, a wspólnota była homogeniczna pod względem etnicznym, co sprawiało, że poza kontaktami z administracją i buriackimi sąsiadami językiem dominującym we wszystkich sferach była małopolska gwara. Okres ten zakończyły zmiany

polityczne, związane nie tyle z Rewolucją Październikową, której skutki na Syberię dotarły z opóźnieniem, ile z przymusową kolektywizacją, stalinowskimi represjami, zamknięciem kościoła i Operacją polską NKWD w latach 1937–38, a także włączeniem do wierszyńskiego kołchozu rosyjskich chutorów; 2) W drugim okresie dziejów Wierszyny (1940–90) nasilały się rosyjskie i radzieckie wpływy na polską kulturę i język, a w związku z upowszechniającymi się małżeństwami mieszanymi, zakłócona została międzypokoleniowa transmisja języka mniejszości. Wobec braku kościoła i duchownych oddziaływanie jednego z ważniejszych czynników podtrzymujących tożsamość zostało zniwelowane; 3) Współczesny okres historii wsi został zapoczątkowany w 1991 r. rozpad Związku Radzieckiego, a zmiany społeczno-polityczne zaznaczyły się nie tylko w kwestii przywrócenia swobód religijnych, ale i w umożliwieniu kontaktów z Polską i językiem polskim w sferze administracji i szkolnictwa. Równolegle postępowały zmiany społeczno-cywilizacyjne przyspieszające asymilację potomków polskich osadników z rosyjskim społeczeństwem (zob. m.in. Głuszkowski 2012). Postępujące zmiany determinowały układ dyglosyjny, który z kolei jest kluczowy dla sytuacji komunikacyjnej. Podczas indywidualnych aktów mowy członkowie wspólnoty dokonują wyboru języka. Użycie kodu zgodnego ze społecznymi oczekiwaniami, określanymi przez dyglosję, jest traktowane jako zachowanie neutralne, podczas gdy wybór języka „nieoczekiwanego" ma charakter oznaczony (por. Myers-Scotton 1986: 403–404). W obserwowanych przez nas sytuacjach działania mające na celu uniknięcie oznaczoności prowadziły do przejścia na język rosyjski, np. jeśli do grona rozmówców dołączał sąsiad pochodzący z rosyjskiej rodziny (Głuszkowski 2024: 121–123).

Jednym z podstawowych czynników różnicujących zachowania językowe w wierszyńskiej społeczności jest przynależność pokoleniowa. Osoby urodzone w pierwszym okresie historii wsi socjalizowały się w środowisku przede wszystkim polskojęzycznym, a z czasem udział języka rosyjskiego, także w sferze domowej, był coraz większy. Wpływało to na ogólną kompetencję w zakresie języka mniejszości, a tym samym na potrzebę uzupełniania kodu (por. Gafaranga 2012), czyli przełączeń na lepiej opanowany język większości, ponieważ zasoby strukturalne i leksykalne w języku odziedziczonym są niewystarczające dla kontynuacji wypowiedzi. Jest to obecnie bardzo częsta przyczyna przełączania kodu, gdyż w Wierszynie mamy do czynienia z kontaktem języka opanowywanego w pełnym zakresie przez wszystkich członków wspólnoty (rosyjski) i małopolskiej gwary, która poddana jest silnym wpływom rosyjskim, a poziom jej znajomości jest mocno zróżnicowany między- i wewnątrzpokoleniowo.

Istotnym czynnikiem powodującym odstępstwa od określonych przez dyglosję zasad

wyboru języka, jest poczucie tożsamości i wynikające z niego postawy wobec języka przodków jako nośnika tradycji. Tożsamość wierszynian, będąca efektem ponad stuletniego kontaktu językowego i kulturowego, składa się obecnie z elementów wywodzących się nie tylko z kultury polskiej, ale także rosyjskiej, radzieckiej i buriackiej. Sytuację dodatkowo komplikuje funkcjonalne zróżnicowanie poszczególnych elementów w różnych sferach życia, ale mimo malejącej roli małopolskiego dialektu jako środka komunikacji, nadal jest on ważnym wyznacznikiem odrębności mieszkańców Wierszyny od ich wielokulturowego syberyjskiego otoczenia (Głuszkowski 2014).

W społecznościach dwujęzycznych indywidualne zróżnicowania przełączania kodów mogą prowadzić do określenia typu idealnego osoby przejawiającej takie predyspozycje (por. koncepcja *ideal code-switcher* Rity Franceschini 1998: 52–53). Choć w wielu sytuacjach językowych do tego typu należą osoby młode o niskim statusie społecznym, to w przypadku potomków polskich imigrantów obserwujemy odmienny model, w którym kod zmieniają osoby starsze lub w średnim wieku, zajmujące stosunkowo wysoką pozycję w lokalnej hierarchii społecznej. Taki stan rzeczy wynika z mniejszej kompetencji w zakresie języka odziedziczonego u młodzieży, która wybiera język rosyjski w większości sytuacji komunikacyjnych, w związku z czym nie musi na niego przechodzić w celu uzupełniania kodu. Tymczasem osoby starsze częściej rozpoczynają swoje wypowiedzi w małopolskiej gwarze, a następnie w celu uzupełnienia kodu przełączają się na język rosyjski i kiedy ich zasoby językowe na to pozwalają, wracają do kodu wyjściowego.

Spośród trzech wyróżnionych przez P. Muyskena typów przełączania i mieszania kodów, do alternacji dochodzi najczęściej u osób młodych, które wobec niedostatecznych zasobów w małopolskiej gwarze, przechodzą na język rosyjski. Wstawki pojawiają się u wszystkich członków społeczności, a różnice dotyczą ich częstotliwości, która z kolei jest powiązana z kompetencją językową – im słabsza znajomość języka odziedziczonego, tym większa potrzeba uzupełniania kodu. Kongruentna leksykalizacja występuje u osób mówiących względnie płynnie gwarą, które nie posiadają rozwiniętej świadomości językowej i ich polszczyzna przyjmuje cechy kodu mieszanego.

Istniejące zróżnicowania indywidualne prowadzą nas zatem na powrót do rozważań na poziomie grupy. Na podstawie analiz w wymiarze synchronicznym i diachronicznym można wyróżnić kilka możliwych scenariuszy dotyczących ewolucji wierszyńskiego bilingwizmu i schematów zmiany kodu w jego ramach. Pierwszy scenariusz dotyczy wąskiej grupy, którą można określić jako elitarną, która oprócz języka rosyjskiego obejmuje dobrą znajomość małopolskiej gwary oraz literackiego wariantu polszczyzny i chociaż wydaje się najmniej

prawdopodobne, że zrealizuje go cała społeczność, to jednak będzie on możliwy dla wybranych jednostek. Drugi scenariusz prowadzi do powstania języka mieszanego i jest obecnie realizowany przez dwa najstarsze pokolenia i trzecie pokolenie w rodzinach etnicznie homogenicznych, ale wraz ze wzrostem liczby małżeństw mieszanych i spadkiem roli języka polskiego w sferze prywatnej, jego kontynuacja w kolejnych pokoleniach wydaje się mało prawdopodobna. Młodszych mieszkańców Wierszyny dotyczy przede wszystkim scenariusz trzeci, zmierzający do zmiany językowej. Według aktualnych obserwacji będzie on zyskiwać na popularności, ponieważ dotyczy najmłodszych osób z rodzin mieszanych, które coraz rzadziej posługują się językiem polskim w życiu codziennym. Jednocześnie można założyć, że dzięki współpracy z konsulatem, organizacjami polskimi w Polsce i Rosji oraz możliwości wyjazdu do Polski w celu zdobycia wykształcenia, poszczególne osoby będą w przyszłości reprezentować również scenariusz dwujęzyczny (pierwszy). Oprócz zakładanego prawdopodobieństwa zaniku przełączania i mieszania kodów na rzecz wtórnej jednojęzyczność lub bilingwizmu polsko-rosyjskiego, możliwe jest przetrwanie pewnej grupy członków społeczności z bierną znajomością języka odziedziczonego (Głuszkowski 2024: 165–168).

BIBLIOGRAFIA

Ferguson, Charles. 1959. Diglossia. *Word* 15(2), 325–340.

Fishman, Joshua. 1985. Bilingualism and Biculturism as Individual and as Societal Phenomena. W: Fishman, Joshua; Gertner, Michael; Lowy, Esther; Milán, William i in. *The Rise and the Fall of Ethnic Revival*. Berlin-New York: Walter de Gruyter, s. 39–56.

Franceschini, Rita. 1998. Code-switching and the notion of code in linguistics. Proposals for a dual focus model. W: Auer, Peter (red.). *Code-switching in conversation. Language, interaction and identity*. London-New York, s. 51–75.

Gafaranga, Joseph. 2012. Language alternation and conversational repair in bilingual conversation. *International Journal of Bilingualism* 16(4), s. 501–527.

Głuszkowski, Michał. 2012. Vershina, a Polish village in Siberia, as a language (dialect) island. *Zeitschrift für Slawistik* 4 (57), s. 427–442.

Głuszkowski, Michał. 2014. „Poloki" czy „Ruskie"? Tożsamość wierszynian na podstawie ich własnych narracji wobec obrazu kreowanego przez polskie źródła. In: Golachowska, Ewa; Zielińska, Anna (red.). *Konstrukcje i destrukcje tożsamości*. Vol. 3. Narracja i pamięć. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, s. 325–340.

Głuszkowski, Michał. 2024. *Code-switching and code-mixing in the conditions of Slavic-Slavic language contact. Vershina – a unique Polish language island in Siberia*. Toruń.

Muysken, Peter. 2000. *Bilingual speech. A typology of code mixing*. Cambridge.

Myers-Scotton, Carol. 1986. Diglossia and code switching. W: Fishman, Joshua (ed.). *In Honor of Charles A. Ferguson on the Occasion of his 65th Birthday*. Vol. 2. *Sociolinguistics and the Sociology of Language*. Berlin-New York: Mouton de Gruter, s. 403–415.

ЗНАЧАЈ И СТАТУС ХИПОНИМИЈЕ У НАСТАВИ СЛОВЕНСКИХ ЈЕЗИКА КАО МАТЕРЊИХ[**]

ВАЛЕНТИНА М. ИЛИЋ (СРБИЈА)
Универзитет у Београду Филолошки факултет
Катедра за српски језик са јужнословенским језицима
valentina.ilic@fil.bg.ac.rs

Овај постер-реферат има циљ да укаже на вишеструки значај хипонимије у наставном процесу и представи њен статус у настави матерњег језика у словенским земљама.

Хипонимијске релације су, као и сви садржински лексички односи, утемељене на логичким операцијама, које су интегрисане у математичко-логичкој теорији скупова, која у лингвистици налази широку примену (Allwood et al. 1977, Новиков 1982: 137–147). У основи хипонимије је тако однос инклузије, на коме је заснована операција *подскуп скупа*, са којом је сродна и операција *комплемент скупа*, али се (ко)хипонимски односи доводе у везу и са *унијом*, *пресеком* и *разликом* скупова (Milić 2001: 69–70; Hodel 2013: 15).

У Републици Србији ученици се са *теоријом скупова* систематично упознају у 5. разреду на часовима математике и информатике и рачунарства. У том периоду се освешћују и утврђују когнитивни механизми за разумевање хипонимије (и других лексичкосемантичких категорија), мада у програмима ова интерпредметна корелација није експлицитно препозната. Теорија скупова је еклатантан пример градива на чијој се основи знања из математике, информатике и лингвистике могу природно умрежити. На тај начин буди се истраживачки дух и увиђа смисао предметних садржаја, међу којима се руше дисциплинарне границе на путу до стицања „општег" знања и који удружени стимулишу развој когнитивних способности и логичког мишљења.

Развијање свести о хијерархијској организацији лексике код ученика подстиче уочавање надређених, приређених и подређених појмова. На тај начин подстиче се способност категоризације, која доприноси разумевању вертикалне и хоризонталне устројености не само лексичког система и реалија из света него често и апстрактних научних појмова са којима се ученици срећу у образовном процесу.

Нема школског предмета на коме се ученицима не илуструју поделе и хијерархијски односи међу члановима група. Како бисмо то илустровали, у раду ћемо навести одабране

[**] Први део постер-реферата заснован је на тексту одбрањене докторске дисертације (Илић 2022), а други део (о хипонимији у уџбеницима за матерњи језик словенских земаља) представља резултате новог истраживања које проистиче из првог дела и које је спроведено за ову прилику.

репрезентативне примере, који показују присуство ових односа у теорији многих школских предмета. Отуда се закључује да је учење и увежбавање хипонимије уједно прилика за успостављање корелација међу многим наставним садржајима, који се тако боље разумеју и дуже памте.

Хипонимија утиче на освешћивање и развијање универзалног когнитивног механизма који има широку примену у свим образовним циклусима. Учењем и увиђањем хипонимијских релација логичкој операцији категоризације придружују се и мисаони процеси попут анализе и синтезе, индукције и дедукције, конкретизације и апстракције, који поспешују разумевање и памћење укупног школског градива и постављају поуздане темеље будућем самообразовању.

У раду се доносе разултати водећих психолингвистичких истраживања који одговарају на питање *Када се хипонимија може разумети?* (исп. Pijaže i Inhelder [3]1986: 90–93; Vigotski 1977: 226, 280–281; Lurija 2000: 84–92). С обзиром на чињеницу да са поласком у 5. разред (око 10. године) дете улази у пубертет, сматра се да је ово период у коме је његов когнитивни апарат сасвим спреман за разумевање језичке парадигматике, а самим тим и хипонимије. Ипак, у складу са зоном наредног развоја, коју је увео још Виготски, могуће јој кроз примере ученике упућивати на хипонимију и пре пубертета (у млађим разредима основне школе), мада не на теоријском нивоу, већ искључиво у језичкој пракси, будући да дете овладава логичким односима много пре него што је способно да их освести (Vigotski 1977).

Овај постер-реферат пружа осврт на статус хипонимије у основношколским курикулумима матерњих језика у свим словенским земљама. У актуелним програмима наставе и учења за основну школу у Републици Србији овај парадигматски лексички однос се не помиње, већ је планиран само у трећем разреду гимназија. Ни у остатку словенског света ситуација није много другачија. У основношколским наставним програмима за матерњи језик су „хипонимија и појмови *хипоним* и *хипероним* у већини словенских земаља сасвим занемарени [...] Изузетак чине **чешки** и **словеначки** образовни курикулуми, који наведене односе планирају у првом образовном циклусу (Чешка), односно у 5. разреду (Словенија)” (Илић 2023: 267).

У наставку истраживања представљени су резултати анализе приступа хипонимији у уџбеницима:

(а) чешког језика за 2. и 3. разред трију репрезентативних издавача уџбеника у Чешкој: SPN, Fraus и Didaktis.

(б) словеначког језика за 5. разред трију репрезентативних издавача уџбеника у Словенији: Mladinska knjiga, Modrijan izobraževanje и Rokus Klett.

Испоређење анализираних уџбеника показало је, између осталог, да су хипонимијске релације у словеначким уџбеницима представљене у сведенијој мери него у уџбеницима за чешки језик.

Неколико закључних напомена указују на значај и потребу за хипонимијом у основношколској настави матерњег језика, која корелира са наставом математике, и на којој су утемељена теоријска и практична знања свих научних дисциплина. Иако се са односима субординације ученици сређу током наставног процеса, са њима се детаљније теоријски и практично треба упознати на настави матерњег језика (лексикологије), чиме ученици постају свесни менталне операције коју користе. Не само да уз помоћ хипонимије разумеју лексичку парадигматику, или многе поделе са којима се сусрећу на часовима безмало свих школских предмета, већ им она помаже да боље разумеју свет око себе, организују нова знања и воде своје мисли. На тај начин боље разумеју прочитано, а истовремено постају успешнији говорници и писци, чији су текстови јасни, сегментирани и логични. У наставном приступу хипонимији у словенском свету узорним се могу сматрати анализирани основношколски уџбеници чешког језика у Чешкој.

Кључне речи: хипонимија, логичко и категоријално мишљење, настава словенских језика као матерњих, српски језик, чешки језик, словеначки језик.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

Драгићевић, Р. *Лексикологија српског језика*. 2. изд. Београд: Завод за уџбенике, 2010.

Илић, В. *Теорија и пракса наставе лексикологије српског језика (у основној и средњој школи)*. Докторска дисертација одбрањена 9. 6. 2022. године на Филолошком факултету Универзитета у Београду (ментор: проф. др В. Брборић), 2022.

Илић, В. „Лексикологија у образовним курикулумима словенских земаља (компаративни приступ).” У: *Актуальные проблемы исследования современной славистики: язык, перевод, литература, культура, история:* коллективная монография. С. Ивановна Терехова (гл. ред.). Швейцария, Брюссель: Peter Lang Group AG (2023): 262–270.

Миновић, М. „Избор граматичке теорије за наставне потребе.” *Књижевни језик*, 13/2 (1984): 87–91.

Новиков, А. Л. *Семантика русского языка: Учеб. пособие*. Москва: Высшая школа, 1982.

Новокмет, С. „Називи животиња у настави лексикологије српског језика.” *Књижевност и језик*, LXV/1–2 (2018): 107–119.

Радовановић, М. *Фази лингвистика*. Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2015.

Рош, Е. „Принципи категоризације.” *Језик и сазнање*, *хрестоматија из когнитивне лингвистике*. К. Расулић и Д. Кликовац (ур.). Београд: Филолошки факултет (2014): 45–72.

*

Allwood J., Andersson L.G., Dahl Ö. *Logic in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Clark, E. „Conceptual perspective and lexical choice in acquisition.” *Cognition*, 64 (1977): 1–37.

Clark, E. *First language acquisition*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Clark E., Gelman S., Wilcox Sh. „Conceptual and lexical hierarchies in young children.” *Cognitive development*, 4 (1989): 309–326.

Hodel, R. *An Introduction to Mathematical Logic*. Mineola, New York: Dover publications, 2013.

Lurija, A. *Jezik i svest*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2000.

Lyons, J. *Semantics*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Milić, S. *Elementi matematičke logike i teorije skupova*. Beograd: A–Š delo, 2001.

Pijaže Ž., Inhelder B. *Intelektualni razvoj deteta*. 3. izd. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1986.

Vigotski, L. *Mišljenje i govor*. Beograd: Nolit, 1977.

ИЗВОРИ

Hošnová E., Buriánková M., Pišlová S., Šmejkalová M. *Český jazyk 2 pro základní školy.* Praha: SPN – pedagogické nakladatelství, 2019.

Hošnová E., Šmejkalová M., Vaňková I., Buriánková M., *Český jazyk 3 pro základní školy.* Praha: SPN – pedagogické nakladatelství, 2020.

Babušová G., Chlumská P., Kosová J., Nespěšná V., Řeháčková A. *Český jazyk*, *učebnice pro 2. ročník základní školy*. Plzeň: Nakladatelství Fraus, 2019.

Babušová G., Chlumská P., Kosová J., Nespěšná V., Řeháčková A. *Český jazyk*, *učebnice pro 3. ročník základní školy*. Plzeň: Nakladatelství Fraus, 2020.

Burianová H., Jízdná L., Tarábková M. *Český jazyk*, *učebnice pro 2. ročník základní školy*. Brno: Didaktis, 2014.

Burianová H., Jízdná L., Nováková P., Volf V. *Český jazyk*, *učebnice pro 3. ročník základní školy*. Brno: Didaktis, 2010.

Petek T., Osterman S. *Slovenščina 5. Učbenik za slovenski jezik v petem razredu osnovne šole*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2021.

Kocjan-Barle M., Briški K., Miklavčič M. *Znanka ali uganka 5. Slovenščina za 5. razred osnovne šole. Učbenik*. Ljubljana: Modrijan izobraževanje, 2019.

Cajhen N., Drusany N., Kapko D., Križaj M., Bešter Turk M. *Gradim slovenski jezik 5: izdaja s plusom. Učbenik*. Ljubljana: Rokus Klett, 2024.

SURZHYK: FROM «LINGUISTIC BLEND» TO «THEIR OWN LANGUAGE» OR THE MAIN TRENDS OF CHANGING ATTITUDES TOWARDS UKRAINIAN-RUSSIAN MIXED SPEECH AFTER 24.02.2022

TETIANA KUZNIETSOVA (GERMANY/UKRAINE)
Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg /
Borys Grinchenko Kyiv Metropolitan University

Surzhyk, as a Ukrainian-Russian mixed subcode, has long been the focus of researchers' attention. Nevertheless, it remains a somewhat ambiguous phenomenon, eliciting diverse assessments and attitudes. Within Ukrainian linguistic scholarship, a prevailing tradition has emerged of evaluating this communicative subcode through the lens of linguistic norms, often framing it as a negative or deviant phenomenon. However, in everyday communication, Surzhyk functions actively and reflects the complex sociolinguistic moods and identities of its speakers.

Significant shifts in the perception of Surzhyk became especially evident following the full-scale invasion of Ukraine by the Russian Federation in 2022. This event catalyzed a broader reevaluation of cultural values and linguistic practices among Ukrainians. Since February 24, 2022, the Russian language has been increasingly perceived as the "language of the enemy." In response, an increasing number of Ukrainians have attempted to abandon Russian-language practices. Russian-speaking individuals with limited proficiency in Ukrainian have begun using Surzhyk as a transitional form of speech in their efforts to adopt Ukrainian-language behavior.

During the war, Surzhyk expanded its communicative functions. It came to be used not only as a "home" code in interactions with surzhyk-speaking family members but also as a language of solidarity - the speech of "our own" - when addressing strangers in public spaces.

In this context, Surzhyk emerges not only as a pragmatic communicative strategy, but also as a marker of in-group identity and a subtle form of resistance to the ideological construct of the "Russian World" (Russkiy mir).

Simultaneously, public attitudes toward Surzhyk in media discourse began to shift. In various contexts, it acquired increasingly positive connotations, being described as "home," "ours," and "alive." This reevaluation prompted a reassessment of its axiological status: Surzhyk is now increasingly viewed not as a degraded or undesirable phenomenon, but as a linguistic resource that facilitates the transition to Ukrainian-language use while expressing a deeply rooted and authentic sense of Ukrainianness.

Keywords: Surzhyk, Ukrainian language, language attitudes, language practices, sociolinguistics, media discourse.

ЕКСПРЕСИВНА УПОТРЕБА ВЛАСТИТИХ ИМЕНИЦА У МНОЖИНИ У РУСКОМ, СРПСКОМ И ДРУГИМ СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

Милорад Миљаковић (Србија)
Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет, Одсек за славистику

Властите именице означавају специфичне ентитете (конкретне људе, животиње, географске појмове и небеска тела) и по правилу немају облике множине (Нахимова 2007: 29–30), али се неке од њих у извесним случајевима употребљавају у множини (Стевановић 1980: 82). Поред топонима који имају плурални облик (рус. *Балканы*; срп. *Карпати*, *Сремски Карловци*) и топонима који означавају два или више географских објеката (имају више референата), те могу имати облике двојине или множине (слнч. *Srce dežele ob sotočju dveh* ***Sav***), постоје и оними, који се у множини употребљавају како би означили више лица с неком карактеристичном особином личности која носи, или је носила то име, нпр. срп. *...последња наша борба дала је велики број* ***Милоша*** [према *Милошу Обилићу*] (Стевановић 1980: 335–336).

Караулов (2010: 220) сматра да су прецедентни оними „готови интелектуално-емоционални блокови“ који су добро познати у друштву и често се користе у комуникацији. Између културе и језичког система се налази лингвокултурни систем, који у себи садржи различите јединице: (1) прецедентна имена / прецедентне антропониме, (2) називе предмета из нереалног света, (3) квазиеталоне, (4) квазисимболе и др. Прототипи прецедентних антропонима су веома често књижевни јунаци, али и реални људи: историјске личности, уметници, политичари, спортисти и други, тако да су прецедентна имена великим делом идеолошки обојена и у тесној су вези са одређеним супкултурама. Свака епоха може да има своје прецедентне антропониме, који припадају одговарајућој култури или супкултури (Токарев 2013: 117).

Нахимова (2007: 29–30) истиче да је једна од основних карактеристика властитих именица означавање једног референта. Прелазак антропонима у заједничку именицу омогућава њену употребу у множини, тј. указује на могућност да се односи на више референата, а тиме истиче у први план особину, функцију, као и аксиолошке компоненте датог антропонима које се приписују свим његовим потенцијалним референтима у неком исказу (Нахимова 2007: 62–63).

Поред основних функција категорије броја, ова категорија развија и допунска, некатегоријална значења. Хиперболична множина се употребљава у ситуацији која се

односи на један предмет или појаву, али говорник у жељи да уопшти ситуацију користи облик множине (срп. *Не прави сцене!*). Овако употребљена множина има прагматичку функцију: изражавање узрујаности, незадовољства и других негативних емоција (Кузьменкова 2000: 116). Бунамес (2007: 75–80) сматра да пејоративно значење одређене лексеме непредметног значења множински облик само појачава. Пејоративно значење се врло често укршта са значењима хетерогености, интензивности, трајности и настаје под утицајем микроконтекста и макроконтекста. Ауторка сматра да се именице непредметног значења не могу описати граматичким правилима, јер је правилан избор форме условљен многим факторима (лексичким значењем, типом текста, прагматичким карактеристикама текста, интенцијом адресанта). Томић (2019: 80) примећује да речи субјективне оцене (деминутиви, аугментативи, хипокористици и пејоративи) врло често развијају додатно експресивно обојено значење са множинском компонентом, али да се при томе губе семе величине. Прагматичке функције датих значења множине могу се приметити и у множинској употреби прецедентних онима.

У речнику *Словарь русского языка* (СРЯ 2008) примећен је већи број примера прецедентних антропонима који означавају човека са одређеном особином (нпр. *двуликий янус*, *держиморда*, *донжуан*, *донкихот* и др.) и само један прецедентни топоним (*содом*), док је прецедентни топоним *голгофа* присутан само у електронском издању. Љевина (Левина 2016: 118) долази до закључка да оними могу бити прецедентни уколико се константно репродукују у језику, познати су члановима једне лингвокултуре или макар већини и репрезентују прецедентне концепте, тј. ментално-вербалне јединице, које се користе за представљање, концептуализацију и оцену стварности при грађењу слике света и њених делова. Прецедентни оним увек представља културни концепт и указује на прецедентну ситуацију, а познато је да топоними имају могућност да метонимијски означе неке догађаје, епоху и време.

Корпус рада чине примери ексцерпирани из интернетских новинских чланака, блогова и коментара на друштвеним мрежама. Прикупљени су примери на белоруском, бугарском, македонском, пољском, руском, словачком, словеначком, српском, украјинском и чешком језику. Како је део прецедентних антропонима већ устаљен у друштвено-језичким заједницама и могу се наћи у речницима, у овом раду су анализирани прецедентни антропоними који воде порекло из света политике, спорта и естраде.

Анализирани су и примери прецедентних топонима, који нису устаљени у културно-језичкој заједници, а њихова употреба је контекстуално, културно, историјски и идеолошки условљена. Примери у раду су наведени у њиховом оригиналном облику, без прилагођавања правописној норми. Деонимизоване јединице се пишу великим или малим почетним словом, а понекад се издвајају наводницима. Различито писање датих јединица може додатно утицати на њихову експресивност.

Већи степен прецедентности показују антропоними, пошто указују на носиоца особине. Треба имати у виду да личности из сфере политике, уметности, спорта увек имају везе и са вредносним и идеолошким системом сваког конкретног припадника друштвено-језичке заједнице, тј. да индивидуална значења прецедентних антропонима мотивисаних савременим личностима не морају да спадају у заједнички део кодне компетенције, пошто код појединца могу да побуде личне осећаје. У исказу је понекад неопходно да се концепт, на који прецедентни антропоним указује, додатно вербализује. На негативну оцену деонимизованих антропонима указују њихов множински облик у спрези са заменичким и придевским атрибутима (срп. *којекакви*, *разни*; рус. *всякие* и др.), који у својој семантичкој структури имају сему *сви* (рус. ***никакие байдены*** *и* ***шольцы***; слч. ***takých trumpov***), као и поређење са различитим концептима у исказу (блг. *…и си заслужаваме и* ***азисите****, и* ***малините****, и* ***андреите****. Не заслужаваме* ***Стела***). Пример позитивне оцене се може срести код прецедентних антропонима који означавају талентоване спортисте и уметнике уз атрибут *нови* [онај који се понавља], нпр. рус. ***Новых Магомаевых*** *пока не видно*.

Топоними се одликују мањим степеном прецедентности пошто представљају географске појмове са компликованом семантичком структуром, која зависи од перцепције, друштва, културе, идеологије, вредности, стереотипа, интереса и личних искустава појединца. Ипак, у језику је запажена употреба множинских облика деонимизованих топонима. Деонимизоване топониме прате и заменички и придевски атрибути (срп. *којекакви, разни*; рус. *свои* и др.), нпр. пољ. *...w* ***swoich Moskwach***; рус. *...в* ***своих белградах***; чеш. *...po* ***všech těch Pařížích, Varšavách a Washingtonech***. Деонимизовани топоними у множини се користе у набрајањима приликом изједначавања концепата које представљају (блр. *Дык няхай свае рэвалюцыі робяць у* ***Польшчах*** *ды* ***Літувах***; срп. *raznim* ***Slovenijama, Slovačkama, Češkama, Poljskama***), као и приликом изражавања различитих опозиција ОВДЕ – ТАМО, СВОЈЕ – ТУЂЕ, ДОБРО – ЛОШЕ (мак.

Совет до сите сили, и до ***Белградите****, и до* ***Атините****, и до* ***Софиите****, и до* ***Приштините****, и на крај до Скопјето, па и до Калето: не се лакомете и не ја сањајте Македонија страсно*; укр. *Ні в* ***ваших Канадах-Америках*** *ні в* ***Росіях*** *таких концертів з нагоди Дня Незалежності не бачили*). Дате јединице доприносе експресивности исказа, чиме се могу постићи ефекти ироничности, површности, хиперболизације.

Употреба различитих деонимизованих јединица у множини често се среће у публицистичком стилу, пошто утичу на читаоца путем готових „интелектуално-емоционалних блокова“ (слнч. *Miklavčič Predanova: V Sloveniji je bilo več* ***Holmcov***; срп. *BOSANSKI '****ČERNOBILI****': TOKSIČNI OTPAD U BIH*). Као културне и вредносно маркиране јединице, оне могу утицати на формирање језичке слике света и вредносних оцена, али могу бити и део језичке игре.

Кључне речи: властите именице, заједничке именице, деонимизација, експресивност, множина, словенски језици.

ЛИТЕРАТУРА

Бунамес, Н. В. „Множественное число отвлеченных существительных и норма (на материале русского и французского языков).“ *Вестник ТГУ* Выпуск 10, 54 (2007): 75–80. <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennoe-chislo-otvlechennyh-suschestvitelnyh-i-norma-na-materiale-russkogo-i-frantsuzskogo-yazykov/viewer>. 25.01.2025.

Караулов, Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. Издание седьмое. Москва: Издательство ЛКИ, 2010. <https://rusexpert.ru/public/knigi/8.KaraulovJazLichn2010.pdf>. 31.01.2025.

Кузьменкова, В. А. „Грамматика и прагматика (о некоторых явлениях русской грамматики, которые трудно понять иностранцам).“ *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*. В. В. Красных, А. И. Изотов. (ред.). Москва: МАКС Пресс, 2000. Вып. 14 (2000): с. 114–118. <https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_14_11kuzjmenkova.pdf>. 27.12.2024.

Левина, Э. М. „Может ли быть прецедентным топоним?“ *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 4, 58: в 3 ч. Ч. 2. (2016): с. 115–119. <https://www.gramota.net/article/phil20160732/fulltext>. 25.12.2024.

Нахимова, Е. А. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. университет», Институт социального образования, 2007. <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/5960/1/mon00081.pdf>. 21.01.2025.

[СРЯ]: Ожегов, С. И., Скворцов, Л.И. *Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов*. Москва: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство Мир и Образование», 2008.

Стевановић, М. (1980): *Граматика српскохрватског језика за школе средњег образовања.* Цетиње: ИШП ОБОД – ООУР графичка дјелатност, 1980.

Токарев. Г. В. (2013): „В развитие учения В.Н. Телия о языке культуры: квазиэталоны.“ В: *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. (ред.). Москва: МАКС Пресс (2013): 113–121. <https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_46_11tokarev.pdf>. 27.12.2024.

Томић, Б. Н. *Именске речи које се јављају само у множини у српском језику* (докторска дисертација). Београд, 2019. <https://nardus.mpn.gov.rs/bitstream/id/32565/Disertacija.pdf>. 24.01.2025.

ИЗУЧАВАЊЕ ПАРОНИМИЈЕ У СЛАВИСТИЧКОЈ ЛИНГВИСТИЦИ

ВЕСНА С. НИКОЛИЋ* (СРБИЈА)
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
Катедра за српски језик са јужнословенским језицима

Чланак је посвећен једном од најзапостављенијих парадигматских лексичких односа – паронимији, чије изучавање све више добија на значају, како у славистици генерално, тако и у самој србистици. У раду су постављена два главна циља – осветљавање шире слике развоја лингвистичке мисли о паронимији у славистици и представљање иновативних србистичких погледа на овај језички феномен.

Рад се састоји из три главне целине. Први део представља концизну ретроспективу изучавања паронимије кроз време – од Аристотела и његовог схватања да се „паронимима називају све оне ствари које носе назив према неком другом појму, разликујући се од њега граматичким обликом, као, например, *граматичар* – од *граматика* и *храбар* – од *храброст*” (Aristotel 1954: 15), преко почетака истраживања овог парадигматског лексичког односа у Русији, где се он и данас најактивније изучава, па све до кратког осврта на историјат статуса овог маргинализованог језичког феномена у осталим словенским језичким срединама.

У другом делу чланка издвојени су доминантни приступи паронимији у словенским земљама и указано на чињеницу да на два главна питања у вези са овим односом – да ли се у пароними могу убрајати и истокоренске и разнокоренске лексеме и колико пароними морају бити семантички блиски, односно удаљени – и даље нема јединственог одговора. У руској литератури могу се срести различити ставови у вези са формалном страном лексема у односу паронимије: став да пароними могу бити и истокоренска и разнокоренска образовања заступају, на пример, О. С. Ахманова (1966), Н. П. Колесников (1971), П. А. Лекант и др. (1982), О. А. Антипина (2012), Е. А. Коњева (2018), док се за пароними као једино истокоренске лексеме залажу О. В. Вишњакова (1974), М. И. Фомина (1973), Ј. А. Бељчиков и М. А. Пањушева (1968), Демиденко и др. (1979), Веракша (2000), Д. А. Иванова (2016) итд. (в. Николић 2022: 10–25; Николић 2022а: 255). У већини осталих источнословенских и западнословенских земаља, ако је судити по речницима паронима украјинског, белоруског, пољског и словачког језика, доминира схватање да пароними не

* vesna.nikolic@fil.bg.ac.rs; ORCID: 0000-0002-9194-1759.

морају имати исти корен и не морају делити ниједну заједничку семантичку компоненту. Када је реч о јужнословенском језичком простору, чини се да се ставови све више уједначавају у правцу изучавања паронимије као системске појаве која подразумева искључиво истокоренске семантички повезане лексеме.

Трећи део чланка доноси две нове класификације паронима – у првој је представљено место паронимије на фази скали односа истокоренских лексема, док је друга заснована на подели паронима у односну на централност, односно периферност паронимских парњака у односу на прототипичне представнике овог односа.

Анализа преко 5.000 истокоренских заједничких именица ексцерпираних из *Речника српскохрватскога књижевног језика* омогућила је да се на прави начин, свеобухватно, сагледа место паронима у односу на истокоренске лексеме које ступају у друге врсте односа. Овакав приступ је пружио увид у фазичност односа истокоренских образовања, захваљујући чему је настала подела представљена на Графикону 1:

Графикон 1 – Место паронима на фази скали односа међу истокоренским лексемама

Као што се из приложеног графикона може видети, између истокоренских синонима, паронима и лексема које су повезане само творбеним везама не повлаче се никакве оштре границе, већ се уважава сложеност и флуидност ових односа и прелазни ступњеви међу њима, посебно када је реч о полисемичним лексемама. Укратко, синоними (потпуни и непотпуни) јесу лексеме чија сва или поједина значења ступају у однос синонимије, али нигде нема укрштања са паронимијом, тј. нема значења међу којима се остварује ова врста везе (нпр. *гледалац – гледатељ*, *глупак – глупан*, *плашљивац – плашљивко*; *млекар – млекација*, *умиваоник – умиваоница* итд.). Синопароними су лексеме чија су примарна значења у односу синонимије, а секундарна у односу паронимије (нпр. *појачивач – појачало*, *преносилац – преносник* и сл.), док је код паросинонима ситуација обрнута – примарна значења су паронимична, а секундарна синонимична (нпр. *институт – институција*, *истраживач – истражитељ*, *локалитет – локација*, *омот – омотач*,

поглавар –

поглавица итд.). Даље, код потпуних паронима су сва значења у односу паронимије (нпр. *академац – академик*, *гледалиште – гледиште*, *игралиште – играоница*, *мандатар – мандатор*, *писар – писац* и сл.), док су код непотпуних паронима у односу паронимије номинациона значења, док се код секундарних не може говорити ни о паронимији ни о синонимији, већ о семантичкој вези која не илуструје ниједан од ова два односа (нпр. *вешала – вешалица*, *медаља – медаљон*, *радикал – радикалист(а)* итд.). На крају континуума су лексеме код којих је семантичка веза условљена творбеном повезаношћу, али се не може говорити о неком типу парадигматских лексичких односа (*вођар – вођњак*, *кројачица – кројачница*, *оптужница – оптуженица* и сл.).

Даље, на основу степена блискости, односно удаљености значења чланова паронимских парова, потпуни пароними се могу поделити на *контактне* (код којих је семантичка блискост међу члановима пара веома изражена и чији се семантички садржаји обично разликују по једној семи или мањем броју сема) и *дистантне* (код којих је семантичка веза међу парњацима слабија, удаљенија, односно код којих се семантички садржаји парњака разликују у већем броју значењских компонената).

Ако са претходног графичког приказа (Графикон 1) изузмемо синониме (потпуне и непотпуне), са једне, и само творбено повезане лексеме, са друге стране, односно крајње ступњеве представљене скале (дакле, оне категорије код којих нема никаквих семантичких преплитања са паронимијом), само паронимско поље може се представити на следећи начин:

Графикон 2: Центар и периферија паронимског поља

Као што се из приложеног графикона може видети, и овде се уважава принцип поступности, па се од најужег центра концентрични кругови шире ка периферији поља. У самом центру налазе се, као што је приказано, *потпуни контактни пароними* – лексеме чије су читаве полисемантичке структуре у односу паронимије и чија су значења веома блиска (нпр. *академац – академик*, *алпинац – алпинист(а)*, *писар – писац*, *пивара – пивница* итд.). Затим следе *потпуни дистантни пароними*, код који су такође сва значења чланова паронимског пара паронимична, али постоји већи степен семантичке дистанце међу њима (нпр. *коњаник – коњар*, *крзнар – крзнаш*, *логораш – логорник*, *просац – просјак*, *сепаратист(а) – сепаратор*, *старинар – старинац*, *фабрикант – фабрикат* и сл.). Још даље од центра и ближе периферији налазе се *непотпуни пароними* и *паросинониими* – у оба случаја су у односу паронимије примарна значења парњака, с тим да код паросинонима на нивоу секундарних семантичких реализација долази до успостављања синонимског односа, док код непотпуних паронима секундарна значења не стоје ни у односу синонимије ни у односу паронимије. На самој периферији поља налазе се *синопароними*, код којих су, као што је претходно већ објашњено, номинациона значења синонимична, док се паронимија среће међу индукованим значењима.

Најзад, обе представљене класификације само су показатељ да се паронимији може приступати на нов начин – онај који не поставља оштре границе међу синонимима, паронимима и другим истокоренским лексемама, већ уважава сву сложеност условљену различитим могућностима саодношења семантичких реализација вишезначних лексема, као и чињеницу да лексички односи нису једном за свагда фиксирани у систему, већ су, напротив, врло динамични и често се временом мењају, па лексеме неретко прелазе из једне категорије у другу.

Кључне речи: паронимија, пароним, славистика, србистика, лексикологија, језичка култура, лексичка норма.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

Веракша Т. В. *Лингвистическая природа паронимов русского языка*. Санкт–Петербургский государственный университет (диссертация), 2000.

Вишняакова О. В. *Паронимы в русском языка*. Москва: Высшая школа, 1974.

Драгићевић Р. „О једној врсти лексичке паронимије.” *Српски језик*, год. 1, бр. 1–2 (1996): 456–463.

Драгићевић Р. *Лексикологија српског језика*. Београд: Завод за уџбенике, 2007.

Зидарова В, И. „Суфиксални пароними в българския език и техните полски съответствия.” *Научни трудове*, том 52, кн. 1, сб. А – Филология (2014): 353–362.

Јанушева В. „Кон дефинирањето на паронимите во македонскиот стандарден јазик.” *Минатото на јазичниот свет – денес и утре*. Зборник на трудови од Меѓународната научна конференција „Минатото на јазичниот свет – денес и утре”, одржана на 15 и на 16 ноември 2017 година во Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков”, Скопје (2018): 101–119.

Николић В. „Паронимија у настави српског језика.” *Књижевност и језик*, LXVIII/1 (2021): 159–174.

Николић В. *Паронимија у савременом српском језику*. Необјављена докторска дисертација одбрањена на Филолошком факултету Универзитета у Београду 8. јуна 2022.

Николић В. „Улога и значај електронског корпуса у истраживању паронимије у савременом српском језику.” У: *Актуелна питања лексикологије и лексикографије српскога језика*. М. Ковачевић (ур.). Андрићград: Андрићев институт (2022а): 251–277.

Николић В. „Типови задатака из области паронимије у настави српског језика (са осврtом на руски језик).” У: *Савремено проучавање српског језика и књижевности и других словенских језика и књижевности као матерњих, инословенских и страних*. Р. Драгићевић (ур.). Београд: Савез славистичких друштава Србије (2024): 577–591.

Николић, В. „Паронимијске везе придева са суфиксом *-аст*.” У: *Актуальные проблемы исследования современной славистики: язык, перевод, литература, культура, история*, С. И. Терехова (гл. ред.). Peter Lang Group AG (2024а): 185–196 (у штампи).

Радовановић М. *Увод у фази лингвистику*. Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009.

Aristotel. *Kategorije*. Beograd: Kultura, 1954.

Aristotel. *Organon*. Beograd: Kultura, 1970.

Tafra B. *Od riječi do rječnika*. Zagreb: Školska knjiga, 2005.

Tafra B. „Razgraničavanje istoznačnosti i bliskoznačnosti.” U: *Od fonologije do leksikologije. Zbornik u čast Mariji Turk*. D. Stolac (ur.). Zagreb: Biblioteka časopisa *Fluimnensia* (2018): 215–230.

СТРУКТУРА И ЗНАЧЕЊЕ ЊЕГОШЕВОГ *ШЋЕПАНА МАЛОГ*

Лука Спасојевић (Црна Гора)
Универзитет Црне Горе, Никшић
Филолошки факултет
lukaspasojevic2121@gmail.com

Може се рећи да је готово општеприхваћен став у науци о књижевности да је, након *Луче микрокозма* и *Горског вијенца*, *Лажни цар Шћепан Мали* треће Његошево велико дјело. Дата позиција, као што је примијетио и Јован Деретић, није погодовала рецепцији *Шћепана Малог*, пошто је у таквом контексту дјело „неизбежно губило“. Почетна позиција у којој се *Шћепан Мали* видио као нека врста допуне *Горског вијенца* временом је превазиђена, пошто је уочено да се у односу на *Горски вијенац* ово дјело прије свега „открива својим разликама“, дакле као анритеза. Умјетничке вриједности *Шћепана Малог* у том смислу су аутономне. Његова структура је другачија, појављују се нови књижевни поступци, слика свијета се артикулише као шира, а дух епохе који детерминише живот јунака (и колектива) битно је измијењен – спојем трагичних и комичних импулса добија гротескан оквир.

КАТЕГОРИАЛЬНОСТЬ И НЕКАТЕГОРИАЛЬНОСТЬ В КОНСТИТУИРОВАНИИ ЯЗЫКА

Энчо Тилев (Болгария)
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

Среди направлений современной лингвистики функциональный подход в исследовании и описании языкового содержания не теряет актуальности. Даже наоборот: он применяется в методологии различных лингвистических течений и школ – это, например, французский функционализм, английское направление функциональной лингвистики, функционально направленные теории генеративной семантики, голландская функциональная школа С. Дика и т.д. Среди исследователей-функционалистов в России выделяются имена В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Н.А. Слюсаревой, Ю.С. Степанова, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева. К ним, несомненно, следует добавить и имя А.В. Бондарко с созданной им теорией функциональной грамматики.

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос о грамматической семантике является первостепенным в трудах А.В. Бондарко, и выяснение проблематичных зон в данной области предшествовало созданию целостной функционально-семантической теории. Тем более, А.В. Бондарко определяет классификационный (таксономический) подход как чрезвычайно значимый, так как он отражает и объясняет единства и отношения, существующие в языковой системе и в языковом знании [Бондарко 2002: 232], что предполагает недвусмысленное понимание отдельных абстракций. Как раз в научных работах А.В. Бондарко решается проблема сущности грамматических категорий, являющихся предметом исследования во многих более ранних трудах других лингвистов, но категории описывались слишком непоследовательно, или о них говорилось между прочим. Поэтому многие дефиниции других ученых в большой степени оказываются неполными или впадают во внутренние противоречия. Вклад А.В. Бондарко нужно искать прежде всего в обобщении того, что было сделано в этой области до него, в критическом взгляде на высшие языковые абстракции и в предложенных им выводах о сущности и принципах функционирования грамматических категорий. В определении грамматической категории, данном А.В. Бондарко, ставится акцент на системном характере категорий, существующих лишь в виде оппозиций противопоставленных форм с однородным содержанием. На этом базисном понятии зиждется теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, и, таким образом, отвергается возможность приравнения

друг к другу терминов *грамматическая категория*, *часть речи* и *лексико-грамматический разряд*. При этом нужно помнить, что в своих исследованиях А.В. Бондарко опирается на некоторые идеи А.А. Потебни, О. Есперсена, И.И. Мещанинова, которые он переосмысляет и развивает дальше в целях собственной теории. Предметом особого наблюдения в настоящей статье являются термины *категориальные* и *некатегориальные значения*, *частные* и *дополнительные значения*, которые часто обнаруживаются в исследованиях А.В. Бондарко.

А.В. Бондарко называет *категориальными* значения, присущие грамматическим классам и единицам – классам морфологических форм и каждой словоформе как единице, входящей в данный класс, а также классам синтаксических конструкций и каждой конкретной конструкции как единице, входящей в данный класс. На более ранних этапах своей исследовательской работы [см. «Грамматическое значение и смысл», Бондарко 1978] к категориальным А.В. Бондарко относит и те значения, которые присущи частям речи как классам слов. В более поздних работах автор исключает частеречные значения [срв. Бондарко 2002: 247 – 257]. Основания для этого обнаруживаются, вероятнее всего, в том, что категориальные значения связаны с системами грамматических форм и они репрезентируют противопоставленные друг другу граммемы или противопоставленные синтаксические конструкции [Бондарко 2002: 247]. Лишение частеречных значений категориального статуса вполне закономерно, если иметь ввиду недвусмысленное определение понятия *грамматическая категория*.

А.В. Бондарко выделяет следующие основные признаки категориальных грамматических значений:

1) Обязательность – это обязательная реализация конкретного грамматического содержания в каждой лексической единице, входящей в данный грамматический класс, в каждом акте функционирования этой единицы или в центральной сфере ее функционирования. В свойстве *обязательности* А.В. Бондарко выделяет два аспекта – *системно-языковой* и *речевой*. Системно-языковой аспект обязательности проявляется в том, что категориальные значения конституируют определенные грамматические классы (ряды) и они присущи всем членам этих классов в их конкретной репрезентации. Примером вышесказанного может послужить обязательное выражение темпоральной семантики во всех глагольных формах изъявительного наклонения.

Речевой аспект обязательности категориальных значений проявляется в процессе речи, когда говорящий должен выбрать одно из противопоставленных друг

другу категориальных значений (вместе с выбором формы). Речевой аспект связан конкретно с говорящей личностью и с высказыванием, но А.В. Бондарко подчеркивает, что этот аспект всегда связан в некоторой степени с системой языка. Иными словами, речевой аспект является одновременно речевым и языковым, в то время как системно-языковой не связан с речью [Бондарко 2002: 243]. Следует отметить, что во многих случаях обязательность может быть воспрепятствованной различными факторами – лексическими (напр., невозможность образования форм числа некоторых несчитаемых имен существительных), факторами, связанными с языковой нормой (напр., отсутствие формы 1 л. ед.ч. у глагола *победить* и выражение данного значения глагольно-именным словосочетанием *одержать победу*) и с контекстом (срв. значение будущего времени, выраженное формой прошедшего времени: *Шлите помощь, иначе мы* ***погибли****!*) и т.д.

Как в русском, так и в болгарском языке обязательность нередко становится предпосылкой возникновения грамматической избыточности.

2) Инвариантность – это свойство имеет прямую связь с обязательностью. Если категориальное значение обязательно для определенного грамматического класса и оно реализуется в каждой единице, то оно является постоянным и инвариантным. Такова темпоральная семантика всех личных глагольных форм индикатива, а значения отдельных граммем следует рассматривать как варианты темпорального инварианта.

3) Системная релевантность – при этом свойстве значение рассматривается как признак (или комплекс признаков), лежащий в основе определенных грамматических классов и единиц, противопоставленных другим классам и единицам в замкнутой системе, т.е. категориальное значение – это один из интегральных и дифференциальных признаков, существенных для структуры соответствующей системы.

4) Опора на интегрированную замкнутую систему формальных грамматических средств – данное свойство проистекает из системной релевантности значений, которая предполагает наличие системы грамматического выражения со структурной организацией. Отсутствие такой замкнутой системы отнюдь не означает, что экспликация того или иного значения невозможна, а что в этих целях используются средства разных уровней (напр., выражение оппозиции *определенности ~ неопределенности* в русском языке).

А.В. Бондарко подчеркивает, что к этим четырем признакам можно добавить также эксплицитность, специализированность, неопосредованность выражения и высокую частотность категориальных значений [Бондарко 2002: 248].

А *Некатегориальные*, с другой стороны, – это те значения, которые остаются вне разрядов, по которым распределяется частное содержание языка. Они грамматически релевантны, но не обладают теми признаками, присущими категориальным значениям. По утверждению А.В. Бондарко, название «некатегориальные» является условным, так как эти значения тоже репрезентируют ту или иную семантическую категорию. Их некатегориальность проявляется в отсутствии системно-структурного выражения, а различие между категориальными и некатегориальными значениями коренится в типе структурной организации, в более низкой степени стабильности, в специализированности и нерегулярности некатегориальной семантики.

Примеры некатегориальности обнаруживаются почти у всех категорий, и она далеко не считается изолированным явлением. Такими являются, например, «несобственные» функции морфологических категорий. Наряду с функциями, присущими соответствующей категории или граммеме, категория может выполнять функции другой грамматической категории или граммемы или эксплицировать такие значения, для выражения которых нет специальных форм [см. Бондарко 1971а: 61 – 65]. Примерами того могут послужить употребление повелительных форм в неимперативной ситуации [срв. *Но никто не знал о тайной беде моей, и,* ***скажи*** *я о ней, никто бы мне не поверил* (Б. Л. Пастернак)], выражение модально-экспрессивных значений с помощью вида глагола, активизация роли именительного падежа в функции casus generalis в русском языке, экспликация суперлативной семантики посредством форм компаратива и т.д. Эти елементы значения следует иметь ввиду при семантическом анализе, но сами по себе они не являются системно релевантными, поскольку они не существены для парадигматических систем категорий.

Разновидность некатегориальных значений – это значения контекстуальных лексических средств, которые взаимодействуют с грамматическими формами. Таковы, например, маркеры времени типа *позавчера*, *год назад*, *в прошлом году*, относящие ситуацию в прошлое, выражая значения, сходные с категориальными. Вполне логично А.В. Бондарко подчеркивает, что в определенных ситуациях лексические средства могут играть ключевую роль, когда в данном языке нет системы форм для грамматической экспликации конкретной семантики [Бондарко 1978: 148, Бондарко

2002: 249 – 250]. В сопоставительном плане в качестве примера очень часто указывается на отсутствие формальных показателей пересказывания в русском языке на фоне болгарского. В данном случае лексические средства (т.е. спецификаторы в функционально-семантическом микрополе пересказывания) выражают это значение, срв. ***Говорят**, что он наконец вернулся из-за границы = Он, **мол**, наконец вернулся из-за границы*. Экзотическим (согласно определению Св. Иванчева) по сравнению с остальными славянскими языками оказывается болгарский язык, в котором наличествуют специальные морфологические формы пересказывания, срв.: *Той най-накрая **се върнал** от чужбина*. Среди неславянских языков с формальной системой пересказывания отличается немецкий язык (т.наз. Konjunktiv I), срв.: *Er **sei** endlich aus dem Ausland zurückgekommen*.

Следует подчеркнуть, что между категориальными и некатегориальными значениями нет резкой грани. На основе категориальной семантики морфологическая форма входит в определенную систему форм и противопоставляется другим членам оппозиции, но форма может выполнять и периферийные функции, которые, на самом деле, являются некатегориальными значениями. В других случаях граница между периферийными и центральными функциями формы настолько относительна, что трудно определить, является ли данное значение категориальным или некатегориальным [см. подробнее у Бондарко 1978: 149 – 151].

А.В. Бондарко утверждает, что при реализации в речи категориальные значения приобретают в разной степени и некатегориальные элементы, являющиеся следствием влияния контекста и лексической семантики слова. В процессе функционирования формы чистая категориальность исчезает и появляется «сплавь категориальных грамматических элементов в выражаемых семантических комплексах и некатегориальных элементов, исходящих от окружающей среды» [Бондарко 2002: 252]. Некатегориальные значения охватывают более широкие функциональные единства – функционально-семантические поля, которые выходят за рамки грамматических категорий в данном языке. Некатегориальная семантика относится к т.н. «скрытой» грамматике или к случаям постепенных переходов от явной к скрытой грамматике [Бондарко 2002: 253].

В теории А.В. Бондарко следует провести четкую границу между так называемыми частными и некатегориальными значениями. Частные значения в большинстве своем связаны прежде всего с категориями вида и времени глагола. Поэтому под «частными видовыми значениями» понимаются «варианты общего

семантического содержания видовых форм» [Бондарко 1971б: 21], «значения, выражаемые формами совершенного и несовершенного вида в контексте в связи и во взаимодействии с другими элементами аспектуальности» [Бондарко, Буланин 1967: 52]. Они «результат взаимодействия категориальных (общих) значений видовых форм глагола и элементов среды (как парадигматической, так и синтагматической)» [Бондарко 2002: 381]. Схожую точку зрения разделяют А.М. Ломов [Ломов 1975: 55] и Е.В. Горбова [Горбова 2007: 63]. Несмотря на еле заметную эволюцию в терминологическом отношении сущность понятия сохраняется: частные значения нужно понимать как варианты общего категориального значения, которые взаимодействуют и раскрываются непосредственно контекстом (*средой* в поздних исследованиях А.В. Бондарко). В связи с этим кажется весьма значимым следующее утверждение А.В. Бондарко: видовая семантика, выражаемая в высказывании, не равна значению видов как системно-категориальному значению, так как реальная аспектуальная семантика является результатом взаимодействия системы и среды [Бондарко 1990а: 30]. Таким образом, анализ аспектуальных значений, например, может осуществляться на нескольких уровнях: на уровне видовой системы, в рамках определенных лексических классов глаголов, на уровне частных видовых значений, на уровне аспектуальной характеристики высказывания и на уровне аспектуальной характеристики текста [Бондарко 1990б: 6]. Существенное различие между частными и некатегориальными значениями – это регулярность первых, в то время как некатегориальные значения не обладают этим свойством. Сближение обоих семантических типов наблюдается по отношению к взаимодействию с контекстом, но все же считается, что они не тождественны.

Прямое отношение к некатегориальности имеют так называемые *дополнительные значения*, выражаемые видовыми граммемами. В данном случае более корректно говорить об оттенках значений видовых форм, которые могут служить носителями дополнительной информации, обладающей преимущественно экстралингвистической направленностью (раскрываются отношения действительности, которые остаются формально имплицитными или входят в семантическую сферу других категорий). Поэтому дополнительные значения имеют модальный, стилистический и прагматический характер. Срв.: в предложении *Ты* ***принял*** *лекарство?* глагол СВ маркирует осведомленность говорящего о совершаемом действии. Данные семантические нюансы играют весомую роль при конкуренции видов и они тесно связаны с грамматическим и лексическим контекстом.

При анализе категориальных и некатегориальных значений необходимо рассматривать не сами парадигмы слов, а реализацию форм в речи. Именно в речи выявляется значение форм, что дает основание принять семантический критерий за первичный в описании. Проанализированный эмпирический материал позволяет сделать вывод, что некатегориальность очень часто выражается формально, но не менее частотны и случаи экспликации посредством лексем. Это дает право говорить о наличии не только категориальных или некатегориальных значений, но и некатегориальных отношений. Отношения между лексемами и словоформами в речи вскрывают сущностную семантика высказывания.

Неразрывная связь между категориальными и некатегориальными значениями обуславливает постоянное место некатегориальности в речи. Наличие столь разнообразных и широко распространенных случаев некатегориальности объясняется прежде всего особенностями устной речи, где экспрессивность является отличительной чертой. В результате этого возникают случаи употребления, логически противоречащие фактам действительности (например, метонимическое единственное число (*Иду* ***зуб*** *чистить*; *Ти много модерен* ***чехъл*** *имаш*) и т.д.). С другой стороны, использование единственного или множественного числа у существительных с дефектной парадигмой иногда является не следствием особой экспрессии, а скорее всего стремлением к формальной симметрии системы.

Категориальные и некатегориальные значения занимают бесспорное место в языке и речи. Более того: они обуславливают функционирование форм и способствуют превращению парадигматики в синтагматику, языка в речь. Существование лишь категориальных значений невозможно, так как чистая категориальность в речи, как отмечает А. В. Бондарко, утрачивается. Можно несомненно утверждать, что некатегориальные значения в языке не менее релевантны, чем категориальные. Некатегориальность – это скрытый (или не очень скрытый) потенциал языка, который может как свободно самоактивироваться, так и активироваться говорящим. Некатегориальные значения чаще всего семантически, стилистически и прагматически гораздо более окрашены, чем категориальные, что говорит о том, что рассматриваемая в настоящей монографии проблема должна быть предметом междисциплинарного анализа для выявления коммуникативного потенциала этих форм.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко 1971а: *Бондарко, А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.

Бондарко 1971б: *Бондарко, А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Бондарко 1978: *Бондарко, А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

Бондарко 1990а: *Бондарко, А.В.* О роли интерпретационного компонента в структуре грамматического значения (на материале категории вида). // Съпоставително езикознание, 1990, № 2, с. 27 – 33.

Бондарко 1990б: *Бондарко, А.В.* О значениях видов русского глагола. // Вопросы языкознания, 1990, № 4, с. 5 – 24.

Бондарко 2002: *Бондарко, А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М., 2002.

Бондарко, Буланин 1967: *Бондарко, А.В., Л.Л. Буланин.* Русский глагол. Л., 1967.

Горбова 2007: *Горбова, Е.В.* Аспектуальные граммемы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка). // Вопросы языкознания, 2007, № 4, с. 63 – 88.

Ломов 1975: *Ломов, А.М.* Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом. // Вопросы языкознания, 1975, № 6, с. 55 – 64.

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО В ПРОЛОГЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Марина Чистякова (Marina Čistiakova) (Литва)
Институт литовского языка
mcistiakova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-7693-5449

Житие Андрея Юродивого (далее – ЖАЮ), созданное в греко-византийской среде около 950 г., содержит более 100 глав, в увлекательной манере повествующих об эпизодах жизни константинопольского юродивого Андрея. Значительную часть книги занимают поучительные беседы святого Андрея с его другом Епифанием, где он разъясняет вопросы мирового устройства, явления природы и толкует отрывки Священного Писания.

Первый славянский перевод ЖАЮ был выполнен в Киевской Руси в XI в. В этом переводе скифское происхождение Андрея представлено как славянское, а также особое внимание уделено явлению Богоматери святым Андрею и Епифанию в константинопольском Влахернском храме. На основании этого сюжета князем Андреем Боголюбским во Владимиро-Суздальских землях в 60-е гг. XII в. был установлен праздник Покрова Богородицы.

Тринадцать фрагментов первого древнерусского перевода ЖАЮ, в том числе Слово на Покров, составленное на основе рассказа о видении Богородицы, были включены в назидательный раздел пространной редакции Пролога, сформировавшийся в 60-е гг. XII в. (на 1–8-е, 12-е, 15-е, 16-е, 25-е октября и 4-е декабря) (Лосева 2009: 76–77). Восемь из них были унаследованы краткой редакцией Пролога (на 1–5-е, 8-е, 12-е и 16-е октября), составленной около начала XIII в. Отрывки первого древнерусского перевода ЖАЮ в Прологе наиболее полно были изучены в работе А.М. Молдована (Молдован 2000:106–119); а также рассмотрены в монографиях М.В. Чистяковой и Л.В. Прокопенко (Чистякова 2008: 203–207; Прокопенко 2011: 358–361, 364, 366, 372, 395) и учтены в каталогах О.В. Творогова и М.В. Чистяковой (Творогов 2008: 20–22; Чистякова 2013: 62–65, 74–75, 88–89, 110–111, 123–124, 138–139, 154, 166–167, 234, 278–279, 290–291, 424–425).

Систематическая работа по составлению «Предварительного сводного каталога церковнославянских проложных текстов» (Чистякова 2013–2019) позволила мне дополнить имеющиеся сведения о заимствованиях из ЖАЮ в Прологе. На основании

данных более 100 рукописей, отражающих все известные на данный момент редакции и переводы Пролога были отмечены три основных тенденции:

а) в ряде списков ранее известные отрывки ЖАЮ перенесены на иные даты;

б) часть проложных статей первого древнерусского перевода основательно отредактирована;

в) выявлены сказания, восходящие к иному переводу ЖАЮ.

По моим наблюдениям, редакторская работа с ЖАЮ как источником назидательного раздела Пролога проводилась как в Московской Руси, так и в Великом Княжестве Литовском, а позднее в Речи Посполитой. Так, в группе списков из Великого Княжества Литовского, датируемых XVI–XVIII вв., «Слово о св. Андреи, како виде богата умерша» перенесено с 15-го на 19-е октября.

Украинскими книжниками Речи Посполитой проводилось редактирование традиционных проложных сказаний, восходящих к древнерусскому переводу ЖАЮ. В рифмованной редакции Стишного пролога, известной в единственном списке осенне-зимнего полугодия (Москва, Государственный исторический музей, собрание Е. В. Барсова, № 685), датируемом серединой XVII в., содержатся две новых версии проложных статей из ЖАЮ: «Слово о святем Андреи, како ся ему сотворило Христа ради похабство» (2 окт.) и «Слово о временнеи и вечнеи жизни» (5 окт.).

В рифмованной редакции Пролога был основательно переработан житийный раздел: многие агиографические тексты были отредактированы или заменены новыми переводами с греческого и польского языков. Наиболее яркой чертой этой редакции являются два рифмованных стиха, первый из них предшествует житию, а второй помещается в его конце. Первый стих состоит из двух строф, завершающий вирш обычно четырехстрофный.

Составители обновили также назидательный раздел рифмованной редакции. Традиционные проложные поучения были отредактированы, а также внесены новые поучительные статьи, а именно выдержки из Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие и Послания апостола Павла, письма Исидора Пелусиота, сочинения Григория Цамблака и Максима Грека и иные. Часть ранее известных поучений была заменена новыми версиями. Так, проложное сказание на Покров Богородицы (1 окт.) было заменено выдержкой из Анфологиона, изданного в Киеве в 1619 г. Подробнее о текстологических особенностях рифмованной редакции см. (Чистякова 2017: 257–320).

При работе с выдержками из ЖАЮ составители рифмованной редакции Пролога не обращались непосредственно к источнику, а обработали традиционные проложные

поучения. Примером тому могут служить изменения, внесенные в начальную часть «Слова о святем Андреи, како ся ему сотворило Христа ради похабство», положенном в прологе Барс. 685 на 2-е октября.

По данным А.М. Молдована, отличительной особенностью древнерусского перевода является перевод греческого слова σκύθης как родомъ словѣнинъ (Молдован 2000: 16), тогда как в южнославянском переводе эта лексема передана как родо҃мъ скуѳ (Гильф. 41, л. 189). Пословное сопоставление данных статей показало, что составители рифмованной редакции Стишного пролога стилистически обработали проложный текст, восходящий к древнерусскому переводу, придав ему более современное звучание.

В первой трети XV в. на основе болгарского перевода в Московском княжестве была создана московская редакция Стишного пролога. Ее составители обогатили назидательный раздел новыми поучениями, пришедшими к восточным славянам со вторым южнославянским влиянием, а также проявили интерес к южнославянскому переводу ЖАЮ, выполненному не позднее XIV в. Для данного перевода характерно точное воспроизведение византийского оригинала и обилие грецизмов. В московскую редакцию Пролога было включено пять сказаний из южнославянского перевода ЖАЮ.

1. «Слово от жития св. Андрея, иже Христа ради юродиваго, о Епифании», 24 нояб., инц.: Єже w бголюбимѣ҆ бы҃ѣ єпифанїи. свѣ҆тельствующю гоу нашемоу іс хоу. иже ѿ него прославленномоу. съи бголюбезныи юноша, єще сыи въ домоу родитель свои҆̆…;
2. «Слово от жития св. Андрея, иже Христа ради юродиваго», 10 янв., инц.: Нѣкогда оубо поиде въ цркы҃ь на оутреницю престыа҃ бца, въ неиже wбычаи имаше млити са҃ бж҃тъвныи єпїфанїе…;
3. «Слово от жития св. Андрея, иже Христа ради юродиваго», 13 янв., инц.: Бж҃тъвныи єпїфанїе, помли ба҃ навити емоу҃ иже w праведномъ андреи, и какова емоу҃ въмѣнаєт са҃ добродѣтель…;
4. «Слово от жития св. Андрея, иже Христа ради юродиваго», 18 янв., инц.: Въ єдиноу҃ ноць, прилоучи са҃ стомоу҃ а҃ндрею прїити въ ч҃тныи храмъ бца. соущоу wшоую страноу тръжища…;
5. «Слово от жития св. Андрея, иже Христа ради юродиваго», 8 февр., инц.: Жена нѣкаа҃ дхомъ стымъ оукрашена. ѿверзенома wчима єа҃. видѣ҆ блаженаго андреа ходаща посредѣ҆ народа…

Изменения, внесенные составителями назидательного раздела московской редакции Пролога в сказания ЖАЮ, минимальны. Сказания из южнославянского перевода ЖАЮ читаются также в кирилло-белозерской редакции Стишного пролога, созданной не позднее середины XV в., предположительно, в Кирилло-Белозерском книжном центре, см. подробнее об этой редакции (Чистякова 2012; Чистякова 2014; Новикова 2015). Назидательный раздел этой редакции был составлен с опорой на московскую редакцию Стишного пролога. Чтения из ЖАЮ в кирилло-белозерской редакции на текстовом уровне воспроизводят корпус сказаний московской редакции, но имеются небольшие колебания в календарном распределении статей. Так, проложное сказание № 2 в кирилло-белозерской редакции перенесено с 10-го на 12-е января, а текст № 5 перемещен с 8-го на 10-е февраля. Составители данной редакции добавили еще один текст из южнославянского перевода ЖАЮ – «Повесть от жития блаженнаго Андрея иже Христа ради юродиваго», инц.: Пѣсненое славословїе совершаемо иногда оу стыа раки пр҃чтыѧ ѕ҃цаа влахернѣ. прїиде блаженыи андреи тв. wбычнаа своа твора. прїиде же епифанїе… В этой статье книжники объединили сюжет о видении Богородицы во Влахернах и молитву о прекращении мора.

Проведенное исследование выявило случаи переноса и редактирования традиционных сказаний древнерусского перевода ЖАЮ в Прологе. Помимо этого, книжники снова обращались к этому источнику. Так, московская редакция Стишного пролога была дополнена пятью сказаниями, в кирилло-белозерскую редакцию вошло шесть новых статей из ЖАЮ. Один текст повествует о видении св. Андреем Богородицы во Влахернах, остальные воспроизводят чтения московской редакции. Данный корпус проложных сказаний восходит к южнославянскому переводу ЖАЮ, возникшему на Балканах (вероятно, в Сербии) не позднее XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

Лосева 2009: Л о с е в а , О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков*. Москва, 2009.

Молдован 2000: М о л д о в а н , А.М. «*Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности*. Москва, 2000.

Новикова 2015: Н о в и к о в а , О.Л. *К изучению Стишного пролога середины XV в. из Кириллло-Белозерского монастыря*. – Вестник «Альянс-Архео», 12. Санкт-Петербург, 2015, с. 3–28.

Прокопенко 2011: П р о к о п е н к о, Л.В. *Древний славянский рукописный Пролог: история создания, редакции, бытование в XII–XIV вв. (сентябрьское полугодие)*. Saarbrücken, 2011.

Творогов 2008: Творогов, О.В. *Переводные жития в русской книжности XI–XIV веков. Каталог.* Москва–Санкт-Петербург, 2008.

Чистякова 2008: Чистякова, М.В. *Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь–ноябрь.* Вильнюс, 2008.

Чистякова 2012: Чистякова, М.В. *О родстве московской и кирилло-белозерской редакций Стишного пролога*. – Slavistica Vilnensis, 57 (2012), с. 33–44.

Чистякова 2013–2019: Чистякова, М.В. *Предварительный сводный каталог церковнославянских проложных текстов*. Т. 1–3: *Сентябрь–Ноябрь* / Preliminarus suvestinis bažnytinio slavų Sinaksaro tekstų katalogas. T. 1–3: *Rugsėjis–Lapkritis.* Vilnius, 2013, 2016, 2019.

Чистякова 2014: Чистякова, М.В. *Новые данные о родстве московской и кирилло-белозерской редакций Стишного пролога (сентябрь–ноябрь)*. – Slavistica Vilnensis, 59 (2014), с. 41–54.

Чистякова 2017: Чистякова, М.В. *Рукописные прологи Великого княжества Литовского и Польского королевства*. Краков 2017 (Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne, t. 13).

ЖАНРОВСКИ СУЖИВОТ – ФАНТАСТИЧКИ И РЕАЛИСТИЧКИ ПРИНЦИП У РОМАНУ *АТЛАС ОПИСАН НЕБОМ* ГОРАНА ПЕТРОВИЋА

ЈЕЛЕНА ШАКОВИЋ (ЦРНА ГОРА)
Универзитет Црне Горе, Никшић
Филолошки факултет
sakovic.j@ucg.ac.me

У оквиру постмодернистичких тенденција, роман *Атлас описан небом* Горана Петровића, ставља читаоца у позицију која подразумијева пристанак на поигравање са конвенцијама књижевног дјела, односно: у њему се губи јасна граница између стварности и фикције. Може се рећи да се ово доминантно постиже комбиновањем фантастичких и реалистичких принципа у приповиједању. Фантастички слој приповиједања функционише као естетички и поетички поступак којим се деконструишу канонски облици и жанрови, али он не постоји изолован, већ у суживоту са реалистичким приповиједањем (између осталог, уз укључивање историографије односно узимањем историјских личности за ликове у роману). Критика је примијетила и да је фантастични слој приповиједања обојен хумором и иронијом, те се може говорити и о алегоријској употреби ове наративне линије. Рад проблематизује и питање дефинисања жанровских граница унутар романескне структуре.

INTERVENTIONS EN COMMISSIONS

Desislava Cheshmedzhieva-Stoycheva Media othering of Muslims in the Bulgarian and the British Media: conceptual metaphors during covid-19 1

Aleksander Gadomski, Marzena Makuchowska Współczesna sytuacja stylu religijnego w krajach słowiańskich 11

Людмила курчак Дискурсы бизнес-переговоров в мультикультурном сообществе **(**компоненты польской**,** белорусской**,** китайской языковых культур**):** опыт реконструкции инвариантной и вариативных теоретических моделей 15

Bogusław Skowronek Tekstowe obrazy świata w dyskursie filmowym. Analiza mediolingwistyczna 27

MEDIA OTHERING OF MUSLIMS IN THE BULGARIAN AND THE BRITISH MEDIA: CONCEPTUAL METAPHORS DURING COVID-19

DESISLAVA CHESHMEDZHIEVA-STOYCHEVA (BULGARIA)

Abstract: The study tests whether or not Bulgarian and British media match the negative reportage trend observed in other countries, while at the same time it narrows down its analysis only to the conceptual metaphors used. As the latter are cognitive in nature and are socially shared, they convey and, at the same time, reestablish people's ideas and perceptions of the Other. In order to assess the similarities and/or differences in said coverage in the two countries on the two groups the study employs the socio-cognitive strand of Critical Discourse Analysis and analyses the metaphoric use of language in three Bulgarian (*Dnevnik*, *Standart*, *Sega*) and three British newspapers (*The Guardian*, *The Independent*, *The Telegraph*). Due to space limitation the focus here is only on the top three overlapping domains, which turned out to be war, low life and disaster. The analysis led to the conclusion that despite the differences between the two groups and some attempts at raising awareness of practices of anti-Gypsyism and Islamophobia, reporting on Roma, Gypsies and Travellers and Muslims continues to be othering and setting up divisions between Us and Them.

Key words: othering, Roma, Gypsies and Travellers, Muslims, media discourse, CDS

Introduction

The recent Covid-19 pandemic hit the whole world by surprise and affected all people regardless of the geographic location or the political and social conditions of their respective countries. One would think that in the face of such a calamity people will get united and show unconditional empathy, however, what we have seen is resort to ideological discourses veiled under the guise of measures against the pandemic and aimed at driving groups of people further apart (Curle, 2020; Al-Azami, 2023).

The communities of Roma, Gypsies and Travellers[1] (RGT hereafter) and Muslims, frequently defined in the European context as the ultimate ethnic and religious Other respectively, even though different, have turned out to be the perfect targets for public anger and even during the pandemic when the members of their communities were more affected than those of the majority (Ullah, 2020), received negative attitude and were subjected to discriminatory practices and faced greater seclusion and marginalization.

Any of the identity defining characteristics of a group can be taken up as the distinguishing and estranging feature that would set a group as an out-group (powell & Menendian, 2024). The triggers for the othering process can be of different nature, but usually they revolve around an

[1] Roma, Gypsies and Travellers is recognised as a distinct racial group in the UK under the Equality Act 2010. Roma or Romani/Romany is usually the name associated with the representatives of the group coming from Europe and is the politically correct way to name the group in Europe (see Henry, 2022; Hancock, 1987; Kyuchukov, 2012; Marushiakova, et al., 2023).

event which puts to the fore one of the identity defining characteristics that would elicit some reaction to that group (Poole & Williamson, 2021; Poole et al., 2023) that would present it as scary or a threat. Thus, nowadays two of the most frequent forms of othering, observed on a daily basis are Islamophobia, defined as "the unfounded fear and/or hatred of the Islamic faith and of Muslims" (Noor & Syed, 2022) and anti-Gypsyism – discriminatory practices against RGT communities (Kyuchukov, 2012).

Scholars working in the field of Gypsy/ Romani studies point as some of the main reasons for the othering of that group and the associated negative attitude the fact that RGT do not have a territory to associate themselves with (Hancock, 1987; Marushiakova, et al., 2023). In addition, their darker looks, disorganization and the fact that they were assumed to come from a geography associated with Islam contributed further to their seclusion and the distrust they were viewed with. The reason for the latter is also to be found in the fact that Gypsies are perceived as a counterculture (Kephart, 1982) which makes any retaliation against them justifiable and as the aspect opposed to is not a set of biological differences but cultural ones (Bašić & Stjelja, 2021), scholars define discriminatory practices against Roma and Gypsies as a type of cultural racism, or differentialist racism (Nicolae, 2007), or ethnicism (van Dijk, 1987).

Research on Muslim coverage in the media has also time and again reported on the steady negative coverage and stereotyping of the community (Cheshmedzhieva-Stoycheva, 2024; Awan et al., 2022; Al-Azami, 2023; Poole et al., 2023). Islam (2022) reports on a "persistent unease about Islam as an alien faith, Muslims as undesired foreigners and an irrational fear of the hijab and of halal food". Malik (2021) highlights the fact that for more than a decade Muslims are typically presented in a negative way as a problem and the reason for that has been attributed to the fact that British Muslims in particular, and European Muslims in general, do not have a voice (Versi, 2023), they lack political representation that will be strong enough to protect their interests and look out for cases of Islamophobia.

Research aims, corpus data and methods of analysis

The aim of this study is to test whether reportage on RGT and Muslims has been affected by Covid-19 and if there is any change in the predominanty negative reporting mentioned above. Thus, the main research questions posed are:

✓ Are Roma, Gypsies and Travellers and Muslims presented in the slected newspapers in the period of Covid-19?

✓ How many metaphors with reference to the minority groups mentioned are used?

✓ Which are the top three metaphors for each group in each country?

✓ Are they positive or negative? Do they contribute to the perception of the minority group as Other or not?

✓ Are there any similarities or differences in media presentation on each of the groups in each country?

In order to answer the above question both quantitative and qualitative methods of analysis have to be employed. As the study starts with manifest content, i.e. ethnonyms, religious denominator and afterwards metaphors associated with them, content analysis (Berelson, 1952) is employed in the first steps of corpus build-up. At the same time, as the focus is the process of othering of two minority groups and as their social position in society is taken into consideration, the study clearly falls within the premises of Critical discourse studies (van Dijk, 2016, 2018), which provide a critical stand on matters related to discrimination, inequality, etc. presented in the media.

Conceptual metaphors as defined by Lakoff and Johnson (1980) present the understanding of abstract phenomena through some more specific and familiar ones and further that metaphors are shared within a particular culture and they shape the way we think and act (see also Kövecses, 2017). Thus, comparing the metaphors used on minorities in the media of two different countries, we would be able to assess the similarities and differences in the thinking patterns of these two cultures and ultimately conclude whether or not the metaphors used contribute to the marginalization of said minority groups.

The corpus for this study is comprised of articles published in the Bulgarian *Dnevnik*, *Sega*, and *Standart*, and the British *The Guardian*, *The Independent*, *The Telegraph*[2] in the period 1 January 2020 – 5 June 2022. The reason to choose these particular newspapers rests on the fact that their profiles are similar.

To be able to compare the used metaphors all articles featuring at least one of the ethnonyms Roma, Gypsies, Travellers or the religious denominator Muslim (in their singular or

[2] Each analysed example in the analytical part is marked by the first capital letter of the newspaper it has been published in and the date of the publication in brackets. Thus, the Bulgarian ones are marked as *Dnevnik* - Dn, *Sega* – S, *Standart* – St, and the British ones: *Guardian* – G, *Independent* – I, *Telegraph* – T.

plural form) as well as Islam have been manually extracted from the electronic databases of the selected newspapers. It has been proven that despite the general preoccupation with the pandemic, RGT and Muslims do enter the limelight in that period, which answers the first research question posed above.

The next stage of the analysis focused on the occurrences of each metaphor and the domains it uses. All have been marked and counted and the three most frequently used have been singled out. The findings are presented in the following tables.

	Roma, Gypsies and Travellers (RGT)							
	Domains	*Dn*	*St*	*S*	*G*	*I*	*T*	**Total**
1	**low life (animal/ plant)**	3	3	1	2	2	3	**14**
2	**war**	4	4	3	4	8	16	**39**
3	**disaster**	3	3	1	0	3	2	**12**
	Total	10	10	5	6	13	21	**65**

Table 1. RGT – domains and number of metaphor occurrences

	Muslims					
	Domains	*Dn*	*S*	*G*	*T*	**Total**
1	**low life (animal/ reptile/ termite/ bird/ plant)**	4	3	16	31	**54**
2	**war**	6	8	46	52	**112**
3	**disaster**	5	0	11	20	**36**
	Total	15	11	73	103	**202**

Table 2. Muslims – domains and number of metaphor occurrences

The cumulative data invariably show preference to three domains: **war**, **low life** and **disaster** when reporting on either RGT or Muslims in the Covid period. The domain of war has shown the highest number of uses in all newspapers regardless of their political stand.

Qualitative analysis

Focusing on the top three domains employed, it is evident that even at the time of Covid-19 **the one of war** proved to be the most prolific one. As the data above show the Bulgarian media uses the domain 11 times while the British one 28 when they present information on RGT.

In the Bulgarian corpus the situation of an ongoing battle with Roma has been reported not only as a local affair, but also as the type of relationships observed in other countries where Bulgarian Roma have gone to work. Lexemes such as *siege*, *blockade*, *checkpoints*, *attack*, *army* activate said metaphor: (1) 'ROMA NEIGHBOURHOODS *UNDER SIEGE*' /h/ (S/20.03.2020)[3] and (2) '[Mondragone] Locals *attacked* Bulgarian cars, our compatriots *pelted them with chairs* from the terraces.' – St/26.06.2020).

The pandemic put everyone's resilience and discipline on trial and the imposition of quarantine and lock-downs affected everyone. The media, however, did not use an ethnonym when describing the situation in other regions in Bulgaria. There was a big outbreak of the disease in one of the Bulgarian ski resorts – Bansko, which caused the lock-down of the whole resort. There were check points and gendarmerie sent to ensure that the imposed measures were complied with, however, there were no expressions such as "under siege" or "blockade" used to present the situation there, which shows a slant in the coverage of Covid measures in Roma ghettos.

Another typical use of the metaphor of war is to show the hardships members of the community experience in both Bulgaria and the UK. A new Covid-19 related context is found in: (3) 'Institutions in Bulgaria have lost *the battle* for the attention and trust of the Roma communities in relation to vaccination against COVID-19, the report says' (Dn/14.04.2022), while in the UK the metaphor shows the difficulties RGT encounter trying to obtain permissions to live in particular area and lead their itinerant way of life through the use of *pitched battle* (G/ 08.02.2022), *five-year legal battle* (I/ 24.04.2021), or through *struggle* applied to their problems with accommodation (G/ 10.05.2022).

The othering of the community is presented through another established means, i.e. calling the RGT travelling from place to place *encampments*, thus imposing the negative association with belligerent Travellers ready to take over the territories that belong to the settled communities: (4)

[3] Due to the restrictions in size the author has provided only the translated versions of the examples from the Bulgarian media marked in single quotes followed by the initial letter of the newspaper and the date. The metaphoric expressions are marked in italics. In addition, /h/ stands for headline, /sh/ for subheadline.

"I am delivering on my commitment to give the police the powers they need *to tackle these encampments swiftly and effectively*. (T/08.03.2021).

The context of **the metaphor of war** in the Bulgarian articles on Muslims is different from the one on RGT as it is primarily related to the War on Terror: (5) *war against extremism* (Dn/15.06.2021) and (6) 'The *threat* lurks both outside and inside: […] the country "is *at war against Islamism both inside and outside*"' (Dn/02.11.2020). All examples in this group address French reality and define the problems French people encounter in terms of the neighbourhoods populated with Muslim migrants. The same topic has been covered in the British media as well. Thus, such publications reflect international reality but they can also influence the general perception of Muslims.

In the British corpus some European nations are presented as actively involved in the war against Muslims, while the latter are those who suffer in that war: (7) Turkey's president, Recep Tayyip Erdoğan, has claimed that Muslims are "now subjected to *a lynching campaign* […]". Imran Khan, Pakistan's prime minister, accused the French president, Emmanuel Macron, of "*attacking Islam*" (G/03.11.2020).

The second domain most commonly used is the one of **low life**. The realizations of this metaphor are various as in the context of RGT the members of the community are generally presented as animals, parasites or birds. In addition, when this metaphor is encountered in the Bulgarian corpus on Roma it is predominantly used in the reported speech of Bulgarian nationalists like Valeri Simeonov and Volen Siderov, who describe Roma women (8) "with the instinct of *driven bitches*" (Dn/30.11.2021) and claim (9) "Roma are *immoral social parasites* who abuse their rights, live on the backs of Bulgarians and subject them to systematic violence and aim to conquer the country" (S/16.02.2021)[4]. In the British context RGT communities are presented as organisms closer to birds: (10) Mane event: Gypsies and travellers *flock to* Appleby Horse Fair /h/ (T/09.06.2022), while the attempts at obliteration of the culture by the majority are described as it being rooted out or eradicated (11) Sterilisation was part of a wider social narrative to "discriminate, seclude and *eradicate*" the Roma population (G/08.03.2021), as well as (12) Our way of life is hanging on by a thread, we are being *legislatively eradicated* from Britain /sh/ (I/24.04.2021). The last two examples liken the culture of these people to an unwanted weed that has to be destroyed for the dominant culture to thrive and flourish.

[4] Bulgaria has been sentenced in Strasbourg because of the hate speech they use.

In the corpus on Muslims the metaphor is skillfully employed to present the religious group as lesser beings, animals, or simply things which leads to the stereotype of the ferocious savage. The examples in the Bulgarian media reflect on international events and apply primarily to Islamist ideology, terrorists, radicalized and fanatical Muslims. The locations where Muslims are radicalized are described as (13) *breeding grounds for Islamist ideology* (Dn/02.11.2020), while the people themselves as (14) *lone wolves* (Dn/02.11.2020), who (15) *should be exterminated* (S/06.12.2021). In addition, we read that (16) all Muslims are seen as *fair game to attack* because of the terrorist actions of a tiny minority (G/07.10.2020). The use of *game* predetermines the use of another metaphoric expression in (17) it is *open season on Muslims* in France (G/03.01.2022), suggesting that Muslims are perceived as not only animals but also birds that can be hunted down.

The **metaphors from the domain of disaster** come third in frequency of usage. It is interesting to note that this domain has not been employed by *The Guardian* in its articles on RGT.

The natural force usually employed to trigger the metaphor in articles on RGT is water in the form of a (tidal) wave, flood or swamp: (18) 'Why is Stolipinovo[5] *drowning* in garbage /h/' (Dn/13.02.2022). Here it is not Roma who flood an area as is usually the case (see Cheshmedzhieva-Stoycheva, 2020) but Roma themselves are being flooded with garbage as a result of their own activities and the inability of the authorities to deal with the problems in Roma areas.

Fire also occurs as a devastating element that triggers the same metaphor in both corpora: (19) 'Let's not allow the ghettos to become *hearths** of infection' (Dn/18.04.2020). No such uses have been noticed in the British corpus. The domain of fire is used in other examples, though: (20) There have been attempts by the state to *extinguish* our nomadic way of life [...] (I/24.04.2021), which shows the discriminative practices RGT have been subjected to.

The metaphor of **disaster** has been common when depicting immigrants as coming in waves or as an influx. The corpus on Bulgarian Muslims such a use is observed when scholars describe the Revival Process which was characterised with big number of Bulgarian Turks leaving the country.

[5] Stolipinovo is the name of a Roma ghetto in Bulgaria

In the British media the metaphor is used to describe the clash between Europe and the Muslim world presented as an iceberg about to collide with the main continent. The metaphor focusses on the colossal divide between these two worlds and the devastation that will be left after they eventually clash: (21) Emmanuel Macron set France and Europe on *a new collision course* with the Islamic world last month (G/01.11.2020). The same element, i.e. water, however, in a liquid form has been used to describe anti-Muslim sentiment in the UK, India, and the US: (22) Islamophobia *surges* amid lockdown warn civic leaders in north of England /h/ (G/05.08.2020).

Conclusion

This study has set off with the idea to compare the way media in Bulgaria and the UK talk about the minority groups of Roma, Gypsies and Travellers and Muslims at the time of Covid-19. As the quantitative data have shown the media in both countries include the topic of the two groups in their discourse despite the on-going pandemic situation. What is more, it has been proven that all analysed newspapers use metaphors to talk about these communities.

As the scope of the study does not allow a detailed analysis on all domains, the focus has been on the top three overlapping domains which have produced the highest number of metaphors, namely the domains of war, low life and disaster.

Traditionally the metaphor of war has been used to refer to the unruly behaviour of Bulgarian Roma and the uncivilized manner in which they react to anything that does not correspond to their expectations, while in the British context it is used to describe the legal procedures RGT go through if they want to obtain a permit to live in a specific area.

The domain of low life with its subdivisions of animal, bird, parasite and plant has also been used by all analysed newspapers. The study shows that the idea that Bulgarian Roma are a form of a low life has been employed in the words of nationalists and as weeds when there are references to Roma culture and lifestyle. The same idea has been used in British media in reference to RGT and Muslims as well. The association with animals is clearly a negative one and one that establishes division and fosters seclusion and estrangement of the group attributed to.

Similar to the metaphors stemming from the domain of war, those of disaster are used to account both for some encounters between members of the minority groups and the majority or in reference to exhibitions of discrimination or radicalization.

Based on the analysis, it can be confirmed that the attitude RGT experience and the way they are presented in the media both in Bulgaria and the UK is predominantly negative, thus strengthening the opinion that they are the ultimate ethnic Other. Muslims in Bulgaria are viewed slightly differently due to the fact that Bulgarian Muslims have coexisted with the majority for a long time and have managed to integrate. Thus, negative language is generally used for terrorist activities and organizations and this is the main difference in reporting on Muslims in the Bulgarian and the British newspapers. Under the influence of international reports Muslim immigrants in Bulgaria are viewed negatively as a potential threat, while in the British media Muslims are predominantly viewed negatively even though there are attempts at countering exhibitions of racism. However, as the latter attempts are presented through the use of the metaphor of war, the stress is on the belligerent relationships between majority and minority and the image of Muslims in the UK is established as the ultimate religious Other. Thus, the general conclusion that can be drawn is that media language in both Bulgaria and the UK is othering in terms of Roma, Gypsies and Travellers and Muslims.

BIBLIOGRAPHY

Awan, I., Carter, P., Sutch, H., & Lally, H. (2022). Online extremism and Islamophobic language and sentiment when discussing the COVID-19 pandemic and misinformation on Twitter. *Ethnic and Racial Studies, 46*(7), 1407-1436. https://doi.org/10.1080/01419870.2022.2146449.

Bašić, G., & Stjelja, I. (2021). Discrimination and roma identity in Serbia. *Pravni Zapisi, 12*(1), 234-260. https://doi.org/10.5937/pravzap0-31983.

Berelson, B.L.(1952). *Content analysis in communication research*. New York: Free press.

Cheshmedzhieva-Stoycheva, D. (2020). The ethnic Other: The image of Roma, Gypsies and Travellers in the Bulgarian and the British press. Sofia: Asenevtsi. (in Bulgarian).

Cheshmedzhieva-Stoycheva, D. (2024). Muslims in the Bulgarian and the British press: The Multifarious Image of the Religious Other. Palgrave Macmillan Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-71104-6.

Curle, C. (2020, January 24). US vs. them: The process of othering. CMHR. https://humanrights.ca/story/us-vs-them-process-othering

Hancock, I. (1987). Anti-Gypsyism. The pariah syndrome - chapter XV. https://www.oocities.org/~patrin/pariah-ch15.htm

Henry, D. (2022). Gypsies, Roma and Travellers. A contemporary analysis. Critical Publishing.

Islam, S. (2022, January 3). Why Europe's Muslims are braced for France's stint running the EU presidency. The Guardian. https://www.theguardian.com/world/commentisfree/2022/jan/03/europes-muslims-braced-frances-eu-presidency

Kövecses, Z. (2017). Conceptual metaphor theory. In E. Semino & Demjén, S. (Eds.), The Routledge Handbook of Metaphor and Language (pp. 13-27). London: Routledge.
Kyuchukov, H. (Ed.). (2012). New faces of anti-gypsyism in modern Europe. Prague: Slovo 21.
Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.
Malik, N. (2021, February 15). There's a reason Muslim women struggle to make their voices heard. The Guardian. https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/feb/15/muslim-women-voices-heard-islamophobia-media.
Marushiakova, E., Popov, V., & Kovacheva, L. (Eds.). (2023). Shakir M. Pashov: History of the Gypsies in Bulgaria and Europe: Roma. Brill: Schöningh. https://doi.org/10.30965/9783657790302.
Nicolae, V. (2007). Towards a Definition of Anti-Gypsyism. In Nicolae, V., Slavic, H., (eds.), Roma Diplomacy (pp. 19-28). International Debate Education Association, New York, DiploFoundation.
Noor, E. N., & Syed, M. (2022, February 28). Othering. Showing Theory to Know Theory. https://ecampusontario.pressbooks.pub/showingtheory/chapter/othering/
Poole, E., & Williamson, M. (2021). Disrupting or reconfiguring racist narratives about Muslims? The representation of British Muslims during the Covid crisis. Journalism, 24(2), 262-279. https://doi.org/10.1177/14648849211030129.
Poole, E., Giraud, E. H., Richardson, J. E., & de Quincey, E. (2023). Expedient, Affective, and Sustained Solidarities? Mediated Contestations of Islamophobia in the Case of Brexit, the Christchurch Terror Attack, and the COVID-19 Pandemic. Social Media + Society, 9(3). https://doi.org/10.1177/20563051231199452.
powell, j. a., & Menendian, S. (2024). Belonging without othering: How we save ourselves and the world. Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503640092.
Ullah, A. (2020, June 19). Muslim males have "Highest" Covid-19 mortality rates in England and Wales. Middle East Eye. https:// www.middleeasteye.net/news/muslim-men-record-highestdeath-rate-covid-19-england-and-wales
van Dijk, T. A. (1987). Communicating Racism: Ethnic Prejudice in Thought and Talk. Newbury Park, London: Sage.
van Dijk, T. A. (2016). Critical Discourse Studies: A sociocognitive approach. In R. Wodak & M. Meyer (Eds.), Methods of critical discourse analysis (pp. 62-85)(3rd ed). London: Sage.
van Dijk, T. A. (2018). Socio-cognitive discourse studies. In J. Flowerdew & J. E. Richardson (Eds.), The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies (pp. 25-43). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315739342-3.
Versi, M. (2023). Commentary: How theory can have a real impact - The practical realities of fighting Islamophobia in the media. A. S. Al-Azami (2023), Media language on Islam and Muslims: Terminologies and their effects (pp. 7-28). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-37462-3_2.

WSPÓŁCZESNA SYTUACJA STYLU RELIGIJNEGO W KRAJACH SŁOWIAŃSKICH

ALEKSANDER GADOMSKI, MARZENA MAKUCHOWSKA (POLSKA)
Uniwersytet Opolski

Najważniejszymi pojęciami w niniejszym opracowaniu będą: styl religijny oraz sytuacja językowa, zaczniemy więc od określenia, jak rozumiemy te terminy.

Styl religijny (za J. Puzyniną i I. Bajerową, 2000) definiujemy jako odmianę funkcjonalną języka etnicznego, która obsługuje obszar życia społecznego związany z wiarą w istnienie świata nadprzyrodzonego (*sacrum*). Przyjmujemy także, iż specyfika sfery religijnej (określony typ racjonalności, specyficzne działania, jak kult, kształtowanie moralności, instytucjonalizacja i in.), a także doktryna, tradycja i kształt instytucjonalny konkretnej religii lub konfesji odzwierciedlają się w swoistych funkcjach i właściwościach stylu. Zgodnie z antropologiczno-semiotyczną koncepcją stylu (za J. Bartmińskim 1993) uważamy także, iż jego charakterystykę można przeprowadzać, biorąc pod uwagę cechy ekstralingwalne (tzw. sferę wartości stylu), które znajdują swoje wykładniki na płaszczyźnie tekstów.

Pojęcie *sytuacji językowej* natomiast – za Stanisławem Gajdą (2003: 12) – rozumiemy jako kategorię, która pozwala dostrzec wzajemną zależność języka (systemu i zachowań komunikacyjnych) oraz jego społeczno-kulturowy kontekst, zanurzenie w życiu społecznym i w kulturze. Jest ono więc ściśle związane z takim modelem rzeczywistości językowej, który traktuje społeczności ludzkie, ich języki oraz kulturę jako jedną całość. Pojęcie *sytuacji językowej* można sprowadzić więc do trzech aspektów: 1) kulturowo-społecznego, 2) komunikacyjnego oraz 3) systemowo-językowego. W naszym opracowaniu, mówiąc o *sytuacji stylu religijnego,* dokonujemy ukonkretnienia czy też zawężenia tej kategorii do jednej z odmian stylowych poszczególnych języków etnicznych.

Sytuację stylu religijnego w krajach słowiańskich (gdyż to one są przedmiotem naszego oglądu) wyznacza więc bardzo wiele czynników – natury kulturowej, politycznej, społecznej, etnicznej, demograficznej, językowej etc., a uwzględnienie ich wszystkich, i to w odniesieniu do każdego z krajów słowiańskich, wymagałoby bardzo szeroko zakrojonych badań, angażujących różnodyscyplinowy zespół badaczy (obok językoznawców, także socjologów, politologów, kulturo- i religioznawców itp.), jak też sporo czasu i środków. Dlatego też nasz referat ma charakter pewnego rekonesansu czy też próby ogólnego uchwycenia głównych rysów sytuacji stylu religijnego we współczesnej słowiańszczyźnie.

Przypomnijmy jeszcze, iż styl religijny (z różnych względów) stosunkowo niedawno dołączył do obiektów badawczych stylistyki, jednak od ponad trzech dekad (szczególnie w Rosji, Polsce, Serbii, Słowacji i Ukrainie) cieszy się wielkim zainteresowaniem, które przyniosło już znaczące owoce. Styl religijny nie tylko wszedł do zadań badawczych Komisji Stylistycznej przy MKS, ale także zyskał własną Komisję Języka Religijnego; w ramach prac tejże Komisji przygotowano syntezę dorobku poszczególnych krajów (jeden tom w językach narodowych oraz drugi w języku angielskim). Syntezę badań nad stylem religijnym w Polsce – specjalnie na tegoroczny Kongres – przedstawia rocznik „Stylistyka" XXXV/2025.

***

Wśród czynników, które należą do najbardziej istotnych z punktu widzenia sytuacji stylu religijnego, widzimy przede wszystkim zróżnicowanie religijne/wyznaniowe (chrześcijańskie, islam, judaizm, bezwyznaniowość), formy życia religijnego, pozycję i rolę religii oraz instytucji religijnych w życiu publicznym, a także otocznie kulturowo-społeczno-polityczne.

W krajach słowiańskich religiami dominującymi – w różnych proporcjach – są chrześcijaństwo oraz islam. Udział judaizmu (z przyczyn historycznych) jest nikły, podobnie jak (z przyczyn geograficznych) innych religii, np. związanych z tzw. wielkimi religiami Wschodu (hinduizm i in.). W ramach chrześcijaństwa prawosławie przeważa w Białorusi, Bułgarii, Macedonii, Rosji, Serbii oraz w Ukrainie, natomiast rzymski katolicyzm w Czechach, Chorwacji, Słowenii i Słowacji, Polsce i w części Ukrainy. Islam natomiast dominuje w Bośni i Hercegowinie, Kosowie, Czarnogórze, znacząco obecny jest też w niektórych regionach Bułgarii, Rosji, Serbii oraz Ukrainy. Żaden z krajów słowiańskich nie jest całkowicie jednolity religijnie/wyznaniowo, choć niekiedy dominacja jednej z tradycji jest tak znaczna, że praktycznie przesądza o charakterze całości, czego dobrym przykładem jest Polska, która niejako żyje w trybie katolicyzmu (zważywszy na pozycję Kościoła katolickiego, święta zgodne z katolickim kalendarzem liturgicznym, obyczajowość itp.). W każdym z krajów przynajmniej w jakiejś mierze przynależność religijna/konfesyjna pozostaje w genetycznym lub aktualnym związku z czynnikiem etnicznym. Można też przyjąć, iż – po przemianach ustrojowych końca lat 80. XX wieku, a więc po zakończeniu ery ideologicznie ugruntowanej ateizacji – na terenie całej słowiańszczyzny działalność religijna nie jest zwalczana wyłącznie ze względu na swą istotę.

***

Zasadniczy podział krajów słowiańskich na strefę prawosławną, katolicką oraz muzułmańską znajduje wielorakie odzwierciedlenie w sytuacji stylu religijnego w krajach

słowiańskich. Tzw. schizma z 1054 roku przyniosła rozwój dwóch nurtów kulturowych, z których jeden rozwijał się pod wpływem kultury łacińskiej, a drugi bizantyjskiej. Islam jest natomiast odrębną (choć spokrewnioną) religią, która uzyskała od VIII w. znaczne wpływy w Europie.

Rzymski katolicyzm jest konfesją o silnym charakterze centralizującym i unifikującym. Formy kultu, życia instytucjonalnego itp. są regulowane przez władze znajdujące się w Watykanie, a zasadą działania całego Kościoła powszechnego (który tworzą tzw. Kościoły partykularne w poszczególnych krajach) jest stałość i jedność. W odniesieniu do języka przejawia się to użyciem łaciny do II soboru watykańskiego (czyli do połowy XX w.), a po wprowadzeniu języków narodowych – koniecznością używania tłumaczeń kanonicznej wersji *Biblii* oraz ksiąg liturgicznych z tzw. edycji typicznych opracowanych w Watykanie. Style religijne tej części słowiańszczyzny naznaczone są wielowiekowym wpływem kultury łacińskiej (w warstwie terminologicznej, w tzw. kodzie biblijnym opartym na tłumaczeniach *Wulgaty*, itp.), jedność kultu funduje także zasadniczą tożsamość warstwy poznawczej (treści wiary), genologicznej (mikro- i makrogatunki, jak msza św., sakramentalia itp.) czy aksjologicznej (wartościujące nacechowanie tekstów).

Analogiczne procesy odbywają się w Polskim Autokefalicznym Kościele Prawosławnym, w którym liturgia prowadzona jest w języku cerkiewnosłowiańskim, natomiast inna część mszy w językach wiernych konkretnych parafii. Znaczny wpływ na to wywołują także procesy migracyjne.

Na terytorium Ukrainy silną pozycję ma nie tylko Cerkiew prawosławna (obecnie nie jedyna i należą one do różnych patriarchatów), ale i Cerkiew Grekokatolicka oraz Kościół Rzymskokatolicki. W ukraińskich świątyniach (biorąc pod uwagę tradycje tego czy innego wyznania) liturgia może być sprawowana zarówno w języku cerkiewnosłowiańskim jak i w językach narodowościowych.

Rozważając przyczyny różnorodności podejść do stylu religijnego w krajach słowiańskich, należy wziąć pod uwagę fakt, że badacze stosunkowo często „ulegają wpływom" środowiska, w którym się znajdują. Praktycznie wszyscy slawiści, piszący o stylu religijnym, za punkt wyjścia przyjmują chrześcijaństwo. Polscy naukowcy opierają się, przede wszystkim na katolicyzmie, mając do czynienia z liturgią prowadzoną w języku narodowym. Rosyjskim badaczom bliższe jest prawosławie, w którym liturgia prowadzona jest w języku cerkiewnosłowiańskim. Największą trudność mają ukraińscy naukowcy.

Igor Grymałowski, mówiąc o przyczynach zróżnicowania badań w tej dziedzinie wskazuje na fakt, że dla większości autorów ten styl powinien obejmować źródła pisane

wszystkich religii, ale kojarzy się z wiarą chrześcijańską […]. Z tego względu przywołany autor uważa, że ten styl, […] należy nazywać *chrześcijańskim* (Грималовський 2006: 54–57).

Galina Sklariewska uważa, że dobrze byłoby zrezygnować z prób znalezienia miejsca i statusu języka religijnego w systemie języka literackiego (czyli wewnątrz niego), a obecność dwóch typów języków: świeckiego i religijnego – zakwalifikować jako objaw dyglosji (Скляревская 2020: 16–22.).

Ksienija Konczariewicz zgadza się z opinią, wyrażoną kiedyś przez Branko Toszowicza, zgodnie z którą, lepiej byłoby mówić nie tyle o stylu religijnym, ile o sakralnym „kompleksie funkcjonalno-stylistycznym”(Кончаревић *2017:* 229–236).

Uważamy, że te wszystkie rozważania można traktować jako punkt wyjścia do dalszych badań w tej dziedzinie.

Właśnie dlatego terminologia stylu religijnego w teolingwistyce słowiańskiej powinna być ujednolicona i usystematyzowana, co w konsekwencji powinno pociągnąć za sobą uporządkowanie utrwalonych pojęć ć.

BIBLIOGRAFIA

Gajda S., 2003, *Sytuacja językowa w Polsce na przełomie wieków XX na XXI,* w: *Współczesna polska i słoweńska sytuacja językowa. Sodobni jezikovni položaj na Poljskem in v Sloveniji,* red. S. Gajda, A. Vidovič Muha, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 11-40.

Bajerowa I., Puzynina J., 2000, *Język religijny. Aspekt filologiczny*, [w:] *Encyklopedia katolicka*, t. 8, red. B. Migut i in., Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego.

Bartmiński J., 1993, *Styl potoczny*, [w:] *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2: Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Wrocław: „Wiedza o Kulturze”, s. 115–134

Grimalovs′kij Ì.S., 2006.*Mova ukraïns′koï duhovnoï poezìï XVIII – počatku XIX stolìttâ:* dis... kand. filol. nauk, Černìvcì , s. 54-57.

Končarević K., 2017, *Jezik i religija*, Beograd: „Jaceh”, c. 229–236.

Sklârevskaâ G.N., 2020, *Sistema, norma i uzus v stilistike*, „Mir russkogo slova”, nr II, s. 16-22.

ДИСКУРСЫ БИЗНЕС-ПЕРЕГОВОРОВ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ (КОМПОНЕНТЫ ПОЛЬСКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ, КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУР): ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНВАРИАНТНОЙ И ВАРИАТИВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Людмила Курчак, доктор гуманитарных наук (EU)
lkourchak@gmail.com

Аннотация: Наше исследование дискурса деловых переговоров и дискурса трудоустройства основано на двух глобальных идеях — устоявшемся предположении, что люди обычно общаются больше, чем они лингвистически кодируют (Grice, 1989), и общепризнанном факте, что лингвистика изменила свое лицо, поглощая это «большее», актуализированное Грайсом. Мы опираемся на принципы каузально-генетического подхода (КГТ), который занимается теоретическим моделированием дискурсов и типов дискурсов. Дискурс здесь трактуется как целостная самоорганизующаяся многомерная и гибкая макроструктура, открытая множественным содержательно-контекстным трансформациям, которая адаптируется к различным сферам жизни людей, которые связаны с функционированием дискурсных сообществ.

Исследование проводится на примере реальных дискурсных практик (скриптов), на основании которых и формируются дискурс-сообщества деловых институтов – бизнес-партнеров. Поэтапное реконструкция содержания дискурсий в их контент-контекстной данности, а также верификация полученных данных с помощью других методик и технологий анализа, помогает нам понять специфику организации и функционирования выбранных нами для исследования типов дискурса и построить их теоретические модели – как вариативные, так и инвариантные.

Цель моей презентации познакомить аудиторию с результатами проведенного исследования и показать актуальность и значимость таких моделей в возможности их дальнейшего использования в контекстах профессионального экспертирования эффективности ведения деловых переговоров, как и переговоров работодателя с соискателями на вакантные должности в процессе эффективного формирования своего (дискурсно-актуализируемого) бизнес-сообщества.

Лингвистика дискурса – дисциплина, синтезирующая в своей исследовательской практике множество методов и технологий анализа дискурса, с фокусировкой на индуктивные и дедуктивные исследовательские практики, ключевыми из которых являются методы микро-, мезо- и макроуровня исследования дискурса, которые репрезентируют себя эпистемически (когнитивно), аксиологически (прагматически), в текстуре дискурса (синтагматически) и системно (в языковой репрезентации).

Наш **объект** исследования – это дискурсии, а значит и дискурс-типы переговоров и онлайн трудоустройства в бизнесе, репрезентированные конкретными дискурсными практиками.

Материалом для исследования послужили следующие дискурсии:

• первая группа исследовательской выборки / корпуса текстов – это *письменные скрипты аудиозаписей* международных бизнес-переговоров, реализованных во время одной белорусско-польской и пяти белорусско-китайских встреч; участники этих

встреч – как действующие, так и потенциальные деловые партнеры; уровень переговоров – стратегической и / или тактической фокусировки – определялся статусом участников переговоров; так, в стратегических переговорах участвовали собственники и директора / топ менеджеры компаний (5 исследовательских случаев); участники бизнес-переговоров тактической фокусировки – специалисты по внешнеэкономической деятельности (ВЭД) (1 исследовательский случай); *тематика и направленность* бизнес-переговоров варьировалась от установки на поиск товара, а значит и установление новых бизнес-отношений (4 случая) до решения проблем, анализа и планирования совместной деятельности / сохранения отношений (2 случая). Места проведения переговоров – торговые выставки и территории партнёрских компаний в Нюрнберге, Гонконге и Варшаве; время проведения переговоров – период с 2004 по 2010 годы. Аудиозаписи, с которых были сделаны скрипты, велись в полном соответствии с договоренностью респондентов (анонимность участников гарантирована; все участники представлены либо под другими именами, либо с цифровым обозначением У1, У2 или БУ1, КУ1, что означает «участник 1» или «китайский / белорусский участник 1»);

• *вторая группа* – это*, во-первых,* – материалы, которые репрезентируют дискурс трудоустройства в лице работодателя – компании, куда вошли *письменные интернет-материалы* (8 вакансий) и *фрагменты глубинного интервью* с директором компании, касающиеся вопросов трудоустройства (критерии выбора работника из соискателей и комментарии частных случаев, которые стали нашими исследовательскими кейсами). Это, *во-вторых* – материалы соискателей – пакеты документов, рекомендованных соискателям для заполнения данным конкретным бизнес-институтом (в описанную подробно в работе исследовательскую выборку попали пакеты 4-х случаев, два из которых представляли соискателей, которых пригласили на собеседование в офис фирмы, а два других не прошли этот барьер). Участники исследуемых дискурсий – это соискатели в одну из международных производственно-торговых компаний. Компания занимается проектированием, производством и продажей игрушек, упаковки и сувенирной продукции.

Объем материала *деловых встреч* составляет 237 минут аудиозаписи на *английском, польском и русском языках*; *интернет-материалов* и фрагменты скрипта аудиозаписи глубинного *интервью трудоустройства* составляет 35 страниц на *русском языке*.

Предметом исследования является референтно-кортежная структура дискурса (тематический и интерактивный срезы взаимодействия) с учетом их речеповеденческих, коммуникативных, практических и типовых маркеров репрезентации, актуализированных в текстологической, прагматической, когнитивной и системно-языковой структурах содержания.

Первый кластер содержания – *референтный* (предмет общения структурированный, линейно и системно репрезентированный и иерархически определенный (оцененный), при этом он актуализирован социально, с опорой на профессиональный контекст и язык общения, но также и индивидуально, с опорой на порождаемые в процессе переговоров смыслы). *Знаковый референт* представлен в его парадигматической и синтагматической репрезентациях.

Второй кластер – *кортежный* (организован структурно, системно, иерархически и линейно, при этом субъекты общения актуализированы социально, с опорой на ситуативный контекст общающихся и формат общения, но также и индивидуально, с опорой на оценку отношений коммуникантов, что репрезентировано непосредственно жанровыми особенностями коммуникации). *Знаковый кортеж* представлен в репрезентациях формата общения (который делает дискурс нормативным) и жанра (который делает дискурс вариативным с помощью жанровой гибридизации).

Четыре феноменологические категории, актуализирующие содержание двух типов бизнес-переговоров (феноменологические репрезентанты дискурса): *референт*/ *предмет общения*, *кортеж*/ *субъекты общения*, *знаковый референт*/ *знак референта*, *знаковый кортеж*/ знак кортежа общающихся являются врожденными и актуализируются во всех типах дискурса, но наполнение их всегда эксклюзивно, что и является центром внимания феноменологического дискурса.

Предмет исследования специфицируется на микроуровне с помощью операциональных категорий, таких как *тема с ее развитием и роли с их развитием* (производится статический анализ). Затем, на мезо уровне проводится динамический анализ, а на макроуровне, осуществляется последующий синтез полученных результатов в виде дискурс-категорий субъект-предметных и субъект-субъектных отношений.

Проработав теоретические и методологические основания исследования и подойдя к работе с практическим материалом – дискурсиями непосредственно проводимых бизнес-переговоров и трудоустройства, проводимого онлайн, у нас

сложились следующие **две исследовательские гипотезы,** требующая проверки и уточнения.

Первая гипотеза – это ***гипотеза о неизбежной репрезентации (эксплицитной или имплицитной) в дискурсиях бизнес-переговоров и онлайн трудоустройства контент-контекстной рокировки, актуализированной в референтно-кортежной рокировке,*** т.е. когда в процессе функционирования этих дискурсий (что является реализацией / линейной репрезентацией / линейным поэтапным развитием дискурсии) происходит попеременное перемещение каждой из составляющих периферии в центр и обратно. ***При этом полнота каждого из этих кластеров содержания*** (с учетом их 4-х аспектного наполнения) ***может быть вариативна***, ***хотя наряду с вариативностью должно сохраняться что-то общее, на основании которого и строятся вариативные модели типов дискурса.***

Таким образом, практический анализ даст нам ответы на вопросы:

1) Как раскладывается ситуация с референтно-кортежной рокировкой в каждом из типов дискурса (на каких этапах какой из этих кластеров содержания берет роль контента, а какой – роль контекста, что мотивирует этот переход?

2) Какова возможная вариативность наполнения этих кластеров (основная тенденция их наполнения), и можно ли реконструировать общую прототипическую модель изучаемых типов дискурса на основании предложенных для анализа примеров (актуализированной и контекстной выборки)?

Вторая гипотеза – это ***гипотеза о необходимости расширять диапазон исследования данных типов дискурса, принимая факт пересечения внутри этих подтипов бизнес-дискурса иных, как то: аргументативного (рассматриваемого с позиции прагма-диалектического исследовательского метода) и кросс-культурного (рассматриваемого с позиции актуализации стратегии «сохранения лица»).***

Если *первая* гипотеза напрямую связана с целью проводимого исследования – реконструкцией и моделированием наших типов дискурса, то *вторая гипотеза* призвана уточнить и, в какой-то степени, верифицировать специфику организации и функционирования этих типов дискурса.

Цель данной работы заключается в реконструкции и моделировании – как вариативном, так и общем изучаемых типов дискурса с фокусировкой на пласт содержания с учетом его подвижности и репрезентации в единой референтно-кортежной структуре, которая актуализирует дискурс с позиции его проявленности феноменологического (фактологического, актуализируемого в предмет и субъект-

ориентированной деятельности) и идеационного (актуализируемого в ментально-процессуальной деятельности), причем как эксплицитно, так и имплицитно, как социально, так и индивидуально.

Методы и технологии. Актуальными для выстраивания процедуры анализа и для решения нашей основной цели исследования стали методы и технологии, которые относятся к парадигме качественной методологии. Основными стали: дедукция и реконструкция ключевых кластеров содержания и их репрезентантов; верификативными: метод прагма-диалектического анализа аргументативного дискурса, анализ тематических и интерактивных коммуникативных стратегий; технологии сбора информации: построение когнитивных карт/когнитивное картирование содержания дискурсных практик, кодирование тем с опорой на Обоснованную теорию, теоретическое моделирование, визуализация как технология теоретического обоснования.

В результате была решена **ключевая задача исследования** – реконструированы **теоретические вариативные и инвариантная модель** дискурса переговоров.

Напомним, что четыре аспекта референтного элемента референтно-кортежной (контент-контекстной) структуры дискурса бизнес-переговоров, с помощью которых реализуется целостная дискурсия, неизбежно проявляют себя

- как *социально*, а именно: через оценку (социальный контекст референта, репрезентированного тематически – d4) и через вербальную репрезентацию тем (парадигматически-нормированную, а значит, социально систематизированную в языковой системе, в чем и заключается социально-вербальная репрезентация референта / социально-осмысленное языковое действие – b2);
- так и *индивидуально*, а именно: через индивидуально-когнитивные структуры содержания дискурсии (референтно актуализируемые смыслы – (d3), которые вкладывают в предмет общения участники переговоров или одна из сторон переговоров) и через индивидуальное текстовое действие – b1, в чем и заключается индивидуально-вербальная репрезентация референта.

Отметим здесь также факт возможности рассмотрения тех же 4-х аспектов референтного кластера содержания с акцентом на их вербальную (b1, b2) – невербальную (d3, d4) варианты репрезентации. Как оказалось с позиции выводов, важно и то, и другое.

Так же проявляют себя и четыре аспекта кортежного элемента кортежно-референтной (контент-контекстной) структуры дискурса бизнес-переговоров, с помощью которых реализуется целостная дискурсия,

• как *социально*, а именно: через социально значимые коммуникативные роли, задаваемые форматом общения (с3) и через нормативное речевое поведение (текстовое) / социальной спецификой ориентации адресанта на адресата (а1);

• так и *индивидуально*, а именно: через отношение / оценку строящихся в коммуникации отношений (а4) и через специфику выбора жанра / набора жанров общения и типовых стилистических паттернов – (с2).

И здесь можно подчеркнуть факт возможности рассмотрения тех же 4-х аспектов кортежного кластера содержания с акцентом на их вербальный (а1, с2) – невербальный (а4, с3) варианты репрезентации. Понимая возможность смены фокуса внимания, мы обогащаем наши выводы.

Добавим, что **значимость (***речь именно о значимости, но не о значении***)** каждого из этих **восьми аспектов репрезентации каждого из двух элементов контент-контекстной структуры дискурса** меняется, ведь, моделирование дискурсии / типа дискурса с позиции открытого функционированию и развивающегося в процессе функционирования, изначально включает в себя идею о возможности перехода контента в контекст и обратно. Эта позиция каузально-генетического моделирования дискурсий и типов дискурса стала для нас особо значимой, ибо контент-контекстные перевоплощения от стадии к стадии развития дискурсии оказались неотъемлемой составляющей дискурса бизнес-переговоров.

В подтверждении вышесказанному, предлагаем построенные в результате исследования теоретические модели бизнес-дискурса.

Вариативные модели дискурса переговоров построены на основании анализа **шести** дискурсий. **Модель 1 и модель 2** – это модели, построенные на материале реконструкции содержания дискурсий-переговоров действующих партнеров, **модель 3** – на материале дискурсии-переговоров потенциальных партнеров, которые были действующими два года назад, а теперь пытаются вновь вернуться к сотрудничеству и **модель 4** – это дискуссии-переговоров потенциальных партнеров (таких случаев проанализировано три). Далее представим их подробно.

1) Модель кортежно-референтной структуры содержания дискурса переговоров линейной развернутости. **Переговоров 1** – случай «решение проблемы действующими партнерами».

Описание случая: Международные бизнес-переговоры одной белорусско-китайской встречи; участники которой – действующие деловые партнеры (А1 – белорусский участник и А2 – китайский); уровень переговоров – тактической фокусировки – специалисты по внешнеэкономической деятельности (ВЭД); *тематика* которых – решения проблемы недостачи товара и компенсации убытков и планирование совместной деятельности / сохранение отношений. Место проведения – торговая выставка в Нюрнберге, время проведения – 2004 год. Кортежно-референтная структура содержания дискурса линейной развернутости данного случая представлена следующими **семью стадиями:**

«(1) Сбалансированная референтно-кортежная **настройка на переговоры** и подтверждение факта будущего сотрудничества – (**2**) Разомкнутый референт: **констатация проблемы** противостояние мотивов и позиций в контексте общих и собственных интересов – (**3**) Разомкнутый кортеж: **факт и логика против «сохранения лица»** – (**4**) Возврат к сбалансированному референтно-кортежному поиску решения проблемы: **волевое усилие** – (**5**) **Решение проблемы** в контексте целостной референтно-кортежной структуры – (**6**) Сбалансированная референтно-кортежная структура в контексте партнерского **обсуждения рутинных вопросы:** приоритет опыта – (**7**) **Закрепление факта сотрудничества**-партнерства совместными позитивными действиями, направленными в будущее: сбалансированная референтно-кортежная структура».

Модель 1 представляет собой семиэтапные переговоры, в которых мы видим подвижную контент-контекстную структуру, т.е. движение от сбалансированной референтно-кортежной структуры к референт-сфокусированной, далее кортеж размыкается, тем самым существует угроза прекращения дискурса переговоров и переход его в какой-то иной тип дискурса (дискурс дискуссии или дебатов), но, благодаря волевому усилию участника общения, который своими действиями сохраняет данный тип дискурса (дискурс другого типа лишь расширил трансжанровое (интердискурсивное) пространство данной дискурсии), кортежно-референтная структура возвращается в сбалансированное состояние, проблема решается, вопросы обсуждаются и планируется будущая деятельность.

2) **Модель** кортежно-референтной структуры содержания дискурса переговоров линейной развернутости (вариативная) **Переговоров 2** – это также **случай** «решение проблемы».

Описание случая: Международные бизнес-переговоры одной белорусско-польской встречи; участники которой – действующие деловые партнеры (А1и А2 – белорусские участники и А3, А4 – польские); уровень переговоров – стратегической фокусировки – собственники и топ менеджеры обеих сторон; *тематика* которых – обсуждение проблемы снижения динамики продаж товара у обеих компаний / сохранение отношений. Место проведения – офис польской компании в Варшаве, время проведения – 2004 год.

Модель данного случая состоит из **шести стадий**. Отличается она от модели первой отсутствием одной стадии – стадии (3) «Разомкнутый кортеж: факт и логика против «сохранения лица». Следовательно, в переговорах 2 только намечается, но не происходит разрыв кортежа, очевидно, опытность участников-стратегов позволяет избежать явного обострения отношений.

3) **Модель** кортежно-референтной структуры содержания дискурса переговоров линейной развернутости **Переговоров 3** – это случай «поиск нового товара и потенциальных партнеров на торговой выставке».

Описание случая: Международные бизнес-переговоры одной белорусско-китайской встречи; участники которой – действующие деловые партнеры (БУ1, БУ2, БУ3 – белорусские участники; КУ3, КУ5 – китайские); уровень переговоров – стратегической фокусировки – директора компаний и менеджеры по ВЭД; *тематика* которых – установка на поиск товара / установление новых бизнес-отношений. Место проведения – торговая выставка в Гонконге, время проведения – 2010 год.

«(1) Сбалансированная референтно-кортежная настройка на переговоры и подтверждение готовности работать здесь и сейчас (обсуждение представленных производителем коллекций на выставке) – (2) Референт-сфокусированная констатация проблемы – целесообразность вступать в профессиональное взаимодействие, противостояние мотивов и позиций в контексте общих и собственных интересов (обсуждение и оценка свойств товара и условий работы между белорусскими участниками – дискурс дебатов в дискурсе переговоров) – (3) Возврат к сбалансированному референтно-кортежному поиску решения проблемы: волевое усилие – (4) Сбалансированная референтно-кортежная структура в контексте партнерского обсуждения рутинных вопросы: приоритет опыта – (5) Закрепление факта сотрудничества-партнерства совместными позитивными действиями, направленными в будущее: сбалансированная референтно-кортежная структура».

Модель данного случая состоит из **пяти стадий**. Отличается она от модели первой отсутствием двух стадий – стадии (3) «Разомкнутый кортеж: факт и логика против «сохранения лица» и (5) Решение проблемы в контексте целостной референтно-кортежной структуры. В данном случае партнерство только намечается, проблема, актуализированная на стадии 2 – это проблема, больше не внешняя (между покупателем и продавцом), а внутренняя (внутри своего сформированного сообщества) – «создавать ли новые отношения, покупать ли товар?», соответственно конфликт интересов выражен не явно и разрешение проблемы в данном контексте не актуализировано. Кортежно-референтная структура не такая подвижная, как в Переговорах 1, однако, переход в другой жанр (внутренних дебатов) на стадии (2) наблюдается, при этом на стадии (3) ситуация стабилизировалась, переговоры состоялись.

4) **Модель** кортежно-референтной структуры содержания дискурса переговоров линейной развернутости **Переговоров 4** – это еще один случай «поиск нового товара и потенциальных партнеров на торговой выставке».

Описание случая: Международные бизнес-переговоры одной белорусско-китайской встречи; участники которой – действующие деловые партнеры (БУ1, БУ2, БУ3 – белорусские участники; КУ3, КУ5 – китайские); уровень переговоров – стратегической фокусировки – директора компаний и менеджеры по ВЭД; *тематика* которых – установка на поиск товара / установление новых бизнес-отношений. Место проведения – торговая выставка в Гонконге, время проведения – 2010 год.

Модель данного случая состоит из **четырех стадий**:

«(1) Сбалансированная референтно-кортежная настройка на переговоры и подтверждение готовности работать здесь и сейчас (обсуждение представленных производителем коллекций на выставке) – (2) Референт-сфокусированная констатация проблемы – целесообразность вступать в профессиональное взаимодействие, противостояние мотивов и позиций в контексте общих и собственных интересов (обсуждение и оценка свойств товара и условий работы) – (3) Сбалансированная референтно-кортежная структура в контексте партнерского обсуждения рутинных вопросы: приоритет опыта – (4) Закрепление факта сотрудничества-партнерства совместными позитивными действиями, направленными в будущее: сбалансированная референтно-кортежная структура».

Данные переговоры являются наиболее сбалансированными с позиции динамики изменения референтно-кортежной структуры, лишь на стадии (2) фокус внимания несколько смещается в сторону референтного содержания. Переговоры состоялись.

В результате проделанного исследования нами получены четыре вариативные модели дискурса деловых международных переговоров, представляющие шесть исследованных случаев. У всех четырех моделей присутствовали четыре стадии:

«(1) настройка на переговоры – (2) констатация проблемы – (3) обсуждение рутинных вопросов – (4) Закрепление факта сотрудничества».

Таким образом, мы получили инвариантную модель переговоров, которая присуща всем исследуемым случаям.

Далее подробно остановимся на результатах реконструкции Переговоров1 с учетом 4-х аспектной реконструкции каждого из двух кластеров (референтного и кортежного) для того, чтобы показать наполняемость каждого из восьми элементов на каждой стадии.

Вариативная модель 1.

Пять стадий данной модели имеют подобную проявленность всех восьми аспектов анализа, это стадии:

Стадия (1) «Настройка на настоящие переговоры и будущее сотрудничество»

(Развернутое название: «Настройка на деловые переговоры со сбалансированной референтно-кортежной структурой и на дальнейшее результативное сотрудничество»);

Стадия (4) «Проблема должна быть разрешена: поиск решения как волевое (кортеж-актуализирующее) усилие»;

Стадия (5) Решение проблемы в контексте целостной референтно-кортежной структуры;

Стадия (6) «Рутинные вопросы/ приоритет опыта: обсуждение последующих рутинных вопросов как неотъемлемая значимая часть переговоров»;

Стадия (7) Закрепление факта сотрудничества-партнерства совместными позитивными действиями, направленными в будущее (сбалансированная референтно-кортежная структура)».

Всем им характерна сбалансированная кортежно-референтная структура дискурсии (единые маркеры репрезентации кортежной и референтной информации) следующего вида:

1. Актуализация кортежной информации. Сбалансированная 4-аспектная актуализация кортежной информации (а4 – принятие Другого, а2 – нормативная

синтагматика обращения к другому, c2 – поддерживаемый через вопросно-ответную систему диалог – c3), настраивающая на эффективные переговоры;

2. Актуализация референтной информации. Сбалансированная 4-аспектная актуализация референтной информации (d3 – единение смыслов, d4 – значимость предмета разговора, b1 – взаимно принимаемые текстовые действия, b2 – профессионально-осмысленная терминология / парадигматика).

3. Актуализация целостной дискурсии. Сбалансированная кортежно-референтная структура дискурсии (единые маркеры репрезентации кортежной и референтной информации).

Две стадии отличаются своей наполненностью. Им характерна несбалансированная кортежно-референтная структура дискурсии следующего вида:

Стадия 2 «Проблема, видимая участниками по-разному: *разомкнутая структура дискурсии*». (Развернутое название: «Обозначение ключевого предмета переговоров – «недостача товара»).

1. Актуализация кортежной информации. Предъявление претензии одной стороной и непринятие ее на свой счет другой. Актуализация субъект-субъектной прагматики – **a4:** прагматически разомкнутая структура кортежной информации: за претензией стоит недоработка другой стороны, а значит и ее негативная оценка (сотрудничество переживает недоверие и имплицитно рождается цель переговоров его снять). Нарушение симметрии в **категории a1** (я-мы).

2. Актуализация референтной информации. Наличие проблемы у одной стороны, но не у другой. Актуализация субъект-предметной прагматики – **d4**: прагматически разомкнутая структура референтной информации. Реальности участников переговоров переходят из единого пространства сотрудничества в пространства разных фирм. Т.е. имеет место также и разомкнутость референтной структуры.

3. Актуализация целостной дискурсии. *Разомкнутые структуры дискурсии* по каждому из кластеров усиливают проблему в целом и требуют проработки в дальнейшем как референтной, так и кортежной информации.

Стадия (3) «Проблема открыта перепроверке: фокусировка на референтную информацию при разомкнутой кортежной структуре». (Развернутое название: факт и логика против «сохранения лица»).

1. Актуализация кортежной информации. Поиск третьей виноватой стороны (перевозчик) – со стороны поставщика; актуализация третьих лиц –

свидетельствующих о правоте другого – со стороны обеих сторон; несимметричность **a1**, обращение «Венди» с одной стороны и обращение без имен с другой.

2. Актуализация референтной информации. Проработка бизнес формата – логистики бизнес-деятельности тем участником переговоров, кто получил претензию (склад - транспортировка и после нее – вновь склад). Проработка внешнего вида загруженности контейнера. Уточнение количества пропавшего товара). Развернутое обсуждение мест пропажи сопровождается документацией, фиксируемой третьими сторонами, т.е. актуализированная фактология – **b2** (акты, составленные складскими и др. сотрудниками).

3. Актуализация целостной дискурсии. Разомкнутый кортеж.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Изучение бизнес-дискурса представляется нам важным и значимым с точки зрения развития теории (теоретического моделирования) дискурс-анализа на примере репрезентантов (дискурсий двух типов дискурса) и актуализации лингвистики дискурса как науки прикладного знания (прикладной лингвистики изучения структур содержания), что помогает глубоко понять контент, который порождается этим типом дискурса.

Создание своего бизнес-сообщества и умение выходить в другие бизнес-сообщества. Владение предметом содержания, понимание ключевых (общих) позиций, как эксплицитно выраженных (тематических полей разговора, таких как поиск товара, обсуждение его характеристик, решение возникающих проблем недостачи товара, компенсации издержек и т. д.), так и имплицитно выраженных (таких как доверие, понимание как своих интересов так и интересов своего партнера и т.д.). Как эти позиции репрезентируются в каждом конкретном изученном случае-дискурсии (единичные категории) и как они объединяются (то особое, что строит данный тип дискурса).

Новизна данного исследования заключается в том, что на реальном материале контекстно определенного взаимодействия членов бизнес-сообщества (на реальных встречах субъектов разного уровня в разных ситуациях общения, в том числе в ситуации отбора своего контингента), строятся, а точнее, реконструируются вариативные теоретические модели содержания этого взаимодействия, а в контексте сопоставления полученных моделей выявляются общие черты бизнес-дискурса.

TEKSTOWE OBRAZY ŚWIATA W DYSKURSIE FILMOWYM. ANALIZA MEDIOLINGWISTYCZNA

BOGUSŁAW SKOWRONEK (POLSKA)
Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

Referat swój osadzam w założeniach i narzędziach polskiej mediolingwistyki. W promowanej przeze mnie koncepcji mediolingwistyki najistotniejsze jest pytanie, co media (w tym oczywiście też film) „robią" z językiem i komunikacją, w jaki sposób i za pomocą jakich środków werbalnych wpływają na mentalne konceptualizacje zjawisk i rozumienie rzeczywistości przez odbiorców oraz w jakim stopniu modelują zachowania komunikacyjne i system formalny polszczyzny. Mediolingwistyczne analizy powinny ukazywać i wyjaśniać wieloaspektowe, wzajemnie warunkujące się uwikłanie systemu językowego, sposobów porozumiewania się, przekazów (konkretnych filmów), samych technologii medialnych oraz zewnętrznych okoliczności ich funkcjonowania. Badacz mediolingwista musi spoglądać na wszelkie realizacje językowe motywowane medialnie w ich „naturalnym" środowisku – w kontekście konkretnego filmu, współczesnej wiedzy o mediach oraz tendencji rozwojowych kultury i językoznawstwa. Mediolingwista musi łączyć w swych analizach prymarną dla niego warstwę werbalną komunikatu z szeroko ujmowanym kulturowym, społecznym i rzecz jasna medialnym kontekstem. Zawsze trzeba w badaniach rozpoznać i uwzględnić „światopogląd" danego filmu, jego charakter, wzorcowy dlań styl komunikacyjny i poznawczy.

Wszystkie media, w tym filmy, traktuję jako swoiste „maszyny epistemologiczne", które poprzez określone konceptualizacje rzeczywistości oferowane w swoich przekazach (filmach) konstruują określone obrazy rzeczywistości u odbiorców. Bazą tych kognitywnych konstruowanych obrazów jest „językowy obraz świata" (JOS), który stanowi ponadjednostkową (społeczną) interpretację rzeczywistości (…) istniejącą w postaci struktury pojęciowej w umyśle i wyrażającą się na różnych poziomach języka. W analizach mediolingwistycznych rekonstrukcja JOS (a szczególnie jego ukonkretnionych wariantów) jest ważna dlatego, że dzięki niej możliwe jest zbadanie językowego ujmowania zjawisk rzeczywistości w przekazie medialnym (np. filmie). Także wychwytywania tego, co z jakiegoś punktu widzenia, z jakiejś (czyjejś) perspektywy oraz z jakichś względów (dyskursywnych, ideologicznych, artystycznych) jest ważne dla twórcy komunikatu. Koncepcja językowego obrazu świata ściśle bowiem wiąże się z definiowaniem wszystkich

mediów jako specyficznych „maszyn sensotwórczych", ważnych dziś (najważniejszych) formacji epistemologicznych.

W prezentowanej tu koncepcji wariantami „językowego obrazu świata" (JOS), jego językowymi konkretyzacjami, aktualizacjami, są: „dyskursywny obraz świata" (DOS), „medialny obraz świata" (MOS) oraz „tekstowy obraz świata" (TOS). Wszystkie te obrazy świata należy rozumieć jako kognitywno-językowe derywaty JOS, jego odpowiednio wyprofilowane semantyczne konkretyzacje, tekstowe aktualizacje całościowej ramy. Niezbędnym dla nich punktem odniesienia jest zawsze JOS, ujmowany z pozycji makro jako całościowa rama interpretacyjna. DOS, MOS, TOS różnią się od JOS jedynie (aż) charakterem dokonanej konkretyzacji (jej treścią i specyfiką), stopniem i kierunkiem tego uszczegółowienia oraz punktem widzenia i perspektywą, z których dokonuje się tych znaczeniowych konkretyzacji. „Dyskursywne obrazy świata" to społeczne systemy wiedzy i myślenia, stanowiące spójną transtekstualną strukturę, czego przykładem mogą być odpowiednie dyskursy tematyczne, na przykład demokratyczny, liberalny, konserwatywny, narodowy, nacjonalistyczny, katolicki, feministyczny, anarchistyczny, ekologiczny, rasistowski itp. „Medialny obraz świata" (MOS) to kolejny wariant „językowego obrazu świata" (JOS). Medialne obrazy świata, najprościej ujmując, to obrazy danej kategorii czy rzeczy charakteryzujące poszczególne media (prasę, kino, radio, telewizję) oraz dystrybuowane przez nie przekazy. Medialny obraz świata, podobnie jak JOS oraz DOS, jest zatem zawsze odpowiednio ukierunkowaną interpretacją rzeczywistości. Natomiast „tekstowy obraz świata" (TOS) to ostateczna tekstowa aktualizacja językowego obrazu świata. To z nim mamy do czynienia, analizując ścieżkę werbalną konkretnego filmu. Podstawowym mechanizmem lingwistyczno-kognitywnym, dzięki któremu powstaje TOS, jest profilowanie tekstowe. Tekstowy obraz świata oczywiście pozostaje w związku z językowym obrazem świata (JOS), dyskursywnym obrazem świata (DOS) oraz medialnym obrazem świata (MOS). Jest ich ostateczną, finalną – bo tekstową – aktualizacją. Najważniejsze i decydujące o wyodrębnieniu TOS jest zindywidualizowane, kreacyjne, twórcze ukonkretnienie i/lub zmodyfikowanie JOS. Profilowanie tekstowe (TOS) to nie tylko odwołanie się do JOS poprzez tekst. To także innowacyjne, formalne i/lub semantyczne przekształcanie języka, służące kreowaniu nowych kategorii pojęciowych lub znaczeniowej reinterpretacji kategorii już istniejących. Podstawowy mechanizm kreowania tekstowego polega na wyborze którejś z oferowanych przez JOS opcji – na akceptacji zawartych w nim treści bądź na ewentualnej polemice z nim poprzez możliwe transformacje znaczeniowe. Jedne elementy usuwa się w cień, inne eksponuje, jeszcze inne rozbudowuje. Najczęstsze zabiegi to: akceptacja lub

odrzucenie istniejących w JOS znaczeń i konceptualizacji; ukonkretnienie, gdy dany tekst przekłada na doraźny obraz tę kategorię pojęciową, która jest kluczowa dla większej grupy tekstów (lub określonych dyskursów); rozwijanie (uszczegółowienie) składników pojęciowych JOS.

Tekstowy obraz świata wyrażany jest przez pasmo werbalne danego dzieła, słyszalne „na jego powierzchni", istniejące *explicite*. To po prostu monologi i dialogi postaci konstytuujące diegezę konkretnego filmu – efekt kreacji twórców, scenarzystów (dialogistów) i reżysera. Profilowanie tekstowe zasadza się na indywidualnym, twórczym interpretowaniu skonwencjonalizowanych elementów językowego obrazu świata (JOS); także dyskursywnego (DOS) i medialnego (MOS). One stanowią lingwistyczno-kulturową „bazę derywacyjną" dla autorskich działań językowych (tekstowych) o charakterze innowacyjnym, kreacyjnym (TOS). Nawet najbardziej oryginalna ścieżka werbalna filmu nie może – jak już pisałem wcześniej – całkowicie „oderwać się" od obrazu świata zawartego w języku wspólnoty (gdyby tak się stało, film zostałby przez widzów niezrozumiany i/lub odrzucony).

Główny „mechanizm napędowy" wszystkich bez wyjątku mediów, także filmu – jako „modyfikatorów sensu" – opiera się więc na kognitywno-językowych działaniach o charakterze kreatywnym. Polegają one na ideologicznym profilowaniu / modyfikowaniu / reinterpretowaniu istniejących w racjonalności potocznej i utrwalonych językowo obrazów świata (JOS) oraz celowym ich modyfikowaniu przez dyskursy społeczne (DOS), a następnie dystrybuowaniu przez określone technologie medialnych obrazów świata (MOS) – zawsze jednak uszczegółowionych i zaktualizowanych w postaci konkretnego tekstu (TOS), w omawianym przypadku: filmu.

Każdy film poddany analizom mediolingwistycznym stanowi przykład filmowego dyskursu medialnego. Jest on umieszczony w grupie innych dyskursów medialnych: prasowego dyskursu medialnego, radiowego dyskursu medialnego, telewizyjnego dyskursu medialnego, hipertekstowego dyskursu medialnego oraz dyskursu mediów społecznościowych. Filmowy dyskurs medialny, ze względu na swój także estetyczny charakter (pełnienie funkcji autotelicznej) bywa przez niektórych badaczy nie zaliczany do dyskursów medialnych. Nie podzielam tego stanowiska. Mediolingwista analizując filmowy dyskurs medialny skupia się przede wszystkim na ścieżce dialogowej konkretnego filmu. Owa ścieżka to wymiar werbalny każdego zdarzenia komunikacyjnego, które spełnia prototypowe warunki filmu jako tekstu audiowizualnego, funkcjonuje w relacjach nadawczo-odbiorczych oraz w określonych kontekstach i w którym zdeponowany jest określony przez twórców tekstowy obraz świata (TOS).